HAL
open science

Варвары на границах Восточной Римской империи : сборник статей М. М. Казанского.

Michel M Kazanski

▶ **To cite this version:**

Michel M Kazanski. Варвары на границах Восточной Римской империи : сборник статей М. М. Казанского.. A. Aibabin, E. Khairedinova. Antiqua, 336 p., 2023, 978-5-6050389-4-8. ⟨hal-04472762⟩

HAL Id: hal-04472762

https://hal.science/hal-04472762

Submitted on 22 Feb 2024

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

КАЗАНСКИЙ
Михаил Михайлович

доктор исторических наук, археолог, ведущий научный сотрудник Исследовательского центра «Восток и Средиземноморье» / Византийский мир, Национального центра научных исследований Франции (Париж), руководитель лаборатории «Византийский Крым» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Область научных интересов М. М. Казанского – археология варварских народов эпохи Великого переселения народов и ранневизантийская материальная культура (IV–VII вв.).

М. М. Казанский имеет значительный опыт работы в международных археологических проектах. В 1989 г. по предложению Ж.-П. Содини начал работу с византийским металлом из Сирии и Йемена; в 1989, 2009-10 гг. участвовал в раскопках монастыря Св. Симеона Столпника (Северная Сирия), важного религиозного и экономического центра V–VI вв. В 1994–1997 гг., в составе французской делегации, работал в совместном крымско-французском проекте «Варвары на границах Империи», в ходе которого международная команда исследователей провела археологические раскопки в Крыму, на могильнике у с. Лучистое и разведки с целью выяснения местонахождения некрополя эпохи Великого переселения народов в Нижней Нормандии.

В 1998–1999 гг. вместе с группой археологов из Института археологии РАН и при участии английских коллег участвовал в раскопках меровингского некрополя Лонгруа в Верхней Нормандии. Одновременно на месте раскопок проводились полевые семинары по раннесредневековой археологии с участием британских, французских и российских специалистов.

В 2006–2009 гг. – координатор международной исследовательской лаборатории (GDRE) «Европейский Восток в раннем средневековье: от племен к государству», в работе которой, помимо Коллеж де Франс, участвовали сотрудники Государственного Эрмитажа, Института археологии РАН, Стокгольмского университета, Института археологии в Белграде, Института археологии Чешской Академии наук в Брно.

С 1987 г. является членом Французской ассоциации меровингской археологии (1987–2008 гг.: помощник Секретаря, затем секретарь; с 2008 г. – член Административного Совета).

Автор более 400 публикаций, в числе которых – 12 монографий. Является членом редакционных советов в 15 международных журналах, альманахах и сериях (Молдавия, Хорватия, Нидерланды, Россия, Украина, Франция).

ВАРВАРЫ НА ГРАНИЦАХ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
СБОРНИК СТАТЕЙ М. М. КАЗАНСКОГО

ВИЗАНТИЙСКИЙ КРЫМ

ВАРВАРЫ НА ГРАНИЦАХ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ М. М. КАЗАНСКОГО

Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского

Лаборатория «Византийский Крым»

ВАРВАРЫ НА ГРАНИЦАХ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Сборник статей

М. М. Казанского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ АНТИКВА

Симферополь
2023

УДК 94(37)08
ББК 63.3(4)
В18

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РОССИИ НАУКА И УНИВЕРСИТЕТЫ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации в рамках мегагранта № 075-15-2022-1119
«Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму»

*Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
(протокол № 2 от 14.03.2023)*

Серия основана в 2023 году

Ответственные редакторы:
А. И. Айбабин, доктор исторических наук
Э. А. Хайрединова, кандидат исторических наук

Координатор издания:
С. И. Власова

Рецензенты:
В. В. Майко, доктор исторических наук
В. П. Степаненко, доктор исторических наук

Варвары на границах Восточной Римской империи : сборник статей М. М. Казанского / отв. ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь : ООО «Антиква», 2023. — 336 с., цв. вклейка (32 с.). — (Византийский Крым).
В18
ISBN 978-5-6050389-4-8

В сборнике представлены статьи последних лет известного французского и русского археолога Михаила Михайловича Казанского, ведущего исследователя древностей варваров эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья. Публикуемые работы будут полезны не только специалистам, но и всем, интересующимся историей и археологией этого периода.

УДК 94(37)08
ББК 63.3(4)

В оформлении обложки использованы изображения варваров на обелиске Феодосия в Константинополе (фото М. М. Казанского) и отдельные детали находок из Концешти (воспроизводится по: Фурасьев А. Г., Шаблавина Е. А. Концешти: княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 2019).

ISBN 978-5-6050389-4-8

© Казанский М. М., текст, 2023
© Оформление (оригинал-макет).
ООО «Антиква», 2023

К ИСТОРИИ ПАРАДНОГО КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: КИНЖАЛ И СКРАМАСАКС[1]

В северокавказских древностях эпохи переселения народов (конец IV – первая треть VI в.) представлены два вида оружия с коротким клинком (более 25 и менее 65 см) – обоюдоострый кинжал и однолезвийный скрамасакс (боевой нож, тесак). Здесь будет рассмотрено происхождение их престижных образцов. Кинжалы и скрамасаксы встречаются в погребениях как вспомогательное оружие, при длинном мече, так и в качестве основного оружия. Больше всего клинкового оружия эпохи переселения народов найдено в Западном Предкавказье, в зоне расселения протоадыгских народов, где предметы воинской экипировки тогда сравнительно часто помещались в погребения. В Центральном Предкавказье, в аланской зоне, их меньше, здесь оружие находится преимущественно в привилегированных погребениях. В горной Чечне и Дагестане количество клинкового оружия снова возрастает, что опять-таки связано с особенностями погребального обряда.

Обоюдоострые кинжалы известны на Северном Кавказе уже в позднеримское время (например, Буденновская слобода, Березовка-2 и др.) [см.: Абрамова, 1997. Рис. 70,2; 73,9] и поэтому для эпохи переселения народов могут считаться местным традиционным оружием. Кинжалы, датированные по сопровождающему инвентарю эпохой переселения народов, найдены в следующих погребениях: Дюрсо, погр. 408, 517, Сопино, погр. 2 (с U-образной бутеролью), Джамагат, погр. 1, Харачой, погр. 14, Калкни, погр. 3 (с железными гардами). В Западном Предкавказье для эпохи переселения народов известны и кинжалы с одним или двумя вырезами у рукояти, также традиционные для Кавказа: Сопино, погр. 6, 7, 11, Бжид, погр. 5, Дюрсо, погр. 291, 420, 500, 517 и конское погр. 4.

Особо отметим находку в некрополе Брут, в Северной Осетии, в вождеском погребении 2 [Gabuev, 2000. № 18,5]. Здесь парадный кинжал находился в ножнах, устье которых, а также бутероль были оформлены в виде П-образных скоб полихромного стиля (рис. 1, *1*). Такие скобы также были найдены в гуннском погребении Новогригорьевка 8, на Днепре. Видимо, кинжал из Брута отражает гуннскую моду и таким образом свидетельствует о «степном» влиянии на культуру аланских воинских элит эпохи переселения народов.

Еще один парадный кинжал из Брута, из погребения 7 [Габуев, 2005. № 84], имеет на ножнах четыре полукруглых выступа, скорее всего для крепления к бедру (рис. 1, *2*). Изредка такие кинжалы встречаются у степных алан уже в римское время (например, Дачи, Пороги), но лучше всего они известны в ближне- и средневосточном контексте, особенно у парфян и сасанидов. Эти иранские кинжалы попадают в Закавказье (Армазисхеви, погр. 1, Цибилиум-1, погр. 61). Очень возможно, что кинжал из Брута отражает какие-то военно-политические связи алан Центрального Предкавказья с сасанидским Ираном. Напомним, что и парадный меч с длинной рукоятью из уже упоминавшегося погребения 2 могильника Брут также имеет иранские параллели [Gabuev, 2011].

Зато престижный кинжал из погребения 118 могильника Зарагиж, в Кабардино-Балкарии [Atabiev, 2000. № 26,1], в ножнах с чешуйчатым декором, имеет западные параллели. Его бутероль была украшена бляхой инкрустационного стиля с дву-

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. К истории парадного клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на Северном Кавказе: кинжал и скрамасакс // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения / ред. М.С. Гаджиев, Л.Б. Гмыря, Р.Г. Магомедов. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 332–334.

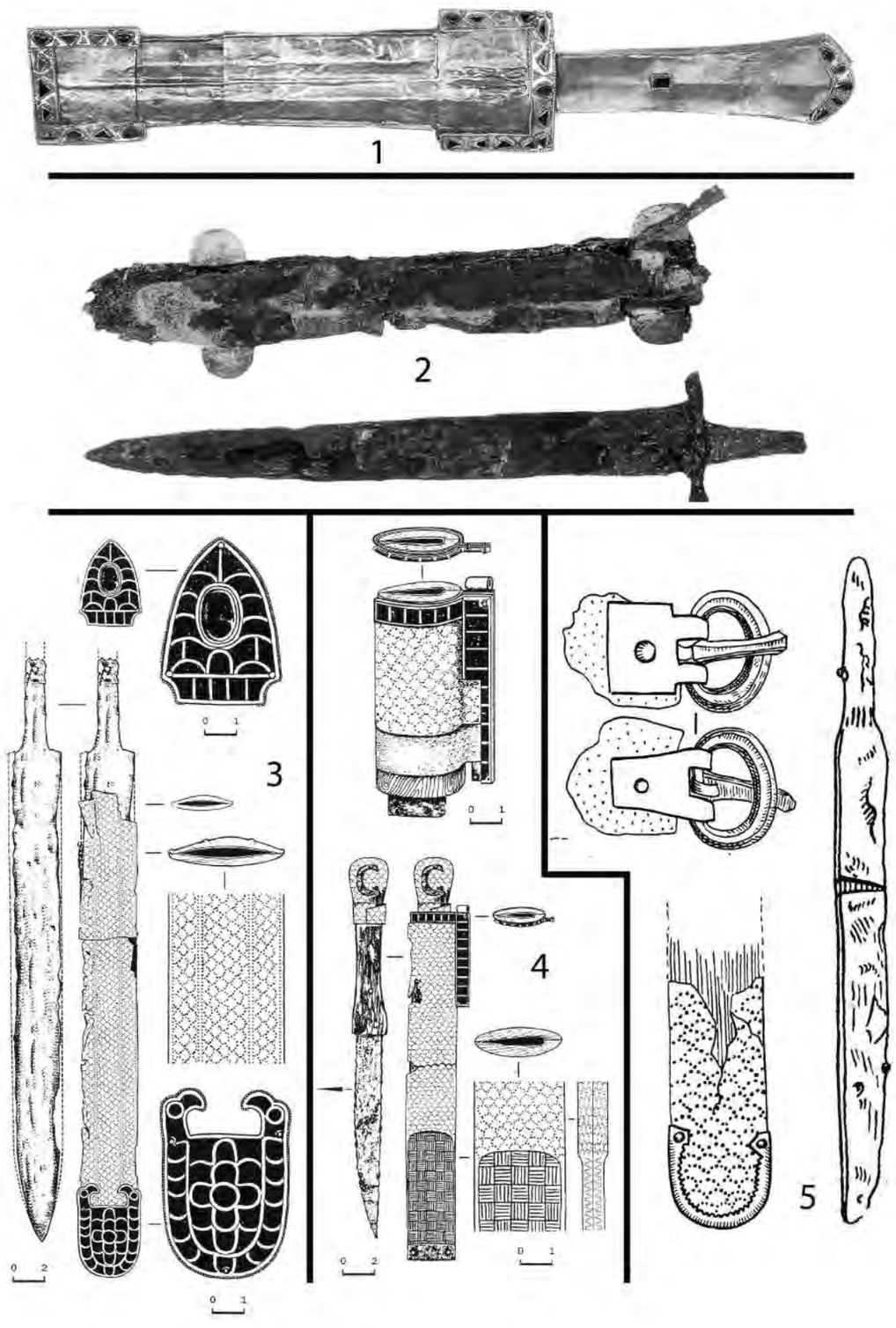


Рис. 1. Северокавказские парадные кинжалы и скрамасаксы эпохи переселения народов
1 – Брут, погр. 2 [по: Gabuev, 2000]; 2 – Брут, погр. 7 [по: Габуев, 2005];
3, 4 – Зарагиж, погр. 118 [по: Atabiev, 2000]; 5 – Байтал-Чапкан, погр. 17 [по: Минаева, 1971]

мя птичьими головами (рис. 1, *3*). Самая близкая аналогия происходит из могилы франкского короля Хильдерика, захороненного в 482 г. в г. Турнэ (Бельгия). Как известно, эти украшения имеют средиземноморское – византийское или западно-римское – происхождение [Kazanski, Mastykova, 1999. P. 539]. Кроме того, навершие кинжала напоминает инкрустированные навершия скрамасаксов третьей четверти V в. из Пуан, в Шампани и Орош-Неметкер, в Венгрии [Or des princes barbares, 2000. № 27,8; 28,1], также имеющих византийское или западно-римское происхождение. Однако кинжал из Зарагижа относится к более раннему времени, предположительно, к началу–первой половине V в. Об этом свидетельствует простота декора бутероли, по сравнению с ее параллелью из могилы Хильдерика, а также форма пряжек, происходящих из зарагижского погребения.

В северокавказских древностях скрамасаксы иногда идентифицируются как ножи, однако размер – более 25 см – позволяет их отнести к скрамасаксам. Скрамасакс часто считается степным, гуннским по происхождению оружием. Но в степи скрамасаксов в гуннское и постгуннское время нет. Поэтому более правильной представляется гипотеза о происхождении скрамасакса из Византии или Ирана, где они известны для IV–V вв. [Kazanski 1991. P. 132–134; Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 172–176]. Интересно, что на Кавказе скрамасаксов особенно много в Абхазии, находившейся под сильным военно-политическим влиянием Константинополя.

Для эпохи переселения народов на Северном Кавказе известны следующие находки скрамасаксов: Дюрсо, погр. 291, Бжид, погр. 5 (с Г-образной скобой у устья ножен и U-образной бутеролью), Гиляч-1, погр. 27, Байтал-Чапкан, погр. 17 (илл. 1, *5*), Острый мыс-1, погр. 1, Паласа-Сырт, курган 12. Из северокавказских находок особое внимание привлекает парадный скрамасакс из погребения 17 могильника Байтал-Чапкан, на Верхней Кубани, в ножнах с чешуйчатым декором и U-образной бутеролью, а также с портупейной серебряной пряжкой [Минаева, 1971. Рис. 35]. В уже упоминавшемся погребении 118 могильника Зарагиж имеется нож (рис. 1, *4*), ножны которого, с Г-образной скобой устья, напоминают западноевропейские скрамасаксы [Atabiev, 2000. № 26,2]. Г-образное устье ножен какого-то клинкового оружия небольших размеров имеется и в Чми, погр. 8.

Ножны, украшенные металлическими пластинами с чешуйчатым декором, имеются как на кинжалах (Зарагиж, погр. 118), так и на скрамасаксах (Байтал-Чапкан, погр. 17). Этот декор на ножнах клинкового оружия имеет широкое распространение – от Волги (Шипово) до Северной Франции (Бюлль). Известен он и на сасанидском оружии. Широко распространяются и Г-образные скобы на устьях ножен, представленные, например, на скрамасаксе Хильдерика [Or des princes barbares, 2000. № 37,8].

Итак, рассмотрение клинкового парадного оружия Северного Кавказа на широком фоне европейских и ближневосточных древностей эпохи переселения народов показывает, что оно отражает сасанидские, гуннские и византийские влияния, возможно, связанные с военно-политической ориентацией местных варварских элит.

Библиография

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. М., 1997.
Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. М., 2005.
Минава Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
Atabiev B. Tombe 118 // L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. après J.-C. Paris, 2000. P. 162–165.
Gabuev T. Mobilier d'une tombe de cavalier // L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. après J.-C. Paris, 2000. P. 138–141.
Gabuev T. Problème d'attribution culturelle des objets en or du Ve siècle de la tombe 2 de Brut // Bulletin de liaison de l'Association Française d'Archéologie mérovingienne. 2011. № 35. P. 76–77.
Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe–Ve s.) // Journal of Roman Arhaeology. 1991. Vol. 4. P. 123–139.
Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e-6e siècles // Eurasia Antiqua. 1999. Bd. 5. P. 523–573.
Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit i Mittelonauraum. Brno, 2002. P. 159–193.
L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. après J.-C. Paris, 2000.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СКРАМАСАКСА[1]

До недавнего времени находки скрамасаксов[2] эпохи переселения народов и начала средневековья в лесной зоне России были известны лишь на южном пограничье, в первую очередь, в культуре рязано-окских могильников [Kazanski, 2000. P. 425; Ахмедов, Казанский, 2004. С. 177, 178]. Однако недавно И.В. Стасюк ознакомил меня с находками раннесредневековых скрамасаксов на западной окраине Ижорского плато. Таким образом, изучение этого вида оружия стало актуальным и для финно-угорской Северной России, исследованию которой посвятил свою жизнь Е.А. Рябинин, мой коллега по сектору славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР. В данной статье я попытаюсь рассмотреть вопрос происхождения европейского скрамасакса.

Скрамасакс – это однолезвийное рубяще-колющее оружие с прямым клинком, длина которого не превышает 72 см [Hübener, 1988; 1989]. В интересующее нас время скрамасакс часто использовался как дополнительное оружие (рис. 1а), его носили вместе с мечом-спатой [см. каталоги ранних скрамасаксов: Anke, 1998; Quast, 1999]. Для эпохи переселения народов надо отличать длинные скрамасаксы (*Langsax*)[3], от 38 до 63 см [Martin, 1993. P. 395. Fig. 12], появившиеся в Европе в V в. В качестве примеров назовем такие находки как Альтлюссхайм (длина 65 см, рис. 1а, *2*), Пуан (60 см), Базель-Готтербармвег (63 см), Базель-Кляйнхюнинген, погр. 63 (56 см), Валя луй Михай, погр. 1 (52 см) [Werner, 1956. S. 43–46; Kazanski, 1991. P. 133; Anke, 1998. S. 93–99; Quast, 1999. S. 116]. Они исчезают довольно быстро. Зато с 470/480 гг. широко распространяются короткие скрамасаксы (*Kurzsax*), основная масса которых по длине не превышает 25 см (рис. 2, *2, 3*) [Martin, 1993. P. 395. Fig. 12; Legoux, Périn, Vallet, 2009. № 55–57]. Впрочем, в последней трети V в. имеются и клинки длиной около 39–40 см (например, Лавуа, погр. 319, Планиг, погр. 1 [Anke, 1998. S. 76, 104]). Короткие скрамасаксы постепенно увеличиваются в размерах, достигая наибольшей длины в VII–VIII вв.

Особое распространение длинные скрамасаксы получили на Среднем Дунае, в гуннское и постгуннское время [Tejral, 1997. P. 160. Fig. 20; 2003. P. 503–506; 2007. P. 82–86, 92–96]. Лишь одно погребение со скрамасаксом по инвентарю может быть связано с собственно гуннами, это захоронение воина с луком в Вене-Зиммеринг [Anke, 1998. S. 152. Taf. 66,1]. Стоит, однако, напомнить, что, по обоснованному заключению Я. Тейрала, воинские и княжеские погребения аттиловского и пост-аттиловского времени на Дунае принадлежат гетерогенной верхушке, где этнические атрибуции очень затруднены, а на археологическом материале по сути невозможны [Tejral, 1997, P. 160–162; 2003. P. 509–511; 2007. P. 102–111]. Это, видимо, отражает вполне реальную ситуацию, когда воинские варварские элиты имели интернациональный характер. Напомню по этому поводу мучения историков с этническим определением таких, например, колоритных персонажей эпохи, как узурпатор Одоакр или знатный бандит Мунд.

П. Ольсен и И. Вернер полагали, что длинный скрамасакс был принесен в Европу гуннами [Olsen, 1945. S. 66; Werner, 1956. S. 43-46]. Однако у степных кочевников гуннского времени в Восточной Европе такого оружия практически нет. Можно, пожалуй, назвать лишь боевой нож, длиной 26 см, из погребения Кубей, в буджакской степи [Засецкая, 1994. С. 34. Табл. 46,18], а также небольшой скрамасакс из постгуннского погребения Шипово 3 [Засецкая, 1994. С. 34. Табл. 41,1]. В погребении 42 волжского могильника Зеельман-Ровное был найден нож длиной 20 см, который И.П. Засецкая считает боевым [Засецкая, 1994. С. 34]. Однако, судя по длине, данный нож мог иметь и чисто бытовые функции. В трех степных могилах гуннского и пост-гуннского времени – Нижняя Добринка, Совхоз Калинина и Покровск, курган 17 – найдены фрагменты однолезвийного клинкового оружия, с шириной клинка примерно 4 см. Теоретически они могут представлять собой фрагменты скрамасаксов. Однако, по мнению И.П. Засецкой [1993. С. 33], к которому я присоединяюсь, эти обломки могут принадлежать и палашам (о них см. выше).

Поэтому уже давно предложена альтернативная гипотеза, согласно которой длинный европейский скрамасакс V в. происходит из Византии или шире, из византийско-сасанидской зоны [Arbman, 1947–1948. P. 126–128; Arrhenius, 1986. P. 101–113; Kazanski, 1991. P. 132–133; Quast, 1999; Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 172–176]. Действительно, однолезвийное клинковое оружие, морфологически близкое европейскому скрамасаксу, известно в Восточной Римской империи и на ее границах. На территории собственно Восточно-Римской империи скрамасаксы были найдены в Сардах (рис. 3, *4*), в Малой Азии [Quast, 1999. Abb. 3,2], а также в крепостях нижнедунайского лимеса Ятрус-Кривина[4] и Бабадаг [Zahariade, Opait, 1986. Fig. 9], и,наконец, в погребении 1 могильника Кошарево (рис. 4: 2), на территории Болгарии [Даскалов, Трендафилова. 2003. С. 149–151]. Скрамасаксы хорошо известны и у федератов Константинополя, на территории Абхазии (рис. 3, *5–8, 10, 14*) [Воронов, Шенкао, 1982. С. 130–132]. В контексте конца IV – первой половины V в. они встречены у апсилов в некрополях Цибилиум, Шапка, Мерхеул, Герзеул и у абасгов, в могильниках Анухва и Хатшупсе [подробнее: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. С. 175, там же библиография].

Особого внимания заслуживает уже упоминавшаяся находка в погр. 1 могильника Кошарево, на территории Болгарии, где скрамасакс был найден вместе с поясной гарнитурой, включавшей пряжку с овальной рамкой и овальным щитком, типичную для второй половины V в. (рис. 4, *2*). Такое сочетание скрамасакса и поясной гарнитуры известно и вне пределов Империи. В погр. 291 на могильнике Дюрсо (рис. 5, *1*), принадлежавшем готам-тетракситам черноморского побережья Северного Кавказа, в погр. 3 апсильского могильника Шапка-Юстинианов Холм-3 (рис. 5, *3*) скрамасаксы были найдены вместе с пряжками с овальной рамкой и прямоугольным щитком, а в погр. 1 того же могильника Шапка-Юстинианов Холм-3 (рис. 4, *1*) скрамасакс сопровождался поясной гар-

Рис. 1а. Погребения V в. с мечами-спатами и скрамасаксами. 1 – Капрайя [по: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002]; 2 – Альтлюссхейм [по: Werner, 1956]

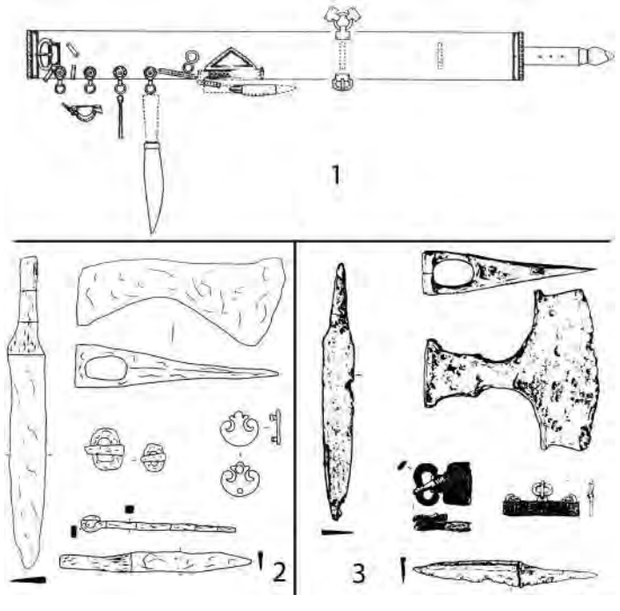


Рис. 2. Римский воинский пояс с боевым ножом и ранние короткие скрамасаксы [по: Martin, 1993]. 1 – Ренен, погр. 842; 2 – Нувион-ан-Понтьё, погр. 299; 3 – Биттенбрунн, погр. 13

---

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. О происхождении скрамасакса // Stratum plus. 2012. № 5. С. 111–124.

[2] В современную русскую археологию этот термин введен А.Н. Кирпичниковым и Г.С. Лебедевым.

[3] Их не надо путать с палашами, которые имеют узкий однолезвийный клинок более 65 см. В Западной и Центральной Европе палаш практически не представлен в гуннское время [Kazanski, 1991. P. 133], а для постгуннского можно процитировать лишь находку из погр. 515 аламаннского могильника Вейнгартен [Roth, Theune, 1995. Taf. 190,D.1]. Палаш явно имеет восточное происхождение, он известен в Южной Сибири и Центральной Азии, у сюнну, а также в материалах кокэльской, таштыкской, верхнеобской, берельской и кенкольской культур. Для IV в. можно назвать находки парадных палашей в Тугозвоново и погр. 668 могильника Сопка-2. В Восточной Европе наиболее ранние палаши известны в I в. н.э. – Андреевский курган. Не исключено, что палаши имеются и в степных могилах гуннского и постгуннского времени (см. ниже). Позднее в Восточной Европе они появляются лишь в середине VII в., в древностях перещепинского круга [подробнее о палашах: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 176, там же библиография].

[4] Рисунок этого скрамасакса, длиной около 40 см, мне был любезно предоставлен Гудрон Гомолко-Фукс (Берлин).

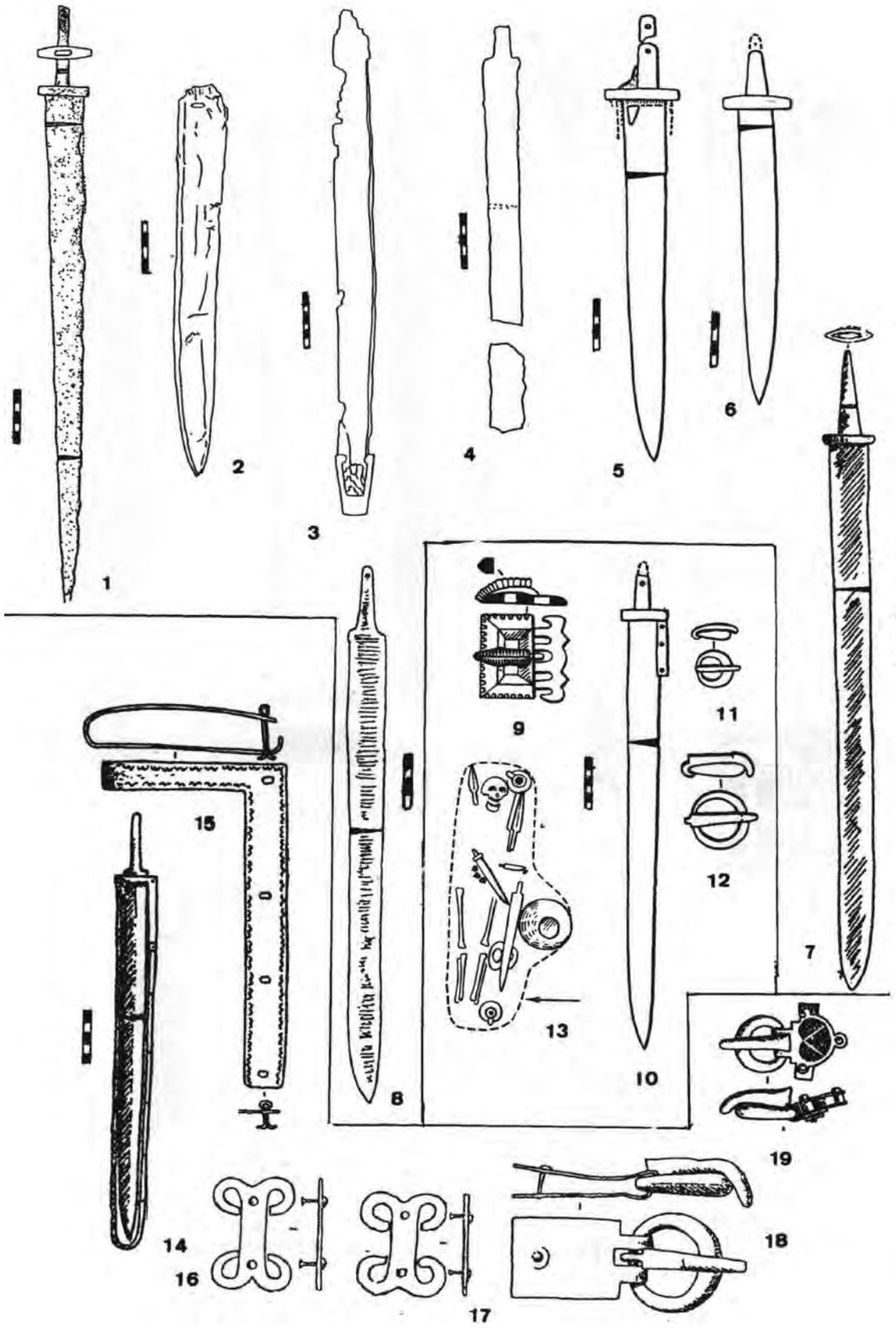


Рис. 3. Скрамасаксы византийско-сасанидской зоны [по: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002]
1 – Норузмахале; 2 – Ак-Тобе; 3 – Хыныслы; 5 – Цибилиум-3, погр. 435; 6 – Цибилиум-3, погр. 429; 7 – Шапка-Церковный Холм-4, погр. 6; 8 – Шапка-Церковный Холм-4, погр. 5; 9–13 – Цибилиум-1, погр. 77; 14–19 – Шапка-Церковный Холм-4, погр. 7

нитурой, куда входила, помимо прочего, и пряжка с овальными рамкой и щитком [Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 176, там же библиография].

Показательно, что в аламаннских, тюрингских, баюварских и бургундских могилах начала меровингского времени скрамасаксы также иногда сопровождаются поясной гарнитурой, включающей пряжку с овальной рамкой и овальным, почковидным или прямоугольным щитком [Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 175, 176; Ахмедов, Казанский, 2004. С. 177, там же библиография]. Назовем следующие находки:

– пряжки с овальной или почковидной рамкой: Плейдельсхайм, погр. 71, Базель-Готтермбарвег, погр. 34, Базель-Кляйнхюнинген, погр. 63, Эссинген-Рюдерн, Блюменфельд, Гросс-Карбен, Хемминген, погр. 15;

– пряжки с прямоугольной рамкой: Эшборн, погр. 9 (рис. 5, *2*), Альдинген, погр. 7, Хемминген, погр. 44 и 46, Деерсхайм, погр. 15, Биттенбрунн, погр. 25, Страубинг, погр. 330, Изенав.

Во франкской зоне в начале меровингской эпохи скрамасаксы сопровождались в погребениях несколько другими типами пряжек – с прямоугольной рамкой и почковидным щитком, как в Лавуа, погр. 319, без щитка, как в Пуан, в Нувион, погр. 299 и др. [Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 176, там же библиография]. Несомненно всё же, что речь идет об общеевропейской моде, хотя и с местными вариациями, распространенной не только в западных романо-германских королевствах, но и в Византии и у ее союзников.

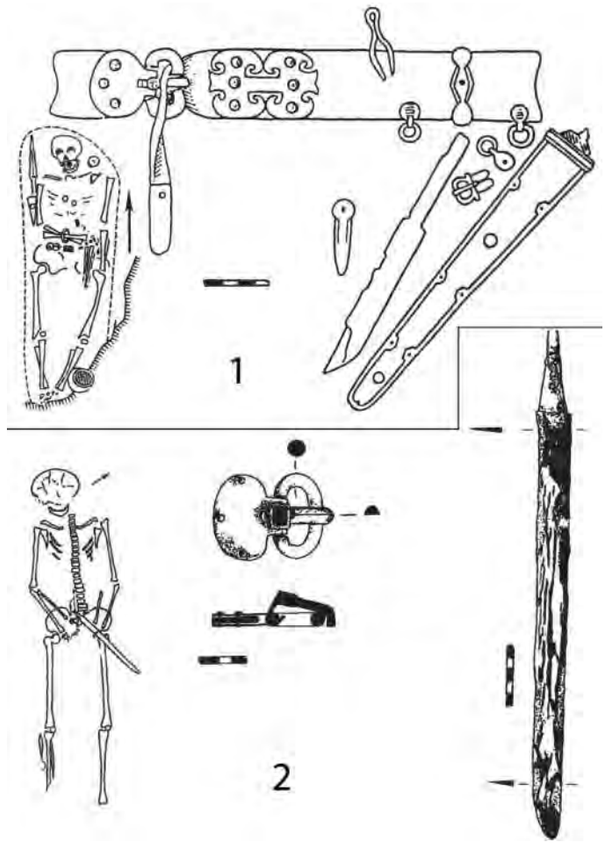


Рис. 4. Скрамаскасы с поясной гарнитурой, включающей пряжку с овальной рамкой и овальным щитком [по: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002]
1 – Шапка-Юстинианов Холм-3, погр. 1; 2 – Кошарево, погр. 1

Имеется однолезвийное оружие с коротким прямым клинком в IV–VI вв. и на Ближнем и Среднем Востоке. Оно представлено в Согдиане, в кургане Кызыл-Тепе, датированного концом IV – началом V вв. [Обельченко, 1978. С. 123. Рис. 3,8], в Пенджикенте, в доисламских слоях (ранее 730 г.) [Распопова, 1980. Рис. 49,1], в Кобадиане, на поселении IV–V вв. Ак-Тобе (рис. 3, *2*) [Седов, 1987. Табл. 1,4], в районе Аральского моря, в погребениях 293 (середина V–VI в.) и 304 (вторая половина IV в.) некрополя Алтын-Асар-4, джеты-асарской культуры [Левина, 1994. Рис. 132,1,2], в Иране, в Норузмахале (рис. 3, *1*) [Quast, 1999. Abb. 3,3], в кавказской Алании, в погр. Хыныслы (рис. 3, *4*), с монетой 457–483 гг. [Халилов, 1962. Рис. 6,7]. Короткие ножи, с лезвием от 20 до 25 см, возможно, использовавшиеся как боевые, были обнаружены в могилах кочевников IV в., в Кзыл-Кайнар-Тобе, с характерной для этого времени поясной гарнитурой и в Жман-Тогай, в южном Казахстане [последняя публикация: Bóna, 2002. Fig. 97, 100], а также в ряде погребений уже упоминавшейся джеты-асарской культуры [многочисленные примеры: Левина, 1994]. Не исключено, что с востока короткие однолезвийные боевые ножи попадают и к народам Поволжья и Приуралья (например, Тураево) [Gening, 1995. Abb. 18,1; 20,6; 24,2; 28,3 и т.д.].

Однолезвийное оружие с прямым клинком, возможные предшественники азиатского скрамасакса, существует на Ближнем и Среднем Востоке и в более раннее время. В качестве примера можно привести тесак в роскошных серебряных ножнах и с серебряной рукоятью (рис. 6) из вождеской могилы 2 некрополя Хажар ам-Дхайбийя, в Вади-Дура, в Хадрамауте, датированной II или началом III в. [Kazanski, 1993. P. 52–56. Fig. 16,42; 29]. Возможно, это аравийское оружие восходит к греческой махайре.

О распространении моды на скрамасаксы с востока, из Византии, свидетельствуют и элементы декора и конструкции ранних европейских скрамасаксов. Так, декор ножен скрамасакса из погре-

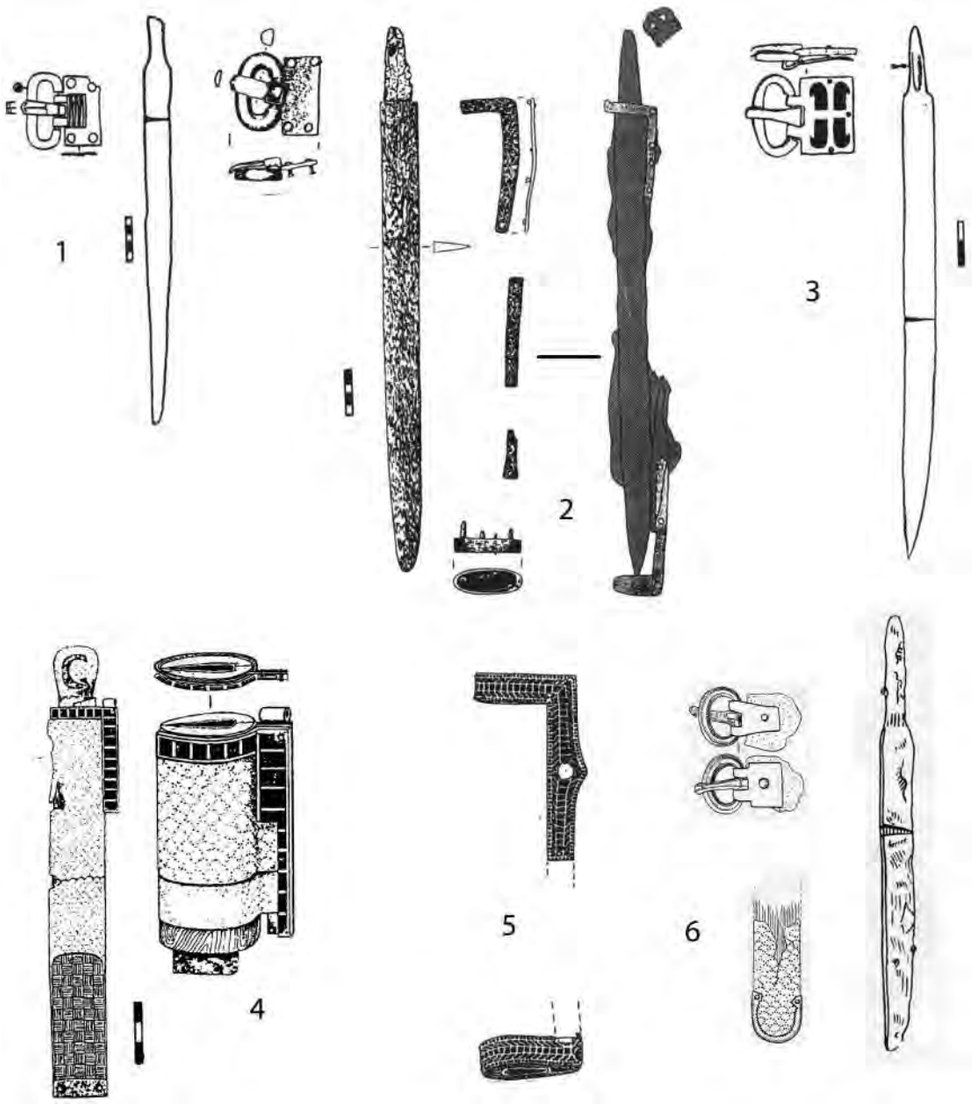


Рис. 5. Ранние скрамасаксы [по: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002]
1 – Дюрсо, погр. 291; 2 – Эшборн, погр. 9; 3 – Шапка-Юстинианов Холм-3, погр. 2; 4 – Зарагиж, погр. 118 [по: Atabiev, 2000]; 5 – Турнэ, погр. Хильдерика; 6 – Байтал-Чапкан, погр. 17 [по: Минаева, 1971]

бения франкского короля Хильдерика, умершего в 481/482 гг. и захороненного в г. Турнэ (рис. 5, *5*)[5], в технике перегородчатой инкрустации, указывает на его средиземноморское (византийское или равеннское) происхождение [Arbman, 1947–1948. P. 126–128; Kazanski, Périn, 1996]. Г-образная скоба на ранних западных скрамасаксах, например на оружии из аламаннского могильника Эшборн, или на том же скрамасаксе Хильдерика, имеет параллели на Дунае [Bóna, 2002. Fig. 116,1–5], а также на Востоке, в частности, на Северном Кавказе и в Абхазии. Кстати, скромная находка из Эшборна (рис. 5, *2*) показывает, что уже в начале меровингской эпохи, в третьей четверти V в. скрамасакс был довольно распространенным оружием, известным не только в вождеском костюме.

В поздней Римской империи известны и другие восточные заимствования в воинской экипировке, например «иранская» манера [Seyrig, 1937. P. 27, 29] прикреплять клинковое оружие к поясу (рис. 7, *7–13*), как это изображено, например, на диптихе Стилихона или на анонимной императорской статуе из Турина [Kazanski, 1991. P. 133. Fig. 1,16,17]. Такой способ крепления оружия хорошо известен на Ближнем и Среднем Востоке, например, в Пальмире или в сасанидском Иране [Kazanski, 1991. P. 13. Fig. 1,18–22], в то время как в Римской империи обычным было крепление клинкового оружия на портупейном ремне, одеваемом через плечо (рис. 7, *1–6*) [Kazanski, 1991. 133. Fig. 1,10–15].

В целом, восточное, скорее всего, византийское происхождение длинного скрамасакса эпохи переселения народов кажется вполне обоснованным. Видимо, с восточноримским влиянием связаны и уже упоминавшиеся скрамасаксы Абхазии, а также находки в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе.

Для северопонтийского региона необходимо указать находку с территории Боспорского царства. Это склеп, исследованный в 1914 г. у Тарханской дороги в Керчи [Засецкая, 1993. № 377]. На Северном Кавказе для эпохи переселения народов известны следующие находки скрамасаксов: Дюрсо, погр. 291 (рис. 5, *1*), Бжид погр. 5 (с Г-образной скобой у устья ножен и U-образной бутеролью), Гиляч-1, погр. 27, Байтал-Чапкан, погр. 17, Острый мыс-1, погр. 1, Паласа-Сырт, курган 12. Из северокавказских находок особое внимание привлекает парадный скрамасакс из погр. 17 могильника Байтал-Чапкан (рис. 5, *6*) на Верхней Кубани, в ножнах с чешуйчатым декором и U-образной бутеролью, а также с портупейной серебряной пряжкой [Минаева, 1971. Рис. 35]. В погребении 118 могильника Зарагиж имеется нож (рис. 5, *4*), ножны которого, с Г-образной скобой устья, напоминают западноевропейские скрамасаксы [Atabiev, 2000. № 26,2]. Г-образное устье ножен какого-то клинкового оружия небольших размеров имеется и в Чми, погр. 8 [Абрамова, 1997. Рис. 62,26]. Как известно, Западное и Центральное Предкавказье находились в зоне политического и военного влияния Византии, что и отразилось в материальной культуре региона [Kazanski, Mastykova, 1999].

Видимо, с дунайскими и северопричерноморскими контактами связано появление скрамасаксов у финно-угров Оки [Ахмедов, Казанский, 2004. С. 177, 178; Ахмедов, 2010]. Показательно, что и здесь была распространена та же мода ношения скрамасакса – вместе с поясной гарнитурой, включающей пряжку с овальной рамкой и прямоугольным или почковидным щитком [Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 176; Ахмедов, Казанский, 2004. С. 177].

Однако восточные заимствования вряд ли были единственным источником формирования европейских скрамасаксов. Как полагает М. Мартин, короткие меровингские скрамасаксы (рис. 2, *2, 3*) не связаны по происхождению с длинным восточным скарамасаксом. По его мнению, которого также придерживаются британские оружиеведы, прототипом короткого раннемеровингского скрамасакса стал позднеримский боевой нож (рис. 2, *1*), который доживает до раннемеровингского времени [Martin, 1993. P. 396; Bishop, Coulston, 1993. P. 165]. В качестве примера можно привести известное погребение в Бурже (рис. 8, *1*), которое, судя по надписи на парадном копье, датируется последней третью V в. [Martin, 1993. P. 396][6].

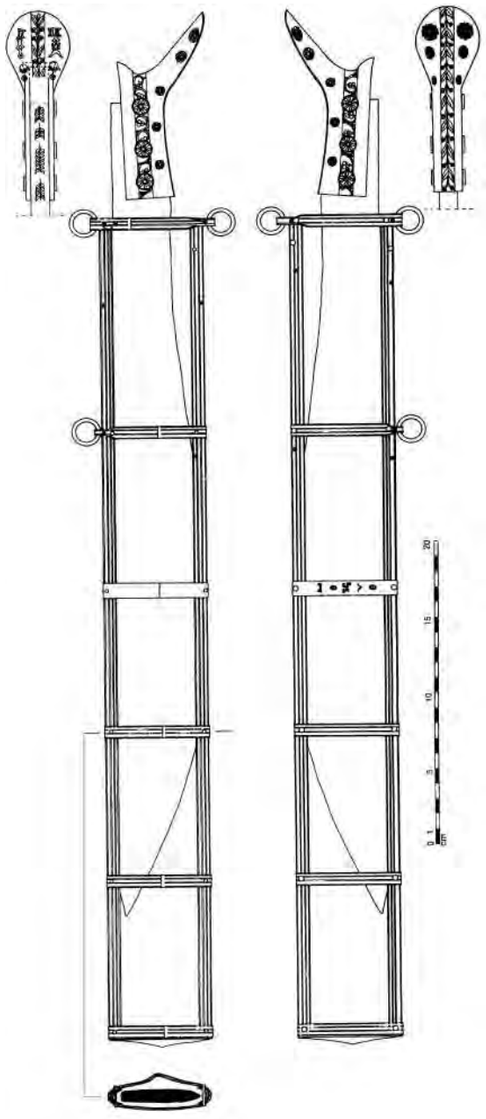


Рис. 6. Парадное однолезвийное оружие из погр. 2 Хажар ам-Дхайбийя [по: Kazanski, 1993]

[5] Б. Аррениус реконструирует однолезвийное оружие из могилы Хильдерика, от которого сохранились лишь Г-образное устье ножен и бутероль, как длинный палаш [Arrhenius, 1986. Fig. 114], однако наличие таких параллелей как Эшборн, с очень близкой конструкцией ножен, убеждает, что речь идет именно о скрамасаксе. Столь же необоснованно предположение А.К. Амброза о том, что в могиле Хильдерика и в Пуан найдены двулезвийные кинжалы [Амброз, 1986. С. 34. Рис. 3,5,10]. Клинок из могилы Хильдерика не сохранился, а в Пуан был найден именно однолезвийный скрамасакс, в чём я смог убедиться при осмотре этого предмета.

[6] Погребение представляет собой ингумацию в саркофаге, т.е. по римскому обычаю, сопровождавшуюся, помимо прочего, боевым ножом и парадным копьем с надписью, свидетельствующей о том, что оно принадлежит королевскому патрицию

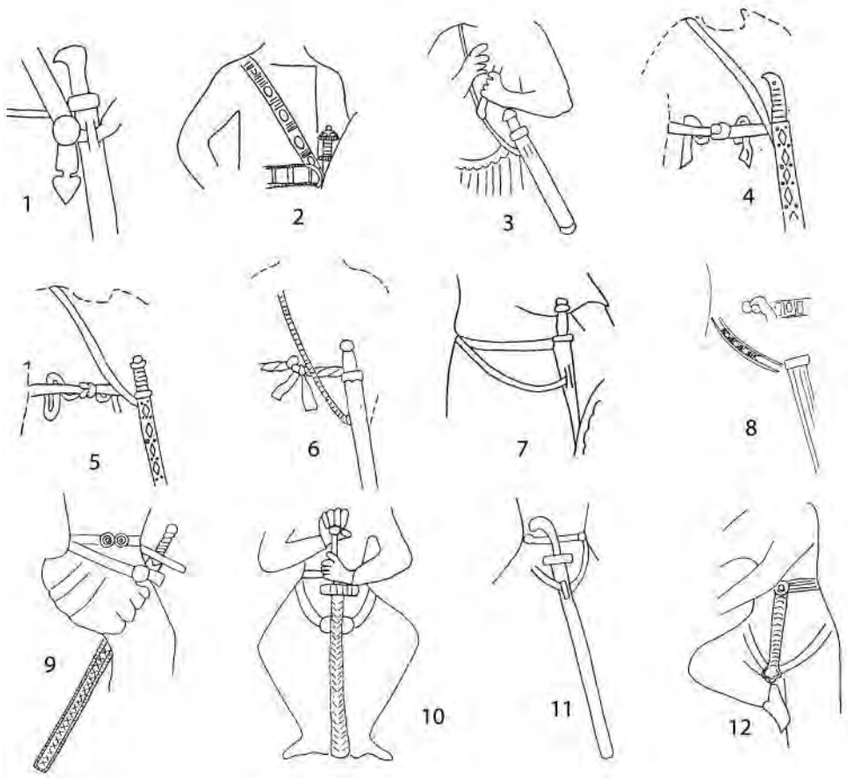


Рис. 7. Способы крепления клинкового оружия в позднеримское-раннесасанидское время по иконографическим данным [по: Kazanski, 1991]
1 – Бишапур, изображение Филиппа Араба; 2 – Керчь, блюдо из Гордиковского склепа; 3 – Авиньон, серебряное блюдо, т.н. coupe de Briseis; 4, 5 – Аоста, диптих Проба; 6 – Трир, изображение Музы комедии; 7 – Монца, диптих Стилихона; 8 – Турин, статуя императора; 9 – Сори, блюдо с изображением сасанидского шаха; 10 – Стрелка, блюдо с изображением Хосроя II; 11 – Турушева, блюдо с изображением Шапура II; 12 – Дайламан, блюдо с изображением Шапура II (?)

Позднеримские боевые ножи хорошо известны [Böhme, 1974. S. 128–130; Kazanski, 1995. P. 58]. В ряде закрытых комплексов, как в Барбарикуме, так и собственно на территории империи, они встречены вместе с римской воинской поясной гарнитурой IV – начала V в. (рис. 2, *1*), что подчеркивает их принадлежность воинской моде [Böhme, 1974. Taf. 39,8; 59,8; 60,12; 63,10; 64,16; 67,7,8; 69,7; 89,16; 94,7; 96,6,20; 97,5,11; 125,7; 113,9; 116,13; 126,13; 129,5; 130,5; 141,9; 143,10; список находок для территории Галлии и римской Германии см.: Kazanski, 1995. P. 40, 41]. Галлия и римская Германия не единственный регион, где в эпоху поздней Империи распространилась мода на ношение боевых ножей. Погребения с поясной гарнитурой и парадными кинжалами в ножнах для IV в. хорошо известны в римской Испании, в долине Дуэро (рис. 8, *2–5*) [De Palol, 1964; Martin, 1993. P. 396]. М. Мартин обратил внимание и еще на один интересный момент: у германцев в Средиземноморье (визиготы, остроготы, лангобарды) короткий скрамасакс распространяется преимущественно там, где вместе с германцами проживало многочисленное романское население, составлявшее вместе с ними единые коллективы, т.е. у лангобардов Италии [Martin, 1993. P. 396]. Поэтому М. Мартин считает, что короткий скрамасакс раннемеровингского времени имеет средиземноморское происхождение и восходит к римским прототипам.

Скрамасаксы, известные в Скандинавии и Прибалтике, также вряд ли прямо связаны с восточным влиянием. В скандинавских древностях скрамасаксы изучены А. Норгард-Йоргенсен, причем показана их постепенная эволюция от коротких скрамасаксов VI в. к длинным, типичным в циркумбалтийском регионе для VII–VIII вв. [Nørgård Jørgensen, 1999. P. 44–67]. Скрамасаксы с заостренным концом и каннелюрами-«кровостоками» на клинке (рис. 9, *2, 7*) хорошо известны в Восточной Пруссии и Литве с эпохи Великого переселения народов [Казакявичюс, 1988. С. 91; Кулаков, Скворцов, 2000; Šimenas, 2006. 59 pav.; Скворцов, 2010. С. 137, там же библиография]. Известны боевые ножи и в Латвии [Казакявичюс, 1988. С. 90]. В древностях балтийских финнов боевые ножи присутствуют как на памятниках Эстонии, так и Финляндии, самые ранние скрамасаксы там появились в начале эпохи переселения народов, но особенно распространились с VII в. [Казакявичюс, 1988. С. 91, 92].

Прибалтийские скрамасаксы эпохи переселения народов не имеют отношения к скрамасаксам Центральной Европы гуннского и постгуннского времени. У центральноевропейских клинков V – раннего VI в. другие пропорции, нет узкого заостренного окончания, отсутствуют продольные каннелюры. Возможно, скрамасаксы Юго-Восточной Прибалтики имеют прототипы в Дании [Kazanski, Mastykova, 2005. P. 123], где для эпохи переселения народов известны короткие ножи с каннелюрами и слегка заостренным наконечником (рис. 9, *1*), напоминающие наиболее ранние скрамасаксы Скандинавии и Прибалтики [Ørsnes, 1988. Pl. 105,1; 106,19]. Ножи, скорее всего, выполняющие боевые функции, встречены в скандинавских воинских погребениях позднеримского времени и начала эпохи переселения народов [Ilkjær, 1990. Abb. 191, 195]. Видимо, они и являются прототипами циркумбалтийских скрамасаксов (рис. 10). Известны похожие ножи, но без каннелюров, и в древностях самбийско-натангийской культуры позднеримского времени, напр. в погр. 255, 257 некрополя Доллькайм-Коврово [Кулаков, 2007. Рис. 13,4; 18,1].

Итак, можно утверждать, что в Европе для эпохи переселения народов было несколько источников формирования однолезвийного клинкового оружия, как восточных, восходящих к византийско-сасанидской зоне, так и западных, скорее всего, римских и германских.

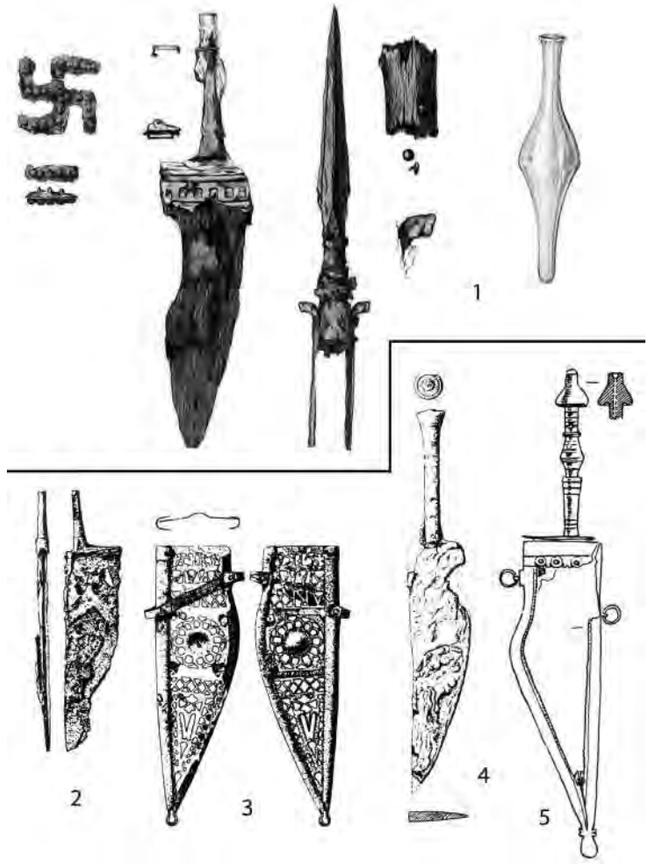


Рис. 8. Позднеримские боевые ножи
1 – Бурж [по: De Kersers et al., 1891]; 2 – Алдеа де Сан Эстебан; 3 – Фуэнтеспреадас, погр. 1; 4 – Симанкас, погр. 100 (2–4 – [по: Martin, 1993])

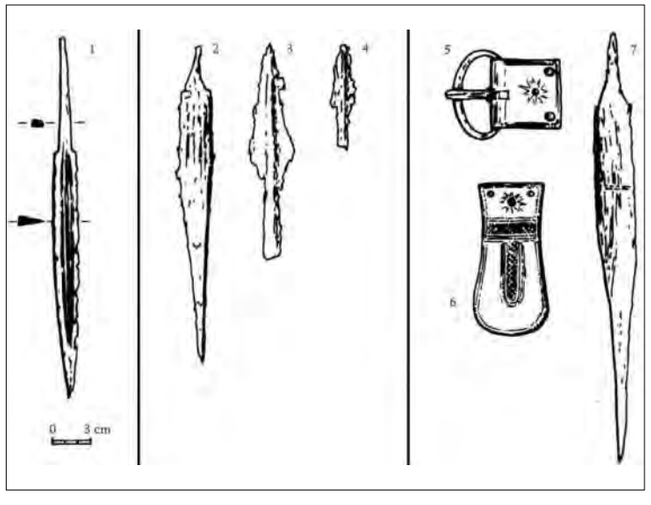


Рис. 9. Скрамасаксы эстиев и их возможные прототипы [по: Kazanski, Mastykova, 2005]
1 – Эйсбол; 2–4 – Гребитен, погр. 65; 5–7 – Доллькайм/Коврово, погр. 108

[De Kersers, de Marquerye, de la Guerè, 1891]. До 470-х гг. Бурж находился под императорским управлением и никаких королевских патрициев там быть на могло. Но в 472 г. регион входит в состав визиготского королевства и остается под властью визиготского короля до 507 г., т.е. до разгрома визиготов франками в сражении при Вуйе. Именно в визиготский период местная римская знать и могла считаться «королевской».

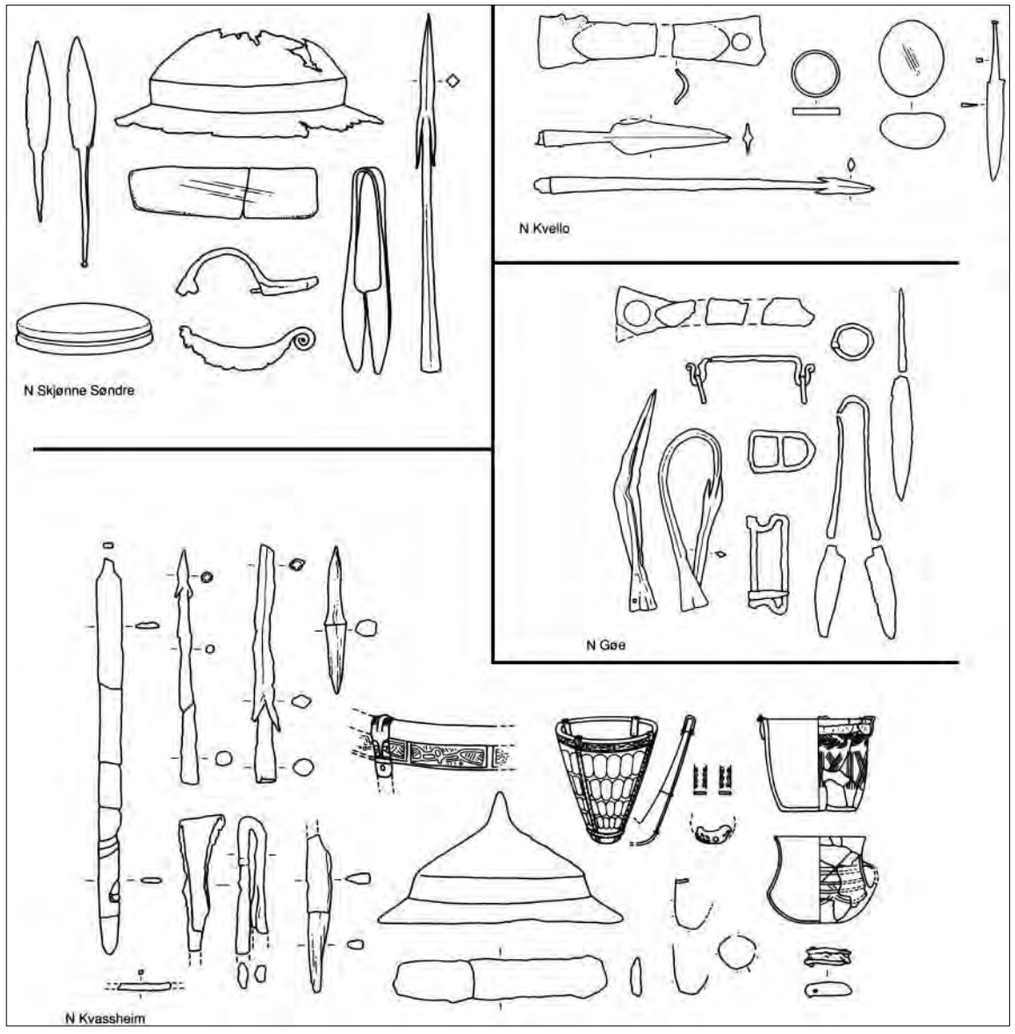


Рис. 10. Ножи в скандинавских воинских погребениях позднеримского времени и начала эпохи переселения народов [по: Ilkjær, 1990]

Библиография

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. М.: ИА РАН, 1997.
Амброз А.К. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // Советская археология. 1986. № 3. С. 28–35.
Ахмедов И.Р. Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника на Оке // Германия-Сарматия. 2010. Вып. II. С. 319–341.
Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004. С. 168–202.
Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.: Наука, 1982. С. 212–247.
Даскалов М., Трендафилова К. Могильник эпох переселения народов у с. Кошарево (область Перник) // Российская археология. 2003. № 1. С. 145–152.
Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 64–105.
Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.: Эллипс ЛТД, 1994.
Казакявичюс В. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988.
Кулаков В.И. Долькайм-Коврово. Исследования 1992-2002 гг. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2007.
Кулаков В.И., Скворцов К.Н. Боевые клинки из Кляйнхайде // Гістарычна-Археалагічны Зборник. 2000. Вып. 15. С. 40–52.
Левина Л.М. Джетыасарская культура. 3–4. Могильник Алтынасар 4. М.: Институт этнологии и антропологии, 1994.
Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1971.

Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // Советская археология. 1978. № 4. С. 115–127.
Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980.
Седов А.В. Кобадиан на пороге раннего средневековья. М.: Наука, 1987.
Скворцов К.Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. М.: ИА РАН, 2010.
Халилов Д.А. Раскопки на городище Хысынлы, памятник древней Кавказской Албании // Советская археология. 1962. № 1. С. 209 –220.
Anke B. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach: Beier & Beran, 1998.
Arbman H. Les épées du tombeau de Childéric // Arberättelse. 1947–1948. P. 93–137.
Arrhenius B. Merovingian garnet jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1985.
Atabiev B. Tombe 118 // L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. après J.-C. Paris: Réunion des musées nationaux, 2000. P. 162–165.
Bishop M.C., Coulston C.N. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the fall of Rome. London: B.T. Batsford Ltd., 1993.
Böhme H.-W. Germanische Grabfunde des 4. bis. 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. München C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1974.
Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe-Ve siècles. Paris: Errance, 2002.
De Kersers A., de Marquerye R., de la Guerè R. Tombes du cimetière des Capucins // Mémoires de la Société des Antiquaires du Centre. 1891. Vol. 18. P. 51–63.
De Palol P. Cuchillo hispanorromano del siglo IV de J.C. // Boletín del Seminario e Estudios de Arte y Arqueología. 1964. XXX. P. 67–160.
Gening V. Völkerwanderngszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland. Eurasia Antiqua. 1995. No 1. P. 265–325.
Hübener W. Materialen zur Geschichte des merowingerzeitlichen Saxes // Trade und Exchange in Prehistory. Studies in honour of Berta Stjernquist. Lund: Lunds Universitets Historiska Museum, 1988. P. 225–236.
Hübener W. Die Langsaxe der späten Merowingerzeit // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1989. Vol. 21. P. 75–84.
Ilkjær J. Illerup Ådal. 1. Die Lanzen und Spee. Moesgård: Jysk Arkæologisk Selskab, 1990.
Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe–Ve s.) // Journal of Roman Arhaeology. 1991. Vol. 4. P. 123–139.
Kazanski M. Les armes de wadi Dura' // Breton J.-F., Abd Al-Quadir Bafaqih M. et al. Trésors de wadi Dura' (République du Yémen). Fouille franco-yéménite de la nécropole de Hajar am-Dhaybiya. Paris: Librairie orientalisre Paul Geuthner, 1993. P. 51–62.
Kazanski M. L'équipement et le matériel militaires au Bas-Empire en Gaule du Nord et de l'Est // Revue du Nord-Archéologie. 1995. Vol. 77. P. 37–54.
Kazanski M. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000. S. 406–459.
Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e-6e siècles // Eurasia Antiqua. 1999. Vol. 5. P. 523–573.
Kazanski M., Mastykova A. Les contacts entre la Gaule du Nord et la côte sud-est de la mer Baltique durant l'époque des Grandes Migrations et au début de l'époque mérovingienne // Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne. Namur: Ministère de la Région wallonne, 2005. P. 115–132.
Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit i Mittelonauraum. Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 2002. P. 159–193.
Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures de style cloisonné // Antiquités Nationales. 1996. Vol. 28. P. 203–209.
Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2009.
Martin M. Observations sur l'armement de l'époque mérovingienne précoce // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 395–409.
Nørgård Jørgensen A. Waffen und Gräber. Typologische und chronologische Studien zu skandinavischen Waffengräbern 520/30 bis 900 n. Chr. København: Det Konigelige Nordiske Oldskriftelskab, 1999.
Olsen P. Die Saxe von Valsgärde. Uppsala, 1945.
Ørsnes M. Ejsbøl I. Waffenopferfunde des 4.-5. Jahrh. nach Chr. København: Det Konigelige Nordiske Oldskriftelskab, 1988.
Quast D. Auf der Suche nach fremden Männern – Die Herleitung schmalen Langsax vor dem Hintergrund der alamannisch - donaulandicshe Kontakte der zweiten Hälfe des 5. Jahrhunderts // Germanen beiderseits des Spätantiken Limes. Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 1999. S. 115–128.
Roth H., Theune C. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Weingarten (Kr. Ravensburg). Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1995.
Seyrig H. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria. 1937. Vol. 18. P. 4–31.
Šimenas V. Etnokultūrniai procesai Vakaru Lietuvoje pirmojo mųsų tūkstantmečio vidryje. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2006.
Tejral J. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen à la lumière des données archéologiques // Antiquités Nationales. 1997. Vol. 29. P. 137-166.
Tejral J. Neue Erkenntnisse zur Frage der donauländisch-ostgermanischen Krieger- beziehungsweise Männergrâber des 5. Jahrhunderts // Fundberichte aus Österreich. 2003. Bd. 41. S. 496–524.
Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitâtsfragen der barbarischen "gentes" im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archâologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 2007. S. 55–119.
Werner J. Beïtrage zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaft, 1956.
Zahariade M., Opait A. A New Late Roman Fortification on the Territory of Romania: the Burgus at Topraichioi, Tulcea Country // Studien zu den Militärgrenzen Roms III. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1986. S. 565–572.

БОЕВОЙ НОЖ С ОРЛИНОГОЛОВОЙ РУКОЯТЬЮ С БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО[1]

В Римско-Германском музее в Кёльне находится боевой нож, происходящий с Боспора Киммерийского. Цель данной публикации – привлечь внимание к этому предмету, который остается практически неизвестным для восточноевропейских археологов (табл. 1, *1*). Это оружие происходит из коллекции И. Диергардта [Fremersdorf, 1953. S. 17. Taf. 17,D687]. Довольно короткий однолезвийный клинок находится в ножнах с серебряным декорированным устьем и бутеролью U-образной формы, рукоять украшена бронзовым изображением орлиной головы. Оружие идентифицировано как происходящее с Боспора Киммерийского [Reinerth, 1940. Taf. 498], вероятно, это информация от торговцев древностями. Разумеется, без детального анализа этого артефакта невозможно сказать, в самом ли деле все его детали принадлежат одному предмету, или же это плод «реставрационной» деятельности торговцев, что уже отмечалось для мечей из коллекции Диергардта [Menghin, 1995. S. 184, 185]. Судя по характеру Г-образного устья ножен, этот нож относится к эпохе Великого переселения народов [об этом подробнее: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 175. Fig. 12,4,7; 13,10,14].

Рукояти мечей, украшенные орлиными головами, для римского времени известны, в первую очередь, по иконографическим данным. Пожалуй, единственная археологическая находка – это спата из частной американской коллекции (табл. 1, *4*), с бронзовой рукоятью и с клинком типа «Старубинг Нидам», типичным для позднеримского времени, точнее, для III в. Происхождение этого меча неизвестно, по сведениям торговцев, он якобы происходит из Испании или из какой-то испанской коллекции [Miks, 2007. S. 589. Abb. 33,A. Taf. 67,A203].

Что же до изображений клинкового оружия с декором из птичьих голов на рукоятях, то они хорошо известны в римское время, уже на колонне Траяна (113 г. н.э.) [Miks, 2007. Abb. 33,E,F], а также на фрагментах статуй с германского лимеса, например из Мюрхардта (Murrhardt) и Райнау-Далкинген (Rainau-Dalkingen) (возможно, статуя Каракаллы, 211–217 гг.) (табл. 1, *2, 3*). Орлиноголовые рукояти клинкового оружия хорошо представлены на изображениях для позднеримского времен (табл. 1, *5–9*). Обращает на себя внимание изображение на серебряной чаше из Авиньона (так называемая чаша Брисеиды) (табл. 1, *9*), датируемая IV в. [A l'aube de France, 1981. № 51]. Здесь изображено оружие с довольно коротким клинком и бутеролью U-образной формы, всё это напоминает боспорский боевой нож.

В целом, клинковое оружие с рукоятью, украшенной птичьими / орлиными головами, имеет давнюю традицию и известно на Ближнем Востоке уже во II тысячелетии до н.э., вплоть до эллинистического времени, где такие клинки зафиксированы, например, на изображениях в храме Афины в Пергаме или же на греческих погребальных стелах [Miks, 2007. S. 210].

В позднеримское время мечи с орлиноголовой рукоятью хорошо представлены на изображениях «статусных» персон, что, вероятно, свидетельствует об их знаковой роли как символе власти. В качестве примера можно назвать изображение пленного римского императора Валериана на сасанидском рельефе из Бишарура (260–272 гг.) (табл. 1, *7*) или статую тетрархов из Венеции (около 300 г.), привезенную крестоносцами из Константинополя (табл. 1, *5*), а также некоторые консульские диптихи (табл. 1, *6*). Скорее всего, какому-то значимому персонажу (император, тетрарх?) принадлежит и происходящая из Константинополя статуя с изображением меча с головой орла на рукояти (табл. 1, *8*). Впрочем, встречаются такие мечи и на изображениях рядовых солдат [Miks, 2007. S. 210]. Надо отметить, что орел в целом хорошо представлен во властной символике поздней Империи, например, на консульских жезлах (табл. 34, *3,4*) или щитах с эмблемами воинских частей, упомянутых в *Notitia Dignitatum* (табл. 34, *2*). Похоже, что рукояти мечей с птичьими головами существовали в позднеримское время и за пределами Империи. Об этом свидетельствует, как полагает К. Микс [Miks, 2007. S. 210], изображение сасанидского шаха Шапура II на блюде из Турушевой (табл. 4, *5*).

В «вождеской» культуре восточно- и центрально-европейского Барбарикума и Северного Причерноморья эпохи Великого переселения народов инкрустированный декор в виде орла или птичьих голов хорошо известен на оружии, в том числе на мечах (например, Апахида, Керчь, Концешты) (табл. 32, *1*; 33, *1,4,7*; 35, *2*) и на конском снаряжении – приведем накладки седла и конской сбруи из Апахиды (Apahida) в Трансильвании (табл. 33, *9*), удила из Былым-Кудинетово, в Кабардино-Балкарии (табл. 33, *10*) или же ременные накладки из Сегед-Надсекшош (Szeged-Nagyszéksós) в Венгрии (табл. 33, *2*). В то же время, изображения орлов известны на престижных элементах одежды, таких как большая птицевидная фибула из Петроссы (табл. 33, *8*) [о «мужской» атрибуции фибулы см.: Harhoiu, 1994. Fig. III,10] или инкрустированные пряжки из Керчи (табл. 33, *6*). Несомненно, значительная часть этих вещей, судя по технике перегородчатой инкрустации, происходит из позднеримских / византийских мастерских [подробнее: Arrhenius, 1985]. В Барбарикуме здесь, вероятно, проявляется хорошо известный феномен *imitatio imperii.* Орлиная символика тем более была понятна германцам, т.к. в их мифологии (см. Младшая Эдда, Видение Гюльви) мудрый орел живет в ветвях мирового древа Иггдрасиль, а кроме того на севере живет великан по имени Пожиратель Трупов – бог ветра, в образе орла [Смирницкая, Стеблин-Каменский, 2005. С. 23, 25]. При этом надо отметить, что мотивы орлиных голов известны не только у германцев, но и у других находившихся в контакте с Империей варваров, например, у алан Северного Кавказа (табл. 33, *10*) или у гуннов (табл. 33, *2*).

Об особой роли орла в символике власти, одинаково понятной как римлянам, так и варварам, свидетельствуют и сообщения древних авторов. Так, например, Прокопий Кесарийский рассказывает, что когда будущий император Маркиан (392–457 гг., у власти в 450–457 гг.) в Ливии попал в плен к вандалам, то его, в толпе военнопленных, от палящего солнца прикрывал орел, парящий в небе. Вандальский король Гизерих усмотрел в этом знак судьбы и отпустил Маркиана из плена, взяв с него обещание, что когда Маркиан будет властвовать, он никогда не поднимет оружия против вандалов [Прокопий Кесарийский, Война с вандалами, I.IV.2–10).

Вне всякого сомнения, эта символика изображений орла была хорошо известна и на Боспоре Киммерийском. Поэтому боевой нож из коллекции Диергардта может быть отнесен к элементам «вождеской» / «воинской» культуры Боспора конца античности или самого начала средневековья.

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Боевой нож с орлиноголовой рукоятью с Боспора Киммерийского // Античная древность и средние века. 2021. Вып. 49. С. 70–78.

Библиография

Казанский М.М. Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // Stratum plus. 2014а. № 4. С. 229–336.

Смирницкая О.А., Стеблин-Каменский М.И. (ред.). Младшая Эдда. СПб.: Наука, 2005. 140 с.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч., вступ. ст., комм. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. 543 с.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. М.: Искусство, 1987. 156 с.

Фурасьев А.Г., Шаблавина Е.А. Концешти. Княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 244 с.

Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1985. 230 p.

A l'aube de France. La Gaule de Constantin à Childéric. Paird: Editions dla Réunion des musées nationaux, 1981. 256 p.

Filtzinger P., Planck D., Cämmere B. (Hrsg.). Die Römer in Baden-Württemberg. Stuttgart, Aahen: K. Theiss, 1976. 600 S.

Fremersdorf F. Goldschmuck der Völkerwanderungszeit. Ausstellung der Sammlung Diergardt des Römisch-Germanischen Museums Köln. Köln: Römisch-Germanisches Museum, 1953. 118 S.

Grabar A. L'age d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam. Paris: Gallimard, 1966. 416 p.

Harhoiu R. La Romania all epoca degli Ostrogothi // I Goti. Milano: Electa, 1994. P. 154–163.

Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 2002. P. 159–194.

Kürti B. Fürstliche Funde der Hunnenzeit aus Szeged-Nagyszéksós // Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit / Hrsg. W. Menghin, T. Springer, E. Wamers. Nürnberg: Verlag des Gzermanishcen Nationalmuseums, 1987. S. 163–170.

Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1995. Bd. 26/27. S. 140–192.

Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Bd. 1: Text. Bd. 2: Katalog und Tafeln. Rahden: Verlag Marie Leidorf, 2007. 937 S.

L'Or des princes barbares: du Caucase à la Gaule, Ve siècle après J.-C. Paris: Réunion des musées nationaux, 2000. 224 p.

Reinerth H. (Hrsg.). Vorgeschichte der deutschen Stämme. Germanische Tat und Kultur auf deutschem Boden. Bd. III: Ostgermanen u. Nordgermanen. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1940. S. 867–1489.

О ДВУХ ТРАДИЦИЯХ ДЕКОРА КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ[1]

Мечи и кинжалы в эпоху Великого переселения народов часто несут богатый декор, который отражает общеевропейские тенденции в украшении престижного оружия. В данной работе будет предпринята попытка по характеру орнаментации ножен и рукоятей клинкового оружия определить происхождение «парадных» мечей и кинжалов, найденных на юге Восточной Европы – в Поднепровье, Нижнем Поволжье, Северном Причерноморье, на Северном Кавказе. На мой взгляд, в гуннское и постгуннское время (т.е. с последней трети IV по середину VI в.) в орнаменте оружия выявляются две традиции – позднеримская/средиземноморская и восточная, иранская.

Позднеримская традиция

Сам факт распространения позднеримского парадного оружия в Северном Причерноморье уже давно является общепризнанным. Скорее всего, из средиземноморских, возможно, константинопольских мастерских происходит основная часть престижных мечей, обнаруженных в погребениях боспорской знати IV–V вв., и, вне всякого сомнения, воинский костюм Поздней Империи являлся предметом подражания на Боспоре Киммерийском. В том, что касается мечей, можно предполагать, что здесь был распространен «римский» способ ношения меча на портупейном ремне [о нем см.: Kazanski, 1991. P. 133], представленный, в частности, на изображении императора на известном серебряном блюде из Гордиковского склепа 1891 г. в Керчи [Мацулевич, 1926. Табл. I] (рис. 11, *4–9*).

Позднеримскими/ранневизантийскими по происхождению являются «парадные» мечи с инкрустированной гардой (рис. 12). Поскольку они подробно уже изучались [*Kazanski*, 2001; *Засецкая* и др., 2007. С. 122–141], здесь будет дана лишь их краткая характеристика. Эти мечи представлены рядом находок на юге Европы, в первую очередь, в Западном и Центральном Предкавказье[2], на территории Абхазии, в южнорусских и украинских степях, в Крыму[3]. За этими пределами их находки известны в Дагестане (Буйнакск)[4], на Среднем Дунае, на Рейне, на территории Франции и на Пиренейском полуострове. Их отличает довольно широкая гарда, украшенная перегородчатой инкрустацией. Эти мечи получили название «понтийских» [Menghin, 1994–1995]. У некоторых «понтийских» мечей имеется массивная железная гарда (напр., рис. 12, *9, 10, 14*), которая позволяет их отнести к оружию т.н. азиатского типа [Menghin, 1994/1995. S. 165–175]. По мнению Я. Тейрала, «азиатские» мечи в Европе распространяются на поздней стадии гуннского времени, т.е. в период D2/D3 хронологии европейского Барбарикума, соответствующий времени Аттилы и распаду гуннского объединения (430/440–460/470 гг.) [Tejral, 2011. S. 282–285]. На мой взгляд, вряд ли стоит связывать напрямую появление мечей «азиатского» типа с каким-то реальным восточным импульсом в гуннскую эпоху, хотя бы потому, что клинковое оружие с железной гардой хорошо известно в восточноевропейской степи уже в позднесарматское время [Скрипкин, 1990. Рис. 22,1,3,6,7; Kazanski, 2009. P. 101].

По рисунку декора гарды представляется возможным выделить несколько типов, дата которых определяется в пределах V – первой половины VI в. Инкрустированный орнамент гарды этих мечей очень разнообразен, что свидетельствует об их изготовлении на заказ. При этом, мотивы декора (сердцевидные, листовидные, мальтийский крест, крест в овале, арочные, зигзагообразные и волнистые линии) и характер обработки камней-инкрустаций (в частности, в виде валика с каннелюрами и без них) являются типичными для изделий средиземноморских мастерских [Kazanski, Périn, 1996; Засецкая и др., 2007. С. 137, 138]. Поскольку в Западной и Центральной Европе находки таких мечей единичны, речь идет, прежде всего, о восточно-римском/византийском оружии [Arrhenius, 1986. P. 101–113; Kazanski, 2001; Засецкая и др., 2007. С. 138, 139]. Судя по картографии декора и его параллелям, эти мечи изготовлялись в разных мастерских – черноморском, на возможность существования которого указывает особая концентрация мечей в Северо-Восточном Причерноморье и в Абхазии, константинопольском [о нем подробно: Arrhenius, 1986. P. 101–113] и отдельные в каких-то западно-средиземноморских [о них см.: Kazanski, Périn, 1996].

Иконографические данные подтверждают мнение о римском/византийском происхождении мечей с инкрустированной гардой. На изображениях эпохи тетрархов видны перекрестья мечей с богатым декором (рис. 11, *2, 5*). На некоторых изображениях можно увидеть и металлические ножны, похожие на те, что имеет меч с инкрустированной гардой из Альтлюсхейма (Altlussheim) на Рейне (рис. 11, *3*), а также большие портупейные скобы (рис. 11, *2, 3*), как на парадных мечах из погребений Покровск-Восход в Нижнем Поволжье и Альтлюсхейм. Надо, однако, иметь в виду, что вторым центром распространения мечей с инкрустированной гардой мог быть также и сасанидский Иран [Засецкая и др., 2007. С. 139].

Помимо мечей с инкрустированной гардой на Кавказе несомненное средиземноморское про-

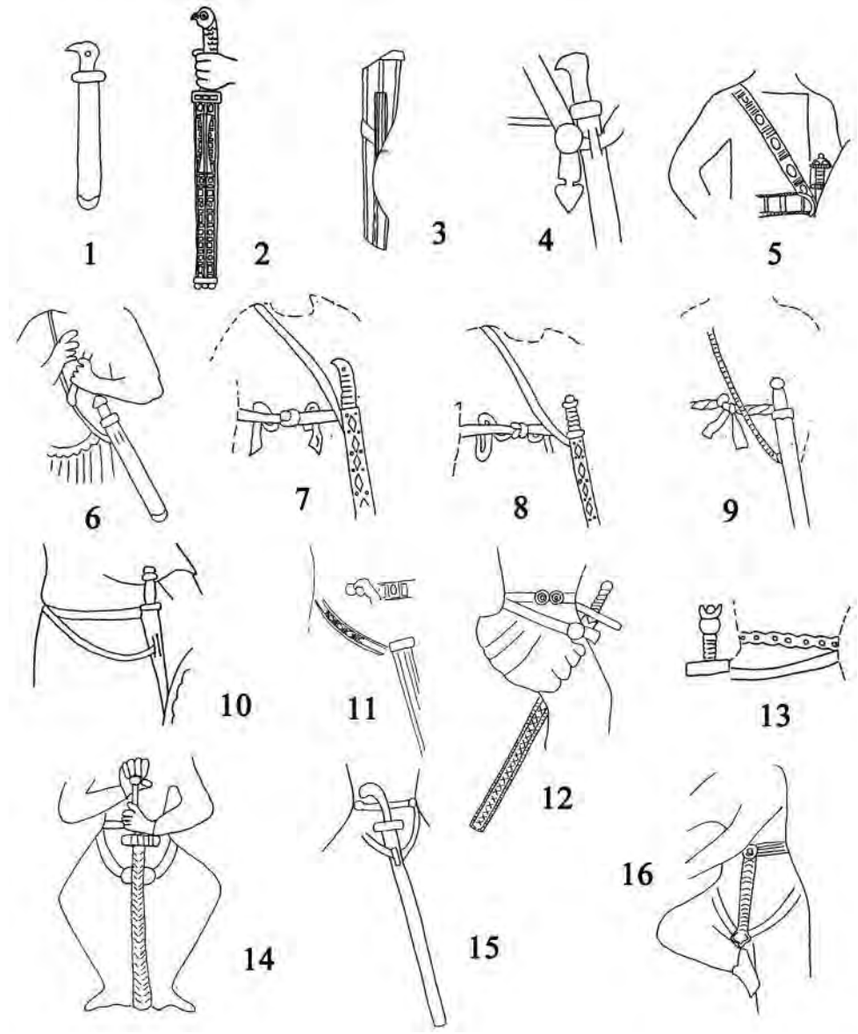


Рис. 11. Способы ношения и элементы декора позднеримских и сасанидских мечей по иконографическим данным [по: Kazanski, 1991. Fig. 3]
1, 6 – т.н. чаша Бризея, из окрестностей Авиньона, IV в.; 2 – статуя тетрархов, Венеция; 3 – статуя императора, Равенна, IV в.; 4 – изображение Филиппа Араба, Бишапур; 5 – чаша из Гордиковского склепа 1891 г., Керчь; 7, 8 – диптих Проба, 406 г.; 9 – пластина из слоновой кости, Трир, конец V в.; 10 – диптих Стилихона, 396 г.; 11 – статуя императора, Турин, IV в.; 12 – блюдо с изображением сасанидского царя, Сори (Иран), IV в.; 13 – блюдо с изображением сасанидского царя, V–VI вв.; 14 – чаша с изображением Хозроя II, Стрелка (Урал), VI в.; 15 – блюдо с изображением Шапура II, Турушева (Урал), IV в.; 16 – блюдо с изображением сасанидского царя, V–VI вв.

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова / ред. С.В. Белецкий. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 113–124.

[2] Помимо учтенных в 2007 г., следует добавить находку меча из пятигорского могильника Березовский-2 [Савенко, 2014. Рис. 2,8].

[3] К списку находок, опубликованному в 2007 г., необходимо добавить элементы декора меча из погр. 40 могильника Джурга-Оба [Ermolin, 2012. Fig. 5,10].

[4] Эта находка в погр. 18 Большого Буйнакского кургана [Абрамова, 1977. Рис. 7,26] не была учтена в ранее опубликованных сводках.

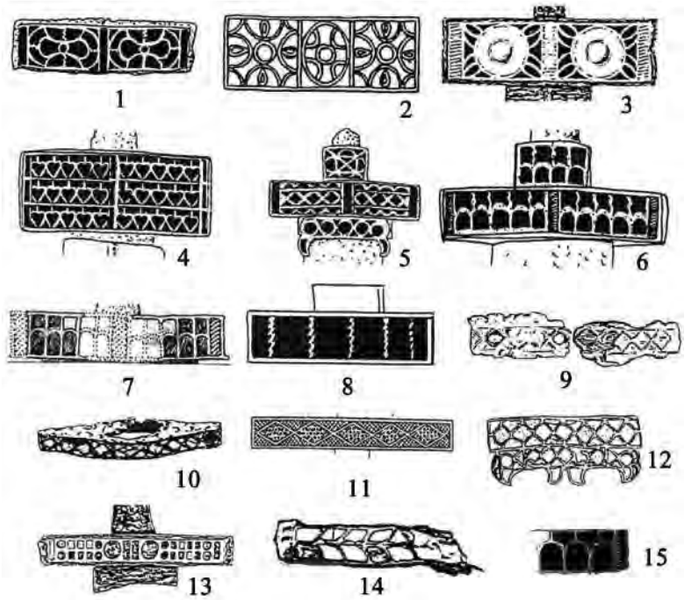


Рис. 12. Инкрустированные гарды мечей. 1 – Керчь, Крым; 2 – Гагра-Цихерва, Абхазия; 3 – Лермонтовская Скала, Северный Кавказ; 4 – Альтлюсхейм, Германия; 5 – Тамань; 6 – Дмитриевка-Вольная Вода, Северное Приазовье; 7 – Дюрсо, погр. 479, Северный Кавказ; 8 – Дюрсо. конское погр. 13, Северный Кавказ; 9 – Бежа, Португалия; 10 – Паннонхалма, Венгрия; 11 – Шапка-Верин Холм, Абхазия; 12 – Покровск-Восход, Саратовское Поволжье; 13 – Дюрсо, Северный Кавказ; 14 – Дижон, Франция; 15 – Джурга-Оба, Крым
1–14 – [по: Засецкая и др., 2007. Рис. 44]; 15 – [по: Ermolin, 2012. Fig. 5,10]

исхождение имеет и короткий парадный меч, или скорее кинжал, из аланского некрополя Зарагиж, в Кабардино-Балкарии [Atabiev, 2000]. Он имеет инкрустированную бутероль с двумя развернутыми *face à face* птичьими (орлиными) головами (рис. 13, *9*). Эта бутероль имеет наиболее близкую аналогию на мече франкского короля Хильдерика (умер в 481 г., его могила обнаружена в г. Турнэ, в Бельгии) (рис. 13, *8*), изготовленном в какой-то западно-средиземноморской мастерской, может быть, в Равенне [см. подробнее: Kazanski, Périn, 1996]. Как заметил Я. Тейрал[5], могила в Зарагиже содержала пряжку, явно относящуюся к более раннему времени, к концу IV – началу V в., а декор зарагижской бутероли стилистически ближе изделиям гуннского времени, чем эпохи Хильдерика. Таким образом, зарагижская бутероль, попавшая на Кавказ из Средиземноморья, может рассматриваться как прототип декора меча из Турнэ [см. подробнее: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 166, 167].

Что касается декора в виде орлиных голов, то он присутствует и на инкрустированных устьях ножен ранневизантийских мечей из погребений в Тамани, 1912 г. (табл. 33, 5) и Покровск-Восход (рис. 12, *5, 12*). Кроме того, окантовки ножен, украшенные птичьими головами, есть и на мечах из Тамани (табл. 33, 5), а также из могильника Дюрсо под Новороссийском, принадлежавшего готам-тетракситам (погр. 300 и 479), и, наконец, из абхазского могильника Лар, погр. 1 (рис. 13, *2, 3, 5, 7*). В целом, такие окантовки в V в. довольно хорошо представлены не только в Причерноморье, но и в Центральной и Западной Европе на мечах гуннского и постгуннского времени (рис. 13, *1, 4, 6*).

Надо отметить, что птичьи головы хорошо известны и на средиземноморских изделиях стиля «клуазонне», в том числе на мужских пряжках (рис. 13, *10, 11*) и конской упряжи [Kazanski, Mastykova, 1999. P. 539, 540, 543]. Такого рода вещи довольно далеко проникают на север, в лесную зону Восточной Европы [Казанский, 2016. С. 22, 223. Рис. 20, 1,2,5]. Сам по себе образ орла является римским имперским символом. Изображение орлиной головы широко применялось в императорской символике Поздней Империи и Византии. Изображения орлов или орлиных голов имеются на рукоятях позднеримских мечей (рис. 11, *1, 2, 4, 7, 11*)[6], чем они, кстати, отличаются от сасанидских, а также на консульских жезлах, щитах позднеримской армии, мраморных ранневизантийских капителях. Считается, что орел связан, в первую очередь, с консульской символикой. Так что в случае клинкового оружия вполне возможен хорошо известный у варваров феномен *imitatio imperii*, тем более, что орлиные головы известны не только у германцев, но и у других находившихся в контакте с Империей варваров, например, у северокавказских алан или у гуннов [Kazanski, Mastykova, Périn, 2002, P. 167; Засецкая и др., 2007. С. 62].

Иранская традиция

К сожалению, иранские мечи интересующего нас периода (последняя треть IV – середина VI в.) археологически на территории Сасанидской империи практически неизвестны, в отличие от позднего клинкового оружия с Р-образной портупейной скобой [напр.: Splendeur des Sassanides, 1993. № 35–41]. Гораздо лучше ранние сасанидские мечи представлены в иконографии, в частности, на рельефах и на металлической посуде [см., напр.: Girshman, 1962; Тревер, Луконин, 1987; Overlaet, 1989; 1993].

Благодаря этим изображениям, можно утверждать, что типичным для сасанидов был так называемый иранский способ ношения меча, прикреплявшегося портупейными ремнями к поясу [Seyrig, 1937. P. 27, 29]. Такой способ крепления оружия хорошо засвидетельствован на Ближнем и Среднем Востоке (рис. 11, *12–16*), причем не только в Иране, но и в Пальмире, и редко встречается на Западе, например, на диптихе Стилихона или на анонимной императорской статуе из Турина (рис. 11, *10, 11*).

Для Барбарикума удачную попытку выделения мечей ранней сасанидской традиции предпринял И. Бона [Bóna, 2002. P. 199. Fig. 104]. На основании иконографических параллелей он идентифицировал как иранские мечи и кинжалы с полусферическим навершием, отделенным от рукояти перехватом, или же рукояти без полусферического навершия, но заканчивающиеся перехватом (рис. 14, *1–5, 7*). Их прототипы известны на Ближнем Востоке, в частности, в Пальмире, в 229 г. (рис. 14, *8*). В принципе, позднеримские/ранневизантийские мечи с полусферическим навершием рукояти также хорошо известны [см.: Kazanski, 1991. P. 128. Fig. 3,11], но у них нет перехвата. В Восточной Европе мечи и кинжалы иранской традиции выявлены в Керчи [Штерн, 1897. Рис. 7; Damm, 1988. № 103], в Абхазии, на могильнике Цибилиум [Казанский, 2011], на Северном Кавказе, в могильнике Волчьи Ворота, под Кисловодском [Коробов, Малашев, 2015. Рис. 4,5] и в Ингушетии [Гаджиев, Шаушев, 2018], в Среднем Поднепровье, в погребении Волниковка (Волниковский «клад», 2014) (табл. 2 и 3), у гуннов, в крымском погребении Совхоз Калинина [Засецкая, 1994. Табл. 23,5], а также в степных погребениях несколько более раннего времени (середина – вторая половина IV в.), например, в Муслюмово [Засецкая, 1994. Табл. 43,10]. Еще одна «восточная» деталь, проявившаяся, в частности, в оружии из могильника Брут, это очень длинная рукоять [Габуев, 2014. Рис. 4,1] (рис. 11, *6*), как на некоторых изображениях оружия сасанидских царей [см., напр.: Тревер, Луконин, 1987. Илл. 18, 19]. Известны такие рукояти и на мечах из Ингушетии [Гаджиев, Шаушев, 2018. Рис. 1]. В Центральную и Западную Европу «иранские» мечи с полусферическим навершием и перехватом, или с длинной рукоятью, насколько мне известно, не попадают.

Еще один несомненно восточный и, скорее всего, иранский элемент в восточноевропейском вооружении – это кинжалы с четырьмя выступами для крепления ремней (рис. 15) [Soupault, 2007; Казанский, 2011]. Для интересующего нас времени они известны в могильнике Брут на Северном Кавказе и в абхазском могильнике Цибилиум (рис. 15, *5–7*). Кинжалы с такими ножнами известны в Сибири уже

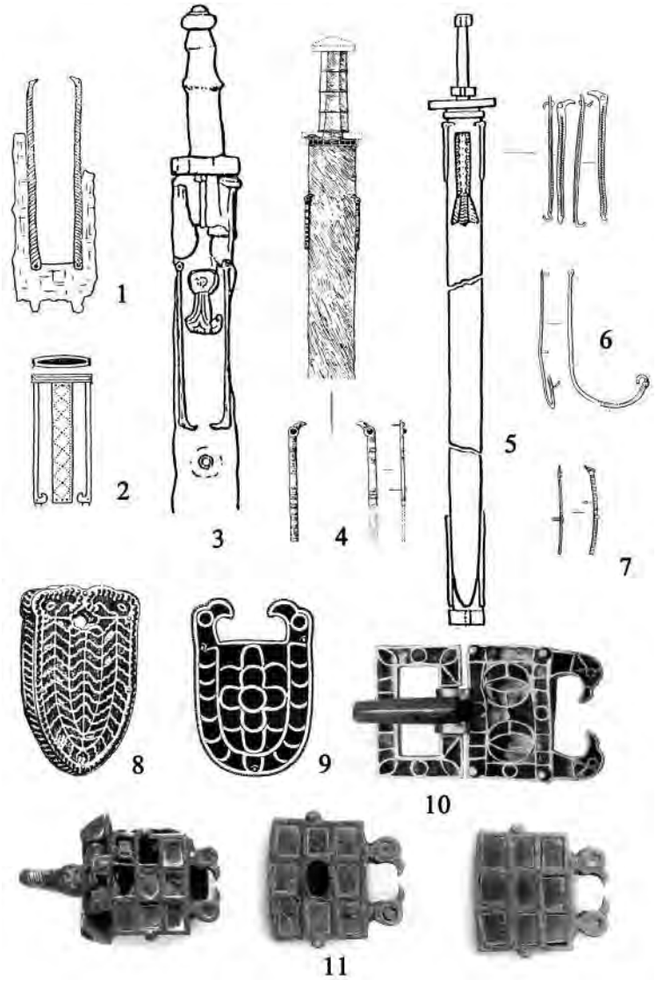


Рис. 13. Элементы декора с изображением птичьих голов на оружии и поясной гарнитуре. 1 – Сирмабешенье, Венгрия; 2 – Лар, погр. 1, Абхазия; 3 – Тамань; 4 – Роммерсхейм, Германия; 5 – Дюрсо, погр. 300, Северный Кавказ; 6 – Рюбенах, погр. 11, Германия; 7 – Дюрсо, погр. 479; 8 – Турнэ, погребение Хильдерика, Бельгия; 9 – Зарагиж, погр. 118, Северный Кавказ; 10 – Ландриано, Италия; 11 – Глобазитц, Австрия
1–7 – [по: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. Fig. 7]; 8 – [по: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. Fig. 1,9]; 9 – [по: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. Fig. 6,2]; 10, 11 – [по: Казанский, 2016. Рис. 20,9–11]

[5] Благодарю Ярослава Тейрала за эти указания, сделанные в частной беседе.

[6] Один такой короткий меч или кинжал с навершием рукояти в виде птичьей головы происходит из Керчи [Reinerth, 1940. Taf. 498].

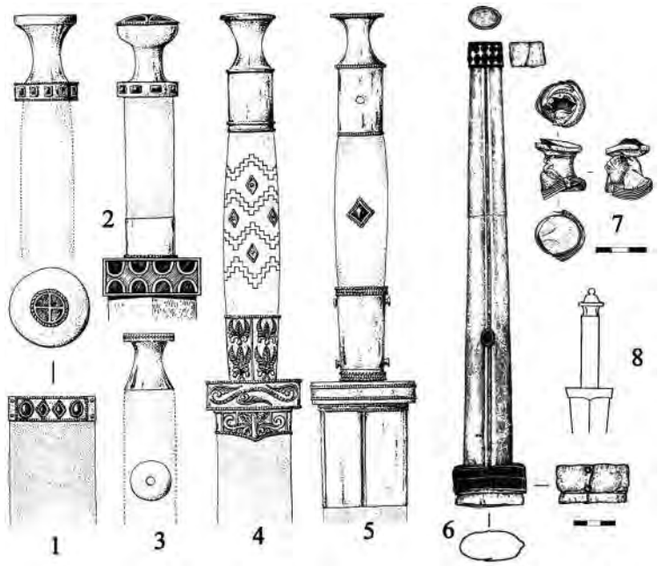


Рис. 14. Мечи и кинжалы иранской традиции
1 – Совхоз Калинина, Крым; 2 – Цибилиум, Абхазия; 3 – Керчь, склеп 145.1904 г.; 4 – Тураево, курган 5, Приуралье; 5 – Муслюмово, Приуралье; 6 – Брут, Северный Кавказ; 7 – Волчьи Ворота, Северный Кавказ; 8 – Пальмира, изображение 229 г., Сирия
1–5 – [по: Bóna, 2002. Fig. 104]; 6 – [по: Габуев, 2014. Рис. 4,1]; 7 – [по: Коробов, Малашев, 2015. Рис. 4,5]; 8 – [по: Seyrig, 1937. Fig. 18]

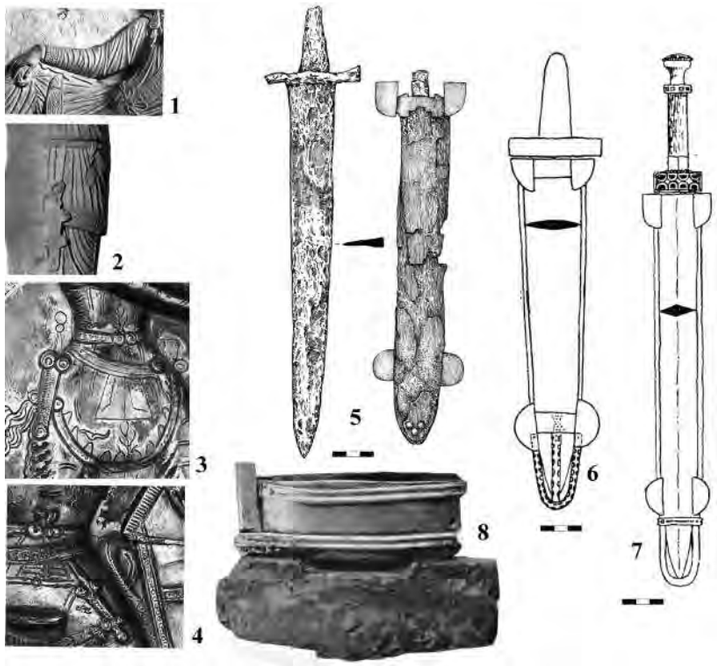


Рис. 15. Кинжалы с четырьмя выступами на ножнах (1-7) и каменная гарда (8)
1 – Пальмира, Сирия; 2 – Нимруд-даг, Иран; 3 – блюдо с изображением Шапура III; 4 – блюдо с изображением Шапура II; 5 – Брут 1, курган 7, Северный Кавказ; 6 – Цибилиум-1, погр. 57, Абхазия; 7 – Цибилиум-1, погр. 61, Абхазия; 8 – Альтлюсхейм, Германия 1–4 – [по: Казанский, 2011. Рис. 4]; 5 – [по: Габуев, 2014. Рис. 26,1,2]; 6, 7 – [по: Воронов, 2003. Рис. 26,7; 28,3]; 8 – [по: Werner, 1956. Taf. 3,1]

с III–II вв. до н.э. В I–III вв. они распространяются в Центральной Азии, на Среднем и Ближнем Востоке (напр., рис. 15, *1, 2*), в Закавказье и у сармат, в том числе в степях Северного Причерноморья, а также в понтийских античных городах (Горгиппия). Что касается эпохи переселения народов, то, скорее всего, на Кавказе эти кинжалы появляются в результате иранского влияния. Действительно, серия кинжалов с выступами на ножнах представлена на сасанидской серебряной посуде (рис. 15, *3, 4*). Это, например, блюдо со сценой охоты Шапура II (309–379 гг.), блюдо с охотой Шапура III (383–388 гг.) на онагра, блюдо с охотой Шапура III на леопарда, блюдо с охотой Йездигерда I (399–421 гг.) на оленя [Казанский, 2011, там же библиография].

Наконец, возможно, иранскими по происхождению являются и некоторые каменные элементы ножен мечей и кинжалов, попадающие в Европу с Востока, как считается, из Китая [см.: Ли Джи Ин, 2010]. Каменные гарды для эпохи переселения народов в Европе найдены в погр. 40 восточнокрымского могильника Джурга-Оба [Ermolin, 2012. P. 346. Fig. 5,11] (табл. 37, 11), а также в уже упоминавшемся «княжеском» захоронении Альтлюссхейм (рис. 15, *8*). В последнем случае гарда вторично использовалась, она была трансформирована в бутероль [Werner, 1953. Taf. 3,1; Quast, 1999. S. 716. Abb. 7]. Не отрицая «китайской» атрибуции европейских находок, надо подчеркнуть, что гарда из Альтлюссхейма может иметь и иранское происхождение. Она изготовлена из ляпис-лазури, а основные месторождения этого камня находятся на территории Афганистана, то есть в сасанидской зоне. Иранская атрибуция кажется тем более убедительной, что в том же погребении найден фрагмент браслета с иранской надписью [Quast, 1999].

* * *

Надо отметить, что часто находки парадных мечей и кинжалов как римской, так и иранской традиции происходят из одной географический зоны, а в некоторых случаях – с одних и тех же памятников (Керчь, Джурга-Оба). Вместе с тем, нельзя не отметить, что если престижное оружие римской традиции покрывает всю рассматриваемую здесь зону, то находки мечей и кинжалов иранской традиции концентрируются, в первую очередь, на Кавказе. Представляется, что такая география распространения оружия не случайна, она отражает вкусы, а возможно и политическую ориентацию местных элит. Надо учесть, что богатое престижное оружие входило в состав дипломатических даров и использовалось во время символической инвеституры варварских царьков [см. подробнее: Засецкая и др., 2007. С. 96]. Насколько можно судить по сообщениям древних авторов, сфера военно-политического влияния Восточной Римской империи действительно распространялась очень далеко, вплоть до гуннов-савир Северо-Восточного Кавказа [см.: Артамонов, 1962. С. 71]. В то же время, влияние сасанидского Ирана засвидетельствовано письменными источниками не далее Кавказа [см. подробнее: Артамонов, 1962. С. 61, 70–74].

Библиография

Абрамова М.П. Большой Буйнакский курган // Материалы по археологии Дагестана. 1977. Вып.7. С. 54–73.
Артамонов М.И. История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962.
Волниковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1-ой половины V в. н.э. Каталог коллекции / Ред. Г.Ю. Стародубцев, А.В Зорин, А.Г. Шпилев, М.: Голден-Би, 2014.
Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003.
Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Институт истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания; М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2014.
Гаджиев М.С., Шаушев К.Б. Мечи V в. н.э. из коллекции Ингушского Государственного музея краеведения им. Т. Мальсагова // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. У.Ю. Качкаров. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет, ИА РАН, 2018. С. 307–310.
Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс, 1994.
Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2007.
Казанский М.М. Иранские кинжалы V в. из некрополя Цибилиума // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю.Н. Воронова) / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований, 2011. С. 146–152.
Казанский М.М. Водные пути из Балтики к Черному морю в позднеримское время и в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2016. № 4. С. 191–240.
Коробов Д.С., Малашев В.Ю. Новые комплексы аланской культуры эпохи Великого переселения народов из окрестностей Кисловодска // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 241. С. 214–230.
Ли Джи Ын. Нефритовые детали мечей в Восточной Европе в сарматское время // Археология, древний мир и средние века. 2010. Вып. IV. С. 41–55.
Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Л.: Гос. Эрмитаж, 1926.
Савенко С.Н. Еще одно захоронение представителя аланской социальной элиты начала раннего Средневековья из Кисловодской котловины (по архивным материалам А.П. Рунича) // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 234. С. 115–139.
Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990.
Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987.
Штерн Э. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // Записки Одесского общества истории и древностей. 1897. Т. 20. С. 1–5.
Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1985.
Atabiev B. Tombe 118 de Zaragij, Caucase du Nord (République de Kabardino-Balkarie, Fédération de Russie) // L'Archeologue Nouvelle. 2000. No. 50. P. 26–27.
Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe–Ve siècles). Paris: Errance, 2002.
Damm I. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65–210.
Ermolin A. Džurga-Oba – a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosporus // The Pontic-Danubian Realm in the Periode of the Great Migration / Eds. V. Ivanišević, M. Kazanski, Paris: ACHByz, 2012. P. 340–348.
Girshman R. Partes et Sassanides. Paris: Gallimard, 1962.
Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe–Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. 1991. № 4. P. 123–139.
Kazanski M. Les épées «orientales» à garde cloisonnée du Ve–VIe siècle // International Connections of the Barbarians in the 1st–5st centuries A.D. / Eds. E. Istvánovits, V. Kulcsár, Aszod-Nyiregyhaza: Jósa Anrás Museum – Osváth Gedeon Museum Foundation, 2001. P. 389–418.
Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest, Brăila: Editura Academiei Române, 2009.
Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux Ve–VIe siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. 1999. Bd. 5. P. 523–573.
Kazanski M. Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav ČR Brno, 2002. P. 159–194.

Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // Antiquités Nationales. 1996. Vol. 28. P. 203–209.
Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1994–1995. T. 26/27. S. 140–191.
Overlaet B.J. Swords of the Sassanians, notes on scabbard tips // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe / eds. L. Meyer, E. Haerinck. Gent: Peeters, 1989. P. 741–755.
Overlaet B.J. Organisation militaire et armement // Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et Chine (244–642) / Coord. B. Overlaet. Bruxelles: Musées royaux d'Aert et d'Histoire, 1993. P. 89–94.
Quast D. 1999. Das „Pektorale" von Wolfsheim, Kr. Mainz-Bingen. *Germania* 77-2, 705-718.
Reinerth H. (Hrsg.). Vorgeschichte der deutschen Stämme. Bd. 3. Ostgermanen und Nordgermanen. Leipzig: Bibliographisches Institut; Berlin: Stubenrauch, 1940.
Seyrig H. Antiquités syriennes. 20. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria. 1937. Vol. 18. P. 4–31.
Soupault V. Les poignards à fourreau quadrilobe // Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. Volume 2. L'étude du site. Oxford, 2007. P. 63–64. (BAR International Series, S1721).
Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et Chine (244–642) / Coord. B. Overlaet. Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire, 1993.
Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011.
Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956.

«ПАРАДНЫЕ» МЕЧИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ[1]

Престижные мечи с богатой отделкой ножен, гарды и рукояти для эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском немногочисленны. Они происходят по большей части из Пантикапея-Керчи[2], Фанагории, Гермонассы и Джурга-Обы (часть некрополя Китея). В данной работе предпринята попытка обобщения имеющихся сведений об этих находках, поскольку это «парадное» оружие показательно с точки зрения культурной и военно-политической ориентации боспорской воинской знати конца IV – середины VI в.

Мечи с полусферическим навершием рукояти и портупейной скобой

Наиболее роскошный боспорский меч происходит из двух склепов на Госпитальной улице, разграбленных 24.06.1904 г. Эти гробницы содержали коллективные захоронения боспорской аристократии интересующего нас времени. Среди вещей присутствуют мечи, щиты, кинжалы, элементы конского снаряжения, копье, богатая ременная гарнитура [Засецкая, 1993. С. 51–73]. Судя по характеру некоторых фибул и элементов ременной гарнитуры, вещи из этих склепов могут иметь довольно широкие хронологические рамки, включающие и периоды D1–D2 хронологии европейского Барбарикума (соответственно 360/370–400/410 и 380/400–440/450 гг.). Престижный меч-спата (дл. 87 см) имел ножны и рукоять, украшенные в полихромном стиле перегородчатой инкрустации (бронза, золото, стеклянная паста, гранаты) (рис. 16, *1*) [Засецкая, 1993. № 130, там же подробное описание]. Необходимо отметить такие показательные детали как полусферическое навершие рукояти (дл. 3,6 см) и портупейную скобу (дл. 14,1 см) (рис. 16, *1а*). Из тех же склепов происходит еще одно полусферическое навершие меча (дл. 3 см, золото, оникс, гранат) с декором полихромного стиля (рис. 16, *2*) [Засецкая, 1993. № 135], а также фрагменты декора ножен и рукоятей, принадлежавших другим мечам, кинжалам или боевым ножам, типы которых надежно не устанавливаются [Засецкая, 1993. № 131, 132, 134, 136, 137, 139, 146].

С точки зрения происхождения данного меча, большое значение имеет характер его декора в стиле перегородчатой инкрустации (*décor cloisonné*). Он принадлежит группе 4 по типологии И.П. Засецкой (геометрический декор, покрывающий практически всю поверхность предмета, почти без накладного орнамента, за исключением окантовок краев изделия, в виде рубчатой проволоки или зерни). Этот вид декора широко распространен в Европе в эпоху Великого переселения народов. Концентрация изделий с таким декором на Боспоре Киммерийском позволила И.П. Засецкой допустить его местное происхождение [Засецкая, 1982. С. 20–22, 25]. Впрочем, Б. Аррениус предполагает, что керченские вещи, скорее, являются продукцией так называемых центральных мастерских Восточной Римской империи, предположительно находившихся в Константинополе [Arrhenius, 1985. P. 119, 125, 126]. В целом эту точку зрения разделяет и Н. Адамс, которая относит «геометрический» стиль («стиль А» по ее терминологии) перегородчатой инкрустации к римской / средиземноморской ювелирной традиции, хотя и не привязывает изделия с таким декором только к продукции константинопольских мастерских [Adams, 2000. P. 30–34, 37, 38]. Ее точка зрения представляется мне наиболее обоснованной.

Другие ножны мечей, сплошь покрытые инкрустированным декором, как на керченском мече, мне неизвестны, однако в иконографическом материале они представлены на статуе тетрархов из Венеции (рис. 17, *7*) [Miks, 2007. Taf. 340,B–E] и, вероятно, на диптихе Проба Аниция (рис. 17, *5*) [Grabar, 1966. Fig. 329], что в целом может свидетельствовать в пользу римского происхождения спаты из склепов 24.06.1904 г.

Полусферические навершия рукоятей с полихромным декором археологически наиболее типичны для позднеримского времени. Необходимо назвать навершие из керченского погребения Мессаксуди 1918 г. (см. выше) (рис. 18, *5*) [Казанский, 2016. Рис. 1,20], а также находки в Барбарикуме, такие как Брюхановский, на Урале (рис. 18, *2*) [Засецкая, 1994. Табл. 45,2], Тугозвоново, в Южной Сибири (рис. 18, *3*), о котором еще пойдет речь [Уманский, 1979. Рис. 8], Сопка-2, погр. 668, также в Южной Сибири (рис. 18, *4*) [Molodin, 1995. Abb. 6,7], Усть-Лабинская, курган 45, на Кубани (рис. 18, *8*) [Гущина, Засецкая, 1994. С. 72. Табл. 51,477], Новокорсунская, также на Кубани (рис. 18, *7*) [Отчет ИАК за 1902 г., С. 135, 136. Рис. 240], возможно, Батырь в Казахстане (рис. 18, *6*) [Скалон, 1961. Рис. 1]. Некоторые римские изображения, например, на блюде из Гордиковского склепа в Керчи (рис. 17, *1*) [Мацулевич, 1926. Табл. I] или на диптихе Стилихона (рис. 17, *2*) [Killerich, Torp, 1989. Fig. 1,15] позволяют говорить о существовании таких наверший и в Римской империи. В Причерноморье, помимо Керчи, клинковое оружие с полусферическим навершием рукояти для эпохи переселения народов известно также в Абхазии, на могильнике Цибилиум-1, погр. 61 (рис. 21, *2*) [Воронов, 2003. Рис. 28,3]. Как мы увидим далее, полусферические навершия типичны для мечей и кинжалов «иранского» типа.

Полусферическое навершие рукояти меча (дл. 3,1 см, золото, гранаты) из коллекции Массоно, происходящее с Тамани (по сведениям владельца коллекции) сейчас находится в Римско-Германском музее в Кёльне. Оно украшено кабошонами в отдельных гнездах и накладной рубчатой проволокой в виде псевдо-зерни (рис. 18, *1*) [Damm, 1988. S. 179, 180. № 102; Eger et al., 2017. S. 86, 86. № 27].

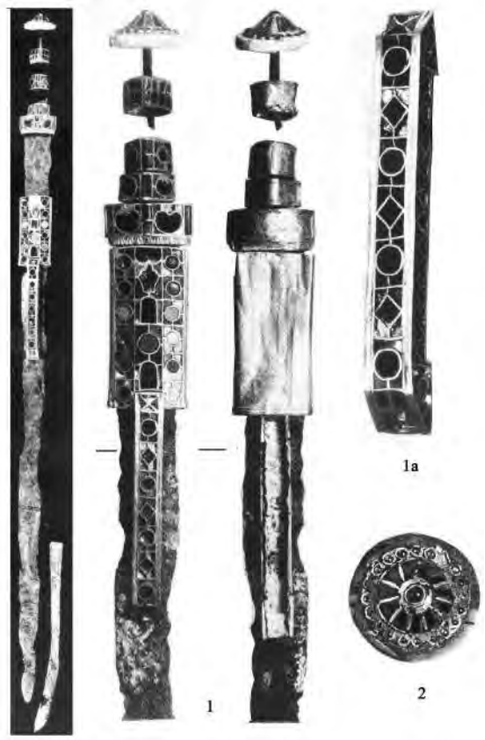


Рис. 16. Меч (1) и навершие (2) из керченских склепов 24 июня 1904 г. [по: Засецкая, 1993. Табл. 28,130; 29,135]

Портупейная скоба керченского меча из склепов 24.06.1904 г. (рис. 16, *1а*) также может указывать на принадлежность этого оружия римской воинской традиции. Похожие скобы для фиксации портупейного ремня известны на римских мечах [см.: Miks, 2007. P. 313–316. Taf. 235–237], а также на позднеримских изображениях, в том числе на уже упоминавшихся статуе тетрархов и диптихе Стилихона (рис. 17, *2, 7*) [Казанский, 2019. Рис. 1,2–4,10]. Портупейные скобы получили дальнейшее развитие в эпоху переселения народов [Miks, 2007. P. 395, 396. Abb. 103]. Они представлены в «вождеской» могиле Альтлюсхейм (Altlussheim) на Рейне (рис. 18, *12*) [Werner, 1956. Taf. 2,2], в аланском «княжеском» погребении Брут-1, курган 2, в Северной Осетии (рис. 18, *11*) [Габуев, 2014. Рис. 4,1; 54], а также на мече из уже упоминавшегося абхазского могильника Цибилиум-1, погр. 61 (рис. 18, *10*) [Воронов, 2003. Рис. 28,2]. Впрочем, если судить по иконографическим данным, похожие скобы бытовали и на Среднем Востоке, у кушан [Mode, 1995], и в сасанидском Иране [Казанский, 2019. Рис. 1,15]. Можно предполагать, что на Боспоре Киммерийском был распространен «римский» способ ношения меча – на портупейном ремне через плечо [о нем см.: Kazanski, 1991. P. 133],

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. «Парадные» мечи эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. 2022. Вып. XLIV. С. 177–201.

[2] Здесь не рассматривается меч из. т.н. гробницы Мессаксуди 1918 г., на склоне горы Митридат, поскольку состав сохранившегося инвентаря позволяет предложить для него более широкую дату, включавшую и середину – вторую половину IV в. [подробнее см.: Beck, Kazanski, Vallet, 1988; Казанский, 2016]. Также в данной работе не рассматривается предмет из нижнего слоя погр. 163.1904 г. в Керчи, определенный как декор ножен меча, что вполне возможно [Эпоха меровингов…, 2007. С. 299, I.9.7.1]. Однако по своей морфологии он очень напоминает щитки малых пряжек с двумя орлиными головами, известные для постгуннского времени в понто-кавказском регионе [Казанский, 2018. С. 76–78, там же библиография].

представленный, в частности, на изображении императора на известном серебряном блюде из Гордиковского склепа 1891 г. в Керчи (рис. 17, *1*) [Мацулевич, 1926. Табл. I].

Фрагменты парадного меча гуннского времени также происходят из так называемого Новиковского склепа 1890 г. в Керчи, представлявшего собой гробницу с несколькими захоронениями (рис. 19, *1–4*) [De Baye, 1892. Pl. 3; Отчет…, 1916. С. 71]. Здесь найдены портупейная скоба ножен с декором в стиле перегородчатой инкрустации и подвеска меча [о них см.: Werner, 1956. S. 26–37; Anke, 1998. S. 99–114]. Такие подвески часто считают «магическими», хотя предложены и более прозаические интерпретации – это могут быть элементы темляка (рис. 20, *1*) [см., напр.: Hagberg, 1967. P. 43–45] или элементы фиксации портупейных ремней (рис. 20, *2–7*) [Безуглов, 2000. С. 177, 178]. Из того же склепа происходят две пряжки с инкрустированным щитком и хоботковым язычком (рис. 19, *3, 4)*, типичные для периода D2 (380/400–440/450 гг.) [о них см.: Kazanski, 1996a. P. 121–123. Fig. 9; Tejral, 2011. S. 209, 210]. В то же время, инкрустационный декор на портупейной скобе и подвеске может свидетельствовать о более поздней дате. На этих изделиях представлены зигзагообразные перегородки, стилистической группы Засецкая 5, типичные для Центральной и Западной Европы уже постгуннского времени, т.е. второй половины V – раннего VI в. [Засецкая, 1982. С. 22]. Однако судя по находкам в погребениях первой половины – середины V в. в Регей (Pegöly), в Карпато-Дунайском регионе и Покровск-Восход, в степном Поволжье [Засецкая, 1982. С. 25] или же в гуннском «поминальнике» Сегеде-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós) [Alföldi, 1932. Taf. XV,56–58], этот тип декора появляется уже в гуннское время. Такой зигзагообразный декор типичен для вещей, относимых Б. Аррениус к уже упоминавшимся «центральным» (константинопольским) мастерским [Arrhenius, 1985. P. 100–113. Fig. 116]. Однако представлен он и на предметах, произведенных в «ателье-сателлитах», например, на пряжках из «вождеского» погребения в Блучине (Blučina), в Южной Моравии [Arrhenius, 1985. P. 113–120. Fig. 131; Tejral, 2020. Fig. 2,7,8].

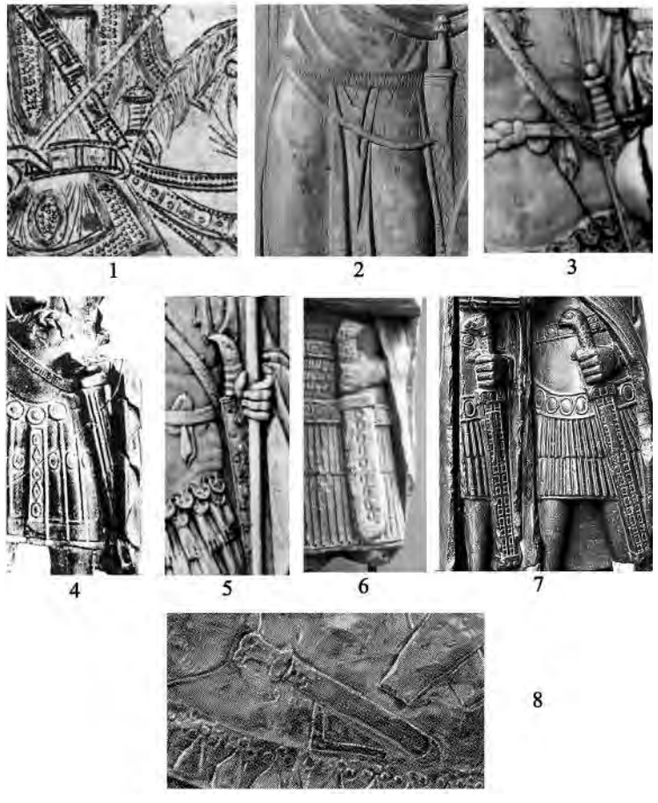


Рис. 17. Изображения позднеримского клинкового оружия
1 – Керчь, Гордиковский склеп; 2 – консульский диптих из Монцы (вероятно, Стилихон); 3, 5 – консульский диптих Проба Аниция; 4 – статуя императора из Турина; 6 – статуя из Константинополя / Стамбул-Едикуле (Стамбул, Археологический музей, № 1094E); 7 – статуя тетрархов из Венеции; 8 – Авиньон, «чаша Брисеиды» 1 – [по: Мацулевич, 1926. Табл. I]; 2 – [по: Killerich, Torp, 1989. Fig. 1,15]; 3, 5 – [по: Grabar, 1966. Fig. 329]; 4 – [по: Adams, 2000. Pl. VIII,12]; 6 – фото М.М. Казанского; 7 – фото А.В. Мастыковой; 8 – [по: A l'aube de France, 1981. № 51. Fig. 28]

Еще один парадный меч (дл. 91 см) со скобой и полусферическим навершием был обнаружен в Керчи на могильнике Глинище в 1896 г. Это склеп с двумя ингумациями, одна из них содержала меч в ножнах с подвеской, три пряжки, два золотых перстня, золотые бляшки (рис. 19, *5–17*). Меч имеет портупейную скобу с золотым покрытием и зооморфным окончанием, украшенным двумя гранатами[3], ножны, декорированные аппликациями, и рукоять с золотой обкладкой и полусферическим навершием (золото, бронза), инкрустированным красным стеклом, с перехватом у основания навершия, т.н. иранского / персидского типа, отделенным о рукояти халцедоновым диском (см. ниже). Меч имел подвеску из хрусталя с инкрустированной металлической вставкой [Штерн, 1897; Werner, 1956. Taf. 15; Казанский, 2010. Рис. 7,1–12].

[3] Иногда эту скобу принимают за окончание лука [см. подробнее: Казанский, 2021а. С. 113]. Такая интерпретация мне кажется маловероятной, поскольку, судя по опубликованному описанию, этот предмет плотно прикипел к ножнам меча. С другой стороны, позиция этого предмета – не посередине ножен, а у их края, также не характерна для портупейных скоб.

Наконец, в коллекции Диергардта, в Римско-Германском музее в Кёльне, находится происходящая из Керчи золотая портупейная скоба меча (дл. 38 см), украшенная гранатами в стиле перегородчатой инкрустации (рис. 18, *9*) [Damm, 1988. S. 182–184. № 105]. Её декор относится к уже упоминавшейся стилистической группе Засецкая 5 (см. выше). На оборотной стороне имеется тисненый декор с растительными и зооморфными мотивами (птица, бык, кошачий хищник).

Мечи «иранского» типа с перехватом у навершия рукояти

Удачную попытку выделения мечей ранней сасанидской традиции предпринял И. Бона [Bóna, 2002. P. 199. Fig. 104]. На основании иконографических параллелей он идентифицировал как иранские по происхождению мечи и кинжалы с дисковидным или полусферическим навершим, отделенным от рукояти перехватом (рис. 21, *1–6, 8–13*). Их прототипы известны на Ближнем Востоке, в частности в Пальмире, в 229 г. (рис. 21, *7*).

На Боспоре Киммерийском такие мечи представлены как в составе погребений, так и в виде депаспортизированных находок. Три навершия мечей с золотой обкладкой (высота 3,5, 3,0 и 2,5 см), с перехватом, заканчивающиеся диском, были найдены в тайнике керченского склепа 145.1904 г. (рис. 21, *8–10*) [Засецкая, 1993. С. 47. № 47]. Склеп разграблен, сам тайник с обломками дорогих вещей больше всего напоминает воровской «схрон», когда грабители по каким-то причинам не смогли вынести украденное. В том же тайнике находились другие фрагменты богатой отделки мечей [Засецкая, 1993. С. 47, 48. № 48–51], но непонятно, принадлежат ли они тем же клинкам, что и навершия. В целом предметы из склепа 145.1904 г. датируются временем от периода C3 до периода D2 (т.е. от 300/320–350/370 по 380/400–440/450 гг.).

Еще одна подобная рукоять происходит из керченского склепа 1914 г. на Тарханской дороге (рис. 21, *11*). Золотая обкладка рукояти меча, высотой 3 см, с дисковидным окончанием, сопровождалась золотой обоймой, шириной 1,6 см. Эта коллективная гробница также была разграблена [Засецкая, 1993. С. 92. № 364]. Судя по характеру некоторых вещей, склеп использовался в период D1–D2 (соответственно 360/370–400/410 и 380/400–440/450 гг.).

Практически полный меч «иранского» типа (дл. 110 см) с золотым навершием был найден в Фанагории, в тайнике склепа 315.2019 г. Пока имеется его предварительная публикация, не оставляющая сомнений в идентификации меча (рис. 21, *13*). Длинная рукоять этого меча (30 см) также характерна для клинков иранской традиции [Ворошилов, Ворошилова, 2019. С. 177–179. Рис. 2,2].

Известны они здесь и в качестве депаспортизированных находок, например, на Тамани, из коллекции Массоно (высота 5,6 см, золото, гранат). Это навершие орнаментировано кабошонами в отдельных гнездах и накладной рубчатой проволокой – псевдо-зернью (рис. 21, *12*) [Damm, 1988. № 103; Eger et al., 2017. S. 86, 86. № 27].

К сожалению, иранские мечи интересующего нас периода (последняя треть IV – середина VI в.) археологически на территории Сасанидской империи практически неизвестны. Лучше они представлены в иконографии, в частности на рельефах и на металлической посуде [см., напр.: Girshman, 1962; Тревер, Луконин, 1987; Overlaet, 1989; 1993]. Благодаря этим изображениям, можно утверждать, что типичным для сасанидов был так называемый иранский способ ношения меча, прикреплявшегося портупейными ремнями к поясу [Seyrig, 1937. P. 27, 29]. Такой способ крепления оружия хорошо засвидетельствован на Ближнем и Среднем Востоке (рис. 20, *4–7)*, причем не только в Иране, но и в Пальмире, и редко встречается на Западе, например, на диптихе Стилихона или на анонимной императорской статуе из Турина (рис. 17, *2, 4*).

В Восточной Европе мечи и кинжалы иранской традиции выявлены в Абхазии, на могильнике Цибилиум, на Северном Кавказе, в могильнике Волчьи Ворота, под Кисловодском и в Ингушетии, в Среднем Поднепровье, в погребении Волниковка (табл. 2 и 3), у гуннов, в крымском погребении Совхоз Калинина, а также в степных погребениях несколько более раннего времени (середина – вторая половина IV в.), например, в Муслюмово (рис. 21, *1, 3–6*) [подробнее: Казанский, 2019. С. 118–120, там же библиография находок]. В Центральную и Западную Европу «иранские» мечи с полусферическим навершием и перехватом, насколько мне известно, не попадают.

Золотые ножны с продольной нервюрой

В Римско-Германском музее в Кёльне хранятся ножны клинкового оружия из золотого листа с инкрустационным декором, входившие в состав коллекции Диергардта (рис. 22, *1*) [Damm, 1988. S. 184–186. Abb. 197–199]. Длина ножен 50 см, что, скорее, указывает на принадлежность кинжалу или боевому ножу, устье, средняя часть и бутероль украшены накладной пластиной с инкрустационным геометрическим декором, сама бутероль имеет U-образную форму. В средней части ножен имеется продольная нервюра.

Характер геометрического инкрустационного декора более всего соответствует стилистической группе Засецкая 4 / Адамс A (см. выше), что в целом позволяет отнести данные ножны к позднеримскому времени и эпохе переселения народов. Ножны с медианными нервюрами известны как для позднеримского времени, так и для эпохи переселения народов, например, в позднесарматском погребении Щербаковка в степном Поволжье, в по-

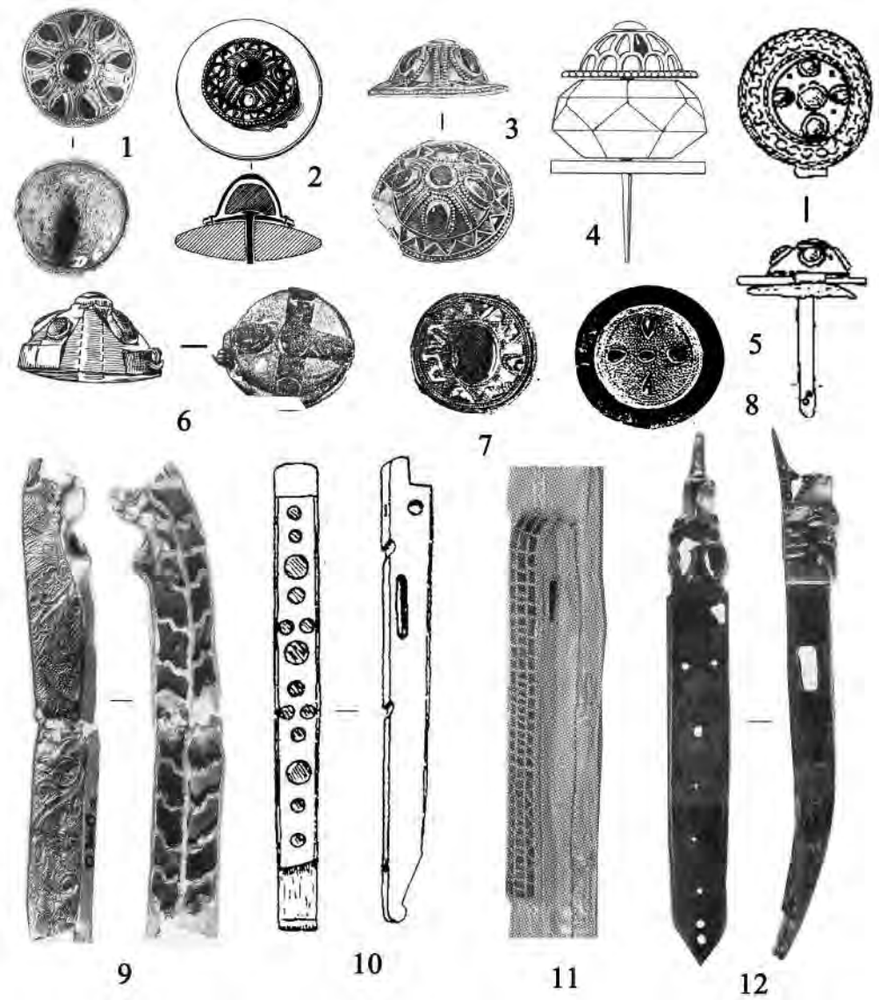


Рис. 18. Полусферические навершия мечей и портупейные скобы
1, 9 – Керчь; 2 – Брюхановский; 3 – Тугозвоново; 4 – Сопка, погр. 668; 5- Керчь, гробница Мессаксуди, 1918 г.; 6 – Батырь; 7 – Новокорсунская; 8 – Усть-Лабинская; 10 – Цибилиум-1, погр. 61; 11 – Брут-1, курган 2; 12 – Альтлюсхейм. 1, 9 – [по: Damm, 1988. Abb. 187, 188, 194, 195]; 2 – [по: Засецкая, 1994. Табл. 45,2]; 3 – [по: Уманский, 1979. Рис. 8]; 4 – [по: Molodin, 1995. Abb. 6]; 5 – [по: Казанский, 2016. Рис. 1,20]; 6 – [по: Скалон, 1961. Рис. 1]; 7 – [по: ОАК 1902. Рис. 240]; 8 – [по: Гущина, Засецкая, 1994. Табл. 51,477]; 10 – [по: Воронов, 2003. Рис. 28,2]; 11 – [по: Габуев, 2014. Рис. 54]; 12 – [по: Werner, 1956, Taf. 2,2]

гребении Брюхановский на Южном Урале [Засецкая, 1993. Табл. 45,1,9,10], в керченской гробнице Мессаксуди 1918 г., в Альтлюсхейм (рис. 22, *3*), а также на порфировых статуях позднеримских императоров из Турина (рис. 17, *4*) и Равенны [Beck, Kazanski, Vallet, 1988. P. 65, там же библиография]. U-образные бутероли клинкового оружия хорошо представлены в Европе в эпоху Великого переселения народов [напр.: Miks, 2007. S. 430–434. Taf. 286–288]. Территориально наиболее близкой является бутероль меча из погр. 50 1936–1937 гг. в Фанагории [Сокольский, 1954. Табл. IX,1,6]. Мечи из этой гробницы по характеру декора нельзя отнести к числу престижных (рис. 23, *7, 8*), но они происходят из могил явно привилегированного характера [Блаватский, 1941. С. 45–47; Строков, 2018а. С. 207, 209; 2018б. С. 19. Рис. 3].

В связи с коротким клинковым оружием эпохи переселения необходимо упомянуть и боевой нож / скрамасакс из коллекции Диергардта, происходящий откуда-то с Боспора Киммерийского. Довольно короткий однолезвийный клинок находится в ножнах с серебряным декорированным устьем в формеГ и бутеролью в форме U, рукоять украшена бронзовым изображением орлиной головы (рис. 22, *2*) [Reinerth, 1940. Taf. 498; Fremersdorf, 1953. S. 17. Taf. 17,D687][4]. Судя по характеру Г-образного устья ножен, этот нож относится к эпохе Великого переселения народов [об этом подробнее: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 175. Fig. 12,4,7; 13,10,14]. Орлиноголовые навершия рукоятей типичны для римского оружия (например, рис. 17, *5–8*). По иконографическим данным оружие с орлиноголовыми навершиями очень часто связано с императорскими и консульскими регалиями, впрочем, встречаются такие мечи и на изображениях рядовых солдат [Miks, 2007. S. 210]. Реже такие рукояти имеются и на сасанидских изображениях [Тревер, Луконин, 1987. Табл. 8]. Обращает на себя внимание изображение на серебряной чаше из Авиньона (так называемая чаша Брисеиды) (рис. 17, *8*), датируемой IV в. [A l'aube de France, 1981. № 51]. Здесь изображено оружие с довольно коротким клинком, орлиноголовой рукоятью и бутеролью в форме U, что напоминает боспорский боевой нож.

[4] Без подробного анализа этого артефакта невозможно сказать, в самом ли деле все его детали принадлежат одному предмету, или же это плод «реставрационной» деятельности торговцев древностями.

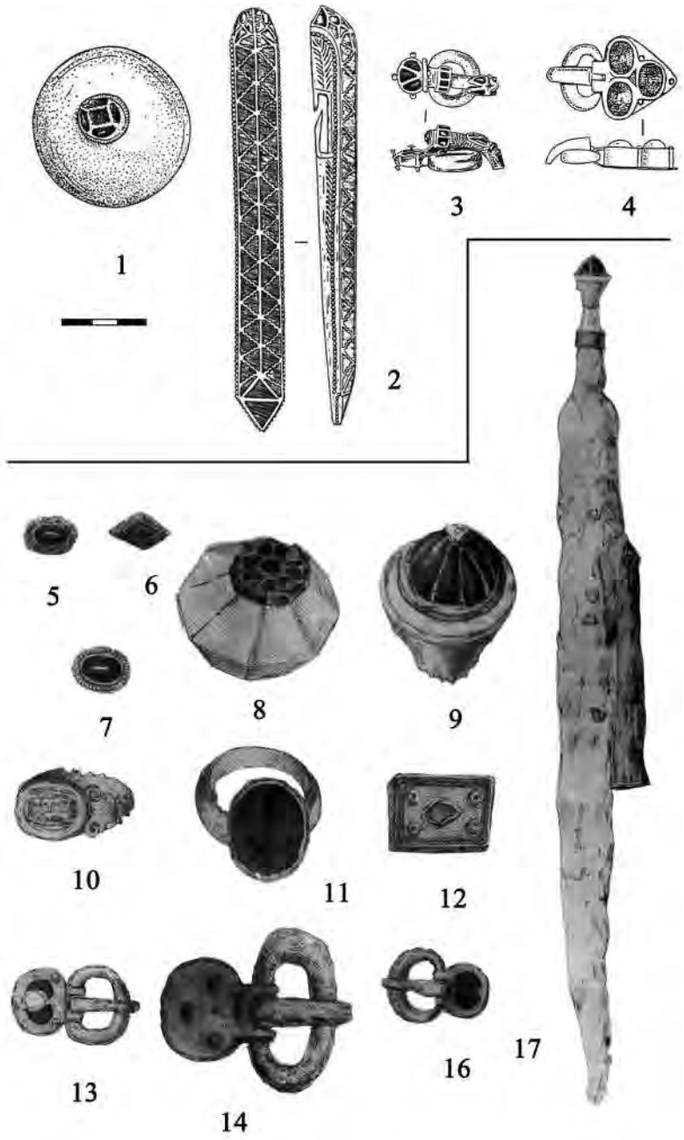


Рис. 19. Находки из Новиковского склепа 1890 г. (1–4) и из склепа 1896 г. на Глинище (5–17).
1–4 – [по: Казанский, 2010. Рис. 7,13–16]; 5–17 – [по: Werner, 1956. Taf. 15]

Мечи «понтийского» типа с широкой инкрустированной гардой

В 1912 г. в станице Тамань (античная Гермонасса, существовавшая, по меньшей мере, до царствования Юстиниана) был вскрыт курган, содержавший ингумацию, сопровождавшуюся конем и парадным мечом. Меч-спата (дл. 90,1 см), ныне находящийся в Берлине, имеет богатый декор в стиле *cloisonné* на бронзовых со следами позолоты гарде и устье ножен (рис. 23, *1;* табл. 33, *5*). Сохранилась также халцедоновая подвеска от меча (рис. 23, *2*) [Эпоха меровингов…, 2007. С. 327, I.34,5]. Меч явно ранневизантийского происхождения, относится к типу 2 (два декоративных поля на гарде, каждое разделено на три горизонтальные зоны) [Казанский, 2007. С. 123], представленному также находкой в уже неоднократно упоминавшемся «вождеском» погребении гуннского времени в Альтлюсхейме. Мечи с широкой гардой, украшенной перегородчатой инкрустацией, получили название «понтийских» [Menghin, 1994–1995. S. 176–186]. Данный меч по стилистическим особенностям декора гарды может быть датирован второй половиной V – первой половиной VI в. [Казанский, 2007. С. 136].

Фрагменты еще одного престижного меча были найдены в могильнике Джурга-Оба, который представляет собой часть некрополя города Китея на «европейском» Боспоре. В разграбленном погребении 40 найдены престижный женский убор, датируемый второй половиной V в. [Ермолин, 2009. С. 71–77; Ermolin, 2012. P. 346], а также фрагменты клинкового оружия – обломок железного перекре-

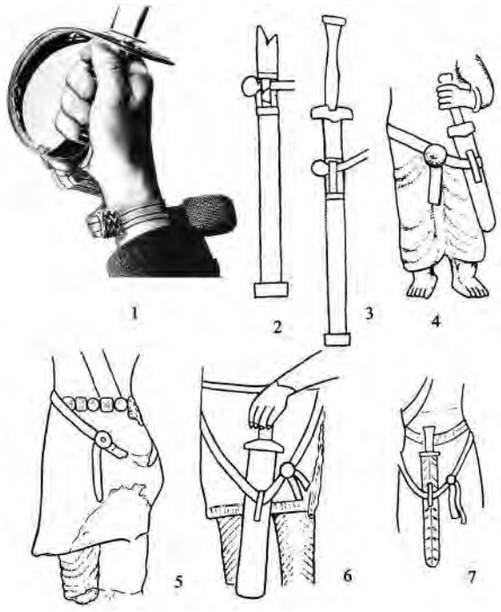


Рис. 20. Темляки (1) и фиксаторы портупейных ремней на античном Среднем Востоке (2–7)
1 – вооружение шведской кавалерии 1943 г.;
2, 3 – Орлат; 4 – Шоторак; 5 – статуя кушанского царя;
6 – Хадда; 7 – Гандхара. 1 – [по: Hagberg, 1967. Fig. 23]; 2–7 – [по: Безуглов, 2000. Рис. 7,11,12,14–17]

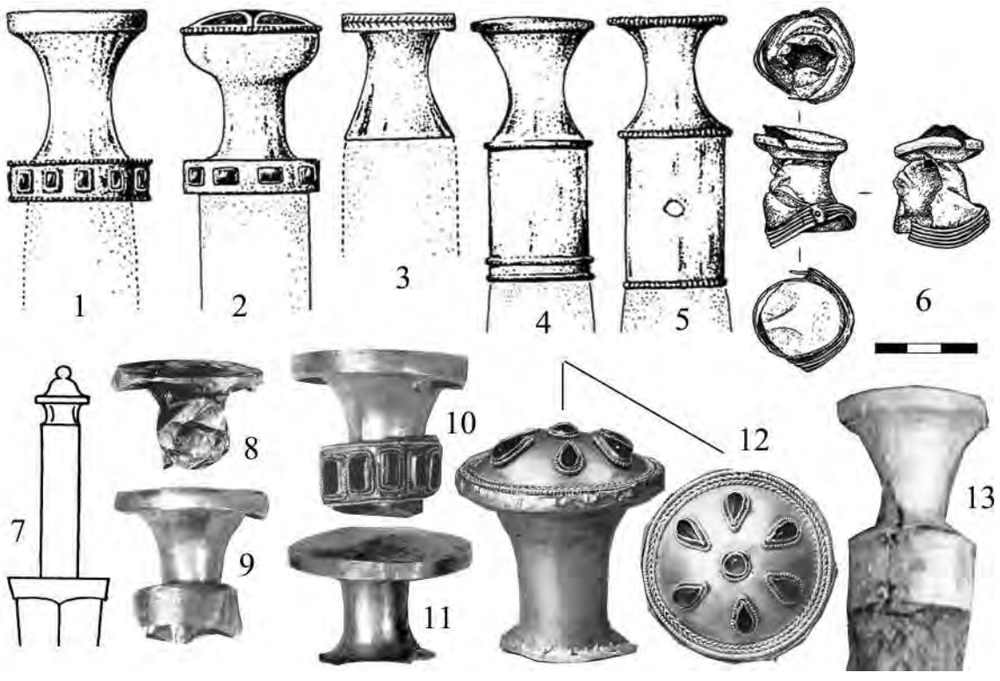


Рис. 21. Навершия рукоятей мечей «иранского» типа
1 – Совхоз Калинина; 2 – Цибилиум; 3, 8–10 – Керчь, склеп 145.1904 г.; 4 – Тураево, курган 5;
5 – Муслюмово; 6 – Волчьи Ворота; 7 – Пальмира, изображение 229 г.; 8 – Керчь, склеп 1914 г. у Тарханской дороги. 1–7 – [по: Казанский, 2019. Рис. 4]; 8–11 – [по: Засецкая, 1993. Табл. 17,47а-в; 62,364б];
12 – [по: Damm, 1988. Abb. 189, 190]; 13 – [по: Ворошилов, Ворошилова, 2019. Рис. 2,2]

стья большого меча, фрагмент гарды или ножен с золотой обкладкой и перегородчатой инкрустацией (рис. 23, *5*) ранневизантийского типа 3 (два декоративных поля с арочным декором), датируемого по аналогам в степи и на Севером Кавказе постгуннским временем [Казанский, 2007. С. 123, 124, 136; 2018. С. 80], и халцедоновая гарда (рис. 23, *6*) [Ермолин, 2009. Рис. 5,8,9; Ermolin, 2012. Fig. 5,10,11]. Как известно, последние поступают в Европу с Востока, может быть, из Китая [см.: Ли Джи Ин, 2010], и изредка встречаются в воинских комплексах римского времени и переселения народов, например, в Альтлюсхейме [Werner, 1994. Abb. 5,2; Quast, 1999. S. 716. Abb. 7]. Попадают они и в Крым [Белов, 1927. Рис. 21,7; Quast, 1999. Abb. 7,2].

В Эрмитаже хранится железная гарда меча с инкрустированным декором, поступившая из частного собрания (дл. 10,5 см, железо, золото, гранаты), предположительно происходящая из Керчи (рис. 23, *3;* табл. 35, *3*) [Засецкая, 1993. С. 64. № 384; Эпоха меровингов…, 2007. С. 303, I.13.1; Казанский, 2018. С. 80]. Перекрестье принадлежит мечу ранневизантийского типа 1 (два декоративных концентрических поля), постгуннского времени, о чем свидетельствую находки на Северном Кавказе и в Абхазии [подробнее см.: Казанский, 2007. С. 124, 136]. Железная массивная гарда позволяет отнести её к оружию т.н. азиатского типа [Menghin, 1994–1995. S. 165–175]. По мнению Я. Тейрала, «азиатские» мечи в Европе распространяются на поздней стадии гуннского времени, т.е. в период D2/D3 хронологии европейского Барбарикума, соответствующий времени Аттилы и распаду гуннского объединения (430/440–460/470 гг.) [Tejral, 2011. S. 282–285]. Среди других находок «азиатских» мечей на Боспоре Киммерийском надо назвать уже упоминавшиеся мечи из Фанагории [Сокольский, 1954. Табл. V,5; IX; Anke, 1998. Teil 2. S. 102. Taf. 40,3; 105,5–7; Казанский, 2010. Рис. 8; Tejral, 2011. Abb. 216] (рис. 23, *7, 8*). Но вряд ли стоит связывать напрямую появление мечей «азиатского» типа с каким-то реальным восточным импульсом в гуннскую эпоху, хотя бы потому, что клинковое оружие с железной гардой хорошо известно в восточноевропейской степи уже в позднесарматское время [подробнее: Казанский, 2019. С. 115, 116, там же библиография вопроса].

Также в собрании Эрмитажа имеется еще один фрагмент гарды малого клинкового оружия, предположительно из Керчи (рис. 23, *4;* табл. 35, *4*) [Засецкая, 1993. С. 94. № 383; Эпоха меровингов…, 2007. С. 305, I.15.4]. Здесь на гарде (дл. сохранившейся части 3,8 см, железо, золото, серебро, гранаты) имеется характерный «ступенчатый» декор, который известен как в гуннское, так и в постгуннское время [Казанский, 2018. С. 80].

Инкрустированный орнамент гарды этих мечей очень разнообразен, их несомненно изготовляли на заказ. При этом мотивы декора и характер обработки камней-инкрустаций являются типичными для изделий средиземноморских мастерских [Arrhenius, 1986. P. 101–113; Kazanski, Périn, 1996]. В Западной и Центральной Европе находки таких мечей единичны, стало быть, речь идет прежде всего о восточноримском / византийском оружии. Иконографические данные подтверждают римское / византийское происхождение мечей с инкрустированной гардой (см., например, рис. 17, *7*). Вторым центром распространения подобных мечей мог быть также и сасанидский Иран [подробнее: Казанский, 2019. С. 116, там же библиография].

На обкладке рукояти таманского меча представлен «четырехлепестковый» мотив, который имеет больше всего параллелей на западных, меровингских и визиготских, украшениях (рис. 23, *1*; табл. 33, *5*). Поэтому мною в свое время было высказано предположение, что данный меч мог попасть на Тамань в 533–534 гг. с отрядом ромейских, точнее италийских[5], войск Юстиниана, под

[5] По мнению А.И. Айбабина, речь идет о войсках, квартировавших в Южной Италии [Айбабин, 1999. С. 94, 95].

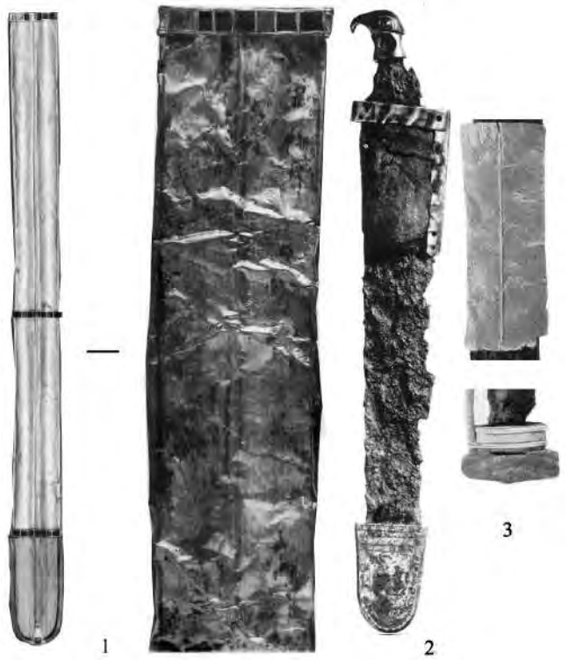


Рис. 22. Короткие Мечи и боевые ножи Боспора Киммерийского и детали меча из Альтлюсхейма. 1 – Керчь; 2 – Боспор Киммерийский; 3 – Альтлюсхейм. 1 – [по: Damm, 1988. Abb. 197, 199]; 2 – [по: Fremersdorf, 1953. Taf. 17,D687]; 3 – [по: Werner, 1956. Taf. 2,1]

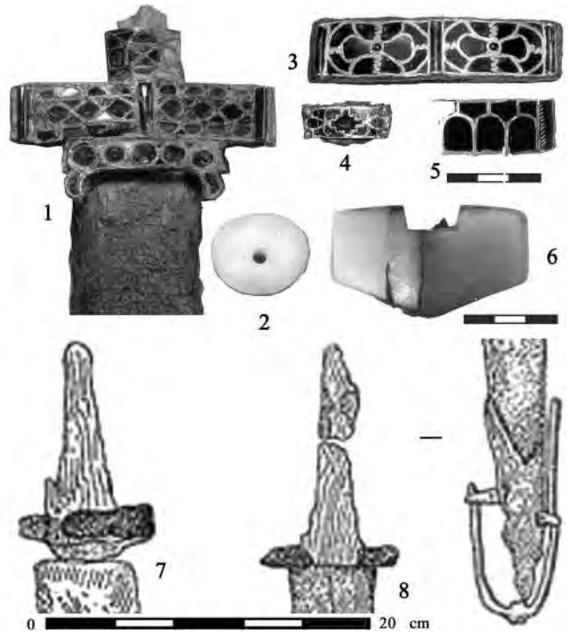


Рис. 23. Боспорские мечи «понтийского» типа и их фрагменты (1, 3, 5) и мечи «азиатского» типа (7, 8):
1, 2 – Тамань, погр. 1912 г.; 3, 4 – Керчь (?);
5, 6 – Джурга-Оба, погр. 40; 7, 8 – Фанагория, погр. 50.
1, 2 – [по: Эпоха меровингов…, 2007. I.34,5];
3, 4 – [по: Засецкая, 1993. Табл. 6,383,384]; 5, 6 – [по: Ermolin, 2012. Fig. 5,10,11]; 7, 8 – [по: Сокольский, 1954. Табл. V,5; IX]

руководством Далматия, источники их называют «испанцами» [Kazanski, 1996б. P. 329]. Однако, как подчеркнул А. Фурасьев, такие италийские «испанцы» могли появиться в византийской армии значительно позднее, так как Южная Италия была завоевана византийцами только в 535 г., а Восточная Испания – в 552 г. Скорее всего, эти «итало-испанские» отряды появились после 552 г., когда Юстиниан отправляет в Испанию отряды сицилийцев. Видимо, в отношении Боспора Киммерийского речь идет о каких-то событиях 560–570-х гг. [Furasiev, 2012. P. 376]. Но в это время мечи с инкрустированной гардой уже вышли из употребления, и таким образом таманская находка вряд ли может быть связана с «испанцами» Далматия, «западному» элементу декора этого меча надо искать другое объяснение.

Мечи с зооморфными накладками на ножны

Меч из коллекции Диергардта, найденный или купленный на Тамани, сейчас находится в Римско-Германском музее в Кёльне (рис. 24, *1*) [о нем подробно: Казанский, 2021б]. Таманский меч смонтирован, скорее всего, торговцами древностями, из разнородных элементов [Menghin, 1995. S. 184, 185]. Так, его U-образная бутероль из серебряного листа, вероятно, принадлежала какому-то боевому ножу (скрамасаксу) и приклеена к клинку канифолью. Красный камень в золотой оправе и две стеклянные вставки приклеены к кожаным ножнам, пропитанным консервантами. Навершие меча в виде округлой бусины из халцедона со сферическим гранатом овальной огранки в золотой оправе, также, похоже, были добавлены в процессе коммерческой «реставрации». Реально к мечу эпохи переселения народов, помимо собственно клинка, принадлежит устье ножен из серебряной пластины шириной 1,8 см, а также другие некоторые детали. Это, в первую очередь, две серебряные окантовки ножен длиной 12,5 см, украшенные птичьими головами. Их декорированные концы покрыты золотым листом и приклепаны к ножнам железными гвоздями. Еще один сохранившийся первоначальный элемент – бронзовая, покрытая золотой фольгой пластина-накладка (4,6х3,5 см) с окончанием в виде двух развернутых в разные стороны птичьих голов и кольцом на противоположной оконечности.

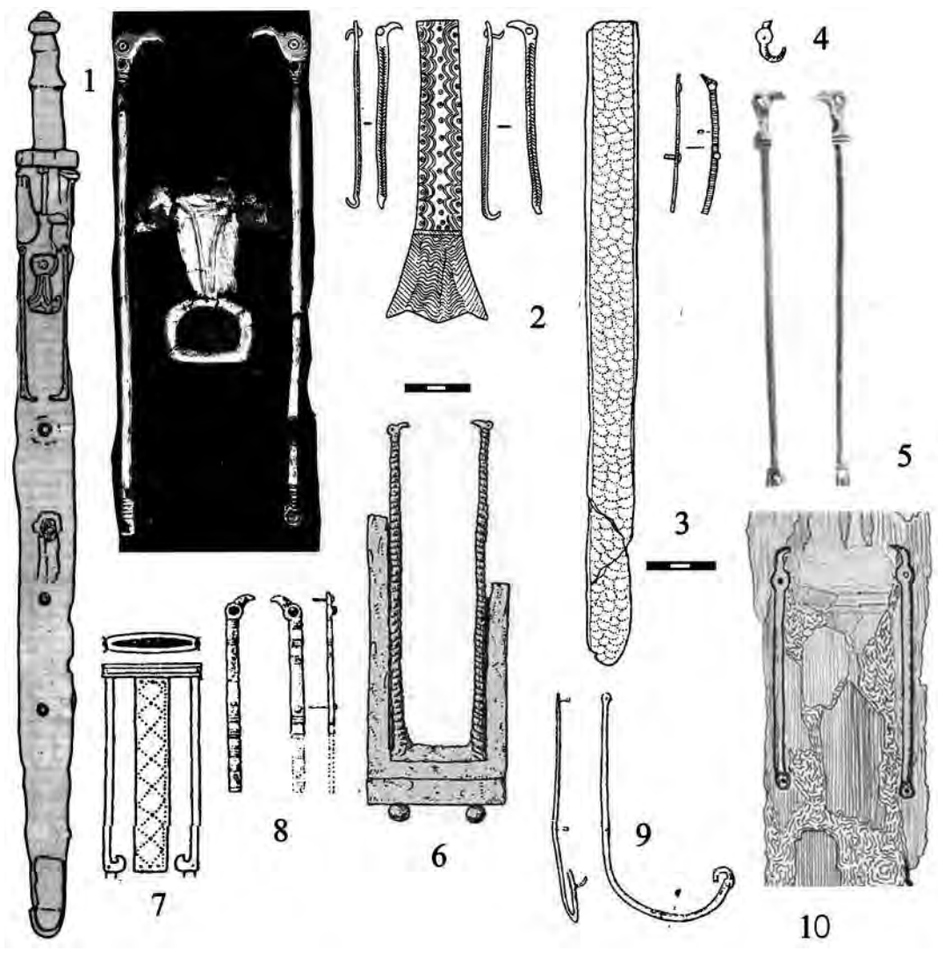


Рис. 24. Боспорские мечи с птицевидными накладками и их параллели
1 – Тамань; 2 – Дюрсо, погр. 300; 3 – Дюрсо, погр. 479; 4 – Рюбенах; 5 – Керчь, тайник погр. 145.1904 г.; 6 – Сирмабешенье; 7 – Лар; 8 – Роммерсхейм; 9 – Крефельд-Геллеп, погр. 756; 10 – Джурга-Оба, погр. 16
1–4, 6–9 – [по: Казанский, 2021б. Рис. 1; 2]; 5 – [по: Засецкая, 1993. Табл. 18,51];
10 – [по: Ермолин, Казанский, 2021. Рис. 7,5]

Сохранившиеся детали позволяют отнести таманский меч к эпохе Великого переселения народов. Наиболее близкими параллелями являются мечи из могильника Дюрсо под Новороссийском, принадлежавшего готам-тетракситам (евдусианам) [Дмитриев, 2003]. При этом оба интересующих нас элемента – окантовки с орнитоморфным декором и накладка с двумя выступами, вероятно, имитирующими декор в виде птичьих голов – имеются на мече из погр. 300 (рис. 24, *2*) [Дмитриев, 1979. С. 222, 223. Рис. 7,1,3,4,39]. В погр. 479 имеются окантовки с окончаниями в виде птичьих голов. Золотая пластина в верхней части ножен (рис. 24, *3*) здесь не имеет завершения в виде стилизованных птичьих голов.

Помимо таманского меча на Боспоре Киммерийском окантовки ножен с окончаниями в виде птичьих голов происходят из уже упоминавшегося склепа 145.1904 г. в Керчи (дл. 9,4 см, серебро) (рис. 24, *5*) [Засецкая, 1993. № 51], а также из погр. 16 на могильнике Джурга-Оба, где окантовки украшали ножны скрамасакса (рис. 24, *10*) [Ермолин, Казанский, 2021].

Мечи с окантовками ножен, украшенными птичьими головками, довольно широко распространены в V – раннем VI в. от Кавказа до Рейна. Помимо уже названных мечей из Дюрсо, необходимо упомянуть находки из Лара, на восточном побережье Черного моря, Тарнамеры (Tarnaméra), в Карпато-Дунайском бассейне, а также из рейнских могил раннемеровингского времени Роммерсхейм (Rommersheim), возможно, из Рюбенах (Rübenach), погр. 11 и Крефельд-Геллеп (Krefeld-Gellep), погр. 576. Кроме того, окантовки с птичьими головами на бутероли меча известны в погребении из Сирмабешенье (Szirmabesényo) (рис. 24, *4, 6–9*) [подробнее: Казанский, 2021б. С. 154, 155, там же библиография].

Параллели между мечами из Дюрсо, керченского склепа 145.1904 г. и таманским клинком из коллекции Диергардта еще раз подчеркивают культурные связи готов-тетракситов и Боспора Киммерийского, которые проявляются и в других чертах материальной культуры, появившихся под боспорским влиянием или же просто принесенных оттуда в ходе миграции тетракситов. Захоронения воинских предводителей готов-тетракситов с «парадными» мечами в качестве основного оружия [см.: Дмитриев, 1979] также находят соответствие в погребальных обычаях постгуннского Боспора [о них см.: Казанский, 2018]. Эти аналогии, вне всякого сомнения, объясняются тем фактом, что готы-тетракситы черноморского побережья Северного Кавказа являются выходцами с Боспора Киммерийского. Они были увлечены на восток гуннами, возвращавшимися из понтийских степей (по Прокопию Кесарийскому, после 429 г., а скорее всего – в 450-е гг.) и столкнувшимися с готами при переправе через Керченский пролив [Прокопий из Кесарии, Война с готами, IV.5].

* * *

Итак, если судить по находкам престижного клинкового оружия, на Боспоре Киммерийском в воинской аристократической культуре эпохи Великого переселения народов прослеживаются две разные традиции – римско-византийская и иранская, причем первая по количеству находок доминирует. Богатое престижное оружие изготовлялось на заказ или же поступало как военная добыча. Кроме того, «парадное» вооружение и конское снаряжение входили в состав дипломатических даров, а также использовались во время символической инвеституры варварских царьков [см. подробнее: Засецкая и др., 2007. С. 96]. Насколько можно судить по сообщениям древних авторов, сфера военно-политического влияния Восточной Римской империи в понто-кавказских степях распространялась очень далеко, вплоть территории до гуннов-савир, населявших Северо-Восточный Кавказ [см.: Артамонов, 1962. С. 71]. В то же время, политическое и, соответственно, военное влияние сасанидского Ирана засвидетельствовано письменными источниками, в первую очередь, для Кавказа [см. подробнее: Артамонов, 1962. С. 61, 70–74], где оно подтверждается и яркими находками престижного вооружения [примеры см.: Габуев, 2014; Казанский, 2019].

Библиография

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169–232. (Материалы и исследования по археологии Дона, Вып. 1).
Белов Г.Д. Римские приставные склепы № 1013 и 1914 // Херсонесский сборник. 1927. Вып. 2. С. 107–146.
Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. XVI. Работа археологических экспедиций. С. 4–74.

Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. 348 с.
Воронов Ю.Н. Древности Азантской долины // Воронов Ю.Н. Научные труды. Том II. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований, 2009. С. 365–430.
Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация) // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 257. С. 174–181.
Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Институт истории и археологии РСО-Алания; Гос. музей искусства народов Востока, 2014. 184 с.
Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. № 4. С. 212–229.
Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. / отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 200–206.
Ермолин А.Л. Кроваво-золотой стиль «клуазонне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джурга-Оба) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира / отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 70–77.
Ермолин А.Л., Казанский М.М. О клинковом оружии из погребения 16 эпохи Великого переселения народов на могильнике Джурга-Оба в Восточном Крыму // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 263. С. 235–252.
Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-Венгерский сборник / отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 13–30.
Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 23–105.
Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.
Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
Казанский М.М. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 122–141.
Казанский М.М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I / отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 307–320.
Казанский М.М. Находка 1918 г. в Керчи (коллекция Месаксуди) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016. С. 206–215.
Казанский М.М. Воинские погребения боспорской знати постгуннского периода (вторая половина V – первая половина VI вв.) // Stratum plus. 2018. № 5. С. 75–86.
Казанский М.М. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова / отв. ред. С.В. Белецкий. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 113–124.
Казанский М.М. Гунны на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. 2021а. Вып. XLII. С. 108–131.
Казанский М.М. Таманский «парадный» меч эпохи Великого переселения народов // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты / отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь, 2021б. С. 153–160.
Ли Джи Ын. Нефритовые детали мечей в Восточной Европе в сарматское время // Археология, древний мир и средние века. 2010. Вып. IV. С. 41–55.
Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1926. 66 с.
Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III за XXV лет. М.: Синодальная типография, 1916. 208 с.
Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.
Скалон К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1961. Вып. 2. С. 114–140.
Сокольский Н.И. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья / отв. ред. М.М. Кобылина. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 123–196. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 33).
Строков А.А. Склеп эпохи Великого переселения народов из раскопок В.Д. Блаватского в Фанагории // Краткие сообщения Института археологии. 2018а. Вып. 251. С. 204–217.
Строков А.А. К изучению социальной структуры позднеантичного Азиатского Боспора // Российская археология. 2018б. № 1. С. 17–35.
Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987. 156 с.
Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.
Эпоха меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. / Hrsg. W. Menghin. Berlin: Minerva, 2007. 592 с.
Штерн Э. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // Записки Одесского общества истории и древностей. 1897. Т. 20. С. 1–15.
Adams N. The Development of Early Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Institut der UAW, 2000. P. 13–70.
Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1932. 90 S.
Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis. 5. Jahrhunderts. Weissbach: Beier & Beran, 1998. Teil 1. 224 S.; Teil 2. 156 S.
Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1985. 230 p.
A l'aube de France. La Gaule de Constantin à Childéric. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux, 1981. 256 p.
De Baye J. La bijouterie des Goths en Russie // Mémoire de la Société nationale des antiquaires de France. 1892. Vol. 51. P. 359–382.
Beck F., Kazanski M., Vallet F. La riche tombe de Kertch du Musée des Antiquités Nationales // Antiquités Nationales. 1988. T. 20. P. 63–81.

Böhner K. Das Langschwert des Frankenkönigs Childerich // Bonner Jahrbücher. 1948. Bd. 148. S. 218–248.
Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe–Ve siècles). Paris: Errance, 2002. 240 p.
Damm I.G. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlischen Schmarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65–210.
Eger C. et alii. Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke er Völkerwanderungszeit. Köln, München: Römisch-Germanischen Museums der Stadt Köln, Hirmer Verlag, 2017. 272 S.
Ermolin A. Džurga-Oba – a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosporus // The Pontic-Danubian Realm in the Periode of the Great Migration / eds. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris: ACHByz, 2012. P. 340–348.
Filtzinger P., Planck D., Cämmere B. (Hrsg.). Die Römer in Baden-Württemberg. Strttgart, Aalen: K. Theiss, 1976. 600 S.
Fremersdorf F. Goldschmuck der Völkerwanderungszeit. Ausstellung der Sammlung Diergardt des Römisch-Germanischen Museums Köln. Köln: Römisch-Germanisches Museum, 1953. 118 S.
Furasiev A. Byzance et la Crimée du Sud-Ouest au VIe siècle. Relations culturelles et particularités du costume féminin // The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration / eds. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris: ACHByz, 2012. P. 380.
Girshman R. Parthes et Sassanides. Paris: Gallimard, 1962. 422 p.
Grabar A. L'age d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam. Paris: Gallimard, 1966. 416 p.
Hagberg E. The Archaeology of Skedemosse II. The votive Deposits in the Skedemosse Fen and their Relation to the Iron-Age Settlement on Öland, Sweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1967. 152 p.
Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe–Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. 1991. № 4. P. 123–139.
Kazanski M. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // L'identité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Sophia Antipolis: APDCA, 1996a. P. 109–126.
Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996б. Вып. V. С. 324–337, 567–581.
Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 2002. P. 159–194.
Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // Antiquités Nationales. 1996. Vol. 28. P. 203–209.
Kessler A., Schnellerkamp W. Ein frühmerowingischer Grab bei Rommersheim (Eichloch) // Mainzer Zeitschrift. 1933. Bd. 28. S. 118–125.
Killerich B., Torp H., Hic est: hic Stilicho. The Date and Interpretation of a Notable Diptych // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1989. Bd.104. S. 319–371.
Menghin W. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1983. 368 S.
Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1995. Bd. 26/27. S. 140–192.
Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Bd. 1: Text; Bd. 2: Katalog und Tafeln. Rahden: Verlag Marie Leidorf, 2007. 937 S.
Mode M. Some Notes on the Sword of Kanishka // South Asian Archaeology 1995. Proceedings of the 13th Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, Cambridge 5–9 July 1995 / eds. R. Allchin, B. Allchin. Cambridge, New Delhi, Calcutta: Science Publishers, Inc., Oxford & Ibn Publishing Co., 1997. Vol. 2. P. 543–556.
Molodin V.I. Sopka 2, Grab 688 – ein reiches hunno-sarmatisches Männergrab in der westsibirischen Waldsteppe // Trans Europam / Hrsg. M. Primas, B. Schmid-Sikimić, P. Della Casa. Bonn: R. Habelt, 1995. S. 277–285. (Antiquitas, Bd. 34).
*Nagy M. T*arnamérs – Szarvas Árpád Homokbányája // Gepidische Gräberfeld am Theissgebiet / Hrsg. I. Bóna, M. Nagy. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2002. S. 240–242.
Overlaet B.J. Swords of the Sassanians, notes on scabbard tips // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe / eds. L. Meyer, E. Haerinck. Gent: Peeters, 1989. P. 741–755.
Overlaet B.J. Organisation militaire et armement // Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et Chine (244–642) / coord. B.J. Overlaet. Bruxelles: Musées royaux d'Aert et d'Histoire, 1993. P. 89–94.
Quast D. Das „Pektorale" von Wolfsheim, Kr. Mainz-Bingen // Germania. 1999. Bd. 77–2. S. 705–718.
Quast D. Höhensiedlungen – donauländische Einflüsse – Goldgriffspathen Verändungen im archäologischen Material der Alamannia im 5. Jahrhundert und deren Interpretation // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 2002. P. 273–295.
Reinerth H. (Hrsg.). Vorgeschichte der deutschen Stämme. Germanische Tat und Kultur auf deutschem Boden. Bd. III: Ostgermanen und Nordgermanen. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1940. S. 867–1489.
Seyrig H. Antiquités syriennes. 20. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria. 1937. Vol. 18. P. 4–31.
Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut Akademie Věd České Republiky Brno, 2011. 466 S.
Tejral J. The Princely Grave at Blučina (Morava, CZ) and the Posthunnic Elite Warrior Burials from the Middle Danube Region // Autour du règne de Clovis Les grands dans l'Europe du Haut Moyen Âge Histoire et archéologie Actes des XXXIIe Journées de l'Association française d'archéologie mérovingienne / dir. M. Kazanski, P. Périn et al. Caen: Association française d'archeologie mérovingienne, 2020. P. 252–305.
Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. 138 S.
Werner J. Chinesischer Schwerttragbügel der Han-Zeit aus einem thrakischen Häuptlingsgrab von Čatalka (Bulgarien) // Germania. 1994. Bd. 72–1. S. 269–282.

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПАЛАШ С КОЛЬЦЕВЫМ НАВЕРШИЕМ ИЗ ЦАРИЧЕН-ГРАДА (*IVSTINIANA PRIMA*) В ЮЖНОЙ СЕРБИИ И ЕГО СТЕПНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ[1]

В крипте одной из церквей Царичен-Града (*Ivstiniana Prima*) в Южной Сербии во время раскопок 1947 г. в северной части города был обнаружен палаш, т.е. оружие с длинным однолезвийным клинком[2]. Напомним, что город был построен около 535 г. и прекратил существование около 614–615 гг. [Баван, Иванишевић, 2006. С. 72, 73], что в целом и определяет дату палаша. Его длина – около 93 см, ширина клинка – 8 см, длина рукояти без кольцевого навершия – 12 см. Палаш согнут в двух местах, имеет металлическое перекрестье, эллипсоидной формы, плоское, с двумя выступами на концах [Bavant, Ivanišević, 2019. P. 196, 197. № 1650. Pl. XLVI,1650] (рис. 25).

Это оружие, выделяющееся кольцевым навершием на рукояти, уже попало в поле зрения исследователей. Так, Д. Кваст отметил близость палаша из Царичен-Града некоторым аварским клинкам с подобным навершием, таким как Бихаркерестеш-Ленчехат (Biharkeresztes-Lencséhát), Деск (Deszk), Шопрон-Тегледьяр (Sopron-Téglegyár) [Quast, 2012. S. 361. Abb. 8]. К списку Д. Кваста необходимо добавить находку из Ченгеле (Csengele) [Bálint, 1978. Fig. 15,1] и особенно «княжеские» параллели – т.н. палаши типа Кунагота-Перещепина, по терминологии И.О. Гавритухина [Гавритухин, 2001. С. 147. Рис. 52]: Боча (Bócsa) [Комар, 2006, Рис. 5,18], Вишеград (Visegrád) [L'Or des Avars, 1986. Fig. 19. Cat. № IV,1], Кунагота (Kunágota) [L'Or des Avars, 1986. Fig. 20. Cat. № IV,3; Garam, 1992. Taf. 4,1; Гавритухин, 2001. Рис. 52,1], Кечкемет (Kecskemét) [L'Or des Avars, 1986. Fig. 20. Cat. № VIII,6; Гавритухин, 2001. Рис. 52,5; Комар, 2006, Рис. 10,15], Кунбабонь (Kunbábony) [Tóth, Horváth, 1992. S. 32–34, Taf. VI,1,3; Tóth, 1996. S. 396, Kat. № 5.353; Комар, 2006, Рис. 4,14] (рис. 26, *1–5*). Данные находки принадлежат аварскому «княжескому» горизонту Боча-Кунбабонь. Он относится к первой фазе среднеаварского периода, его дата определяется второй третью VII в. [подробнее см.: Гавритухин, 2001. С. 139–149].

Наконец, необходимо упомянуть еще одну очень важную аналогию палашу из Царичен-Града – это палаш из Малой Перещепины, под Полтавой [Залесская и др., 1997. С. 127–137. Кат. 5] (рис. 26, *6*). Данный комплекс, часто интерпретируемый как захоронение известного болгарского хана Кубрата (здесь найден перстень с монограммой, предположительно указывающей на его имя), может быть датирован в рамках 620/640–660/680 гг. [подробнее см.: Казанский, 2014. С. 58–62, там же библиография]. На обоймах, составлявших декор рукояти палаша, обнаружены буквы греческого алфавита [Львова, Семенов, 1986. Рис. 3; Залесская и др., 1997. С. 129], что позволило авторам подробной публикации памятника предположить, вслед за Д. Чалланем, византийское происхождение как перещепинского палаша, так и его аварских аналогов, возможно, входивших в состав дипломатических даров [Залесская и др., 1997. С. 137]. Близость перещепинского меча с аварскими находками неоднократно отмечалась и впоследствии [напр.: Комар, 2006. С. 38]. Дата аварских находок и перещепинского комплекса – первая половина – середина VII в., в целом не противоречит хронологии палаша из Царичен-Града.

Б. Баван и В. Иванишевич обоснованно указали на азиатские корни палаша из Царичен-Града и подчеркнули, что клинки с кольцевым навершием присутствуют в Европе у сармат в римское время, от которых, скорее всего, во II в. они и попали к германцам и в римскую армию [Bavant, Ivanišević, 2019. P. 196, 197]. Действительно, такое оружие хорошо известно в древних дальневосточных цивилизациях Китая и Кореи [см., напр.: Trousdale, 1975. Fig. 36,a,f,g; Werner, 1988. Taf. 23,4] и у центральноазиатских кочевников, где оно археологически представлено вплоть до V в. [Худяков, 1986. С. 79. Рис. 31,1,8; 98]. Точку зрения об азиатском происхождении клинков с кольцевым навершием на рукояти высказывал и Ч. Балинт, который приводил корейские параллели V–VI вв. [Bálint, 1978. P. 204]. Клинки с кольцевым навершием хорошо представлены и в Китае, в частности в погребениях воинской знати второй половины VI – раннего VII в. (династии Северная Чжоу – 557–581 гг., Суй – 581–618 гг. и Тан – 618–907 гг.) [см., напр.: Nickel, 1973. Fig. 10;

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Ранневизантийский палаш с кольцевым навершием из Царичен-Града (*Ivstiniana Prima*) в Южной Сербии и его степные параллели // X «Анфимовские чтения» по археологии Северного Кавказа / ред. Р.Б. Схатум и др. Краснодар: ИП Смородин Е.В., 2020. С. 166–171.

[2] Распространение палашей в ту эпоху, имеющих более узкий и стало быть более легкий клинок, чем у двулезвийного меча, связано, в первую очередь, с важными изменениями в технике конного боя, что обусловлено появлением в Европе к концу VI в. стремян. Стремена давали всаднику большую устойчивость, а стало быть способствовали развитию ближнего рукопашного боя. Его динамичность напрямую зависела от веса вооружения всадника [Kazanski, 2012. P. 196, 197].

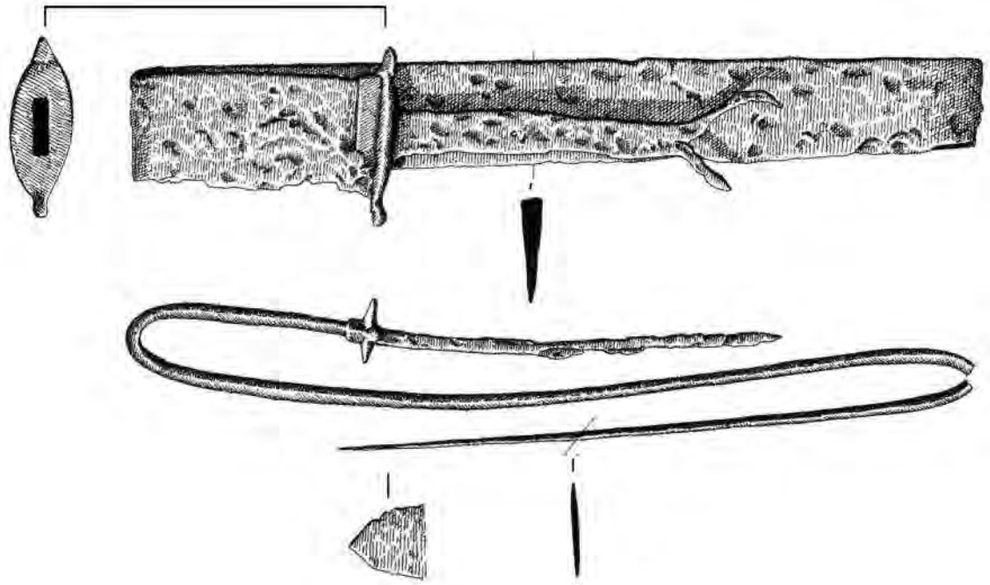


Рис. 25. Палаш из Царичен-Града [по: Bavant, Ivanišević, 2019. Pl. XLVI,1650; 2–4Б]

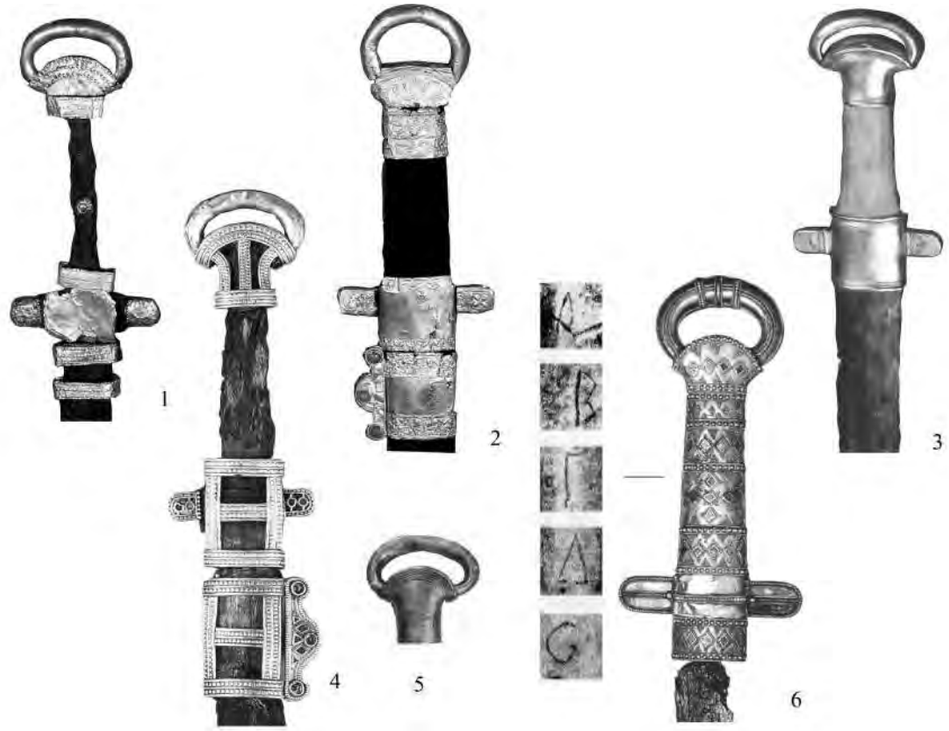


Рис. 26. Клинковое оружие с кольцевым навершием из аварских находок. 1 – Кунагота (Kunágota); 2 – Кечкемет (Kecskémet); 3 – Вишеград (Visegrád); 4 – Кунбабонь (Kunbábony); 5 – Ченгеле (Csengele); 6 – Малая Перещепина. 1–3 – [по: L'Or des Avars, 1986. Fig. 19,20]; 4 – [по: Bálint, 1978. Fig. 15,1]; 5 – [по: Tóth, 1996. Kat. № 5.353]; 6 – [по: Залесская и др., 1997. Кат. 25]

Рис. 27. Восточные параллели клинкового оружия с кольцевым навершием/ 1 – округ Гоюань, погребение генерала Ли Сианя (династия Северная Чжоу, 557–581 гг.); 2 – Бейюешань, около г. Лоян, провинция Хенань, погребение (?) (династия Суй, 581–618 гг.); 3 – Чаньань провинция Шаньси, погр. 46 кладбища фамилии Вей (династия Тан, 618–907 гг.); 4–6 – Афрасиаб, «Зал послов», западная стена. Изображения иностранных посольств/ 1–3 – [по: Koch, 1988. Taf. 73,2; 74,1; 81,2]; 4–6 – [по: Альбаум, 1975. Рис. 6, 7]

Koch, 1998. S. 574–578. Abb. 5. Taf. 73; 74,1; 81] (рис. 27, *1–3*), а также в иконографии эпохи Суй [Koch, 1998. Taf. 82]. Для раннего средневековья клинковое оружие с кольцевым навершием известно и в Центральной Азии по иконографическим данным, в частности в Афрасиабе, на северной окраине г. Самарканд (середина VII – начало VIII в.) (рис. 27) [Bálint, 1978. P. 204; особенно четко: Альбаум, 1975. Рис. 6,11,37; 7,24,25. Табл. VII][3].

Видимо, эти престижные клики в качестве дипломатических даров попадали к аварам и болгарам из одних и тех же византийских мастерских [Комар, 2006. С. 38, 206]. Известно, что предметы вооружения входили в состав дипломатических даров поступавших в империю Тан – например, кольчуги из Самарканда или мечи из Кореи или Манчжурии [Шефер, 1981. С. 344–346]. В качестве ответных даров из Китая престижные мечи с золотой инкрустацией попадали на Суматру [Шефер, 1981. С. 47]. В том, что касается Византии, данных о вручении оружия в качестве дипломатических даров практически нет. Однако, по Прокопию Кесарийскому, оружие и доспехи вручались византийскими императорами, в частности при Юстиниане, при инвеституре варварских вождей [Прокопий Кесарийский, Война с персами. I.9.22 ; об этом эпизоде см. подробнее: Засецкая и др., 2007. С. 96].

Оружие, в том числе и престижное, могло поступать к аварам и болгарам и в результате торговых связей. Так, о покупке аварами оружия в Константинополе сообщает Менандр: «Посланники аварские … получили от царя обычные подарки, купили всё для себя необходимое, между прочим и оружие, и были отпущены» [Менандр Византиец, отрывок 9; цит. по: Византийские историки, 2003. С. 239]. Помимо официальных закупок, наверняка существовала и тайная торговля оружием с кочевниками, как это было, например, в империи Тан [Шефер, 1981. С. 342].

Так или иначе, клинковое оружие с кольцевым навершием на рукояти отражает общую воинскую евразийскую моду VI–VII вв., хорошо представленную в культуре «княжеских» элит [о ней см.: Казанский, 2014. С. 59] и имитировавшуюся рядовыми воинами. О последнем обстоятельстве и свидетельствует находка палаша из Царичен-Града.

[3] Возможно, кольцевые навершия рукоятей представлены и на изображениях в Фондукистане (Fondukistân) (вторая половина VII в.) в Афганистане [Hackin, 1959. Fig. 199; Амброз, 1986. С. 61. Рис. 1,27] и в Варахше (VIII в.) около Бухары в Узбекистане [Амброз, 1986. С. 61. Рис. 1,33]. Впрочем, А.К. Амброз эти кольцевые навершия интерпретировал как «набалдашник» [Амброз, 1986. С. 61].

Библиография

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. 112 с.
Амброз А.К. Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // Советская археология. 1986. № 4. С. 53–73.
Баван Б., Иванишевић В. Ivstiniana Prima – Царичин Град. Лесковац: Народни Музеј, 2006. 114 с.
Менандр Византиец // Византийские историки / Пер. С. Дестуниса. Рязань: Александрия, 2003. С. 220–335.
Гавритухин И.О. Хронология «средneаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. 2001. Т. 2. С. 42–162.
Залесская В,Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб.: Славия – Гос. Эрмитаж, 1997. 336 с.
Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб: Гос. Эрмитаж, 2007. 212 с.
Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. 2006. Т. 5. С. 7–244.
Львова З.А., Семенова А.И. К проверке оснований реконструкции перещепинского меча // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1986. Вып. 26. С. 77–87.
Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. 543 с.
Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 272 с.
Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981. 608 с.
Bálint C. Vestiges archéologiques de l'époque tardives des Sassanides et leurs relations avec les peuples des steppes // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1978. Vol. 30. P. 173–212.
Bavant B., Ivanišević V. Catalogue des objets des fouilles anciennes // Bavant B., Ivanišević V. Caričin Grad IV. Catalogue des fouilles anciennes et autres études. Rome, Belgrade: Ecole française de Rome; Institut archéologique de Belgrade, 2019. P. 1–298.
Garam E. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // Awaren Forschungen. T. I / Hrsg. F. Daim. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universitât Wien, 1992. S. 135–250
Hackin J. Le monastère buddique de Fondukistân (1937) // Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933–1940) / Eds. J. Hackin, J. Carl, J. Mennié. Paris: De Boccard, 1959. P. 49–58.
Kazanski M. Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen âge. Des Huns aux Avars // Le cheval dans les sociétés antiques et médiévales / dir. S. Lazaris. Turnhaut: Brepols, 2012. P. 193–199, 287–296.
Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwerttag- und Kampfesweise im Frühen Mitterlalter am Beispil chinesischer Schwerter mit P-förmigen Tragriemenhaltern aus dem 6.–8. Jahrhunder n. Chr. // Jahrbuch des Römische-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1998. Bd. 45. S. 571–598.
Nickel H. About the Sword of the Huns and the « Urepos » of the Steppes // Metropolitan Museum Journal. 1973. T. 7. P. 131–142.
L'Or des Avars dans le bassin des Carpates VIe–VIIIe siècle. Paris: Association française d'action artistique, 1986. 102 p.
Quast D. Einige alte und neue Waffenfunde aus dem frühbyzantinischen Reich // Thesaurus Avarorum: Archaeological Studies in Honour of Éva Garam / ed. T. Vida. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2012. S. 351–370.
Tóth E., Horváth A. Kunbábony. Das Grab eines Awarenkhagans. Kecskemet: Museumsdirektion der Selbstverwaltung des Komitats Bács-Kiskun, 1992. 295 S.
Tóth E. Kunbábony – Das Grab eines awarischen Khagans // Reitervölker aus dem Osten. Hunnen + Awaren / Hrsg. F. Daim. Eisenstadt: Amt der Burgenländischen Landesregierung, 1996. S. 391–404.
Trousdale W. The Long Sword and Scabbard Slide in Asia. Washington: Smithsonian Institution Press, 1975. 334 p.
Werner J. Adelsgräber von Niederstotozingen bei Ulm und von Bokchondong in Südkorea. München: Verlag der Bayerischen Akademien der Wisenschaften, 1988.

ДВА ВИДА ПОРТУПЕЙ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ И В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ[1]

Данная работа посвящена рассмотрению портупейных ремней позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов, лучше всего представленных в иконографических источниках. Для позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов в Европе, Средиземноморье и на Среднем Востоке по иконографическим данным зафиксированы два способа ношения меча на портупейных ремнях – «римский» [Kazanski, 1991. Fig. 3,10–15; Казанский, 2019. С. 113. Рис. 1,4–9] (рис. 28) и «иранский» [Seyrig, 1937. P. 27, 28; Kazanski, 1991. Fig. 3,18–22; Казанский, 2019. С. 118. Рис. 1,12–16] (рис. 30; табл. 4). Показательно, что если для поздней Римской империи зафиксированы оба вида портупейных ремней, то в сасанидском Иране, а в более раннее время у парфян, мне известны изображения лишь «иранских» портупей. Здесь будут рассмотрены эти два способа ношения мечей.

«Римские» портупеи

В Римской империи, если верить иконографическому материалу, доминирует способ ношения меча на портупейном ремне через плечо. Такие портупеи известны уже в ранней Римской империи [напр.: Miks, 2007. Taf. 295,A, 296, 298,A, 299 и т.д.], они хорошо представлены и в позднеримское время. Для середины – второй половины III в. в качестве примера можно назвать изображения императоров Валериана (правил в 253–260 гг.) и Филиппа Араба (правил в 244–249 гг.) на сасанидском рельефе в Бишапуре (266 г. – дата основания Бишапура). Императоры здесь изображены в унизительной позе перед Шапуром I (годы правления 240/241–270/272 гг.), при этом у римлян отчетливо видны мечи на портупейном ремне через плечо [Vanden Berghe, 1983. Relief 2; Miks, 2007. Taf. 336,B,D] (рис. 28, *1*).

Для более позднего времени, IV–V вв., можно назвать в качестве примеров изображения императора, вероятно, Констанция II (337–361 гг.) на чаше из Гордиковского склепа 1891 г., в Керчи [Мацулевич, 1926. Табл. 1; об идентификации см.: Мацуле-

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Два вида портупей в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XV Международный византийский семинар / ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2023. С. 141–148.

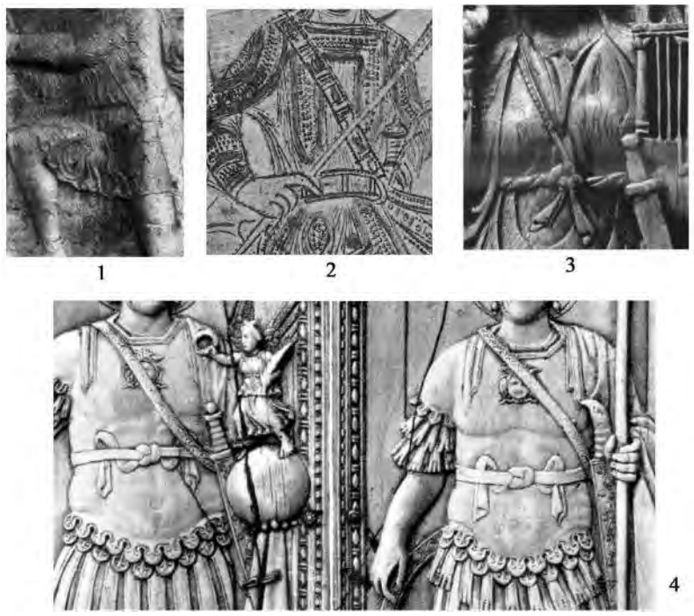


Рис. 28. «Римские» портупеи поздней Империи
1 – Бишапур, изображение римского императора; 2 – Керчь, Гордиковский склеп 1891 г.; 3 – Трир; 4 – диптих Проба, Аоста
1 – по: https://www.livius.org/pictures/iran/bishapur/bishapur-relief-2/bishapur-relief-2-central-scene-shapur-gordian-philip-valerian-courtiers/;
2 – [по: Мацулевич, 1926. Табл. 1]; 3 – [по: Grabar, 1966. Fig. 329];
4 – [по: A l'aube de la France, 1981. P. 238. № 405. Fig. 175]

Рис. 29. «Восточная» мода на драгоценные камни в позднеримской иконографии [по: Гороховський, Корнієнко, 1993. Рис. 2,5,6; 9,1,2]
1 – медальон, Констанций II; 2 – Керчь, Гордиковский склеп, Констанций II; 3, 4 – Верхивна, медальон, Констанций II

вич, 1926. С. 53–59; Засецкая, 1994. С. 225–237][2] (рис. 28, *2*), консула Проба на диптихе из Аосты, 406 г. [Grabar, 1966. Fig. 329] (рис. 28, *3*), а также аллегорического персонажа на пластине из слоновой кости, из Трира, конца V в. [A l'aube de la France, 1981. P. 238. № 405. Fig. 175] (рис. 28, *4*).

«Иранские» портупеи

В восточной воинской традиции по иконографическим данным представлен другой способ ношения меча. Здесь портупейные ремни закрепляются на поясе, «по-ирански» [Seyrig, 1937. P. 27, 28]. Такие ремни изображены на парфянских статуях, например, на изображении военачальника из Хатры, I–III вв. [Scott Smith, 2019] (табл. 4, *1*). Изображения таких портупей известны и в Пальмире для I в. н.э. [Miks, 2007. Taf. 304, 305] (табл. 4, *2*).

«Иранский» способ ношения меча хорошо представлен на сасанидских изображениях, в частности на рельефах из Накш-и-Рустама и Бишапура.

Портупейные ремни, прикрепленные к поясу, хорошо видны как на изображениях царствующих особ (табл. 4, *3*), так и на презентациях рядовых воинов (табл. 4, *4*), в то время как на фигурах римлян, как уже говорилось, изображена «римская» портупея, носимая через плечо [Miks, 2007, Taf. 336, 337,A,B].

Для несколько более позднего времени можно назвать в качестве примера изображения сасанидского царя Шапура II (правление – 307/308–379/380 гг.) на блюде из Турушева (Урал) [Тревер, Луконин, 1987. Илл. 8, 9; Splendeur des Sassanides, 1993. № 52] (табл. 4, *5*), Пероза (правление – 461/462–484 гг.) на блюде из Большой Аниковской (Урал) [Тревер, Луконин, 1987. Илл. 17; Splendeur des Sassanides, 1993. № 60] (табл. 4, *7*), Хозроя II (правление – 591–628 гг.) на блюде из Стрелки (Урал), VI в. [Тревер, Луконин, 1987. Илл. 19; Splendeur des Sassanides, 1993. № 61] (табл. 4, *6*) или царя на блюде из Ново-Баязида (Армения), VII–VIII вв. [Splendeur des Sassanides, 1993. № 56].

[2] По мнению О.В. Шарова, на данном блюде изображен, скорее, император Константин Великий (годы правления – 306–337 гг.) [Шаров, 2009].

На Западе, в Римской империи, «иранские» портупеи тоже известны. Они использовались, в первую очередь, для ношения коротколезвийного оружия, такого как гладиусы и кинжалы [напр.: Miks, 2007. Taf. 306,A,C, 308,A,B], хотя в отдельных случаях можно предполагать наличие такой портупеи и для оружия с довольно длинным лезвием [напр.: Miks, 2007. Taf. 310,A,C,D]. Но, в целом, «иранский» способ ношения мечей оставался в Римской империи довольно экзотическим. Чаще эти портупеи фиксируются на изображениях позднеримского времени. В качестве примера можно назвать изображение на диптихе из Монцы, 396 г., приписываемом Стилихону [Killerich, Torp, 1989. Fig. 1,15] (рис. 30, *1*), на порфировой императорской статуе из Берлинского музея, IV в. [Delbrueck, 1932. Taf. 47. Abb. 37] (рис. 30, *2*), или же на другой императорской порфировой статуе, из Турина, также IV в. [Mercando, 1995. Pl. 64,4] (рис. 30, *3*).

Итак, для поздней Империи более отчетливо, чем для предшествующего времени, фиксируется «иранский» способ ношения меча, прикрепленного портупейными ремнями к поясу. При этом порфировые статуи императоров и диптихи высших сановников свидетельствуют о распространении «иранских» портупей среди правящих римских элит. Вполне возможно, речь идет лишь об одном из проявлений некоей «восточной», условно иранской моды, затронувшей и престижную воинскую экипировку. Напомним, что согласно «Истории августов» восточную моду в Римской империи, в частности на ношение драгоценных камней, завел император Элагобал. Однако сейчас считается, что эта мода, скорее, распространилась при Диоклетиане [Histoire auguste, Antonin Elagobal, XXIII.3; Ščukin et al., 2006. P. 66]. В частности, убор с драгоценными камнями хорошо засвидетельствован в позднеримском иконографическом материале [см. подробнее: Гороховський, Корнієнко, 1993] (рис. 29).

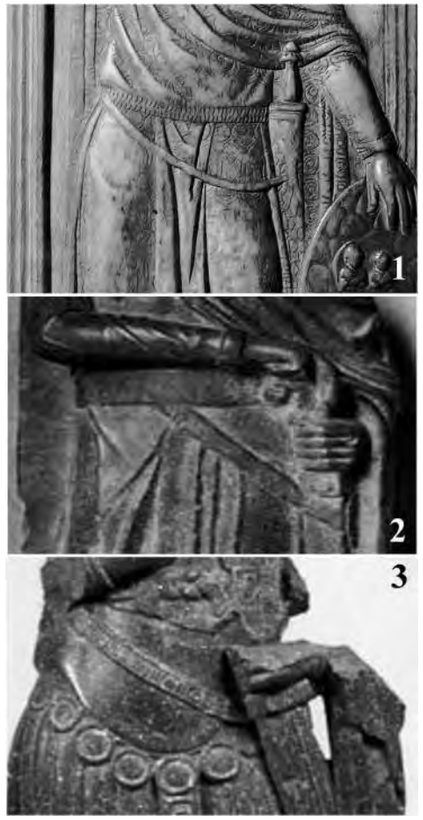


Рис. 30. «Иранские» портупеи на позднеримских изображениях.
1 – диптих, Монца (Стилихон?);
2 – порфировая статуя, Берлин;
3 – порфировая статуя, Турин.
1 – [по: Killerich, Torp, 1989. Fig. 1,15];
2 – по: http://laststatues.classics.ox.ac.uk/database/browse.php?All_Records_page=50;
3 – по: http://laststatues.classics.ox.ac.uk/database/browse.php?All_Records_page=50

Библиография

Гороховський Є.Л., Корнієнко П.Л. Вбрання Констанція II на Верхівнянському медальйоні // Археологія. 1993. № 2. С. 130–152.

Засецкая И.П. О месте изготовления серебряной чаши с изображением Констанция II из Керчи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. Вып. IV. С. 225–237.

Казанский М.М. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова / Отв. ред. С.В. Белецкий. СПб., 2019. С. 113–124.

Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926. (Памятники Государственного Эрмитажа. Вып. II).

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. М., 1987.

Шаров О.В. Блюдо с изображением триумфа императора из склепа Гордиковых в Керчи // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 508–514.

A l'aube de la France. La Gaule de Constantin à Childéric. Paris, 1981.

Delbrueck R. Antike Porphyrwerke. Berlin, 1932. (Studien zur spätantiken Kunstgeschichte, Vol. 6).

Grabar A. L'âge d'Or de Justinien. Paris, 1966.

Histoire Auguste. Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles / Ed. A. Chastagnol. Paris, 1994.

Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement "orientaux" en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe–Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. 1991. Vol. 4. P. 123–139.

Killerich B., Torp H. Hic est: hic Stilicho. The Date and Interpretation of a Notable Diptych // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1989. T. 104. P. 319–371.

Mercando L., Lazzarini M.L. Sculture greco-romane provenienti dell'Egitto nel Museo di Antichità di Torino // Alessandria e il mondo ellenistico-romano: 1. centenario del Museo greco-romano: Alessandria, 23–27 novembre 1992: atti del 2. Congresso internazionale italo-egiziano. Rome, 1995. P. 356–367.
Miks C. Studien zur Römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Rahden /Westf., 2007.
Seyrig H. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria. 1937. T. 18. P. 4–31
Schukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns. Le nord de la mer Noire au Bas-Empire et a l'epoque des Grandes migrations. Oxford, 2006. (BAR International Series 1535).
Scott Smith P. Ancient Parthian Warfare // Ancient History Encyclopedia, 2019. URL: https:// brewminate.com/ancient-partian-warfare.
Vanden Berghe L. Reliefs rupestres de l'Iran ancien. Brussels, 1983. URL: https://www.livius.org/articles/misc/vanden-berghe-list/.

ГЕЛОН С КОСОЙ: О ДРЕВКОВОМ ОРУЖИИ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ[1]

В панегирике Сидония Аполлинария в честь Авита (правил в 455–456 гг.), при описании воинских доблестей этого императора, в списке побежденных варваров упоминается *…falce Gelonus…* – «гелон, [побеждаемый в умении владеть] косой» (Панегирик сказанный Авиту Августу, Vv. 230–237)[2]. Гелоны здесь перечисляются в списке других варваров, побежденных на Дунае и Рейне Аэцием и Авитом – герулы, гунны, франки, савроматы, салии. Все знают, что к 455 г. гелоны, некогда обитавшие в Скифии, давно исчезли. Сидоний Аполлинарий, вне всякого сомнения, употребляет этот этноним в качестве синонима диких народов Барбарикума. Действительно, гелоны к тому времени в позднеримской литературе олицетворяют собой неких отдаленных северных дикарей [Ермолова, 1998]. Представляется очевидной и их приуроченность к Восточной Европе, точнее к Скифии, поскольку гелоны в римской литературе выступают, в первую очередь, как кровожадные всадники, т.е. степняки, а иногда и как синоним скифов [Ермолова, 1998. С. 35]. Одна деталь привлекает внимание – это оружие, которым побеждается мифический гелон, судя по контексту хорошо им владевший, а именно боевая «коса». Постараемся разобраться, стоят ли за этой фразой какие-либо археологические реалии?

Вопреки довольно распространенному заблуждению, боевая коса (fauchard) как вид древкового оружия появляется на Западе не в развитом средневековье, а гораздо раньше. Она довольно хорошо представлена в Галлии в меровингское время, где выделяются два типа этого оружия. Боевые косы с сильно изогнутым лезвием, по форме напоминающем скорее серп, датируются раннемеровингским периодом, приблизительно с 470/480 по 560/570 гг. [Legoux, Périn, Vallet, 2009. № 46]. К числу раннемеровингских могут быть, в частности, отнесены находки в пикардийских некрополях Брени (Breny) [Kazanski, 2002. P. 44. Pl. 54,5; 67,1], Нувийон-ан-Понтье (Nuvion-en-Pontihieu) [Piton, 1985. P. 242, 243. Pl. 129,1–4], в лотарингском могильнике Кютри (Cutry) (Legoux, 2005. P. 86. Pl. 1,907] (рис. 31). В VII в. бытуют косы с прямым лезвием, они встречаются гораздо реже, чем косы с изогнутой боевой частью [Legoux, Périn, Vallet, 2009. № 47]. Имеются боевые косы и в погребениях лангобардов Италии второй половины VI – начала VII в. [Ciampoltrini, 1993]. Однако в целом в Западной Европе это довольно редкий вид оружия и, главное, никак не связанный с Барбарикумом, тем более восточноевропейским, на который явно указывает упоминание гелонов. В Восточной Европе ничего подобного попросту нет. Да и по археологическим датам известные нам боевые косы несколько позднее упоминания Сидония Аполлинария.

Однако в последние годы на территории Галлии были найдены и некоторые другие предметы вооружения, явно восточноевропейского происхождения, возможно, имеющие отношение к упомянутому здесь тексту Сидония Аполлинария. Это двулезвийные, довольно короткие клинки с двумя вырезами у рукояти, часто условно называемые «кинжалы меотского типа» (рис. 32). Впервые, кажется, на них обратил особое внимание Н. И. Сокольский [Сокольский, 1954, С. 159], а позднее эти клинки были выделены А. М. Хазановым в тип 5 сарматских кинжалов [Хазанов, 2008. С. 50–52]. Эти клинки хорошо известны археологам, что избавляет меня от их подробной презентации [см. последние сводки: Soupault, 1996; Istvánovits, Kulcsár, 2008; Иштванович, Кульчар, 2009; Левада, 2013], отметим лишь основные этапы распространения этого вида оружия.

Наиболее ранние клинки этого типа, датируемые III в., на сегодняшний день зафиксированы на Северо-Восточном Кавказе, на могильнике древнего Дербента (Нарын-Кала, погр. 4) [Кудрявцев, Гаджиев, 1991. Рис. 12,6], что снимает гипотезу об их боспорском происхождении, выдвинутую в свое время Р. Хархою [Harhoiu, 1988]. В позднеримское время, в IV в., клинки с вырезами у рукояти распространяются также в Крыму и на территории черняховской культуры, они единично представлены и в Донском регионе [Сокольский, 1954. С. 159; Harhoiu, 1988; Soupault, 1996; Магомедов, Левада, 1996. С. 305, 306; Левада, 2006; 2013; Храпунов, 2010. С. 538–545]. В эпоху переселения народов «меотские кинжалы» появляются на Среднем Дунае [Istvánovits, Kulcsár, 2008; Иштванович, Кульчар, 2009] и, наконец, в Аквитании (речная находка: Peyroulié, Sainte-Livrade-sur-Lot, dép. Lot-en-Garonne [см.: Garnier, Lebedynsky, Daynès, 2007; Lebedynsky, 2012. Fig. 19]) и в Северной Галлии (поселение с галло-римской керамикой: Flins-sur-Seine, dép. Yvelines [см.: Barat, Soulat, Gauduchon, 2009. P. 15, 186]). В целом, особая концентрация клинков с вырезами наблюдается в Крыму и на Северном Кавказе [Левада, 2013. Рис. 2]. Затем этот вид оружия неожиданно исчезает везде в Европе, за исключением Северного-Западного Кавказа, где подобные клинки в V–VII вв. хорошо представлены, например, в материалах таких известных могильников как Борисово [см., напр.: Саханев, 1914. С. 83, 92. Рис. 16], Дюрсо [Дмитриев, 1979. Рис. 3,15; 10,2; 1982. Рис. 5,46; 8,26; 10,25], Бжид [Порох, Пьянков, 1999][3] (рис. 33).

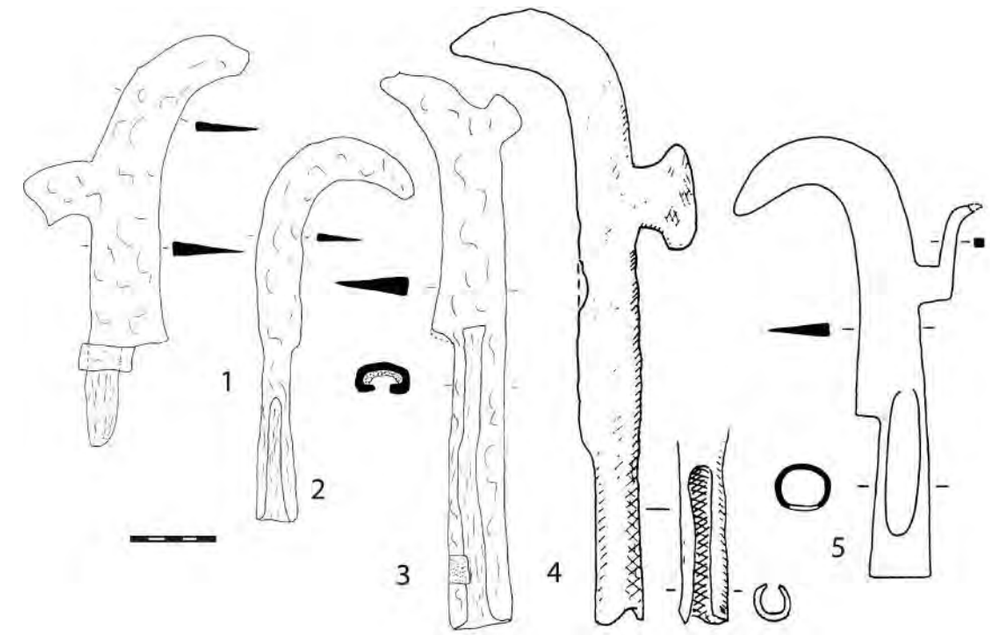


Рис. 31. Боевые косы раннемеровингского времени
1 – Нувийон-ан-Понтье (Nuvion-en-Pontihieu), погр. 177; 2 – Нувийон-ан-Понтье, погр. 429; 3 – Нувийон-ан-Понтье, погр. 444; 4 – Брени (Breny), погр. 1123; 5 – Кютри (Cutry), погр. 907
1–3 – [по: Piton, 1985. Pl. 129]; 4: [по: Kazanski, 2002. Pl. 54,5]; 5 – [по: Legoux, 2009. Pl. 1,907]

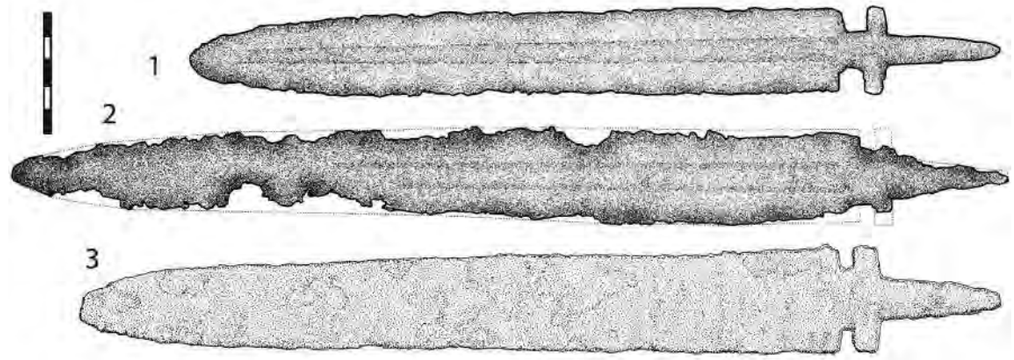


Рис. 32. Клинки с вырезами, обнаруженные в Галлии [по: Barat, Soulat, Gauduchon, 2009. Fig. 6]
1, 2 – Сент-Ливраде-сюр-Ло (Sainte-Livrade-sur-Lot); 3 – Флан-сюр-Сен (Flins-sur-Seine)

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Гелон с косой: о древковом оружии эпохи переселения народов // Stratum plus. 2014. № 6. С. 105–111.

[2] Цит. по: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том II. Латинские писатели. Вып. 2. СПб., 1906. С. 418–426.

[3] Отдельные экземпляры подобного оружия в раннесредневековом контексте известны и вне пределов Северо-Западного

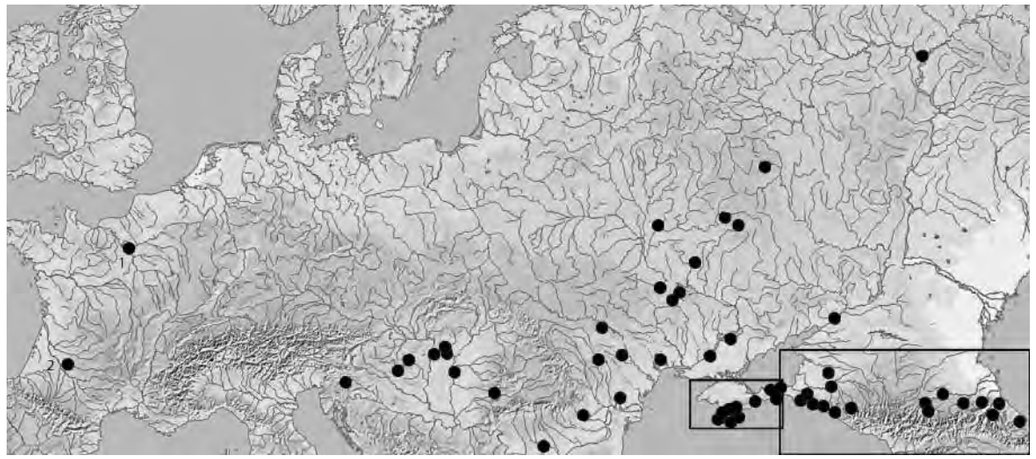


Рис. 33. Распрстранение клинков с вырезом в Европе [по: Левада, 2013. Рис. 2]
1 – Сент-Ливраде-сюр-Ло (Sainte-Livrade-sur-Lot); 2 – Флан-сюр-Сен (Sainte-Livrade-sur-Lot)

Рис. 34. Современное японское копье «яри» с мечевидным наконечником

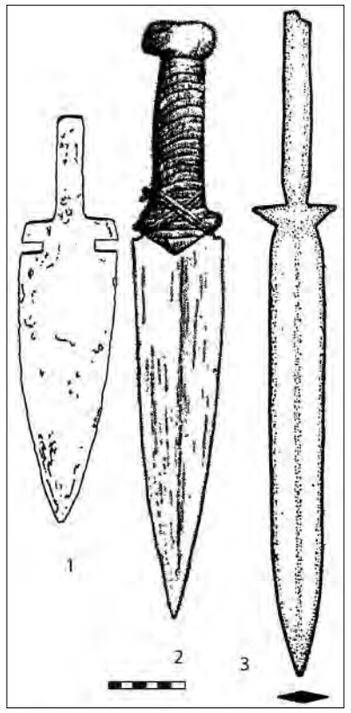
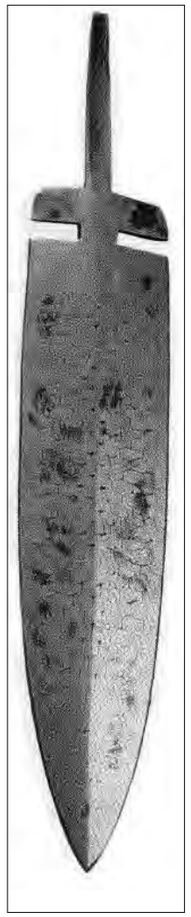


Рис. 35. Диахронические параллели клинкам с вырезами:
1, 2 – клинки североамериканских индейцев; 3 – клинок таштыкской культуры. 1, 2 – [по: Garnier, Lebedynsky, 2007. Fig. 3];
3 – [по: Худяков, 1986. Рис. 40,1]



◀ Рис. 36. Американский клинок XIX в., т.н. бобровый хвост, предназначенный для продажи индейцам и использовавшийся как кинжал и как насадка копья [по: Lebedynsky, 2002. P. 123]

Восточноевропейское, скорее всего северокавказское происхождение этого типа клинкового оружия общепризнанно. Предполагается их связь с алано-сарматским элементом, хотя у степных ираноязычных народов это оружие как раз встречается редко, оно более характерно для населения, оседло проживавшего на границах степи, в Крыму, на Северном Кавказе, в Среднем Поднепровье и в Днестровско-Дунайском бассейне. Поэтому, при изучении этого вида оружия лучше избегать прямых этнокультурных атрибуций.

Дискуссию вызывает функциональное назначение этих клинков. Со времени публикации Н. И. Сокольского, да и ранее [Саханев, 1914. С. 125], их квалифицировали как кинжалы или короткие мечи. Считалось, что вырезы у рукояти предназначались для крепления перекрестья [Хазанов, 2008. С. 50]. По мнению М.Б. Щукина, речь может идти о вспомогательном оружии для левой руки, основная функция которого – с помощью вырезов у рукояти блокировать клинок противника [Ščukin, 1993. P. 327; Щукин, 2011. С. 177]. Последняя идея, однако, большинством исследователей не принята, поскольку вырезы у рукояти неглубокие и не приспособлены для захвата клинка.

Кавказа. Так, один клинок очень хорошей сохранности, возможно, вторичного использования происходит со славянского поселения Рудь (сооружение 8, с лепной керамикой типа Луки-Райковецкой, возможно, связанное с горном X–XI вв.), в Молдавии [Бейлекчи, 1986. Рис 2,8].

Впоследствии возникла и иная точка зрения – эти клинки являются боевой частью древкового оружия, типа алебарды, которой можно наносить как колющие, так и рубящие или подсекающие удары [Lebedynsky, 2001. P. 139; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 192; Схатум, 2004]. В пользу такой интерпретации свидетельствует, в первую очередь, местоположение клинков с вырезами в погребениях, у головы или плеча покойного, острием вверх, что типично для копий. Далее, эти клинки в погребениях никогда не совстречаются с копьями и, наконец, несмотря на следы дерева, на этих клинках ни разу не встречены металлические элементы ножен [Схатум 2004. С. 42, 43].

Впрочем, приведены и контраргументы. В крымских погребениях хорошо сохранились следы деревянного покрытия клинков, которое логично интерпретировать как ножны кинжалов, поскольку ничего подобного для многочисленных наконечников копий в этих регионах неизвестно [Храпунов, 2010. С. 540, 541][4]. Остатки дерева на клинках свидетельствуют о том, что в ряде случаев штырь «рукояти» и вырезы были перекрыты узкими деревянными пластинами, а не остатками древка. В отдельных случаях, например, в склепе 30 могильника Суворово в Юго-Западном Крыму, на таком клинке сохранилась и настоящая деревянная рукоять [Левада, 2013. С. 172, 174]. Крепление таких насадок не могло быть достаточно прочным [Мыц и др., 2006. С. 119].

И.Н. Храпунов, однако, приводит находку из Лимаревки, в кургане позднесарматского времени на Донбассе, где у кинжаловидного клинка, правда, без видимых вырезов, прослежены остатки черенка 0,55 см, что может свидетельствовать о существовании у восточноевропейских варваров древкового оружия с кинжаловидными наконечниками [Храпунов, 2010. С. 541]. Примерно в то же время на окраинах римской ойкумены зафиксировано появление и настоящей алебарды, то есть древкового оружия с комбинированным наконечником, состоящим из острия копья и лезвия боевого топора. Речь идет о находке в вождеской могиле II в. Хажар ам Дхабийа (Hajar-am-Dhabiyya) в Хадрамауте [Kazanski, 1993. P. 57. Fig. 47, 48].

Мне представляется, что всё же более правы те исследователи, которые рассматривают данные клинки, как «универсальное» оружие, которое может быть использовано и как клинок кинжала, и как насадка копья, которым можно наносить как колющие, так и подсекающие удары [Lebedynsky, 2001. С. 139; Мыц и др., 2006. С. 119]. Подобного рода копья с мечевидным или кинжаловидным наконечником хорошо известны в китайском и японском («яри») традиционном вооружении и сохранились там в фехтовальном искусстве буквально до наших дней (рис. 34). О возможности такой интерпретации свидетельствуют, в частности, этнографические параллели XIX в. на американском «Диком Западе», где совершенно аналогичные клинки с вырезами у рукояти (т.н. бобровый хвост) использовались индейцами и как кинжалы, и как наконечники копий [Lebedynsky, 2001. P. 139; см. также фото: Lebedynsky, 2002. P. 123] (рис. 35, *1, 2*; 36).

Не исключено, что подобное оружие, хорошо известное, как уже говорилось, в воинской цивилизации древнего Китая, могло попасть на Запад с одной из волн кочевников, продвигавшихся в римское время вдоль евразийского степного коридора с востока на запад [Схатум, 2004. С. 45, 46; Мыц и др., 2006. С. 119]. В связи с этим, нельзя не упомянуть клинковое оружие с выступами у рукояти (рис. 35, *3*), несколько напоминающее наши клинки и представленное в таштыкской культуре Южной Сибири [Худяков, 1986. Рис. 40,1]. Возвращаясь к тексту Сидония Аполлинария, можно предполагать, что он в своем панегирике образно засвидетельствовал появление на римском Западе в эпоху переселения народов как раз этого экзотического типа оружия.

[4] Стоит, однако, отметить, что в некоторых восточноевропейских находках римского времени, например, в могильнике Андреевский курган, в Мордовии, всё же известны футляры для наконечников копий, правда не деревянные, а металлические [Степанов, 1980. Табл. 13,1; 34,10,11]. Футляры-ножны хорошо известны и для современных японских «яри», о которых еще пойдет речь (рис. 34).

Библиография

Бейлекчи В.С. Раскопки славянского поселения Рудь в 1981–1982 гг. // Археологические исследования в Молдавии в 1982 г. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 96–115.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Древности V–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 191–193.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. № 4. С. 212–247.

Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 69–106.

Ермолова И.Е. Гелоны в послегеродотовой античной литературе // Восточная Европа в древности и средневековье / ред. Е.А. Мельникова. М.: Наука, 1998. 32-36.

Иштванович Э., Кульчар В. Мечи/кинжалы с боковыми вырезами в Карпатском бассейне // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 143–151.

Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века / ред. О.М. Давудов. Махачкала: *Изд*-во ИИЯЛ ДНЦ РАН, 1991. С. 87–115.

Левада М.Е. Кинжалы типа Хазанов–V в Среднем Поднепровье // VII Боспорские чтения. Керчь, 2006. С. 192–199.
Левада М.Е. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) / ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, Бахчисарай: Доля, 2013. С. 171–187.
Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 304–323.
Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг –некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История, 2006.
Порох А.Н., Пьянков А.В. Кинжалы с вырезами у рукояти из могильника Бжид-1 (хронологический и технологический аспекты изучения) // Донская археология. 1999. Вып. 3–4 (4–5). С. 115–121.
Саханев В.В. Раскопки на северном Кавказе в 1911–12 годах // Известия Императорской Археологический Комиссии. 1914. Вып. 56. С. 75–219.
Сокольский Н.И. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Вып. II / отв. ред. М.М. Кобылина. М.: Наука, 1954. С. 123–196. (МИА. № 33).
Степанов П.Д. Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1980.
Схатум Р.Б. О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V–VII вв. // Магистериум. 2004. Вып. 2. С. 40–47.
Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2008.
Храпунов И.Н. Оружие из могильника Нейзац // Terra barbarica / red. A. Urbaniak, R. Prochowicz et al. Łódź, Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódźkiego, 2010. С. 53–555.
Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986.
Щукин М.Б. Готский путь. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2005.
Щукин М.Б. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения) // Stratum plus. 2011. № 4. С. 167–178.
Barat Y., Soulat J., Gauduchon S. La présence d'un établissement germanique au début du Ve siècle à Flins-sur-Seine (Yvelines)? // Antiquités nationales. 2009. Vol. 40. P. 183–192.
Ciampoltrini G. La falce del guerriero, e altri appunti per la Tuscia fra VI e VII secolo // Archeologia Medievale. 1993. Vol. 20. P. 595–606.
Garnier J.-F., Lebedynsky I., Daynès M. Deux poignards sarmato-alains en Lot-et-Garonne // Antiquités nationales. 2007. Vol. 38. P. 161–168.
Harhoiou R. Das Kurzschwert von Micia // Dacia. 1988. Vol. 32. P. 79–90.
Istvánovits E., Kulcsár V. Az ún «meót» típusú kardok/tőrök a Kárpátmedencében // A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Evkönyve. 2008. Vol. 50. P. 281–290.
Kazanski M. La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne). D'après les collections et les archives du Musée des Antiquités Nationales. Montagnac: Editions Monique Mergoil, 2002.
Lebedynsky I. Armes et guerriers barbares au temps des grandes invasions. Paris: Errance, 2001.
Lebedynsky I. Les Sarmates. Paris: Errance, 2002.
Lebedynsky I. La grande invasion des Gaules 407–409. Clermont-Ferrand: Lemme Edit, 2012.
Legoux R. La nécropole mérovingienne de Cutry (Meurthe-et-Moselle). Saint-Germain-en Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2005.
Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorrain. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2009.
Piton D. La nécropole de Nouvion-en-Ponthieu (Dossiers archéologiques, historiques et culturels du Nord et du Pas-de-Calais, nº 20). Berck-sur-Mer: AMPBBE, 1985.
Ščukin M. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine tardive (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 323–333.
Soupault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoches (IVe–VIIe s.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 60–76.

ПОГРЕБЕНИЯ СО ЩИТОМ В СЕВЕРНОМ И ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ВРЕМЯ: ИСТОКИ ОБРЯДА[1]

В I – первой половине III в. н.э. в Северном и Восточном Причерноморье появляется серия могил, содержавших в своем погребальном инвентаре щиты с металлическими элементами (умбоны, манипулы, оковки). Это достаточно хорошо известные находки, о которых еще пойдет речь – курганы Садовый, Высочино, Танаис на Нижнем Дону, гробница Каллисфена в Керчи, два погребения могильника Нейзац в Юго-Западном Крыму, погребение на могильнике Шаумяновка в Абхазии. С III–IV вв. обычай помещения щита в могилу становится широко распространенным в Крыму, в Абхазии и, в меньшей степени, в Северо-Западном Причерноморье, на могильниках черняховской культуры. Наша задача – выявить возможные истоки этой практики.

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Погребения со щитом в Северном и Восточном Причерноморье в позднеантичное время: истоки обряда // Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения ученого-кавказоведа Ю.Н. Воронова / ред. О.Х. Бгажба. Сухум: Дом печати, 2018. С. 133–144.

Присутствие щита в погребальном обряде в позднелатенское и римское время хорошо фиксируется в кельтских и германских культурах Западной и Центральной Европы. Явно от кельтов и германцев этот обычай, вместе с другими элементами воинской культуры (паноплия, ношение шпор, ритуальная порча оружия и др.), попадает в римское время к фракийцам, балтам, прибалтийским финнам. Потому неудивительно, что появление щитов в понтийских могилах было воспринято исследователями как археологическое свидетельство воинских контактов местных варваров с германцами. Так, присутствие умбонов щитов в «вождеских» сарматских курганах середины или второй половины I в. н.э. Садовый и Высочино, курган 28 (рис. 37) было истолковано М. Б. Щукиным как возможная воинская добыча или дипломатические подарки германского происхождения, тем более, что в это время воинские сармато-германские контакты устанавливаются и по данным письменных источников [Щукин, 2011. С. 168, 169, 172]. Среди нижнедонских погребений также необходимо упомянуть и привилегированное погребение 1 кургана 2.1964 г. Танаиса (рис. 38), где в состав погребального инвентаря входил умбон с шипом типа Илькер 3с, периода С1а (170/180–210/220 гг.). Умбон принадлежит к поздней группе предметов, выявленных в могиле (тризна?), которая датируется рубежом II–III вв., и, возможно, был помещен в могилу *post mortem* германцами [Толочко, Шаров, 2016. С. 309, 310].

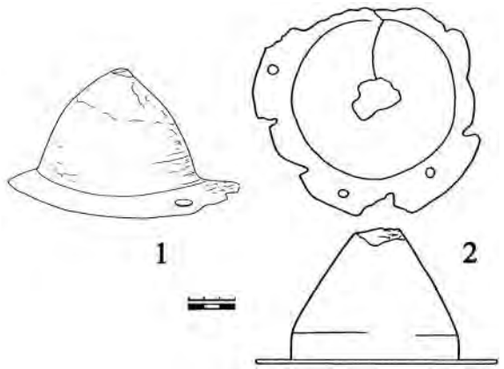


Рис. 37. Умбоны из сарматских нижнедонских погребений Садовый (1) и Высочино (1) [по: Щукин, 2011. Рис. 1]

При этом исследователи сталкиваются с одной проблемой: нет никаких исторических свидетельств о германцах в Черноморском бассейне между концом III – началом II в. до н.э. (скиры декрета Протогена [см.: Щукин, 1994. С. 97]) и серединой III в. (прорыв готов и боранов на Черное море). Часто реконструируется еще одна волна миграции германцев, докатившаяся до Понта во II в. н.э., не засвидетельствованная письменными источниками, но оставившая ряд археологических свидетельств, в частности, находки поясных и конских гарнитур, пластинчатых гривен, украшений круга т.н. варварских эмалей [Васильев, 2005; Шаров, 2010; 2013].

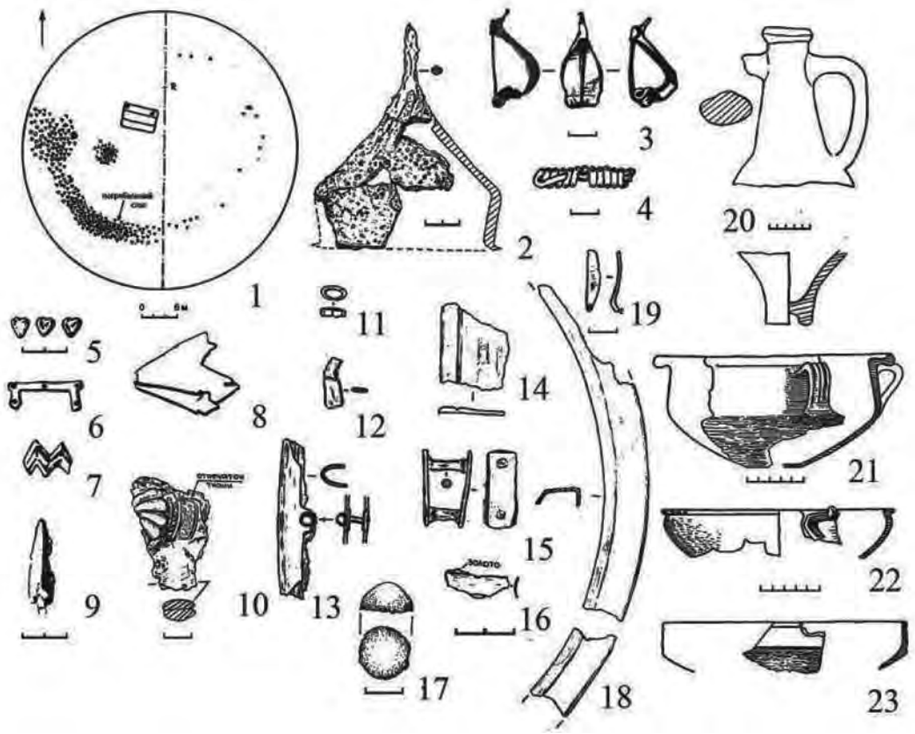


Рис. 38. Танаис, курган 2.1904 г. [по: Толочко, Шаров, 2016. Рис. 1]

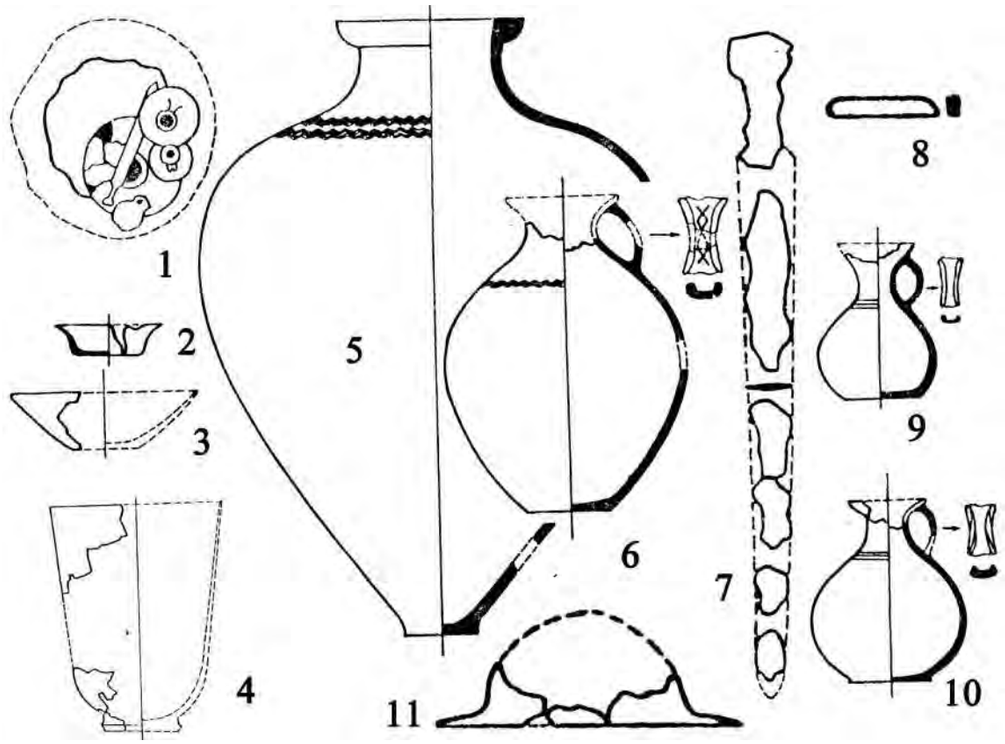


Рис. 39. Погребение у с Шаумяновка [по: Гунба, 1978. Табл. 48]

Впрочем, поясные гарнитуры, пластинчатые гривны и «варварские» эмали, по справедливому мнению исследователей, выявивших эту волну миграции, оказываются в значительной степени не столько германскими, сколько балтскими или, по крайней мере, происходящими не из германского, а из «лесного» восточноевропейского мира. Но в конечном итоге нельзя исключать возможность прорыва каких-то нам неизвестных германских (или смешанных) групп мигрантов в Северное Причерноморье в эпоху ранее Готских войн середины III в.

Однако вряд ли обряд помещения щита в могилу мог быть принесен этими гипотетическими германцами, по крайней мере, такая версия не является единственно возможной. В этом убеждают некоторые находки в Абхазии и Крыму. В том, что касается восточного побережья Черного моря, напомним, что известные здесь щиты с металлическими умбонами и манипулами не имеют аналогов в других регионах Кавказа [Воронов, Шенкао, 1982]. Типы умбонов и манипул, представленные здесь в римское время и в эпоху переселения народов, распространены как у германцев, так и в Римской империи. Наиболее ранний металлический умбон в контексте цебельдинской культуры отмечен, насколько можно судить по публикации, уже на стадии I/1 (170/200–260/270 гг.) по хронологии цебельдинской культуры, в погребении-кремации с мечом у с. Шаумяновка (рис. 39) [Гунба, 1978. С. 60, 61. Табл. 48,8]. Показательно, что умбон здесь римского типа, полусферический, типа Zieling M-R1 [Kazanski, 1994. P. 437]. При этом, на первой стадии существования цебельдинской культуры никаких германских элементов в ней, в принципе, не замечено, они появляются позднее, на стадии I/2, т.е. в 260/270–330/340 гг. [Казанский, 2015а. С. 54]. Итак, меченосец из Шаумяновки завел себе щит с римским умбоном, скорее всего, без посредства германцев.

В Керчи-Пантикапее, парадный умбон с рельефным декором на калотте и с шипом (рис. 40) был обнаружен в 1894 г. на северном склоне горы Митридат, в могиле Юлия Каллисфена с типичным для могил боспорской знати погребальным инвентарем II в. (рис. 41) [Шаров, 2011. С. 220. Рис. 8; Шаров, Чореф, 2015]. Погребенный здесь боспорский аристократ вряд ли был настолько эксцентричен, чтобы даже в страшном сне мог представить себя дикарем-германцем (если он вообще что-то слышал про их существование). Что же до умбона, то его форма, известная теперь благодаря реконструкции О.В. Шарова, сопоставима с «парадными» центрально- и североевропейскими умбонами с шипом типа Херпай [ср.: Шаров, Чореф, 2015. Рис. 10], изготовленными под сильным влиянием римской традиции [Казанский, 2015б, С. 281–283, там же библиография].

Эти два примера убеждают меня в том, что, не отрицая самого факта прорыва неких германцев в Северное Причерноморье во II в. и появления здесь в связи с этим событием отдельных элемен-

Рис. 40. Умбон из погребения Юлия Каллисфена [по: Шаров, Чореф, 2015. Рис. 7]

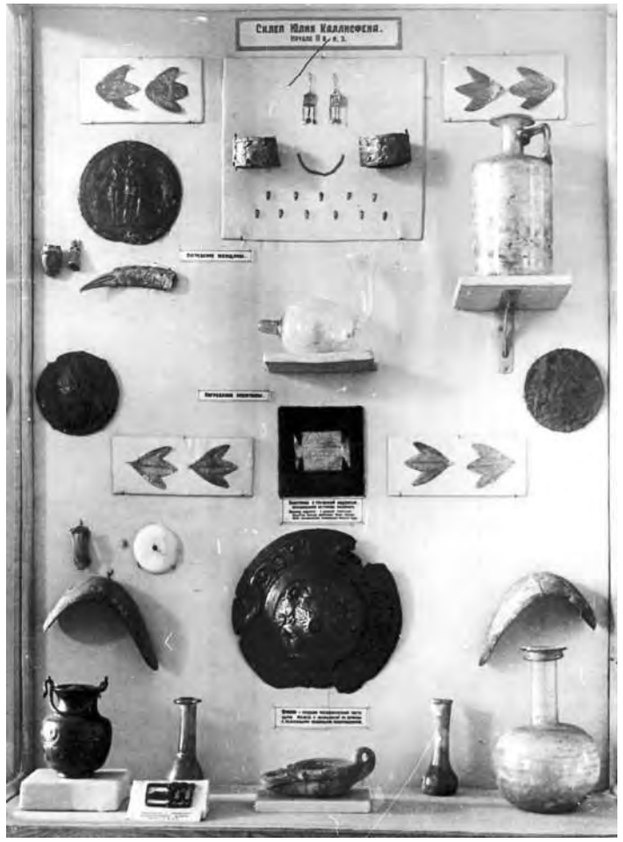


Рис. 41. Витрина с вещами из погребения Юлия Каллисфена [по: Шаров, Чореф, 2015. Рис. 6]

тов германской культуры, необходимо рассмотреть и другие возможности появления на Понте обычая помещения щита в могилу. Кстати, этот обычай не является исключительно германским, скорее всего, в эпоху латена он распространялся в рамках известного феномена кельтской «вуали», в свое время подмеченного М.Б. Щукиным [Shchukin, 1989. P. 16; Щукин, 1994. С. 18].

В этом смысле показательны находки умбонов в некоторых могилах фракийской романизированной знати Мезии I – первой половины III в. [Wozniak, 1975; Zieling, 1989. P. 1000, 1001. Kat. 2016, 2017, 2020–2022; Kazanski. 1994. P. 436]. Необходимо подчеркнуть, что находки умбонов в этих погребениях уже рассматривались в качестве элемента кельтского влияния и/или присутствия [Wozniak, 1975]. В качестве особо показательных можно назвать такое привилегированное погребение как Димитриево (рис. 42, *1*), захоронение с колесницей [Велков, 1943. С. 196; Zielingб 1989, P. 1000. Kat. 2016], сопровождавшееся умбоном типа Цилинг N-а, типичным для периода B1 (10/20–70/80 гг.) [Zieling, 1989. P. 132]. Еще одно погребение, это курган Караагач [Велков, 1928–1929. С. 24;

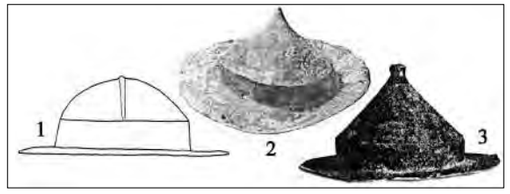


Рис. 42. Умбоны из фракийских погребений в Мезии: 1 – Димитриево; 2 – Садово; 3 – Караагач 1 –реконструкция [по: Велков, 1943. Обр. 274; 2 – [по: Жуглев, Калудова, 1963. Обр. 12]; 3 – [по: Велков, 1928–1929. Обр. 24]

Zieling, 1989. P. 1000. Kat. 2017], в котором найден бронзовый умбон типа Цилинг I4 (рис. 42, *3*), особенно типичный для периода B2 (70/80–160/170 гг.) [Zieling, 1989. P. 119, 120]. Подчеркнем, что близкий умбон был найден в Юго-Западном Крыму, на могильнике Нейзац, в погр. 152 (рис. 43, *1*), первой половины III в. [Храпунов, 2011. С. 32–34. Рис. 29,1]. Еще один очень похожий умбон происходит из древнего сирийского города Хауран (рис. 44). Он случайно был мною замечен и сфотографирован в Национальном Археологическом музее в Дамаске

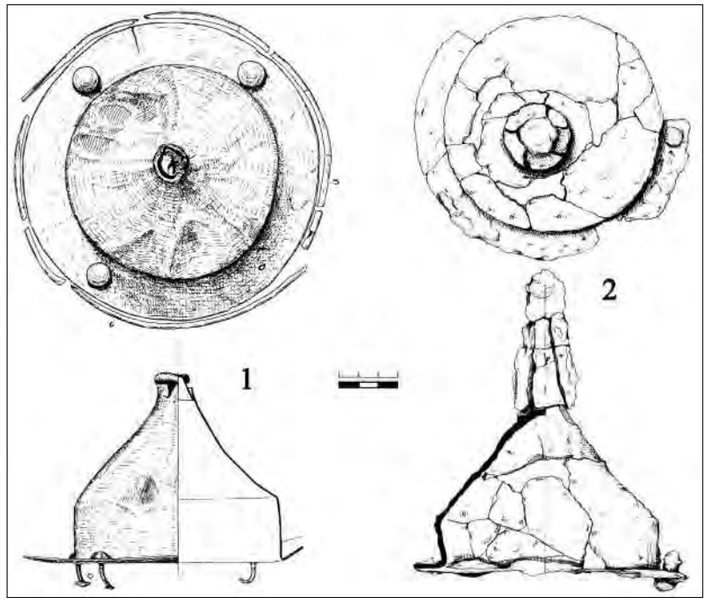


Рис. 43. Умбоны из могильника Нейзац [по: Храпунов, 2011. Рис. 25]: 1 – погр. 152; 2 – погр. 306

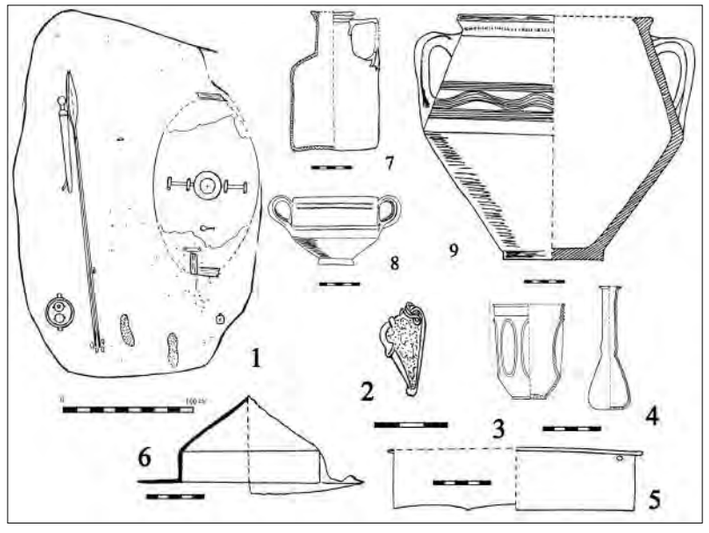


Рис. 45. Погребение в Сердике [по: Писарова, 1995. Обр. 16]

в 1989 г. [Kazanski, 1994. Pl. 17][2]. Сирийская находка свидетельствует в пользу сомнений относительно связи умбонов этого типа только с германским миром. К числу привилегированных погребений с умбоном относится и курган № 1 Садово, датированный болгарскими археологами I в. н.э. [Жуглев, Калудова, 1963; Zieling, 1989. P. 1001. Kat. 2021] и содержавший умбон типа Цилинг E1 (рис. 42, *2*), времени B1-C2 [Zieling, 1989. P. 79, 80]. Из других находок можно привести «воинское» погребение из Серики (рис. 45), с копьем, мечом, щитом и материалом I – первой полвины II в. [Писарова, 1995. Обр. 16][3].

Рис. 44. Умбон из Хаурана [по: Kazanski, 1994. Pl. 17]

Наконец, стоит упомянуть и находку двух щитов с металлическими умбонами в знаменитом кургане 2 фракийского могильника Чаталка «Рашава Драгана». Раннее погребение в нём датируют концом I или началом II в. и видят здесь явное присутствие сарматского культурного элемента [Буюклиев, 1995; Негин, Камишева, 2016]. Из двух умбонов я смог ознакомиться с предварительной публикацией одного из них [Буюклиев, 1976. Обр. 12][4]. По имеющемуся в моем распоряжении фото форму умбона трудно определить, ясно лишь, что он имеет высокую сфероконическую калотту и сравнительно узкие поля.

Наличие вышеперечисленных погребений фракийской военизированной знати могло бы, как мне кажется, объяснить и появление обычая помещения умбона в могилу в Крыму. Совсем не исключено, что он иллюстрирует влияние фракийских воинских обычаев на погребальный обряд населения Крыма [Kazanski, 1991. P. 501, 502]. Как известно, в это время фракийские вспомогательные воинские части находились в Херсонесе [см., напр.: Кадеев, 1981. С. 96, 97].

[2] При этом мне не была предоставлена возможность зарисовать умбон, мой фотоаппарат сломался непосредственно в момент съемки данного предмета через стекло витрины, а пленка впоследствии была безвозвратно потеряна фотографом лаборатории Музея национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Лэ. По счастливой случайности, у меня сохранился слайд с умбоном, который и воспроизведен в публикации 1994 г., а также в данной работе.

[3] Пользуюсь случаем поблагодарить Олега Шарова за любезные консультации и помощь в работе над этой статьей.

[4] Мне осталась недоступной монографическая публикация памятника.

Однако, «фракийский след» – это лишь одна из возможных причин появления этого обычая на Понте. Имеется и другая – воздействие аристократической культуры эллинизированного римского Востока. Действительно, в I–II вв. присутствие щита в гробнице отмечено и на другом конце греко-римского мира. Я имею в виду материал некрополя знати сирийского города Хомс, входившего в Римскую империю, но до середины I в. н.э. управлявшегося местными династами, как и соседняя Пальмира, где автономная царская власть продержалась дольше. Здесь, в Хомсе, обычай помещения щита с металлическим умбоном выявлен в богатом погребении 11 [Seyrig, 1953. P. 16–21]. В гробнице находился саркофаг с серебряной гарнитурой (рис. 46, *3*). Захоронение было подвергнуто грабительским раскопкам, затем доследовано археологами, часть вещей удалось собрать у торговцев – это шарнирный золотой торк (рис. 46, *5*), сердоликовый веретенообразный предмет с золотой обкладкой в виде львиных голов на концах (рис. 46, *4*), золотые брактеаты (рис. 46, *1*), возможно, нашитые на одежду, золотая булла (рис. 46, *2*), зеркало из посеребренной бронзы, золотые цепи (рис. 46, *6, 7*), сфероконический умбон из посеребренной бронзы (рис. 46, *9*) и, предположительно, серебряная оковка края щита (рис. 46, *8*), положенные сверху на саркофаг.

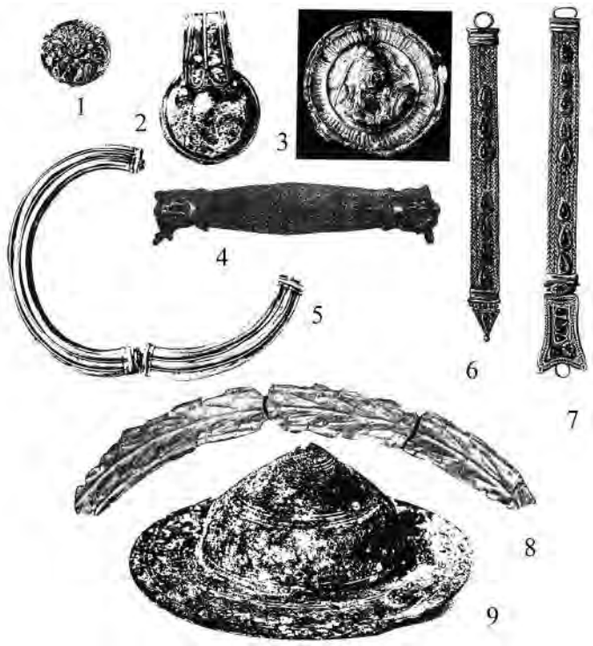


Рис. 46. Вещи из погребения 11 в Хомсе [по: Seyrig, 1953. Pl. 7, 8,A]

Феномен аристократической моды хорошо известен в античном Северном Причерноморье. Эллинские черты престижного погребального обряда, такие как золотые маски и погребальные венки, хорошо представленные в захоронениях боспорской правящей элиты, не зародились сами по себе на Боспоре Киммерийском, а были принесены сюда из эллинизированного восточного Средиземноморья. Поэтому вполне возможно, что аристократическое погребение со щитом в Хомсе, могилы фракийской романизированной знати в Мезии, гробница Юлия Каллисфена на горе Митридат и, наконец, кремация меченосца в Шаумяновке – это звенья одной цепи.

Погребальная мода, как и всякая другая, благодаря хорошо налаженному механизму имитации социально престижной культуры, попадает от аристократии к «рядовому» населению, в первую очередь, к представителям верхушки «среднего класса». В данном случае примером могут служить склепы Юго-Западного Крыма или «воинские» могилы Абхазии, где найдены металлические детали щитов. Это, например, та же могила в Шаумяновке или склепы Нейзаца, точнее погр. 152 первой половины III в. с умбоном типа Караагач, погр. 152, или же погр. 306, с умбоном с шипом (рис. 43, *2*), а также с манипулой, которые по скандинавским параллелям датируются периодами B2b-C1, т.е. временем около 160/180–250/270 гг. [Храпунов, 2011. С. 32–34. Рис. 29]. Итак, рассматривая наиболее ранние погребения со щитами в Северном и Восточном Причерноморье, необходимо учитывать три возможных источника этого обряда: влияние воинских обрядов германцев, заимствование погребальной практики фракийских отрядов римской армии и распространение аристократической моды из римского эллинизированного Средиземноморья.

Библиография

Буюклиев Х. За ниличието на тежко въоръжени коници в римска Тракия // Музеи и паметници на културата. 1976. Т. 2. С. 18–22.

Буюклиев Х. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I – начале II века н.э. // Российская археология. 1995. № 1. С. 37–46.

Васильев А.А. О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен / отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 343–349.

Велков И. Нови могилни находи // Известия на българския археологически институт. 1928–1929. Т. 5. С. 13–55.

Велков И. Погребение съ колесници // Известия на българския археологически институт. 1943. Т. 14. С. 189–207.

Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 121–165.
Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
Жуглев К., Калудова Й. Могилни находки от с. Садово, Асеновградско // Археология. 1963. № 5/4. С. 33–39.
Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища Школа, 1981.
Казанский М.М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов // Scripta Antiqua. 2015а. Вып. 4. С. 33–60.
Казанский М.М. О происхождении восточнобалтских умбонов с «жемчужным» декором // Barbaricum. 2015б. Вып. 11. С. 277–289.
Негин А.Е., Камишева М. Дроспех катафрактария из погребения в кургане «Рошава Драгана» // Stratum plus. 2016. № 4. С. 91–119.
Писарова В. Могилен гроб на воин от покрайните на римска Сердика // Археология. 1995. № 37/3. С. 18–28.
Толочко И.В., Шаров О.В. Танаис. Курган № 2 римской эпохи // Элита Боспора и боспорская элитарная культура / отв. ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб.: Палаццо, 2016. С. 304–313.
Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 60–114.
Шаров О.В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // Stratum plus. 2010. № 4. С. 251–285.
Шаров О.В. К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции / ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону, 2011. С. 217–233.
Шаров О.В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Вып. 1 / отв. ред. Н.Е. Берлизов. Краснодар, 2013. С. 118–155.
Шаров О.В., Чореф М.М. К вопросу о датировке tabula ansata с именем Юлия Каллисфена // Stratum plus. 2015. № 4. С. 357–378.
Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994.
Щукин М.Б. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения) // Stratum plus. 2011. № 4. С. 167–178.
Kazanski M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire // Travaux et Mémoires. 1991. Vol. 11. P. 487–526.
Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beïtrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten fier nachchirstlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin, Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillipps-Universität Marburg, 1994. P. 429–485.
Shchukin M.B. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe. 1st Century B.C. – 1st Century A.D. Oxford, 1989. (BAR, International Series, 542).
Seyrig H. Antiquités syriennes. 53 (suite). Antiquités de la nécropole d'Emèse // Syria. 1953. Vol. 30. P. 12–24.
Wozniak Z. Die Kelten und die Latènekulturauf den thrakishen Gebieten // Alba Regia. 1975. Vol. 14. P. 177–183.
Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Oxford, 1989. (BAR, International Series, 505).

О ШЛЕМАХ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ: ТРАДИЦИЯ ИЛИ ИННОВАЦИЯ[1]

Для ранневизантийского времени (IV–VII вв.) на Боспоре Киммерийском известно три находки шлемов. Здесь предлагается рассмотреть их параллели и возможное происхождение.

Два шлема были найдены в Керчи, на улице Госпитальной (усадьба Коробки), в гробнице, исследований Ю.А. Кулаковским в 1891 г. Гробница была ограблена, из нее происходят, среди прочего, монета Льва I (453–473 гг.), элементы тисненого геральдического набора VII в. [Айбабин, 1990. С. 56, 57. Рис. 52,23,24], два шлема [см.: Arendt, 1932. Abb. 2a; Post, 1951–1953. Abb. 6,23,24; Vogt, 2006. Abb. 42,2; Кубарев, Журавлев, 2012. Рис. 3], два меча, трехлопастные стрелы, наконечник копья, ламеллярный панцирь [ОАК, 1891. С. 59, 60; Post, 1953. Abb. 24; Кубарев и др., 2003; Кубарев, Журавлев, 2012]. Поскольку гробница была ограблена и вещи в ней перемешаны, достоверно установить, с каким именно погребальным инвентарем связаны интересующие нас шлемы, практически невозможно. Можно предположить, что они как-то связаны с находкой пластинчатого панциря. Если принять во внимание находку монеты и геральдического набора, диапазон совершения захоронений может быть широким, от второй половины V по VII в.

Первый шлем, каркасно-ламеллярной конструкции по терминологии М. Фогта (*Spangen-Lamellenhelme)* [Vogt, 2006. S. 105, 106, 297], с опорными вертикальными лентами каркаса, мне известен лишь по рисункам (рис. 47, *4*), достоверность которых требует подтверждения [Arendt, 1932. Abb. 2a; Post, 1951–1953. Abb. 6; Vogt, 2006. Abb. 42,2]. Подобные каски в Европе представлены, по сути, тремя находками: Керчь, погребение 1891 г., гепидский могильник аварского времени Мезебанд (Mezöband) в Трансильвании, погр. 10, «захоронение ремесленника», с кузнечными инструментами, предположительно второй половины / конца VI – начала VII в. (рис. 47, *6*) и Кёльн, погребение «маленького принца» в Кельнском соборе (рис. 47, *5*) [Vogt, 2006. S. 105, 106, 297. Abb. 38, 42. Taf. 59,1]. Иногда эти каски выделяют в тип «Керчь–Мезебанд» и связывают с ними уральские шлемы из Тураевского могильника и каску из Войводы, с территории Болгарии [Glad, 2009. P. 47, 48, 113, 114. Fig. 7,15–18][2].

Находка в Кельне представляет собой захоронение мальчика из знатной семьи, возраста около 6 лет, совершенное в Кельнском соборе в отдельной часовне. Помимо мальчика здесь же была захоронена знатная дама. Возможно, эти погребения принадлежат родственникам франкского короля Сигеберта Старого и его сына Хлодерика. Ребенок был помещен на деревянном ложе и сопровождался очень богатым инвентарём, в том числе паноплией, включавшей шлем, меч, щит, скрамасакс, топор-франциску, копье, ангон, два боевых ножа, наконечники стрел. При этом, шлем, щит и скрамасакс, судя по размерам, были изготовлены специально для мальчика, остальные предметы вооружения имели обычные для них размеры. Эта могила является опорной для датировки рассматриваемого здесь типа шлемов, она относится, исходя из имеющихся дендродат, ко времени около 537 г., плюс-минус 10 лет [см.: Hauser, 1996; Périn, Feffer, 1997. P. 202, 204, 211–214; Vogt, 2006. S. 102, там же библиография].

По происхождению эти каски могут быть связаны с сарматской и римской традициями [дискуссия подробнее: Vogt, 2006. S. 102, 103]. Их прямые предшественники достаточно хорошо представлены в римской «воинской» иконографии, в частности на изображениях сарматских всадников и вражеских трофеев на колонне Траяна (рис. 48), а также у сирийских (или сарматских?) лучников (рис. 49, *2*) [Vogt, 2006. S. 102. Abb. 41] и, наконец, у римских легионеров на той же колонне (рис. 49, *3*). Имеются изображения подобных шлемов и на арке Галерия в Фессалониках (298 г.) (рис. 49, *1*, нижняя часть). Впрочем, шлемы ламеллярно-каркасной конструкции имеют очень древние средиземноморские прототипы, восходящие, по меньшей мере, к VI в. до н.э., как об этом свидетельствует, например, находка шлема в Сардах, в Малой Азии [Vogt, 2006. S. 108; Glad, 2009. Fig. 15,2].

Второй шлем из керченской гробницы имеет ламеллярную конструкцию, т.е. собран из узких вертикальных пластин. Он вытянуто-полусферической формы имеет шишак, другие элементы на сегодняшний день не сохранились (рис. 47, *1*). На рисунке П. Поста, со ссылкой на В. Арендта, изображена лобовая пластина прямоугольной формы, с наносником (рис. 47, *2*) [Post, 1951–1953. Abb. 23]. В самой же публикации В. Арендта на фотографии шлема эти элементы отсутствуют [Arendt, 1932. Abb. 6].

Фрагменты третьего шлема, также ламеллярной конструкции, были обнаружены на Ильичевском городище, на Тамани. Они происходят и культурного слоя памятника [Николаева, 1986. С. 185, 186. Рис. 1,6]. Основная масса находок на городище приходится на VI в. (не позднее третьей четверти этого столетия, когда крепость была разрушена, скорее всего, тюркютами и утигурами) [Гавритухин, Паромов, 2003. С. 154]. По сохранившимся фрагментам каска была реконструирована как ламеллярная полусферическая, с шишаком и прямоугольной горизонтальной пластиной в лобной части, переходящей в наносник (рис. 50, *1*).

В связи с боспорскими находками надо упомянуть наборный шлем из Южного Дагестана, найденный в погр. 3 могильника Калкни. Это гробница из массивных плит, содержавшая индивидуальное захоронение-ингумацию. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на север. Покойник был обернут в грубую ткань. В погребении найдены остатки кольчуги, два шлема (бронзовый, плохой сохранности и железный ламеллярный), копья, мечи, кинжалы, удила, уздечный набор, пряжка с длинным язычком. Вблизи перекрытия могилы найдены костяной наконечник стрелы и фрагмент халцедоновой бусины [Салихов, 1985. С. 168. Рис. V]. Дата погребения определяется в рамках конца IV – первой половины V в. по пряжке с длинным язычком (рис. 51, *8*), типичной для ранней стадии эпохи переселения народов [для Кавказа см., напр.: Амброз, 1989. Рис. 9,3,7; 13,1–3,5,6,9,21,24]. Шлем несколько отличается от боспорских, его калотта сужается к шишаку, но тоже ламеллярный. Шлем реконструирован как имеющий основание в виде широкой горизонтальной пластины, с наносником и реалистическим изображением ушей на боковых сторонах (рис. 51, *1–7*). Такая реконструкция мне представляется предварительной, поскольку в погребении имелось два шлема, и оба во фрагментированном состоянии.

До недавнего времени ламеллярные шлемы в Восточной Европе были известны только в её южной части – в Крыму, на Тамани и на Северном Кавказе. Однако сравнительно недавно один такой шлем был найден и в Центральной России, в Хомутовке Курской обл. [Радюш, 2012]. Контекст находки неясен, поэтому сложно её соотнести с

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. О шлемах Боспора Киммерийского ранневизантийского времени: традиция или инновация // Боспорские исследования. 2019. Вып. XXXVIII. С. 205–224.

[2] Предложенное М. Фогтом отнесение шлема из Войводы к группе «ленточных» (Bandhelme), куда также относятся шлемы типа Ст.Ви/Нарона, и Бретценхейм [Vogt, 2006. S. 78–82, 280–286], мне представляется более обоснованным. См. также [Ахмедов, Биркина, 2017. С. 236–238].

Рис. 47. Шлемы и их элементы из погребения 1891 г. в Керчи и параллели каркасно-ламеллярному шлему: 1–4 – Керчь, погр. 1891 г.; 5 – Кельн; 6 – Мезебанд 1 – [по: Кубарев, Журавлев, 2012. Рис. 3]; 2–4 – [по: Post, 1951–1953, Abb. 23, 24]; 5 – [по: Périn, Feffer, 1997. P. 213]; 6 – [по: Vogt, 2006. Abb. 42,1]

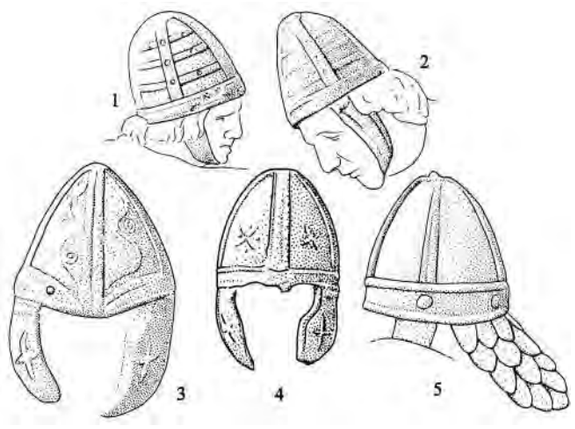


Рис. 48. Изображения каркасно-ламеллярных шлемов на колонне Траяна [по: Vogt, 2006. Abb. 41]

конкретной археологический культурой, хотя в интересующее нас время этот регион был заселен славянами – носителями колочинской культуры. Шлем вытянуто-полусферической формы, с шишаком, он имеет лобовую прямоугольную пластину, переходящую в наносник, а также собранные из пластин нащечники-парагнатиды (рис. 50, *2*). Интересно, что точно такие же нащечники были опубликованы В. Арендтом и вслед за ним П. Постом, как происходящие из керченской гробницы 1891 г. (рис. 47, *3*) [Arendt, 1932. Abb. 23; Post, 1951–1953. Abb. 24].

В целом, ламеллярные шлемы в Европе известны в аламаннских, лангобардских и аварских древностях VI–VII вв. [Steuer, 1987. S. 197, 198. Abb. 4; Quast, 1993. S. 133; Vogt, 2006. S. 297, 298. Abb. 38; Glad, 2009. P. 55, 137; Радюш, 2012. С. 203, 204]. Лучше всего они представлены в погребениях авар на среднем Дунае [напр.: Quast, 1993. Liste 2, № 46–54; Glad, 2009. P. 137. Carte, № 1–8] и лангобардов в Италии [напр.: Quast, 1993. Liste 2, № 43, 44, 45], поскольку в погребальных обычаях этих народов практиковалось помещение защитного вооружения в могилу. Кроме того, имеются и лангобардские изображения (табл. 5, *2*), где узнаются лангобардские каски [см., напр.: Paulsen, 1967. Abb. 69; Menghin, 1985. Taf. 26]. У аламаннов представлены единичные находки в контексте привилегированных погребений (табл. 5, *1*). Собственно, речь идет о знаменитой могиле «воинского предводителя» (погр. 12) в Нидерштотцингене (Niederstotzingen), VII в. [Quast, 1993. Liste 2, № 42; Paulsen, 1967. S. 133–139. Taf. 59–65; 94,17].

Очень распространено мнение, что эта форма шлема, как и сам ламеллярный доспех, появилась в Европе с востока, в середине – второй половине VI в. вместе с миграцией авар [Arwidsson, 1939. P. 55, 56; Steuer, 1987. S. 197]. Есть популярное убеждение, что ламеллярные шлемы появились на Дальнем Востоке [см., напр.: Лурье, 2012. С. 167] и оттуда были занесены на Запад какими-то кочевниками, например, аварами. На роль «разносчиков» ламеллярных шлемов предлагаются и другие народы, например, носители саргатской культуры [Лурье, 2012. С. 167], или аланы [Зубов, Радюш, 2014. С. 102]. Ламеллярные каски действительно хорошо известны на Дальнем Востоке в предшествующее время [Лурье, 2012. С. 161, 162]. В частности, они хорошо представлены в погребениях знати королевства Силла, в Корее (рис. 52, *1*) [о них см.: Werner, 1988. S. 13; Лурье 2012. С. 166, 167]. В подтверждение этой гипотезы часто вспоминаются и изображения подобных шлемов на фресках VI в. в китайском Туркестане (рис. 52, *2*) [о них см., напр.: Werner, 1988. S. 13. Abb. 14; Kubik, 2018a. P. 148–153]. Однако, уже некоторые среднеазиатские находки заставляют усомнится в справедливости «аварской» гипотезы. Так, ламеллярные шлемы представлены на известной пластине из кургана КГ-2 в Орлате, к северу от Самарканда [Пугаченкова, 1989. С. 127–129. Рис. 71], относимой исследователями к кангюйскому времени. Даже если абсолютная датировка орлатского кургана еще является предметом дискуссии, совершено ясно, что он по времени предшествует движению авар на Запад.

Теперь несколько слов об аварах. Карта распространения ламеллярных шлемов в Европе, преимущественно на Среднем Дунае (см. выше), казалось бы подтверждает их связь с аварами. Однако вопрос, откуда собственно в Европе взялись сами авары, является на сегодняшний день спорным. Подчас говорится об их центральноазиатском происхождении и связи с кочевым народом жужаней, т.н. истинных авар [о них см.: Кляшторный, Савинов, 2005. С. 49–54; Lebedynsky, 2017. P. 179–181], о которых упоминают и западные источники (Приск Панийский, Феофилакт Симокатта). Однако имеется прямое свидетельство Феофилакта Симокатты о том, что европейские авары – это на самом деле волжские угры, точнее их племена Уар и Хунни, отступившие на запад под давлением тюрок и присвоившие себе грозное имя «истинных» авар (Феофилакт Симокатта, История. Книга седьмая, VII, 13, 14; VIII, 1–4).

Угры/огоры (уроги) впервые засвидетельствованы в европейских степях уже в 463 г. в составе союза оногур, сарагур и урогов, вытесненных на запад савирами, которых, в свою очередь, в Азии «подвинули» те самые истинные авары (Приск Панийский, фр. 8) [см.: Артамонов, 1962. С. 62, 76]. Поэтому в русской историографии обоснованно утвердилось мнение, что европейские авары с далекого востока не приходили [Артамонов, 1962. С. 64, 65, 105–107], а стало быть и сама возможность привнесения аварами каких-то азиатских культурных элементов в Европу нуждается в дополнительной развернутой аргументации.

Следует отметить, что ламеллярные шлемы известны в Восточной Европе уже в позднеримское время, т.е. явно до миграции авар. Это находка из погребения № 13 Кишпек в Кабардино-Балкарии, датированная временем около 300 г. или несколько позднее. Речь идет о «вождеском» захоронении в деревянной камере под курганом (№ 13), сопровождавшемся богатым инвентарем, в том числе оружием и конским снаряжением [Бетрозов, 1987. С. 13, 14. Рис. III,1; о дате погребения см.: Казанский, 1994. С. 242–244]. Шлем полусферический, с рудиментарной лобовой пластиной прямоугольной формы и наносником, шишак не сохранился (или его не было, что маловероятно), на калотте отдельные вставки сердоликов в оправе овальной или прямоугольной формы (рис. 53, *1*).

По конструктивным особенностям и по времени кишпекскому шлему близок ламеллярный шлем из грабительских находок в Минеральных Водах [Симоненко, 2014. С. 272. Рис. 18,3]. Он также полу-

Рис. 49. Изображения шлемов позднеримского времени: 1 – Фессалоники, арка Галерия; 2, 3 – колонна Траяна 1 – фото М.М. Казанского; 2–3 – [по: Cichorius, 1896–1900, Taf. 85; 50]

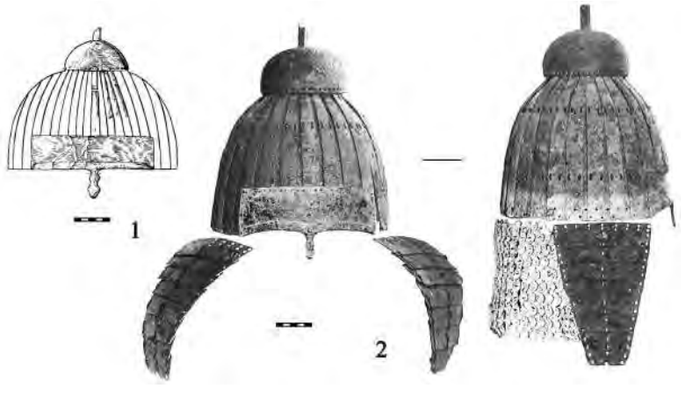


Рис. 50. Шлемы из Ильичевки (1) и Хомутовки (1): 1 – [по: Николаева, 1986. Рис. 1,1]; 2 – [по: Радюш, 2012. Рис. 1]

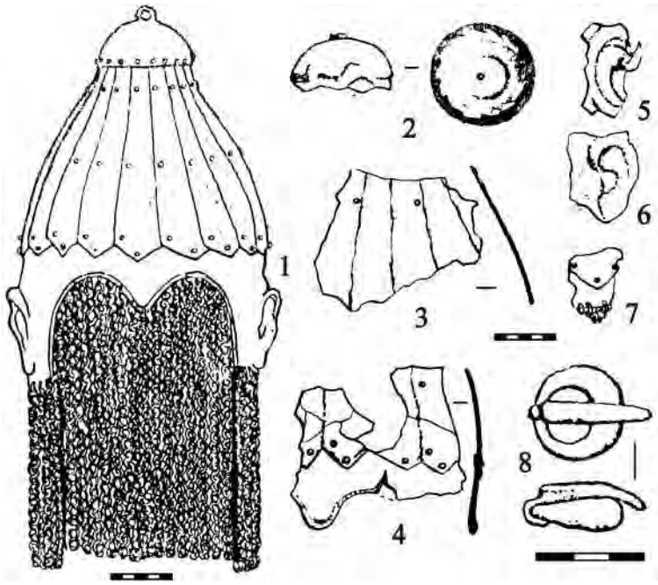


Рис. 51. Шлем и пряжка из Калкни [по: Салихов, 1985. Рис. V,7; VI,11]

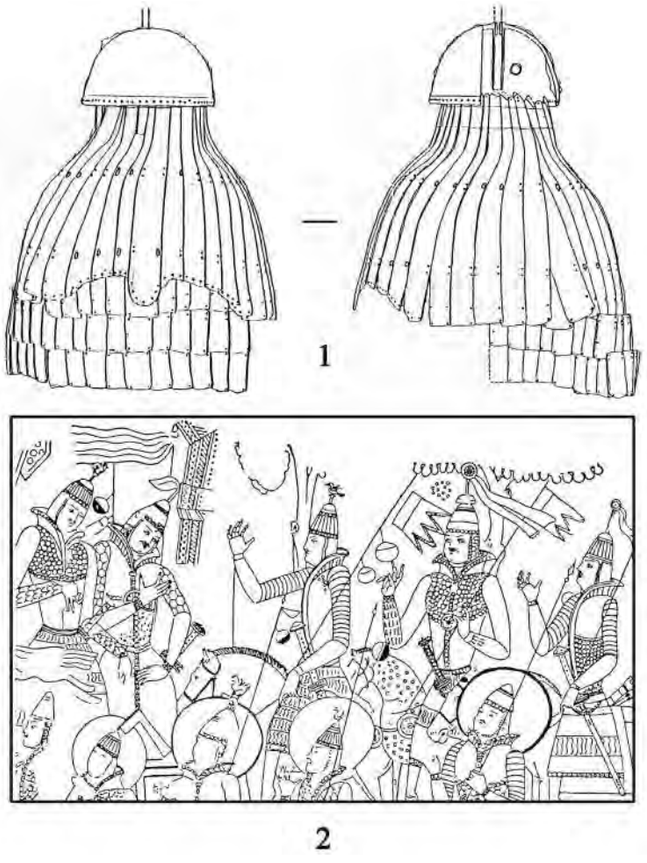


Рис. 52. Ламеллярные шлемы и их изображения в Азии [по: Werner, 1988. Abb. 14, 18]: 1 – Бокхондонг, погр. 11 (Южная Корея); 2 – Кызыл, «пещера художников» (Китай)

сферический, шишак не сохранился или его не было, на калотте видны вставки (рис. 53, *2*). От более поздних боспорских шлемов эти два северокавказских шлема отличаются отсутствием шишака, но, повторяю, может быть, он просто не сохранился. По В.А. Кузнецову шлем, найденный в Кишпеке, принадлежит позднеримской традиции, поскольку его тисненый и полихромный декор очень близок орнаменту позднеримских «офицерских» касок [Кузнецов, 1987. С. 4–6][3].

По-иному происхождение кишпекского ламеллярного шлема видит А.В. Симоненко. По его мнению, данный шлем продолжает линию развития восточноевропейских каркасных / ажурных касок римского времени, известных по находкам на Северном Кавказе и в Приуралье [Симоненко, 2014. С. 271–275]. Здесь ажурные/каркасные шлемы не рассматриваются, поскольку они все же конструктивно отличаются от ламеллярных.

Третья гипотеза происхождения кишпекского шлема изложена А. А. Васильевым и Т. М. Кармовым. Они полагают, что шлем из Кишпека является азиатским по происхождению, поскольку подобные шлемы есть на парфянских изображениях [Васильев, Кармов, 2008. С. 241]. В пользу среднеазиатского происхождения может свидетельствовать и уже упомянутая пластина из Орлата (см. выше).

Однако, при оценке вышеизложенных гипотез надо отметить три важных обстоятельства. Во-первых, сама по себе конструкция ламеллярного шлема очень давно известна не только в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, но и на Ближнем Востоке, а также в Южной Азии. Изображения ламеллярных касок встречаются уже в древнем Египте, у хеттов (рис. 54, *1–3*), или же, например, на серебряной античной посуде из Хадрамаута (рис. 54, *5*) [Kazanski,

[3] Впоследствии эта точка зрения была почему-то приписана исключительно мне, хотя я лишь повторил мнение выдающегося кавказского археолога, с четким указанием на его авторство [Казанский, 1994. С. 243].

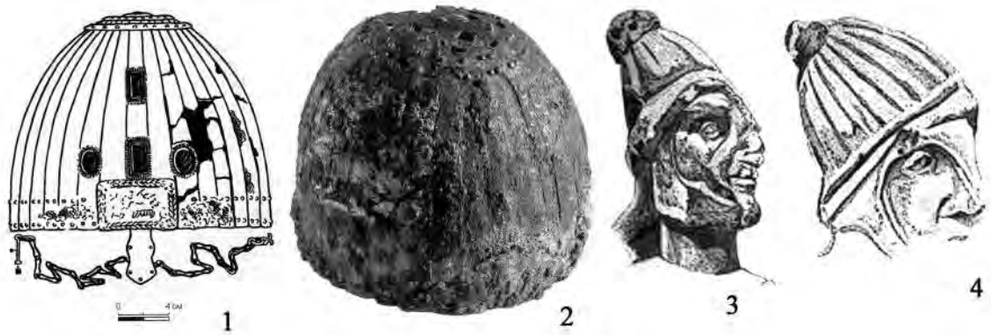


Рис. 53. Ламеллярные шлемы и их изображения позднеримского времени: 1 – Кишпек; 2 – Минеральные Воды; 3, 4 – Фессалоники, Арка Галерия, 298 г. 1 – [по: Бетрозов, 1987. Рис. III,1]; 2 – [по: Симоненко, 2014. Рис. 18,3]; 3, 4 – [по: Kubik, 2017a. Fig. 6]

1993. P. 59, 60. Pl. 25,70; 40,159–161; Glad, 2009. P. 60. Fig. 14,1–4,6; Лурье, 2012. С. 160]. Разумеется, когда речь идет об этих часто схематичных изображениях, следует проявлять особую осторожность, поскольку часть изображенных на них шлемов может принадлежать группе каркасных/ажурных. Впрочем, ряд древних передневосточных изображений явно передает ламеллярную конструкцию шлемов [напр.: Kazanski, 1993. Pl. 40,159]. Известны ламеллярные шлемы по изображениям и в сасанидском Иране [Kubik, 2017a; 2017b. S. 23, 24], что подтверждает их широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке[4]. Итак, привязывать эту конструкцию только к Центральной Азии или Дальнему Востоку вряд ли справедливо.

Рис. 54. Древневосточные изображения ламеллярных шлемов [по: Kazanski, 1933. Pl. 25, 70, 40, 159–162]: 1 – рельеф Тутмоса IV; 2 – египетское фаянсовое изображение, Лувр; 3 – Язиликая, рельеф, XIII в. до н.э.; 4 – Джамалпур (Бангладеш), II в. н.э.; 5 – Аден, Музей, часть изображения на металлическом блюде

Во-вторых, в относительно недавней работе С. Э. Зубов и А. О. Радюш убедительно показали, на примере находок в Среднем Поволжье, в частности, в знаменитом могильнике Андреевский курган, существование ламеллярных шлемов у восточноевропейских варваров уже в I в. н.э. Находка в Андреевском кургане не единична, ламеллярные шлемы встречены, например, в Пильнинском могильнике, также в Среднем Поволжье, и восточнее, в Кипчаковском могильнике I, в Башкирии (табл. 6) [Зубов, Радюш, 2014].

В-третьих, ламеллярные шлемы известны и в римской армии поздней Империи, о чем свидетельствуют изображения солдат и на арке Галерия в Фессалониках, где представлены и изображения каркасно-ламеллярных касок (см. выше) (рис. 49, *1* – верхняя часть; 53, *3, 4*). У этих шлемов, кстати, четко виден шишак на верхушке каски, как на боспорских шлемах. Видимо, римским по происхождению является и уже упоминавшийся шлем из Калкни. На его римское происхождение указывает реалистическое изображение ушей на боковых сторонах шлема (рис. 50, *5, 6*), как на римских касках [Glad, 2009. P. 56].

Итак, если принять во внимание находки в Андреевском кургане, Кишпеке, Минеральных Водах и Калкни, у нас есть некоторые основания полагать, что боспорские ламеллярные шлемы или находка из Хомутовки не являются инновацией, принесенной с востока в VI в., а скорее принадлежат традиции, укоренившейся в предшествующее время как в римской армии, так и у восточноевропейских варваров. В целом же, все три боспорских шлема ранневизантийской эпохи хорошо укладываются в рамки европейских воинских традиций того времени, усвоивших как римское, так и «варварское» наследие.

[4] В Передней Азии ламеллярные шлемы бытуют и позднее, в средние века [см., напр.: Kazanski, 1993. P. 59, 60. Pl. 40,172,173; Glad, 2009. Fig. 14,18,19,22; Kubik, 2018б].

Библиография

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241.
Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука. 1989.
Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
Ахмедов И.Р., Биркина Н.А. Шлемы из могильника рязано-окских финнов у с. Царицыно (предварительное сообщение) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А.М. Обломского / Отв. ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2017. С. 235–248. (Раннеславянский мир, Вып. 19).
Бетрозов Р.Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том 3 / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 11–39.
Васильев А.А., Кармов Т.М. Шлем из княжеского погребения у с. Кишпек // Нижневолжский археологический вестник. 2008. Вып. 9. С. 238–246.
Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и поселения его округи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 152–157.
Зубов С.Э., Радюш О.А. Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время // Сарматы и внешний мир / отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 2014. С. 94–104.
Казанский М.М. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. Вып. IV. С. 238–256.
Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
Кубарев Г.В., Ахмедов И.Р., Журавлев Д.В. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи (предварительная информация) // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 204–221.
Кубарев Г.В., Журавлев Д.В. Доспех из катакомбного погребения с Госпитальной улицы города Керчи (из раскопок 1891 года профессора Ю.А. Кулаковского) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. Т. 11, Вып. 5. С. 135–146.
Кузнецов В.А. Введение // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том 3 / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 3–10.
Лурье Е.В. Генезис ламинарных шлемов I–III вв. н.э. // Stratum plus. 2012. № 4. С. 157–170.
Николаева Э.А. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. С. 183–188.
Приск Панийский. Готская история // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1890. С. 810–847.
Пугаченкова Г.А. Древности Миankаля. Из работ Узбекской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан, 1989.
Радюш О.А. Ламеллярный шлем эпохи переселения народов из Курской области // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Курск: Курский областной музей археологии, 2012. С. 202–257.
Салихов Б.М. Калкнийский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа / Отв. ред. М.М. Мамаев. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1985. С. 167–187.
Симоненко А.В. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // Stratum plus. 014. № 4. С. 249–284.
Феофилакт Симокатта. История / Вступ. ст. Н.В. Пигулевской, пер. С.П. Кондратьева, примеч. К.А. Осиповой. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
Arendt W. Beiträge zur Entstehung des Spangenharnisches – Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch // Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. 1932. Bd. 13. S. 49–55.
Arwidsson G. Armour of the Vendel Period // Acta Archaeologica. 1939. T. X. P. 31 - 58.
Cichorius C. Die Reliefs der Traianssäule. Bd. 1, 2. Berlin: G. Reimer, 1896–1900.
Glad D. Origine et diffusion de l'équipement defensif corporel en Méditerranée orientale (IVe–VIIIe s.). Oxford, 2009. (British Archaeological Reports, International Series, S1921).
Hauser G. Das fränkische Gräberfeld unter dem Kölner Dom // Die Franken, Wegbereiter Europas / Hrsg. A. Wieczorek, P. Périn, K. von Welck, W. Menghin. Mainz: Philipp von Zabern, 1996. S. 438–447.
Kazanski M. Les armes du wâdi Dura' // Breton J.-F., M. Bafaqih M. Trésors du wâdi Dura' (République du Yémen). Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1993. P. 52–61. (Bibliothèque Archéologique et Historique de l'IFAPO, CXLI).
Kubik A.L. Sasanian lamellar helmets // Crowns, hats, turbans and helmets. The headgear in Iranian history / Eds. K. Makzymium, G. Karamian. Siedlce, Tehran: Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, 2017a. P. 195–210.
Kubik A.L. Hełmy Azji Południowo-Zachodniej pomiędzy VI–VIII w. n.e. zarys problematyki. Siedlce: Institute of History and International Relations, Faculty of Humanities, University of Siedlce, 2017b.
Kubik A. The Kizil Caves as an terminus post quem of the Central and Western Asiatic pear-shape spangenhelm type helmets. The David Collection helmet and its place in the evolution of multisegmented dome helmets // Historia i Świat. 2018a. Vol. 7. S. 141–156.
Kubik A. O wpływie sasanidzkich hełmów lamelkowych na sztukę wczesnego islamu // Історія релігій в Україні. 2018б. Вип. 28. С. 30–41.
Lebedynsky I. Les Nomades. Les peuples nomades de la steppe des origines aux invasions mongoles (IXe siècle av. J.-C. – XIIIe siècle apr. J.-C.). Paris: Errance, 2017.
Menhin W. Die Langobarden. Archäologie und Geschichte. Suttgart: Konrrad Theiss Verlag, 1985.
Paulsen P. Alamanische Adelsgräber von Niedertotzingen (Kreis Heidenheim). Stuttgart: Verlag Müller & Gräff, 1967.
Périn P., Feffer R.-C. Les Francs. Paris: Armand Colin, 1997.
Post P. Der kupferne Spangenhelm // Bericht der Römische-Germanischen Kommission. 1951–1953. Bd. 34. S. 115–150.
Quast D. Die merwingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen (Stadt Wildberg, Kreis Calw). Stuttgart: Konrad Theiss, 1993.
Steuer H. Helm und Ringschwert. Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger // Studien zur Sachsenforschung. 1987. Bd. 6. S. 190–236.
Vogt M. Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen. Mainz: Verlag der Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2006.
Werner J. Adelsgräber von Niederstotzingen bei Ulm und von Bokchondong in Südkorea. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1988.

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ШЛЕМЫ ТИПА БАЛДЕНХЕЙМ В ПОДНЕПРОВЬЕ [1]

В данной работе рассматривается вопрос о происхождении шлемов типа Балденхейм (Baldenheim), сравнительно недавно найденных в Поднепровье (рис. 55, *А*). Шлемы этого типа хорошо известны в Европе как на Западе, в первую очередь у меровингов, так и в балкано-дунайском регионе и Средиземноморье со второй половины V – второй половины VI в., при том что основная часть находок принадлежит периоду конца V – середины VI века. Эти шлемы, по крайней мере частично, имели византийское происхождение [Bavant, 1990. P. 252–254; 2008; Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 170; Quast, 1993. S. 39–42; Werner, 1988]. В частности, фрагменты шлема типа Балденхейм, найденные в Гераклее (*Heraclea*) на Балканах, носят клейма мастерских времени Анастасия и Юстина I [Maneva, 1987].

В целом, шлемы этого типа немногочисленны и в Западной и Центральной Европе происходят, в основном, из «вождеских» погребений [Quast, 1993. S. 131–133; Steuer, 1987. S. 191–197; Vogt, 2006], а в византийской зоне – культурных отложений в крепостях и городах [Bavant, 1990. P. 252–254; Maneva, 1987; Werner, 1988]. В Восточной Европе шлемы типа Балденхейм еще более редки. Можно отметить лишь находку в Керчи каски типа Бретценхейм (Bretzeinheim) или Керчь-Мезебанд (Mezöband), близкой типу Балденхейм [Казанский, 2019. С. 205, 206; Quast, 1993. Liste 2, no. 55–56; Vogt, 2006. S. 105, 106]. Еще один шлем рассматриваемого типа обнаружен на Оке в зоне культуры рязано-окских могильников [Ахмедов, Биркина, 2017].

В Верхнем и Среднем Поднепровье на сегодняшний день известны три шлема типа Балденхейм, найденные случайно или во время грабительских раскопок. Одна каска происходит из Климовского района Брянской области (рис. 55, *А, 1*), где были обнаружены ее фрагменты из бронзы и железа, куски кольчужного плетения (табл. 9) и некоторые другие вещи, в частности удила с декором в виде птичьих голов (табл. 10, *2, 3*) [Казанский, 2018. С. 86–89; Радюш, 2014. С. 43, 44. Рис. 5; 2019. С. 271, 272. Рис. 5А; Шинаков, Грачев, 2014; Шинаков, 2015][2].

Подобные удила типичны для «вождеского» снаряжения второй половины V – первой половины VI в., известного в широкой зоне от Кавказа до Северной Швеции и Франции. В качестве примера здесь можно назвать находки в Былым-Кудинетово, курган 14, в Кабардино-Балкарии, Хегом (Högom), курган 2, в Норрланде или погребение 68 в некрополе Шарлевилль-Мезьер (Charleville-Mézières), в Арденнах [Akhmedov, 2002; Kazanski, 2016]. Находка в Климовском районе располагается в зоне колочинской культуры, соотносимой со славянской [подробнее см: Обломский, 2016].

Фрагменты еще одного шлема типа Балденхейм были случайно обнаружены в Болдыжском лесу, на р. Навля, в Навлинском районе Брянской области (рис. 55, *А, 2*). Здесь найдены нащечники-парагнатиды из позолоченной бронзы, со штампованным чешуйчатым декором [Казанский, 2018. С. 89; Радюш, 2014. С. 43. Рис. 4; 2019. С. 272. Рис. 5Б] (табл. 7). Вторая находка шлемов подобного типа в том же регионе свидетельствует, что появление этого типа вооружения в зоне колочинской культуры не является случайностью.

Наконец, третья находка шлема интересующего нас типа происходит из Черкасской области на Украине (рис. 55, *А, 3*). Точное место и обстоятельства нахождения неизвестны, так как это вещи из грабительских раскопок (табл. 8). Установлено лишь, что шлем был найден на глубине 40 см в коррозированной массе кольчуги, которая весила около 20 кг [Казанский, 2018. С. 93; Радюш, 2019. С. 273. Рис. 6А]. В V–VII вв. регион, соответствующий современной Черкасской области, находился в зоне пеньковской культуры, принадлежавшей славянам – антам [о ней см.: Приходнюк, 1998].

Для надежной идентификации шлемов из Поднепровья следует сопоставить их с другими шлемами того же типа, найденными в разных частях Европы и Средиземноморья. По мнению М. Фогта, автора монографии о шлемах типа Балденхейм, они делятся на четыре группы, каждая из которых имеет свою зону распространения [Vogt, 2006. Abb. 65]: группа 1 географически скорее «западная» [Vogt, 2006. Cat. no. 1, 22, 24, 25, 29, 30, 39, 40], группы 2 [Bavant, 2008. S. 341; Vogt, 2006. Cat. no. 2, 6, 7, 13, 16, 18, 20, 23, 26, 27, 34, 35, 36, 37, 38, 42] и 3 [Bavant, 2008. p. 141; Vogt, 2006. Cat. no. 9, 11, 17, 28, 43] распространены как в Западной Европе, так и в балкано-дунайской зоне, в то время как группа 4 лучше представлена на Дунае и Балканах и, таким образом, является

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Ранневизантийские шлемы типа Балденхейм в Поднепровье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 6. С. 184–197.

[2] Пользуясь случаем, благодарю Олега Александровича Радюша за любезно предоставленные фотографии находок в Климовском районе, Болдыжском Лесу и Черкасской области.

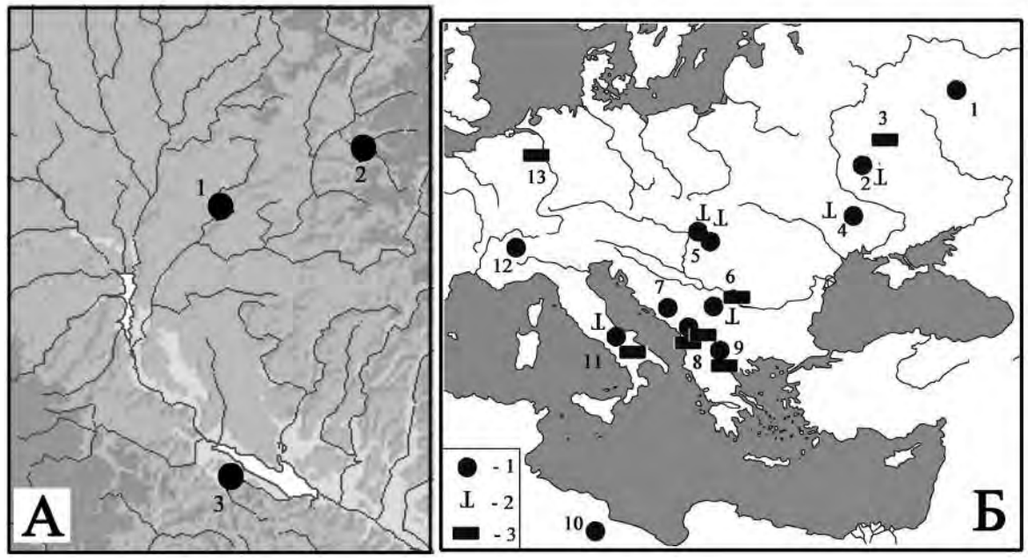


Рис. 55. Находки шлемов типа Балденхейм в Поднепровье (А) и распространение некоторых их конструктивных элементов (Б):
А: 1 – Климовский район; 2 – Болдыжский Лес/Навля; 3 – Черкасская область
Б: 1 – шлемы с четырьмя вертикальными лентами каркаса; 2 – широкие вертикальные ленты каркаса, образующие с горизонтальной базовой лентой тупой угол; 3 – парагнатиды с линией отверстий по краю; памятники: 1 – Царицыно; 2 – Климовский район; 3 – Болдыжский Лес/Навля; 4 – Черкасская область; 5 – Дольне Семеровице I, II; 6 – Батайница; 7 – Салона; 8 – Нарона I, II; 9 – Гераклея; 10 – Лептис Магна; 11 – Торричелла Пелигна; 12 – озеро Леман; 13 – Моркен

«восточной» [Bavant, 2008. P. 341; Vogt, 2006. Cat. no. 5, 8, 10, 12, 31, может быть 19, 21]. По критериям, предложенным исследователем, трудно однозначно соотнести днепровские находки с этими конкретными группами, однако по некоторым признакам их можно сравнивать с другими касками, учтенными в его работе.

Шлемы из Климовского района и Черкасской области имеют один общий признак (индикатор 52 по М. Фогту) [Vogt, 2006. Tabl. 5, 6]: их каркас сформирован из четырех вертикальных полос. Этот признак характерен для групп 2, 3, 4 и лучше всего представлен в дунайском регионе, в Дольне Семеровице (Dolne Semerovice), Батайнице (Batajnica), на Балканах в Салоне (Solin / *Salona*), Нароне (St. Vid 1 / *Narona*), Гераклее (Bitola / *Heraclea*) и в Ливии, в Лептис Магна (Lebda / *Leptis Magna*). На романо-германском Западе шлемы с четырьмя полосами встречаются реже: это находки на озере Леман (Léman) и в Торичелла Пелинья (Torricella Peligna) в Италии (рис. 55, *Б, 1*). Таким образом, шлемы с четырьмя вертикальными каркасными полосами более типичны для Средиземноморья, территории к югу от Альп и Карпат [Vogt, 2006. S. 24. Abb. 6], что ранее отмечалось исследователями [Ахмедов, Биркина, 2017. С. 237. Рис. 5].

Еще один «восточный» показатель (индикатор Фогт 49) – наличие широких вертикальных полос, образующих тупой угол с горизонтальной базовой лентой каркаса, как на касках из Климовского района и Черкасской области (табл. 9, *2-5*; 8, *1*). На Среднем Дунае этот признак есть на шлемах из Батайницы, Дольне Семеровице II и, как нам представляется, Дольне Семеровице I [Vogt, 2006. Beilage 4]. На Западе он отмечен к югу от Альп на шлеме из Торичелла Пелинья (рис. 55, *Б, 2*).

Нащечники-парагнатиды с линией отверстий вдоль края, как в Болдыжском Лесу (табл. 7, *1, 2*), также более типичны для балкано-дунайского региона, чем для Запада. Этот признак есть в Гераклее [Vogt, 2006. Abb. 68], Батайнице [Vogt, 2006. Taf. 2,1], Нароне [Vogt, 2006. Taf. 32, 34]. На Западе он представлен на шлемах из Торричелла Пелинья [Vogt, 2006. Taf. 36] и Моркена (Morken) [Vogt, 2006. Taf. 23,3] (рис. 55, *Б, 3*).

Среди элементов декора на горизонтальной ленте каркаса шлема из Черкасской области видно изображение четырех птиц, развернутых в одном направлении (табл. 8, *4*). Аналогии ему имеются только на дунайском шлеме из Батайницы [Vogt, 2006. Beilage 2], так как обычно на касках типа Балденхейм изображали лишь пару птиц. Элемент декора в виде одной хищной птицы в вертикальной позиции имеется на шлемах из Климовского района и Черкасской области (табл. 9, *6*; рис. 56, *1*). Насколько нам известно, единственной параллелью является изображение на шлеме из Долне Семеровице I [Vogt, 2006. Taf. 6,1] (рис. 56, *5,* в правой части изображения).

Однако некоторые элементы конструкции декора днепровских шлемов имеют, скорее, западные параллели. Например, парагнатиды с железной основой, как у каски из Черкасской области (табл. 8, *6, 7*), более типичны для «западных» шлемов. Они представлены в Балденхейме, Планиге (Planig), Штессене (Stössen), Везеронце (Vézeronce), Гюльтлингене (Gültlingen) и гораздо реже встречаются на более восточных территориях, где отмечены на неоднократно упоминавшемся шлеме из Гераклеи.

На шлемах из Климовского района и Черкасской области имеется штампованный декор в форме двух кружков-пуансонов, соединенных наклонной линией (табл. 9, *6, 7*; 8, *4*). Такой же декор отмечен для четырех западных шлемов: Монтепагано (Montepagano) [Vogt, 2006. Taf. 20,2. Beilage 11], Штессен [Vogt, 2006. Taf. 30,2] (рис. 56, *3*), Планиг [Vogt, 2006. Beilage 13], озеро Леман [Vogt, 2006. Beilage 8], а также два раза на дунайских шлемах, в Дольне Семеровице I [Vogt, 2006. Taf. 6,2] (рис. 56, *5*) и на шлеме из Венгерского национального музея [Vogt, 2006. Beilage 21].

Штампованный декор в виде двух горизонтальных арок и одной вертикальной линии, дериват изображения виноградной лозы, представлен на шлемах из Климовского района и Черкасской области (табл. 9, *6, 7*; 8, *4*). Такой орнамент только один раз отмечен на дунайских шлемах, в Дольне Семеровице I (рис. 56, *5*) [Vogt, 2006. Taf. 6] и четыре раза на западных шлемах: в Штессене (рис. 56, *3*) [Vogt, 2006. Taf. 30], Планиге [Vogt, 2006. Taf. 24], Пфефингене (Pffefingen) [Vogt, 2006. Beilage 12] и Монтепагано [Vogt, 2006. Taf. 20,2]. Можно заключить, что этот декор типичен, скорее, для западных мастерских, производивших шлемы типа Балденхейм.

Другие конструктивные и декоративные признаки шлемов указанного типа из Поднепровья имеют параллели как на западных, так и на восточных касках: это полусферическая форма калотты, вертикальные ленты каркаса формы Фогт 1 – «Батайница» [Vogt, 2006. S. 24. Abb. 7,1] (табл. 9, *2-5*; 8, *1*), шишаки со стержнем (индикатор Фогт 31) [Vogt, 2006. S. 34. Tab. 6. Abb. 16,5] (табл. 9, *1*; 8, *2*), парагнатиды из бронзы (индикатор Фогт 16) (табл. 2, *2, 3*), штампованный чешуйчатый декор

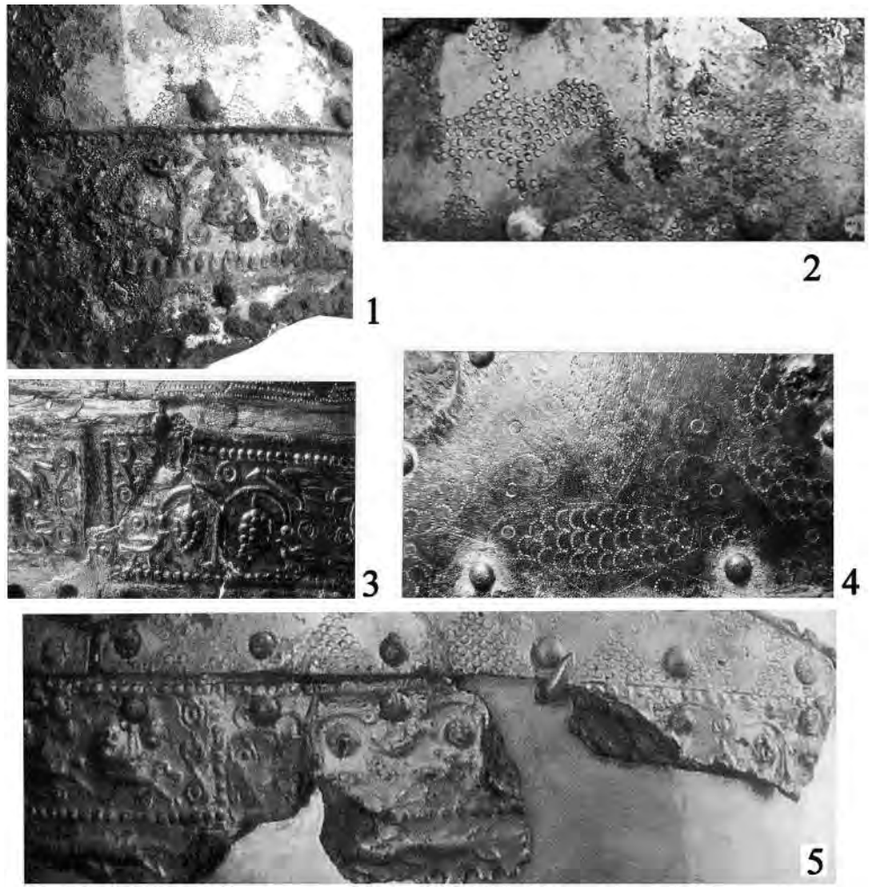


Рис. 56. Элементы декора шлемов типа Балденхейм:
1, 2 – Черкасская область; 3 – Штессен; 4 – Батайница; 5 – Дольне Семеровице I
1, 2 – фото О.А. Радюша; 3–5 – [по: Vogt, 2006. Taf. 30,2; 2,3; 6,1]

на парагнатидах (табл. 7, *1, 2;* 8, *6, 7*), штампованный декор в виде треугольников, сформированных из кружев или чешуйчатого орнамента (индикатор Фогт 37) (табл. 9, *1–5*; рис. 56, *1, 5*), гравированный декор в виде хищных птиц на вертикальных лентах каркаса (рис. 56, *1, 2, 4*), штампованный декор в виде розетки на горизонтальной базовой ленте каркаса (табл. 9, *6, 7*; рис. 56, *1, 5*). Такое же заключение можно сделать и в отношении орнамента на горизонтальной каркасной ленте, где изображения заключены в прямоугольники со штампованной «жемчужной» рамкой. Этот элемент декора имеется на шлемах из Климовского района и Черкасской области (табл. 9, *6, 7*; 8, *4*) а также балкано-дунайского региона, в Дольне Семеровице I [Vogt, 2006. Taf. 6] (рис. 56, *5*) и Нароне [Vogt, 2006. Taf. 32], и западных шлемах из Монтепагано [Vogt, 2006. Taf. 20,2], Штессена [Vogt, 2006. Taf. 30] (рис. 56, *3*), Планига [Vogt, 2006. Taf. 24]. В целом, по элементам конструкции и декора сложно однозначно ответить на вопрос о принадлежности шлемов типа Балденхейм, найденных в Поднепровье к той или иной типологической группе данной категории вооружения. Однако учитывая исторический контекст той эпохи, представляется более логичным присоединиться к гипотезе о балкано-дунайском происхождении восточноевропейских касок [ср.: Ахмедов, Биркина, 2017. С. 238; Шинаков, 2015. С. 119].

Очевидно, что в Поднепровье, как и по всей Европе, шлемы типа Балденхейм связаны с материальной культурой воинских элит, тем более, что в интересующем нас регионе уже имеющиеся находки престижного оружия, конского снаряжения и предметов «воинской» моды (поясная / портупейная гарнитура) позволяют говорить о распространении здесь в постгуннское время (вторая половина V – первая половина VI в.) «воинской цивилизации» интернационального характера [Казанский, 2018].

Как уже было сказано, все три днепровских шлема происходят с территорий, занятых колочинской и пеньковской культурами, соотносимыми со славянским населением. Как известно из текстов Прокопия Кесарийского, Маврикия и Иоанна Эфесского, основу славянского войска в это время составляла легкая пехота, вооруженная дротиками, небольшими луками и тяжелыми щитами, предпочитающая партизанскую войну на пересеченной и залесенной местности (Прокопий Кесарийский, Война с готами, III.14.25; Иоанн Эфесский III.6.25; Маврикий, Стратегикон, II.11.4 [цит. по: Свод…, 1994. С. 185, 279, 371]). Логично предположить, что в описании славян у ранневизантийских авторов присутствуют клише, обычные для характеристики задунайских варваров [Dagron, 1987. P. 214, 215]. Тем не менее, археологический материал в целом подтверждает данные письменных источников. Действительно, наконечники копий и стрел представляют собой наиболее репрезентативные категории оружия, найденные на славянских памятниках V–VII веков [Казанский, 2015]. Однако те же письменные источники сообщают о существовании конницы у славян [Казанский, 2009], а также наличии военных предводителей и знати, выполняющей военно-политические функции. Речь идет о рассказе Прокопия об антах около 540 г. (Прокопий Кесарийский, Война с готами, III.14.34 [цит. по: Свод…, 1994. С. 181–183]) и сообщениях Менандра относительно аваро-славянских отношений в 550–560-е гг. (Менандр Протектор, фр. 6,48 [цит. по: Свод…, 1994. С. 317, 321]). Свидетельства о существовании воинских элит становятся многочисленными, начиная с середины – второй половины VI в., а некоторые данные письменных источников позволяют говорить о существовании у славян VI в. и профессиональных воинов [Иванов, 1996; Živković, 1996]. Находки шлемов типа Балденхейм на территории колочинской и пеньковской культур также говорят, на наш взгляд, о наличии у славян воинских элит уже в постгуннское время. Эти элиты в первый раз появляются в письменных источниках в 536–551 гг., когда анты и склавины засвидетельствованы на воинской службе в Восточной Римской империи (например, Прокопий Кесарийский, Война с готами, I.24.18–21 [цит. по: Свод…, 1994. С. 177–179, 187]) и волна славянских вторжений сотрясает Балканы. Основываясь на масштабе этих вторжений, исследователи полагают, что в них участвовали и славяне, пришедшие из отдаленных регионов Восточной Европы [Teodor, 1972; 1984]. Возможно, что византийское престижное оружие попадает в Поднепровье в результате данных событий. Как отмечал Иоанн Эфесский в 584 г., славяне «обогатились и приобрели золото, и серебро, и табуны лошадей, и много оружия. И они выучились воевать лучше, чем ромеи, [они], люди простые, которые не осмеливались показаться из лесов и защищенных деревьями [мест] и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, а именно это – метательные копья» (Иоанн Эфесский, III.6.25 [цит. по: Свод…, 1994. С. 279]).

Библиография

Ахмедов И.Р., Биркина Н.А. Шлемы из могильника рязано-окских финнов у с. Царицыно (предварительное сообщение) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А.М. Обломского / отв. ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2017. С. 235–248. (Раннеславянский мир. Вып. 19).

Иванов С.А. Прокопий Кесарийский о военной организации славян // Славяне и их соседи. 1996. Вып. 6. С. 9–22.

Казанский М.М. О раннеславянской коннице // Stratum plus. 2009. № 5. С. 457–471.

Казанский М.М. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // Stratum plus. 2015. № 5. С. 43–95.

Казанский М.М. Престижные находки и центры власти постгуннского времени в Поднепровье // Stratum plus. 2018. № 4. С. 83–118.

Казанский М.М. О шлемах Боспора Киммерийского ранневизантийского времени: традиция или инновация // Боспорские исследования. 2019. Вып. XXXVIII. С. 205–224.

Обломский А.М. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / отв. ред. А.М. Обломский, И.О. Гавритухин. М.: ИА РАН, 2016. С. 10–113. (Раннеславянский мир. Вып. 17).

Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронеж. ун-т, 1998. 170 с.

Радюш О.А. Шлемы периода Великого переселения народов из Поднепровья // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья / отв. ред. И.Г. Бурцев. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2014. С. 40–53.

Радюш О.А. Престижное вооружение и доспех V – нач. VI вв. на востоке раннеславянского мира // Балкан, Подунавље и Источна Европа у римско добе и у раном средњем веку / ред. И.О. Гавритухин, С. Трифуновић. Нови Сад: Музеј Војводине, 2019. С. 261–288.

Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2 т. Т. 1 (I–VI вв.) / сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1994. 472 с.

Шинаков Е.А., Грачев С.Ю. Вооружение и конская упряжь гунно-германского происхождения с территории Брянской области // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2013 г. / отв. ред. А.В. Антюхов. Брянск: РИО Брян. гос. ун-та, 2014. С. 100–112.

Шинаков Е.А. Конская упряжь и детали шпангенхельма «темных веков» из Брянского Подесенья // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2013 г. / отв. ред. Е.А. Шинаков. Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 2015. С. 111–125.

Akhmedov I. Cheek-pieces and elements of harness with zoomorphic decoration in the Great Migrations period // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav ČR Brno, 2002. P. 11–30.

Bavant B. Note annexe sur les fragments de casques № 257 à 260 // Caričin Grad II. Le quartier Sud-Ouest de la ville haute / ed. by B. Bavant, V. Kondič, J.-M. Spieser. Belgrade, Rome: Institut archéologique de Belgrade; Ecole française de Rome, 1990. P. 247–257.

Bavant B. Fragments des casques du type Baldenheim trouvés à Caričin Grad // Malanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Âge. 2008. Vol. 120-2. P. 327–353.

Dagron G. Ceux en face. Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins // Travaux et mémoires. 1987. Vol. 10. P. 207–232.

Kazanski M. Les mors de cheval à décor zoomorphe de l'époque des Grandes Migrations // Bulletin de liaison de l'Association française d'archéologie mérovingienne. 2016. Vol. 40. P. 26–32.

Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav ČR Brno, 2002. P. 159–194.

Maneva E. Casque à fermoir d'Héraclée // Archaeologia Jugoslavica. 1987. Vol. 24. P. 101–111.

Quast D. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen (Stadt Wildberg, Kreis Calw). Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1993. 162 S.

Steuer H. Helm und Ringschwert. Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger // Studien zur Sachsenforschung. 1987. Bd. 6. S. 189–236.

Teodor D. La pénétration des Slaves dans les régions du S-E de l'Europe d'après les données ar chéologiques des région s or ientales de la Roumanie // Balcanoslavica. 1972. Vol. 1. P. 29–42.

Teodor D. Origines et voies de penetration des Slacves au sud du Bas-Danube (VIe–VIIe siècles) // Villes et peuplement dans l'Illyricum protobyzantin. Rome: École française de Rome, 1984. P. 63–84.

Vogt M. Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen. Mainz: Verlag der Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2006. 310 S.

Werner J. Neue zur Herkunft der frühmittelalterlichen Spangenhelme vom Baldenheimer Typus // Germania. 1988. Bd. 66/2. S. 521–528.

Živković T. O plemenskom ustrojstvu i vojnoj snazi podunacskih Slovena // Зборник радова Византолошког института. 1996. Т. 35. S. 95–116.

ЭЛЕМЕНТЫ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ НА ОКРАИНАХ СТЕПИ[1]

На памятниках Северного Кавказа для постгуннского времени (т.н. шиповский горизонт, середина V – середина VI вв.) выявлен ряд показательных элементов конского снаряжения, таких как некоторые формы псалиев, пряжки, ременные аппликации, накладки на седла из металлических пластин [Kazanski, Mastykova, 1999; Казанский, Мастыкова, 2013]. В данной работе будут приведены их параллели, лучше всего представленные на окраинах евразийской степи, у оседлого населения и будет предпринята попытка интерпретации их распространения.

Псалии с лопастью и рифленой шейкой

Псалии с загнутыми верхними концами, украшенными поперечным рифлением или его имитацией на шейке, заканчивающимися полиэдрическими шишечками, реже зооморфными изображениями и широкой лопастью на другом конце (рис. 57), типичны для памятников Север-

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Элементы конского снаряжения постгуннского времени на Северном Кавказе и их параллели на окраинах степи // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 2. С. 353–375.

ного Кавказа «шиповского» горизонта [Kazanski, Mastykova, 1999. P. 529–536; Казанский, Мастыкова, 2013. С. 95, 98]. Их возможными прототипами являются похожие псалии гуннского времени [последняя треть IV – середина V в.), вроде найденных в «княжеском» погребении Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn) на территории Нижней Австрии [Tejral, 2011. Abb. 124,3; фото: Казанский, Мастыкова, 2018. Рис. 4,1,6]. Эти псалии входят в состав «понтийской» узды, по терминологии И.Р. Ахмедова [Ахмедов, 2005. С. 244–248; 2009. С. 160].

На Северном Кавказе (рис. 62) интересующие нас псалии найдены в некрополях Дюрсо, конское погр. 4 [Дмитриев, 1979. Рис. 3,16], Лермонтовская Скала-2, погр. 10 [Рунич, 1976. Рис. 4,5], Мокрая Балка, погр. 119 [Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 137,6], а также в Кумбулте и на территории Кабардино-Балкарии (контекст неизвестен) [Амброз, 1989. Рис. 39,22,23] (рис. 57, *1–5*).

За пределами Северного Кавказа (рис. 62) такие псалии встречены в Юго-Западном Крыму, на могильнике Сахарная Головка, погр. 4 (21) [Баранов, 1990. Рис. 6,18], в Среднем Поднепровье, в кладе, найденном в Глуховском районе Сумской области, т.е. на территории колочинской раннеславянской культуры [Казанский, 2018. Рис. 7,1,2], на Верхнем Дону, в погр. 1 могильника Ксизово-19, принадлежащего группе памятников типа Чертовицкое-Замятино [Обломский, Козмирчук, 2015. Рис. 201,17], в Среднем Поволжье, на Новославском могильнике именьковской культуры [Валиев, 2018. Рис. 3,12] а также далеко на востоке, в Западном Казахстане, на Мангышлаке, в Алынказгане, ограда 158 [Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 13,11][2] (рис. 57, *6–10*). Хронология всех этих памятников укладывается в рамки постгуннского времени.

Отметим и находку гуннского времени из «княжеского» кургана 7 в североосетинском могильнике Брут-1, где псалии не имели шишечек на концах и декора на шейке, но у них на лопастях присутствует декор в виде поперечных линий [Габуев, 2014. Рис. 29,а] (рис. 58, *3*). Похожие псалии без шишечек, но с декором на лопастях или на шейке, встречены и в погребении 44 абхазского могильника Шапка-Абгыдзраху (рис. 58, *1*) [Трапш, 1971. Табл. XXII,4], и в погр. 266 балтского могильника самбийско-натангийской культуры Зохпен (Zohpen) – Суворово (рис. 58, *2*), в Восточной Пруссии, т.е. на территории совр. Калининградской области [Akhmedov, 2001. Fig. 6,2][3]. Надо упомянуть и псалии с рифленым декором из могильника рязано-окской культуры Заречье 4, погр. 2 [Ахмедов, 1997. Рис. 2,1], где шейка, в отличие от других подобных предметов, не округлая в сечении, а плоская (рис. 58, *4*).

Цельнолитые пряжки с овальной рамкой и треугольным щитком

Такие пряжки (рис. 59, *1–44*), скорее всего, от конской сбруи[4], хорошо известны на Северном Кавказе. Они имеют позднеримские прототипы, а их дериваты существуют до начала VII в. В гуннское время подобные находки представлены в кладе Сёсдала (Sösdala) в Южной Швеции [Казанский, Мастыкова, 2018. Рис. 1,11]. Для постгуннского периода показательны находки в могиле Хыныслы с монетой 457–483 гг. (Азербайджан), а также близкая, хотя и не во всем идентичная, находка в аламаннской могиле Хейлбронн-Бекинген, конца V в. Поздняя вариация этих пряжек отмечена для 590–620 гг. в погребении 153 аламаннского могильника Сонтхейм [Kazanski, Mastykova, 1999. P. 529, 530; Казанский, Мастыкова, 2013. С. 98][5].

Для Северного Кавказа назовем находки в Дюрсо, конские погребения 5, 9 и женское погребение 410 [Дмитриев, 1979. Рис. 3,7,8; 1982. Рис. 8,2], в Амгате, погр. 1 [Текеев, 1976. Рис. 9,10], в Былым-Кудинетово, курган 14 [Амброз, 1989. Рис. 39,2], в Лермонтовской Скале-2, погр. 10 [Рунич, 1976. Рис. 3,10], в Кугуле, западный склеп 2 [Рунич, 1979. Рис. 4,21], в Гижгиде [Абрамова, 1997. Рис. 45,8], в Тырны-Аузе [Амброз, 1970. Рис. 2,2; Ковалевская, 1979. Табл. XX,11], в Чегеме [Амброз, 1970. Рис. 2,4], Кичмалке [Васильева, Ахмедов, 2015. Рис. 1,13], в Тызыле [Амброз, 1989. Рис. 29,7], в Харачое [Багаев, 2008. Рис. 161,1; 164,15]. Подобные пряжки были найдены в Прикубанье (рис. 59, *1–19*), однако контекст и точное место находки неизвестны [Ахмедов, 2009. Рис. 2,5–7].

[2] К этой же группе псалий И.Р. Ахмедов относит не опубликованные находки с памятников рязано-окской культуры – Заречье-4, погр. 55 и с территории Шиловского района Рязанской обл., а также находку из Восточного Приаралья, из могильника джеты-асарской культуры Алтын-Асар 4, погр. 12 [Ахмедов, 2009. С. 160, 161]. Кроме того, как на Северном Кавказе, так и за его пределами известны похожие псалии, но без рифления или имитирующего рифление декора. Это находки из погр. 4 (14) могильника Лермонтовская Скала-2 [Рунич, 1973. Рис. 9,5], Дюрсо, погр. 8 [Дмитриев, 1979. Рис. 2,5], из крепости Цебельда, на территории Абхазии [*Гунба, 1982.* Рис. 52,1; *Воронов, Бгажба, 1985.* Рис. 96,5; Ахмедов, 2005. Рис. 5,1–3] и из могильника Шапка-Ахьяцараху, погр. 3 [Трапш, 1971. Табл. XLIX,17], из Прикубанья [Ахмедов, 2009. Рис. 4], из находки в Климово [*Казанский,* 2018. Рис. 5,2,3], из клада Гапоново в Среднем Поднепровье [Ахмедов, 1996. Рис. 32,1], из Армиевского могильника, погр. 57, из Шокшинского могильника, погр. 94, из могильника Броды на Каме [Ахмедов, 2009. С. 161]. Большую часть этих находок И.Р. Ахмедов относит к поздней группе «понтийской» узды [Ахмедов, 2005. С. 249, 250. Рис. 5], которая, судя по находке в Лермонтовской Скале-2, погр. 4 (14) вместе с ранними стременами [Рунич, 1973. Рис. 9,6], доживает до VII в. и здесь не рассматривается.

[3] Пользуюсь случаем поблагодарить К.Н. Скворцова за любезно предоставленный рисунок этих удил из рукописи H. Heym «Das Gräberfeld Zohpen» (Diss.), 1938.

[4] Они при этом иногда попадают и в женские погребения, например, Дюрсо, погр. 410 [Дмитриев, 1982. Рис. 8,2].

[5] Здесь не рассматриваются довольно многочисленные пряжки похожей формы, но с подвижным щитком.

Вне северокавказского региона такие пряжки известны в Абхазии, в некрополе Цибилиума, погр. 314, уже с вещами более позднего геральдического стиля [Воронов, 2003. Рис. 146,33], в Юго-Западном Крыму, на могильнике Сахарная Головка, в том же погр. 4 (21), что и упоминавшиеся выше удила [Баранов, 1990. Рис. 6,27], в Херсонесе, где известны незаконченные экземпляры, что свидетельствует о производстве здесь подобных пряжек [Айбабин, 1990. Рис. 38,19], в Керчи [Айбабин, 1990. Рис. 38,16; MacGregor, 1997. № 122.1], а также в Среднем Поднепровье, в составе Глуховского клада [о нём см. выше: Казанский, 2018. Рис. 7,1,2] и в Киеве (случайная находка) [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 34. Рис. 47,2], в «вождеском» погребении 110 могильника рязано-окской культуры Борок-II [Ахмедов, 2001. Рис. 4,1–3], в разрушенном погребении другого окского могильника, Ундрих [Ахмедов, Казанский, 2004. Рис. 9,3], а также в уже упоминавшемся окском погребении 55 могильника Заречье-4 [Ахмедов, 1997. Рис. 2,14,15], в Подболотьевском могильнике, погр. 185 [Ковалевская, 1979. Табл. XII,6], в Среднем Поволжье, на Островном I селище Щербеть, именьковской культуры [Старостин, 1967. Табл. 19,8], на Южном Урале, в Бирском могильнике погр. 138 (?), 156 [Амброз, 1989. Рис. 33,5,11,14; 35,16,17] и, наконец, в низовьях Сыр-Дарьи, на памятниках джеты-асарской культуры Косасар-3, погр. 11 [Левина, 1993. Рис. 20,7], Алтынасар-4, курганы 68, 313 [Левина, 1994. Рис. 149,15,16; 151,31–33] (рис. 59, *20–44*).

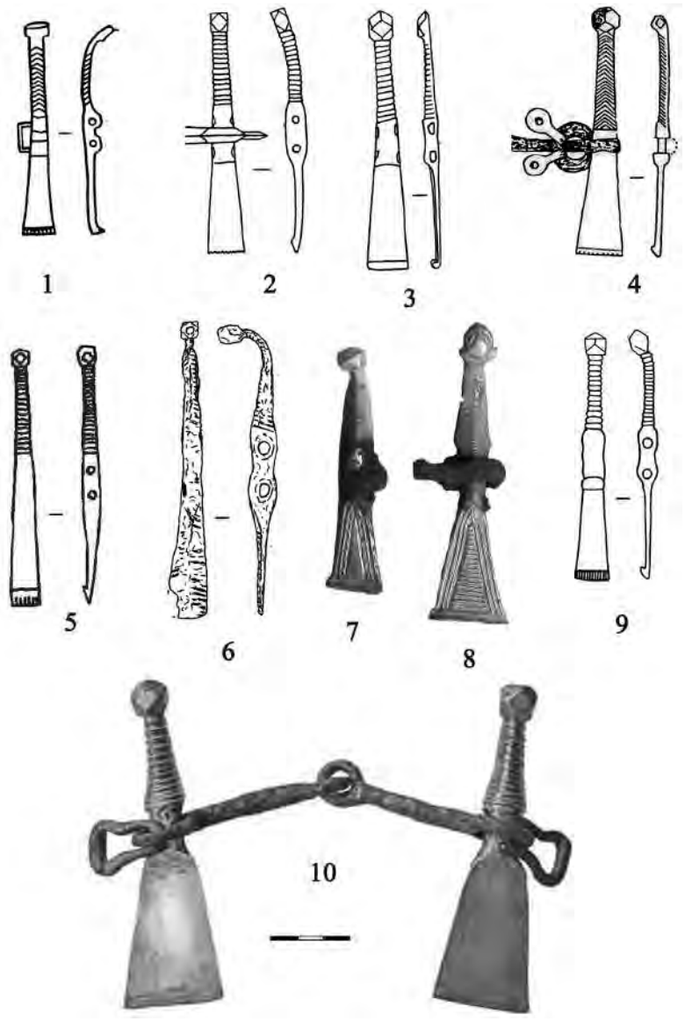


Рис. 57. Псалии с лопастью и рифленой шейкой:
1 – Дюрсо, конское погребение 4; 2 – Кумбулта; 3 – Кабардино-Балкария; 4 – Лермонтовская Скала-2, погребение 10; 5 – Мокрая Балка, погребение 119; 6 – Ксизово-19, погребение 1; 7, 8 – Глуховский район; 9 – Сахарная Головка; 10 – Алтынказган, ограда 158
1 – [по: Дмитриев, 1979. Рис. 3,16]; 2, 3 – [по: Амброз, 1989. Рис. 39,22; 39,23]; 4 – [по: Рунич, 1976. Рис. 4,5]; 5 – [по: Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 137,6]; 6 – [по: Обломский, Козмирчук, 2015. Рис. 201,17]; 7, 8 – [по: Казанский, 2018. Рис. 7,1,2]; 9 – [по: Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 13,11]

Сегментовидные сбруйные накладки

Эти аппликации вытянуто-полукруглой формы, часто украшенные гранатовыми (и стеклянными?) вставками и, в ряде случае, с декором в виде поперечного рифления на нижнем крае (рис. 59, *45–55*), также являются показательными для памятников Северного Кавказа постгуннского времени [Казанский, Мастыкова, 2013. С. 95]. На Северном Кавказе они найдены в могильниках Лермонтовская Скала-1, погр. 6 [Рунич, 1963. Рис. 8,5; Афанасьев, Рунич, 1970. Рис. 2,1], Лермонтовская Скала-2, погр. 10 [Рунич, 1976. Рис. 3,5], Развалка [Рунич, 1979. Рис. 1,4]. Надо упомянуть и находку из Прикубанья, о которой уже шла речь [Ахмедов, 2009. Рис. 2,1,2] (рис. 59, *45–49*).

В других регионах Восточной Европы такие накладки встречены в Крыму, всё в том же погребении 4 (21) могильника Сахарная Головка [Баранов, 1990. Рис. 6,30], а также в Керчи [Kazanski,

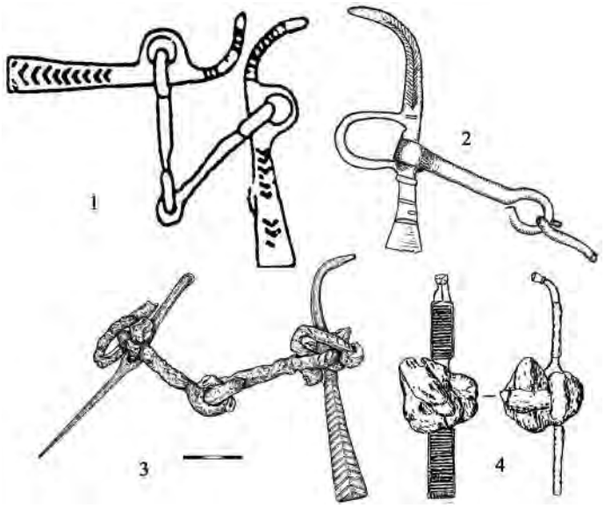


Рис. 58. Псалии с лопастью и рифленым декором или его имитацией:
1 – Шапка-Абгыдзраху, погребение 44; 2 – Зохпен-Суворово, погребение 266; 3 – Брут-1, курган 7; 4 – Заречье 4, погребение 2
1 – [по: Трапш, 1971. Табл. XXII,4]; 2 – [по: Габуев, 2014. Рис. 29,а]; 3 – по рисунку Х. Хейма; 4 – [по: Ахмедов, 1997. Рис. 2,1]
2 – без масштаба

Mastykova, 1999. Fig. 8,3; Казанский, Мастыкова, 2013. Рис. 6,10] и в уже упоминавшемся погребении 110 окского могильника Борок-II [Ахмедов, 2001. Рис. 4,8–11] (рис. 59, *50–55*).

Металлические накладки на седла

Среди хроноиндикаторов постгуннского времени на Северном Кавказе одними из наиболее ярких являются металлические накладки на седла сегментовидной и треугольной формы [Казанский, Мастыкова, 2013. С. 93–95; Казанский, 2020] (рис. 60–61). Эта категория предметов специально изучалась И.П. Засецкой и И.Р. Ахмедовым, типологии которых здесь и используются [Засецкая, 1994; 2007; Ахмедов, 2012]. В северокавказском контексте известно три типа накладок, соотносимых с шиповским горизонтом.

Прежде всего, это сегментовидные «высокие» накладки подтреугольной формы с сильно выгнутой боковой стороной типа **Засецкая 3 / Ахмедов 3** [Засецкая, 1994. С. 46. Приложение 3, № 10. Рис. 9,4; 2007. С. 144, 145; Ахмедов, 2012. С. 23] (рис. 60, *1–6*). Они встречаются не часто. На Северном Кавказе они найдены в могильниках Лермонтовская Скала-2, погр. 10 [Рунич, 1976. Рис. 6,1], где известна целая форма, и, вероятно, Лермонтовская Скала-1, погр. 3 [Рунич, 1962. Рис. 9,14], где сохранился лишь фрагмент с характерным декором [Ахмедов, 2012. С. 23]. За пределами Кавказа мне известна лишь одна находка близкой по форме накладки, на Мангышлаке, в Алтынказгане, в ритуальном захоронении в ограде 15 [Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 11,7; Астафьев, Богданов, 2015. Рис. 10,1] (табл. 12).

Сегментовидные «низкие» накладки типа **Засецкая 4а,б / Ахмедов 3а-4** [Засецкая, 1994. Приложение 3, № 11, 12–14, 16; 2007. С. 145; Ахмедов, 2012. С. 23–25] (рис. 60, *7–11*) распространены шире. Они найдены на Северном Кавказе в Дюрсо, конские погребения 4, 9, 10 [Дмитриев, 1979. Рис. 4,1,3,4][6] и, вероятно, в Мокрой Балке, в уже упоминавшемся в связи с псалиями погр. 119 [Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 137,7]. Здесь сохранился лишь фрагмент, отнесенный И.Р. Ахмедовым по характеру декора к этому типу [Ахмедов, 2012. С. 23]. Параллели этим накладкам известны в степной зоне, в Шипово, погр. 3 [Засецкая, 1994. Табл. 41,8] и в Ольвии [Засецкая, 1994. Рис. 10,11. Приложение 3, № 11], в Среднем Поднепровье, в курганной находке около с. Бабичи [Казанский, 2018. Рис. 9,1], на Урале, в находке в Уфе, на ул. Тукаева (сохранился фрагмент, идентификация И. Р. Ахмедова по декору) [Амброз, 1989. Рис. 34,8,9; Ахмедов, 2012. С. 23] и в Западном Казахстане, в Алтынказгане [Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 11,6]

Сегментовидные «низкие» вытянутые накладки типа **Засецкая 4в / Ахмедов 6** [Засецкая, 1994. Приложение 3, № 15, 17–19; 2007. С. 145; Ахмедов, 2012. С. 26] (рис. 60, 12–17) на Северном Кавказе найдены в Дюрсо, в конском погр. 5 [Дмитриев, 1979. Рис. 4,3] и в Галайты [Казанский, 2020; Багаев, Даутова, 2013. Рис. 2,1][7]. Параллели им известны в Керчи [Засецкая, 1994. Рис. 10,17. Приложение 3, № 17], а также в Западной и Центральной Европе, в меровингском погребении 1782 Крефельд-Геллеп (Krefeld-Gepllep) [Périn, 1995. Fig. 15,4; Wieczorek et al., 1996. Kat. V.4.8. Abb. 192–196][8], в Равенне [Bierbrauer, 1975. Taf. XXX] и в Шарвиз (Sárvíz) [Alföldi, 1932. Taf. IX; Kleemann, 2007][9]. На Северном

[6] Накладка из конского погребения 10 также очень напоминает только что приведенную находку из погр. 10 могильника Лермонтовская Скала-2.

[7] По мнению А.К. Амброза, подобные накладки были найдены и в Преградной, на Кубани, вместе с вещами геральдического стиля, т.е. второй половины VI–VII в. [Амброз, 1989. Рис. 37,1–21]. Однако предметы не сохранились, и судить об их форме невозможно.

[8] Эта находка имеет особое значение для датировки пластин данного типа. Могила меровингского «вождя» принадлежит к фазе II раннемеровингских древностей, то есть ко второй трети VI в., и датируется, по аналогии с «княжеским» захоронением мальчика в Кёльне [Wieczorek et al., 1996. Kat. VI.2.2. Abb. 346–349], начальной стадией указанной фазы. Дата кёльнского погребения определяется, в свою очередь, по дендрохронологии в пределах от 527 по 547 гг. [Périn, 1995. P. 250].

[9] По И.Р. Ахмедову, западные накладки представляют собой особый тип 7 [Ахмедов, 2012. С. 26]. И.П. Засецкая их в отдельный тип не выделяет.

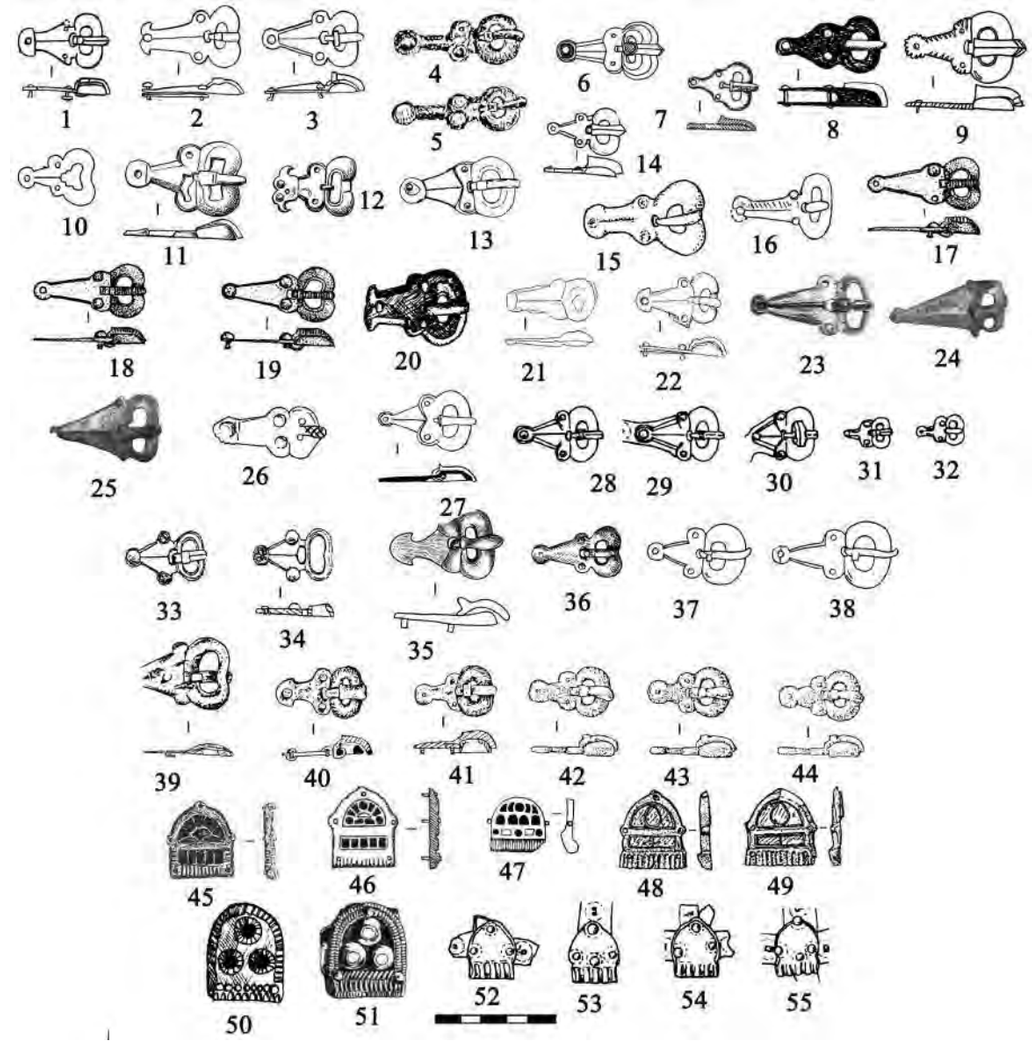


Рис. 59. Цельнолитые пряжки с овальной рамкой и треугольным щитком (1–43) и сегментовидные сбруйные накладки (44–54):
1 – Дюрсо, погребение 410; 2 – Дюрсо, конское погребение 9; 3 – Дюрсо, конское погребение 5; 4, 5 – Амгата; 6 – Былым-Кудинетово, курган 14; 7 – Лермонтовская Скала-2, погребение 10; 8 – Кугуль, западный склеп 2; 9, 10 – Гижгид; 11 – Тырны-Ауз; 12 – Чегем; 13 – Кичмалка; 14 – Тызыл; 15, 16 – Харачой; 17–19, 48, 49 – Прикубанье; 20, 50 – Сахарная Головка, погребение 4 (21); 21 – Херсонес; 22, 23, 51 – Керчь; 24, 25 – Глуховский район, клад; 26 – Киев; 27 – Цибилиум, погребение 314; 28–30, 52–55 – Борок-II, погребение 110; 31, 32 – Ундрих; 33, 34 – Заречье-4, погребение 55; 35 – Подболотье, погребение 185; 36 – Щербеть; 37, 38 – Бирск, погребение 156; 39 – Косасар-3, погребение 11; 40 – Алтынасар-4, курган 313; 41–44 – Алтынасар-4, курган 68; 45 – Лермонтовская Скала-1, погребение 6; 46 – Лермонтовская Скала-2, погребение 10; 47 – Развалка
1 – [по: Дмитриев, 1982. Рис. 8,2]; 2, 3 – [по: Дмитриев, 1979. Рис. 3,7,8]; 4, 5 – [по: Текеев, 1976. Рис. 9,10]; 6, 14, 37, 38 – [по: Амброз, 1989. Рис. 39,2; 29,7; 35,16,17]; 7 – [по: Рунич, 1976. Рис. 3,10]; 8, 47 – [по: Рунич, 1979. Рис. 4,21; 1,4]; 9, 10 – [по: Абрамова, 1997. Рис. 45,8; 29,24]; 11, 12 – [по: Амброз, 1970. Рис. 2,2,4]; 13 – [по: Васильева, Ахмедов, 2015. Рис. 1,13]; 15, 16 – [по: Багаев, 2008. Рис. 161,1; 164,15]; 17–19, 48, 49, 28–30, 52–55 – [по: Ахмедов, 2009. Рис. 2,1,2,5–7; 4,1–3,8–11]; 20 – [по: Баранов, 1990. Рис. 6,27,30]; 21–23 – [по: Айбабин, 1990. Рис. 38,19,16; 34, № 122.1]; 24, 25 – [по: Казанский, 2018. Рис. 7,1,2]; 26 – [по: Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 47,2]; 27 – [по: Воронов, 2003. Рис. 146,33]; 31, 32 – [по: Ахмедов, Казанский, 2004. Рис. 9,3]; 33, 34 – [по: Ахмедов, 1997. Рис. 2,14,15]; 35 – [по: Ковалевская, 1979. Табл. XII,6]; 36 – [по: Старостин, 1967. Табл. 19,8]; 39 – [по: Левина, 1993. Рис. 20,7]; 40–44 – [по: Левина, 1994. Рис. 149,16; 149,15; 151,31–33]; 45 – [по: Рунич, 1963. Рис. 8,5]; 46 – [по: Рунич, 1976. Рис. 3,5]; 51 – [по: Казанский, Мастыкова, 2013. рис. 6,10]
23–26, 33, 34, 51 – без масштаба

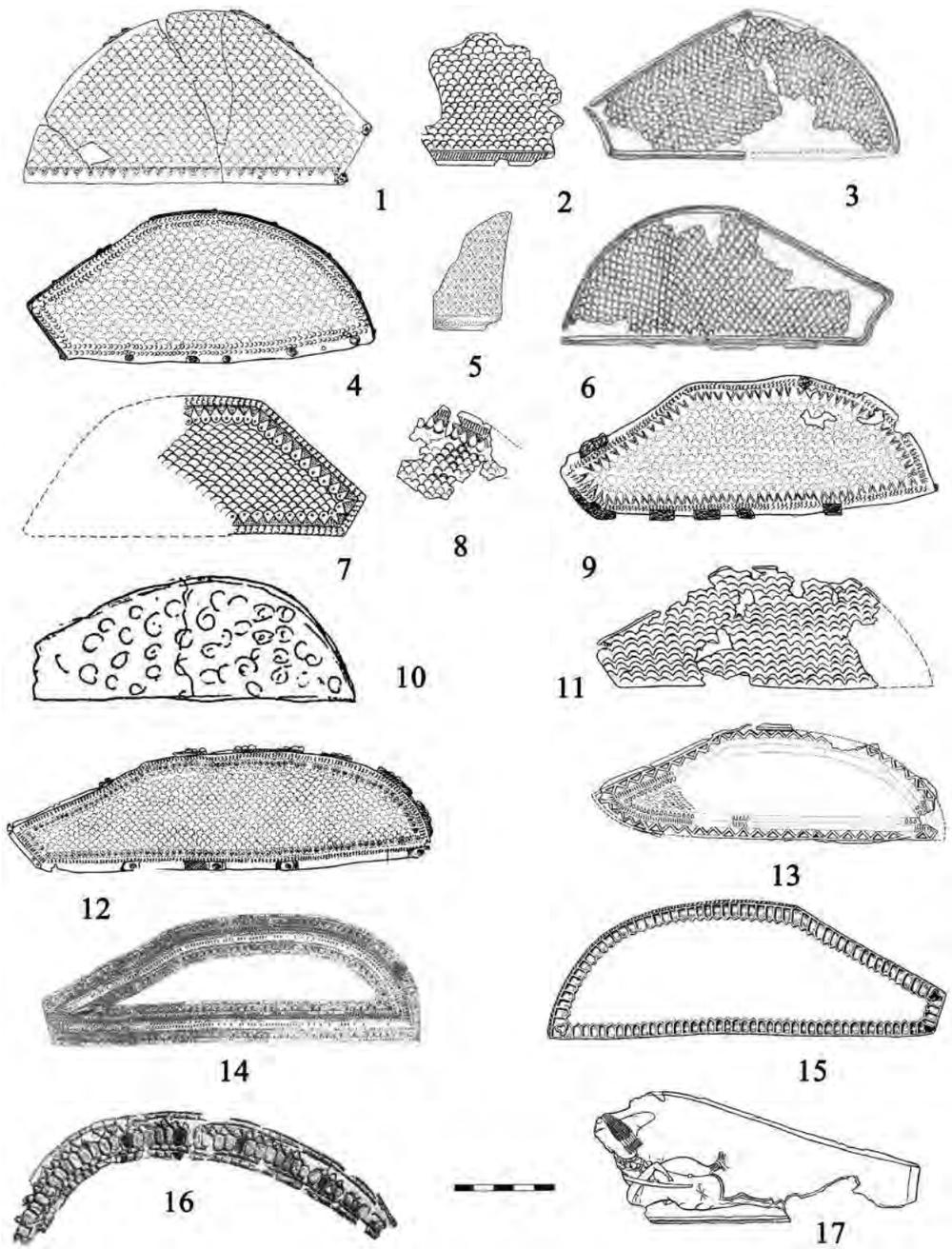


Рис. 60. Сегментовидные металлические накладки на седла:
1 – Лермонтовская Скала-2, погребение 10; 2 – Лермонтовская Скала-1, погребение 3; 3, 6 – Алтынказган; 4 – Дюрсо, конское погребение 10; 5 – Мокрая Балка, погребение 119; 7 – Шипово, погребение 3; 8 – Уфа, ул. Тукаева; 9 – Дюрсо, конское погребение 9; 10 – Бабичи; 11 – Дюрсо, конское погребение 4; 12 – Дюрсо, конское погребение 5; 13 – Галайты; 14 – Равенна; 15 – Крефельд-Геллеп, погребение 1782; 16 – Шарвиз; 17 – Чир-Юрт
1 – [по: Рунич, 1976. Рис. 6,1]; 2 – [по: Абрамова, 1997. Рис. 19,9]; 3, 6 – [по: Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 11,6,7]; 4, 9, 11, 12 – [по: Дмитриев, 1979. Рис. 4,1–4]; 5 – [по: Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 137,7]; 7 – [по: Засецкая, 1994. Табл. 41,8]; 8 – [по: Амброз, 1989. Рис. 34,8,9]; 10 – [по: Казанский, 2018. Рис. 9,1]; 13 – [по: Багаев, Даутова, 2013. Рис. 2,1]; 14 – [по: Bierbrauer, 1975. Taf. XXX]; 15 – [по: Périn, 1995. Fig. 15,4]; 16 – [по: Alföldi, 1932. Taf. IX]; 17 – [по: Магомедов, 1983. Рис. 23]
16 – без масштаба

Кавказе подобные накладки существовали и позже, как показывает, например, находка в одном из курганов Чир-Юрта (Северный Дагестан) с монетой 582–602 гг. [Амброз, 1989. Рис. 41,10; Магомедов, 1983. Рис. 23] (рис. 60, *17*). Впрочем, согласно И. Р. Ахмедову, пластина из Чир-Юрта не связана с его группой 6 [Ахмедов, 2012. С. 29].

Треугольные накладки вытянутой формы, типа **Засецкая 1б / Ахмедов 5** [Засецкая, 2007. С. 143; Ахмедов, 2012. С. 25, 26] (рис. 61) известны на Северном Кавказе в Галайты [Казанский, 2020; Багаев, Даутова, 2013. Рис. 2, *10, 11*]. Их параллели известны в степных находках постгуннского времени, в Ялпуге [Kazanski, 2018] (табл. 11) и во Владимирском могильнике, курган 4, погр. 2 [Засецкая, 1994. Табл. 35, *13*], а также в Керчи [Ахмедов, 2012. Рис. 3], в Среднем Поволжье, в могильнике Коминтерн, погр. 46, возможно, погр. 42 [Казаков, 2021. Рис. 30, *8*; 36, *4*][10], на Южном Урале, в Слончанке I [Таиров, 1999. Рис. 25, *13, 14*], и далее на восток, в Казахстане, в Боровом [Werner, 1956. Taf. 51, *12*]. Эти накладки появляются еще в гуннское время, как об этом свидетельствуют находки в Солончанке I, курган 1 (видимо, поминальник), поскольку там были найдены типичные для гуннского времени пряжки [Таиров, 1999. Рис. 23, *1–3*], характерные для периода D2 (380/400–440/450 гг.) и D2/D3 (430/440–460/470 гг.) по хронологии европейского Барбарикума. Ряд других находок, таких как Ялпуг (табл. 11) и Владимирский, датируются постгуннским временем, а находки в Коминтерн соответствуют переходу от шиповского горизонта к горизонту геральдических поясов, т.е., скорее всего, второй трети VI в. [см. подробнее: Kazanski, 2018, там же библиография].

[10] Интересно отметить, что погребения содержали по степному обычаю кости ног и череп (т.е. шкуру) лошади [см.: Казаков, 2021].

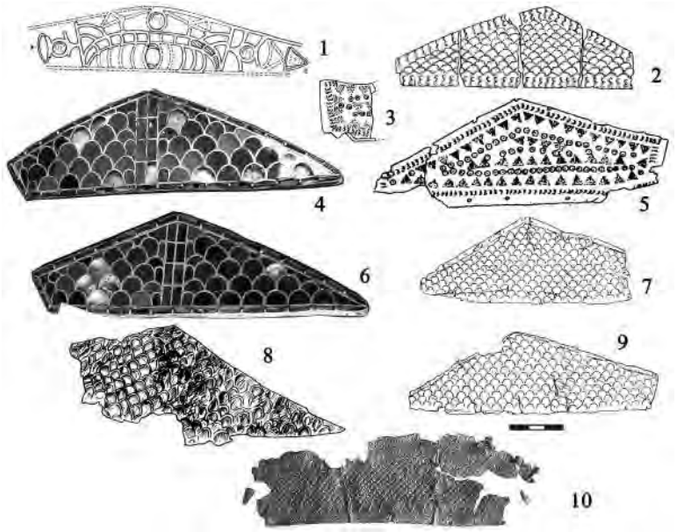


Рис. 61. Треугольные металлические накладки на седла:
1 – Галайты; 2 – Владимирское, курган 4, погребение 2; 3 – Коминтерн, погребение 42; 4, 6 – Ялпуг; 5 – Коминтерн, погребение 46; 7, 9 – Солончанка I; 8 – Боровое; 10 – Керчь
1 – [по: Багаев, Даутова, 2013. Рис. 2,10,11]; 2 – [по: Засецкая, 1994. Табл. 35,13]; 3, 5 – [по: Казаков, 2021. Рис. 30,8; 36,4]; 4, 6 – [по: Kazanski, 2018. Fig. 2]; 7, 9 – [по: Таиров, 1999. Рис. 25,13,14]; 8 – [по: Werner, 1956. Taf. 51,12]; 10 – [по: Ахмедов, 2012. Рис. 3]
10 – без масштаба

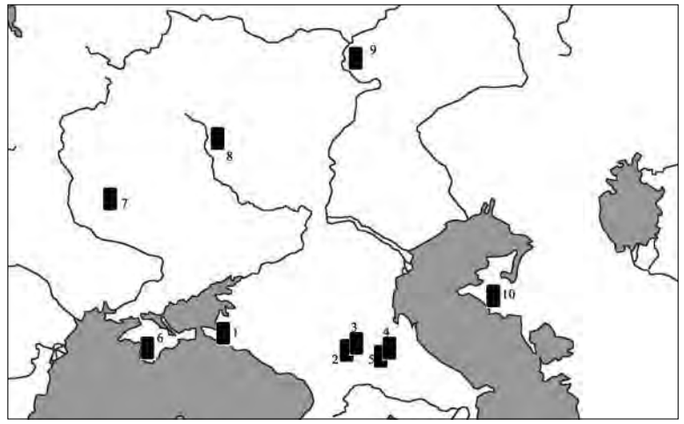


Рис. 62. Карта распространения псалий с лопастями, рифленым декором и шишечками на конце
1 – Дюрсо; 2 – Лермонтовская Скала; 3 – Мокрая Балка; 4 – Кумбулта; 5 – Кабардино-Балкария; 6 – Сахарная Головка; 7 – Глуховский район; 8 – Ксизово; 9 – Новославка 10 – Алынказган
Ввиду масштаба карты локализация памятников приблизительна

* * *

Итак, мы можем констатировать, что у населения Северного Кавказа в постгуннское время распространяется ряд элементов конского снаряжения – псалии, пряжки, ременные аппликации, седельные накладки, которые фиксируются и у оседлых варваров на окраинах кочевой степи (рис. 62–63). При этом, за исключением седель-

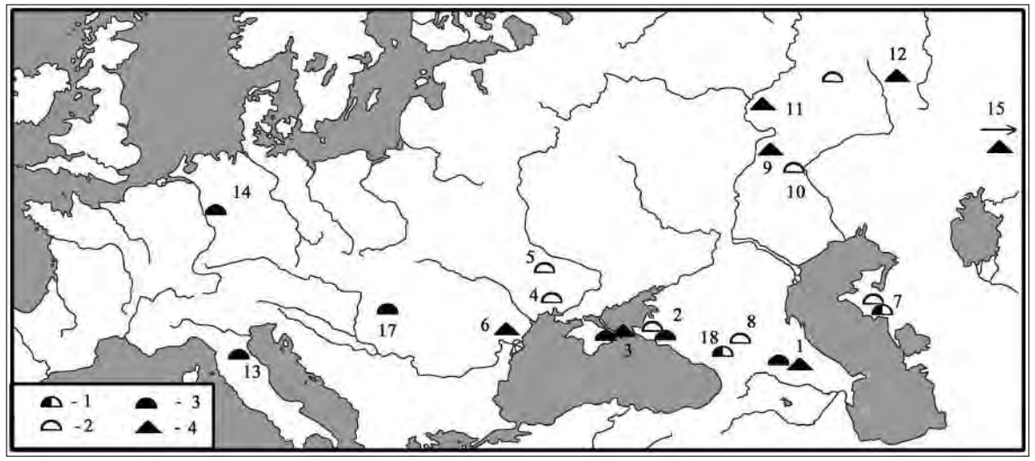


Рис. 63. Карта распространения металлических седельных накладок
1 – тип Засецкая 3 / Ахмедов 3; 2 – тип Засецкая 4а,б / Ахмедов 4; 3 – тип Засецкая 4в / Ахмедов 6-7; 4 – тип Засецкая 1б / Ахмедов 5
1 – Галайты; 2 – Дюрсо; 3 – Керчь; 4 – Ольвия; 5 – Бабичи; 6 – Ялпуг; 7 – Алтынказган; 8 – Мокрая Балка; 9 – Владимирское; 10 – Шипово; 11 – Коминтерн II; 12 – Солончанка I; 13 – Равенна; 14 – Крефельд-Геллеп; 15 – Боровое; 16 – Уфа; 17 – Шарвиз; 18 – Лермонтовская Скала
Ввиду масштаба карты локализация памятников приблизительна

ных накладок, эти вещи отсутствуют в погребениях степных кочевников шиповского (постгуннского) горизонта (гунны, болгары, угры). Возможно, такая ситуация объясняется недостаточной изученностью древностей середины V – середины VI в., поскольку на сегодняшний день в научный оборот введено всего около 25 «кочевнических» памятников постгуннского времени [см. карту памятников: Храпунов, Казанский, 2016. Рис. 14].

Показательно однако, что похожая ситуация фиксируется и с распространением элементов женского убора того же времени – ряд украшений и элементов костюма появляется у оседлых соседей степных кочевников на Северном Кавказе, в Крыму, в Среднем Поднепровье, на Верхнем Дону, в Среднем и Нижнем Поволжье, на Южном Урале и даже в низовьях Сыр-Дарьи, но при этом они крайне редки или полностью отсутствуют у степняков [Мастыкова, 2020]. Как известно, в традиционных обществах предметы женского убора, за исключением некоторых компонентов (бусы), не являются предметом купли-продажи, они могут распространяться либо вместе с их носительницами, либо в результате постепенного влияния моды. Последнее обстоятельство, впрочем, предполагает устойчивые контакты между различными варварскими народами степного пограничья, от Аральского моря до Дуная, что крайне маловероятно для постгуннской эпохи. Распространение женского убора, несомненно, отражает какие-то связи оседлых варваров степного пограничья с кочевниками и, возможно, является свидетельством перемещения (депортации) каких-то групп оседлого населения [Мастыкова, 2020].

Но в том, что касается конского снаряжения, зачастую связанного с престижным контекстом археологических находок, то оно, на мой взгляд, скорее является свидетельством распространения некой «воинской» моды, в первую очередь, в «вождеской» среде, культурно, а может быть и политически ориентированной на кочевую степь. Последнее обстоятельство и может объяснить появление рассмотренных здесь вещей, прежде всего, в пограничье Великого степного пояса. Речь может идти о варварах, находившихся в союзнических (или подчиненно-союзнических) отношениях со степными кочевниками[11].

В отдельных случаях для Северного Кавказа такая модель напрямую подтверждается письменными источниками. Как мы видели, ряд ярких находок конского снаряжения происходит из причерноморского некрополя Дюрсо, принадлежность которого готам-тетракситам признается всеми специалистами, по крайней мере, в том, что касается ранней фазы некрополя (середина V – середина VI в.). Как нам известно благодаря Прокопию Кесарийскому, проживавшие в Восточном Крыму готы-тетракситы в середине V в. (после 429 г.) присоединились к уходившим на восток гуннам и переселились на Черноморское побережье Северного Кавказа. Около 547 г. посольство готов-тетракситов появляется в Константинополе, с просьбой о назначении нового епископа. От них Прокопий и получает подробную информацию об этом народе [Прокопий из Кесарии. Война с готами, IV.4,5]. На подчиненно-союзническое положение готов-тетракситов по отношению к гуннам-утигурам указывает тот факт, что в ходе последующей войны между утигурами и кутригурами готы должны были выставить в помощь утигурам войско в 2000 бойцов [Прокопий из Кесарии. Война с готами, IV.18].

Для интересующего нас времени можно напомнить и факт подчинения германцев-ангискиров сыновьям Аттилы в эпоху после битвы при Недао в 454 г. [Иордан. Getica, §272] или же совместное нападение гуннов и склавинов на балкано-дунайские провинции Византии в 558–559 гг., хотя в последнем случае у нас нет никакой информации о характере союзнических отношений между этими варварами (Иоанн Малала, 490.6–12 [цит. по: Свод…, 1994. С. 268], Феофан, I [цит. по: Свод…, 1995. С. 253]) или же, наконец, совместную службу гуннов, антов и склавинов в конном корпусе Мартина и Валериана в 536 г. во время Готской войны в Италии [Прокопий из Кесарии. Война с готами, I.27]. Подобные события, вне всякого сомнения, способствовали распространению единой престижной воинской моды у самых различных варваров на пограничье степи.

[11] В качестве рабочей гипотезы, нуждающейся в проверке и подтверждении, можно предположить, что «статусный» набор воинских предводителей оседлых варваров, находившихся в союзных отношениях с кочевниками-степняками, отличался от престижного набора степных владык, что объясняет отсутствие ряда рассмотренных здесь предметов конского убора в степном контексте.

Библиография

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М.: ИА РАН, 1997. 165 с.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241.

Амброз А.К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи / Отв. ред. Ю.В. Кухаренко. М.: Наука, 1970. С. 70–74.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М.: Наука, 1989. 134 с.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Парадное седло из Алтынказгана (полуостров Мангышлак, Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 3. № 4. С. 72–84.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // Stratum plus. 2018. № 4. С. 347–470.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Могильник № 1 у Лермонтовской Скалы близ г. Кисловодска // Советская археология. 1970. № 4. С. 222–227.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.

Ахмедов И.Р. Удила // Гавритухин О.И., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, Курский областной археологический музей, 1996. С. 41–42.

Ахмедов И.Р. Уздечный набор из могильника Заречье 4 // Древности Евразии / Отв. ред. С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев. М.: ГИМ, 1997. С. 261–268.

Ахмедов И.Р. Воинское погребение из могильника Борок II // Тверской археологический сборник. 2001. Вып. 4. Том II. С. 111–119.

Ахмедов И.Р. Конский убор некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения «понтийского» стиля узды в эпоху Великого переселения народов) // II Городцовские чтения / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 240–253.

Ахмедов И.Р. Новые материалы к истории престижной узды Восточной Европы гуннского и постгуннского времени // Гунны, готы и сарматы между волгой и Дунаем / Отв. ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусства СПбГУ, 2009. С. 152–166.

Ахмедов И.Р. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. С. 19–48.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Отв. ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 168–202.

Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. М.: Наука, 2008. 455 с.

Багаев М.Х., Даутова Р.А. Галайтинский клад в контексте темы средневековых вождеств на Северном Кавказе // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. Тезисы докладов Международного научного семинара, Махачкала, 13–17 ноября 2013 г. / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2013. С. 7–9.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.

Валиев Р.Р. Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры // Археология евразийских степей. 2018. Вып. 1. С. 211–226.

Васильева Е.Е., Ахмедов И.Р. Новое погребение аланской знати постгуннского времени из Кабардино-Балкарии // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 13–16.

Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. 348 с.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 212 с.

Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Институт истории и археологии РСО-Алания; Государственный музей искусства народов Востока, 2014. 184 с.

Гавритухин О.И., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, Курский областной археологический музей, 1996. 296 с.

Гунба М.М. Раскопки башни № 2 и помещения № 1 // Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.) / Ред. О. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1982. С. 27–39.
Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. № 4. С. 212–229.
Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 69–107.
Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс Лтд., 1994. 223 с.
Засецкая И.П. Классификация обкладок ленчиков седла V – первой половины VI вв. // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2007. С. 142–146.
Иордан. О происхождении и деяниях готов. «Getica» / Вступ. статья, пер., комм. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 512 с.
Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей, 2021. С. 97–150.
Казанский М.М. Престижные находки и центры власти постгуннского времени в Поднепровье // Stratum plus. 2018. № 4. С. 83–118.
Казанский М.М. Седло из «княжеской» находки постгуннского времени в Галайты (Чечня): параллели и датировка // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 352–354.
Казанский М.М., Мастыкова В.А. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. 2013. Вып. 5. С. 93– 104.
Казанский М.М., Мастыкова В.А. Конское снаряжение эпохи Великого переселения народов из Сёсдалы и его понто-дунайские параллели ***//*** Боспорские исследования. 2018. Вып. 36. С. 118–142.
Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.: Наука, 1979. 110 с. (Свод археологических источников, Вып. Е1-2).
Левина Л.М. Низовья Сырдарьи в древности. Выпуск IV. Джетыасарская культура. Часть 3-4. Могильники Алтынасар 4. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. 312 с.
Левина Л.М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Беданк-асар, Кос-асар и Томпак-асар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетасарская культура. Часть 2. Могильники Томпакасар и Косасар / Отв. ред. С.А. Трудновская. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. С. 32–193.
Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М.: Наука, 1983. 224 с.
Мастыкова А.В. Некоторые элементы женского убора оседлого населения пограничья степи в эпоху Великого переселения народов: миграция или мода? // Stratum plus. 2020. № 5. С. 73–90.
Обломский А.М., Козмирчук И.А. Могильник гуннского времени Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 134–164.
Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АНСССР, 1950. 516 с.
Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1963 год // Архив Института археологии РАН. Р1-2694.
Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1962 год // Архив Института археологии РАН. Р1-2454.
Рунич А.П. Отчет о полевых работах в районе Кавминвод за 1973 год // Архив Института археологии РАН. Р1-5009.
Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // Советская археология. 1976. № 3. С. 256–266.
Рунич А.П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // Советская археология. 1979. № 1. С. 232–247.
Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI в.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. 472 с.
Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII–IX вв.) / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 590 с.
Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М.: Наука, 1967. 100 с. (Свод археологических источников, Вып. Д1-32).
Таиров А.Д. (отв. ред.). Курган с «усами» Солончанка I. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1999. 152 с.
Текеев Р. Х-У. Отчет о работе археологической экспедиции Карачаево-Черкесского областного краеведческого музея летом 1976 г. на Амгате // Архив Института археологии РАН. Р1-6143.
Трапш М.М. Труды. Т. 3. Культура цебельдинских некрополей. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 358 с.
Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребения эпохи переселения народов в могильнике Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II / отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2016. С. 194–229.
Akhmedov I. New data about the origin of some constructive parts of the horse-harness of the Great Migration Period // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D. / Eds. V. Istvánovits, V. Kulcsár. Aszód, Nyíregyháza: Jósa Anrás Museum – Osváth Gedeon Museum Foundation, 2001. P. 363–388.
Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1932. 90 S.
Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 1975. 380 S.
Kazanski M. Deux appliques de selle post-hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation // Studia Romana et Mediævalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata / Eds. D. Aparaschivei, G. Bilavschi. Bucureşti: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I", 2018. P. 169–187.
Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. 1999. Bd. 5. S. 523–573.
Kleemann J. Bemerkungen zum Cloisonnierten Goldbleschlag vom Sárvíz // Archaeologiai Értesítő. 2007. Vol. 132. S. 123–141.
MacGregor A. A Summary Catalogue of the Continental Archaeological Collections, Collections (Roman, Iron Age, Migration Period, Early Medieval) of the Ashmolean Museum. Oxford, 1997. 288 p. (BAR International Series, S674).

Périn P. Les tombes des «chefs» du début de l'époque mérovingienne // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie méroingienne, 1995. P. 247–301.
Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011. 466 S.
Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. 138 S.
Wieczorek A., Perin P., von Welck K., Menghin W. (Hrsg.). Die Franken. Wegbereiter Europas. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1996. 1143 S.

ЭЛЕМЕНТЫ ДЕКОРА КОНСКОЙ СБРУИ ИЗ АЛТЫНКАЗГАНА НА МАНГЫШЛАКЕ И ИХ РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ[1]

Находки в поминальных сооружениях некрополя эпохи Великого переселения народов Алтынказган на Мангышлаке содержат многочисленные предметы «княжеской» / «воинской» культуры [Астафьев, Богданов, 2018]. По целому ряду вещей, таких как пряжки с овальной рамкой и инкрустированным щитком, пряжки предгеральдического стиля, удила с лопастями и рифленой шейкой, пластины с «дерюжным» орнаментом [Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 12,1; 13,1,3,8,11; 15,1,2], интересующие нас здесь коммеморативные комплексы могут быть отнесены к постгуннскому (шиповскому) горизонту, т.е. ко времени от второй трети V по вторую треть VI в. [см. подробнее: Казанский, Мастыкова, 2013; Мастыкова и др., 2016. С. 80–88].

Среди этих вещей особое внимание привлекают дисковидные накладные бляхи (рис. 64, *1–7*) и наконечники ремней конского убора (рис. 64, *20–24*), украшенные в стиле перегородчатой инкрустации [Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 13,7; 15,12,16–18]. Здесь будут рассмотрены их ранневизантийские параллели, происходящие из погребений варварских правящих элит Восточной и Центральной Европы.

В том что касается дисковидных накладок, из восточноевропейских находок, в первую очередь, вспоминаются фалары второй половины V в. (рис. 64, *8–11*), найденные в погр. 2 гунно-болгарского (видимо, оногурского) могильника Морской Чулек, близ устья Дона, явно произведенные в византийских мастерских [Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 181; Зесецкая и др., 2007. С. 60–75]. Вполне возможно, что эти фалары входили в состав дипломатических подарков, полученных посольством оногур, сарагур и урогов в Константинополе в 463 г. [подробнее: Артамонов, 1963. С. 62]. Показательно, что в том же погр. 2 обнаружены массивные золотые браслеты с расширенными концам с латинской весовой надписью [Засецкая и др., 2007. С. 48–60].

Ближайшие аналогии чулекским круглым фаларам происходят из погр. 2 гепидского могильника Апахида (рис. 64, *12, 13*), в Трансильвании [Harhoiu 1998 : Taf. 63, 65, 66]. Это погребение относится к периоду D3 по хронологии европейского Барбарикума (450–480/490 гг.), на основании сопоставления его с древностями из могилы франкского короля Хильдерика, захороненного в 481–482 гг. [последняя развернутая публикация: Quast, 2015], обнаруженной в бельгийском г. Турнэ. Тождество стилистических, конструктивных и технологических особенностей наборов конской упряжи из Апахиды и Морского Чулека позволяет рассматривать их как продукцию одного центра производства. Общий облик изделий, технология изготовления, характер инкрустации может указывать на их византийское происхождение [подробнее: Засецкая и др., 2007. С. 62–66]. Б. Аррениус в своей фундаментальной работе о меровингских украшениях, исполненных в технике перегородчатой инкрустации, выделяет группу предметов со вставками, укрепленными на цементе, в том числе вещи из Апахиды 2 и могилы Хильдерика, которые она относит к деятельности ювелирных мастерских Константинополя. Спецификой этих мастерских было использование цемента на основе гипса [Arrhenius, 1985. P. 100–113]. Однако не исключено, что могли существовать и другие средиземноморские мастерские, в которых изготовлялись вещи с перегородчатой инкрустацией на «цементе», например, в Равенне или при везиготском дворе [Kazanski, Périn, Mastykova, 2002. P. 160].

Композиция, аналогичная узору на умбоновидной части круглых блях конских наборов из Апахиды и Морского Чулека, украшает золотую бляшку из находки (курган 14?) 1886 г. близ с. Былым/Кудинетово на территории совр. Кабардино-Балкарии (рис. 64, *17*) [Толстой, Кондаков, 1890. С. 143. Рис. 173], возможно, также принадлежавшую конскому убору. Как уже неоднократно отмечалось, также близка фаларам Апахиды 2 фибула-брошь, изготовленная из позолоченной бронзы и инкрустированная гранатами, найденная в погребении 18 нормандского некрополя Френувилль (рис. 64, *16*) и сделанная из конской наклад-

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Элементы декора конской сбруи из Алтынказгана на Мангышлаке и их ранневизантийские параллели // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный византийский семинар / ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 143–150.

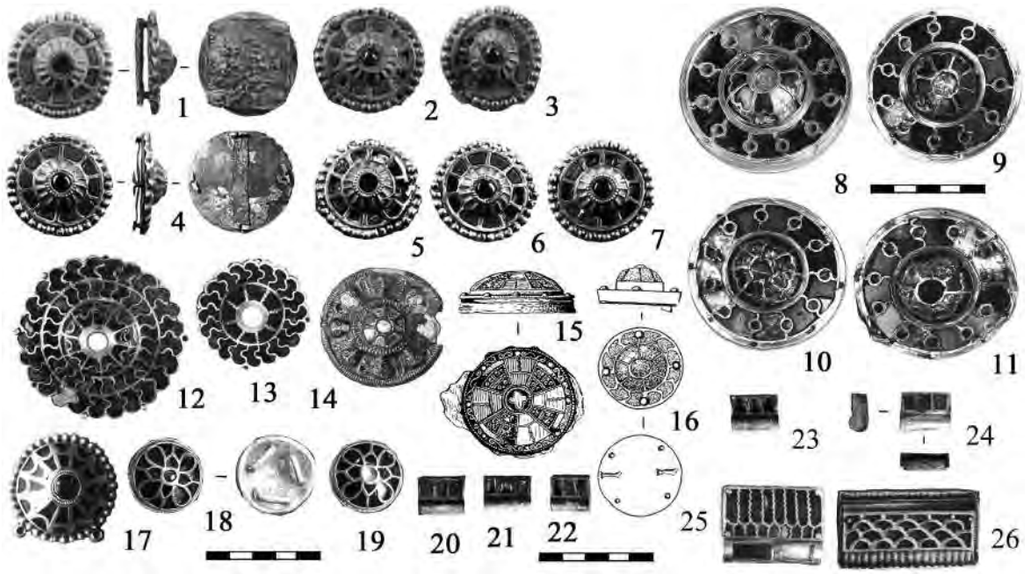


Рис. 64. Элементы конского убора из Алтынказгана и их параллели:
1–3 – Алтынказган, ритуальное захоронение в ограде 158 («клад» № 3); 4–7, 20–24 – Алтынказган, находка у стеновидной кладки объекта 82 («клад» № 5); 8–11 – Морской Чулек, погр. 2; 12, 13, 25 – Апахида, погр. 2; 14 – Комунта; 15 – Крефельд-Геллеп, погр. 1782; 16 – Френувиль, погр. 18; 17 – Былым-Кудинетово, курган 14; 18, 19 – Ялпуг; 26 – Турнэ, погребение Хильдерика
1–7, 20–24 – [по: Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 13, 15]; 8–14, 16, 25 – [по: Засецкая и др., 2007. Рис. 21, 23. Табл. 4, 5]; 15 – [по: Périn, 1995. Fig. 15]; 17 – Гос. Эрмитаж, фото А.В. Мастыковой; 18, 19 – [по: Kazanski, 2018. Fig. 1]; 26 – [по: Ament, 2015. Abb. 1]
12–17, 24, 25 – без масштаба.

ки раннемеровингского времени [Kazanski, Périn, Mastykova, 2002. P. 181][2]. В сравнительно недавно опубликованном материале из постгуннского степного погребения Ялпуг близ устья Дуная также имеются умбоновидные накладки с инкрустированных декором (рис. 64, *18, 19*), по всей видимости, принадлежавшие конской сбруе. Инкрустированные вещи из Ялпуга, по всей видимости, являются продукцией византийских мастерских [Kazanski, 2018. Fig. 1] (табл. 11). Известны и случаи, когда дисковидные фибулы с инкрустированным декором служили украшением конской упряжи, как, например, бляха из Комунты, в Северной Осетии (рис. 64, *14*) [Засецкая и др., 2007. С. 67, 68. Рис. 23,10]. Кстати, очень похожи на конские фалары и довольно многочисленные средиземноморские дисковидные фибулы с декором в стиле перегородчатой инкрустации [см., напр.: Quast, 2006. Abb. 4,3,6; 9; 10]. Стоит отметить и навершия некоторых ранневизантийских мечей, напоминающие по форме и декору умбоновидные накладки интересующей нас конской сбруи [Засецкая, 1993. Табл. 29,135]. Дисковидные инкрустированные бляхи конского убора найдены также в «вождеском» погребении 1782 на меровингском могильнике Крефельд-Геллеп, на Рейне (рис. 64, *15*). Погребение относится к 520–540 гг. [Wieczorek et al., 1996. V.4.8]. Как предполагает Б. Аррениус, эти бляхи могли быть средиземноморского, а точнее – даже византийского происхождения (доклад Б. Аррениус на Саксонском симпозиуме в г. Кан в 1988 г., не опубликован). Прототипы дисковидным накладкам конской сбруи можно найти в изображениях на серебряных изделиях ранневизантийской работы, например, на знаменитой чаше из Гордиковского склепа в Керчи – там округлые бляхи украшают оголовье императорского коня (рис. 65, *1*) [Засецкая и др., 2007. С. 68, 70. Рис. 24,1].

Впрочем, для дисковидных блях конского убора не исключены и сасанидские параллели. Так, округлые бляхи видны на ременных гарнитурах шахских коней с сасанидских блюд [Тревер, Луконин, 1987. Кат. № 3, 9. Фото 8,9,19; Overlaet, 1993. Fig. 82. Kat. 52, 61], в том числе на оголовьях [Тревер, Луконин, 1987. Кат. № 17. Фото 35; Overlaet, 1993. Fig. 94. Kat. 50, 53, 54, 56] (рис. 65, *2–4*). Правда, пока сасанидские изделия с декором в стиле перегородчатой инкрустации известны недостаточно, а в качестве конской сбруи пока предположительно идентифицированы только накладные диски без инкрустаций, с орнитоморфным штампованным декором [Overlaet, 1993. Kat. 46, 47], что заставляет воздержаться от каких-либо заключений.

[2] Впервые это изделие как конский фалар идентифицировала И.П. Засецкая в 1996 г. во время визита в Музей Нормандии в г. Кан (деп. Кальвадос).

Еще один элемент конской сбруи их Алтынказгана, который может быть связан с ранневизантийской / средиземноморской традицией, это прямоугольные наконечники ремней с горизонтальным валиком на конце, также украшенные в стиле перегородчатой инкрустации (рис. 64, *20–24*) [Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 15,7–11]. Такие наконечники в степи появляются уже в позднесарматское время, однако по наличию инкрустированного декора алтынказганские предметы могут быть сопоставлены с наконечниками из уже упоминавшихся могил в Турнэ (рис. 64, *26*) [Ament, 2017. Abb. 1] и Апахиде (рис. 64, *25*) [Harhoiu, 1998. Taf. 63,10–12,30; Засецкая и др., 2007. Рис. 21,5; Ament, 2017. P. 144, 145. Abb. 12]. Имеются такие инкрустированные наконечники и в боспорских склепах эпохи Великого переселения народов [Засецкая, 1993. Табл. 28,128; 57,322].

Сейчас трудно говорить о конкретных механизмах распространения престижных ранневизантийских вещей в евразийской степи в постгуннское время. Представляется, что одной из причин их появления у кочевников были богатые дипломатические дары, которые получали степные властители (и властительницы, как об этом свидетельствуют ранневизантийские авторы) от константинопольских посланников [см. подробнее: Засецкая и др., 2007. С. 92–95]. Как уже отмечалось при публикации находок в Морском Чулеке, в письменных источниках не засвидетельствованы конкретные случаи дарения варварским вождям предметов конского убора. Однако эти предметы могли быть получены в результате символической инвеституры союзников Империи от имени императора [Засецкая и др., 2007. С. 96].

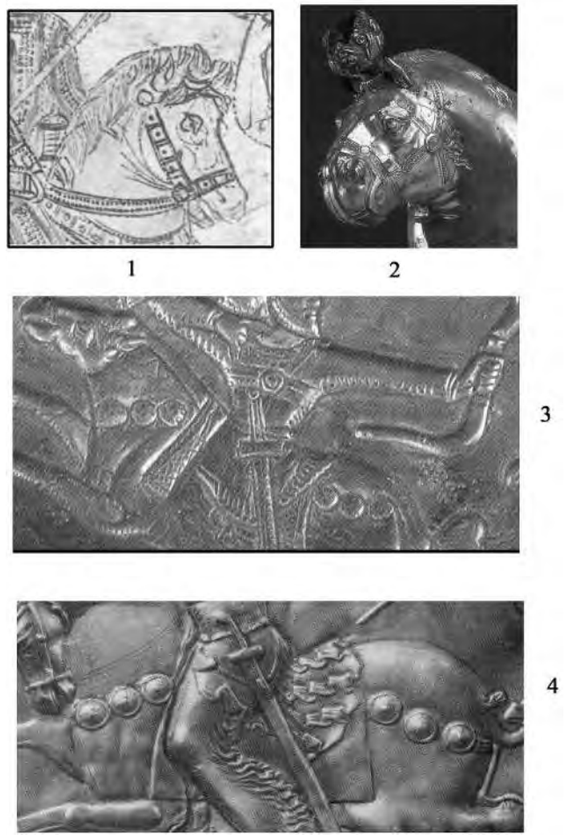


Рис. 65. Изображения дисковидных блях в конском уборе:
1 – Керчь, блюдо из гордиковского склепа;
2 – сасанидский ритон
в форме коня; 3 – Стрелка (Прикамье), сасанидское блюдо;
4 – сасанидское блюдо с изображением Хосрова I
1 – [по: Засецкая и др., 2007. Рис. 24];
2–4 – [по: Overlaet, 1993. Fig. 94. Kat. 52, 61]

Библиография

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // Stratum plus. 2018. № 4. С. 347–370.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 23–105.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. 2013. Вып. 5. С. 93–104

Мастыкова А.В., Казанский М.М,, Сапрыкина И.А. Пашковский могильник № 1. Том 2. Исследование материалов Пашковского могильника № 1. М., СПб.: Нестор-История, 2016.

Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Выпуск третий. Древности времен переселения народов. СПб: Типография Министерства путей сообщения, 1890.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987.

Ament H. Das Childerichgrab in der archäologishcen Forschnung // Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655 / Hrsg. D. Quast. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2015. S. 123–155.

Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1985.

Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică, 1998.

Kazanski M. Deux appliques de selle post-hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation // Studia Romana et Mediævalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata / Dir.

D. Aparaschivei, G. Bilavschi. Bucureşti: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I”, 2018. P. 169–187.

Kazanski M., Mastykova A., Perin P. Byzance et les royaumes barbares d’Occident au début de l’époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky Brno, 2002. P. 159–194.

Overlaed B. (Coord.). Splendeur des Sassanides. L’empire perse entre Rome et la Chine (224–642). Bruxelles: Musées royaux d’Art et d’Histoire, 1993.

Perin P. Les tombes des «chefs» du début de l’époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d’archéologie mérovingienne, 1995. P. 247–302.

Quast D. Mediterrane Scheibenfibeln der Völkerwanderungszeit mit Cloisonnéverzierung – eine typologische und chronologische Übersicht // Archäologisches Korrespondezblatt. 2006. 36/2. S. 259–278.

Quast D. (Hrsg.), Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2015.

Wieczorek A., Périn P., Von Welck K., Menghin W. (Hrsg.). Die Franken, Wegbereiter Europas. Mainz: Philipp von Zabern, 1996.

СТЕПНЫЕ ТРАДИЦИИ В СЛАВЯНСКОМ ВООРУЖЕНИИ И КОНСКОМ СНАРЯЖЕНИИ В V–VII ВВ.[1]

Военные контакты славян со степными кочевниками в V–VII вв. неоднократно отмечались письменными источниками. Среди наиболее известных эпизодов можно назвать войну гуннов, выступивших на защиту антов[2], в противостоянии с остроготами, в конце IV – начале V в., совместную службу гуннов, антов и склавинов в корпусе Мартина и Валериана во время Готской войны в 536–546 гг. [подробнее см.: Казанский, 2009], набег кутригур и склавинов на Балканы в 559 г., войны антов с аварами в 550–600-е гг. и особенно разнообразные аваро-склавинские военные контакты в 578–626 гг., включавшие и вооруженные конфликты, и союзничество, и военное подчинение части склавинов аварам [см. подборку сведений в: Свод…, 1994; 1995][3]. В данной работе[4] мы рассмотрим предметы вооружения и конского снаряжения, обнаруженные на славянских памятниках V–VII вв. (пражская, пеньковская, колочинская культуры)[5], которые свидетельствуют о влиянии степняков на военное дело у славян (рис. 66).

Среди клинкового оружия, обнаруженного на славянских памятниках, следует назвать железную массивную гарду, скорее всего, судя по небольшим размерам, от кинжала или боевого ножа (рис. 67, *1*), найденную на колочинском поселении Велики Будки, на Левобережной Украине, в бассейне верхней Сулы [Казанский, 2015. Кат. IV.13 ; Kazanski, 2015. P. 46]. Гарда относится к так называемому азиатскому типу, по терминологии В. Менгина [Menghin. 1995. S. 165–175]. Считается, что в Европе такие гарды распространяются в гуннское время, под влиянием степняков, пришедших с востока, однако в Восточной Европе, Центральной Азии и в Закавказье такие гарды известны и ранее, в римское время [Werner, 1956. S. 38–40; Ivanišević, Kazanski, 2009. P. 121, 122; Tejral, 2011. S. 282–285; Казанский, 2015. С. 49].

К числу предметов вооружения «степного» происхождения можно причислить и пики, найденные на славянских памятниках [Казанский, 2015. Кат. V.2.2; V.5.1; Kazanski, 2015. P. 46, 47]. Они представляют собой втульчатые копья с узким пером линзовидного или ромбического сечения, расширенным у основания, иногда с ушком на втулке для крепления к древку. Их длина 18–25 см (рис. 67, *7–11*). Исследователи полагают, что такие пики предназначены для конного боя и имеют в Европе восточное, может быть, аварское происхождение, хотя имеются и гуннские прототипы [Alföldi, 1932. Taf. II,2]. Параллели этим копьям хорошо представлены в аварских древностях, а также у гунно-болгар, в ранневизантийском контексте и у лангобардов Италии, куда они попали, скорее всего, от авар. Наконец, пики известны и северо-восточнее славянского ареала, у финнов Поволжья, где также можно предполагать военное влияние степняков [Казанский, 2015. С. 47; Kazanski, 2015. P. 47, там же библиография].

На мой взгляд, степными по происхождению являются и миниатюрные топорики-чеканы (рис. 67, *2, 3*), найденные на городищах пражской культуры Зимно на Волыни и Хачки, на территории Польши [Казанский, 2015. Кат. I.9.8, I.17.1]. Похожее оружие известно у авар в Карпатском бассейне [Казанский, 2015. С. 49; Kazanski, 2015. P. 47, там же библиография][6].

Очень хорошо на славянских памятниках представлены элементы стрелкового вооружения. Прежде всего, назовем костную накладку на лук (рис. 67, *4*), найденную в одном из сооружений V – первой половины VI в. на пеньковском поселении Хитцы [Казанский, 2015. Кат. III.4; Kazanski, 2015. P. 47].

Хорошо известно, что до конца VI в. во всадническом снаряжении в Европе не было стремян, что затрудняло рукопашные схватки и придавало особую важность дистанционному бою с помощью стрелкового оружия. Поэтому тугой лук с костяными (роговыми) накладками становится основным оружием кочевников в начале средневековья [Kazanski, 2012. P. 194–196]. Такой лук позволяет использовать тяжелые трехлопастные стрелы, которые могут нанести противнику тяжелые ранения с обильным кровотечением и, что не менее важно,

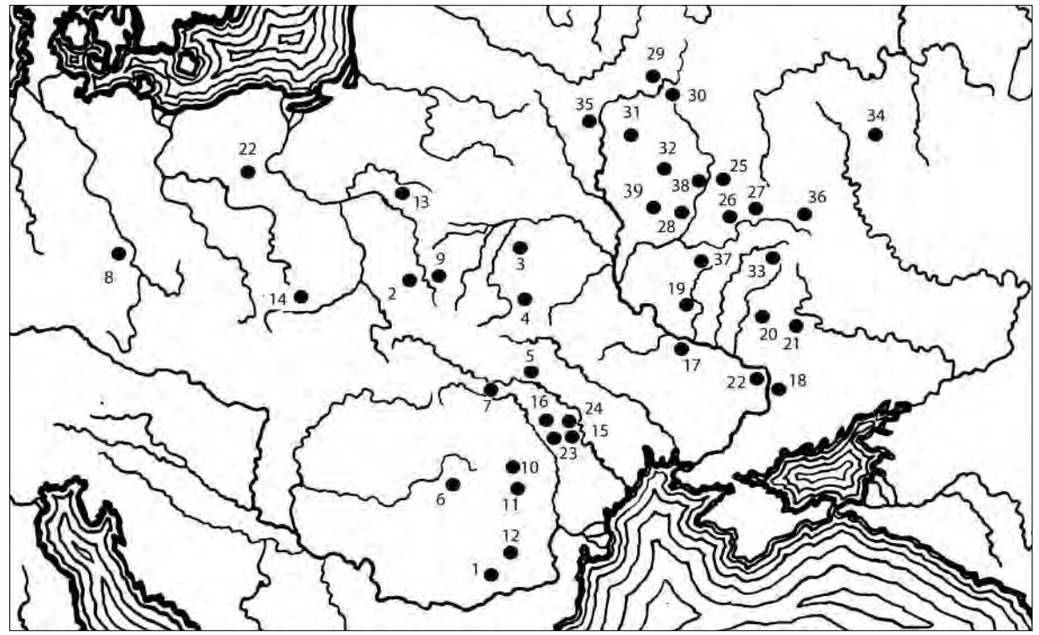


Рис. 66. Распространение предметов вооружения и конского снаряжения степной традиции на славянских памятниках V–VII вв. [по: Kazanski, 2015. Fig. 1, с дополнениями]:
Пражская культура и памятники группы Ипотешть-Киндешть: 1 – Гиван Николае (Ghivan Nicolae); 2 – Гродек (Grodék)-25; 3 – Хотомель; 4 – Клементовичи; 5 – Бернашевка; 6 – Пишколт (Pişcolt); 7 – Рашков-3; 8 – Дрезден-Штец (Dresden-Stetzsch); 9 – Зимне; 10 – Давидень-Нямц (Davideni-Neamţ); 11 – Извоаре-Бахна (Izvoare-Bahna); 12 – Сэрата-Мотнеору (Sarata-Monteoru); 13 – Хачки (Hećki); 14 – Краков-Нова-Гута-Могила-1 (Kraków-Nowa Huta-Mogiła).
Пеньковская культура: 15 – Селиште (Selişte); 16 – Новые Братушаны (Brătuşeni Noi); 17 – Миклашевский; 18 – Кизлевый; 19 – Хитцы; 20 – Чернечина; 21 – Таранцево-Занки; 22 – Волошское-Сурска Забора; 23 – Требужени (Trebujeni); 24 – Старый Орхей (Orheiul Vechi).
Колочинская культура: 25 – Хохлов Вир; 26 – Арютшково; 27 – Болваново; 28 – Колодезный Бугор; 29 – Близнаки; 30 – Демидовка; 31 – Никодимово; 32 – Рассуха-2; 33 – Песчанок; 34 – Кривец-4; 35 – Тайманова; 36 – Каменево-2; 37 – Велики Будки; 38 – Владимирское; 39 – Демьянка

---

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Степные традиции в славянском вооружении и конском снаряжении // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 254. С. 253–269.

[2] Известие Иордана об этой войне [Иордан, 2001. § 246, 247], скорее всего, опирается на эпические песни готов и поэтому может носить чисто легендарный характер. Однако, если это событие имело место в реальности, то анты в нём выступают как подчиненные союзники гуннов, находящиеся под защитой степняков [Kazanski, 2009]. Отметим, что в алтайских языках, к которым принадлежал и гуннский, этноним «анты» читается как «союзники», «друзья», «люди, связанные клятвой верности» [Филин, 1962. С. 58, 59; Попов, 1973. С. 34–37]; ср. славяне – «пактиоты» Константина Багрянородного, «свои поганые» русских летописей или же «мирные» и «немирные» чукчи, коряки, тунгусы и другие народы Сибири в русских документах XVII–XVIII вв.

[3] О различных формах отношений степных кочевников и оседлых варваров см. подробнее [Казанский, Мастыкова, 2009; Kazanski, 2013].

[4] Первая короткая версия этой работы была опубликована на французском языке в 2015 г. [Kazanski, 2015].

[5] В число пражских здесь включены и т.н. памятники Ипотешть-Кындешть на территории Румынии, хотя там присутствует и неславянский культурный элемент. Пеньковская культура соотносится с антами, пражская со склавинами и венедами раннесредневековых письменных источников, точная атрибуция колочинской культуры затруднительна. В число памятников последней сейчас включают и памятники Верхнего Поднепровья [см.: Обломский, 2016].

[6] Миниатюрные размеры топориков могут свидетельствовать об их вотивном характере, см. диалог между Стюрлаугом и Хорнневью:

Хорнневья: «…я дам тебе тот драгоценный предмет, что я держу в своей руке, и это алебарда».

Стюрлауг: «Что же особенного в том, что у тебя есть и что ты предлагаешь мне?».

Хорнневья: «Она перерубает все, по чему ударяет. Она может стать такой маленькой, что ты сможешь прикрепить ее к своей одежде, как булавку. Куда бы ты ни пришел, с ней ты сможешь завоевать столько, сколько хочешь и сколько тебе нужно» [Глазырина, 1996. С. 147].

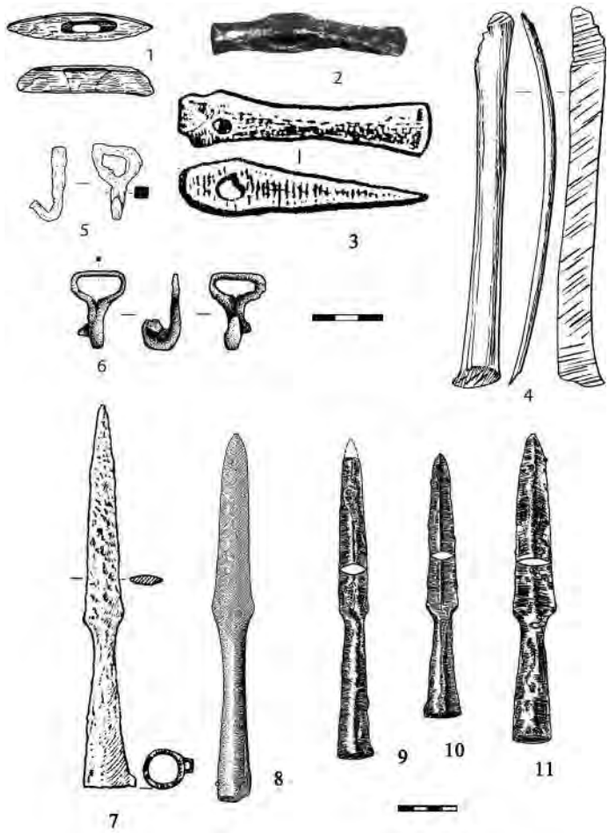


Рис. 67. Предметы вооружения степной традиции, обнаруженные на славянских памятниках [по: Kazanski, 2015. Fig. 2–3]
1 – Велики Будки; 2 – Хачки (Hаćki); 3 – Зимне; 4 – Хитцы; 5 – Cùpata-Монтеору (Sarata-Monteoru); 6 – Пишколт (Pişcolt); 7 – Зимне; 8 – Близнаки; 9–11 – Никодимово

вывести из строя его коней [Никоноров, Худяков, 2004. С. 193–203]. Столь же тугие луки были и у византийских лучников, о них пишет Прокопий Кесарийский. При этом ромеи тянули тетиву к уху, и ни щиты, ни панцири не спасали врага от их стрел [Прокопий из Кесарии, Война с персами, I.18.34].

Такой лук и тяжелые трехлопастные стрелы хорошо представлены в древностях степных кочевников V–VII вв. как в понтийских степях, так в Карпатском бассейне. Костяные накладки на лук известны и в материалах из византийских крепостей на Дунае и на Тамани. Под степным влиянием он распространяется и у оседлых варваров Восточной Европы, как об этом свидетельствуют находки трехлопастных стрел (см. ниже), причем в таких регионах, где присутствие кочевников в это время заведомо исключено [см. подробнее: Казанский, 2009; 2015. С. 62–64; Kazanski, 2015. P. 48, 49; там же библиография].

К экипировке лучника относятся и колчанные крючки с прямоугольной петлей, найденные на карпато-дунайских памятниках (рис. 67, *5, 6*) [Казанский, 2015. Кат. II.1; II.9.3]. Такие крючки хорошо известны в погребениях степных кочевников гуннского и постгуннского времени, а также в аварских некрополях, хотя встречаются и в германском контексте Западной и Центральной Европы [Казанский, 2015. С. 54, 55; Kazanski, 2015. P. 47, 48; там же библиография].

Однако самым распространенным предметом вооружения на славянских памятниках, связанным по происхождению с кочевой степью, являются большие трехлопастные стрелы (рис. 68; 69, *2–8, 10–38*), хорошо известные в V–VII вв. по всей зоне славянского расселения. Разумеется, часть этих стрел могла попасть на славянские поселения в результате набегов степняков [Шувалов, 2004], но, как правило, они происходят с памятников, где не отмечены какие-либо следы военных акций, за исключением городищ Зимно, Хотомель, Никодимово, Демидовка. Однако и в данном случае никаких доказательств, что данные укрепленные поселения подверглись нападению именно степняков, не имеется. Особенно это сомнительно для верхнеднепровских городищ Никодимово и Демидовка, находящихся очень далеко от степной границы. Кроме того, некоторые трехлопастные стрелы, в частности на поселении Рашков на Днестре и на городище Хотомель в Полесье, были найдены на дне заплывших хозяйственных ям, что свидетельствует об их несомненной связи, в первую очередь, со славянским населением данных поселков [Казанский, 2015. С. 62–64; Kazanski, 2015. P. 47, 48; там же библиография].

Длина этих стрел варьирует от 4,5 до 13 см. Выделяются стрелы с наибольшим расширением в средней части, типичные для гуннской эпохи (напр. рис. 3, *1, 2; 4, 34, 35*), и стрелы, расширенные ближе к черенку, более характерные для постгуннского и аварского времени (напр. рис. 3, *8, 15, 22–24; 4, 2, 3, 8, 10, 11, 17*). Этот тип стрел возникает, если судить по находке в «княжеском» погребении Блучина (Blučina) в Южной Моравии, в период D3, согласно хронологии европейского Барбарикума (450–480/490 гг.). Показательной является и находка в склепе 152.1904 г. в Керчи, где такие стрелы найдены вместе с гепидской пряжкой первой половины – середины VI в. [Казанский, 2015. С. 63; Kazanski, 2015. P. 47, 48; там же библиография].

При рассмотрении трехлопастных стрел надо четко различать два момента – их несомненно «степное», по крайней мере, южное происхождение как типа оружия и реальность принадлежности

этих стрел на славянских памятниках каким-то кочевникам. Напомним, что широкое распространение стрел данного типа у разных народов Европы начала средневековья также является общеизвестным фактом. Трехлопастные стрелы в эпоху переселения народов и в раннем средневековье хорошо представлены у гуннов и гунно-болгар русско-украинских степей, а также в Аварском каганате. Однако они хорошо известны и у оседлых варваров, в частности у волжских финнов, на территории восточных балтов, у носителей культуры Тушемля-Банцеровщина, в мощинской культуре, на памятниках дьяковской культуры, у германцев Средней Европы и даже на территории меровингского королевства. Трехлопастные стрелы довольно часто находят и на ранневизантийских памятниках, в балкано-дунайском регионе и в Северном Причерноморье. При этом, у славян и германцев V–VI вв. в контексте, исключающем случайное попадание, известны не только стрелы, но и костяные накладки на боевой лук, необходимый для использования тяжелых стрел (см. выше). Поэтому уже сама по себе широкая география распространения трехлопастных стрел в Восточной Европе, вплоть до Псковщины, исключает их безусловную привязку только к степным воинам [Казанский, 2015. С. 62–64; Kazanski, 2015; там же библиография].

Втульчатые крупные стрелы (дротики?) с вытянутым пентагональным наконечником с наибольшим расширением у острия (рис. 69, *1*) также, по мнению польских исследователей, принадлежат степной традиции. Один такой наконечник, длиной 12,2 см, найден на Западном Буге на раннеславянском памятнике VII–IX вв. Гродек-25 [Казанский, 2015. Кат. I.16]. Такие стрелы имеются в древностях раннеаварского времени [Kokowscy, 1990. S. 51; Zoll-Adamikova, 1992. S. 300. Abb. 3,a].

Надо помянуть и черешковый костяной наконечник стрелы, длиной 4 см (рис. 69, *9*), который был найден на пеньковском памятнике в Селиште, на территории Молдавии [Казанский, 2015. Кат. III.17.5]. Он небольших размеров (4 см), черешковый, с подтреугольным вытянутым пером ромбического сечения. Как свидетельствует Аммиан Марцеллин, у гуннов костяные стрелы широко применялись в бою [Аммиан Марцеллин XXXI.3.9], хотя археологически они не представлены в гуннских погребениях. Зато такие стрелы известны на Тамани, в византийской крепости Ильичевка (V–VI вв.), и на Нижнем Днепре, на поселении финального этапа черняховской культуры в Капуловке, конца IV – начала V в. [Казанский, 2015. С. 65; Kazanski, 2015. P. 50; там же библиография].

Некоторые находки на славянских памятниках V–VII вв. отражают степное влияние и на конское

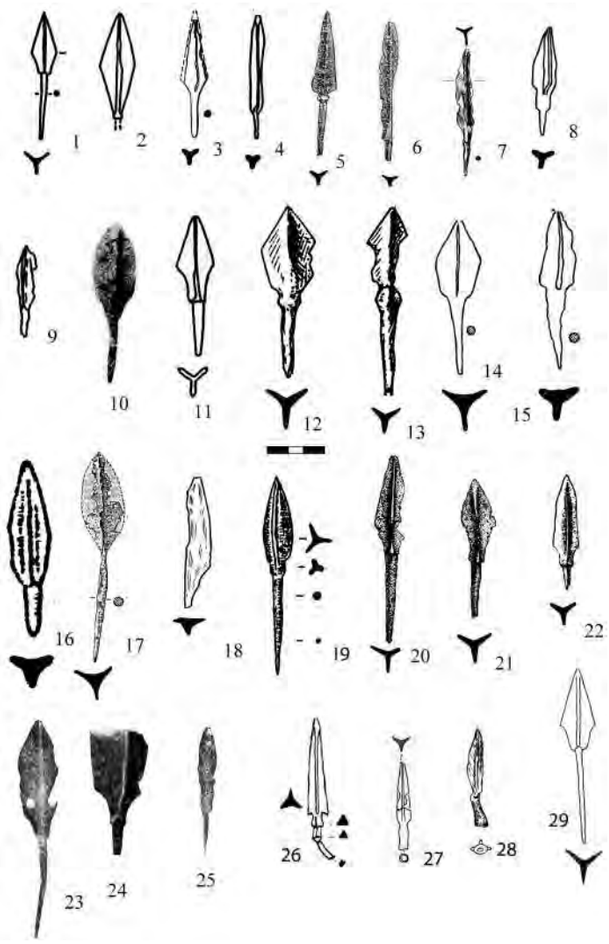


Рис. 68. Детали конского снаряжения, происходящие со славянских памятников V–VII вв. (1–5, 8), их параллели (6, 7) и элементы поясных гарнитур раннеаварского и среднеаварского периодов на территории пражской культуры (9–16):
1 – Зимне; 2 – Волошское-Сурска Забора; 3 – Селиште (Selişte); 4 – Бернашевка; 5 – Клементовичи; 6 – Здвиженское; 7 – Курнаевка; 8 – Краков-Нова-Гута-Могила-1 (Kraków-Nowa Huta-Mogiła); 9 – Полупин (Połupin); 10 – Краков-Нова Гута-Могила-62А; 11 – Якушовице (Jakuszowice); 12, 13 – Брно-Лишень (Brno-Líšeň); 14 – Долянки (Dolánki); 15 – Тисмице (Tismice); 16 – Чехия
1–7 – [по: Kazanski, 2015. Fig. 3]; 8, 11– [по: Poleski, 1992. Abb. 3,4,5]; 9, 10 – [по: Zoll-Adamikova, 1992. Abb. 1,a,b]; 12, 13 – [по: Profantová, 2008. Fig. 4,B]; 14–16 – [по: Profantová, 2008. Fig. 7,4,5,11]

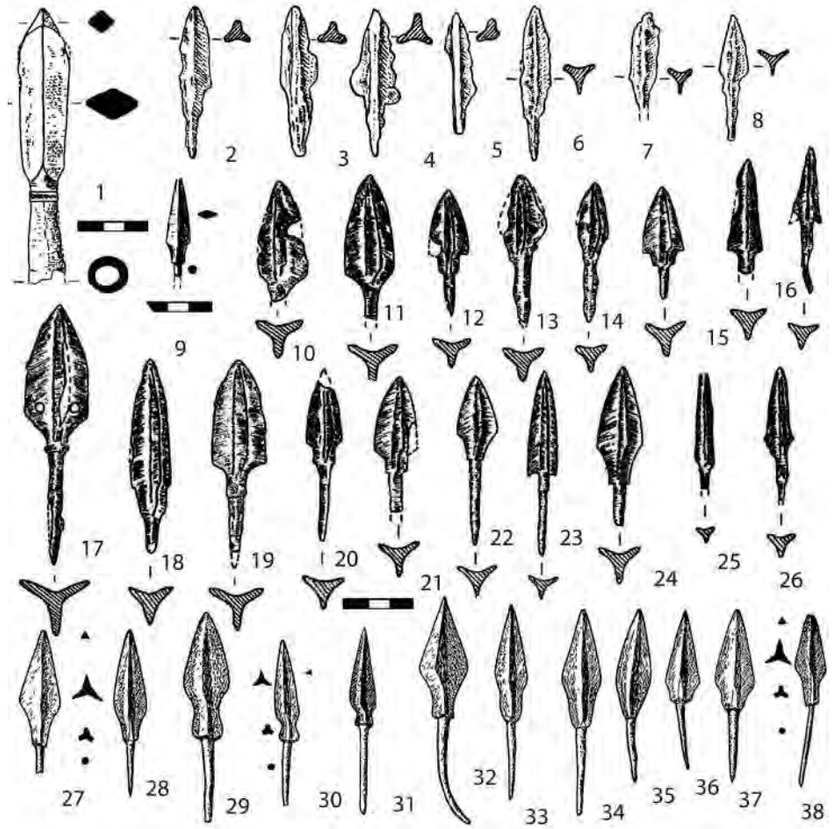


Рис. 69. Трехлопастные стрелы, найденные на славянских памятниках V–VII вв. [по: Kazanski, 2015. Fig. 5]
1 – Песчаное; 2 – Таймнова; 3 – Колодезный Бугор; 4 – Миклашевский; 5, 6 – Извоаре-Бахна (Izvoare-Bahna); 7 – Болваново; 8 – Хохлов Вир; 9 – Демьянка; 10 – Сэрата-Монтеору (Sarata-Monteoru); 11 – Кизлевый; 12 – Новые Братушаны; 13 – Требужени (Trebujeni); 14 – Старый Орхей; 15 – Чернечина; 16 – Таранцево-Заньки; 17 – Гиван Николае (Ghivan Nicolae); 18 – Рашков-3; 19 – Дрезден-Штец (Dresden-Stetzsch); 20–22 – Давидень-Нямц (Davideni-Neamţ); 23–25 – Хотомель; 26 – Рассуха-2; 27 – Кривец-4; 28 – Артюшково; 29 – Каменево-2

снаряжение у славян, что представляется вполне естественным. Так, костяные подпружные пряжки (рис. 68, *2, 3, 5*), известные для пеньковской и пражской культур [Казанский, 2015. Кат. I.8.2, III.11.4, III.17.3], скорее всего, связаны по происхождению со степью. Костяные подпружные пряжки характерны для степных кочевников, у которых они известны с гуннского времени, но существуют и позднее, в частности, у авар и гунно-болгар Восточной Европы. Костяные пряжки известны не только у славян, но и у других оседлых варваров, например, у волжских финнов, а также в византийских крепостях Северного Причерноморья [Казанский, 2015. С. 69; Kazanski, 2015. P. 50, 51, там же библиография].

Еще одним степным типом пряжек конского снаряжения можно считать пряжки с двойной рамкой, видимо, уздечные. Об их бытовании у славян свидетельствует находка формочки для изготовления на пражском поселении Бернашевка, на Днестре (рис. 68, *4*) [Казанский, 2015. Кат. I.14]. Подобные пряжки, хотя и не совсем идентичные в деталях, известны в степных древностях (напр. рис. 3, *6, 7*). Видимо, из степи они попадают к варварам Северного Кавказа, лесной зоны Восточной Европы и Среднего Дуная [Казанский, 2015. С. 69; Kazanski, 2015. P. 51; там же библиография].

Наконец, к аварской традиции принадлежат и роговые псалии, обнаруженные в Южной Польше, в Кракове, Нова Гута-Могила-1 (Kraków-Nowa Huta-Mogiła) (рис. 68, *8*). Их аналоги хорошо представлены в погребениях раннеаварского и среднеаварского периода [Poleski, 1992. S. 322, Abb. 3,5; Zoll-Adamikova, 1992. S. 302, 303, 307, 308, Abb. 3,d].

При рассмотрении степного влияния на военное дело славян необходимо упомянуть и распространение среди склавинов – носителей пражской культуры аварской воинской моды, выразившейся в находках элементов аварской поясной гарнитуры на памятниках западной части ареала пражской культуры (рис. 70, *9–16*) [Zoll-Adamikova, 1992; Profantová, 2008], что, видимо, связано с военно-политической ориентацией склавинов тех

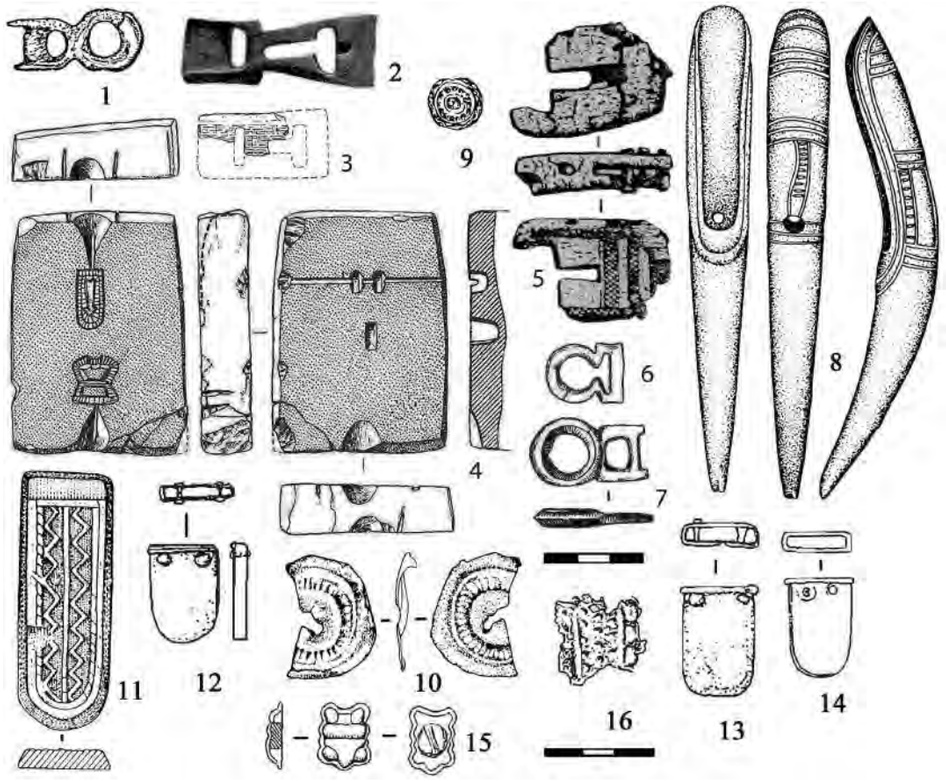


Рис. 70. Стрелы степной традиции, найденные на славянских памятниках V–VII вв. [по: Kazanski, 2015. Fig. 6]:
1 – Гродек (Gródek)-25; 2–8 – Зимне; 9 – Селиште (Selişte); 10–26 – Никодимово; 27–30, 32–38 – Демидовка; 31 – Близнаки

территорий. Видимо, к финалу пражской культуры относится штамп для изготовления поясных наконечников аварского круга, найденный в Якушовице (Jakuszowice), в Южной Польше [Poleski, 1992. Abb. 3,4] и свидетельствующий об изготовлении этих аварских поясов самими славянами[7].

Итак, довольно значительное количество археологических находок свидетельствует о прямом влиянии степных кочевников на военное дело славян в V–VII вв. Это касается, в первую очередь, славянской конницы, существование которой прямо засвидетельствовано письменными источниками [подробнее: Казанский, 2009][8], а также стрелкового оружия.

Внимательное чтение текстов Прокопия о Готской войне убеждает, что в армии Велизария склавины и анты действовали в составе корпуса Мартина и Валентина как конные лучники [подробнее: Казанский, 2009]. По совокупности данных письменных источников и археологии мы знаем, что степная конница предпочитала дистанционный стрелковый бой на расстоянии, необходимом для прицельной стрельбы из лука. При этом гунны, по сообщениям древних авторов, предпочитали атаковать противника первыми. Они вступали в бой в построении *cuneatim*, что, по мнению В. Никонорова, означает атаку в рассеянном формировании, с «лучшими», наиболее знатными воинами впереди. Право первыми начинать бой зафиксировано и у знатных гунно-болгар в VI в.[9] Бой состоял из двух фаз – атака в рассеянном порядке, с интенсивной и прицельной стрельбой из лука и ближний бой, с использованием клинкового оружия и арканов, которые упоминает Аммиан Марцеллин

[7] Сложнее сказать, отражают ли степное влияние Р-образные портупейные пряжки, обнаруженные, например, в знаменитом Мартыновском кладе, на территории пеньковской культуры [Pekarskaja, Kidd, 1994. Taf. 21,1,2]. Подобные пряжки очень хорошо известны у кочевников второй половины VI – середины VII в., но они также хорошо известны и у лангобардов в Италии, а стало быть не являются типично «кочевническим» предметом.

[8] Однако не надо забывать, что при всем этом основным видом войск у славян оставалась легкая пехота, более всего приспособленная для ведения партизанской войны на пересеченной и залесенной местности.

[9] «Среди массагетов был человек, отличавшийся исключительной храбростью и силой, но командовавший небольшим отрядом. От отцов и предков он получил почетное право первому нападать на врагов во всех походах гуннов. Любому другому массагету было запрещено первому нападать в сражении или убивать врага прежде, чем кто-либо из этого дома начнет бой с неприятелями» [Прокопий Кесарийский, Война с вандалами, I.XVIII.13,14].

(XXXI.2.8-9). Однако чаще всего гунны, как и другие средневековые кочевники [Никоноров, 2002. С. 26], старались избежать рукопашной схватки и предпочитали серию быстрых атак, расстреливая противника с достаточно безопасного расстояния [см. подробнее: Никоноров, 2002]. В целом, такой бой и представляет Велизарий в «мастер-классе» для своего штаба, на примере столкновения гунно-анто-склавинского корпуса Мартина и Валериана с готами, у стен Рима[10].

Несколько по-иному выглядит на поле боя взаимодействие славян и авар. Если верить сообщению Фредегара (I.IV.48), славяне формируют первую линию атакующей аварской армии, на которую и падает основная тяжесть боя, а авары предпочитают оставаться во второй линии, и их действия зависят от успеха или неудач бойцов первой линии [цит. по: Свод…, 1995. С. 367]. В целом, такая же картина выявляется и при осаде Константинополя в 626 г., где авары посылают славян и болгар практически на убой, а уцелевших в неудачной морской атаке предают смертной казни. Последнее обстоятельство и срывает осаду Константинополя, поскольку остальные славяне, возмущенные жестокостью аварского кагана, оставляют его один на один с византийской армией[11].

Что касается собственно вооружения, конского и всаднического снаряжения, то надо отметить, что славяне в V–VII вв. используют те же типы удил, впрочем, очень широко распространенные в Европе [о них см.: Казанский, 2015. С. 68, 69], и пряжек конской сбруи, и подобно степным всадникам очень редко используют шпоры [о шпорах см.: Казанский, 2015. С. 65–67]. В общем, славянская конница по экипировке напоминала скорее азиатскую, чем европейскую. Отметим также, что большая часть находок трехлопастных стрел, костяных подпружных пряжек, а также «азиатская» гарда происходят из лесостепной полосы Восточной Европы, где контакт кочевников со склавинами и антами был наиболее вероятен. Совсем не исключено, что под влиянием степных воинов у славян распространяется и защитное вооружение, такое как кольчуги, пластинчатые панцири [Казанский, 2011] и ламеллярные шлемы[12], хотя всё это славяне могли получить и от других, оседлых, народов.

[10] «Римляне же открыто восхваляли умение и предусмотрительность Велизария, само собой разумеется, очень им удивлялись, но в частных беседах его близкие спрашивали его, основываясь на чем в тот день, когда он, побежденный врагами, должен был от них бежать, высказывал твердую уверенность, что он победит их на войне силой в открытом сражении? И он сказал, что в самом начале, вступив в сражение с небольшим отрядом, он заметил, какая разница между тем и другим войском, так что если вступить в сражение, сохраняя пропорциональное соотношение сил, то многочисленность врагов не может причинить вреда его малочисленному войску. Разница в том, что почти все римляне и их союзники гунны являются хорошими стрелками из луков верхом, а из готов с этим делом никто не знаком, но их всадники привыкли пользоваться только дротиками и мечами; их же стрелки сражаются пешими и вступают в бои, прикрытые рядами тяжеловооруженных воинов. Поэтому их всадники, если идет не рукопашный бой, не имея чем защищаться против врагов, пользующихся луками, легко ими поражаемые [стрелами], гибнут, а пехотинцы никогда не могут произвести нападения на всадников. Вследствие этого, утверждал Велизарий, варвары в этих столкновениях побеждаются римлянами» [Прокопий из Кесарии, Война с готами, I.27.25-29]. Прокопий, как это явствует из текста «войны с готами», под именем гуннов объединяет всех солдат корпуса Мартина и Валериана, включая антов и склавинов [подробнее см.: Казанский, 2009. С. 460].

[11] «А те немногие славяне, кто, спасшись вплавь, вышли на берег в том месте, где стоял безбожный каган, были убиты по его приказу… После того, как это случилось, проклятый каган возвратился в свой лагерь. Он отвел от стены осадные приспособления, которые там поставил, а также заграждение, которое выстроил, и принялся разбирать осадные башни, которые изготовил, а ночью сжег свой лагерь и башни, содрал шкуры с «черепах» и ушел. Некоторые же говорили, что, увидев происшедшее, снялись и ушли славяне – потому-то проклятый каган был вынужден уйти и последовать за ними» (Пасхальная хроника) [цит. по: Свод…, 1995. С. 79].

[12] Один такой шлем обнаружен в Хомутовке, на территории Курской области [Радюш, 2012], однако связь этой случайной находки со славянским контекстом пока недоказуема, хотя и вполне возможна.

Библиография

Аммиан Марцеллин. История / Пер. и комм. В.В. Латышева // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1906. Т. II.2. С. 323–345.

Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1996. 240 с.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Текст, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 512 с.

Казанский М.М. О славянской коннице в 6 в. // Stratum plus. 2009. № 5. С. 457–471.

Казанский М.М. О славянском панцирном войске (VI–VII вв.) // Stratum Plus. 2011. № 5. С. 43–50.

Казанский М.М. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // Stratum plus. 2015. № 5. С. 43–95.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. 2009. Вып. 1. Археология. С. 225–251

Никоноров В.П. Военное дело европейских гуннов в свете греко-латинской письменной традиции // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. 2002. Вып. I (XXVI). С. 223–323

Никоноров В.П., Худяков, Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. Военное дело азиатскх хунну и европейских гуннов. СПб., М.: Петербургское Востоковедение; Филоматис, 2004. 320 с.

Обломский А.М. Колочинская культура // Раннесредневековые древности восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С. 10–113. (Раннеславянский мир, 17).

Попов А.И. Названия народов СССР. Л.: Наука, 1973. 172 с.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. и комм. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.

Прокопий Кесарийский. Война с вандалами // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. и комм. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 1998. С. 147–258.

Радюш О.А. Ламеллярный шлем эпохи переселения народов из Курской области // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Курск: Курский областной музей археологии, 2012. С. 202–257.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I. (I–VI вв.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Восточная литература, 1994. 472 с.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII–IX вв.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Восточная литература, 1995. 590 с.

Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 296 с.

Шувалов П.В. Оружие ранних славян // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Отв. ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 254–264.

Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1932. 90 S. (Acta Archaeologica Muzei Nationalis Hungarici, IX).

Ivanišević V., Kazanski M. Nouvelle nécropole des Grandes Migrations de Singidunum // Starinar. 2009. LVII. P. 113–135.

Kazanski M. Les Huns et les Slaves // Studia antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblate / ed. D. Aparaschivzei. Bucarest: Editura Academiei Române, 2009. P. 237–256.

Kazanski M. Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen-âge. Des Huns aux Avars // Le cheval dans les sociétés antiques et médiévales / ed. S. Lazaris. Turnhaut: Brepols, 2012. P. 193–199, 287–296.

Kazanski M. Les Huns et les Barbares sédentaires: les différentes formes des contacts // Banatica. 2013. T. 23. P. 91–109.

Kazanski M. Les influences steppiques dans l'équipement militaire et équestre des Slaves (Ve–VIIe siècles) // Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin / ed. C. Călin. Cluj-Napoca: Mega, 2015. P. 45–56.

Kokowscy E., Kokowscy A. Wczesnośredniowieczny grot z Gródka na Bugiem w woj. Zamojskim // Lubelskie Materialy Archeologiczne. 1990. T. III. S. 49–54.

Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1995. Bd. 26–27. S. 140–191.

Pekarskaja L., Kidd. D. Der Silberschtz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 1994. 142 S.

Poleski J. Datierungsgrundlagen der ältesten Phasen des Fühmittelalters (bis zum Ende des 10. Jahrhunderts in Kleinpolen) // Probleme der relativen und aboluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter / eds. K. Godłowski, R. Madyda-Legutko. Kraków: Secesja, 1992. S. 317–338.

Profantová N. The Middle Avar Period and the Problem of a „Cultural Change" at the End of the Seventh Century North of the Avar Khaganate // Antaeus. 2008. T. 29–30. P. 215–232.

Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeitder Völkerwanderungs. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011. 468 S.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. 140 S.

Zoll-Adamikova H. Zur Chronologie der Awarenzeitlichen Funde aus Polen // Probleme der relativen und aboluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter / eds. K. Godłowski, R. Madyda-Legutko. Kraków: Secesja, 1992. S. 297–315.

ВИЗАНТИЙСКИЕ «ВОИНСКИЕ» ПОЯСА В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ (VI–VII ВВ.)[1]

В данной работе будут рассмотрены находки поясных гарнитур ранневизантийской традиции второй половины VI – первой половины VII в. у населения Среднего Поднепровья (рис. 71). Эти пояса представлены в так называемых антских кладах типа Мартыновка (первая группа по О.А. Щегловой [Щеглова, 1990]), принадлежавших населению культур Пеньковка и, в меньшей степени, Колочин (в северной части Днепровского Левобережья) [Prichodnjuk, 1994; Гавритухин, Обломский, 1996; Казанский, 2014]. Атрибуция кладов пеньковскому и колочинскому населению подтверждается совмещением их ареала с зонами распространения этих культур, а также находками некоторых кладов непосредственно на пеньковских и колочинских поселениях, как, например, клад в Вильховчике, в пеньковском горшке (см. Приложение, № 2). Время бытования вещей из кладов мартыновского типа соответствует, на мой взгляд, периоду от 560/570 до 620/640 гг. [подробнее: Казанский, 2014. С. 78–86]. По общему признанию археологов-славистов, население пеньковской культуры соответствует антам – одной из славянских группировок, хорошо известных по письменным источникам VI – первой трети VII в. Этноним носителей культуры Колочин неизвестен – письменных данных нет.

Древние авторы неоднократно упоминают о контактах антов с Восточно-Римской империей. Вначале это были пограничные столкновения, включая большое антское вторжение во Фракию при императоре Юстине (518–527 гг.) [Прокопий, Война

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Византийские «воинские» пояса в Среднем Поднепровье (VI–VII вв.) // Археологическое наследие. Воронеж, 2021. № 1 (4). С. 131–145.

с готами, III.40.6] или нападение в 545 г. [Прокопий, Война с готами, III.14.11]. Однако уже в 536 г. анты появляются на службе в византийской армии [Прокопий, Война с готами, I.27], и впоследствии они выступают уже как военные союзники Империи, в частности в войнах с аварами и склавинами в 585 г. [Иоанн Эфесский, II; цит. по: Свод…, 1994. С. 285] и в 602 г. [Феофилакт Симокатта, X.5[13]; Феофан, XIII; цит. по: Свод…, 1995, С. 43, 271]. Правда, потом отношения портятся, и в 612, 617 и 619 гг. император Ираклий именуется Антским, что свидетельствует о военном противостоянии с антами [Иванов, 1994. С. 262; Kazanski, 2013. P. 784]. В контексте союза с Византией становится понятным появление и распространение у антов многочастных поясов, отражающих ромейскую военную моду, возникшую в эпоху Юстиниана [о ней см.: Balint, 2000; Schmauder, 2000].

Особое внимание привлекает несколько типов поясной гарнитуры, где византийское влияние чувствуется особенно сильно. Это, в первую очередь, ременные наконечники и накладки с гравированным «растительным» декором, известные по находкам в трех кладах Днепровского Правобережья: Мартыновка, Хацки, Вильховчик (Приложение, № 1–3) (рис. 72).

Эти пояса хорошо представлены как на территории Империи, так и на ее периферии (рис. 72, *23–29*). Довольно многочисленные находки происходят из балкано-дунайского региона: Салона (Salona) [Vinski, 1974. S. 30, 31. Tab. XXI,2], Спарта [Popović, 1975. Fig. 2,5] (рис. 72, *23*), Царичен град [Bavant, 1990. P. 236. № 263. Pl. 41,263; Bavant, Ivanišević, 2019. P. 217. № 1774. Pl. 52,1774], Плевен, Шумен, Кладово, Велики Градац, Хърлец, Вырбица, Черенча [Рашев, 2000, Таб. 82,20; 84,28,29; 85,2,3,6; 2001. Рис. 1,8–10,13; 2,1,2]. Обнаружение наконечников поясов с этим декором в городском контексте Царичен града – *Iustiniana prima* (рис. 72, *24*) подчеркивает связь этих гарнитур с византийской материальной культурой. Также элементы поясной гарнитуры с гравированным растительным декором известны в североафриканских провинциях Византии [Eger 2016. Abb. 2,6] (рис. 72, *26*).

На северной периферии Империи эти пояса представлены в Юго-Западном Крыму, в могильниках Сахарная Головка, Скалистое и Алмалык-Дере [Айбабин, 1990. Рис. 48,20; 51,34; Mączyńska et al., 2016. Taf. 255,3–5], т.е. на варварской территории под византийским контролем. Впрочем, гарнитуры с растительным декором распространены и у варваров, не находившихся в зоне прямого византийского военно-политического воздействия, например, у авар, злейших врагов Империи [Garam, 1992. Taf. 33,2–4; Erdélyi, 1994. Taf. 1,9–14,16; 2,1–6,8,11], или у италийских лангобардов [Vinski, 1974. S. 30, 31. Tab. XXI,5,7,8,9; Pekarskaja, Kidd, 1994. Taf. 56,11–18] (рис. 72, *27–29*) и даже у далеких аламаннов [Pekarskaja, Kidd, 1994. Taf. 57,1–4,7–9,13,15,16].

Также к византийской традиции принадлежит поясная гарнитура со штампованным «растительным» и геометрическим декором. Одна бляшка такого типа происходит из Мартыновского клада, а штамп для изготовления бляшек был найден где-то в Среднем Поднепровье (Приложение, № 1, 7) (рис. 73, *1, 2*). Эти гарнитуры широко распространяются как в Византии, так и в Барбарикуме, наиболее известной находкой является клад в Акалан (Akalan) в окрестностях Константинополя (рис. 73, *3–5, 8, 9*), с более чем 420 монетами, от Маврикия (582–602 гг.) до Ираклия с сыном Константином (*terminus post quem* 625 г.) [Fiedler, 1994]. Бляшки и штампы для изготовления поясов с растительным декором имеются в Северной Африке (рис. 73, *6*) [Eger 2016. Abb. 2,8,9; 8]. Штамп найден и в византийском Херсонесе [Айбабин, 1990. Рис. 51,*22*; 1999. Рис. 73,*3*] (рис. 73, *7*). Довольно многочисленными являются находки этих гарнитур у авар [Garam, 1992. Taf. 1,1,4–6; 2,1–9; 33,2–6; 58,3–7; 59; 60; 77,1–7; Рашев, 2000. Таб. 72,1,3–9,12–17; 73,1–2,4; 75,3–5], есть они и в лангобардской Италии [напр.: Pekarskaja, Kidd, 1994. Taf. 55,1,2] (рис. 73, *11–13*). Поясные наборы со штампованным декором бытуют долго и в Поднепровье, они известны также для конца VII–VIII в., правда уже в другой, кочевнической среде. Они, в частности, представлены в знаменитой «княжеской» находке (поминальнике) в Вознесенке, на Днепровских порогах (рис. 73, *14–19*) [Гавритухин, 2005. С. 397, 398, 409; Комар, 2006. С. 93, 94].

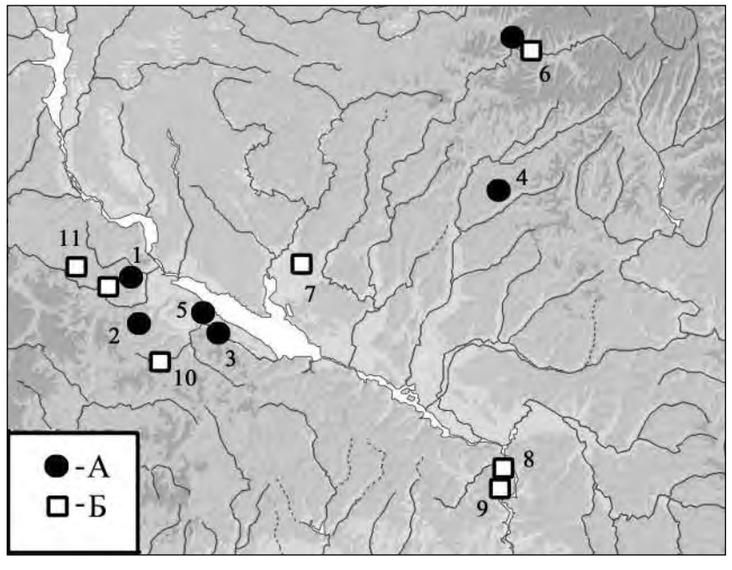


Рис. 71. Карта находок ранневизантийских поясных гарнитур и импортов в Среднем Поднепровье
А – поясные гарнитуры, Б – ранневизантийские вещи
1 – Мартыновка; 2 – Вильховчик; 3 – Хацки; 4 – Козьевка; 5 – Черкассы; 6 – Суджа-Замостье; 7 – Стрекалово; 8 – Волошское-Сурская Забора; 9 – Звонецкое; 10 – Пастырское; 11 – Шарки
Ввиду масштаба карты, локализация памятников приблизительна

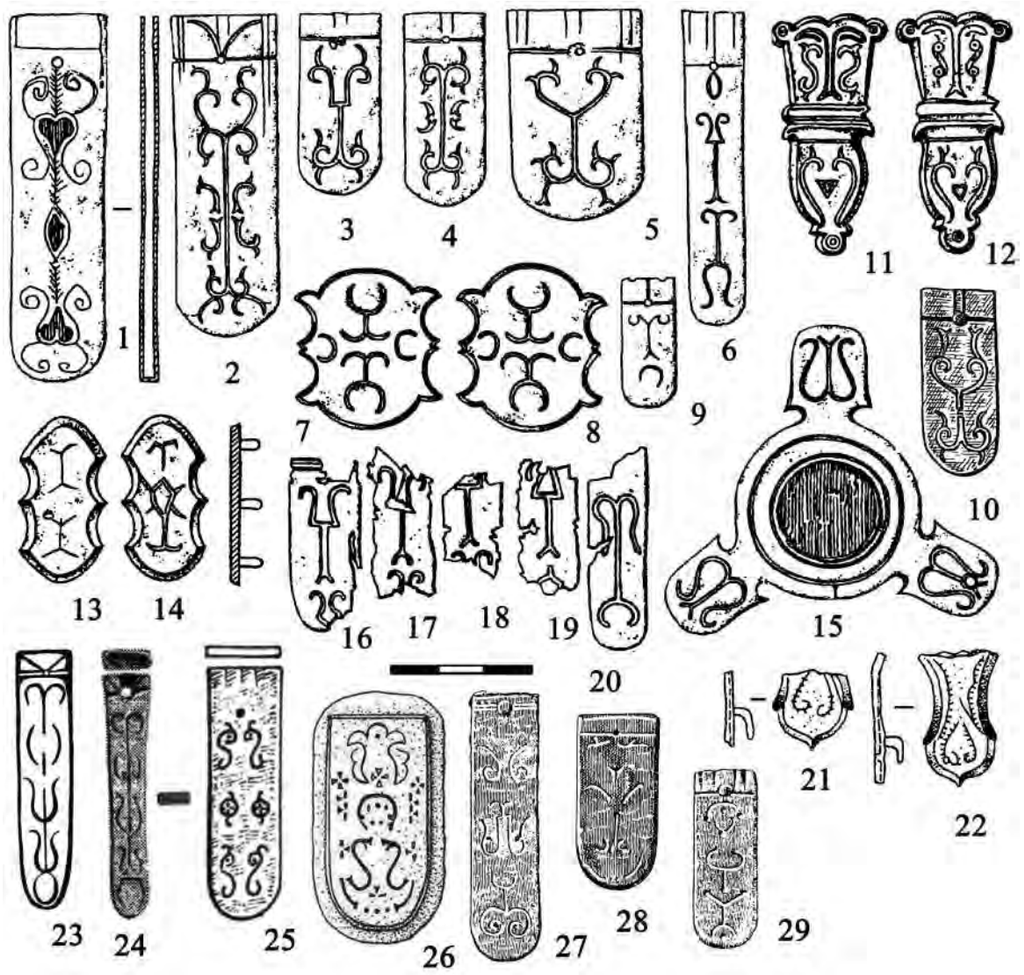


Рис. 72. Среднеднепровские поясные гарнитуры с «растительным» гравированным декором и их аналоги в балкано-средиземноморском регионе
1–15 – Мартыновка; 16–20 – Хацки; 21, 22 – Вильховчик; 23 – Спарта; 24, 25 – Царичен-Град; 26 – Сабрата (Sabratha); 27–29 – Ночера-Умбра (Nocera Umbra)
1–20 – [по: Корзухина, 1996. Табл. 13,5; 19,1–18,21; 22,7–11]; 21, 22 – [по: Приходнюк, 1998. Рис. 69,3,4]; 23 – [по: Popović, 1975. Fig. 2,5]; 24 – [по: Bavant, 1990. Pl. 41,263]; 25 – [по: Bavant, Ivanišević, 2019. Pl. 52,1774]; 26 – [по: Eger, 2016. Abb. 2,6]; 27–29 – [по: Pekarskaja, Kidd, 1994. Taf. 56,15–17]

В составе поясной гарнитуры из клада в Хацки (Приложение, № 3) (рис. 74, *1*) имеются элементы с прорезным декором, имитирующим гравировку в виде **«точка-запятая»**, широко распространенную на поясах в зоне византийского присутствия или влияния. Элементы пояса с таким гравированным декором есть в Сирии, например, в Антиохии, в Хомсе и в кладе, не имеющем точной локализации (рис. 74, *3*) [Kazanski, 2003. P. 47. Fig. 4,10; 5,4,5; 11,6–16], а также в Палестине, в античном Гиппосе (*Hippos* / Sussita, совр. Израиль) [Eger, 2016. Abb. 1] и в Северной Африке [Eger, 2016. Abb. 2,10]. На Балканах они найдены в Салоне [Vinski, 1974. S. 30, 31. Tab. XXI,1], а в Малой Азии – в Измире/Смирне [локализация находки предположительна: Bálint, 1992. Taf. 60,B]. Встречаются пояса с таким декором и в византийской Северной Африке [Eger, 2016. Abb. 2,8]. Вне территории Империи пояс-

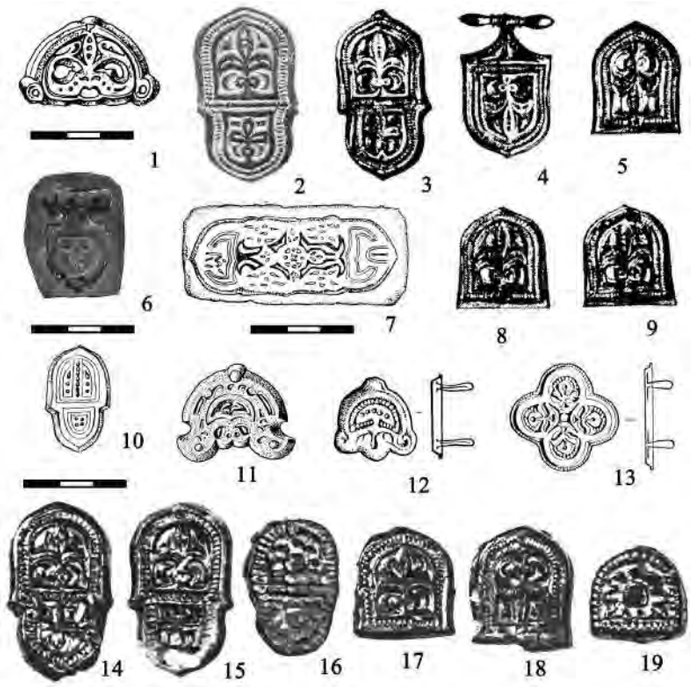


Рис. 73. Днепровские поясные гарнитуры с «растительным» и геометрическим штампованным орнаментом и их аналоги в балкано-средиземноморском регионе:
1 – Мартыновка; 2 – Поднепровье; 3–5, 8, 9 – Акалан (Akalan); 6 – Тимгад (Timgad); 7, 10 – Херсонес; 11–13 – Кастель-Трозино (Castel-Trosino); 14–19 – Вознесенка
1, 2 – [по: Корзухина, 1996. Табл. 20,2; 92,4]; 3–5, 8, 9 – [по: Fiedler, 1994. Abb. 2]; 6 – [по: Eger 2016. Abb. 8]; 7, 10 – [по: Айбабин, 1990. Рис. 51,22,39]; 11–13 – [по: Pekarskaja, Kidd, 1994. Taf. 55,1,2,4]; 14–19 – [по: Комар, 2006. Рис. 15,3,4,7,8,9,13]

ная гарнитура с прорезями, имитирующими декор «точка-запятая» найдена в «вождеском» погребении Пышта – Верхняя Эшера в Абхазии [Воронов, Бгажба, 1979. Рис. 1,6–9,12] (рис. 74, *2*). Что же до гарнитур с таким гравированным орнаментом, они хорошо представлены в могильниках Юго-Западного Крыма [Айбабин, 1990. Рис. 43; 51,45; Айбабин, Хайрединова, 2017. Рис. 162] (рис. 74, *4*), у авар [Garam, 1992. Taf. 33,2–6; 58,3–7; 59; 60; Рашев, 2000. Таб. 66,23; 72,17], в лангобардской Италии [Vinski, 1974. S. 30, 31. Tab. XXI,10–14; Pekarskaja, Kidd, 1994. Taf. 55,3,5,9–11].

Наконец, обращают на себя внимание металлические элементы со стилизованными **изображениями дельфинов**, не всегда правильно понятыми древними мастерами, найденные в Мартыновке, Вильховчике, около Черкасс и на Днепровском Левобережье, в Козьевке и Судже-Замостье (Приложение, № 1, 2, 3, 6) (рис. 75, *1–20*). Они явно принадлежат средиземноморской художественной традиции, где изображения дельфинов встречаются очень часто [см., напр.: Eger, 2003]. На Ближнем Востоке такие гарнитуры есть в Сирии [Werner, 1986, S. 56, Abb. 15,B; Bálint, 1992, Taf. 5,46] (рис. 75, *22*). Поясная гарнитура со стилизованными изображениями дельфинов происходит откуда-то из Дейламана [Bálint, 1992, Taf. 2,2–5,13,14] (рис. 75, *26–32*). Такие бляхи с дельфинами Ч. Балинт почему-то считает характерными только для сасанидского Ирана [Bálint, 1992, Taf. 54,B]. В балканском регионе элементы поясной гарнитуры с дельфинами есть в Големаново-Кале [Uenze, 1992. Taf. 130,15] (рис. 75, *21*), а на северном византийском пограничье бляшки-дериваты встречены в погр. 449 крымского могильника Скалистое [Веймарн, Айбабин, 1991. Рис. 59,12]. В Барбарикуме бляшки со стилизованными изображениями дельфинов встречены у авар [Erdélyi, 1994. Taf. 4,15], у лангобардов в Италии [Pekarskaja, Kidd, 1994. Taf. 55,8; 56,2] (рис. 75, *23–25*) и у аламанов [Pekarskaja, Kidd, 1994. Taf. 57,12].

Показательно, что поясные гарнитуры северопричерноморских кочевников второй половины VI – первой половины VII в. [сводки: Рашев, 2000; Комар, 2004; 2008] и населения пеньковской и колочинской культур совпадают лишь частично. В уборе кладов типа Мартыновка нет пряжек Сучидава и их дериватов, известных в степи, а у кочевников нет византийских гарнитур с гравированным растительным декором, со стилизованными дельфинами, с частыми мелкими прорезями – имитациями орнамента «точка-запятая», равно как и некоторых других типов и вариантов наконечников и накладок, показательных для кладов мартыновского круга [ср. карты распространения: Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 36, 39, 41, 44, 48]. Пояса с тисненым декором, типа Акалан, появляются у степняков на Днепре позднее, не ранее конца VII в. (см. выше), в коммеморативном комплексе Вознесенка [см. обзор: Гавритухин, 2005. С. 397, 398, 409]. Это говорит о несколько различной ориентации престижной воинской культуры второй половины VI – первой половины VII в. у степняков и оседлых варваров Поднепровья. Складывается ощущение, что в мартыновском наборе, т.е. у антов пеньковской культуры, византийские воинские элементы выступают более рельефно [Казанский, 2014. С. 50].

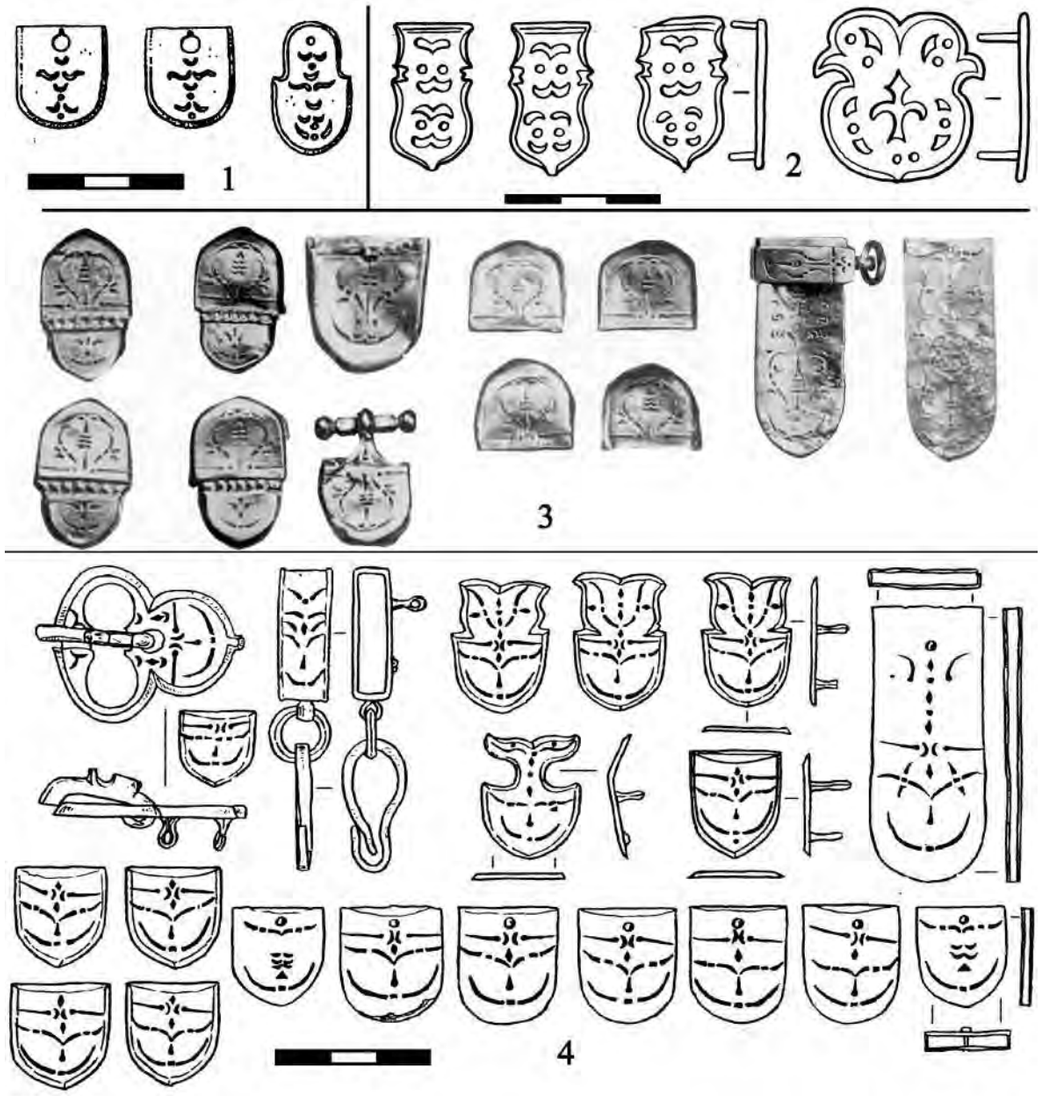


Рис. 74. Среднеднепровские и абазские поясные гарнитуры с декором «точка-запятая» и их прототипы в балкано-средиземноморском регионе
1 – Хацки; 2 – Пышта-Верхняя Эшера; 3 – Сирия; 4 – Эски-Кермен
1 – [по: Корзухина, 1996. Табл. 22,4–6]; 2 – [по: Воронов, Бгажба, 1979. Рис. 1,6–9,12]; 3 – [по: Kazanski, 2003. Fig. 11,6–16]; 4 – [по: Айбабин, Хайрединова, 2017. Рис. 162]

Нет рассматриваемых типов «византийских» поясов и у склавенов пражской культуры, на территории между Днепром и Эльбой, где сейчас известны даже формочки и штампы для изготовления металлической поясной гарнитуры. В восточной половине пражской территории доминируют повсеместно распространенные пояса с прорезным декором, а в западной половине – аварские модели, что, видимо, говорит о военно-политической ориентации, или, по крайней мере, о «воинской» моде в западной части пражского ареала [Казанский, 2019а. С. 21][2].

Предлагаемая дата поясных «византийских» гарнитур в среднеднепровских кладах соответствует 560/570–620/640 гг., что в целом подтверждается и датами этих поясов на других территориях, где имеются монетные находки и существует хорошо разработанная хронология. О монетно-вещевом кладе Акалан уже говорилось. Кроме того, некоторые аварские находки с поясами, несущими «растительный» декор, декор «точка-запятая» или штампованный де-

[2] Исключение представляет пряжка из Сабоэни (Sabăoeni) [Bálint, 1992. Taf. 31,14] со стилизованными изображениями дельфинов, найденная в зоне цивилизации Ипотешть-Кындешть на Нижнем Дунае, где сочетаются славянские и романские культурные элементы.

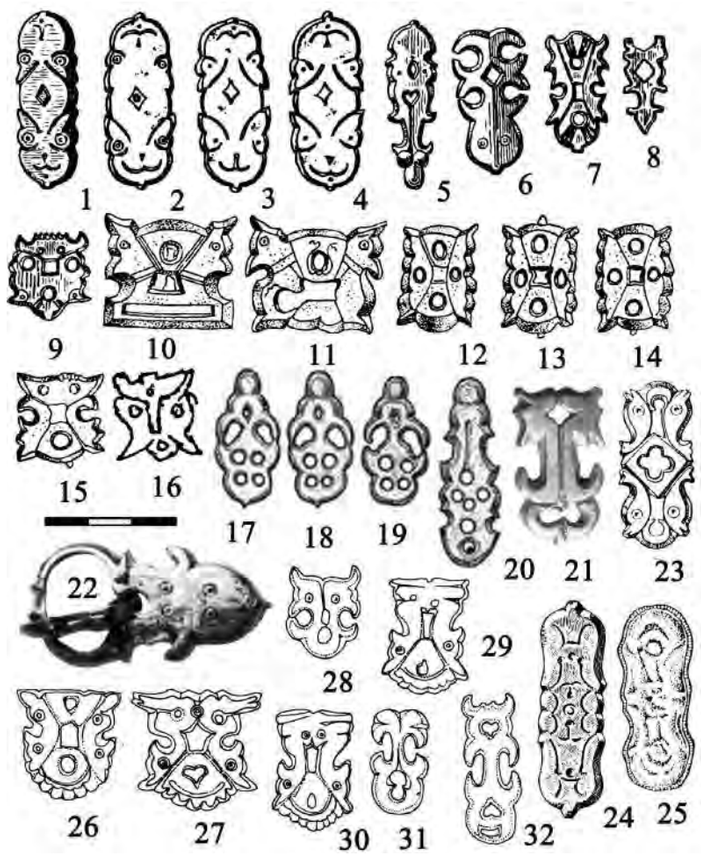


Рис. 75. Среднеднепровские поясные гарнитуры со стилизованными изображениями дельфинов и их аналоги в балкано-средиземноморском и ближневосточном регионах
1–4 – Мартыновка; 5–9 – Козьевка; 10–15 – Вильховчик; 16 – Черкассы; 17–20 – Суджа-Замостье; 21 – Големаново-кале; 22 – Сирия; 23, 24 – Ночера-Умбра (Nocera Umbra); 25 – Кастель-Трозино (Castel-Trosino); 26–32 – Дейлеман
1–9, 16 – [по: Корзухина, 1996. Табл. 13,12; 19,5–7; 55,1–5; 94,17]; 10–15 – [по: Приходнюк, 1998. Рис. 69,4,7,8,13–15]; 17–20 – [по: Родинкова, Сапрыкина, Сычева, 2018. Рис. 1,20–23]; 21 – [по: Uenze, 1992. Taf. 130,15]; 22, 26–32 – [по: Bálint, 1992, Taf. 5,46; 2,2–5,13,14]; 23–25 – [по: Pekarskaja, Kidd, 1994. Taf. 56,2,3; 55,8]

кор типа Акалан, содержат монеты византийских императоров: Кунагота (Kunágota) – 527–565 гг., Кишзомбор (Kiszombor) О – 602–610 гг., Синпетру-Герман (Sinpetru-German) – 613–641 гг., Озора-Тотипуста (Ozora-Tótipuszta) – 668–685 гг., Кишкёрёш (Kiskőrös) – 668–685 гг. [Garam, 1992].

Гарнитура, включающая бляхи со стилизованными дельфинами и элементы пояса с растительным декором, найдена в аварском погребении 9 на одном из могильников в Кишкёрёш [Erdélyi, 1995. Taf. 1,15]. В том же погребении имеются и розетки-накладки [Fettich, 1937. Taf. 126,2,23], также известные в аварских погребениях с монетами первой половины VII в. Упомянем погр. 1 в аварском некрополе Хайдудорог (Hajdudorog), с монетой Ираклия 610–613 гг. [Garam, 1992. Taf. 38,15; Somogyi, 1997, Kat. 27] и уже упоминавшееся погр. 2 в могильнике Кишзомбор О, с монетой Фоки, 603–607 гг. [Garam, 1992, S. 142. Taf. 22,3,4; Somogyi, 1997. Kat. 36]. В лангобардских древностях, для которых разработана устоявшаяся хронология, легко проверяемая благодаря многочисленным аналогам в меровингских и аламаннских древностях, параллели поясов из антских кладов распространяются в 570–620-е гг. [Jørgensen, 1992. Fig. 12; см. подробнее: Казанский, 2014. С. 79–82].

«Воинские» пояса являются не единственным элементом ранневизантийской материальной культуры, зафиксированным в Среднем Поднепровье. Здесь присутствует некоторое количество импортных вещей, непосредственно попавших сюда из Византии. Это, прежде всего, серебряная византийская посуда из Мартыновского клада, со штампами мастерских 577 г. [Pekarskaja, Kidd, 1994. P. 36–38; Mundell Mango, 1994] (рис. 77, *2–4*), а также фрагменты серебряного сосуда из клада в Суджа-Замостье [Родинкова, 2012. С. 153], с остатками клейма, которое может принадлежать как императору Константину IV (668–685 гг.), так и его предшественнику Константу II (641–668 гг.) (рис. 76, *11*). Также из Среднего Поднепровья происходит и византийский бронзовый сосуд [Корзухина, 1996. Табл. 93,8] (рис. 76, *12*), бронзовые светильники-поликандилоны [Корзухина, 1996. Табл. 93,6] (рис. 76, *8*), подсвечники из Стрекалова [Корзухина, 1996. Табл. 95] и Среднего Поднепровья [Корзухина, 1996. Табл. 93,7] (рис. 76, *7, 9*), пряжка «с головой варвара», также откуда-то из Среднего Поднепровья [Корзухина, 1996. Табл. 91,26; Приходнюк, 1998. Рис. 66,1] (рис. 76, *6*), литые арбалетные фибулы из Волошского-Сурской Заборы, Звонецкого и Среднего Поднепровья [Приходнюк, 1998. Рис. 74,9,10; 75,8; о них см.: Uenze, 1992. S. 154–159] (рис. 76, *1–3*), т.н. сумочные пряжки с Пастырского городища [Корзухина, 1996. Табл. 92,12] и из Шарков [Приходнюк, 1998. Рис. 66,2] (рис.76, *4, 5*)[3].

В антском уборе, представленном в кладах типа Мартыновка и на пеньковских поселениях, также уже неоднократно отмечалось присутствие элементов, отражающих ранневизантийское влияние, таких как подвязные фибулы с пластинчатой спинкой [Горюнов, Казанский, 1978], антропо- и зооморфные фигурки из Мартыновки, Скибинцев, Трубчевского клада [Щеглова, 2010], антропоморфные фибулы с изображениями павлинов из Мартыновки, Козьевки и Жаботина [Амброз, 1993; Корзухина, 1996. Табл. 8,1,2; 48,5,6; Приходнюк, 1998. Рис. 65,6].

Существенно отметить, что большая часть находок поясов византийской традиции, равно как и византийских импортов, приходится на Днепровское Правобережье, точнее, на его довольно ограниченный сектор, в бассейнах рек Рось и Тясмина (рис. 71). Если при этом учесть явно «княжеский» характер Мартыновского клада (импортная серебряная посуда, престижное клинковое оружие в серебряных ножнах) (рис. 77), то можно предположить, что где-то в этом регионе находился один из центров власти антов во второй половине VI – первой половине VII в. Такую возможность допускал еще Б. А. Рыбаков, хотя и приписал его, в духе времени, гипотетическим русам, а не антам [Рыбаков, 1953. С. 61]. Показательно, что уже в предшествующее время, во второй половине V – первой половине VI в., именно в этом регионе по археологическим данным фиксируется существование какого-то центра власти [Казанский, 2018. С. 89–95, 105–110].

Возникает вопрос, каким же образом Империя поддерживала контакты со своими далекими союзниками, отрезанными от Империи на Дунае её непримиримыми врагами – аварами и склавинами? Ведь для того, чтобы, как минимум, скоординировать свои военные акции, как это произошло в 584–585 гг., когда, явно по наущению Константинополя, анты ударили по склавинским тылам в момент похода авар и склавинов на Империю [Иоанн Эфесский, II; цит. по: Свод…, 1994. С. 285], необходим прямой контакт. Представляется, что такие контакты могли осуществляться через Юго-Западный Крым, где Византия сохраняла свой опорный пункт – Херсонес Таврический. Такое предположение кажется тем более вероятным, что в Юго-Западном Крыму, в могильниках местного населения часто встречаются предметы антского убора, в первую очередь, фибулы [многочисленные примеры: Айбабин, Хайрединова, 2017]. Их концентрация здесь является наиболее значимой вне пределов Среднего Поднепровья.

Многочастные пояса византийского происхождения, как составная часть «воинской» и «княжеской» престижной культуры, являются свидетельством

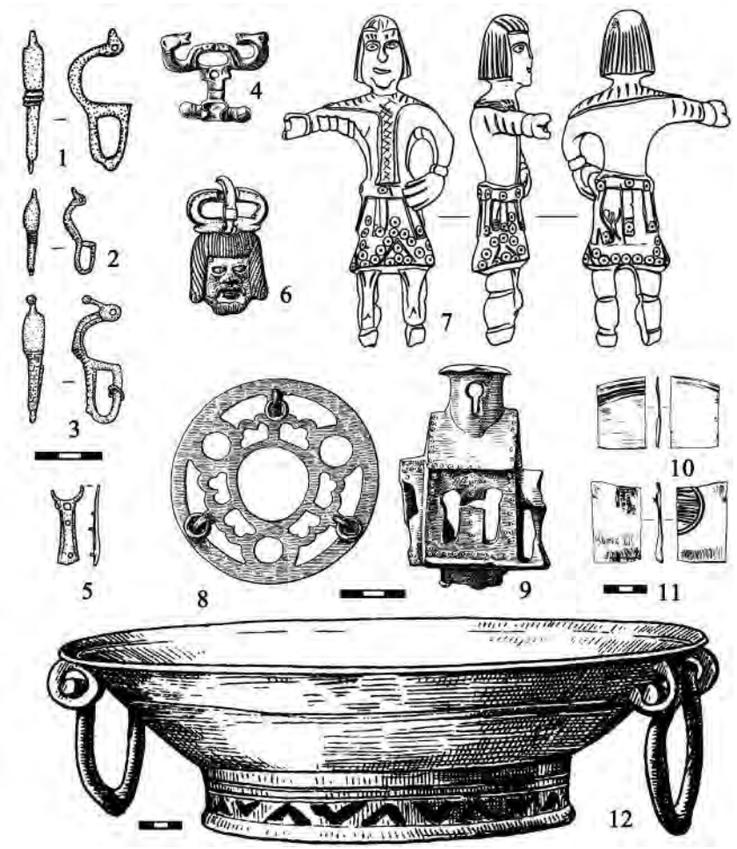


Рис. 76. Предметы ранневизантийского импорта в Среднем Поднепровье
1, 6, 8, 9, 12 – Среднее Поднепровье; 2 – Волошское-Сурская Забора; 3 – Звонецкое; 4 – Пастырское; 5 – Шарки; 7 – Стрекалово; 10, 11 – Суджа-Замостье
1–3, 5 – [по: Приходнюк, 1998. Рис. 66,10; 74,9,10; 66,2]; 4, 6–9, 12 – [по: Корзухина, 1996. Табл. 91,26; 92,12; 93,7,8; 95]; 10, 11 – [по: Родинкова, 2012. Рис. 1,1,3]

[3] Для несколько более раннего времени, второй половины V – первой половины VI в., можно вспомнить и находки шлемов Балденхейм на территории колочинской культуры в Брянской и Черкасской областях [подробнее: Казанский, 2019б, там же библиография] и византийского же меча с широкой гардой на Псле [Казанский, 2015. С. 49].

Рис. 77. Престижные предметы из Мартыновского клада [по: Pekarskaja, Kidd, 1994. Taf. 21, 23, 24, 45, 47, 51]

постепенной византинизации правящих воинских элит антского общества в Среднем Поднепровье [о них см.: Казанский, 2019а]. Такой процесс засвидетельствован для славян и письменными источниками, правда не для Восточной Европы, а для балканского региона. Имеется в виду история князя ринхинов Первуда, проживавшего в Фессалониках, говорившего и одевавшегося по-гречески [Чудеса Св. Дмитрия Солунского, Собрание II, Чудо 4; цит. по: Свод…, 1994. С. 145, 147].

Приложение. Находки византийских поясов в Среднем Поднепровье

1. Мартыновка, бывший Каневский уезд Киевской губернии (рис. 71, *1*).

Клад, в его составе серебряные элементы одной или нескольких поясных гарнитур с растительным декором, со стилизованными изображениями дельфинов и с тисненым декором типа Акалан (рис. 72, *1–15;* 73, *1;* 75, *1–4*).

Pekarskaja, Kidd, 1994; Корзухина, 1996. С. 359–367. Кат. 27: 29–41, 57. Табл. 13,5,12; 19,1–18,21; 20,2.

2. Вильховчик, Корсунь-Шевченковский район Черкасской области (рис. 71, *2*).

Клад на поселении пеньковской культуры, в характерном лепном сосуде. В его составе литая серебряная гарнитура поясного набора, включавшая два обломка наконечников ремней с растительным декором и шесть накладкок со стилизованными изображениями дельфинов (рис. 72, *21, 22*; 75, *10–15*). Судя по следам литейного брака на предметах, гарнитура не была закончена и, вероятно, произведена на месте.

Приходнюк, 1980. С. 129. Рис. 61,3–5,7,8; 1998. Рис. 69.

3. Хацки, бывш. Чигиринский уезд Киевской губернии (рис. 71, *3*).

Клад, в его составе поясной набор, включавший серебряные наконечники и накладки, с прорезным декором «точка-запятая» и с растительным узором (рис. 72, *16–20*; 74, *1*).

Корзухина, 1996. С. 372, 373. Кат. 64: 14, 15, 16. Табл. 22,4–11.

4. Козьевка, бывш. Богодуховский уезд Харьковской губернии (рис. 71, *4*).

Клад, в его составе поясной набор с четырьмя серебряными литыми бляшками со стилизованными изображениями дельфинов (рис. 75, *5–9*).

Корзухина, 1996. С. 397–401. Кат. 81: 144–150. Табл. 55,1,3-5.

5. Окрестности г. Черкассы (рис. 71, *5*).

Серебряный поясной набор, в состав которого входят четыре бляшки «в виде личины» со стилизованными изображениями дельфинов (рис. 75, *16*).

Корзухина, 1996. С. 371. Кат. 61: 6. Табл. 94,17.

6. Суджа-Замостье, г. Суджа Курской области (рис. 71, *6*).

Клад, в его составе поясной набор с несколькими бляшками со стилизованными изображениями дельфинов (рис. 75, *17–20*).

Родинкова, Сапрыкина, Сычева, 2018. С. 136. Рис. 1,20–23.

7. Среднее Поднепровье.

Бронзовый штамп в виде двух щитков с килевидным окончанием, с изображением лилий (рис. 73, *2*).

Корзухина, 1996. С. 414. Кат. 102: 62. Табл. 92,4.

Библиография

Айбабин А.И. Хронология могильников позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 3–86, 176–241.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (III–VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 204 с.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии // Краткие сообщения Института археологии. 1979. Вып. 158. С. 67–71.

Гавритухин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы поясной гарнитуры) // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16 / Ред. В. Петрухин и др.. Иерусалим, М.: Мосты культуры, 2005. С. 378–426.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН; Курский областной археологический музей, 1996. 298 с. (Раннеславянский мир, Вып. 3).

Горюнов Е.А., Казанский М.М. О происхождении широкопластинчатых фибул // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 155. С. 25–31.

Иванов С.А. Анты в титулатуре византийских императоров // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I. (I–VI вв.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 260–264.

Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.

Казанский М.М. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // Stratum plus. 2015. № 5. С. 43–95.

Казанский М.М. Престижные находки и центры власти постгуннского времени в Поднепровье // Stratum plus. 2018. № 4. С. 83–118.

Казанский М.М. О военной организации славян в V—VII веках: вожди, профессиональные воины и археологические данные // Stratum plus. 2019а. № 5. С. 15–28.

Казанский М.М. Ранневизантийские шлемы типа Балденхейм в Поднепровье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019б. Т. 24, № 6. С. 184–197.

Комар А.В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Киев, Судак: Академпериодика, 2004. С. 169–200.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. 2006. Т. 5. С. 7–244.

Комар А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII в. // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III. С. 87-117.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 352–435, 586–705.

Приходнюк О.М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е. Київ: Наукова думка, 1980. 152 с.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж: Воронежский университет, 1998. 170 с.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. и комм. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.

Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. Велико Търново: Фабер, 2000. 192 с.

Рашев Р. Наконечники ремней VI–VII вв. из Болгарии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. VIII. С. 91–93.

Родинкова В.Е. Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом из Восточной Европы // Российская археология. 2012. № 4. С. 151–158.

Родинкова В.Е., Сапрыкина Е.А., Сычева С.А. Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации раннесредневековых кладов I группы // Российская археология. 2018. № 2. С. 130–147.

Рыбаков Б.А. Древние русы. // Советская археология. 1953. Т. XVII. С. 23–104.
Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. 472 с.
Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII–IX вв.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 590 с.
Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья / Ред. Р.В. Терпиловский. Курск: Курский областной краеведческий музей, 1990. С. 162–204.
Щеглова О.А. Тайна «пляшущих человечков» и «следы невиданных зверей». Антропо- и зооморфные изображения в раннеславянской металлопластике // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки / Сост. А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 146–171.
Bálint C. Der Gürtel im frühmittelalterlischen Transcaucasus und das Grab von Üč - Tepe (Sowj. Azerbajdžan) // Awaren Forschungen. T. I / Hrsg. F. Daim. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universitât Wien, 1992. S. 309–496.
Bálint C. Byzantinisches zur Herkunftsfrage des Vielteilen Gürtels // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6. –7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Institut der UAW, 2000. S. 99–162.
Bavant B. Les petits objets // Bavant B., Kondić V., Speiser J.M., Caričin Grad II. Le quartier sud-ouest de la ville haute. Belgrade, Rome: Ecole française de Rome, 1990. P. 191–257.
Bavant B., Ivanišević V. Catalogue des objets des fouilles anciennes // Bavant B., Ivanišević V., Caričin Grad IV. Catalogue des fouilles anciennes et autres études. Rome, Belgrade: Ecole française de Rome; Institut archéologique de Belgrade, 2019. P. 1–298. (Collection de l'Ecole française de Rome, 75/4).
Eger C. Reiten und Delphinen. Byzantinische Pressblechmodel für Sattel- und Zaumzeugbeschläg aus dem Nationalmuszeum von Algier // Madrider Mitteilungen. 2003. Bd. 44. S. 412–425.
Eger C. Vielteilige Gürtel im südlichen und östlichen Mittelmeerraum // Zwischen Byzanz und der Steppe. Archäologische und historische Studien. Festschrift für Csanád Bálint zum 70. Geburtstag / Eds. Á. Bollók, G. Csiky, T. Vida. Budapest: Institute of Archaeology, Research Centre for the Humanities Hungarian Academy of Sciences, 2016. S. 153–174.
Erdélyi I. Die ungrischen Parallelen zum Fund von Martynovka // Pekarskaja L., Kidd D. Der Silberschtz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 1994. S. 153–161.
Fettich N. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn (Archaeologia Hungarica, XXI). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1937. 303 S., 137 Taf.
Fiedler U. Die Gürtelbesatzstücke von Akalan. Ihre Funktion und kulturelle Stellung // Известия на Археологическия институт. 1994. Т. 38. С. 31–47.
Garam E. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // Awaren Forschungen. T. I / Hrsg. F. Daim. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universitât Wien, 1992. S. 135–250.
Jørgensen L. A Chronological analysis of Lombard Graves in Italy // Chronological Studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden / Ed. L. Jørgensen. Copenhagen: University of Copenhagen, 1992. P. 94–122.
Kazanski M. Qal'at Sem'an. IV. Rapport final. 3: Les objets métalliques. Beyrouth: Institut français du Proche-Orient, 2003. 160 p.
Kazanski M. The Middle Dnieper area in the seventh century: an archaeological survey // Travaux et Mémoires. 2013. Vol. 17. P. 769–864.
Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmiterlalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016. 180 S., 387 Taf.
Mundell Mango M. Die byzantinischen Silbergefässe und der Löffel. Bemerkungen // Pekarskaja L., Kidd D. Der Silberschtz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 1994. S. 36–42.
Pekarskaja L., Kidd D. Der Silberschtz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 1994. 176 S.
Popović V. Les témoins archéologiques des invasions avaro-slaves dans l'Illyricum byzantin // Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité. 1975. T. 87, № 1. P. 445–504.
Prichodnjuk O.M. Der Shatz von Martynovka und seine ethnokulturelle Interpretation // Pekarskaja L., Kidd D. Der Silberschtz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 1994. S. 163–173.
Schmauder M. Vielteilige Gürtelgarnituren des 6.-7. Jahrhunderts: Herkunft, Aufkommen und Trägerkreis // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt / Hrsg. F. Daim. Innsburck: Universitätsverlag Wagner, 2000. S. 15–44.
Somogyi P. Byzantinische Fundmünzen der Awarenzeit. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 1997. 181 S.
Uenze S. Die spätantiken Befestigungen on Sadovec (Bulgarien). München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1992. Text – 600 S., Tafeln – 178 Taf.
Vinski Z. Kasnoantički starosjedici u salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata // Vjesnik za Arheologiju i Historiu Dalmatinsku. 1974. T. 69. S. 5–86.
Werner J. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden // La civilta longobarda in Europa. Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 1974. S. 109–139.
Werner J. Der Schatzfund von Vrap in Albanien. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1986. 128 S.

КИШПЕК, ЭКАЖЕВО И ВАРПЕЛЕВ: К ВОПРОСУ О ПОНТО-СКАНДИНАВСКИХ СВЯЗЯХ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ[1]

Недавно А. А. Васильев (2010)[2] изучил конский убор «вождеской» могилы Кишпек в Кабардино-Балкарии [о нем см.: Бетрозов, 1987] и установил, что кольца удил из этого погребения – здесь найдено два экземпляра удил – имеют декор из ячеек-выемок (рис. 78, *15*). А. А. Васильев заметил, что этот декор очень напоминает орнамент конской узды из позднесарматского кургана Экажевов Ингушетии (рис. 78, *2, 3*) [см.: Воронин, Малашев, 2006. Рис. 9,1,2], а также декор поясного убора из «вождеской» могилы А Варпелев (Varpelev) в Дании (табл. 13; рис. 79, *1*), содержавшего, в частности, монеты Проба (276–282 гг.) [Straume, 1987. Taf. 106,9; Sommer, 1994. Taf. 41,1,2; Grane, 2010. Fig. 5]. Хронологические рамки рассмотренных А. А. Васильевым северокавказских погребений в целом укладываются в конец III – первые десятилетия IV в. [Kazanski, 1995; Малашев, 2000. С. 207], что соответствует финальной части периода C2 хронологии европейского Барбарикума (250/260–300/320 гг.). Для могилы Варпелев А, в первую очередь, на основании поясной гарнитуры, предлагается и более поздняя дата, фазы C3–D1 по хронологии европейского Барбарикума, т.е. 300/320–400/410 гг. [Jensen, 1980; Straume, 1987. S. 122, 123]. Не ясно, однако, отражают ли эти параллели в декоре какие-то связи между понто-кавказскими аланами и сарматами, с одной стороны, и германцами Скандинавии, с другой, или же этому явлению надо искать какое-то другое объяснение?

Рассмотрим, прежде всего, удила из Кишпека. Это двучастные кольчатые удила, с прямоугольно-вытянутыми держателями ремней (рис. 79, *15*). Как показал А. А. Васильев, такие удила хорошо известны в позднесарматской культуре второй половины III в. [Васильев 2010. С. 78, 79]. Однако подобные удила встречаются и в позднеримском контексте. К сожалению, конский убор на территории Империи не был предметом специального изучения, что затрудняет поиск аналогий. Тем не менее, можно привести находки двухчастных кольчатых удил в крепостях позднеримского лимеса (Moosberg, Froitzheim) [Garbsch, 1966. Taf. 37,1; Barfield, 1968. Abb. 43,2], а также в позднеримских виллах (La Tasque) [Larrieu, Le Moal, Labrousse, 1953. Fig. 23]. К сожалению, во всех этих случаях держатели ремней не сохранились. Особое внимание привлекает находка в Беркасово (рис. 80, *20*), в области Сирмия, вместе со знаменитыми шлемами времени Лициния [Manojlović-Marijanski, 1973. Taf. 10,1,2]. Здесь имеются вытянуто-прямоугольные держатели ремней, хотя их морфология и отличается от кишпекских. Стоит вспомнить и керченские удила из аристократических могил позднего III – раннего IV в., которые, как и кишпекские, имеют богатый полихромный декор [см., напр.: Shcukin et al., 2006. Fig. 93,1,2; Шаров, 2010], как, кстати, и вторые удила из Кишпека (рис. 78, *14*). В целом, можно заключить, что двучастные кольчатые удила, в том числе с вытянуто-прямоугольными обоймами для ремней,

[1] Статья опубликована на английском языке: Kazanski M. Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: for the Problem of Pontic-Scandinavian Relations in the Late Roman Period // Inter ambo maria. Contacts between Scandinavia and Crimea in the Roman Period / eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegard. Simferopol: Dolya, 2011. С. 91–101.

[2] Пользуясь случаем, благодарю А. А. Васильева за любезно предоставленный рисунок удил из Кишпека, а также за возможность ознакомиться с текстом его статьи, находящейся в печати: «Удила из княжеского погребения у с. Кишпек, Кабардино-Балкария (балто-черноморские контакты и некоторые вопросы датировки европейских древностей рубежа III–IV вв. н.э.)» // Germania-Sarmatia. Т. 2. Калиниград, 2011.

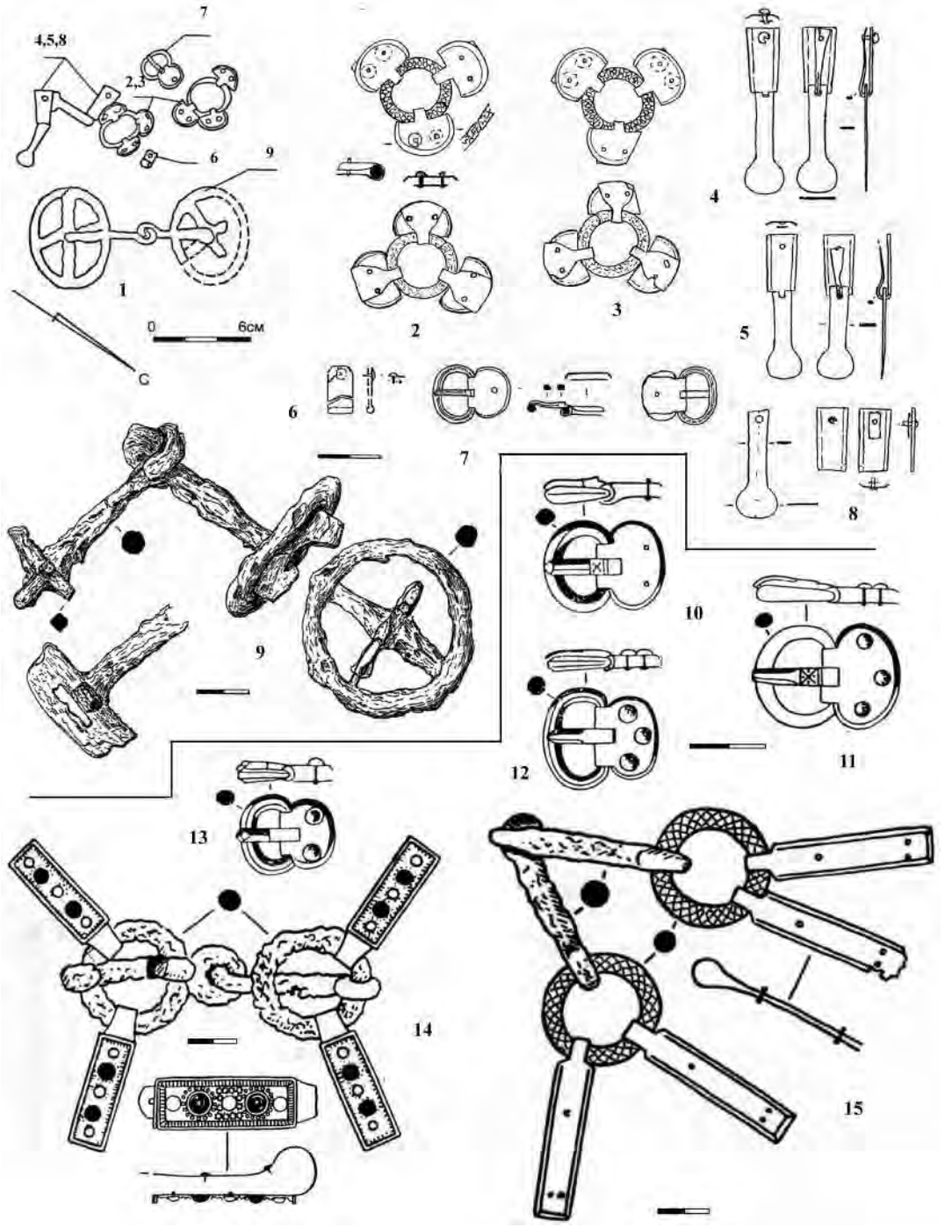


Рис. 78. Вещи из погребений Экажево (1–9) и Кишпек (10–15)
1–9 – [по: Воронин, Малашев, 2006]; 10–15 – [по: Бетрозов, 1987, С. 15], с корректировкой А.А. Васильева

имеют широкое распространение, они известны в Империи, в «государствах-клиентах» римского пограничья, а также у понтийских варваров[3].

Поясная гарнитура из Варпелев состоит из пряжки типа Келлер А-В-С, с фасетчатым декором на рамке (рис. 79, *1*; 82, *4*) и прямоугольного наконечника ремня (рис. 79, *2*; 82, *3*). Как показал М. Зоммер, эти пряжки имеют римское происхождение и распространяются на дунайском лимесе

[3] Фасетчатый декор и его имитации присутствуют на кольцах удил в эпоху переселения народов у балтов, в Самбии (Суворово / Zophen [Кулаков, 1990. Табл. 10,13; 11,12; 13,7; 16,2], Гора Великанов / Hünenberg [Кулаков, Тюрин, 2005. Рис. 8,7], Митино [Скворцов, 2010. Табл 516]). Одна находка таких удил отмечена очень далеко на севере – в кургане 45 могильника Доложский погост, на западной окраине Ижорского плато [последняя публикация: Бехтер, 2010. С. 71, 72. Рис. 1]. Данное погребение датируется V – началом VI в. и, на мой взгляд, связано с проникновением каких-то групп балтов в лесную зону Северо-Запада России [Казанский, 1999. С. 409–411; Казанский, 2010. С. 99]. Известен на кольцах удил и декор в виде поперечных гравированных линий. В балтийском бассейне он представлен в позднермское время в Дании (Nydam) [Ørsnes, 1993. Fig. 40,c] и в эпоху переселения народов в Литве (Taurapilas) [Tautavičius, 1981. P. 40. 5 pav.].

Рис. 79. Вещи из погребения Варпелев А [по: Sommer, 1984]

приблизительно с 290 г. [Sommer, 1984. S. 74, 75], хотя в свое время Э. Келлер их отнес, в основном, к 330–360 гг. [Keller, 1971. S. 58][4].

Римская атрибуция пряжки из Варпелев на сегодняшний день является общепринятой [Grane, 2007. P. 181–183; Grane, 2010], хотя подчеркивается, что фасетчатый декор рамки не имеет параллелей в позднеримской поясной гарнитуре. Поэтому предполагается, что речь идет о местной реплике римского поясного набора [Straume, 1987. S. 123]. Однако находка очень похожей пряжки далеко на юге, на Правобережной Украине (Ружинский р-н Житомирской обл.)[5], также с фасетчатым декором на рамке и язычком с зооморфным окончанием (рис. 82, *5*), ставит под сомнение гипотезу об изготовлении варпелевской пряжки в одной из скандинавских мастерских. Скорее всего, в обоих случаях речь идет всё же о римском импорте.

В Крыму пряжки типа Келлер А-В-С представлены, например, в некрополе Керчи (Пантикапей/Боспор), например в т.н. погребении Мессаксуди 1918 г. (рис. 80, *15*), найденном на склоне г. Митридат [Beck et al., 1988. P. 68. Fig. 1,16]. По совокупности материала, если, конечно, он представляет собой закрытый комплекс (могила была найдена грабителями), захоронение в гробнице Мессаксуди может датироваться 330–370 гг. [Малашев, 2000. С. 206; Shchukin et al., 2006. P. 100], при этом наиболее поздней является пряжка с длинным язычком, типичная для гуннского времени [Beck et al., 1988. Fig. 1,1]. Еще одна подобная пряжка происходит из погребения 1841 г. в Аджимушкае [Шкорпил, 1910. Рис. 15; Малашев, 2000. Рис. 12,Б,10]. Сейчас это погребение датируют 320/330–360/370 гг. [Малашев, 2000. С. 206] или 290–350 гг. [Shchukin et al., 2006. P. 98]. Они также известны в могильниках Юго-Западного Крыма, таких как Нейзац [Храпунов, 2003. Рис. 4,3], Красная Заря [Пуздровский и др., 2001. Рис. 2,6].

Известны пряжки Келлер А-В-С и у варваров, в Восточной и Центральной Европе. Такие пряжки представлены, например, на памятниках черняховской культуры [Kazanski, Legoux, 1988. P. 13, 14. № 9 ; Петраускас, 2009. С. 192, 193], а также в погребениях алано-сарматского круга [Kazanski, 1995. Fig. 5,1; 8,11; Малашев, 2000. рис. 9,Б,1; 9,В,1,3; 12,Е,3]. У варваров пряжки типа Келлер А-В-С фиксируются с периода С2 (250/260–300/320 гг.), что в целом не противоречит выводам М. Зоммера о дате и месте их появления. Для пряжек типа Келлер А-В-С, как в Империи [напр.: Sommer, 1984. Taf. 27,1; Nagy, 2005. Abb. 26,2; Die Römer…, 2000. Kat. 150a], так и на территории Барбарикума, например, в Варпелев (рис. 82, *4*) или на пряжке из Житомирской области (рис. 82, *5*), характерен зооморфный язычок.

Прямоугольные наконечники поясов с валиком, как в Варпелев (рис. 79, *2*; 82, *3*), также являются распространенным элементом римской поясной гарнитуры. Из ранних находок можно процитировать уже упоминавшееся Беркасово (рис. 80, *21*), времени Лициния [Manojlović-Marijanski, 1973. Taf. 10,6], а также погребения Хиршова (рис. 80, *2–5*) [Goldhelm…, 1994. № 94] и Будапешт III – Újlak

[4] В погребении Хиршова (Hirşova), в румынской Добрудже пряжка типа Келлер А-В-С (рис. 80, *1*) найдена вместе с навершием меча, имеющим надпись VALE/RIANE VIVAS. Авторы каталога выставки, где была представлена эта могила, датируют ее временем около 320 г. [Goldhelm…, 1994. № 94]. Однако, если в надписи речь идет об императоре Валериане, то она должна принадлежать более раннему времени. Император Валериан I правил в 253–260 гг., а его внук Валериан II, действовавший в Иллирии, Паннонии и Мезии, скончался в юном возрасте еще раньше, в 257 г. Не исключено, конечно, что навершие было в использовании долгое время. Кроме того, неизвестно, действительно ли надпись имеет в виду императора.

[5] Благодарю М.Е. Леваду, который мне указал данную параллель и предоставил фотографию пряжки.

Bécsi Út 42, погр. 2 (рис. 80, *7–14*), последнее с монетой Галерия, 309–310 гг. [Nagy, 2005. Abb. 19,3]. Эти наконечники распространяются, в основном, вдоль рейнско-дунайского лимеса и на понтийской границе империи, они сравнительно немногочисленны у восточноевропейских варваров – в Крыму, на Северном Кавказе, на Урале [Beck et al., 1988. P. 65; Храпунов, 2002. С. 44; Nagy, 2005. P. 469. Abb. 31,2,35. Liste 2]. Найден такой наконечник и в кургане 3 могильника Экажево I [Воронин, Малашев, 2006. Рис. 9,10], откуда происходят уже упоминавшиеся фасетированные кольца узды. В Крыму такие наконечники известны, в частности, на Боспоре Киммерийском, например, в погребении Мессаксуди (рис. 80, *18, 19*), а также в коллекции Римско-Германского центрального музея в Майнце [Beck *et al.,*1988. P. 65, 68. Fig. 1,*3,13*], на могильниках Дружное, Суворово, Красная Заря [Храпунов, 2002. Рис. 74,40,43; 80,9; Зайцев, 1997. Рис. 61,25; Пуздровский и др., 2001, рис. 2,1]. В позднесарматских древностях эти наконечники также известны для периода второй половины III–IV в. [Малашев, 2000. С. 206, 207].

Сочетание пряжек Келлер A-B-C (а также их малых копий) с прямоугольными наконечниками отмечено для Римской империи, например, на могильниках Френувиль (Frenouville) [Sommer, 1984. Taf. 41,15,16], Будапешт III (рис. 80, *6–14*) [Nagy, 2005. Abb. 13, 15], Хиршова (рис 80, *1–5*) [Goldhelm…, 1994. № 94]. В Крыму такой набор отмечен в могиле Мессаксуди (рис. 80, *15, 18, 19*), а также в захоронении 2 могилы 35 некрополя Красная Заря [Пуздровский и др., 2001. Рис. 2,1,6]. Известен такой набор и у варваров, в частности в степных древностях алано-сарматского времени [Малашев, 2000. Рис. 9,Б; 12,Е].

Итак, можно сделать вывод, что поясная гарнитура погребения в Варпелев является позднеримской по происхождению, времени не ранее конца фазы C2 (около 290–320 гг.) или фазы C3 (300/320–350/370 гг.), хотя подобные вещи распространяются и на Боспоре Киммерийском, а также у

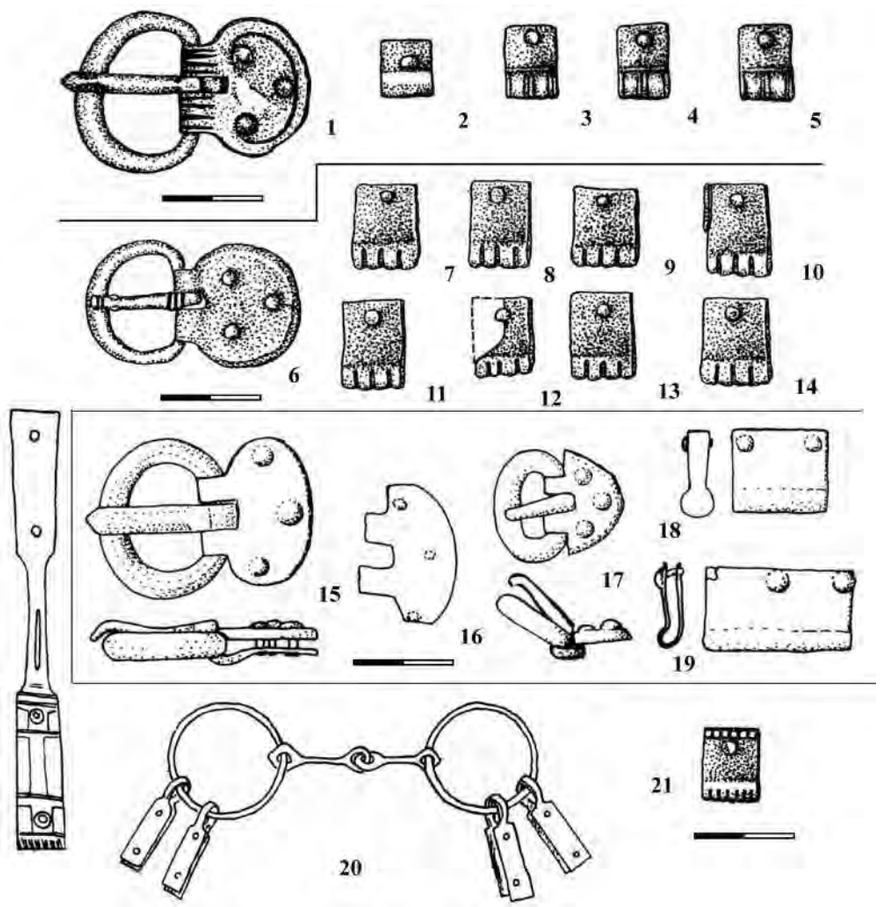


Рис. 80. Элементы ременной гарнитуры (1–19, 21) и удила (20) из находок позднеримского времени
1–5 – Хиршова (Hirşova); 6–14 – Будапешт III (Budapest III – Újlak Bécsi Út 42), погр. 2;
15–19 – Керчь, т.н. погр. Мессаксуди; 20, 21 – Беркасово
1–14, 20, 21 – [по: Nagy, 2005]; 15–19 – [по: Beck et al., 1988]

варваров, в частности в позднесарматской степи или в зоне черняховской культуры.

Для уточнения даты погребения в Варпелев стоит обратить внимание и на малую пряжку с полукруглым подвижным щитком и сравнительно коротким язычком (рис. 79, *3*; 82, *2*). Пряжки с овальной рамкой и подобным щитком достаточно хорошо известны на юге Восточной Европы. Две из них происходят из уже неоднократно упоминавшегося погребения Мессаксуди (рис. 80, *16, 17*) [Beck et al., 1988. P. 68. Fig. 1,18]. Для данных крымских пряжек в свое время были приведены параллели, дата которых определяется в рамках IV – первой половины V в., т.е. периодов C3–D2 по хронологии европейского Барбарикума: Данчены, Тыргшор (черняховская культура), Благовещенка, Утамыш (степные древности алано-сарматского круга), Фромборк (устье Вислы, вельбаркская культура?), Сайгатский, Тураево (культура Харино на Урале и в Поволжье) [Beck *et al.,*1988. Note 48; Kazanski, Legoux, 1988. P. 16, 17. № 20]. К этому ранее опубликованному списку можно добавить находку из могильника Суворово, в Юго-Западном Крыму, где такая пряжка соседствовала с амфорой типа Инкерман, IV в. [Зайцев, 1997. Рис. 63], а также пряжку из погребения 125 могильника Нейзац, также IV в. [Храпунов, 2006. Рис. 6,3]. Все эти параллели позволяют отнести находку в Варпелев ко времени не ранее периода C3 (300/320–350/370 гг.).

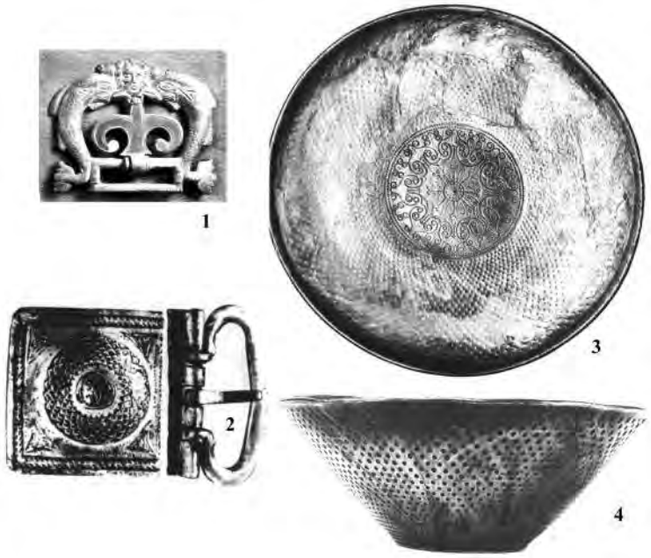


Рис. 81. Позднеримские изделия с чешуйчатым, фасетчатым и ячеистым декором
1 – Бонн, музей; 2 – Будапешт; 3 – Ретель (Rhetel);
4 – Нотр-Дам д'Алансон (Notre-Dame d'Alençon)
1 – [по: Heurgon, 1958]; 2 – [по: Thomas, 1988]; 3, 4 – [по: Trésors…, 1989]

Рис. 82. Пряжки и наконечники из Варпелев (Varpelev) (1–4) и пряжка с территории Житомирской обл. (5)
1–4 – [по: Grane, 2007]; 5 – фото М.Е. Левады

Особый интерес на вещах из Кишпека, Экажево и Варпелев вызывает декор в виде сетки, ячеек или фасеток. Собственно, это основной объединяющий их элемент. Такой декор совершенно нетипичен для Барбарикума, в римское время его нет на вещах ни в Скандинавии, ни в понтийском регионе. Зато его истоки хорошо прослеживаются в римской торевтике. На римских пряжках III в. с изображениями дельфинов из Рейнского музея в Бонне (рис. 81, *1*) хорошо виден чешуйчатый декор на рамке – явный предшественник декора из ячеек на пряжке из Варпелев [Heurgon, 1958. Pl. 23,2]. Чешуйчатый декор, покрывающий всю поверхность сосуда, представлен на чаше из Шатузанж (Chatuzange), второй половины III в. [Trésors…, 1989. № 191]. Чешуйчатый декор известен и на римских поясных гарнитурах позднего III – раннего IV в. (напр., рис. 81, *2*) (Будапешт/Аквинкум [Thomas, 1988. Pl. V,5]). Передача фактуры шкуры дельфина, в форме ячеек или точек, характерна для позднеримской торевтики, например, на рукоятях ложек в виде дельфинов [см.: Painter, 1977. Fig. 34; Baratte et al., 2002. Fig. 49, 54]. Декор в виде ячеек присутствует и на ложках клада в Тетфорде (Thetford) [Johns, Potter, 1983. Fig. 35, 37, 38, 40]. Ячеистый декор хорошо представлен на римской серебряной посуде. Ячейки могут быть как крупными, например, как на небольшой вазе из клада в Бертувилле (Berthouville), конца III – начала IV в. [Trésors…, 1989. № 26], на чаше из клада Нотр-Дам д'Алансон (Notre-Dame d'Alençon), III в. (рис. 81, *4*) [Trésors…, 1989. № 35] или на кубках из Шаурса (Chaourse), позднего III в. [Trésors…, 1989. № 60, 61], так и мелкими, как на чаше из клада Ретель (Rhetel) (рис. 81, *3*), второй половины III в. [Trésors…, 1989. № 109].

В том же кладе в Ретеле представлено серебряное зеркало с чешуйчатым декором на рукояти [Trésors…, 1989. № 118]. Подобный декор пред-

ставлен и на рукояти зеркала из Виенн (Vienne), также второй половины III в. [Trésors…, 1989. № 182]. Край данного зеркала украшен сетчатым декором, напоминающим, насколько можно судить по иллюстрациям, декор удил из Кишпека.

Иногда чешуйчатый узор на металлических изделиях встречается и у варваров позднеримского времени. Приведем в качестве примера серебряную, плакированную золотом пряжку из погребения 507 на черняховском могильнике Бырлад-Валя Сякэ (Bîrlad-Valea Seacă), в румынской Молдове [Palade, 1986. Pl. R89a,2]. Не исключено, однако, что в данном случае пряжка представляет собой предмет римского импорта. Изредка в Барбарикуме встречаются и изделия с сетчатым декором. Например, известная гривна из Хавор (Havor), на Готланде [Andersson, 1995. P. 85. Fig. 58], стержень которой украшен мелким, но глубоким узором, образующим сплошную сетку.

Позднее, уже в начале эпохи переселения народов, точечный, ячеистый и фасетчатый декор становится распространенным на среднеевропейских пряжках [Madyda-Legutko, 1986. Taf. 20,34–36; 21,44]. Центром их производства, судя по данным картографии, являлись мастерские римской Паннонии [Bona, 2002. Fig. 34]. В Барбарикуме фасетчатый и чешуйчатый декор зафиксирован на фибулах с лопатковидной ножкой, относящихся к периоду D2 западнобалтских древностей (около 375/400–430 гг.), например, в Варникам (Warnikam) [Bitner-Wróblewska, 2001. Pl. 38,6][6]. Деградированный чешуйчатый декор известен и на золотых гривнах эпохи переселения народов, типа Андерссон R 300 [Andersson, 1995. P. 94–96] в кладе из Хаммерсдорф / Млотечно (Hammersdorf / Mloteczno) [Кулаков, 2003. С. 99. Рис. 32; Эпоха меровингов, 2007. Кат. IV.1.1], на гривне из Старграда (Stargard) (Эпоха меровингов, 2007. Кат. IV.4.1] и на некоторых скандинавских гривнах, например, Oure [Geisslinger, 1967. Taf. 8,1], Tureholm [Stenberger, 1977. Abb. 203], Storegåden [Stenberger, 1977. Abb. 205], Möne [Stenberger, 1977. Abb. 206].

Итак, судя по декору и морфологии, вещи с декором в виде ячеек в Варпелев, Экажево и Кишпек принадлежат римской традиции. Скорее всего, они имитируют престижные римские образцы, или же просто сделаны на заказ для варварских предводителей. Поэтому данные находки не могут привлекаться в качестве доказательств понто-скандинавских связей в конце III – начале IV в. Они, скорее всего, свидетельствуют об общем для скандинавских и понто-кавказских варваров римском культурном воздействии.

Это, разумеется, не опровергает реального существования скандинавско-понтийских контактов в период C2, хорошо изученных на других категориях археологического материала [см., напр.: Werner, 1988; Shchukin et al., 2006. Fig. 17–19].

[6] По мнению В.И. Кулакова [Кулаков, 2003. С. 107] чешуйчатый декор балтских фибул имитирует орнамент браслетов из Бакодпусты (Bakodpuszta), последние, судя по винтовому замку, являются позднеримскими – ранневизантийскими изделиями [см. подр.: Die Schraube…, 1995]. В целом это подтверждает гипотезу о позднеримском происхождении данного декора. Смущает, правда, лишь отсутствие чешуи на указанных браслетах, мне не удалось ее заметить ни в публикациях [напр.: Fettich, 1951. Tag. 15,1,2; 16,1,2; Kiss, 1983. Abb. 5,3,8; Die Schraube…, 1995. Abb. 88. Kat. Nr. E4], ни при визуальном осмотре предмета в экспозиции Национального Венгерского Музея.

Библиография

Бетрозов Р.Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3. Нальчик, 1987. С. 11–39.

Бехтер А.В. Курганно-жальничный комплекс у дер. Заручье (Доложский погост) // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородский земли. СПб., 2010. С. 71–75.

Васильев А.А. Удила из позднесарматского княжеского погребения у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010. С. 78–80.

Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны республики Ингушетия. М., 2006.

Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 102–116.

Казанский М.М. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. 1999. № 6. С. 404–419.

Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный пуь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2010. № 4. С. 17–127.

Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. М., 1990. (САИ. Вып. Г1-9).

Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 года. М., 2003.

Кулаков В.И., Тюрин Е.А. Комплексы V в. н.э. с могильника «Гора Великанов» // Российская археология. 2005. № 2. С. 115–131.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 194–232.

Петраускас О.В. Час появи та деякі особливості розвитку трупопокладень із західною орієнтацією в черняхівській культурі // Ostrogthica. Харьков, 2009. С. 186–215.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III–IV вв. в Юго-Западном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. VIII. С. 33–50.

Скворцов К.Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). М., 2010.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 2002.

Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 329–350.

Храпунов И.Н. Погребение воина IV в. н.э. из могильника Нейзац // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 42–51.

Шаров О.В. Парадная конская упряжь в эпоху поздней Империи // Краеугольный камень. Т. 2. СПб., 2010. С. 483–499.

Шкорпил В.В. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1910. Вып. 37. С. 23–35.

Эпоха меровингов. Европа без границ. München, 2007.

Andersson K. Romartida guldsmide i Norden III. Uppsala, 1995.

Baratte F., Lang J., La Niece S., Metzger C. Le trésor de Carthage: contribution à l'étude de l'orfèvrerie de l'Antiquité tardive. Pairs, 2002.

Barfield L.H. Ein Burges in Froitzheim, Kr. Düren // Beiträge zur Archäologie des Römisches Rheinlands. 1968. Bd. 3. S. 9–119.

Beck F., Kazanski M., Vallet F. La riche tombe de Kertch du Musée des Antiquités Nationales // Antiquités Nationales. 1988. № 20. P. 63–81.

Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa, 2001.

Bona I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles. Paris, 2002.

Die Römer zwischen Alpen und Nordmeer. Mainz, 2000.

Die Schraube zwischen Macht und Pracht. Das Gewinde in der Antike. Sigmaringen, 1995.

Fettich N. Archäologsche Studien zur Gezchichte der späthunnishen Metallkunst. Budapest, 1951.

Garbsch J. Der Moosberg bei Murnau. München, 1966.

Geisslinger H. Horte als Geschichtsquelle. Neumünster, 1967.

Goldhelm, Schwert und Silberschätze. Reichthümer aus 6000 Jahren rümanishcer Vergangenheit. Frankfurt-am-Main, 1994.

Grane T. Varpelev, Denmark – Evidence of Roman Diplomacy? // Bolletino di Archeologia Online. Volume speciale 2010. URL: www.beniculturali.it/bao.

Grane T. The Roman Empire and Southern Scandinavia – Northern Connection: Ph.-D. dissertation. Copenhagen, 2007.

Heurgon J. Le trésor de Ténès. Paris, 1958.

Jensen S. En nordjysk grav fra romersk jernalder. Sen romersk jernalders kronologi I Nordvesteuropa // Kuml 1979. 1980. P. 167–198.

Johns C., Potter T. The Thetford Treasure. London, 1983.

Kazanski M. Les tombes des chefs alano-sarmates du IVe siècle dans les steppes pontiques // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau, 1995. P. 189–205.

Kazanski M., Legoux R. Contribution à l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations: la chronologie de la culture de Černjahov récente // Archéologie Médiévale. 1988. T. 18. P. 7–53.

Keller E. Die Spätrömische Grabfunde in Südbayern. München, 1971.

Kiss A. Die Skiren im Karpatenbecken, ihre Wohnsitze und ihre materielle Hinterlassenschaft // Acta Archaeologica Academoae Scientiarum Hungaricae. 1983. T. 35. P. 95–131.

Larrieur M., Le Moal J., Laborusse M. La ville gallo-romaine de la Tasque à Cadeilhan, Ste-Claire (Gers) // Gallia. 1953. T. 11. P. 41–67.

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kiaserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford, 1986.

Manojlović-Marijanski M. Der Fund von Berkasovo, Jugoslawien // Klumbach H. (Hrsg.). Spätrömische Gardenhelme. München, 1973. S. 15–38.

Nagy M. Zwei spätrömische Waffengraber am Westrand der Canabae von Aquincum // Acta Archaeologica Academiae Scientarum Hungaricae. T. 56, 2005, 403-486.

Ørsnes M. Zaumzeugfunde des 1.-8. Jahr. Nach Chr. In Mittel-und Nordeuropa // Acta Archaeologica. 1993. Vol. 64 (2). P. 183–292.

Painter K.S. The Mildenhall Treasure. London, 1977.

Palade V. Nécropole du IVe et commencement du Ve siècle de n.è. à Bîrlad-Valea Seacă // Inventaria Archaeologica. Roumanie, fasc. 12. Bucureşti, 1986.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns : Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et a l'époque des Grandes Migrations. Oxford, 2006.

Sommer M. Die Gürtel und Gürtelbeschläge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich. Bonn, 1984.

Stenberger M. Vorgeschichte Schwedens. Berlin, 1977.

Straume E. Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo, 1987.

Tautavičius A. Taurapilio «kunigaikščio» kapas // Lietuvos Archeologija. 1981. Vol. 2. P. 18–42.

Thomas E.B. Spätantike und frühbyzantinische Silbergegenstände im Mittleren Donaugebiet, innerhalb und Aussenhalb der Grenzen des Römerreiches // Argenterie romaine et byzantine. Paris, 1988. P. 135–151.

Trésors d'orfévrerie gallo-romains. Paris, 1989.

Werner J. Dančeny und Brangstrup // Bonner Jahrbücher. 1988. Bd. 188. S. 241–286.

РАННИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ГУННОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И НА СРЕДНЕМ ДУНАЕ[1]

На сегодняшний день древности кочевников гуннского времени в Восточной и Центральной Европе представлены почти исключительно погребальными и «поминальными» памятниками, а также случайными находками [Alföldi, 1932; Werner, 1956; Засецкая, 1994; Anke, 1998; Bona, 2002; Tejral, 2002; Tejral, 2007]. В хронологической схеме европейского Барбарикума гуннскому времени соответствуют периоды D1 (т.н. горизонт Виллафонтата: 360/370–400/410 гг.), D2 (горизонт Унтерзибенбрунн: 380/400–440/450 гг.) и D2/D3 (горизонт Смолин–Косино: 430/440–460/470 гг.) [Tejral, 1988; Tejral, 1997]. При этом основная масса «кочевнических» находок относится к периодам D2 и даже D2/D3, то есть к эпохе династии Руи–Аттилы и его сыновей, соответствующей времени расцвета гуннской «империи» в 420–450-е гг. Такая датировка легко определяется, в первую очередь, по «мужскому» инвентарю, имеющему параллели в хорошо изученных древностях Среднего Дуная – хоботковые пряжки ременной гарнитуры, мечи с железным перекрестьем, металлические обкладки седел и т.д.

Сложнее датировать погребения с «женским» инвентарем, поскольку у гуннов женский убор достаточно специфичен. Украшения полихромного стиля без зерненого декора (стиль Засецкая 3) [Засецкая, 1982], в первую очередь, диадемы (напр. рис. 4, *1*), широко распространены по всему гуннскому ареалу, от Волги и Урала до Среднего Дуная и несомненно бытуют в эпоху Аттилы, поскольку именно к этому времени и относятся основные среднедунайские находки, связанные с гуннами [Tejral, 2002; Tejral, 2007]. Однако никто не может сказать, когда такие вещи впервые появились в кочевой степи. Как мы увидим далее, есть основания утверждать, что полихромные вещи стиля Засецкая 3 появились уже в доаттиловское время. Предметы женского убора, украшенные зернью (стиль Засецкая 1) [Засецкая, 1982], редко попадают на запад, зато хорошо известны в степях к востоку от Днепра и, видимо, представляют собой этнографическую особенность восточногуннского населения, условно соотносимого с акацирами [Казанский, Мастыкова, 2004]. Погребения с украшениями «зернего» стиля отнесены И.П. Засецкой к её хронологической группе 1а (ХГЗ-1а) [Засецкая, 1994. С. 112, 113]. Большая часть этих находок И. П. Засецкая датирует первой половиной V в., однако для группы в целом нижней хронологической границей она справедливо считает последнюю четверть IV в. [Засецкая, 1994. С. 116, 129]. Действительно, как мы увидим далее, в погребениях с «зернеными» украшениями, в Мелитополе и Ленинске, встречены очень ранние вещи.

Однако украшения с зернью бытуют и позднее. Так, в «княжеском» кургане 2, на могильнике Брут, в Северной Осетии пряжка, украшенная зернеными треугольниками, что характерно для изделий стиля Засецкая 1, соседствовала с типичной гарнитурой горизонта Унтерзибенбрунн [Габуев, 2005. №№ 67, 69]. В погребении Солончанка диадема стиля Засецкая 1 также сопровождалась хоботковыми пряжками периодов D2 и D2/D3 [Любчанский, Таиров, 1999. Рис. 24,1–3; 24,6]. Поэтому можно полагать, что какая-то часть погребений с украшениями «зерненого» стиля относится и к эпохе Аттилы.

В данной работе предпринята попытка выявить наиболее ранние степные находки, времени первого прорыва гуннов в Северное Причерноморье и на Средний Дунай в последней трети IV в. и начале V в. Как мы знаем, около 375 г. гунны, разбив алан-танаитов, нападают на грейтунгов-остроготов Германариха, потом громят тервингов-визиготов, к западу от Днестра. Последние хлынули на южный берег Дуная в 375 году, что и дает нам более или менее точную дату гуннского нашествия [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 105–110]. В 400–420 гг. гунны в причерноморских степях делятся на несколько орд. Самой западной является группировка Ульдина, обосновавшаяся к северу от Нижнего Дуная. Восточнее, то есть к северу от черноморского побережья, локализуются орды Харатона, главного из гуннских предводителей, и Доната, подчиненного Харатону [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 110, 111; Засецкая и др., 2007. С. 102]. Одновременно передовые отряды гуннов продвигаются далеко на запад и оказываются на дунайской границе Западной Римской империи. Так, в 378 г. гунны в составе войск Алафея и Сафрака, предводителей варварских наемников, закрепляются в Паннонии [Demougeot, 1979. P. 123]. В 383 г. гуннские наемники действуют против ютунгов в верхнедунайской провинции *Raetia Seconda* [Demougeot, 1979. P. 124; Вольфрам, 2003. С. 357].

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Ранние погребения гуннов в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 2 / ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 119–127.

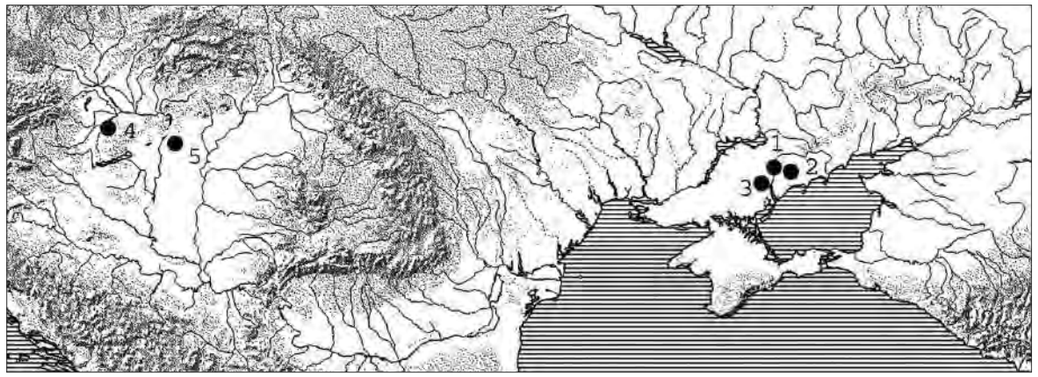


Рис. 83. Карта распространения ранних гуннских памятников
1 – Каменная Могила, 2 – Новофилипповка, 3 – Мелитополь–Кизиярская Балка, 4 – Арпаш, 5 – Будапешт–Цугло

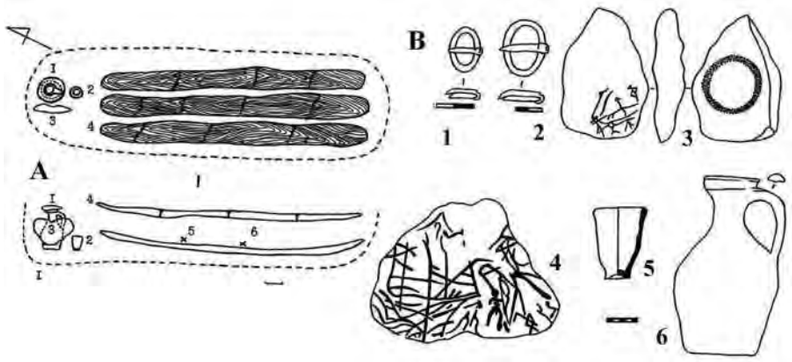


Рис. 84. Погребение Каменная Могила (А) и инвентарь из него (В) [по: Михайлов, 1993]

Самые древние находки «кочевнического» облика, скорее всего конца IV в., то есть времени расселения гуннов в причерноморских степях, мне известны в Северо-Западном Приазовье, в бассейне реки Молочной (рис. 83, *1–3*). Одно из таких погребений открыто в урочище Каменная Могила (рис. 84), в пещере «Колдуна» [Михайлов, 1993]. В Каменной Могиле обнаружена ингумация (скелет не сохранился, разрушен окислением), ориентированная по линии СЗ–ЮВ. Погребение совершено в деревянном гробу (рис. 84, *А*). В погребении найдены две железные пряжки (рис. 84, *В,1,2*), они располагались в центральной части гробовища. С северо-западной стороны гробовища находилась ниша, закрытая куском песчаниковой конкреции с зооморфными изображениями (рис. 84, *В,4*), в ней стояли краснолаковый глиняный кувшин и стеклянный кубок на кольцевом поддоне (рис. 84, *В,5,6*). Горло кувшина закрыто плоским куском песчаниковой конкреции с изображением. Овальные пряжки с загнутым язычком, незначительно выступающим за рамку, скорее всего, относятся к периоду С3 (300/320–350/370 гг.) или D1 (360/370–400/410 гг.) [многочисленные примеры: Tejral, 1987; Tejral, 1992]. Действительно, как это уже давно замечено, для более позднего времени язычок сильно выступает за рамку [Амброз, 1971. С. 100, 103]. Кувшин и кубок имеют аналогии, не выходящие за пределы второй половины IV – первой половины V в. [Михайлов, 1993. С. 110]. Сам обряд захоронения, в пещере, совершенно неизвестный в понтийских степях для сарматского времени, напоминает ранние гуннские погребения на Южном Урале, в Кызыл-Адыре [Засецкая, 1994. С. 187]. Это позволяет отнести захоронение в Каменной Могиле не к позднесарматскому времени, хронологические рамки которого включают и период С3, а к более позднему, гуннскому, то есть, с учетом формы пряжек, к периоду D1.

Второй ранний комплекс гуннского времени обнаружен на могильнике Новофилипповка, также на р. Молочная (рис. 85). Это, видимо, остатки кремации или «поминальник» (жертвоприношение)[2] около кургана № 8 (сам курган не раскапывался). На площади 2х3 м обнаружены остатки металлических предметов со следами огня и обожженная фаланга пальца ноги [Михайлов, 1977]. Здесь найдены обломки металлического сосуда, инструменты медника, бронзовые слитки и заготовки, обломки бронзовых предметов для переплавки (рис. 85, *3–30*), три трехгранных наконечника стрел

[2] Такие «поминальники» известны у гуннов как в понтийских степях (например Макартет), так и в Карпатской котловине (Сегед-Надьсекшош, Паннонхалма, Печюцог) [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 117, 118].

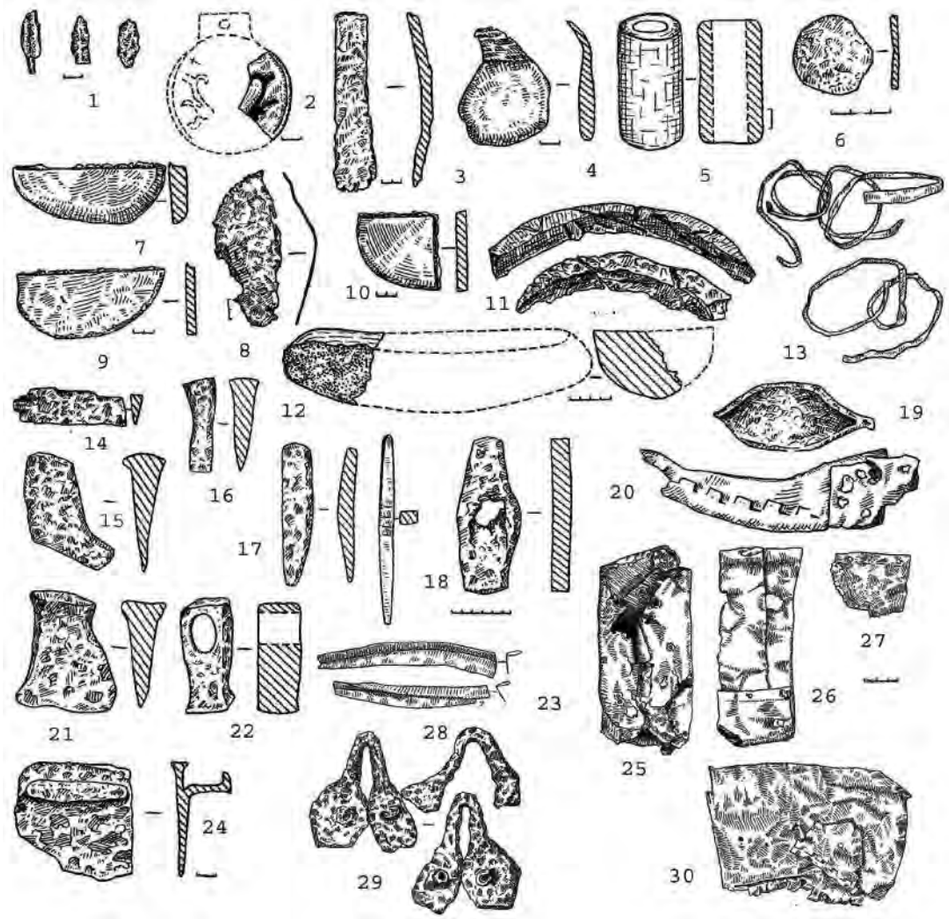


Рис. 85. Инвентарь погребения Новофилипповка [по: Михайлов, 1977]

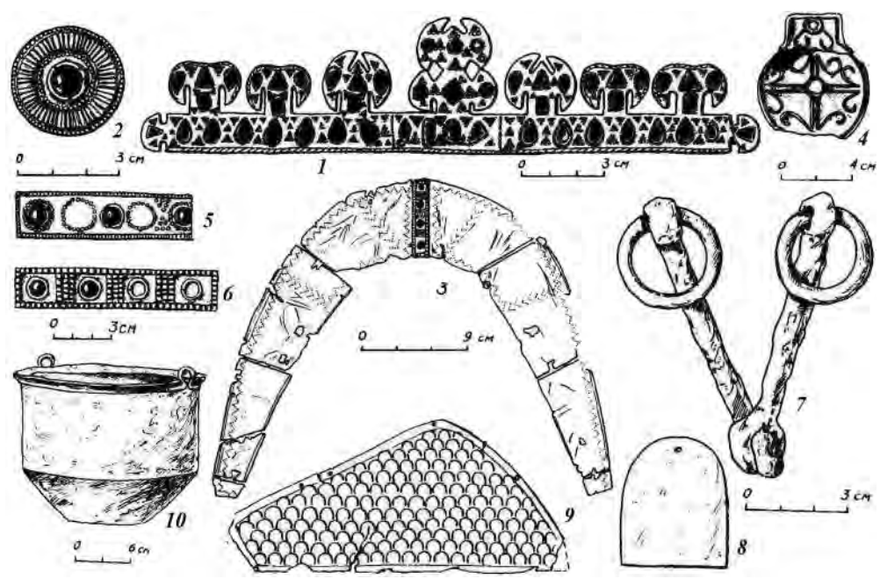


Рис. 86. Инвентарь погребения Мелитополь-Кизиярская Балка [по: Засецкая, 1984]

(рис. 85, *1*) и сарматское зеркальце с боковым ушком (рис. 85, *2*). Обычно такие зеркальца датируются более ранним временем, II–III вв., но известно, что они доживают и до второй половины IV в., как свидетельствуют находки в закрытых комплексах в Реймсе, на могильнике Жан-Фат и в Крефельд-Геллепе [Kazanski, 1993. P. 176]. Сам по себе обряд трупосожжения (или жертвоприношения?) совершенно чужд сарматскому времени и появляется в южнорусских степях только в гуннское время [Засецкая, 1994. С. 19, 20], что, вместе с находкой зеркальца, и определяет дату новофилипповского комплекса в рамках начала гуннской эпохи.

Третье раннее захоронение, обнаруженное всё в том же регионе, это женская ингумация в грунтовой могиле в Мелитополе – Кизиярская Балка. Она найдена при работах в карьере. Спасательными раскопками выявлены лежащие цепочкой кости коня и козы, опрокинутый медный котелок, сбруйные накладки [Засецкая, 1984; Засецкая, 1994. С. 165, 166. Табл. 7]. Найдены череп со следами искусственной деформации и берцовая кость с застрявшим в ней трехлопастным наконечником стрелы. Помимо уже упоминавшегося котелка (рис. 86, *10*), из погребения происходят кольчатые биметаллические удила (рис. 86, *7*), металлические обкладки седла (рис. 86, *3,9*), бляшки полихромного стиля (рис. 86, *2*), фрагмент позднесарматского зеркала с боковым ушком (рис. 86, *4*), куски золотой фольги (рис. 86, *8*), диадема «зерненого» стиля (рис. 86, *1*). В то же время, в погребении находились уже упоминавшиеся сбруйные прямоугольные накладки, соответствующие стилистической группе Засецкая 3 (рис. 86, *5,6*). Зеркальце с боковой петлей свидетельствует, на мой взгляд, о ранней дате мелитопольского погребения. Таким образом, подтверждается мнение И. П. Засецкой о сравнительно ранней дате украшений первой стилистической группы. О том же свидетельствует и находка в женском погребении у г. Лениниск, на Нижней Волге, то есть вне изучаемого здесь региона. Здесь украшения «зерненого» стиля соседствовали в инвентаре с фрагментом китайского зеркала ханьского периода, I–III вв. [Засецкая, 1994. С. 100. Табл. 33,2,7,10]. Кстати, полихромные украшения с зернью известны не только в ранних женских, но и мужских могилах, правда тоже вне рассматриваемого здесь региона. Это погребения Брюхановский выселок на Урале и Тугозвоново в Южной Сибири [Засецкая, 1994. Табл. 45,6; Уманский, 1978. Рис. 15, 17, 18, 23], относящиеся, судя по форме пряжек, к концу IV в. [Казанский, 1994. С. 239, 240, 243; Малашев, 2000. С. 204]. В то же время, присутствие в мелитопольском комплексе накладных полихромных пластин стиля Засецкая 3, без зерни, говорит о распространении вещей этой группы уже в доаттиловское время.

Скопление раннегунских находок в бассейне р. Молочная объясняется, скорее всего, тем, что гунны закрепились в этом регионе в начальной фазе своего прорыва в понтийскую степь. В среднесарматское время на р. Молочная и в примыкающих степях концентрируется значительное кочевое

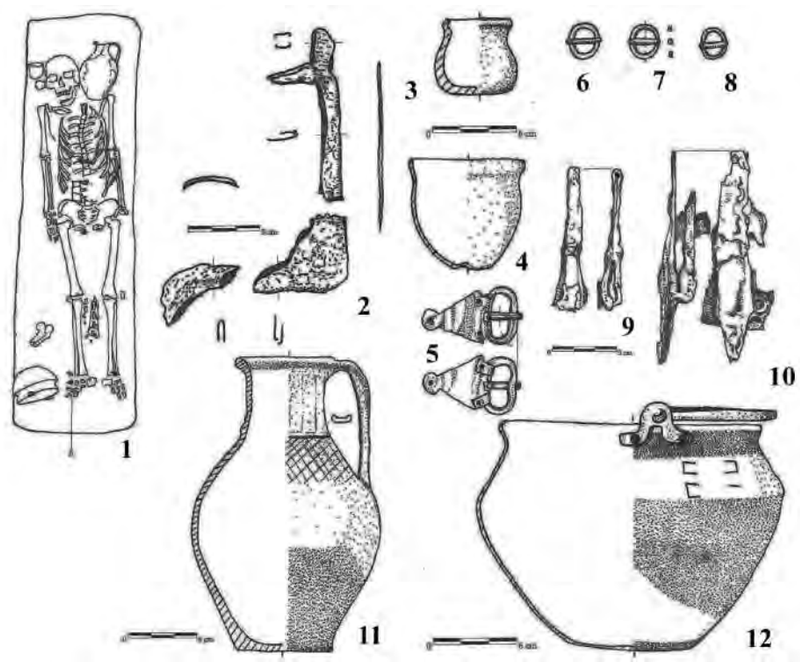


Рис. 87. Инвентарь погребения Арпаш [по: Tomka, 2001]

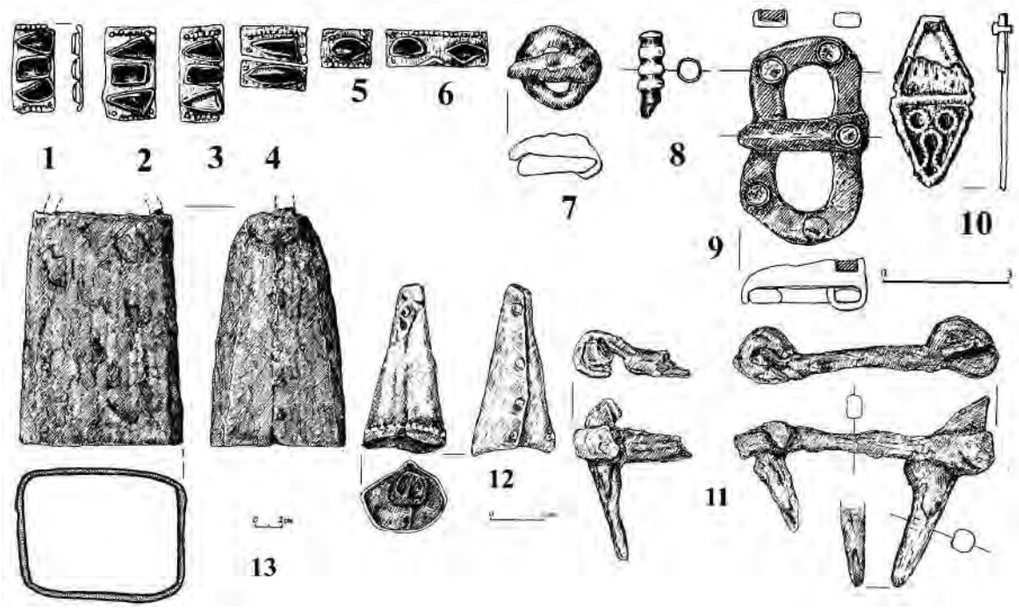


Рис. 88. Инвентарь погребения Будапешт–Цугло [по: Nagy, 2003]

население [Степи…, 1989. Карта 14. № 75, 76, 81, 86–90], но для позднесарматского времени здесь находки пока неизвестны. Впрочем, в это время северопричерноморские степи, за исключением Нижнего Дона и Буджака, вообще слабо заселены [Симоненко, 2001. Рис. 1]. Видимо, до появления гуннов этот регион контролировался готами Германариха, не допускавшими здесь большой концентрации кочевников.

Наиболее ранние находки гуннского облика на Среднем Дунае, скорее всего, связаны с появлением здесь гуннских наемников и федератов. Это ингумация Арпаш (Árpás–Dombiföld), в античном населенном пункте *Mursella* (рис. 87), к югу от современного города Györ (античная *Arrabona*), найденная около стены римского здания [Tomka, 2001]. В погребении обнаружены золотые пряжки (рис. 87, *5–8*), одна из них, с треугольным щитком (рис. 87, *5*), восходящая к римским образцам второй половины IV в. [Swoboda, 1986; Böhme, 1986. S. 485, 486; Topál, 1997. P. 539], керамическая, металлическая и стеклянная посуда (рис. 87, *3,4,11,12*), пинцет (рис. 87, *9*), а также деревянная, обложенная золотым листом зооморфная фигурка (рис. 87, *2*), типичная для гуннских погребений. Такие фигурки найдены, в частности, в Ново-Григорьевке, Беляусе и Солончанке [Засецкая, 1994. Табл. 2,1; 26,7; Любчанский, Таиров, 1999. Рис. 9]. Овальные пряжки с расширенной передней частью рамки и загнутым язычком, слабо выступающим за рамку (рис. 87, *5–9*; о них см. выше), а также полусферический стеклянный кубок (рис. 87, *4*), параллели которому известны в римских провинциальных погребениях конца IV – начала V в. [см., напр.: Tejral, 1988. Abb. 7, 3,5; Tejral, 1997. Abb. 1,21; 3,1,5; 4,5,7], позволяют отнести эту могилу к периоду D1 (360/370–400/410 гг.) или, по крайней мере, как полагает Я. Тейрал, ко времени до возникновения державы Руи–Аттилы, но ранее 420–430 гг.[3]

Ещё одно «кочевническое» погребение доаттиловского времени на Среднем Дунае было обнаружено в Будапеште (Budapest–Zugló) [Nagy, 2003]. Это трупоположение с черепом коня, в инвентаре которого находились железные удила и колокольчик-ботало (рис. 88, *11,13*), совершенно нетипичные для захоронений оседлого дунайского населения, но хорошо известные в гуннском контексте, что и определяет этнокультурную принадлежность данной могилы. В инвентаре погребения также имелись бляшки полихромного стиля Засецкая 3 (рис. 88, *1–6*), еще один металлический колокольчик (рис. 88, *12*), ромбическая тисненая бляшка (рис. 88, *10*), обломок металлического предмета (рис. 88, *8*) и две пряжки (рис. 88, *7,9*). Одна из них В-образная (рис. 8, *9*). Эта форма на Дунае восходит к позднеримским прототипам [напр.: Tejral, 1997. Abb. 1,2,6,15; 2,3,4,10,12] и продолжает существовать весь V в. [напр.: Tejral, 1997. Abb. 20,8]. Вторая, округлая с расширенным в передней части кольцом и загнутым вниз язычком, относительно недалеко выступающим за кольцо (рис. 88, *7*), типична, в первую очередь, для периодов C3 и D1 [напр.: Tejral, 1987. Abb. 5,8,10; 11,2; 15,2–4; Tejral, 1992. Abb. 7,12,15; 9,16–18,23], что и позволяет предполагать для данной могилы относительно раннюю дату.

Итак, для Восточной и Центральной Европы можно назвать пять раннегуннских комплексов, содержащих в инвентаре вещи, позволяющие отнести их к концу IV – первым десятилетиям V в., то есть ко времени ранее появления «империи» Руи–Аттилы. Они очень разнородны как по погребальному обряду, так и по составу инвентаря, что, видимо, отражает неустоявшийся характер культуры, находящейся в процессе формирования.

[3] Ранняя датировка могилы в Арпаш впервые предложена Я. Тейралом. Пользуюсь случаем поблагодарить Я. Тейрала за любезную возможность ознакомиться с рукописью коллективной монографии «Particularités de l'évolution dans l'espace danubien moyen entre l'Antiquité et le Moyen Age», подготовленной к печати под его редакцией. В этой работе, в главе «Les Huns sur le Danube moyen», Я. Тейрал относит к доаттиловскому времени также находки Вена–Зиммеринг (Wien–Simmering), Будапешт–Бесци (Budapest–Bésci 42), возможно, Чорна (Csorna) и Кестхей–Гатидомб (Keszthely–Gátidomb). Мне представляется, что из этих могил отчетливо ранние вещи представлены лишь в поребении Арпаш, что, конечно, не исключает возможности датировки доаттиловским и для других погребений, перечисленных Я. Тейралом.

Библиография

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // Советская археология. № 2. 1971. С. 96–121.
Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века. СПб., 2003.
Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. М., 2005.
Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 14–30.
Засецкая И.П. Дата мелитопольского комплекса в свете проблемы хронологии памятников гуннской эпохи // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 68–78.
Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994.
Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.
Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. Вып. IV. С. 238–256.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры: попытка археологической идентификации // Евразия, этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М., 2004. С. 166–169.
Любчанский И.Э., Таиров А.Д. Археологическое исследование комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I. Челябинск, 1999. С. 5–62.
Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 194–232.
Михайлов Б.Д. Поховання мідника гунського часу в Північному Приазов'ї // Археологія. 1977. Вип. 24. С. 74–82.
Михайлов Б.Д. Погребение гуннского времени на Каменной могиле в Северной Таврии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 109–111.
Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // Российская археология. 2001. № 4. С. 77–91.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest, 1932.
Anke B. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach, 1998.
Böhme H.-W. Das Ende der Römerherrschaft in Britanien und die angelsächsische Besiedlung Englands im 5. Jahrhundert // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 1986. 33. Jhg. S. 469–574.
Bona I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe–Ve siècles). Paris, 2000.
Demougeot E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. 2.2. De l'avènement de Dioclétien au début du VIe siècle. Paris, 1979.
Kazanski M. Les Barbares orientaux et la défense de la Gaule aux IVe–Ve siècles // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 175–186.
L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Paris, 2000.
Nagy M. Hunkori férfisír Budalpest-Zuglóból // Vándorutak – Múzeumi örökség. Budapest, 2003. P. 297–325.
Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et l'époque des Grandes Migrations. Oxford, 2006.
Swoboda R.M. Zu spätantiken Bronzeschnallen mit festem, dreieckigem Beschlag // Germania. 1986. Bd. 64. P. 91–103.
Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. 1987. S. 11–46.
Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa// Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków, 1992. S. 227–248.
Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. 1988. Bd. 72. S. 223–304.
Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997. S. 321–392.
Tejral J. Neue Erkenntnisse zur Frage der donauländisch-ostgermanischen Krieger – beziehungsweise Männergräber des 5. Jahrhunderts // Fundberichte aus Österreich. 2002. Bd. 41. S. 496–524.
Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfrage der barbarischen „gentes" im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Brno, 2007. S. 55–120.
Tomka P. Az árpási 5. századi sír // Arrabona. 2001. 39. P. 161–188.
Topál J. Ethnic components in the cemeteries along the limes of Pannonia Inferior // Roman Frontier Studies 1995. Proceeding of the XVIth International Congress of Roman Frontier Studies. Oxford, 1997. P. 538–545.
Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München, 1956.

ГУННСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В АНТИЧНЫХ СКЛЕПАХ И СВИДЕТЕЛЬСТВО АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА[1]

Погребения степных кочевников гуннского времени в античных каменных гробницах более раннего времени очень немногочисленны [Засецкая, 1994. С. 18]. На сегодняшний день они известны только в Крыму, хотя гунны занимали и другие территории, где имелись каменные погребальные сооружения античного времени, например, в римской Паннонии. Здесь будет предпринята попытка выявления истоков этого обряда.

По классификации И.П. Засецкой, гуннские захоронения в античных каменных склепах предшествующего времени попадают в группу III (бескурганные ингумации) [Засецкая, 1994. С. 16, 17]. Собственно, на сегодняшний день достоверно известны два таких погребения.

Беляус, склеп 1 (рис. 89). Одно из них найдено на могильнике у античного городища Беляус, в Северо-Западном Крыму, в 24 км к юго-востоку от пос. Черноморский (Республика Крым). Это «вторичное» захоронение в полу каменного склепа, 2,89х1,97 м, под вымосткой. Могильная яма прямоугольной формы имела размеры 1,74х0,42 м, глубиной 0,86 м. Она была перекрыта плитами, при этом на перекрытии, над ногами покойного, были обнаружены конские кости – череп, нижние части ног и одна бедренная кость, также перекрытые двумя плитами. Видимо, речь идет о захоронении конской шкуры, что типично для степных погребений гуннского времени [Засецкая, 1994. С. 17, 18]. На дне могилы был обнаружен скелет, в вытянутом положении на спине, с руками вдоль туловища, головой на север. Это мальчик 14 лет, его череп с чертами монголоидности имел признаки искусственной затылочной деформации. Под головой погребенного найдена золотая серьга-лунница полихромного стиля, на поясе – массивная серебряная поясная пряжка с гравированным декором [об изделиях с таким декором см. подробнее: Tejral, 2011. S. 174–185; Dyrda et al., 2014]. У правого колена погребенного обнаружена золотая обкладка, вероятно, от деревянной фигурки лошади или онагра, подобные тем, что неоднократно встречались в гуннских захоронениях (Новогригорьевка, Усть-Альма, Арпаш) [Засецкая, 1994. Табл. 2,1; Tejral, 2011. Abb. 116,5; Пуздровский, 2010. Рис. 12]. У левого колена лежало серебряное кольцо от пряжки, на правой голени и на левой стопе – две парные серебряные пряжки. Еще две серебряные пряжки находились в ногах. Справа от ног костяка, в юго-западном углу могильной ямы, на расстоянии 15–20 см друг от друга лежали четыре одинаковые серебряные круглые пряжки или обоймы с двумя прямоугольными петлями для продевания ремней, вероятно, от конского снаряжения. У левой стопы – железный наконечник стрелы. Вместе с круглыми пряжками находились три продолговатые серебряные пластинки от ременной гарнитуры. Здесь же найдены два маленьких серебряных гвоздика с полусферическими шляпками, большой четырехгранный колокольчик из железного и бронзового листа, вроде тех, что известны и в других гуннских могилах [см., напр.: Засецкая, 1994. Табл. 8,6; Bóna, 2002. Fig. 60,1], а также железная, очевидно подпружная, пряжка и железные удила [Засецкая, 1994. С. 178–180. Табл. 26,6–19; 27; Дашевская, 2014. С. 76, 77]. Отметим, что на том же памятнике найдены еще два погребения гуннского времени [Дашевская, 2014. С. 89–91. Табл. 159–160].

Марфовка (рис. 90). Второе погребение обнаружено около Керчи (Ленинский район Республики Крым). Плитовая гробница античного времени, 2,0х1,15х1,42 м, находилась под курганом, 1,0х12,8 м. Погребение было разрушено в ходе «раскопок», произведенных местными жителями. Ингумация гуннского времени находилась на дне гробницы, погребенный был положен головой на запад. За головой покойника была обнаружена диадема полихромного стиля, стеклянный кубок с синими каплями, в ногах находилась золотая пряжка, металлическое зеркало, в выбросе найдены два золотых колта полихромного стиля. Часть вещей была передана в Керченский археологический музей жителями – это золотые пластины, в т.ч. полихромного стиля, еще одна золотая пряжка, «кулоны» – окончания гривны [Засецкая, 1994. С. 177. Табл. 24; 2001. С. 41; Застрожнова, Шаров, 2017]. Набор украшений полихромного стиля с зернью, стиля Засецкая 1 [см. подробнее: Засецкая, 1982. С. 16] – диадема, колты, гривна – характерны для восточной, условно «акацирской», зоны степных памятников гуннского времени [Казанский, Мастыкова, 2009. С. 120, 121, там же библиография вопроса].

Не исключено, что обычай использования гуннами для захоронений каменных сооружений предшествующего времени имеет восточные азиатские

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Гуннские погребения в античных склепах и свидетельство Аммиана Марцелина // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное / ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь, 2022. С. 129–135.

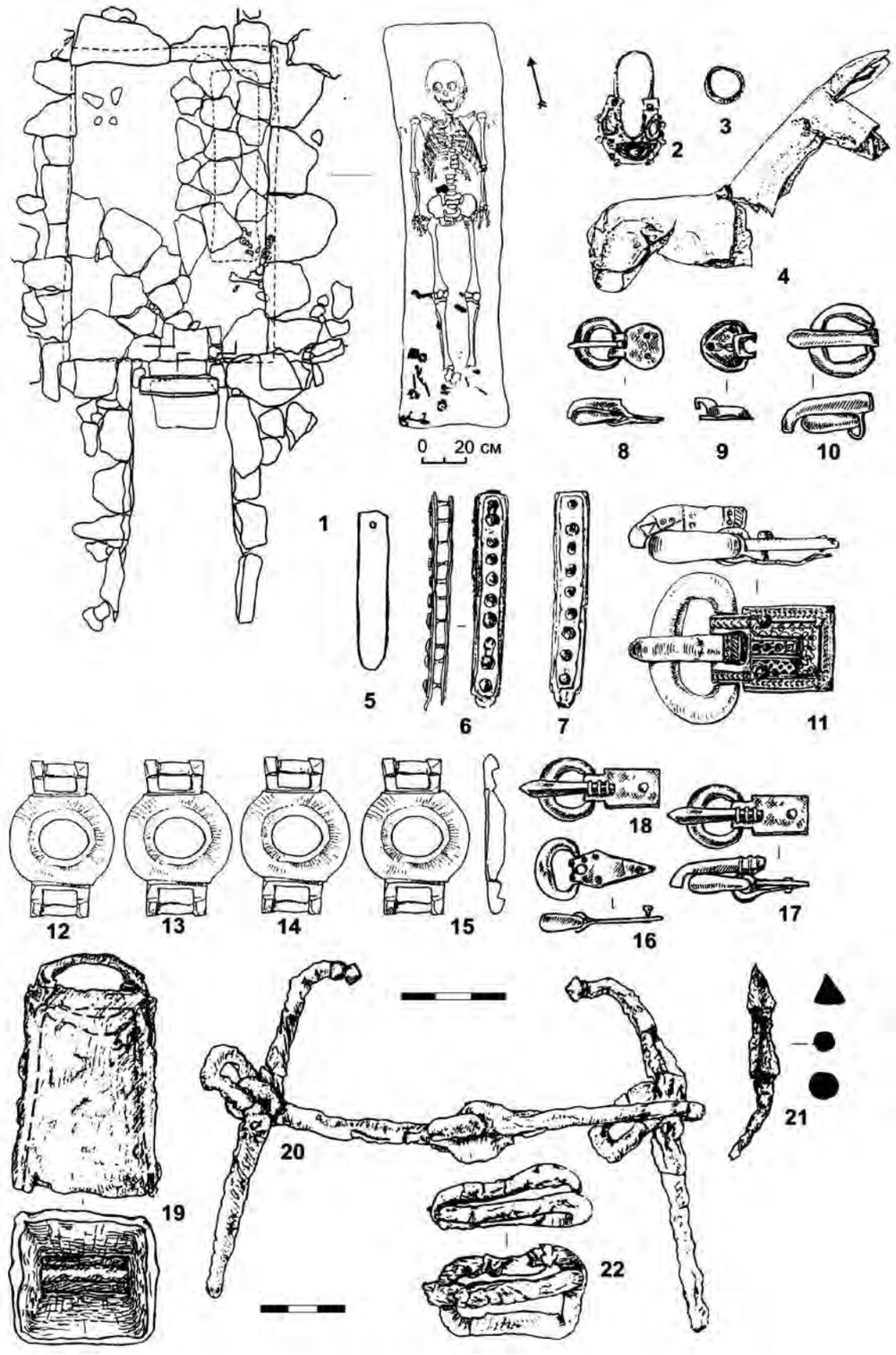


Рис. 89. Гуннское погребение в Беляусе [по: Дашевская, 2014. Табл. 159, 160]

истоки. Действительно, практика использовать более древние сооружения под погребения засвидетельствована у кочевников Средней Азии в IV в., например, в Ак-Тобе 2 [Максимова и др., 1968. С. 71–79] и Кзыл-Кайнар-Тобе [Мерщиев, 1970]. Кроме того, на Мангышлаке для гуннского времени зафиксированы ритуальные «клады», захороненные в каменных сооружениях – оградках прямоугольной формы [Астафьев, Богданов, 2018].

Представляется однако, что возможны и иные истоки обряда погребения в каменных гробницах предшествующего времени. Нами уже было высказано предположение, что такие захоронения могли иметь ту же ритуальную нагрузку, что и захоронения степных кочевников в пещерах и гротах [Казанский, Мастыкова, 2009. С. 119]. В самом деле, в обоих случаях использовалось некое углубление с каменными стенками. Такие погребения в пещерах для гуннского времени единичны, они представлены на Южном Урале и в Северном Приазовье.

Кызыл-Адыр (на границе Беляевского и Кувандыкского районов Оренбургской области). При обследовании пещеры здесь было обнаружено в полу темное пятно от могилы вытянутой формы размером 3,20х1,40 м, ориентированное по линии СЗ–ЮВ. На правом краю ямы были найдены бронзовый котел, фрагмент двулезвийного клинкового оружия (вероятно, меча) и обломок трубчатой кости. На площадке между входом в пещеру и южным краем могильного пятна было обнаружено скопление предметов, выброшенных из могилы: костяные обкладки от сложносоставного лука, два обломка от найденного ранее меча, железные наконечники стрел (14 экз.), серебряные наконечники на бронзовой основе, серебряные гвоздики, золотая бляшка полихромного стиля, свинцовый подковообразный предмет и железный крючок. Все вещи лежали на тонком слое темной земли. В могильном пятне на глубине 25–30 см выявлены отдельные кости человеческого скелета – позвонки, ребра, трубчатые кости. Дальнейшая работа по выборке могилы была остановлена из-за грунтовых вод и температурных условий. Кроме костей человеческого скелета в могиле найдены железные удила, железная пряжка и железный стержень с петлей на одном конце. Обнаруженный в погребении котел [см. обзоры: Bóna, 2002. P. 90–95; Koch, 2007; Tejral, 2011. S. 346–351] позволяет отнести эту находку к началу гуннского времени [Засецкая, 1994. С. 187, 188. Табл. 36–39].

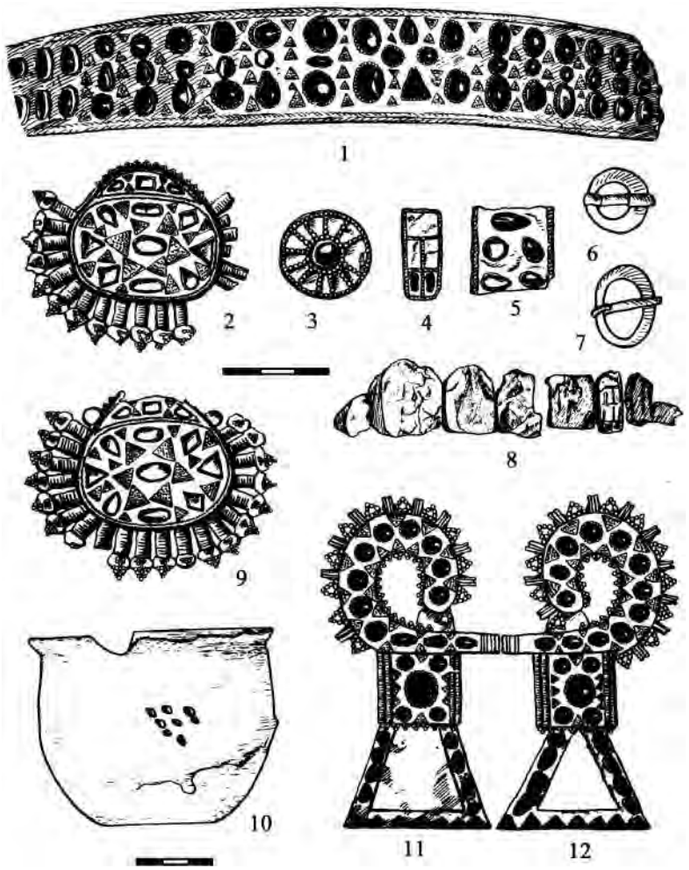


Рис. 90. Гуннское погребение в Марфовке [по: Засекая, 1994. Табл. 24]

Каменная Могила (Мелитопольский район Запорожской обл.). В т.н. пещере Колдуна была обнаружена ингумация, впрочем, скелет не сохранился, он был разрушен окислением. Погребение располагалось по оси СЗ–ЮВ, оно было совершено в деревянном гробу. В захоронении найдены две железные пряжки, они находились в центральной части гробовища. С северо-западной стороны гроба находилась ниша, закрытая куском песчаниковой конкреции с зооморфными изображениями, в ней стояли краснолаковый глиняный кувшин и стеклянный кубок на кольцевом поддоне. Горло кувшина закрыто плоским куском песчаниковой конкреции с изображением [Михайлов, 1993]. По сопровождающему инвентарю погребение может быть причислено к ранним для гуннского времени и датировано периодом D1 по хронологии европейского Барбарикума (360/370–400/410 гг.) [подробнее: Казанский, 2010. С. 120].

Показательно, что и «склеповые», и пещерные захоронения степняков гуннского времени соотносятся всё с той же условной «акацирской» зоной, к востоку от Днепра [Казанский, Мастыкова, 2009. С. 119], при том, что, как уже говорилось, античные каменные гробницы, да и пещеры, существуют и к западу от Днепра, в первую очередь, в Карпато-Дунайском бассейне, где, как известно, был центр империи Аттилы.

Можно предполагать, что эти погребения в той или иной мере связаны с погребальными традициями, в первую очередь, восточных гуннских племен, таких как акациры [о них см.: Казанский, Мастыкова, 2009]. В свете сказанного может быть понятной и информация Аммиана Марцеллина о том, что гунны испытывают явную антипатию к каменным сооружениям: «Никогда они не укрываются в какие бы то и было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей» [Аммиан Марцеллин, Римская история, XXXI,2.4].

Библиография

Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae) / Пер. с латинского Ю.А. Кулаковского, А.И. Сони. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // Stratum plus. 2018. № 4. С. 347–368.

Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 284 с.

Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред. А.К. Амброз, И. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 14–30.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.

Засецкая И.П. Золотые украшения костюма знатных женщин гуннской эпохи (конец IV - V вв. н.э.) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Том 1 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский историко-краеведческий музей, 2001. С. 32–56.

Застрожнова Е.Г., Шаров О.В. «Марфовский клад» 1925 года: публикация архивных материалов // Stratum plus. 2017. № 4. С. 395–410.

Казанский М.М. Ранние погребения гуннов в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2 / Отв. ред. А. М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 119–127.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / Отв. ред. А. Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.

Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг В.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1968. 264 с.

Мерщиев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-Тобе I–IV вв. и погребение на нем воина IV–V вв. // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 79–92.

Михайлов Б.Д. Погребение гуннского времени на Каменной могиле в Северной Таврии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 109–111.

Пуздровский А.Е. Воинское погребение гуннской эпохи из Усть-Альминского некрополя // Археологический альманах. 2010. № 22. С. 285–310.

Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles. Paris: Errance, 2002. 240 p.

Dyrda K., Kontny B., Mączyńska M. Niezwykłe odkrycie grobu wojownika z wczesnego okresu wędrówek ludów w Juszkowie, gm. Pruszcz Gdański // Honoratissimum assensus genus est armis laudare / Red. R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Instytut Archeologii, 2014. S. 111–134.

Koch A. Hunnische Kessel // Attila und die Hunnen / Hrsg. A. Koch, B. Anke. Speyer: Historisches Museum der Pfalz Speyer, 2007. S. 287–291.

Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011. 466 S.

ДВА ПОГРЕБЕНИЯ АТТИЛЫ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ[1]

В «Getica» Иордана содержатся два эпизода, рассказывающих о погребальном обряде гуннов, связанных с захоронением их вождя Аттилы. В первый раз, на Каталаунских полях, а 451 г., когда в тяжелый момент боя Аттила собрался было покончить с собой, погребение не состоялось, поскольку необходимость в этом мероприятии отпала, хотя и были предприняты предварительные действия. Во второй раз, в 453 г., когда Аттила скончался во время очередной свадьбы, похороны имели место. Вполне вероятно, что эти эпизоды из жизни гуннского вождя взяты Иорданом или его предшественниками (Приск, Кассиодор, Аблабий) из разных источников, скорее всего, эпических, и, возможно, отражают две разные устные традиции – поле для гадательных предположений и спекуляций здесь необычайно широкое. В довершение всего, во

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Два погребения Аттилы: археологические реалии // Stratum plus. 2022. № 4. С. 275–286.

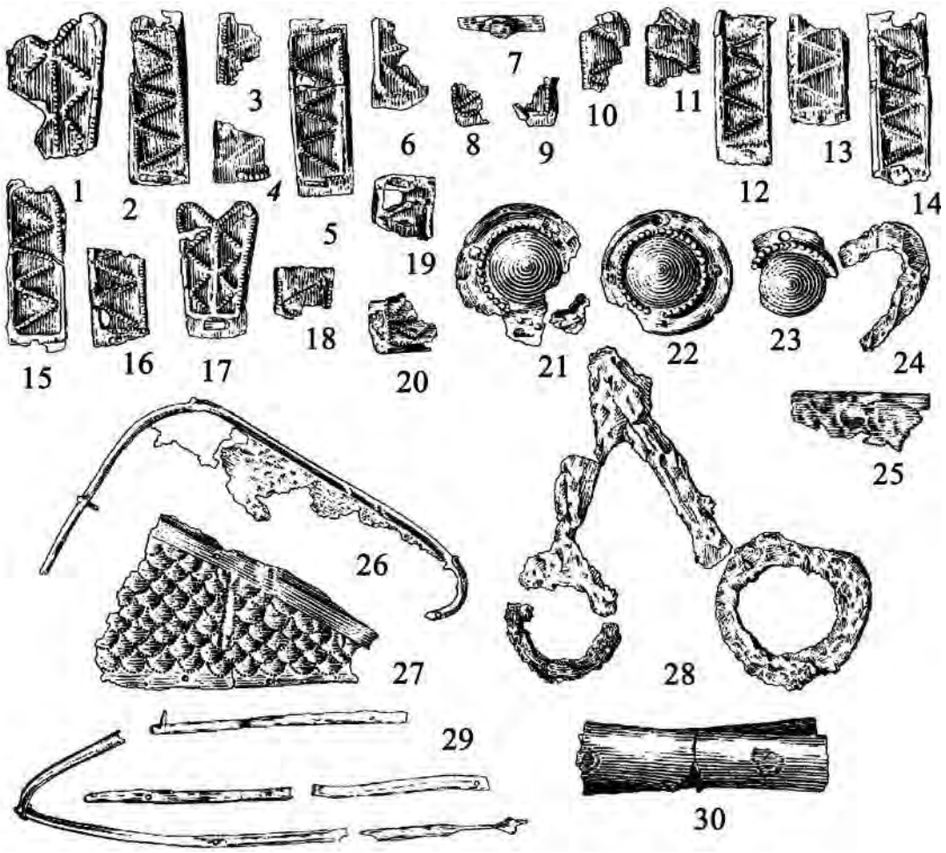


Рис. 91. Находки из погребения Левице / Лева [по: Tejral, 2011. Abb. 263]

втором эпизоде, как мы увидим далее, не исключен славяноязычный информатор, употребивший термин – *strava*. Здесь я попытаюсь сопоставить сведения Иордана и археологические данные о погребальном обряде степных кочевников гуннского времени и, таким образом, определить степень их достоверности.

Кремация Аттилы

В первом эпизоде, произошедшем во время сражения на Каталаунских полях в 451 г. против объединенной римско-германской армии Аэция, совершенно однозначно описываются приготовления к кремации Аттилы: «…он соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался, чтобы никто не возрадовался его ранению и чтобы господин столь многих битв не попал во власть врагов» [Иордан, *Getica*, 213].

Собственно, в данном эпизоде, помимо самого факта кремации, отчетливо выступают лишь две детали обряда – сооружение костра из седел и добровольный характер ухода из жизни – самоубийство, а может быть и самопожертвование. К последнему обстоятельству мы еще вернемся, что же касается сёдел, как горючего материала, то такая возможность представляется вполне реальной. Действительно, наличие жесткого седла у гуннов, видимо, с деревянными элементами, засвидетельствовано находками в погребальном контексте степных могил довольно многочисленных металлических пластин-накладок (например рис. 91, *26, 27*; табл. 12; 14, *1*), которые затруднительно надежно закрепить на мягком седле [Засецкая, 1994. С. 13–16; Bóna, 2002. P. 126–129; Mráv, Mozgai, Bárány, 2021]. Не исключено и использование дерева для их изготовления – по крайней мере, деревянные сёдла археологически засвидетельствованы для несколько более поздних раннесредневековых древностей, например, у северокавказских алан в могильниках VIII–IX вв. Галиат (табл. 14, *2*) или Сегомиал [Габуев, 2005. № 114, 124], а также у кочевников Южной Сибири и Центральной Азии VII–IX вв. [напр.: Вайнштейн, 1966. Табл. X–XI; Могильников, 1981. С. 37. Рис. 20,51]. На основании этих параллелей, а также с учетом находок пластинчатых накладок жесткого седла в восточноевропейском контексте V–VI вв., и предлагается реконструкция деревянной основы седла гуннского времени из воинского погребения Мундольсхейм (Mundolsheim) в Эльзасе (табл. 14, *1*) [Kazanski, 1990a. Fig. sur la p. 53; Schiltz, 1995. № 152; о погребении в Мундольсхейме см.: Kazanski, 1990b; Kazanski, Akhmedov, 2007].

Сам обряд кремации достаточно типичен для кочевников гуннского времени, он появляется в восточноевропейских степях как раз с приходом гуннов [Засецкая, 1994. С. 13–16]. К числу особенно показательных относятся грунтовые захоронения под каменными кладками № 8 и 9 могильника Новогригорьевка в степном Приднепровье, Нижняя Добринка и курганное захоронение 42 Зеельман-Ровное в степном Поволжье [Засецкая, 1994. С. 162–165, 181, 183], а также грунтовое захоронение между курганами Ново-Филипповка, в Северном Приазовье [Михайлов, 1977]. При этом, погребения по обряду кремации неизвестны в Карпатской котловине, то есть там, где располагалась ставка Аттилы, что, возможно, связано с состоянием исследований [Казанский, Мастыкова, 2009а. С. 118]. Здесь хорошо представлены так называемые поминальники гуннского времени, связанные с какими-то ритуальными действиями. Это находки в Сегед-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós), Паннонхалме (Pannonhalma), Печьюцоге (Pecsüszög), Дебрецене (Debrecen). Они содержат большое количество предметов гуннского времени, следов захоронений или следов действия огня там, вроде бы, не замечено [Anke, 1998. P. 101, 102, 125, 126; Bóna, 2002. P. 202, 215; Tejral, 2011. P. 330–332. Abb. 257, 258, 266–268; Wieszner, Gyöngyvér Nagy, 2021]. Но к востоку от Карпат подобный «поминальник» есть в Приднепровье, в Макартете, где зафиксированы обожженные предметы и кости животных (рис. 92) [Комар, 2013]. Кострища обнаружены и в некоторых поволжских курганах, предположительно относимых к гуннскому времени (нет датирующих вещей), причем следов захоронений там не отмечено, скорее всего, речь идет об остатках поминальной тризны или кенотафах-поминальниках [Засецкая, 1994. С. 13, 14]. На основании восточноевропейских находок можно предполагать, что некие действия с огнем могли совершаться и в контексте обрядов, связанных с венгерскими находками. В общем, на фоне гуннских погребений с трупосожжениями и «поминальников» несостоявшаяся кремация Аттилы не выглядит чем-то необычным.

Напрашивается вопрос, зачем Аттила затеял самоубийство, да еще в критический момент генерального сражения с объединенными римско-германскими силами Западной Римской империи? Судя по тому, что мы о нем знаем, человек он был не слабонервный и не из пугливых, поэтому вряд ли предводитель гуннов мог вдруг поддаться панике даже в очень сложной ситуации. Помимо естественного желания не попасть в плен к врагу, в его несостоявшемся самоубийстве с последующим сожжением, возможно, был и сакральный элемент. Действительно, с харизматическими правителями и кланами, их удачами и неудачами напрямую связывалось в сознании варваров благополучие страны и народа. В архаических протогосударственных социумах вождь / монарх существует исключительно для блага своих подданных; его жизнь ценна только до тех пор, пока он выполняет функции, которые связаны с его положением, что обеспечивает процветание подвластных ему людей. Все неудачи и несчастья в этой системе взглядов напрямую связаны с потерей властителем его способности влиять на благо своего народа [Frazer, 1981. P. 231, 489, 490; Scubla, 2003, там же библиография]. Принесение в жертву харизматического вождя в критических ситуациях, подчас с его согласия и даже по его инициативе, достаточно хорошо известно у архаических социумов Европы. Когда же вождь явной склонности к самопожертвованию не проявлял, как, например, фракийский царь Ликург[2] или же конунг Домальди из свейской династии Инглингов[3], то соответствующее решение принимали подданные. К сожалению, мы не знаем, существовала ли подобная практика у степных народов. Впрочем, рассказанный Геродотом последний междоусобный бой киммерийских вождей перед лицом скифского нашествия очень напоминает коллективное жертвоприношение сакральных персон [Геродот, *История*. IV.11; цит. по: Доватур, *Каллистов, Шишова*, 1982. С. 105].

Ингумация Аттилы

Описание второго, на этот раз состоявшегося погребения Аттилы, после его смерти во время брачной ночи в 453 г.[4], изобилует деталями и, несмотря на явно приукрашенный / гиперболизированный характер, достаточно точно свидетельствует о погребении покойного по обряду ингумации: «…Тогда, следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин,

[2] Разгневавшего богов царя подданные отнесли на гору Пангей и оставили его там на растерзание диким коням [Аполлодор, III,5,1].

[3] «Домальди наследовал отцу своему Висбуру и правил страной. В его дни в Швеции были неурожаи и голод. Шведы совершали большие жертвоприношения в Уппсале. В первую осень они приносили в жертву быков. Но голод не уменьшился. На вторую осень они стали приносить человеческие жертвы. Но голод был все такой же, если не хуже. На третью осень много шведов собралось в Уппсалу, где должно было происходить жертвоприношение. Вожди их стали совещаться и порешили, что в неурожае виноват Домальди и что надо принести его в жертву – напасть на него, убить и обагрить алтарь его кровью. Это и было сделано. Тьодольв говорит так: В давние дни / Княжьей кровью / Воины поле / Окропили, / Рдяную сталь / От остылого тела / Ворога ютов / Несло войско, / Когда закланью / Домальди предал / Свейский род / Урожая ради» [Снорри Стурулсон, Сага об Инглингах, XV].

[4] Существуют две версии смерти Аттилы. По одной, которую излагает Иордан (как считается, вслед за Приском), он умер от носового кровотечения (эпистаксис), по второй, согласно Марцеллину Комиту, автору VI в., Аттила был зарезан своей новой женой [см. подробнее: Escher, 2020. P. 244, 245].

но кровью мужей. В связи с этим произошло такое чудо: Маркиану, императору Востока, обеспокоенному столь свирепым врагом, предстало во сне божество и показало – как раз в ту самую ночь – сломанный лук Аттилы, именно потому, что племя это много употребляет такое оружие. Историк Приск говорит, что может подтвердить это [явление божества] истинным свидетельством. Настолько страшен был Аттила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара царствующим. Не преминем сказать – хоть немногое из многого – о том, чем племя почтило его останки. Среди степей в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги: «Великий король гуннов Аттила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и, – дабы не было отдано и остальное на разграбление, – умилостивленный молениями, принял ежегодную дань. И со счастливым

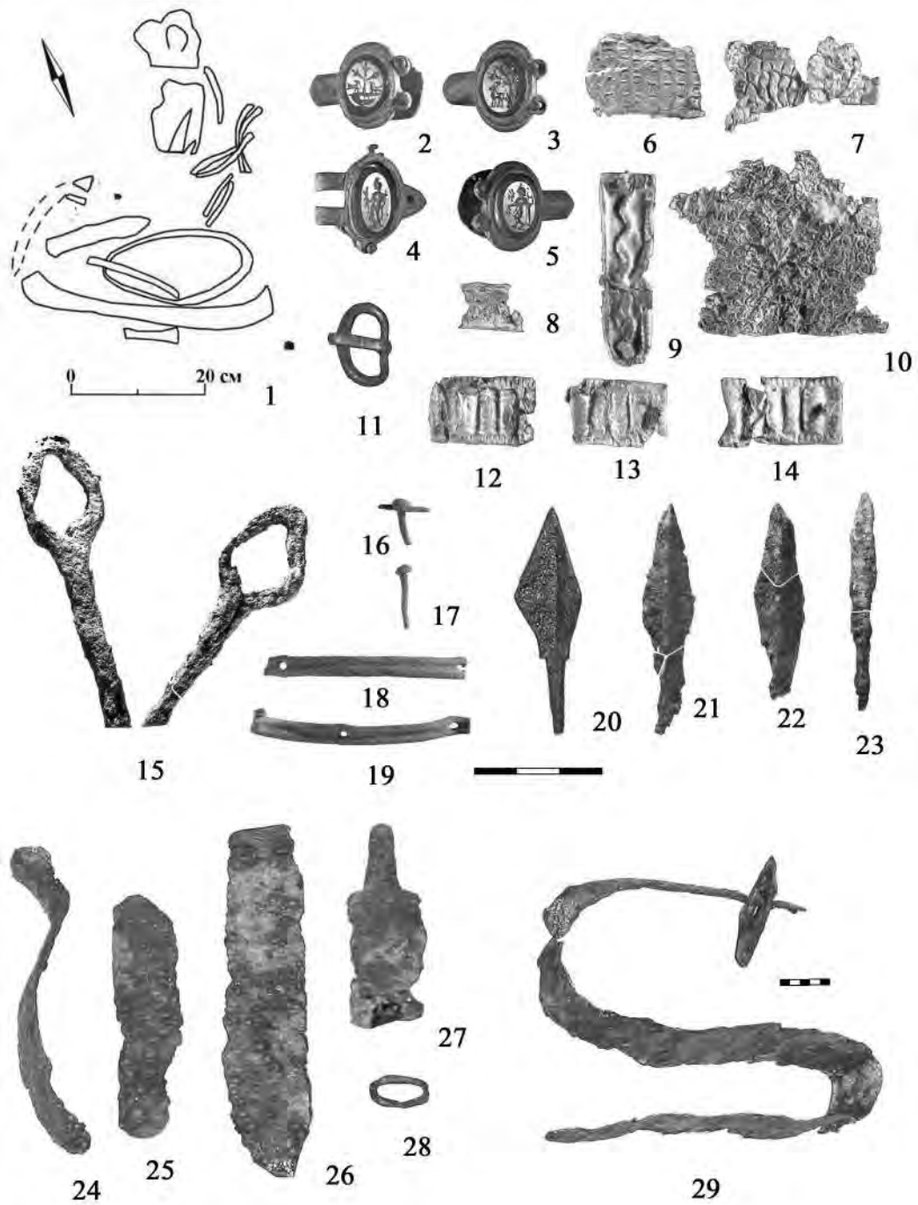


Рис. 92. Находки из «поминальника» Макартет [по Комар 2013: рис. 2,4,5,6,7]

Рис. 93. Сцена нанесения себе ритуальных увечий во время похорон. Кизил (Синьцзян), грот 244, V–VI вв. [по: Lebedynsky, 2018. Fig. 4]

исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?». После того, как был он оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане (*tumulus*) «страву» (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством. Сочетая противоположные [чувства], выражают они похоронную скорбь, смешанную с ликованием. Ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в [три] гроба (оболочки, покрова) (*copercula*) – первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они, почему все это подобает могущественнейшему королю: железо – потому что он покорил племена, золото и серебро – потому что он принял орнат обеих империй[5]. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения, каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно, таким образом, вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного» [Иордан, *Getica*, 255–258].

Аттила умер в своей ставке (согласно Кассиодору – Cas. Chron., a. 453. *Attila in sedibus suis moritur* [Скржинская, 2001. Сн. 627]), то есть где-то в степях на территории современной Восточной Венгрии, где, судя по известному рассказу Приска, находилась столица властителя гуннов. Принято считать, что описание похорон Аттилы заимствовано Иорданом из несохранившихся текстов Приска [см., напр.: Скржинская, 2001. Сн. 626; Гиндин, Шелов-Коведяев, 1994. С. 162; Bóna, 2002. P. 73], поскольку именно он назван Иорданом как источник информации о смерти Аттилы [Иордан, *Getica*, 254] и о видении Маркиана (см. выше). Однако Иордан нигде прямо не говорит, что и описание похорон Аттилы он тоже заимствовал у Приска.

На мой взгляд, вряд ли в текст Приска в V в. мог попасть, скорее всего, славянский по происхождению темин – *strava*, поскольку в это время никаких следов пребывания славян в балкано-дунайском регионе нет, и поэтому Приск получить информацию от них не мог. Все попытки вывести это слово из неславянских языков, например, из восточногерманских[6] или тюркских, остаются не убедительными, поскольку точное соответствие ему имеется только в славянских языках, где в ряде случаев сохранилось и его смысловое значение (тризна, поминки) [подробнее: Скржинская, 2001. С. 333, 334. Сн. 629; Гиндин, Шелов-Коведяев, 1994. С. 163–167; Менхен-Хельфен, 2014. С. 409, 410, в этих же работах подробная библиография]. Вряд ли гунны переняли у славян обычай или само слово, поскольку в карпатском бассейне славян в V в., как неоднократно отмечалось исследователями, не было. Впрочем, контакт мог произойти восточнее, на территории современной Украины. О гунно-славянских связях могут свидетельствовать некоторые сведения Прокопия Кесарийского, но они относятся к VI в. [подробнее см.: Гиндин, Шелов-Коведяев, 1994. С. 16; Казанский, 2009. С. 460]. Есть легенда, рассказанная Иорданом о войне гуннов Баламбера с остроготами Винитария, когда гунны вступились за антов [Иордан, *Getica*, 246–248]. По контексту повествования она должна отражать события конца IV в., однако сюжет явно заимствован из готских эпических песен, которые вряд ли точно передают исторические факты гуннской эпохи. Для гуннского времени можно отметить лишь некоторые заимствования степного

[5] Наличие золотого гроба в народном сознании часто является непременным атрибутом могил великих людей. Автору этих строк сообщали точное место (даже рисовали глазомерный план) погребений князя Рюрика (в Новгородской области), а также царицы Тамары (в Абхазии), разумеется в обоих случаях в золотом гробу.

[6] Так или иначе все предложенные готские этимологии этого слова связаны с погребальным костром, хотя у Иордана четко описана ингумация.

оружия (трехлопастных стрел и луков с костяными накладками) у славян [подробнее см.: Казанский, Мастыкова, 2009б. С. 230–231; Казанский, 2019. С. 257]. Впрочем гунно-славянские языковые связи требуют отдельного изучения, и этим вопросом должны заниматься лингвисты, а не историки и археологи. В целом, мне представляется, что Иордан использовал какой-то более поздний, скорее всего, связанный с устной эпической традицией источник своего времени, т.е. VI в., когда в балкано-дунайском регионе не было недостатка в славяноязычных информаторах.

Уже давно отмечено сходство данного описания с рассказом Менандра о похоронах тюркского хана Дилзивула, отца Турксанфа в 576 г. [Менандр, фр. 45; цит. по: Византийские историки, 2003. С. 301]. В тюркском эпизоде византийский посланник Валентин в знак скорби режет лицо ножом, как и гунны на похоронах Аттилы, приносятся в жертву военнопленные и их кони, устанавливается погребальный шатер, устраиваются конские ристания [Скржинская, 2001. Сн. 624; Ecsedy, 1984. P. 264, 265; Bóna, 2002. P. 73]. Обычай нанесения себе ран на лице в знак скорби зафиксирован и у некоторых других степных народов, например, у эфталитов или гуннов Северного Дагестана в VII в., а также у оседлых народов, например, у населения Синьцзяна в V–VI вв., как об этом свидетельствуют некоторые фрески Кизила (рис. 93) [подробнее: Lebedynsky, 2018. P. 154, 155. Fig. 4]. Что же до конских ристаний на могиле вождя, то они засвидетельствованы и для гуннов степного Дагестана [Kazanski, Mastykova, 2003. P. 164; Lebedynsky, 2018. P. 154]. По описанию Мовсэса Каланкатуаци (VIII в.), выглядело это так: «Трубили [в трубы] и били в барабаны над трупами, ножом или палашом делали кровоточащие надрезы на своих щеках, на руках и на ногах. То было адское зрелище, когда совершенно нагие мужчины – муж за мужем, отряд за отрядом – бились мечами на ристалище у могил. Многочисленные толпы людей состязались друг с другом, а после предавались разврату и скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону. Кто плакал и рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему. Они забавлялись, резвились, пускались в пляски и предавались скверным поступкам, погружались в мрачную мерзость ибо были лишены света Творца» [Мовсэс Каланкатуаци, История страны Алаунк. Кн. II.40].

С одной стороны, такие совпадения свидетельствуют о достоверности описания погребения вождя у кочевников, с другой – вызывают подозрения в справедливости соотнесения рассказа Иордана, точнее – его информатора, именно с эпохой Аттилы. Вызывает вопросы и очевидное противоречие у Иордана – с одной стороны, на могиле Аттилы насыпают большой курган и устраивают многолюдные похоронные акции, а с другой – совершают тайное захоронение, чтобы никто не узнал, где же покоится Аттила. Иордан ясно говорит, что тело Аттилы предавали земле тайно ночью и убили могильщиков, чтобы скрыть место могилы (см. выше). Подобные предосторожности были бы бессмысленны, если бы захоронение произошло в том же самом кургане, где справлялись многолюдные поминки. Похоже, что курган Аттилы, упоминаемый Иорданом, служил местом лишь поминок (вспомним поволжские курганы с кострищами без следов погребения). Кстати, в тексте Иордана, как и в других латинских текстах раннего средневековья, *tumulus* может означать не только курган, но и вообще могильное сооружение, например, надгробный камень или мавзолей[7]. Подобные сооружения хорошо известны у кочевников Азии, хотя и не зафиксированы у гуннов в Европе.

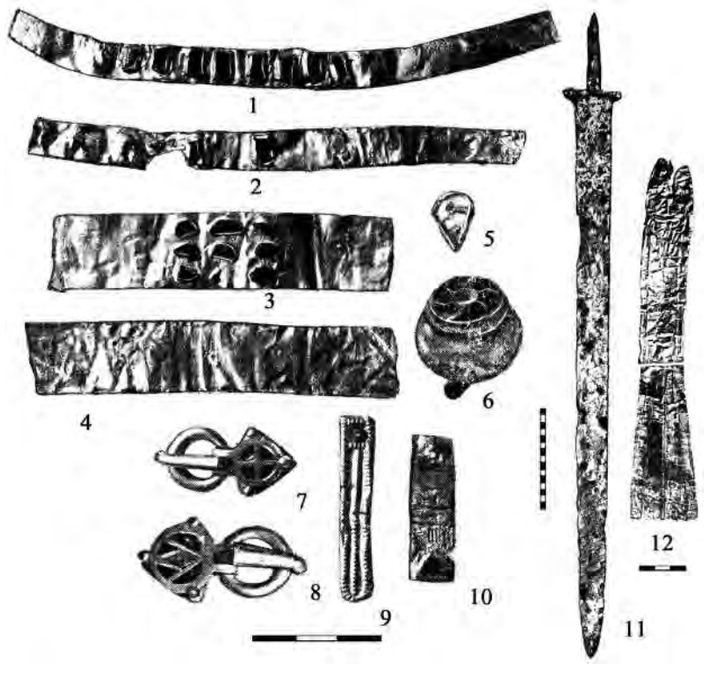


Рис. 94. Находки из погребения Батасек [по: Ковриг, 1982. Рис. 2–4]

Но как бы там ни было, ингумации хорошо известны у кочевников гуннского времени [Засецкая, 1994. С. 16–19]. При этом, надо все же отметить, что в Карпатской котловине, а также к северу от Карпат курганные погребения гуннов пока неизвестны, зато хорошо представлены грунтовые ингумации. Это, например, мужские, в том числе и с богатым «вождеским» инвентарем (оружие и конское снаряжение, упомянутые в рассказе Иордана), а также женские погребения: Левице/Лева (Levice/Léva) (рис. 91), Юллё (Üllő), Страже (Straźe), Артанд (Ártánd), Арпаш (Árpás-Dombiföld), Батасек (Bataszék) (рис. 94), Будапешт-Цугло (Budapest-Zugló), Чорна (Csorna), Дьёндьёшапати (Gyöngösapáti), Кестхей (Keszthely-Gátni Domb), Сексард (Szekszárd), Вена-Зиммеринг (Wien-Simmering), Ендржиховице (Jędrzychowice / Hochricht), может быть, в Дрславице (Drslavice) и Якушовице (Jakuszowice) [Anke, 1998. Teil 2. S. 8, 12 , 21, 29, 34, 45, 54, 55, 62, 78, 79, 123, 152; Tejral, 2011. P. 136, 137, 154–159, 332–338, 406, 407, 410–413, 415–417. Abb. 94, 96, 112, 115–117, 166, 259–263]. Стоит вспомнить и ингумации на Нижнем Дунае: Бэлтени (Bălteni), Бухэни (Buháieni), Дульчанка (Dulceanca), Геразени (Gheraseni) [Harhoiu, 1998. P. 161, 168, 173, 174, 176. Taf. XXXIX,2, LXXVI,E, LXXVII,B,D; Anke, 1998. Teil 2. S. 10, 22, 35, 42, 43]. Грунтовые ингумации кочевников гуннского времени есть и восточнее Карпат [Засецкая, 1994. С. 16, 17; Казанский, Мастыкова, 2009а. С. 115, 116].

В то же время, в Восточной Европе есть и подкурганные ингумации гуннского времени. Впрочем, на территории к западу от Днепра это пока только погребения алано-сарматского облика, такие как Кубей, курганы 1 и 8, Старая Сарата, курган 1, погр. 7 [Гросу, 1990. С. 93, 94; Засецкая, 1994. С. 192–194; Дзиговский, 2003. С. 191, 192. Рис. 45; Kazanski, 2009. P. 164]. Они, скорее всего, принадлежат так называемым европейским аланам, о которых говорит Аммиан Марцеллин [Аммиан Марцеллин, Римская история, XXII,42]. Все остальные ингумации в курганах у кочевников гуннского времени локализуются только к востоку от Днепра, в «восточной» группе гуннских памятников, которую нами предложено условно называть «акацирской» [Казанский, Мастыкова, 2009а. P. 119], по имени народа, обитавшего в эпоху Аттилы, согласно Приску, в «понтийской Скифии» [Приск, фр. 8][8].

* * *

Итак, оба описания погребения Аттилы, несостоявшееся сожжение на Каталаунских полях в 451 г. и ингумация в его ставке в 453 г., вполне соответствуют археологическим реалиям гуннского времени, хотя, естественно, рассказы Иордана изобилуют красочными деталями, неуловимыми в археологическом контексте. Чем же вызвана явная разница в этих двух обрядах, когда в первом случае речь явно идет о кремации, а во втором – о трупоположении? Поскольку речь идет об одном и том же человеке и его окружении, эта разница в данном случае не может объясняться социальными или культурными различиями внутри кочевнических социумов. Возможно, у гуннов в данном случае обряд должен был отражать обстоятельства смерти? Могли иметь место чисто практические соображения – если Аттилу похоронить по обряду ингумации на чужой территории, да вдобавок ввиду вражеской армии, то осквернение могилы врагами неизбежно, остатки же кремации можно сравнительно легко увезти с собой на родину покойного. Или все-таки в первом случае мы имеем дело не столько с погребением, сколько с ритуальным самопожертвованием харизматического вождя, а во втором – с респектабельными и наверняка жестко регламентированными похоронами могущественного владетеля?

[7] Пользуюсь случаем поблагодарить профессора Алена Диркенса (Брюссельский Свободный университет) за это любезное указание.

[8] Привлекают внимание и ингумации в гротах и каменных склепах, такие как Каменная Могила в Приазовье, Кызыл Адыр на Южном Урале [Засецкая, 1994. С. 185, 188], Беляус, погр. 1 в Северном Крыму [Засецкая, 1994. С. 178–180] или Марфовка в Восточном Крыму [Засецкая, 1994. С. 177; Застрожнова, Шаров, 2017]. В связи с этим вспомним замечание Аммиана Марцеллина о гуннах, которые «никогда не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей» [Аммиан Марцеллин, Римская история, XXXI.2.4].

Библиография

Аммиан Марцелллин. Римская история / Пер. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.

Аполлодор. Мифологическая библиотека / пер. В.Г. Боруховича. Сайт «История Древнего Рима». URL: http://ancientrome.ru/antlitr/apollodor/index.htm.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции II. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика / отв. ред. Л.П. Потапов. М., Л.: Наука, 1966. С. 292–347.

Византийские историки. Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандил, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. С. Дестуниса. Рязань: Александрия, 2003. 432 с.

Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2005. 76 с.

Гиндин Л.А., Шелов-Коведяев Ф.В. Strava // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.) / сост. Л. А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Восточная литература РАН, 1994. С. 161–169.

Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишнев: Штиинца, 1990. 204 с.

Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса: Гермес, 2003. 240 с.

Доватур А.И., Каплистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 456 с.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс, 1994. 223 с.

Застрожнова Е.Г., Шаров О.В. «Марфовский клад» 1925 года: публикация архивных материалов // Stratum plus. 2017. № 4. С. 395–410.
Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Текст, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 512 с.
Казанский М.М. О раннеславянской коннице // Stratum plus. 2009. № 5. С. 457–471.
Казанский М.М. Степные традиции в славянском вооружении и конском снаряжении // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 254. С. 253–269.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / ред. А. Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009а. С. 114–126.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. 2009б. Археология. Вып. 1. С. 225–251.
Ковриг И. Погребение гуннского князя в Венгрии // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / отв. ред. А. К. Амброз, И.Ф. Эрдеди. М.: Наука, 1982. С. 6–13.
Комар А.В. Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / ред. С.Г. Боталов, Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 88–109.
Менхен-Хельфен О. История и культура гуннов. М.: Центрполиграф, 2014. 479 с.
Михайлов Б.Д. Поховання мідника гунського часу в Північному Приазов'ї // Археологія. 1977. Вип. 24. С. 74–82.
Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алаунк / Пер. с древнеармянского, предисл. и комм. Ш.В. Смбатяна. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1984.
Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 29–43.
Приск Панийский. Готская История // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Греч. текст, пер. и комм. В.В. Латышева. СПб., 1890. Т. 1. С. 787–818.
Скржинская Е.Ч. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Текст, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. С. 175–375.
Снорри Стурулсон. Круг земной / пер. и ред. М.И. Стеблин-Каменского. М.: Ладомир; Наука, 1980. 688 с.
Anke B. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach: Beier&Beran. Archäologischen Fachliteratur, 1998. Teil 1. 224 S., Teil 2. 156 S.
Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles. Paris: Errance, 2002. 240 p.
Ecsedy I. Ancient Turk (T'u-chuën) Burial Customs // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1984. 38/3. P. 263–287.
Escher K. Les funérailles d'Attila // Autour du règne de Clovis. Les grands dans l'Europe du Haut Moyen Âge. Histoire et archéologie. Actes des XXXIIe Journées de l'Association française d'archéologie mérovingienne / dir. M. Kazanski, P. Périn. Caen: Association française d'archéologie mérovingienne, 2020. P. 243–251.
Frazer J.G. Le rameau d'Or. Vol. 1. Paris: Robert Laffont, 1981. 1004 p.
Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedic, 1998. 268 S.
Kazanski M. Les influences danubiennes en Gaule à la fin du IVe s. et au Ve s. // Attila. Les influences danubiennes dans l'ouest de l'Europe au Ve siècle / dir. J.-Y. Marin. Caen: Musée de Normandie, 1990a. P. 45–53.
Kazanski M. La tombe de cavalier à Mundolsheim (Bas-Rhin) // Attila. Les influences danubiennes dans l'ouest de l'Europe au Ve siècle / dir. J.-Y. Marin. Caen: Musée de Normandie, 1990b. P. 57–65.
Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest, Brăila: Editura Academiei Române, 2009. 489 p. (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi, V).
Kazanski M., Akhmedov I. La tombe de Mundolsheim (Bas-Rhin): un chef militaire nomade au service de Rome // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav Akademie Věd ČR, 2009. S. 173–197.
Kazanski M., Mastykova A. Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l'histoire (Ier–VIIe siècle apr. J.-C.). Paris: Errance, 2003.
Lebedynsky I. Huns d'Europe, Huns d'Asie. Paris: Errance, 2018.
Mráv Z., Mozgai V., Bárány A. Fragments of silver-gilt saddle plates and horse bones buried in a Late Roman ditch at Göd (Pest County, Hungary). Contributions to the funerary sacrifice deposits and "horse skin" rituals of the Hun period // Attila's Europe? Structural Transformation and Strategies of Success in the European Hun Period / eds. Z. Zsófia Rácz, G. Szenthe. Budapest: Hungarian National Museum, Eötvös Loránd University, 2021. P. 449–475.
Schiltz V. (dir.). Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dns l'Antiquité. Daoulas: Centre Culturel Abbaye de Daoulas, 1995. 142 p.
Sculba L. Roi sacré, victime sacrificielle et victime émissaire // Revue du MAUSS. 2003. № 22. P. 197–221.
Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011. 466 S.
Wieszner B., Gyöngyvér Nagy E. A new sacrificial deposit of the Hun period from Debrecen // Attila's Europe? Structural Transformation and Strategies of Success in the European Hun Period / eds. Z. Zsófia Rácz, G. Szenthe. Budapest: Hungarian National Museum, Eötvös Loránd University, 2021. P. 259–301.

ПОГРЕБЕНИЯ И «ПОМИНАЛЬНИКИ» ВОИНСКИХ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В ПОНТИЙСКИХ СТЕПЯХ[1]

Данная работа посвящена немногочисленным археологическим степным памятникам постгуннского времени (вторая половина V – первая половина VI в.), связанным с воинскими элитами гунно-болгар. Этническая ситуация в причерноморских степях «после Аттилы» с известной долей вероятности восстанавливается по данным письменных источников (Приск Панийский, Иордан, Прокопий Кесарийский и др.) (рис. 95.1). Над Понтом с 480-х гг. проживали болгары. Впоследствии, около 550 г. в степях к западу от Дона усиливаются кутригуры, их объединение, видимо, сформировавшееся из тех же болгар, поглотило всё кочевое население Северного Понта. Где-то к востоку от Днепра, возможно, в донских степях, расселяются акациры, в то время как Нижний Дон около 463 г. занят оногурами/хуннугурами. Крымские степи населяют гунны-альциагиры, а азовская степь между Доном и Кубанью, так называемая Эвлисия, занята некими гуннами, конкретный этноним которых нам неизвестен. Около 550 г. к востоку от Дона начинают доминировать утигуры. Не исключено, что они и есть те самые гунны Эвлисии [см. подробнее: Засецкая и др., 2007. С. 101–107; Kazanski, 2010; Казанский, 2014. С. 76–78]. Для постгуннского времени памятники кочевников в понтийских степях очень немногочисленны, тем не менее среди них четко выделяются несколько погребений с престижным оружием и конским снаряжением, которые здесь и будут рассмотрены (рис. 95.2).

Бабичи (рис. 95.2, *1*). В двух курганах, на территории бывшего Черкасского уезда (сейчас Каневский район Черкасской области), на Днепровском Правобережье, в конце XIX в. был обнаружен ряд вещей [Каталог…, 1899. С. 80, 81], известный нам по схематическим рисункам А. А. Спицына (Архив ИИМК РАН, Ф. 5, Д. 334, Л. 54, публикация: [Гавритухин, 2004. Рис. 1,3]). Привлекают внимание две накладки на седло, в виде золотых пластин, с циркульным штампованным декором, две пряжки, серебряный ременной наконечник с окончанием в виде полумесяца и небольшой серебряный стержень (рис. 96, *13–20*). По типологии И. П. Засецкой, седельные накладки (рис. 96, *13*) типичны для второй половины V – первой половины VI в. [Засецкая, 2007]. В степном контексте постгуннского времени такие накладки известны в Поволжье (Владимировский, курган 4, Шипово, курган 3, видимо, Покровск, курган 18 [Засецкая, 2007]). Похожие по форме седельные накладки, с отделкой края декором в стиле перегородчатой инкрустации, известны и на Западе: в Равенне [Bierbrauer, 1975. Taf. 30], в «вождеском» погребении 1782 франкского могильника Крефельд-Геллеп [Franken, 1996. Kat. V.4.8. Abb. 192–196], датированном второй четвертью VI в. [Казанский, Мастыкова, 2010. P. 95], а также на Среднем Дунае, в Шарвиз (Sárvíz) [Kleemann, 2007]. Наконечник с окончанием в виде полумесяца (рис. 96, *19*) имеет аналогии в материалах гуннского времени, т.е. последней трети IV – первой половины V в. [ср.: Малашев, 2000. Рис. 13,Е.2, 3.2,3, 3.1,2]. Так же датируется и стержень (рис. 96, *16*), параллели

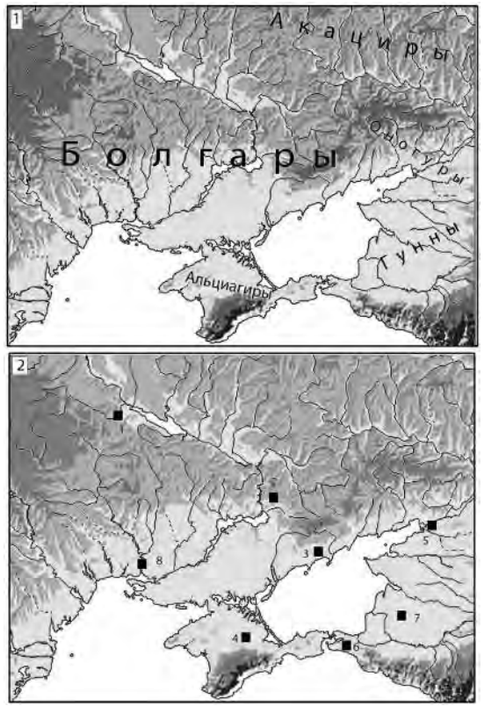


Рис. 95. Степные кочевники постгуннского времени 1 – Карта гипотетического расселения степных кочевников постгуннского времени [по: Казанский, 2014] 2 – Карта «вождеских» памятников: 1 – Бабичи; 2 – Новогригорьевка; 3 – Дмитриевка; 4 – Чикаренко; 5 – Ливенцовский; 6 – Тамань; 7 – Малаи

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Погребения и «поминальники» воинских предводителей постгуннского времени в понтийских степях // Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér / dir. A. Korom. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet, Budapesti Történeti Múzeum, 2018. P. 393–408.

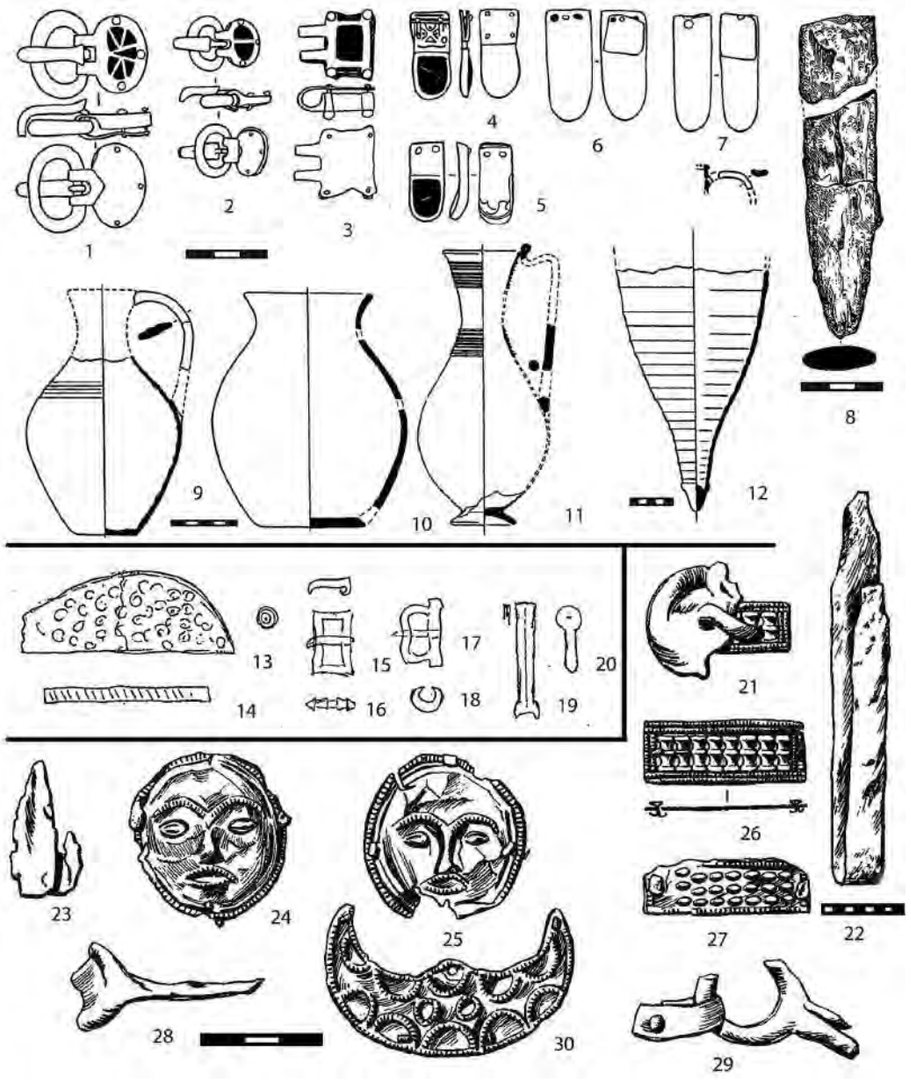


Рис. 96. Вещи постгуннского времени из находок в Чикаренко (1–12), Бабичах (13–20), Новогригорьевке (21–30), могила VII
1–12 – [по: Ajbabin, 1995]; 13–20 – [по: Гавритухин, 2004]; 21–30 – [по: Засецкая, 1994]

которому известны в среднедунайском контексте первой половины V в. [Ivanišević, Kazanski, 2009. Fig. 6,31]. Неизвестно однако, происходят ли все эти вещи из одного погребения. В любом случае, наличие характерных золотых седельных накладок указывает на наличие «вождеского» погребения постгуннского времени. Принадлежность данного материала гунно-болгарам, разумеется, сугубо гипотетична, поскольку с V в. данная территория занята оседлым населением пеньковской культуры, скорее всего, связанной с антами [Kazanski, 2013; Казанский, 2014. С. 76–78].

Новогригорьевка (Новогригоровка), могила (?) VII (рис. 95.2, *2*). На берегу р. Конка (совр. Запорожская область, Гуляйпольский район) в 1884 г. Д. Я. Самоквасовым было исследовано несколько погребений. В погребении VII, под каменной закладкой (ее окружность составляла 120 аршин, т.е. 85,2 м), в её западной половине, были обнаружены кусочки угля, какие-то жженые кости, красноглиняный фрагментированный сосуд, согнутый железный меч, трехлопастные наконечники стрел, железные удила, бронзовые, обтянутые золотым листком бляшки с человеческими личинами, штампованные бронзовые пластины-накладки и лунница, также обтянутые золотым листом (рис. 96, *21–30*) [Засецкая, 1994. С. 165. Табл. 6]. По наличию штампованных пластин и человеческих личин (рис. 96, *21, 24–27*), типичных для т.н. шиповского горизонта степных древностей [Казанский, Мастыкова, 2010], погребение принадлежит постгуннскому времени [Засецкая и др., 2007. С. 113]. Определение данного комплекса как погребения является предположительным, поскольку остеологического анализа не было. Такие комплексы с богатым инвентарем, но без видимых следов погребения человеческих останков, в степной археологии принято считать коммеморативными местами жертвоприношений, «поминальниками» [Амброз, 1982; Bóna, 2002. P. 129–135]. О каких-то ритуальных действиях, связанных с воинской культурой, говорит, на мой взгляд, и находка здесь ритуально испорченного (согнутого) меча.

Ольвия (рис. 95.2, *8*). С территории этого античного города в устье Южного Буга (с. Парутино, Николаевская область, Очаковский район) происходит несколько престижных вещей постгуннского времени, в частности, металлическая обкладка седла (табл. 15) типа 4а по И. П. Засецкой, имеющая аналогии в могильниках Дюрсо и Шипово [Засецкая, 1994; 2007. С. 145], а также пряжка стиля *cloisonné* (рис. 97, *3;* табл. 19), с овальными рамкой и щитком [Капошина, 1950. С. 104, 105. Рис. 47; Von Carnap-Bornheim, 1995], типичная для мужских вождеских могил, таких как знаменитое погребение Хильдерика или погребения Апахида 1–3 в Трансильвании. Изредка пряжки с овальными щитком и рамкой встречаются и в богатых женских погре-

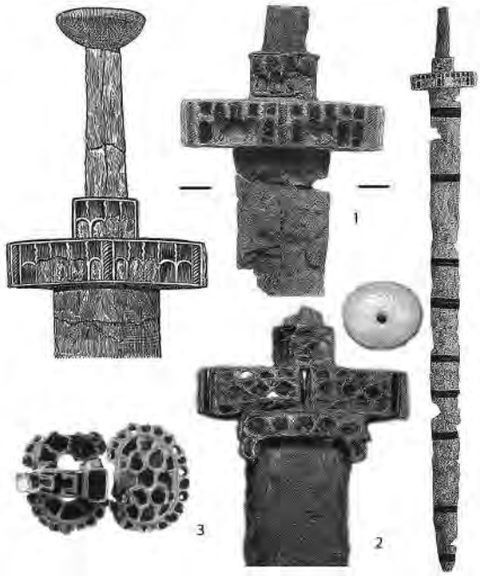


Рис. 97. Мечи из погребений в Дмитриевке (1) и Тамани (2) и пряжка из Ольвии (3)
1 – [по: Засецкая и др., 2007]; 2 – [по: Menghin, 2007]; 3 – [по: von Carnap-Bornheim, 1995]

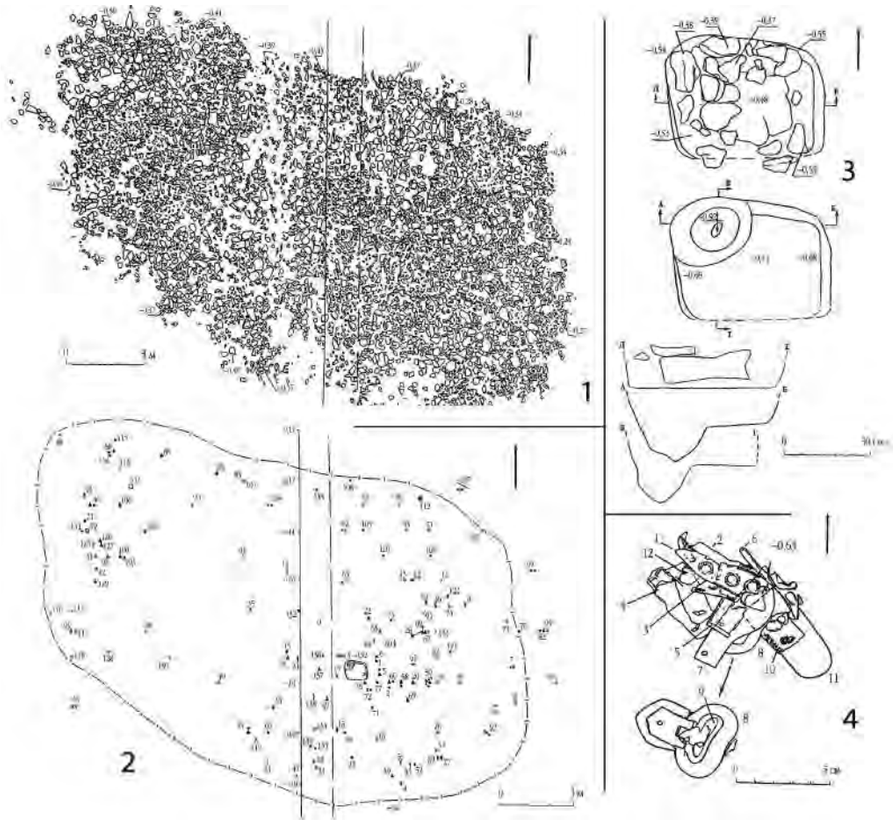


Рис. 98. Комплекс в некрополе Ливенцовский VII, курган 35 [по: Безуглов, Ильюков, 2007]
1 – план площадки; 2 – схема расположения находок; 3 – яма со скоплением вещей

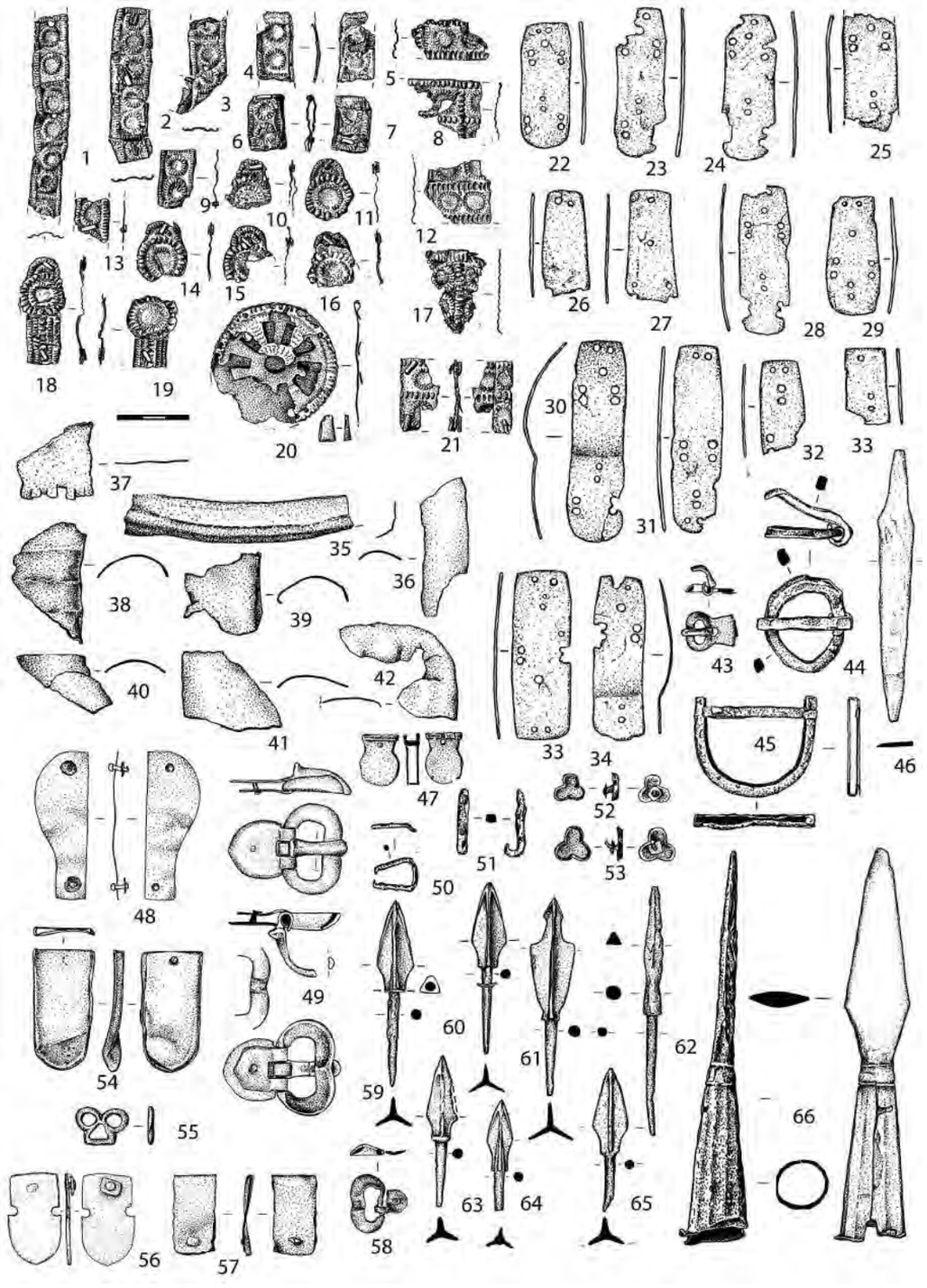


Рис. 99. Находки из кургана 35 в некрополе Ливенцовский VII [по: Безуглов, Ильюков, 2007]

бениях [см., напр.: Bărbulescu, 2008. Pl. XIV]. Пряжки, подобные найденной в Ольвии, имеют византийское или, шире, средиземноморское происхождение [см.: Arrhenius, 1985; Kazanski, Périn, 1996; Adams, 2000]. Скорее всего, ольвийские вещи происходят из разрушенных вождеских погребений, поскольку во второй половине V в. античный город уже не существовал, а здешние степи были заняты кочевниками. Впрочем, и здесь следует проявлять осторожность, поскольку торговцы древностями часто указывали как место происхождения вещей известные античные памятники, в частности «Ольвия» или «Керчь», чтобы поднять цену.

Дмитриевка-Вольная Вода (рис. 95.2, *3*). Погребение-ингумация на территории бывшего Бердянского уезда (сейчас Дмитровка Бердянского района Запорожской области), содержавшее человеческие останки и кости коня, было найдено случайно, при добывании песка, на глубине 2,5 м [Отчет…, 1907. С. 123. Рис. 215; Засецкая и др., 2007. С. 110]. Погребение содержало длинный (почти 1 м) меч с бронзовой гардой (рис. 97, *1*), украшенной перегородчатой инкрустацией (гранаты на золотом листе), и янтарную полусферическую бусину – возможно, навершие или подвеска меча[2]. По декору гарды наиболее близкой аналогией является меч из погребения 479 на могильнике Дюрсо под Новороссийском. Это парадный меч, несомненно византийского происхождения, который по параллели из Дюрсо датируется второй половиной V в. [Kazanski, 2001. P. 402, 403; Казанский, 2007. С. 136].

Чикаренко (рис. 95.2, *4*). В 1952 г. в Северо-Восточном Крыму, на территории Октябрьского района, во время работ был разрушен курган. Здесь были обнаружены человеческие останки, сопровождавшиеся богатым инвентарем: элементы ременной (портупейной, обувной и поясной?) гарнитуры из золота, а также фрагменты меча или кинжала, керамическая и стеклянная посуда, фрагменты топора (рис. 96, *1–12*) [Баранов, 1973; Ajbabin, 1995. P. 207]. Пряжки и ременные наконечники (рис. 96, *1–5*) имеют параллели в «княжеском»

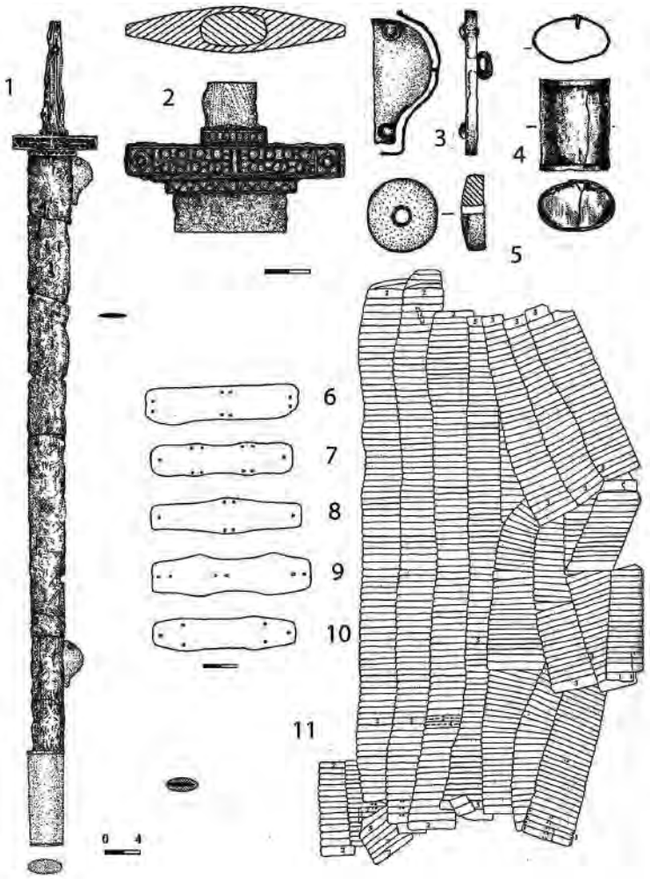


Рис. 100. Предметы вооружения из погребения Малаи [по: Лимберис, Марченко, 2011]

уборе 450–480-х гг., например, в знаменитом погребении франкского короля Хильдерика [Ajbabin, 1995. P. 209; Засецкая и др., 2007. С. 110].

Ливенцовский (рис. 95.2, *5*). Следует упомянуть комплекс в могильнике Ливенцовский VII, курган 35, близ устья Дона, на западной окраине г. Ростов-на-Дону [Безуглов, Ильюков, 2007]. Здесь была обнаружена каменная площадка с вещами, костями животных, редкие и мелкие обломки сожженных костей. Под каменной площадкой была выявлена небольшая яма, также содержавшая вещи (рис. 98). Среди найденных вещей выделяются предметы вооружения, элементы ременной гарнитуры и, вероятно, конской узды (рис. 99). Исследователи памятника обоснованно определяют его как поминальник, подчеркивают его «воинский» характер и относят по имеющемуся инвентарю к юстиниановской эпохе [Безуглов, Ильюков, 2007. С. 36, 37]. Действительно, из данного комплекса, помимо типичных тисненых накладок с характерным для шиповского горизонта декором (рис. 99, *1–21*), происходят металлические детали раннего геральдического (или протогеральдического) стиля (рис. 99, *47, 49, 54, 55, 57, 58*)

[2] По информации И.П. Засецкой, сначала меч находился в Эрмитаже, затем в 1930-е гг., вместе с другими вещами, был передан на Украину, для формирования коллекций украинских музеев. Его дальнейшая судьба неизвестна.

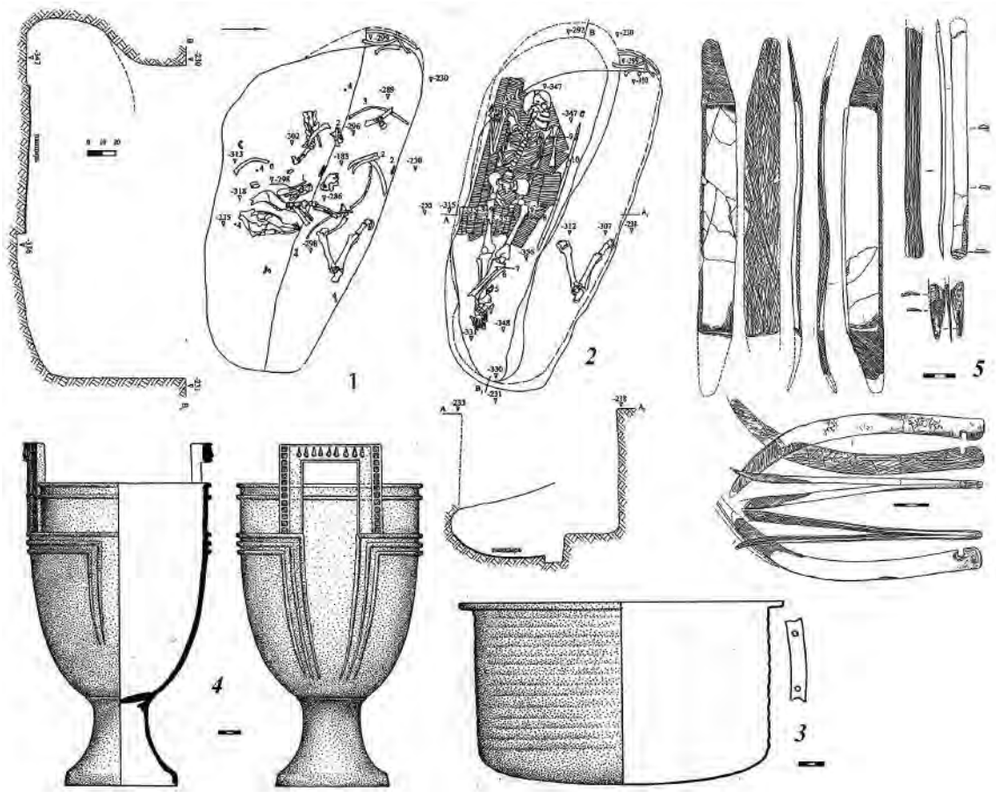


Рис. 101. Погребение Малаи, курган 1, ингумация 12 и вещи из него [по: Лимберис, Марченко, 2011]

[ср.: Богачев, 2010], широко распространившегося в юстиниановскую эпоху [Balint, 2000; Schmauder, 2000], а также Р-образная портупейная скоба (рис. 99, *48*), которые появляются только в VI в. [Zaseckaja, 1993; Koch, 1998; 1999; Anazawa, Manome, 2000. P. 74]. Привлекает внимание наличие в комплексе трехлопастных стрел с «ярусным» наконечником (рис. 9, *61*), имеющих центральноазиатское происхождение [Засецкая, 1994. С. 39].

Тамань (рис. 95.2, *6*). В 1912 г. в станице Тамань (античная Гермонасса, существовавшая, по меньшей мере, до царствования Юстиниана) был вскрыт курган, содержавший ингумацию, сопровождавшуюся конем и парадным мечом [Засецкая и др., 2007. С. 108–111; Menghin, 2007. P. 327. Fig. I.34,5]. Меч, ныне находящийся в Берлине (рис. 97, *2*; табл. 33, *5*), имеет богатый декор в стиле *cloisonné* на бронзовых гарде и устье ножен. Его наиболее близкая параллель по типу декора – меч из «вождеского» погребения Альтлюссхайм (Altlussheim), на Рейне. Сохранилась также халцедоновая подвеска от меча. Меч явно ранневизантийского происхождения и по стилистическим особенностям декора гарды может быть датирован второй половиной V – первой половиной VI в. [Kazanski, 2001. P. 403; Казанский, 2007. С. 136]. Если высокий социальный ранг погребенного вне всякого сомнения, его «степная» атрибуция является гипотетической. В самом деле, Гермонасса в V – первой трети VI в. входит в состав Боспора Киммерийского, за который боролись Византия и гунны [см. подробнее: Артамонов, 1962. С. 88–91]. К тому же, парадные мечи, вернее, их детали, хорошо представлены в могилах боспорской аристократии второй половины V в. (Керчь [Засецкая, 1993. С. 64. № 383, 384], Джурга-Оба [Ermolin, 2012. Fig. 5,10,11]).

Малаи (рис. 95.2, *7*). Богатая «воинская» могила была найдена в 1986 г. в кубанских степях, в могильнике Малаи, на территории Калининского района Краснодарского края. В кургане № 1, в погребении 12 находился, по определениям антропологов, скелет мужчины 35–40 лет, ориентированный головой на З–СЗ, сопровождавшийся остатками двух коней (рис. 101, *1, 2*). Могила содержала богатый инвентарь, в частности, два металлических котла, лук с костяными накладками, меч с гардой в стиле *cloisonné* и Р-образной портупейной скобой, ременная гарнитура раннегеральдического стиля, ламеллярный доспех, золотая серьга, конские удила и серогончарный сосуд (рис. 101, *3–5*; 100; 102) [Лимберис, Марченко, 2011. С. 420–439]. Как убедительно показали Н. Лимберис и И. Марченко, могила принадлежит степному предводителю первой половины – середины VI в.[3]

[3] По недосмотру редакции, в публикации памятника на стр. 439 была указана неверная дата.

* * *

Итак, в понтийских степях имеется группа погребений-ингумаций под курганами и в грунтовых могилах, которые можно охарактеризовать как «вождеские» по наличию парадного оружия и престижных украшений. Эти погребения часто содержат «статусное» вооружение, такое как парадный меч, в ряде случаев византийской работы, и панцирь, конское снаряжение, в том числе золотые накладки на седла, сопровождаются захоронениями коней. Кроме того, имеются два памятника – Новогригорьевка и Ливенцовский, которые могут быть местом отправления воинских культов, судя по находкам там оружия, в том числе ритуально испорченного (Новогригорьевка).

Материальная культура этих степных памятников имеет четкие следы византийского/средиземноморского влияния. Назовем парадные мечи с декором в стиле перегородчатой инкрустации [Kazanski, 2001; Казанский, 2007], ременные гарнитуры того же стиля или же ременные гарнитуры так называемого геральдического стиля, имеющие средиземноморские прототипы [Balint, 2000; Schmauder, 2000]. Отметим, что сильное византийское влияние засвидетельствовано и в материале престижных женских могил степной понтийской знати [о них см.: Засецкая и др., 2007; Казанский, Мастыкова, 2014]. Помимо византийского, степные могилы постгуннского времени демонстрируют и заметное центральноазиатское влияние, но оно пока лучше всего проявляется в конском уборе, происходящем из женских привилегированных могил (Морской Чулек, погр. 2, Нейзац, погр. 114) [Засецкая и др., 2007. С. 75–81; Храпунов, Казанский, 2015. С. 183]. Впрочем, в «мужском» контексте это влияние Центральной Азии проявилось в наборе стрел из Ливенцовского комплекса (см. выше). Можно предполагать, что центральноазиатские элементы материальной культуры распространялись в понтийском регионе в результате миграции

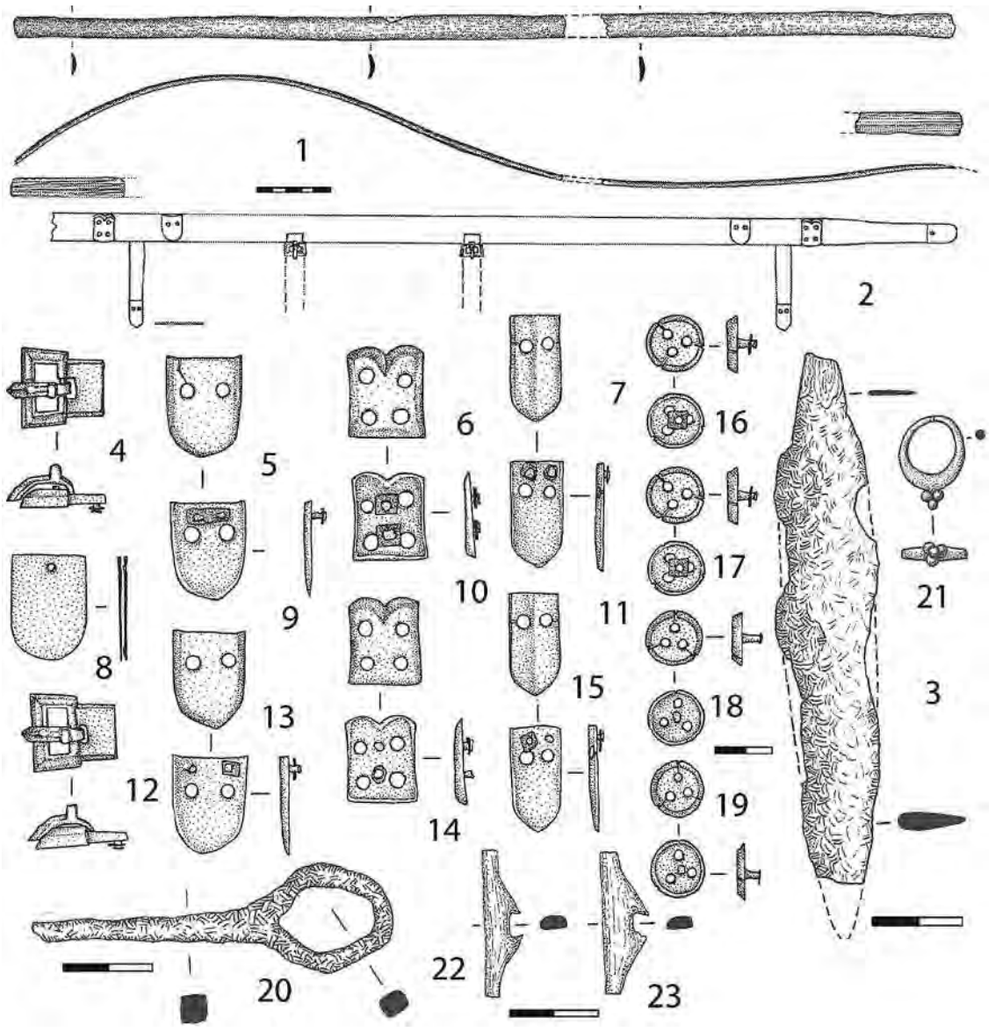


Рис. 102. Вещи из погребения Малаи [по: Лимберис, Марченко, 2011]

оногур, сарагур и угров откуда-то с востока незадолго до 463 г. [Артамонов, 1962. С. 76].

Византийские черты в «вождеской» культуре постгуннских степных кочевников Понта, скорее всего, объясняются их военно-политическими связями с Византией. Хорошо известны дипломатические контакты Константинополя со степными кочевниками постгуннского времени. Поэтому не исключено, что престижные византийские вещи в степных могилах могли входить в состав дипломатических даров. Гунны, как известно, находились на военной службе Империи, в частности, в армии Юстиниана, где они наверняка усвоили престижную моду византийской армии, которая и проявилась в погребальном инвентаре степных вождей.

Библиография

Амброз А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М., 1982. С. 20–222.

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Баранов И.А. Погребение 5 в. н.э. в Северо-Восточном Крыму // Советская археология. 1973. № 3. С. 243–245.

Богачев А.В. В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдического стиля // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 2010. С. 155–168.

Безуглов С.И., Ильюков Л.С. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. М., Иерусалим, 2007. С. 25–48.

Гавритухин И.О. Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Отв. ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб., 2004. С. 208–220.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 23–105.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994.

Засецкая И.П. Классификация обкладок ленчиков седла V - первой половины VI в. // Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С., Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007. С. 142–146.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.

Казанский М.М. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007. С. 122–141.

Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М., 2014. С. 45–137.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. 2010. Вып. 5. С. 93–104.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар, 2014. С. 97–108.

Капошина С.И. Золотоые серьги из Ольвии // Краткие сообщения Института археологии. 1950. Вып. 33. С. 103–109.

Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения эпохи великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Отв. ред. О.В. Шаров. Кишинев, СПб., 2011. С. 417–441.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону, 2000. С. 194–232.

Отчет Археологической Комиссии за 1904 г. СПб., 1907.

Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 238. С. 167–190.

Adams D. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. von C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma, 2000. P. 13–70.

Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IVe au VIe siècle // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye, 1995. P. 207–216.

Anazawa W., Manome J. The Inlaid Gold Dagger from Kerim-loo and its Wetern Connections // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. von C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma, 2000. P. 71–87.

Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm, 1985.

Bálint C. Byzantinisches zur Herkunftsfrage des Vielteilen Gürtels // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. von C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma, 2000. P. 99–162.

Bărbulescu M. Mormântul princiar germanic de la Turda. Cluj-Napoca, 2008.

Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975.

Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles. Paris, 2002.

Ermolin A. Džurga-Oba – a cemetery of the Grezat Migration period in the Cimmerian Bosporus // The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration / Dir. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris, Belgrade, 2012. P. 339–348.

Die Franken. Wegbereiter Europas. Mainz, 1996.

Ivanišević V., Kazanski M. Nouvelle nécropole des Grandes Migrations de Singidunum // Starinar. 2007. Vol. 57. P. 113–135.

Kazanski M. Les épées "orientales" à garde cloisonnée du Ve–VIe siècle // International Connections of the Barbarians in the 1st–5st centuries A.D. / Hrsg. von E. Istvánovits, V. Kulcsár. Aszód, Nyíregyháza, 2001. P. 389–418.

Kazanski M. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle // Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag / Hrsg. von C. Theune, F. Biermann, R. Struwe, G.H. Jeute. Rahden/Westf., 2010. P. 225–238.

Kazanski M. The Land of the Antes according to Jordanes and Procopius // The Steppe Lands and the World Beyond Them: Studies in Honor of Victor Spinei on his 70th Birthday / Eds. F. Curta, B.-P. Maleon. Iaşi, 2013. P. 35–42.

Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // Antiquités Nationales. 1996. Vol. 28. P. 203–209.

Kleemann J. Bemerkungen zum Cloisonnierten Goldbeschlag vom Sárvíz // Archaeologiai Értesítő. 2007. Vol. 132. P. 123–141.

Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwerttrag- und Kappfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel chinesischer Schwerter mit P-förmigen Tragriemenhaltern aus dem 6.-8. Jahrhundert n. Chr. // Jahrbucher des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1998. Bd. 45. P. 571–598.

Koch A. Zum Prunkdolch von Kyerim-no, Kyôngju (Südkorea) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1999. Bd. 29. P. 407–423.

Menghin W. (Hrsg.). Merowingerzeit. Europa ohne Grenzen. Berlin, 2007.

Schmauder M. Vielteilige Gürtelgarnituren des 6.-7. Jahrhunderts: Herkunft, Aufkommen und Trägerkreis // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt / Hrs. von F. Daim. Innsburck, 2000. P. 15–44.

Von Carnap-Borheim C. Eine cloisonnierte Schnalle mit wabenförmigem Zellenwerk und Almandinrundeln aus Olbia // Germania. 1995. Bd. 73/1. P. 151–155.

Zaseckaja I.P. To the Dating of the Dagger from Borovoye-Lake find in Kazakhstan // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye, 1995. P. 437–443.

ОНОГУРЫ В ПОСТГУННСКОЕ ВРЕМЯ НА ДОНУ[1]

Данная работа посвящена древностям т.н. постгуннского времени[2] на Нижнем Дону и их культурно-историческому контексту (рис. 103). В гуннское время на этой территории проживали, скорее всего, гунны-акациры, занимавшие по Приску часть припонтийской Скифии [Приск Панийский, фр. 8]. Их древности выделяются условно и отличаются по ряду признаков в материальной культуре и погребальном обряде [Казанский, Мастыкова, 2009][3]. Древности степного населения гуннского времени на Нижнем Дону представлены случайными находками и отдельными погребениями: Верхне-Курмоярская [Засецкая и др., 2007. С. 12, 13. Рис. 1,3], Верхне-Яблочное [Засецкая, 1994. С. 177. Табл. 25, 2, 3], Елизаветовское [Иванов, 2001], ст. Ивановская [Засецкая, 1994. Рис. 21,1], Павловка-Сулин [Древности, 1901. С. 70-72, рис. 4, *1–4*], Синявка [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 77–82] (табл. 18), возможно, Танаис-Царский, если эта находка связана с кочевниками [Ильюков, 2004].

Этническая ситуация в степи постгуннского времени с известной долей вероятности восстанавливается по данным письменных источников (рис. 103, *2*). Около 463 г. гунны-акациры разбиты сарагурами, составлявшими коалицию с оногурами/хунугурами и урогами, последние, возможно, являются уграми [Артамонов, 1962. С. 76; Приск Панийский, фр. 30]. Свидетельства древних авторов второй половины V – VII в. позволяют локализовать сарагур на Северо-Восточном Кавказе, где они действуют против персов [Приск Панийский, фр. 37], а угров где-то на Волге [Феофилакт Симокатта, VII.7.1.13; Артамонов, 1962. С. 62–64]. Вскоре на Северный Кавказ вторгаются гунны-савиры, пришедшие с востока [Артамонов, 1962. С. 79–102]. Хунугуры, занимавшиеся меховой торговлей, Иорданом не локализованы [Иордан, *Getica*, 36, 37]. Зато у Равеннского Анонима (конец VII – начало VIII в.), использовавшего описание Скифии Иордана (автор сам об этом говорит), страна Оногория находится по соседству с верхней точкой Меотийского болота [Равеннский Аноним, IV.2; см.: Подосинов, 2002. С. 162]. На этом основании хунугуров принято размещать в Северо-Восточном Приазовье, близ устья Дона [Altheim, 1952. P. 205]. Не исключено, что в течении VII в. их территория могла сместиться к востоку от Дона и Азовского моря, где, вроде бы, их знает «Армянская География» под именем «Огхондор-Блкар-пришельцы» [Артамонов, 1962. С. 167–169; Гадло, 1979. С. 58, 69]. Локализация хунугур/оногур на Северном Кавказе ранее VII в., также предлагаемая исследователями, вряд ли может быть принята, поскольку она, по сути, исключает участие в торговле мехом, который мог поступать только с севера, из лесной

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Оногуры в постгуннское время на Дону // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье» / ред. А.З. Винников. Воронеж, 2016. Вып. 6. С. 96–111.

[2] Постгуннскому времени в степи соответствуют древности т.н. горизонта Шипово (приблизительно 430/470–530/570 гг.) [Казанский, Мастыкова, 2010]. В их число входят, в частности, памятники второй хронологической группы по И. П. Засецкой [Засецкая 1994. С. 128, 130, 131], а также некоторые другие находки [Засецкая и др., 2007, С. 108–119; Засецкая, 2010; Kazanski, 2010; Храпунов, Казанский, 2015].

[3] Стоит отметить, что акациры не упоминаются при описании известного похода «царских» гуннов Васиха и Курсиха на Кавказ и в Закавказье, имевшего место ранее 433 г. Маршрут похода проходил мимо какого-то озера, в котором чаще всего видят Сиваш, Керченский пролив или даже дельту Дона [Казанский, Мастыкова, 2009. С. 124]. Видимо, в это время акациры находились несколько восточнее или северо-восточнее.

зоны [Засецкая и др., 2007. С. 106; Kazanski, 2010. P. 225, 226; Казанский, 2014. С. 77].

Похоже, что вторжение сарагур и их союзников резко изменило ситуацию в бассейне Дона. В это время исчезает Таниаис, где самые поздние слои и погребения не заходят далее 450–460 гг. [см. обзор: Kazanski, 2009. P. 171–181; Обломский, 2010, там же подробная библиография]. Вполне возможно, что часть населения региона Танаиса около 463 г. ушла на север, в бассейн Верхнего Дона. По крайней мере, культурные элементы, связанные по происхождению с Танаисом, в V в. здесь хорошо прослеживаются [Обломский, 2009; 2011; Kazanski, 2009. P. 180, 181]. Акациры в постгуннское время оказываются оттесненными на север, возможно,

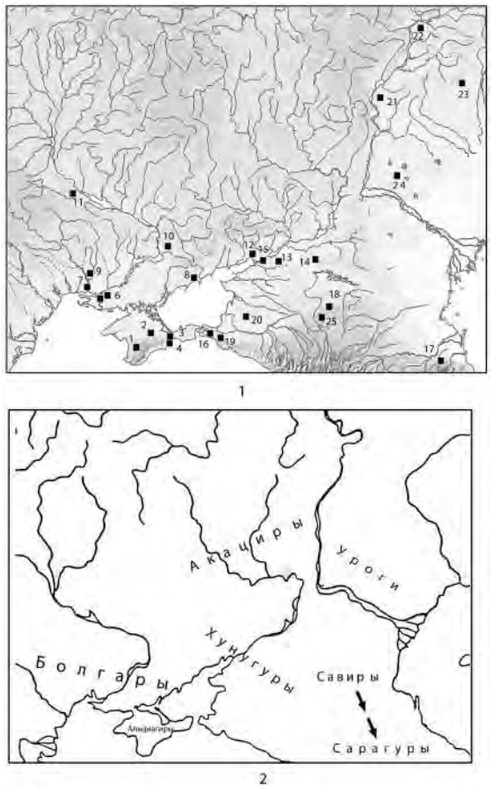


Рис. 103. Степные кочевники постгуннского времени
1 – Карта памятников кочевников шиповского («постгуннского») горизонта:
1 – Нейзац; 2 – Чикаренко; 3 – Новопокровка; 4 – Айвазовское; 5 – Лисьи Могилы; 6 – Малые Копани; 7 – Ольвия; 8 – Дмитриевка-Вольная Вода; 9 – Новая Одесса; 10 – Новогригорьевка; 11 – Бабичи; 12 – Морской Чулек; 13 – Ясырев I; 14 – Верхне-Курмоярская; 15 – Ливенцовский; 16 – Тамань; 17 – Хасав-Юрт; 18 – Тугулук; 19 – Михаэльсфельд; 20 – Малай; 21 – Покровск; 22 – Владимирское; 23 – Шипово; 24 – Царева; 25 – Татарка
2 – Карта гипотетического расселения степных кочевников постгуннского времени

в верхнедонской регион или в междуречье Дона и Днепра [Иордан, *Getica*, 36, 37; см. карты: Фурасьев, 2013. Илл. 2; Обломский, 2014. Рис. 3; Казанский, 2014. Рис. 30,1][4].

Древности степных кочевников «постгуннского» времени в бассейне Дона немногочисленны, но очень выразительны (рис. 103)[5]. Это, в первую очередь, две женские «аристократические» могилы в Морском Чулеке близ дельты Дона (рис. 104–107). Они были обнаружены при строительстве железной дороги в 1868 г. Это две ингумации, не исключено, что череп из второго погребения имел следы искусственной деформации. Погребения содержали женские украшения, во второй могиле, в ногах находились элементы парадной конской сбруи (рис. 107). Оба захоронения, судя по богатству инвентаря, несомненно относятся к числу «княжеских» и датируются второй половиной V – началом VI в. [Засецкая и др., 2007]. О высоком ранге погребенной в могиле 2 свидетельствуют и два «статусных» золотых браслета с расширенными концами и латинской весовой надписью (рис. 106). Золотые калачевидные серьги, скорее всего, происходящие из богатого погребения, были найдены в Верхне-Курмоярской (рис. 104, *11, 12*). Они аналогичны найденным в погр. 1 Морского Чулека и, по всей вероятности, относятся к тому же времени [Засецкая и др. 2007. С. 12, 13].

Гораздо более скромное погребение было найдено на могильнике Ясырев I, в кургане 2 (погр. № 1) [Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974. С. 29]. Это подкурганная ингумация в яме, ориентированная головой на запад. В ногах находились кости конечностей и череп барана, а в головах – керамические сосуды (рис. 108, *7, 8*). В состав инвентаря входили также браслеты на ру-

[4] Гипотеза А.Г. Фурасьева о возможной связи акацир с оседлым населением лесной зоны [Фурасьев, 2013] нуждается, как минимум, в развернутой аргументации. Выявление памятников степных кочевников постгуннского времени на Верхнем и Среднем Дону, а также в лесостепном междуречье Дона и Днепра также может быть предметом отдельной дискуссии. По мнению А.В. Комара, к их числу может быть отнесено известное погребение Животинное на Верхнем Дону [Комар, 2004. С. 177], однако такая атрибуция не является единственно возможной [Kazanski, 2009. P. 180, 181]. В междуречье Донца и Днепра А.В. Комар считает «постгуннскими» находки в Ново-Подкряже, Константинограе и Лихачевке [Комар, 2008. С. 175–177]. Однако эти памятники имеют более широкую дату, включающую и гуннское время [Засецкая и др., 2007. С. 109, 110].

[5] Не исключено, что, помимо нижеперечисленных, в бассейне Дона к шиповскому горизонту (его начальной фазе?) относится фаллическая фигурка, найденная в Танаисе [об их дате см.: Мастыкова, 2009. С. 82, 83]. В бассейне Верхнего Дона «постгуннским» может оказаться и погр. 2 на могильнике Таганский, из раскопа 1. Это ингумация в яме, ориентированная головой на ССЗ, с черепом и костями конечностей лошади в ногах, содержавшая лук с костяными накладками, трехлопастные стрелы и костяную подпружную пряжку [Матвеев, Цыбин, 2004. С. 8–10. Рис. 6, 7]. Но в целом вещи из данного погребения имеют более широкую дату и охватывают также т.н. эпоху геральдических поясов [550–670/700 гг.].

ках (рис. 108, *5, 6*) и зеркало с довольно длинной ручкой (рис. 108, *4*). В курганной насыпи было совершено захоронение лошади, связанное с данной ингумацией. Судя по инвентарю, погребение женское. Зеркало имеет параллели в кургане 3 «постгуннского» могильника Шипово [Засецкая, 1994. Табл. 40,5], что и определяет дату ясыревского захоронения.

Наконец, надо упомянуть комплекс в могильнике Ливенцовский VII, курган 35 [Безуглов, Ильюков, 2007]. Здесь была обнаружена каменная площадка с вещами, костями животных, редкие и мелкие обломки сожженных костей. Под каменной площадкой была выявлена небольшая яма, также содержавшая вещи (рис. 98). Среди найденных вещей выделяются предметы вооружения, элементы ременной гарнитуры и, вероятно, конской узды (рис. 99). Исследователи памятника обоснованно определяют его как поминальник, подчеркивают его «воинский» характер и относят по имеющемуся инвентарю к юстиниановской эпохе [Безуглов, Ильюков. 2007. С. 36, 37]. Действительно, из данного комплекса, помимо типичных тисненых накладок с характерным для шиповского горизонта декором (рис. 99, *1-21*), происходят металлические детали раннего геральдического (или протогеральдического) стиля (рис. 99, *44, 47, 49, 54-58*) [Богачев, 2010], а также Р-образная портупейная скоба (рис. 99, *48*), которые появляются только в VI в. [Zaseckaja, 1993; Koch, 1998; 1999].

Около 550 г. Дон, по крайней мере его нижнее течение, становится границей между кутригурами на западе и утигурами на востоке [Прокопий, Война с готами, IV.4.7-9, 5.15-21, 18.22]. Меняется военно-политическая, а также, видимо, и культурно-историческая ситуация. В степи для второй половины VI – середины VII в. характерными являются погребения с вещами геральдического стиля [Комар, 2008, там же библиография]. В донском регионе этому горизонту степных древностей соответствуют такие показательные находки как Хутор Епифанов-Красюковская [Безуглов, 1985], Пухляковский [Безуглов, Парусимов, 2013], Ясырев III, курган 5 [Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974. С. 74. Табл. XXIII,3], относимые к группам Суханово и Сивашовка по А.В. Комару [Комар, 2008].

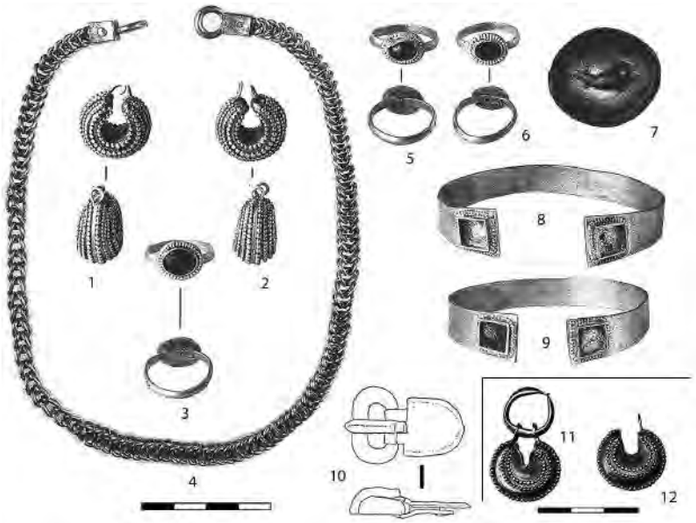


Рис. 104. Находки из погребения 1 могильника Морской Чулек (1–10) и случайная находка из станицы Курмоярская (11, 12) [по: Засецкая и др., 2007. Табл. I. Рис. 1]

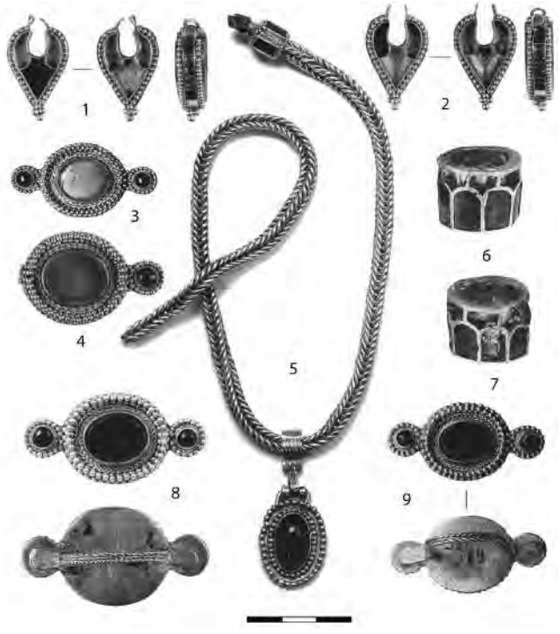


Рис. 105.Находки из погребения 2 могильника Морской Чулек [по: Засецкая и др., 2007. Табл. II]

На сегодняшний день в степях восточной Европы, между р. Урал и устьем Дуная известно менее 30 кочевнических памятников «постгуннского» (шиповского) времени (рис. 103, *1*). Это, в первую очередь, изолированные погребения, а также «поминальные» (?) комплексы, не содержавшие человеческих останков [Храпунов, Казанский, 2015]. Разумеется, на таком ограниченном материале сложно выявлять какие-либо закономерности и общие черты в погребальном обряде и в матери-

альной культуре этого населения. К тому же, часть немногочисленных нижнедонских памятников относится к старым, плохо документированным находкам (Морской Чулек, Верхнее-Курмоярская). Можно лишь отметить, что и курганные погребения, как в Ясыреве I, и грунтовые захоронения, как в морском Чулеке, совершенные по обряду ингумации, хорошо представлены в «постгуннских» древностях практически везде в восточноевропейских степях, хотя грунтовые погребения тяготеют, скорее, к северопонтийскому региону (например, Дмитриевка-Вольная Вода, Новопокровка (табл. 38), Морской Чулек, погр. 1 и 2, возможно, Айвазовское[6]) [Засецкая и др., 2007. С. 108–113; Храпунов, Казанский, 2015].

Подкурганное погребение в могильнике Ясырев I в обрядности имеет ряд параллелей среди степных памятников шиповского времени. Так, форма погребальной ямы, со ступенькой, отмечена также в Новопокровке, в Восточном Крыму [Гаврилов, 1996] (табл. 38, 1), а западная, с отклонениями, ориентировка костяка зафиксирована, помимо Ясырева, в прикубанском могильнике Малай, курган 1, погребение 12 [Лимберис, Марченко, 2011. С. 417–420], и в поволжском некрополе Владимирское, курган 4, погр. 2 [Засецкая, 1994. С. 186, 187], где покойники был ориентированы на З-СЗ, и, наконец, в погр. 114 крымского могильника Нейзац, где костяк был расположен головой на СЗ [Храпунов, Казанский, 2015]. Обнаруженные в ясыревском погребении кости черепа и конечностей барана также присутствуют в кургане 3 могильника Шипово [Засецкая, 1994. С. 188–190]. Сопровождающие захоронения лошадей, как в Ясыреве, также известны в степных могилах «постгуннского периода», например, Дмитриевка-Вольная Вода, Лисьи Могилы [Засецкая и др., 2007. С. 108–110], Малай курган 1, погр. 12 [Лимберис, Марченко, 2011. С. 420–422], Нейзац, погр. 114 [Храпунов, Казанский, 2015]. Помещение керамических сосудов в головах покойного отмечено как в погребении могильника Ясырев I, так и в степных захоронениях того же времени в Тугулук 3, курган 4, погр. 5, на Ставрополье [Ляхов, Мячин, 2010] и в уже упоминавшемся крымском погребении Айвазовское [Кругликова, 1957].

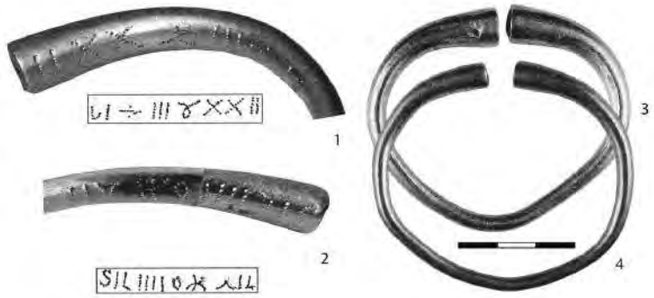


Рис. 106. Браслеты из погребения 2 могильника Морской Чулек [по: Засецкая и др., 2007. Табл. III]

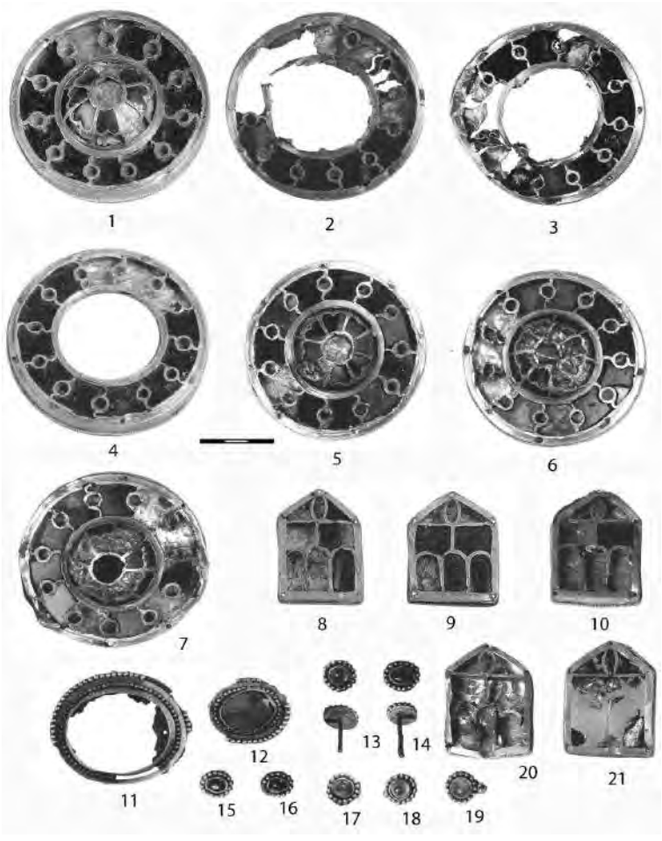


Рис. 107. Элементы конской упряжи из погребения 2 могильника Морской Чулек [по: Засецкая и др., 2007. Табл. IV]

Еще один обрядовый элемент, присутствующий в нижнедонских погребениях, это искусственная деформация черепа, вроде бы отмеченная в погр. 2 в Морском Чулеке (см. выше). В захоронениях шиповского периода деформированные черепа известны в Нейзаце, погр. 114 [Храпунов, Казанский, 2015] и в курганах 2 и 3 у могильника Шипово [Засецкая, 1994. С. 190, 191].

[6] Датировка этого погребения [Кругликова, 1957] нуждается в уточнении [Храпунов, Казанский, 2015].

Материальная культура нижнедонских кочевников в целом типична для восточноевропейских степных народов «постгуннского» времени. Это вещи со штампованным декором, как в Ливенцовском комплексе (рис. 99, *1-21*), характерные для второй хронологической группы по И. П. Засецкой [1994. С. 126–128], различные элементы ременной гарнитуры, в том числе овальные и В-образные пряжки со щитком (Морской Чулек, Ливенцовский) (рис. 104, *10; 99, 49*), детали протогеральдического стиля (Ливенцовский) (рис. 99, *47, 49, 54-58*), округлобокие лепные сосуды, типа найденных в Ясыреве I (рис. 108, *7*), трехлопастные стрелы (Ливенцовский) (рис. 99, *59-61, 63-65*).

Особо стоит отметить «княжеский» женский убор из погребений в Морском Чулеке (рис. 104, *3–7*; 105; 106), имеющий византийское происхождение, который, вместе с находками в Ольвии и Михаэльсфельде, свидетельствует об изменении в «постгуннское» время, по сравнению с предшествующим гуннским периодом, престижной женской моды [Засецкая, 2010; Казанский, Мастыкова, 2014]. О том же византийском влиянии свидетельствует и «парадный» византийский конский убор (рис. 107, *1–10, 20, 21*) из погр. 2 в Морском Чулеке [Засецкая и др., 2007. С. 60–75].

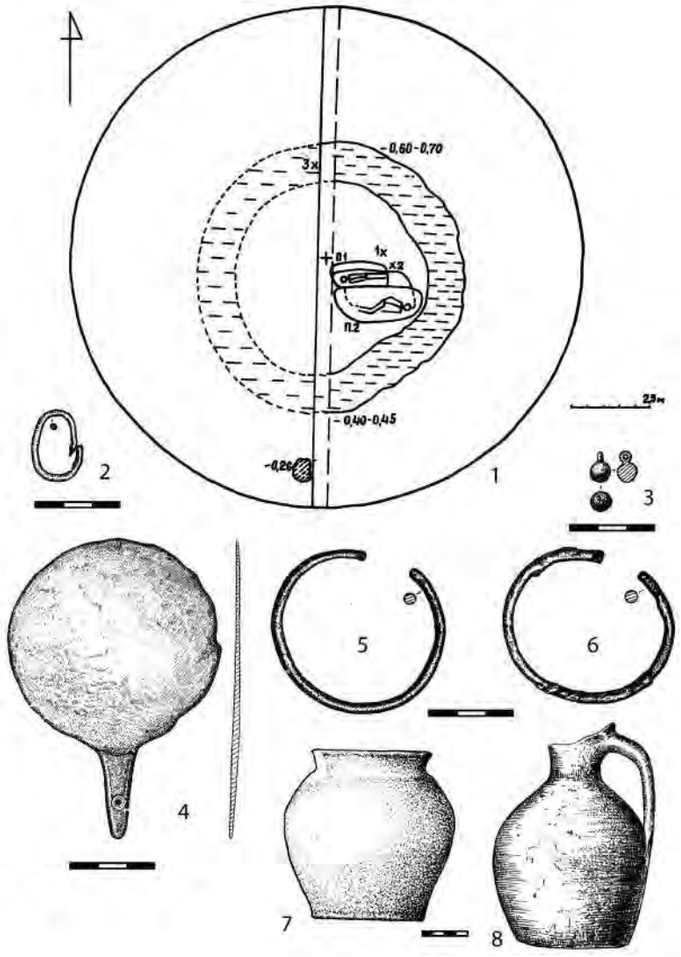


Рис. 108. Погребение в могильнике Ясырев I (курган 2, погр. 1) [по: Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974. Табл. II,6,7,9–11; V; VI,1,2]

Вторым важным элементом материальной культуры степняков Нижнего Дона является центральноазиатский. Он проявляется, прежде всего, в присутствии элементов конского снаряжения в погр. 2 могильника Морской Чулек (рис. 107, *11–19*), которое имеет параллели в таких погребениях как Шамси в Киргизии [Засецкая и др., 2007. С. 75–80] (табл. 17) или Аржан Бугузун в Южной Сибири [Кубарев, 2010]. Подобное снаряжение представлено и в «постгуннском» погр. 114 крымского могильника Нейзац [Храпунов, Казанский, 2015]. Скорее всего, центральноазиатским по происхождению является и зеркало из могильника Ясырев I (рис. 108, *4*), имеющее параллели в могильнике Шипово, но особенно в материалах культуры Джеты-Асар в Восточном Приаралье [Левина, 1993. Рис. 49; Левина, 1993а. Рис. 85; Левина, 1994. Рис. 176–185; Левина, 1996. Рис. 152–155]. Как показала И. П. Засецкая [1994. С. 39], азиатскими по происхождению являются и «ярусные» трехлопастные стрелы, вроде найденных в Ливенцовском комплексе (рис. 99, *61*). Наконец, Р-образная портупейная скоба из Ливенцовского могильника (рис. 99, *48*) имеет прототипы в древностях VI в. в Китае, Южной Корее и у кочевников степей Центральной Азии [Zaseckaja, 1993; Koch, 1998; 1999].

Итак, донские материалы, с одной стороны, свидетельствуют о сильном византийском влиянии на донских кочевников, что соответствует сообщениям древних авторов о политической ориентации оногур, а, с другой стороны, содержат вещи центральноазиатской традиции (Морской Чулек, Ясырев I), подтверждающие восточное происхождение оногур.

Библиография

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 276 с.
Артамонов М.И. История хазар. Л: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
Безуглов С.И. Погребение кочевника VII в. н.э. на Нижнем Дону // Советская археология. 1985. № 2. С. 248–252.
Безуглов С.И., Парусимов И.И. Раннесредневековые погребения у хутора Пухляковский на Нижнем Дону // Хазарские древности. Ростов-на-Дону: Аксай, 2013. С. 256–261.
Безуглов С.И., Ильюков Л.С. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. М., Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С. 25–48. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).
Богачев А.В. В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдического стиля // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2010. С. 155–168.
Гаврилов А.В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 111–113.
Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979. 216 с.
Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества. Протоколы заседаний. М., 1901. Т. XIX-2.
Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс ЛТД, 1994. 222 с.
Засецкая И.П. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2010. Вып. 38. С. 123–159.
Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2007. 212 с.
Иванов А.А. Комплекс гуннского времени из дельты Дона // Российская археология. 2001. № 2. С. 119–121.
Ильюков Л.С. Курган из окрестностей Танаиса // Историко-археологические исследования в г. Азове и не Нижнем Дону в 2003 г. Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, 2004. Вып. 12. С. 341–345.
Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Текст, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 512 с.
Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / Ред. А. Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. 2010. Вып. 5. С. 93–104.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: Традиция, 2014. С. 97–108.
Комар А.В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Киев, Судак: Академпериодика, 2004. С. 169–200.
Комар А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII в. // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2008. Вып. III. С. 87–117.
Кругликова И.Т. Погребение IV–V вв. н.э. у дер. Айвазовское // Советская археология. 1957. № 2. С. 253–257.
Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2010. С. 27–31.
Левина Л.М. Джетыасарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетасарская культура. Часть I. Склепы / Отв. ред. Б.И. Вайнберг. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. С. 33–198.
Левина Л.М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Беданк-асар, Кос-асар и Томпак-асар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетасарская культура. Часть 2. Могильники Томпакасар и Косасар / Отв. ред. С.А. Трудновская. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993а. С. 32–193.
Левина Л.М. Низовья Сырдарьи в древности. Выпуск IV. Джетыасарская культура. Часть 3–4. Могильники Алтынасар 4. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. 121 с.
Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения из курганов степного Прикубанья // Петербургский Апокриф. Послание от Марка / Отв. ред. Шаров О.В. СПб., Кишинев: Университет «Высшая антропологическая школа», 2011. С. 417–442. (Библиотека Stratum plus).
Ляхов С.В., Мячин С.В. Кочевническое погребение «постгуннского» времени в с. Тугулук Ставропольского края // Археология Восточноевропейской степи. 2010. Вып. 8. С. 225–230.
Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
Матвеев Ю.П., Цыбин М.В. Таганский грунтовый могильник. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. 78 с. (Археологические памятники Донского бассейна. Вып. 6).
Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. I / Отв. ред. М.Г. Мошкова, Д.Б. Шелов. М.: Наука, 1974. С. 21–127.
Обломский А.М. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху (проблема контактов населения) // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Воронеж, 2009. Вып. 1: Археология. С. 252–267.
Обломский А.М. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 174–202.
Обломский А.М. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н.э. // Петербургский Апокриф. Послание от Марка / Отв. ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев: Университет «Высшая антропологическая школа», 2011. С.443–462. (Библиотека Stratum plus).

Обломский А.М. Карта Скифии по «Гетике» Иордана // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 13–25.
Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. 488 с.
Приск Панийский. Готская история // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1890. С. 810– 847.
Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.
Равеннский Аноним. Космография // Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. С. 161–286.
Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 224 с.
Фурасьев А.Г. Акациры – соседи эстиев // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2013. Вып. 39. С. 185–196.
Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 238. С. 170–194.
Altheim F. Attila et les Huns. Paris: Payot, 1952. 230 p.
Kazanski M. Archéologie des peuples barbares (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi V). Bucarest, Brăila: Editura Academiei Române, 2009. 489 p.
Kazanski M. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle // Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Theune, F. Biermann, R. Struwe, G.H. Jeute. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2010. S. 225–238. (Internationale Archäologie, Studia Honoraria. Vol. 31).
Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwerttrag- und Kappfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel chinesischer Schwerter mit P-förmigen Tragriemenhaltern aus dem 6.-8. Jahrhundert n. Chr. // Jahrbucher des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1998. Bd. 45. S. 571–598.
Koch A. Zum Prunkdolch von Kyerim-no, Kyôngju (Südkorea) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1999. Bd. 29. S. 407–423.
Zaseckaja I. To the Dating of the Dagger from Borovoe-Lake find in Kazakhstan // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: AFAM, 1993. P. 437–444.

ПРИАЗОВСКИЕ ХУНУГУРЫ, МЕХОВАЯ ТОРГОВЛЯ И ВОДНЫЕ ПУТИ[1]

В данной работе предпринята попытка археологического комментария к известному сообщению Иордана о меховой торговле хунугур/оногур. Напомним, что в его «Истории готов» только два народа упоминаются в связи с меховой торговлей – скандинавские суэханс, от которых мех попадает в Империю благодаря посреднической торговле [Иордан. *Getica*, 21,22; см. подробнее: Казанский, 2010а; 2016а] и гунны-оногуры/хунугуры, торгующие *pellium murinarum* [Иордан. *Getica*, 37][2]. В *pellium murinarum* французский переводчик Иордана видит куницу [Jordanès, *Histoire des Goths*, 37], а Е. Ч. Скржинская – степных грызунов [Иордан. *Getica*, 37]. Торговля шкурками степных грызунов в значительных масштабах вряд ли возможна, по крайней мере, никакими другими источниками античности и средневековья она не засвидетельствована. Совершенно очевидно, что и хунугуры торговали шкурками не степных сусликов и мышей-полевок, а выступали в качестве посредников в трансевропейской меховой торговле между Севером и Югом [Haussig, 1971. P. 71, 72].

Это далеко не единственный случай участия степных народов в меховой торговле. Об обилии пушнины у кочевников прямо говорят средневековые источники [см., напр.: Нунан, 2004. С. 276], при том, что отсутствие значительного количества «промышленного» меха в степи очевидно. Скорее всего, он перекупался или забирался (дань, грабеж) у населения других территорий. Общеизвестно, что районом добычи мехов в Восточной Европе в I тыс. н.э. была исключительно лесная зона. Судя по остеологическим данным, а также по сообщениям более поздних письменных источников, промысловый характер пушная охота имела у населения Вятско-Камского междуречья, Верхнего Прикамья, Волго-Окского бассейна [Казанский, 2010а. С. 108, 109]. Также не вызывает сомнений, что в эпоху хунугуров, как и ранее, в позднеримское время [напр.: Kazanski, 1992], или

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Приазовские хунугуры, меховая торговля и водные пути // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения / ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2017. С. 218–229.

[2] До V века Рим, а стало быть и северопричерноморские колонии, вряд ли участвовали в меховой торговле, поскольку в Римской империи ношение меха рассматривалось как варварство [подробнее: Казанский, 2010. С. 19, 20]. Есть известное свидетельство Страбона о доставке кочевниками шкур в Танаис [Страбон, География, Кн. XI.II.3], но, возможно, речь здесь идет не о мехе, а о сырье для изготовления кожи. Зато VI век – время расцвета транзитной меховой торговли между севером Европы и Средиземноморьем [Howard-Johnston, 1998; Kolendo, 1999]. Некоторые историки утверждали, что мех для продажи в устье Дона доставляли скандинавы [Haussig, 1980]. Фантастичность такой гипотезы очевидна, поскольку в эпоху Великого переселения народов скандинавы заходили на водные пути Восточной Европы не далее Финского залива и Ладоги [см. подробнее: Казанский, 2010а].

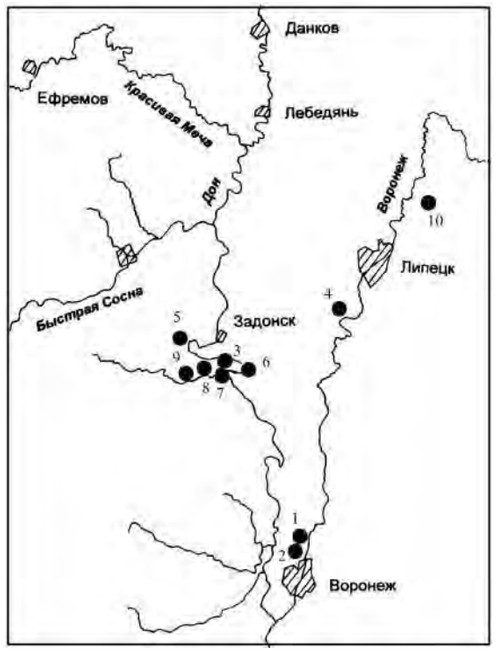


Рис. 109. Карта памятников Верхнего Дона гуннского и постгуннского времени с элементами понтийской культуры [по: Обломский, 2012; с дополнениями по: Мастыкова, 2016]
1 – Чертовицкое-3; 2 – Чертовицкое-6; 3 – Замятино (группа памятников); 4 – Малый Липяг; 5 – Каменка-4; 6 – Ксизово (группа памятников); 7 – Ксизово-8; 8 – Мухино; 9 – Ольшанец; 10 – Стаево-5

позднее, в эпоху Киевской Руси [см., напр.: Даркевич, 1976. С. 163, 164. Табл. 52, 53], основными магистралями торговли с лесной зоной служили большие реки [Казанский, 2016б]. Чтобы участвовать в такой торговле оногуры должны были контролировать одну из крупных речных магистралей степного Причерноморья, идущих из лесной зоны – Днепр или Дон.

Известие Иордана о хунугурах помещено в контекст географического описания Скифии, отражающего ситуацию между 480–481 гг. (приход болгар в Северное Причерноморье) и 527 г. (продвижение антов от Днепра к Дунаю) [Казанский, 2014. С. 76–78]. Сами хунугуры появляются в Причерноморье к 463 г., когда коалиция сарагур, урогов (угров) и хунугур изгоняет отсюда акацир [см. подробнее: Засецкая и др., 2007. С. 102–105; Казанский, 2016а. С. 96–98]. Хунугуры Иорданом не локализованы [Иордан, *Getica*, 36, 37]. Зато у Равеннского Анонима (конец VII – начало VIII в.), использовавшего описание Скифии Иордана (Аноним сам об этом говорит), страна Оногория находится по соседству с верхней точкой Меотийского болота [Равеннский Аноним, IV.2; см.: Подосинов, 2002. С. 162]. На этом основании хунугуров принято размещать в Северо-Восточном Приазовье, близ устья Дона [подробнее см.: Засецкая и др., 2007. С. 107; Казанский, 2016а, там же библиография вопроса][3].

Видимо, близ устья Дона находились и центры власти у оногур, о чем свидетельствует находка «княжеских погребений» постгуннского времени в Морском Чулеке [Засецкая и др., 2007; Казанский, 2016а]. Обычно места резиденции знати являются и центрами сосредоточия торговли. Однако такой важный центр как Танаис исчезает в 450–460-е гг., там самые поздние слои и погребения не заходят далее 450–460 гг. [см. обзор: Kazanski, 2009. P. 171–181; Обломский, 2010, там же подробная библиография]. Причину его исчезновения надо видеть, скорее всего, в изменении политической ситуации на Нижнем Дону около 463 г. или чуть ранее, когда сарагуры, уроги и хунугуры громят акацир.

С учетом нижнедонской локализации хунугур, в эпоху Иордана наиболее естественными путями доставки пушнины к устью Танаиса являются речные пути по Дону и Волге (до места ее наибольшего приближения к Дону) [Засецкая и др., 2007. С. 106; Kazanski, 2010. P. 225, 226; Казанский, 2014. С. 77]. Поэтому можно с большой долей уверенности предполагать, что хунугуры торговали мехом, полученным из лесной зоны Восточной Европы, либо по Волге, либо по Дону. Донской путь реконструируется для поздней античности и раннего средневековья по находкам боспорских монет III–IV вв. в бассейне Верхней Оки и Верхнего Дона, достаточно редких в восточноевропейском Барбарикуме [Kazanski, 1992. P. 96, note 114; Бейдин, Мызгин, 2015; Мызгин, 2015], по распространению стеклянных бус эпохи переселения народов [Мастыкова, Румянцева, Егорьков, 2006] или по кладам дирхемов IX в. [Даркевич, 1976. С. 146, 147, 153. Табл. 50.II; Нунан, 2004. С. 59]. О существовании очень древнего пути по Дону может свидетельствовать и античная письменная традиция, согласно которой по Дону можно было попасть в Северный Океан [Джаксон и др., 2007. С. 35–49; Podossinov, 2008]. Видимо о том же говорит и «Географическое руководство» Птолемея, где перечисляется с севера на юг список народов[4], начинающийся на Балтике и заканчивающийся на Дону [Казанский, 2010а. С. 111; 2010б. С. 124, 125]. Показательно, что Донской путь «упирается» в регион активной добычи меха в Окском бассейне [Даркевич, 1976. С. 153].

Функционирование Донского пути в V в. подтверждается наличием многочисленных северопричерноморских элементов в культуре оседлого населения Верхнего Дона (рис. 109) [Обломский, 2009; 2011; 2012; Oblomskiy, 2013; Kazanski, 2009. P. 180, 181]. Здесь, например, хорошо представлена гончарная и лепная причерноморская керамика или же фибулы понто-дунайских типов, распространяются понтийские ремесленные традиции, о чем свидетельствует наличие характерных гончарных горнов (Ксизово-19). Также найдены средиземноморские «крапчатые» бусы [Мастыкова, 2004], средиземноморская стеклянная посуда [Гавритухин, 2015а], понтийские зеркала типа Карповка [Мастыкова, 2016. С. 247] и даже «княжеское» погребение (Мухино), горизонта Унтерзибенбрунн (380/400–440/450 гг.), свидетельствующее о распространении здесь престижной аристократической моды понто-дунайских варваров [Мастыкова, Земцов, 2014; Добровольская и др., 2015]. Наиболее яркие находки, как Мухино, относятся к гуннскому времени, но некоторые понто-дунайские фибулы, обнаруженные на Верхнем Дону, явно принадлежат постгуннскому времени, как, например, фибула-дериват типа Сокольнице из Замятнино [Гавритухин, 2004], обломок фибулы типа Гурзуф из Ксизово-19 [Гавритухин, 2015б. С. 229–230], поздние формы фибул типа Прша-Левице из Ксизово-19 [Гавритухин, 2015в. С. 203, 204] или фибулы-цикады из Ксизово-19 и Ольшанца [Гавритухин, 2015б. С. 213–215].

Исследователи даже говорят о перемещении части понтийского населения на север. Действительно, вполне возможно, что часть населения региона Танаиса вследствие событий 463 г. (или каких-то перестроек более раннего времени) ушла на север, в бассейн Верхнего Дона. Следует подчеркнуть, что, судя по хронологии вещей, контакт Верхнего Дона с Югом не был единовременным, а стало быть можно говорить о относительно долговременном функционировании Донского пути. Ярким доказательством последнего предположения является биоархеологическое исследование «княжеского» погребения в Мухино, где надежно установлено южное происхождение погребенной здесь девушки, происходящей из аридной степной зоны [Добровольская и др., 2015]. При этом дата погребения – 380/400–440/450 гг. (скорее, по наличию «крапчатых» бус – заключительная часть этого периода) – явно раньше 463 г. Можно смело предполагать, что оседлое население Верхнего Дона служило промежуточным звеном в поступлении северного меха к нижнедонским хунугурам.

Нас не должно смущать отсутствие археологических следов этого пути в среднем течении Дона, в степи, занятой кочевниками, поскольку характер степных памятников того времени (редкие изолированные погребения) не предполагает массового «выпадания» импортов. Кроме того, хорошо известны примеры функционирования речных путей через степь, когда путешественники стараются не входить в контакт со степняками. Достаточно привести рассказ Константина Багрянородного о плаваниях киевских русов по степному отрезку Днепровского пути в середине X в. [Константин Багрянородный, *Об управлении империей*. Гл. 9] или вспомнить хождение Игнатия Смольянина в 1389 г. в Царьград, когда клирики плывут сначала по безлюдному Верхнему Дону, а затем мимо татарских кочевий до Азова [Прокофьев, 1978].

О функционировании Волжскго пути в постгуннское время археологических данных меньше. Для римского времени фиксируется наличие импортов и монет вдоль Волги по III в. включительно, затем в IV в. они практически исчезают, что может быть связано с ударом Германариха по герулам Меотиды и, как результат, блокадой Волго-Донской водной трассы [Kazanski, 1992. P. 95–96]. Для V – первой половины VI в. на Волге мне известны лишь отдельные предметы понтийского или византийского происхождения, такие как «парадный» византийский меч из погребения Покровск-Восход [Казанский, 2007. С. 123].

Итак, мех, которым на Меотиде торгуют оногуры, скорее всего, поступает к ним от оседлого населения из лесных территорий к северу от Дона, т.е. из бассейна Верхней Волги и Оки. Поступление пушнины из Прикамья через Волжский путь также, в конечном итоге, не исключено, но требует более развернутых доказательств.

[3] Не исключено, что в течении VII в. их территория могла сместиться к востоку от Дона и Азовского моря, где, вроде бы, их знает «Армянская География» под именем «Огхондор-Блкар-пришельцы». Локализация хунугур/оногур на Северном Кавказе ранее VII в., также предлагаемая исследователями, вряд ли может быть принята, поскольку она, по сути, исключает участие в торговле мехом, который мог поступать только с севера, из лесной зоны [Казанский, 2016а. С. 97].

[4] «…Побережье океана у Венедского залива занимают Вельты, выше их Оссии, затем – самые северные – Карбоны, восточнее их Кареоты и Салы; ниже этих – Гелоны, Иппоподы и Меланхлены, ниже их – Агафирсы, затем Аорсы и Пагириты, ниже их – Савары и Боруски до Рипейских гор; затем – Акибы и Наски, ниже их – Вибионы и Идры, ниже Вибионов до Аланов – Стурны, а между Аланами и Амаксобиями – Карионы и Саргатии; у поворота реки Танаида – Офлоны и Танаиты, за ними – Осилы до Роксалан…» [Клавдий Птолемей, Географическое руководство, III.5.10; цит. по: Латышев, 1890. С. 231].

Библиография

Бейдин Г.В., Мызгин К.В. Клад позднебоспорских медных статеров из Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) / отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 165–180.

Гавритухин И.О. Ранние формы пальчатых фибул и экземпляр из Замятнино // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004. С. 89–94.

Гавритухин И.О. Стеклянный сосуд с синими налепами из Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) / отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015а. С. 270–273.

Гавритухин И.О. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) / отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015б. С. 212–240.

Гавритухин И.О. Фибулы подгруппы Левице-Токари в Подонье // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) / отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015с. С. 202–211.
Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М.: Наука, 1976. 200 с.
Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Индрик, 2007. 360 с.
Добровольская М.В., Земцов Г.Л, Мастыкова А.В., Медникова М.Б. Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону: биоархеологическая реконструкция // Российская археология. 2015. № 1. С. 44–58.
Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2007. 212 с.
Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / Текст, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 512 с.
Казанский М.М. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2007. С. 122–141.
Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь » в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2010а. № 4. С. 17–130.
Казанский М.М. Реки восточной части Балтийского бассейна и античные географы. Еще раз о Турунте и Хесине // Археологические вести. 2010б. № 16. С. 123–134.
Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.
Казанский М.М. Оногуры в пост-гуннское время на Дону // Дивногорский сборник. 2016а. Вып. 6. С. 96–111.
Казанский М.М. Водные пути из Балтики к Черному морю в позднеримское время и в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2016б. № 4. С. 191–240
Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. 496 с.
Латышев В.В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб., 1890.
Мастыкова А.В. Стеклянные бусы комплекса поселений у с. Замятино // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004. С. 84–88.
Мастыкова А.В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник. 2016. Вып. 6. С. 241–254.
Мастыкова А.В., Земцов Г.Л. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 234. С. 200–222.
Мастыкова А.В., Румянцева О.С., Егорьков А.Н. Связи населения Центральной России и понтийского региона в эпоху Великого переселения народов (по материалам стеклянных бус) // Археологическое изучение Центральной России / отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий гос. пед. университет, 2006. С. 264.
Мызгин К.В. Определение античных монет, найденных на поселении Ксзово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) / отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 364.
Нунан Т.С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы / отв. ред. А.Н. Кирпичников, В.Н. Седых. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 256–313.
Обломский А.М. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху (проблема контактов населения) // Дивногорский сборник. 2009. Вып. 1. С. 252–267.
Обломский А.М. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1 / ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 174–202.
Обломский А.М. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н.э. // Петербургский Апокриф. Послание от Марка / отв. ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев: Университет «Высшая антропологическая школа», 2011. С. 443–462.
Обломский А.М. Верхнее Подонье и Северное Причерноморье в середине 1 тыс. н.э. Проблема торгового пути // Inter Ambo Maria. Северные варвары на пути к Чёрному морю. Тезисы докладов. Симферополь, 2012. С. 220–230.
Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. 488 с.
Прокофьев Н.И. Хождение Игнатия Смольянина в Царьград. Археографическое вступление и текст // Литература Древней Руси. Вып. 2. М.: МГПИ, 1978. С. 136–145.
Страбон. География в 17 книгах / Пер., статья и комм. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
Haussig H.W. Histoire de la civilisation byzantine. Paris: Librairie Jules Tallandier, 1971. 461 p.
Haussig H.W. Nachrichten über den skandinavischen Pelzhandel mit byzantinischen Kaufleuten an der Mündung des Don in der ersten Hälfte des 6. Jahrhunderts // Wirtschaft, Technik und Geschichte. Festschrift für A. Timm / Hrsg. V. Volker Schmidtchen, E. Jäger. Berlin: Camen, 1980. S. 53–62.
Howard-Johnston J. Trading from Classical Antiquity to the Early Middle Ages // Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology / ed. E. Cameron. London: Archetype Publications for the Archaeological Leather Group, 1998. P. 65–79.
Jordanès. Histoire des Goths / traduction en français de O. Devilliers. Paris: Les Belles Lettres, 1995. 230 p.
Kazanski M. Les arctoi gentes et «l'empire» d'Hermanaric // Germania. 1992. Bd. 70/1. S. 75–122.
Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest, Brăila: Editura Academiei Române, 2009. 489 p.
Kazanski M. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle // Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Theune, F. Biermann, R. Struwe, G.H. Jeute. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf Gmb, 2010. S. 225–238.
Kolendo J. L'importation de fourrures du Barbaricum sur le territoire de l'Empire romain // Münsterische Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte. 1999. Bd. 18/2. S. 1–23.
Oblomskiy A. The Upper Don and the Northern Black Sea Areas ca. 500 AD: Aspects of the Trade Route // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / eds. I. Khrapunov, F.-A. Styegar. Kristiansand, Simferopol: Dolya Publihing House, 2013. P. 282–302.
Podossinov A.V. Das Schaware Meer in der geokartograzphischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. III: Die Flussverbndungen zwiscen dem Blatischen und dem Schawarzen Meer nach angaben der antiken, mittelalterlichen und arabischen Goekartographie // Ancien West & Est. 2008. Vol. 7. P. 107–134.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ СТЕПНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ[1]

В степях Восточной Европы немногочисленные памятники «шиповского» или постгуннского горизонта (430/470–530/570 гг.) заполняют лакуну между гуннским периодом (360/370–470/480 гг.) и горизонтом «геральдических» поясов, или горизонтом Суханово (550–670/700 гг.) [Комар, 2008]. Для изучения хронологии древностей степных кочевников представляется интересным рассмотреть даты этих вещей.

Время бытования большинства рассмотренных здесь вещей, как «мужских», так и «женских», устанавливается по внешним аналогиям, охватывающим обширную территорию, куда входят западноевропейский и балкано-дунайский регионы, где разработана аргументированная хронология древностей V–VI вв., которая опирается на многочисленные монетные находки, а также на дендрохронологию. Не меньшее значение для хронологии степных древностей имеют и аналоги, происходящие из памятников оседлого населения степного пограничья, где есть многочисленные закрытые комплексы. В первую очередь, это памятники Северного Кавказа и Крыма, по хронологии которых имеются многочисленные исследования.

Византийские мечи с инкрустированной гардой. В степном контексте были обнаружены три меча с инкрустированными гардами – в Ялпуге, у дельты Дуная, в Дмитриевке, в Северном Приазовье и в Малаях, на Кубани (рис. 110, *4, 7, 8*). Возможно, к их числу стоит прибавить и третью находку, из Тамани (рис. 110, *6*; табл. 33, *5*) [Казанский, 2018. С. 395–397; Kazanski, 2018. Fig. 1]. Рассматриваемый тип оружия хорошо изучен [Menghin, 1995; Казанский, 2007. С. 122–141]. Перекрестье меча из Ялпуга (рис. 110, *4*; табл. 11), с двумя раздельными полями декора, более всего напоминает мечи типа 1, датированные по северокавказской находке в могильнике Лермонтовская скала 2, погр. 10 (рис. 110, *3*) второй половиной V – ранним VI в. [Казанский, 2007. С. 124, 136]. Меч из Дмитриевки относится к типу 3. Его гарда несет два декоративных поля с арочным декором. Помимо Дмитриевки, такой же меч был найден в могильнике готов-тетракситов в Дюрсо, в погребении 479 (рис. 110, *9*), датированном второй половиной V в. [Казанский, 2001. С. 45, 46; 2007. С. 136]. Меч из Тамани, происходящий из подкурганной ингумации, сопровождавшейся конем [Menghin, 2007. P. 327, I.34,5], относится к типу 2, как и меч из Малаев, а также известный меч из Альтлюссхейма (Altlussheim), на Рейне (рис. 110, *5*). Их инкрустированная гарда имеет два декоративных поля, каждое разделено на две или три горизонтальные зоны. Погребение в Альтлюсхейме датируется, скорее всего, первой половиной V в., поскольку для более позднего времени большие портупейные скобы, как на этом мече, неизвестны. Меч с Тамани имеет в своем декоре четырехлепестковый мотив, типичный для меровингских и визиготских украшений второй половины V – первой трети VI в. [Kazanski, 2001. P. 403; Казанский, 2007. С. 136].

Мечи с Р-образной портупейной скобой. Такие скобы были обнаружены в уже упоминавшемся погребении Малаи (рис. 110, *11*), а также в «поминальнике» Ливенцовский VII, курган 35, на Нижнем Дону (рис. 110, *10*) [Казанский, 2018. С. 396, 397]. Подобные скобы хорошо известны в широкой зоне в период распространения «геральдических» поясов, т.е. во второй половине VI–VII в. Кстати, в обоих комплексах встречены элементы ранних гарнитур этого стиля.

Р-образные скобы ножен меча имеют скорее всего азиатское происхождение, поскольку самые ранние находки этого оружия связаны с Востоком. Это кинжалы в Боровом, в Казахстане (рис. 110, *12*), в Керим-ло, погр. 14, в Южной Корее (рис. 110, *13*), а также находки в Китае, в погребениях знати [Zaseckaja, 1993; Засецкая, 1995; Koch, 1998; 1999; Anazawa, Manome, 2000]. Японские исследователи датировали могилу 14 Керим-ло временем не ранее середины VI в. [Anazawa, Manome, 2000. P. 74]. И. П. Засецкая высказала предположение, что кинжал из Борового, возможно, несколько древнее корейского, и отнесла оба предмета к первой половине VI в. [Zaseckaja, 1993. P. 439; Засецкая, 1995. С. 106–107]. Также первой половиной VI в. датирует кинжалы типа Боровое/Керим-ло А. Кох [Koch, 1999. S. 419]. Столь ранняя датировка находки в Боровом может быть аргументирована параллелями между данной находкой и погребением в Шамси, в Киргизии (см. ниже). К несколько более позднему времени – 569, 570 и 578 гг. – относятся Р-образные скобы из датированных погребений китайской знати [Koch, 1998. S. 592. Abb. 8]. Скорее всего, в контексте степных древностей наиболее ранние мечи с Р-образной скобой маркируют конец шиповского горизонта, тем более, что в Ливенцовском и Малаях найдены и ранние элементы гарнитуры геральдического стиля [Казанский, 2018. Рис. 5,43,47,49,52–55,56; 8,2–16].

[1] Статья опубликована: Хронологические индикаторы степных древностей постгуннского времени в Восточной Европе // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18. № 2. С. 109–124.

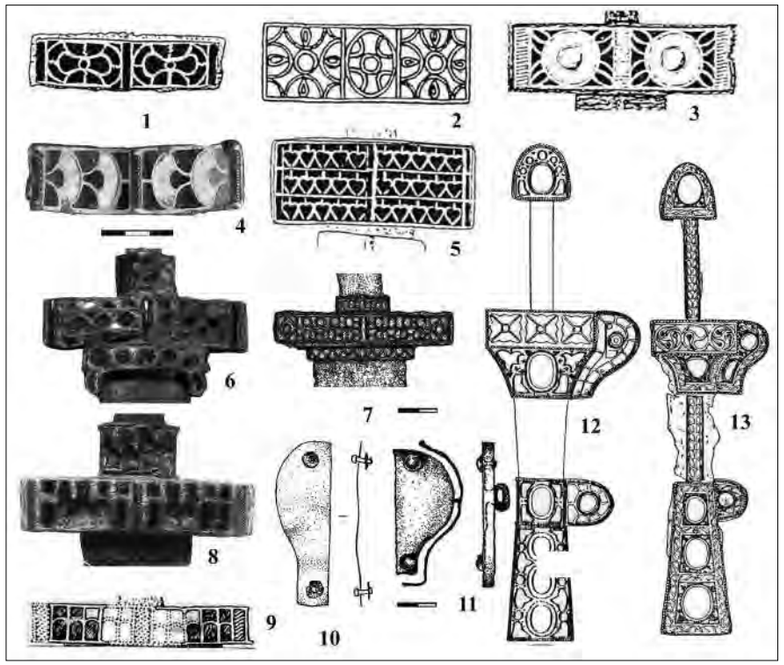


Рис. 110. Клинковое оружие и его параллели
1 – Керчь; 2 – Гагра; 3 – Лермонтовская Скала; 4 – Ялпуг; 5 – Альтлюссхейм; 6 – Тамань; 7, 11 – Малаи; 8 – Дмитриевка-Вольная Вода; 9 – Дюрсо; 10 – Ливенцовский VII; 12 – Боровое; 13 – Керим-ло
1–3, 5, 6, 9 – [по: Казанский, 2007. Рис. 44]; 4 – [по: Kazanski, 2018. Fig. 1]; 6–8, 11 – [по: Казанский, 2018. Рис. 3,1,2,5,48; 7,2,3]; 12, 13 – [по: Засецкая и др., 2007. Рис. 32,1,2]

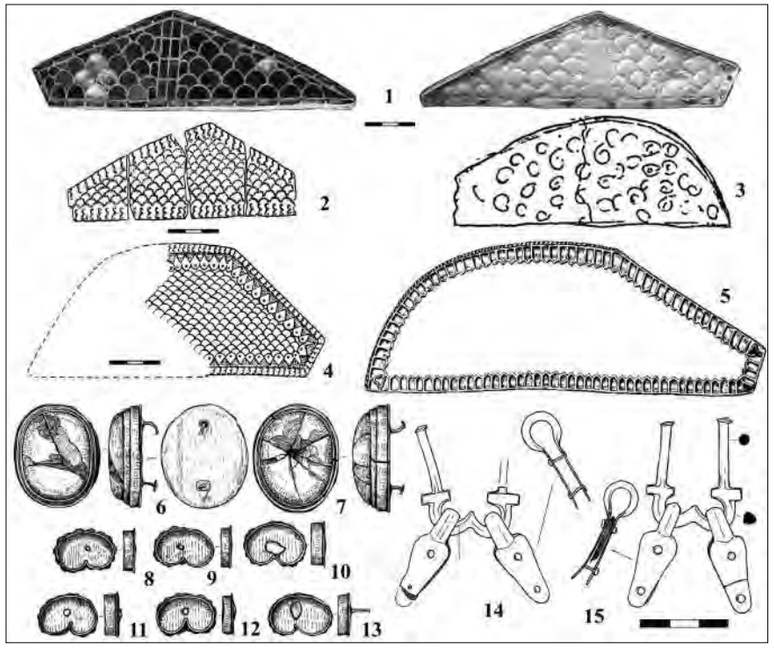


Рис. 111. Элементы конского снаряжения (1–4, 6–15) и их параллели (5)
1 – Ялпуг; 2 – Владимирское; 3 – Бабичи; 4 – Шипово, погр. 3; 5 – Крефельд-Геллеп, погр. 1782; 6–15 – Нейзац, погр. 114
1, 2 – [по: Kazanski, 2018. Fig. 1,6,13]; 3 – [по: Казанский, 2018. Рис. 2,13]; 4 – [по: Засецкая и др., 2007. Рис. 42,8]; 5 – [по: Périn, 1995. Fig. 15]

Металлические накладки на седла известны в ряде степных комплексов постгуннского времени. Они подразделяются на два типа.

Пластины вытянуто-сегментовидной формы составляют тип 4, по классификациям И.П. Засецкой и И. Р. Ахмедова [Засецкая, 2007. С. 145; Ахмедов, 2012. С. 23–25]. Назовем такие находки как Бабичи, Ольвия, Шипово, курган 3, Покровск, курган 18 (рис. 111, *3–5*). Восточнее, на Мангышлаке, седло с такими накладками было найдено в ограде 15 могильника Алтынказган [Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 11,6,7] (табл. 12). Эти накладки типичны для второй половины V – первой половины VI в., в чем убеждают, прежде всего, находки на уже упоминавшемся могильнике Дюрсо, в хронологическом контексте первой половины VI в. [Казанский, 2001. С. 54, 55]. Похожие по форме седельные накладки, с отделкой края декором в стиле перегородчатой инкрустации, известны и на Западе: в Равенне [Bierbrauer, 1975. Taf. 30], на Среднем Дунае, в Шарвиз (Sárvíz) [Kleemann, 2007]. Особое значение имеет находка в погребении 1782 франкского могильника Крефельд-Геллеп на Рейне [Wieczorek et al., 1996. Kat. V.4.8. Abb. 192–196]. Эта могила меровингского «вождя» принадлежит к фазе II раннемеровингских древностей, то есть ко второй трети VI в., и датируется, по аналогии с «княжеским» захоронением мальчика в Кёльне [Wieczorek et al., 1996. Kat. VI.2.2. Abb. 346–349], начальной стадией указанной фазы. Дата кёльнского погребения определяется, в свою очередь, по дендрохронологии в пределах от 527 по 547 гг. [Périn, 1995. P. 250]. Конечно, кое-где подобные накладки существовали и позже, как показывает, например, находка в одном из курганов Чир-Юрта (Северный Дагестан) с монетой 582–602 гг. [Амброз, 1989. Рис. 41,10].

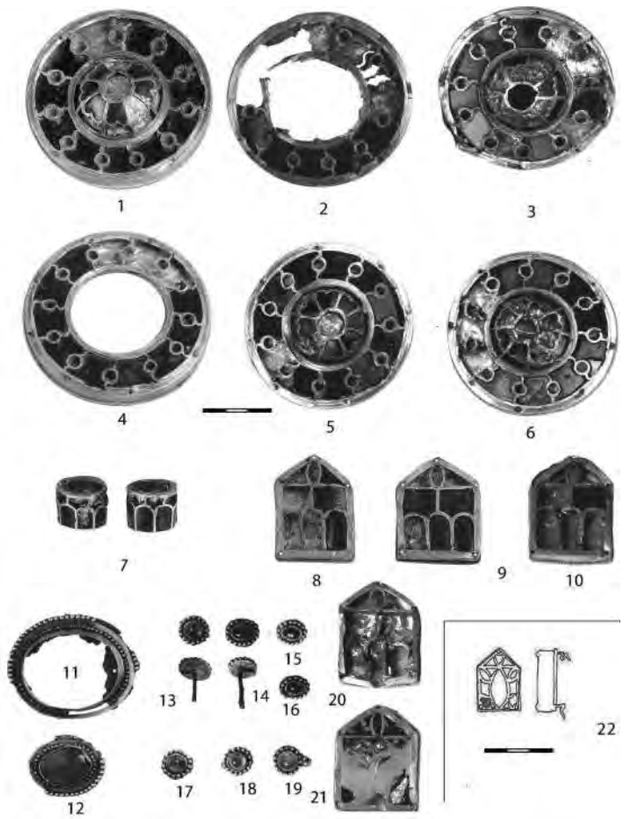


Рис. 112. Морской Чулек, погр. 2. Конская сбруя (1–21) и параллель из Бреговины (22)
1–21 – [по: Засецкая и др., 2007. Табл. IV–VIII]; 22 – [по: Jeremić, Milinković, 1995. Abb. 26,e]

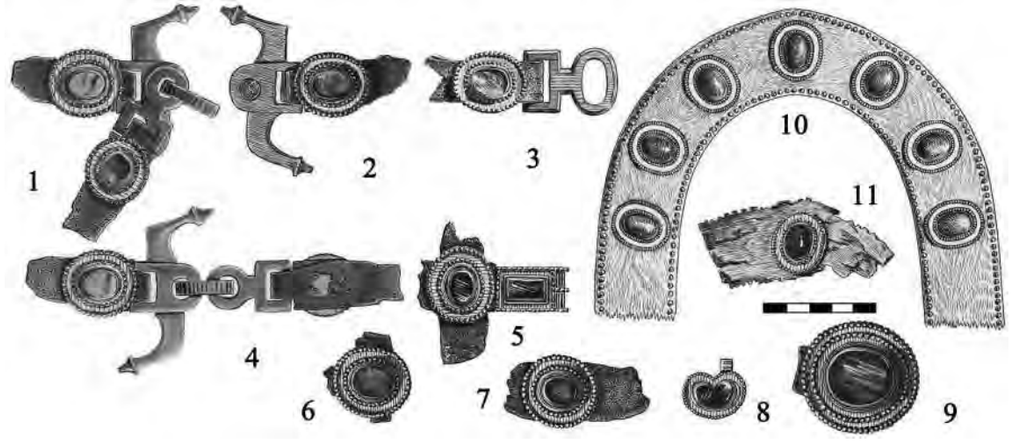


Рис. 113. Вещи из погребения в Шамси [по: Кожемяко, Кожомбердиев, 2015. Рис. 14, 16, 19]

Металлические накладки вытянуто-треугольной формы, типа Засецкая тип 1б – Ахмедов 5 [Засецкая, 2007. С. 143; Ахмедов, 2012. С. 25, 26], были найдены в Ялпуге и во Владимирском курган 4, погр. 2 (рис. 111, *1, 2*; табл. 11). Форма известна только в Восточной Европе, от Урала и Кавказа до устья Дуная. Одна из находок, в Солончанке I на Южном Урале, принадлежит гуннскому времени, находки во Владимирском и в Ялпуге – постгуннские. Датировку этих накладок постгуннским временем подтверждают и находки в закрытых комплексах на периферии степи, в поволжском могильнике Коминтерн II и в Галайты, в Чечне [см. подробно: Kazanski, 2018].

Накладки конской сбруи. Особое внимание привлекает конская сбруя из погр. 2 в Морском Чулеке, где представлены две различные гарнитуры [подробнее см.: Засецкая и др., 2007. С. 60–82]. Первую составляют круглые и пятиугольные накладки и, возможно, пронизки с декором в стиле перегородчатой инкрустации, явно «западного», скорее всего, византийского происхождения (рис. 112, *1–10, 20, 21*). Круглые бляхи очень хорошо датируются, прежде всего, по дунайским аналогиям, таким как конский убор из погребения гепидского предводителя в Апахиде (Apahida), погр. 2, второй половины V в. В состав того же убора входят и пятиугольные бляхи, близкой аналогией которым является пятиугольная накладка из византийской крепости VI в. Бреговина, в Южной Сербии (рис. 112, *22*) [Jeremić, Milinković, 1995. Abb. 26,e; Curta, 2019. P. 53]. Она происходит не из закрытого комплекса, однако её нахождение подтверждает гипотезу о византийском происхождении гарнитуры из Морского Чулека. Арочный декор на чулекских пятиугольных накладках близок орнаменту гард мечей второй половины V в. из Дмитриевки и Дюрсо (см. выше) (рис. 110, *9*), он более архаичен, чем орнамент накладки из Бреговины. Пронизки также хорошо известны для дунайских украшений второй половины V в. в таких находках как клад Клуж-Сомешени (Cluj-Someşeni) и Апахида, погр. 1 Трансильвании. Обе, безусловно, датируются второй половиной V в. [Засецкая и др., 2007. С. 37].

Вторая гарнитура из Морского Чулека, с сердоликовым декором, явно восточного происхождения (рис. 112, *11–19*). Она напоминает конский убор из «вождеских» находок в Шамси, в Киргизии (рис. 113; табл. 17) [Kožomberdieva et al., 1998; Кожемяко, Кожомбердиев, 2015] и Боровое, в Восточном Казахстане [Засецкая, 1995]. Богатое погребение из Шамси относят к позднему V – началу VI в., что обосновывается, с одной стороны, параллелями в степном материале гуннского времени (Кара-Агач, Канттас) [Kožomberdieva et al., 1998. P. 461, 465–468], с другой – налогами в северокавказском материале постгуннского времени [Kazanski, Mastykova, 1999. Fig. 13,15,16] и, наконец, анализом украшений стиля клуазонне из данного погребения [Adams, 2000. P. 42, 43]. Что же касается датировки погребения у озера Борового, то ее определение основывается, во-первых, на типологическом изучении кинжалов с Р-образной портупейной скобой (см. выше) и, во-вторых, на явных параллелях между инвентарем Борового и Шамси, таких как сердоликовые бляхи. В целом, предложенная дата Борового – начало – первая половина VI в. [Zaseckaja, 1993. P. 439; Засецкая, 1995. С. 107, 109; Засецкая и др., 2007. С. 89, 90]. Видимо, к той же гарнитуре принадлежат и гвоздики, шляпки которых украшены сердоликом. Подобные гвоздики имеются и в степном погребении Михаэльсфельд, на Нижней Кубани [о нем см.: Засецкая, 2010; Казанский, Мастыкова, 2014. С. 99, 100]. Они, видимо, имеют довольно широкую дату, поскольку встречены как в комплексе с вещами гуннского времени Аржан-Бугузун на Алтае [Кубарев, 2010. Рис. 1,1–11], так и в погребении Виноградное, горизонта геральдических поясов [Орлов, Рассамакин, 1996. Рис. 4,3,4].

Среди элементов конского убора привлекают внимание «почковидные» накладки на конскую сбрую, обнаруженные в кочевническом погребении 114 на крымском могильнике Нейзац (рис. 111, *8–13*). Наиболее близкими параллелями представляются накладки из Шамси (рис. 113, *8;* табл. 17), а также находки в аланском могильнике Мокрая Балка в Пятигорье и Цебельде. Все эти находки относятся к постгуннскому, шиповскому горизонту [Храпунов, Казанский, 2015. С. 180, 181].

Обоймы ремней конской узды из погр. 114 на могильнике Нейзац (рис. 111, *14, 15*) имеют ряд

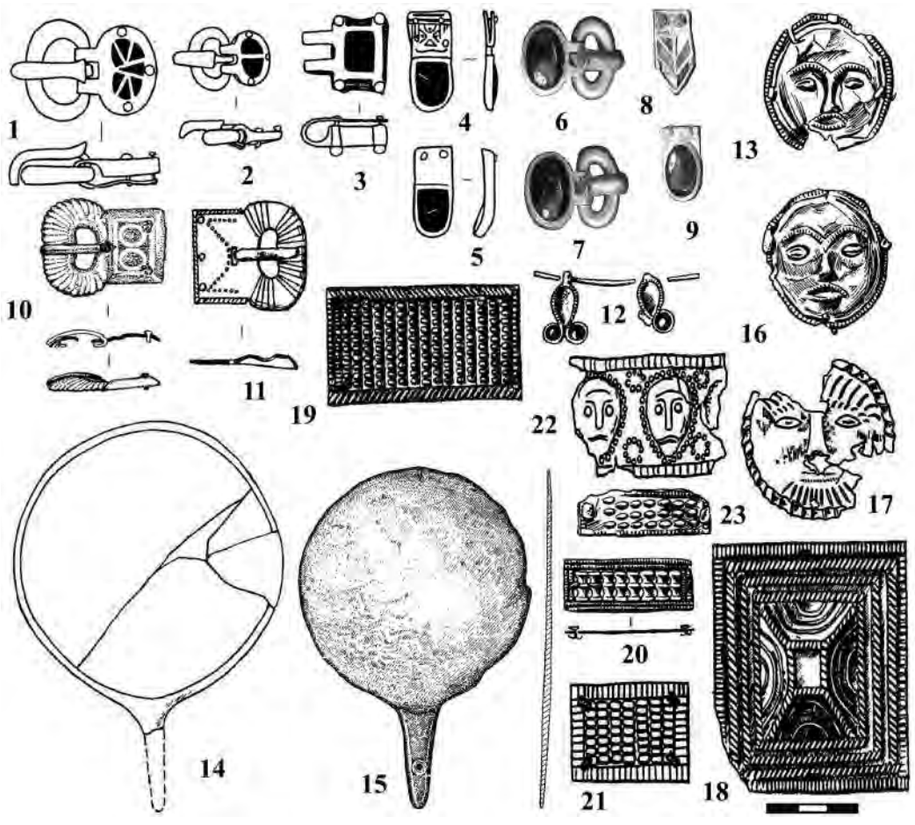


Рис. 114. Элементы костюма и декора
1–5 – Чикаренко; 6–9 – Ялпуг; 10 – Тугулук; 11, 12, 14, 18, 19 – Шипово, погр. 3;
13, 20, 23 – Новогригорьевка, погр. VII; 15 – Ясырев I; 17, 21, 22 – Покровск
1–5, 11–14, 16–32 – [по: Засецкая и др., 2007. Рис. 36; 38,5,8,16; 40,3,4,9,10; 41,1,3,4,5,8; 42,8];
6–9 – [по: Kazanski, 2018. Fig. 1]; 15 – [по: Мастыкова, 2018. Рис. 2,4]

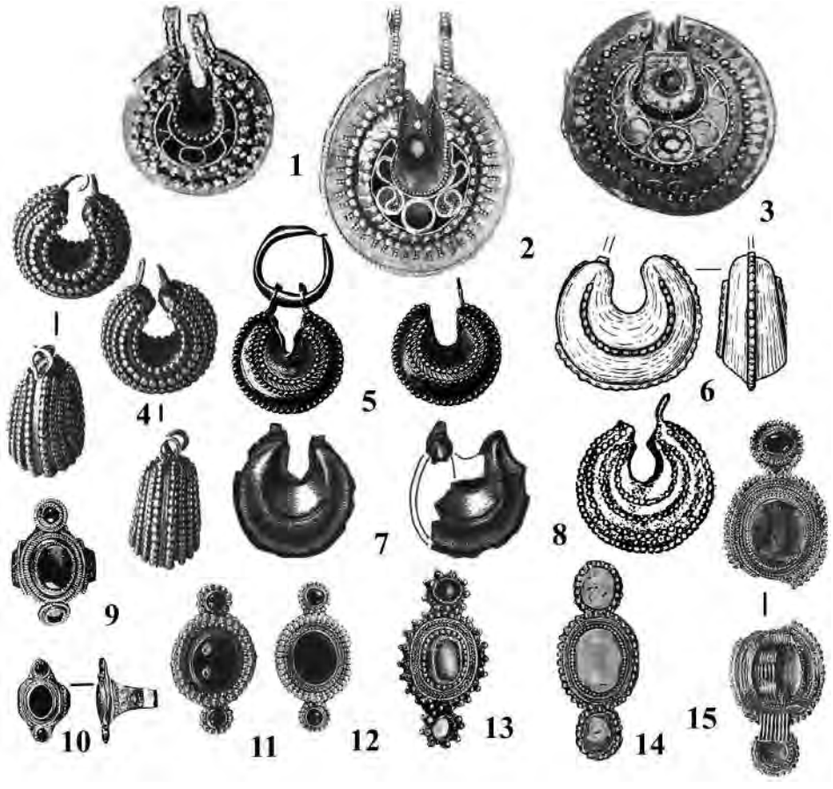


Рис. 115. Колты, серьги и перстни с трехчастным щитком
1 – Керчь; 2 – Михаэльсфельд; 3 – Уфа; 4 – Морской Чулек, погр. 1; 5 – Верхнее-Курмоярская;
6 – Нейзац, погр. 114; 7 – Фелдьё, погр. 6; 8 – Лисьи Могилы; 9, 10 – Скандинавия; 11 – Шамси;
12 – Морской Чулек, погр. 2; 13 – Уфа; 14 – Суханово; 15 – Тамань
1–5, 9–15 – [по: Засецкая и др., 2007. Рис. 2,5,13]; 6, 8 – [по: Храпунов, Казанский, 2015. Рис. 3,4; 6,4];
7 – [по: Balogh, 2014. 10 kép, 2,3]

параллелей в контексте германских древностей V – первой половины VI в. Назовем лангобардские удила из Вескень (Veszkény) в Венгрии, уже упоминавшееся погр. 2 в Апахиде, находку в Даллерупе (Dallerup), в Дании, аламанские удила в Альдингене (Aldingen), погр. 1969 г. и Плейдельсхайме (Pleidelsheim), а также тюрингские удила из погр. 9 в могильнике Деерсхайм (Deersheim) [Храпунов, Казанский, 2015. С. 181, 182].

В-образные петли псалий из того же погребения в Нейзаце (рис. 111, *14, 15*) также являются хронологическими индикаторами, поскольку они хорошо известны на удилах V–VI вв. Можно назвать такие находки как Былым-Кудинетово на Северном Кавказе, Апахида, Деерсхейм, а также Кустул (Qustul) в Нубии, Сарды (Sardis) в Малой Азии, только что упомянутые Альдинген, погр. 1969 г., Плейдельсхайм и, наконец, Либенау (Liebenau) в Северной Германии. Интересно отметить, что в нубийском могильнике Кустул, на южной периферии Римской империи, в погр. 2, датированном 410–420 гг., обнаружены роговые псалии, что напоминает нейзацкие псалии, также сделанные из органического материала [Храпунов, Казанский, 2015. С. 182].

Пряжки и ременные наконечники стиля клуазоне были обнаружены в курганном погребении Чикаренко, в степном Крыму [Казанский, 2018. С. 396], а также в Ялпуге (см. выше) (рис. 114, *1–8*; табл. 11). Крымские находки имеют параллели в западном «княжеском» уборе 450–480-х гг., например, в знаменитом погребении франкского короля Хильдерика [Ajbabin, 1995. P. 209; Засецкая и др., 2007. С. 110]. Скорее всего, речь идет о продукции византийских мастерских [о них см.: Arrhenius, 1985]. Пряжки из Ялпуга принадлежат той же традиции [ср., напр.: Kazanski, 1994. P. 157. Fig. 18,1].

Пряжки «шиповского» типа, цельнолитые, с прямоугольным щитком и овальной пряжкой встречены в таких погребениях как Шипово, погр. 2 и 3 на Южном Урале [Засецкая, 1994. Табл. 40,4; 42,6] и Тугулук-3, курган 5, погр. 5 в Северном Предкавказье [Ляхов, Мячин, 2010. Рис. 1,4] (рис. 114, *10, 11*). Пряжки шиповского типа широко распространены в степной зоне, от Аральского моря до Кавказа [напр.: Амброз, 1989. Рис. 34,3–6,11,12; Казанский, Мастыкова, 2010. С. 99]. При этом на Северном Кавказе данные пряжки присутствуют в погребениях второй половины V – середины VI в. [Мастыкова, 2009. С. 60, 61].

Пекторальные цепи с медальонами-подвесками представлены в Морском Чулеке и Михаэльсфельде, а также в кладе в Ольвии [Ross, 1965. Pl. LXXIX,A; Казанский, Мастыкова, 2014. С. 97, 98] (рис. 119, *1*; 137, *1*). Эти цепи, скорее всего, средиземноморского происхождения. Их дата устанавливается по некоторым конструктивным элементам. Так, цепи из Морского Чулека и Ольвии имеют в своем составе муфты-пронизки с декором в стиле перегородчатой инкрустации. Этот элемент также представлен на украшениях (см. выше) [Засецкая и др., 2007. С. 35–40]. Цепь из Михаэльсфельда датируется по вмонтированному в неё солиду Юстина и Юстиниана 526–527 гг. [Засецкая и др., 2007. С. 28–33; Засецкая, 2010. С. 126–128, 133–137, 141, 142].

Волютовидные подвески от ожерелья найдены в погр. 3 в Шипово [Засецкая, 1994. Табл. 40,8] (рис. 114, *12*). Подобные подвески известны также на Тамани и в «Майкопе» [Damm, 1988. № 44, 51, 52]. В одном из ожерелий, происходящих якобы из Майкопа, такие волютообразные подвески соседствуют с подвесками в виде мухи, последние же известны по итальянскому кладу в Реджио-Эмилия [Biebrauer, 1975. Taf. 32,3,4]. Дата клада из Реджио-Эмилия сейчас определяется в рамках последней трети V – середины VI в. [Baldini Lipolis, Pinar Gil, 2010].

Серьги или височные подвески, украшенные декором в стиле перегородчатой инкрустации и зернью, видимо, также продукт ранневизантийских мастерских, принадлежат к группе украшений, представленных в постгуннских степных погребениях, в Михаэльсфельде, в Новопокровке [Гаврилов, 1996; Засецкая и др., 2007. С. 15, 18, 24], в Восточном Крыму или в Уфе, в Башкирии [Ахмеров, 1951; Засецкая и др., 2007. С. 15, 26, 27] (рис. 115, *1–3;* табл. 38, *8, 9*). Для датировок этих украшений показательны находки в Михаэльсфельде, с монетой 526–527 гг. (см. выше). На близкую дату указывают и некоторые элементы орнамента подвесок, в частности – кружок с вихревой линией и петлеобразная «лента», отмеченные на кинжале из Керим-ло в Южной Корее (см. выше) [Zaseckaja, 1993. P. 439; Anazawa, Manome, 1980. P. 275].

Что касается находки в Новопокровке (табл. 38, *8, 9*), то в данном погребении нет ни одной вещи, узкая дата которой относилась бы ко времени после середины VI в. Нож с волютообразным навершием рукояти (табл. 38, *2*) не является хронологическим признаком VII–VIII вв., как это иногда утверждается, поскольку миниатюрная подвеска в виде такого ножа имеется на ожерелье из клада гуннского времени в Шимлеу Сильванией / Силадьшомйо (Szilágysomlyó / Şimleu Silvaniei) I [Capelle, 1994. S. 30. Fig. 22] (табл. 38, *10*). Зато округлая пластина полихромного стиля из Новопокровки (табл. 38, *5*) имеет надежные аналоги из памятников конца IV–V в. на территории Северного Кавказа, где они имитируют броши [Мастыкова, 2009. С. 35, 36] и из Крыма [Khrapunov, Kazanski, 2016. Fig. 3,1]. Погребение из Уфы, где представлена поздняя деградированная подвеска (рис. 115, *3*), сопровождалось ременной гарнитурой геральдического стиля [Засецкая и др., 2007. Рис. 6] и поэтому должно быть отнесено к более позднему горизонту степных древностей. Итак, интересующие нас колты существовали довольно долго, с V по VI–VII вв., и при этом они прошли значительную эволюцию, что и позволяет наметить их хронологию [см. подробнее: Засецкая и др., 2007. С. 12–28].

Калачевидные серьги обнаружены в степных погребениях Морской Чулек, погр. 1, Нейзац, погр. 114, Лисьи могилы, под Херсоном, а также в ст. Верхне-Курмоярской на Дону (случайная находка) (рис. 115, *4, 5, 6, 8*). За пределами Северного Причерноморья они крайне редки. Похожие подвески найдены и в раннеаварском могильнике Фелдьё (Felgyő) (рис. 115, *7*), в погр. 6, которое венгерские коллеги датируют приблизительно 625–650 гг. [Balogh, 2014. 10 kép, 2,3]. Они бронзовые, декор из двух напаянных проволочек, имитирующих зернь, отсутствует. Скорее всего, речь идет о позднем деривате понтийских украшений. Аналогичные серьги никогда не встречаются в памятниках гуннской эпохи. Поэтому можно предположить, что они появляются только в «постгуннское» время и получают дальнейшее развитие в ювелирных изделиях VI–VII вв. [см. подробнее: Засецкая и др., 2007. С. 12–14; Храпунов, Казанский, 2015. С. 177–179].

Перстни с трехчастным щитком, видимо, также существовали довольно долго. Они имеют римские прототипы III–IV вв., известные по находкам в Скандинавии (рис. 115, *9, 10*). В степных погребениях эти перстни встречены в Морском Чулеке, погр. 2, Суханово, Уфе (рис. 115, *11–15*). Из них только находка в Морском Чулеке относится к шиповскому горизонту, она имеет параллели в уже упоминавшемся погребении в Шамси. Погребения в Суханово и в Уфе связаны уже с последующим горизонтом геральдических поясов [Засецкая и др., 2007. С. 40–46].

Зеркала с длинной ручкой-штырем в восточноевропейских степях представлены двумя находками. Первая происходит из кургана 3 могильника Шипово. Вторая из погр. 2, кургана 1 донского могильника Ясырев I (рис. 114, *14, 15*). Зеркала, вне всякого сомнения, имеют среднеазиатское происхождение, их многочисленные параллели особенно хорошо представлены в материалах культуры Джеты-асар, с конца III–IV по VII–IX вв., принадлежавшей оседлому населению Восточного Приаралья. Зеркала с ручкой составляют здесь 52% (65 экземпляров на 1996 год) от общего числа джетыасарских зеркал. К сожалению, материал джетыасарской культуры опубликован суммарно, что затрудняет изучение хронологии здешних зеркал. Тем не менее, по имеющимся публикациям можно выявить ряд погребальных находок, свидетельствующих о бытовании интересующих нас зеркал в эпоху, соответствующую гуннскому (последняя треть IV – вторая треть V в.) и постгуннскому (вторая треть V – вторая треть VI в.) времени в степях Восточной Европы. Необходимо отметить, что пока не выделяется достоверных находок джетыасарских зеркал с ручкой в закрытых комплексах, которые можно надежно датировать более поздним временем, чем постгуннская эпоха, которая заканчивается во второй трети VI в., что и определяет верхнюю хронологическую дату бытования таких зеркал [подробнее: Мастыкова, 2018].

В заключение скажем несколько слов о таких признаках, как тисненый декор в виде личин (рис. 114, *13, 16, 17, 22*) и т.н. дерюжный орнамент (рис. 114, *18–21, 23*), по общему признанию характерных для степных памятников постгуннского времени. Эти декоративные элементы представлены на металлических пластинах в Новогригорьевке, погр. 7, Покровск, курганы 17 и 19, Владимирский, курган 4, Шипово, курган 2 [Засецкая, 1994. Табл. 6,3,4,9,10; 31,8,16; 35,7–9, 40,1,4,7]. Данные находки имеют большое значение для синхронизации степных памятников шиповского горизонта. В то же время, металлические пластины с таким орнаментом встречены и восточнее, на Мангышлаке, в частности в захоронении 158 могильника Алтынказган, вместе с пряжками предгеральдического времени, скорее всего, раннего VI в., а также с удилами с рифленой шейкой и окончанием в виде лопасти [Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 13,1,10,8], последние типичны для памятников Северного Кавказа и Юго-Западного Крыма второй половины V – первой половины VI в. [Казанский, Мастыкова, 2010. С. 95].

* * *

Итак, время наибольшего бытования хронологических индикаторов степных древностей «шиповского» или постгуннского горизонта определяется в рамках середины V – середины VI в., то есть от позднегуннского времени до эпохи распространения геральдических поясов, начиная со второй трети VI в. Впрочем, некоторые вещи – седельные накладки типа Засецкая-4, «гвоздики» с сердоликовыми инкрустациями на шляпках, калачевидные серьги, височные подвески, перстни с трехчастным щитком – имеют более широкую дату и частично охватывают и горизонт геральдических поясов. Часть вещей характерна для ранней стадии постгуннского горизонта. Это круглые накладки-фалеры, мечи с инкрустированной гардой типов 1 и 3, ременная гарнитура средиземноморской традиции. С другой стороны, некоторые вещи, такие как оружие с Р-образной портупейной скобой и ранние элементы геральдической гарнитуры, маркируют конец постгуннской эпохи и датируются временем около середины VI в. Интересно отметить, что некоторые из рассмотренных нами элементов имеют средиземноморское или азиатское происхождение и, таким образом, отражают культурные, военно-политические, экономические связи степного населения в начале средневековья.

Библиография

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // Stratum plus. 2018. № 4. С. 347-470.

Ахмедов И.Р. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов, М.: Государственный Исторический Музей, 2012. С. 19-48.

Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения IV–VII веков нашей эры // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. Вып. 40. С. 125–137.

Гаврилов А.В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 111–113.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс, 1994. 223 с.

Засецкая И.П. О датировке погребального комплекса у озера Борового в Казахстане // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня / Отв. ред. К.И. Ташбаева, Д.Ф. Винник. Бишкек: Илим. Бишкек: Илим, 1995. С. 95–110.

Засецкая И.П. Классификация обкладок ленчиков седла V – первой половины VI вв. // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2007. С. 142–146.

Засецкая И.П. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2010. Вып. 38. С. 123–159.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2007. 212 с.

Казанский М.М. Хронология начальной фазы некрополя Дюрсо // Историко-археологический альманах. 2001. Вып. 7. С. 41–58.

Казанский М.М. Погребения и «поминальники» воинских предводителей постгуннского времени в понтийских степях // Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér / Ed. A. Korom. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet, Budapesti Történeti Múzeum, 2018. С. 393–408.

Казанский М.М., Мастыкова В.А. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. 2010. Вып. 5. С. 93–104.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: Традиция, 2014. С. 97–108.

Кожемяко П.Н., Кожомбердиев И. Катакомбное погребение в ущелье Шамси // Археология Центральной Азии: архивные материалы. Том II. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований, 2015. С. 130 157.

Комар А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII в. // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III. С. 87–117.

Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2010. С. 27–31.

Ляхов С.В., Мячин С.В. Кочевническое погребение «постгуннского» времени в с. Тугулук Ставропольского края // Археология Восточноевропейской степи. 2010. Вып. 8. С. 225–230.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.

Мастыкова А.В. Центрально-азиатские зеркала у кочевников постгуннского времени в Восточной Европе // Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér / Ed. A. Korom. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet, Budapesti Történeti Múzeum, 2018. P. 409–418.

Орлов Р.М., Рассамакин Ю.Я. Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Отв. ред. И. Эрдели, О.М. Приходнюк. Киев: Наукова думка, 1996. С. 102–116.

Ратнер И.Д., Костюк Л.И. Древности Херсонщины. Симферополь: Таврия, 1989. 110 с.

Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 238. С. 167–190.

Adams D. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Insititut der UAW, 2000. P. 13–70.

Anazawa W., Manome J. The Inlaid Gold Dagger from Kerim-loo and its Wetern Connections // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Insititut der UAW, 2000. P. 71–87.

Arrhenius B. Merovingian Garnet Jevellery, emergence and social implications. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1985. 229 p.

Baldini Lipolis I., Pinar Gil J. Osservazioni sul tesoro di Reggio Emilia // L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI / eds. C. Ebanista, M. Rotili. Cimitile: Tavolario edizioni, 2010. P. 113–128.

Balogh C. Kora avar sírok Felgyő-Kettő dűblőben // Avarum Solitudines: Archaeological studies presented to Gábor Lőrinczy on his sixtieth birthday / Eds. A. Anders, C. Balogh, A. Türk. Budapest: MTA BTK Magyar Őstörténeti, 2014. S. 243–278.

Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 1975. 380 S.

Capelle T. Die Miniaturenkette von Szilágysomlyó (Şimleul Silvaniei). Bonn: In Kommission bei Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1994. 112 S.

Curta F. Ethnicity in the Steppe Lands of the Northern Black Sea Region During The Early Byzantine Times // Archaeologia Bulgarica. 2019. Vol. XXIII, 1. P. 33–70.

Damm I.G. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzenmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65–210.

Jeremić M., Milinković M. Die byzantinische Festung von Bregovina (Südserbien) // Antiquité tardive. 1995. Vol. 3. P. 209–225.

Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // Archéologie Médiévale. 1994. Vol. XXIV. P. 137–198.

Kazanski M. Deux appliques de selle post-hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation // Studia Romana et Mediævalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata / Eds. D. Aparaschivei, G. Bilavschi. Bucureşti: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I", 2018. P. 169–187.

Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e-6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. 1999. Bd. 5. P. 523–573.

Khrapunov I., Kazanski M. A Grave from the Hunnic Period in the Cemetery of Neizats (Central Crimea) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2016. Bd. 46/3. S. 363–378.

Kleemann J. Bemerkungen zum Cloisonnierten Goldbleschlag vom Sárvíz // Archaeologiai Értesítő. 2007. T. 132. S. 123–141.

Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwerttrag- und Kappfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel chinesischer Schwerter mit P-förmigen Tragriemenhaltern aus dem 6.–8. Jahrhundert n. Chr. // Jahrbücher des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1998. Bd. 45. S. 571–598.

Koch A. Zum Prunkdolch von Kyerim-no, Kyôngju (Südkorea) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1999. Bd. 29. S. 407–423.

Kožomberdieva E.I., Kožomberdiev I.K., Kožemjako P.N. Ein Katakombengrab aud der Schlucht Samsi // Eurasia Antiqua. 1998. Bd. 4. S. 451–471.

Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1995. Bd. 26–27. S. 140–191.

Menghin W. (Hrsg.). Каталог Эпоха меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. Berlin: Minerva, 2007. 592 S.

Périn P. Les tombes des «chefs» du début de l'époque mérovingienne // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, V. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1995. P. 247–300.

Quast D. Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzance: Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehör des 5. Jahrhunderts n. Chr. // Acta Praehistorica et Archaeologica. 2007. Bd. 39. S. 35–64.

Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 2. Washington: The Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1965. 144 p.

Wieczorek A., Perin P., von Welck K., Menghin W. (Hrsg.). Die Franken. Wegbereiter Europas. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1996. 1143 S.

Zaseckaja I.P. To the Dating of the Dagger from Borovoye-Lake find in Kazakhstan // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, V. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 437–443.

МОРСКОЙ ЧУЛЕК – ШАМСИ – АРЖАН БУГУЗУН: МИГРАЦИИ СТЕПНЫХ КОЧЕВНИКОВ В ПОСТГУННСКОЕ ВРЕМЯ И «КНЯЖЕСКАЯ» КУЛЬТУРА[1]

Древности кочевников постгуннского времени (т.н. шиповский горизонт – вторая треть V – вторая треть VI в.)[2] в восточноевропейских степях представлены небольшим количеством находок – погребений и «поминальников», среди которых четко выделяется группа памятников привилегированного характера [см. подробнее: Засецкая и др., 2007; Kazanski, 2010; 2017; 2018; Казанский, 2016; 2018а; 2018б; Казанский, Мастыкова, 2014]. В данной работе будут рассмотрены археологические свидетельства миграций азиатских кочевников на Запад в постгуннское время, отразившиеся в «княжеской» материальной культуре (рис. 116).

Собственно, для интересующего нас периода письменные свидетельства того времени говорят о двух значительных миграциях. Сначала продвижение сарагур, оногур/хунугур и урогов около 463 г., вытесненных из Азии савирами и разбивших акацир, ранее обитавших в «припонтийской Скифии» [Приск Панийский, фр. 30; Артамонов, 1962. С. 76], то есть к западу от Дона, который в античной географической традиции считался границей между Скифией и Сарматией. Вслед за ними появляются и сами савиры, прорвавшиеся на Северный Кавказ не позднее 515 гг. [Прокопий Кесарийский, *Война с персами*, II.29.15; о савирах см.: Артамонов, 1962. С. 62, 65, 66, 69–78][3].

По данным древних авторов второй половины V–VII в., сарагуры оседают на Северо-Восточном Кавказе, где они действуют против персов [Приск Панийский, фр. 37], а угры локализуются где-то на Волге [Феофилакт Симокатта, VII.7.1.13; Артамонов, 1962. С. 62–64]. Хунугуры, по совокупности данных письменных источников [Иордан, *Getica*, 36, 37; Равеннский Аноним, IV.2], занимают бывшую территорию акацир, в Северо-Восточном Приазовье, близ устья Дона [Altheim, 1952. P. 205; Haussig, 1971. P. 71, 72; Засецкая и др., 2007. С. 104–107; Kazanski, 2010. P. 225, 226; Казанский, 2016. С. 96–98]. Вероятно, в VII в.

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Морской Чулек – Шамси – Аржан Бугузун: миграции степных кочевников в постгуннское время и «княжеская» культура // Stratum plus. 2020. № 5. С. 55–72.

[2] Здесь мною используется периодизация древностей южной части Восточной Европы, которая в последнее время становится общепринятой [см.: Мастыкова, 2009. С. 19, 20; Казанский, Мастыкова, 2010; Гавритухин, Астафьев, Богданов, 2019. С. 184]: гуннский период – 360/370–470/480 гг.; постгуннский период, или горизонт Шипово – 430/470–530/570 гг.; горизонт т.н. геральдических поясов – 550–670/700 гг.

[3] Другие миграции в понто-кавказских степях, такие как появление болгар в 481 г. на Дунае или продвижение авар на Запад около 558–565 гг., могли осуществляться восточноевропейскими кочевниками, без прямого участия выходцев из Азии.

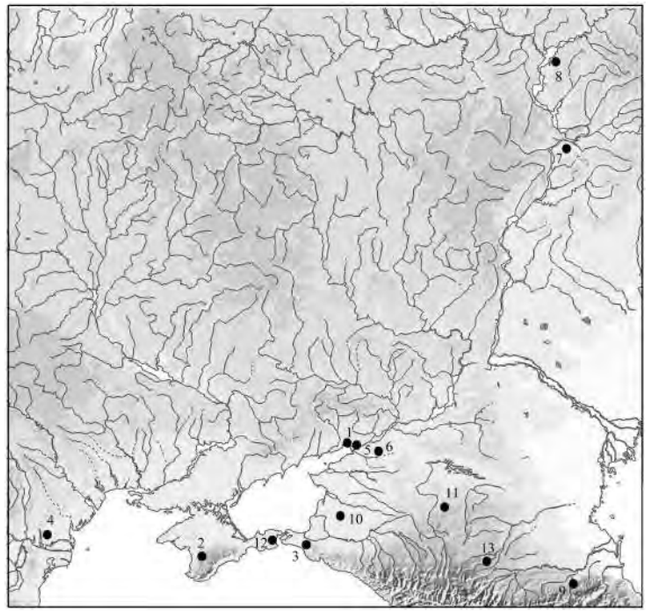


Рис. 116. Карта памятников постгуннского времени в Восточной Европе, упоминаемых в тексте
1 – Морской Чулек; 2 – Нейзац; 3 – Михаэльсфельд; 4 – Ялпуг; 5 – Ливенцовский VII; 6 – Ясырев I; 7 – Владимирское; 8 – Коминтерн II; 9 – Галайты; 10 – Малаи; 11 – Тугулук; 12 – Керчь; 13 – Мокрая Балка

их территория смещается к востоку от Азовского моря, где, вроде бы, их знает «Армянская География» под именем «Огхондор-Блкар-пришельцы» [Артамонов, 1962. С. 167–169; Гадло, 1979. С. 58, 69]. Локализация хунугур/оногур ранее VII в. на Северном Кавказе или между Доном и Кубанью, также предлагаемая исследователями [напр.: Артамонов, 1962. С. 157; Божилов, Димитров, 1995. С. 21; Рашев, 2000. С. 8; Ромашов, 2001. С. 288], вряд ли может быть принята, поскольку она, по сути, исключает описанное Иорданом участие последних в торговле мехом, который мог поступать только с севера, из лесной зоны, а также противоречит сообщению Равеннского Анонима, использовавшего описание Скифии Иордана, как он его называет *Iordanus, sapientissimus cosmographus,* и других позднеантичных авторов о том, что страна Оногория находится у Понтийского моря и «по соседству с верхней точкой Меотийского болота»[4] (перевод А.В. Подосинова) – *…Item iuxta Mare Pontico ponitur patria que dicitur Onogoria, quam subtilius Livanius phylosophus vicinam paludis Meotide sumitatis esse decernit…* [Равеннский Аноним, IV.2]. По общему мнению, верхней точкой Меотиды у античных географов считался северный берег Азовского моря или устье Дона [см. реконструкции: Подосинов, 2002. Рис. 1; 3; 7; 13; 14; 16–18], куда еще Т. Моммзен и поместил Оногорию Равеннского Анонима [Подосинов, 2002. Рис. 16][5].

Видимо, близ устья Дона находились и центры власти у оногур, о чем свидетельствует находка «княжеских погребений» постгуннского времени в Морском Чулеке [Засецкая и др., 2007; Kazanski, 2010; Казанский, 2016][6]. Обычно места резиденции знати являются и центрами сосредоточия торговли. Однако такой важный донской центр как Танаис исчезает в 450–460-е гг., где поздние слои и погребения не заходят далее этого срока [см. обзор: Kazanski, 2009. P. 171–181; Обломский, 2010, там же подробная библиография]. Причину исчезновения Танаиса надо, скорее всего, искать в изменении политической ситуации на Нижнем Дону около 463 г. или чуть ранее, когда сарагуры, уроги и хунугуры громят акацир.

Савиры, появившиеся в восточноевропейских степях незадолго до 515 г., локализуются в Северо-Восточном Предкавказье [Артамонов, 1962. С. 69–78; Ромашов, 2001. С. 269–271]. Интересно, что среди степных народов именно савир Иордан считает гуннами. Стоит обратить внимание и на указание Иордана о том, что савиры, вместе с крымскими альциагирами, составляют две ветви гуннов, а стало быть являются «родственниками» [Иордан, *Getica*, 37]. Если Иордан прав, то и альциагиры являются пришельцами из Азии. Впрочем, не исключено, что это тот же народ, что и ультидзуры Денгезиха, отступившие после 456 г. из Подунавья, потомки нижнедунайских гуннов Ульдиса [Засецкая и др., 2007. С. 101–107].

После этого краткого обзора свидетельств древних авторов о продвижениях степных народов из Азии в постгуннское время, перейдем к вопросу о возможных археологических свидетельствах миграций или связей с востоком в «княжеской» культуре кочевников восточноевропейской степи. В первую очередь, привлекают внимание украшения конской сбруи из погребения 2 в могильнике Морской Чулек на Нижнем Дону [Засецкая и др., 2007] и из погребении 114 крымского могильника Нейзац [Храпунов, Казанский, 2015; 2016. С. 201–206] (рис. 117, *1–9, 12–29*).

В погребении 2 Морского Чулека было найдено два конских убора. Один, с декором в стиле перегородчатой инкрустации (рис. 118, *1–6*), вероятно, имеет византийское происхождение и, возможно, был получен, вместе с массивными золотыми браслетами с весовой надписью (рис. 118, *7, 8*), в качестве дипломатического дара во время известного посольства сарагур, оногур и урогов в Константинополь в 463 г. [подробнее см.: Засецкая и др., 2007. С. 75–82].

Из второго конского убора на сегодняшний день сохранились две овальные бляхи (рис. 117, *1, 2*) на серебряной пластинчатой основе, с напаянными на нее золотыми деталями – гнездом из узкой полоски, ободками из зерни и положенной по кругу припаянной лентой. В одной из бляшек сохранилась сердоликовая вставка. К тому же убору принадлежат семь бронзовых гвоздиков со шляпками (рис. 117, *3–9*), состоящими из серебряной пластины, покрытой сверху золотым листом, с выпуклой вставкой сердолика или альмандинами в гнезде из напаянной золотой полоски [Засецкая и др., 2007. С. 166, 167. Кат. 19–21].

Подобные бляхи представлены и в «постгуннском» погребении 114 крымского могильника Нейзац, которое по богатству значительно уступает находкам в Морском Чулеке [Храпунов, Казанский, 2015; 2016, С. 201–207]. Здесь, на сопровождавшем конском захоронении были найдены серебряные позолоченные бляхи двух типов – крупные овальные со стеклянными вставками и мелкие почковидные с пустыми гнездами для вставок (рис. 117, *12–18*).

Гвоздики, как в Морском Чулеке, составлявшие с вышеописанными бляхами единую гарнитуру, имеются и в степном «княжеском» погребении Михаэльсфельд на Нижней Кубани (рис. 117, *10, 11*), дата которого приходится, судя по находке в нем монеты Юстиниана, вмонтированной в ожерелье (рис. 119, *2*), на вторую треть VI в. [о нем см.: Засецкая, 2010; Казанский, Мастыкова, 2014. С. 99, 100][7].

При публикации этих памятников уже отмечалось, что овальные бляхи из Морского Чулека и Нейзаца имеют наиболее близкие аналоги в привилегированных погребениях степных кочевников Центральной Азии постгуннского времени [о дате см.: Засецкая и др., 2007. С. 84–90], в частности в конском снаряжении из захоронения Шамси в Киргизии [Kožomberdieva et al., 1998. Abb. 10,5–7; Кожемяко, Кожомбердиев, 2015. Рис. 14, 16] (рис. 113; табл. 17), в поминальном сооружении[8] Аржан-Бугузун на Юго-Восточном Алтае [Кубарев, 2010. Рис. 1] (рис. 120, *2*), а также на кинжале из находки у озера Борового в Казахстане [Бернштам, 1949; Засецкая, 1995] (рис. 120, *3*). Похожие бляхи с кабошонами, однако меньшего размера, известны в Крыму, в коллекции Бертье-Делагарда [Andrási, 2008. Cat. № 29, 30. Pl. 19, 20] (рис. 117, *30–35*). Впрочем, в степном контексте к востоку от Волги они появляются и в более раннее гуннское время, например, в Солончанке на Южном Урале [Любчанский, Таиров, 1999. Рис. 24,2–5] (рис. 120, *1*). Во всех случаях присутствуют овальной формы медальоны и более мелкие овальные и округлые бляхи, идентичные по своим конструктивным признакам и стилистическим особенностям.

Очень похожие предметы использовались не только как аппликации на конскую сбрую, но и как подвески, о чем свидетельствуют находки в том же погр. 2 Морского Чулека и в захоронении Михаэльсфельд [Засецкая и др., 2007. Рис. 12] (рис. 119), а также в погребении гуннского времени Энбекшил в Центральном Казахстане [Байсенов, Веселовская, 2013. С. 49. Рис. 3] и в могильниках джетыасарской культуры в низовьях Сыр-Дарьи [см., напр.: Левина, 1993. Рис. 55,14; 1994. Рис. 162]. Впрочем, подвески такого типа не являются специфичными для азиатских степей, они широко распространяются по Евразии и имеют большой хронологический диапазон [Засецкая и др., 2007. С. 37, 38]. Что же касается медальонов из Морского Чулека и Михаэльсфельда, то они, скорее всего, ранневизантийского происхождения. Поэтому для реконструкции восточных связей постгуннского времени здесь привлекаются исключительно элементы конского убора.

Почковидные бляхи, как в Нейзаце (рис. 117, *20–29*), известны в уже упоминавшемся погребении Шамси (рис. 113, *8*; табл. 17) (Kožomberdieva et al., 1998, Abb. 9,2; 10,7; Кожемяко, Кожомбердиев, 2015.

[4] Меотидское болото (озеро) отдельным морем в древности не считалось.

[5] Решительнее всех против нашей интерпретации, да и вообще против всяких попыток локализовать древние народы на географической карте выступил Ф. Курта «Moving around Jordanes' ethnic names on a contemporary map of Eastern Europe is therefore a senseless exercise in futility. It is also a sad confirmation of Alemany's point: few have a deep and correct understanding of sources as texts, and even fewer can place those texts in a historical context…» [Curta, 2019. P. 38]. Хотя подобный тон не располагает к академическому общению, замечу всё же, что прежде чем пускаться в поучения, как работать с письменными источниками, Ф. Курте необходимо усвоить, что для полноценного исследования следует привлекать все имеющиеся по конкретному вопросу сведения древних авторов, например, выше цитированного Равеннского Анонима, а не только те, которые его устраивают. Кстати, локализация оногур близ устья Дона – не мое изобретение, как это пытается представить Ф. Курта, она принадлежит еще Т. Моммзену (см. выше), о чем мой оппонент мог бы узнать, ознакомившись с работами по исторической географии Северного Причерноморья.

[6] В уже упомянутой работе Ф. Курта предложил для рассмотренных здесь памятников более позднюю дату, но при этом он полностью игнорировал подробную развернутую аргументацию, изложенную в нашей монографии под руководством И.П. Засецкой [Засецкая и др., 2007], да и вообще все последние работы о хронологии древностей постгуннского периода в Восточной Европе, видимо, ему неизвестные или, по крайней мере, никоим образом не отраженные в библиографии к его статье.

[7] Такие гвоздики, видимо, имеют довольно широкую дату, поскольку их аналоги встречены в погребении Виноградное, горизонта геральдических поясов, т.е. второй половины VI – последней трети VII в. [Орлов, Рассамакин, 1996. Рис. 4,3,4] или в погребении Мадара [Рашев, 2000. Табл. 80,12–20].

[8] На памятнике не было зафиксировано погребений, поэтому автор публикации предполагает, что данный комплекс имел поминальный характер [Кубарев, 2010. С. 31]. Дата сооружения по С14 устанавливается в пределах 395–538 гг. [Hayasi, 2017].

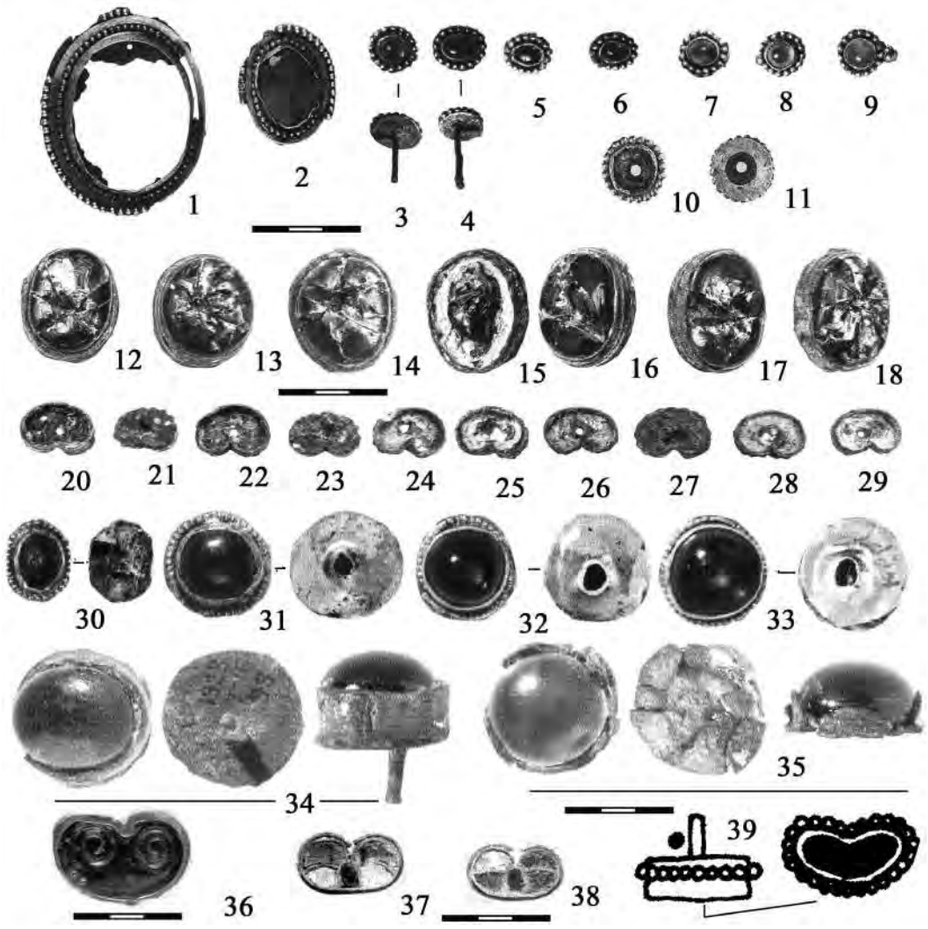


Рис. 117. Элементы гарнитуры конского снаряжения из Морского Чулека, Михаэльсфельда и Нейзаца и их некоторые параллели
1–9 – Морской Чулек, погр. 2; 10, 11 – Михаэльсфельд; 12–29 – Нейзац, погр. 114; 30–33, 36 – Керчь; 34, 35 – Крым (?); 37, 38 – Мокрая Балка, погр. 4; 39 – Цебельда
1–9 – [по: Засецкая и др., 2007. Табл. VIII,1–3]; 10, 11 – [по: Казанский, Мастыкова, 2014. Рис. 7, 6]; 12–29, 36–39 – [по: Храпунов, Казанский, 2016. Рис. 12,14–16; 13,1; 15,3,4]; 30–35 – [по: Andrási, 2008. Pl. 19, 20]

Рис. 16]. Стоит упомянуть и почкообразные накладки на ремень, обнаруженные в погр. 4 (раскопки В. Б. Ковалевской) аланского могильника Мокрая Балка в Пятигорье (рис. 117, *37, 38*), относящемся к шиповскому горизонту. В составе конского снаряжения почковидные инкрустированные бляхи найдены в Цебельде, под стенами крепости (рис. 117, *39*). Данная находка не имеет контекста, позволяющего уточнить его датировку. Необходимо вспомнить и происходящую якобы из Керчи золотую почковидную пластину с гранатовой вставкой, с резным спиралевидным декором на камне (рис. 117, *36*). Спиралевидный декор типичен для украшений «постгуннского» времени в Центральной и Восточной Европе [Храпунов, Казанский 2016. С. 204, там же библиография][9].

Опираясь на бесспорное тождество конструктивных, технологических и стилистических признаков элементов конского убора из указанных выше находок, можно предположить, что они относятся к одному хронологическому периоду и, вполне вероятно, являются продукцией ювелирных мастерских центральноазиатского происхождения.

Среди предметов конского снаряжение постгуннского времени в евразийских степях привлекают внимание металлические накладки на седла вытянуто-треугольной формы, типа Засецкая 16 / Ахмедов 5 [Засецкая, 2007. С. 143; Ахмедов, 2012. С. 25, 26]. Они известны только в Восточной Европе, от Урала и Кавказа до устья Дуная: Солончанка I, Владимирское, курган 4, погр. 2, Коминтерн II, Керчь, Галайты, Ялпуг, а также в Северном Казахстане, в находке у озера Боровое (рис. 121). Одна из находок, Солончанка I, на Южном Урале, принадлежит гуннскому времени, находки во Владимирском и в «княжеской» находке в Ялпуге – постгуннские. Находки на периферии степи, в поволжском могильнике Коминтерн II принадлежат, скорее, времени перехода от шиповского горизонта к горизонту «геральдических» поясов, то есть ко второй трети VI в. [см. подробно: Kazanski, 2018]. Показательно, что к западу от Волги все подобные накладки датируются постгуннским временем, тогда как восточнее, на Южном Урале, они известны уже в гуннское время.

Проявляется восточное влияние и в вооружении степных кочевников. Как показала И. П. Засецкая [Засецкая, 1994. С. 39], азиатскими по происхождению являются «ярусные» трехлопастные стрелы, вроде найденных в Ливенцовском поминальном комплексе[10] (курган 35 Ливенцовского могильника VII), на Нижнем Дону [Безуглов, Ильюков, 2007. Рис. 5,5] (рис. 122, *2*). Кроме того, Р-образные портупейные скобы из находок в Ливенцовском комплексе (рис. 122, *3*), а также в захоронении воинского предводителя курганного могильника у хут. Малаи в степном Прикубанье [Безуглов, Ильюков, 2007. Рис. 8,10; Лимберис, Марченко, 2011. Рис. 10,6] (рис. 122, *1*), имеют прототипы в древностях VI в. в Китае, Южной Корее и у кочевников степей Центральной Азии [Zaseckaja, 1993; Koch, 1998; 1999; Koch, Wenzel, 2000; Anazawa, Manome, 2000] (например, рис. 122, *4–6*). По погребальному инвентарю, в частности по наличию ранних геральдических поясов, эти памятники – Ливенцовский комплекс и погребение в Малаях – принадлежат самому концу шиповского / постгуннского горизонта или началу горизонта «геральдических» поясов [см.: Казанский, 2019].

Мне представляется, что помимо элементов конского убора и предметов вооружения в элитной культуре степных кочевников постгуннского времени в понтийских степях пришлые восточные элементы фиксируются и в женских украшениях. Так, в погр. 2 Морского Чулека центральноазиатскими по происхождению являются и золотые миндалевидные подвески в виде коробочки с зернью и декором в стиле перегородчатой инкрустации (рис. 123, *1, 2*). Хотя по технике изготовления эти подвески очень напоминают византийские украшения, все же наиболее близкими по форме и декору являются серьги-подвески из женских погребений

Рис. 118. Вещи византийского происхождения из Морского Чулека и бляхи из Алтынказгана
1–8 – Морской Чулек, погр. 2; 9–11 – Алтынказган, ритуальное захоронение в стене ограды 158
1–8 – [по: Засецкая и др., 2007. Табл. III–VI]; 9–11 – [по: Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 13,7]

[9] Необходимо отметить и еще одну параллель между погребениями в Нейзаце и в Шамси – в обоих случаях входная яма в погребении имеет округлую форму, в то время как у восточноевропейских кочевников постгуннского времени входные ямы, когда они прослеживаются (Тугулук-3, курган 4, погр. 5; Малаи, курган 1, погр. 12), имеют прямоугольную форму [Храпунов, Казанский, 2016. С. 206].

[10] В кургане не было обнаружено достоверных останков человека, в силу этого исследователи рассматривают курган 35 как поминальное сооружение с предметами воинской экипировки [Безуглов, Ильюков, 2007. С. 37].

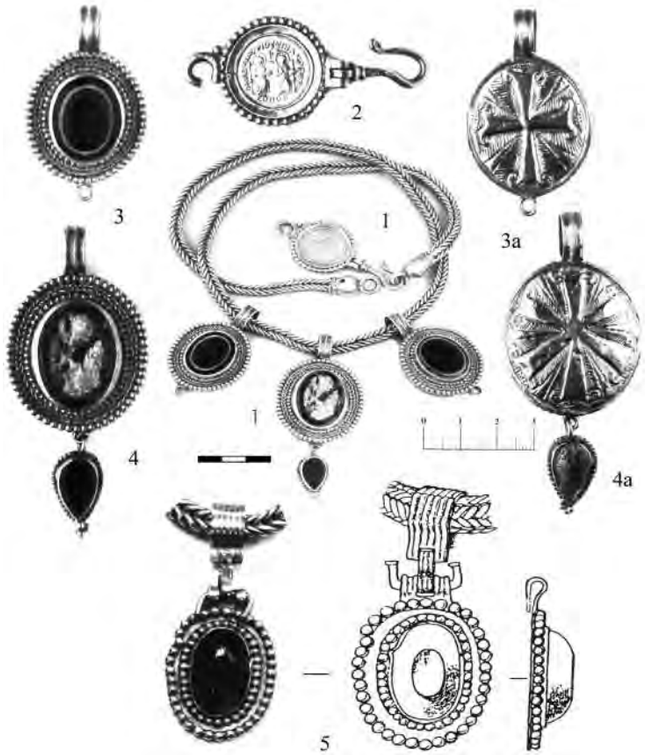


Рис. 119. Медальоны из Михаэльсфельда (1–4) и Морского Чулека, погр. 2 (5) [по: Засецкая и др., 2007. Рис. 12]

джетыасарской культуры в Восточном Приаралье, на могильнике Алтын-Асар [Левина, 1994. С. 42–43, 74–75. Рис. 163,24,25,27; 170] (рис. 123, *3–5*). Погребение в кургане 389 могильника Алтын-Асар 4, где найдены подобные подвески, датируется достаточно широко, в пределах IV–VI вв., на основании керамики, типичной для этапа Джетыасар II [Левина, 1994. С. 14, 43].

Еще один центральноазиатский элемент престижной моды представляет окончание гривны из находки в Татарке–Балке Каряжке, около Ставрополя (рис. 123, *6*). Здесь в 1924 г. были обнаружены человеческие кости, янтарные бусы, пряжки, калачевидная серьга, бляха полихромного стиля и обломки других предметов с таким же декором, мелкие обрывки золотого листа (рис. 123, *7–15*) [Скалон 1962. С. 40; Засецкая, 1994. С. 173]. Предметы найдены разными лицами и их принадлежность к единому закрытому комплексу возможна, но недоказуема. К. М. Скалон и И. П. Засецкая показали, что наконечник гривны в виде головы дракона из этой на-

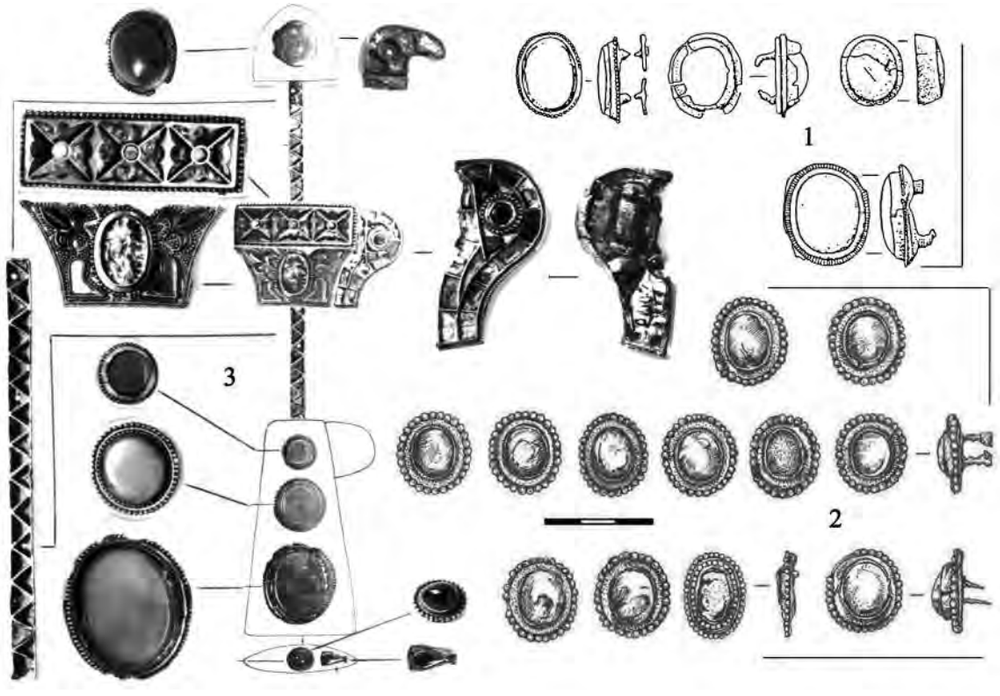


Рис. 120. Элементы гарнитуры конского снаряжения из Солончанки (1) и Аржан-Бугузуна (2) и декора кинжала из Борового (3)
1 – [по: Любчанский, Таиров, 1999. Рис. 24,2–5]; 2 – [по: Кубарев, 2010. Рис. 1,1–11,20]; 3 – [по: Zaseckaja, 1993. Fig. 1]

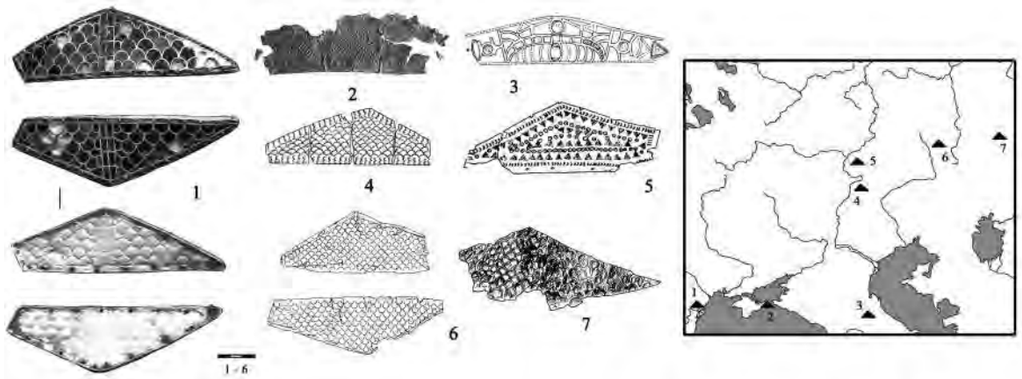


Рис. 121. Накладки на седла типа Засецкая 1б / Ахмедов 5
1 – Ялпуг; 2 – Керчь; 3 – Галайты; 4 – Владимирское, курган 4, погр. 2; 5 – Коминтерн II, погр. 46; 6 – Солончанка I; 7 – Боровое
1–6 – [по: Kazanski, 2018. Fig. 1–10]; 7 – [по: Werner, 1956. Taf. 51,12]

ходки имеет наиболее близкие параллели в погребении Кара-Агач из Центрального Казахстана (рис. 123, *16, 17*) [Скалон, 1962; Засецкая, 1994. С. 66, 67]. Обычно эту находку относят к гуннскому времени, однако найденная пряжка с прямоугольной рамкой более всего напоминает так называемые средиземноморские пряжки, распространенные в меровингском ареале к северу от Альп [Fingerlin, 1967]. Их оптимальная дата – 520/530–600/610 гг. [Legoux, Périn, Vallet, 2016. № 161]. Если вещи из Татарки составляют единый комплекс, то у насесть тогда основания отнести гривну с наконечником в виде головы дракона к постгуннскому времени.

Элементы центральноазиатского происхождения в постгуннское время в восточноевропейских степях представлены не только в находках престижного уровня, но, как мы могли убедиться на примере погребения 114 из могильника Нейзац, и в рядовых погребениях. Так, в погр. 1 кургана 2 могильника Ясырев I на Дону встречено зеркало центральноазиатского происхождения с длинной ручкой (рис. 108, *4*), имеющее также параллели в кургане 3 постгуннского могильника Шипово, что и определяет дату ясыревского захоронения постгуннским / шиповским временем [Мастыкова, 2018].

Итак, в материальной культуре степных кочевников постгуннского времени в восточноевропейских степях отчетливо выделяются элементы центральноазиатского происхождения. Вполне вероятно, что их появление в западной части евразийского пояса степей связано с передвижениями степных народов – оногур, сарагур, урогов, савир. В то же время, когда речь идет о заимствованиях в «вождеской» культуре, очень возможна и обычная диффузия

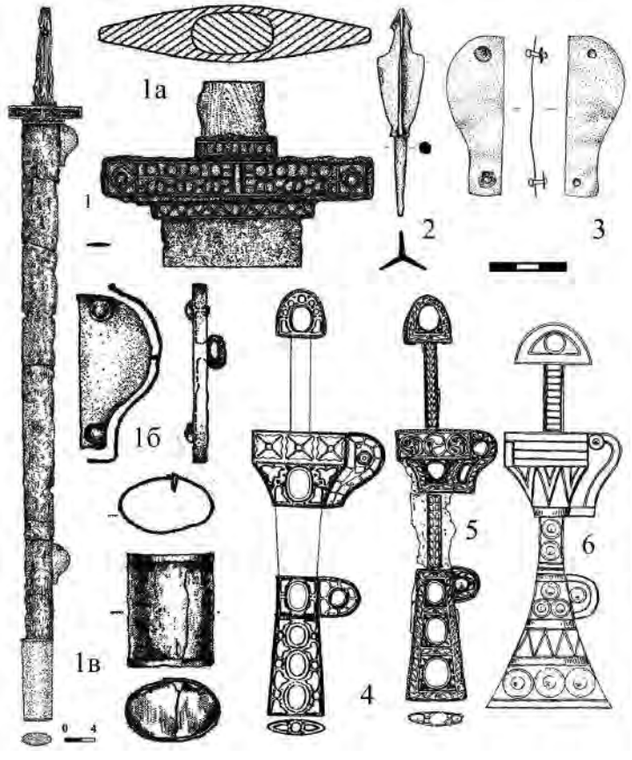


Рис. 122. Предметы вооружения из кочевнических находок постгуннского времени и азиатские кинжалы с Р-образной портупейной скобой
1 – Малаи, курган 1, погр. 12; 2, 3 – Ливенцовский VII, курган 35; 4 – Боровое; 5 – Керим-ло; 6 – Кызыл, грот 69
1 – [по: Лимберис, Марченко, 2011. Рис. 10]; 2, 3 – [по: Безуглов, Ильюков, 2007. Рис. 5,5; 8,10]; 4–6 – [по: Засецкая, 1994. Рис. 29]

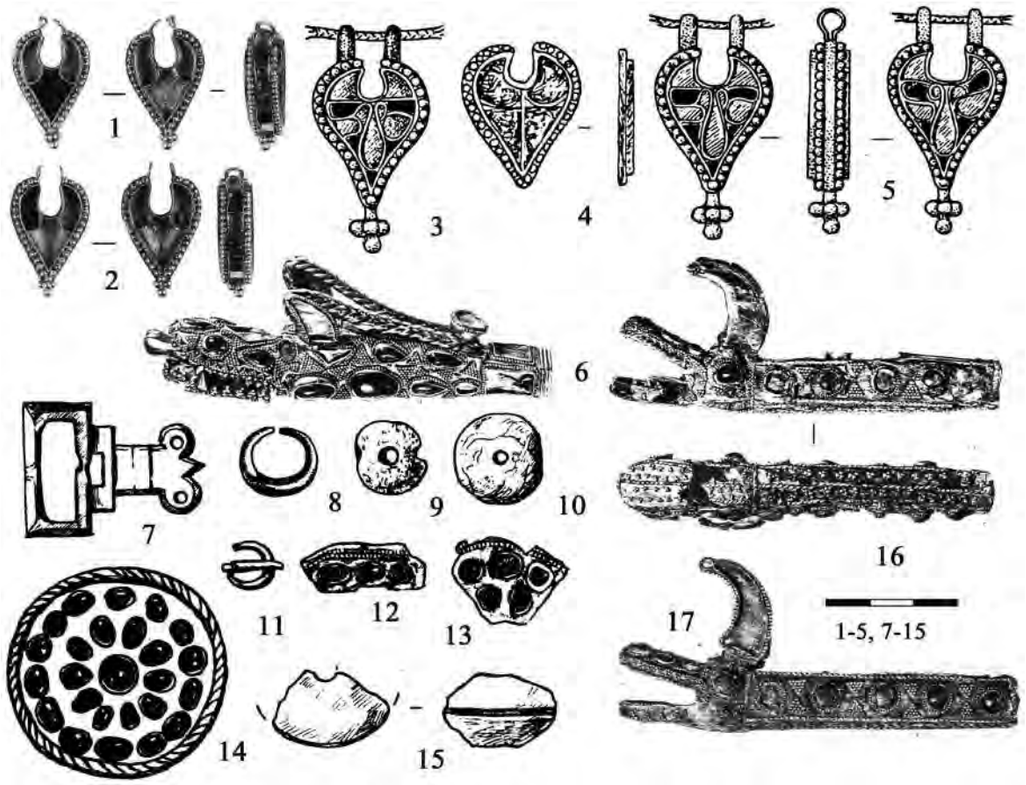


Рис. 123. Женские украшения
1, 2 – Морской Чулек, погр. 2; 3 – Алтынасар, курган 109; 4 – Алтынасар, курган 389; 5 – Алтынасар: курган 117/2; 6–15 – Татарка-Балка Каряжка; 16, 17 – Кара-Агач
1, 2 – [по: Засецкая и др., 2007. Табл. II,1,2]; 3–5 – [по: Левина, 1994. Рис. 163,24,25,27]; 6, 16, 17 – [по: Скалон, 1962. Рис. 1,2]; 7–15 – [по: Засецкая, 1994. Табл. 17,3–12]

престижной «княжеской» моды, отражающая военно-политическую и культурную ориентацию правящих элит и не связанная напрямую с миграциями. Именно таким образом в «княжеские» погребения и поминальники северопонтийских степняков постгуннского времени попадают многочисленные изделия византийской традиции с украшениями в стиле перегородчатой инкрустации. Об этом также могут свидетельствовать сравнительно недавние находки на Мангышлаке, в Алтынзкзгане, где в поминальных сооружениях были найдены вещи инкрустационного стиля, имеющие близкие аналоги среди изделий византийской традиции [см., напр.: Астафьев, Богданов, 2018. Рис. 13,7)[11] (рис. 118, *9–11*).

[11] Стоит также отметить, что с запада на восток, в частности на Мангышлак и в Восточное Приаралье, попадают не только предметы престижной моды, но и вполне рядовые вещи, например, малые двупластинчатые фибулы [см.: Гавритухин, Астафьев, Богданов, 2019].

Библиография

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос.Эрмитажа, 1962.
Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // Stratum plus. 2018. № 4. С. 347–470.
Ахмедов И.Р. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннсокго времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. С. 19–48.
Бейсенов А.З., Веселовская Е.В. Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: ИЦ Южно-Уральского гос. ун-та, 2013. С. 446–461.
Безуглов С.И., Ильюков Л.С. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона / отв. ред. Ю.К. Гугуев. М.; Иерусалим: Мосты культуры: 2007. С. 25–48. (Материалы и исследования по археологии Дона, Вып. II).
Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1949. Вып. 13. С. 216–229.
Божилов И., Димитров Х. Protobulgarica (Заметки по истории протоболгар до середины IX в.) // Byzantino-Bulgarica. 1995. Вып. 9. С. 7–61.
Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Фибулы с поселения Каракабак (полуостров Мангышлак) // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 170–189.
Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: ЛГУ, 1979.
Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс ЛТД, 1994.
Засецкая И.П. О датировке погребального комплекса у озера Борового в Казахстане // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня / отв. ред. К.И. Ташбаева, Д.Ф. Винник. Бишкек: Илим, 1995. С. 95–110.
Засецкая И.П. Классификация обкладок ленчиков седла V – первой половины VI вв. // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 142–146.
Засецкая И.П. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2010. Т. 38. С. 123–159.
Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007.
Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / Латинский текст, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001.
Казанский М.М. Оногуры в постгуннское время на Дону // Дивногорский сборник. 2016. Вып. 6. С. 96–111.
Казанский М.М. Центры власти у гунно-болгар Причерноморья в постгуннское время // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018а. Вып. XXIII. С. 100–119.
Казанский М.М. Погребения и «поминальники» воинских предводителей постгуннского времени в понтийских степях // Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér / ed. A. Korom. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet, Budapesti Történeti Múzeum, 2018б. P. 393–408.
Казанский М.М. Хронологические индикаторы степных древностей постгуннского времени в Восточной Европе // Нижневолжский археологический сборник. 2019. Т. 18, № 2. С. 105–124.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. 2010. 5. С. 93–104.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: Традиция, 2014. С. 97–108.
Кожемяко П.Н., Кожомбердиев И. Катакомбное погребение в ущелье Шамси // Археология Центральной Азии: архивные материалы. Том II / ред. С.В. Болелов, В. Кольченко. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований, 2015. С. 130–157.
Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2010. С. 27–31.
Левина Л.М. Низовья Сырдарьи в древности. Выпуск II. Джетыасарская культура. Часть 1. Могильники Алтынасар 4. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993.
Левина Л.М. Низовья Сырдарьи в древности. Выпуск IV. Джетыасарская культура. Часть 3–4. Склепы. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994.
Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения из курганов степного Прикубанья // Петербургский Апокриф. Послание от Марка / отв. ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев: Университет «Высшая антропологическая школа», 2011. С. 417–442. (Библиотека Stratum plus).
Любчанский И.Э., Таиров А.Д. Археологическое исследование комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I / отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1999. С. 3–62.
Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009.
Мастыкова А.В. Центральноазиатские зеркала у кочевников постгуннского времени в Восточной Европе // Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér / ed. A. Korom. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet, Budapesti Történeti Múzeum, 2018. P. 409–418.
Обломский А.М. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Воронцов А.М., Гавритухин И.О. Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 174–202.
Орлов Р.М., Рассамакин Ю.Я. Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии / отв. ред. И. Эрдели, О.М. Приходнюк. Киев: Наукова думка, 1996. С. 102–116.
Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002.
Приск Панийский. Готская история / Греч. текст и пер. В.В. Латышева // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. СПб., 1890. С. 787–818.
Прокопий Кесарийский. Война с персами // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. и комм. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. С. 7–144.
Равеннский Аноним. Космография / Латинский текст, пер. и комм. А.В. Подосинова // Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. С. 161–286.
Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. Велико Търново: Фабер, 2000.
Ромашов С.А. Историческая география Хазарского Каганата (V–XIII вв.) // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2001. Вып. 11. С. 219–338.
Скалон К.М. Изображение дракона в искусстве IV–V веков // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1962. Т. 27. С. 40–43.
Феофилакт Симокатта. История / Пер. и комм. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 238. С. 167–190.
Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребения эпохи переселения народов в могильнике Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. Двадцать лет исследований могильника Нейзац / отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 194–229.

Altheim F. Attila et les Huns. Paris: Payot, 1952.
Anazawa W., Manome J. The Inlaid Gold Dagger from Kerim-loo and its Wetern Connections // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6. –7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Insititut der UAW, 2000. S. 71–87.
Andrási J. The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material. London: The Trustees of the British Museum, 2008.
Curta F. Ethnicity in the Steppe Lands of the Northern Black Sea Region During The Early Byzantine Times // Archaeologia Bulgarica. 2019. XXIII/1. P. 33–70.
Fingerlin G. Eine Schnalle mediterraner Form aus de Reihengräberfeld Güttingen, Ldkrs. Konstanz // Badische Fundberichte. 1967. Bd. 23. S. 159–184.
Haussig H.W. Histoire de la civilisation byzantine. Paris: Librairie Jules Tallandier, 1971.
Hayashi T. On the Dating of the so-called Polychrome Ornaments incrusted with Red Stones: concerning the Controversy between I.P. Zasetskaya and A.K. Ambroz // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II международной конференции, посвященной 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 139–143.
Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest, Brăila: Editura Academiei Române, 2009. (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi, V).
Kazanski M. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle // Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Theune et al. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2010. 225–238. (Internationale Archäologie, Studia Honoraria, 31).
Kazanski M. Tombes des élites steppiques de l'époque post-hunnique dans la région pontique // Přehled výzkumů. 2017. 58-1. P. 5–84.
Kazanski M. Deux appliques de selle post-hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation // Studia Romana et Mediævalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata / dir. D. Aparaschivei, G. Bilavschi. Bucureşti: Editura Academiei Române; Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I", 2018. P. 169–187.
Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwerttrag- und Kappfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel chinesischer Schwerter mit P-förmigen Tragriemenhaltern aus dem 6.–8. Jahrhundert n. Chr. // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1998. Bd. 45. S. 571–598.
Koch A. Zum Prunkdolch von Kyerim-no, Kyôngju (Südkorea) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1999. Bd. 29. S. 407–423.
Koch A., Wenzel A. Waffentechnologie zwischen China und Byzanz. Anmerkungen zu einem Miniaturschwert aus dem Grab des Kaisers Wudi der Nördlichen Zhou-Dyanstie (557–581 n. Chr.) // Studia Antiquaria. Festschrift für Niels Bantelmann / Hrsg. H. Ament. Bonn: Habelt, 2000. S. 187–202. (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie, 63).
Kožomberdieva E.I., Kožomberdiev I.K., Kožemjako P.N. Ein Katakombengrab aud der Schlucht Samsi // Eurasia Antiqua. 1998. No. 4. P. 451–471.
Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye: Association frnaçaise d'archéologie mérovingienne, 2016.
Werner K. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956.
Zaseckaja I. To the Dating of the Dagger from Borovoe-Lake find in Kazakhstan // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 437–444.

О «КОЧЕВНИЧЕСКИХ ЮРТАХ» НА ПАМЯТНИКАХ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПИ (V–VIII ВВ.)[1]

В данной работе будут рассмотрены сооружения, открытые на памятниках лесостепного населения Верхнего Дона и Среднего Днепра V–VIII вв. и идентифицируемые как юрты или, более осторожно, «юртообразные сооружения» (рис. 124). Последнее определение, кстати, настолько расплывчато, что оно теряет смысл, поскольку в таком случае к числу «юртообразных» можно смело отнести любое строение округлой в плане формы. Почему у коллег возникает ассоциация именно с юртами – Бог весть. Ведь с таким же успехом и при наличии некоторого воображения эти здания можно назвать «ротондообразными», «мавзолееобразными» (в римском понимании этого термина), «донжонообразными» (для любителей рыцарских романов) и пр.

Обычно на практике имеются в виду глинобитные на деревянном каркасе или деревянные сооружения округлой или овальной формы с углубленным полом, которые чаще всего интерпретируются как археологическое свидетельство контактов между славянами или иными оседлыми варварами, с одной стороны, и степными кочевниками, с другой [Приходнюк, 1996. С. 114; 1998. С. 26, 27. Рис. 11; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 122; Флеров, 1996. С. 33; Обломский, 2007. С. 8; Земцов, 2012. С. 98]. Однако уже более 10 лет назад украинский археолог А.В. Комар подчеркнул, что к реальным степным юртам эти постройки не имеют отношения [Комар, 2007. С. 114, 115], и я уже высказался в поддержку этой точки зрения [Kazanski, 2012]. Рассмотрим несколько подробнее эти сооружения, которые призваны археологически проиллюстрировать влияние культуры степных кочевников на лесостепное оседлое население или даже послужить доказательством их совместного проживания в рамках единых поселенческих структур.

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. О «кочевнических юртах» на памятниках оседлого населения лесостепи (V–VIII вв.) // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева / ред. М. Ткачук, Г. Атанасов. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2019. С. 73–86.

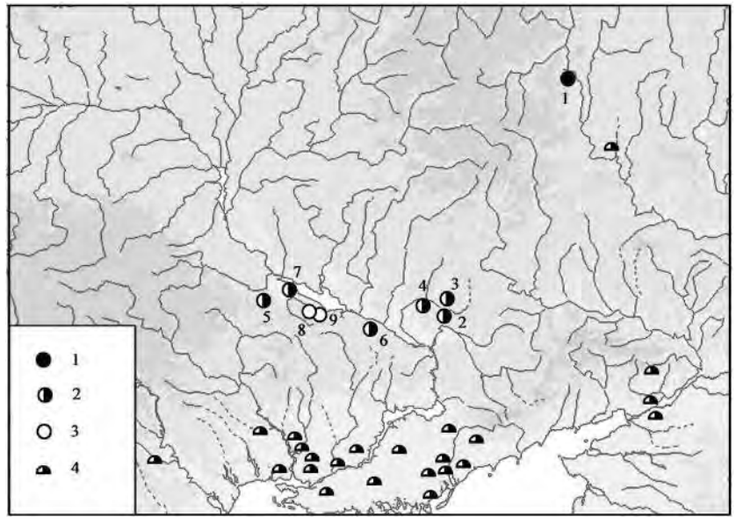


Рис. 124. Памятники лесостепного оседлого населения с «юртообразными» постройками и погребения степных кочевников
Условные обозначения: 1 – памятники типа Чертовицкое-Замятнино; 2 – памятники пеньковской культуры; 3 – памятники культуры Лука-Райковецкая (в т.ч. фазы Сахновка); 4 – погребения степных кочевников VI – первой половины VII в.
1 – Ксизово-19; 2 – Богатое; 3 – Чернечина; 4 – Осиповка; 5 – Завадовка; 6 – Дереивка; 7 – Будищи; 8 – Стецовка; 9 – Луг-1
[по: Комар, 2008; Казанский, 2014, с дополнениями и уточнениями]

1. Ксизово-19 (бассейн Верхнего Дона) (рис. 125)[2]. Поселение относится к культурной группе Чертовицкое-Замятино, соотносимой с гетерогенным по происхождению оседлым населением гуннского и постгуннского времени [подробнее: Обломский, 2004; 2015; Земцов, 2012]. Здесь исследовано строение столбовой конструкции гуннской эпохи, диаметром 4,8–5 м углубленное на 0,5–0,7 м в грунт, без очага [Обломский, 2007а. С. 91. Рис. 46]. Сооружение было идентифицировано как юрта, или «юртообразное сооружение», однако найденные в нем вещи, такие как арбалетная фибула (рис. 125, *18*), керамическая лампа античной традиции (рис. 125, *6, 7)*, керамическое пряслице (рис. 125, *12*), совершенно чужды культуре степного населения Восточной Европы. Зато подобные вещи хорошо известны у оседлого населения Северного Причерноморья V в. [Обломский, 2007а. С. 92]. Надо подчеркнуть, что присутствие северопонтийского населения на Верхнем Дону в гуннское время есть бесспорный факт, установленный с помощью археологического материала [Обломский 2004. С. 156; 2015]. Что же до кочевников, то сам характер находок из сооружения заставляет усомниться в его связи со степью. Показательно и полное пока отсутствие находок степного характера (погребений, стойбищ) на Верхнем Дону в гуннское время.

2. Богатое (Днепровское Левобережье). На поселении пеньковской культуры, в целом датированной V–VII вв., исследовано сооружение с углубленным полом (1,6 м от древней дневной поверхности), округлое в плане, диаметром 4,4 м [Юренко, 1973. С. 7; Приходнюк, 1998. С. 26]. Помимо материала, типичного для пеньковской культуры, на поселении было найдено небольшое количество серой гончарной керамики с лощеным декором «южного происхождения» (подробнее см. ниже). Кроме того, на поселении Богатое были найдены трехлопастная стрела «кочевнического» типа (рис. 126, *1*), широко распространенного у самых различных европейских народов, включая славян [см.: Казанский, 2015. С. 62–64], а также железное орудие, напоминающее стамеску и очень хорошо представленное в древностях степного круга [ср., напр.: Плетнева, 1967. Рис. 38,7; 1981. Рис. 36,41] (рис. 126, *2*).

3. Чернечина (Днепровское Левобережье) (рис. 126, *3*). На поселении пеньковской культуры было обнаружено сооружение диаметром 6,3 м, углубленное в грунт на 0,4 м, с открытым очагом в центре сооружения. По периметру постройки прослежены столбовые ямы. В постройке обнаружены фрагменты пеньковской керамики, пряслице, изготовленное из амфорной стенки, железная стрела (рис. 126, *4*) и железный нож [Юренко, 1974. С. 4, 5; Флеров, 1996. С. 36; Приходнюк, 1998. С. 26]. По мнению А.В. Комара, данное сооружение является единственным для пеньковское культуры, которое можно было бы сопоставить с юртами. В то же время, А.В. Комар подчеркивает, что связанные с постройкой находки не имеют отношения к древностям степных кочевников VI–VII вв. [Комар, 2007. С. 115].

4. Осиповка (Днепровское Левобережье) (рис. 127, *1*). На поселении пеньковской культуры открыто сооружение овальной формы, 4х2,8 м, углубленное в землю на 1,1 м [Приходнюк, 1990. С. 78, 79. Рис. 6; 1998. С. 26; Флеров, 1996. С. 35, 36]. С со-

[2] Здесь и далее номера списка памятников соответствуют номерам на рис. 1.

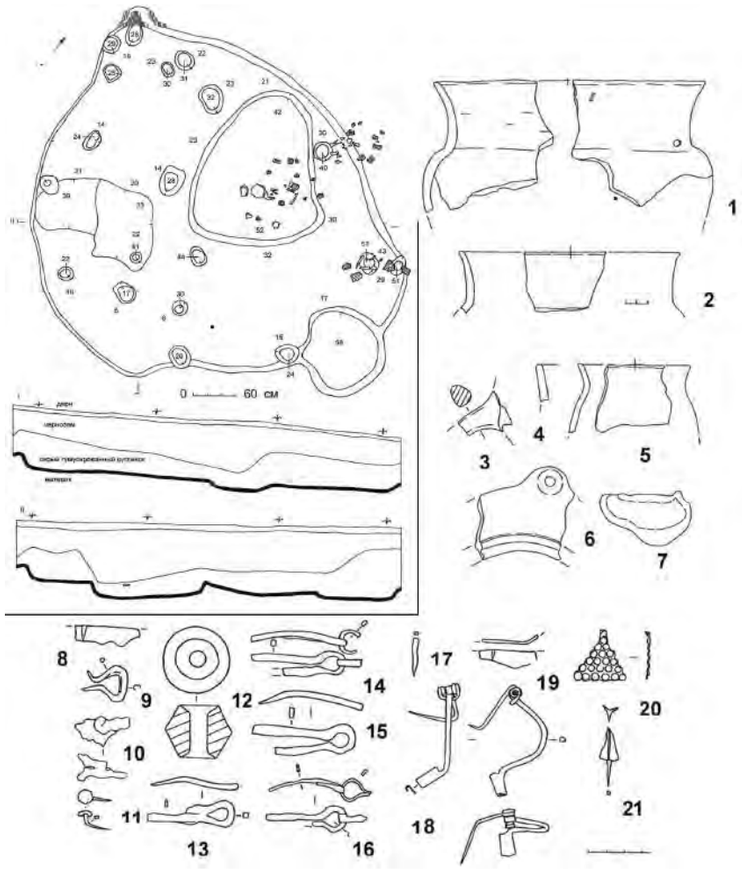


Рис. 125. Ксизово-19 [по: Обломский, 2007а. Рис. 46–48]

оружением связаны находки фрагментов лепной пеньковской посуды. В то же время, обнаружено несколько фрагментов керамических котлов с внутренними ручками, типичных для степного населения.

5. Завадовка (Днепровское Правобережье). Пеньковское поселение. Постройка не опубликована, известно лишь, что здесь была прослежена неглубокая канавка кольцевидной формы, 7х10 м, глубиной до 0,3 м [Приходнюк, 1990. С. 78; 1996. С. 114]. Культурная атрибуция этой структуры не ясна, её идентификация как постройки вызывает сомнения [Комар, 2007. С. 40].

6. Дереивка (Днепровское Правобережье) (рис. 127, *2*). На поселении пеньковской культуры зафиксировано сооружение округлой формы, 4х5 м, глубиной 0,4 м, с открытым очагом в западном углу [Телегин, 1962]. В сооружении найдены фрагменты пеньковской керамики.

7. Будищи (Днепровское Правобережье) (рис. 128). На поселении пеньковской культуры исследовано прямоугольное сооружение, 6х4,2 м, глубиной 0,8–0,9 м, с каменным очагом в центре [Приходнюк, 1990. С. 78, 79; 1998. С. 26, 27]. В сооружении обнаружены фрагменты пеньковской керамики, а также обломки серой гончарной посуды с лощеным орнаментом (см. ниже) (рис. 128, *2*). Как уже справедливо подчеркнул В. С. Флеров, сооружение является типичным для пеньковской культуры и, несмотря на находки в нем «южной керамики», не имеет в своей конструкции элементов, типичных для степных «кочевнических» сооружений [Флеров, 1996. С. 36].

8. Стецовка (Днепровское Правобережье) (рис. 129, *1*). На многослойном поселении [см. подробнее: Рутковская, 1974], в его верхнем горизонте обнаружена структура, идентифицированная как юрта. Напомним, что верхний горизонт данного поселения относится к начальной стадии славянской культуры Лука-Райковецкая (VIII–X вв.), то есть к т.н. фазе Сахновка, датированной поздним VII–VIII вв. [Приходнюк, Казанський, 1978. С. 45; Приходнюк, 1980. С. 14–16]. Керамика верхнего слоя поселения Стецовка, в основном, славянская, сахновского типа, за исключением 10%, принадлежащих серой гончарной посуде «южного» облика (см. ниже). Интересующее нас сооружение имеет овальную форму, 6х7,2 м, оно углублено в грунт на 0,25 м. Неглубокая кольцевидная канавка маркирует периметр сооружения, следы столбовых ям не зафиксированы. Зольно-угольные пятна засвидетельствованы на полу сооружения. В сооружении обнаружены фрагменты лепной и гончарной керамики, обломки железных ножниц, небольшая бронзовая пронизка и незаконченное пряслице из амфорной стенки [Петров, 1963. С. 216. Рис. 3,3; Приходнюк, 1996. С. 114; 1998. С. 26; Флеров, 1996. С. 35]. Данное сооружение, по мнению О. М. Приходнюка, напоминает юрты типа 1, согласно классификации С. А. Плетневой [см.: Плетнева, 1967. С. 52]. В. С. Флеров считает, что стецовская постройка напоминает юрты салтовского поселения Дмитриевка [Флеров, 1996. С. 35]. При этом, А. В. Комар поставил под сомнение интерпретацию данной структуры как жилого сооружения, поскольку в нем не обнаружены отопительные сооружения [Комар, 2007. С. 40].

9. Луг-1 (Днепровское Правобережье) (рис. 129, *2*). На славянском поселении культуры Лука-Райковецкая исследовано сооружение, округлое в плане, 5х6 м, углубленное в грунт на 0,45 м, столбовой конструкции, без следов отопительных устройств [Березовец, 1963. С. 166, 167. Рис. 28,3; Флеров, 1996. С. 34]. В сооружении найдена керамика сахновской фазы (см. выше), а также керамическое пряслице. В. С. Флеров высказал вполне обоснованные сомнения относительно идентификации данной постройки как юрты [Флеров, 1996. С. 35].

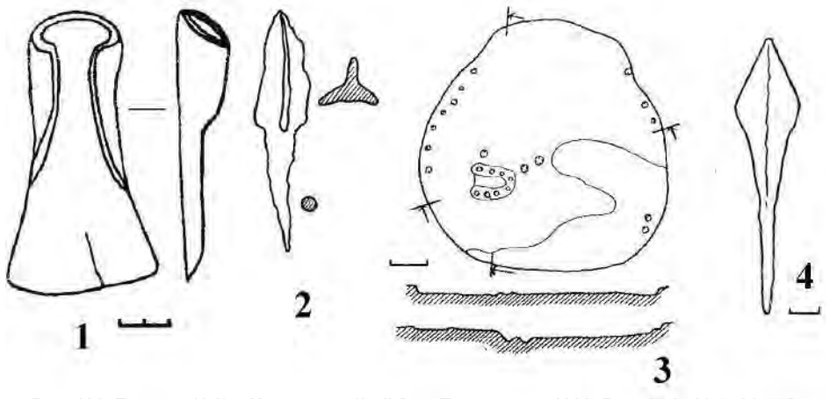


Рис. 126. Богатое (1,2) и Чернечина (3, 4) [по: Приходнюк, 1998. Рис. 17,2; 60,5; 61,5,7]

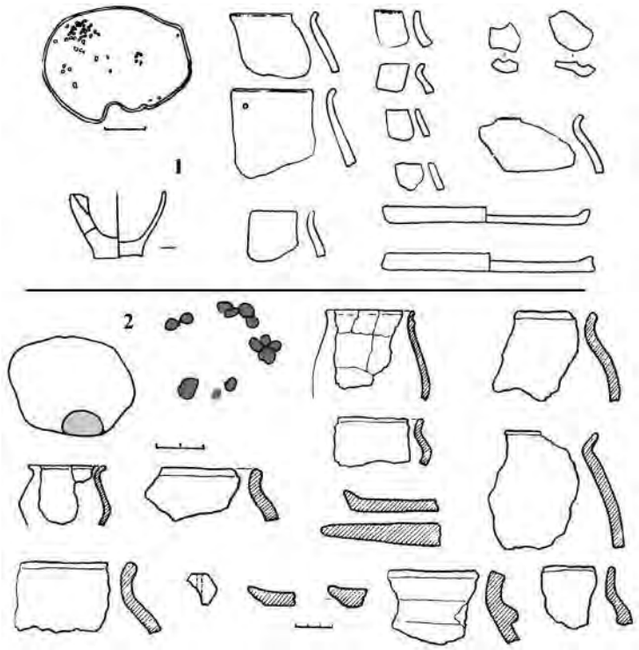


Рис. 127. Осиповка (1) и Дереивка (2)
1 – [по: Приходнюк, 1990. Рис. 6]; 2 – [по: Kazanski, 2013. Fig. 3,2]

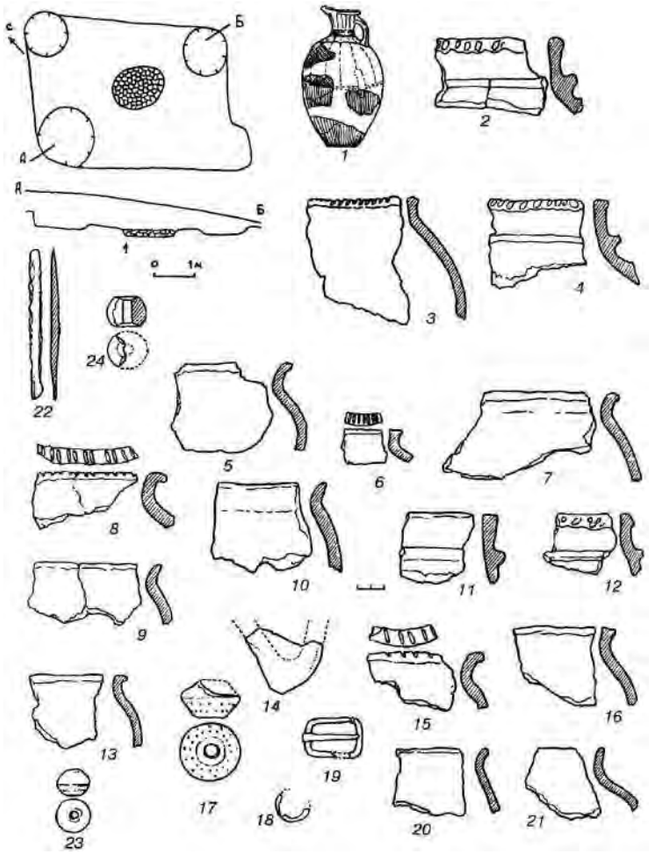


Рис. 128. Будищи [по: Приходнюк, 1990. Рис. 4,1,7]

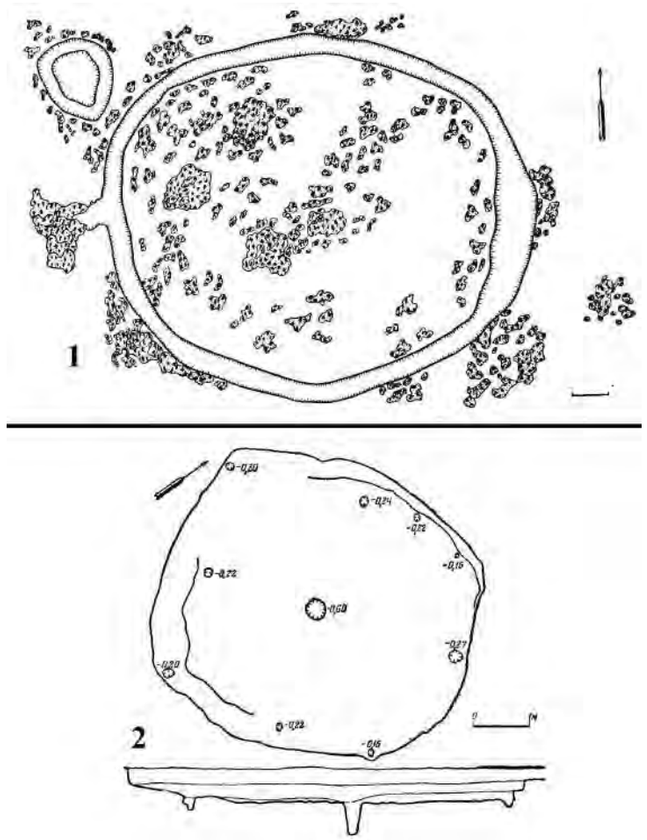


Рис. 129. Стецовка (1) и Луг-1 (2)
1 – [по: Петров, 1963. Рис. 3,3]; 2 – [по: Березовец, 1963. Рис. 28,3]

Итак, большинство рассмотренных здесь построек, попавших в число «юртообразных» – Кизово-19, Богатое, Осиповка, Дереивка, Будищи, Луг I – представляют собой стационарные сооружения с углубленным полом, чаще всего столбовой конструкции, с открытым очагом или без него. Сам по себе факт существования углубленной части в данных сооружениях не позволяет интерпретировать их как юрты, т.е. разборные переносные сооружения, как правило, оставляющие очень невыразительные археологические следы [см.: Плетнева, 1967. С. 52–57; Флеров, 1996].

По мнению С.А. Плетневой, такие сооружения типичны для степного населения, переходящего к оседлому образу жизни. Они сохраняют отдельные конструктивные элементы юрт [Плетнева, 1967. С. 55–57]. Всё это совершенно справедливо для степных кочевников в стадии седентаризации, но вряд ли имеет отношение к оседлым лесостепным варварам, в первую очередь, к славянам. Действительно, славяне в течение всей их истории являлись сугубо оседлым населением, и даже их гипотетические предки-венеды в первый раз упомянуты Тацитом в I в. н.э. как народ, живущий оседло и сооружающий стационарные жилища (Тацит, *Германия,* XLVI). Конечно, можно сопоставить рассмотренные здесь постройки с сооружениями оседающих кочевников, но ведь постройки более или менее округлой формы в интересующее нас время есть далеко не только в степи, они засвидетельствованы чуть ли не по всему европейскому континенту. Такие постройки известны и у оседлых восточноевропейских варваров уже в римское время, в частности на поселениях киевской культуры [Комар, 2007. С. 114, 115], которую в первую очередь и соотносят с венедами-предками славян и которая послужила подосновой формирования пеньковской культуры. Видимо, с киевскими традициями и следует связывать существование стационарных округлых построек у славян-антов пеньковской культуры.

Для V – первой половины VII в. единственное сооружение, обнаруженное на пеньковском поселении Чернечина (рис. 126, *3*), видимо, всё же имеет отношение к культуре степных кочевников, и, скорее всего, свидетельствует об инфильтрации каких-то групп номадов в оседлую среду. Разумеется, было бы бессмысленно отрицать наличие контактов разного рода между оседлым и кочевым населением Поднепровья в эпоху пеньковской культуры, о чем свидетельствует археологический материал [Казанский, Мастыкова, 2009; Kazanski, 2013]. На пеньковских памятниках найдены трехлопастные, «кочевнические» по происхождению наконечники стрел (напр., рис. 127, *2*), оказавшиеся на вооружении у самых разных народов, костяные накладки на лук, пряжки конского снаряжения, типичные для степных кочевников. Все это свидетельствует о явном степном влиянии на военное дело славян. Недаром же гунны, анты и склавины в армии Юстиниана оказываются в составе одного конного корпуса, а в некоторых случаях Прокопий Кесарийский называет славян «гуннами» [подробнее: Казанский, 2009; Kazanski, 2009; Казанский, 2015. С. 74]. Выше уже упоминалась находка глиняных «кочевнических» котлов на пеньковском поселении Осиповка, наконец, на лесостепном пограничье известны несколько ингумаций с женским «антским» костюмом. Напомним, что у населения пеньковской культуры в это время практиковались практически исключительно кремации, в то время как у кочевников безраздельно господствовала ингумация [Рашев, 2000; Комар, 2004; 2008; Комар, Кубышев, Орлов, 2006]. По справедливому заключению А.М. Обломского, эти погребения отражают контакты, а может быть и совместное проживание славян-антов и степных кочевников [Обломский, 2007. С. 6]. Впрочем, в последнем случае речь может идти лишь об отдельных эпизодах, поскольку зона проживания кочевников в VI – первой половине VII в., насколько можно судить по карте распространения кочевнических погребений того времени (см., напр.: Комар, 2008. Рис. 9), находилась далеко к югу от территории пеньковской культуры[3] (рис. 124).

При этом надо однако помнить, что археологические свидетельства контактов славян и степняков лучше всего выражены для поздней фазы пеньковской культуры, т.е. для позднего VI – середины VII в., когда на пеньковских памятниках появляется серогончарная «южная» керамика, о которой речь пойдет несколько ниже [Горюнов, Казанский, 1981; Горюнов, 1987].

В 620–650-е гг. в Поднепровье, на территории пеньковской и колочинской

[3] Еще менее вероятным представляется какое-либо подчинение славян-антов степным кочевникам в VI – первой половине VII в., как это подчас утверждается, поскольку никаких письменных или иных свидетельств подобных отношений не имеется. У византийских авторов есть сообщения лишь о стабильно враждебных отношениях между аварами и антами, о каких-либо контактах антов с другими кочевниками постгуннского времени источники ничего не сообщают.

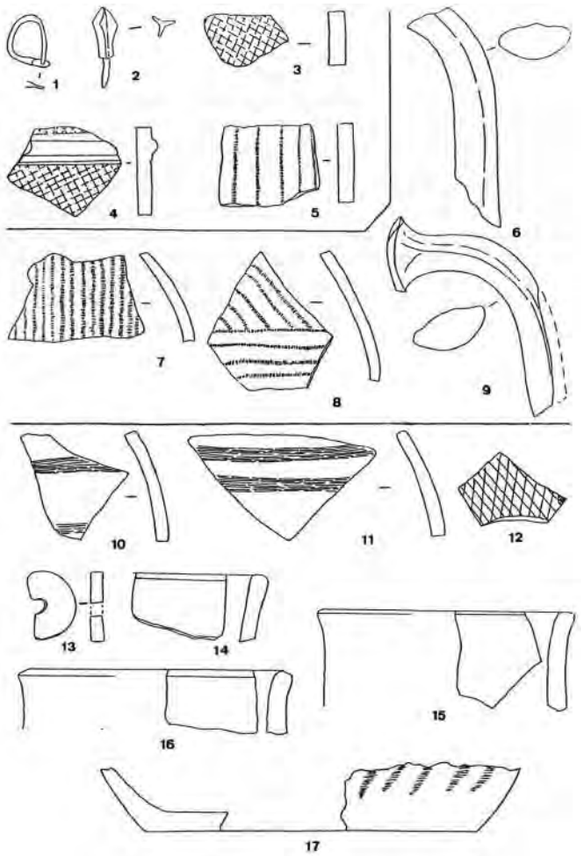


Рис. 130. Керамика стойбищ кочевников в Надпорожье
1–5 – Вовниги; 6–9 – Орлово; 10–17 – Балка Клюшникова
[по: Казанский, 2014. Рис. 15,8–24]

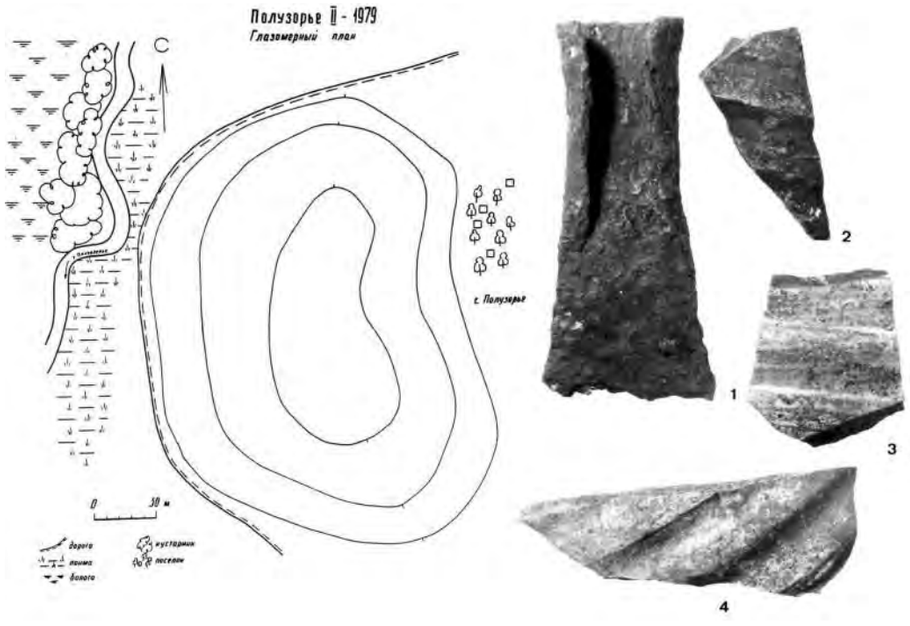


Рис. 131. Полузорье-2 [по: Казанский, 2014. Рис. 16]

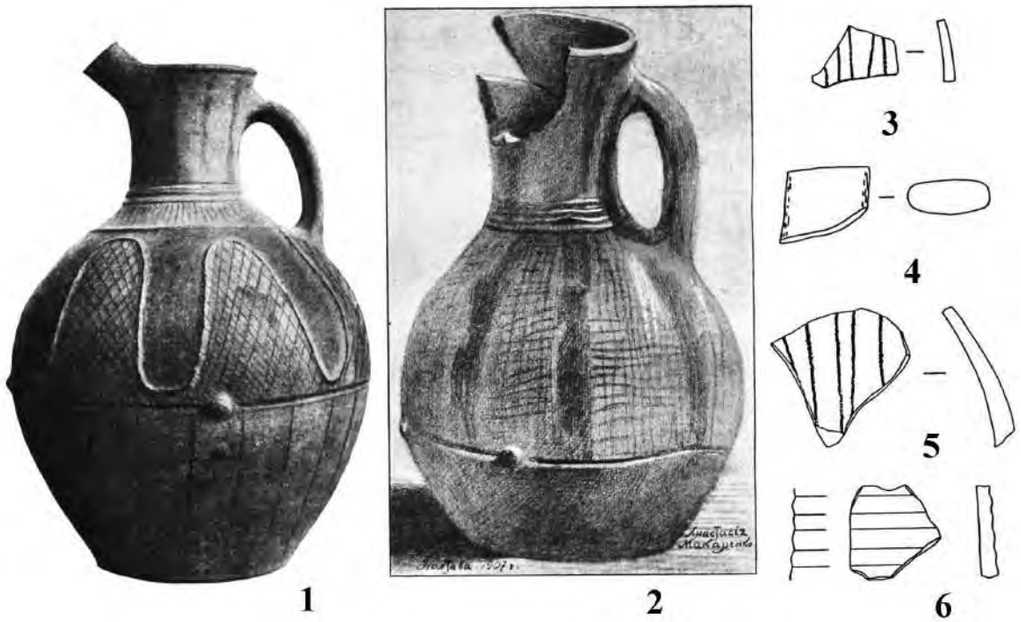


Рис. 132. Керамика «южного» происхождения на Днепровском Левобережье
1, 2 – Мачехи-Таранов Яр; 3–6 – Белокони
1, 2 – [по: Макаренко, 1911. Рис. 96, 97]; 3–6 – [по: Казанский, 2014. Рис. 15,1–4]

культур, а в ряде случаев и непосредственно на поселениях, запрятывается серия «антских» или «мартыновских» кладов т.н. первой группы по О. А. Щегловой [Щеглова, 1990; Гавритухин, Щеглова, 1996; Pekarskaja, Kidd, 1994; Корзухина, 1996; о дате зарытия см.: Казанский, 2014. С. 53–55]. Массовое зарытие кладов, вне всякого сомнения, свидетельствует о каком-то военном потрясении. На мой взгляд, это вторжение гунно-болгар, которое привело к коренному изменению ситуации в Среднем Поднепровье во второй четверти VII в., о чем свидетельствуют и археологические памятники. Пеньковская культура полностью не исчезает, но входит в фазу угасания, население колочинской культуры в Среднем Поднепровье, в меньшей степени задетое этим вторжением, продолжает свое существование в тех же территориальных рамках. Но в течение второй половины VII в. в Поднепровье появляется и новое славянское население, пришедшее с запада и оставившее памятники типа Сахновка, вроде вышеупомянутого поселения Стецовка [Приходнюк, 1980. С. 14–16]. В днепровской степи и на южной границе лесостепи появляются «княжеские» степные комплексы (погребения и поминальники) типа Перещепины, Глодос, Зачепиловки и др. [о них см.: Werner, 1984; Залесская и др., 1997], видимо, принадлежащие кочевнической знати, захватившей власть в данном регионе [Gavrituhin, 2006. P. 16]. Одновременно на пограничье степи и лесостепи появляются и археологически засвидетельствованные в Надпорожье и на Днепровском Левобережье стойбища кочевников, такие как Балка-Клюшникова, Вовниги, Чередники, Лаврики, Белокони, Полузорье-2 и др. (рис. 130-132). Там, где были проведены раскопки (например, Полузорье-2), никаких следов стационарных построек не обнаружено [Горюнов, 1987. С. 5, 6; Kazanski, 1987. P. 84–86; Горюнов, Казанський, 1998; Казанский, Середа, 2001. С. 24]. Такая ситуация типична для степных стойбищ раннего средневековья [Плетнева, 1981. С. 66]. Эти памятники выделяет, в первую очередь, доминирование серой и красной гончарной керамики, связанной по происхождению с южными, кавказскими и/или причерноморскими традициями [Малашев, 2000; 2001]. Керамика эта производится оседлым неславянским населением, скорее всего, северокавказского, возможно, аланского происхождения. Показательно, что на пеньковских памятниках фрагменты такой керамики крайне немногочисленны и встречаются лишь на поздних поселениях, что свидетельствует о появлении в Поднепровье «южных» гончарных центров лишь на заключительном этапе существования пеньковской культуры [Горюнов, Казанский, 1981. С. 14; Казанский, Середа, 2001. С. 24; Обломский, 2007. С. 9]. Мастерские «южных» гончаров обнаружены в Надпорожье, в Канцерке, и на Днепровском Левобережье, в Тарановом Яру (рис. 132, *1, 2*) [Сміленко, 1975. С. 118–160; Макаренко, 1911. С. 117]. Найдены и другие поселения этого неславянского населения, например, Вовки на Днепровском Левобережье [Горюнов, 1987. С. 6. Рис.2,8–29]. Из них наиболее крупным является знаменитое Пастырское городище [Приходнюк, 2005], возможно, являвшееся центром власти. Оседлому населению, как славянскому (остатки пеньковской культуры и памятники типа Сахновка), так и пришедшему с юга, принадлежат днепровские клады второй группы по классификации О. А. Щегловой, такие как Зайцево, Харьевка, серия пастырских кладов и пр. О тесном взаимодействии славянского и неславянского населения в Среднем Поднепровье свидетельствует материал некоторых поселений, таких как неоднократно уже упомянутая Стецовка, где представлены как славянские, так и неславянские культурные элементы. Ничего подобного, кстати, не зафиксировано в Поднепровье для более раннего времени, то есть для времени доминирования здесь пеньковской культуры (V – первая половина VII в.). Скорее всего, зарытие кладов второй группы отражает еще один военный стресс, связанный с экспансией хазар и приведший в 670–710-е гг. к новому коренному изменению ситуации в Среднем Поднепровье к началу VIII в. (подробнее об археологической ситуации в этом регионе во второй трети VII – начале VIII в. см. [Казанский, 2014]).

Итак, можно констатировать, что юрты встречаются крайне редко на поселениях оседлого раннесредневекового населения лесостепи, что не противоречит факту существования разнообразных контактов между степняками и оседлыми варварами. Те и другие в определенные периоды истории, например, во второй трети VII – начале VIII в., могли даже входить в рамки единой военно-политической и экономической системы.

Библиография

Березовец Д.Т. Поселения уличей на р. Тясмине // Славяне накануне образования Киевской Руси / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 145–208. (МИА, № 108).

Гавритухин И.О., Обломский А.М. (ред.). Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. (Раннеславянский мир. Вып. 3).

Гавритухин И.О., Щеглова О.А. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 1996. С. 53–57. (Раннеславянский мир. Вып. 3).

Горюнов Е.А. Пеньковская и салтовская культуры в Среднем Поднепровье // Краткие сообщения Института археологии. 1987. Вып. 190. С. 3–7.

Горюнов Е.А., Казанский М.М. Спорные вопросы изучения пеньковской культуры // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 164. С. 10–17.

Горюнов Е.А., Казанський М.М. До археологічної карти сточища р. Полузир'я // Археологічний літопис Лівобережної України. 1998. Вип. 1–2. С. 76–78.

Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В, Фонякова Н.А. Сокровища хана Кубрата. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1997.

Земцов Г.Л. Липецкий край в III–V веках. Тула: Гриф и К, 2012. 206 с.

Казанский М.М. О раннеславянской коннице // Stratum plus. 2009. № 5. С. 457–471

Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137. (Раннеславянский мир. Вып. 15).

Казанский М.М. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // Stratum plus. 2015. № 5. С. 43-95.

Казанский М.М., Середа Д.В. Поселение пеньковской культуры Полузорье-1 на Полтавщине // Археологічний літопис Лівобережної України. 2001. Вип. 1. С. 19–25.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. 2009. Вып. 1. Археология. С. 225–251.

Комар А.В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. 2004. Вып. 1. С. 169–200.

Комар А. Что такое «пастырская культура»? // Проблеми на прабългарска история и култура. 2007. № 4/1. С. 35–52.

Комар А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре булгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII в. // Сугдейский сборник. 2008. Вып. 3. С. 87–117.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Евразии в эпоху средневековья. 2006. Вып. 5. С. 245–375.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 352–435, 586–705.

Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. // Известия Императорской археологической комиссии. 1911. Вып. 43 (специальный выпуск).

Малашев В.Ю. Раннесредневековая керамика могильника Клин-Яр III. Вопросы хронологии. М.: Полимедиа, 2000.

Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2000.

Обломский А.М. (отв. ред.). Острая Лука Дона в древности. Замятнинский археологический комплекс гуннского времени. М.: ИА РАН, 2004. (Раннеславянский мир. Вып. 6).

Обломский А.М. Этнокультурные и социальные компоненты населения Острой Луки в гуннское время (вместо заключения) // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) / отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 296–308. (Раннеславянский мир. Вып. 16).

Обломский А.М. Структура населения Лесостепного Поднепровья в VII в. н.э. // Археологічний літопис Лівобережної України. 2007. Вип. 1–2. С. 3–12.

Обломский А.М. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007а. С. 73–132. (Раннеславянский мир. Вып. 9).

Петров В.П. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н.э. // Славяне накануне образования Киевской Руси / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 208–233. (МИА. № 108).

Плетнева С.А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1967. (МИА. № 167).
Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 62–74.
Приходнюк О.М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е. Київ: Наукова думка, 1980.
Приходнюк О.М. Новые данные о пеньковской культуре в Среднем Поднепровье // Раннеславянский мир. Исследования и материалы / отв. ред. С.А. Плетнева, И.П. Русанова. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 75–108.
Приходнюк О.М. Археологические данные о связях славян и степного населения в VII–VIII вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 114–125.
Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж: Воронежский университет, 1998.
Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ, Чернівці: Зелена Буковина, 2005.
Приходнюк О.М., Казанський М.М. Керамчні комплекси поселення Луг I на Тясмині // Археологія. 1978. Вип. 28. С. 43–47.
Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. Велико Търново: Фабер, 2000.
Рутковская Л.М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовка на р. Тясмине // Раннесредневековые восточнославянские древности / отв. ред. В.Н. Третьяков. Л.: Наука, 1974. С. 22–39.
Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.). Київ: Наукова думка, 1975.
Телегин Д.Я. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г. // Краткие сообщения ИА АН УССР. 1962. Вып. 12. С. 16–17.
Флёров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.: ИА РАН, 1996.
Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 1 / отв. ред. Р.В. Терпиловский. Курск: Курское областное отделение Всероссийского фонда Культуры; Курский областной краеведческий музей, 1990. С. 162–204.
Юренко С.П. Отчет о работе Полтавского Археологического отряда в составе экспедиции «Днепр-Донбасс» в 1973 г. // Архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Д. 1973/6в.
Юренко С.П. Отчет о работе Полтавского Археологического отряда в составе экспедиции «Днепр-Донбасс» в 1974 г. // Архив Института археологии Национальной академии наук Украины.
Gavrituhin I. La date du « trésor » de Pereščepina et la chronologie des antiquités de l'époque de formation du khaganat khazar // La Crimée entre Byzance et le khaganat khazar / dir. C. Zuckerman. Paris: ACHCByz, 2006. P. 13–30.
Kazanski M. Note sur le peuplement de la région du Dniepr moyen pendant la seconde moitié du VIIe siècle et au VIIIe siècle // Revue Archéologique. 1987. Vol. 1. P. 84–90.
Kazanski M. Les Huns et les Slaves // Studia Antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblate / ed. D. Aparaschivei. Bucarest: Editura Academiei române, 2009. P. 237–256.
Kazanski M. A propos des «yourtes des nomades» sur les sites slaves (Haut-Moyen-Age) // L'Archéologie du bâti en Europe, de la Préhistoire au Moyen-Age / dir. L. Iakovleva, A. Korvin-Piotrovski, F. Djindjian. Kiev: Korvin-presse, 2012. P. 267–281.
Kazanski M. Les Huns et les Barbares sédentaires: les différentes formes des contacts // Banatica. 2013. Vol. 23. P. 91–109.
Pekarskaja L.V., Kidd D. Der Silberschatz von Martnovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 1994.
Tacite. La Germanie / éd. J. Perret. Paris: Les Belles Lettres, 1983.
Werner J. Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1984.

ОСЕДЛЫЕ ВАРВАРЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ДРЕВНОСТИ ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И АНГИСКИРЫ[1]

Гуннская экспансия в конце IV – середине V в. привела к кардинальным изменениям политического, этнического и культурного характера в восточноевропейском Барбарикуме к северу от Черного моря. В археологическом материале эти изменения нашли отражение, в частности, в исчезновении черняховской культуры, оставленной народами готского союза, и в появлении на той же территории набора восточногерманских вещей дунайского происхождения (рис. 133) [Kazanski, 1992; 1993; 1996; 1998; 2009. P. 140–148; Казанский, 1997; Гавритухин, 1994; 2000; 2004; 2007; Обломский, 2002. С. 83–85; Ахмедов, Казанский, 2004; Гавритухин, Казанский, 2006; Gavrituhin, Oblomsky, 2006; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 145–149]. Попробуем разобраться, какие реальные события и процессы отражает этот археологический факт.

Как сообщает Иордан, после гуннского удара 375 г. остроготы остаются на их прежней территории – в украинской лесостепи и в причерноморских степях к востоку от Днестра – в подчинении у гуннов и лишь после падения гуннской державы в 454–455 гг. уходят в Паннонию [Иордан, 2001. 264]. Археологически это готское население фиксируется памятниками финального этапа черняховской культуры, относящимися к периодам D1 (360/370–400/410 гг.) и, возможно, D2 (380/400–440/450 гг.) европейской «варварской» хронологии. Можно предполагать, что основная масса остроготов покидает территорию современной Украины около 405 г. и, под руководством Редегайса, обрушивается на среднедунайскую границу Империи, чтобы найти впоследствии гибель в битве при Фезуле, под Вероной, в августе 406 г.[2] Лишь редкие погребения и находки на поселениях позднечерняховского облика свидетельствуют о сохранении к востоку от Днестра каких-то германских групп в V в.[3] К этому времени относится и ряд «княжеских» погребений и кладов на территории черняховской культуры. Они принадлежат вождеской верхушке, скорее всего, восточногерманского происхождения, вассальной гуннам. Можно предполагать, что остаточное германское население было организовано в несколько небольших королевств (в частности, на Днепровском Левобережье, на Волыни, возможно, в Северном Причерноморье и, судя по последним находкам, в Подолии[4]), под руководством собственных династий, ориентированных в военно-политическом отношении на гуннов [Казанский, 1997; Kazanski, 1998; Казанский, Мастыкова, 2009. С. 245–247].

В 454 г. умирает знаменитый Аттила, создавший могущественную гуннскую державу в понто-дунайских степях. После его смерти между наследниками разгорелся спор за власть. Сыновья Аттилы требовали разделения подвластных племен жребием, не считаясь с мнением их вождей, что вызвало возмущение у последних. В результате, находившиеся в подчинении у Аттилы пле-

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2011. Т. 1. С. 27–49.

[2] Число готских оптиматов, попавших в плен при Фезуле и зачисленных в римскую армию составляет 12 000 человек, при том, что основная масса готов была перебита римлянами. Это дает представление о огромной массе мигрантов, которую античные авторы определяют в рамках 200 000–400 000 человек [Demougeot, 1979. P. 421–429; Вольфрам, 2003. С. 242, 243]. Цифра, конечно, завышенная, но ясно, что варваров у Редегайса было очень много.

[3] См. подробнее об археологической ситуации V в. [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 145–149; Kazanski, 2009a. P. 140–148].

[4] Благодарю М.Е. Леваду за любезную информацию о новых «княжеских» находках на Правобережной Украине.

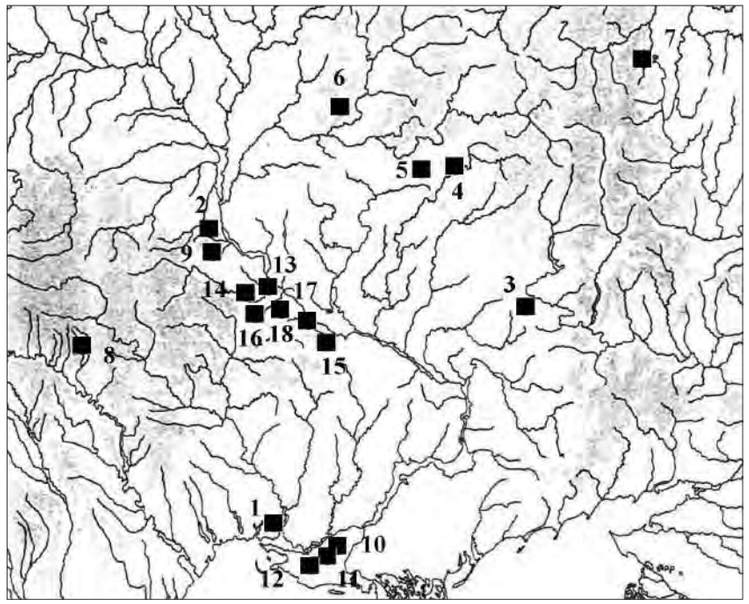


Рис. 133. Карта находок дунайской традиции второй трети V в. на Украине и в бассейне Дона
1 – Ольвия; 2 – Киевщина; 3 – Волобуевка; 4 – Сумы-Сад; 5 – Токари; 6 – Колодезный Бугор; 7 – Змятино-5; 8 – Григоровка; 9 – Ходосовка; 10 – Кардашинка; 11 – Чулаковка; 12 – Кучугуры; 13 – Каневский уезд; 14 – Хмельна; 15 – Пастырское; 16 – Михайловка; 17 – Чигиринский или Черкасский уезды; 18 – Пекари

мена подняли восстание, разбили гуннов в битве при Недао (по Иордану в ней участвовали гунны, готы, гепиды, свевы, аланы, герулы [Иордан, 2001. 261] и поделили их территорию. При этом остроготам досталась Паннония[5], а гепидам – территория современных Трансильвании и Восточной Венгрии [Иордан, 2001. 259–269]. Сыновья Аттилы в 454–455 гг. уходят в Северное Причерноморье, на свои «давние места» (*antiquae sedes*) [Иордан, 2001. 263–264][6], откуда пытаются напасть на готов на Дунае, но безуспешно [Иордан, 2001. 268]. Они отброшены на Днепр, который по-гуннски называется Вар [Иордан, 2001. 269]. Вскоре сын Аттилы Денгезих, собрав подвластные ему народы – ультинзуров, питугуров, бардоров, ангискиров – снова нападает на остроготов в Паннонии, и снова терпит поражение [Иордан, 2001. 272][7]. Из списка верных вассалов Денгезиха особое внимание привлекают ангискиры, поскольку этот этноним явно германский. Это несомненно скиры или, как полагал Ф. Браун, «малые» скиры [Браун, 1899. С. 124]. Итак, из рассказа Иордана следует, что за гуннами в причерноморские степи и затем на Днепр последовали их германские союзники.

Этот германский народ редко появляется на страницах античных авторов, но зато имеет очень длинную историю. Еще в конце III – начале II в. до н.э. скиры вместе с галатами, т.е. кельтами, намеревались напасть на Ольвию [Браун, 1899. С. 102; Щукин, 1994. С. 97]. В I в. н.э. скиры известны как народ Южной или Юго-Восточной Прибалтики, проживающий, по Плинию Старшему, где-то на острове Энингия, по соседству с венедами и хиррами/гирами [Плиний, 1994. IV.13.96–97][8].

Затем скиры появляются в так называемом Веронском списке варварских народов (*Laterculus Veronensis*), датированном началом IV в. (предположительно 303–314 гг.) [Demougeot, 1979. P. 395, 396; там же о анализ документа: P. 229–232][9]. В этом перечне пограничные варварские народы, выделяющиеся быстрым демографическим ростом (*quae pullulaverunt*), а стало быть опасные для Империи, перечислены с запада на восток и делятся на три географические группы: «британско-среднедунайская» (от скоттов до квадов), «нижнедунайская» (от тайфалов до венедов) и «закавказско-месопотамская» (от армян до персов). Скиры попадают в следующий ряд: тайфалы (*Taifruli*) – гермундуры (*Hermunduri*) – вандалы (*Uandali*) – сарматы (*Sarmatae*) – герулы (*Heruli*) – руги (*Rugi*) – скиры (*Sciri*) – карпы (*Carpi*) – скифы (*Scitae, Scythae*) – снова тайфалы (*Taifali*) – готы (*Gothi*) – венеды (*Indii, Uindii*). При этом, герулы и руги фигурируют и в первой группе народов, где-то не то на Северном море, не то на Рейне, поэтому их точное местоположение неясно, а гермундуры представляют для начала IV в. явный анахронизм и, вне сомнения, попали сюда случайно [Demougeot, 1979. P. 230, 307].

Что же касается в целом перечисленной группы народов, где упомянуты скиры, то историки узнают в них участников военных событий на Нижнем Дунае во второй половине III – начале IV в. [Demougeot, 1979. P. 230, 231]. Практически все названные народы, за исключением вандалов и механически перенесенных в эту часть списка ругов, проживали, хотя бы частично, или, по крайней мере, проявляли военную активность, на территориях непосредственно к северу от Нижнего Дуная [см. подр.: Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 53, 54] и, добавим, северного черноморского побережья. Даже такое далекое северное, «лесное», население как венеды представлено в Нижнем Подунавье как археологически (т.н. группа Этулия) [о ней см., напр.: Kazanski, 1999. P. 37, 38], так и в письменных источниках (Певтингерова карта) [Подосинов, 2002. С. 321–330]. Кстати, не исключено, что в Нижнем Подунавье, в составе готской конфедерации, могли проживать и какие-то группы вандалов, попавшие в Веронский список. Действительно, элементы пшеворской культуры, соотносимой с вандалами, в первую очередь, характерные погребения воинов по обряду кремации с оружием, отмечены на черняховских памятниках Мунтении и Молдовы [Diaconu, 1965. P. 299–306; Магомедов, 2001. С. 118, 119; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 54].

Поэтому вряд ли справедливым является мнение Ф. Брауна о расселении скиров в это время севернее, в Карпатском регионе, возможно, недалеко от истоков Вислы [Браун, 1899. С. 121]. Скорее всего, скиров надо искать где-то ближе к Нижнему Дунаю, на территории черняховской культуры. Видимо, этот народ в шлейфе готской миграции III в. продвинулся, подобно гепидам, тайфалам и герулам, из балтийского региона в южную часть Восточной Европы. По мнению И. Ионицы, пшеворские черты на памятниках черняховской культуры в Молдове и Мунтении могут принадлежать не только вандалам, но и другим германским группам, пришедшим в Нижнее Подунавье с севера и северо-запада [Ioniţa, 1972. S. 99]. Может быть, именно пшеворские элементы и отражают присутствие не только вандалов, но и скиров Веронского списка на Нижнем Дунае?

В 381 г. римляне останавливают на Нижнем Дунае скиров и карподаков, смешанных с гуннами (Зосим, IV.34) [цит. по: Латышев, 1890]. В 409 г. Империя снова отражает здесь нападение гуннского вождя Ульдиса, занимавшего нижнедунайские степи. При этом, римлянами уничтожено и захвачено в плен много скиров, пленные частично депортированы в Малую Азию (Созомен, IX.5) [цит. по: Латышев, 1890]. Ф. Браун полагал, что здесь действовали некие восточные скиры, отделившиеся в момент гуннского нашествия от гипотетических карпатских [Браун, 1899. С. 123], однако, как указывалось выше, само по себе существование отдельных карпатских скиров для этого времени сомнительно.

Видимо, скиры закрепляются в Карпатской котловине несколько позднее, уже в гуннское время, в 420–430-е гг., поскольку их предводитель Эдика (Эдикон)[10] играет заметную роль при дворе Аттилы, находившемся где-то в восточной половине Карпатской котловины (Приск, фр. 8) [цит. по: Латышев, 1890]. Конечно, вождь скиров мог подвизаться в гуннской столице, на территории современной Восточной Венгрии, в то время как его народ проживал где-то в другом месте (вспомним долговременные визиты русских князей в Каракорум и Сарай). Однако, как мы сейчас увидим, оказывается, что в 460-е годы королевство скиров находится именно на Среднем Дунае, хотя скиры не упоминаются Иорданом среди народов, получивших здесь земли после разгрома гуннов при Недао (см. выше).

Представляется, что гибель гуннской державы является отправной точкой разделения скиров на три группы. Одна из них, ангискиры, как уже говорилось, остается верной гуннам и вместе с сыном Аттилы Денгезихом оказывается где-то на Днепре (см. выше). Другая группа скиров, вместе с некими садагариями и аланами Кандака, уходит в Нижнюю Мезию и Малую Скифию, то есть на римское правобережье Нижнего Дуная, где, вне всякого сомнения, они инкорпорированы в систему обороны дунайского лимеса [Иордан, 2001. 266]. Похоже, что эти народы спасаются от гепидских и готских победителей, иначе зачем им уходить из Барбарикума под власть Империи? Интересно, что сюда же, в Малую Скифию, уходит и сын Аттилы Эрнак, а его братья Эмнетзур и Ултзиндур на какое-то время закрепляются в Правобережной Дакии, опять-таки на римской территории [Иордан, 2001. 266]. Похоже, что Империя принимала под свою защиту остатки гуннских орд, разбитых при Недао. Наконец, скиры под руководством Эдики, ранее известного при гуннском дворе, создают отдельное королевство на Среднем Дунае, где они ввязываются в войну с остроготами, закрепившимися в римской Паннонии [Иордан, 2001. 275–279]. Скирам не повезло, они были разбиты, а их остатки под руководством Одо-

[5] О территории и археологических памятников остроготов в Паннонии см. [Kiss, 1979].

[6] Е.Ч. Скржинская считает, что это приазовские степи (комм. 644 к изданию Иордана). Текст Иордана не дает оснований для такого уточнения.

[7] Э.А. Томпсон [Томпсон, 2008. С. 187] и Е.Ч. Скржинская (комм. 687 к изданию Иордана) предположили, что Денгезих со своими вассалами закрепились в Иллирикуме, где-то в районе Сингидунаи Сирмия. Свою точку зрения они не аргументировали. Однако такое предположение прямо противоречит указанию Иордана [Иордан, 2001. 269] об отступлении гуннов на Днепр в результате предыдущего неудачного столкновения с готами. Скорее можно предполагать, что на Днепр, незадолго до похода Денгезиха, подошли и нижнедунайские гунны – ультинзуры. Как мы увидим далее, сразу после Недао сын Аттилы Ультинзур спасается в Малой Скифии. Видимо, впоследствии он присоединяется к Денгезиху. Этот неугомонный Денгезих в конце концов сложил голову (в буквальном смысле этого слова) на Дунае во время набега на римское пограничье. См. о нем: [Артамонов, 1962. С. 61, 62; Томпсон, 2008. С. 187, 188].

[8] О локализации Энингии и проживавших там народов см.: [Щукин, 1994. С. 240], а также комментарий Ф.В. Шелова-Коведяева к тексту Плиния [Плиний, 1994. С. 29–31].

[9] К сожалению, этот документ не был мною учтен в предыдущих работах, что привело меня к ошибочному выводу о локализации скиров в позднеримское время в отдалении от римских границ.

[10] О тождестве скирского вождя Эдики и гуннского придворного Эдикона см.: [Томпсон, 2003. С. 55–57; Томпсон, 2008. С. 186, 187; Вольфрам, 2003. С. 268].

акра, сына Эдики, оказываются на римской службе в Италии, где Одоакра ждет сначала головокружительная карьера, а затем гибель [Demougeot, 1979. P. 779, 780].

Л. Шмидт еще в 1926 г. локализовал королевство скиров между Тиссой и Дунаем, в соседстве со свевами и остроготами. Эта точка зрения и сегодня доминирует в историографии [Kiss, 1983. S. 95, 96; Вольфрам, 2003. С. 369, 370, карта 5]. На этой территории для второй трети V в. хорошо известны археологические памятники восточногерманского облика. Это «княжеские» находки Кишкунфеледьдхаза, Кишкереш, Бакодпуста (рис. 140-141), Колут, Каравуково, Змаево, а также «рядовые» могильники Бачки Моноштор и Зомбор [сводка памятников: Kiss, 1983].

Итак, присутствие ангискиров в составе гуннской орды, отступившей после 454 г. на Днепр, заставляет пристальнее изучить археологические находки дунайского облика, известные на юге Восточной Европы в позднегуннское и постгуннское время.

Как уже говорилось, в течение второй трети V в. археологическая ситуация на территории современной Украины существенно меняется. В лесостепной полосе появляются памятники пражской и пеньковской культур, принадлежащие славянам, продвинувшимся сюда с севера [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 152–156; Kazanski, 2009a. P. 153–161; 2009b]. В причерноморской степи закрепляются гунны (на востоке) и болгары (на западе)[11]. В то же время как в лесостепи, так и в степи окончательно исчезают памятники черняховской культуры, но появляется серия погребений и изолированных находок дунайского облика, датированных периодами D2/D3 (430/440–460/470 гг.) и D3 (440/450–470/480 гг.) «варварской» хронологии.

Наиболее ранние находки этого типа могут быть связаны еще с позднечерняховским контекстом. Это, в первую очередь, относится к серьгам с полиэдрической бусиной на конце. Считается, что такие серьги возникают в римской среде Среднего Подунавья [Bierbrauer, 1975. S. 162–169] и уже в период D1 (360/370–400/410 гг.) распространяются у варваров на широкой территории от Карпатской котловины до Северного Кавказа. В некоторых погребениях, на могильниках Тисадоб в Восточной Венгрии, Танаис на Нижнем Дону и Заморское в Восточном Крыму, серьги с полиэдрической бусиной встречены в погребениях вместе с малыми двупластинчатыми фибулами черняховского облика [Мастыкова, 2009. С. 73, там же библиография находок]. Однако на собственно черняховских могильниках таких сережек практически нет, что заставляет отнести их широкое распространение ко времени после исчезновения основного черняховского населения, то есть после 400–410 гг.

[11] О ситуации второй половины V в. в понтийских степях см.: [Засецкая и др., 2007. С. 101–106].

Одна из редких находок такого типа в черняховской зоне происходит из некрополя Сумы-Сад, погребение 4 (рис. 134, *1–3*). Это захоронение по обряду трупоположения, вытянутое на спине, головой на северо-восток, типичное для черняховской культуры [Kazanski, 2009a. P. 147. Fig. 34]. Оно сопровождалось овальной пряжкой с плоским язычком, имеющей широкую дату, включающую IV в. [ср.: Tejral, 1988. Abb. 25,7; 1992. Abb. 2,6,12; 3,9], и серьгой с полиэдрическим окончанием. Такие серьги настолько необычны для черняховской культуры, что культурная атрибуция погребения вызвала сомнения у некоторых исследователей, несмотря на то, что оно входило в состав типичного черняховского могильника. Его пытались отнести к числу кочевнических погребений – ведь кроме черняховцев и кочевников в IV–VII вв. здесь могли оказаться только славяне, а они не практиковали обряд трупоположения. Однако у кочевников в Причерноморье такие серьги полностью отсутствуют, здесь они имеются только у оседлых варваров или у населения позднеантичных понтийских центров [Мастыкова, 2009. С. 73]. Поэтому, на мой взгляд, погребение 4 могильника Сумы-Сад, скорее всего, принадлежит, как и весь некрополь, остаточному черняховскому населению. Еще две находки таких сережек происходят с Нижнего Днепра, из Кардашинки и Чулаковки под Херсоном (рис. 134, *11, 12*) [Kazanski, 1992. Fig. 10,12,13; 1996. P. 325, 326. Fig. 2,12,13; 2009a. Fig. 50,12,13].

Заметную категорию находок дунайской традиции на Украине составляют фибулы. Для второй трети V в. это, прежде всего, двупластинчатые малые фибулы с треугольной головкой типа Братеи, происходящие из Каневского, Чигиринского или Черкасского уездов (рис. 134, *6, 7*) [Kazanski, 1996. P. 325, 326. Fig. 2,14,15; 2009a. Fig. 50,2,3]. Ножка фибулы, также, скорее всего, типов Братеи или Вышков, происходит из Григоровки, в Подолии (рис. 134, *8*) [Kazanski, 1996. P. 325, 326. Fig. 2,16]. Фибула с треугольной головкой и ромбической ножкой была найдена в Кучугурах под Херсоном, вместе с пряжкой с овальным щитком (рис. 134, *11, 12*), однако по наброску А.А. Спицына судить о ее типе трудно, она может принадлежать как типу Братеи, так и более раннему типу Унтерзибенбрунн [Kazanski, 1992. Fig. 10,14; 2009a. Fig. 50,14]. Фибулы типа Братеи, если судить по находке в австрийском кладе Бушберг, типичны для периода D2/D3, то есть для второй трети V в. Существуют они и позднее, как показывает одна из могил некрополя нижнедунайской крепости Аргамум. Здесь фибула типа Братеи сопровождалась пальчатой фибулой времени не ранее второй половины V в. [Kazanski, 1996. P. 325, 326; там же библиография находок]. Еще одна двупластинчатая фибула дунайской традиции, принадлежащая типу Прша-Левице, происходит из с. Токари (рис. 134, *9*). Тип Прша-Левице

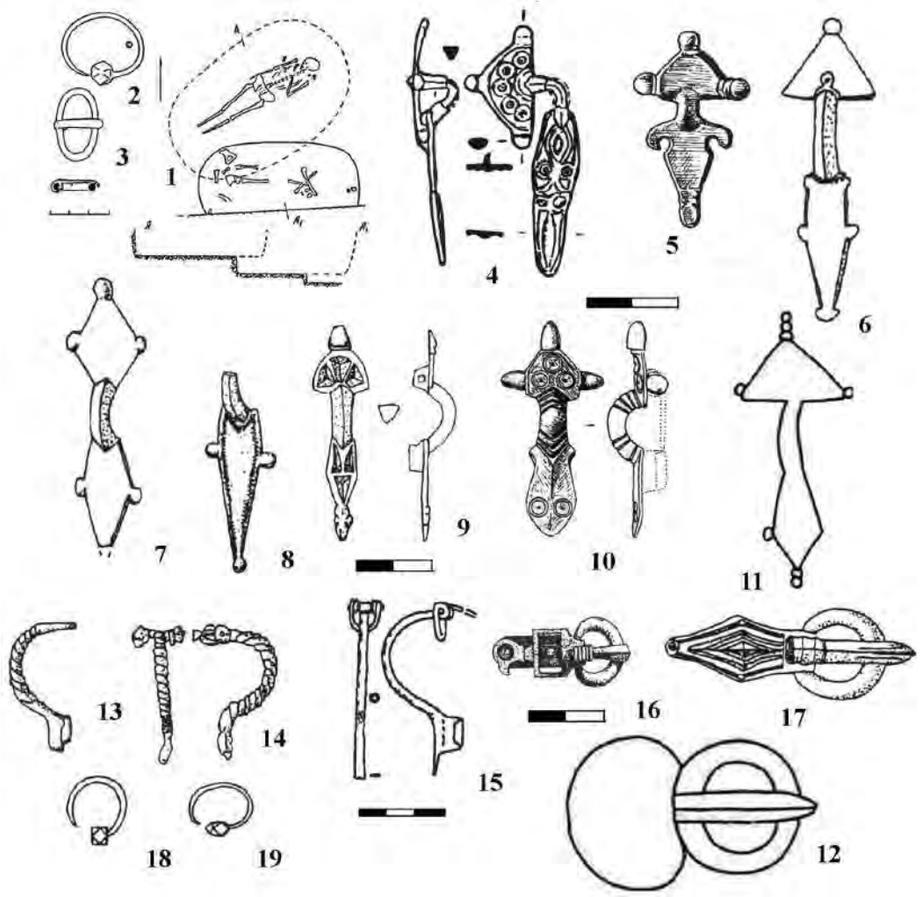


Рис. 134. Вещи дунайского происхождения второй трети V в. на Украине и в бассейне Дона
1-3 – Сумы-Сад; 4 – Замятино-5; 5 – Пастырское; 6 – Каневский уезд; 7 – Черкасский или Чигиринский уезды; 8 – Григоровка; 9 – Токари; 10 – Киевщина; 11, 12 – Кучугуры; 13 – Колодезный Бугор; 14 – Михайловка; 15 – Ходосовка; 16 – Хмельна; 17 – Пекари; 18 – Кардашинка; 19 – Чулаковка
1–3, 11, 12 – [по: Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006]; 4 – [по: Гавритухин, 2004b]; 5, 16 – [по: Корзухина, 1996]; 6, 7, 13, 14, 18, 19 – [по: Kazanski, 1992]; 8, 17 – [по: Kazanski, 1996]; 9 – [по: Гавритухин, 1994]; 10 – [по: Гороховский, 1999]; 15 – [по: Kazanski, 2009b]

считается характерным для Среднего Дуная середины V в. По И. О. Гавритухину находка из Токарей принадлежит уже местной, причерноморской традиции, хорошо представленной в Крыму [Гавритухин, 1994; 2007. С. 30]. Такое утверждение, однако, нуждается в дополнительной аргументации, поскольку фибула из Токарей все же очень близка некоторым дунайским находкам (например, фибуле из Захони) и отличается от известных в Крыму более простой формой [Ахмедов, Казанский, 2004. С. 171].

Малые пластинчатые фибулы названных типов, по Ф. Бирбрауеру, характеризуют рядовое германское население Среднего Дуная. Их экспорт в инородную среду мало вероятен, поскольку в традиционных обществах рядовой женский костюм или его элементы не являются предметом заимствования, его распространение, как правило, отражает передвижение носительниц данного костюма [Werner, 1970; Мастыкова, 2009. С. 7]. Если же мнение о причерноморском происхождении фибулы из Токарей верно, это означает, что в Северном Причерноморье появилось такое количество выходцев со Среднего Дуная, что понадобилось развернуть местное производство привычных им элементов женского костюма. Распространение этих изделий в Поднепровье показывает, что потребители данной продукции, то есть выходцы со Среднего Дуная, обосновались не только в Крыму, но и на Днепре.

К той же категории «народного» женского костюма относятся и среднедунайские арбалетные фибулы второй трети V в., найденные в Среднем Поднепровье. Это фибула типа Мильтенберг со славянского поселения колочинской культуры в Ходосовке, под Киевом (рис. 134, *15*) [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 154; Kazanski, 2009b. Fig.

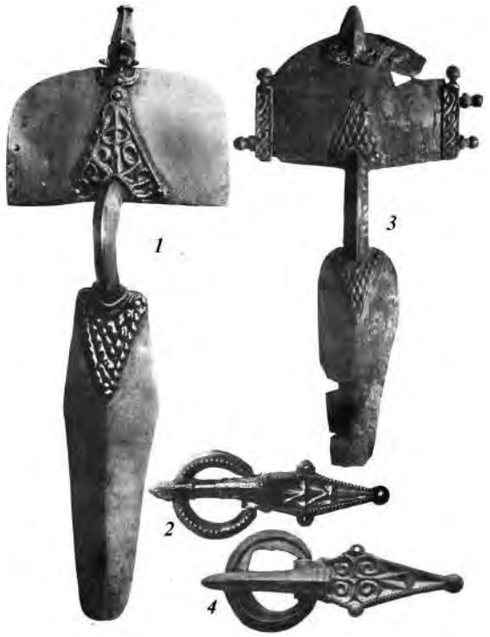


Рис. 135. Двупластинчатые фибулы и пряжки с ромбическим щитком второй трети V в. в Карпатском бассейне [по: Werner, 1959] 1, 2 – Косино; 3, 4– Тиссалек

2,3], а также две фибулы типа Прага со славянского поселения, также колочинской культуры, Колодезный Бугор на Десне и случайная находка у с. Михайловка на Каневщине (рис. 134, *13, 14*) [Kazanski, 1996. Fig. 2,23,24]. Появление подобных арбалетных фибул в Поднепровье также указывает на возможность существования в этом регионе какого-то германского населения дунайского происхождения.

Еще одна категория фибул, имеющая дунайское происхождение – это ранние пальчатые фибулы V – начала VI в. В Восточной Европе известны их местные дериваты, явно произведенные под дунайским влиянием. Это, например, трехпалая фибула из киевского региона (рис. 134, *10*) [Гороховский, 1999. Рис. 1,1], родственная центральноевропейским середины V в. – ее ножка соответствует фибулам группы Шульце 212, 213 (тип Висбаден-Кошовени-Жос) первой половины V в. [Schulze, 1977. S. 117, 118. Taf. 15. Karte 19]. Пальчатая фибула, восходящая к дунайскому типу Сокольнице, середины V в., происходит с поселения Замятнино-5 на Верхнем Дону (рис. 134, *4*) [Гавритухин, 2004]. Известны в этом регионе и другие вещи среднедунайского происхождения, к сожалению, пока не опубликованные. Еще одна ранняя пальчатая фибула имелась среди старых находок около с. Пастырское [Корзухина, 1996. С. 379. Кат. 40. Табл. 28,5]. Очень близкая параллель представлена в материалах могильника нижнедунайской крепости Пьятра-Фрекэцей [Петре, 1962. Рис. 12,1]. Часто их относят к малым пальчатым фибулам VII в., но с ними данные фибулы сопоставимы лишь размерами. Поздние фибулы VII в., широко распространенные, в частности, у славян, имеют пять и более пальцев[12], трехпалые же фибулы в целом в Европе более характеры для V – начала VI в. В частности, головка пастырской фибулы имеет параллели на северонемецких фибулах типа Брейтенфурт, конца V – начала VI в. [ср.: Kühn, 1974. S. 869-877. Taf. 274]. Ножка же пастырской трехпалой фибулы очень напоминает некоторые застежки типа Висбаден, датированные V в. [ср.: Werner, 1981. Taf. 31,1].

Помимо фибул в Восточной Европе для гуннского и постгуннского времени известны и пряжки среднедунайского происхождения. Малая пряжка, украшенная птичьей головкой, найдена в Хмельне, на Правобережье Днепра (рис. 134, *16*) [Корзухина, 1996. Табл. 91,18]. Такие пряжки распространяются, в основном, на Среднем Дунае и характеры для мужских погребений второй трети V в. [Tejral, 1988. S. 280, Abb. 41, 42]. Пряжка с ромбическим щитком дунайского типа Косино-Гава найдена у с. Пекари, около Канева (рис. 134, *17*) [Kazanski, 1996. Fig. 2,9]. На Среднем Дунае аналогичные пряжки, как показывают находки в таких могилах как Косино и Тоссалёк (рис. 135, *2, 4*), входили в состав «княжеского» женского костюма [Werner, 1959. Taf. II,2,4]. Их датировка также определяется в рамках периода D2/D3 (430/440–460/470 гг.) [Tejral, 1988. S. 279. Abb. 36,2,4][13].

Известны на юге Восточной Европы и собственно «княжеские» погребения дунайского облика, принадлежавшие оседлым варварам позднегуннского и постгуннского времени. Судя по этим находкам, здесь, как и на Дунае, во второй трети V в. получает распространение престижный женский костюм типа Смолин, с парой больших двупластинчатых фибул[14]. На рассматриваемой территории к востоку от Днепра он наиболее ярко выражен в погребении Волобуевка-Драный Яр, в бассейне Донца (рис. 136). Здесь были обнаружены две двупластинчатые фибулы с треугольными накладками типа Косино (рис. 136, *1, 2*), колье из так называемых «крапчатых» бус (рис. 136, *4*) и из золотых каннелированых пронизок (рис. 136, *5*), а также браслет (рис. 136, *3*) [Сибилев, 1928. Табл. 22]. И. О. Гавритухин связывает фибулы из Волобуевки с причерноморским влиянием, поскольку по ряду элементов они близки найденным на черноморском могильнике Дюрсо, принадлежавшем готам-тетракситам [Гавритухин, 2004а. С. 209, 212, 213; 2007. С. 30]. По имеющимся рисункам из публикации 1928 г. трудно судить, насколько такое заключение оправданно. Впрочем, черноморское происхождение этих фибул, изготовленных все-таки по дунайским моделям, вполне возможно, но это мало что меняет в интерпретации находок дунайского облика к востоку от Днестра. Важно, что данная «имитационная» продукция несомненно отражала вкусы германских заказчиков, следовавших дунайской моде, и оказалась востребованной на Донце.

Две наиболее яркие «княжеские» находки как бы маркируют границы основной зоны распространения дунайской моды на территории, некогда занятой черняховской культурой – это Ольвийский и Киевский «клады».

Ольвийский клад (рис. 137) [Ross, 1965. № 166. Pl. 79–82] содержит вещи стиля перегородчатой инкрустации, видимо произведенные в Византии [Arrhenius, 1985. P. 101, 102, 123, 190]. Среди них особо выделим перстень (рис. 137, *8*), имеющий аналогии в находке из Бакодпусты (рис. 140, *5*), то есть на предполагаемой территории скиров, но известный также и на более широкой территории (Клуж-Сомешени, Берегово, Лоррах, Фикарола, погр. 4, Керчь, Тамань, Кубань) [Kazanski, 1996. P. 325; там же библиография по этим находкам]. Круг перечисленных аналогий позволяет установить и дату клада – 450–490-е гг. Престижный характер находки подчеркивается присутствием двух «королевских» браслетов из золота, с расширенными концами (рис. 137, *9, 10*)[15]. Тип убора, с крупной пекторальной бляхой (рис. 137, *1*), восходит к византийскому женскому костюму [Мастыкова, 2005. С. 30–33. Рис. 7,8], но известен и в аристократической среде дунайских германцев, например в Клуж-Сомешени [Harhoiu, 1998. S. 171. Taf. LXX,1]. Видимо, перед нами все же не клад, а инвентарь престижного погребения, поскольку состав и количество вещей соответствуют набору, типичному для женских привилегированных захоронений.

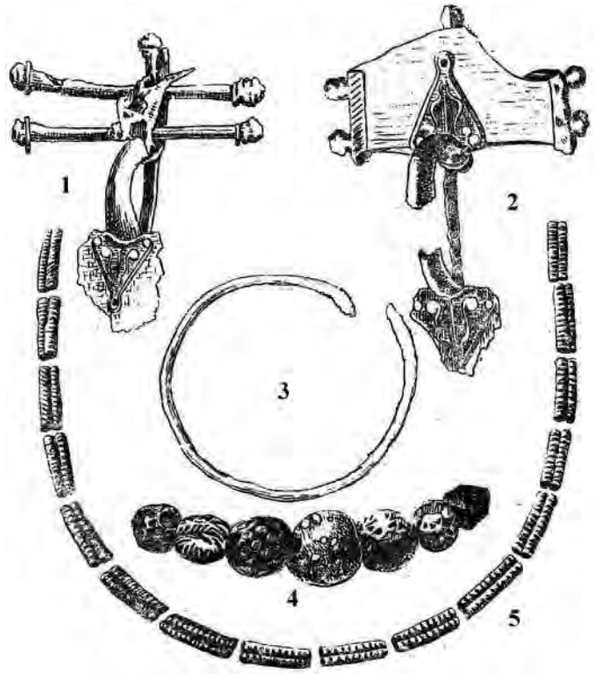


Рис. 136. Вещи из погребения в Волобуевке [по: Сибилев, 1928]

Рис. 137. Ольвийский «клад» [по: Ross, 1965]

[12] Что касается традиционной датировки малых пальчатых фибул VII в., есть основания полагать, что она может быть пересмотрена в сторону удревнения некоторых находок. Так, на славянском могильнике Сарата-Монтеору, на Нижнем Дунае, в погр. 1185 малая пальчатая фибула соседствовала с фибулой дериватом типа Братеи, последние исчезают к началу VI в. [см.: Fiedler, 1992. Abb. 11,2,6].

[13] Об эволюции ромбических пряжек см.: [Kiss, 1984; Гавритухин, Казанский, 2006. С. 319–322].

[14] О княжеском костюме V в. на Среднем Дунае см.: [Bierbrauer, 1989. S. 75–84].

[15] Об их статусе см.: [Werner, 1980].

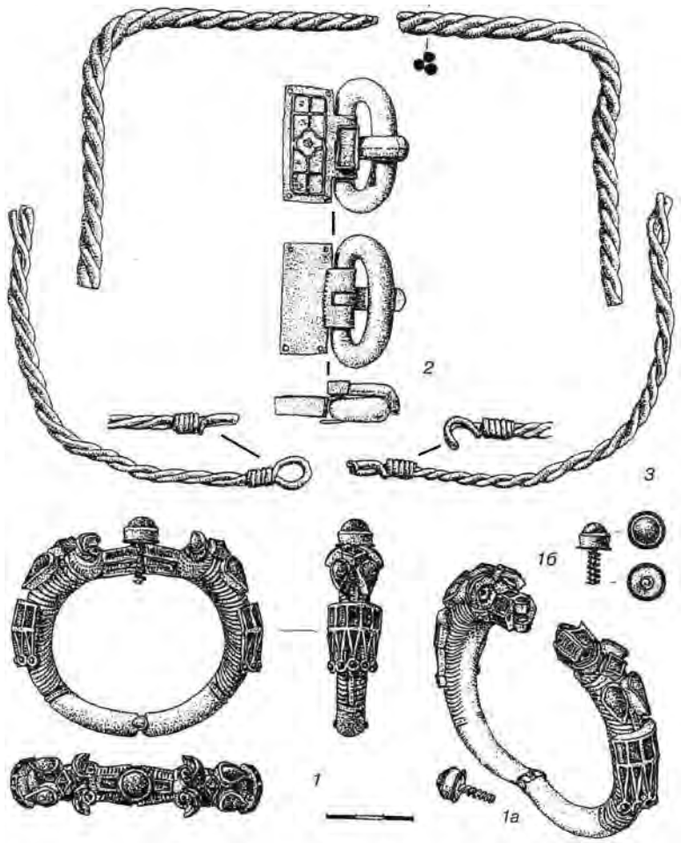


Рис. 138. Киевский «клад» [по: Ахмедов, Казанский, 2004]

Рис. 139. Вещи постгуннского времени из Ольвии
1 – [по: Von Carnap-Bornheim, 1995];
2 – [по: Romans and Barbaran, 1976]

Отсюда же, из Ольвии[16], происходят и другие престижные находки постгуннского времени, такие как колье из полиэдрических металлических бусин с инкрустацией (рис. 139, *2*), имеющее параллели на Среднем Дунае (Змаево, Клуж-Сомешени, Мехолупы, Апахида, погр. 2) и в Крыму (Керчь, склепы 24.6.1904 г.) [Roman…, 1976. P. 133, № 157; Kazanski, 1996. P. 325; там же библиография по этим находкам] или пряжка с инкрустированным декором (рис. 134, *1*; табл. 19) [Von Carnap-Bornheim, 1995], типичные для дунайских германцев второй половины V в. Если данные находки действительно происходят из Ольвии, можно предполагать существование здесь какого-то центра власти в постгуннское время.

Точное происхождение Киевского «клада» не известно, ясно лишь, что он был найден где-то на Киевщине (рис. 138) [Ахмедов, Казанский, 2004. С. 168, 169. Рис. 1Б]. «Клад» содержит браслет византийского производства (рис. 138, *1*), имеющий очень близкие параллели в уже упоминавшейся находке из Бакодпушты (рис. 141, *1, 2*) [Kiss, 1983. Abb. 5,3], с территории скиров, витую гривну (рис. 138, *3*) и пряжку стиля перегородчатой инкрустации (рис. 138, *2*). Опять таки, совсем не исключено, что сохранившиеся вещи входили не в состав клада, а являлись погребальным инвентарем, причем браслет может происходить из женского погребения, а пряжка и гривна более типичны для мужского убора, хотя встречаются и в женских погребениях. Видимо, Киевский «клад» указывает еще на один центр власти, где-то в Поднепровье.

Итак, археологический материал позднегуннского и постгуннского времени на юге Восточной Европы свидетельствует о смене культурной традиции, явно связанной с внешним импульсом, поскольку местные варвары – гунны, болгары, славяне, готы – не могли быть изобретателями дунайской моды. Если престижные предметы аристократического убора были предметом заимствования в вождеской среде и циркулировали в качестве подарков, добычи и т.п., то «рядовые» предметы, связанные с культурой «среднего класса» дунайских германцев, могли попасть на восток, прежде всего, с их физическими носителями. Таким импульсом могло быть отступление гуннов и их германских и негерманских союзников на восток, на Днепр, после разгрома на Дунае (см. выше). Информация Иордана о германцах-ангискирах, оставшихся под эгидой гуннов и, судя по контексту рассказа, последовавших за гуннами на Днепр, представляется мне очень существенной, поскольку здесь прямо названы германцы, оставшиеся в составе гуннской орды после катастрофы 454–455 гг.

Разумеется, было бы наивно думать, что все вышеперечисленные вещи дунайского происхождения, найденные в Восточной Европе, принадлежат ангискирам. В гуннском обозе уходили на восток и другие племена, кланы, семьи, а то и отдельные люди германского происхождения, связавшие свою судьбу с гуннами, но не попавшие на страницы трудов древних авторов. Видимо, эти разнородные прогуннские германцы и принесли в Восточную Европу как аристократический дунайский костюм смолинского типа с большими двупластинчатыми фибулами, модный в Карпатской котловине в эпоху Аттилы, так и рядовые украшения [Kazanski, 1993; 1996. P. 328].

Возможно, к этому же периоду после Недао относится и появление гуннов на Боспоре Киммерийском, когда гунны заставили готов-тетракситов последовать за ними и переселиться на восток от Керченского пролива (Прокопий, Война с готами, IV.5) [цит. по: Прокопий из Кесарии, 1950]. Дата этого события спорна, ясно лишь, что оно имело место после 429 г. [Щукин, 2005. С. 451–454]. Однако, как бы то ни было, именно в это время вещи дунайской традиции, в частности, «смолинский» костюм, появляются на Боспоре Киммерийском и на Северном Кавказе [Kazanski, 1996. P. 327; Казанский, 1999. С. 280, 281; Гавритухин, Казанский, 2006. С. 207–311; Мастыкова, 2009. С. 147–153].

Вне всякого сомнения, восточногерманские эмигранты с Дуная пользовались известным престижем среди восточных германцев. Это, на мой взгляд, и объясняет факт восприятия дунайского «княжеского» костюма с большими двупластинчатыми фибулами как готами страны Дори в Юго-Западном Крыму [Амброз, 1968], так и готами-тетракситами Северо-Восточного Причерноморья [Дмитриев, 1982]. Здесь, особенно в Юго-Западном Крыму, происходит «демократизация» некогда престижного костюма с большими двупластинчатыми фибулами. Он массово копируется и хорошо представлен в погребальных па-

Рис. 140. Вещи из погребений 1–2 в Бакодпусте [по: Kiss, 1983]

Рис. 141. Вещи из погребений 1–2 в Бакодпусте [по: Kiss, 1983]

[16] Впрочем, надо помнить что торговцы древностями часто продавали, как ольвийские, вещи, происходящие с других памятников Северного Причерноморья.

мятниках рядового населения[17]. К слову сказать, именно по такой модели, как это показано П. Переном [Périn, 1993], происходит формирование «народного» костюма аквитанских и испанских визиготов. На Запад смолинский убор был, скорее всего, принесен в 472–474 гг. свитой остроготского принца Амала Видимера, эмигрировавшего с Дуная к своим далеким визиготским соплеменникам. Харизматическая династия Амалов пользовалась у готов особым престижем и наверняка служила объектом подражания. Не случайно, именно в это время в южной половине Галлии появляются сначала редкие погребения с «княжеским» дунайским убором [Vertet, Duterne, 1999], а с последних десятилетий V в. «народные» реплики смолинского костюма хорошо известны в визиготских некрополях Испании [см., напр.: Ebel-Zepezauer, 2000. S. 16–21].

В Приднепровье, в отличие от Крыма и Черноморского побережья Кавказа, германский костюм не прижился. Это связано, видимо, с двумя обстоятельствами. Во-первых германские анклавы были здесь менее значимыми, чем в Причерноморье. Во-вторых, украинская лесостепь в этот период является зоной славянской экспансии, о чем свидетельствует появление здесь славянских памятников пеньковской культуры V в. [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 152–156; Kazanski, 2009a. P. 153–161], а в причерноморской степи болгары вытесняют гуннов, ситуация здесь также не стабильна. В этих условиях германское население могло выжить лишь растворившись среди славян или гунно-болгар. Некоторые находки являются археологическим отражением каких-то трагических событий военного характера, происходивших здесь во второй половине V в. Это, например, Рублевский клад на Днепровском Левобережье. Он содержал золотые монеты, из которых наиболее поздние чеканены в 450–457 гг., а также золотые «королевские» браслеты с расширенными концами[18]. Однако, судя по редким находкам погребений по обряду трупоположения с пальчатыми фибулами раннего VI в., таких как Мартыновка, какие-то группы восточных германцев все же сохранялись в славянском ареале лесостепи и позднее [Гавритухин, 2004а; Мастыкова, 2008]. Возможно, не без их влияния славяне Поднепровья в позднем VI в. воспринимают германскую моду на пальчатые фибулы.

[17] Из последних работ о костюме крымских готов с двупластинчатыми фибулами см.: [Фурасьев, 2009].

[18] Архив ИИМК РАН. Дело Императорской Археологической Комиссии 75/1891.

Библиография

Амброз А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // Краткие сообщения Института археологии. 1968. Вып. 113.

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.

Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений // Сборник Общества русского языка и словесности. 1899. Вып. 64.

Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003.

Гавритухин И.О. Причерноморская серия фибул группы Левице-Токари (к изучению восточногерманского культурного наследия) // Боспорский сборник. 1994. Вып. 4.

Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в восточном Прикарпатье // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000.

Гавритухин И.О. Днепровские ингумации второй половины V–VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004a.

Гавритухин И.О. Ранние формы пальчатых фибул и экземпляр из Замятино // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М., 2004b.

Гавритухин И.О. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения и отдельные находки постгуннского времени // Восточная Европы в середине I тысячелетия н.э. М., 2007.

Гавритухин И.О., Казанский М.М. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв. // Археологические вести. СПб., 2006. Вып. 13.

Гороховский Е.Л. Дві архаїчні пальчаті фібули з Середньої Наддніпрянщини // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Европі в I тисячолітті. Київ, Львів, 1999.

Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica» / Вступ. ст., пер., комм. Е.Ч. Скржинской. СПб., 2001.

Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский археологический вестник Кишинев, СПб., 1997.

Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.

Казанский М.М., Мастыкова В.А. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. Выпуск 1. Археология. Воронеж, 2009.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб., 1890.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.

Мастыкова А.В. Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошами на Северном Кавказе в V–VI вв. // Российская археология. 2005. № 1.

Мастыкова А.В. О костюме с пальчатыми фибулами в Восточной Европе // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009.

Обломский А.М. Днепровское Лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2002.

Петре А. Предварительные сведения в связи с хронологией могильника в Пьятра Фрекэцей // Dacia. 1962. VI.

Плиний / Комм. Ф.В. Шелов-Коведяев // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). М., 1994.

Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. М., 1950.

Сибилев Н.В. Старовинності Ізюмщини. Ізюм, 1928.

Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003.

Томпсон Э.А. Гунны. Грозные воины степей. М., 2008.

Фурасьев А.Г. Этнокультурные особенности населения Южного Крыма в VI – начале VII в. н.э. (По материалам женского костюма) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009.

Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005.

Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm, 1985.

Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975.

Bierbrauer V. Ostgermanische Oberchichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica. Lodz, 1989.

Demougeot E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. 2.1. De l'avènement de Dioclétien au début du VIe siècle. Paris, 1979.

Diaconu G. Nordöstliche Elements in der Černjachov-Sintana de Mureşkultur // Dacia. 1965. X.

Ebel-Zepezauer W. Studien zur Archäologie der Westgoten vom 5.-7. n. Chr. Mainz, 2000.

Fiedler U. Studien zu Gräberfelden des 6. bis 9. Jahrhunders an der unteren Donau. Bonn, 1992.

Gavrituhin I., Oblomsky A. Les découvertes princières du Ve siècle dans la région du Dniepr - rive gauche et leur contexte historique // De l'Age du Fer au haut Moyen Age. Archéologie funéraire, princes et élites guerrières. Saint-Germain-en-Laye, 2006.

Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest, 1998.

Ioniţa I. Probleme des Sîntana de Mureş – Černjachov-Kultur auf dem Gebiete Rumäniens // Studia Gotica. Die eisenzeitlichen Verbindungen zwischen Schweden und Südeuropa. Stockholm, 1972.

Kazanski M. L'influence danubienne dans la steppe pontique pendant la seconde moitié du Ve siècle: le rôle des Angiskires // Medieval Europe. Vol. 4. Death and Burial. York, 1992.

Kazanski M. The Sedentary Elite in the "Empire" of the Huns and its Impact on Material Civilisation in Southern Russia during the Early Middle Ages (5th–7th Centuries AD) // Cultural Transformations in Eastern Europe / ed. J. Chapman, P. Dolukhanov. Aldershot, 1993.

Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V.

Kazanski M. Le royaume de Vinitharius: le récit de Jordanès et les données archéologiques // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800. Leiden, Boston, Köln, 1998.

Kazanski M. Les Slaves. Les origines. Ier–VIIe siècle après J.-C. Paris, 1999.

Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest, Brăila, 2009a.

Kazanski M. Les Huns et les Slaves // Studia Antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblata. Bucureşti, 2009b.

Kiss A. Ein Versuch die Funde und das Siedlungsgebiet der Ostgoten in Pannonien zwischen 456-471 zu bestimen // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1979. Bd. 31 (3–4).

Kiss A. Die Skiren im Karpatenbecken, ihre Wohnsitze und ihre materielle Hinterlassenschaft // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. Bd. 35 (1–2).

Kiss A. Über eine silbergoldete gepidische Schnalle aus dem 5. Jahrhundert von Ungarn // Filia Archaeologica. 1984. XXXV.

Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit im Süddeutschland. Graz, 1974.

Périn P. L'armée de Vidimer et la question des dépôts funéraires chez les Wisigoths en Gaule et en Espagne (Ve-VIe siècles) // Armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye, 1993.

Romans and Barbarians. Boston: Museum of Fine Arts, 1976.

Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Volume Two. Jewelery, Enamels, and Art of the Migration Period. Washington, 1965.

Schulze M. Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI,2). Bonn, 1977.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et l'époque des Grandes Migrations. Oxford, 2006.

Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austraica. 1988. Bd. 72.

Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków, 1992.

Vertet H., Duterne Y. Tombes mérovingiennes du cimetière Saint-Jean de Lezoux (Puy-de-Dôme) // L'Auvergne de Sidoine Apollinaire à Grégoire de Tours. Histoire et archéologie. Clermont-Ferrand, 1999.

Von Carnap-Bornheim C. Eine cloisonnierte Schnalle mit wabenförmigem Zellenwerk und Alamandinrundeln aus Olbia // Germania. 1995. Bd. 73-1.

Werner J. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine // Slovenská Archeológia. 1959. VII.2.

Werner J. Zur Verbreitung frühmittelalterlicher Metallarbeiten (Werkstatt – Wanderhandwerk – Haldel – Familienverbindung) // Early Mediaval Studies. Vol. I. Stockholm, 1970.

Werner J. Der goldene Armring des Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handelenkringe der jüngeren Kaiserzeit // Frühmittelalterliche Studien. 1980. Bd. 14.

Werner J. Zu einer elbgermanischen Fibel dez 5. Jahrhunderts aus Gaukönigshofen, Ldkr. Würzburg // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1981. Vol. 46.

АПОКРИФИЧЕСКИЕ РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ УКРАШЕНИЯ В СТИЛЕ ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ИНКРУСТАЦИИ ИЗ ОЛЬВИИ[1]

Здесь будут рассмотрены находки вещей с декором в стиле перегородчатой инкрустации постгуннского времени (середина / вторая половина V – начало / первая половина VI в.), происходящие из музейных коллекций и найденные, по утверждениям торговцев, в Ольвии, близ устья Южного Буга, где располагался известный античный город. Было высказано предположение, что эти находки маркируют местоположение какого-то центра власти в постгуннской степи, а их близость «княжеским» находкам того времени на Среднем Дунае может отражать продвижение на восток каких-то групп германцев, например, ангискиров, миграция которых засвидетельствована письменными источниками [Kazanski, 1996. P. 324, 325; Казанский, 2011. С. 41–44]. Судя по «княжеским» находкам, также происходящим якобы из Ольвии, таким как хоботковая инкрустированная пряжка или серьги с трехлепестковой подвеской, в гуннское время здесь мог находиться какой-то центр, условное «королевство Гезимунда», союзника гуннов, известное нам по сообщению Иордана о войне готов с гуннами. Впрочем, следует напомнить, что Иордан в значительной степени черпал свои сведения из германского эпоса, поэтому любые исторические реконструкции на основании данного эпизода из текста Иордана сугубо гипотетичны [Kazanski, Mastykova, 2016. P. 98, 99. Fig. 12]. Надо особо подчеркнуть апокрифический характер этих ольвийских вещей. Общеизвестно, что торговцы древностями, чтобы набить цену, указывали для своего товара происхождение якобы из известных античных центров, таких как Пантикапей (Керчь) или Ольвия. Поэтому географическая привязка рассматриваемых здесь вещей очень условна, можно лишь говорить об их северопричерноморском происхождении.

Ольвийский клад

Наиболее известной находкой постгуннского времени является так называемый клад из коллекции П.А. Маврокордато, позднее попавший в США [Капошина, 1950. С. 107. Рис. 49; Ross, 1965. № 166. Pl. 79–82; Казанский, Мастыкова, 2014. С. 97, 98] (рис. 137). Вещи входили в состав престижного женского убора, возможно, происходящего из погребения. Центральным элементом этого убора является пекторальная цепь с овальным медальоном (рис. 137, *1*). Судя по характеру перегородчатой инкрустации на медальоне, он является продукцией средиземноморских, вероятно, константинопольских мастерских [Arrhenius, 1985. P. 101, 102, 123], тем более, что оборотная сторона медальонов украшена штампованным декором, типичным для средиземноморских изделий, а застежка колье сделана в традициях греко-римских мастерских [Засецкая, 2010. С. 137].

В состав «клада» также входят два золотых браслета со слегка расширенными концами (рис. 137, *9, 10*). В V – первой половине VI в. такие «королевские» браслеты, но более массивные, хорошо представлены в погребениях и кладах варварской аристократии, в частности в погребении короля Хильдерика в Турнэ (Tournai), в Валлонии, в захоронении гепидского «князя» в Апахиде (Apahida), в Трансильвании и герульского (?) вождя в Блучине (Blučina), в Южной Моравии [Werner 1980; русский перевод: Вернер, 2013; последние публикации находок в Турнэ и в Блучине: Quast, 2015a; Tejral, 2020]. Встречаются браслеты с расширенными концами и в женских привилегированных могилах, таких как погребение гуннского времени в Регей (Regöly) на территории римской Панонии, в могиле франкской принцессы первой половины VI в. в соборе Св. Северина в Кёльне, в погребении 2 нижнедонского могильника Морской Чулек, принадлежавшего гунно-болгарам (вероятно, оногурам), или в гепидском погребении второй половины – конца V в. в Берегово, в Закарпатье [Засецкая и др., 2007. С. 48–60]. В Ольвийской находке и в Морском Чулеке браслеты парные, в то время как в вышеперечисленных мужских «княжеских» погребениях золотые браслеты с расширенными концами всегда являются одиночными. Важно также подчеркнуть, что такие браслеты известны и на территории Византии [Kazanski, Périn, 1988. P. 23. Fig. 9,4], а один из браслетов из Морского Чулека имеет латинскую весовую надпись [Засецкая и др., 2007. С. 48. Табл. V,а,б].

В «кладе» также имеется два золотых перстня с прямоугольными щитками, украшенными волютами и покрытыми перегородчатой инкрустацией (рис. 137, *7, 8*)[2]. Такие перстни довольно хорошо известны в европейском контексте постгуннского времени. Назовем находки в «княжеской» могиле Бакодпуста (Bakódpuszta) в междуречье Дуная и Тиссы, в кладе женских вещей в Клуж-Сомешени (Cluj-Someşeni) в Трансильвании, в уже упоминавшейся гепидской могиле в Берегово, в аламаннском погребении Леррах (Lörrach), в Южной Германии, в погребении 4 могильника Фикарола (Ficarola), в Северной Италии, а также северопричерноморские перстни, обнаруженные в Джурга-Обе, Керчи, на Тамани и на Кубани [Kazanski, 1996. P. 324, 325; Казанский, Мастыкова, 2014. С. 97, 98, там же библиография]. Эти параллели середины – второй половины V в. позволяют уточнить дату ольвийского комплекса, а их широкое географическое распространение, на наш взгляд, свидетельствует о распространении из средиземноморского бассейна.

Кроме того, ольвийский набор включает пару сережек с полиэдрическими бусинами, скорее всего, дунайского происхождения [Bierbrauer, 1975. S. 162–167; Kiss, 1983. S. 111] (рис. 137, *5, 6*), а также две серьги с луновидными и листовидными подвесками, украшенными перегородчатой инкрустацией (рис. 137, *2, 3*). Они напоминают украшения из итальянского клада из региона Реджио Эмилия (Reggio Emilia) и из Варны [Bierbrauer, 1975. Taf. 32,3; 33,7; 86,4; Baldini Lippolis, Pinar Gil, 2010. Fig. 2], датированные второй половиной V – первой половиной VI в. [Baldini Lippolis, Pinar Gil, 2010]. Пара таких же сережек происходит и из склепа 40 могильника Джурга-Оба в Восточном Крыму [Ermolin, 2012. Fig. 5,1,2]. На реверсе ольвийских сережек имеется штампованный декор, как и на медальоне ольвийского колье. Вероятно, речь идет о комплекте украшений, изготовленных единовременно в какой-то средиземноморской мастерской. В ольвийском уборе есть и булавка с полусферической головкой из граната (рис. 137, *4*), параллели который мне неизвестны. Ольвийский «клад» принадлежит той же постгуннской эпохе середины – второй половины V в., что и известные германские «княжеские» находки Бакодпушта, погребение 1-2 [Kiss, 1983, S. 101, 104. Abb. 4, 5], Клуж-Сомешени [Harhoiu, 1998. S. 171. Taf. 70, 71], Апахида [Harhoiu, 1998. S. 157–161. Taf. 58–69]. В целом, женский аристократический набор, происходящий из Ольвии, является средиземноморским по происхождению, скорее всего, ранневизантийским [Казанский, Мастыкова, 2014. С. 97, 98; Kazanski, 2017. P. 72].

Рис. 142. Вещи гуннского времени с декором малыми гранатами по бордюру:
1 – Керчь, склепы 24.6.1904 г.; 2 – Шимлеу Силванией, клад II
1 – [по: Засецкая, 1993. Табл. 29,135]; 2 – [по: Nagy, 2007. Taf. 20]

Пряжка

Пряжка, якобы происходящая из Ольвии (рис. 139, *1*; табл. 19), вместе с другими вещами, в частности вместе с полиэдрической серьгой инкрустационного стиля и хоботковой пряжкой гуннского времени, приобретена у торговца древностями Наделя в 1903 г. Императорской археологической комиссией и сейчас находится в Эрмитаже [ОАК 1903. С. 150. Рис. 294; Капошина, 1950. С. 104–106. Рис. 47; von Carnap-Bornheim, 1995]. Пряжка имеет овальную рамку и овальный щиток, вся её поверхность покрыта перегородчатой инкрустацией стиля Засецкая V [Засецкая, 1982. С. 22. Рис. 5,2]. Важное значение имеет декор края щитка малыми гранатами в отдельных гнездах. Такой тип орнамента встречается не часто. Можно назвать типологически близкие пряжки и орнамент ножен и аппликации из уже упоминавшихся погребения короля Хилдерика в Турнэ [Quast, 2015b. Taf. 9,10,17,18] (табл. 20, *8, 9, 12–18*), пряжки из Апахиды, погр. I [L'Or des princes barbares, 2000. № 30,7] (трабл. 20, *10*), вещи из погр. II [Arrhenius 1985. Fig. 125, 186; L'Or des princes barbares, 2000. № 29,3,5,6,9,7,10,14] (табл. 3, *3–6, 11, 13*) и III [L'Or des princes barbares, 2000. № 31], а также пряжку из аламаннского «княжеского» погребения Рюдерн (Rüdern) [Steuer, 1997. Abb. 148] (табл. 20, *2*),

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Апокрифические ранневизантийские украшения в стиле перегородчатой инкрустации из Ольвии // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный византийский семинар / ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2022. С. 113–124.

[2] Там же, рис. 5, 7, 8.

пряжку из сравнительно недавно найденного погребения 12/2009 могильника Крань (Kranj-Lajh) в Северном Иллирикуме [Tica, 2021. P. 151. Fig. 7] (табл. 20, *1*), которая по форме язычка с щитовидным основанием может быть отнесена ко времени не ранее рубежа V–VI вв. (ср.: Legoux, Périn, Vallet, 2009. № 15 и др.), декор края двупластинатой фибулы из клада в Десане (Desana) [Aimone, 2008. Cat. IV.35b] (табл. 20, *7*) и декор по краю блюда в Гурдоне (Gourdon) в Бургундии [Wood, 2008. Cat. IV.15] (табл. 20, *19*). Все эти находки датируются в пределах второй половины V – первой половины VI в. Для несколько более раннего, гуннского, времени (вторая половина / конец IV – первая половина V в.) подобный декор из малых гранатов в отдельных гнездах присутствует на навершиях мечей из погребений, разграбленных 24.6.1904 г. в Керчи [Засецкая, 1993. С. 62. № 130, 135] (рис. 142, *1*), а также вокруг центрального медальона на бляхе (фаларе?) из клада II в Шимлеу Силванией (Szilágysomlió / Şimleu-Silvaniei), в Трансильвании [Arrhenius, 1985. Fig. 6,7; Harhoiu, 1998. Taf. XLVI,a,d,e; Nagy, 2007. Taf. 20] (рис. 142, *2*).

Пряжки, подобные ольвийской, входят в состав престижного мужского «воинского» костюма второй половины V в., хотя иногда попадают и в женский убор. Инкрустированные пряжки данного типа хорошо представлены в средиземноморской традиции и частично считаются импортами из Византии или, во всяком случае, Средиземноморья [Kazanski, 1994. P. 138–143. Fig. 1–4; Böhme, 1994. S. 98–103; Kazanski, 1996. P. 325; Horváth et al., 2009]. Не исключено, что данная пряжка, как и выше рассмотренные вещи из Ольвийского «клада», является продукцией «центрального» (константинопольского?) ателье, как об этом свидетельствует техника изготовления [о нем см.: Arrhenius, 1985. P. 100–113].

Колье из полиэдрических бусин

Отсюда же, из Ольвии, по словам торговцев, происходит колье из полиэдрических металлических бусин с инкрустацией [Romans and Barbarians, 1976. № 157; Kazanski, 1996. P. 325; Казанский, 2011. С. 43] (рис. 139, *2*), имеющее параллели на Среднем Дунае в Змаево, Апахиде, Клуж-Сомешени (Cluj-Someşeni) [Kiss, 1983. Abb. 14,*3*,6–8; L'Or des princes barbares, 2000. № 29,35,36; 32] и в Крыму, в уже упоминавшихся керченских склепах 24.6.1904 г. [Засецкая, 1993. С. 55, 56. № 98, 98].

* * *

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что ольвийское происхождение всех выше названных находок основывается только на уверениях торговцев древностями, заинтересованных в том, чтобы набить цену своему товару с помощью престижной атрибуции места находки. Впрочем, как показывают находки в Морском Чулеке близ Танаиса [Засецкая и др., 2007. С. 48–60], приуроченность «княжеских» постгуннских находок в степи к древним античным центрам имела место. В целом, на основании находок этих престижных вещей можно утверждать, что аристократическая ранневизантийская мода на роскошные вещи в стиле перегородчатой инкрустации, получившая широкое распространение в Европе, охватывала и Северное Причерноморье.

Библиография

Вернер И. Золотой браслет короля франков Хильдерика и германские браслеты позднеримского времени // Stratum plus. 2013. № 4. С. 315–350.

Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков: Советско-Венгерский сборник / Отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М., 1982. С. 13–30.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 23–105.

Засецкая И.П. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2010. № 38. С. 123–159.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007. 212 с.

Капошина С.И. Золотые серьги из окрестностей Ольвии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1950. Вып. XXXIII. С. 103–109.

Казанский М.М. Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры // Scripta Antiqua. 2011. Т. 1. С. 27–49.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Отв. ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум,, В.В. Улитин. Краснодар, 2014. С. 97–108.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 г. СПб., 1906.

Aimone M. Le trésor de Desana (Italie) // Rome et les Barbares / dir. J.-J. Aillagon. Venise, 2008. P. 378–379.

Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm, 1985. 242 p.

Baldini Lipolis I., Pinar Gil J. Osservazioni sul tesoro di Reggio Emilia // L'Italia e il Mediterraneo occidentale tra il V secolo e la metà del VI / Eds. C. Ebanista, M. Rotili, Cimitile, 2010. P. 113–128.

Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975. 378 S.

Böhme H.-W. Der Frankenkönig Childerixch zwischen Attila und Aëtius. Zu den Goldgriffspaten der Merowingerzeit // Fetschrift für Otto-Herman Fray zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Dobiat. Marburg, 1994. S. 69–110.

von Carnap-Bornheim C. Eine cloisonnierte Schnalle mit wabenförmigem Zellenwerk und Alamandinrundeln aus Olbia // Germania. 1995. Bd. 73/1. S. 152–155

Ermolin A. Džurga-Oba – a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosporus // The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration / Eds. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris, Belgrade, 2012. P. 339–348.

Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bucarest, 1998. 268 S.

Horváth E., May Z., Kovács J.S., Tóth M. An Early Medieval Buckle with cloisonné decoration. The localization of Workshop area by archaeometrical investigation // Archeometriai Műhely. 2009. Vol. 4. P. 15–29.

Iordanis de origine actibusque Getarum / Eds. Fr. Giunta, A. Grillone. Roma, 1991. 204 p.

Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // Archéologie Médiévale. 1994. Vol. XXIV. P. 137–198.

Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 324–337, 567–581.

Kazanski M. Tombes des élites steppiques de l'époque post-hunnique dans la région pontique // Přehled výzkumů. 2017. Vol. 58-1. P. 65–84.

Kazanski M., Mastykova A. «Princely» finds and power centers in Eastern European Barbaricum in the Hunnic time // Wandel durch Migration? 26. Internationales Symposium «Grundprobleme der frühgeschichlichen im mittleren Donauraum» / Hrsg. H. Geisler. Buchenbach, 2016. S. 85–103.

Kazanski M., Périn P. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives // Revue Archéologique de Picardie. 1988. Vol. 3–4. P. 13–38.

Kiss A. Die Skiren im Karpatenbecken, ihre Wohnzitze und ihre materielle Hinterlassenschaft // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. T. 35. S. 95–131.

Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye, 2009. 72 p.

Nagy M. Tierdarstellungen und der germanische Tierstil I im Gebiet der Mittleren Donau. Budapest, 2002. 208 S.

L'Or des princes barbares barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Paris, 2000. 222 p.

Quast D. (Hrsg.). Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die *Anastasisi Childerici* von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655. Mainz, 2015a. 518 S.

Quast D. Die Grabbeigaben – en kommentierter Fundkatalog // Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die *Anastasisi Childerici* von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655 / Hrsg. D. Quast. Mainz, 2015b. S. 165–208.

Romans and Barbarians (Department of Classical Art, Museum of Fine Arts). Boston, 1976. 254 p.

Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 2. Jewelery, Enamels and Art of the Migration Period. Washington, 1965. 274 p.

Steuer H. Herrrschaft von der Höhe. Vom mobilien Söldnertrupp zur Residenz auf repräsentativen Bergkruppen // Die Alamannen. Stuttgart, 1997. S. 149–162.

Tejral J. The Princely Grave at Blučina (Moravia, CZ) and the Posthunnic Elite Warrior Burials from the Middle Danube Region // Autour du règne de Clovis Les grands dans l'Europe du Haut Moyen Âge Histoire et archéologie Actes des XXXIIe Journées de l'Association française d'archéologie mérovingienne / dir. M. Kazanski, P. Périn et al. Caen, 2020. P. 252–305.

Tica G. Gold pendants from Kranj and Koper (Slovenia) // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu, 3. Serija. 2021. Vol. LIV-1. P. 145–158.

Werner J. Der goldene Armring der Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handgelenkringe der jüngeren Kaiserzeit // Frühmittelalterliche Studien. 1980. Bd. 14. S. 1–49.

Wood I. Les Burgondes // Rome et les Barbares / dir. J.-J. Aillagon. Venise, 2008. P. 337–339.

ПАЛЬЧАТЫЕ ФИБУЛЫ ТИПА АРЧАР-ИСТРИЯ НА ДУНАЕ И В КРЫМУ[1]

Пальчатые фибулы типа Арчар-Истрия (рис. 143), с полукруглой головкой и ромбической ножкой, пожалуй, впервые стали предметом специального изучения благодаря находке в Истрии (рис. 143, *7*) [Petre, 1965; последний обзор: Станев, 2008. С. 188–193][2]. В данной работе хотелось бы охарактеризовать состояние исследований этих фибул и поставить вопрос о путях их распространения. Данные фибулы отличаются крупными размерами, они имеют зооморфное окончание ножки, шесть круглых выступов по углам ножки, украшенных вставками из камней, растительный декор на головке в виде ленты завитков и на ножке, с композиционным центром в её средней части. На некоторых фибулах присутствует чеканка по краю, т.н. волчий зуб. Чеканка из треугольников имеется в ряде случаев и на дужке. Часто пальцы фибул украшены вставками из камней.

Различаются два очень близких межу собой варианта. Фибулы первого варианта имеют наи-

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Пальчатые фибулы типа Арчар-Истрия на Дунае и в Крыму // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая…». Сборник статей памяти Светланы Рябцевой / ред. А. Рабинович, Н.П. Тельнов. Кишинэу: Университет Высшая антропологическая школа, Stratum Plus, 2020. С. 47–54.

[2] А. Хараламбиева выделила эти фибулы в отдельный нижнедунайский вариант восточногерманских фибул типа Аквилея [Хараламбиева, 1984. С. 47; Ковачева, Хараламбиева, 1992. С. 46–48]. В свое время Х. Кюн также отнес подобные фибулы к типу Аквилея [Kühn, 1974. S. 615–617. Taf. 243,24,25,28; 244,31,39], однако впоследствии типология фибул Аквилея была пересмотрена Ф. Бирбрауером [Bierbrauer, 1975. S. 102–114].

большее расширение ножки в средней части. Это застежки из Арчара (римск. *Ratiaria*), Гигена (*Ulpia Oescus*), из коллекции Национального Музея в Софии, Сингидунума (*Singidunum*), Керчи (кат. № 1, 4–6, 9) (рис. 143, *2, 4, 6–8, 11–14*). Второй вариант составляют фибулы с наибольшим расширением ножки у основания дужки. К их числу относятся фибулы из Русенски Лом–Красен, Гигена, Ровине–Карловци, Истрии (*Histria*), одна из фибул из Арчара, дериват из Румынии, фибулы-дериваты из Лучистого, а также фибула-дериват из Артека (рис. 143, *1, 3, 5, 6, 9, 15; 145, 1*) (кат. № 2–5, 7, 8, 10, 11). Возможно, речь идет о продукции двух разных мастерских, при том, что зоны распространения обоих вариантов очень близки.

К сожалению, для большей части этих фибул точный контекст находки неизвестен, либо они происходят из закрытых комплексов, не содержавших других предметов, как, например, захоронение-кремация из Истрии (кат. № 7), что крайне затрудняет датировку данного типа застежек. Исключение составляет фибула из погребения 55 в некрополе Сингидунум III (совр. Белград) (кат. № 1) (рис. 144). Здесь помимо фибулы были найдены крупные дисковидные бусы из янтаря (рис. 144, *7, 8*), типичные в данном могильнике для V – начала VI в. [Ivanišević, Kazanski, 2002. P. 122], а также крупные серьги с ажурной полиэдрической подвеской (рис. 144, *2, 3*). Как показал Ф. Бирбрауер, такие серьги распространены у восточных германцев на Дунае и в Италии в V – начале VI в. (например, рис. 145, *2*), хотя встречаются и в других регионах варварской Европы [Bierbrauer, 1975. S. 162–169]. Наиболее ранние находки соответствуют еще периодам D2 (380/400–440/450 гг.) и D2/D3 (430/440–460/470 гг.) хронологии европейского Барбарикума, другие датируются временем варварских королевств постгуннского времени, т.е. второй половиной V – первой половиной VI в. [Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006. P. 29, 30, там же библиография]. В Северном Причерноморье такие серьги встречены в кладе, происходящем якобы из Ольвии, в наборе вещей, типичных для второй половины V в. [Казанский, Мастыкова, 2014. Рис. 2,5,6]. На Западе у аламаннов подобные серьги типичны для 480/490–510/530 гг. [Roth, Theune, 1988. Pl. 7,19; Koch, 2001. P. 72–75. Abb. 13,X9], примерно в то же время серьги с ажурной полиэдрической подвеской в небольшом количестве представлены и в Галлии, у бургундов и франков, где они считаются занесенными с Дуная или Италии [de Pirey, 1995]. В целом, могила 55 в Сингидунуме относится к группе погребений данного некрополя, совершенных в последней трети V – начале VI в. [Ivanišević, Kazanski, 2002. P. 124], что подтверждает дату для фибул Арчар-Истрия, предложенную А. Хараламбиевой – конец V в. [Haralambieva, 1990. P. 83].

Пара фибул происходит из склепа 229 на могильнике Лучистое, близ Алушты (рис. 145, *1*). Материал погребения опубликован лишь частично. Помимо пары интересующей нас пары фибул здесь найдены зеркало типа Карповка, более всего распространенного в V–VI вв. [Мастыкова, 2016], а также пряжка итало-остроготской традиции группы A2, видимо, относящейся к последней трети V – раннему VI в. [Bierbrauer, 1975. S. 130] и бытовавшей в Северном Причерноморье в VI в. [Казанский, 2019. С. 17].

Надо сказать несколько слов и о возможной дате и принадлежности фибулы из погребения в Истрии (рис. 143, *4*) (кат. № 7). Как известно, она происходит из могилы, открытой в городском секторе за крепостной стеной, который был заселен до 600–602 гг. и заброшен из-за славянских и аварских нападений. Крайне маловероятно, чтобы захоронение совершалось непосредственно в жилой части византийского города. Поэтому румынские археологи обосновано относят это погребение ко времени после 600 г., когда квартал был заброшен. Здесь же имеются и другие погребения с вещами VII в., в частности с пряжками типа Сиракузы. В укрепленной части города, где жизнь продолжается после 600–602 гг., этому периоду соответствуют городские слои с монетой Ираклия [Petre, 1965]. Однако ко времени после 600 г. большие пальчатые фибулы уже давно и повсеместно выходят из моды. В это время в дунайском регионе распространяются иные типы пальчатых фибул [см., напр.: Рябцева, 2005]. Поэтому мне представляется, что в данном случае речь идет о вторичном использовании фибулы.

Из всех фибул типа Арчар-Истрия находки из Ровине, Гигена и Русенски Лом–Красен (рис. 143, *1–3*) (кат. № 2–4) выглядят наиболее богато и в то же время – наиболее архаично. Поэтому фибулы из Гигена и Ровине считаются наиболее ранними из застежек этого типа [Станев, 2008. С. 188]. Возможно даже, их следует выделить в отдельную форму, резвившуюся из восточногерманских фибул типа Домолошрушта-Бачордаш [о нем см.: Станев, 2008. С. 178–188] и являвшуюся прототипом для остальных фибул Арчар-Истрия. У них растительный декор на головке располагается в два яруса, а не в один, как на остальных фибулах. По этим признакам они сближаются с большими фибулам периода D3 (450–470/480 гг.) [Tejral, 1988. P. 286; 2005. P. 121–123], хорошо известным в восточногерманской среде. Во второй половине V в. большие пальчатые фибулы с растительным декором распространяются преимущественно на Среднем Дунае, но также появляются в Италии и в Восточном Крыму, несомненно в результате контактов с Дунаем или, даже, благодаря миграциям отдельных групп дунайских германцев на Запад и Восток [Kazanski, Mastykova, 2017. P. 156, 157].

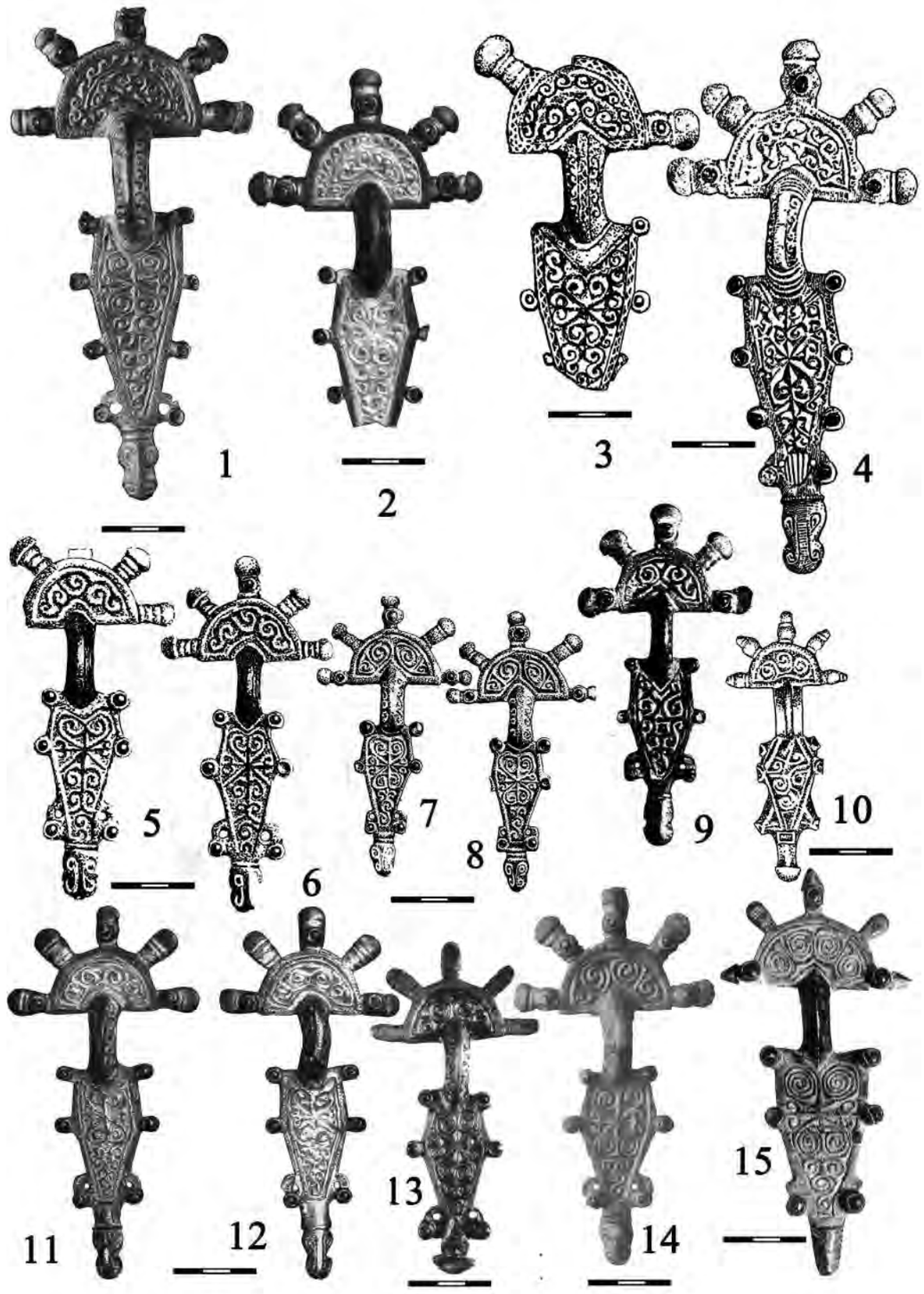


Рис. 143. Фибулы типа Арчар-Истрия и их дериваты
1 – Ровине–Сремски Карловци; 2, 11, 12 – Гиген; 3 – Русенски Лом–Красен; 4 – Истрия; 5, 6, 10 – Арчар; 7, 8 – Национальный Музей, София; 9 – Румыния; 13 – Сингидунум III, погр. 55; 14 – Керчь; 15 – Артек
1 – [по: Bott, 1987. Taf. 22]; 2, 11, 12 – [по: Милев, 2003. Рис. на с. 97]; 3–8, 10 – [по: Станев, 2008. Табл. 11,1; 13,5; 14,1–5]; 9 – [по: Kühn, 1974. Taf. 243,4,28]; 13 – [по: Ivanišević, Kazanski, 2002. Fig. 94]; 14 – [по: Kühn, 1974. Taf. 244,4,39]; 15 – [по: Репников, 1906. Табл. 6,8]

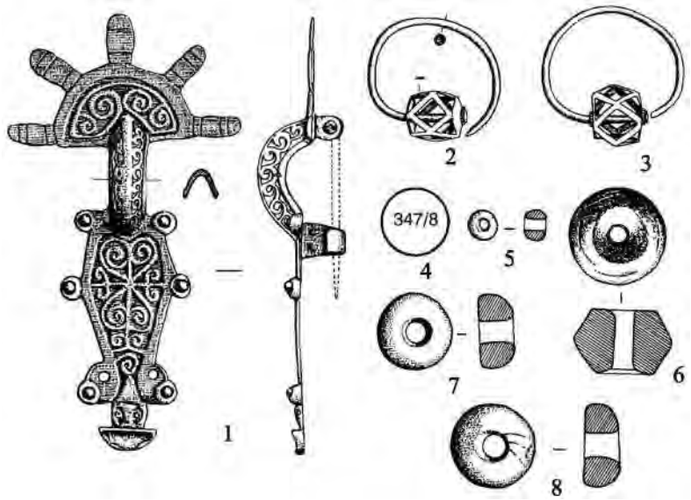


Рис. 144. Инвентарь захоронения Сингидунум III, погр. 55 [по: Ivanišević, Kazanski, 2002. Pl. 5,55]

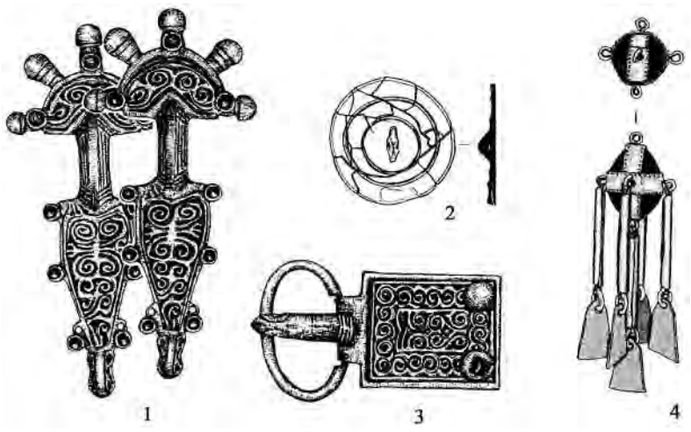


Рис. 145. Вещи из склепа 229 могильника Лучистое [по: Айбабин, Хайрединова, 2017. Рис. 171,1–4]

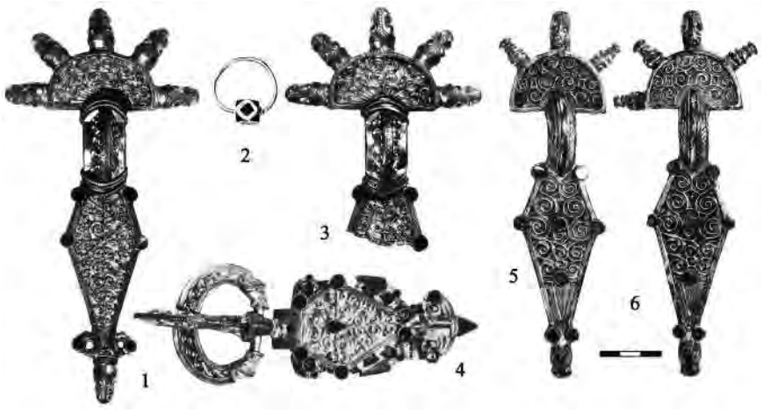


Рис. 146. Находки из Домолошпушты (1–4) и «Реджио-Эмилия» (5, 6) [по: Bierbrauer, 1991. Abb. 19,1–3,5; 21,3,4]

Установить типологию больших пальчатых фибул не просто, поскольку, вне всякого сомнения, они изготовлялись по персональным заказам. По общей морфологии и характеру растительного декора ранние фибулы типа Арчар-Истрия (или их прямые прототипы?) из Ровине–Карловции, Гигена и Русенски Лом–Красен более всего напоминают фибулы из Домолошпусты (Domoloszpusza) [Kühn, 1974. Taf. 244,4,33; Bierbrauer, 1975. Taf. 83,1,2; 1991. Abb. 19,1,2] и «Реджио-Эмилия»[3] [Bierbrauer, 1975. Taf. 48,1,2; 1991. Abb. 21,3,4] (рис. 145, *1, 3, 5, 6*). В целом они соответствуют периоду D3 (450–470/480 гг.) или фазе Домолошпуста-Бачордаш (Domolospuszta-Bácscordas) по терминологии Ф. Бирбрауера (440/450 – вторая половина V в.) [Bierbrauer, 1991. P. 572–581].

Что же касается самых поздних форм, имеющих отношение к типу Арчар-Истия, то к их числу надо, видимо, отнести одну из фибул найденных в Арчаре (рис. 143, *10*) (кат. № 5). Она имеет меньшие размеры и деградированный декор на ножке[4]. Пожалуй, наиболее деградированной и, скорее всего, самой поздней выглядит фибула из Артека (рис. 143, *15*) (кат. № 10). Зооморфное изображение на окончании ножки практически не читается, сама ножка приняла вытянуто-треугольную форму, растительный декор очень схематичен. Она происходит из могильника, где найдены вещи VI–VII вв., к сожалению, точный контекст находки не восстанавливается [Репников, 1906. С. 36, 37].

[3] Точная локализация находки сомнительна.

[4] По мнению А. Станева, к числу дериватов фибул типа Арчар-Истрия относятся и болгарские находки из Ятруса и Тушовицы [Станев, 2008. С. 192. Обр. 15,2,3], однако сохранившиеся фрагменты фибул, на мой взгляд, не позволяют судить об их типологии.

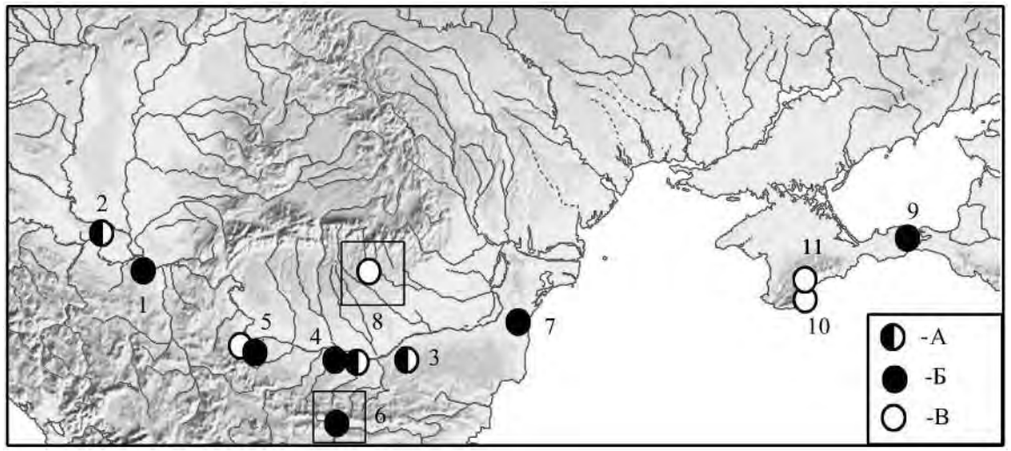


Рис. 147. Карта распространения фибул типа Арчар-Истрия. Номера на карте соответствуют номерам каталога. А – ранние фибулы, переходные от группы Домолошпушта-Бачордаш; Б – типичные фибулы Арчар-Истрия; В – дериваты фибул Арчар-Истрия

Легко убедиться, что большая часть находок фибул типа Арчар-Истрия происходит с территории Империи, к югу от нижнего течения Дуная [Станев, 2007. С. 192] (рис. 147). В то же время, сама по себе форма пальчатых фибул является бесспорно восточногерманской по происхождению. Отсюда можно заключить, что фибулы типа Арчар-Истия принадлежат какой-то группе германцев, расселившихся на территории Империи и являвшихся, скорее всего, византийскими федератами. По мнению А. Хараламбиевой, эти балканские фибулы принадлежат готам Мезии [Haralambieva, 1990. P. 83; Ковачева, Хараламбиева, 1992. С. 46–48]. Готская атрибуция особых сомнений не вызывает, хотя бы потому, что другие германцы на этой территории письменными источниками не зафиксированы. В этом случае наиболее ранние фибулы типа Арчар-Истрия, вроде найденных в Гигене и в Русенски Лом–Красен, могли бы послужить прототипами для некоторых итало-остроготских, поскольку до прихода в Италию остроготы Теодориха занимали Мезию [Вольфрам, 2003. С. 384–395].

Возникает вопрос, как фибулы типа Арчар-Истрия попали в Крым? Вряд ли они могут отражать торгово-экономические связи, поскольку у варваров ведущие элементы женского костюма носят этнографический характер и не являются предметом купли-продажи [подробнее: Мастыкова, 2009. С. 7–9]. Возможно, распространение данных фибул показывает наличие экзогамных браков между крымскими и балканскими готами, как это иногда предполагается. Однако, как правило, такие браки в традиционных социумах являются составной частью развитых и устойчивых военно-политических, сакральных и экономических отношений, сведения о которых для рассматриваемых групп готов у нас отсутствуют. Очень распространенной является точка зрения, согласно которой носители, точнее носительницы, дунайских элементов восточногерманского костюма прибыли в Крым в составе экспедиционного корпуса, отправленного в 534 г. Юстинианом на Боспор Киммерийский [Веймарн, Амброз, 1984]. В его состав достоверно входили готы из Мезии, и более чем вероятно, что их сопровождали семьи. Не исключена и последующая депортация в Крым восточных германцев – готов и гепидов, захваченных в плен в ходе Готской войны [Казанский, 2019]. Однако все эти события имели место в эпоху, когда фибулы Арчар-Истрия уже вышли из моды. Вещи дунайского происхождения второй половины V – начала VI в. представлены в Крыму не только фибулами типа Арчар-Истрия, но и, например, большими фибулами с растительным декором из Керчи, имеющими близкие параллели в Подунавье [см.: Kazanski, 1996. P. 327. Fig. 11,1,2]. Можно конечно предположить, что какие-то готские семьи, отправляясь на Боспор Киммерийский, прихватили и своих бабушек, однако, учитывая средний возраст европейского населения в ту эпоху, такие случаи вряд ли были очень распространенными. Скорее всего, речь может идти о следах миграции какой-то группы восточных германцев с Дуная в Крым во второй половине V в. Это передвижение осталось незамеченным письменными источниками[5].

[5] Если конечно не считать намека Прокопия Кесарийского: «Здесь же, на этом побережье есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом направлявшимся в Италию» (перевод С.П. Кондратьева) (Прокопий Кесарийский 1939: 249).

Каталог фибул типа Арчар-Истрия

1. Сингидунум (Singidunum) III, погр. 55 (г. Белград)

Разрушенное погребение, остатки костяка и вещи погребального инвентаря собраны в кучу в могильной яме.

Погребальный инвентарь: пальчатая фибула из позолоченного серебра, типа Арчар-Истрия, дл. 12,9 см; две золотые серьги с полой полиэдрической подвеской, диам. 4,1 и 4 см; две крупные янтарные бусины дисковидной формы и одна стеклянная биконческая; керамическое биконическое пряслице, диам. 2,8 см; монета Констанция II, типа VICTORIAE DD AVGG Q NN, чеканеная в Сисции (*Siscia*) в 347/347 гг.

Ivanišević, Kazanski, 2002. P. 113, 114, 133. Pl. 1,1. Fig. 9.

2. Сремски Карловци – Ровине (Воеводина)

Находка в из разрушенного погребении.

Серебряная позолоченная фибула с чернью, дл. 17,8 см.

Kühn, 1974. S. 616, Taf. 244,4,31; Bott, 1987. P. 230. Kat. V.19. Taf. 22.

3. Русенски Лом – Красен (окр. Русе)

Случайная находка.

Бронзовая позолоченная фибула с альмандиновой вставкой, дл. 13,5 см.

Хараламбиева, 1984. С. 45-47. Обр. 1; Станев, 2008. С. 373. Табл. 13,5.

4. Гиген (Ulpia Oescus) (окр. Плевна)

1. Погребение-ингумация в грунтовой яме, ориентированное головой на восток.

Две бронзовые позолоченные фибулы, инкрустированные альмандинами, дл. 14 см.

Ковачева, Хараламбиева, 1992. С. 47. Табл. II,2–3; Станев, 2008. С. 365, 366. Табл. 10,3,4.

2. Случайная находка.

Бронзовая позолоченная фибула, дл. 14,4 см.

Ковачева, Хараламбиева, 1992. С. 46–47. Табл. II,1; Станев, 2008. С. 373. Табл. 13,4.

5. Арчар (Ratiaria) (окр. Видин)

1. Случайная находка.

Две бронзовые позолоченные фибулы, дл. 13,3 и 13,6 см.

Kühn, 1974. S. 615. Taf. 243, 4,23, 4,24; Хараламбиева, 1984. Обр. 2,а,б; Станев, 2008. С. 34, 375. Табл. 14,1,2.

2. Случайная находка.

Бронзовая фибула, дл. 10,6 см, видимо, дериват типа Арчар-Истрия.

Хараламбиева, 1984. Обр. 2,с; Станев, 2008. С. 375. Табл. 14,3.

6. Национальный музей, София

Происхождение неизвестно.

Две бронзовые позолоченные фибулы, дл. 10 см.

Хараламбиева, 1984. С. 47. Обр. 3; Станев, 2008. С. 375, 376. Табл. 14,4,5.

7. Истрия (Histria) (Северная Добруджа)

Погребение по обряду трупосожжения.

Бронзовая фибула с позолотой, дл. 19,8 см.

Petre, 1965. P. 67–96. Fig. 1–3; Станев, 2008. С. 366. Табл. 11,1.

8. Румыния

Точное происхождение неизвестно.

Kühn, 1974. S. 615. Taf. 243,4,28.

9. Керчь (Республика Крым)

Контекст находки неизвестен, покупка.

Золотая позолоченная фибула, дл. 14 см.

Kühn, 1974. S. 617. Taf. 244,4,39.

10. Артек (Республика Крым, Ялтинский район)

Некрополь у подножья горы Аю-Даг, где при земледельческих работах обнаружены ингумации с вещами VI–VII вв. Контекст находок не восстанавливается.

Две литые фибулы «из плохого серебра», дл. 15 см, со вставками альмандинов лилового цвета, видимо, дериват типа Арчар-Истрия.

Репников, 1906. С. 36, 27, 62. Табл. 6, 8.

11. Лучистое, склеп 229 (Республика Крым, г. Алушта)

Погребение, сопровождающий инвентарь опубликован частично. Он включал две фибулы типа Арчар-Истрия, большую пряжку с прямоугольным щитком, зеркало типа Карповка и подвеску.

Айбабин, Хайрединова, 2017. Рис. 171,1–4.

Библиография

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017.

Веймарн Е.В., Амброз А.К. Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288) // Советская археология. 1980. № 3. С. 247–262.

Вольфрам Х. Готы. От истоков д середины VI века. СПб.: Ювента, 2003.

Казанский М.М. О появлении остроготов и гепидов в Крыму и на Тамани в VI веке // Миры Византии. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Том 2 / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Институт археологии Крыма РАН, 2019. С. 15–34.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: Традиция, 2014. С. 97– 108

Ковачева Т., Хараламбиева А. Фибули от епохата на великото преселение на народите в Плевенския музей // Известия на музеите в Северозападна България. 1992. № 18. С. 45–55.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI вв. М.: ИА РАН, 2009.

Мастыкова А.В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». 2016. Вып. 6. С. 241–254.

Милев Р. (сост.). Готите и старогерманското културно-историческо присъствие по българските земи. София: Балканмеда, 2003.

Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С.П. Кондратьева // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 203–283

Рябцева С. Пальчатые фибулы Молдовы в контексте древностей сопредельных территорий // Revista Arheologică. Serie Nouă. 2005. I/2. С. 360–370.

Станев А. Източногермански паметници от територията на балканските провинции на Източна Римска империя (V–VI век): дисертационен труд за присъждане на образователна и научна степен «доктор». София: Софийски университет, 2008.

Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di s sull'Alto Medioevo, 1975.

Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien) – Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1991. Bd. 38. S. 541–592.

Bott G. (Hrsg.) Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg: Verlag des Germanischen Nationalmuseums, 1986.

Haralambieva A. Archäologische Spuren der Goten südlich derunteren Donau aus dem 5. Jh. n. Chr. // Archaeologia Austriaca. 1990. Bd. 74. S. 79–84.

Ivanišević V., Kazanski M. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum // Singidunum 3. Belgrade, 2002. P. 101–157.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2006.

Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve et au VIe s. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 324–337.

Kazanski M., Mastykova A. La culture matérielle. VI. Objets en métal // Sirmium à l'époque des Grandes Migrations / Dir. I. Popović, M. Kazanski, V. Ivanišević. Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2017. P. 157–181.

Koch U. Das alamannish-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Stuttgart: Kommissions Verlag – Konrad Theiss Verlag, 2001.

Kühn H. Die Germanishcen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1974.

Petre A. Fibulele «digitate» de la Histria (Partea I) // Studii şi Cercetări de Istorie Veche. 1965. 16/1. P. 67–96.

De Pirey D. La boucle d'oreille à polyèdre ajouré de Brochon // Les Burgondes, apports de l'archéologie / dir. H. Gaillard de Semainville. Dijon: Association pour la connaissance du Patrimoine de Bourgogne, 1995. P. 123–124.

Roth H., Theune C. Zur Chronologie merpowingerzeitliocher Frauengräber in Südwestdeutschland. Stuttgart: Landesdenkmalamt Baden-Bürttemberg, 1988.

Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. 1988. Bd. 72. S. 223–304.

Tejral J. Zur Unterscheidung des vorlangobardischen und elbgermanisch-lanogbardischen Nachlasses // Die Langobarden. Herrschaft und Identität / Hrsg. W. Pohl, P. Erhart. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. S. 103–200.

ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ГЕРМАНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ АБХАЗИИ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ И В ЭПОХУ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ[1]

С 254–256 гг. черноморское побережье Кавказа подвергается морским нашествиям готов и боранов. Для позднеримского времени исследователи также отмечают появление в материальной культуре населения Ахазии (апсилы, абасги, саниги) некоторых германских элементов и увязывают этот факт с экспансией германцев. Считается, что германское влияние проявляется в вооружении (умбоны, топоры, скрамасаксы), уборе (некоторые виды янтарных бус, отдельные подвески и фибулы) и погребальном обряде (обычай кремации и намеренной порчи оружия, найденного в погребениях) древнего абхазского населения [Каргопольцев, 1991; Kazanski, 1991. P. 491, 492; Каргопольцев, Бажан, 1992; Гей, Бажан, 1997. С. 12, 18–27]. Представляется необходимым уточнить время и причины появления германских (если они действительно являются таковыми) культурных черт в Абхазии. Сразу же необходимо отметить, что ряд этих черт, как мы увидим далее, не имеет отношения к германцам, поскольку они известны на черноморском побережье Кавказа задолго до появления здесь исторических германцев.

Погребальный обряд

Обряд трупосожжения. В первую очередь, обратимся к обряду трупосожжения, который не может считаться здесь германским, поскольку кремации известны в Абхазии и Колхиде уже в раннем железном веке. Трупосожжения хорошо представлены на могильниках цебельдинской культуры с самого начала ее существования, уже на стадии I/1 ее существования (170/200–260/270 гг.) и бытуют до стадии III, т.е. до 380/400–440/450 гг.[2] Отмечалось, что число кремаций несколько возрастает к IV в. [Трапш, 1975. С. 66]. В целом, на могильнике Шапка такие погребения составляют 18,6% от общего числа захоронений [Трапш, 1971. С. 123], в том числе на кладбищах Шапка-Ахьяцараху – 29,5%, Шапка-Абгыдзраху – 14,8%, Шапка-Алраху – 16,6%, Шапка-Ауахуамаху – 12,5%, Шапка-Ахаччараху – 13,3% [Трапш, 1975. С. 65]. В Цебельдинском некрополе трупосожжения составляют менее 1%, т.е. 43 на 467 изученных здесь захоронений [Воронов, 2003. С. 91]. Погребения по обряду кремации известны и на других могильниках Абхазии – Атара Армянская, Лата, Мерхеул, Герзеул, Ахыста, Азанта и т.д. [Трапш, 1975. С. 68; Воронов 2010. С. 39–43].

Сожжение останков покойного всегда совершалось на стороне, пережженные кости чаще погребались в урне, но известны и безурновые захоронения в ямах. Погребения сопровождаются типичным для цебельдинской культуры инвентарем[3], который можно охарактеризовать как «мужской» или «женский» (к сожалению, антропологическое исследование кальцинированных костей не проводилось). Кремации по уровню богатства инвентаря сопоставимы с ингумациями цебельдинской культуры, те и другие располагаются вперемешку на одних и тех же участках некрополей.

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2015. Т. 4. С. 33–60.

[2] О хронологии цебельдинских древностей см. [Kazanski, Mastykova, 2007. P. 20–25].

[3] Интересно отметить присутствие серпа в урновом трупосожжении 54 могильника Шапка-Ахьяцараху [Трапш, 1975. С. 65]. Такой обычай засвидетельствован в германском контексте римского времени в Норвегии, на Южном побережье Крыма и в Средней Германии [Казанский, 2006. С. 31].

Предполагается, что такие участки составляют семейные (клановые) кладбища, во всяком случае, погребенные здесь люди составляют, независимо от обряда погребения, единый коллектив. Предполагается, что в основе различий в погребальном обряде лежит какая-то социальная градация [Воронов, 2010. С. 92], но конкретная интерпретация остается пока гадательной.

Трупосожжения римского времени известны не только в Абхазии, но и южнее, в Лазике, в частности, на могильнике Чхороцку [Трапш, 1975. С. 67]. С другой стороны, кремации засвидетельствованы и у населения Северо-восточного Причерноморья, так или иначе связанного с прото-адыгами. По данным А. Пьянкова, на различных могильниках черноморского побережья Северного Кавказа известно 19 погребений – кремаций III–VII вв., что составляет менее 1% ныне известных погребений этого времени [Пьянков, 2008. С. 643]. Из них одна ранняя могила, середины III – первой половины IV в., отмечена в некрополе Южная Озерейка, на участке 3, принадлежавшем автохтонному населению [Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 187]. На могильнике Бжид известно 10 погребений по обряду кремации, совершенной на стороне. Из них погр. 169 и 174 относятся к середине III в., а погр. 115, 151 и 153 – ко второй половине III–IV в. Имеются и более поздние – погр. 98, 100, относящиеся к концу V – первой половине VI в. [Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 189; Пьянков, 2008]. На причерноморском могильнике Сопино известно погребение 7, также относящееся к V–VI вв. [Анфимов, 1980. С. 97]. Наконец, кремации раннесредневекового времени присутствуют на Борисовском могильнике под Геленджиком и на Пашковском могильнике, на территории современного Краснодара.

Как уже говорилось, самые ранние кремации на восточном побережье Черного моря относятся к раннему железному веку и уже поэтому не могут быть поставлены в связь с германцами. Это погребения в районе Сухума и на биритуальном Брильском могильнике, в Колхиде [Трапш, 1971. С. 125; 1975. С. 68]. В целом, биритуализм (в данном случае сочетание кремаций и ингумаций в рамках одной культурной общности), распространенный в римское время у некоторых культурных групп с германской доминантой (например, вельбаркская и черняховская культуры) известен в эту эпоху и вне германской культурной среды. Помимо уже приведенных цебельдинских, колхидских и северокавказских могильников, можно назвать самбийско-натангийскую культуру западных балтов[4] [о ней см.: Nowakowski, 1996] или памятники типа Инкерман в Юго-Западном Крыму [Казанский, 2006. С. 27].

Ритуальная порча оружия. Обычай ритуальной порчи погребального оружия для цебельдинской культуры зафиксирован в погр. 11 могильника Шапка-Ахьяцараху (рис. 148, *8*), где присутствует согнутый меч [Трапш, 1971. С. 234. Табл. 36,1]. Судя по характеру копий, с овальным пером и продольной нервюрой, погребение относится к стадиям I (170/200–330/340 гг.) и II (320/330–400/410 гг.), т.е. к позднеримскому времени. Обычай иногда воспринимается как типично германский. Действительно, согнутые мечи и наконечники копий, изрубленные умбоны и т.д. хорошо известны для римского времени и эпохи переселения народов в погребениях пшеворской культуры, в скандинавских некрополях, несколько реже в захоронениях черняховской культуры (например, на могильниках Компанийцы и Оселивка) и в могилах южнокрымских некрополей типа Ай-Тодор [Магомедов, 2001. С. 34; Казанский, 2006. С. 30, 31; Мыц и др., 2006. С. 117, 118; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 102. Fig. 28,20; 122,33].

Однако данный погребальный обычай в это время не является исключительно германским. Он известен у западных балтов самбийско-натангийской культуры [напр.: Nowakowski, 1994. Abb. 2,8a], у гуннов понтийских степей [Засецкая, 1994. Табл. 6,1], у прибалтийских финнов на территории совр. Финляндии [напр.: Kivikoski, 1973. Taf. 34,286]. Известны находки ритуально согнутого оружия и в погребениях на территории поздней Римской империи, например, в Иллирикуме, в Гамзиграде [Živić, 2011. P. 118. Fig. 26]. Скорее всего, они связаны с римской воинской средой.

Ритуальная порча оружия хорошо известна и у населения черноморского побережья Кавказа уже с I–II вв. У протоадыгского населения Северного Кавказа этот обычай отмечен на могильнике Цемесская Долина, где согнутые мечи представлены в погр. 5, датированном второй половиной I – началом II в., и в т.н. объекте 6 – конском захоронении второй половины II – начала III в. Проникновение германцев уже в это время на Северный Кавказ теоретически возможно, но маловероятно. Более обоснованным представляется поиск северокавказских традиций этого обряда [Малышев, 2008. С. 132], где согнутое оружие в погребениях встречается в очень раннем контексте. Данный обряд также зафиксирован на могильнике античного поселения Кепы, на Тамани, для II в. до н.э. и у степных сармат в IV в. до н.э. [Абрамова, 1993. С. 72, 73]. Наконец, сломанный меч в ножнах был найден in situ в «вождеском» погр. 300, датированном серединой V в., на могильнике Дюрсо под Новороссийском [Дмитриев, 1979. С. 222. Рис. 6,7].

Помещение фрагментов кольчуги в погребения. Наконец, еще одна черта погребального обряда, имеющая германские параллели [см. примеры: Kazanski, Mastykova, 2007. P. 57] – это помещение в женские захоронения кусков кольчуги в могильниках Цибилиум-1, погр. 267 и Циби-

[4] Польские археологи используют для этих памятников название «культура Долькайм-Коврово».

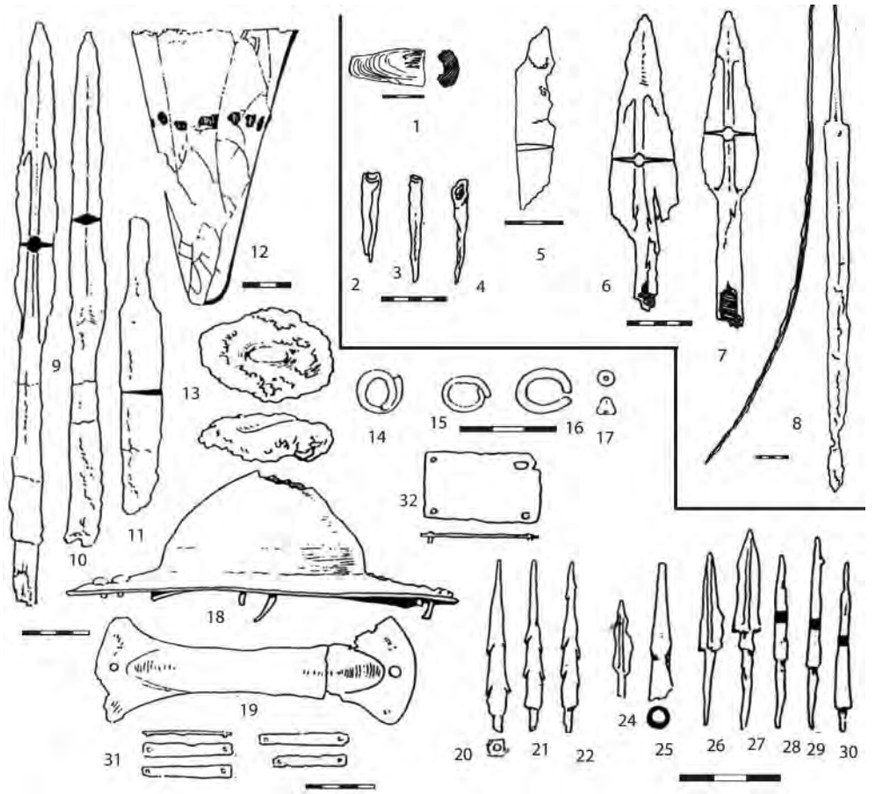


Рис. 148. Погребения с оружием из некрополя Шапка [по: Трапш, 1971]
1–8 – Шапка-Ахьяцараху, погр. 11; 9–32 – Шапка-Абгыдзраху, погр. 54

лиум-2, погр. 294 [Воронов, 2003. С. 53, 59]. Эти погребения относятся к стадии III цебельдинской хронологии (380/400–440/450 гг.). На черноморском побережье Северного Кавказа фрагменты кольчуги отмечены в мужском погр. 10 могильника Цемесская Долина, датированного второй половиной II в. [Малышев, 2008. С. 28–30]. Погребения с фрагментами кольчуги в эпоху переселения народов известны не только у германцев. Они встречаются на могильниках славянской культуры Колочин, на Днепровском Левобережье, в могильнике Лебяжье [Казанский, 2011. С. 44, там же библиография], а также у волжских финнов, например, на могильниках армиевского типа [Казанский, 2008. С. 309, там же библиография].

Итак, можно отметить, что все без исключения черты погребального обряда цебельдинской культуры, воспринимаемые как германские, на деле имеют более широкие параллели, выходящие за рамки германского мира, и, что важнее, появляются на восточном побережье Черного моря задолго до появления здесь исторических германцев.

Погребальный инвентарь

Захоронения цебельдинской культуры содержат предметы вооружения, не типичного для народов Западного Кавказа, но хорошо известного у германцев позднеримского времени и начала средневековья – обычно называют щиты с металлическими умбонами, скрамасаксы, т.н. франциски. В целом, оружие хорошо представлено в мужских захоронениях цебельдинской культуры в течение всего времени ее существования, что указывает на высокую военизированность древнего абхазского населения [Воронов, 2003; Воронов, 2010. С. 81–90; Воронов, Шенкао, 1982; Казанский, Мастыкова, 2009; 2011].

Надо подчеркнуть, что некоторые виды вооружения, представленные в Абхазии и принимаемые за германские, изначально таковыми не являются и распространены у разных народов. В частности, топоры принадлежат либо местным типам, либо заимствованы из римской экипировки. К числу последних принадлежат топоры-кирки (рис. 148, *5*) [ср.: Bishop, Coulston, 1993. Fig. 111,1,2], топоры с широким ассиметричным лезвием, так называемые цебельдинские, типа Воронов-Шенкао 1 (рис. 148, *1–3*) [Воронов, Шенкао, 1982. С. 127], а также топоры с узким лезвием и обухом в виде молоточка (рис. 148, *4*), типа Воронов-Шенкао 2[5] [Воронов, Шенкао 1982. С. 127]. «Франциски», т.е. топоры с изогнутым узким корпусом и заостренными краями лезвия, типичные для романо-германского Запада, в Абхазии, да и вообще в понтийском регионе, отсутствуют.

Скрамасаксы (рис. 148, *9–11*), хорошо представленные в погребениях цебельдинской культуры эпохи переселения народов, также не являются специфически германским оружием, они появляются у германцев тогда же, когда и на Черноморском побережье Кавказа, т.е. в 380–450-х гг. Как в Европе, так и в Абхазии скрамасаксы распространяются из Византии и сасанидского Ирана – там это оружие имеет прямые прототипы[6] [см. подробнее: Казанский, 2012]. Германское воздействие в вооружении ощущается в распространении в Абхазии некоторых типов умбонов и рукоятей щитов, а также копий.

Умбоны и рукояти щитов. Щиты с металлическими умбонами и манипулами, известные на восточном побережье Черного моря, не имеют аналогов в других регионах Кавказа. Типы умбонов и манипул, представленные здесь в римское время и в эпоху переселения народов, распространены как у германцев, так и в Римской империи. Необходимо подчеркнуть, что помещение щитов с металлическими элементами в погребения не является специфически германской чертой. В понтийском регионе этот обычай известен и вне германского контекста, при этом до появления здесь германцев, упоминаемых письменными источниками. Так, умбоны были найдены в некоторых могилах фракийской романизированной знати Мезии II – первой половины III в. [Kazanski, 1994. P. 436]. В Керчи-Пантикапее парадный умбон с шипом был обнаружен в могиле Юлия Каллисфена, датированной, согласно надписи, первой половиной II в. [Шаров, 2011. С. 220. Рис. 8]. Мне представляется, что этот факт иллюстрирует влияние фракийских воинских обычаев. Как известно, в это время фракийские вспомогательные воинские части находились в Херсонесе [Kazanski, 1991. С. 501, 502]. Второе возможное, но менее вероятное, объяснение – воздействие аристократической культуры эллинизированного римского Востока: обычай помещения щита с металлическим умбоном зафиксирован в богатом погребении 11 могильника сирийского города Хомс, принадлежавшем тому же времени [Kazanski, 1994. Fig. 6,9; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 11].

Наиболее ранний металлический умбон в контексте цебельдинской культуры отмечен, насколько можно судить по публикации, уже на стадии I/1 (170/200–260/270 гг.), в погребении Шаумяновка [Гунба ,1978. Табл. 48,8], но он римского типа, полусферический, типа Zieling M-R1 [подробнее: Kazanski, 1994. P. 437]. На стадии II/3-4 (320/330–400/410 гг.) металлические умбоны и рукояти щитов появляются в цебельдинских погребениях уже в заметном количестве. Это, в частности, умбоны типов Ай-Тодор/Zieling H2, Кожень и Zieling K2, отмеченные уже для стадий I/2 (260/270–330/340 гг.) и II (320/330–400/410 гг.) и характерные для германцев.

Умбоны типа Ай-Тодор/Zieling H2[7] (рис. 149, *7*) датированы периодами C2–C3 хронологии европейского Барбарикума, т.е. приблизительно 250–370 гг. [Kazanski, 1994. P. 438; Kazanski, Mastykova, 2007. P. 31], имеют низкую сфероконическую, слегка заостренную калотту, слабо выраженную горизонтальную каннелюру у основания калотты и довольно широкие поля. Они известны в таких захоронениях, как Цибилиум-1, погр 127, стадии I/2–II/3, т.е. от 260/270 по 360/370 гг., и Цибилиум-1, погр. 17, стадии II/3 (320/330–360/370 гг.) [Воронов, 2003. Рис. 7,9; 64,7]. Впрочем, распространяются такие умбоны и в позднеримской армии. Приведем находки в Ravna/Campsa, Boljetin/Smorna, Capidava, Histria [Glad, 2013. Pl. 12,1; 26,3; 78,4]. Имелись подобные умбоны и на вооружении рейнских федератов Империи уже в первые века н.э. [напр.: Waurick, 1994. Abb. 4,4]. Это не позволяет считать данные умбоны безоговорочно германским признаком.

Также германские по происхождению ***умбоны типа Кожень (Korzen)/Zieling P*** (рис. 150, *10, 25*), с полусферической, слегка заостренной калоттой и горизонтальной каннелюрой у её основания, датированные в Барбарикуме периодами C1b–C3, т.е. 220/230–360/370 гг. [Kazanski, 1994. P. 438, 439; Kazanski, Mastykova, 2007. P. 31], встречены в могильнике Цибилиум-1, погр. 255, стадии I/2 или II, т.е. с 260/270 по 400/410 гг., погр. 177, стадии II (320/330–400/410 гг.), и погр. 119, стадии II/3 (приблизительно 320/330–360/370 гг.) [Воронов, 2003. Рис. 60,4; 89,5; 119,17].

Очень схожие, но скорее с цилиндроконической, а не с полусферической калоттой и горизонтальной каннелюрой у основания, ***умбоны типа Zieling K2*** (рис. 151, *4*) датируются позднеримским временем и эпохой переселения народов [Kazanski, 1994. P. 438, 439; Kazanski, Mastykova, 2007. P. 31, 32]. Они встречены в Цибилиум-1, погр. 41, 223, стадии II (320/330–400/410 гг.), погр. 60 и 61, стадии III (380/400–440/450 гг.) [Воронов, 2003. Рис. 16,5; 25,15; 28,8; 105,6], Апушта, Лар, погр. 12 [Воронов, 2009. Рис. 16,7; 31,41], Шапка-Апианча, погр. 25/38, также стадии III [Гунба, 1978. Табл. 37,6]. Представ-

[5] Подробнее об этих типах см. [Kazanski, 1994. P. 458; Kazanski, Mastykova, 2007. P. 29]. Не может быть отнесен к числу германских и топор типа Компанийцы из погр. 51 могильника Шапка-Ахьяцараху [Трапш, 1975. Табл. 13,1]. Этот тип топора хорошо представлен в материале античных городов Северного Причерноморья и уже потому не может быть исключительно германским [подробнее см.: Kazanski, 1994. P. 450, 451].

[6] В романо-германской Европе, а также в балтийском регионе прототипами скрамасаксов могли также послужить римские и германские боевые ножи [см. подробнее: Казанский, 2012. С. 120, 121; Казанский, Мастыкова, 2013. С. 98, 99].

[7] См. типологию Н. Цилинга [Zieling, 1989].

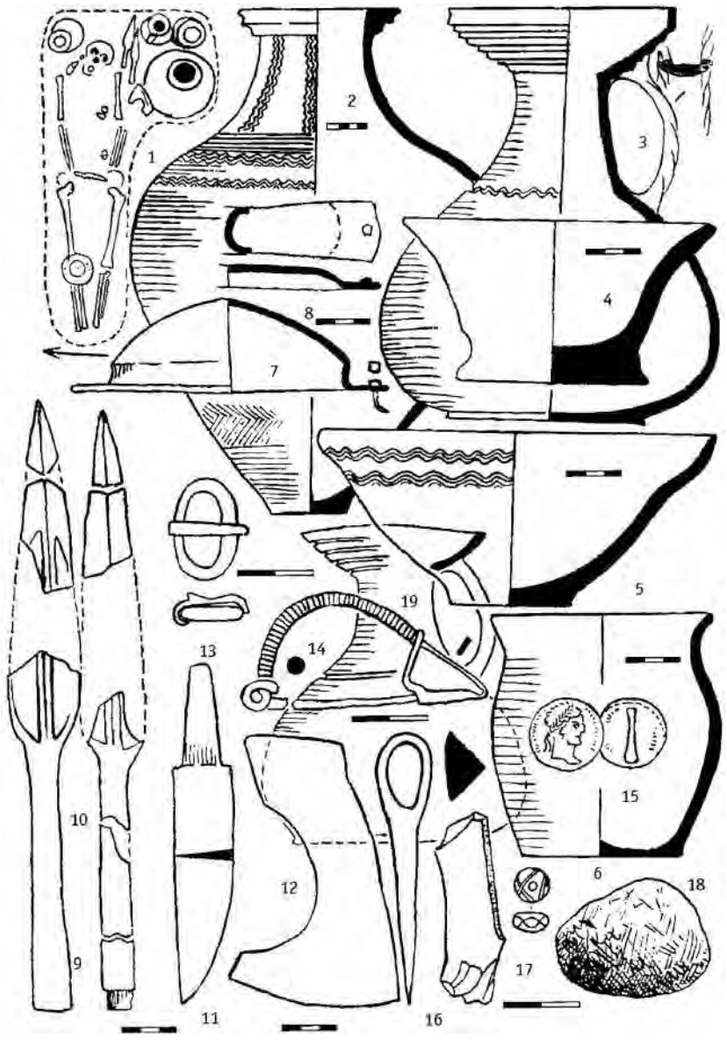


Рис. 149. Цибилиум-1, погребение 127 с умбоном типа Ай-Тодор/Zieling H2 [по: Воронов, 2003]

лены такие умбоны и в позднеримском вооружении на территории Балкан, например, в Градац/Saldum, Свищов/Novae [Glad, 2013. Pl. 9,5], а также на Ближнем Востоке [см., напр.: Kazanski, 1988. Fig. 14,1; Quast, 2012, Abb. 5; 6,2,3].

Близкие им по морфологии ***умбоны типа К1*** (рис. 148, *18*), с широкими полями и сфероконической калоттой, представленные в Абхазии (Шапка-Абгыдзраху, погр. 54) [Трапш, 1971. Табл. 31,2], также известны у германцев, но могут иметь римские прототипы [Kazanski, 1994. P. 440, 441].

В конце стадии II/4, соответствующей периоду D1 хронологии европейского Барбарикума, т.е. началу эпохи переселения народов (360/370–400/410 гг.), в Абхазии появляются фасетчатые умбоны типа Добродзень (рис. 154, *6*), скорее всего, римского происхождения, а также умбоны типа Малаешты (рис. 154, *8*), известные у варваров черняховской культуры (готы и их германские и не германские союзники), а также на Боспоре Киммерийском, возможно, имеющие римское происхождение [Kazanski, 1988. Fig. 6–7; 1994. P. 440, 443, 447].

Позднее, на стадии III/5-8 (380/400–440/450 гг.) распространяются разнородные умбоны типов Мизери, Керчь-Госпитальная, Либенау. Некоторые из них более всего типичны для германцев, как например умбоны с острым длинным шипом, ***типа Либенау/ Zieling E2*** (рис. 153, *13*), хотя они известны и в позднеримском контексте на Балканах [напр.: Glad, 2013. P. 539–541. Pl. 58,1], а также в Малой Азии [Quast, 2012. Abb. 5,1]. Такой умбон найден на могильнике Шапка-Церковный Холм-4, в погр 4 [Воронов, Юшин, 1973. Рис. 4,30]. Другие умбоны, как фасетчатые позолоченные типа Керчь-Госпитальная (рис. 154, *12*), в германском контексте пока не встречены и, видимо, имеют римское происхождение [Kazanski, 1994. P. 443, 445, 446, 448]. Умбоны типа Мизери (рис. 154, *7*) довольно широко распространены как у варваров, так и в Империи. Интересно отметить присутствие на находке из Мизери (Misery), в Северной Галлии, штампа с номером римской воинской части [Böhme, 1974. Taf. 128,6].

Умбон из погр. 275 могильника Цибилиум-1 [Воронов 2003. Рис. 129,13], рубежа стадий II и III (примерно 360/370–410 гг.), с низкой полусферической калоттой и горизонтальной каннелюрой у основания, имеет выступ-кнопку на вершине калотты (рис. 151, *30*). По форме он очень близок меровингским ***умбонам типов Хюбнер III–IV*** [Hübener 1989. Abb. 2]. Такие умбоны в аламанском контексте известны в 430–460 гг. [Koch, 2001. P. 80, 81. Abb. 18,M3; см., напр.: Müller, 1976. Taf. 8.Grab 23-1; Quast, 1993. Taf. 7,5]. «Западное», германское происхождение этого умбона вполне возможно.

Некоторые типы металлических рукоятей щитов, т.н. манипулы, найденные в абхазских погребениях, также могут иметь германское происхождение.

Это ***рукояти типа Zieling S1, форма 2***, с веерообразными окончаниями (рис. 148, *19*; 150, *13*; 151, *5*), датированные позднеримским временем и эпохой переселения народов [Kazanski, 1994. P. 449], известные в Шапка-Абгыдзраху, погр. 54 [Трапш, 1971. Табл. 31,3], Цибилиум-1, погр. 17, стадии I (170/200–330/340 гг.), Цибилиум-1, погр. 41 и 119, стадии II/3 (320/340–360/370 гг.), Цибилиум-1, погр. 349, стадии II/4 (360/370–400/410 гг.), Цибилиум-1, погр. 61, стадии III (380/400–440/450 гг.) [Воронов, 2003. Рис. 7,9; 16,5; 28,9; 60,4; 162,13], а также ***типа Zieling X,*** с трапециевидными окончаниями (рис. 150, *8*), того же времени [Kazanski, 1994. P. 451, 452], обнаруженные в могильниках Цибилиум-1, погр. 127, стадии I/2–II/3 (260/270–360/370 гг.), Цибилиум-1, погр. 60, стадии II (320/330–400/410 гг.) [Воронов, 2003. Рис. 25,15; 64,8], а также в могилах стадии III (380/400–440/450 гг.) – Шапка-Абгыдзраху, погр. 6, 60, возможно, 27 [Трапш, 1971. Табл. 3,5; 11,3; Гунба, 1978. Табл. 12,4], Шапка-Апианча, погр. 25/38 [Гунба, 1978. Табл. 37,6], возможно, Шапка-Церковный Холм-4, погр. 5 [Воронов, Юшин, 1973. Рис. 4,31], Апушта, Лар, погр. 12 [Воронов, 2009. Рис. 16,7; 31,44]. Впрочем, такие же манипулы отчетливо видны и на изображениях римских солдат на Форуме Феодосия, в Константинополе (табл. 21). Известны они в позднеримском контексте и на Балканах [Gald, 2013. P. 547. Pl. 68,9]. Наконец, отметим находку ***рукояти типа Zieling S2*** (рис. 150, *24*) в могильнике Цибилиум-1, погр. 177, стадии II (320/330–400/410 гг.) [Воронов, 2003. Рис. 89,5]. Она имеет ближайшие параллели в материалах черняховской культуры (могильник Курники), а также в центральноевропейском Барбарикуме и в Скандинавии позднеримского времени. Германское происхождение этого типа манипул пока представляется наиболее аргументированным [Kazanski, 1994. P. 450].

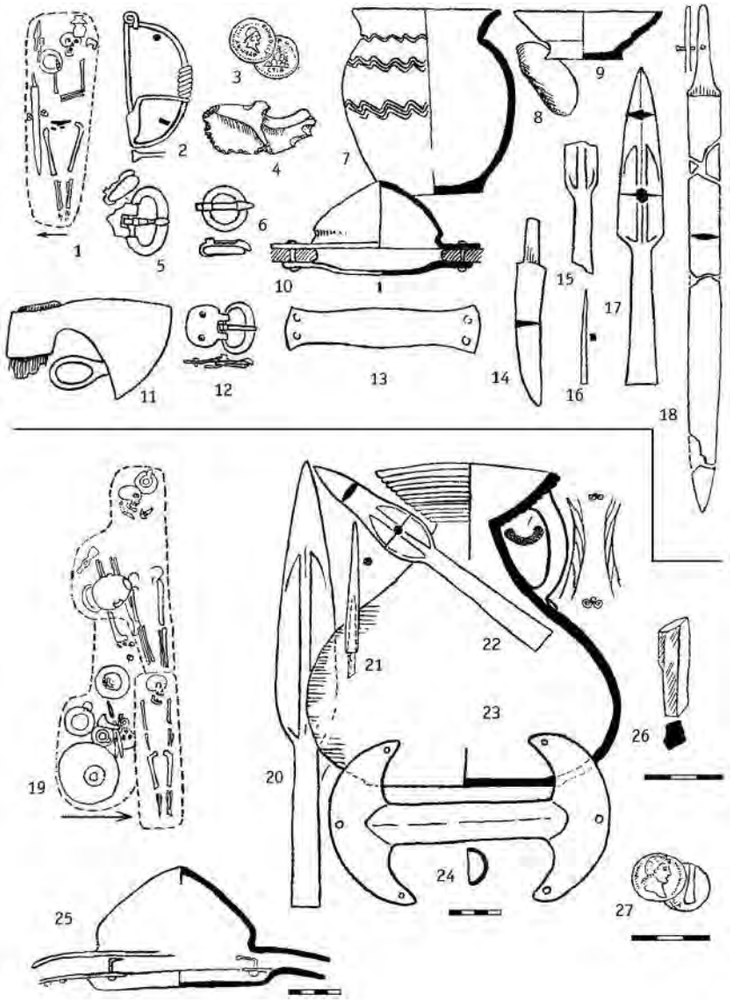


Рис. 150. Погребения с умбонами типа Кожень/Zieling P из некрополя Цибилиум [по: Воронов, 2003]
1–18 – Цибилиум-1, погр. 119; 19–27 – Цибилиум-1, погр. 177

Среди копий цебельдинской культуры два типа могут быть предположительно связаны с германской воинской культурой. Это, прежде всего, ***копья с «мечевидным», ромбическим в сечении пером и относительно короткой втулкой***. Они известны в абхазских погребениях и могут иметь германское происхождение. Некоторые имеют гранение на втулке (рис. 153, *40, 41*). Это копья из погр. 6 могильника Шапка-Церковный Холм-4 [Воронов, Юшин, 1973. Рис. 7,20,21] и из погр. 383 могильника Цибилиум-2 [Воронов, 2003. Рис. 181,5]. Названные погребения относятся к стадии III, т.е. 380/400–440/450 гг. Имеются также копья близкой формы, но без фасеток на втулке (рис. 152, *17*). Такие копья обнаружены в погр. 190 могильника Цибилиум-1, датированного по провинциально-римской пряжке второй третью IV в., т.е. в рамках стадии II (320/330–400/410 гг.) [Воронов, 2003. Рис. 91,17], в

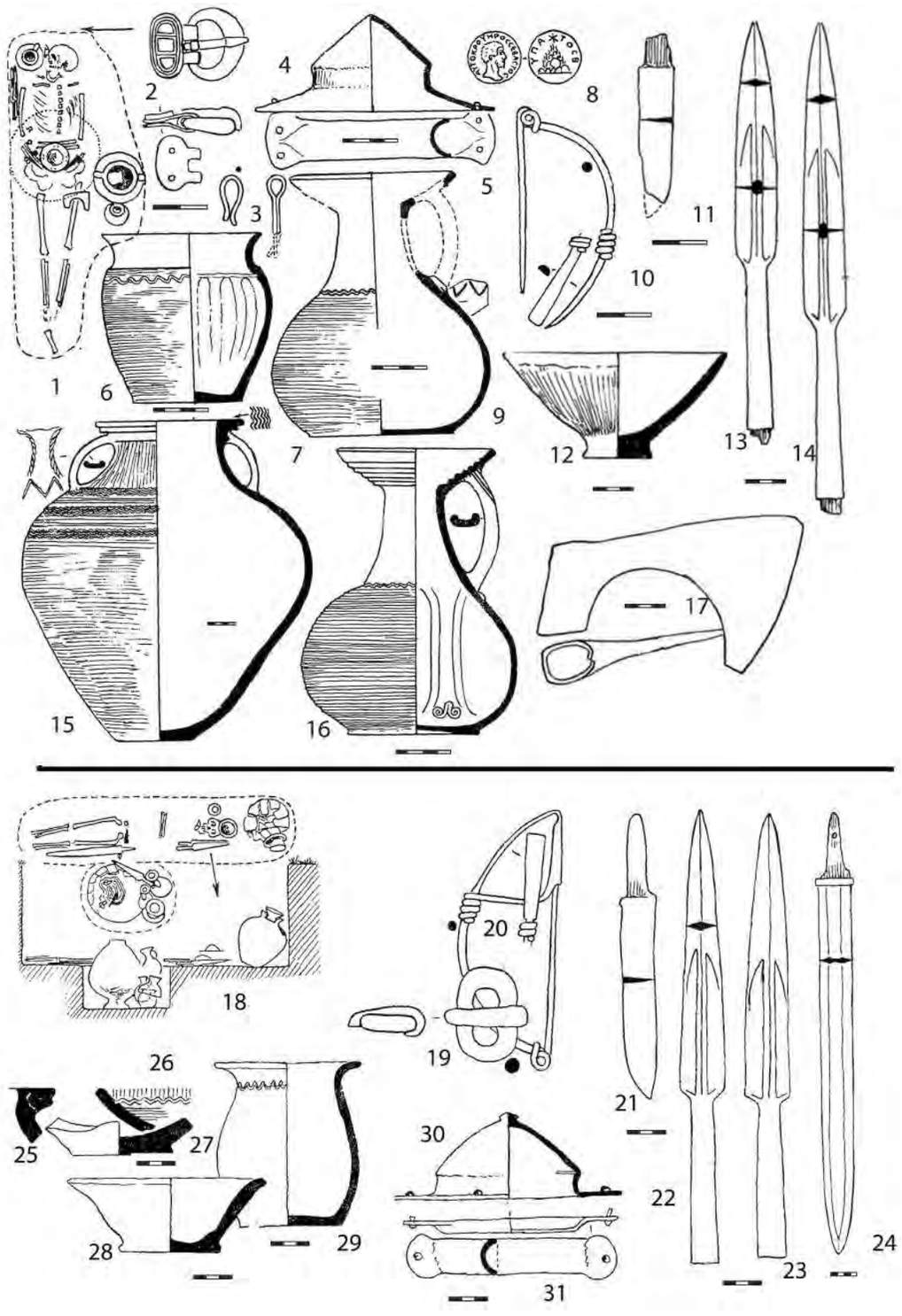


Рис. 151. Погребения с умбонами различных типов из некрополя Цибилиум [по: Воронов, 2003]
1–17 – Цибилиум-1, погр. 41; 19–31 – Цибилиум-1, погр. 275

погр. 419 могильника Цибилиум-2, также, скорее всего, стадии II [Воронов, 2003. Рис. 200,9,10]. К более поздней стадии III принадлежат аналогичные копья из погр. 6 и 20 могильника Шапка-Ахьяцараху [Трапш, 1971. Табл. 34,11; 1975. Табл. 23,5], из погр. 171 могильника Цибилиум-1 [Воронов, 2003. Рис. 85,8] и погр. 363 и 420 из могильника Цибилиум-2 [Воронов, 2003. Рис. 169,12; 201,21].

В целом, копья с «мечевидным» пером и огранкой на втулке характерны для гораздо более северных территорий. В позднеримское время и в раннюю эпоху переселения народов они известны в Южной Скандинавии, на территории Дании и Южной Швеции, а также в бассейне Верхней и Средней Эльбы, где их выделяют в тип Дрезден-Добриц-Гюбс (Dresden-Dobritz/Gübs) [Birch Iversen, 2010. P. 48–51, Abb. 24]. В Центральной Европе данные копья сопоставимы с типом Качановский XX/1, периода C2, т.е. приблизительно 250/260–300/320 гг., существующего и позднее, вплоть до эпохи переселения народов, и известного у населения пшеворской культуры [Kaczanowski, 1995. P. 25. Tabl. 14-4; Мыц и др., 2006. С. 121, 148; Вознесенская, Левада, 1999. С. 255]. Аналогичные копья, типа Казакявичюс 3, известны и в Восточной Литве, где их датируют концом V–VII в. [Казакявичюс, 1988. С. 41, 42. Карта VII].

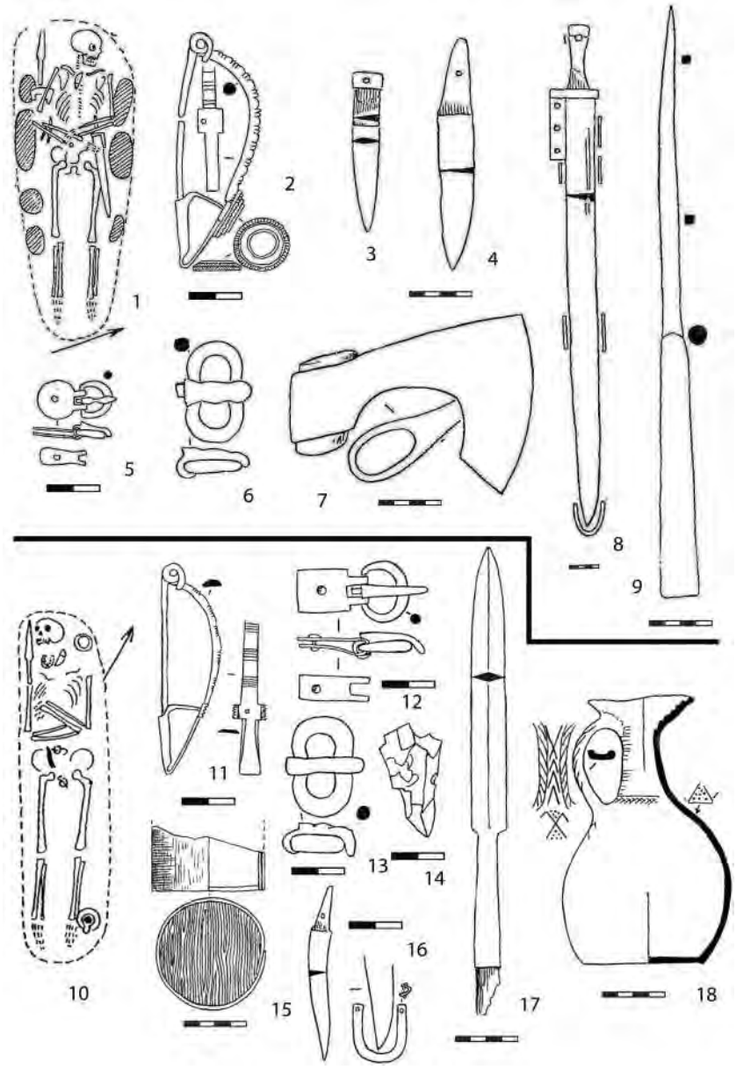


Рис. 152. Погребения с пиками и копьями из некрополя Цибилиум
[по: Воронов, 2003]:
1–9 – Цибилиум-2, погр. 362; 10–18 – Цибилиум, погр. 363

Мечевидные копья известны также в Крыму, на могильнике Чатыр-Даг. Особенно характерным является наконечник из погр. 2 [Вознесенская, Левада, 1999. С. 254–255. Рис. 3,2; Мыц и др., 2006. С. 119–121. Рис. 7,2]. Дата захоронения может быть определена в рамках периода C2 – начала периода C3, т.е. 270–330 гг. [Мыц и др., 2006. С. 147–151]. Близок абхазским и наконечник из погр. 3 крымского могильника Ай-Тодор, без гранения на втулке [Вознесенская, Левада, 1999. С. 256. Рис. 5,2]. Погребение датируется периодом C2, т.е. 260/270–300/330 гг. [Мыц и др., 2006. С. 153]. Копья без огранки на втулке также имеют аналогии в Центральной Европе позднеримского времени, они сопоставимы с типом Качановский XX/2, периода C2 [Вознесенская, Левада, 1999. С. 256; Мыц и др., 2006. С. 121]. В эпоху переселения народов этот тип копий представлен на могильнике Чонград-Кендерфёлдек (Csongrád-Kenderföldek) (вне комплекса) в бассейне Тиссы [Istvánovits, Kulcsár, 1995. Kép. 4,1]. В англо-саксонском контексте копья с «мечевидным» пером без огранки на втулке известны в VI–VII вв. [Swanton, 1974. Fig. 4,c,e ; 5,d ; 6,a; Kerep, 2006. P. 90. Fig. 2,4].

У северных копий в целом втулка все же несколько короче, чем у абхазских, и переход от пера к втулке обозначен резче. При этом везде часто присутствует такой элемент, не имеющий функци-

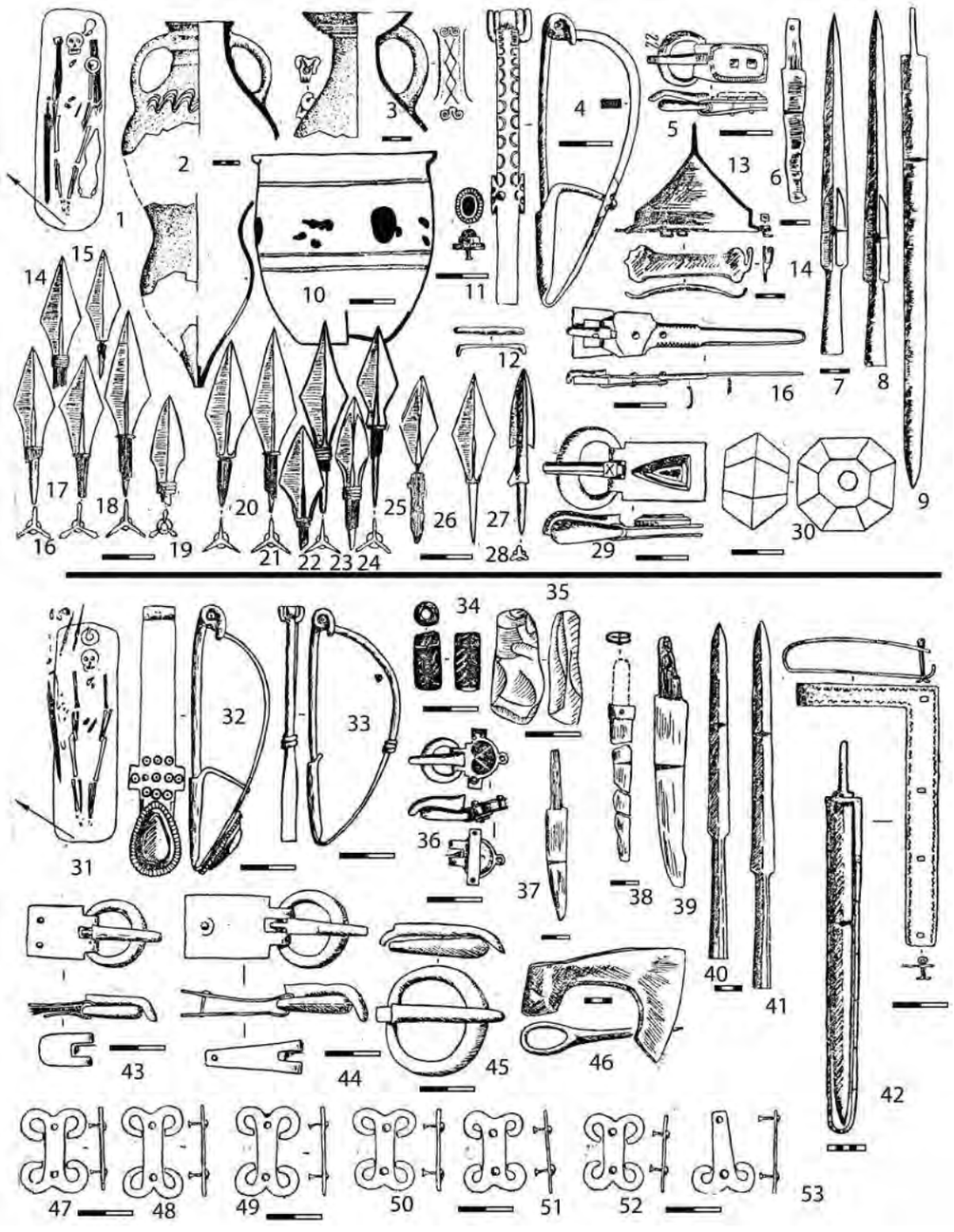


Рис. 153. Погребения с оружием из некрополя Шапка [по: Воронов, Юшин, 1973]
1–30 – Шапка-Церковный Холм-4, погр 4; 31–53 – Шапка-Церковный Холм-4, погр. 7

онального значения, как огранка втулки, что указывает все же на общее происхождение всех этих копий, включая абхазские[8].

Четырехгранные в сечении втульчатые пики (рис. 152, 9). Такие наконечники также хорошо известны в погребениях цебельдинской культуры [Воронов, Шенкао 1982. С. 124, 126]. Показательными для хронологии являются находки в захоронениях Цибилиум-1, погр. 251, с вещами стадии I/2, т.е. 290/300–330/340 гг. [Воронов 2003. Рис. 118,13], Цибилиум-1, погр. 248, с вещами стадии II/3, т.е. 320/330–360/370 гг. [Воронов 2003. Рис. 116,22], Цибилиум-1, погр. 250, с вещами стадии II/4, т.е. 360/370–400/410 гг. [Воронов, 2003. Рис. 117,9], Шапка-Ахьяцараху, погр. 25, с умбоном типа Ай-Тодор (см. выше) [Трапш, 1975. С. 31. Табл. 23,4], Цибилиум-1, погр. 77, стадии III [Воронов, 2003. Рис. 37,8], Цибилиум-2, погр. 362, стадии III [Воронов, 2003. Рис. 169,4], Шапка-Ахьяцараху, погр. 6, стадии III [Трапш, 1971. Табл. 34,10], Шапка-Абгыдзраху, погр. 14, с ранневизантийской пряжкой стадии IV/9, т.е. 450–550 гг. [Трапш, 1971. Табл. 8,2].

Подобные пики хорошо известны в скандинавских древностях. Это типы Илькер 5 и 11, датированные периодом C3–D1 (300/320–400/410 гг.) или B2/C1 (160–180 гг.), если принимать во внимание датировку болотной находки в Иллерупе [Ilkjaer, 1990. P. 53–59, 79–84; Вознесенская, Левада, 1999. С. 255; Мыц и др., 2006. С. 121, 156]. В Центральной и Восточной Европе этот вид оружия для позднеримского времени и эпохи переселения народов встречается не часто. В черняховской зоне пики известны в зоне между Днестром и Сиретом, там же, где концентрируются другие вещи североевропейского происхождения. В то же время, пики хорошо известны у римских ауксилариев на Рейне [Вознесенская, Левада, 1999. С. 256]. В Крыму пики представлены на могильнике Чатыр-Даг, в погр. 12, периодов C2–C3, т.е. 250/260–350/370 гг. [Вознесенская, Левада, 1999. С. 255, 256. Рис. 4,1; Мыц и др., 2006. С. 121. Рис. 7,6]. Восточнее, на черноморском побережье Северного Кавказа пика известна в материалах Раевского городища [Вознесенская, Левада, 1999. С. 255].

В то же время, втульчатые четырехгранные пики хорошо известны в экипировке армии Восточной Римской империи с III по VI вв. В качестве примера назовем находки в Болгарии [Glad, 2013. P. 637, 638. Pl. 73,1,3,13,15; 74,1–4]. Исследователи полагают, что в понтийский регион пики попадают, в первую очередь, вместе с римской армией [Мыц и др., 2006. С. 156]. Поэтому германское происхождение этого типа оружия в Абхазии, да и в Крыму, остается дискуссионным.

Итак, к германским чертам в материальной культуре Абхазии римского времени и начала эпохи переселения народов можно с той или иной степенью вероятности отнести некоторые типы умбонов и манипул, и, скорее всего, копья с «мечевидным» пером. Есть все основания полагать, что эти вещи попали на черноморское побережье Кавказа вместе с отрядами варваризованной римской армии.

Женские украшения. Скорее всего, таким же образом попадают в Абхазию и немногочисленные женские украшения германского облика. Напомним, что по римским законам браки между

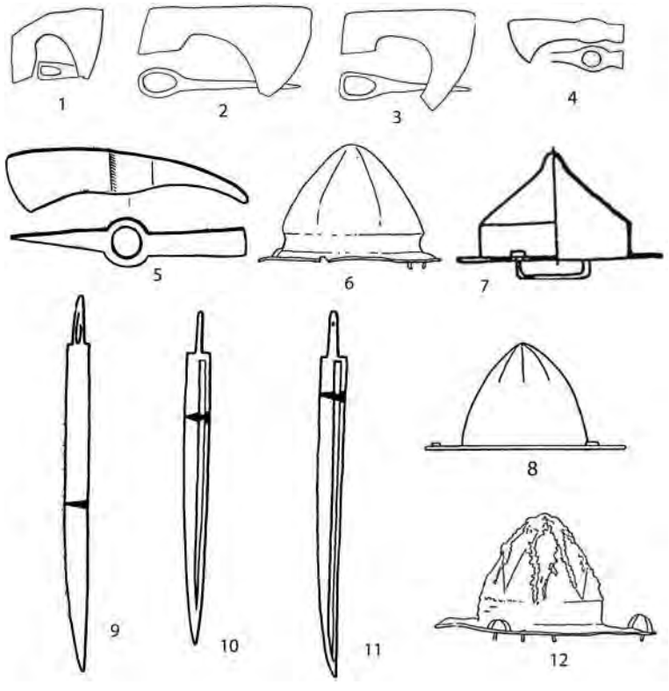


Рис. 154. Топоры, скрамасаксы, умбоны из погребений Абхазии
1 – Лар, погр. 5; 2 – Цибилиум-1, погр. 118; 3 – Цибилиум-1, погр. 278; 4 – Апушта, погр. 2; 5 – Цибилиум-1, погр. 54; 6 – Шапка-Абгыдзраху, погр. 6; 7 – Шапка-Церковный Холм-4, погр. 5; 8 – Шапка-Абгыдзраху, вне погр.; 9 – Шапка-Юстинианов Холм-3, погр. 2; 10 – Шапка-Церковный Холм-4, погр. 7; 11 – Мерхеул; 12 – Шапка-Абгыдзраху, погр. 121–4 – [по: Kazanski, 1994], 5, 8–11 – [по: Воронов, Шенкао, 1982], 6, 12 – [по: Трапш, 1971], 7 – [по: Воронов, Юшин, 1973]

[8] Есть в Абхазии также копья с подобным пером, но с еще более длинной втулкой: Герзеул, разрушенные погребения [Бгажба, Воронов, 1980. Рис. 9,6], Апианча, погр. 2/17 [Гунба, 1978. Табл. 17,3]. Они могут быть либо результатом эволюции местных копий, либо иметь византийское происхождение, как и, например, напоминающие их «аварские» пики [о них см.: von Freeden, 1991].

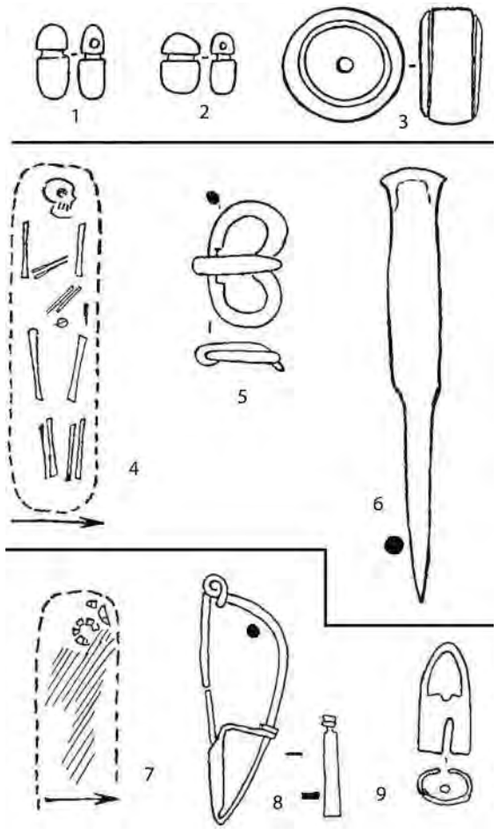


Рис. 155. Украшения и бытовые предметы германского происхождения из погребений Абхазии [по: Воронов, 2003]
1, 2 – Цибилиум-1, погр. 209: 3 – Цибилиум-2, погр. 351; 4–6 – Цибилиум-1, погр. 186; 7–9 – Цибилиум-1, погр. 184

варварами и римлянами были запрещены, поэтому солдатам варварского происхождения, которых в позднеримской армии становилось всё больше и больше, приходилось искать спутниц жизни в варварской среде. Как известно, женский костюм в традиционных обществах принадлежит к одной из наиболее устойчивых и консервативных черт [подробнее см.; Мастыкова, 2009. С. 7, 8], что, видимо, и объясняет наличие какого-то количества варварских женских украшений в позднеримской воинской среде.

К числу таких украшений изначально германского происхождения относятся, в частности, ***грибовидные янтарные подвески*** (рис. 155, *1, 2*), распространявшиеся из восточногерманской зоны и появившиеся на стадии I/2 (260/270–330/340 гг.) в погребениях цебильдинской культуры [Мастыкова, 1999; Kazanski, Mastykova, 2007. P. 46, 47]. Характерно, что в IV в. грибовидные подвески из янтаря становятся интернациональным типом украшений и широко распространяются в Империи, от Британии до Палестины [Мастыкова, 1999. С. 173; Boye, Lund Hansen, 2013. P. 57–64]. Также для стадии I/2 (260/270–330/340 гг.) в Абхазии отмечено присутствие и ***металлических ведерковидных подвесок*** (рис. 155, *9*) [Гей, Бажан, 1997. С. 15. Табл. 24,17], которые имеют восточногерманское происхождение [см. подробнее: Каргопольцев, Бажан, 1989]. Они встречены в погр. 46 могильника Шапка-Ахаччараху [Воронов, Юшин, 1979. Рис. 7,9], погр. 184 могильника Цибилиум-1 [Воронов, 2003. Рис. 87,17].

На стадии III/5-8 (380/400–440/450 гг.) в абхазских погребениях появляются новые украшения, типичные для восточногерманского Барбарикума. Это, в первую очередь, черняховская ***двупластинчатая фибула типа Амброз IAA*** (рис. 156, *22*) из погр. 78 могильника Цибилиум-1 [Воронов, 2003. Рис. 38,10; Kazanski, Mastykova, 2007. P. 35]. Остальные элементы женского костюма, представленные в данном погребении, вполне типичны для Абхазии. В начале эпохи переселения народов эти фибулы распространяются на огромной территории от Галлии до Урала, что частично связано с миграциями готов, а также с началом распространения понто-дунайской моды, в которой двупластинчатые фибулы играют важную роль в женском костюме. С той же модой связано и распространение ***янтарных дисковидных бус с нарезным линейным декором*** (рис. 155, *3*), появившихся в позднеримское время в Центральной Европе и широко расходившихся в эпоху переселения народов, как в Барбарикуме, так и в Римской империи [Мастыкова, 2004].

Кресало типа Дрезден-Добритц (рис. 155, *6*), связанное по происхождению с германской Центральной Европой, найдено в погр. 186 могильника Цибилиум-1 [Воронов, 2003. Рис. 91,21]. Погребение относится к стадии II, т.е. 320/330–400/410 гг. Кресала довольно широко распространены в Центральной Европе к северу от Дуная, от бассейна Эльбы до верховьев Тисы, Днестра и Западного Буга. Их также немало в Литве, Верхнем Поднепровье и Подвинье, зато они крайне редки в Юго-Восточной Европе и полностью отсутствуют в Причерноморье. Общая дата этих кресал – периоды C2–D2 или, если судить по самым поздним надежно датированным комплексам, в частности, в Литве, D2/D3, что дает общие рамки бытования кресал в пределах 260/270–460/470 гг. [Schuster, 2011].

Никаких других специфических германских черт в цебельдинской культуре не обнаружено, а оружие и украшения германского облика в это время широко распространяются в поздней Римской империи, в частности, в военной среде. Видимо, в появлении «западных» культурных элементов в Абхазии надо скорее видеть влияние варваризованной римской армии, занимавшей прибрежные опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа, или воздействие ветеранов римской армии, расселившихся с давних времен на территории Абхазии, которых упоминает Прокопий Кесарийский (Война с готами, IV.9).

Важно отметить, что появление достоверно германских элементов в культуре населения Абхазии не является какой-то одноразовой акцией. Наиболее ранние вещи германского облика отмечены для стадии I/2, т.е. для 260/270–330/349 гг., когда Римская империя после Готских войн снова берет под контроль понтийскую границу. Действительно, уже, по крайней мере, с эпохи Адриана территория Абхазии входит в состав т.н. Понтийского лимеса [Леквинадзе, 1969; Воронов, 2006. С. 314], своего рода буферную зону из варварских царств-клиентов Рима, призванных прикрывать Империю с востока [Kazanski, Mastykova, 2007. P. 9, 10]. Вне всякого сомнения, после кризиса III в. эта система обороны была восстановлена [подробнее: Kazanski, 1991].

Время же наибольшего распространения культурных черт германского облика в Абхазии соответствует стадии III (380/400–440/450 гг.). Стоит подчеркнуть, что как раз в это же время, в конце IV – первой половине V в., в экипировке воинов Абхазии появляются и другие элементы иностранного происхождения, такие как уже упоминавшиеся скрамасаксы, а также иранские кинжалы [Казанский, 2011а], трехлопастные «гуннские» стрелы [Kazanski, Mastykova, 2007. P. 31]. Скорее всего, появление этого интернационального арсенала связано с каким-то конкретным событием или процессом, вызвавшим отправку на понтийскую границу Восточно-Римской империи новых варварских контингентов. Возможно, их сюда направили на усиление восточной границы после известного прорыва гуннов в Закавказье и на Передний Восток в 395 г. Второе возможное объяснение – постепенная подготовка десантного плацдарма на северном фланге линии византийско-персидской конфронтации.

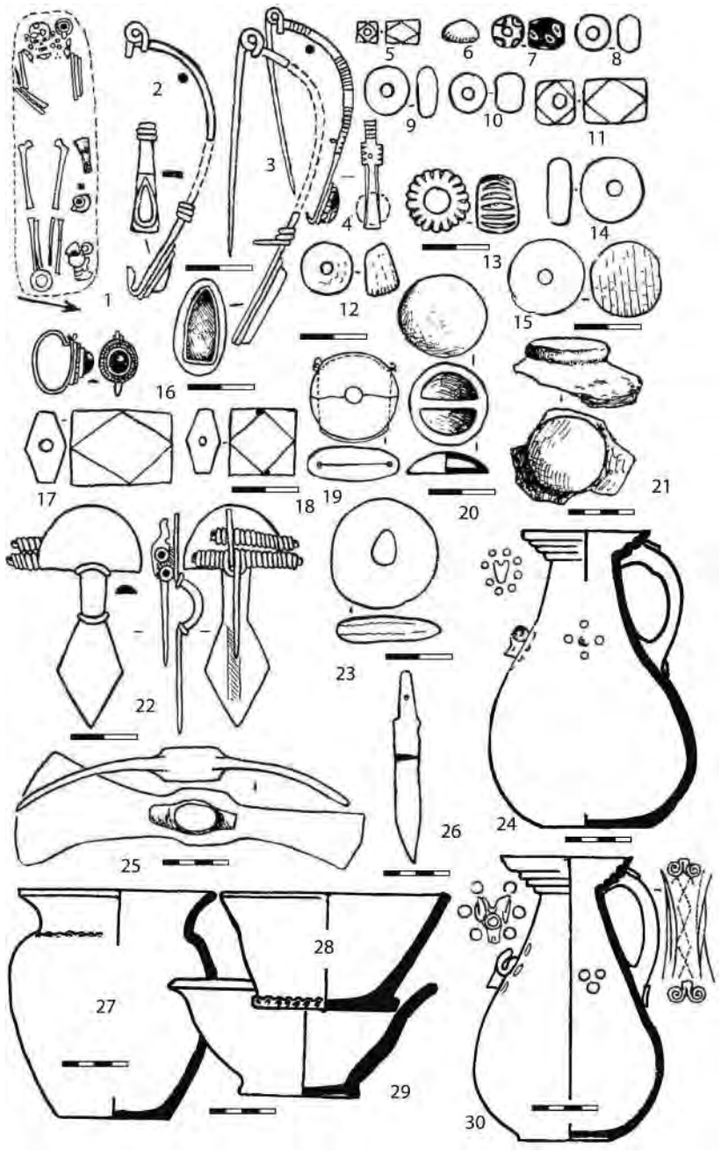


Рис. 156. Цибилиум-1, погр. 78 с двупластинчатой фибулой типа Амброз IAA [по: Воронов, 2003]

Библиография

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.

Анфимов Н.В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века / ред. В.И. Марковин. М., 1980. С. 92–113.

Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // Советская археология. 1989. № 3. С. 163–171.

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. Сухуми, 1980.

Вознесенская Г.А., Левада М.Е. Кузнечные изделия из могильника Чатырдаг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуре / сост. М.Е. Левада. Киев, 1999. С. 252–276.

Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино, 2003.

Воронов Ю.Н. Колхида в железном веке // Воронов Ю.Н. Научные труды. Том первый. Сухум, 2006. С. 12–292.

Воронов Ю.Н. Древности Азантской долины // Воронов Ю.Н. Научные труды. Том второй. Сухум, 2009. С. 365–430.

Воронов Ю.Н. Тайна цебельдинской долины // Воронов Ю.Н. Научные труды. Том третий. Сухум, 2010. С. 5–140.

Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII в. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / ред. А.К. Амброз, И. Эрдели. М., 1982. С. 121–165.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии // Советская археология. 1973. № 1. С. 171–191.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Ранний горизонт (II–IV вв. н.э.) в могильниках цебельдинской культуры // Советская археология. 1979. № 1. С. 181–198.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Могильники III-IV веков. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / ред. С.А. Плетнева. М., 2003. С. 187–191.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. № 4. С. 212–229.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994.

Казакявичюс В. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988.

Казанский М.М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху великого переселения народов // Готы и Рим / ред. М.Е. Левада. Киев, 2006. С. 26–41.

Казанский М.М. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 1 / ред. А.Н. Наумов. Тула, 2008. С. 304–325.

Казанский М.М. О славянском панцирном войске (VI–VII вв.) // Stratum Plus. 2011. № 5. С. 43–50.

Казанский М.М. Иранские кинжалы V в. из некрополя Цибилиума // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю.Н. Воронова) / ред. А.Ю. Скаков. Сухум, 2011а. С. 146–152.

Казанский М.М. О происхождении скрамасакса // Stratum Plus. 2012. № 5. С. 111–124.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Привилегированные погребения у федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии (II–VII вв.) // Научные ведомости Белгородского гос. университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Вып. 11. № 9 (64). С. 25–31.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Федераты и Империя – эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти М.М. Трапш / ред. А.Ю. Скаков. Сухум, 2011. С. 102–116.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона / ред. Н.А. Макаров, А.В. Мастыкова, А.Н. Хохлов. М., СПб., 2013. С. 97–112.

Каргопольцев С.Ю. Умбоны щитов и боевые топоры как индикаторы синхронизации в контексте центральноевропейско-причерноморских связей римского времени // Проблемы истории Крыма / ред. А.И. Айбабин. Симферополь, 1991. С. 58–60.

Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации) // Петербургский Археологический Вестник. 1992. Вып. 2. С. 113–126.

Леквинадзе В.А. Понтийский лимес // Вестник древней истории. 1969. № 2. С. 75–93.

Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.

Малышев А.А. (отв. ред.). Апургиане на юго-востоке Азиатского Боспора (по материалам Цемдолинского некрополя). М., 2008.

Мастыкова А.В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре / сост. М.Е. Левада. Киев, 1999. С. 171–202.

Мастыкова А.В. Янтарные бусы с нарезным декором эпохи Великого переселения народов // Российская археология. 2004. № 3. С. 55–67.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006.

Пьянков А.В. Новые материалы из могильника Бжид I и проблема появления ранних кремаций на Кубани и в Черноморье // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. 2008. Вып. 8. С. 642–643.

Трапш М.М. Культура Цебельдинских некрополей // Трапш М.М. Труды. Том третий. Тбилиси, 1971.

Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии // Трапш М.М. Труды. Том четвертый. Сухуми, 1975.

Шаров О.В. К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции / ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов, 2011. С. 217–233.

Birch Iversen R. Kragehul Mose – Ein Kriegerbeuteopfer auf Südwestfünen. Moesegård, 2010.

Bishop M.C., Coulston C.N. Roman Military Equipment. London, 1993.

Böhme H.W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. München, 1974.

Glad D. L'armement dans la région balkanique à l'époque romaine tardive et proto-byzantine (284–641). Héritage, adaptation et innovation. Рукопись диссертации, защищенной в университете Париж-1-Сорбонна 25.10.2013 г.

Hübener W. Über merowingerzeitliche Schildbuckel // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1989. Bd. 21. S. 85–97.

Ilkjaer J. Illerup Adal 1. Die Lancen und Speere. Aarhus, 1990.

Istvánovits E., Kulcsár V. Szálfegyverek és íjak a Dunától keletre fekvő kárpát-medencei szarmata Barbaricumban // Altum Castrum. 1995. No. 4. P. 9–32.

Kazanski M. Quelques parallèles entre l'armement en Occident et à Byzance (IVe–VIIe s.) // Gaule mérovingienne et monde méditerranéen. Les derniers Romains en Septimanie, IVe–VIIIe siècles / dir. C. Landes. Lattes, 1988. P. 75–87.

Kazanski M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire // Travaux et Mémoires. 1991. Vol. 11. P. 487–526.

Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique – origine et diffusion // Beïtrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten fier nachchirstlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin, Marburg, 1994. P. 429–485.

Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. 2. La nécropole apsile de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Etude du site. Oxford, 2007. (BAR, International Series, 1721-II).

Kczanowski P. Klasifikacija grotów broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Kraków, 1995.

Kerep A. Les armes anglo-saxonnes du Ve au VIIe siècle // De l'Age du Fer au haut Moyen Age. Archéologie funéraire, princes et élites guerrières / dir. X. Delestre, M. Kazanski, P. Périn. Saint-Germain-en-Laye, 2006. P. 87–102.

Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.

Koch U. Das alamanisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Stuttgart, 2001.

Boye L., Lund Hansen U. Glass and Amber Beads in Late Roman Age. Relations between Danemark and the Black Sea Area – witch Special focus on the Graves from Eastern Zealand // Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand, Simferopol, 2013. P. 40–68.

Müller H.F. Das alamannische Gräberfeld von Hemmingen. Stuttgart, 1976.

Nowakowski W. Krieger ohne Schwerter – Die Bewaffnung der Aestii der Römischen Kaiserzeit // Beïtrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten fier nachchirstlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin, Marburg, 1994. S. 379–391.

Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg, Warszawa, 1996.

Quast D. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen (Stadt Wildberg, Kreis Calw). Stuttgard, 1976.

Quast D. Einige alte und neue Waffenfunde aus dem frühbyzantinischen Reich // Thesaurus Avarorum / Hrsg. T. Vida. Budapest, 2012. S. 351–370.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et a l'époque des Grandes Migrations. Oxford, 2006. (BAR, S1535).

Schuster J. Przekłuwacze typu Dresden-Dobritz/Żrniki Wielkie. Uwagi do temat narzędzi // Wiadomości Archeoloiczne. 2011. Vol. 62. S. 65–82.

Swanton M.J. A Corpus of Pagan Anglo-Saxon Spear-Types. Oxford, 1974. (BAR, British Series, 7).

von Freeden U. Awarische Funde in Süddeutschland? // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1991. Jg. 38. S. 593–627.

Waurick G. Zur Rüstung von frühkaiserzeitlichen Hilgstruppen und Verbindüngen der Römer // Beïtrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten fier nachchirstlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin, Marburg, 1994. S. 1–25.

Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène-und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Oxford, 1989. (BAR, International Series, 505).

Živić M. Artistic Achevements in the Imperial Palace // Felix Romuliana – Gamzigrad / ed. I. Popović. Belgrad, 2011. P. 107–139.

ИЕРАРХИЯ «ВОИНСКИХ» ПОГРЕБЕНИЙ В АБХАЗИИ (II–VII ВВ.) И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ[1]

Включение варварских народов Абхазии в орбиту военной политики Римской империи, а затем и Византии привело к ускорению социального расслоения внутри этих племен, их милитаризации, появлению «воинской» аристократии. В археологическом материале эти явления выразились в появлении многочисленных погребений с оружием, а также т.н. вождеских могил, скорее всего, принадлежащих военным предводителям. В данной работе содержится попытка оценить возможности социальной реконструкции по данным погребений с предметами вооружения.

Погребения с оружием в Абхазии уже давно привлекают внимание исследователей. Уже при публикации материалов могильника Шапка М. М. Трапш связал появление «воинских» могил со сложной военно-политической ситуацией того времени и отметил их высокую концентрацию. Действительно, в некрополе Шапка 28 из 86 исследованных могил, т.е. 32,5% от общего числа, содержали оружие [Трапш, 1971. С 127, 143], а на кладбище Шапка-Ахьяцараху оружие присутствует почти в половине изученных погребений [Трапш, 1975. С. 69]. Очень многочисленны погребения

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II–VII вв.) и возможности социальной реконструкции // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 244. С. 83–101.

с оружием и на могильнике Цибилиум [Воронов, 2003; Voronov, 2007]. Здесь исследовано 467 погребений, из них не менее 120, т.е. не менее 25%, содержали предметы вооружения. В специальной работе, посвященной содержащим оружие погребениям Абхазии IV–VII вв., Ю.Н. Воронов и Н.К. Шенкао учли 119 комплексов, из них 74% составляют ингумации и 26% – кремации [Воронов, Шенкао, 1982]. Из приведенной ими таблицы следует, что большая часть погребений содержит копья и топоры, иногда сопровождаемые щитом и стрелами [Воронов, Шенкао, 1982. Рис. 24]. Погребения с мечами встречаются реже, но они, как правило, имеют более полный набор вооружения. Некоторые из них могут быть интерпретированы как «вождеские» [Voronov, 1995; Kazanski, Mastykova, 2007. P. 14–16; Казанский, Мастыкова, 2011]. С проявлением воинской иерархии связаны и могилы, сопровождавшиеся захоронениями коней. В ряде случаев конские погребения сопровождают могилы воинских предводителей, отличающиеся богатым набором оружия, с присутствием меча, кинжала или скрамасакса и/или щита с металлическими элементами (Шапка-Церковный Холм-4, погр. 5). Однако есть случаи, когда захоронения коней сопровождают и погребения с обычным набором оружия (копье, топор, стрелы: Цибилиум-8, погр. 448). Погребения коней, которые не удается соотнести с конкретными воинскими могилами, очень часто находятся на «привилегированных» участках некрополей Цибилиум и Шапка. Такой «привилегированный» участок выделяется для стадии III (380/400–440/450 гг.) на могильнике Цибилиум-1 [Бгажба, Воронов, 1987; Казанский, Мастыкова, 2009а; Kazanski, Mastykova, 2010].

Однако, при реконструкциях иерархии древних обществ по материалам «воинских» захоронений необходимо учитывать и ряд обстоятельств, и в первую очередь тот факт, что далеко не всегда присутствие оружия в могилах является показателем воинского статуса погребенного. Действительно, отмеченный выше высокий процент могил с оружием несомненно свидетельствует о высокой милитаризации общества, но он же показывает, что с оружием хоронили практически всё боеспособное мужское население, независимо от социального статуса. И наоборот, ряд могил, отражающих «воинскую» погребальную обрядность, оружия не содержат. Это, например, некоторые комплексы с т.н. геральдическими поясами, принадлежавшими «воинской» моде середины VI–VII в.

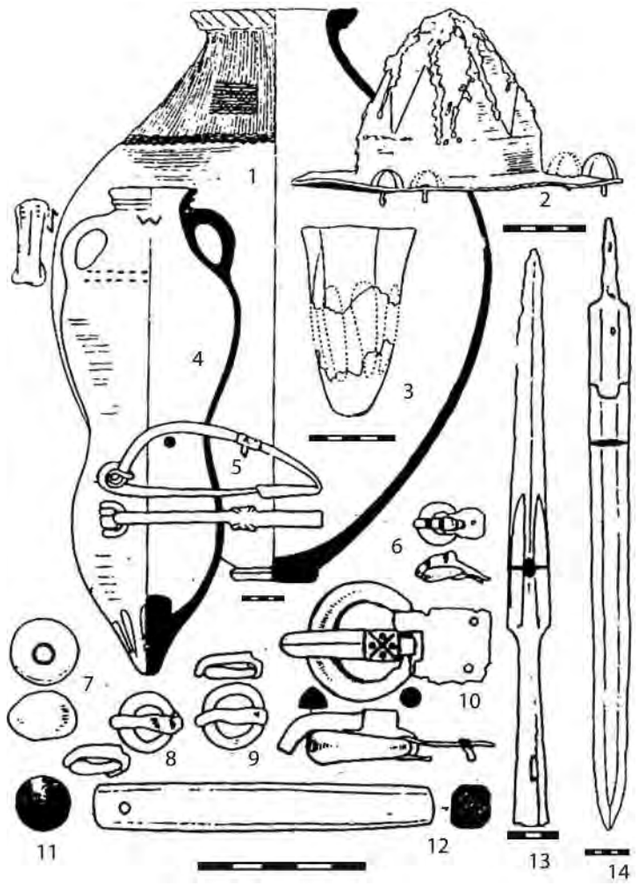


Рис. 157. Погребение уровня 1. Шапка-Абгыдзраху, погр. 12. Стадия III [по: Kazanski, Mastykova, 2007. Pl. 3]

Количество и ценность вооружения, входившего в состав погребального обряда, могут быть связаны не только с воинским статусом, но и с особым социальным положением их владельца, как, например, «вождеское» захоронение ребенка с престижным вооружением (погр. 61 могильника Цибилиум-1). Напомним, что в некоторых древних социумах набор оружия в погребениях определялся не только социальным положением, но и возрастом погребенного [напр.: Härke, 1993. P. 429; Kerep, 2006. P. 97]. К сожалению, антропологические исследования на абхазских могильниках не проводились.

С учетом вышесказанного, для абхазских мужских погребений интересующего нас периода в целом можно выделить четыре уровня богатства [Kazanski, Mastykova, 2007. P. 16; Казанский, Мастыкова, 2009б].

Уровень 1 (рис. 157). Погребения с парадным оружием (мечи и кинжалы с декором полихромного стиля, позолоченные умбоны и т.д.), престижными поясными гарнитурами и редкими дорогими предметами импорта. Это такие могилы как Шапка-Абгыдзраху, погр. 12, с набором оружия, включающим позолоченный позднеримский умбон щита (рис. 157, *2*), Цибилиум-1, погр. 61, с мечом и кинжалом в ножнах полихромного стиля (конец IV – первая половина V в.), Шапка-Верин Холм/Ахьяцараху, погр. 1981 г., и Гагра-Цихерва, с византийскими парадными мечами и средиземноморскими пряжками стиля перегородчатой инкрустации (вторая половина V – начало VI в.), возможно, Шапка-Юстинианов Холм-3, погр. 1, с золотой монетой Юстиниана (середина – вторая треть VI в.). На сопредельных Абхазии территориях к этому уровню могут быть причислены «княжеские» погребения с мечами в Мацесте, с редкой импортной посудой и могила, найденная в 1942 г. в Красной Поляне (Сочинский район РФ), содержавшая, в частности, позднеримский умбон «парадного» щита и сасанидские блюдо [Воронов, 1979. С. 56. Рис. 39,1,2].

Уровень 2 (рис. 158). Погребения с набором вооружения, обязательно включающим меч или иное оружие с длинным клинком, часто содержащие престижную поясную гарнитуру, например, пряжки. Такие могилы иногда сопровождаются конскими захоронениями, например, Шапка-Церковный Холм-4, погр. 5 и Цибилиум-10, погр. 455–457. Видимо, к этому же уровню следует отнести и остальные немногочисленные погребения с оружием и конскими захоронениями. На мой взгляд, погребения уровня 2 также могут быть отнесены к привилегированным и, судя по обязательному присутствию меча, они, скорее всего, связаны с неким воинским элементом. Такие погребения хорошо представлены в Цибилиуме и Шапке, но имеются и на других могильниках, например, Шаумяновка, Анухва, Ачандра, Гудаута, Лар, Хатшупсе, Хуап, Апушта, Герзеул, Мерхеул, Лар, Пышта-Верхняя Эшера.

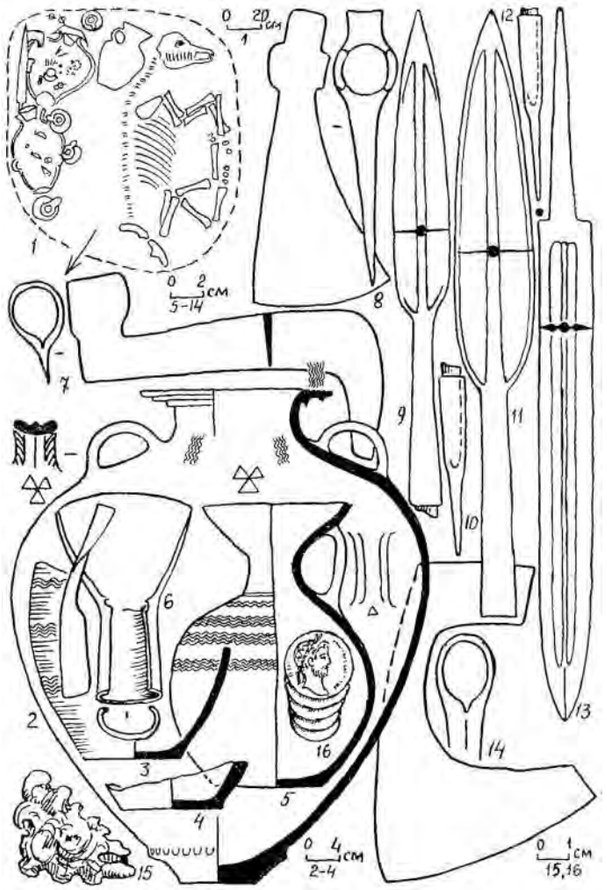


Рис. 158. Погребение уровня 2. Цибилиум-10, погр. 454–456. Стадия I/1 [по: Voronov, 2007. Fig. 216]

Уровень 3 (рис. 159, *1–15*). Мужские погребения с полным или частичным набором предметов вооружения (копье, топор, щит, лук и стрелы), не включающим клинковое оружие. Для финальной фазы цебельдинской культуры к этому уровню могут быть предположительно отнесены мужские погребения без оружия, но с «геральдическими» поясами. Впрочем, некоторые из этих захоронений отличаются сравнительно богатым инвентарем и не исключено, что их следует относить к престижному уровню 2. Погребения с оружием третьего уровня представлены практически на всех абхазских могильниках.

Уровень 4 (рис. 159, *16–24*). Мужские погребения с единичными предметами вооружения. Как правило, это наконечники копий или топоры, «профессиональное» вооружение, такое как щиты с металлическими элементами, отсутствует. Такие могилы также представлены повсеместно и вместе с могилами третьего уровня составляют подавляющее большинство находок.

Разумеется, эта градация выглядит излишне статичной, поскольку охватывает весь рассматриваемый период, от римского времени до раннего средневековья включительно. Постараемся выделить хронологические изменения в распространении воинских могил Абхазии[2]. Их появление и эволюция лучше всего прослеживаются по материалам некрополя Цибилиум и Шапка, раскопанных широкой площадью и введенных в научный оборот [подробнее: Казанский, Мастыкова, 2011].

[2] В данной работе используется хронология О.А. Гей и И.А. Бажана [Гей, Бажан, 1997. С. 9–30], модифицированная с учетом европейских датировок [Kazanski, Mastykova, 2007. P. 20–24; Казанский, Мастыкова, 2013].

Отметим, что погребения с оружием уровней 2–4 присутствуют в течение всего времени функционирования могильников, но их количество варьирует.

Стадия I/1 (170/200–260/270 гг.). Это начальная стадия функционирования больших некрополей Шапка и Цибилиум. Оружие (копья, топоры, реже – мечи) уже присутствует в мужских погребениях. По всей видимости, это привилегированные погребения, соответствующие уровню 2. Видимо, к этому времени принадлежит находка меча в Ачандре [Гунба, 1978. Табл. 50,10]. На могильнике Шапка погребения с мечами второго уровня для этой стадии не зафиксированы. Основная масса захоронений с оружием на Цибилиуме и Шапке периода I/1 по инвентарю принадлежит к уровням 3–4. Даже погребение 448 (Цибилиум-8), сопровождавшееся захоронением коня и поэтому относимое к числу привилегированных [Voronov, 1995], содержит лишь одно копье. Единственное погребение с мечом Цибилиума-10, № 455–457, сопровождавшееся захоронением коня, может быть отнесено к уровню 2. Все это свидетельствует о слабой иерархизации населения Цибилиума и Шапки в данную эпоху. Погребение уровня 1 для этого времени известно только на севере, в зоне санигов. Это погребение Мацеста с мечом и импортной металлической посудой и монетами [Воронов, 1979. С. 56, 57. Рис. 40,Г].

Включение циркумпонтийских варваров в орбиту римской военной политики привело к их милитаризации, проявляющейся в погребальном обряде. Не исключено, что оружие в могилах Цибилиума стадии I/1 отражает начало этого процесса. Стоит, однако, отметить сравнительную редкость профессионального вооружения, такого как мечи, в погребальном инвентаре. Так, на кладбище Цибилиум-1, лучше всего исследованном, на десять погребений с оружием стадии I в целом, отмечены три погребения с мечами (28, 97, 102). Интересно, что погребения с мечами 97 и 102 находятся в северной части кладбища, где позднее возникнет особый участок с привилегированными могилами.

Стадия I/2 (260/270–330/340 гг.). Погребения с оружием для этой стадии известны как на Цибилиуме, так и на Шапке. Для нее не характерны мужские привилегированные могилы первого уровня. Следует всё же отметить кремацию с ритуально изогнутым мечом на могильнике Шапка-Ахьяцараху, погр. 11, а также ингумацию с мечом на могильнике Шапка-Апианча, погр. 4(19). В целом, на материалах Цибилиума и Шапки отмечается определенная милитаризация населения, выразившаяся в появлении инородных по происхождению предметов «профессионального» вооружения, таких как щиты с металлическими умбонами и рукоятями-манипулами (Цибилиум-1, погр. 127, 255, датированные стадией I/2 или началом стадии II, Шаумяновка, вероятно, Шапка-Ахьяцараху, погр. 25)[3].

Стадия II (320/330–400/410 гг.). Многочисленные могилы стадии II известны на обоих больших могильниках. Увеличение числа погребений явно свидетельствует о демографическом росте населения. Возрастает число могил с «профессиональным» оружием (мечи, щиты с умбоном), а также с римскими импортами (стекло, металлические украшения, краснолаковая керамика) и вещами «западного» варварского происхождения. Скорее всего, в эту эпоху апсилы полностью интегрированы в систему обороны римской понтийской границы, что и объясняет количественный рост предметов вооружения в погребальном инвентаре, а также значительное количество импортов [Kazanski, 1991. P. 488–493; Мастыкова, 2008].

Мужские привилегированные могилы для этой стадии не выделяются, за исключением, может быть, погребения 259 Цибилиум-1, сопровождавшегося захоронением коня, но с достаточно ординарным инвентарем. Для этого времени «княжеское» погребение первого уровня имеется лишь на территории санигов. Это уже упоминавшаяся находка 1942 г. из Красной Поляны.

Следует всё же отметить для этого периода наличие на Цибилиуме погребений с мечами. На кладбище 1 их найдено шесть (погр. 119, 183, 236, 248, 250, 275), при том, что всех погребений с оружием для этого периода здесь найдено тридцать три. Погребения с мечами рассеяны по территории кладбища, однако погр. 236, 248 и 250 образуют компактную группу в южной части кладбища (рис. 160, *А*). Несколько южнее находилось погребение 259, сопровождавшееся предметами вооружения (два копья, топор) и конем.

На кладбище Цибилиум-2, также раскопанном сравнительно широкой площадью, на данную стадию приходится четыре погребения с мечами (295, 312, 349, 356) и десять погребений с другими, более распространенными видами оружия. На территории кладбища две могилы с золотыми вещами, одно мужское (погр. 333) и одно женское, содержавшее, в частности, пару фибул с инкрустационным декором (погр. 355), а также мужские захоронения с мечами (погр. 349, 456) концентрировались в западной части сектора. Возможно, это тоже какая-то привилегированная группа (рис. 161, *А*).

Не позднее стадии II появляется и кладбище Абгыдзраху на могильнике Шапка, которое впоследствии станет одним из наиболее привилегированных на могильнике, хотя для ранней его фазы привилегированные могилы не выявлены.

Стадия III/5-8 (380/400–440/450 гг.). Многочисленные погребения стадии III в материальной культуре и погребальном обряде очень близки могилам предыдущего периода. Они содержат, пожалуй, наиболее богатый инвентарь. В частности, хорошо представлен средиземноморский импорт: стеклянные кубки, краснолаковая керамика, многочисленные бусы – крупные хрустальные многогранные, сердоликовые полиэдрические и пр.

Погребения с оружием очень многочисленны. Мужская кремация 383 (Цибилиум-2), сопровождавшаяся захоронением коня, видимо, относится к числу привилегированных, хотя ее инвентарь

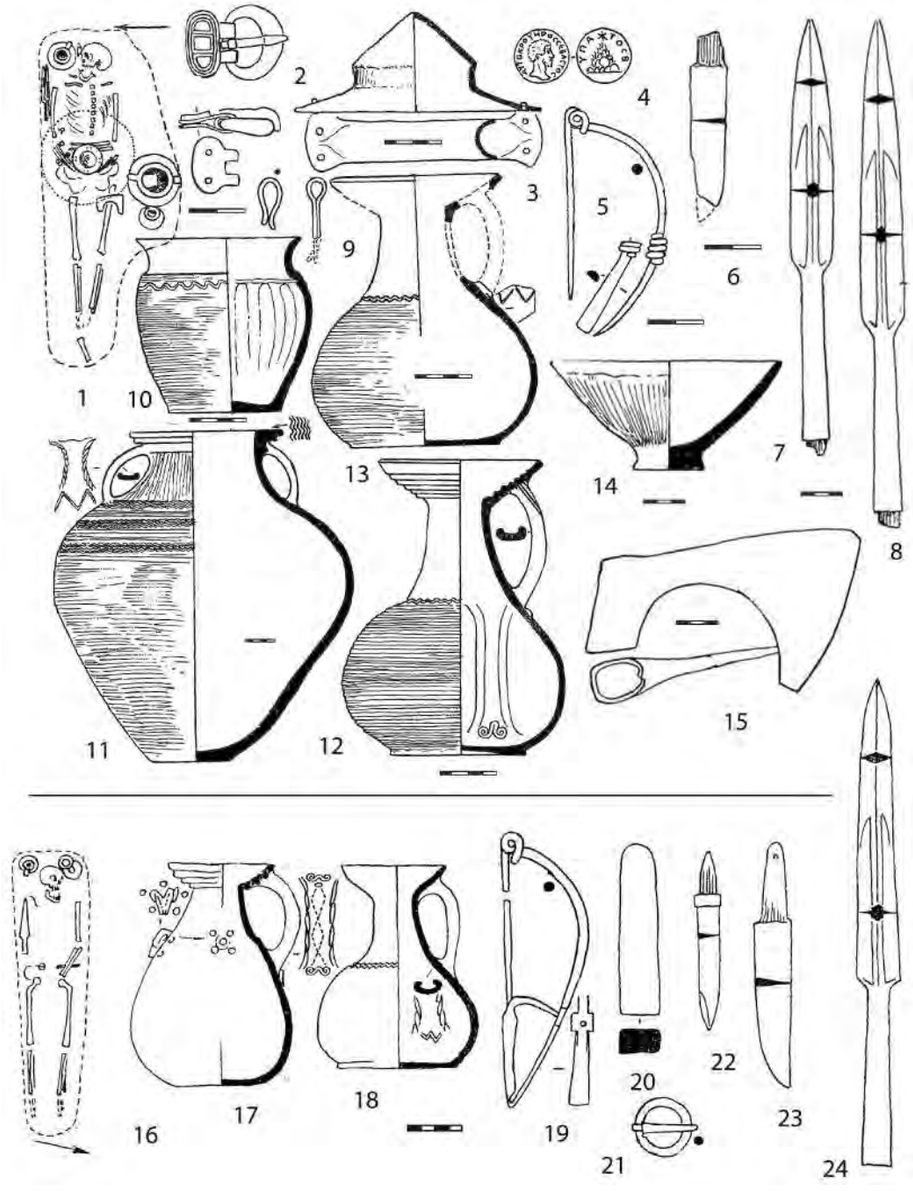


Рис. 159. Погребения уровней 3 (1–15) и 4 (16–24): 1–15 – Цибилиум-1, погр. 41. Стадия II/3; 16–24 – Цибилиум-2, погр. 415. Стадия III [по: Voronov, 2007. Fig. 16; 197,1–9]

[3] Необходимо подчеркнуть, что воины Абхазии единственные в кавказском регионе использовали этот вид оружия, более типичный для европейских варварских народов (кельты, германцы, балты, прибалтийские финны, фракийцы) и для позднеримской армии [Kazanski, 1994]. Иногда распространение западных типов оружия и германских украшений рассматривается как доказательство расселения каких-то германских групп на территории Абхазии, тем более что германцы (готы, герулы и др.) в III в. действительно проявляют большую военную активность на Черном море. Однако никаких других специфических германских черт в цебельдинской культуре не обнаружено, а оружие и украшения германского облика в это время широко распространяются в поздней Римской империи, в частности, в военной среде. Видимо, в появлении «западных» культурных элементов в Абхазии надо скорее видеть влияние варваризованной римской армии, занимавшей прибрежные опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа, или воздействие ветеранов римской армии, расселявшихся, согласно Прокопию, на территории Абхазии, в частности, на землях абесгов (Прокопий из Кесарии, Война с готами, IV.9) [см. подробнее: Казанский, 2015].

вполне обычен. Отметим, что большая часть конских захоронений в Абхазии (Цибилиум-1, погр. 55; Цибилиум-2, погр. 383; Шапка-Церковный Холм-4, погр. 5; Шапка-Абгыдзраху, погр. 23, 29; Шапка-Ахьяцараху, погр. 3; Шапка-Апианча, погр. 7/22 – 8 из 12 датированных погребений) относится как раз к ступени III – началу ступени IV/9, то есть к концу IV – середине V в.

На кладбище Цибилиум-1 погребения с мечами, скрамасаксами и кинжалами (погр. 57, 60, 61, 77, 85, 139, 155, 171, 257) составляют примерно треть всех воинских погребений. Погребения 57, 60, 61, 77, 85 концентрируются в северной части кладбища 1. Видимо, этот участок стал привилегированным (рис. 160, *Б*). Здесь же найдено изолированное конское погребение 55. Ингумация 61 (Цибилиум-1), принадлежавшая подростку, по богатству инвентаря явно принадлежит к числу привилегированных первого уровня. Она содержала: меч с богатым декором, полный набор вооружения, как «западного» – щит с умбоном, так и «восточного», сасанидского происхождения – парадный кинжал с четырьмя выступами для крепления. По уровню богатства это погребение вполне соотносится с «вождескими» погребениями европейских варваров эпохи Великого переселения народов [см.: Kazanski, 1999; Казанский, 2010]. Вероятно, конец IV – первая половина V в. – это время появления у апсилов военной аристократии, которая и осуществляла политические контакты с Константинополем, известные нам по письменным источникам.

В целом, погребальный материал позволяет предполагать, что в конце IV – первой половине V в. группировка (клан?), оставившая кладбище 1, играла лидирующую роль в цебельдинской общине[4].

На кладбище Цибилиум-2 женские могилы с полихромными брошами (погр. 375, 382, 389) и мужские захоронения с мечами и скрамасаксами (погр. 383, 362, 399 420) концентрируются в северо-западном секторе кладбища (рис. 161, *Б*). Мужская кремация 383 со скрамасаксом, сопровождавшаяся захоронением коня, видимо, относится к числу привилегированных, хотя ее инвентарь вполне обычен.

Такие же привилегированные кладбища есть и на могильнике Шапка. Для стадии III это кладбище Абгыдзраху, где, в частности, найдены такие редкие для Абхазии вещи как позолоченные умбоны щитов и бронзовая посуда и где есть конские захоронения [Трапш, 1971. С. 20–87]. К погребениям первого уровня относится захоронение 12, с позолоченным позднеримским умбоном. Здесь же для данной стадии отмечен и ряд погребений второго уровня, с мечами (погр. 12, 27, 44, 47). Назовем также кладбище Церковный Холм-4, появившееся на стадии III/5-8, откуда происходят, например, ременные гарнитуры полихромного стиля, найденные в привилегированных могилах с мечами (погр. 4–7), и где отмечены конские захоронения [Воронов, Юшин, 1973. С. 171–181]. Погребения с мечами, которые можно считать привилегированными, известны и на кладбищах Шапка-Алраху (погр. 20/8) и Шапка-Аччараху (погр. 44).

Что касается внешних влияний на вооружение населения Абхазии, то необходимо отметить появление трехлопастных «гуннских» стрел [Воронов, Шенкао, 1982. С. 122–124], а также костяных накладок на лук (Шапка-Абгыдзраху, погр. 44 [Трапш, 1971. С. 68, 69]). Известны здесь и образцы германского оружия эпохи переселения народов, такие как умбоны типа Либенау, Малаешты Добродзень, Хюбнер III–IV или манипулы типа Цилинг S2 [Kazanski, 1994; Казанский, 2015]. В нескольких женских захоронениях отмечено присутствие кусков кольчуги (Цибилиум-1, погр. 267; Цибилиум-2, погр. 294, 351), что характерно для германцев [см. примеры: Kazanski, Mastykova, 2007. P. 57], но не только для них [Казанский, 2015. С. 37, 38]. Скорее всего, всё это свидетельствует о воздействии варваризованной позднеримской военной среды. Ощущается и влияние сасанидской военной моды. Так, парадный кинжал их погр. 61 могильника Цибилиум-1 [Воронов, 2003. Рис. 28,2] и меч с длинной рукоятью из могильника в Гудауте [Воронов, 1979. Рис. 53,45], вне всякого сомнения, принадлежат иранской традиции [см.: Bona, 2002. P. 199. Fig. 104; Казанский, 2011].

Стадия IV/9 (450–550 гг.). Погребения с оружием стадии IV/9 хорошо представлены на могильниках Абхазии. В это время окончательно исчезают кремации, а ингумации становятся единственным погребальным обрядом. Набор оружия сравним с паноплией предшествующей стадии III.

На могильнике Шапка-Ахьяцараху (Верин Холм), погребение 1981 г. с византийским парадным мечом и византийской гарнитурой пояса [о них см.: Kazanski, 2001; Казанский 2007] несомненно относится к привилегированным, первого уровня. К числу привилегированных, уровня 2 относятся погр. 14 могильника Шапка-Абгыдзраху, с мечом и средиземноморской пряжкой, погр. 2 кладбища Шапка-Юстинианов Холм-3, возникшего в это время, со скрамасаксом и пряжками полихромного стиля, последние являются проявлением престижной византийской моды [Воронов, Юшин, 1971. С. 100–105; Воронов, Юшин, 1973. С. 182–185], погребение с мечом 27 (40) могильника Шапка-Апианча, а также погр. 376–377 на кладбище Цибилиум-2, сопровождавшееся захоронением коня.

Из находок «привилегированных» погребений на других абхазских могильниках для данного периода стоит назвать погребения на могильниках Гагра-Цихерва и Лар, с византийскими парадными мечами и средиземноморскими пряжками стиля перегородчатой инкрустации [Воронов, 1981. Рис. 13].

[4] Возможно, такие участки соответствуют знатным фамилиям/кланам, роль которых в традиционных обществах Кавказа общеизвестна. Так, у чеченцев наиболее «благородными» считаются кланы Аллерои и Бенои.

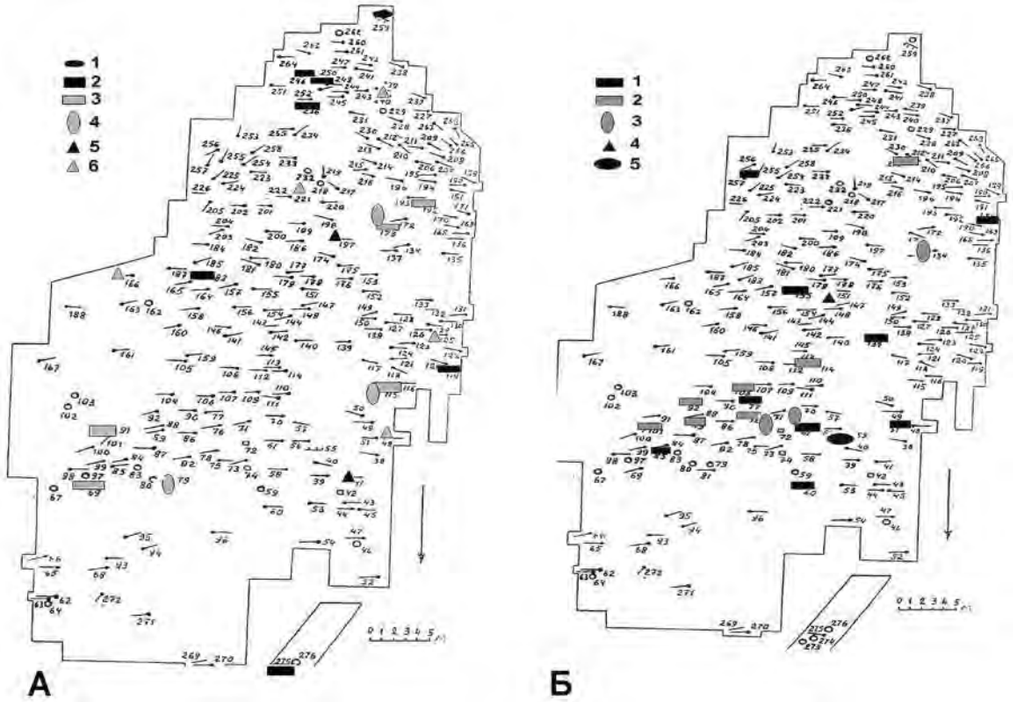


Рис. 160. Распределение привилегированных могил на кладбище Цибилиум-1 [по: Kazanski, Mastykova, 2007. Pl. 47, 49]:
А – Погребения стадии II: 1 – погребения с конем; 2 – погребения с мечами; 3 – погребения с полихромными брошами; 4 – погребения с золотыми вещами; 5 – погребения с пряжками полихромного стиля; 6 – погребения с дуговидными фибулами полихромного стиля
Б – Погребения стадии III: 1 – погребения с мечами и скрамасаксами; 2 – погребения с полихромными брошами; 3 – погребения с золотыми вещами; 4 – погребения с пряжками полихромного стиля; 5 – конские погребения

Стадия IV/11 (530/550–640/670 гг.). На это время приходятся глубокие изменения в характере цебельдинской культуры. Помещение оружия в могилы становится редким. На могильнике Цибилиум оно практически отсутствует, за исключением копий в погребениях 313, 318 кладбища Цибилиум-2 и скрамасакса в погр. 310. На могильнике Шапка оружие представлено также в двух погребениях (Абгыдзраху, погр. 47, с мечом и копьями [Трапш, 1971. С. 74, 75, Табл. 25] и Юстинианов Холм-3, погр. 1, со скрамасаксом, топором, копьем [Воронов, Юшин, 1971]). Зато в захоронениях Цибилиума хорошо представлены гарнитуры «геральдического» стиля (погр. 279, 313, 314, 318, 325). Эта воинская мода широко распространяется как в Барбарикуме, так и в византийской армии, начиная с эпохи Юстиниана, то есть со второй трети VI в. Погребения с «геральдическими» поясами отличаются от других мужских могил более богатым инвентарем и, возможно, принадлежат знатным воинам. Возможно, концентрация погребений с «геральдическими» гарнитурами на кладбище Цибилиум-2 свидетельствует о привилегированной позиции группы, которой это кладбище принадлежало в VI–VII вв. (рис. 162, *Б*). Для предшествующей стадии IV/9 привилегированные участки на могильнике Цибилиум-2 надежно не выделяются, хотя здесь и есть отдельные погребения с конями и с золотыми вещами (рис. 162, *А*). Показательно, что в более раннее время, на стадии III, наибольшее количество привилегированных могил сосредоточено на кладбище Цибилиум-1. Не исключено, что такое соотношение могил свидетельствует о переходе лидирующих позиций от одного «клана» к другому.

Для этого периода привилегированное кладбище известно и в некрополе Шапка. Это кладбище Юстинианов Холм-3. Здесь найдено мужское «вождеское» захоронение середины VI в. (погр. 1) [Воронов, Юшин, 1971. С. 100–105; 1973. С. 182–185]. Оно содержало золотые и серебряные монеты Юстиниана, престижную поясную гарнитуру византийского происхождения [Schulze-Dörrlamm, 2002. S. 77] и набор оружия, в том числе скрамасакс. Кладбище Абгыдзраху также сохраняет свой привилегированный характер. Здесь в погребении 47, принадлежавшем второму уровню, вместе

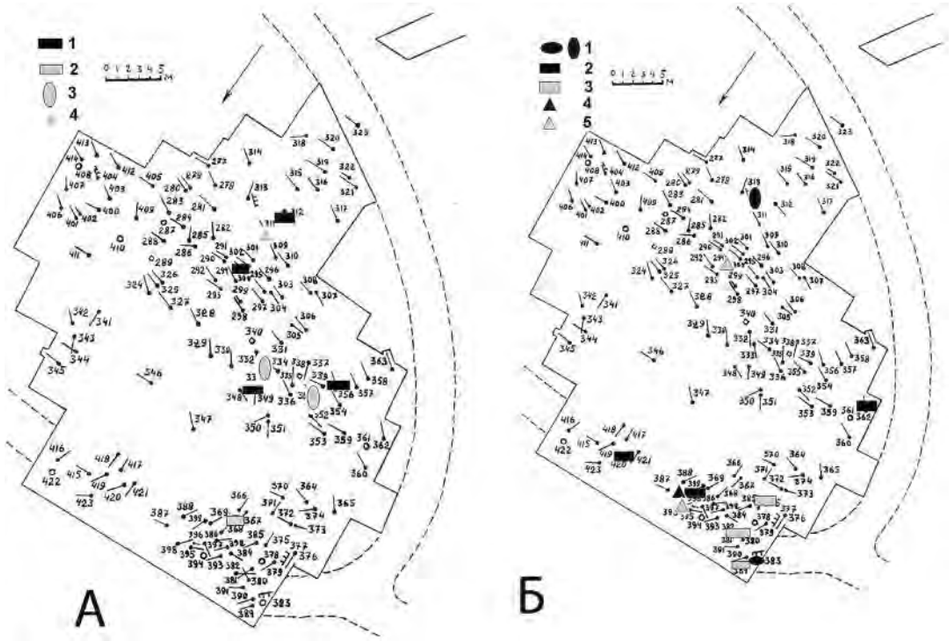


Рис. 161. Распределение привилегированных могил на кладбище Цибилиум-2, стадии II и III [по: Kazanski, Mastykova, 2007. Pl. 48, 50]
А – Погребения стадии II: 1 – погребения с мечами; 2 – погребения с полихромными брошами; 3 – погребения с золотыми вещами; 4 – погребения с дуговидными фибулами полихромного стиля
Б – Погребения стадии III: 1 – конские погребения и захоронения с конями; 2 – погребения с мечами; 3 – погребения с полихромными брошами; 4 – погребения с пряжками полихромного стиля; 5 – погребения с дуговидными фибулами полихромного стиля

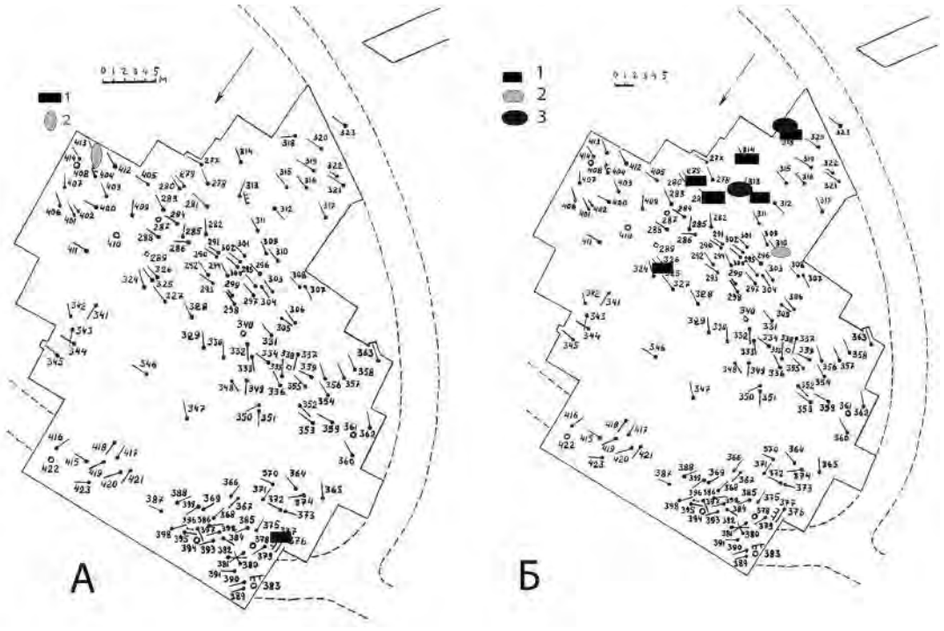


Рис. 162. Распределение привилегированных могил, погребений с оружием и с «геральдическими» гарнитурами на кладбище Цибилиум-2, стадия IV [по: Kazanski, Mastykova, 2007. Pl. 51, 52]
А – Погребения стадии IV/9: 1 – погребения с конями; 2 – погребения с золотыми вещами
Б – Погребения стадии IV/10–11: 1 – погребения с «геральдическими» гарнитурами; 2 – погребения со скрамасаксами

с пряжкой геральдического стиля найдены меч и два копья.

Особо стоит упомянуть и «вождеское» погребение Пышта-Верхняя Эшера [*Воронов, Бгажба*, 1979]. В этом погребении были обнаружены меч с Р-образной портупейной скобой, два копья и поясной «геральдический» набор из прорезных бляшек (рис. 163). По сохранившемуся инвентарю это погребение датируется поздним VI – ранним VII в.

Итак, вне всякого сомнения, т.н. воинские погребения отражают социальную структуру древнего населения Абхазии, при этом выявляется определенная иерархия погребений с оружием. Однако, эта иерархия отражается по-разному в разных могильниках, ее показатели также варьируют в зависимости от хронологического периода. Привилегированные погребения первого уровня на могильниках Шапка и Цибилиум появляются лишь в эпоху переселения народов (стадия III/5-8), хотя на других территориях они известны и ранее (Мацеста, Красная Поляна). Наибольшее количество могил с оружием, в том числе второго уровня, с мечами, приходится на стадии II/3-4, III/5-8 и IV/9. На стадии V/10-11 число погребений с оружием резко сокращается, но зато появляется значительное количество погребений с «воинскими» геральдическими поясами, видимо, заменивших помещение оружия в могилы. Известны для этого периода и привилегированные погребения с мечами.

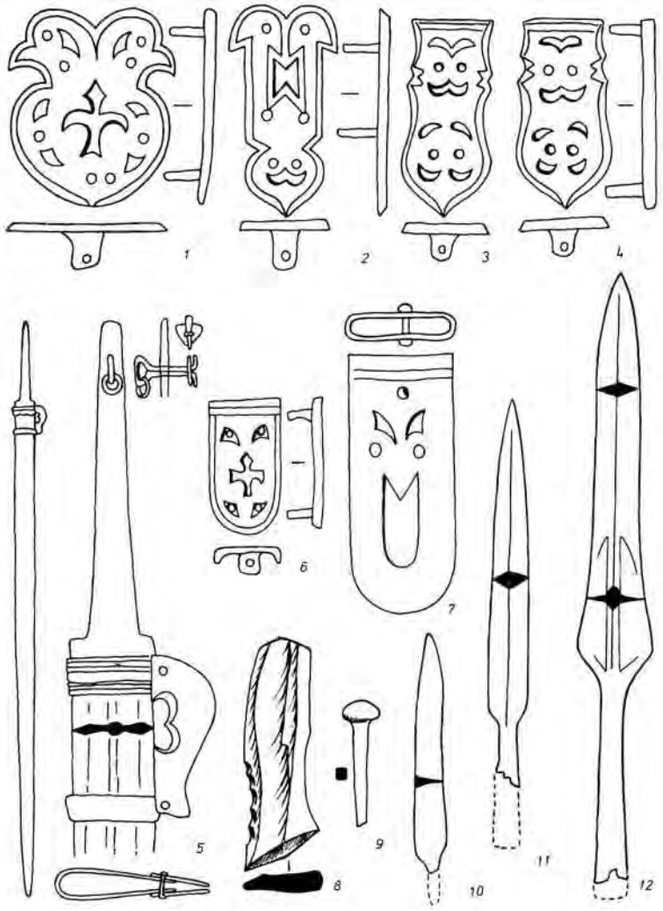


Рис. 163. Погребение Пышта-Верхняя Эшера [по: Воронов, Бгажба, 1979. Рис. 1,1–13]

Библиография

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Два всаднических захоронения апсилов из Цебельды // Труды Абхазского государственного университета. 1987. Вып. 5. С. 70–74.

Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абазгии и Санигии (II–VII вв.) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 49–58.

Воронов Ю.Н. О некоторых новых находках в окрестностях Цебельды // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. 1981. Вып. 10. С. 110–114.

Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. 348 с.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии // Краткие сообщения Института археологии. 1979. Вып. 158. С. 67–71.

Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII в. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 121–165.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Погребение VII в. н.э. в с. Цебельда в Абхазии // Краткие сообщения Института археологии. 1971. Вып. 128. С. 100–105

Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии // Советская археология. 1973. № 1. С. 171–191.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: ИА РАН, 1997. 144 с.

Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1978. 178 с.

Казанский М.М. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 122–141.

Казанский М.М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I / Отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 307–320.
Казанский М.М. Иранские кинжалы V в. из некрополя Цибилиума // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю.Н. Воронова) / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум: АБИГИ, 2011. С. 146–152.
Казанский М.М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов // Scripta Antiqua. 2015. Т. 4. С. 33–60.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. Погребения коней в Абхазии в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ, 2009а. С. 150–155.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. Привилегированные погребения у федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии (II–VII вв.) // Научные Ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. 2009б. № 9(64). Вып. 11. С. 25–31.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. Федераты и Империя: эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти М.М. Трапш / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум: АбИГИ, 2011. С. 102–116.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. Хронология цебельдинской культуры (II–VII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Третья Абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Г.К. Шамба / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум: ИА РАН – АбИГИ, 2013. С. 55–62.
Мастыкова А.В. Федераты Восточной Римской империи на Черноморском побережье Кавказа и эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. № 17(57). Вып. 8. С. 26–32.
Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей // Трапш М.М. Труды. Том третий. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
Трапш М.М. Культура горной Абхазии в начале эпохи средневековья // Трапш М.М. Труды. Том четвертый. Сухуми: Мецниереба, 1975. С. 9–87.
Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles. Paris: Errance, 2002. 240 p.
Härke H. Tombes à amrmes anglo-saxonnes: seépultures des guerriers ou ymbolisme rituel? // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski, Saint-Germain-en Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 425–436.
Kazanski M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire // Travaux et Mémoires. 1991. Vol. 11. P. 487–526.
Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beïtrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten fier nachchirstlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillipps-Universität Marburg, 1994. P. 429–485.
Kazanski M. Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique // Germanen beiderseits des spätantiken Limes / Hrsg. T. Fischer, G. Precht, J. Tejral. Köln; Brno: Archeologický ústav ČR Brno, 1999. P. 293–316.
Kazanski M. Les épées «orientales» à garde cloisonnée du Ve-VIe siècle // International Connections of the Barbarians in the 1st–5st centuries A.D. / Eds. E. Istvánovits, V. Kulcsár. Aszód; Nyíregyháza: Jósa András Museum, Osváth Gedeon Museum Foundation, 2001. P. 389–418.
Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C. – VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L'étude du site. Vol. 2. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2007. 164 p. (BAR, International Series, S1721-2).
Kazanski M., Mastykova A. Les tombes de chevaux chez les fédérés de l'Empire d'Orient sur la côte est de la mer Noire (IIe–VIe s.) // Terra Barbarica / Red. A. Urbaniak, R. Prochowicz. Lodz: Varsovie, 2010. P. 57–71.
Kerep A. 2006. Les armes anglo-saxonnes du Ve au VIIe siècle // De l'Age du Fer au haut Moyen Age. Archéologie funéraire, princes et élites guerrières / Dir. X. Delestre, M. Kazanski, P. Périn. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. P. 87-102
Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Teil 1. Die Schnallen ohne Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz: Verlag der Römisch-Germaniscehn Zentralmuseum, 2002. 258 S.
Voronov Ju. La civilisation matérielle de l'aristocratie apsile (la côte est de la mer Noire) du IVe au VIe siècle // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1995. P. 217–225.
Voronov Ju. Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Les fouilles de 1977–1986. Vol. 1. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2007. 334 p. (BAR, International Series, S1721-1).

ВОЖДЕСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В КОНЦЕШТАХ И ЕГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ[1]

«Княжеское» захоронение эпохи переселения народов в Концештах (Conceşti) хорошо известно специалистам и часто приводится в публикациях [наиболее полные описания и иллюстрации: Alföldi, 1932. P. 77, 78. Taf. XX, XXI; Засецкая, 1994. С. 174. Табл. 19–21; Harhoiu, 1998. P. 172. Taf. I–XX]. В данной работе хотелось бы привлечь внимание к культурно-историческому контексту этой находки.

Погребение в Концештах

Погребение было найдено в 1808 г. на территории совр. округа Ботошани (Botoşani), на правом берегу р. Прут, у истоков ручья Podriga, кажется, на его левом берегу, как пишет Р. Хархою, «в специально обустроенном месте (?)» [Harhoiu, 1998. P. 172][2]. Местные жители, заметившие в свежей осыпи берега фрагменты украшений и цветные камешки, начали раскапывать место находки, в результате берег ручья обрушился, при этом открылся сводчатый склеп, сложенный из тесаного камня и вымощенный плитами. Вода ручья проникала в склеп и вынесла наружу вещи, найденные в осыпи. В левой части склепа обнаружен сгнивший деревянный гроб, с декором из золота, а в нем – скелет. На истлевшей одежде было замечено много золотых нашивных украшений[3], на голове – золотая повязка с камнями. В глубине склепа и возле гроба находились несколько сосудов, оружие и другие вещи. Справа от гроба лежал скелет коня, его сбруя была богато украшена золотом со вставками цветных камней. Захоронение было изолированным, больше на этом месте ничего не находили [Мацулевич, 1934. С. 56, 57; Засецкая, 1994. С. 174; Harhoiu, 1998. P. 172]. Вещи из погребения оказались у местного торговца, затем, благодаря генералу Чичагову, они попали в Эрмитаж, где и находятся по сей день. Сохранились железный шлем, золотые листики от венка, золотая гривна, два золотых ременных наконечника, накладка в виде фигурки птицы, узкие бронзовые пластинки полихромного стиля, бронзовая трапециевидная пластина, золотые и бронзовые накладки и их фрагменты, серебряные детали складного стула и серебряная посуда: обломок горла кувшина, ваза-амфора, ведро-ситула, блюдо (рис. 164; табл. 26-31).

«Вождеское» погребение из Концешт практически всеми исследователями относится к гуннскому времени, то есть к последней трети IV – первой половине V в. В правоте такой даты убеждают как параллели гривне, ременным наконечникам и накладкам с полихромным и тисненым декором, так и принадлежность импортной металлической посуды к конкретному кругу позднеримских (ранневизантийских) изделий позднего IV – начала V в. [Harhoiu, 1998. P. 120–127]. Два предмета из концештского погребения позволяют утверждать, что эта находка отражает, скорее всего, аристократическую культуру Барбарикума начальной фазы эпохи переселения народов, конца IV – начала V в., соответствующего периоду D1 или началу периода D2 по хронологии европейского Бабарикума. Это, во-первых, шлем (рис. 164, *15*; табл. 27), все более или менее близкие аналоги которому датируются серединой III в. (Дура-Европос) и, в основном, IV в. (римские «гвардейские» шлемы эпохи Константина-Констанция) [Skalon, 1973. P. 91–94; Harhoiu, 1998. P. 50; Glad, 2008. P. 42, 43]. Вторым ранним элементом являются ременные наконечники с вее-

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно- исторический контекст // Tractus Aevorum. 2014. Т. 1. № 1. С. 28–51.

[2] По К.М. Скалон находка была совершена в 1812 г. на территории округа Сучава, в районе Дарабани [Skalon, 1973. P. 91].

[3] Или, как считает Р. Хархою, человеческие останки находились в златотканой оболочке (одежде?), украшенной драгоценными камнями [Harhoiu, 1998. P. 172].

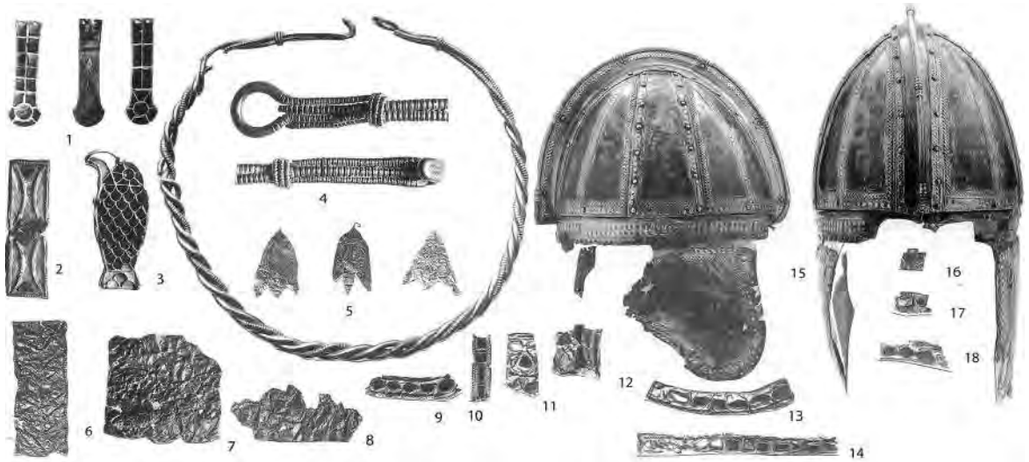


Рис. 164. Вещи из погребения в Концештах [по: Harhoiu, 1998]

рообразным окончанием (рис. 164, *1*), характерные для второй половины IV – самого начала V в., как об этом свидетельствуют, в частности, находки в Муслюмово и Кос-Асар [Малашев, 2000. С. 200, 203–205. Рис. 2]. Всё это позволяет датировать погребение в Концештах начальной фазой гуннского времени, или периодом D1 (360/370–400/410 гг.). Другие вещи, в силу их фрагментарности (накладки на седло, листки от погребальной короны) или редкости (птицевидная пластина[4], фрагменты складного стула), не могут дать достаточно узкой надежной даты.

По степени богатства данное погребение одно из самых значимых в европейском Барбарикуме гуннского времени. Не исключено даже, что речь идет о особе королевского ранга, в этом убеждают сравнения с такими погребениями V в., как курганы в Хегоме (Швеция) или знаменитое погребение Хильдерика в Турнэ (Бельгия). К числу «статусных» предметов, несомненно, относятся парадное оружие, пиршественный столовый набор, складной стул, захоронение коня. По классификации мужских дунайских погребений эпохи переселения народов по степени богатства и престижности инвентаря, предложенной Ф. Бирбрауером, захоронение в Концештах попадает в самую высокую категорию Ia [Bierbrauer, 1989a. P. 77–81].

Золотые гривны, оружие, конское снаряжение, а также захоронение коня имеют широкое распространение в привилегированных погребениях как кочевых, так и оседлых варваров. Присутствие в могиле пиршественного столового набора свидетельствует о принадлежности захоронения в Концештах, скорее, оседлым варварам. В то же время, наличие в нем характерных полихромных и тисненых накладок, скорее, присуще могилам степных кочевников. Наконец, отметим такие явно греко-римские, необычные для варваров черты, как сооружение плитового склепа и присутствие в инвентаре погребальной диадемы.

В целом, концештское погребение хорошо вписывается в контекст аристократической культуры пограничья Восточно-Римской империи эпохи переселения народов. С одной стороны, здесь присутствуют типичные для варваров социально значимые символы, такие как оружие, конская экипировка и конь. С другой стороны, отчетливо проявляется и греко-римское влияние, выразившееся в типе погребального сооружения, сопровождении покойного диадемой, в характере утвари и вооружения. Эта «вождеская» культура носит интернациональный характер, что затрудняет этнокультурное определение памятника. Для решения данного вопроса представляется необходимым рассмотреть данные о населении региона в гуннское время.

[4] Иногда к постгуннскому времени относят накладку птицевидной формы, найденную в погребении (рис. 164, 3). По Р. Хархою, это украшение бутероли меча [Harhoiu, 1998. P. 47]. Он сопоставляет концештскую пластину с находками в Роммерсхейме [Thiry, 1939. Taf. 6,52], Керчи [Thiry, 1939. Taf. 6,27], Тамани [Böhner, 1948. Abb. 37,4]. Впрочем, декор таманского меча мало напоминает пластину из Концешт. Вслед за Р. Хархою, поздние параллели для данной накладки предлагает и И.О. Гавритухин. Он даже готов отнести погребение в Концештах к послеаттиловскому горизонту Блучина-Апахида-Турнэ [Гавритухин, 2000. С. 295]. На мой взгляд, наиболее близкими аналогиями пластины из Концешт, помимо указанной Р. Хархою фибулы из Керчи [Thiry, 1939. Taf. 6,27], являются птицевидные фибулы из Южной России [Thiry, 1939. Taf. 6,29], а также фибула из Лавиньи (Lavigny, Швейцария) [Thiry, 1939. Taf. 6,30]. К сожалению, эти три вещи археологического контекста не имеют. Видимо, находки из Керчи, Концешт и Южной России образуют отдельный понтийский (?) вариант птицевидных украшений с чешуйчатым декором. Это подтверждает мнение Л.А. Мацулевича о местном, причерноморском происхождении украшения [Мацулевич, 1934. С. 101]. Дата этого варианта птицевидных украшений устанавливается собственно только по находке в Концештах. В целом же, мода на украшения в виде фигурок птиц засвидетельствована у варваров уже в первой половине V в. [Böhme, 1974. Taf. 2,16,17; Harhoiu, 1998. Taf. XXVI, XXVII]. В гуннском контексте накладка в виде инкрустированной головки птицы с поднятым клювом была засвидетельствована в Сегед-Надьзекшошь в Венгрии [Alföldi, 1932. Taf. XV,42; Werner, 1956. Taf. 29,2].

При этом надо иметь в виду, что в «рядовых» древностях мы можем и не найти прямых параллелей «княжескому» материалу из Концешт. Как это уже неоднократно отмечалось и для меровингского Запада, и для варваров гуннского времени в Восточной Европе, «аристократическая» и «народная» культуры развиваются неравномерно [Kazanski, Périn, 1988; Kazanski, 1993]. Престижные, модные вещи сначала внедряются и распространяются среди социальной верхушки и лишь по прошествии какого-то времени начинают копироваться остальным населением. В этом смысле дворы варварских королей или пограничных царей-сателлитов Рима являются как бы лабораториями, где вырабатываются и апробируются типы предметов материальной культуры, которые через какое-то время становятся ведущими в той или иной варварской цивилизации.

Гунны в Нижнем Подунавье

Зосим сообщает, что в 400-е годы гунны под предводительством Ульдиса воевали против готского военачальника Гайны на стороне Рима [Зосим, История, V.21,22]. Иеремия Созомен пишет, что «Ульдис, предводитель живущих по Истру варваров, с огромными силами переправился через реку и захватил часть Фракии» [Созомен, Церковная История, IV.5]. Однако, в конце концов, он был изгнан римлянами из Фракии и, с трудом переправившись через Дунай, спасся бегством. Дальнейшая судьба его неизвестна. Из этого явствует, что в 400-е гг. территория на левой стороне Нижнего Дуная была занята гуннами, которые представляли собой самостоятельную, оторвавшуюся от общей массы группу, не вошедшую в основное политическое объединение гуннского племенного союза (так называемые «царские» скифы, то есть гунны Приска), господствующего в Северном Причерноморье [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 111; Засецкая и др., 2007. С. 102; Kazanski, 2009. P. 77–79].

В 432 г. гуннский вождь «царских» гуннов Руа предпринимает поход на Дунай и решает, как пишет Приск Панийский, вести войну против амилзуров, итимаров, тонсуров, воисков и других народов, поселившихся на Истре и прибегавших к союзу с римлянами [Приск Панийский, фр. 1]. Практически тот же список народов – алпидзуры, итимары, тункарсы, боиски, обитавших на побережье Скифии, где-то в районе Боспора Киммерийского, мы находим у Иордана в его описании гуннского вторжения в Северное Причерноморье [Иордан, *Getica,* 126]. Вполне вероятно, что именно эти племена, согнанные гуннским вторжением со своей меотийско-понтийской территории, и составили основу группировки Ульдина. Современниками они тоже воспринимались как гунны, да, видимо, особенно и не отличались от последних [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 111; Засецкая и др., 2007. С. 102; Kazanski, 2009. P. 77–79].

В 454 г. умирает вождь и правитель гуннов Аттила, создавший могущественную «державу» в понто-дунайских степях. После его смерти между наследниками разгорелся спор за власть. Сыновья Аттилы требовали разделения подвластных племен жребием, не считаясь с мнением их вождей, что вызвало возмущение у последних. В результате, находившиеся в подчинении у Аттилы племена подняли восстание и разбили гуннов [Иордан, *Getica,* 260]. Старший сын Аттилы Эллак был убит, другие сыновья Аттилы покидают Карпатскую котловину. При этом Эрнак занимает Малую Скифию, а Эмнетзур и Ультзиндур поселяются со своими ордами по Нижнему Дунаю [Иордан, *Getica,* 266][5].

С присутствием гуннов на Нижнем Дунае связан ряд археологических находок не территории Румынии (рис. 169, *А*) [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 117; Kazanski, 2009. P. 89, 90]. Это, во-первых, серия типичных гуннских котлов, найденных на Нижнем Дунае (Boşneagu, Suditi-Gheraseni, Celei-Sucidava, Desa, Hotarani, Ioneşti, Hinova) [Harhoiu, 1998. P. 130–134]. Отметим и находку гуннского котла в приднестровской Молдавии, в Шестачи [Засецкая, 1994. Рис. 20,3]. Известно также пять «гуннских» ингумаций в могилах без внешних признаков, где покойные были положены головой на север. Из них два погребения несомненно женских, с характерными для степняков диадемами полихромного стиля – Бухаэни (Buhăeni) (рис. 165, *6*) и Герасени (Gherăseni) (рис. 165, *1–3*), последняя могила содержала также металлическое зеркало и две пряжки [Harhoiu, 1998. P. 168, 176]. В другой могиле некрополя Герасени, содержавшей нож и три пряжки, погребенный имеет выраженные монголоидные черты [Harhoiu, 1998. P. 176]. Из ингумации, открытой в Балтени (Balteni), происходит фрагмент украшения полихромного стиля с гранулированным декором, типичного для гуннов [Harhoiu, 1998. P. 173, 161]. Наконец, мужское погребение в Дульчеанке (Dulceanca) содержало скелет со следами искусственной деформации черепа. Погребенный располагался головой на северо-восток и сопровождался предметом полихромного стиля, интерпретированным как диадема (рис. 164, *4*) [Harhoiu, 1998. P. 173, 174]. Странно однако, что диадема попала в мужское погребение. В связи с нижнедунайскими находками надо упомянуть и случайную находку в Северной Буковине, в Шурбанец (рис. 165, *5*), откуда происходит диадема полихромного стиля [Засецкая, 1994. С. 172. Табл. 17,1], скорее всего, связанная с женским погребением.

Подавляющая часть находок кочевнического облика находится в Южной Румынии, на территории Мунтении, Олтении и Валахии (рис. 169, *А*),

[5] Вероятно, имя Ультзиндура восходит к племенному названию амилзуров [Приск, фр. 8], они же альпидзуры / альцидзуры [Иордан, Getica, 72,101].

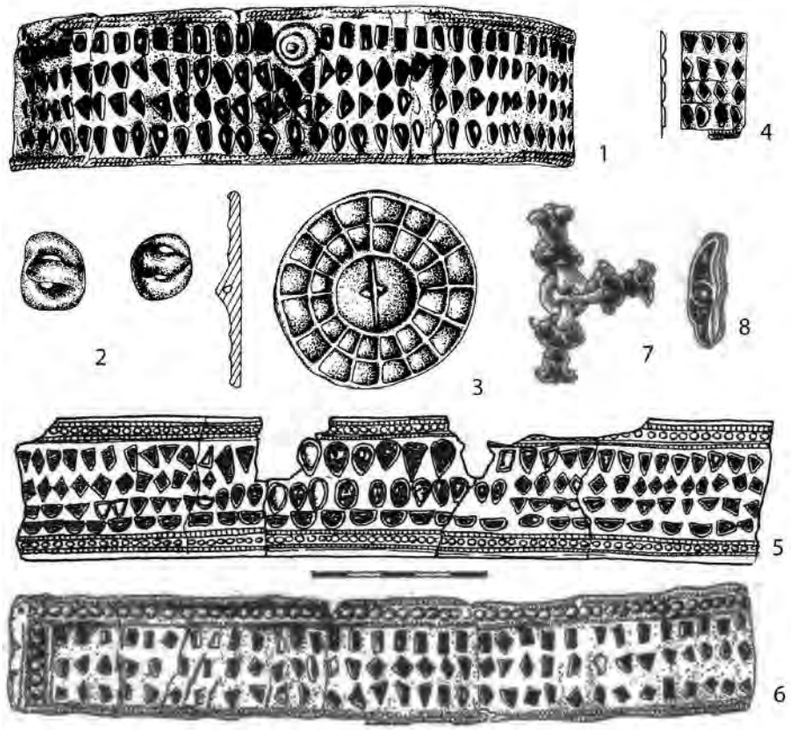


Рис. 165. Гуннские вещи на Нижнем Дунае и Днестре и находка из Марицейя
1–3 – Герасени; 4 – Дульчанка; 5 – Шурбанец; 6 – Бухаэни; 7, 8 – Марицейя
1–4, 6–8 – [по: Harhoiu, 1998]; 5 – [по: Засецкая, 1994]

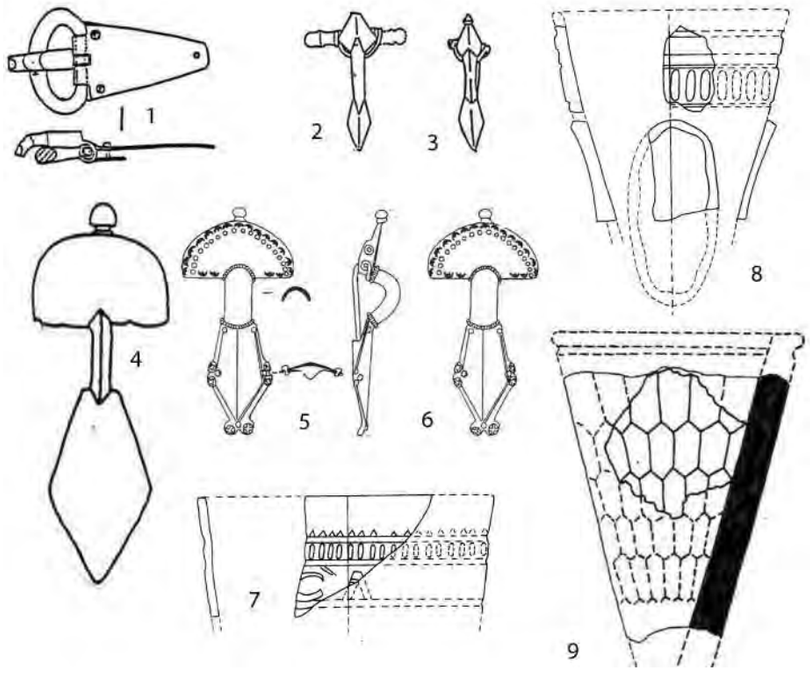


Рис. 166. Позднечерняховские вещи в Бессарабии и румынской Молдове
1–3, 8 – Миоркани; 4 – Николаевка; 5, 6, 9 – Лазо; 7 – Точилени
1–4 – [по: Kazanski, 1992]; 5, 6, 9 – [по: Левинский, 1999]; 7, 8– [по: Gomolka-Fuchs, 1999]

то есть достаточно далеко на юг от места находки могилы в Концештах. Видимо, там и находилась основная территория гуннов Нижнего Дуная. Две находки – Бухаэни в Северной Молдове и Шурбанец, в Северной Буковине – свидетельствуют, что отдельные группы степняков могли проникать и достаточно далеко на север, в зону расселения оседлых варваров.

Оседлые варвары в гуннское время в верхнем и среднем течении Прута и Днестра

До гуннского вторжения 375 г. регион, где обнаружено концештское погребение, т.е. Северная Молдова и прилегающие районы Южной Буковины, принадлежал визиготам-тервингам и был занят населением черняховской культуры. Нашествие гуннов вызвало массовый уход визиготов на территорию Римской империи, однако, похоже, что часть визиготов, после смерти и похорон Атанариха, вернулась в 381 г. на свою исходную территорию. Согласно Зосиму, «скифы, изумленные великодушием императора, возвратились домой и перестали беспокоить римлян…» [Зосим, История, IV.34.5,6]. По мнению Х. Вольфрама, визиготы-тервинги, как оставшиеся к северу от Дуная под гуннским владычеством, так и вернувшиеся сюда, растворились среди остроготов [Вольфрам, 2003. С. 355]. Называет Зосим и остроготов-грейтунгов, появившихся в гуннское время на северном берегу Дуная [Зосим, История, IV.38]. Помимо готов Зосим упоминает карпо-даков и скиров, как союзников гуннов, обитавших где-то к северу от Дуная [Зосим, История, IV.34.6]. Те и другие до появления гуннов входили в состав готских объединений [в частности, о скирах см.: Казанский, 2011].

В Северной Молдове и прилегающих районах Буковины и Бессарабии[6] оседлое варварское население гуннского времени представлено памятниками финальной фазы черняховской культуры, а также восточногерманскими находками так называемого постчерняховского горизонта (рис. 169, *А*) [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 136; Ciupercă, Măgureanu, 2008; Kazanski, 2009. P. 123, 124; Казанский, 2011а. С. 23–26]. В румынской части этого региона находки гуннского времени отмечены на могильнике Миоркани (Miorcani). Одна могила (№ 46) содержала пряжку гуннского времени с длинным, загнутым вниз язычком (рис. 166, *1*). В другой могиле, а также вне контекста найдены фибулы (рис. 166, *2, 3*), скорее всего, послужившие исходной формой для фибул типов Братеи и Вышков, датированных V в. [о них см.: Bierbrauer, 1989; датировка по: Tejral, 2005. P. 120]. Наконец, в погр. 144 того же могильника был найден кубок типа Косино (рис. 166, *8*) [Gomolka-Fuchs, 1999. Abb. 7,2], несомненно гуннского времени. Другой такой же кубок найден в погр. 21 на могильнике Точилени (Tocileni) (рис. 166, *7*) [Gomolka-Fuchs, 1999. Abb. 7,1]. Погребение 8 на могильнике Извоаре (Izvoare) также содержало кубок типа Косино [Kazanski, 2009. P. 124. Fig. 28,11]. Несколько погребений могильника Михэлэшени (Mihăläşeni) содержали в своем инвентаре стеклянные конические кубки типа Хегом [Gomolka-Fuchs, 1999. Abb. 6,9; Şovan, 2009. Pl. 95,17; 162,26; 206,25; 245,12], типичные для черняховских памятников гуннского времени. Такие же кубки или их фрагменты были обнаружены на поселении Яссы-Николина (Iaşi-Nicolina) в сооружении В-3 [Kazanski, 2009. P. 124. Fig. 33,1] и в погр. 84 некрополя Бырлад-Валя-Сяка (Bîrlad-Valea-Seacă) [Gomolka-Fuchs, 1999. Abb. 6,4]. В погр. 47 того же некрополя, кстати, найден и фрагмент кубка типа Косино [Gomolka-Fuchs, 1999. Abb. 7,4]. Видимо, к этой же группе черняховских находок примыкает и погребение 4 на могильнике Горошевцы, в Северной Буковине, из которого также происходит подобный кубок гуннского времени [Kazanski, 2009. Fig. 35,1]. Наконец, пряжки с длинным, загнутым вниз язычком, характерные для гуннской эпохи, были найдены в погр. 26 могильника Лецкань (Leţcani) и в погр. 7 могильника Сабаэни (Săbăoani) [список находок на черняховских памятниках: Казанский, 2011а. С. 25].

В Северной Бессарабии, т.е. в восточной части интересующего нас региона, существуют как поселения, так и погребения финальной фазы черняховской культуры. Материалы гуннского времени хорошо представлены на поселении Собарь (Sobari) (рис. 167). Здесь найден фрагмент обкладки парадного гуннского седла (позолоченная бронза) (рис. 167, *2, 5*). На том же поселении изучено монументальное каменное здание, 18х9,8 м, состоявшее из двух помещений, окруженное галереей (сохранились основания колонн) и крытое черепицей (рис. 167, *1, 4*). Здание было интерпретировано как церковь [Popa, 1999], что нуждается в дополнительной аргументации. На поселении найдены две монеты III в. (Гета и Фаустина) и фрагменты амфор, определенные как тип Opaiţ C-I (рис. 167, *3*) [Popa, 1997. P. 120–126; 2001. P. 76–84].

В некрополе Николаевка, в бассейне Верхнего Реута, женское погребение 14 содержало две двупластинчатые фибулы (рис. 166, *4*), сравнительно большие размеры которых характерны для гуннского времени. На могильнике Лазо/Слободзия-Чишкарени (Slobodzia-Chişcăreni), также в Северной Бессарабии, в погребении 28 была найдена пара двупластинчатых фибул с выступами на ножке, типичными для V в., и конический фасетированный кубок, также характерный для гуннского времени (рис. 166, *5, 6, 9*) [Левинский, 1999. Рис. 27,1,2; 28,3]. Другое погребение того же некрополя (№ 20) содержало пряжку с длинным хоботковидным

[6] Историческая область между Днестром и Прутом, ныне составляющая Республику Молдова, кроме южной части (Буждак), вошедшей в состав Украины.

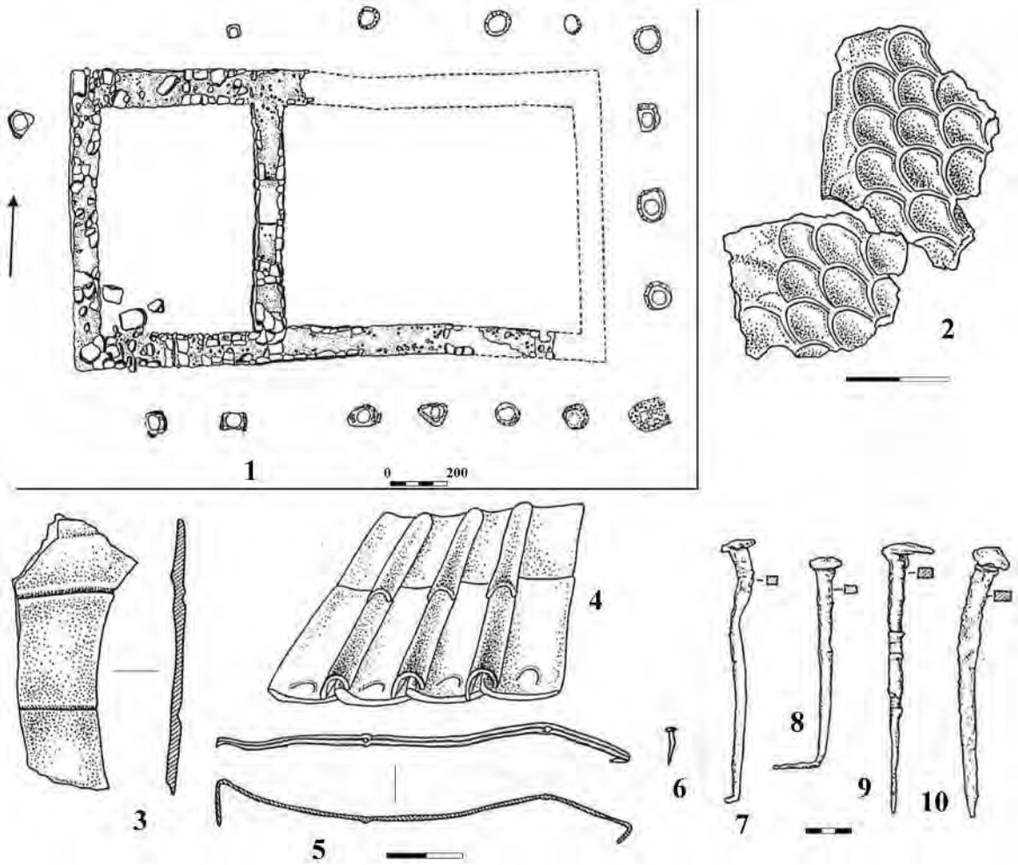


Рис. 167. Находки позднечерняховского времени на поселении Собарь [по: Popa, 1997]

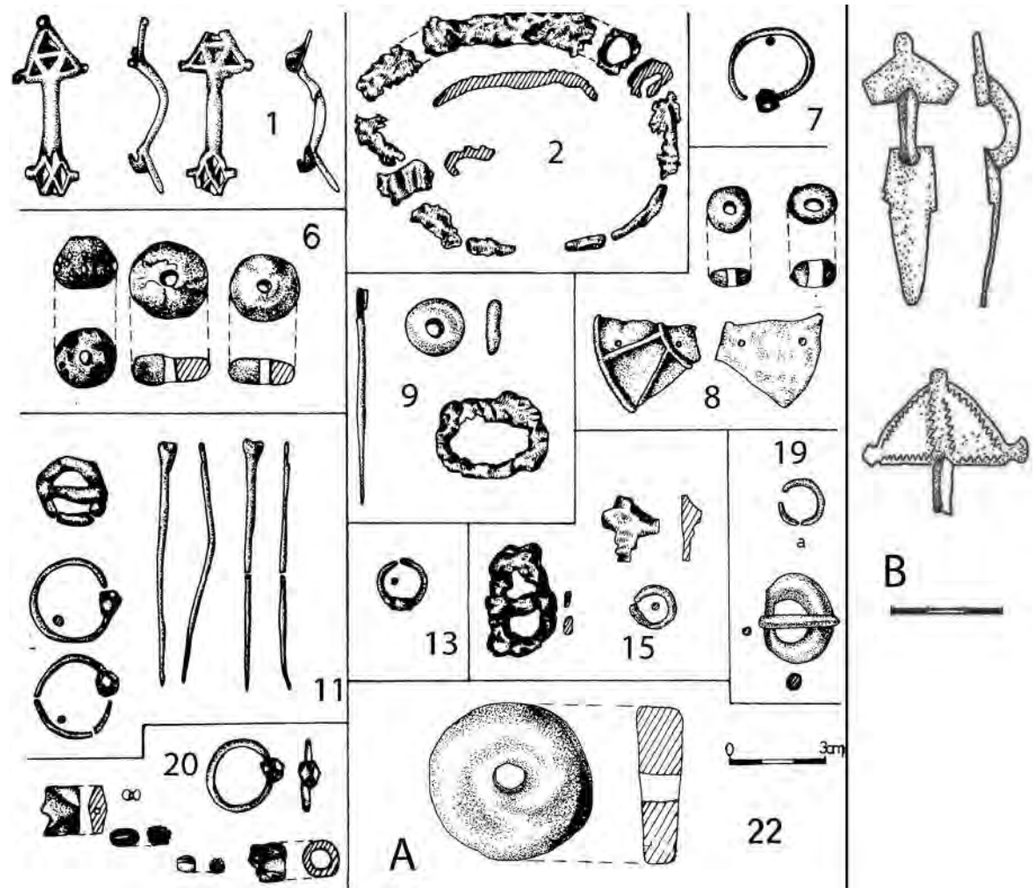


Рис. 168. Вещи постчерняховского горизонта в румынской Молдове [по: Harhoiu, 1998]
А – Ботошань; В – Никитень

язычком, характерным для конца IV – первой половины V в. [Левинский, 1999. Рис. 15,2]. Упомянем также трупосожжение № 3 в некрополе Малаешты (Malaeşti), где урна была накрыта умбоном типа Малаешты/Цилинг 13, характерным для периода D1 согласно хронологии европейского Барбарикума [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 136; Kazanski, 2009. P. 124]. Наиболее южным черняховским памятником гуннского времени в Молдавии является, видимо, могильник Будешты (Budeşti), где в погребении 49 найдена пряжка с трехлепестковым щитком, принадлежность которой гуннскому времени весьма вероятна [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 136]. На поселении Кокоара II были обнаружены фрагменты амфор конца IV в. [Магомедов, 20001. С. 62, 63]. Однако относительная удаленность от черняховских памятников северной Бессарабии не позволяет отнести его к рассматриваемой группе памятников.

Материалы постчерняховского времени, периода D2/D3, свидетельствуют о сохранении на территории современной румынской Молдовы оседлого германского населения в течение 430–470-х гг. Особенно показателен небольшой некрополь Ботошань (Botoşani – Dealul Caramidariei) в северной части румынской Молдовы (рис. 168, *А*). Здесь обнаружено 23 ингумации. Погребенные размещались головами на запад и север. В могилах найдены ожерелья из бус, серьги с многогранником, металлические зеркала, булавки, пряжки и дунайская фибула типа Прша-Левице, датировка которой серединой V в. и определяет дату памятника (рис. 168, *1*) [Zaharia, Zaharia, 1969; 1975; датировка по: Tejral, 2005. P. 120]. У некоторых погребенных наблюдались следы искусственной деформации черепа. На могильнике Никитень (Nichiteni) [Harhoiu, 1998. P. 180, 181. Taf. 76,B], также в северной части румынской Молдовы, в ингумациях, расположенных по оси север-юг, найдена гончарная керамика, близкая черняховской, одна небольшая фибула, дериват типа Виллафонтана, появившегося в период D1 (погр. 8) и другая (погр. 1) – с треугольной головкой, напоминающая известную находку гуннского времени в Вайюге (Vajuga) (сербское Подунавье) [ср.: Popović, 1987. Pl. 5,2,3] и украшенная гравированным декором (рис. 168, *В*).

Отметим, что на соседней территории Северной Бессарабии пока не обнаружено германских древностей второй трети V в., то есть периодов D2/D3 и D3, хотя они известны восточнее, в Подолии (например, фибула из Григоровки и, возможно, головка фибулы из Вербычки) [Kazanski, 1996. Fig. 2,16,26; Казанский, 2011. Рис. 2,8]. Не исключено, что с середины – второй половины V в. Северная Бессарабия попадает в зону экспансии расселявшихся с севера славян, что и объясняет уход отсюда германцев. В самом деле, славянские поселения пражского типа, надежно датированные второй третью V в., известны в непосредственной близости от рассматриваемого региона, в Буковине и Подолии [Баран, 1972. С. 170–185; Русанова, Тимощук, 1984; Вакуленко, Приходнюк, 1984. С. 44–88; Винокур, Горішний, 1994. С. 48–67; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 155; Kazanski, 2009. P. 159]. В гуннское время раннепеньковские памятники, связанные, скорее всего, с антами, известны на Южном Буге, также сравнительно недалеко от Молдавии [Хавлюк, 1974. С. 181; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 155; Kazanski, 2009. P. 158]. С 520-х гг. склавины и анты хорошо засвидетельствованы письменными источниками уже на Нижнем Дунае. Вполне возможно, что время продвижения склавинов и антов на территорию современной Молдавии как раз совпадает с эпохой Аттилы или с постаттиловским временем.

В целом, археологические материалы гуннского времени в Северной румынской Молдове и Северной и Центральной Бессарабии свидетельствуют, что концештское погребение находилось в зоне расселения оседлых варваров, скорее всего, готов и их бывших союзников, оставшихся на своей территории в эпоху гуннского владычества.

Отношения оседлых и кочевых варваров в гуннское время и варварские королевства под эгидой гуннов

Ясно, что в эпоху гуннского владычества эти оседлые варвары должны были, в той или иной форме, устанавливать отношения с гуннами, в которых последние играли лидирующую роль. Скорее всего, готы и другие оседлые народы были интегрированы в гуннское объединение. По отношению к зависимым от них оседлым варварам гунны применяли две формы управления: прямая администрация покоренных представителями гуннской элиты и автономное «варварское» королевство, управляемое местными вождями, подвластными верховной

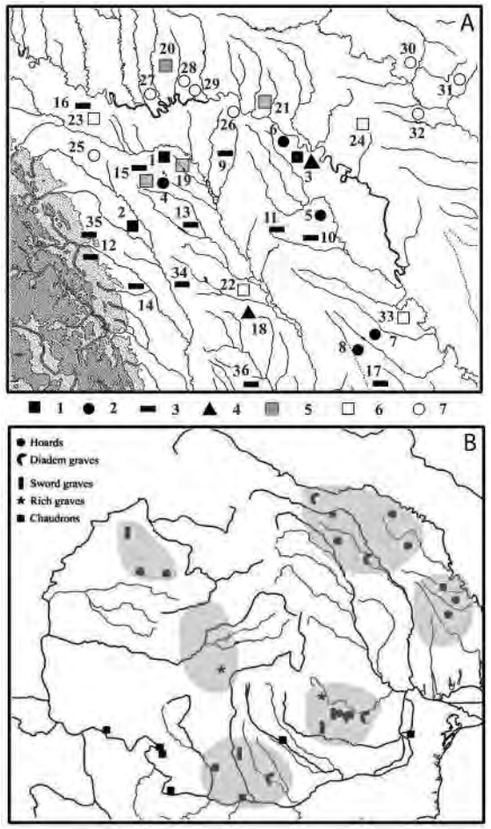


Рис. 169. Нижнее Подунавье в эпоху переселения народов:
А – Карта памятников эпохи переселения народов в Северной Молдове и прилегающих регионах
1 – «княжеские» находки; 2 – клады золотых монет; 3 – черняховские могильники; 4 – черняховские поселения; 5 – постчерняховские памятники и находки германского облика; 6 – находки кочевнического облика; 7 – раннеславянские памятники (пражская и пеньковская культуры)
1 – Концешты; 2 – Марицейя; 3 – Собарь; 4 – Ботошань; 5 – Кирилены; 6 – Кременчуг; 7 – Кишинев II; 8 – Малкоч; 9 – Малаешты; 10 – Лазо; 11 – Николаевка; 12 – Извоаре; 13 – Михэлэшени; 14 – Точилени; 15 – Миоркани; 16 – Горошевцы; 17 – Кокоара II; 18 – Яссы-Николина; 19 – Никитень; 20 – Вербычка; 21 – Григоровка; 22 – Бухаэни; 23 – Шурбанец; 24 – Рубани; 25 – Кодын; 26 – Бернашевка; 27 – Лука-Каветчинская; 28 – Зеленый Гай; 29 – Бакота; 30 – Куня; 31 – Кочубеевка; 32 – Пархомовка; 33 – Шестачи; 34 – Лецкань; 35 – Сабаэни; 36 – Бырлад-Валя-Сеака
В – Центры власти гуннского времени в бассейне Нижнего Дуная и Днестра [по: Ciupercă, Măgureanu, 2008]

гуннской власти [об этом типе раннегосударственного образования: Kazanski, 1998. P. 227; Казанский, Мастыкова, 2001. С. 146–148; 2009. С. 245; Ахмедов, Казанский, 2004. С. 169, 170; Казанский, 2010. С. 36, 37].

По мнению Х. Вольфрама, после гуннского нашествия у готов, оставшихся в Восточной Европе, начинается период нестабильности. Но при этом династия Амалов сумела удержать свою власть над готами, оказавшимися вне пределов Римской империи [Вольфрам, 2003. С. 354]. Однако, эпические песни, пересказанные Иорданом, позволяют предположить, что у остроготов-грейтунгов возникает несколько достаточно независимых центров власти [см. о расколе готов: Вольфрам, 2003. С. 359]. При этом среди готских правителей не было единой позиции по отношению к гуннам. Если, согласно Иордану, остроготский вождь Винитарий пытался противостоять гуннам, то его родственник Гезимунд, возможно, предводитель причерноморских грейтунгов [Магомедов, 2001. С. 145], активно участвовал в антиготских карательных операциях гуннов под предводительством Баламбера [Иордан, *Getica,* 247][7]. Если принять на веру рассказ Иордана о войне готов с антами[8], то подчиненные гуннам «короли» существовали и у антов[9]. Именно с такими династиями предводителей разноплеменных оседлых варваров и связаны «княжеские» находки гуннского времени в междуречье Днепра и Дона (Большой Каменец, Нежин, Рублевка, Жигайловка, Паники и пр.) [подробнее см.: Казанский, 1997] (табл. 22 и 23), а также погребение Мухино на Верхнем Дону [Земцов, 2003; Казанский, Мастыкова, 2009. С. 242. Рис. 8].

В Центральной Европе районы концентрации «привилегированных» могил и кладов горизонтов Унтерзибенбрунн (период D2, т.е. 380/400–440/450 гг.), Смолин-Косино (D2/D3 – 430/440–460/470 гг.) или Апахида-Блучина-Турнэ (D3 – 450–470/480 гг.) считаются археологическим выражением существования небольших «варварских королевств» [Laszlo, 1951; Kazanski, 1996a; Tejral, 1997; 1999]. По мнению Я. Тейрала, речь идет о небольших высоко милитаризированных группах смешанного – германского и негерманского (гуннского, аланского и т.д.) – происхождения, которые возникли в смутную эпоху Великого переселения народов. В начальной стадии своего

[7] Разумеется, историчность этих персонажей, известных только по готскому эпосу, пересказанному Иорданом, конечно, нуждается в дополнительной аргументации. Тем не менее, рассказ Иордана несомненно отражает реалии взаимоотношений гуннов и их подчиненных союзников.

[8] Следуя очень распространенному в западной историографии научному мифу, Х. Вольфрам, вопреки прямым указаниям Иордана, считает антов IV в. не славянами, а иранцами [Вольфрам, 2003. С. 360]. Разумеется, ни один древний автор ни о каком иранстве антов, и вообще об их связи с какой-либо не славянской группой, ничего не сообщает.

[9] Надо, конечно, помнить, что данный текст Иордана и/или его предшественников – не хроника реальных событий гуннского времени, а древние готские песни, интерпретированные в VI в. и, возможно, подвергшиеся некоторой «модернизации». Так, испанские конквистадоры на Амазонке привычно называли «королями» вождей местных племен.

существования такие группы выступают чаще всего как пограничные федераты Рима (такие как гото-алано-гуннские отряды Алафея и Сафрака в Паннонии в 378 г.) или вассалы гуннов (например, остроготские Амалы, оставшиеся в Восточной Европе). После смерти Аттилы и окончательного падения римского лимеса в 450–460-е годы, эти королевства получают независимость и вступают между собой в жестокую борьбу за лидерство [напр.: Tejral, 1997].

Такие «королевства» хорошо известны по письменным источникам V в. в Западной и Центральной Европе. В отличие от больших варварских объединений позднеримского времени, таких как «держава Германариха», они занимают компактную территорию, это особенно хорошо видно на примере дунайских или франкских королевств середины – второй половины V в. Так, сравнительно небольшая территория позднеримской Паннонии, к западу от Дуная, была поделена между тремя остроготскими королями из династии Амалов [Kiss, 1979; Корсунский, Гюнтер, 1984. С. 170]. На ограниченной территории современной Южной Бельгии и приграничных районов Франции располагалось, по меньшей мере, два франкских королевства: одно со столицей в Турнэ и другое – со столицей в Камбрэ [Лебек, 1993. С. 39]. В Северной Галлии известны и их археологические следы, в первую очередь, погребения воинских предводителей раннемеровингского времени, начиная со знаменитой могилы короля Хильдерика.

Подобные малые «королевства» в V в. (гуннское и постгуннское время) можно выделить и у оседлого населения Восточной Европы [Казанский, 1997; Kazanski, 1998; Кулаков, 1998; Казанский, Мастыкова, 2001. С. 146–148; 2009. С. 245–247; Ахмедов, Казанский, 2004. С. 169]. Судя по географии «княжеских» находок и кладов золотых монет, к востоку от Днестра такие «варварские королевства», вероятно, подчиненные гуннам, существовали в черняховском ареале, например на Днепровском Левобережье или в Центральной Бессарабии и, скорее всего, связаны с готами, оставшимися под властью гуннов в Восточной Европе [подробнее: Казанский, 1997; Kazanski, 1998; 2009. P. 140–152; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 145–152]. На территории современной Румынии и Восточной Венгрии на сегодняшний день исследователи выделяют по археологическим материалам для гуннского времени пять центров власти, в частности на Верхней Тиссе, в Трансильвании, в Олтении и в Мунтении (рис. 169, *В*). Они характеризуются находками монетных кладов, «вождеских» захоронений и вещевых кладов, погребений с мечами, женских захоронений с диадемами, гуннских котлов

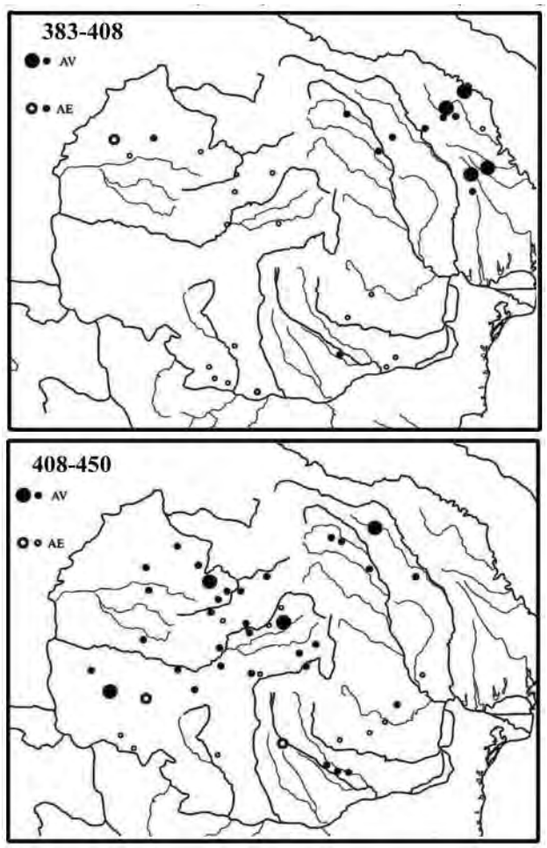


Рис. 170. Монетные находки гуннского времени в бассейне Нижнего Дуная и Днестра [по: Ciupercă, Măgureanu, 2008]

[Ciupercă, Măgureanu, 2008. P. 125. Fig. 3]. Часть из них соответствует гуннским «наместничествам», другие могут быть соотнесены с «вассальными» королевствами.

Одно из таких королевств, видимо, и занимало северную часть румынской Молдовы, в бассейне верхнего течения Прута (рис. 169, *А*). На мой взгляд, в его состав входили и прилегающие районы Северной Бессарабии и Северной Буковины, где встречаются черняховские памятники гуннского времени, образующие вместе с находками в Северной румынской Молдове компактную группу, а также постчерняховские восточногерманские памятники типа Ботошани. Это свидетельствует о преимущественно германском характере основного населения региона в гуннское время.

Отсюда же происходят клады римских солидов гуннского времени в Ботошань (самые поздние монеты – 395–408 и 395–423 гг.) [Harhoiu, 1998. Taf. CXXI], Кириленах (367–383, 375–392, 379–395, 395–408, 395–423 гг.) и Кременчуге (сохранилась монета 392–395 гг.) [Нудельман, 1976. С. 50, 51]. Вообще, север румынской Молдовы и Северная Бессарабия выделяются концентрацией находок позднеримских монет 383–408 гг. (рис. 170) [Ciu-

percă, Măgureanu, 2008. Fig. 4]. Судя по археологической ситуации, эти клады принадлежат позднечерняховскому готскому населению и связаны с военными акциями гуннов [Kazanski, 1992. P. 206].

К числу «княжеских» находок гуннского времени принадлежит и находка конской узды полихромного стиля из Марицейя (Măriţeia) (рис. 165, *7, 8*) [Harhoiu, 1998. P. 179. Taf. LXXVI,C]. На позднечерняховском поселении Собарь, как уже отмечалось, найден фрагмент парадного гуннского седла (позолоченная бронза), а также изучено монументальное каменное здание, окруженное галереей и крытое черепицей. Видимо, и «княжеское» погребение в Концештах свидетельствует о существовании здесь некоего центра власти.

Возможно, еще один центр власти находился в Центральной Бессарабии, где, как мы видели, сохраняются остатки черняховского населения, оставившего, в частности, наиболее поздние погребения на могильнике в Будешты (см. выше). Здесь также найдены два клада золотых монет – в Малкоче (сохранился солид 395–408 гг.) и Кишиневе II (сохранился солид 383–388 гг.) [Нудельман, 1976. С. 55] – верный признак существования здесь неких властных структур типа «варварского королевства». Видимо, к этой же группе находок относится и упоминавшийся выше гуннский котел из Шестачи, свидетельствующий о присутствии кочевников на территории этого образования.

* * *

Итак, можно предположить, что в Концештах погребен один из варварских вождей начальной фазы гуннской эпохи (период D1 хронологии европейского Барбарикума), возможно, правитель готского «королевства», занимавшего территорию Северной румынской Молдовы и Северной Бессарабии, или же гуннский «наместник», осуществлявший контроль гуннов в данном регионе.

При этом надо учитывать всю условность подобного разделения, которая могла и не найти отражения в археологическом материале. Как уже говорилось, интернациональный облик материальной культуры варварской аристократии гуннского времени в большинстве случаев делает невозможной определение этнокультурной принадлежности конкретных памятников. Этот интернациональный характер «княжеской цивилизации» объясняется, в первую очередь, мобильностью и гетерогенностью варварской верхушки. Такая гетерогенность проявляется, например, в тесных династических связях гуннской, германской и аланской аристократии, засвидетельствованной письменными источниками. Напомним, что заключение династических браков в древности и средневековье являлось одной из форм легитимации военно-политических союзов. Иллюстрацией этого являются, например, браки Аттилы с германскими принцессами, отраженные в известном эпосе цикла Нибелунгов, или же брак легендарного гуннского вождя Баламбера с Вадамеркой, племянницей не менее легендарного остроготского короля Винитария [Иордан, *Getica,* 249]. Хорошо известен и скандальный брак франкского короля Хильдерика с тюрингской королевой Базиной. Аспар, могущественный восточноримский военачальник аланского происхождения, был женат третьим браком на сестре остроготского короля Теодориха, сана Триария, а его любовницей тоже была готка [Санкоев, 1992. С. 59]. Показательным является и тот факт, что для некоторых германских вождей предполагается гуннское происхождение. Так, дискутируется возможное гуннское происхождение знаменитого Одоакра [Reynolds, Lopez, 1946–1947; Macbain, 1983]. Полевой командир юстиниановского времени Мунд, не то гот, не то гепид, оказывается связанным родственными узами с родом Аттилы [см. комментарии Е. Ч. Скржинской: Иордан, *Getica,* 300, 301, 363, с указанием на другие источники]. Всё это подчеркивает культурную и этническую пестроту той военно-княжеской среды гуннского времени, к которой и принадлежал персонаж, погребенный в Концештах.

Остаются загадочными некоторые черты погребального обряда, вне всякого сомнения, связанные с греко-римской традицией, такие как сооружение плитового склепа и присутствие в могиле погребального венка. То и другое совершенно чуждо погребальным обычаям народов Восточной и Центральной Европы в гуннское время, как у кочевников, так и у оседлых варваров. Несомненно, люди, совершавшие погребение концештского вождя, хорошо знали престижные обряды Империи и ее сателлитов. Представляется очень заманчивым соотнести данное погребение с варварами, продвинувшимися на Нижний Дунай откуда-то из района Боспора Киммерийского, такими как гунны Ульдиса или готы, присутствие которых на Боспоре около 400 г. хорошо засвидетельствовано письменными источниками [см. о них: Васильев, 1921. С. 312, 313, 325, 326; Казанский, 1999. С. 284; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 86, 87].

Библиография

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб., 2004. С. 168–202.

Баран В.Д. Ранні слов'яни між Днстром і Припяттю. Київ, 1972.

Вакуленко Л.В., Приходнюк О.М. Славянские поселения I тыс. н.э. у с. Сокол на Среднем Днестре. Киев, 1984.

Васильев А.А. Готы в Крыму // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1921. Вып. 1. С. 288–367.

Винокур І., Горішний П. Бакота. Столиця давньоруського Пониззя. Кам'янець-Подільский, 1994.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века. СПб., 2003.

Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в восточном Прикарпатье // Die spâtrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa / Hrsg. M. Maczyńska, T. Grabarczyk. Lodz, 2000. C. 261–324.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.

Земцов Г.Л. Миграционные потоки III–V вв. и верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003. С. 108–116.

Зосим. История / Греч. текст, пер. и комм. В.В. Латышева // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. СПб., 1890. С. 787–810.

Иордан. О происхождении и деяниях готов. «Getica» / Латинский текст, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. СПб., 2001.

Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский Археологический Вестник. 1997. С. 181–193.

Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре / ред. М.Е. Левада. Киев, 1999. С. 277–297.

Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2010. № 4. С. 17–130.

Казанский М.М. Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры // Scripta Antiqua. 2011. Т. 1. С. 27–49.

Казанский М.М. Радагайс и конец черняховской культуры // Oium. 2011a. Вып. 1. С. 22–33.

Казанский М., Мастыкова А. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / ред. М.П. Абрамова, В.И. Марковин. М., 2001. С. 138–161. (Материалы и исследования по археологии России, 3).

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. 2009. Вып. 1. С. 225–251.

Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской Империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

Кулаков В.И. Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в 5 в. н.э. // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1998. Вып. 13. С. 98–119.

Лебек С. Происхождение франков, V–IX века. М., 1993.

Левинский А.Н. Лазо – могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдове // Stratum plus. 1999. № 4. С. 121–166.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону, 2000. С. 194–232.

Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М., Л., 1934.

Нудельман А.А. Топография кладов и находок единичных монет. Кишинев, 1976. (Археологическая карта Молдавской ССР, Вып. 8).

Приск Панийский. Готская История / Греческий, пер. и комм. В.В. Латышева // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1. С. 787–818.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Кодын – славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. М., 1984.

Санкоев М.П. Аспар // Alanica-II. Аланы и Кавказ / ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, Цхинвал, 1992. С. 56–62.

Созомен. Церковная История / Греч. Текст, пер. В.В. Латышева // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1. С. 756–772.

Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения в районе Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности / ред. П.Н. Третьяков. Л., 1974. С. 181–215

Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest, 1932.

Bierbrauer V. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa // Jahreschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. 1989. Bd. 72. S. 141–160.

Bierbrauer V. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Milltelalters // Peregrinaio Gothica. Lodz, 1989a. P. 39–106.

Böhme H.W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire. München, 1974.

Böhner K. Das Langschwert der Frankenkönig Childerich // Bonner Jahrbücher. 1948. Bd. 48. S. 218–248.

Ciupercă B., Măgureanu A. Huns and Other Peoples – Archaeological Evidence in Present-day Romania // Hunnen zwischen Asien und Europa. Weissbach, 2008. S. 119–130.

Glad D. Origine et diffusion de l'équipement défensif corporel en Méditerranée orientale (IVe–VIIIe s.) Oxford, 2008. (BAR IS, 1921).

Gomolka-Fuchs G. Gläser der Sîntana de Mureş-Černjahov Kultur aus Rumanien und der Republik Moldavien // Die Sîntana de Mureş-Černjahov Kultur / Hrsg. G. Gomolka-Fuchs. Bonn, 1999. S. 129–142.

Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest, 1998.

Kazanski M. Les Goths et les Huns. À propos des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades // Archéologie Médiévale. 1992. Vol. 22. P. 191–229.

Kazanski M. The Sedentary Elite in the “Empire” of the Huns and its Impact on Material Civilisation in Southern Russia during the Early Middle Ages (5th–7th Centuries AD) // Cultural Transformations in Eastern Europe / eds. J. Chapman, P. Dolukhanov. Aldershot, 1993. P. 211–235
Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 324–337, 567–581.
Kazanski M. Les tombes “princières” de l’horizon Untersiebenbrunn, le problème de l’identification ethnique // L’identité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d’archéologie et d’histoire d’Antibes. Sophia Antipolis, 1996a. P. 109–126.
Kazanski M. Le royaume de Vinitharius: le récit de Jordanès et les données archéologiques // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / eds. W. Pohl, H. Reimitz. Leiden, Boston, Köln. 1998. P. 221–240.
Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucureşti, Brăila, 2009.
Kazanski M., Périn P. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives // Revue Archéologique de Picardie. 1988. Vol. 3–4. P. 3–38.
Kiss A. Ein Versuch die Funde und das Siedlungsgebiet der Ostgoten in Pannonien zwischen 456–471 bestimmen // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1979. Vol. 31. P. 329–339.
Laszlo G. The Significance of the Hun Golden Bow // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 1. 1951. P. 91–104.
Macbain B. Odovacer the Hun? // Classical Philology. 1983. Vol. 78. P. 323–327.
Popa A. Die Siedlung Sobari, Kr. Soroca (Republik Moldau) // Germania. 1997. Bd. 75/1. S. 119–131.
Popa A. Steinbauten der Sîntana-de Mureş-Černjachov Kultur // Die Sîntana-de Mureş-Černjachov Kultur / Hrsg. G. Gomolka-Fuchs. Bonn, 1999. S. 101–114.
Popa A. Romains ou Barbares? Architecture en pierre dans le Barbaricum à l’époque romaine tardive. Chişinău, 2001.
Popović V. Die süddanubischen Provinzen in der Spätantike vom Ende des 4. bis zur Mitte des 5. Jahrhunderts // Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert. München,Berlin, 1987. S. 95–139
Reynolds R.L., Lopez R.S. Odoacer: German or Hun? // American Historical Review. 1946–1947. Vol. 52. P. 36–53.
Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et a l’époque des Grandes Migrations. Oxford, 2006. (BAR IS, 1535).
Skalon K.M. Der Helm von Conceşti, Rumänien // Spätrömische Gardenhelme / Hrsg. H. Klumbach. München, 1973. S. 91–94.
Şovan O.L. Necropole de tip Sântana de Mureş – Černjachov de la Mihălăşeni (jud. Botoşani). Târgovişte, 2009.
Tejral J. Les fédérés de l’Empire et la formation des royaumes barbares dans la region du Danube moyen à la lumière des données archéologiques // Antiquités Nationales. 1997. Vol. 29. P. 137–166.
Tejral J. Die spätantiken militärischen Eliten beiderseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde // Germanen beiderseits des spätantiken Limes / Hrsg. T. Fischer, G. Precht, J. Tejral. Köln, Brno, 1999. S. 217–292.
Tejral J. Zur Unterschicherung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses // Die Langobarden. Herrschaft und Identität / Hrsg. W. Pohl, P. Erhart. Vienne, 2005. S. 103–200.
Thiry G. Die Vogelfibeln der Germanischen Völkerwanderungszeit. Bonn, 1939.
Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München, 1956.
Zaharia Em., Zaharia N. Contribuţii la cunoaşterea culturii materiale din secolul al V-lea e.n. din Moldova în lumina săpăturilor de la Botoşani // Arheologia Moldovei. 1969. Vol. 6. P. 167–178.
Zaharia Em., Zaharia N. Les nécropoles des IVe–Ve siècles de Botoşani-Dealul Cărămidăriei // Dacia. 1975. Vol. 19. P. 201–226.

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В КОНЦЕШТАХ: ИНВЕНТАРЬ, ДАТИРОВКА, ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД, СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ[1]

Обстоятельства находки

Могила в Концештах (Conceşti) была обнаружена в 1808 г. на территории округа Ботошани, на правом берегу р. Прут [Harhoiu, 1998. P. 172][2]. Погребение было найдено у истоков ручья Подрига (Podriga), кажется, на его левом берегу, как пишет Р. Хархою, «в специально обустроенном месте (?)» [Harhoiu, 1998. P. 172]. Вблизи истока ручья дети-пастухи заметили в свежей осыпи берега округлый серебряный предмет и цветные камешки. Владельцы усадьбы, немедленно прибежавшие на место находки, также нашли камешки и фрагменты золотых палочек, являвшиеся, по Л. А. Мацулевичу, остатками золотых аппликаций [Мацулевич, 1934. С. 56]. Были начаты раскопки, берег ручья сразу же обрушился, при этом открылся сводчатый склеп, сложенный из тесаного камня и вымощенный плитами. Вода ручья проникала в склеп и вынесла наружу вещи, найденные детьми.

После вскрытия склепа, в левой части был обнаружен сгнивший деревянный гроб, с декором из золота и скелетом внутри. На истлевшей одежде было замечено много золотых нашивных

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // Stratum plus. 2014. № 4. С. 299–336.

[2] По К.М. Скалон, И.П. Засецкой и В.Н. Залесской находка была совершена в 1812 г. [Skalon, 1973. P. 91; Засецкая, 1994. С. 174; Залесская, 2006. № 4–9] на территории округа Сучава, в районе Дарабани.

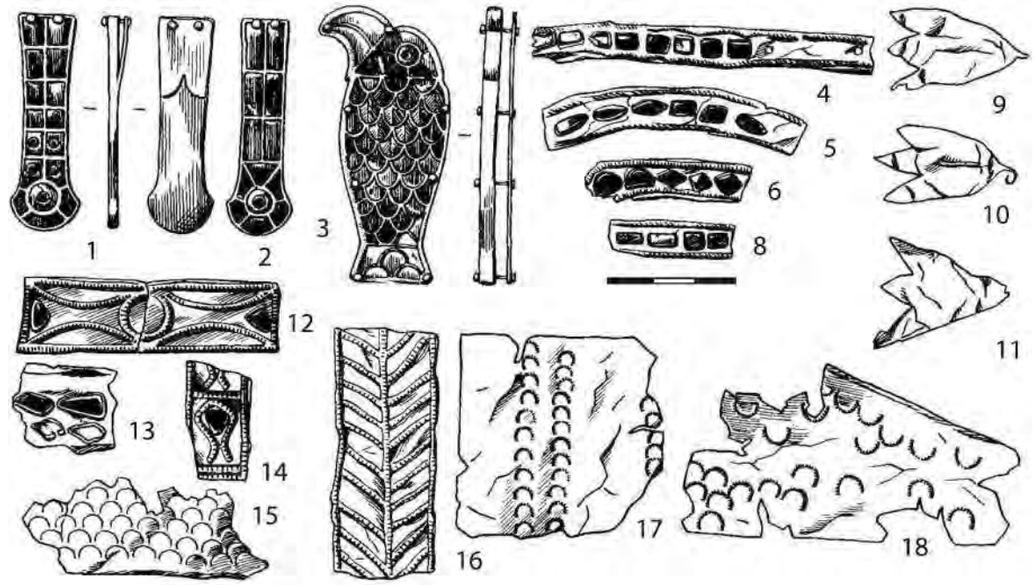


Рис. 171. Вещи из погребения Концешты [по: Засецкая, 1994]

украшений (или, как считает Р. Хархою, человеческие останки находились в златотканой оболочке (одежде?), украшенной драгоценными камнями [Harhoiu, 1998, P. 172]), на голове – золотая повязка с камнями. В глубине склепа и возле гроба находились несколько сосудов, оружие и другие вещи. Справа от гроба лежал скелет коня, его сбруя была богато украшена золотом со вставками цветных камней. Захоронение было изолированным, больше на этом месте ничего не находили [Мацулевич, 1934. С. 56, 57; Засецкая, 1994. С. 174; Harhoiu, 1998. P. 172].

Часть вещей находчики продали местному коммерсанту. Затем, благодаря генералу (?) Чичагову[3], эти вещи попали в Эрмитаж, где и находятся по сей день [Harhoiu, 1998. P. 172]. Погребальный инвентарь Концешт впервые был опубликован Л. А. Мацулевичем [Matzulevich, 1929], затем другими исследователями [наиболее полные описания и иллюстрации: Alföldi, 1932. P. 77, 78, Taf. XX, XXI; Засецкая, 1994. С. 174. Табл. 19–21; Harhoiu, 1998. P. 172. Taf. I–XX].

Погребальный инвентарь

Три золотых листка от погребального венка (рис. 171, *9–11*; 172, *3–5*) [Alföldi, 1932. Taf. XX; Засецкая, 1994. Табл. 19,7–9; Harhoiu, 1998. P. 59. Taf. XIX,2–4]. Длина около 3,2 см[4]. Иногда определяемые как листья сельдерея, золотые листки из погребения Концешты имеют подтреугольную форму, с тремя зубцами. Они явно относятся к погребальному венку (диадеме) из золотого листа. Скорее всего, именно её находчики и описывают как золотую повязку с камнями. Погребальные венки из золотого листа хорошо известны в греко-римской погребальной традиции (см. ниже), но общая типология этой категории материала для позднеантичного времени не разработана.

Тем не менее, параллели листикам от диадемы достаточно многочисленны, в первую очередь, на Боспоре Киммерийском и, в меньшей степени, в Закавказье, однако они почти всегда декорированы. Похожие по форме листики присутствуют на диадемах, например, в следующих боспорских погребениях: могила Юлия Каллисфена в Керчи [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 7,2]; Глинище-Карантинная Слободка 1910 г. [Šarov, 2003. Abb. 23; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 96]; Глинище, погребение 1837 г. с золотой маской [Тайна золотой маски, 2009. № 2], Глинище, 1986 г. [Šarov, 2003. Abb. 6,1], Джург-Оба, склеп 4.2002 и 29.2007 [Ермолин, 2003. Рис. 11,58; Ermolin, 2012. Fig. 3,1,2] (рис. 173, *1*), Заморское, погр. 4 [Корпусова, 1973. Рис. 3], Тузла, склеп III.1951, камера 1 [Зеест, 1951. Лист 38], Керчь, склеп 165.1904/погр. 5 [Засецкая, 1993. № 288], склеп 154.1904/погр. 2 [Засецкая, 1993. № 221], два склепа, найденных 24.6.1904 г. [Засецкая, 1993. № 72–75], склеп 145.1904 [Засецкая, 1993. № 21], Керчь- Глинище, погр. 1896 г. [Штерн, 1897. Рис. 1], Керчь, погребение Мессаксуди 1918 г. (рис. 173, *2*) (Beck, Kazanski, Vallet, 1988. Fig. 2,1]. В Закавказье такие листики известны, например, в Мцхете, в погр. 45.1981 [Апакидзе и др.,

[3] Возможно, Р. Хархою имеет в виду адмирала Павла Васильевича Чичагова, назначенного в 1812 году командующим Дунайской армией.

[4] Здесь и далее размеры предметов даны по публикациям Р. Хархою и В.Н. Залесской.

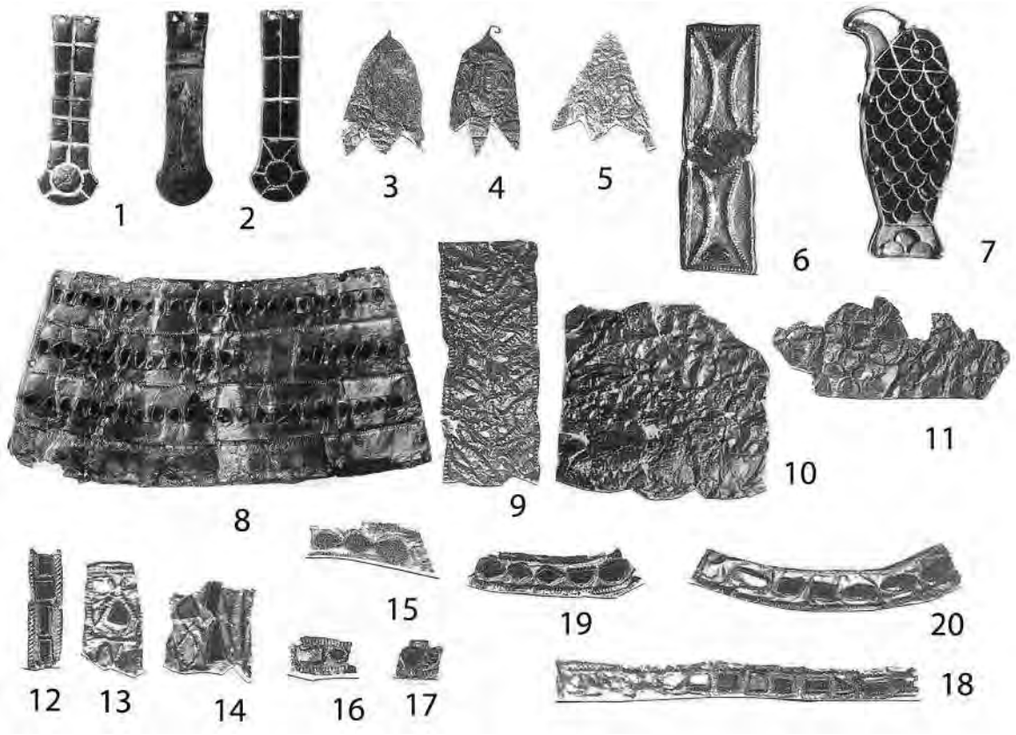


Рис. 172. Вещи из погребения Концешты [по: Harhoiu, 1998]

1984. Табл. LIV,6]. На территории Империи также известны погребальные диадемы с похожими листиками. Приведем в качестве примера находки в Зегма, на Евфрате [Dieudonné-Glad, Feugère, Önal, 2013. P. 45–47. Pl. 1,1–8][5]. На территории Барбарикума мне известна лишь одна находка погребального венка с золотыми листиками – в «вождеском» сарматском погребении Косика, на Нижней Волге, датированном I в. н.э. [Tesori della steppa, 2005. № 79–82].

Золотая гривна (табл. 26, *1*) [Alföldi, 1932. Taf. XXI; Засецкая, 1994. С. 77. Табл. 20,3; Harhoiu, 1998. P. 64, 65. Taf. XIX,1]. Диаметр около 20 см. Гривна витая из трех проволок – рубчатой и двух гладких с рубчатыми концами. Один конец заканчивается петлей, другой – крючком. В целом, золотые гривны разных типов в эпоху переселения народов встречаются чаще всего в мужских погребениях, хотя и не только в них, как у кочевников, так и у оседлых варваров [Tejral, 2011. P. 195–199; Loskotová, 2012. P. 192–194]. При этом, золотые гривны попадают только в захоронения высокого социального ранга, как правило, с парадными мечами, а зачастую и с предметами конского убора. В качестве примеров назовем находки золотых торков из могил «воинских предводителей» в Муслюмово [Засецкая, 1994. Табл. 43,1], Новая Маячка [Засецкая, 1994. Табл. 10,1], Алешки-Кучугуры [Засецкая, 1994. Табл. 15,9], Совхоз Калинина [Засецкая, 1994. Табл. 22,16], Бржизе (Bříza) [напр.: L'Or des princes barbares, 2000. № 8,1], Унтерзибенбрунне (Untersiebenbrunn) [напр.: L'Or des princes barbares, 2000. № 9,1], Вольфсхейме (Wolfsheim) (напр.: L'Or des princes barbares, 2000. № 15,1], Пуан (Pouan) [напр.: L'Or des princes barbares, 2000. № 27,1], Сегеде-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós) [Alföldi, 1932. P. Taf. XVII,20].

Витые из проволоки гривны с замком в виде крючка и петли известны уже в позднеримское время, например, в составе погребального инвентаря «княжеской» могилы Закшув/Сакрау (Zakrzów/Sackrau) III в Силезии [Grempler, 1888. Taf. 7,10; Quast, 2009. Abb. 67,3]. Захоронение датировано концом периода C2 или периодом C3 «варварской» хронологии, т.е. первой половиной – серединой IV в. Можно привести также гривну из золотой витой проволоки из римского клада III века в Чаушево, найденного в Болгарии [Welkow, 1938. Taf. 24,2]. Витые гривны известны в погребении 3 крымского могильника Беляус, относящегося к гуннскому времени [Дашевская, 2003. Рис. 2,1], а также в Киевском кладе середины – второй половины V в. Последняя сделана из трех проволок с крючком и петлей [Ахмедов, Казанский, 2004. С. 169. Рис. 1,3].

Л. А. Мацулевич обратил внимание на прием устройства застежки, когда «три дрота, из которых свита эта гривна, на концах спаяны между собой таким образом, что две (sic) из них, лежат внизу рядом, а третья (sic) между ними сверху. Концы всех обрублены прямо. Согнутые из отдельной проволоки крючок и петля припаяны длинными концами по сторонам витого дрота. Места где они заканчиваются, трижды обвиты рубчатым ободком» [Мацулевич, 1934. С. 84]. Такая конструкция напоминает, по Л. А. Мацулевичу, гривну из «княжеского» разрушенного погребения в с. Паники, под Обоянью («обоянская находка» 1849 г.) [ее идентификацию см.: Шпилев, 2004] и гривны из двух склепов 24 июня 1904 г. в Керчи [Мацулевич, 1934. С. 82, 83], хотя все эти торки сделаны не из витой проволоки, а из круглых в сечении стержней (рис. 174). И. П. Засецкая также отмечает сходство гривны из Паник с концештской [Засецкая, 1994. С. 77]. По Р. Хархою, наиболее близкими параллелями также являются гривны из Керчи, из катакомб 24.6.1904. Концештская гривна и в самом деле напоминает керченские, но они либо сделаны не из проволоки, а из сплошного тордированного стержня, кольцо замка сделано отдельно и напаяно на гривну [Засецкая, 1993. № 78,а,б], либо свернуты из двух, а не из трех проволок [Засецкая, 1993. № 80,б]. Похожую гривну Р. Хархою отмечает и в погребении Майнц-Костхейм (Mainz-Kostheim), но там она также сделана, по-видимому, из двух проволок и имеет замок в виде пластины, а не петли [Harhoiu, 1998. P. 64, 65].

Два золотых ременных наконечника (рис. 171, *1, 2;* 172, *1, 2*) [Alföldi, 1932. Taf. XX; Засецкая, 1994. Табл. 19,1; Harhoiu, 1998. P. 55, 56. Taf. XIX,7,8]. Длина около 5,2 см. Они имеют веерообразные окончания и прорезь для крепления к ремням, их поверхность инкрустирована гранатами в перегородчатых гнездах. По Р. Хархою, это наконечники от конского убора, в качестве параллелей приводятся находки инкрустированных наконечников с веерообразным окончанием из Муслюмова и Сегеда-Надьзекшош [Harhoiu, 1998. P. 55, 56].

Наконечники ремней этого типа специально изучались В. Ю. Малашевым. По его типологии сарматской ременной гарнитуры, это тип H8, включающий предметы как инкрустированные, так и без инкрустации [Малашев, 2000. С. 197. Рис.12,И3,Л2,13; 13,А1,Б1,2,Г14,15]. Такие наконечники, по В. Ю. Малашеву, типичны для его группы IV ременной гарнитуры конца позднесарматского и гуннского времени, т.е. для последней трети IV и V вв. [Малашев, 2000. С. 200, 203–205. Рис. 2]. Особенно близкими представляются неинкрустированные наконечники из Салиховского могильника в Башкирии, погр. 35 [Васюткин, 1986. Рис. 6,19] и находка из сыр-дарьинского некрополя Кос-Асар 2, кург. 36 [Малашев, 2000. Рис. 12,И3]. Среди инкрустированных надо назвать экземпляры из разрушенного погребения в Муслюмово (рис. 175, *8, 9*), в Приуралье [Малашев, 2000. Рис. 13,Г14,15].

Погребение в Муслюмово (рис. 175) традиционно причисляется к начальной стадии гуннского времени, второй половине – последней трети IV в., т.е. к концу периода C3 (300/320–350/370 гг.) и к периоду D1 (360/370–400/410 гг.) по хронологии европейского Барбарикума, как и близкие находки в Брюхановском выселке, Казаклее и Тугозвоново [Казанский, 1994. С. 243; Малашев, 2000. С. 204; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 65]. Пряжки из этих погребений (рис. 11, *2–6, 10, 14*) выглядят более архаично, чем в типичных могилах гуннского времени, отражающих материальную культуру, в основном, первой половины V в. (периоды D2 и D2/D3 «варварской» хронологии, т.е. соответственно 380/400–440/450 и 430/440–460/470 гг.). Действительно, их язычки незначительно выступают за кольцо [Засецкая, 1994. С. 81. Табл. 43,3; 44,2–4,8,9; 45,3; 47,15,17], что более типично для позднесарматского (позднеримского) времени [примеры: Казанский, 1994; Малашев, 2000]. Погребение в Кос-Асар также содержит пряжки с язычками, слабо выступающими за кольцо [Малашев, 2000. Рис. 12,И1,2,4].

Похожий по форме на концештский, но неорнаментированный наконечник происходит из тайника керченского погр. 145.1904 [Засецкая, 1993. Табл. 18. № 56,а). Склеп был ограблен – в тайник попали вещи, иногда их обломки (например, дорогая рукоятка от меча), очевидно, собранные из разных захоронений. Вещи из склепа в целом укладываются в хронологические рамки от периода C3 [например, пряжка: Засецкая, 1993. № 26] до периодов D1 и D2 (основная масса вещей), т.е. от середины IV до середины V в.

Уже упоминавшийся комплекс (жертвоприношение, поминальник?) гуннского времени в Сегед-Надьсекшош, на Тиссе, содержал похожие инкрустированные наконечники, но с окончанием в форме рыбьего хвоста. Эта находка всеми исследователями причисляется к времени Атиллы [см., напр.: Tejral, 1988. P. 265]. Такие же неорнаментированные наконечники с окончаниями в виде рыбьего хвоста есть и в смешанном материале керченских склепов 24.06.1904 [Засецкая, 1993. № 162]. Вещи из них занимают хронологическую позицию от периода C3 [пряжки: Засецкая, 1993. № 103] до хорошо представленного периода D2, т.е. от середины IV до первой половины V в.

Накладка в виде фигурки птицы (рис. 171, *3*; 172, *7*; табл. 32, *1*, 33, *1*) [Alföldi, 1932. Taf. XX; Засецкая, 1994. Табл. 19,2; Harhoiu, 1998. P. 47. Taf. XIX,9]. Длина 6,6 см. Накладка представляет собой фигурку птицы со сложенными крыльями, мощным, высоко поднятым клювом и трапециевидным хвостом. Она инкрустирована гранатом и перламутром в перегородчатых гнездах, гранаты гравирова-

[5] Авторы также цитируют многочисленные находки разных эпох в Греции [Dieudonné-Glad, Feugère, Önal. 2013. P. 4].

ны и составляют чешуйчатый орнамент на корпусе птицы, видимо, имитирующий перья. По мнению Р. Хархою, это украшение бутероли меча [Harhoiu, 1998. P. 47]. Он сопоставляет концештскую пластину с находками в Роммерсхейме (Rommersheim) [Thiry, 1939. Taf. 6,52], Керчи [Thiry, 1939. Taf. 6,27], Тамани [Böhner, 1948. Abb. 37,4]. Однако декор таманского меча, с двумя птичьими головками из металла, приведенного К. Бёнером, мало напоминает пластину из Концешт. Вслед за Р. Хархою, поздние параллели для данной накладки предлагает и И. О. Гавритухин, который даже относит погребение в Концештах к постгуннскому горизонту Блучина-Апахида-Турнэ [Гавритухин, 2000. С. 295].

Наиболее близкими аналогиями пластине из Концешт являются, помимо указанной Р. Хархою фибулы из Керчи (рис. 176, *1*), с клювом, декорированным белым камнем [Thiry, 1939. Taf. 6,27], также птицевидные фибулы из Южной России, с чешуйчатым декором (рис. 176, *3*) [Thiry, 1939. Taf. 6,29] и фибула из Лавиньи (Lavigny, Швейцария) (рис. 176, *4*) [Thiry, 1939. Taf. 6,30]. К сожалению, археологический контекст этих трех вещей неизвестен. Изделия из Мартере (Marthéray, кантон Женева в Швейцарии) (рис. 176, *5*), Чивидале (Cividale) (рис. 176, *6*) и «вождеского» погребения раннемеровингского времени в Роммерсхейме (рис. 176, *7*) [Thiry, 1939. Taf. 6,31,51,52] также напоминают пластину из Концешт. Однако они имеют другой декор и несколько отличаются по общей морфологии. Видимо, птицевидные украшения из Керчи, Концешт и Южной России образуют отдельный понтийский (?) вариант птицевидных украшений с чешуйчатым декором. Это подтверждает мнение Л. А. Мацулевича о местном, причерноморском происхождении концештской накладки [Мацулевич, 1934. С. 101]. Дата этого варианта птицевидных украшений устанавливается собственно только по находке в Концештах. В целом же, мода на украшения в виде фигурок птиц засвидетельствована у варваров уже в первой половине V в. [Böhme, 1974. Taf. 2,16,17; Harhoiu, 1998. Taf. XXVI, XXVII]. В гуннском контексте накладка в виде инкрустированной головки птицы с поднятым клювом была засвидетельствована в уже упоминавшейся находке в Сегед-Надьзекшош [Alföldi, 1932. Taf. XV,42; Werner, 1956. Taf. 29,2].

Необходимо отметить сложную технику изготовления декора данной пластины. По мнению Б. Аррениус, концештская пластина была изготовлена в одном из ателье-сателлитов, работавших в традициях центральных константинопольских мастерских [Arrhenius, 1986. P. 119. Distribution map 1]. Напомним, что изображения птиц широко применялись в императорской символике поздней античности. Изображения орлов или орлиных голов имеются на рукоятях императорских и консульских позднеримских мечей, а также на консульских жезлах, щитах позднеримской армии и пр. Птичьи головы хорошо известны и на средиземноморских изделиях стиля «клуазонне», например, на брошках, пряжках и конской упряжи. Считается, что орел связан, в первую очередь, с консульской символикой. Изображения хищных птиц известны и у находившихся в контакте с Империей варваров, например, у северокавказских алан, гуннов, германцев [Засецкая и др., 2007. С. 62]. Так что в случае Концешт вполне возможен и хорошо известный у варваров феномен *imitatio imperii.*

Что же касается назначения этой накладки, то здесь интерпретация будет носить гадательный характер. Пластины в виде хищных птиц использовались и как декор бутеролей мечей, например, в Ромерсхейме (рис. 176, *7*), и как накладки на луку седла, в частности в Апахиде (Apahida) [см., напр.: Harhoiu, 1998. Taf. LXIII,1,2; реконструкция: L'Or des princes barbares, 2000. P. 63], и как основной элемент перечисленных выше брошей, возможны и другие интерпретации.

Узкие бронзовые пластинки полихромного стиля (рис. 171, *4–8*; 172, *12, 15–20*) [Alföldi, 1932. Taf. XXI,5,e–f; Засецкая, 1994. Табл. 19,3–6; Harhoiu, 1998. P. 55. Taf. XIX,11–13,16–19]. Длина самых крупных – до 11 см. Пластинки обтянуты золотым листом со вставками сердолика в напаянных гнездах, штампованных орнаментом, имитирующим «веревочку» и «рубчик» по краю, возможно, от конского убора. У И. П. Засецкой приведено 4 экз., у Р. Хархою, вместе с фрагментами – 7. Те же 7 предметов фигурируют и в публикации А. Алфельди [Alföldi, 1932. Taf. XXI,5,e–f].

Как показала И. П. Засецкая, это элементы сбруи, они наиболее типичны для кочевнических погребений гуннского времени [Засецкая, 1994. С. 42–44]. Эту точку зрения разделяет и Р. Хархою, также подчеркивающий их широкое распространение в гуннское время, вплоть до Южной Польши в Янджыховице (Jędrzychowice) и Среднего Дуная, в Батасеке (Bátaszek), Сегеде-Надьсекшош и Печ-Юсёге (Pécs-Üszög) [Harhoiu, 1998. P. 55]. Подобные пластинки могут быть декором не только конской упряжи, но и оружия. Прямоугольные скобы полихромного стиля из погр. VIII в Новогригорьевке [Засецкая, 1994. Табл. 5,13,14], скорее всего, являются украшением, например, бутероли или устья ножен кинжала. Об этом свидетельствует находка кинжала с подобными скобами на ножнах в тайнике кургана 2 могильника Брут, в Северной Осетии (рис. 177) [Gabuev, 2000. № 18,5]. Вне кочевнического контекста такие полихромные пластины встречаются редко. Такие накладки типичны для классических памятников гуннского времени, относящихся, в основном, к периодам D2 и D2/3. В ранних комплексах, таких как Муслюмово, Брюхановский, Тугозвоново, вопреки утверждению Р. Хархою, подобных вещей нет.

Все накладки в Концешт без зерни, что характерно для западной половины гуннской зоны. Они относятся к третьей стилистической группе украшений полихромного стиля, по классификации И. П. Засецкой [Засецкая, 1982. С. 18–20]. Изделия этой группы типичны для древностей кочевников гуннского времени на огромном пространстве европейских степей, от Семиречья до Дуная [Засецкая, 1982. С. 25, 28, 29]. Среди территориально близких находок следует назвать полихромную диадему из кочевнического женского погребения в Бухаэни (Buhăeni) в румынской Молдове [Засецкая, 1982. С. 29; Harhoiu, 1998. Taf. LXXVI,E].

Обломок бронзовой накладки (рис. 171, *13*; 172, *14*) (Alföldi, 1932. Taf. XXI,5,d; Засецкая, 1994. Табл. 19,11; Harhoiu, 1998. P. 55. Taf. XIX,15]. Пластина обтянута золотым листом с четырьмя напаянными гнездами, в двух сохранились вставки граната неправильной формы. Идентификация предмета по имеющемуся фрагменту не представляется возможной. Накладка также принадлежит к третьей стилистической группе полихромного стиля (см. выше).

Обломок бронзовой накладки (рис. 171, *14*; 172, *13*) (Alföldi, 1932. Taf. XXI,5,c; Засецкая, 1994. Табл. 19,12; Harhoiu, 1998. P. 55. Taf. XIX,14]. Накладка украшена ромбовидной фигурой с расходящимися концами – усиками и вставкой сердолика в напаянном гнезде, по краю рубчатый ободок. Она разделена поперечной линией на две части, орнамент штампованный. Как и предыдущие вещи (№№ 5, 6), накладка принадлежит третьей стилистической группе и характерна для степных древностей гуннского времени. По-видимому, она являлась частью декора уздечных ремней. Похожие пластины найдены в Здвиженском, Нижней Добринке, Паннонхалме (Pannonhalma) и Шипово, погр. 3. Однако во всех случаях, кроме Здвиженского, инкрустация камнями отсутствует [Засецкая, 1994. С. 44; Harhoiu, 1998. P. 55]. Пластина из Шипова свидетельствует о существовании этого элемента декора и в постгуннское время.

Бронзовая прямоугольная накладка (рис. 171, *12*; 172, *6*) [Alföldi, 1932. Taf. XXI; Засецкая, 1994. Табл. 19,10; Harhoiu, 1998. P. 55. Taf. XIX,6]. Длина около 6,3 см. Пластина орнаментирована кружком и расходящимися от него дуговидными линиями, двумя сердоликовыми вставками и рубчатым ободком по краю. Орнамент штампованный, вставки в напаянных гнездах. Это также, скорее всего, один из элементов декора конской сбруи, принадлежащий, как и предыдущие накладки, к третьей стилистической группе гуннского времени.

Обломки золотой обкладки (рис. 171, *16*; 172, *9*) [Alföldi, 1932. Taf. XX; Засецкая, 1994. Табл. 19,14; Harhoiu, 1998. P. 56. Taf. XIX,10]. Размеры 6,2x2,4 см. Пластина имеет штампованный орнамент, имитирующий рубчатую проволоку, в виде продольной оси с расходящимися от нее в обе стороны косыми линиями, по краю ободок. Разного рода обкладки и другие изделия из золотой фольги со штампованным орнаментом, без полихромного декора, чрезвычайно часто встречаются в степных находках гуннского времени. Очень близкий декор, в виде продольной оси с расходящимися от нее в обе стороны косыми линиями, известен на пятиугольных бляхах-подвесках из уже упоминавшегося гуннского комплекса (погребение или жертвоприношение?) Печ-Юсёг, в Юго-Западной Венгрии [Alföldi, 1932. Taf. V,1,4; Anke, 1998. Taf. 118,6-8].

Обрывок золотой обкладки (рис. 171, *17*; 172, *10*) [Alföldi, 1932. Taf. XX,b; Засецкая, 1994. Табл. 19,15; Harhoiu, 1998. P. 57. Taf. XIX,20]. Размеры 4,8x5 см. Это прямоугольная пластина с вертикальными рядами из дуговидных фигур, нанесенных пунсоном. По мнению Р. Хархою, пластина представляет собой фрагмент обкладки седла. Такая интерпретация возможна, хотя и недоказуема.

Обломок золотой обкладки с чешуйчатым штампованным орнаментом (рис. 171, *15*; 172, *11*) [Alföldi, 1932. Taf. XX,a; Засецкая, 1994. Табл. 19,13; Harhoiu, 1998. P. 57. Taf. XIX,21]. Размеры 5,8x2,3 см. По Р. Хархою, данная обкладка принадлежит также декору седла [Harhoiu, 1998. P. 57]. Седла, украшенные металлическими пластинами с чешуйчатым декором, действительно хорошо известны в гуннское и постгуннское время (см. ниже). Надо, однако, иметь в виду, что золотые обкладки с чешуйчатым декором очень широко распространены в эпоху переселения народов, как в степи, так и у оседлых варваров. При этом, такие обкладки украшали не только седла. Так, чешуйчатый декор на металлическом листе отмечен на ножнах меча в погребении Якушовице (Jakuszowice), в Южной Польше [Werner, 1956. Taf. 16,3a; Anke, 1998. Taf. 103,3]. Такой же декор имеется на ножнах кинжалов или другого клинкового оружия, например, в погр. 17 могильника Байтал-Чапкан, на верхней Кубани [Минаева, 1971. Рис. 35,4], в Кишкунхалаш (Kiskúnhalas), в Венгрии [Alföldi, 1932. Taf. XXXIII; Werner, 1956. Taf. 24,1,2], а также в Шипово, курган 3 [Засецкая, 1994. Табл. 41,14; Werner, 1956. Taf. 7,2]. В том же шиповском кургане 3 подобной пластиной с чешуйчатым декором был украшен и некий объемный предмет [Засецкая, 1994. Табл. 41,4; Werner, 1956. Taf. 7,3]. Невыразительность фрагмента из Концешт не позволяет дать ему надежную атрибуцию.

Обрывок золотого листа (рис. 171, *18*) [Засецкая, 1994. Табл. 19,16][6]. Лист украшен дуго-

[6] Предмет отсутствует в цитированных выше публикациях А. Альфёльди и Р. Хархою.

видными фигурами, нанесенными пунсоном. Судя по форме, речь идет о накладке ленчика седла. Седла жесткой конструкции с металлическими обкладками хорошо известны в Европе в гуннское и постгуннское время, как у степных кочевников, так и у оседлых народов – готов, алан, франков. Золотые обкладки ленчиков седла впервые фиксируются в степных памятниках в гуннскую эпоху и в постгуннское время: Новгригорьевка, Мелитополь, Кубей, Солончанка I, Лева/Левице (Léva/Levice), Сегед-Надьсекшош, Печ-Юсёг, Шипово, Владимирский и т.д. Иногда они сочетаются с декоративными обкладками от луки седла. Кроме того, пластины от ленчиков встречены в ряде захоронений V – начала VI в. на территории Боспора, Ольвии, Северного Кавказа, меровингского и остроготского королевств. Время бытования металлических накладок ленчиков указанных типов ограничивается первой половиной V – первой половиной VI в. [Засецкая, 1994. С. 45–50, 200, 201; Засецкая и др., 2007. С. 142–146].

О принадлежности пластин к декоративным деталям седла свидетельствует находка из шиповского погребения, где она была найдена с остатками деревянного седла и скреплена с ним бронзовыми штифтами. Окончательно их назначение было подтверждено после исследования грунтового могильника на р. Дюрсо близ Новороссийска, в котором зафиксировано 16 конских захоронений. На четырех костяках коней, на спине, лежали по две, симметрично расположенные сегментовидные пластины. Как убедительно показал автор раскопок А. В. Дмитриев, парные металлические обкладки служили облицовкой выступающих впереди ленчиков седла [Дмитриев, 1979. С. 212–229. Рис. 5]. К деревянной основе седла они крепились при помощи узких металлических полос и штифтов, о чем свидетельствуют равномерно расположенные по краям обкладок небольшие отверстия.

Несмотря на визуальное сходство этих функционально идентичных пластин, они различаются по форме, размерам, пропорциям и деталям орнамента. Среди них выделяются золотые обкладки треугольной, подтреугольной, полусферической и сегментовидной формы. Отличие в форме, а также в пропорциях, т.е. в соотношении высоты и длины основания пластины, позволили разделить их на несколько классификационных типов, вариантов и разновидностей (рис. 178). В основу выделения типа положены особенности формы, варианты определялись по соотношению длины к высоте, разновидности выявлены по размерам вещей [Засецкая и др., 2007. С. 142–146]. К сожалению, сохранившийся фрагмент обкладки, вопреки мнению И. О. Гавритухина [Гавритухин, 2000. С. 295], не настолько выразителен, чтобы его можно было уверенно отнести к какому-то одному типу. По размеру и пропорциям он может принадлежать как к типу I, варианты а и б, так и к типу IV, вариант в [Засецкая и др., 2007. Рис. 55]. К типу I, варианты а и б, относятся находки из памятников гуннского времени Дуная и Рейна: Печ-Юсёг, Сегед-Надьсекшош, Мундольсхейм (Mundolsheim) [Засецкая, 1994. Приложение 3. № 1, 2, 4]. Тип IV, вариант в, представлен находками постгуннского времени, точнее, второй половины V – первой половины VI в. из Дюрсо, Керчи, Крефельд-Геллепа (Krefeld-Gellep), погр. 1782 и Равенны [Засецкая, 1994. Приложение 3. № 15, 17–19]. Учитывая датировки других вещей, найденных в погребении в Концештах, пластина относится, скорее, к гуннскому времени.

Бронзовая трапециевидная пластина (рис. 172, *8*) [Alföldi, 1932. Taf. XX; Засецкая, 1994. Табл. 20,1; Harhoiu, 1998. P. 59. Taf. XX]. Пластина обтянута золотым листом, она имеет выгнутый верхний край и вогнутый нижний, с лицевой стороны разделена поперечными рубчатыми штампованными линиями на четыре полосы. Верхняя полоса украшена дуговидными фигурами, нанесенными пунсоном. Три нижних полосы украшены рядом вставок граната в напаянных на узкую ленту гнездах, ленты прикреплены к пластине посредством штифтов. По верхнему и нижнему краям – ряд дуговидных штампованных фигур. Края пластины обрамляет рубчатый ободок, хорошо сохранившийся лишь с правой стороны. В углах пластины и на боковых сторонах в средней части имеются небольшие отверстия, в одном из них сохранился бронзовый штифт. Ее предназначение непонятно. Формально, по Р. Хархою, может быть причислена к диадемам [Harhoiu, 1998. P. 59], хотя такое заключение представляется ему сугубо предварительным. Она несколько напоминает по форме пластину из Никополя [Засецкая, 1994. Табл. 2,9], отнесение которой к диадемам также условно.

Шлем железный (табл. 27) [Skalon, 1973; там же подробная библиография за 1821–1968 гг.; Засецкая, 1994. Табл. 20,3; Harhoiu, 1998. P. 50. Taf. I, II; Залесская, 2006. № 7]. Высота 22,2 см, ширина 16,5 см. Шлем из Концешт изготовлен из двух железных «ракушек», соединенных продольным гребнем. Он имеет серебряные нащечники. Шлем покрыт листовым серебром со штампованным ленточным орнаментом в виде крестиков и выпуклостей. Шлем принадлежит довольно заметной группе позднеримских касок, известных в Римской империи в IV в., начиная от эпохи Константина [Skalon, 1973. P. 91–94; Harhoiu, 1998. P. 50; Glad, 2009. P. 42, 43]. Все они сделаны из двух «ракушек», имеют соединительный гребень, часто сохраняются нащечники-парагнатиды и подвижная пластина, защищавшая затылок и шею. Известны как простые, так и «парадные», «гвардейские» каски, последние украшены тисненым и полихромным декором. Назовем такие находки как Огст (Augst), Вормс (Worms), Интерциза (Intercisa), Беркасово, Дёрн (Deurne), Будапешт, Бург Кастл (Burgh Castle) [James, 1986. P. 109–113].

Шлем из Концешт своей высокой уплощенной формой особенно близок находке из Дура-Европос (рис. 180) [Glad, 2009. P. 39]. Последний был найден в подкопе, который персы сделали под стены римской крепости Дура-Европос (Dura Europos), на Евфрате, во время осады в 256 г. [James, 1986. P. 117–128; 2004. P. 101, 104. Fig. 47, 48; Leriche, 1993. P. 87. Fig. 14]. Подкоп был совершен под башню 19, около главных, так называемых Пальмирских ворот крепости. Здесь был обнаружен скелет сасанидского солдата, которому и принадлежал шлем [Leriche, 1993. P. 84. Fig. 4]. Предполагается, что шлем из Дура-Европос отражает центральноазиатскую военную традицию [Leriche, 1993. P. 84]. К сожалению, известные на сегодняшний день сасанидские каски надежно не датируются [о них см.: Grancsay, 1963; Overlaet, 1982]. Археологически пока неизвестны и их возможные центральноазиатские предшественники. С другой стороны, нельзя упускать из виду давнюю греко-римскую традицию использования касок с продольным гребнем, которая, возможно, и объясняет довольно широкое распространение в поздней Римской империи шлемов типов Беркасово, Интерциза и Концешты [Glad, 2009. P. 59. Fig. 13].

Как бы там ни было, есть основания выделить шлемы из Дура-Европос и Концешты в отдельный тип касок из двух железных «ракушек», соединенных продольным гребнем, существовавший в позднеантичное время наряду с типами Беркасово и Интерциза [Glad, 2009. P. 42. Fig. 1], остальные каски позднеримского времени более приземистые.

Серебряные детали складного стула (табл. 28) [Скалон, 1966; Засецкая, 1994. Табл. 21,3; Harhoiu, 1998. P. 139, 140. Taf. XVII, XVIII; Залесская. 2006. № 8]. Высота 54 см, ширина 53 см. Стул представлял собой две соединенные прямоугольные рамы из металлических цилиндров с рельефным декором. Верхние перекладины украшены головами львов.

По Р. Хархою, складной стул, как и вышеописанный шлем, составляли часть подарочного набора или добычи римского происхождения, попавших единовременно в руки варваров [Harhoiu, 1998. P. 139, 140]. Так это или нет – сказать трудно, впрочем, римское происхождение стула сомнений ни у кого не вызывает [Wilson, 1958. P. 45, 46; Kiss, 1996. P. 270], хотя точные параллели концештскому стулу мне неизвестны.

Римские складные стулья хорошо известны [Mráv, 2013. Abb. 21. Appendix 1], например, в Помпеях, Остии и Геркулануме [Wilson, 1958. P. 45, 46; Mráv, 2013. Abb. 2,1], а равно и в восточной части империи, на Евфрате, в Зегма [Dieudonné-Glad, Feugère, Önal, 2013. P. 141–143], имеются их многочисленные изображения (например, рис. 181), а также известный текст Синезия о варварских рабах, отражающий ситуацию 397–400 гг., приведенный Л. А. Мацулевичем: «…и в свите, носящие на плечах низкие складные стулики, чтобы господам можно было садиться на улице, – все скифы…» [цит. по: Мацулевич, 1934. С. 90][7]. Археологически представлены складные стулья и в ранневизантийском контексте. Назовем, например, находку из города Сарды, в Малой Азии [Waldbaum, 1983. P. 79. № 423, 424. Pl. 26, 27]. Складные стулья хорошо известны и в средневековой Европе (рис. 182).

Большая часть найденных в погребениях стульев – железные, часто таушированные, и поэтому не могут считаться параллелями концештской находке. Однако стоит привести стул из погребения B95, в «царском» некрополе Баллана (Ballana), в Нубии (рис. 183). Здесь был найден металлический складной стул ранневизантийского происхождения, несколько иной конструкции, чем в Концештах, но тоже украшенный декором в виде львиных голов. Примерная дата гробницы – 470/480 гг. [Török, 1988. P. 146. Pl. 111,23].

Обломок горла серебряного кувшина (табл. 26, *2*) [Скалон, 1968; Засецкая, 1994. Табл. 20,2; Harhoiu, 1998. P. 124–127. Taf. XIX,5; Залесская, 2006. № 9]. Высота 12 см. Фрагмент принадлежит сосуду с узким горлом, он имеет рельефный горизонтальный валик и чешуйчатый декор ниже валика.

Кувшин явно позднеримского / ранневизантийского происхождения, позднего IV – раннего V в. Параллели ему известны в Барбарикуме. Это находки в «княжеском» погребении гуннского времени Большой Каменец 1918 г., на Днепровском Левобережье, а также в кладах V в. Трапрайн (Traprain Law) в Шотландии, Борочицы, где также найден медальон Иовиана (363–364 гг.) (табл. 25), на Волыни, Жигайловка на Днепровском Левобережье, Петросса (Pietroasa) в Мунтении и Таутени (Tauteni) в Трансильвании. Кроме того, такие кувшины известны по коллекции Кливлендского музея и по находкам в керченских гробницах 24.06.1904 г. [Скалон, 1968; Harhoiu, 1998. P. 124–127]. По мнению М. Мунделл-Манго, подобные кувшины, но с ручками, существуют как в западноримской, так и в восточноримской традиции [Mundell Mango, 1990. P. 76, 77, 83, 84].

Серебряная ваза-амфора (табл. 29) [Засецкая, 1994. Табл. 21,1; Harhoiu, 1998. P. 122–124. Taf. III–VIII; Залесская, 2006. № 4]. Высота 42,5 см, диаметр тулова 29 см. Ваза имеет две ручки в

[7] Там же дан греческий оригинальный текст по: Migne J.-P. Patrologia graeca. 1859. T. LXVI. P. 1093.

виде кентавров, выделенную широкую ножку. Овоидное тулово украшено тремя рельефными фризами со сценами охоты, амазономахии и плывущих на дельфинах нереид. Ваза также имеет рельефный валик на горле. Ниже валика на горле имеется чешуйчатый декор, поперек тулова вазы идут два рельефных декорированных валика, разделяющих фризы. На ножке сосуда – окантовка в виде «жемчужного декора».

Параллели узкогорлой вазе с овоидным туловом имеются в знаменитом кладе Севсо (Seuso), среднедунайского происхождения, в Борочицком кладе на Волыни (табл. 25), похожий сосуд происходит из Порто Баратти (Porto Baratti) в Тоскане [Baratte, 1991]. Ряд элементов декора вазы представлен также на металлической позднеримской посуде из Трапрайн, Таутени, Гроссбодунген (Grossbodungen), Милденхэлл (Mildenhall). Форма вазы очень похожа на рейнскую стеклянную и глиняную посуду IV в. [Harhoiu, 1998. P. 122–124]. Впрочем, подобные керамические формы существовали и в восточной половине империи, об этом свидетельствует находка на черняховском могильнике Николэ Балцеску (Nicolae Bălcescu), в Мунтении [Mitrea, Preda, 1966. Fig. 246,4], а также в Северной Африке [Hayes, 1972. P. 197. Form 173]. Сцены охоты, вроде представленных на одном из фризов, хорошо известны на металлической посуде конца IV – начала V в., например, на сосудах из Жигайловки, Таутени, из клада Севсо (Seuso), происходящего то ли с Ближнего Востока, то ли из среднедунайского региона, и на ранневизантийском кувшине, попавшем в аварскую могилу Будакалаш (Budakalász) [Vida, 2008. P. 381].

Мнения исследователей по поводу происхождения амфоры – западноримское или константинопольское – разделились. Как полагает М. Мунделл-Манго, изучившая этот тип посуды в связи с кладом Севсо, такие амфоры, скорее, отражают всё же восточноримскую традицию, как в свое время и предполагал Л.А. Мацулевич [Mundell Mango, 1990. P. 80, 81]. Кувшин с охотничьими сценами, из аварского контекста, найденный в Будакалаш, также, видимо, происходит из восточноримских / ранневизантийских мастерских [Vida, 2008. P. 387].

Серебряное ведро-ситула (табл. 30) [Засецкая, 1994. Табл. 21,2; Harhoiu, 1998. P. 122. Taf. IX–XIV; Залесская, 2006. № 5]. Высота 22,5 см, диаметр 16,7 см. Ведро имеет усеченно-коническую форму, высокую ручка из стержня, имитирующего «жемчужный» декор. На тулове сосуда центральный фриз с рельефными мифологическими сценами обрамлен двумя широкими бордюрами с растительным орнаментом. На ведре имеется надпись по-гречески, указывающая вес сосуда – 12 литров, 1 унция, 7 граммов, т.е. 3 кг 949 г.

По Р. Хархою, похожие ситулы есть в Цезарее и в ранее упомянутом кладе Гроссбодунген. Стилистически декор сосуда, по его мнению, ближе всего к посуде из Гроссбодунген. Хронологически ведро относится, самое позднее, к 370–400 гг. [со ссылкой на: Grünhagen, 1954. P. 50]. Р. Хархою склоняется к мнению, что по стилю ситула происходит, скорее, из западной половины империи [Harhoiu, 1998. P. 122]. Отметим, что для гуннского времени это не единственное «княжеское» погребение, где представлена ситула. Фрагмент ведра также был найден в одним из «княжеских» погребений в Большом Каменце, в верховьях Суджи [Мацулевич, 1934. С. 47–49].

Серебряное блюдо (Ianx) (табл. 31) [Harhoiu, 1998. P. 120, 121. Taf. XV, XV; Залесская, 2006. № 6]. Диаметр 55,3 см. Блюдо имеет медальон в центре, с геометрическим и растительным декором и широкий бордюр по краю, с растительным декором, изображениями животных и портретами в медальонах.

Помимо Концешт широкое блюдо известно в уже упоминавшемся кладе гуннского времени в Петроссе (табл. 24-25), где Р. Хархою подчеркивает символический характер блюда, как возможного признака власти. Скорее, видимо, надо говорить о маркирующем характере не только блюда, но и всего пиршественного набора. Такие наборы хорошо известны в Барбарикуме, начиная с римского времени (см. ниже), а также в царствах-сателлитах Империи (например, Армазисхеви в Иберии, см. ниже). Параллели медальону Р. Хархою отмечает на блюде из клада гуннского времени в Хаммерсдорфе (Hammersdorf/Mloteczno), в Восточной Пруссии (клад «В») [о нем см.: Bott, 1982; Кулаков, 1998. Рис. 3,4; 2003. С. 99; Cieśliński, 2008. P. 124–127], а также на керченской металлической посуде [Harhoiu, 1998. P. 120, 121].

Обряд погребения

По Л. А. Мацулевичу, топография концештского погребения напоминает «княжеские» захоронения гуннского времени в Большом Каменце, принадлежавшие, на наш взгляд, готской знати гуннского времени [Казанский, 1997]. В обоих случаях для могил выбрано место, связанное с рекой (в Концештах вода источника проникала в погребение), на момент находки ничем не выделяющееся среди окружающего ландшафта. В обоих случаях отмечены в погребальном инвентаре набор посуды и нашивные золотые украшения, последнее, впрочем, для Концешт не доказано [Мацулевич, 1934. С. 57]. Л. А. Мацулевич сравнил эти приречные захоронения с тайными могилами варварских вождей, о которых пишет Иордан, в частности, с погребением визиготского предводителя Алариха, похороненного в Южной Италии [Мацулевич, 1934. С. 58]. Итак, согласно Л. А. Мацулевичу, речь идет об интернациональном обряде, связанном с высоким социальным статусом погребенного и имевшим широкое распространение в варварской среде [Мацулевич, 1934. С. 92, 93].

Не отрицая выводов Л.А. Мацулевича, постараемся всё же определить некоторые параллели погребальному обряду концештского захоронения и приблизиться, таким образом, к вопросу о статусе и этнокультурной принадлежности погребенного, насколько вообще такая постановка вопроса возможна для варварской аристократии гуннского времени. Сразу же уточним, что такие детали погребального обряда как присутствие парадного оружия, «статусной» золотой гривны, элементов конской узды, украшений полихромного стиля типичны как для относительно романизированного Барбарикума, так и для варваризированной военной знати Империи и ее сателлитов. Они имеют настолько очень широкое географическое распространение, что подбор аналогий теряет всякий смысл и их привлечение для изучения происхождения погребенного в Концештах непродуктивно. Точно так же и распределение вещей в погребальной камере, когда значительная часть инвентаря находится на некотором удалении от костяка, известно как у варваров, в частности, в «княжеском» погребении в Кишпеке [Бетрозов, 1987. С. 13–19], так и у сателлитов Империи, например, на Боспоре, в сирийском Хомсе (Homs), управлявшимся местной династией арабского происхождения, подчиненной Риму, или в постмероитской Нубии, где существовало царство бледмиев. Последние также являлись сателлитами Империи. Их «аристократическая» культура известна, в первую очередь, по находкам в некрополях Кустул (Qustul) и Баллана (Ballana). Это захоронения аристократии в каменных гробницах, сопровождавшихся принесенными в жертву животными и слугами, содержавшие богатый инвентарь [Török, 1988].

Вообще, аристократические могилы на восточной и южной периферии Римской империи, несмотря на географическую удаленность, некоторый хронологический разрыв и совершенно иную этнокультурную среду, напоминают захоронения знати на Боспоре и в Закавказье. Здесь погребения также совершались в каменных гробницах, сопровождались многочисленными предметами роскоши, в том числе украшениями полихромного стиля, оружием, погребальными металлическими масками (Хомс, погр. 1), а в Нубии, как мы увидим далее, даже захоронениями коней. В целом, можно утверждать, что вдоль восточной границы Римской империи, от Боспора до Нубии, формируется цепь вассальных государственных образований, аристократическая культура которых во I–V вв., видимо, под влиянием Рима, приобретает ряд общих черт.

Погребения в каменном склепе. При изучении концештской находки, и в частности деталей погребального обряда, сразу бросаются в глаза

Рис. 173. Диадемы из погребений Боспора Киммерийского
1 – Джурга-Оба, склеп 4.2002 г. [по: Ermolin, 2012];
2 – Керчь, Митридат, погребение 1918 г., т.н. Мессаксуди (фото Musée d'archéologie nationale)

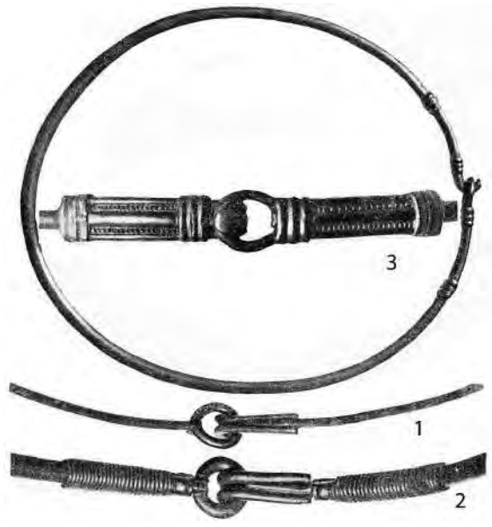


Рис. 174. Замки гривен эпохи переселения народов [по: Мацулевич, 1934]
1, 2 – Керчь, погребения 24.06.1904 г.;
3 – Паники («обоянская находка 1849 г.»)

его черты, связанные по происхождению с античной, греко-римской традицией. Одной из таких черт является совершение погребения в каменном плитовом склепе. Такой обряд хорошо известен в Римской империи, в том числе у греческого населения Северного Причерноморья, а равно и в балкано-дунайских римских провинциях. Зато он практически полностью отсутствует у варваров Восточной и Центральной Европы позднеримского и гуннского времени.

У гуннов известно вторичное использование античных склепов, в Марфовке и Беляусе [Засецкая, 1993. С. 177, 178], однако сами гунны таких склепов никогда не сооружали. Возможно, для них каменные склепы, оставленные в Причерно-

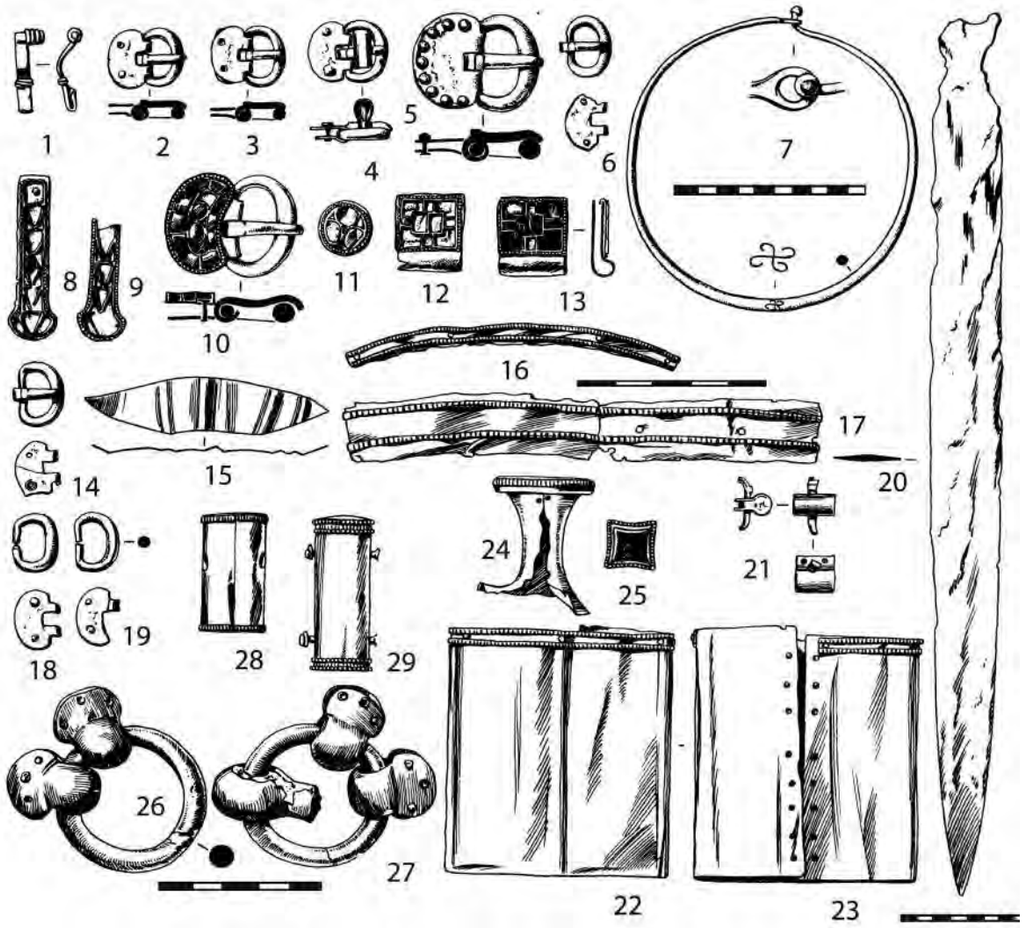


Рис. 175. Вещи из погребения в Муслюмово [по: Засецкая, 1994]

морье греками, ассоциировались с каменными гротами, где также известны захоронения кочевников гуннского времени (Кызыл-Адыр, Каменная Могила) [Засецкая, 1993. Рис. 2; Михайлов, 1994. С. 109, 110]. Примечательно, что Аммиан Марцеллин подчеркивает неприязнь гуннов к пребыванию в строениях, которые им напоминают могилы: «Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение как к гробницам, отрешенным от обычного людского обихода» (Аммиан Марцеллин, XXXI. 2.4)[8]. Тем не менее, использование каменных склепов кочевниками, судя по данным археологии, носило эпизодический характер. У германцев, и вообще оседлых варваров, каменные склепы являются крайне редкими. Пожалуй, можно привести лишь погребальную камеру 1 в небольшом «княжеском» некрополе Закшув (рис. 179) [Quast, 2009. P. 15, 16. Abb. 24]. Наличие каменной обкладки камеры в «княжеских» погребениях у варваров гуннского времени предполагается для находки 1918–1919 г. в Большом Каменце [Мацулевич, 1934. С. 55, 56]. Чаще же всего в привилегированных погребениях европейских варваров римского и гуннского времени зафиксированы деревянные конструкции [Quast, 2009. P. 13–15]. Кстати, некоторые из них имеют каменную обкладку [см., напр.: Czarnecka, 2003. Abb. 6], что, возможно, и объясняет информацию о наличии камней в Большом Каменце. Не исключено, что подобная конструкция погребального сооружения имела место и в Закшуве. Что же до Концешт, то здесь, судя по описаниям находчиков, речь идет, скорее, о настоящем каменном склепе.

Погребения с диадемами из золотой фольги. Вторым несомненным элементом греко-римской античной традиции является присутствие на погребенном диадемы из золотой фольги, украшенной листьями. Согласно Р. Хархою, эта традиция связана, прежде всего, с греко-боспорской средой [Harhoiu, 1998. P. 59], но в реальности она была распространена гораздо шире, как в Римской империи, так и у населения царств-сателлитов Рима.

Погребальные венки и диадемы с листьями хорошо известны как в археологических находках, так и в иконографическом материале римского (ранневизантийского) времени в Восточном Средиземноморье, в частности в Египте (погребальные изображения) [Doxiadis, 1995. P. 234. Pl. 9–12, 15, 16, 55, 56 и т.д.], в Месопотамии [Dieudonné-Glad, Feugère, Önal, 2013. P. 45–47. Pl. 1], в Пергаме, на Кипре и т.д. [Dieudonné-Glad, Feugère, Önal, 2013. P. 46], а также на территории балкано-дунайских провинций, в Западном Причерноморье. В качестве примера назовем находку в Каллатисе (Callatis), в погребении середины II в. [Goldhelm, 1994. P. 203. № 80,1]. В некрополе города Томы (Tomis), в погребении I – раннего II в. были обнаружены золотые листики у черепа, но металлическая лента не зафиксирована [Goldhelm, 1994. P. 184. № 63,1]. Известны и венки из живых растений, например, в раннесредневековых погребениях Марселя [Boyer et al., 1987. P. 89. Fig. 86].

Для царств-«клиентов» Рима подобные погребальные диадемы нам известны на Боспоре Киммерийском и в Иберии. Для Пантикапея римского времени особенно типичны диадемы в виде ленты из золотого листа, с укрепленными на ней листьями (см. выше). Можно назвать следующие, отчасти уже упомянутые находки: погр. Юлия Каллисфена, Царский Курган, погр. 1910 г., Глинище, погр. с золотой маской 1837 г., Аджимушкай, погр. 1841 г., Глинище-Карантинная Слободка, погр. 1910 г. [Šarov, 2003. Abb. 6,1,9,11,23,25; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 7,2,9,80,92,96; Тайна золотой маски, 2009. № 2], а также погребения на территории завода Херхарулидзева 1841 г. [Reinach, 1892. P. 43. Pl. III,1,2] и 1842 г. [Reinach, 1892. P. 44. Pl. IV,1], Митридат, погр. 1869 г. [Stephani, 1875. P. 24. № 16], т.н. погребение Мессаксуди 1918 г. (рис. 173, *2*), список может быть продолжен. Особую форму диадемы представляет находка в Аджимушкае, погр. 1873 г., где листья были соединены тонкими ленточками с медальоном в центре, изображавшим какого-то «восточного» персонажа. За пределами Пантикапея диадемы с листьями представлены для периода C3/D1 (примерно 330–400 гг.), в частности, на могильнике Джург-Оба, склеп 4.2002 г. [Ермолин, 2003. Рис. 11,58] и на могильнике Заморское, погр. 4 [Корпусова, 1973. Рис. 3].

Для эпохи переселения народов погребальные диадемы с листьями известны, например, в следующих боспорских погребениях: Пантикапей/Боспор, Глинище 1896 [Штерн, 1897. Рис. 1], склеп 145.1904 г. [Засецкая, 1993. № 21], склеп 154.1904 г./погр. 2 [Засецкая, 1993. № 221], склеп 165.1904 г./погр. 5 [Засецкая, 1993. № 288], два склепа 24.6.1904 г. [Засецкая, 1993. № 72–75], погр. 83.1910 г. [Шкорпил, 1913. С. 69], так называемое погребение Мессаксуди 1918 г. [Beck, Kazanski, Vallet, 1988. Fig. 2,1], Джурга-Оба, погр. 29.2007 (рис. 173, *1*) [Ermolin, 2012. Fig. 3,1,2], возможно, к тому же времени относится и находка в Тузле, склеп III.1951, камера 1 [Зеест, 1951. Лист 38]. Похоже, что обычай погребения с диадемами сохраняется и в постгуннское время. Об этом, кажется, свидетельствует находка в могиле 3.1986 г. [Засецкая, 1998. Табл. 10,3], с пальчатыми фибулами VI в.

В Закавказье помещение диадем греко-римского облика отмечено в ряде аристократических погребений в Иберии. Назовем такие находки как Мцхета, погр. 45.1981 г. [Апакидзе и др., 1984. Табл. LIV,6], Самтавро, погр. 905 [Apakidze, Nikolaishvili, 1994. P. 44. № 38].

Рис. 176. Некоторые птицевидные украшения с декором в виде перегородчатой инкрустации [по: Thiry, 1939]
1 – Керчь; 2 – Концешты; 3 – «Южная Россия»; 4 – Лавиньи (Lavigny); 5 – Мартере (Marthéray); 6 – Чивидале (Cividale); 7 – Роммерсхейм (Rommersheim)

Рис. 177. Кинжал из кургана 2 могильника Брут [по: Gabuev, 2000]

[8] Близкий перевод дают и Ю.А. Кулаковский и А.И. Сони (с. 491): «Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей» (Аммиан Марцеллин, XXXI. 2.4).

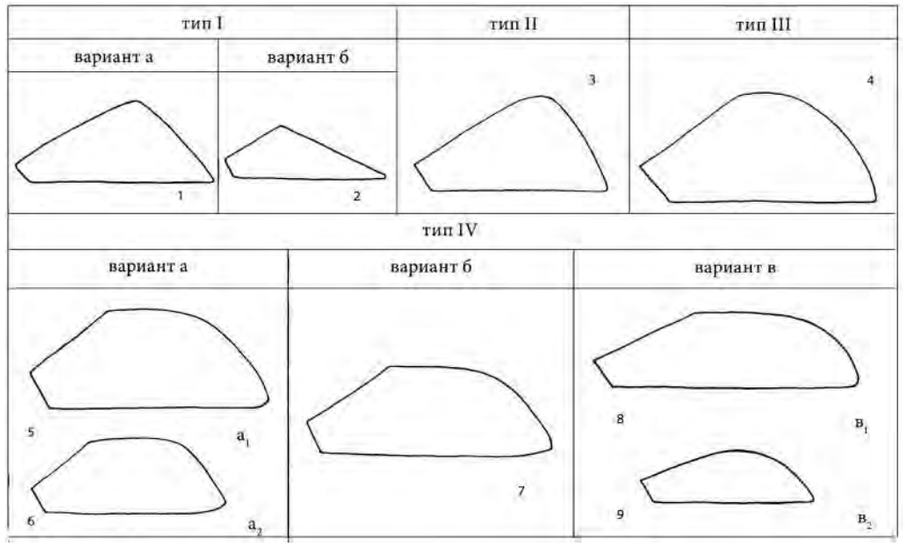


Рис. 178. Типология металлических накладок седел эпохи переселения народов [по: Засецкая, 1994; Засецкая и др., 2007]

В то же время, такой погребальный обычай практически полностью отсутствует у варваров. Находка в Концештах является, насколько нам известно, единственной в европейском Барбарикуме эпохи переселения народов. Для более раннего времени можно указать, пожалуй, лишь находку в сарматском вождеском погребении Косика на Нижней Волге [Tesori della steppa, 2005. № 79–82].

Погребения с пиршественными наборами металлической посуды. Наборы металлической посуды позднеримского / ранневизантийского происхождения хорошо известны в могилах европейских варваров, а также в захоронениях аристократии царств-сателлитов. Однако они практически полностью отсутствуют в степном контексте эпохи переселения народов. В позднесарматское время погребения кочевников с римской металлической посудой единичны. Пожалуй, можно назвать лишь «вождеское» погребение в Кишпеке, в Кабардино-Балкарии, датированное временем около 300 г. [Бетрозов, 1987. Рис. IV,4]. Столь же редки и находки металлической римской посуды в степных могилах гуннского времени. Один серебряный тазик с горошчатым орнаментом по краю был найден на Дону, в Павловке-Сулин [Кропоткин, 1970. № 733]. Можно также упомянуть металлический кубок с греческой надписью и фрагмент чаши с перегородчатой инкрустацией из Сегеда-Надьзиекшош [L'Or des princes barbares, 2000. № 19,12,13] или бронзовую миску из Енджиховице [Akföldi, 1932. Taf. XIX,10][9].

Зато пиршественные наборы металлической посуды хорошо известны у оседлых варваров, в первую очередь, германцев (рис. 184). Они представлены в «вождеских» погребениях позднеримского времени, типа Хасслебен-Лейна (Hasslebe-Leuna) и Островяны (Ostrovany/Osztrópataka) [см., напр.: Schulz, 1953. Taf. V,1, VI, VII,1, XVI, XXII–XXV; Schmidt, 1982. Blatt DDR 5,3(1),4–6; 6,4(1),4,5; 6,4(2),6-8; 9,4(1),4,5; 9,4(3),18; 10,11; 11,6(3),38; 11,6(6),111,113–115,118; Prohászka, 2006. Taf. 11,6,13]. В гуннское время наборы металлических сосудов известны в германских «княжеских погребениях», таких как Большой Каменец [Мацулевич, 1934. Табл. I–VI. Рис. 4, 6]. Встречаются и отдельные металлические сосуды, как на вельбаркском могильнике в Прущ Гданьский (Praust/Pruszcz Gdański) [La Baume, 1934. P. 154. Taf. 75,g]. В постгуннское время позднеримская металлическая посуда тоже попадает в «княжеские» могилы, такие как Апахида (Apahida), погр. 1, в Трансильвании [Harhoiu, 1998. Taf. LX].

Присутствие дорогой металлической посуды также засвидетельствовано для аристократических погребений в царствах-сателлитах Империи. Вспомним хотя бы известное боспорское погребение на Глинище, 1837 г., с золотой маской [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 85–87, 89–91; Тайна золотой маски, 2009. № 32–36, 41, 42, 44]. В гуннское время серебряная посуда представлена в ряде боспорских склепов, таких как Гордиковский 1891 г. [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 97,3; 98], склеп 145.1904 г., тайник [Засецкая, 1993. № 38], два склепа 24.06.1904 [Засецкая, 1993. № 182, 184].

Помимо Боспора дорогая металлическая посуда известна в погребениях иберийской знати,

[9] Разумеется, это не означает, что у кочевников позднеримского и гуннского времени вообще не было серебряной и золотой посуды, она упоминается в рассказе Приска о ставке Атиллы (Приск, Готская история, фр. 8). Однако из погребального инвентаря она была по каким-то причинам исключена.

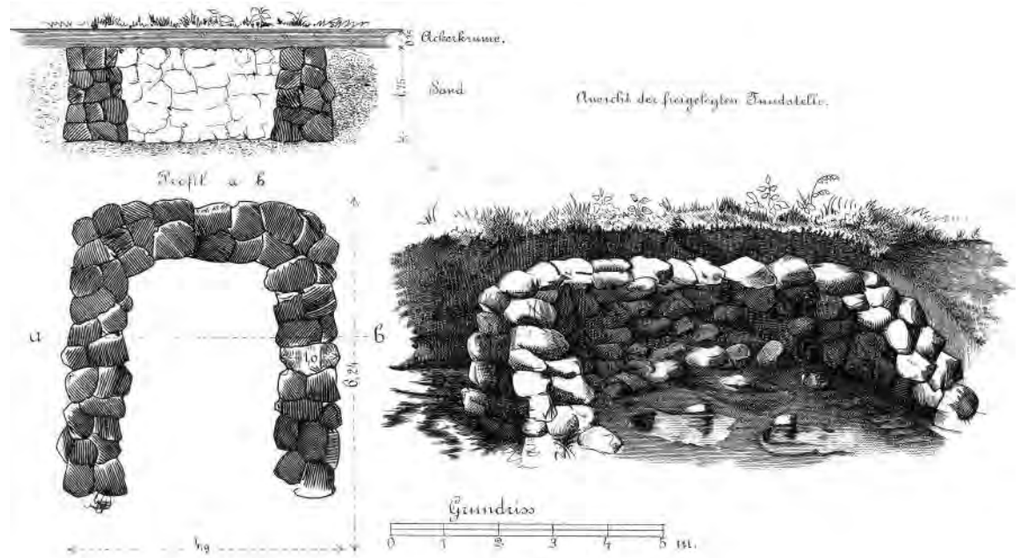


Рис. 179. Каменная конструкция в погр. I могильника Закшув (Zakrzów/Sackrau) [по: Quast, 2009]

например, в Армазисхеви [Лордкипанидзе, 1985. С. 90], Самтавро, погр. 905 [Apakidze, Nikolaishvili, 1994. № 6–15], Згудери [Немсадзе, 1977. С. 111, 112], Арагвиспири, погр. 13 [Рамишвили, 1977. С. 117–120]. Серебряная посуда встречена и в датированной I в. «княжеской» гробнице № 1 некрополя Хомса, в Сирии [Seyrig, 1952. P. 246, 247. Fig. 27]. Наконец, ранневизантийская посуда очень многочисленна в «королевских» некрополях Нубии Кустул (Qustul) и Баллана (Ballana) [многочисленные примеры: Török, 1988].

Погребения со шлемами. Погребения, содержащие шлем в инвентаре, редко встречаются на территории Восточной и Центральной Европы в позднеримское и гуннское время[10]. Столь же экзотичны они и для территории Римской империи и её царств-сателлитов. Упомянем в качестве примера аристократическую гробницу № 1 в некрополе Хомса, относящуюся, правда, к более раннему времени, I в. н.э. Шлем, по рассказам находчиков, был поставлен около головы погребенного [Seyrig, 1952. P. 208, 210–227. Pl. XXI–XXV]. В публикации материалов Хомса приводятся довоенные находки в аристократическом фракийском погребении Бизие (Bizyé), где шлем также находился около головы погребенного [Seyrig, 1952. P. 217. Pl. XXI–XXV]. Еще одна ингумация с железным римским шлемом и краснолаковой посудой (ARS 59B и ARS 61A), датирующейся, по сочетанию форм в данном закрытом комплексе, примерно 350–420 гг., была обнаружена на могильнике эль-Хадифа (el-Haditha), на восточном берегу Мертвого моря, на территории Иордании. По данным *Notitia Dignitatum* в этом районе в конце IV – начале V в. размещались *equites Mauri Illyriciani, equites indigenae sagittarii* и, наконец, *legio IV Martia*. Скорее всего, погребение принадлежит военнослужащему или ветерану одной из этих воинских частей. Калотта шлема изготовлена из двух частей, соединенных металлической лентой, он относится к так называемому «Ridge Type», известному по находкам вдоль римского лимеса в Интерцизе, Кайзерогсте и Вормсе [Parker, 1994]. По времени на территории Империи эта находка, пожалуй, наиболее близка погребению в Концештах.

Стоит подчеркнуть, что присутствие шлема в могилах, как в Барбарикуме, так и на римской территории[11], как правило, связано с высоким социальным статусом погребенного, о чем свидетельствует богатый инвентарь и наличие престижных предметов. Высокий статус погребенных со шлемами характерен и для королевств раннего средневековья, например, для франков и аламаннов

[10] Для более раннего времени так называемые каркасные шлемы известны на рубеже эр у сармат [Хазанов, 2008. С. 143]. В I–III вв. серия каркасных (или каркасно-ламеллярных) шлемов известна на Кубани и в Прикамье [Лурье, 2012]. Это находки в кургане 6 станицы Тбилисская [Бажан, Гей, 2000. С. 117–119; Гущина, Засецкая, 1994. С. 11], в погр. 1, 4, 6, 8, 10 могильника Городской [Сазонов, 1992. С. 248, 249. Рис. 2,11; 7,3; 9,5; 11,4; 15,1), в погр. 27 Суворовского могильника [Голдина, Волков, 2000. Рис. 18,1; о дате см.: Бажан, Гей, 2000. С. 117–119], в погр. 782 Тарасовского могильника [Голдина, 2003. Табл. 342] и в погр. 10 и 80 Нивского могильника [Бажан, Гей, 2000. С. 116, 117]. К тому же времени относится и шлем с заостренной полусферической калоттой из погр. 30 Суворовского могильника [Голдина, Волков, 2000. Рис. 18,2; о дате см.: Бажан, Васкул, 1988. С. 80. Рис. 3,100]. По иконографическим данным можно предполагать бытование таких шлемов в это время и на Ближнем Востоке [подробнее: Kazanski, 1993a. P. 59, 60. Pl. 40].

[11] Впрочем, встречаются и исключения, как, например, вышеназванная могила из эль-Хадифа, сопровождавшаяся вполне ординарным погребальным инвентарем.

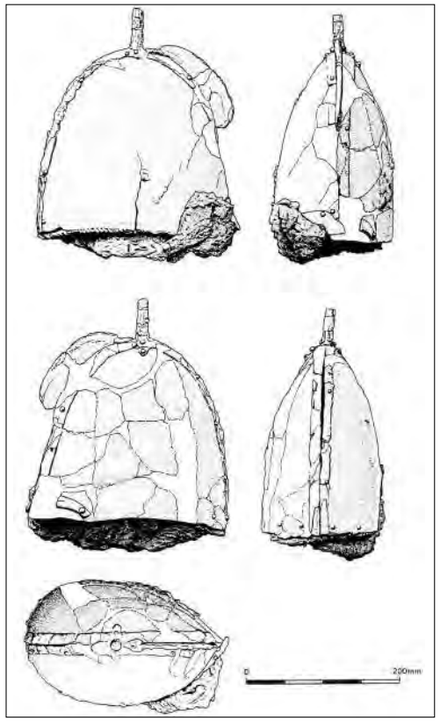


Рис. 180. Шлем из Дура-Европос (Dura-Europos) [по: Leriche, 1992]

Рис. 181. Изображения ранневизантийских складных стульев [по: Grabar, 1966]
1 – манускрипт начала VI в.; 2 – Антиохия, V в.

меровингского Запада, островных англо-саксов, гепидов Дуная, лангобардов Италии, свеев Средней Швеции.

Однако вернемся в европейский Барбарикум позднеримского времени и эпохи переселения народов. Кроме Концешт, находки шлемов в погребениях для этого времени отмечены на Северном Кавказе и в Волго-Уральском регионе.

На Северном Кавказе для позднеримского времени и эпохи переселения народов нам известны два таких погребения. Наиболее ранним является «вождеское» погребение в деревянной подкурганной камере на могильнике Кишпек, в Кабардино-Балкарии (рис. 185). Погребение содержало богатый инвентарь, в частности шлем, набранный из узких вертикальных пластин, соединенных шишаком, и украшенный сердоликом [Бетрозов, 1987. Рис. III,1]. По совокупности инвентаря погребение датируется временем около 300 г., т.е. концом периода С2 или самым началом периода С3 хронологии европейского Барбарикума (соответственно 250/260–300/320 и 300/320–350/370 гг.) [подробнее: Казанский, 1994].

Второй шлем подобной конструкции (рис. 186, *17–22*), но без полихромного декора, зато с наушниками, выполненными в античной традиции, был найден в Южном Дагестане, в некрополе Калкни, в каменной гробнице № 3 [Салихов, 1985. С. 168, 172, 173. Рис. V]. Погребение содержало круглую пряжку с длинным хоботковидным язычком, суженным к концу, и кольцом, расширенным в передней части (рис. 186, *13*), что в целом позволяет отнести ее к периоду D1 (360/370–400/410 гг.) или, с меньшей долей вероятности, к периоду D2 (380/400–440/450 гг.), поскольку для D2 всё же более типичны круглые пряжки с равномерно расширенным кольцом и более массивным концом язычка [см., напр.: Tejral, 1987. Abb. 6,3; 10,2,8,12; 1992. Abb. 2,17; 3,18,28,26][12].

В Волго-Уральском регионе шлемы известны для конца позднеримского периода и начала эпохи переселения народов в погребениях «военачальников». Это, прежде всего, находки на могильнике Тураево, в курганах V и VII/1а [Gening, 1995. P. 282, 286, 313. Abb. 25,11; 28,1]. Погребения содержали пряжки с относительно коротким язычком, что типично для периода С3 и начала D1, и в то же время – ременные наконечники,

[12] Оба северокавказских шлема принадлежат единому типу, бытовавшему в течение долгого времени и широко распространенному от Средиземноморья до, по крайней мере, Центральной Азии. В римской армии они засвидетельствованы уже в конце III в., как показывают изображения на арке Галерия 298 г., в Фессалониках. Известны также находки на Боспоре Киммерийском, в Керчи, в постгуннском контексте (см. ниже) и в крепости Ильичевка, на Тамани. Наконец, подобные шлемы отмечены у лангобардов в Италии, в позднем VI и раннем VII в. и у аламаннов в Южной Германии, в VII в. [Kazanski 1993. P. 59, 60. Pl. 40].

Рис.182. Средневековые складные стулья [по: Wilson, 1958]

более типичные для периодов D1 и D2 [о них см.: Kazanski, Akhmedov, 2007. P. 255–258]. Тураевские погребения по времени могут быть сопоставлены с такими находками как Муслюмово, Брюхановский, Утамыш, относящимися в целом ко второй половине IV в. [Казанский, 1994. С. 239, 240, 243; Малашев, 2000. С. 204].

Три шлема позднеримского времени или начала эпохи переселения народов найдены на Тарасовском могильнике в Прикамье, в погр. 6, 1685 и 1784 [Голдина, 2003. Табл. 4,17; 620; 668]. Судя по сопровождающим все три погребения характерным пряжкам с кольцом, утолщенным в передней части, коротким загнутым язычком с прямоугольной площадкой у основания, а также по наконечнику, близкому к стреловидному, в погр. 1784, данные погребения Тарасовского могильника соотносятся с периодом С3 варварской европейской хронологии (300/320–350/370 гг.) и датируются концом позднеримского времени или начальной фазой эпохи переселения народов[13].

Отметим, что в обоих случаях речь идет о периферийных по отношению к степи регионах. В кочевническом же контексте шлемы в погребениях неизвестны ни в позднесарматское, ни в гуннское время. Точно так же их нет для этого времени и в европейском Барбарикуме, занятом оседлыми варварами.

Зато обычай помещения шлемов в погребения известен в постгуннское время и в раннем средневековье. Он засвидетельствован в Керчи/Боспоре, в так называемой катакомбе 1891 г. («катакомба Ю. Кулаковского») [Кубарев, Ахмедов, Журавлев, 2003]. Вещи в ней были перемешаны, отсюда происходят монета Льва (453–473) и поясная гарнитура геральдического стиля [Отчет ИАК за 1891 год. С. 59, 60; Кубарев, Ахмедов, Журавлев, 2003. Рис. 7,1,2], а также два шлема [Post, 1951–1953. Abb. 6; 23]. Упомянем серию погребений позднего V–VI в. с шлемами типа Балденхейм, принадлежавших франкским, аламаннским, тюрингским и гепидским предводителям [см. список: Quast, 1993. P. 131, 132], более поздние лангобардские погребения в Италии, относящиеся к позднему VI – раннему VII в. а также аламаннские погребения VII в. в Южной Германии [см. список: Quast, 1993. P. 133] и, наконец, хорошо известные скандинавские и англо-саксонские погребения VII в. со шлемами.

Погребения со стулом. Погребения, содержавшие в своем инвентаре стул, также крайне редки в Барбарикуме и на территории империи. Присутствие металлического складного стула в варварских захоронениях обычно связано с высоким статусом погребенных. Для позднеримского времени можно уверенно назвать одну находку. Это стул из железа, найденный в «княжеском» погребении 1942 г. в Уреки, в Лазике, содержав-

[13] Найденные в Волго-Уральском бассейне шлемы могут быть отнесены к большой группе так называемых Spangenhelme, у которых части калотты соединены широкими металлическими лентами на заклепках. Группа очень широко распространена как в Европе, так и в Азии, в течение очень долгого времени [см. последние работы: Pfaffenbichler, 2007; Glad, 2009].

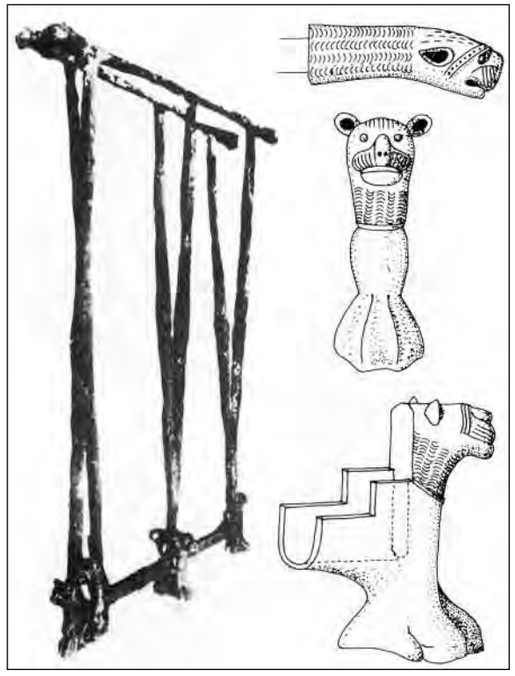


Рис. 183. Складной стул из погр. 95 нубийского могильника Баллана (Ballana) [по: Török, 1988]

1

2

Рис. 184. Пиршественные наборы из германских привилегированных погребений позднеримского времени [по: Quast, 2009]
1 – Химлингейе (Himlingøje); 2 – Закшув, погр. I.

шим монету 275–276 гг. (сначала стул приняли за остатки некоего погребального ложа) [Хоштариа, 1955. С. 56, 57; Леквинадзе, 1975. С. 195–196].

Но большая часть находок складных стульев в погребениях принадлежит уже постгуннскому времени [Kiss, 1996. P. 275, 276; Kazanski, 2002. P. 48, 49]. Это чаще всего железные таушированные изделия. В Западной Европе стулья в погребениях известны, в частности, у франков, лангобардов, англо-саксов. Для меровингского Запада можно назвать находку в женском погребении 363 могильника Брени (Breny) в Пикардии. Здесь железный таушированный стул входил в состав погребального инвентаря, где, среди прочего, представлена булавка, типичная для первой фазы раннемеровингского периода, 470/480–520/530 гг. [Kazanski, 2002. P. 48, 49]. Стулья из железа с серебряной инкрустацией также известны у лангобардов, в могильнике в Ночера-Умбра (Nocera-Umbra), в погр. 1, 5, 17, 60, 67 и 100, позднего VI и раннего VII в. [Wilson, 1958. P. 47; Kiss, 1996. P. 271–274; публикация памятника: Rupp, 2005]. Назовем также складной железный таушированный стул из Англии, возможно из Эссекса, вне всякого сомнения, происходящий из англо-саксонского погребального контекста [Wilson, 1958. P. 40–45]. Металлические складные стулья известны в аварских погребениях Келкед-Фекетекапу (Kölked-Feketekapu), могильник А, погр. 108 и могильник Б, погр. 119, а также в аварском могильнике Замарди (Zamárdi) [Kiss, 1996. P. 270–276; 2001. P. 334]. Наконец, стоит назвать и сасанидский стул из Дайлемана [Overlaet, 1995].

Особое внимание привлекает уже упоминавшийся «королевский» некрополь Баллана в Нубии (рис. 183). Здесь, как уже говорилось, в гробнице B95, был найден металлический складной стул ранневизантийского происхождения, тоже украшенный, как и в Концештах, декором в виде львиных голов. Примерная дата гробницы – 470/480 гг. [Török, 1988. P. 146. Pl. 111,23]. Еще один складной стул был найден в гробнице B118, дата которой – 490/500 гг. [Török, 1988. P. 152. Pl. 130,35]. Однако все эти находки, как в Европе, так и за ее пределами, принадлежат времени более позднему, чем погребение в Концештах.

Погребения с конем. В концештском захоронении зафиксировано присутствие коня. Элементы конского снаряжения присутствуют и в сохранившейся части инвентаря (см. выше). Захоронения с конем для позднеримского и гуннского времени известны в европейском Барбарикуме, как у кочевых, так и у оседлых народов. При этом, многочисленные конские погребения зафиксированы у оседлых варваров, не имевших в римское время и эпоху переселения народов тесных контактов с кочевым миром, таких, например, как западные балты [см., напр.: Jaskanis, 1966; Кулаков, 2003. С. 31, 54, 55] или восточные балты Литвы [Вайткунскене, 1986; 1990]. Данные погребения коней у балтов изначально явно связаны с престижным, социально значимым погребальным обрядом, позднее этот обычай «демократизируется» и становится повсеместным на западнобалтских могильниках V–VII вв.

Захоронения коней или частей конской туши характерны, в первую очередь, для кочевников. Для позднесарматского времени в Северном Причерноморье зафиксировано присутствие в степных погребениях как целых скелетов лошадей, например, в Моспинской [Podobed, Simonenko, 1998. P. 99], так и отдельных костей, как в Казаклее [Agulnikov, Simonenko, 1993. P. 91] или Усть-Каменке [Махно, 1960. С. 27]. Возможно, в ряде случаев речь идет о разрушенных погребениях.

Имеются степные захоронения с конями и в гуннское время. Целые скелеты лошадей встречаются не часто, они найдены в погребениях Зеленокумск, на Северном Кавказе [Засецкая, 1993. С. 198] и Солончанка, на Южном Урале [Любчанский, Таиров, 1999. С. 13]. Шкура лошади, от которой сохранились череп и конечности, присутствовала в погребениях Беляус 1, в Крыму, Покровск/Энгельс, курган E25 и Верхне-Погромное, на Волге. Черепа и зубы лошадей, возможно, также свидетельствующие о помещении в могилу шкуры, были найдены в погребениях Страже (Stráže) в Словакии, Алешки 1902 г. и Старая Игрень в Степном Поднепровье, Павловка-Сулин на Дону, Совхоз Калинина в Степном Крыму и Воздвиженская/Здвиженское в северокавказских степях. Известен этот обряд и у кочевников казахстанских степей, в Канаттас и Кара-Агач. Наконец, кости лошади (без уточнения) были найдены в погребениях Будапешт-Цугло (Zugló) в Венгрии, Алешки-Саги и Пролетарка на Нижнем Днепре, Мелитополь-Кизиярская Балка в Приазовье, Богачевка в степном Крыму, Кызыл-Адыр на Южном Урале [Засецкая, 1994. С. 17, 18; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 122]. Для постгуннское времени целый скелет лошади представлен в приазовском кочевническом погребении Дмитриевка-Вольная Вода [Засецкая и др., 2007. С. 110]. Итак, можно отметить, что захоронения с целыми тушами коней хотя и имеются в гуннской степи, но не являются здесь домини-

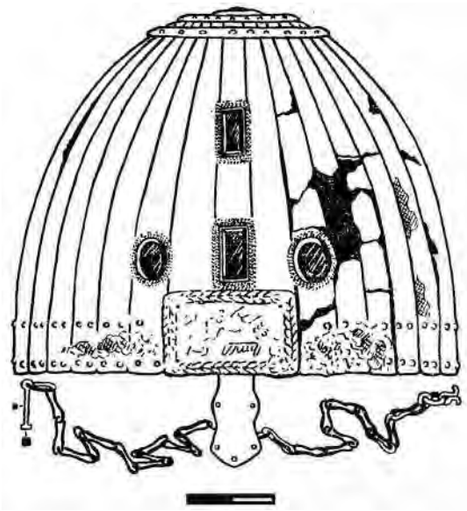


Рис. 185. Шлем из «вождеского» погребения в Кишпеке [по: Бетрозов, 1987]

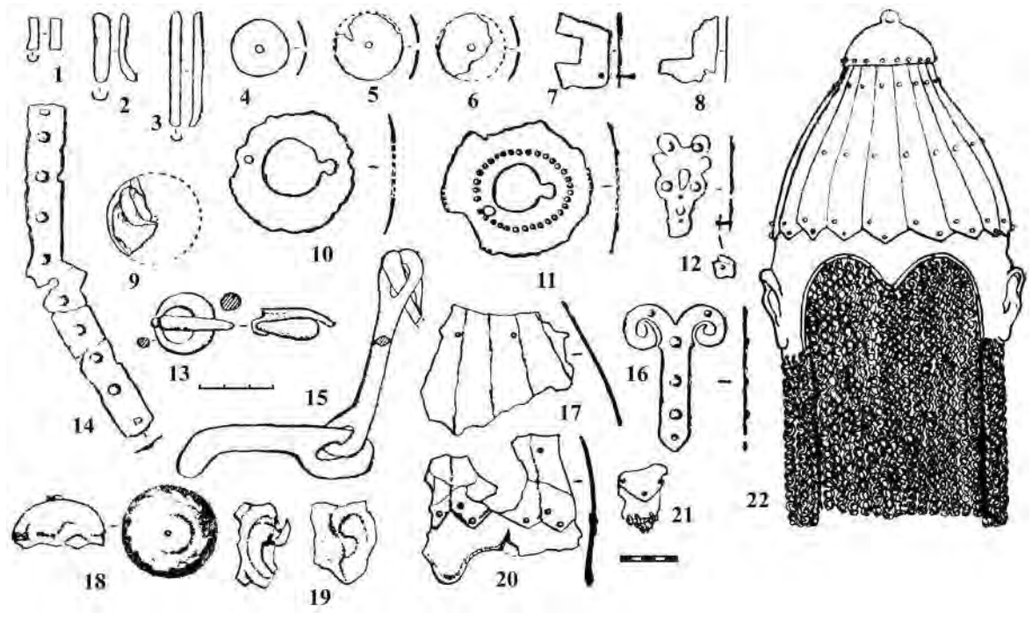


Рис. 186. Инвентарь «воинского» погребения в Калкни (каменная гробница 3) [по: Салихов, 1985]

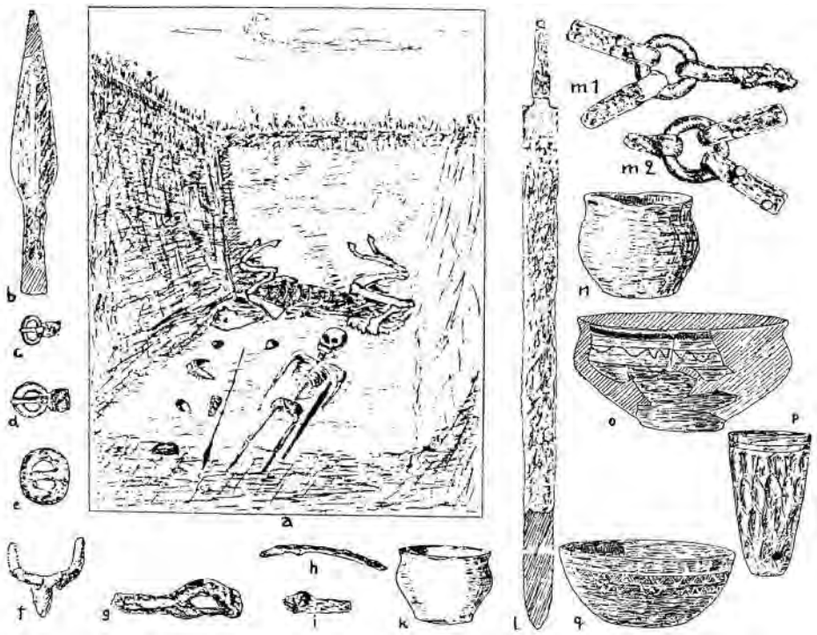


Рис. 187. Погребение с конем Луги (Lugi/Königsbruch) [по: La Baume, 1934]

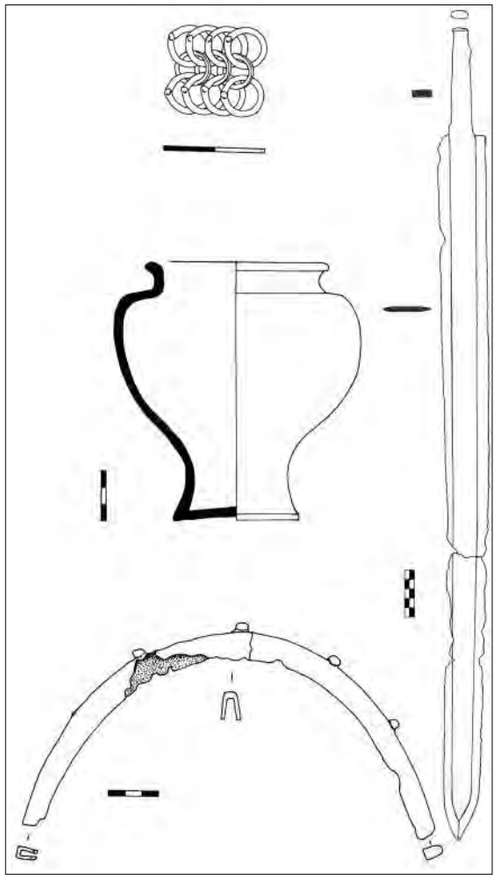


Рис. 188. Воинское погребение в Сарри (Sarry) [по: Chew, 1993]

рующими. Более распространены захоронения со шкурой или головой лошади.

У оседлых варваров Северного Причерноморья и Кавказа погребения целых туш коней представлены, пожалуй, лучше, чем у кочевников. В римское время они известны на Нижней и Средней Кубани [Масленников, 1990. С. 38, 39; Сазонов, 1992. С. 131. Рис. 4,4,6–11; Гущина, Засецкая, 1994. С. 8], на Черноморском побережье Северного Кавказа [Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 187, 189, 190; 2003а. С. 194; Малышев, 2008. С. 132, 133; 2011. С. 233], в Центральном Предкавказье [Абрамова, 1997. С. 27. Рис. 16,1], в Юго-Западном Крыму [Храпунов, 2004. С. 101, 134, 150. Рис. 29–30].

Известны конские погребения у оседлых варваров и в гуннское время. На Северном Кавказе, в аланском некрополе Зарагиж, в погр. 118 лошадь была захоронена в дромосе [Atabiev, 2002]. В Силезии, в погребении Луги (Lugi/Königsbruch), также гуннского времени, скелет находился непосредственно в камере (рис. 187) [Kazanski, Périn, 2005. P. 295]. Также в гуннское время, как особый вид погребения, известны захоронения лошади около погребальной камеры или ямы в кургане Журань (Žuráň), в Южной Моравии [Müler-Wille, 1997. P. 250, 251. Fig. 6; о дате ранних погребений в Журани см.: Kazanski, Périn, 2005. P. 288, 289; Мастыкова, 2013].

Захоронения коней под курганом около погребальной камеры известны и в постгуннское время, в той же Журани, около погребальной камеры, соседствующей с упомянутой ранее [Müler-Wille, 1997. P. 250, 251. Fig. 6], или в погребении франкского короля Хильдерика, в Турнэ (Tournai). Возможно, что в последнем случае конь также был захоронен и в камере [Kazanski, Périn, 2005. P. 295]. Погребения коней сопровождают могилы предводителей второй половины V в. и в некрополе Дюрсо, под Новороссийском [Дмитриев, 1979]. Важно отметить, что в гуннское и постгуннское время у оседлых варваров погребения коней четко соотносятся с привилегированными могилами.

В царствах-сателлитах Империи захоронения с конем хорошо известны на Боспоре уже в римское время, в Пантикапее, Нимфее, Илурате, Горгипии, Фанагории. Туши коней помещались в дромосах погребальных камер или около них [Масленников, 1990. С. 38, 39, 58]. Особо надо отметить находку конского захоронения с богатой сбруей в привилегированном погребении Аджимушкай 1841 г. Здесь конские останки находились в коридоре, ведущем в погребальную камеру [Ростовцев, 1925. С. 245, 246; Шаров, 2012. С. 202]. На могильнике Сиреневая Бухта, в Восточном Крыму, разрозненные кости лошади с удилами перед спуском в дромос и целый скелет в яме с восточной стороны спуска, снаружи, были найдены в склепе склеп 14/2 позднеримского времени или эпохи переселения народов [Масленников, 1997. С. 16. Рис. 30].

Похоже, что в Пантикапее/Боспоре в гуннское время конские погребения не совершались в «семейных» склепах с многочисленными захоронениями. Зато они известны в склепах, принадлежавших персонам высокого ранга, с малочисленными погребениями, но богатым инвентарём. Назовем погребение 1896 г. на могильнике Глинище, в Керчи. Также в гуннское время, как особый вид погребения, отмечено захоронение коней около погребальной камеры или ямы на могильнике Сиреневая Бухта, в склепе 23/11, относящемся к периоду D2/D3, т.е. к 430/440–470/480 гг. [Масленников, 1997. Рис. 30, 50].

В Иберии, также являвшейся сателлитом Рима, для позднеримского времени можно назвать находку в Згудери, погр. 3, где два конских скелета были обнаружены около деревянного саркофага [Немсадзе, 1977. С. 110].

На восточном побережье Черного моря захоронения коней известны у апсилов, также являвшихся «клиентами» Империи. Появление захоронений с конями у апсилов считается одним из археологических проявлений воинского погребального культа. Всего в Абхазии известно 14 погребений коней. Они сосредоточены на двух самых больших некрополях – Шапка и Цибилиум. Погребения коней, которые не удается соотнести с конкретными воинскими могилами, очень часто находятся на «привилегированных» участках этих некрополей. Однако есть случаи, когда захоронения коней сопровождают и погребения с обычным набором оружия (копье, топор, стрелы) [Kazanski, Mastykova, 2007. P. 55–60; 2010; Казанский, Мастыкова, 2009].

Наконец, на другом конце римского / ранневизантийского мира погребения коней засвидетельствованы в нубийских «царских» некрополях Кустул и Баллана. Здесь скелеты лошадей, наряду с другими животными – верблюды, коровы, собаки и пр. – находились, как правило, при входе в гробницу: погр. Q2 [Török, 1988. P. 108. Pl. 57], Q3 [Török, 1988. P. 99. Pl. 43], Q17 [Török, 1988. P. 104. Pl. 50], Q31 [Török, 1988. P. 106. Pl. 54], Q36 [Török, 1988. P. 107. Pl. 56], B2 [Török, 1988. P. 114], B3 [Török, 1988. P. 134], B9 [Török, 1988. P. 125], B10 [Török, 1988. P. 132], B47 [Török, 1988. P. 119. Pl. 73], B73 (Török, 1988. P. 145]. Датируются эти гробницы с 380 по 470/480 гг.

Погребения с седлами. Седла в привилегированных погребениях появляются у варваров понто-кавказских степей, видимо, ещё в позднеримское время. Так, в уже упоминавшемся «вождеском» погребении Кишпек, датированном самым началом IV в., на территории Кабардино-Балкарии, были обнаружены остатки плохо сохранившегося деревянного седла [Бетрозов, 1987. С. 15]. В гуннское время погребения с жесткими седлами хорошо известны у кочевников [Засецкая, 1994. С. 45–50].

Кроме того, в ряде случаев они присутствуют и в могилах оседлой аристократии гуннского времени. Так, в Керчи, в некрополе улицы Госпитальная, седло было найдено в коллективном «фамильном» склепе 165.1904 г., в погр. 5. Седло здесь деревянное, с серебряными украшениями и гвоздиками с позолоченными шляпками [Шкорпил, 1907. С. 49]. В другом керченском склепе, 6.1905 г., был обнаружен смешанный материал [Шкорпил, 1909. С. 3, 4], типичный для гуннского [напр.: Засецкая, 1993. Табл. 3,37] и постгуннского [напр.: Шкорпил, 1909. Рис. 1] времени. Здесь также были найдены остатки седла [Засецкая, 1993. Приложение 3. № 17].

На позднеримском Западе погребения с седлами связаны с военной варваризированной средой. Это погребение воинского предводителя в Мундольсхейм, в Эльзасе, в районе Страсбурга (табл. 14). Здесь были найдены меч и топор (не сохранились), предметы поясной и/или обувной гарнитуры, предметы конского убора. Погребение датируется периодами D2 или D2/D3. Исследование инвентаря позволило предположить северопричерноморское происхождение захороненного здесь офицера, скорее всего, связанного с оседлой понтийской средой [Kazanski, Akhmedov, 2007]. Стоит также упомянуть погребение конца IV в. в Северной Галлии, в Сарри (Sarry) (деп. Марна), содержавшее в своем инвентаре, помимо прочего, меч, кольчугу и металлические детали седла (рис. 188) [Chew, 1993].

Примыкает по времени к гуннской эпохе и катакомба 10 могильника Лермонтовская Скала-2, в Пятигорье. Это аланское коллективное (семейное) погребение в катакомбе. Здесь были захоронены женщина и молодой человек с инвентарем гуннского времени и мужчина с вещами постгуннской эпохи. Седло с другими предметами конского убора, обнаруженные в камере, относятся к одному из мужских погребений, гуннскому или постгуннскому [Рунич, 1976; Засецкая и др., 2007. С. 124–136].

Остатки деревянного седла были обнаружены в погр. 3 нубийского некрополя Баллана [Török, 1988. P. 134–144. Pl. 94,286]. Погребение относится ко времени около 450/460 гг. Это камерное аристократическое погребение взрослой женщины, сопровождавшееся, в частности, конскими жертвоприношениями.

Наконец, целая серия «вождеских» погребений с жесткими седлами известна для постгуннского времени в Европе, от Северного Кавказа до Скандинавии и Италии. Это знаменитые «княжеские» захоронения дунайских германцев, такие как Апахида, в Трансильвании [Harhoiu, 1998. Taf. LXIII,1,2] и Блучина (Blučina), в Южной Моравии [Tihelka, 1963. P. 489], подкурганное «вождеское» захоронение 2 на могильнике Хегом (Högom), в Швеции (Норрланд, Медельпад) [Ramqvist, 1992. P. 78–86], уже упоминавшееся погребение франкского «воинского предводителя» 1782 на рейнском могильнике Крефельд-Геллеп [Die Franken, 1996. P. 899, 900. Abb. 192], находка на городском могильнике в Равенне [Bierbrauer, 1975. Taf. XXX], находка в Галайты, в Чечне [Багаев, 2008. Рис. 215,1] и хорошо известные погребения коней с седлами, сопровождавшие захоронения готских предводителей на могильнике Дюрсо, под Новороссийском [Дмитриев, 1979].

Погребения с золотыми нашивными аппликациями. Отмечалось, что в концештском погребении были найдены фрагменты золотых палочек, являвшиеся, по Л. А. Мацулевичу, остатками золотых аппликаций [Мацулевич, 1934. С. 56]. Такие аппликации в виде зигзагообразных золотых палочек, действительно, широко распространены в гуннское время в богатых погребениях оседлых варваров и сателлитов Империи от Нормандии до Дона и Восточного Крыма. Они, в частности, отмечены в таких погребениях и могильниках как Лебень (Lébény), Унтерзибенбрунн, Регёй (Regöly), Эран (Airan), Керчь, Большой Каменец, Папкеси (Papkeszi), Мухино, Лучистое [Mastykova, Kazanski, 2006. P. 291]. Практически все данные находки относятся к периоду D2, т.е. 380/400–440/450 гг. Чаще всего, они принадлежат женскому убору, как об этом свидетельствуют, например, находки в Мухино, Эране, Регёй, Лучистом. В то же время, такие надкладки попадают и в мужские погребения, например, в Лебень. Здесь, в погребении с мечом и портупейным набором, в песке заполнения могильной ямы, была найдена зигзагообразная накладка [Pusztai, 1966. P 3, 5. ábra]. Отметим, впрочем, что полной уверенности в присутствии таких накладок в концештском погребении нет. Речь идет лишь о вполне правдоподобном предположении Л. А. Мацулевича.

Датировка

«Вождеское» погребение из Концешт практически всеми исследователями относится к гуннскому времени, т.е. к последней трети IV – началу/первой половине V в. В правоте такой даты убеждают как вышеприведенные параллели гривне, ременным наконечникам и накладкам с полихромным и тисненым декором, так и принадлежность импортной металлической посуды к конкретному кругу позднеримских (ранневизантийских) изделий позднего IV – начала V в. Другие вещи, в силу их фрагментарности (накладки на седло, листки от погребальной короны) или редкости (птицевидная пластина, фрагменты складного стула), не могут дать достаточно узкой надежной даты.

Два предмета из концештского погребения позволяют утверждать, что эта находка отражает, скорее всего, аристократическую культуру Барбарикума начальной фазы эпохи переселения народов – конца IV и раннего V в., соответствующего периоду D1 или началу периода D2 по хронологии европейского Бабарикума. Это, во-первых, шлем (табл. 27), все более или менее близкие аналоги которому датируются серединой III (Дура-Европос) и, в основном, IV в. (римские «гвардейские» шлемы эпохи Константина-Констанция) (см. выше). Вторым ранним элементом являются ременные наконечники с веерообразным окончанием (рис. 171, *1, 2*; 172, *1, 2*). Судя по приведенным выше параллелям, они характерны для второй половины IV – самого начала V в., как об этом свидетельствуют, в частности, находки в Муслюмово и Кос-Асар (см. выше). Всё вышесказанное позволяет нам датировать погребение в Концештах начальной фазой гуннского времени, или периодом D1 (360/370–400/410 гг.) согласно европейской варварской хронологии.

Статус погребения и его этнокультурная атрибуция

Итак, по особенностям обряда погребения концештская находка напоминает как «вождеские» погребения оседлых варваров эпохи переселения народов, так и аристократические погребения царств-сателлитов Римской империи (захоронение коня, оружия, украшений полихромного стиля, конского снаряжения, присутствие в погребальном инвентаре пиршественного набора, стула). Эти элементы отражают интернациональный характер престижной культуры как варварских предводителей, так и пограничной римской (или греко-римской) аристократии. Некоторые предметы из концештского погребения, а именно бляшки-накладки с тисненым узором и полихромным декором, более всего характерны для степных кочевников гуннского времени и практически не встречаются в захоронениях оседлых варваров. В то же время, в степных могилах практически полностью отсутствуют пиршественные наборы, вроде того, что происходит из Концешт. Другие черты погребального обряда, такие как сооружение плитового склепа или присутствие металлической погребальной диадемы, украшенной листьями, совершенно не типичны для варваров, зато хорошо известны на территории Империи и ее сателлитов.

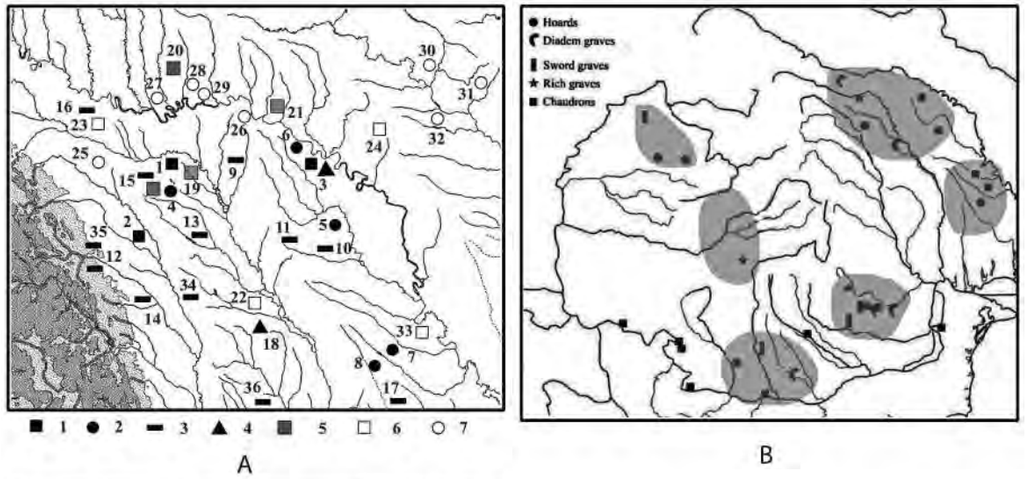


Рис. 189. Нижнее Подунавье в эпоху переселения народов
А – Карта памятников эпохи переселения народов в Северной Молдове и прилегающих регионах
1 – «княжеские» находки; 2 – клады золотых монет; 3 – черняховские могильники; 4 – черняховские поселения; 5 – постчерняховские памятники и находки германского облика; 6 – находки кочевнического облика; 7 – раннеславянские памятники (пражская и пеньковская культуры)
1 – Концешты (Conceşti); 2 – Марицейя (Mariţeia); 3 – Собарь (Sobari); 4 – Ботошани (Botoşani); 5 – Кирилены (Chirileni); 6 – Кременчуг; 7 – Кишинев (Chişinău) II; 8 – Малкоч (Malcoci); 9 – Малаешты (Malaeşti); 10 – Лазо/Слободзия-Чишкарени (Slobodzia-Chişcăreni); 11 – Николаевка; 12 – Извоаре (Izvoare); 13 – Михэлэшени (Mihăläşeni); 14 – Точилени (Tocileni); 15 – Миоркани (Miorcani); 16 – Горошевцы; 17 – Кокоара II; 18 – Яссы-Николина (Iaşi-Nicolina); 19 – Никитень (Nichiteni); 20 – Вербычка; 21 – Григоровка; 22 – Бухаэни (Buhăeni); 23 – Шурбанец; 24 – Рубани; 25 – Кодын; 26 – Бернашевка; 27 – Лука-Каветчинская; 28 – Зеленый Гай; 29 – Бакота; 30 – Куня; 31 – Кочубеевка; 32 – Пархомовка; 33 – Шестачи; 34 – Лецкань (Leţcani); 35 – Сабаэни (Săbăoani); 36 – Бырлад-Валя-Сеака (Bîrlad-Valea-Seacă) [по: Казанский, 2014]
В – Центры власти гуннского времени в бассейне Нижнего Дуная и Днестра [по: Ciupercă, Măgureanu, 2008]

В целом, концештское погребение по богатству отличается от типичных «вождеских» погребений гуннского времени центрально- и восточноевропейского Барбарикума. Мы имеем в виду как погребения горизонта Виллафонтана (Villafontana) (период D1, 360/370–400/410 гг.), так и захоронения «княжеских» горизонтов Унтерзибенбрунн (период D2, 380/400–440/450 гг.) и Смолин (Smolin) (период D2/D3, 430/440–460/470 гг.). «Вождеские» могилы оседлых варваров, как правило, сопровождаются набором оружия, предметами конского снаряжения, поясной и портупейной гарнитурой, иногда торком (см. выше) и небольшим столовым сервизом, чаще всего кувшином и стеклянным кубком [о них подробнее: Tejral 1997; 1999; Kazanski 1996; 1999][14], в них нет шлемов, стульев, пиршественного серебра.

Не достигают такого уровня богатства как в Концештах и «вождеские» кочевнические захоронения гуннов и алан [о последних «вождеских» погребениях в гуннское время см.: Gabuev, 2000; Габуев,

[14] При этом по набору вооружения, представленному в могилах, выделяется две традиции. Первая связана по происхождению с германо-кельтским оседлым варварским миром. Такие наборы включают меч, щит с металлическими элементами, копье, часто топор, иногда предметы конского снаряжения. Подобные погребения в позднеримское время и в эпоху переселения народов распространяются у германцев, в меньшей степени у балтов, прибалтийских финнов, ираноязычного населения Крыма, римских федератов в Абхазии, видимо, под влиянием римской варваризованной армии, а также на Боспоре Киммерийском. В то же время у степных народов и их соседей распространяется обычай помещения в могилу ограниченного набора оружия – меча, иногда кинжала, лука со стрелами и конского снаряжения. В первой половине V в. такой погребальный набор вооружения распространяется, видимо, под влиянием гуннов и алан и у оседлых варваров Центральной и Восточной Европы, при этом погребальная панoплия «кельто-германской» традиции сохраняется на римско-германском Западе, в Северной Европе, в Прибалтике, на Боспоре и в Абхазии [Kazanski, 1999; Казанский, 2010а].

2005. С. 33–42]. У гуннов, кстати, наибольшая концентрация захороненных богатств наблюдается не в погребениях, а в жертвенных (коммеморативных?) комплексах. Судя по обряду погребения и богатому инвентарю, мы имеем дело с погребением варварского предводителя высшего ранга, видимо, «королевского» достоинства. К числу «статусных» элементов, несомненно, относятся парадное оружие, пиршественный столовый набор, складной стул, захоронение коня. По классификации мужских погребений дунайских германцев эпохи переселения народов, предложенной Ф. Бирбрауером, захоронение в Концештах попадает в самую высокую категорию Ia [Bierbrauer, 1989. P. 77–81].

Этнокультурная принадлежность погребенного на основании погребального инвентаря и особенностей обряда, в силу интернационального характера престижной «вождеской» культуры, надежно не определяется [см. подробнее: Казанский, 2014. С. 30, 31]. Однако, благодаря картографированию находок гуннского времени в Нижнедунайском бассейне (рис. 189, *А*), можно заключить, что, скорее всего, концештский вождь был связан не с гуннами, а с оседлыми готами, вне всякого сомнения, находившимися под властью гуннов. Этим готам принадлежат памятники финальной фазы черняховской культуры в Северной Молдавии [подробнее: Казанский, 2014. С. 32–39].

На территории Нижнего Подунавья румынские археологи по концентрации «престижных» и «воинских находок» реконструируют несколько таких центров власти гуннского времени (рис. 189, *В*) [Ciupercă, Măgureanu, 2008]. Есть все основания присоединиться к мнению румынских коллег, что один из таких центров находился на территории Северной Молдавии и Буковины.

Библиография

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М.: ИА РАН, 1997.

Аммиан Марцеллин. История / Пер. и комм. В.В. Латышева // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1906. Т. II.2. С. 323–345.

Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. СПб.: Алетейя, 2000.

Апакидзе А.М., Николайшвили В.В., Сихарулидзе А.Н., Садрадзе В.Г., Хецуриани Л.Г., Гиунашвили Г.Д., Иремашвили Ш.А. Результаты полевых изысканий в Мцхета // Полевые археологические исследования в 1981 году. Тбилиси: Мецниереба, 1984. С. 45–50.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / отв. ред. В.М. Горюнова, Л.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 168–202.

Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. М.: Наука, 2008.

Бажан И.А., Васкул И.О. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тысячелетия н.э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Материалы по археологии Северо-Востока. 1988. Вып. 11. С. 76–89.

Бажан И.А., Гей О.А. Л вопросу о датировке «прикамских» ажурных шлемов // Проблемы хронологии латена и римского времени / отв. ред. М.Б. Щукин, О.А. Гей. СПб.: Ойум, 2000. С. 115–122.

Бетрозов Р.Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии / отв. ред. В.А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус, 1987. Т. 3. С. 11–39.

Вайткунскене Л. К изучению культа коня в Литве V–VI вв. // Советская археология. 1986. № 2. С. 100–109.

Вайткунскене Л. К вопросу о роли коня в древнелитовском погребальном обряде (V–XIII вв.) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд / отв. ред. В.В. Иванов. М.: Наука, 1990. С. 201–206.

Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV–V вв. в Башкирии // Советская археология. 1985. № 2. С. 180–197.

Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. М.: ГМИНВ, 2005.

Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в восточном Прикарпатье // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa / Hrsg. M. Mączyńska, T. Grabarczyk. Lódz: Wydawnictwo Uniwersytetu Lódzkiego, 2000. P. 261–324.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Могильники III–IV веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 187–191.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Раннесредневековые древности побережья // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003а. С. 186–195.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск: Удмуртия, 2003.

Голдина Р.Д., Волков С.Р. Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический сборник. 2000. Вып. 2. С. 98–122.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994.

Дашевская О.Д. Третье захоронение гуннского времени на Беляусе // Российская археология. 2003. № 1. С. 160–163.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. № 4. С. 212–247.

Ермолин О. Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керч) в 2002 р. // Дрогобицький Краезнавчий Збірник. 2003. Вип. 7. С. 8–42.

Залесская В.Н. Памятники прикладного византийского искусства IV–VII веков. Католог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 23–105.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.: Эллипс, 1994.

Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1998. Вып. VI. С. 394–478.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007.

Зеест И.Б. Синдская экспедиция 1951 года. Дневник // Архив Института археологии РАН. Д. Р1-582а.

Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. Вып. IV. С. 238–256.

Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский археологический вестник. 1997. С. 181-193.

Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum Plus. 2010. № 4. С. 17–130.

Казанский М.М. Радагайс и конец черняховской культуры // Oium. 2011а. Вып. 1. С. 22–33.

Казанский М.М. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст // Tractus Aevorum. 2014. № 1. С. 28–51.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. 2009. Вып. 1. С. 225–251.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Погребения коней в Абхазии в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Пятая Кубанская археологическая конференция / отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. С. 150–155

Корпусова В.М. Сільске населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 1973. Вип. 8. С. 27–45.

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе. М.: Наука, 1970. (Свод археологических источников, Вып. Д1-27).

Кубарев Г.В., Ахмедов И.Р., Журавлев Д.В. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи (предварительное сообщение) // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 204–221.

Кулаков В.И. Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в V в. н.э. // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1998. Вып. 13. С. 98–119.

Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 года. М.: Индрик, 2003.

Леквинадзе В.А. Богатое погребение IV в. из Уреки (Грузия) // Советская археология. 1975. № 4. С. 193-208.

Лордкипанидзе О.Д. Иберия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1985. С. 79–93.

Лурье Е.В. Генезис ламеллярных шлемов I–III вв. // Stratum plus. 2012. № 4. С. 157–170.

Любчанский И.Э., Таиров А.Д. Археологическое исследование комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I / отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1999. С. 5–62.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

Малышев А.А. (отв. ред.). Аспургиане на Юго-востоке Азиатского Боспора. По материалам Цемдолинского некрополя. М.: ИА РАН, 2008. (Некрополи Черноморья, II).

Малышев А.А. (отв. ред.). Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху. По материалам некрополя в Широкой Балке. М.: ИА РАН, 2011.

Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.: Наука, 1990.

Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.: ИА РАН, 1997.

Мастыкова А.В. Бусы эпохи Великого переселения народов из «королевского» кургана Журань в Южной Моравии // Краткие сообщения Института археологии. 2013. Вып. 228. С. 46–57.

Махно Е.В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Камянці // Археологчні пам'ятки УРСР. 1960. Вип. 9. С. 14–38.

Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М., Л.: ОГИЗ, 1934.

Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1971.

Михайлов Б.Д. Погребение гуннского времени на Каменной Балке в Северной Таврии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 109–111.

Немсадзе Г.М. Погребения иберийской знати из Згудери // Краткие сообщения Института археологии. 1977. Вып. 151. С. 108–114.

Приск Панийский. Готская История / Греческий, пер. и комм. В.В. Латышева // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1. С. 787–818.

Рамишвили Р.М. Новые открытия на новостройках Арагвского ущелья // Краткие сообщения Института археологии. 1977. Вып. 151. С. 114–122.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л.: Гублит, 1925.

Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // Советская археология. 1976. № 3. С. 256–266.

Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи / отв. ред. Д.Х. Мекулов. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1992. С. 244–274.

Салихов Б.М. Калкнийский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа / отв. ред. М.М. Маммаев. Махачкала: Дагестанский Филиал АН СССР, 1985. С. 167–187.

Скалон К.М. Складной стул из погребения в с. Концешты в Молдавии // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1966. Т. 27. С. 55–59.

Скалон К.М. Об одном ранневизантийском серебряном кувшине из Молдавии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968. С. 257–264.
Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.
Хоштариа Н.В. Археологическое исследование Уреки // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. 1955. Вып. 1. С. 25–78.
Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования 2004. Вып. VI .
Шаров О.В. Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // Stratum plus. 2012. № 4. С. 201–238.
Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1907. Вып. 25. С. 1-66.
Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1909. Вып. 30. С. 1–50.
Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи и в станице Таманской в 1910 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1913. Вып. 47. С. 42–72.
Шпилев А.Г. К уточнению происхождения «обоянского клада» 1849 г. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / отв. ред. В.М. Горюнова, Л.А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 203–204.
Штерн Э. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // Записки Одесского общества истории и древностей. 1897. Вып. 20. С. 1–15.
Agulnikov S.M., Simonenko A.V. A Late Roman Briddle Set from Moldova // Communicationes Archaeologiae Hungariae. Budapest, 1993. P. 91–97.
Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1932. (Acta Archaeologica Muzei Nationalis Hungarici, IX).
Anke B. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach: Beier & Beran Archäologische Fachliteratur, 1998.
Apakidze A., Nikolaishvili V. An Aristocratic Tomb of the Roman Period from Mtskheta, Georgia // The Antiquaries Journal. 1994. Vol. 74. P. 16–54.
Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1986.
Atabiev B. La riche tombe de Zaragij dans le Caucase du Nord // Dossiers d'archéologie. 2002. Vol. 270. P. 7–79.
Baratte F. Remarques à propos de deux objets en argent de l'antiquité tardive // Römisches Österreich. 1991. Bd. 17/18. S. 31–36.
Beck F., Kazanski M. Vallet F. La riche tombe de Kertch du Musée des Antiquités Nationales // Antiquités Nationales. 1988. Vol. 20. P. 63–81.
Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schtzfunde in Italien. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo, 1975.
Bierbrauer V. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Milltelalters // Peregrinaio Gothica. Lodz: Katedra Archeologii Uniwersytetu Lódzkiego, 1989. P. 39–106.
Böhme H.W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire. München: C.H. Beck'sche Verlagbuchhandlung, 1974.
Böhner K. Das Langschwert der Frankenkönig Childerich // Bonner Jahrbücher. 1948. Bd. 48. S. 218–248.
Bott H. Zur Datierung der Funde aus Hammersdorf (Ostpreussen) // Jahrbuch des Römisch-Germaniszchen Zentralmuseums Mainz. 1982. Bd. 23–24. S. 139–153.
Boyer R. et al. Vie et mort à Marseille à la fn de l'Antiquité. Inhumations habilées des Ve et VIe siècles et sarcophage reliquaire trouvés à l'abbaye de Saint-Victor. Marseille: Ville de Marseille / Atelier du patrimoine, 1987.
Czarnecka K. Zum Totenritual der Bevölkerung der Przeworsk-Kutlur // Die Vandalen. Nordstemmen: Trigena, 2003. S. 273–294.
Chew H. Une sépulture militaire de l'époque romaine tardive à Sarry (Marne) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: AFAM, 1993. P. 313–321.
Cieśliński A. Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit an der Passarge/Paslęka // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period / eds. B. Niezabitowska-Wiśniewska et al. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2008. T. I. P. 113–131
Ciupercă B., Măgureanu A. Huns and Other Peoples – Archaeological Evidence in Present-day Romania // Hunnen zwischen Asien und Europa. Weissbach: Beier & Beran, 2008. S. 119–130.
Die Franken Vegbereiter Europas. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1996.
Dieudonné-Glad N., Feugère M., Önal M. Zeugma V. Les objets. Paris: Maison de l'Orient et de la Méditerranée, 2013.
Doxiadis E. The Mysterious Fayum Portraits. Faces from Ancient Egypt. London: Thames & Hudson, 1995.
Ermolin A. Džurga-Oba – a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosporus // The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration / eds. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris, Beograd: ACHCByz, 2012. P. 339–348.
Gabuev T. Mobilier d'une tombe de cavalier. Brut, Ossetie du Nord, Russie // L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. ap. J.-C. Paris: Réunion des musées nationaux, 2000. P. 138–141.
Gening V.F. Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland // Eurasia Antiqua. 1995. Vol. 1. P. 265–325.
Glad D. Origine et diffusion de l'équipement défensif corporel en Méditerranée orientale (IVe–VIIIe s.) Oxford: John and Erica Ltd, 2009. (BAR International Series, S1921).
Goldhelm, Schwert und Silberdchätze. Reichtümer aus 6000 Jahrenrumänischer Vergangenheit. Frankfurt-am-Main: Museum für Vor- und Frühgeschichte – Archäologisches Museum, 1994.
Gomolka-Fuchs G. Gläser der Sîntana de Mureş-Černjahov Kultur aus Rumanien und der Republik Moldavien // Die Sîntana de Mureş-Černjahov Kultur / Hrsg. G. Gomolka-Fuchs. Bonn: Dr. Rudilf Habelt GhbH, 1999. P. 129–142.
Grabar A. L'age d'or de Justinien. Paris: Gallimard, 1966.
Grancsay S.V. A Sasanian Cheftain's Helmet // Bulletin of Metropolitan Musuem of Art. New York, 1963. P. 253–262.
Grempler W. Der II. und III. Fund von Sackrau. Berlin, 1888.
Grünhagen W. Der Schatzfund von Grossbodungen. Berlin: Philipp von Zabern GmbH, 1954. (Römisch-Gemranische Froschungen, 21).
Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică, 1998.

Hayes J.W. Late Roman Pottery. London: The British School at Rome, 1972.
Jaskanis J. Human Burials with Horses in Prussia and Sudovia in the First Millenium of Our Era // Acta Baltico-Slavica. 1966. Vol. 4. P. 29–66.
James S. Evidence from Dura Europos for the origins of the Late Roman helmets // Syria. 1986. Vol. 63. P. 107–134.
James S. The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and te French Academy of Inscrptions and Lettres 1928 to 1937. Final Report VII. The Arms and Armor and other Military Equipment. London: Britsh Museum Press, 2004.
Kazanski M. Les influences danubiennes en Gaule à la fin du IVe et au Ve s. // Attila. Les influences danubiennes dans l'Ouest de l'Europe au Ve siècle / dir. J.-Y. Marin. Caen: Publications du Musée de Normandie, 1990. P. 45–53.
Kazanski M. Les armes de wādī Dura' // Trésors du Wādi Dura' (République de Yémen). Fouille franco-yéménite de la nécropole de Hajar-am-Dhaybiyya / eds. J.-F.Breton, M. 'Abd al-Qādir Bāfaqīh. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1993. P. 10–51.
Kazanski M. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique. L'identité des populations archéologiques // Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Sophia Antipolis: Editions APDCA, 1996. P. 109–126.
Kazanski M. Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique // Germanen beiderseits des Spätantiken Limes / Hrsg. T. Fischer, G. Precht, J. Tejral. Köln, Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 1999. P. 293–316.
Kazanski M. La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne). Montagnac: Editions Monique Mergoil, 2002. (Europe médiévale, 4).
Kazanski M. Radagaïs et la fin de la civilisation de Černjahov // The Pontic-Danubien Realm in the Period of the Great Migration / dir. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris, Belgrade: ACHCByz, 2012. P. 381–403
Kazanski M., Akhmedov I. La tombe de Mundoslheim (Bas-Rhin): un chef militaire nomade au service de Rome // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 2007. P. 173–197.
Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. Vol. 2. La nécropole apsile de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Etude du site. Oxford: john and Erica Hedges Ldt, 2007. (BAR International Series, S1721).
Kazanski M., Mastykova A. Les tombes de chevaux chez les fédérés de l'Empire d'Orient sur la côte est de la mer Noire (IIe–VIe s.) // Terra Barbarica / red. A. Urbaniak, R. Prochowicz. Lódz, Warszawa, 2010. P. 57–71. (Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina, II).
Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric: un tumulus oriental? // Travaux et Mémoires. 2005. Vol. 15. P. 287–298.
Kiss A. Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kölked-Feketekapu A. Innsbruck: Wagner, 1996.
Kiss A. Das awarenzeitliche Gräberfeld in Kölked-Feketekapu B. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum – Magyar Tudományos Akadémia Régészeti, 2001. (Monumenta avarorum Archaeologica, 6).
La Baume W. Urgeschichte der Ostgermanen. Danzig, 1934.
Leriche P. Techniques de guerre sassanides et romaines à Doura-Europos // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle / dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Gemrain-en-Laye: AFAM, 1993. P. 83–100.
L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule, Ve siècle après J.-C. Paris: Réunion des musées nationaux, 2000.
Loscotová Z. An early 5th century skeleton grave from with gold neck-ring from Charváty (Moravia) // The Pontic-Danubien Realm in the Period of the Great Migration / dir. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris, Belgrade: ACHCByz, 2012. P. 189–206.
Mastykova A., Kazanski M. A propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations : le costume à appliques en or // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss.V–VII). Balance y Perspectivas / eds. J. Lóípez Quiroga, A.M. Martínez Tejera, J. Morín de Pablos. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2006. P. 291–305. (BAR International Series, 1534).
Matzulevich L.A. Byzantinische Antike. Berlin, Leipzig: de Gruyter, 1929.
Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IVlea e.n. în Muntenia. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1966.
Mráv Z. Eiserne Klappstühle aus Kaiserzeitlichen Bestattungen der einheimischen Elite in Pannonien. Zu den Beigaben der Bade- und Reinigungsgarnitur pannonischer Wagengräber // Archaeologiai Értesítő. 2013. Vol. 138. P. 105–144.
Muller-Wille M. Les tombes royales et aristocratiques à tumuli // Antiquités Nationales. 1997. Vol. 29. P. 245–257.
Mundell Mango M. Der Seuso-Schatzfund. Ein Ensemble westlichen und östlichen Kunstschaffens // Antike Welt. 1990. Bd. 21–2. S. 70–88.
Overlaet B.J. Contribution tio Sasanian armament in connection with a decorated helmet // Iranica Antiqua. 1982. Vol. 7. P. 189–206.
Overlaet B. A chieftain's folding stool and the Cheragh Ali Tepe problem // Iranica Antiqua. 1995. Vol. 30. P. 93–122.
Parker S.T. A late Roman soldiers's grave by the Dead Sea // Annual of the Department of antiquities of Jordan. 1994. Vol. 38. P. 385–394.
Pfaffenbichler M. Spangenhelme // Attila und die Hunnen. Speyer: Historisches Museum der Pfalz, 2007. P. 245–251.
Podobed V.A., Simonenko A.V. A late Saramtian Burain in the Central Donetsk Basin // Communicationes Archaeologiae Hungariae. Budapest, 1998. P. 99–108.
Popa A. Die Siedlung Sobari, Kr. Soroca (Republik Moldau) // Germania. 1997. Bd. 75/1. S. 119–131.
Popa A. Steinbauten der Sîntana-de Mureş-Černjachov Kultur // Die Sîntana-de Mureş-Černjachov Kultur / Hrsg. G. Gomolka-Fuchs. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GhbH, 1999. S. 101–114.
Popa A. Romains ou Barbares? Architecture en pierre dans le Barbaricum à l'époque romaine tardive. Chişinău: Cartdidact, 2001.
Post P. Der kupferne Spangenhelm // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1951–1953. Bd. 34. S. 115–150.
Prohászka P. Das vandalische Königsgrab von Osztrópataka (Ostrovany, Sk). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2006. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungaricae, 3).
Pusztai R. A lébényi germán fejedelmi sír // Arrabona. 1966. Vol. 8. P. 99–118.
Quast D. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart: Kontrad Theiss Verlag, 1993.
Quast D. «Wanderer zwischen den Welten». Die germanischen Prunkgräber von Stráže und Zakrzów. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2009.
Ramqvist P.H. Högom. The excavations 1949–1984. Neumünster: University of Umeå, Department of Archaeology – University of Kiel, Departmebt of Pre- and Ptotohistory, 1992. (Archaeology and Environnement, 13).
Reinach S. Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris, 1892.

Rupp C. Das langobardische Gräberfeld von Nocera Umbra. Lorenzo: All'Insegna del giglio, 2005.
Šarov O. Die Gräber des sarmatioschen Hochadels von Bospor // Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Saramten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2003. S. 35–64.
Schmidt B. Die münzdaiterten Grabfunde der Spätromischen Kiaserzeit im Mittelelbe-Saale-Gebiet // Inventaria Archaeologica. Deutsche Demokratische Republik. Heft 1. Berlin, 1982.
Schulz W. Leuna. Ein germanischer Bestattungspaltz der Spätrömischen Kaiserzeit. Berlin: Akademie-Verlag, 1953.
Seyrig H. Antiquités syriennes. Antiquités de la nécropole d'Emese // Syria. 1952. Vol. 29. P. 204–250.
Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et a l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd, 2006. (BAR International Series, 1535).
Skalon K.M. Der Helm von Conceşti, Rumänien // Spätrömische Gardenhelme / Hrsg. H. Klumbach. München: C.H. Beck'sche Verlagbuchhandlung, 1973. S. 91–94.
Stephani L. Erklarung einiger im Jahre 1874 im südliche Russland gefundener Kunstwerke // Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб., 1875. С. 5–91.
Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. Nürnberg, 1987. S. 11–46.
Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austraica. 1988. Bd. 72. S. 223–304.
Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter / Hrsg. K. Godlowski, R. Madyda-Letutko. Kraków: Uniwersytet Jagielloński – Instytut Archeologii, 1992. S. 227–248.
Tejral J. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la region du Danube moyen à la lumière des données archéologiques // Antiquités Nationales. 1997. Vol. 29. P. 137–166.
Tejral J. Die spätantiken militärischen Eliten beiderseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde // Germanen beiderseits des Spätantiken Limes / Hrsg. T. Fischer, G. Precht, J. Tejral. Köln, Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 1999. P. 217–292.
Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebient zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologische Institut AV ČR Brno, 2011.
Tesori della steppa di Astrakhan. Milano: Electa, 2005.
Thiry G. Die Vogelfibeln der Germanischen Völkerwanderungszeit. Bonn: Luswig Röhrscheid Verlag, 1939.
Tihelka K. Knížecí hrob z období stěhování národů u Blučiny, okr. Brno-Venkov // Památky Archeologické. 1963. Vol. 65/2. P. 467–498.
Török L. Late antique Nubia. History and archaeology of the southern neighbour of Egypt in the 4th–6th c. A.D. Budapest: Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 1988. (Antaeus, 16).
Vida T. Komposition und Stil der Jagddarstellungen der Budakalászer Messingkanne // Acta Archaeologica Academiae Scinetarum Hungaricae. 2008. Vol. 59. P. 373–390.
Waldbaum J.C. Metalwork from Sardis: the Finds through 1974. Cambridge (Massachussetts)-London: Harvard University Press, 1983. (Archaeologica Exploration of Sardis, 8).
Welkow I. Ein Silberschatz des 3. Jahrhunderts aus Tchauchewo // Germania. 1938. Bd. 22. S. 105–107.
Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956.
Wilson D.M. An Inlaid Folding Sttol in the British Museum // Medieval Archaeology. 1958. Vol. 1. P. 39–56.

ПОГРЕБЕНИЯ ЛУЧНИКОВ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОМ ИЛЛИРИКУМЕ[1]

В данной работе будут рассмотрены два погребения лучников гуннского времени, обнаруженные в Северном Иллирикуме. Особое внимание при этом будет уделено находкам луков в погребальном европейском контексте эпохи переселения народов[2].

Одно захоронение было открыто в могильнике *Singidunum IV* (совр. Белград), располагавшемся у стен пограничного позднеримского / ранневизантийского *castrum* в провинции *Moesia I*. Это погребение 2/2006, представлявшее собой ингумацию. Погребенный лежало вытянуто на спине, головой на юго-запад, в прямоугольной могильной яме размером 2,7x1,2 м (рис. 190). Присутствие в могиле железных гвоздей указывает на наличие деревянного гроба. Погребение было частично разрушено, но сохранился довольно богатый инвентарь, в том числе элементы костюма (фибула, пряжки, наконечник ремня), оружие (меч с элементами ножен и подвеской, копье, костяные накладки на лук, стрелы, умбон и манипула щита), нож, кошелек с монетами Марка Аврелия и кремневым кресалом (рис. 191). Могла подробно опубликована, ее дата – поздняя часть периода D2 согласно хронологии европейского Барбарикума, т.е. 420/430–450 гг. [Ivanišević, Kazanski, 2007]. Особый интерес вызывают четыре костяные накладки на лук, сопровождавшиеся колчаном со стрелами (рис. 191, *17*).

Второе погребение было открыто в небольшом могильнике эпохи переселения народов в бассейне р. Сава, на ее левобережном притоке Вранья (Vranja), на левом берегу, недалеко от населенного пункта Хртковци (Hrtkovci) [Даутова-Рушевлъян, 1998], входившего в первой половине V в. в состав провинции *Pannonia* II. Погребение (№ 2 на данном памятнике) представляет собой ингумацию. Скелет находился на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Контуры могильной ямы не выявлены, сохранились железные скобы от деревянного гроба. В погребении найдены керамический сосуд и восемь фрагментов костяных накладок на лук (рис. 192). Череп погребенного носит следы искусственной деформации. Этот обычай алано-сарматского происхождения хорошо представлен на Среднем Дунае в V в. [Anke, 1998, S. 126–130]. Керамическая ваза из погребения аналогична сосуду, найденному здесь же, в женском погребении № 1 [см.: Мастыкова, 2018], хорошо датированном поздней стадией периода D2, т.е. 420/430–450 гг. [Tejral, 2007, S. 78–81; 2011, S. 367, 368]. Оба сосуда, возможно, изготовлены в одной и той же мастерской, и дата их очень близка.

Луки, найденные в обоих погребениях, принадлежат т.н. гуннскому типу, с расширенными концевыми накладками, хорошо представленному в древностях гуннского времени в Европе [Моисеев, Козмирчук, Обломский, 2015. С. 22. Табл. 3]. Считается доказанным, что луки с костяными аппликациями происходят из Азии [Хазанов, 2008. С. 78–83]. Согласно И. Вернеру, они распространяются в Европе несколькими волнами. Сначала они появляются у вспомогательных «восточных» частей римской армии, где они были позаимствованы у парфян. Затем, в позднеримское время, луки с накладками в римской армии исчезают и снова получают распространение уже вместе с гуннами, выходцами из Центральной Азии [Werner, 1956. S. 46–50]. В самом деле, в Центральной Азии в IV в., т.е. в момент миграции гуннов на Запад, костяные накладки на лук хорошо представлены в погребальном контексте [Anke, 1998. Taf. 62. S. 124, 125; Bóna, 2002. Fig. 97, 100–102]. Однако, на римском Западе известны костяные накладки на лук, датированные III в., что показывает непрерывное существование этого типа оружия в Империи [Хазанов, 2008. С. 84, 85; Kazanski, 1991. P. 135]. При этом для III–V вв. в дунайской крепости *Tropaeum Traiani* отмечено и присутствие лука с окончаниями «гуннского» типа [Chiriac, 1997].

Костяные накладки на лук одновременно существовали и у народов восточноевропейских степей I–IV вв., в частности у сармат и алан, и до появления гуннов [Werner, 1956. Taf. 37,2. Karte 4; Хазанов, 2008. С. 84, 85]. Это оружие хорошо известно в «позднесарматскую эпоху» (II–IV вв.) и в степях Южного Урала и Северного Казахстана, т.е. на территориях, куда гунны должны были неминуемо попасть при миграции на запад в IV в. [Хазанов, 2008. С. 73–75].

Лук с костяными накладками, длиной 120–150 см, являлся основным оружием гуннов [Alföldi, 1932. S. 18–26; Засецкая, 1994. С. 35, 36; Bóna, 2002. P. 117–121; Kazanski, 2012. P. 193, 194]. Для стрельбы гунны использовали обычно стрелы с довольно крупным трехлопастным наконечником ромбической формы [Засецкая, 1994. Рис. 4, тип 3б], вроде найденных в погребении *Singidunum* IV (рис. 192, *11*). Они наносили противнику и, что немаловажно, его коням, большие открытые раны с обильным кровотечением. Трехлопастные, степные по происхождению стрелы очень быстро распространяются в Европе и, начиная с V в., известны у самых различных народов на огромной территории от Галлии до лесной зоны современной России [Kazanski, 2009. P. 102; 2014. P. 48, 49].

Для эпохи переселения народов список находок луков с костяными накладками составлен Б. Анке [Anke, 1998. Karte 5, Fundliste 4]. Этот список может быть дополнен. Тем не менее, уже по имеющимся данным четко выделяются два основных региона их распространения: русско-украинские степи и регион Среднего Дуная, где для гуннского времени, помимо находок в *Singidunum* IV и Вранье, надо назвать погребение в Вене-Зиммеринг (Wien-Simmering) (см. Приложение, 10–12). Надо упомянуть и находку накладок на лук в крепости *Intercisa*, занятой варварскими федератами Империи [Tejral, 1988. Abb. 12,1]. Кроме того, такие накладки найдены в ранневизантийской крепости *Pontes* на Дунае, в Северной Сербии [Špehar, 2010. S. 128, 129. Tabl. 38,693,695].

Погребения эпохи переселения народов с костяными накладками на лук известны как у степных народов, так и у «оседлых» варваров[3] (рис. 193; Приложение). Скорее всего, у оседлых варваров обычай помещения луков в захоронение появился под влиянием степных погребальных традиций. Что же касается луков у кочевников, то в погребальных обрядах они наверняка выполняли роль социального маркера. В этом смысле показательны находки золотых пластин, интерпретируемых как накладки на лук, в «вож-

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Погребения лучников гуннского времени в Северном Иллирикуме // Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и эпоху Средневековья: Материалы II российско-сербской археологической конференции «Славяне в мире Балкан и Восточной Европы: историко-археологическая панорама» (14–21 мая 2017 г., г. Москва) / ред. О. Румянцева, С. Трифунович. М.; Нови Сад: ИА РАН, Музей Воеводины, 2022. С. 138–149.

2 Данная работа представляет собой расширенную версию статьи, опубликованной на английском языке [Kazanski, 2018].

[3] Необходимо назвать накладку на лук, происходящую из сооружения VI, с поселения пеньковской культуры Хитцы, на Днепровском Левобережье, которая свидетельствует о распространении лука с костяными накладками у славян-антов в гуннское время [Горюнов, 1981. Рис. 21,9; Kazanski, 2014. P. 47; Казанский, 2015. С. 51–54]. При этом стоит отметить, что, в принципе, находки элементов костяного лука вне погребального контекста очень малочисленны на памятниках варварских культур Европы.

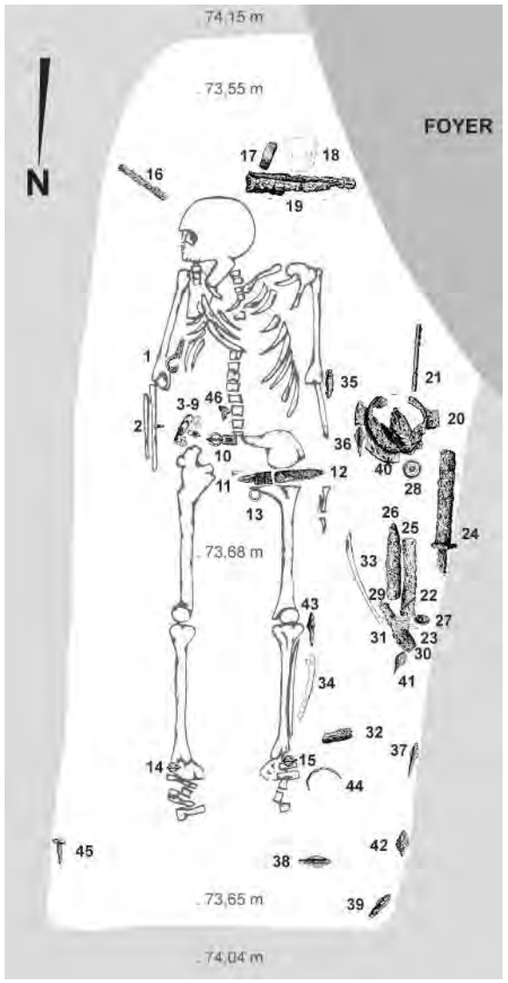


Рис. 190. Погребение 2/2006 могильника Singidunum IV. План [по: Kazanski, 2018. Fig. 1]

деских» погребениях и в коммеморативных комплексах кочевников гуннского времени [Werner, 1956. S. 49, 50; Anke, 1998. S. 62–65; Bóna, 2002. P. 131–133; Fodor, 2017], в частности в Якушовице (Jakuszowice) [Werner, 1956. Taf. 61; Godlowski, 1995. Abb. 2,1; Anke, 1998. Taf. 103,5; Bóna, 2002. Fig. 143], в Новогригорьевке, погр. 8 [Засецкая, 1994. Табл. 4,17; Anke, 1998. Taf. 112,18], в Печюцоге (Pécsüszög) [Alföldi, 1932. Taf. IV,1–4; Anke, 1998. Taf. 118,1,2,5,9–11; Bóna, 2002. Fig. 135], в Батасеке (Bátaszek) [Ковриг, 1982. С. 10. Рис. 4; Anke, 1998. Taf. 106,9; Bóna, 2002. Fig. 137], в Паннонхалме (Pannonhalma) [Tomka, 1986; Anke, 1998. Taf. 95; Bóna, 2002. Fig. 137–140]. Кроме того, надо упомянуть находки подобных золотых пластин в Кубее [Засецкая, 1994. Табл. 47,10; Anke, 1998. Taf. 128,5,6], Новоивановке [Засецкая, 1994. Табл. 14,6; Anke, 1998. Taf. 60,11,12], а также в контексте древностей оседлых народов на окраине степи, в Керчи-Глинище [Anke, 1998. Taf. 37,1; Bóna, 2002. Fig. 113] и в погр. 1(8) аланского могильника Березовский-2, на окраине Кисловодска [Савенко, 2014. С. 117–119]. Упомянем и находку похожих золотых пластин в погребении постгуннского времени в Боровом, в Казахстане [Бернштам, 1949. Рис. 1; Anke, 1998. Taf. 123,14]. Впрочем, далеко не во всех случаях предложенные реконструкции и атрибуция данных пластин как обкладок лука являются бесспорными [см. подробнее: Комар, 2013. С. 90, 91; Савенко, 2014. С. 128]. Однако неоспоримо, что луки связаны с символикой власти в гуннской «империи» [Harmatta, 1951; László, 1951][4].

В постгуннское время помещение лука и стрел в погребение становится символом достаточно высокого социального статуса погребенного и у германцев. Так, лук с костяными накладками и стрелы в кочане были найдены в «княжеских» погребениях середины – второй половины V в. в Блучине (Blučina), в Моравии [Tihelka, 1963. S. 488, 489; Tejral 2002. Taf. 1,11,23] и в Эсслинген-Рюдерн (Esslingen-Rüdern) в Юго-Западной Германии [Christlein, 1972. S. 261, 262]. В раннемеровингское время (470/480–520/530 гг.) экипировка лучника, в первую очередь стрелы, у франков и аламаннов найдена в Самсон (Samson), погребение 12, Эрм (Hermes), погребение 2581, Шарлевиль-Мезьер (Charleville-Mezières), погребение 68, Флонхейм (Flonheim), погребения 1 и 9, Хеммингeн (Hemmingen), погребения 2 и 21 [Martin, 1993. Fig. 1, 2].

Погребения с луком в *Singidunum* IV и Вранье не могут быть соотнесены с социальными элитами V в., выделенными для варваров Среднего Дуная Ф. Бирбрауером в категорию I предлагаемой им иерархии [Bierbrauer, 1989]. Действительно, здесь отсутствуют «статусные» предметы, золотые и редкие вещи импортного происхождения. Однако, среди погребений следующей иерархической категории II, погребения с луками, несомненно, занимают особое место и могут быть идентифицированы как принадлежащие верхушке «среднего класса», т.е. категории IIa. В самом деле, они содержат остатки лука, довольно редко встречающегося в гуннское время вне пределов степных цивилизаций (см. Приложение). Как уже говорилось, лук у гуннов, а стало быть и у покоренных ими народов, имел символическую роль. У германцев постгуннского времени лук входит в состав погребального инвентаря могил воинских предводителей (см. выше). Вне всякого сомнения, германцы имитировали престижные погребальные обряды гуннской знати. Об особом положении погребенного свидетельствует и меч в погребении *Singidunum* IV. Это оружие встречается чаще всего в привилегированных могилах и явно играет особую знаковую роль в погребальном обряде [Казанский, 2010].

[4] Император Маркиан в ночь смерти Аттилы видел сон, в котором фигурировал сломанный лук этого великого гуннского вождя (Иордан, Getica, 255), что косвенно свидетельствует о символической роли лука у гуннов.

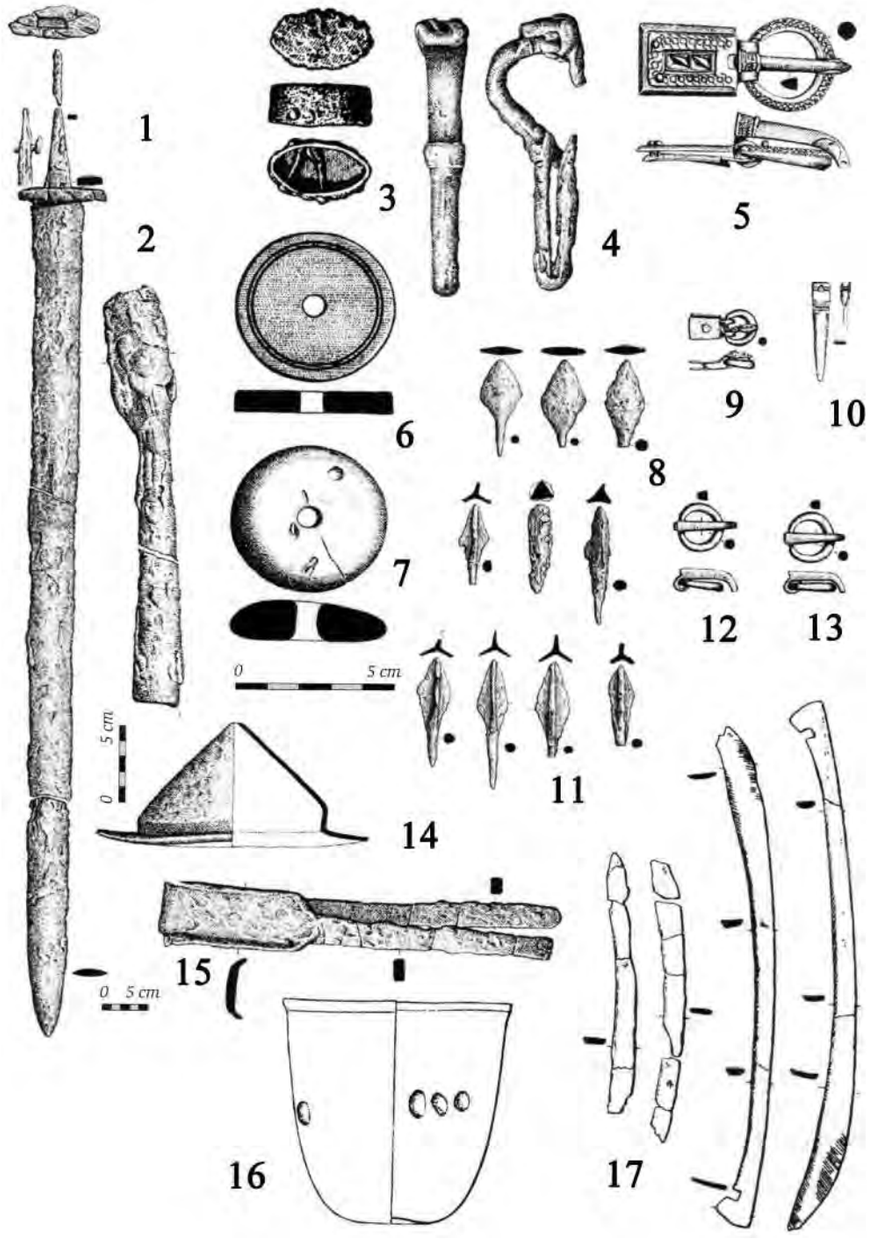


Рис. 191. Погребение 2/2006 могильника Singidunum IV. Часть погребального инвентаря [по: Kazanski, 2018. Fig. 2]

* * *

В гуннское время на Среднем Дунае группы могильников, содержащих захоронения с оружием, в том числе с луками и стрелами, являются археологическим отражением небольших военизированных образований («варварских королевств»), в той или иной степени контролировавшихся гуннами [Tejral, 2007. S. 82–86, 92–96. Abb. 27]. В материале этих памятников, в частности в военной и конской экипировке, ясно чувствуются степные влияния. В целом эти древности принадлежат культурно-гетерогенному населению, отчасти пришедшему в дунайский регион извне. Их появление связано с изменениями военного, политического и культурного характера, вызванными закреплением гуннов на Среднем Дунае. После падения гуннской «империи» эти милитаризированные груп-

Рис. 192. Погребение 2 могильника Вранья [по: Kazanski, 2018. Fig. 3]

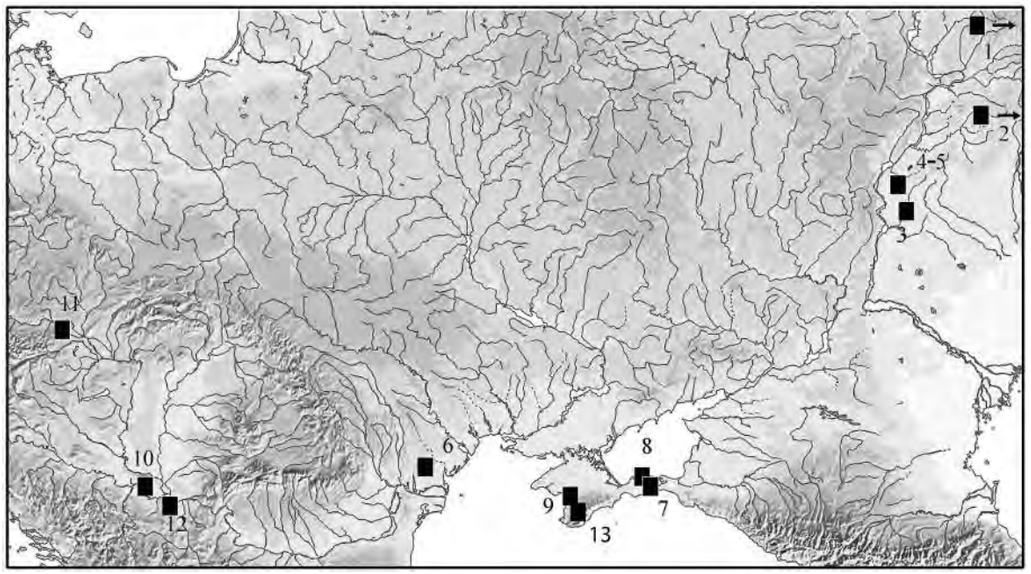


Рис. 193. Погребения гуннского времени с костяными накладками на лук
Номера на карте соответствуют номерам Приложения
1 – Солончанка; 2 – Кызыл-Адыр; 3 – Зеельман-Ровное; 4, 5 – Энгельс-Покровск; 6 – Кубей; 7 – Керчь; 8 – Старожилово; 9 – Усть-Альма; 10 – Вранья; 11 – Вена-Зиммеринг; 12 – Singidunum; 13 – Алмалык-Дере

пы рано или поздно вступают в союз с Римской империей. Они представляют собой эмбрионы «варварских» королевств – *gentes* постгуннского времени, таких как остроготы, гепиды, герулы, лангобарды и пр. [Tejral, 1997. P. 139–162; 2002, S. 509–511; 2007, S. 102–111; 2011, S. 401–403]. Эти группы возникают как на территории римских провинций, так и в сопредельном Барбарикуме, за Дунаем. Памятники Северного Иллирикума образуют, согласно Я. Тейралу, одну из таких групп [Tejral, 1997. P. 143].

Приложение

Погребения гуннского времени в Европе с костяными накладками на лук

(номера соответствуют номерам на рис. 193)

1. Солончанка I, курган 1 (южный) [Любчанский, Таиров, 1999. Рис. 22].
2. Кызыл-Адыр [Засецкая, 1994. Табл. 36,2–11; Anke, 1998. Taf. 121].
3. Зеельман-Ровное, курган D-42 [Засецкая, 1994. Табл. 29,4; Anke, 1998. Taf. 90,1–11].
4. Энгельс-Покровск, курган 17 [Засецкая, 1994. Табл. 31,4; Kazanski, 2009. Fig. 25,16,17]. Погребение может принадлежать и постгуннскому времени [см.: Засецкая и др., 2007. С. 113].
5. Энгельс-Покровск, курган 18 [Засецкая, 1994. Табл. 31,12–14; Anke, 1998. Taf. 90,12–21; Kazanski, 2009. Fig. 25,20,22–24]. Погребение может принадлежать и постгуннскому времени [см.: Засецкая и др., 2007. С. 113].
6. Кубей, курган 8, погр. 2 [Засецкая, 1994. Табл. 47,11; Anke, 1998. Taf. 128].
7. Керчь, склеп 154.1904 г. [Засецкая, 1993. № 229].
8. Старожилово I, склеп 4/4 [Масленников, 1997. Рис. 11,1–3].
9. Усть-Альма, склеп 635 [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 1999. Рис. 5].
10. Вранья, погр. 2 [Даутова-Рушевљан, 1998; Tejral, 2011. Abb. 289].
11. Вена-Зиммеринг (Wien-Zimmering) [Tejral, 1988. Abb. 18,11–13,15,16; Anke, 1998. Taf. 66,14; Tejral, 2011. Abb. 112].
12. *Singidunum* IV, погр. 2/2006 [Ivanišević, Kazanski, 2007; Tejral, 2011. Abb. 288].
13. Алмалык-Дере, склеп 118/2000, погр. 1/2000 [Mączyńska et al., 2016. Taf. 94].

Библиография

Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. XIII. С. 216–229.
Даутова-Рушевљан В. Касноантички гроб на локалитету Врањ // Рад Музеја Војводине. 1998. 40. С. 97-99.
Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. 135 с.
Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 23–105.
Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 223 с.
Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / Текст, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 512 с.
Казанский М.М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / Отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. Том I. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 307–320.
Казанский М.М. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // Stratum plus. 2015. № 5. С. 43–95.
Ковриг И. Погребение гуннского князя в Венгрии // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982.С. 6–13.
Комар А.В. Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр. / Ред. С.Г. Боталов, Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 88–109.
Любчанский И.Э., Таиров А.Д. Археологическое исследование комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I / Ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1999. С. 5–62.
Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.: ИА РАН, 1997. 108 с.
Мастыкова А.В. Убор из восточногерманского женского погребения гуннского времени Вранья (провинция Паннония II) как социальный маркер // Stratum plus. 2018. № 4. С. 119–150.
Моисеев А.В., Козмирчук И.А., Обломский А.М. Поселение и могильник Ксизово-16 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) / Отв. ред. А.М. Обломский. Москва: ИА РАН, 2015. С. 15–29. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // Херсонесский сборник. 1999. Вып. X. С. 194–207.
Савенко С.Н. Еще одно захоронение аланский социальной элиты начала раннего Средневековья из Кисловодской котловины (по архивным материалам А.П. Рунича) // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 234. С. 115–139.
Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 296 с.
Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Müzeum, 1932. 90 S.
Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis. 5. Jahrhunderts. Weissbach: Beier&Beran, 1998. Teil 1. 224 S., Teil 2. 156 S.
Bierbrauer V. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Milltelalters // Peregrinaio Gothica / Hrsg. J. Kmiecinski. Lódz: Katedra archeologii Uniwerstyetu Lódzkiego, 1989. S. 39–106.
Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles. Paris: Errance, 2002. 240 p.
Chiriac C. About the Presence of the Composite Bow at Trapaeum Traiani during the Protobyzanitne Period // Etudes byzantines et post-buzantines. 1997. Vol. III. P. 43–67.

Fodor I. Über die hunnischen Goldbögen // Archäologische Studien zum frühen Mittelalter / Hrsg. G. Fusek. Nitra: Archeologický Ústav Slovenskej Akadémie Vied, 2017. S. 27–32.
Christlein R. Waffen aus dem völkerwandeungszeitlichen Grabfund von Esslingen-Rüdern // Germania. 1972. Bd. 50. S. 259–263.
Godlowski K. Das „Fürstengrab“ des 5. Jhs. und der «Fürstensitz» in Jakuszowice in Südpolen // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d’archéologie mérovingienne, 1995. P. 155–180.
Harmatta J. The Golden Bow of the Huns // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae. 1951. No. 1. P. 107–151.
Ivanišević V., Kazanski M. Nouvelle nécropole des Grandes Migrations de Singidunum // Starinar. 2007. Vol. 57. P. 113–135.
Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l’époque des Grandes Migrations (IVe–Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. 1991. No. 4. P. 123–139.
Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucureşti, Brăila: Editura Academiei române, 2009. 489 p.
Kazanski M. Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen-âge. Des Huns aux Avars // Le cheval dans les sociétés antiques et médiévale / Dir. S. Lazaris. Turnhaut: Brepols, 2012. P. 193–199, 287–296.
Kazanski M. Les influences steppiques dans l’équipement militaire et équestre des Slaves (Ve–VIIe siècles) // Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin / Ed. C. Călin. Cluj-Napoca: Mega, 2014. P. 45–56.
Kazanski M. Bowmen’s Graves from the Hunnic Period in Northern Illyricum // «To make a fairy’s whistle from a brian rose». Studies presented to Eszter Istvánovits on her sixtieth birthday / Eds. M.L. Nagy et al. Nyíregyháza: Jósa András Múzeum, 2018. P. 407–418.
László G. The Significance of the Hun Golden Bow. Contribution to the Structure of the Hun Nomad Empire // Acta Archaeologia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1951. No. 1. P. 91–106.
Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmiterlalterliche Grâberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangup auf der Südwestкrim. Mainz: Verlag des Römisch-Germaniscen Zentralmuseums, 2016. 180 S., 387 Taf.
Martin M. Observations sur l’armement de l’époque mérovingienne précoce // L’armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d’archéologie mérovingienne, 1993. P. 395–409.
Špehar P. Materjalna kultura iz ranovizantijskih utvođenja u Đerdapu. Београд: Arheološki Institut, 2010. 184 s.
Tejral J. Zur Cronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. 1988. Bd. 77. S. 223–304.
Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum / Hrsg. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenshcaften, 1997. S. 321–392.
Tejral J. Neue Erkenntnisse zur Frage der donauländisch-ostgermanischen Krieger – beziehungsweise Männergräber des 5. Jahrhunderts // Funberichte aus Österreich. 2002. Bd. 41. S. 496–52.
Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen „gentes“ im mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenshcaften, 2007. S. 55–120.
Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderng. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenshcaften, 2011. 466 S.
Tihelka K. Knížecí hrob z období stěhování národů u Blučiny, okr. Brno-Venkov // Památky Archeologické. 1963. 65/2. S. 467–498.
Tomka P. Der hunnische Fürstenfund von Pannonhalma // Acta Arcaeologica Acaemiae Scientarum Hungaricae. 1986. T. 38. S. 423–488.
Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademien der Wissenschaften, 1956. 138 S.

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ОРЕЛ ИЗ КОНЦЕШТ: О ВОЗМОЖНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ[1]

«Княжеское» погребение из Концешти (Conceşti) в румынской Молдове принадлежит, на мой взгляд, готскому предводителю малого варварского королевства и датируется концом IV – началом V в., т.е. периодом D1 (360/370–400/410 гг.) по хронологии европейского Барбарикума [подробнее: Казанский, 2014а; 2014б; Kazanski 2015; 2017]. Недавно инвентарь этой старой находки, хранящийся в Эрмитаже, стал объектом фундаментальной публикации [Фурасьев, Шаблавина, 2019], что позволило вернуться к вопросам функциональной принадлежности и происхождения некоторых найденных там предметов, в частности, инкрустированной пластины – накладки в виде орла.

Это серебряная пластина, 6,5x2,6 см, вся поверхность которой покрыта перегородчатой инкрустацией (т.н. стиль *cloisonné*), с золотыми перегородками на внешней поверхности и инкрустациями альмандина и перламутра (табл. 32, *1*; 33, *1*) [Фурасьев, Шаблавина, 2019. С. 126–134]. Как уже неоднократно указывалось различными исследователями, данная пластина явно происходит из средиземноморской / ранневизантийской мастерской, о чем свидетельствует ряд обстоятельств. В частности, использованные в инкрустации альмандины имеют гравированный декор. Камни с резным и гравированным и рельефным декором в инкрустированных предметах довольно хорошо известны в Средиземноморье [Arrhenius, 1985. P. 52, 119, 120, 125, 126; Adams, 2000. P. 38; Фурасьев, Шаблавина, 2019. С. 129, 130], но крайне редко встречаются в Восточной Европе. Можно назвать, пожалуй, только перстень с Тамани [Damm, 1988. № 78. Abb. 142; Eger, 2017. № 40], пряжку из Керчи [Eger, 2017. № 38; Nawroth, 2017. Abb. 80], почковидную накладку, также из Керчи [Damm, 1988. № 113. Abb. 215] и инкрустированную гарду меча из погр. 479 готского (тетракситского) могильника Дюрсо под Новороссийском [Дмитриев, 1979. Рис. 8,11]. Далее, техника фиксации камней-инкрустаций, с помощью цемента, также типична для средиземноморских мастерских [Arrhenius, 1985. P. 119], равно как и химический состав металла, из которого изготовлена пластина [Фурасьев, Шаблавина, 2019. С. 130].

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Ранневизантийский орел из Концешт: о возможной идентификации // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный византийский семинар / ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2021. С. 139–148.

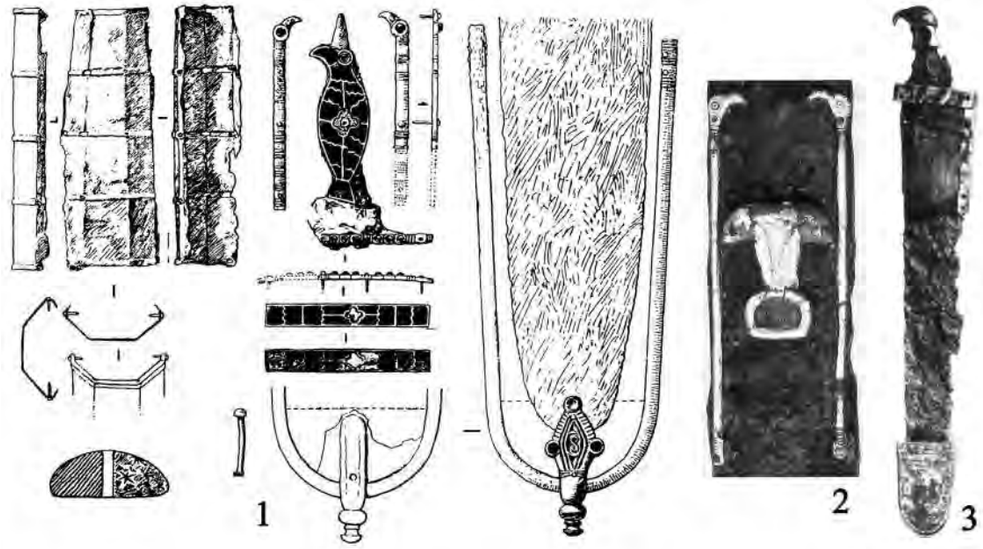


Рис. 194. Птицевидные декоры некоторых мечей
1 – Роммерсхейм; 2 – Тамань; 3 – Боспор Киммерийский
1, 2 – [по: Menghin, 1995. Abb. 46; 43]; 3 – [по: Fremersdorf, 1953. Taf. 17,D687]

В некоторых публикациях фигурируют еще два предмета, из Керчи и из Южной России (табл. 32, *2, 3*), по декору и морфологии очень напоминающие пластины из Концешти [Thiry, 1939. Abb. 6,27,29], что, казалось бы, позволяло выделить местный «понтийский» вариант таких изделий [Мацулевич, 1934. С. 101; Harhoiu, 1998. S. 47; Казанский, 2014. С. 304]. Однако теперь приходится признать, вслед за другими исследователями, что это одна и та же вещь из Концешти, повторенная в разных публикациях [Мастыкова, 2016. С. 281; Фурасьев, Шаблавина, 2019. С. 128, 129]. Таким образом, последние сомнения в средиземноморском / византийском происхождении концештской пластины отпадают.

Идентификация концештской пластины оставалась неясной. Больше всего по морфологии она напоминает птицевидные фибулы раннемеровингского времени, такие как застежки из Лавиньи (Lavigny, Швейцария), Мартере (Marthéray, Швейцария), Чивидале (Cividale, Италия) (табл. 32, *3–6*) [Казанский, 2014, С. 304, 305. Рис. 12]. Понятно, впрочем, что по конструктивным особенностям данный предмет не может быть фибулой, к тому же Концешти, судя по набору инвентаря (шлем, седло), явно мужская могила, в то время как вышеперечисленные птицевидные фибулы входят в состав женского костюма.

Р. Хархою уже высказал мнение, что орел из Концешт представляет собой украшение ножен меча. Он сопоставил концештскую пластину с декором ножен мечей в Роммерсхейме (Rommersheim) и на Тамани (рис. 194, *1, 2*) [Harhoiu, 1998. S. 47]. В настоящее время в составе сохранившегося в Эрмитаже инвентаря нет ни одного предмета, который можно было бы отнести к мечу. Впрочем, совершенно ясно, что в Эрмитаж попали далеко не все вещи, найденные в данной могиле, да и сам характер «княжеского» захоронения предполагает, на мой взгляд, обязательное наличие меча – чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к другим «вождеским» захоронениям гуннского времени в Восточной и Центральной Европе [см.: Казанский, 2010]. Вдобавок, находчики видели в склепе «трофей», куда входили меч, шлем, лук и колчан со стрелами [Фурасьев, Шаблавина, 2019. С. 13]. Из перечисленных вещей сохранился шлем, подтверждающий рассказы находчиков.

Поэтому, видимо, следует принять идентификацию пластины, предложенную Р. Хархою. Она действительно очень напоминает портупейную накладку меча из Роммерсхейма, длина последней со-

ставляет 7,5 см (рис. 194, *1*) [Kessler, Schmellerkamp, 1933. Abb. 3,4; Thiry, 1939. Abb. 6,52; Menghin, 1983. S. 342. № 37. Kat. 11,1c; 1995. S. 187, 188. Abb. 46,4; Miks, 2007. Kat. A615]. Вторая названная Р. Хархою параллель – аппликация ножен меча с Тамани [Böhner, 1948. Abb. 37,4; Menghin, 1995. Abb. 43], на мой взгляд, мало напоминает концештского орла. Здесь на ножнах имеется декор с птичьими головами, но он совсем другой (рис. 194, *2*).

Меч из Роммерсхейма относится к хронологический группе «А» погребений раннемеровингского времени с парадными мечами [Menghin, 1983. S. 27–32], т.е. датируется в рамках серединыV – первой половины VI в. Если учесть датировку погребения в Концешти (см. выше), то накладка из этого погребения явно является предшественницей, возможно, далеким прототипом декора из Роммерсхейма.

В «княжеской» воинской культуре восточно- и центральноевропейского Барбарикума и Северного Причерноморья эпохи Великого переселения народов инкрустированный декор в виде орла или птичьих голов хорошо известен на оружии, в том числе на мечах (табл. 33, *4, 5, 7*) [о византийском происхождении таких мечей см. подробно: Казанский, 2007], на элементах одежды, таких как большая птицевидная фибула из Петроссы (табл. 33, *8*) [о «мужской» атрибуции фибулы см.: Harhoiu, 1994. Fig. III,10], инкрустированные пряжки из Керчи (табл. 33, *6*) и с Северного Кавказа, или же на конском снаряжении – приведем накладки седла и конской сбруи из Апахиды (Apahida) в Трансильвании (табл. 33, *3, 9*), удила из Былым-Кудинетово, в Кабардино-Балкарии (табл. 33, *10*) или же ременные накладки из Сегед-Надсекшош (Szeged-Nagyszéksós) (табл. 33, *2*).

Орел хорошо представлен в римской властной символике, его изображения имеются на рукоятях императорских и консульских позднеримских мечей (табл. 34, *1, 5*), а также на консульских жезлах (табл. 34, *3, 4*) или щитах позднеримской армии (табл. 34, *2*). Вероятно, к эпохе Великого переселения народов, судя по характеру Г-образного устья ножен [об этом подробнее: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 175. Fig. 12,4,7; 13,10,14], относится и короткий клинок (боевой нож?, кинжал?) с Боспора Киммерийского (рис. 194, *3*) [Fremersdorf, 1953. S. 17. Taf. 17; идентификация происхождения по: Reinerth, 1940. Taf. 498].

Об особой роли орла в императорской символике повествуют и некоторые свидетельства древних авторов. Так, Прокопий Кесарийский рассказывает, что когда будущий император Маркиан в Ливии попал в плен к вандалам, то его, в толпе пленных, от палящего солнца прикрывал орел, парящий над ним. Вандальский король Гизерих усмотрел в этом знак судьбы и отпустил Маркиана из плена, взяв с него обещание, когда Маркиан будет властвовать, он никогда не поднимет оружия против вандалов [Прокопий Кесарийский, Вона с вандалами, I.IV.2–10].

В том, что касается варваров, здесь вполне возможен хорошо известный феномен *imitatio imperii*, тем более, что орлиные головы известны не только у германцев, но и у других находившихся в контакте с Империей варваров, например, у северокавказских алан или у гуннов [Засецкая и др., 2007. С. 62, там же библиография]. Это еще раз подчеркивает средиземноморское / ранневизантийское происхождение пластины из Концешти.

Библиография

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. № 4. С. 212–229.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.

Казанский М.М. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос- Эрмитажа, 2007. С. 122–141.

Казанский М.М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I / отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 307–320.

Казанский М.М. Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // Stratum plus. 2014а. № 4. С. 229–336.

Казанский М.М. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно- исторический контекст // Tractus Aevorum. 2014б. Вып. 1. С. 28–51.

Мастыкова А.В. Птицевидные фибулы эпохи Великого переселения народов на Кавказе и Северном Причерноморье: история изучения и вопрос происхождения // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016. С. 280–288.

Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. 132 с.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч., вступ. ст., комм. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. 543 с.

Фурасьев А.Г., Шаблавина Е.А. Концешти. Княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 244 с.

Эпоха меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. / Hrsg. Menghin W. Berlin: Minerva, 2007. 592 с.

Adams N. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6. –7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Institut der UAW, 2000. P. 13–70.

Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1985. 230 p.

Böhner K. Das Langschwert der Frankenkönig Childerich // Bonner Jahrbücher. 1948. Bd. 48. S. 218–248.

Damm I. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65–210.

Eger C. Bosporanisches Reich und Sarmaten // Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit / Hrsg. F. Naumann-Steckner, M. Trier. Köln, München: Römisch-Germanisches Museum der Stadt Köln, Harmer Verlag GmbH, 2017. S. 62–89.

Fremersdorf F. Goldschmuck der Völkerwanderungszeit. Ausstellung der Sammlung Diergardt des Römisch-Germanischen Museums Köln. Köln: Römisch-Germanisches Museum, 1953. 118 S.

Grabar A. L'age d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam. Paris: Gallimard, 1966. 416 p.

Harhoiu R. La Romania all epoca degli Ostrogothi // I Goti. Milano: Electa, 1994. P. 154–163.

Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedic, 1998. 268 p.

Kazanski M. La tombe "princière" de l'époque hunnique à Conceşti et son contexte historique et culturel // Romania Gothica II. The Frontier World Romans, Barbarians and Military Culture / ed. T. Vida. Budapest: Institute of Archaeological Science at the Eotvos Lorand University, 2015. P. 111–128.

Kazanski M. On the Funerary Rite of a Hunnic – time "Princely" Burial of Conceşti // Na hranicíh Impéria. Extra fines Imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. narozeninám. Brno: Masarikova Univerzita, Archeologický ústav Akademie Věd ČR, 2017. P. 197–208.

Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 2002. P. 159–194.

Kessler A., Schnellerkamp W. Ein frühmerowingischer Grab bei Rommersheim (Eichloch) // Mainzer Zeitschrift. 1933. Bd. 28. S. 118–125.

Kürti B. Fürstliche Funde der Hunnenzeit aus Szeged-Nagyszéksós // Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit / Hrsg. W. Menghin, T. Springer, E. Wamers. Nürnberg: Verlag des Gzermanishcen Nationalmuseums, 1987. S. 163–170.

Menghin W. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1983. 368 S.

Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1995. Bd. 26/27. S. 140–192.

Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Bd. 1: Text. Bd. 2: Katalog und Tafeln. Rahden: Verlag Marie Leidorf, 2007. 937 S.

Nawroth M. Pontos Euxeinos: Die archäologischen Funde vom Schwarzen Meer // Schätze aus europas Frühzeit. Der Sammler und Mäzen Johannes Freiherr von Diergardt / Hrsg. M. Wemhoff. Berlin: Schnell & Steiner, 2017. S. 55–90. (Die Sammlungen des Museums für Vor- und Frühgeschichte. Band IV).

L'Or des princes barbares: du Caucase à la Gaule, Ve siècle après J.-C. Paris: Réunion des musées nationaux, 2000. 224 p.

Reinerth H. (Hrsg.). Vorgeschichte der deutschen Stämme. Germanische Tat und Kultur auf deutschem Boden. Bd. III: Ostgermanen u. Nordgermanen. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1940. S. 867–1489.

Thiry G. Die Vogelfibeln der Germanischen Völkerwanderungszeit. Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag, 1939. 144 S.

ЭСТИИ И АТТИЛА: О КОНТАКТАХ НАСЕЛЕНИЯ САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ СО СРЕДНИМ ДУНАЕМ В ГУННСКОЕ И ПОСТГУННСКОЕ ВРЕМЯ[1]

Немногочисленные, но яркие находки, такие, например, как клад Хаммерсдор-Млотечно (Hammersdorf-Młoteczno) [Ciésliński, 2010. S. 162–167; Mączyńska, 2013] или погребения Юшково (Juszkowo) [Dyrda et al., 2014; Kontny, Mączyńska, 2015] и Таурапилас (Taurapilas) [Tautavičius, 1981], являются археологическим подтверждением контактов населения Юго-Восточной Прибалтики с регионом Среднего Подунавья в гуннское и постгуннское время[2]. Из сообщений древних авторов необходимо упомянуть свидетельство Приска Панийского, о том, что Аттиле, с которым Приск познакомился лично, принадлежат некие острова в Океане, последний в античной традиции включал в себя и Балтийское море [Приск Панийский, Готская история, 8; цит. по: Латышев, 1890. С. 830]. Если это не литературное преувеличение, то перед нами свидетельство каких-то политических контактов между гуннской «империей» и балтийским регионом. Наша задача здесь – выявить реальные археологические свидетельства контактов между населением самбийско-натангийской культуры (культура Долькайм-Коврово по терминологии польских и немецких археологов) со среднедунайским регионом в интересующую нас эпоху. Эта культура занимала территорию современной Кали-

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Эстии и Аттила: о контактах населения самбийско-натангийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время // Археологические вести. СПб., 2020. Вып. 27. С. 131–152.

[2] Здесь под гуннским временем имеется в виду период D хронологии европейского Барбарикума, где выделяются фазы D1 (360/370–400/410 гг.), D2 (380/400–440/450 гг.) и D2/3 (430–460 гг.). Постгуннское время соответствует периодам D3 (450–470/480 гг.) и E/MD3 (470/480–510 гг.) [Tejral, 2005. Tab. 3; 2011. Abb. 1]. В хронологии западнобалтских древностей гуннское время приблизительно соответствует периодам D1, D2 и D3, а постгуннское время – периодам E1 и E2a [подробнее: Hilberg, 2009. S. 83–86].

нинградской обл. Российской Федерации и некоторые пограничные территории нынешней Польши. В письменных источниках I–IX вв. (Тацит, Кассиодор, Иордан, «Орозий короля Альфреда», Эйнхард) на этих землях к востоку от Вислы локализуются эстии (*Aestii*), практически всеми историками соотносимые с балтами [подробнее: Казанский, Зальцман, Скворцов, 2018. С. 38, 39].

Сразу же отметим, что импортов из Юго-Восточной Прибалтики на Среднем Дунае в гуннское и постгуннское время нет вообще, а дунайские вещи на территории самбийско-натангийской культуры единичны (рис. 195). Рассмотрим эти вещи.

Фибулы типа Слижаны

Речь идет о единичной находке из могильника Варенген (Warengen) / Котельниково (Зеленоградский район Калининградской обл.), погр. 39 (рис. 196, *5*). Помимо фибулы, данное захоронение содержало два копья, два ножа [Heydeck, 1909. S. 236. Abb. 162]. Это арбалетные фибулы с расширенной ножкой, заостренной на конце, вертикальной пластиной – держателем иглы и коротким литым приемником. Кроме находки в Самбии одна такая фибула известна в Чехии, в районе Моравских ворот, ведущих со Среднего Дуная в бассейны Одера и Вислы. Это ингумация в Слижанах (Sližany) (рис. 196, *4*). Еще одна фибула найдена на Средней Эльбе, в могильнике Гюбс (Gübs), погр. 3 (рис. 196, *3*), с керамикой нимбергской группы, т.е. V в., одна, видимо «вторичного» использования – на Верхнем Дунае, в погр. 312 могильника Киршхайм (Kirchheim) (рис. 196, *4*), со штампованной фибулой меровингского времени, и одна в Бургони, в Восточной Франции, на могильнике Брошон (Brochon) (рис. 196, *1*), конкретный контекст последней находки неизвестен, но в целом могильник содержит вещи, в том числе дунайского происхождения, датированные второй половиной V – первой половиной VI в. [Schulze-Dörrlamm, 1986. S. 624, 625, 714; о могильнике Брошон см.: Vallet, Kazanski, De Pirey, 1995. P. 112–121].

Фибулы-цикады

На территории самбийско-натангийской культуры представлены два типа фибул-цикад. К первому типу относится находка из Новоселово (Зеленоградский район Калининградской обл.), отличающаяся гранеными крыльями [Rudnicki, Skvortsov, 2018. Ryc. 1] (рис. 197, *1*).

На соседних территориях такие фибулы известны в Мазурском Приозерье, занятом тогда балтским населением богачевской культуры и сменяющей её ольштынской группы (Rotebude / Cerwony Dwór, Widrinnen / Kętrzyn, Lężany) [Hilberg, 2009. Abb. 10,39б; Maczyńska, 2009. Ryc. I,a–c; Rudnicki, Skvortsov, 2018. Ryc. 3,2,5; 4,2,3,7,8], а также в Литве (Sauginiai) [Maczyńska, 2009. Ryc. I,d; Rudnicki, Skvortsov, 2018. S. 387]. В целом фибулы-цикады с гранеными крыльями широко распространены на территории от Верхнего Дона до Дуная. Их особая концентрация отмечена на Среднем Дунае и в Крыму [Beljavec, 2018. Ryc. 1]. В Юго-Восточную Прибалтику такие фибулы могли попасть, скорее всего, со Среднего Дуная [Maczyńska, 2009. S. 398]. Датировка данного вида фибул-цикад определяется по следующим опорным находкам: Керчь, погр. 181.1902 г., с инвентарем гуннского времени, точнее периодов D1 и D2 [Beljavec, 2018. Ryc. 2B], клад Бушберг-Штайнмандл (Bushberg-Steinmandl), в Верхней Австрии, с типичным набором вещей периода D2/D3, в частности с элементами декора больших двупластинчатых фибул т.н. горизонта Смолин-Косино [Szameit, 1997. S. 240, Taf. 5,4] (рис. 198, *4, 8*), Херсонес, погр. 14.1914 г., с пряжкой остроготского типа Любляна-Дравле (Ljubljana-Dravlje) [о них см.: Bierbrauer, 1975. S. 130–133] и пальчатой фибулой типа Гурзуф (о них см. ниже), средиземноморской пряжкой с рифленым декором [Айбабин, 1979. Рис. 3,2; 5,6,9; Kazanski, 1994a. Fig. 19,1–4], Карши-Баир, погр. 1 склепа 3, со средиземноморской пряжкой с рифленым декором [Ушаков, 2010. Рис. 80,1–3]. Все названные пряжки и фибулы из Херсонеса и Карши-Баира надежно датируются постгуннским временем, в пределах второй половины V – первой половины VI в.

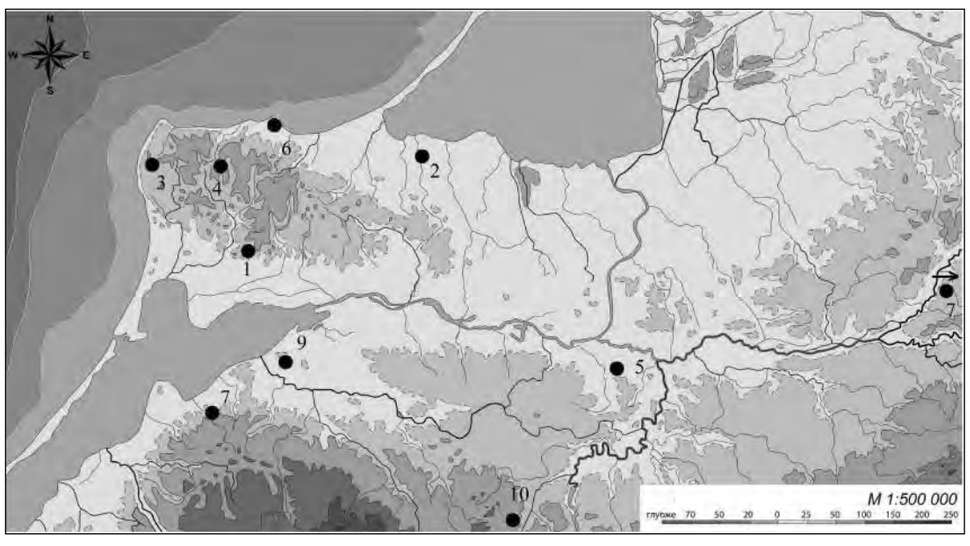


Рис. 195. Карта находок вещей дунайской традиции гуннского и постгуннского времени
1 – Варенген (Warengen) / Котельниково; 2 – Новоселово; 3 – Окунево; 4 – Краам (Craam) / Грачевка; 5 – Зопфен (Zophen) / Суворово; 6 – Доброе / Гора Великанов; 7 – Кюссен (Kussen) / Весново; 8 – Варникам (Warnikam) / Первомайское; 9 – Ушаково; 10 – Ликейм (Liekeim) / Наликаймы (Nelikajmy)

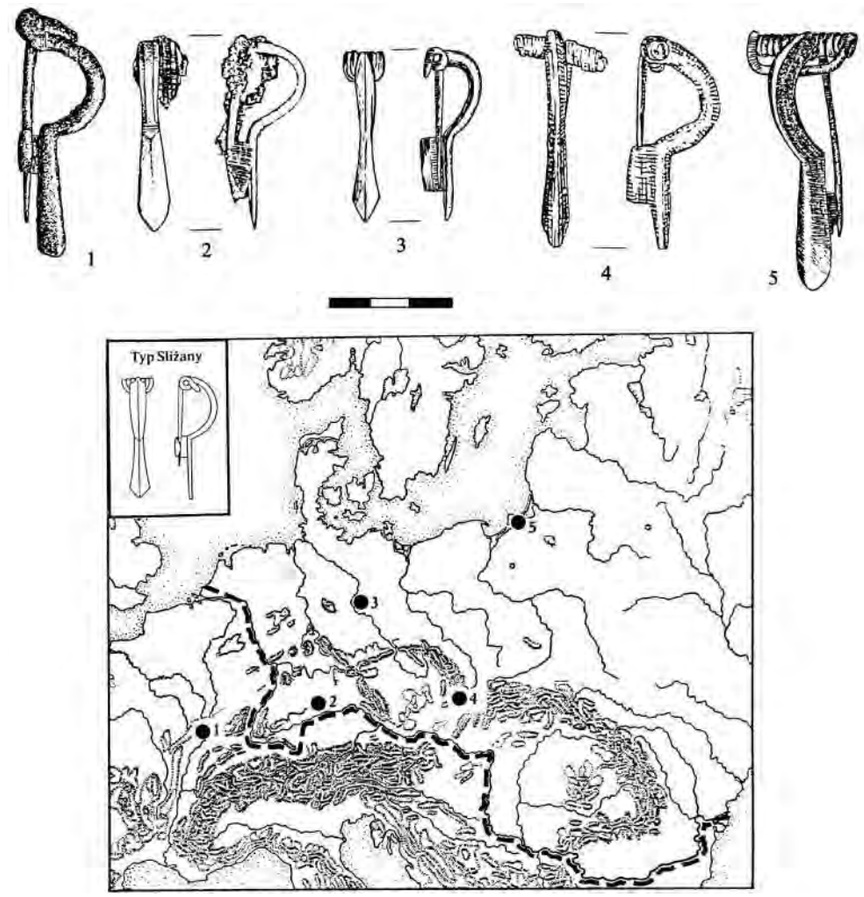


Рис. 196. Фибулы типа Слижаны (Sližany) [по: Schulze-Dörrlamm, 1986. Abb. 24, 35]
1 – Брошон (Brochon); 2 – Киршхайм (Kirchheim); 3 – Гюбс (Gübs), погр. 3; 4 – Слижаны (Sližany); 5 – Варенген (Warengen) / Котельниково, погр. 39
1 – железо; 2–5 – бронза
Номера на карте соответствуют номерам рисунка

Второй тип фибул-цикад представлен находкой в Окунево (Зеленоградский район Калининградской обл.) [Rudnicki, Skvortsov, 2018. Ryc. 3,7] (рис. 197, *2*). Она по общей морфологии напоминает фибулу из Синкущина, в бассейне Верхнего Немана [Beljavec, 2018. Ryc. 1,2], а также фибулы из Мальборка-Вельбарка (Malbork-Wielbark), на правобережье Нижней Вислы [Beljavec, 2018. Ryc. 3,11], из Южной России [Kühn, 1935. № 49], из Гросс Мутшина (Gross-Mutschin) на территории Австрии [Mitcha-Marheim, 1971. Abb. 18]. К сожалению, ни одна из них не может быть надежно датирована, но по общей морфологии данные фибулы похожи на застежки с гранеными крыльями, о которых уже шла речь, и, скорее всего, имеют те же происхождение и датировку.

Фибулы группы Братей-Вышков

Треугольная головка фибулы, найденная в Краам (Craam) / Грачевка (Зеленоградский район Калининградской обл.) (рис. 197, *3*), скорее всего, принадлежит дунайской фибуле типа Братей (Bratei) [Bierbrauer, 1989. S. 141–149]. Насколько можно судить по схематическому рисунку из архи-

ва Ф. Якобсона, сохранилась также дужка, с остатками пластинчатой ножки, а головка украшена гравированным (?) линейным декором [Nowakiewicz, 2011. Kat. № 30. Fig. Craam 001]. Среди пальчатых двупластинчатых фибул, найденных на территории бывшей Восточной Пруссии, треугольную головку имеют также застежки типа Брейтенфурт, но у тех пальцы длиннее, а дужка короче. Кроме того, они не имеют декора на головке, в отличие от фибул типа Братей [см., напр.: Гавриухин, Казанский, 2018. Рис. 3,1,2,7,11; 5,1; 6,3,4; 7,1,2]. На территории Восточной Пруссии, но южнее, вне зоны самбийско-натангийской культуры, дериваты фибул типа Братей известны в Мазурском Поозерье (Mingfen / Miętkie) [Hilberg, 2009. Taf. 23,198].

Фибулы типа Братей, принадлежащие восточногерманской традиции, недавно стали объектом специального исследования [Гавритухин, Казанский, 2018. С. 333–345], где их «классическая» форма фигурирует как тип Братей-Бригецио (например, рис. 197, *4*). Зона распространения этих фибул очень широка – от бассейна Роны на западе до Верхнего Дона на востоке, однако более всего их найдено на Среднем и Нижнем Дунае [Bierbrauer, 2008. Abb. 16; Гавритухин, Казанский, 2018. Рис. 9 и Приложение]. Согласно Я. Тейралу, эти фибулы типичны для периода D2/D3 [Tejral, 2005. S. 117. 120, Abb. 2,6–9; 2015. S. 304–307], причем они появляются уже на начальной стадии данного периода [Tejral, 2007. S. 78]. Опорной находкой для датировки является уже упоминавшийся клад из Бушберга-Штайнмандла [Szameit, 1997. S. 240. Taf. 5,1–3] (рис. 198, *1–3*).

Близки к фибулам типа Братей и застежки типа Вышков (Vyškov) [Bierbrauer, 1989. S. 149–152] (например, рис. 197, *5, 6*), отличающиеся по форме ножки (пять выступов на углах, а не три, как у типа Братеи) и головки, по очертанию напоминающей «жандармскую треуголку» (рис. 197, *5*), если использовать терминологию французских исследователей. Впрочем, у некоторых фибул типа Вышков головка ближе к треугольной (рис. 197, *6*), как и у застежек типа Братей [см., напр.: Bierbrauer, 1989. Abb. 2,4], поэтому нельзя исключать родство фибулы из Краам-Грачевки и с фибулами типа Вышков. Последние распространяются на Среднем Дунае и в Северном Причерноморье [Bierbrauer, 2008. Abb. 16; Dobos, Lăzărescu, 2008. Pl. III]. Они известны на Дунае в контексте первой половины V в. [Bierbrauer, 1989. S. 149, 150] (например, рис. 197, *5*) и продолжают существовать и позднее. Об этом свидетельствует находка в погребении в римской крепости *Argamum*, на Нижнем Дунае [Mănucu Adameşteanu, 1980. Fig. 3, 4], где фибула типа Вышков (рис. 197, *6*) сопровождалась пальчатой фибулой, скорее всего, дериватом типа Гурзуф, т.е. времени не ранее середины – второй половины V в. (о них см. ниже).

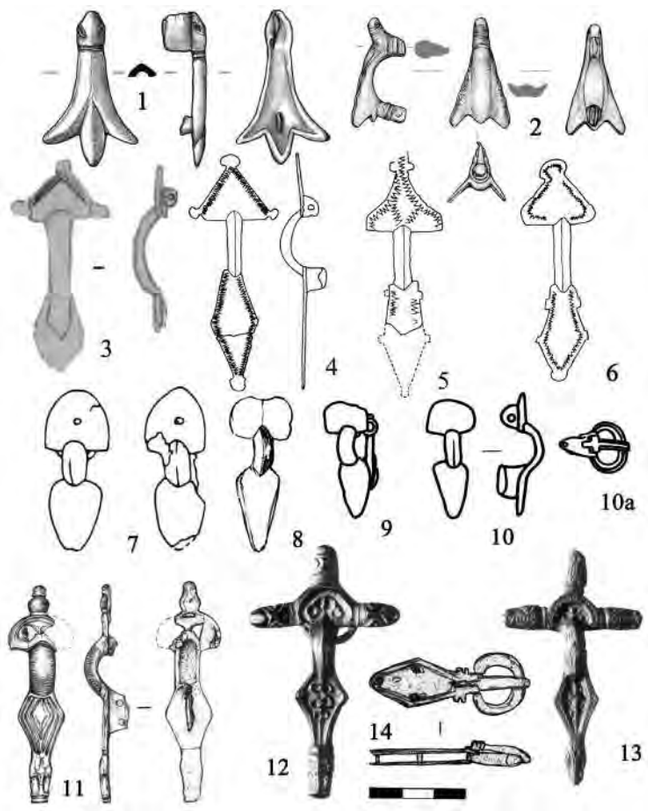


Рис. 197. Фибулы и пряжка дунайской традиции, их некоторые параллели (4–6) и сопровождающие вещи (10а)
1 – Новоселово; 2 – Окунево; 3 – Краам (Craam) / Грачевка; 4 – Братей (Bratei); 5 – Роман (Roman); 6 – Argamum; 7 – Доброе / Гора Великанов; 8 – Зопфен (Zophen) / Суворово, погр. 10; 9 – Зопфен / Суворово, погр. 179; 10 – Зопфен / Суворово, погр. 192; 11 – Ушаково; 12 – Кюссен (Kussen) / Весново; 13 – Варенген (Warengen) / Котельниково, погр. 18; 14 – Ликейм (Liekeim) / Наликаймы (Nelikajmy)
1, 2 – [по: Rudnicki, Skvortsov, 2018. Ryc. 1; 3,7]; 3 – [по: Nowakiewicz, 2011. Kat. № 30, Fig. Craam 001]; 4–6 – [по: Bierbrauer, 1989. Abb. 1,1; 2; 3,4]; 7, 8 – [по: Hilberg, 2009. Taf. 32,286; 37,330]; 9 10 – [по: Кулаков, 1990. Табл. XII,3,15]; 11 – [по: Rudnicki, Skvorcov, 2017. Ryc. 2, 3]; 12, 13 – [по: Hilberg, 2009. Taf. 20,175; 35,317]; 14 – [по: Новаковский, 2013. Рис. 2,2]

Малые двупластинчатые фибулы группы Амброз II

К дунайской традиции принадлежат и небольшие, длиной 4–5 см, двупластинчатые фибулы с полукруглой головкой, сравнительно короткой дужкой и подтреугольно-ромбической ножкой, расширенной близ дужки. Они найдены в могильнике Зопфен (Zophen) / Суворово (Гвардейский район Калининградской области), в погр. 10, 179, 192 [Кулаков, 1990. С. 64, 66. Табл. XII,15; Hilberg, 2009. S. 509, 510. Taf. 37,330,336,338] и в могильнике Доброе – Хюненберг (Hünnenberg) / Гора Великанов (бывш. Rantau) (Зеленоградский район Калининградской области), погр. 28 [Hilberg, 2009. S. 478. Taf. 32,28; Кулаков, 2014. С. 206. Рис. 20,2] (рис. 197, *7–10*).

Эти застежки представляют собой дериваты малых двупластинчатых фибул группы Амброз II, а иногда к ним присоединяют и малые фибулы группы Амброз I, особенно те, которые имеют вытянутую ножку с расширением в средней части [Амброз, 1966. С. 86–91]. В западноевропейской археологии фибулы с расширением ножки близ дужки часто называют типом Виллафонтана (Villafontana) [Bierbrauer, 1968; 1991. S. 569–572], а А. Коковский их выделил в группу F своей типологии двупластинчатых фибул [Kokowski, 1996. S. 156]. Впрочем, фибулы типа Виллафонтана имеют, скорее, неправильно-ромбическую форму ножки, с наибольшим расширением в верхней части.

Малые фибулы группы Амброз II распространены очень широко, от Кавказа [Мастыкова, 2009. С. 49; поздние дериваты: Амброз, 1989. Рис. 27,1,2] и Южного Урала [Мажитов, 1968. Табл. 8,13; поздние дериваты: Амброз, 1989. Рис. 28,1,7,12,20,21] до Пиренеев [Koenig, 1980. S. 231, 232. Taf. 60,c]. Эти фибулы очень хорошо представлены на среднем Дунае (напр., Ártánd, Novi-Banovce, Čana, Košice, Csongrád-Kenderföldek, Csongrád-Werbözigasse, Kövágószöllös, Csongrád-Kaserne) и в Северном Причерноморье (Херсонес Керчь, Инкерман, Гурзуф и пр.)

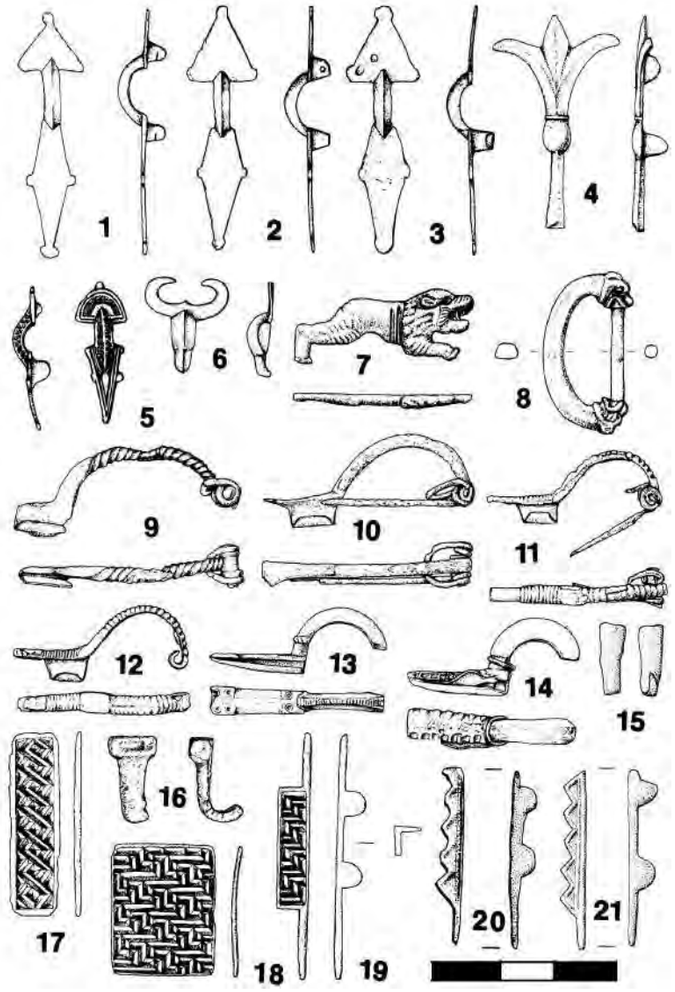


Рис. 198. Часть предметов из клада ремесленника в Бушберг-Штайнмандл (Bushberg-Steinmandl) [по: Szameit, 1997. Taf. 5]
Бронза, низкопробное серебро

Рис. 199. Серогончарная керамика из некрополя Варникам (Warnikam) / Первомайское [по: Tischler, Kemke, 1902. Taf. XXII]
1 – погр. 61; 2 – погр. 31; 3 – погр. 30.

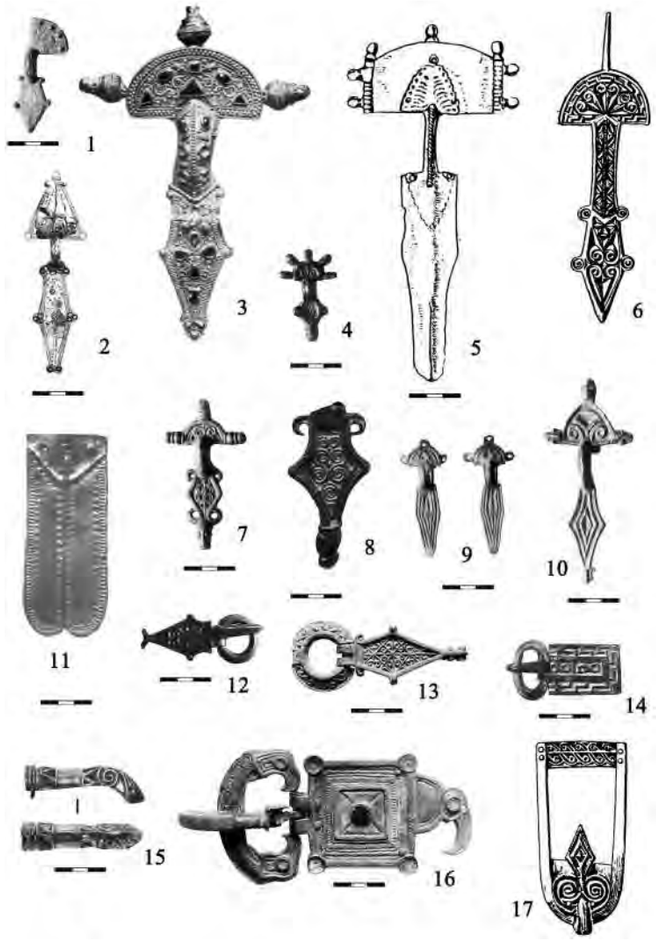


Рис. 200. Вещи дунайской традиции в Юго-Восточной Прибалтике и прилегающих районах Белоруссии
1 – Калоте (Collaten / Kalotė); 2 – Алекшицы; 3 – Млотечно (Hammersdorf / Młoteczno); 4 – Здоррен / Здоры (Sdorren / Zdory); 5, 11 – Плинкайгалис (Plinkaigalis); 6 – Келпин (Kelpin); 7 – Ласовец / Стервальде (Lasowiec / Sternwalde); 8 – Судота I (Sudota I); 9 – Грюнден / Грады Крукланецке (Grunden / Grądy Kruklaneckie); 10 – Грунейкен / Грунайки (Gruneiken / Grunajki); 12, 17 – Таурапилис (Taurapilas); 13 – Вилкитен (Wilkieten); 14 – Зиболишке (Ziboliškė); 15 – Падуобе / Шалатиуне (Paduobė / Šalatiūnė) 3; 16 – Альт-Коссевен / Косево (Alt-Kosseven / Kosewo)
1, 2, 4–17 – серебро, бронзовый сплав; 3: золото, гранаты
1, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 13, 16, 17 – [по: Hilberg, 2009. Abb. 5,34,49,50,56,58,70. Taf. 34,305,308; 16,119,123]; 2 – [по: Белявец, Сідаровіч, 2018. Мал. 18,1]; 5 – [по: Казакявичюс, 1987. Рис. 1,1]; 8, 12,14, 15 – [по: Bliujienė et al., 2017. Fig. 5,5; 3,8; 6; 2]; 11 – [по: Madyda-Legutko, 2011. Tabl. XLV,2]

[Bierbrauer, 1968. Fig. 7; Kazanski, 1984. Annexe II, № 10–12, 19, 20; Tejral, 2011. Abb. 229,6,7; 230,5; 231; 232,1,10][3].

Фибулы группы Амброз II – Виллафонтана имеют очень широкую хронологию. Показательна находка в эльзасском погребении Хохфельден (Hochfelden) [последняя публикация: Kazanski, Mastykova, 2018], где малые фибулы входили в состав «княжеского» костюма горизонта Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn), периода D2. Стоит отметить и находку в погребении Чонград-Вербоцигассе (Csongrád-Werbözigasse), где фибула типа Виллафонтана соседствовала с большой двупластинчатой фибулой гуннского времени [Tejral, 2011. Abb. 234]. Вполне возможно, что фибулы группы Амброз II – Виллафонтана появляются и раньше, уже в период D1, но пока надежных доказательств тому нет[4].

В могильнике Зопфен-Суворово, в погр. 192 малая двупластинчатая фибула сопровождалась пряжкой с крестообразным язычком [Кулаков, 1990. Табл. XII,15], типа Митино II.3 по типологии К.Н. Скворцова (рис. 197, *10а*). Пряжки с крестообразным язычком хорошо известны для самбийско-натангийской культуры, а также для эльблонгской и ольштынской групп и для культуры восточнолитовских курганов. Время наибольшего распространения пряжек с крестообразным язычком соответствует периоду E2 западнобалтской хронологии (от 450 по 610/625 гг.) [Скворцов, 2010. С. 75–76]. Фибулы из погр. 28 на могильнике Доброе–Гора Великанов по составу сопутствующих находок надежно не датируются. Территория самбийско-натангийской культуры не единственное место, где эти «реликтовые» фибулы встречаются сравнительно поздно, после V в. Дериваты малых двупластинчатых фибул группы Амброз II имеются и в Юго-Западном Крыму [Фурасьев, 2009. С. 193. Рис. 1, вариант IIA; 2,2,3], где они существуют, по крайней мере, до конца VI – начала VII в. [подробнее: Фурасьев, 2009. С. 194, 223, 224], а также на Южном Урале [Амброз, 1989. Рис. 28,1,7,12,20,21) и на Северном Кавказе [напр.: Амброз, 1989. Рис. 27,1,2].

[3] Показательно, что на Среднем Дунае концентрируются большие фибулы гуннского времени, группы Амброз II [Амброз, 1966. С. 88. Рис. 7,1]. Возможно, малые фибулы являются их дешевой копией.

[4] Можно отметить, что в Керчи, в склепе 165.1904 г., погр. 6 и 10, с малыми фибулами, располагались на боковых лежанках, а на полу, зарывая доступ к лежанкам, находилось явно более позднее погр. 3 с большими фибулами типа Смолин, характерными для периода D2/D3 [см. погребальный инвентарь склепа: Засецкая, 1993. № 295, 296, 303; план склепа: Шкорпил, 1907. Рис. 19].

Фибулы с растительным декором — дериваты типа Сокольнице

В постгуннское время, в период D3 на Среднем Дунае появляется новая группа застежек – это пальчатые фибулы с полукруглой головкой и ромбической ножкой, несущие рельефный декор. К числу наиболее ранних относятся фибулы типа Сокольнице (Sokolnice), с растительным рельефным декором [Tejral, 1976. S. 18, 19. Taf. 1,4,5; 2005. S. 121. Abb. 3,B.4]. Отдаленные дериваты фибул типа Сокольнице найдены в Кюссен (Kussen) / Весново (Краснознаменский район Калининградской области) [Hilberg, 2009. S. 420. Taf. 20,175] и в уже упоминавшемся некрополе Варенген-Котельниково, погр. 18 [Heydeck, 1909. S. 231. Abb. 157; Hilberg, 2009. S. 501. Taf. 35,317] (рис. 197, *12, 13*).

Фибулы типа Гурзуф

Еще одна пальчатая фибула, с рельефным декором в виде ромбов на ножке и с волютами на головке происходит из с. Ушаково (Гурьевский район Калининградской обл.) [Rudnicki, Skvorcov, 2017. S. 302, 303. Ryc. 2,3] (рис. 197, *11*). Авторами публикации она справедливо определена как относящаяся к дунайско-причерноморскому типу Гурзуф [см. о нём: Гавритухин, Казанский, 2006. С. 311–313, там же библиография], а среди возможных прототипов обоснованно названы среднедунайские застежки, вроде найденных в Велки Песек-Секеница (Velký Pesek-Sikenica). Возможная дата фибулы определена в рамках середины / второй половины V – начала VI в. [Rudnicki, Skvorcov, 2017. S. 305, 306][5].

Пряжка с ромбическим щитком

В Ликейме (Liekeim) / Наликаймах (Nelikajmy) (Варминско-Мазурское воеводство, Польша) была обнаружена пряжка с овальной рамкой, длинным хоботковидным язычком и гладким ромбовидным щитком, с двумя выступами у шарнира, соединяющего щиток с рамкой, известная по схематической зарисовке из архива Ф. Якобсона [Nowakiewicz, 2011. № 104. Fig. 001; Новаковский, 2013. С. 115. Рис. 2,2] (рис. 197, *14*). Наиболее близкой аналогией является, пожалуй, пряжка из Крыма [Koenig, 1980. Abb. 8,a]. Пряжка из Ликайма, скорее всего, восходит к позднеримским формам IV в. [см.: Sommer, 1984. Taf. 1,9; Vinski, 1974. Tabl. 37,4,5,7], некоторые из них имеют и выступы на щитке [Vinski, 1974. Tabl. 37,5,7]. В начале эпохи Великого переселения народов пряжки с гладким ромбическим щитком появляются в дунайском Барбарикуме [напр.: Tejral, 1986. Abb. 9,17]. По мнению В. Новаковского, пряжка принадлежит периоду E по западнобалтской хронологии, т.е. времени не ранее 450 г. [Новаковский, 2013. С. 115]. Впрочем, все известные мне дунайские пряжки постгуннского времени с ромбическим щитком имеют богатый рельефный декор, и, кроме того, у них нет выступов у шарнира, как на пряжке из Восточной Пруссии [см. о постгуннских пряжках этого типа: Kiss, 1984; Гавритухин, Казанский, 2006. С. 319–322]. Поэтому датировка данной пряжки гуннским временем мне представляется также вероятной.

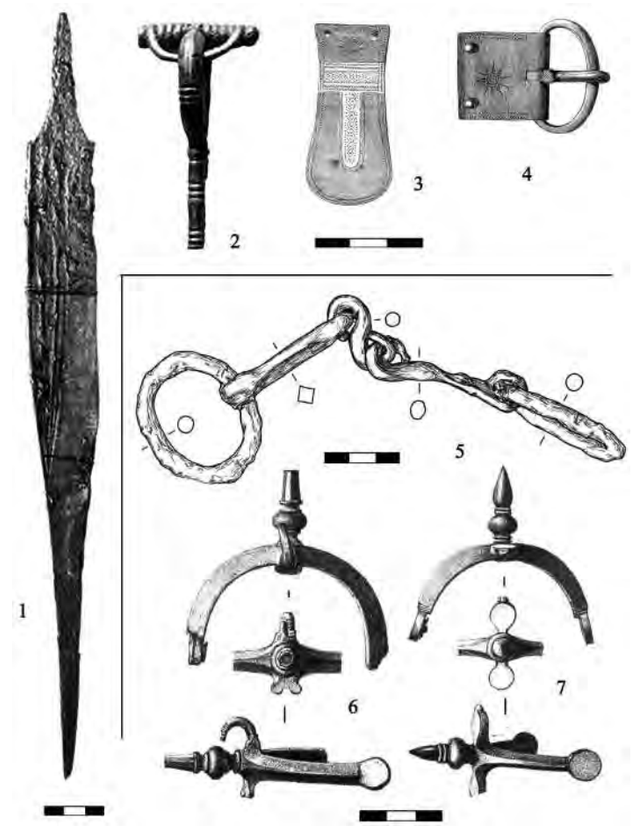


Рис. 201. Предметы вооружения, всаднического и конского снаряжения из некрополей самбийско-натангийской культуры
1–4 – Доллькайм (Dollkeim) / Коврово, погр. 108; 5 – Застровье-1, погр. 18.3; 6 – Грейбау (Greibau), погр. 211; 7 – Варникам (Warnikam) / Первомайское, погр. 31
1, 5 – железо; 2, 6, 7 – бронза; 3, 4 – бронза или низкопробное серебро
1–4 – [по: Prassolow, 2018. Taf. 13,A]; 5 – [по: Казанский, Зальцман, Скворцов, 2018. Рис. 20,7]; 6, 7 – [по: Tischler, Kemke, 1902. Taf. XVII,2,3]

[5] В то же время, нельзя согласиться с предложенным в той же работе определением фибулы из Окунева, как принадлежащей дунайско-италийскому типу Чонград [Rudnicki, Skvorcov, 2017. S. 304. Ryc. 2,2]. В лучшем случае, речь может идти об очень отдаленном деривате, где полностью утеряны основные отличительные признаки фибул типа Чонград.

Серогончарная столовая посуда

Три серогончарных кувшина гуннского времени, вне всякого сомнения, происходящие из карпато-дунайского региона, были обнаружены на могильнике Варникам (Warnikam) / Первомайское (Багратионовский район Калининградской обл.) [Tischler, Kemke, 1902. Taf. XXII][6] (рис. 199). Вряд ли они относятся к дунайскому типу Мурга (Murga), датируемому периодами D2/D3 [Bitner-Wróblewska, 2001. P. 118], который характеризуется более широким горлом, плавно переходящим в тулово, ребром с наибольшим расширением в нижней части и часто вертикальным декором на горле. На мой взгляд, эти кувшины скорее напоминают несколько более раннюю дунайскую серогончарную керамику периода D2 [Tejral, 2011. S. 240–247. Abb. 112,18; 116,4; 185,5; 292,7].

* * *

Итак, на территории самбийско-натангийской культуры немногочисленные дунайские импорты представлены отдельными фибулами и элементами поясной гарнитуры, не образующими устойчивых серий. Это, скорее всего, свидетельствует о эпизодичности контактов древних эстиев со Среднедунайским регионом. В то же время, дунайские вещи в V–VI вв. лучше представлены у южных, западных и восточных соседей населения самбийско-натангийской культуры.

Так, на юге, в Мазурском Поозерье, на территории богачевской культуры, а затем ольштынской группы известны дериваты дунайских фибул типа Артанд-Захонь (Artánd-Záhony), характерные для поздней части периода D2 и периода D2/D3, т.е. для 420–450-х гг. [Hilberg, 2009. Taf. 16,123; ср.: Tejral, 2007. Abb. 20,10; Bierbrauer, 2008. S. 126, 127. Abb. 17] (рис. 200, *9*). Для более позднего времени здесь известны различные пальчатые фибулы и отдельные пряжки дунайского происхождения [Hilberg, 2009. S. 87–177] (рис. 200, *4, 7, 10, 17*). Предполагается даже, что в позднем V – середине VI в. в Мазурию переселяются носители культурных дунайских элементов, представленных в женском уборе памятников ольштынской группы [подробнее см.: Nowakowski, 2000].

Достаточно ярко дунайские вещи гуннского и постгуннского времени представлены и к западу от зоны самбийско-натангийской культуры, на Эльблонгской возвышенности и в устье Вислы. В первую очередь, это уже упоминавшиеся находки гуннского времени: клад в Хаммерсдорф-Млотечно, с дунайскими «княжескими» фибулами полихромного стиля [Ciésliński, 2010. S. 162–167; Mączyńska, 2013; ср.: Tejral, 2011. S. 185–189] (рис. 200, *3*) и погребение воинского предводителя с мечом и тисненой дунайской пряжкой в Юшково (Juszkowo) [Dyrda et al., 2014; Kontny, Mączyńska, 2015; ср.: Tejral, 2011. S. 175–181. Abb. 142]. Можно утверждать, что «вождеская» культура населения вокруг устья Вислы в гуннское время формировалась под прямым дунайским воздействием. В конце гуннского периода и в постгуннское время здесь распространяются дунайские пальчатые фибулы с рельефным декором (рис. 200, *6*). Находки золотых солидов конца IV – начала VI в. подчеркивают важное значение устья Вислы в международных контактах [Godlowski, 1980. Karten 4–6; Maczyńska, 2007. Karten 1, 2].

Говоря о межрегиональных контактах и связях Балтики с Дунаем, не стоит забывать и роль Неманского водного пути, о которой свидетельствуют находка двупластинчатых фибул гуннского времени, типа Ваюга, в денежно-вещевом кладе Алекшицы, на Немане [подробнее: Белявец, Сідаровіч, 2018] (рис. 200, *2*), а также наличие в бассейне Немана гравированных наконечников типа Мады-да-Легутко 13-1, несомненно, карпато-дунайского происхождения [Madyda-Legutko, 2011. C. 97–100. Мара 24] (рис. 200, *11*). Видимо, с Немана (или из устья Вислы?) дунайские вещи попадают и на Куршское побережье Балтики. Это двупластинчатая фибула с гравированным декором (рис. 200, *1*) или пряжка с ромбическим щитком (рис. 200, *13*). Наконец, видимо, также по Неманскому пути среднедунайские вещи постгуннского времени попадают и в Среднюю и Восточную Литву. Это, например, пряжки с прямоугольным и ромбическим щитком с рельефным декором или с язычком с рельефным декором (рис. 200, *12, 14, 15*), пальчатые фибулы дунайской традиции (рис. 200, *8*), большие двупластинчатые фибулы типа Смолин (рис. 200, *5*), мечи в ножнах дунайской традиции (рис. 200, *17*). Уже упоминавшееся погребение в Таурапиласе [Tautavičius, 1981] (рис. 200, *12, 17*) убедительно свидетельствует о влиянии «княжеской» культуры Дуная на восточных балтов.

Создается впечатление, что эстии самбийско-натангийской культуры были «изолированы» своими соседями, и контакты Балтийского региона с Средним Подунавьем проходили, в основном, восточнее и западнее, по Неману и Висле, не захватывая зону самбийско-натангийской культуры, куда дунайские импорты поступали чаще всего лишь опосредованно. Разумеется, не следует представлять себе эту «изоляцию», как жесткую военную блокаду. Вне всякого сомнения, древние эстии могли поддерживать контакты с другими регионами континентальной Европы, чему свидетельством является, видимо, известное посольство эстиев около 526 г. к итало-остроготскому королю Теодориху[7]. Скорее всего, речь идет о том, что в контактах Среднего Дуная с Юго-Восточной Прибалтикой в гуннское и постгуннское время основную роль играло население Мазурского Поозерья, бассейнов Вислы и Немана.

Экскурс. Воинская экипировка гуннского и постгуннского времени на памятниках самбийско-натангийской культуры

Говоря о дунайских влияниях на Юго-Восточную Прибалтику в гуннское и постгуннское время, нельзя не затронуть вопрос о предполагаемом влиянии гуннов и дунайских германцев на военное дело эстиев. Неоднократно выдвигалось предположение, что некоторые виды оружия и поясной гарнитуры заимствованы западными балтами с Дуная, и что население самбийско-натангийской культуры оказалось в зоне экспансии гуннов и/или «ветеранов гуннских войн», разбежавшихся кто куда после разгрома гуннов при Недао.

В качестве археологического свидетельства таких влияний подчас называют скрамасаксы, хорошо представленные на интересующих нас памятниках[8] (рис. 201, *1*). Этому виду оружия посвящена фундаментальная работа Я. Прасолова, где учтено более 200 находок, в основном, V в. Автор убедительно показал, что вопреки распространенному среди исследователей мнению, эти скрамасаксы представляют собой местную форму и не являются инокультурным компонентом, привнесенным извне, и что их использование не связано с конным боем [подробнее: Prassolow, 2018; там же обширная библиография]. Скорее всего, их прототипами являются боевые ножи римского времени, известные как в Скандинавии, так и в самбийско-натангийской культуре [Kazanski, Mastykova, 2005. P. 123; Казанский, Мастыкова, 2013. С. 99]. Добавим, что на сегодняшний день в достоверно гуннском контексте в Центральной и Восточной Европе не найдено ни одного скрамасакса, что снимает саму возможность гуннского происхождения данного оружия.

Надо добавить, что никаких других видов оружия, которые можно было бы соотнести с гуннским/дунайским югом, в самбийско-натангийской культуре пока не найдено. Так, например, «степные» трехлопастные стрелы, несомненно связанные по происхождению с кочевническим комплексом боевых средств, известны в Мазурии и в Литве [Кулаков, 2002. Рис. 1,3; Казакявичюс, 1988. Рис. 25,20–29], но полностью отсутствуют в Самбии и Натангии.

В целом, создается впечатление, что воинская (не обязательно «дружинная», т.е. связанная только с воинской элитой) культура эстиев в гуннское и постгуннское время связана, скорее, с циркумбалтийским регионом и Северной и Средней Германией. Об этом, помимо скрамасаксов, свидетельствуют найденные в интересующем нас регионе декор парадного оружия, некоторые типы копий, шпоры типа Лейна, удила с трехчастными грызлами, «воинские» ременные гарнитуры.

В «воинской» культуре эстиев имеются и скандинавские по происхождению черты, например, тисненый декор в германском первом зверином стиле на ножнах меча из погребения 1 в уже упоминавшемся некрополе Варникам (рис. 202, *5*), а также на обкладках седел из погр. 4 в том же могильнике Варникам, в погр. 36 могильника Шоссейное и из погр. 335 в могильнике Митино. Этот декор имеет многочисленные параллели в Скандинавии [подробнее см.: Скворцов, 2018. С. 166, 168; Скворцов, Пеш, 2018].

К числу показательных относятся копья типа Казакявичюс II (рис. 202, *1*), распространенные в самбийско-натангийской культуре. Эти копья для Прибалтики изучены В. Казакявичюсом. Он показал их широкое распространение по всей Восточной Прибалтике, до Финляндии включительно, а также в Скандинавии – на Готланде, в Швеции, Дании и Норвегии [Казакявичюс, 1988. С. 37–40]. На территории самбийско-натангийской культуры такие копья представлены в ряде погребений, начиная с ранней фазы эпохи переселения народов, таких как Долькайм-Коврово, погр. 253, с характерной пряжкой этого времени [Кулаков, 2007. С. 10], и существуют позднее. Подобные копья есть на других балтских территориях, а также у прибалтийских финнов, в лесной зоне России, в Скандинавии, у франков, аламаннов и англо-саксов [подробнее: Казанский, 2008. С. 306; Скворцов, 2108. С. 171, 172], но их нет на юге.

Шпоры типа Лейна [*Gi*esler, 1978], представленные в Самбии в гуннское время (например, Варникам, Гребитен) [Кулаков, 2010. Рис. 3,*4*; 4,*k,m*] (рис. 201, *6, 7*), также являются показательными с точки зрения влияний на воинскую культуру эстиев. Здесь хорошо представлен западный провинциально-римский вариант D, с крючком для крепления [Giesler, 1978. S. 2, 13, 48–52. № 86, 87. Taf. 9] (рис. 202, *6*). Эти шпоры распространены в Британии, Галлии, на Рейне, в бассейне Эльбы, единичные находки известны в Паннонии и в Италии, в Мазовии и Литве. Шпоры Лейна редко попа-

[6] Предположение В. Новаковского [2007. С. 150], что в этих кувшинах перевозили вино, мне кажется слишком экстравагантным. Речь идет все же, скорее, о столовой посуде, а не о транспортной таре.

[7] Модная ныне идея о том, что письмо Теодориха к эстиям, написанное Кассиодором, в котором идет речь об этом посольстве, является всего лишь стилистическим упражнением, нуждается в серьезном обосновании и воспринята далеко не всеми исследователями [см. подробнее: Bliujienė, 2011. P. 210–212].

[8] Исследователи, занимающиеся древностями самбийско-натангийской культуры, используют неудачный термин «ножи-кинжалы», по сути объединяющий два различных вида клинкового оружия, требующих совершенно различных приемов использования в бою. Мне представляется более правомерным употреблять для однолезвийного оружия с довольно коротким прямым клинком термин «скрамасаксы», для циркумбалтийского региона уже устоявшийся в русской археологии [см., напр.: Лебедев, 2005. С. 146].

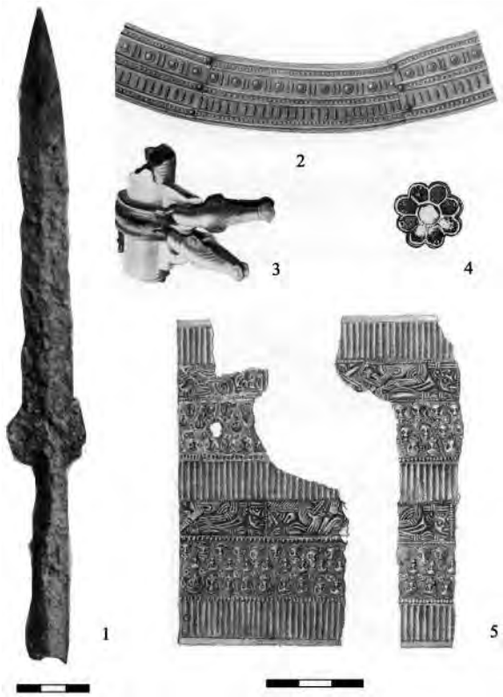


Рис. 202. Предметы из Варникам (Warnikam) / Первомайское, погр. 1 [по: Hilberg, 2009. Abb. 9,6,7d,10] 1 – железо; 2, 5 – серебро; 3 – позолоченная бронза; 4 – золото, гранаты

дают в Восточную Европу [Kazanski, 1994b. P. 435]. На могильнике Варникам/Первомайское, в погр. 31 [Tischler, Kemke, 1902. Taf. XVII,3] найдены шпоры типа Лейна, которые можно отнести к восточноримскому варианту С [ср.: Giesler, 1978. S. 11, 12. Abb. 2] (рис. 201, *7*), который, впрочем, хорошо представлен в западноримских провинциях Паннонии и Норике, а также хорошо известен на Нижней Эльбе, на Рейне и в Британии [Giesler, 1978. S. 46–48. Taf. 9].

Из предметов конского снаряжения надо назвать многочисленные для самбийско-натангийской культуры трехчастные удила (рис. 201, *5*), известные у балтов и прибалтийских финнов, а также в лесной зоне России и Белоруссии и в Скандинавии, которые также не попадают на юг [см. подробнее: Казанский, Зальцман, Скворцов, 2018. С. 18–20].

Земланские/самбийские поясные гарнитуры (рис. 201, *3, 4;* 203, *1–8*), т.е. пряжки и наконечники с характерным гравированным декором, являются особенно показательными для «воинской» культуры Самбии и Натангии в гуннское время [Madyda-Legutko, 1986. S. 69. Karte 35,AH38; 2011. S. 91–96. Mapa 23; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 109–117; Кулаков, 2010. С. 117, 118]. Уже давно гравированные вещи в балтийском регионе рассматриваются как доказательство влияния римских мастерских, «римского военного стиля» и даже римских ветеранов [Strogaard, 2003. S. 123, 124; Кулаков, 2010. С. 118; историография вопроса: Bitner-Wróblewska, 2017. P. 262; Quast, 2017. P. 280]. Действительно, на западноримских поясах представлен декор, напоминающий известный на самбийских гарнитурах, например, в виде звездочек [Böhme, 1974. Taf. 94,13; 108,3; 120,11; 129,5; Sommer, 1984. Taf. 40,10; подробнее: Quast, 2017. P. 285–287]. В то же время, подобные пояса с гравированным декором отсутствуют на Дунае и на территории Восточной Римской империи, где, видимо, у солдат была иная мода. К эстиям западные пояса могли попасть через Северную Германию, где распространяются различные виды позднеримских пряжек и наконечников с гравированным декором и их подражания [Böhme, 1974. Karte 15, 18; Rau, 2010. S. 279–303] и откуда в Юго-Восточную Прибалтику попадают и некоторые типы фибул [подробнее о них: Казанский, 2017].

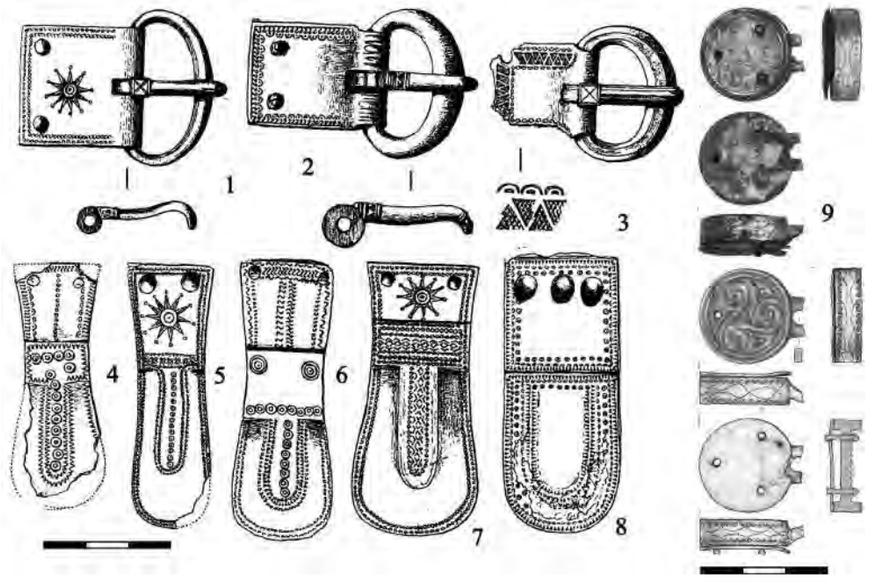


Рис. 203. Элементы поясной / ременной гарнитуры 1, 7 – Доллькайм (Dollkeim) / Коврово, погр. 163; 2 – Грейбау (Greibau) 211; 3 – Варникам (Warnikam) / Первомайское, погр. 30; 4 – Варникам / Первомайское, погр. 60; 5 – Доллькайм / Коврово, погр. 161; 6 – Доллькайм / Коврово, погр. 164; 8 – Доллькайм / Коврово, погр. 140; 9 – Тимофеевка 1–8 – бронза; 9 – позолоченное серебро 1–8 – [по: Tischler, Kemke, 1902. Taf. VI,1–3,5,7,16,19,20]; 9 – [по: Rudnicki, Skvorcov, 2015. Ryc. 3]

Упомянем и элементы гарнитуры типа Шёруп (Snartemo-Sjörup) несколько более позднего времени, второй половины V – начала VI в. Одна пластина этого типа найдена на городище Тимофеевка (бывш. Kamsvikus) в Надровии (рис. 203, *9*), основная же масса находок происходит из Южной Скандинавии, если не считать одну находку в Северной Эстонии [Rudnicki, Skvorcov, 2015].

Впрочем, как и в других регионах варварской Европы, культура воинских элит у эстиев в V – раннем VI в. содержала элементы самого разного происхождения. В этом смысле показательна находка удил в погр. 1 из могильника Варникам (рис. 201, *3*), которые имеют выраженные дунайские параллели, в частности в знаменитом гепидском «княжеском» погребении Апахида (Apahida) 2 в Трансильвании [Hilberg, 2009. S. 319–321; Скворцов, 2018. С. 172]. В то же время, держатели поводьев на этих удилах [Скворцов, 2018. Рис. 2,7] очень напоминают аналогичные держатели на удилах из лангобардской «княжеской» могилы в Вескень (Veszkény) в Западной Венгрии [Bóna, 1976. Pl. 77]. Но при этом всё же не дунайские, а, скорее, скандинавские и шире, «западные» влияния, на мой взгляд, сыграли решающую роль в формировании воинской культуры эстиев в V–VI вв. Видимо, столь излюбленные некоторыми исследователями «отягощенные золотом ветераны гуннских войн» в заметном количестве на территории эстиев так и не оказались.

Библиография

Айбабин А.И. Погребения второй половины V – первой половины VI в. в Крыму // Краткие сообщения Института археологии. 1979. Вып. 158. С. 22–34.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966 (Свод археологических источников, Вып. Д1-30).

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989.

Белявец В., Сідаровіч В. Алекшыцкі манетна-рэчавы скарб эпохі Вялікага перасялення народаў // Банкаўскі веснік. 2018. № 2. С. 2–16.

Гавритухин И.О., Казанский М.М. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв. // Археологические вести. 2006. Т. 13. С. 297–344.

Гавритухин И.О., Казанский М.М. О времени появления славян на территории Молдовы // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник в честь 70-летия Н.П. Тельнова / ред. В.А. Синика, Р.А. Рабинович. Кишинев, Тирасполь: Приднестровский гос. университет им. Т.Г. Шевченко, Высшая Антропологическая школа, 2018. С. 333–354.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 23–105.

Казакявичюс В. Находка двупластинчатой фибулы в Литве // Советская археология. 1987. № 4. С. 264–266.

Казакявичюс В. Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988.

Казанский М.М. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний Великого переселения народов / отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 2008. С. 304–324.

Казанский М.М. Эстии и Океан: о распространении некоторых типов фибул эпохи переселения народов и меровингского времени // Археологические Вести. 2017. Т. 23. С. 265–273.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Мастыкова, А.Н. Хохлов. М., СПб.: Нестор-История, 2013. С. 97–112.

Казанский М.М. Зальцман Э.Б., Скворцов К.Н. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН, 2018.

Кулаков В.И. Эхо гуннских войн в Балтии // Гістарычна-Археалагічны Зборник. 2002. № 17. С. 101–116.

Кулаков В.И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2007.

Кулаков В.И. Оружие горизонта Сёсдала-Унтерзибенбрунн в Янтарном крае // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. / отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 112–143. (Раннеславянский мир, Вып. 13).

Кулаков В.И. Hünenberg – «Гора Великанов». Могильник III–IV вв. на севере Самбии // Barbaricum. 2014. Vol. 10. С. 199–363.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI вв. М.: ИА РАН, 2009.

Новаковский В. Между Мазурским Поозерьем и Надровией: могильники эпохи Великого переселения народов на Средней Лаве // Археология Балтийского региона / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Мастыкова, А.Н. Хохлов. М., СПб.: Нестор-История, 2013. С. 113–121.

Приск Панийский. Готская история // Латышев В.В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1890. С. 810–846.

Скворцов К.Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). Т. 1. М.: ИА РАН, 2010. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15).

Скворцов К.Н. «Вождеские» погребения могильника Варникам – 141 год спустя // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 252. С. 161–177.
Скворцов К.Н., Пеш А. Серебряная оковка седла рубежа V–VI вв. из могильника Митино, Калининградской обл. // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 253. С. 199–219.
Ушаков С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох. Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н.э.). Опыт реконструкции. Донецк: Донбасс, 2010 (Археологический альманах, № 23).
Фурасьев А.Г. Этнокультурные особенности населения Южного Крыма в VI - начале VII в. н.э. (По материалам женского костюма) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 190–235.
Шкорпил В.В. Отчет о работе в Керчи в 1904 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1907. Вып. 25. С. 1–66.
Beljavec V. O dwóch zapinkach cykadowatych z Białorusi // Materiały do Archeologii Warmii i Mazur. Tom 2 / eds. S. Wadyl, M. Karczewski, M. Hoffmann. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. S. 237–251.
Bierbrauer V. Das westgotische Fibelpaar von Villafontana // I ritrovamenti barbarici nelle collezioni civiche veronesi del Museo di Castelveccio / ed. O. von Hessen. Verona: Museo di Castelvecchio, 1968. S. 75–82.
Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab-und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano de Studi sull'Alto Medioevo, 1975.
Bierbrauer V. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa // Jahrsschrift für Mitteldeutche Vorgeschichte. 1989. Bd. 72. S. 141–160.
Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romanga (Italien) – Zur chronoligischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunders in Südosteuropa und Italien // Jahrbuch des Römische-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1991. Bd. 38. S. 541–592.
Bierbrauer V. Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäoloigscher Sicht: Vom Kaukasus bis nach Niederösterreich. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wisseschaften, 2008.
Bitner-Wróblerwska A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2001.
Bitner-Wróblewska A. Sösdala style -Sösdala horizon // The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe / eds. C. Fabech, U. Näsman. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 257–271.
Bliujienė A. Northern Gold: Amber in Lithuania (c. 100 to c. 1200). Leiden, Boston: Brill, 2011.
Bliujienė A., Steponaitis V., Šatavičius E., Grižas G. Concentration of Autortity and Power in East Lithuania, between Tauragnas Lake qnd Middle Reaches of the Žeimena Riverm during the Migration Period // Estonian Journal of Archaeology. 2017. 21/2. P. 117–147.
Böhme H.-W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1974.
Bóna I . A l'aube du Moyen Age. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpates. Budapest: Crovina, 1976.
Ciésliński A. Kulturelle Verwänderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Paslęka und oberer Drwęca. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, 2010.
Dobos A., Lăzărescu V.A. O fibulă inedită descoperită în raza localităţii Sic, jud. Cluj // Angvstia Arheologie. 2008. Vol. 12. P. 177–186.
Dyrda K., Kontny B., Mączyńska M. Niezwykłe odkrycie grobu wojownika z wczesnego okresu wędrówek ludów w Juszkowie, gm. Pruszcz Gdański // Honoratissimum assensus genus est armis laudare / eds. R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Instytut Archeologii, 2014. S. 111–134.
Giesler U. Jüngkaiserzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna // Sallburg-Jahrbuch. 1978. Bd. 35. S. 5–56.
Godłowski K. Zur Frange der völkerwanderungszeitlichen Besiedlung in Pommern // Studien zur Sachsenforschung. 1980. Bd. 2. S. 63–106.
Heydeck J. Das Gräberfeld Warengen bei Medenau, Kr. Fischhausen // Prussia. 1904. Bd. 22. S. 224–238.
Hilberg V. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeiziehungen dervölkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary, Band 2. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2009. (Schriften des Archaologischen Landesmuseums. Band 9).
Kazanski M. A propos de quelques types de fibules ansées de l'époque des Grandes Invasions trouvées en Gaule // Archéologie Médiévale. 1984. Vol. XIV. P. 7–27.
Kazanski M. Les plaques- boucles méditerranéennes des Ve- VIe siècles // Archéologie Médiévale. 1994a. Vol. XXIV. P. 137–198.
Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lubin, Marburg: Vorgfeschichtliches Seminar des Phillips-Universität Marburg, 1994b. P. 429–485.
Kazanski M., Mastykova A. Les contacts entre la Gaule du Nord et la côte sud-est de la mer Baltique durant l'époque des grandes migrations et au début de l'époque mérovingienne // Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne / coord. J. Plumier, M. Regnard. Namur: Minisère de la Région wallonne, 2005. P. 115–132.
Kazanski M., Mastykova A. La tombe de Hochfelden // In Tempore Sueborum. El tiempo de los Suevos en la Gallaecia (411–585). Volumen de Estudios / dir. J. López Quiroga. Ourense: Deputación Provincial de Ourense, 2018. P. 109–114.
Koenig G.G. Archäologische Zeugnisse westgotischer Präzenz im 5. Jahrhundert // Madrider Mitteilungen. 1980. Bd. 21. S. 220–247.
Kiss A. Über eine silbervergolete gepidische Schnalle aus dem 5. Jahrhundert von Ungarn // Folia Aarchaeologica. 1984. T. 35. S. 57–76.
Kokowski A. O tak zwanych blaszanych fibulach a pólokrąglą płytą i rombowatą nóżką // Studia Gothica I / red. A. Kokowski. Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1996. S. 153–184.
Kontny B., Mączyńska M. Ein Kriegergrab aus der frühen Völkerwanderungszeit von Juszkowo in Nordpolen // Dying Gods – Religious beliefs in northern and eastern Europe in the time of Christianisation / Hrsg. C. Ruhmann, V. Brieske. Hannover, Stuttgart: Konrad Theiss, 2015. S. 241–262.
Kühn H. Die Zikadenfibeln der Völkerwanderungszeit // Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. 1935. S. 85–106.
Mączyńska M. Pommern in der Völkerwanderungszeit – 20 Jahre nach dem Aufsatz von Kazimierz Godłowski // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav, 2007. S. 147–171.
Mączyńska M. Trzy fibule cykadowate z kręgu bałtyjskiego // Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński im memoriam / red. A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska. Warszawa, 2009. S. 393–404. (Seminarium bałtyjskie, T. II).
Mączyńska M. Die Goldfibel von Młoteczno (Hammersdorf), Kr. Braniewo in Nordostpolen // Archaeologia Lituana. 2013. T. 14. S. 181–198.
Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderngszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford, 1986. (BAR International Series, 360).
Madyda-Legutko R. Studia nad zróżnicowaniem metalowych części pasów wkulturze przeworskiej. Okucia końcd pasa. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2011.
Mănucu Adameşteanu M. Un mormânt germani din necropola cetăţii Argamum // Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie. 1980. Vol. 31-2. P. 311–320.
Mitscha-Märheim H. Frühgeschichtliche Kleinfunde aus Österreich in Verschiedenen Sammlungen // Archaeologia Austriaca. 1971. Bd. 50. S. 185–196.
Nowakiewicz T. (red.). Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, 2011.
Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg, Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg, 1996. (Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10).
Nowakowski W. Die Olsztyn-Gruppe (Masurgermanisce Kultur) in der Völkerwanderungszeit. Das Problem ihrer chronologischen und territorialen Grenzen // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa / Hrsg. M. Mączińska, T. Grabarczyk. Lodz: Uniwersytet Lodzki, 2000. S. 168–180.
Prassolow J.A. Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der sämlandisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreussens. Mainz: Akademie der Wissenschaften und Literatur, 2018.
Quast D. Sösdala in a western perspective // The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe / eds. C. Fabech, U. Näsman. Aarhus: Jutland Archaeological Society? 2017. P. 279–295.
Rau A. Nydam Mose 1. Die personengebundenen Gegenstände. Grabungen 1989–1999. Moesgård: Jysk Arkæologisk Selskab, 2010.
Rudnicki M., Skvorcov K. Znalezisko sprzączki typu Snartemo-Sjörup z Nadrowii 348 A Belt-Buckle type Snartemo-Sjörup from Nadrovia Region // Wiadomości Archeologiczne. 2015. T. LXVI. S. 348–353.
Rudnicki M., Skvorcov K. Nowe odkrycia zapinek płytkowych z Sambii i Natangii // Wiadomości archeologiczne. 2017. LXVIII. P. 302–310.
Rudnicki M., Skvorcov K. Nowe znalezisko zapinki cykadowatej z terenu Półwspu Sambijskiego // Studia barbarica.Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin / dir. B. Niezabitowska-Wiśniewska et al.. Lublin: Instytut Archeologii UMCS, 2018. S. 380–391.
Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch ? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. Und 6. Jahrhunderts N. Chr. Aus den Gebieten westlische des Rheins und südlisch der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1986. Bd. 33. S. 593–720.
Skvortsov K., Rudnicki M. The find of a cicada brooch from the area of former Grebieten (today's Okunevo, st. I, Kaliningrad District, Russia) // Římské a germánské spony ve Střední Evropě / eds. E. Droberjar, B. Komoróczy. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 2017. P. 387–396.
Sommer M. Die Gürtel und Gürtelbeschläge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich. Bonn: Rheinische Friedrich Wilhelms Universität, 1984.
Strogaard B. Kosmopolitische Aristokraten // Sieg und Triumf. Der Norden im Schatten des Römischen Reiches / Hrsg. L. Jørgensen et al. København: Nationalmuseet, 2003. S. 106–125.
Szameit E. Ein völkerwanderungszeitliches Werkzeugdepot mit Kleinfunden aus Niederösterreich. Ein Vorbericht // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum / Hrsg. J. Tejral, H. Friesnger, M. Kazanski. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 1997. S. 233–258.
Tautavičius A. Taurapilio „kunigaikščio" kapas // Lietuvos Archeologija. 1981. T. 2. P. 18–42.
Tejral J. Fremde Einflüsse und kulturelle VEränderungen nördlich der mittlerer Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Archaeologia Baltica. Tom VII. „Peregrinatio Gothica" / Hrsg. J. Kmieciński. Łódź: Katerdra archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 1986. S. 175–238.
Tejral J. Zur Unterschicherung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses // Die Langobarden. Herrschaft und Identität / Hrsg. W. Pohl, P. Erhart. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschanften, 2005. S. 103–200.
Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen „gentes" im mitteldonauraum aus der sicht der Archâologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 2007. S. 55–120.
Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebien zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut Akademie des Wissenschaften der Tschechische Republik Brno, 2011.
Tejral J. Zum Problem der Feinschmiederprodukton im Mitteldonauraum während des 5. Jahrhunderts nach Chr. // Památky archeologické. 2015. CVI. S. 291–362.
Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Cristi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch, 1902.
Vallet F., Kazanski M., De Pirey D. Eléments étrangers en Bourgogne dans la deuxième moitié du Ve siècle // Les Burgondes, apports de l'archéologie / dir. H. Gaillard de Semainville. Dijon: Association pour lza connaissance du Patrimoine de Bourgogne, 1995. P. 111–127.
Vinski Z. Kasnoantički starojednosti u salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata // Vjesnik za arheologiju i historiju damlatinsku. 1974. T. 69. S. 5–86.

КРЫМ

ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ГОТОВ НА БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В III В.[1]

Среди бурных событий Скифских войн на «понтийском фронте» [Щукин, 2005. С. 134–151; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 27–34] появление боранов и готов на Боспоре Киммерийском в 250-х гг. привлекло особое внимание исследователей. К настоящему времени в русской историографии сложилось два взгляда на вопрос о том, откуда и каким путем пришли эти варвары, условно объединяемые под этнонимом «готы» (рис. 204). Для его прояснения постараемся привлечь некоторые данные о природной среде Северного Причерноморья того времени[2].

О ситуации в Боспорском царстве в середине III в.

Коротко остановимся на политической ситуации в Боспорском царстве в 250-е гг. Как известно по нумизматическим данным, в 253–254 гг. на Боспоре Киммерийском имеются сразу два царя, Рескупорид V, который пришел к власти в 242 г., и некий Фарсанз, носящий типично иранское (аланское?) имя [Яценко, 1997. С. 157]. Предполагается, что последний является узурпатором, укрепившимся то ли на «европейском» Боспоре [Блаватский, 1964. С. 103], то ли в его «азиатской» части [Зубарь, 1998. С. 139], и при этом вступивший в союз с германцами. Последнее утверждение базируется на известном сообщении Зосима об узурпации власти всякими недостойными людьми, предоставившими боспорский флот варварам – «скифам» для набегов на римские провинции в Азии [Зосим, Новая история, I.32.2]. Этим негодяем вряд ли мог быть Рескупорид V, именовавший себя ещё в 250 г. «другом цезаря и римлян» [Корпус боспорских надписей, № 59] и получавшим от Империи поддержку, остается Фарсанз. Возможна, впрочем, и другая возможность – Рескупорид, следуя принятой на Боспоре практике, выбрал себе соправителя Фарсанза, чтобы лучше организовать оборону царства на разных фронтах. В самом деле, монеты обоих правителей чеканятся в монетном дворе Пантикапея [Фролова, 1980. С. 67; 1997. С. 52–54], что свидетельствует, скорее, о сердечном согласии двух царствующих особ [Щукин, 2005. С. 139; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 29].

Монетные клады, такие как Патрей-3 и Таманский 1970 г., с последними монетами 251–252 гг., керченский 1964 г. и Мирмекийский 1988 г., последние монеты которых чеканены в 253 г., свидетельствуют о стрессовой ситуации. О каких-то событиях военного характера говорят и следы пожаров в Пантикапее, датированные монетами Фарсанза 243–254 гг. и Рескупорида V 254 г. [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 28].

Некоторые вещи германской традиции, обнаруженные на территории Боспорского царства, по дате близки этому событию. Это гривна из Фанагории (рис. 205, *5*) [Казанский, Мастыкова, 2007] или подвязная фибула с кольцевым декором из Пантикапея (рис. 205, *4*), датируемые периодами соответственно C2 и C2-C3, согласно хронологии европейского Барбарикума (C2: 260/270–300/320 гг.; C3: 310/330–360/370 гг.) Стоит упомянуть и гребень типа Томас I (рис. 205, *3*), типичный для периодов C2 и C3, открытый в Керчи, в погребении 29.1873 г., с монетами 202 и 265 г. Еще одна находка того же времени – фибула центральноевропейского происхождения (пшеворская культура или северная часть Карпатского бассейна), происходящая из некрополя Курское, на западной периферии Боспора Киммерийского. Она происходит из могилы, датированной по пряжкам теми же периодами C2 и C3. Но в целом, вещей германской традиции в середине III в. на Боспоре Киммерийском практически нет [Казанский, 1999. С. 280; Kazanski, 2002. P. 394–396]. Кстати, возможно, готы и бораны не первые северные варвары, попавшие в Крым в позднеримское время. Об этом свидетельствует отмеченная в Северном Причерноморье и, в частности, на Боспоре «прибалтийско-скандинавская» (по терминологии О. В. Шарова) волна северных импортов второй половины II – начала III в. [см.: Васильев, 2005; Шаров, 2010. С. 277; 2013. С. 143, 144; Шаров, Чореф, 2015. С. 366–368].

В это время погибает боспорский город Танаис на Нижнем Дону. Судя по монетным находкам, катастрофа случилась в 251 г. или вскоре после этой даты. Город сгорел в пожаре, при этом явных следов сражения (скелеты и многочисленные предметы вооружения на улицах и в помещениях, следы разрушения укреплений) не найдено [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 28]. Как предполагал Д. Б. Шелов, город был захвачен без генерального штурма, большая часть его населения избежала смерти и была уведена в плен захватчиками, после чего Танаис был сожжен [Шелов, 1972. С. 300, 301]. В помещениях, пострадавших от пожара во время разгрома города, всё же найдены предметы вооружения, типичные для германцев Центральной Европы [Bezuglov, 2003. Abb. 2; Щукин, 2005. С. 138; 2011. С. 174].

Это умбон типа Конин (рис. 206, *3*) [Щукин, 2005. Рис. 5,9; Kazanski, 1994. P. 479. № 13.b; Bezuglov, 2003. Abb. 2,3], датируемый периодом C1 по хронологии европейского Барбарикума (160/180–260/270 гг.), что соответствует горизонту 2а (группа 6) погребений с оружием в пшеворской культуре [Godlowski, 1992. S. 44–50. Fig. 19; 1994. Fig. 3,40,41]. Такие умбоны известны, в первую очередь, на пшеворских памятниках, хотя встречаются и вне пшеворской зоны, например, в древностях восточных

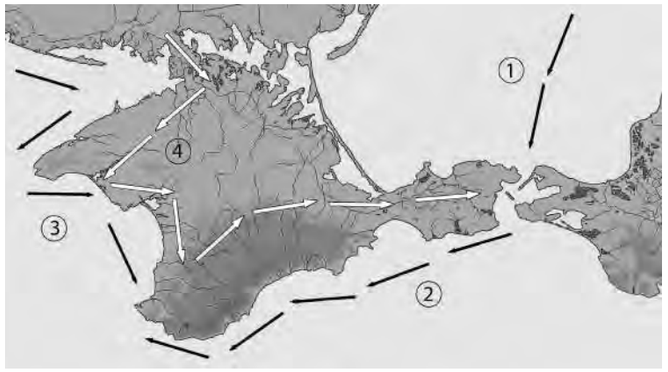


Рис. 204. Возможные направления «готских» вторжений в Крым в III в. [по: Казанский, 2015. Рис. 1]
1 – Гайдукевич, 1949; Веймарн, 1971; Высотская, 1972; 2– Веймарн, 1971; 3 – Веймарн, 1971; Высотская, 1972; 4 – Высотская, 1972; Шелов, 1972; Айбабин, 1999

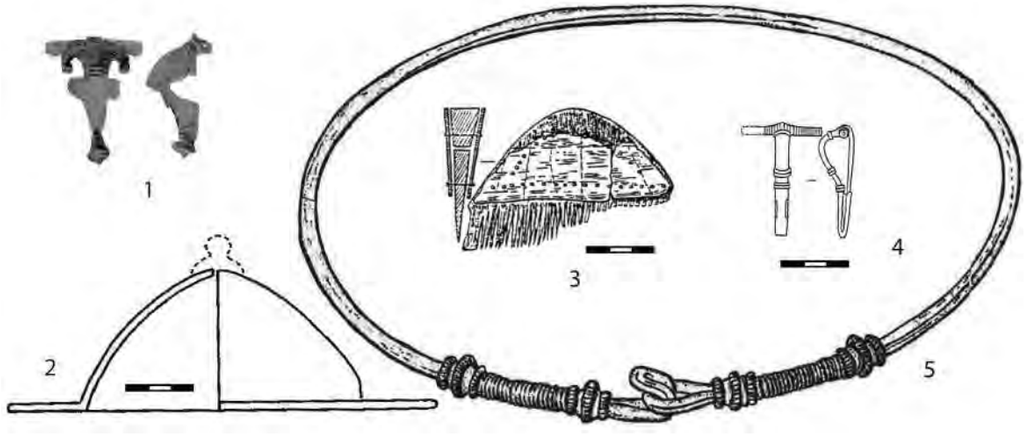


Рис. 205. Находки предметов германского и «западного» (1) происхождения III в. в Крыму и на «азиатском» Боспоре
1 – Долинное; 2 – Южно-Донузлав; 3 – Керчь, погр. 29.1873 г.; 4 – Керчь; 5 – Фанагория
1 – [по: Пиоро, Герцен, 1974. Рис. на стр. 82]; 2 – [по: Щукин, 2011. Рис. 5,8]; 3, 4 – [по: Kazanski, 2002. Fig. 1,3; 9,1]; 5 – [по: Казанский, Мастыкова, 2007. Рис. 1]

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Пути проникновения готов на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXIII. С. 137–162.

[2] Характер появления готов в III в. на Боспоре Киммерийском уже был темой предварительной публикации [Казанский, 2015]. Здесь предложена более подробная версия этой работы с дополнительными аргументами, где учтены результаты конструктивной дискуссии на XVI Боспорских чтениях, в мае 2015 г. (г. Керчь), в которой, в частности, приняли участие Александр Айбабин и Валерий Яйленко, которым я и выражаю признательность за интересные замечания. Также пользуюсь случаем поблагодарить Дмитрия Коробова, Владимира Малашева и Игоря Храпунова за ценную помощь в работе над этой статьей.

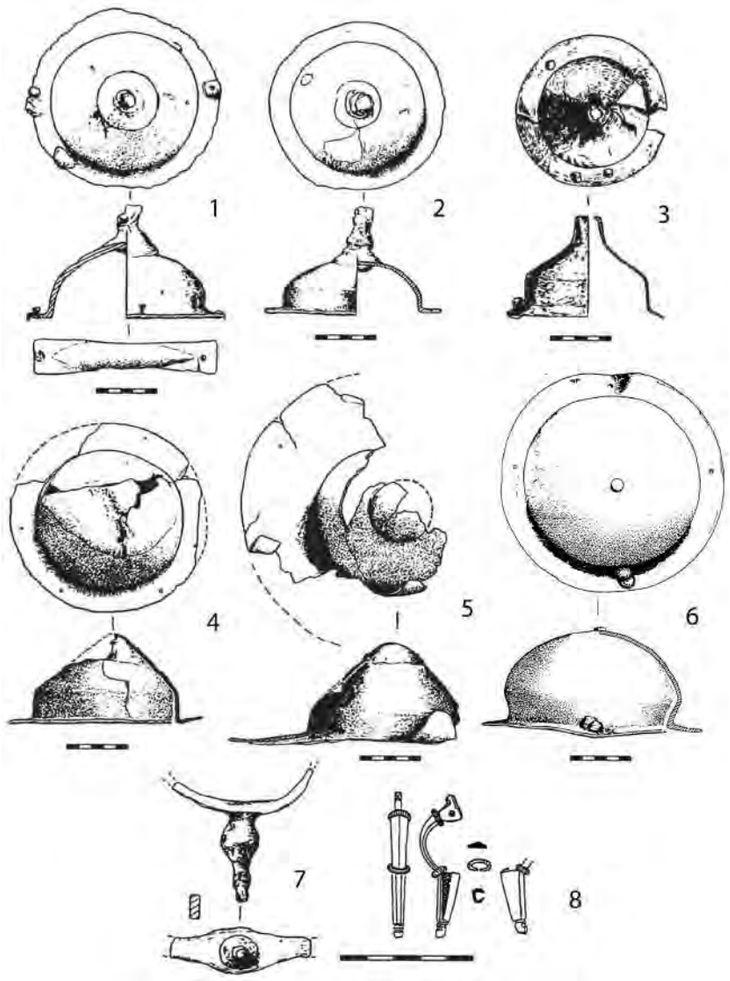


Рис. 206. Находки предметов германского происхождения III в. в Танаисе
1–5, 7 – [по: Bezuglov, 2003. Abb. 2; 6 – [по: Арсеньева, Науменко, 2001. Рис. 24,1]; 8 – [по: Амброз, 1969. Табл. 8,2]

балтов в Литве [Kazanski, 1994. P. 438]. Умбоны типа Хоруля (рис. 206, *1, 2*) [Щукин, 2005. Рис. 5,10,11; Kazanski, 1994. P. 479. № 13.a; Bezuglov, 2003. Abb. 2,2,3] датируются тем же временем и также хорошо известны в пшеворской культуре, в группе 6 воинских погребений [Godlowski, 1994. Fig. 3,42; Kazanski, 1994. P. 437, 438]. Умбоны щитов типа Цилинг O (рис. 206, *6*) [Арсеньева, Науменко, 2001. Рис. 24,1; ср.: Zieling, 1989. S. 135, 136. Taf. 16,O], принадлежащие периодам C1-C3 (т.е. времени от 160/180 по 350/370 гг.), наиболее обычны для Скандинавии (Ютландия, Борнхольм, Готланд) [Zieling, 1989. S. 135]. В скандинавской зоне такие умбоны известны как тип Илькер 6a, они типичны для групп 6-9 скандинавских погребений с оружием и датируются периодами C1b-C2a, хотя очень похожие формы есть здесь и позднее [Ilkær, 1990. S. 289–301. Abb. 199]. Умбон типа Цилинг K1 (рис. 206, *5*), с цилиндроконической калоттой и широкими полями [Bezuglov, 2003. Abb. 2,5; Щукин, 2005. Рис. 5,12], хорошо представлен в погребениях пшеворской группы 7b [Godlowski, 1992. Ryc. 4,3; 1994. Abb. 1,64,65], соотносимой с периодами C1b-C3 (т.е. с 220/230 по 350/370 гг.), но распространен и за пределами пшеворской культуры, например, в зоне черняховской культуры или в Абхазии [Kazanski, 1994. P. 440]. Наконец, умбон типа Цилинг H1/Мизери (рис.2063, *4*) [Kazanski, 1994. P. 479. № 13.c; Bezuglov, 2003. Abb. 2,4] представлен в погребениях пшеворской группы 5 [Godlowski, 1992. Ryc. 3,4; 1994. Abb. 1,25], то есть в периоде C1 (160/180–250/270 гг.], но существует вплоть до эпохи переселения народов [Kazanski, 1994. P. 441–443]. В Танаисе также найдена шпора типа Лейна, среднегерманского варианта B (рис. 206, *7*) [Böttger, Arsen'eva, 1996. Abb. 16; Bezuglov, 2003. Abb. 2,6; ср.: Giesler, 1978. S. 11. Abb. 2, Variante B. Taf. 1,13,15,16; 2,28,29 и т.д.], характерная для германцев позднеримского времени, начиная с периода C1b (220/230–250/270 гг.). Об этом свидетельствуют находки близких форм в пшеворских могилах группы 7a [Godlowski, 1994. Abb. 1,54][3]. Отметим, что эти вещи – не самые ранние германские находки в Танаисе. Один явно «северный» умбон с шипом был найден здесь в одном из курганных погребений и отнесен О. В. Шаровым к периоду B2/C1, т.е. к 150/160–200/210 гг. [Шаров, 2010. С. 274. Рис. 13,3].

Вооружение оседлых варваров, участников Скифских войн, хорошо известно. Судя по находкам на памятниках вельбаркской, черняховской и пшеворской культур, основу боевой силы у северных варваров (готов, боранов, герулов и др.) составляла пехота, вооруженная копьями и щитами с металлическими элементами – умбонами и рукоятями [см., напр.: Козак, 1984. С. 26–31; Kokowski, 1993; Магомедов, Левада, 1996; Kazanski, 1994; 2013. P. 494–509]. Были, несомненно, и всадники, о чем свидетельствуют находки шпор [Kazanski, 1994. P. 430–435], но вряд ли кавалерия доминировала в варварском войске. Судя по уже упомянутым находкам предметов вооружения в Танаисе, а также в Южно-Донузлаве (см. ниже) и в могильнике Нейзац (умбон щита) [см.: Храпунов, 2003. С. 339, 340. Рис. 5,2], вооружение варваров, вторгшихся в Северное Причерноморье в III в., в целом соответствовало экипировке носителей черняховской, вельбаркской и пшеворской культур, типичной для пехоты.

Были ли владельцы германского оружия в числе нападавших или входили в состав гарнизона города [Яценко, 1997. С. 157], можно только гадать. Ясно, однако, что германцы, в той или иной роли, оказались свидетелями гибели Танаиса. Предполагается, что нападение на Танаис совершили герулы, впоследствии осуществившие морской поход из Меотиды в 267 г. [Шелов, 1972. С. 303]. Надо отметить, что поселение и некрополь вновь возникают на месте Танаиса не позднее конца III в., как свидетельствует находка в 1972 г. богатой могилы с характерным для этого времени инвентарём, в 350 м от городского рва [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 68–70]. Среди материалов поселения имеются и материалы восточногерманской традиции, как, например, фибула с кольцевой гарнитурой (рис. 206, *8*), датируемая III в. [Амброз, 1969. Табл. 8,2]. Итак, устье Дона после разгрома Танаиса в 251 г. вполне могло стать плацдармом для варварской экспансии на Черном море.

Вторжение варваров на Боспор: морем или сушей?

По мнению В. Ф. Гайдукевича, варвары, в первую очередь, бораны, сначала завладевают Танаисом и уже оттуда, по морю, прорываются на Боспор Киммерийский (рис. 204, *1*). Затем, используя захваченный боспорский флот, бораны и готы совершают набеги на восточное побережье Черного моря в 256/257 гг. [Гайдукевич, 1949. С. 443–445].

Этническая принадлежность боранов не установлена. Все догадки об их германском [Пиоро, 1990. С. 39], алано-сарматском [Яценко, 1997. С. 158] и даже славянском происхождении [Ременников, 1954. С. 90] опираются на произвольные толкования созвучий древних этнонимов. Учитывая морскую активность боранов, не характерную для степных народов и ни разу не отмеченную для алан или сармат, это, скорее всего, какие-то оседлые варвары (об их морских акциях см. ниже).

Вторая гипотеза была высказана Д. Б. Шеловым, Т. Н. Высотской и А.И. Айбабиным [Шелов, 1972. С. 302; Высотская, 1972. С. 187; Айбабин, 1999. С. 32–36; 1999a. С. 242, 243]. Эти исследователи полагают, опираясь на сообщение Иоанна Зонары, византийского автора XII в., использовавшего более ранние источники, что в 250-е гг. варвары вторглись на Боспор с запада, с территории Крымского полуострова (рис. 204, *4*). Согласно Зонаре, нападение совершили варвары, участвовавшие ранее в войне на Балканах. С Боспора они вышли на Меотиду и разорили хору каких-то городов, А. И. Айбабин предполагает, что речь может идти о Танаисе [Айбабин, 1999. С. 32]. В пользу «западного» происхождения нападающих свидетельствует клад Долинное, в Юго-Западном Крыму, содержавший монеты 251 г., а также «крылатую» дакийскую фибулу (рис. 205, *1*) [Пиоро, Герцен, 1974]. Последняя может принадлежать участникам Скифских войн на Дунае в 248–251 гг. [Щукин, 2005. С. 138]. Следует вспомнить и гибель в III в. Неаполя Скифского и поселения Алма-Кермен, что явно свидетельствует о «сухопутной» войне внутри полуострова. А. И. Айбабин допускает, что сначала варвары посуху вторглись в Северо-Западный Крым, где разрушили укрепленное Южно-Донузлавское поселение. О германском присутствии здесь в III в. свидетельствует находка умбона типа Хоруля (рис. 205, *2*) [Щукин, 2011. С. 174. Рис. 5,8][4], затем вдоль западного берега Крыма, разрушив по дороге поселение Усть-Альма, продвинулись к Третьей гряде Крымских гор и уничтожили здесь крепость Алма-Кермен и Неаполь Скифский. Затем варвары обосновались на Южном берегу Крыма[5] и уже потом вторглись на Боспор. Здесь момент нападения варваров отмечен в Пантикапее слоями разрушений и пожаров с монетами 254–256 гг. [Айбабин, 1999. С. 32-36. Рис. 2].

Т. Н. Высотская полагает, что готы и их союзники могли попасть в Крым тремя путями: морем через Меотиду (рис. 204, *1*), из устья Днепра, также морем, продвигаясь вдоль крымского побережья (рис. 204, *3*) и, наконец, сухим путем, через Перекоп (рис. 204, *4*) [Высотская, 1972. С. 187]. Однако Е. В. Веймарн уже давно усомнился в возможности сухопутного вторжения готов и предположил, что они совершали свои нападения по морю, вдоль крымского побережья, передвигаясь на малых каботажных судах (рис. 204, *1, 2*) [Веймарн, 1971.

[3] Зато копья различного размера с листовидным наконечником и продольной нервюрой, идентифицированные А.А. Васильевым как специфически германские [Васильев, 2005. Рис. 2,10,11], таковыми не являются, поскольку имеют более широкое распространение, например, в Закавказье, на Северо-Западном Кавказе и на территории Римской империи [см., напр.: Kazanski, Mastykova, 2007. P. 29].

[4] Этот умбон, скорее всего, попал сюда уже после прекращения жизни на поселении [Пуздровский, 2007. С. 141]. По М.Б. Щукину, речь может идти, скорее, о месте временной высадки варваров [Щукин, 2005. С. 423]. Мнение А.Е. Пуздровского о том, что умбон был утерян в момент гипотетической гибели городища Донузлав в I в. [Пуздровский, 2007. С. 141] не может быть принято, хотя бы потому, что в ту эпоху умбоны типа Хоруля еще не были в употреблении. Кроме того, ясных следов разрушения этого поселения в I в. нет.

[5] Отметим, что наиболее ранние погребения германского облика на могильнике Чатыр-Даг О.В. Шаров относит к рубежу II–III вв. [Шаров, 2013. С. 144].

С. 62]. Гипотеза сухопутного вторжения варваров в Крым действительно вызывает некоторую настороженность, поскольку подобным образом в древности и в средневековье в Крым удавалось ворваться только степным кочевым народам с их мощной конницей. Для пешей армии, каковой, судя по характеру вооружения (см. выше), являлась армия готов и боранов, поход в открытую безводную степь заранее обречен на неудачу – большая часть бойцов просто умрет от кишечных болезней, нехватки воды и питания, как это и случилось во время знаменитого похода фельдмаршала Миниха в Крым, сопровождавшегося огромными небоевыми потерями.

Варвары-пираты в Средиземноморском бассейне в римское время и в начале средневековья

Как уже отмечалось, готы и бораны наверняка были оседлыми народами, хотя бы потому, что степные кочевники никогда не пускались в масштабные военно-морские предприятия, как это делали оседлые варвары – протоадыги, германцы, славяне и др. Впрочем, возможны и исключения – известна экстравагантная атака гунно-болгар на плотах против приморского города Херсонеса Фракийского [Агафий, О царствовании Юстиниана, IV.21,22].

Страбон (вторая половина I в. до н.э.) описывает ахейцев, зихов и гениохов кавказского берега Черного моря как пиратов, которые терроризируют прибрежные районы, нападают на корабли и даже атакуют приморские города и поселки. Пираты передвигаются на длинных и легких лодках, в каждой помещалось по 25–30 человек. По возвращении домой они вытаскивают эти лодки на берег и на плечах уносят их в горы, а с началом нового сезона навигации опять стаскивают их на морское побережье [Страбон, География, XI.2.13].

Общеизвестны морские походы восточных германцев, в частности, грейтунгов-остроготов и герулов, в Черноморском и Эгейском бассейнах в 253–275 гг. Речь идет о целых флотах, действующих из Меотиды и устья Днестра [Щукин, 2005. С. 139, 140, 146, 147, 149, 150; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 29–34]. Древние авторы дают некоторые цифры, позволяющие судить о масштабах этих акций. Синкелл говорит о 500 кораблях, участвовавших в экспедиции герулов 267–268 г. [цит. по: Ременников, 1954. С. 115]. В 268–269 г. варварский флот герулов, певкинов и готов, вышедший из устья Днестра, составлял не то 2000 [Аммиан Марцеллин, История, XXXI.5.15; Histoire auguste. Vie de Claude, VIII.1], не то 6000 кораблей [Зосим, Новая история, I.42]. Если эти цифры верны, то, скорее всего, речь идет о небольших судах. Напомним, что по подсчетам историков, в эпохальных морских сражениях античности было задействовано меньшее количество судов – менее чем 200 кораблей у Марка Антония против 400 у Октавиана Августа при Акциуме [Парфенов, 1986. С. 70] и соответственно около 300 и 500 у греков и персов при Саламине [Конноли, 2006].

Показательно, что в латенское и римское время и даже в начале средневековья (рис. 207; 208, *1*) германцы, по крайней мере, в бассейне Балтийского моря (в том числе, стало быть, и готы), не знали паруса, о чем свидетельствуют археологические и иные источники. Назовем известные находки гребных судов в Хьортшпринге (Hjortspring) (рис. 207, *1*) и Нюдаме (Nydam) (рис. 207, *2*; табл. 16) или изображения челнов на камне из Стенкирки (Stenkyrka) (рис. 208, *1*) [Hachmann, 1971. P. 81, Fig. 13,14, 96; Schönback, 1983. Fig. 4; Лебедев, 2005. С. 103, 104. Рис. 12, 18]. Тацит (I в. н.э.) отмечает по поводу свионов, которые «…сильны также флотом. Их суда примечательны тем, что они могут подходить к месту причала любою из своих конечностей, так как и та и другая имеют форму носа. Парусами свионы не пользуются и весел вдоль бортов не закрепляют в ряд одно за другим: они у них, как принято на некоторых реках, съемные, и они гребут ими по мере надобности то в одну, то в другую сторону» [Тацит, О происхождении германцев, 44]. В свете этих данных, вполне понятно желание готов и боранов завладеть на Боспоре приличными морскими кораблями. Впрочем, в ходе «Скифских войн» III в. отмечены случаи, когда варвары в 257–258 гг. строили и настоящие корабли средиземноморского типа, с помощью военнопленных и торговцев, «живших среди них» [Зосим, Новая история, I.34.1].

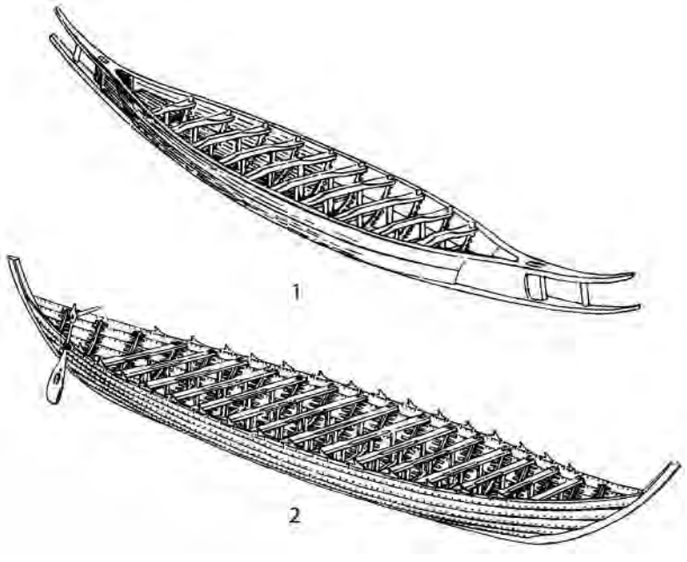


Рис. 207. Скандинавские гребные суда латенского и римского времени [по: Лебедев, 2005. Рис. 12, 18]
1 – Хьортшпринг; 2 – Нюдам

Случай германского пиратства на Средиземном море отмечен источниками для 280 г. В это время франки Нижнего Рейна были разбиты Пробом и депортированы на другой конец Империи, куда-то на Понт [Panégyrique de Constance, XVIII]. Однако варвары восстали и морем прорвались домой. На многочисленных кораблях они разгромили Грецию, напали на сицилийский город Сиракузы, а также были отражены у стен Карфагена в Африке [Зосим, Новая история, I.71.2; Panégyrique de Constance, XVIII; Gibbon, 1983. P. 248, 249; De Boone, 1991. P. 10; Périn, Feffer, 1997. P. 44].

Упомянем и пиратские действия славян на Средиземном море в VII в., где действуют флотилии однодеревок-моноксил (вроде изображенной на рис. 208, *2*). По Феодору Синкеллу, «славяне приобрели большой навык в отважном плавании по морю с тех пор, как они начали принимать участие в нападениях на ромейскую державу» [Феодор Синкелл, Проповедь, 5–15]. Славянские флотилии в VII в. пиратствовали на Эгейском море и в Адриатике [Чудеса Св. Дмитрия Солунского, II.1.179,180], под руководством авар даже безуспешно пытались захватить с моря Константинополь в 626 г. [Георгий Писида, О случившемся нашествии варваров, 409, 446, 462 и т.д.; Пасхальная хроника; Феодор Синкелл, Проповедь, 15–60; Никифор, Сокращенная история, I] и Фессалоники [Чудеса Св. Дмитрия Солунского, II.1.180,185,188], пересекали Адриатику и высаживали десант в Италии в 642 г. [Павел Диакон, История лангобардов, IX.4.44].

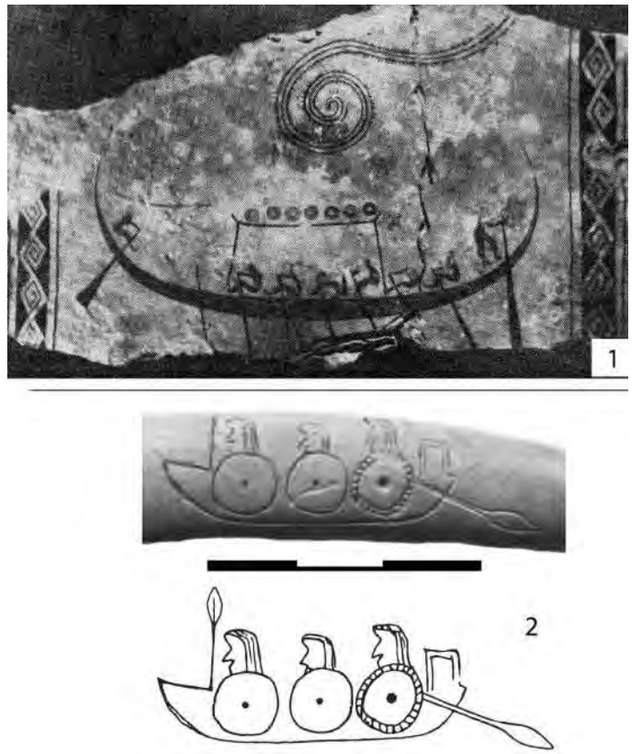


Рис. 208. Изображения малых гребных судов варваров
1 – Стенкирка (Stenkyrka). Готланд. Вендельская эпоха [по: Schönback, 1983. Fig. 4]
2 – Харлец. Эпоха Первого Болгарского царства [по: Хрисимов, Петров, 2012. Илл. 6; Минаева, 2013. Рис. 9]

Варварские вторжения и климат Северного Причерноморья в римское время

Впрочем, сухопутное вторжение пешей армии в Крым стало бы возможным, если в римское время климат крымских степей был более благоприятным, чем в наши дни. Поэтому стоит привлечь данные о климате степного Северного Причерноморья в римское время. Считается, что в Северном полушарии в I–III вв. усиливается аридность [Таиров, 2003. С. 17]. На «рубеж эр», как стало модно говорить после работ М.Б. Щукина, приходится потепление климата. Максимум его гумидизации соответствует I в. до н.э. – I в. н.э., затем во II–III вв. н.э. наступила аридизация, вновь сменившаяся влажным периодом в IV–V вв. н.э. [Демкин и др., 2012. С. 171, 172]. При этих общих тенденциях в различных регионах климатические изменения происходили по-разному. Так, в Западной Европе, по данным дендрохронологии, климат с 45 г. до н.э. по 200 г. н.э. был, в основном, влажным, с 250 по 420/430 гг. резко усиливается аридизация [Schmidt, Gruhle, 2003; 2003a]. В целом, в Римской империи период 200–400 гг. менее стабилен, чем предыдущий. Примерно с 200, а особенно в 260–290 гг., усиливаются холода, хотя теплые и холодные годы чередуются, потом начинается потепление [McCormick et al., 2012. P. 185]. По данным письменных источников, в первую очередь для Римской империи, I век был самым засушливым, в 180–350 гг. влажность повышается, а затем, с конца IV в., снова понижается [Бараш, 1989. С. 18]. В III в. зимы были очень суровыми, в частности, зима 250/251 гг. [Бараш, 1989. С. 25, 26]. Всего в III в. в Римской империи недородов от суровых зим было 5, от засухи – 5, от избытка влаги – 1 [Бараш, 1989. Приложение 1].

Что же касается евразийских степей, то здесь для античного времени, по данным почвоведения, выделяется несколько климатических периодов: савроматский гумидный – не менее 150 лет; раннесарматский аридный – 300 лет; ранне-среднесарматский гумидный – 200 лет; позднесарматский аридный – 150 лет; позднесарматский гумидный – более 100 лет. Наиболее влажными климатическими условиями характеризовались VI–V и I вв. до н.э., I и IV вв. н.э.[6], а самыми засушливыми – IV–III вв. до н.э. и II–III вв. н.э. [Демкин и др., 2013. С. 32]. В предгорьях Северного Кавказа палеопочвы в конце II в. и начале III в. свидетельствуют о климате, более сухом, чем сейчас [Kokhlova et al., 2007]. Для волго-уральских степей в позднесарматское время, во второй половине II – первой половине III в. н.э., судя по палеопочвам, имела место аридизация климата. Очередная гумидизация климата здесь начинается во второй половине III в. н.э., она особенно ярко проявилась в IV в. н.э. [Демкин и др., 2012. С. 163].

В отношении древнего климата степей Северного Причерноморья есть мнение, что в I–VII вв. ситуация могла быть близкой нынешней [Таиров, 2003. Рис. 11]. Но по палинологическим данным, в северопричерноморских степях, в том числе и в Крыму, в I–III вв. н.э. фиксируются более засушливые климатические условия [Герасименко, 2007]. Гумидизация здесь отмечена с IV в. н.э. [Герасименко, 2007], «…что согласуется с общеевропейскими трендами развития климатической ситуации» [Демкин и др., 2012. С. 171, 172]. Конечно, археологу сложно оценить выводы специалистов в области естественных наук, но представляется, что некий консенсус всё же у них намечается – степи Крыма в интересующее нас время вряд ли были более гостеприимными, чем в эпоху Миниха.

Есть, правда, одно прямое указание письменных источников, казалось бы, подтверждающее возможность сухопутного вторжения в Крым в древности. Речь идет о военной акции Юстиниана в 527/528 или 533/534 гг. против гуннов, захвативших Боспор Киммерийский [см. подробнее: Артамонов, 1962. С. 89, 90; Айбабин, 1999. С. 94–96]. Тогда, по свидетельству Феофана, Иоанн и Руфин с большим вспомогательным «скифским» войском по приказу Юстиниана направились на засевшего на Боспоре гуннского царя Муагериса (Мугеля по Иоанну Малале), одновременно из фракийского Одиссополя на гуннов двинулись по суше в поход войска Годилы и Бадурия. Гунны испугались и сбежали [Феофан; цит. по: Чичуров, 1980. С. 51]. Иоанн Никиусский, рассказывая о том же событии, указывает, что по морю был отправлен десант из готов и «скифов», под командованием Тулиана, и одновременно многочисленная конница под командованием Бадуария двинулась на гуннов посуху [John, Bishop of Nikiu, Chronicle, XC.66]. Иоанн Малала подтверждает отправку войск на Боспор морем и по суше – под командованием Бадуария, но не уточняет состав этих войск, хотя несколько раньше он отмечает назначение Иоанна на должность комеса проливов Понта и придание ему для усиления многочисленных готов [The Chronicle of John Malalas, 18.14.432]. Согласно А.И. Айбабину, напавшие на Боспор гунны Муагерия были крымскими альциагирами [Айбабин, 1999. С. 96, 97], которых Иордан размещает в степях под Херсоном [Иордан, Getica, 37]. Такая идентификация мне кажется логичной, поскольку отправлять сушей войска из Фракии против других гуннов, где-нибудь на Тамани или Кубани – явное безумие. Цель такого конного похода могла заключаться в том, чтобы оттянуть от Боспора на Перекоп или даже на Нижний Днепр значительные силы гуннов-альциагир и таким образом обеспечить свободу действий морского десанта Иоанна и Руфина. Конница Бадуария могла состоять из гуннов/болгар Северо-Западного Причерноморья, служивших в это время в византийской армии. В качестве примера назовем «массагетских» конных стрелков Синния и Валы в Северной Африке [Прокопий, Война с вандалами, I,11.12][7] или всадников гунно-склавино-антского корпуса Мартина и Валериана в Италии [Прокопий, Война с готами, I,27.1]. Однако, каким бы ни был состав корпуса Бадуария, в любом случае, по Иоанну Никиусскому, речь идет о кавалерийском рейде, а не о вторжении армии, состоящей преимущественно из пехоты, каковой была армия готов и боранов в III в.

Климат и палеодемография Таврии в римское время

О возможной аридизации степей Крыма во II–III вв., на мой взгляд, могут свидетельствовать изменения археологической ситуации, фиксирующие оттоки и притоки древнего населения. В первую очередь, это касается степных сарматских памятников. Отмечено, что в I – первой половине II в. сарматских погребений в степях Северной Таврии и Крыма значительно больше, чем в предыдущую эпоху или в последующее время (рис. 209, *1*). Во второй половине II – III в. количество сарматских погребений в Северной Таврии резко уменьшается, а в степном Крыму они практически полностью исчезают, крымская степь становится безлюдной (рис. 209, *2*). Зато отмечена значительная концентрация населения в предгорьях Центрального и Юго-Западного Крыма [Симоненко, 1993. С. 112, 118. Рис. 22, 25; Храпунов, 2004. С. 117, 126–128. Рис. 36].

Похожая ситуация складывается и в Северо-Западном Крыму, где в начале римского времени имеется значительное оседлое население (рис. 210, *1*). Но во второй половине I или начале II в. почти все поселения здесь оставлены, в том числе такие крупные как Калос Лимен, Беляус, Южно-Донузлавское. Могильники этого времени здесь также малочисленны, появляется новое, возможно, полукочевое население. То же самое происходит и в долине Булганака, в Западном Крыму (рис. 210, *2*) [Храпунов, 2004. С. 116, 117; Пуздровский, 2007. С. 91]. При этом, следов разрушений и военных действий на заброшенных поселениях нет [Храпунов, 2004. С. 116, 117], хотя большинство исследователей связывает запустение Северо-Западного Крыма с какими-то военными акциями [Пуздровский, 2007. С. 89, 90]. Показательно, что примерно тогда же, в первой половине II в., прекращается жизнь и на многочисленных скифских поселениях Нижнего Приднепровья [Щукин, 1979. С. 71–74]. И хотя их исчезновение принято связывать с агрессией сармат, следов военных действий, как и в Северо-Западном Крыму, там тоже нет [Храпунов, 2004. С. 117]. Может быть, всё-таки основной причиной исчезновения населения и на Нижнем Днепре, и в степях Крыма и Северной Таврии, и в Северо-Западном и Западном Крыму было не вторжение неприятелей, а, в первую очередь, экологический кризис, связанный с климатическими изменениями, а точнее с возрастающей аридизацией? Такую возможность, в частности, допускала О.Д. Дашевская, относительно причин запустения памятников Северо-Западного Крыма в I в. н.э. [Дашевская, 2014. С. 93; Дашевская, Голенцов, 2004. С. 38, 39]. Одновременно, во II в. наблюдается увеличение населения в Юго-Западном Крыму, что, возможно, связано с притоком переселенцев из степей Северо-Западного Крыма [Высотская, 1972. С. 180, 181; Храпунов, 2004. С. 117; Пуздровский, 2007. С. 89].

Разумеется, любое ухудшение экологической и, как следствие, экономической ситуации сопровождается усилением военной напряженности, и конфликты Скифского царства с Римом, Боспором и кочевниками также здесь сыграли свою негативную роль. Однако в Крыму некий военный стресс археологически ярче всего выражен для несколько более позднего времени, т.е. для первой половины – середины III в., когда отмечены следы разрушений и пожаров на Усть-Альме, в Неаполе и других поселениях, имеются монетные клады [Высотская, 1972. С. 187; Храпунов, 2004. С. 117, 121–123]. Трудно сказать, идет ли речь о вторжении северных варваров, о нашествии каких-то кочевых народов, например, алан, или же о войне между какими-то

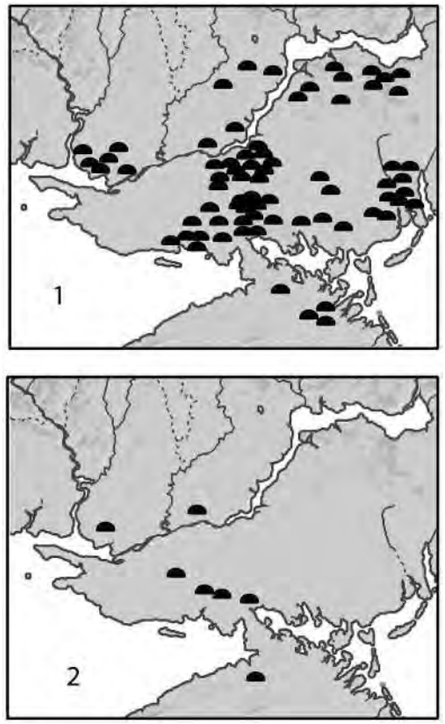


Рис. 209. Схема распространения сарматских памятников в Таврии [по: Симоненко, 1993. Рис. 22, 25]
1 – I – первая половина II в. н.э.; 2 – II–III вв. н.э.

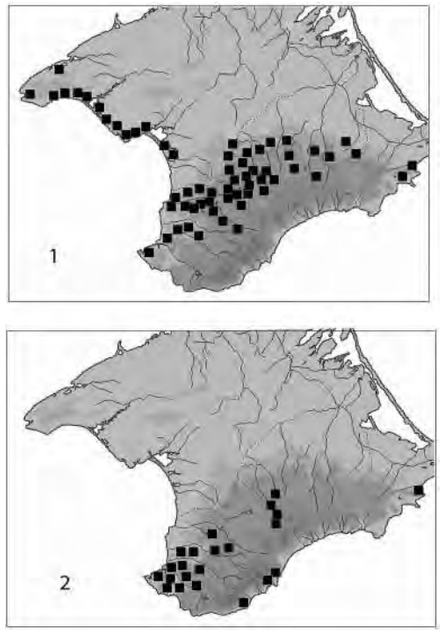


Рис. 210. Схема распространения античных памятников Западного и Центрального Крыма [по: Храпунов, 2004. Рис. 4, 36]
1 – позднескифские и сарматские памятники; 2 – памятники позднеримского времени

[6] Имевшая место в 63–69 гг. акция Плавтия Сильвана в Крыму была, скорее всего, военно-морской десантной операцией [Зубар, 1988; Зубарь, 2001] и поэтому не может быть привлечена в качестве аргумента в дискуссии о климате крымских степей в I в.

[7] В данном эпизоде варвары названы массагетами, но из последующих известий Прокопия мы узнаем, что в 551 г. Синний был одним из предводителей северопричерноморских кутригур [Прокопий, Война с готами, IV,19.7].

крымскими политическими образованиями – при отсутствии прямых указаний письменных источников все версии равновероятны.

Что же до готов и боранов, появившихся на Боспоре, то мне представляется, что им не имело смысла вторгаться в безлюдную и негостеприимную для них сухую степь, не имея необходимой для этого многочисленной и хорошо подготовленной кавалерии. По крайней мере, они никогда не делали этого в основной зоне своего расселения, на территории современной Украины, где готы и их союзники, если и выходили за пределы лесостепи, то предпочитали держаться долин рек или морского побережья. Скорее всего, их первое вторжение в Крым в 250-е гг. было осуществлено морским путем, на небольших судах, типа германских челнов или славянских моноксил (рис. 207 и 208), вполне пригодных для каботажного плавания. Только захватив на Боспоре Киммерийском настоящие морские суда и получив в свое распоряжение опытные экипажи моряков, варвары в 256/257 гг. вырвались на оперативный простор. На Меотиду варвары могли попасть либо с Нижнего Днепра и р. Молочной, и затем продвигаться вдоль азовского побережья, либо из бассейна Северского Донца, где памятники оседлых варваров с элементами черняховской культуры появляются не позднее второй трети III в. [см., напр.: Щукин, 2005. С. 133; Любичев, 2010].

Библиография

Агафий. О царствовании Юстиниана / пер. и комм. М.В. Левченко. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 222 с.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 151 с.

Айбабин А.И. О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет черняховской культуре / под ред. М.Е. Левады. Киев: Товариство Археологиії та Антропології, 1999. С. 242–251.

Амброз А.К. Фибулы из раскопок Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья / под ред. Д.Б. Шелова. М.: Наука, 1969. С. 248–272.

Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сони. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 274 с.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. 2001. Вып. 4. С. 56–124.

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.

Бараш С.И. История неурожаев и погоды в Европе. Л.: Гидрометеоиздат, 1989. 23 с.

Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 232 с.

Васильев А.А. О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен **/** под ред. И.Ю. Зуева. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 343–349.

Веймарн Е.В. Одне з важливых питань ранньосередньовічної історіі Криму // Середні віки на Украінї. 1971. Т. 1. С. 61–65.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.

Георгий Писида / пер. и комм. С.А. Иванова // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. (VII–IX вв.) / Сост. Л.А.Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 65–74.

Герасименко Н.П. Ландшафтно-кліматични зміни на терриорії Украини за останні 2,5 тис. років // Історична географія: початок XXI століття. Вінниця: Теза, 2007. С. 41–53.

Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс, 2015. 284 с.

Дашевская О.Д., Голенцов А.С. К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма. Симферополь: Центр музейных технологий и этно-культурного туризма, 2004. С. 26–41.

Демкин В.А, Скрипкин А.С., Ельцов М.В., Золотарева Б.Н., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н. Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Пущино: Институт физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН, 2012. 216 с.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Ельцов М.В., Хомутова Т.Э., Удальцов С.Н. Эволюция почв и динамика климата степей Восточной Европы во второй половине голоцена // Динамика современных экосистем в голоцене: Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием) / Под ред. И.В.Аськеева, Д.В.Иванова. Казань: Отечество, 2013. С. 32–34.

Зосим. Новая история. Книга I / пер. и комм. Н.Н. Болгова // Античный Мир. Белгород: Изд-во БелГУ, 1995. С. 154–191.

Зубар В.М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. Вып. 63. С. 19–27.

Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев: ИА НАН Украины, 1998. 200 с.

Зубарь В.М. О характере похода легата Тиберия Клавдия Сильвана в Таврику, 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1408547153 (дата обращения: 15.12.2015).

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / латинский текст, вступ. ст., пер., комм. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 508 с.

Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре / под ред. М.Е. Левады. Киев: Товариство Археологиії та Антропології, 1999. С. 277–297.

Казанский М.М. Готское вторжение на Боспор Киммерийский и климат в III в. // XVI Боспорские чтения. Керчь, 2015. С. 180–188.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Золотая гривна из Фанагории: о германцах на Боспоре Киммерийском в позднеримское время // VIII Боспорские чтения. Керчь, 2007. С. 169–177.

Козак Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ: Наукова думка, 1984. 96 с.

Коннолли П. Греко-персидские войны: Битва при Саламине, 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.roman-glory.com/02-01-08 (дата обращения: 15.12.2015).

Корпус боспорских надписей / Под ред. акад. В.В. Струве. М., Л.: Наука, 1965. 951 с.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.

Любичев М.В. О хронологии горизонта Боромля (датировка фибул группы VII О. Альмгрена в комплексах Центральной и Восточной Европы) // Древности. Харьков, 2010. С. 136–155.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 304–323.

Минаева О. Викингски находки на Балканите: функция, семантика стилова интерпретация. София, Научен електронен архив на НБУ, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://eprints.nbu.bg/1883/ (дата обращения: 26.12.2015).

Никифор / пер. и комм. Г.Г. Литаврина // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. (VII–IX вв.) / сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 221–247.

Павел Диакон. История лангобардов / пер. и комм. В.К. Ронина // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. (VII–IX вв.) / сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 480–501.

Парфенов В.Н. Битва при Акции: легенда и действительность // Античный мир и археология. 1986. Вып. 6. С. 57–73.

Пасхальная хроника / пер. и комм. С.А. Иванова // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. (VII–IX вв.) / сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 75–82.

Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев: Лыбидь, 1990. 198 с.

Пиоро И.С., Герцен А.Г. Клад антонианов из с. Долинное Крымской области // Нумизматика и сфрагистика. 1974. № 5. С. 81–90.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / пер. С.П. Кондратьева, вступ. ст. З.В. Удальцовой. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер., вступ. ст. и комм. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2000. 543 с.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в.н.э. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.

Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 148 с.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, 1993. 144 с.

Страбон. География / пер., ст. и комм. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 944 с.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: Рифей, 2003. 68 с.

Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том первый / пер. А.С. Бобовича, ред. М.Е. Сергиенко. Л.: Наука, 1969. С. 353–373.

Феодор Синкелл. Проповедь о безумном нападении безбожных авар и персов… / пер. и комм. С.А. Иванова // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. (VII–IX вв.) / сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 83–90.

Фролова Н.А. История правления Рескупорида V (242–276 гг.) по нумизматическим данным // Советская археология. 1980. № 3. С. 58–76.

Фролова Н.А. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // Советская археология. 1989. № 4. С. 196–206.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Часть II. Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н.э. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 536 с.

Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 329–350.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. 2004. Вып. VI. 240 с.

Хрисимов Н., Петров М. Данни за мъжкото облекло от периода на Първото Българско царство // Дриновський збірник. 2012. Т. 5. С. 94–111.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. 216 с.

Чудеса Св. Дмитрия Солунского / пер. и комм. О.В. Ивановой // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. (VII–IX вв.) / сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 91–211.

Шаров О.В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // Stratum plus. 2010. № 4. С. 251–285.

Шаров О.В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. 2013. Т. 1. С. 118–155.

Шаров О.В., Чореф М.М. К вопросу о датировке *tabula ansata* с именем Юлия Каллисфена // Stratum plus. 2015. № 4. С. 357–378.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972. 351 с.

Щукин М.Б. К пердистории черняховской культуры. Тринадцать секвенций. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1979. № 20. С. 66–89.

Щукин М.Б. Готский путь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 576 с.

Щукин М.Б. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения) // Stratum plus. 2011. № 4. С. 167–178.

Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н.э. // Stratum + Петербургский археологический вестник. 1997. С. 154–163.

Bezuglov S. Alanen-Tanaiten und Germanen der Maiotis – Fragen der Kontakte in spätrömischer Zeit (3.–4. Jahrhundert // Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahhundert nach Christus / Hrsg. C. von Canrap. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2003. S. 89–101.

Böttger B., Arsen'eva T.M. Grechen am Don. Die Grabungen inTanais 1995 // Eurasia Antiqua. 1996. Bd. 2. S. 405–453.

The Chronicle of John Malalas / engl. translation by E. Jeffreys, M. Jeffreys, M. Scott. Melbourne: Australian Association for Byzantine Studies, 1986. 370 p.

De Boone W.J. L'origine historique des Francs // Les Francs sont-ils nos ancêtres. Les dossiers. Histoire et Archéologie. 1981. № 56. P. 8–11.

Gibbon E. Histoire du déclin et de la chute de l'Empire romain. Rome de 96 à 582. Paris: Robert Laffont, 1983. 1188 p.

Giesler U. Jüngere Kaiserzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna // Saalburg – Jahrbuch. 1978. Jb. 25. S. 6–67.

Godłowski K. Zmiany w uzbrojeniu ludności przeworskiej w okresie wplywów rzymskich // Arma et Ollae / red. M. Głozek et al. Lódź: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich, 1992. S. 71–88.

Godlowski K. Die Chronologie der germanischen Waffengräber in der jüngeren und späten Kiaserzeit // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lubin, Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg, 1994. S. 169–178.

Hachmann R. Les Germains. Genève, Paris, Munich: Nagel, 1971. 208 p.

Histoire auguste. Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles / éd. bilingue latin-français, trad. de A. Castagnol. Paris: Robert Laffont, 1994. 1246 p.
Ilkær J. Illerup Ådal. 1. Die Lanzen und Speere. Højberg: Jysk Arkælogisk Selskab, 1990. 404 S.
John, Bishop of Nikiu. Chronicle / engl. translation by R.H. Charles. London: Williams & Norgate, 1916 [Электронный ресурс]. URL: http://www.tertullian.org/fathers/nikiu2_chronicle.htm#225 (дата обращения 5.01.2016).
Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lubin, Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg, 1994. P. 429–485.
Kazanski M. Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la région de la mer d'Azov // Ancien West & Est. 2002. T. I/2. P. 393–441.
Kazanski M. Barbarian Military Equipment and Its Evolution in the Late Roman and Great Migration Periods (3rd–5th C. A.D.) // War and Warfare in Late Antiquity / eds. A. Sarantis, N. Christie. Leiden, Boston: Brill, 2013. P. 493–521. (Late Antique Archaeology, vol. 8).
Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (VII s. av. J.C. – VIIe s. ap. J.C.) (Abkhazie, Caucase). Volume 2. Etude du site. Oxford, 2007. 164 p. (BAR, International Series, S1721).
Khokhlova O.S., Khokhlov A.A., Oleynik S.A., Gabuev T.A., Malashev V.Yu. Paleosols from the groups of burial mounds provide paleoclimatic records of centennial to intercentennial time scale: A case study from the Early Alan cemeteries in the Northern Caucasus (Russia) // Catena. 2007. № 71. P. 477–486.
Kokowski A. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 335–354.
McCormick M., Büntgen U., Cane M.A., Cook E.R., Harper K., Huybers P., Litt T., Manning S.W., Mayewski P.A., More A.F.M., Nicolussi K., Tegel W. Climate Change during and after the Roman Empire: Reconstructing the Past from Scientic and Historical Evidence // Journal of Interdisciplinary History. 2012. Vol. XLIII,2. P. 169–220.
Panégyrique de Constance (1 mars 297) // Panégyriques latins. Tom I, fasc. IV / éd. E. Galletier. Paris: Les Belles Lettres, 2003. P. 71–102.
Périn P., Feffer L.-Ch. Les Francs. Paris: Armand Colin, 1997. 464 p.
Schmidt B., Gruhle W. Klimaextreme in Römischer Zeit. Eine Structuranalise dendrochronologischer Daten // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2003. № 33. S. 421–426.
Schmidt B., Gruhle W. Niederschlasschwankungen in Westeurope während der letzen 8000 Jahre // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2003. № 33. S. 281–300.
Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: Archaeopress, 2006. 482 p. (BAR, International Series, 1535).
Schönback B. The custom of burial in boats // Vendel Period Studies / eds. J.P. Lamm, H.-Å. Nordström. Stockholm: Statens Historiska Museum, 1983. P. 39–70.
Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène – und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Teil I–III. Oxford, 1989. 1066 S. (BAR, International Series, 505).

ГОТЫ, БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ И ИМПЕРИЯ В IV ВЕКЕ[1]

На территории Боспорского царства лишь отдельные вещи, найденные в слоях поселений и в погребениях местного (греческого и сармато-аланского) населения, свидетельствуют о присутствии германцев. Они принадлежат черняховскому кругу древностей, хотя в Восточном Крыму и на Тамани известны вещи, которые могут быть как вельбаркского, так и черняховского происхождения. К этому германскому кругу древностей принадлежат некоторые типы арбалетных фибул, малые двупластинчатые фибулы, односторонние гребни, костяные пирамидальные подвески, умбоны щитов, серогончарная черняховская керамика (рис. 211–212). В основном, эти вещи датируются в рамках периодов C2–D1 (260/270–400/410 гг.) согласно хронологии европейского Барбарикума. При этом оптимальная дата черняховских вещей на Боспоре Киммерийском – это периоды C3–D1 (300/320–400/410 гг.)[2] [подробнее: Кропоткин, 1978; Казанский, 1999; 2019; Kazanski, 2002; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 86, 87, 92].

Особенно важным представляется наличие женских украшений и деталей костюма. Общеизвестно, что женский костюм в архаических обществах является этнографической особенностью конкретного «этноса» (насколько вообще это понятие применимо к древним социумам, где ориентация на престижного вождя или сакрализованную династию часто заменяла этническое самосознание), он крайне редко копируется и распространяется за пределами данного коллектива лишь с его носительницами. Исключение может составлять престижный аристократический костюм [подробнее: Мастыкова, 2009. С. 7, 8, там же библиография].

[1] Статья опубликована: Kazanski M., The Goths, the Cimmerian Bosporus, and the Roman Empire in the 4th Century AD.// Aleksanderia. Studies on Items, Ideas and History Dedicated to Professor Aleksander Bursche on the Occasion of his 65th Birthday / eds. R. Ciołek, R. Chowaniec. Wiesbaden: Harassowitz, 2021. P. 211–216.

[2] При этом в Северном Причерноморье известны и вещи более раннего времени (периода B2/C1, т.е. 150/160–200/210 гг.), происходящие из балтийского региона [см., напр.: Шаров, 2013. С. 143, 144].

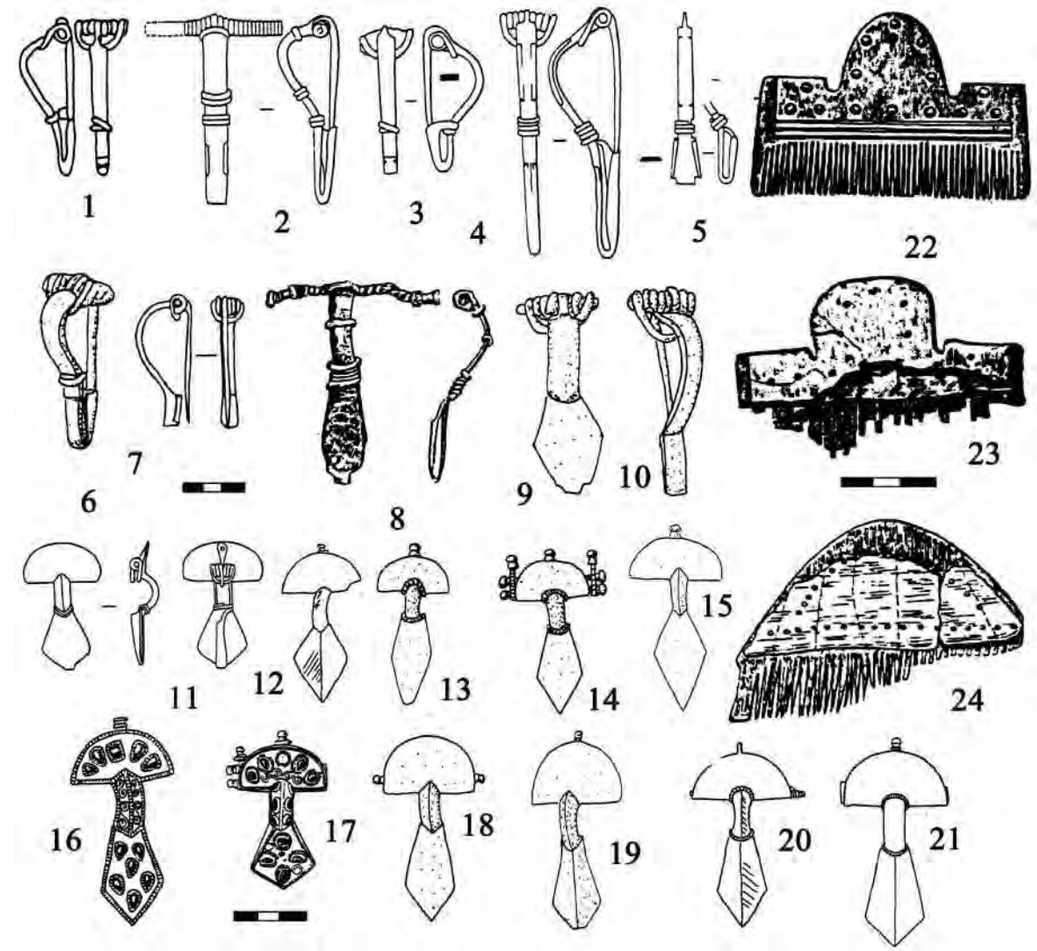


Рис. 211. Вещи восточногерманской традиции на территории Боспорского царства [по: Казанский, 1999. Рис. 1; 4] 1–5, 9, 11 ,13, 14, 18, 21, 23, 24 - Керчь/Пантикапей; 6 – Зюк, погр. 1.1894 г.; 7 – Сиреневая Бухта, склеп 15/3; 8 – Фанагория, погр. 115/317; 10 – Зюк; 12 – Керчь/Пантикапей, склеп 145.1904 г.; 15 – Чокрак; 16, 20 – Керчь/Пантикапей, склепы 24.06.1904 г.; 17 – Керчь/Пантикапей, Новиковский склеп 1890 г.; 19 – Керчь/Пантикапей, погр. 1872 г. на горе Митридат; 24 – Керчь/Пантикапей, погр. 29.1873 г.

Надо особо отметить, что в периоды C3 и D1 германские вещи начинают попадать в погребения высшей боспорской знати (например, Керчь – Новиковский склеп, гробница 145.1904; две гробницы, ограбленные 24.6.1904 г.) (рис. 211, *12, 16, 17, 20*). Это явление не случайно – двупластинчатые фибулы из Новиковского склепа, из могил 24.6.1904, из коллекции Эрмитажа обтянуты золотой фольгой и украшены гранатами (рис. 211, *16, 17*), их явно изготовили для представителей (точнее, представительниц) германской или германизированной аристократии [Казанский, 1999; 2019, там же библиография]. При этом германские престижные вещи происходят из склепов, вне всякого сомнения, принадлежащих местной, «греко-сарматской» погребальной традиции. Поэтому можно утверждать, что, с одной стороны, германцы были интегрированы в местную аристократическую среду, а с другой – что эта местная аристократия в IV в. сохранила свои социальные позиции. Германские находки свидетельствуют о включении германцев в правящий класс Боспора Киммерийского, причем даже на уровне семейных связей, ведь речь идет о фамильных гробницах [многочисленные примеры: Засецкая, 1993].

Видимо, мы имеем дело с материальным подтверждением сообщения Иоанна Златоуста (404 г.) о каком-то готском короле (правителе всего царства или только местных готов?) на Боспоре Киммерийском [Васильев, 1921. С. 325, 326]. Когда же готы смогли занять столь высокое положение в Боспорском царстве? Рассмотрим вкратце ситуацию на Боспоре в IV в.

Похоже, в 320-е годы царство входит в полосу кризиса. В 322 г. прекращается, по нумизматическим данным, совместное правление Рескупорида VI и Радамсада [Фролова, 1997. С. 123]. А в 323 г. на дунайскую границу Империи вдруг нападает не-

кий Равсимонд, царь меотийских сармат (именно давно исчезнувших там сармат, а не господствующих в это время в понтийских степях алан) [Zosime, Historia nova, II.XXI.1]. Известно, что боспорские цари претендовали на некую связь с сарматами, об этом явно свидетельствует их родовое имя «Савромат». Напомним также, что в известном легендарном рассказе Константина Багрянородного о боспоро-херсонесских войнах в эпоху Диоклетиана, царь боспорян выступает, как предводитель «понтийских сармат» [Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 53]. Не кажется таким уж фантастичным предположение, что неизвестно куда пропавший в 322 г. боспорский царь Радамсад и внезапно появившийся в 323 г. Равсимонд, царь «меотийских сармат», убитый римлянами на Дунае, это одно и то же лицо. Если это так, то можно предполагать, что в 322–323 гг. произошел конфликт между проримски настроенным Рескупоридом VI и противником римской ориентации Радамсадом [Болгов, 1996. С. 404].

Все это лишь догадки, но важно, что Боспор сохраняет династию Тибериев Юлиев как минимум до 341–342 гг., когда известны последние монеты Рескупорида VI [Фролова, 1997. С. 134, 135]. Сохраняется и проримская ориентация Боспора [Болгов, 1996. С. 40, 41], включенного в IV в. в систему обороны Империи [Kazanski, 1991. P. 508–512]. В 343 г. представители боспорской знати получают от Констанция II дарственные блюда [Гайдукевич, 1949. С. 467, 468], что явно свидетельствует о римских симпатиях правящей элиты Боспора.

В 320–330 гг. военная ситуация на границах царства осложняется. В 326–328 гг., если судить по последней монете, зарывается несколько кладов в Восточном Крыму (рис. 213-1, *1, 3, 4*) [Фролова, 1989. С. 198, 199; Исанчурин, Исанчурин, 1989. С. 92; Казанский, 1999. С. 283; сводка боспорских кладов: Абрамзон, Фролова, 2007–2008; Абрамзон, Молев, 2016. Табл. 3. Рис. 2; Абрамзон, Сударев, 2018]. Видимо, какие-то потрясения произошли на азиатской стороне Боспора, о чем свидетельствуют два клада (рис. 213-1, *2*). Возможно, в это время на «азиатском» Боспоре разрушена крепость Батарейка 1 (Темрюкский район, Краснодарский край), по крайней мере, слой пожара и разрушений, если судить по краткой публикации, содержит типичный материал IV в., например, амфоры инкерманского типа [Сокольский, 1963. Рис. 6,6]. В одном из помещений, погибших в пожаре, найдены боспорские монеты 327/328 гг. [Абрамзон, Сударев, 2018. С. 157].

К 335 г. относится известная надпись с Тамани (Темрюкский район, Краснодарский край) об укреплении стен, с пожеланием победы городу [Гайдукевич, 1949. С. 464], а в 335–336 гг. на Тамани и в Восточном Крыму зарывается несколько кладов (рис. 213-2) [Фролова, 1989. С. 198, 199; Исанчурин, Исанчурин, 1989. С. 92; Казанский, 1999. С. 283; Абрамзон, Молев, 2016. Табл. 3. Рис. 2]. Их география показывает, что опасности теперь подверглась вся территория царства.

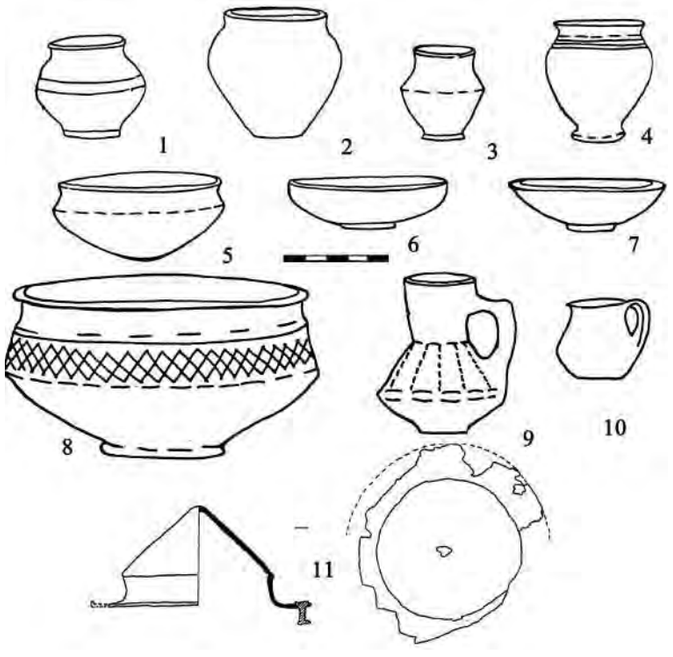


Рис. 212. Керамика черняховского типа (1–10) и умбон щита (11) восточногерманского происхождения на территории Боспорского царства [по: Казанский, 1999. Рис. 2,12; 7]
1–10 – Керчь/Пантикапей; 11 – Сиреневая Бухта, склеп 19/7

Наконец, серия кладов на обоих берегах Боспора, с последней монетой 341–342 гг. (рис. 213-3) [Фролова, 1989. С. 198, 199; Исанчурин, Исанчурин, 1989. С. 92; Абрамзон, Новичихин, 2019. С. 33, 34], совпадает по времени с прекращением чеканки монеты на Боспоре. С 341–342 гг. надолго обрываются сведения о боспорской династии и вообще о существовании Боспорского царства как государственной системы. Похоже, что получение даров от Констанция было последним документированным актом боспорской державы.

Разумеется, позднеантичный Боспор с грекоязычным населением, античной цивилизацией и сложившейся социальной структурой продолжал существовать, по крайней мере, до конца VI в., об этом свидетельствует изучение как городских слоев, так и некрополей [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 87–93; Абрамзон, Молев, 2016. С. 394, 395]. Речь может идти лишь об исчезновении царской власти, да и то, видимо, не навсегда. Никуда не делась и местная боспорская аристократия – богатые погребения в родовых гробницах знати продолжают совершаться во второй половине IV и в V в. [Засецкая, 1993]. Только вот ведет себя эта боспорская аристократия как-то странно.

В самом деле, в 362 г. *«ab aquilone et regionibus solis, per quas in mare Fasis accupitor, Bosporanis aliisque antehac ignotis, legationes vehentibus supplices, ut annua conplentes sollemnia, intra terrarum gentilalium terminos otiose vivere senerentur»* (с севера из пустынных областей, по которым в море впадает Фасис, ехали посольства Боспорян и других неведомых раньше народов с мольбою, чтобы, за внесение ежегодной дани, им было дозволено мирно жить в пределах родной земли) [Ammien Marcellin, XXII.7].

Почему вдруг дети и внуки боспорских аристократов, делавших карьеру при императорском дворе и даже лично знакомых с цезарями, как известный Валерий Сог (надпись 302 г.) [о нем см.: Гайдукевич, 1949. С. 457, 458], стали «неведомым» народом? И почему старые союзники Рима, которые, если бы им угрожала какая-то внешняя опасность, вправе бы требовать от империи военной и финансовой поддержки, просят лишь «мирно жить в пределах родной земли», то есть, если понимать текст буквально, уговаривают римлян не предпринимать против Боспора военных действий и даже готовы за это заплатить?

Наиболее логичным ответом на эти вопросы является гипотеза А. Васильева, согласно которой около 362 г. (а может быть раньше, около 343 г.?) Боспорское царство перешло под власть готов [Васильев, 1921. С. 312, 313; Wolfram, 1990. S. 92; Казанский, 1999. С. 284; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 86, 87]. Вот они-то и есть «неведомый» народ, который хотел легитимизировать свою власть на Боспоре, обратившись за признанием к Империи. Видимо, с той же целью боспорские готы обращаются в христианство. В 404 г. король готов, к которому, по свидетельству Иоанна Златоуста, надо плыть на Боспор, печётся о назначении своим подданным нового епископа [Васильев, 1921. С. 325, 326]. Вряд ли это готы страны Дори, то есть юго-западного Крыма, известные по более поздним источникам, с теми логичнее было бы связываться через Херсонес. Тем более, это не может быть какая-нибудь дунайская группировка готов, как иногда предполагается, поскольку последние были арианами, да и добраться к ним можно посуху, не прибегая к плаванию на корабле.

Какие конкретные формы приняла готская власть на Боспоре Киммерийском, можно лишь догадываться. Мы не знаем, сохранялась ли при готах, хотя бы номинально, династия Тибериев Юлиев (а такая ситуация вполне возможна, вспомним отношения германских и аланских военачальников с некоторыми равеннскими и константинопольскими императорами в V в.) и каким был аппарат управления страной. Ясно лишь, что готская верхушка быстро находит общий язык с боспорской аристократией и входит в её состав, о чем свидетельствует, как уже говорилось, материал боспорских склепов. Добавим, что в этом боспорские готы не оригинальны, именно так формировался на Западе в V в. правящий класс Бургундского, или, скажем, Франкского королевств.

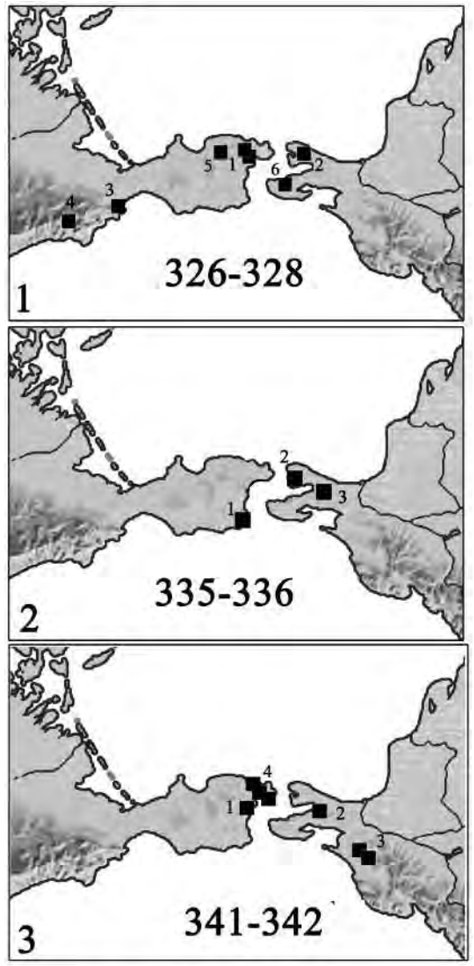


Рис. 213. Находки монетных кладов IV в. на территории Боспорского царства и в прилегающих регионах [по: Абрамзон, Молев, 2016; Абрамзон, Сударев, 2018]
1 – 326–328 гг.: 1 – Керчь/Пантикапей; 2 – Ильичевка; 3 – Феодосия; 4 – Таракташ; 5 – Андреевка Северная; 6 – Тамань
2 – 335–336 гг.: 1 – Китей; 2 – Батарейка; 3 – Патрей
3 – 341–342 гг.: 1 – Тиритака; 2 – Кепы; 3 – Гайкодзор, 4 – Керчь

Готы в Восточном Крыму удержались и в эпоху Великого переселения народов, и их военно-по-

литическая роль была велика. Действительно, в 430–450-е гг. готы-тетракситы представляют здесь единственную реальную силу, способную остановить гуннов на керченских переправах, при переселении последних из Северного Причерноморья на Северный Кавказ. Как известно, столкновение закончилось заключением союза, и готы уходят вместе с гуннами на азиатскую сторону Боспора [Прокопий из Кесарии. Война с готами. IV.18]. На этом кончается история боспорских готов.

Как показало исследование Ю.Г. Виноградова, в 483 г., уже после ухода готов-тетракситов, на Боспоре правит царь Дуптун, причисляющий себя к старой династии Тибериев Юлиев, а местная боспорская аристократия, в лице таких её представителей как Саваг, сохраняет свои позиции [Виноградов, 1998. С. 238][3]. Отмечается сильное византийское политическое влияние, проявившееся, в частности, в новой титулатуре придворных [Виноградов, 1998. С. 244]. Принимая точку зрения Ю. Г. Виноградова о ситуации на Боспоре во второй половине V в. после ухода готов, я хочу все же отметить, что нет никаких доказательств реальной преемственности между старой боспорской династией, известной до 341–342 гг., и царем Дуптуном. Разумеется, сам-то он на такую преемственность в своей надписи претендует и явно старается подражать старым царям, но временной разрыв между Дуптуном и последним Рескупоридом составляет около 140 лет, а заполнен он лишь анонимным готским королем 404 г., никакого отношения к Тибериям Юлиям не имеющим.

В конце концов, кто угодно мог взять себе престижное имя Тибериев Юлиев, и преемственность между Дуптуном и Рескупоридом VI, скорее всего, мнимая. Поэтому, если можно согласиться с мнением Ю.Г. Виноградова о континуитете боспорской государственности как системы (местная аристократия, судя по могильникам, удержалась и обеспечила преемственность своей власти), то лидеры могли меняться, и какое-то время ими были готские короли. А после Дуптуна, в начале VI в., таким лидером оказался гуннский царь Грод, убитый своими варварскими подданными за провизантийскую религиозную политику [о нем см.: Артамонов, 1962. С. 88–91; Ajbabin, 2011. S. 86, 87].

[3] Впрочем, есть и другие датировки, так В.П. Яйленко относит её к 402 г. [см.: Яйленко, 2010. С. 438].

Библиография

Абрамзон М.Г., Молев Е.А. Клад позднебоспорских статеров из Китея // Вестник древней истории. 2016. № 2. С. 387–409.

Абрамзон М.Г., Новичихин А.М. «Забытые» монетные клады из Анапского Археологического музея (поступления 1980-х гг.) // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь, 2019. С. 31–34.

Абрамзон М.Г., Сударев Н.И. Клад позднебоспорских статеров из окрестностей Гермонассы // Российская археология. 2018. № 1. С. 150–163.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет Т. I (1834–2005 гг.). Симферополь, Керчь, 2007–2008.

Болгов Н.Н. Закат позднеантичного Боспора. Белгород: Изд-во БелГУ, 1996.

Васильев А.А. Готы в Крыму. Часть 1 // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1921. Т. 1. С. 247–326.

Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 233–262.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 23–105.

Исанчурин Р.А.. Исанчурин Е.Р. Монетное дело царя Радамсата // Нумизматика и эпиграфика. 1989. Вып. 15. С. 53–96.

Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // 100 лет черняховской культуре / Ред. М.Е. Левада. Киев: Товариство археології та антропології, 1999. С. 277–297.

Казанский М.М. Начало эпохи великого переселения народов на Боспоре Киммерийском: итоги и перспективы // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь, 2019. С. 256–265.

Кропоткин В.В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии / Отв. ред. В.В. Кропоткин, Г.Н. Матюшин, В.Г. Петерс. М.: Наука, 1978. С. 147–163.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Изд. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М.: Наука, 1989.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI вв. М.: ИА РАН, 2009.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка 1 // Советская археология. 1963. № 1. С. 179–191.

Фролова Н.А. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // Советская археология. 1989. № 4. С. 196–206.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Том 2. М.: Эдиториал УРСС, 1997.

Шаров О.В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. 2013. Вып. 1. С. 118–155.

Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М.: Гриф и К, 2010.

Ajbabin A. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz, 2011. (Monographien RGZM. Bd. 98).

Kazanski M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire // Travaux et Mémoires. 1991. Vol. 11. P. 487–526.

Kazanski M. Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la région de la mer d'Azov // Ancient West & Est. 2002. I/2. P. 393–441.

Schukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: Archaeopress, 2006. (BAR International Series, 1535).

Wolfram H. Das Reich und die Germanen. Berlin: Siedler Verlag, 1990.

Zosimus. Historia Nova / Ed. F. Paschoud. Paris: Les Belles Lettres, 1971.

ГОТЫ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ[1]

В статье будут рассмотрены некоторые элементы материальной культуры из погребений знати, свидетельствующие о присутствии готов на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов[2], что соответствует периоду D1 «варварской» хронологии (360/370–400/410 гг.). Перечислим хронологические индикаторы этого периода в контексте привилегированных боспорских могил:

1. Малые (менее 8 см) двупластинчатые фибулы (рис. 214, *1–3*) группы Амброз 21/I [Амброз, 1966. С. 77–86), принадлежащие черняховской традиции и датированные периодами C3 и D1 (т.е. 300/320–350/360 и 360/370–400/410 гг.). Одна фибула типа Амброз I АБ найдена в тайнике склепа 145.1904, две фибулы типа Амброз I АА, одна из них с полихромным декором, найдены в склепах 24.6.1904 г., из Новиковского склепа 1890 г. происходит полихромная фибула типа Амброз I АБ, наконец, обломок полихромной фибулы, скорее всего, группы Амброз I, найден в погр. 7 склепа 154.1904 г. [подробнее: Казанский, 1999. С. 278–280, там же библиография].

2. Дуговидные фибулы (рис. 211, *4, 5*) из склепа на Тарханской дороге 1914 г. [Засецкая, 1993. Табл. 62. № 371], а также из могилы 1918 г. на склоне горы Митридат [Казанский, 2016. Рис. 1,4], принадлежат местной «греко-сарматской» традиции позднеримского времени, хотя и встречены в погребениях начала эпохи переселения народов.

3. Пряжки с удлинённым щитком, простым геометрическим декором стиля клуазонне и язычком, слабо выступающим за утолщённое кольцо (рис. 214, *6–9*). Они явно типологически более ранние, чем типичные для периодов D1 и D2 (последний соответствует 380/400–440/450 гг.) пряжки с длинными хоботковидными язычками. Такие ранние пряжки обнаружены в тайнике склепа 145.1904 г. [Засецкая, 1993. Табл. 13. № 26] и в склепах, разграбленных 24.06.1904 г. [Засецкая, 1993. Табл. 26. № 103].

4. Пряжки с овальным щитком, несущим геометрический декор стиля клуазонне, и с язычком, слабо выступающим за утолщённое кольцо (рис. 214, *10, 11*), из склепа на Тарханской дороге 1914 г. [Засецкая, 1993. Табл 61. № 355]. Они также типологически предшествуют «классическим» пряжкам периода D2.

5. Мечи «персидского» типа (рис. 214, *12–15*), по терминологии И. Боны [Bóna, 2002. P. 199. Fig. 104], с перехватом и дисковидным окончанием на навершии. Они найдены в тайнике склепа 145.1904 г. [Засецкая, 1993. Табл. 17. № 47] и в склепе на Тарханской дороге 1914 г. [Засецкая, 1993. Табл. 62. № 364]. Такие мечи известны и в других регионах Восточной Европы, в частности в степном Крыму, Приуралье и на Кавказе. Их появление, по находке в уральском погребении Муслюмово, устанавливается в пределах второй половины IV в. [подробнее: Казанский, 1994. С. 243].

6. Умбоны типа Малаешты (рис. 214, *19, 20*), характерные для финала черняховской культуры, встречены в керченских склепах 24.6.1904 г. и в склепе 1954 г. на ул. Овощная. Подобные умбоны широко распространены в Европе от Скандинавии до Абхазии в периоды C3–D1 [подробнее: Kazanski, 1994. P. 443–445).

7. Умбоны с широкими полями, типа Цилинг K1 (рис. 214, *16*) встречены в разграбленном склепе 181.1902 г. и в склепе 154.1904 г. (на полу у входа). В последнем есть погребения периодов D1 (погр. 7) и более поздние захоронения периода D2. Умбоны этого типа довольно широко распространены в центрально- и североевропейском Барбарикуме в периоды C3–D1, имеются они и в черняховской культуре [подробнее: Kazanski, 1994. P. 440, 441].

8. Умбоны с фасетчатой калоттой (рис. 214, *17, 18*), найденные в тайнике керченского склепа 145.1904 г., имеют аналоги лишь в абхазском погребении Шапка-Абгыдзраху 12 (фаза III/5-8 мест-

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов // Боспорские исследования. 2020. Вып. XL. С. 140–156.

[2] Эпоха Великого переселения народов в Европе начинается с появления гуннов в Северном Причерноморье около 375 г., что ознаменовалось легендарным переходом этого народа через Керченский пролив. Рассказ о переходе гуннами Боспора Киммерийского впервые появляется у Созомена в первой половине V в., при этом гунны после перехода Боспора нападают на готов, затем он фигурирует у Зосима и более поздних авторов. Восходит этот топос к Евнапию, автору рубежа IV–V вв. (до 404 г.). А.А. Васильев считал, что рассказ отражает некую реальность, видимо какая то часть гуннов прошла через Боспор в эпоху Валента (Васильев, 1921. С. 315 - 317, 320, 321).

ной хронологии, т.е. 380/400–440/450 гг.). Видимо, представляют собой местную понтийскую форму [подробнее: Kazanski, 1994. P. 448]. Ввиду малочисленности находок, отнесение этих умбонов к индикаторам периода D1 пока условно.

9. Ременные наконечники, видимо, от конского снаряжения, принадлежащие группе IIIб по типологии ременных гарнитур В.Ю. Малашева (рис. 214, *21, 22*), датируемые 320/330–360/370 гг. [Малашев, 2000. С. 202–206]. Такие наконечники были найдены в «гробнице Мессаксуди» 1918 г. [Казанский, 2016. Рис. 1,22], в склепе 1914 г. на Тарханской дороге [Засецкая, 1993. Табл. 61. № 357].

В культуре боспорской знати эпохи переселения народов надо отметить слабое присутствие каких-либо гуннских вещей или других признаков степного влияния. Это уже упоминавшиеся «персидские» парадные мечи, явно занесенные с востока, трехлопастные стрелы (рис. 215, *2*) из склепа 154.1904 г. [Засецкая, 1993. Табл. 47. № 217] и склепа 176.1904 г. [Засецкая, 1993. Табл. 57. № 330], помещение в гробницы боспорский знати седел (склеп 165.1904 г., погр. 5) [Засецкая, 1993. С. 97] и луков с костяными накладками (рис. 215, *1*) (склеп 154.1904 г., погр. 3) [Засецкая, 1993. Табл. 49. № 229]. К числу гуннских престижных вещей относится женская диадема из коллекции Диергардта (рис. 215, *3*), вроде бы происходящая из склепа на горе Митридат, но происхождение диадемы не до конца ясно [Damm, 1988. S. 85–93; Eger, 2017].

Показательно, что на Боспоре Киммерийском до сих пор не нашли следов разрушений, однозначно связываемых с нашествием гуннов [о памятниках этого времени см.: Айбабин, 1999. С. 79, 80; 2003. С. 14, 15; Засецкая, 2003; Kazanski, 2009. P. 181–216]. К сожалению, значительная часть археологического материала Боспора гуннского времени до сих пор не введена в научный оборот, поэтому пока трудно говорить о реальности гуннских разрушений. Кстати, захват гуннами Боспора мог произойти и без разрушения городов, например, если исход дела был решен в полевом сражении или путем переговоров.

Подчинялся ли Боспор гуннам – неизвестно, прямых свидетельств нет. В этом смысле известный рассказ Приска Панийского об экспедиции «царских» гуннов Васиха и Курсиха в 420–430-е гг. против Ирана заслуживает особого внимания. «Царские» гунны Васиха и Курсиха вышли в поход из степей Скифии, подчинявшихся в это время царям Руе и Аттиле, вероятнее всего, в Северном Причерноморье. Они пересекли пустынные земли, затем какое-то озеро (Меотиду, по мнению информаторов Приска, но это могут быть и Сиваш, заболоченная дельта Дона или Керченский пролив) и через 15 дней, перейдя горы, видимо, Кавказский хребет, вторглись в Иран. Приск прямо говорит, что благодаря этой экспедиции гунны узнали о возможном пути в Мидию из Скифии. Если бы гунны Руи-Аттилы владели степями Крыма и Северного Кавказа, они отлично знали бы дорогу в Иран [Казанский, Мастыкова, 2009. С. 123, 124]. Из данного рассказа можно заключить, что если Боспор Киммерийский и входил в орбиту военно-политического доминирования гуннов, то речь может идти только о местных степных племенах, а не об «империи Аттилы».

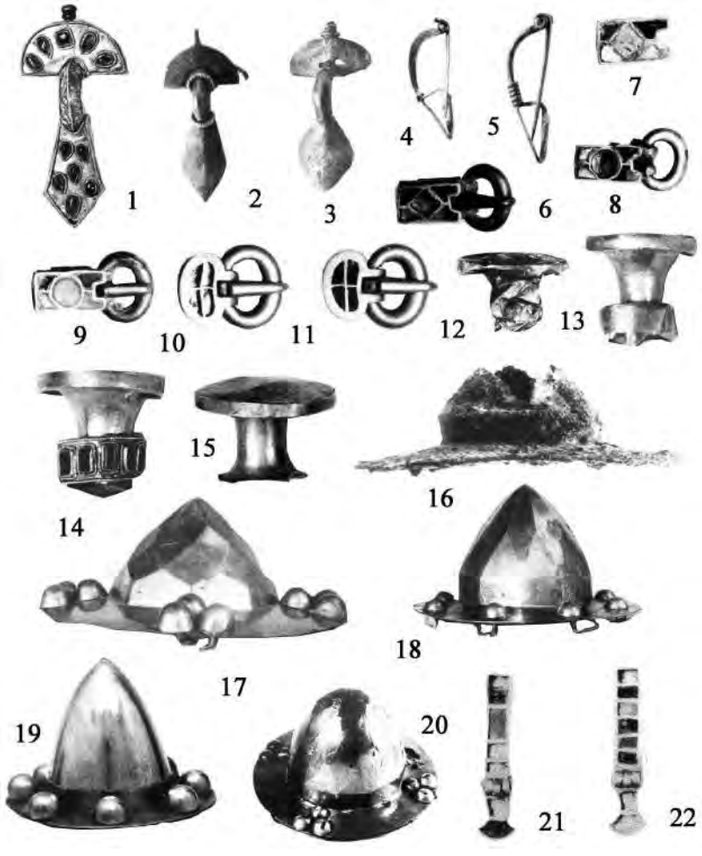


Рис. 214. Хронологические индикаторы периода D1 в привилегированных погребениях Боспора Киммерийского [по: Засецкая, 1993]
1, 2, 6–8, 19, 20 – склепы 24.06.1904 г.; 3, 9, 12–14, 17, 18 – тайник склепа 145.1904 г.; 4, 5, 10, 11, 15, 21, 22 – склеп 1914 г. у Тарханской дороги; 16 – склеп 154.1904 г.

Зато на Боспоре Киммерийском уже в позднеримское время хорошо представлены восточногерманские (черняховские и вельбаркские) вещи, найденные в слоях поселений и в погребениях местного населения. К этому германскому кругу древностей принадлежат некоторые типы арбалетных фибул, уже упоминавшиеся малые двупластинчатые фибулы и умбоны щитов, односторонние гребни, костяные пирамидальные подвески, серогончарная черняховская керамика. В основном, эти вещи датируются в рамках периодов C2–D1 (260/270–400/410 гг.) согласно хронологии европейского Барбарикума. При этом оптимальная дата черняховских вещей на Боспоре Киммерийском – это периоды C3–D1 (300/320–400/410 гг.) [подробнее: Кропоткин, 1978; Казанский, 1999; Kazanski, 2002; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 86, 87, 92; Казанский 2019][3].

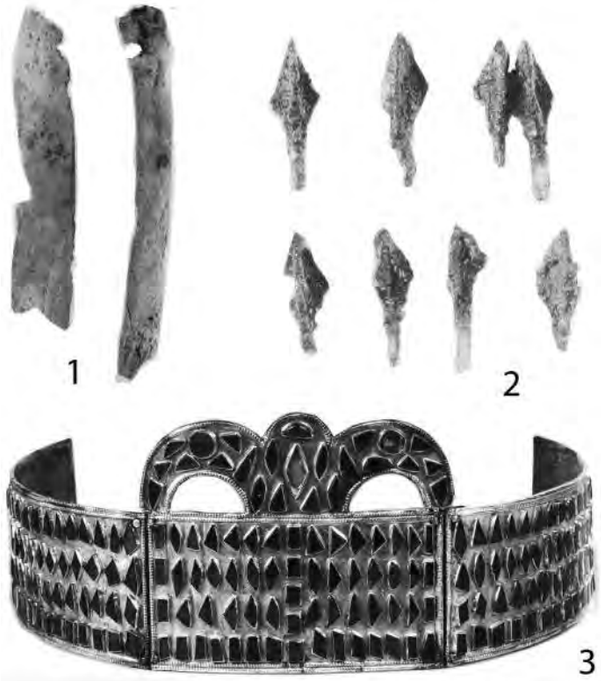


Рис. 215. Вещи гуннской традиции из Керчи
1, 2 – склеп 154.1904 г.; 3 – коллекция Диергардта
1, 2 – [по: Засецкая, 1993]; 3 – [по: Eger, 2017]

Для эпохи переселения народов, помимо уже названных выше фибул и умбонов, из керченских склепов происходит двупластинчатая фибула типа Амброз I с полихромным декором (рис. 216, *9*), относящаяся к периоду D1 (360/370–400/410 гг.), а также большая арбалетная фибула того же времени (рис. 216, *10*). В погребальном контексте периодов D1–D2 в Керчи также найдены, как уже говорилось, пирамидальные костяные подвески с циркульным орнаментом (рис. 216, *1*), типичные для черняховской культуры (погребения 1867 г. и 177–178.1904 г.), подвязные черняховские фибулы типа Амброз 16/2-1-3 (погр. 2 склепа 179.1904 г., а также из комплексов за пределами Керчи – погр. 22 некрополя Заморское), черняховские гребни типа Томас III (напр., погр. 24.06.1904 г.) (рис. 216, *2*). Также к восточногерманской традиции эпохи переселения народов относятся малые фибулы группы Амброз II / Виллафонтана (погр. 2 склепа 165.1904 г., погр. 10 склепа 165.1904 г. и депаспортизированные находки за пределами Керчи – Илурат) (рис. 216, *4–6*) и большие фибулы, той же группы Амброз II (погр. 2 склепа 154.1904 г.) (рис. 216, *7, 8*) [подробнее: Казанский, 1999. С. 278, 279, там же библиография].

Итак, археологический материал однозначно свидетельствует о присутствии на Боспоре готов

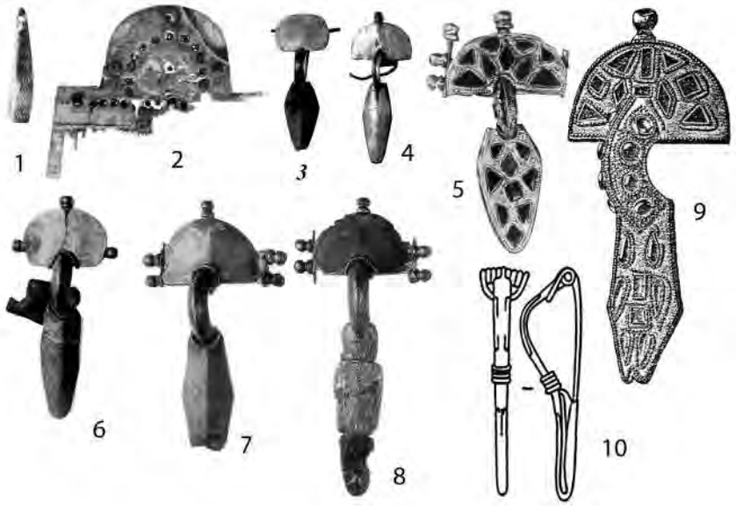


Рис. 216. Вещи восточногерманской традиции из Керчи
1 – склепы 177–178.1904 г.; 2 – склепы 24.06.1904 г.; 3, 4, 6 – склеп 165.1904 г.; 5, 9, 10 – контекст неизвестен; 7, 8 – склеп 154.1904 г.
1–4, 6 – [по: Засецкая, 1993]; 7, 8 – [по: I Goti, 1994]; 9, 10 – [по: Казанский, 1999]

[3] При этом, в Северном Причерноморье известны и вещи более раннего времени (периода B2–C1, то есть 150/160–200/210 гг.), происходящие из балтийского региона [см., напр.: Васильев, 2005; Казанский, Мастыкова, 2007; Шаров, 2010; 2013. С. 143, 144; Чореф, 2015].

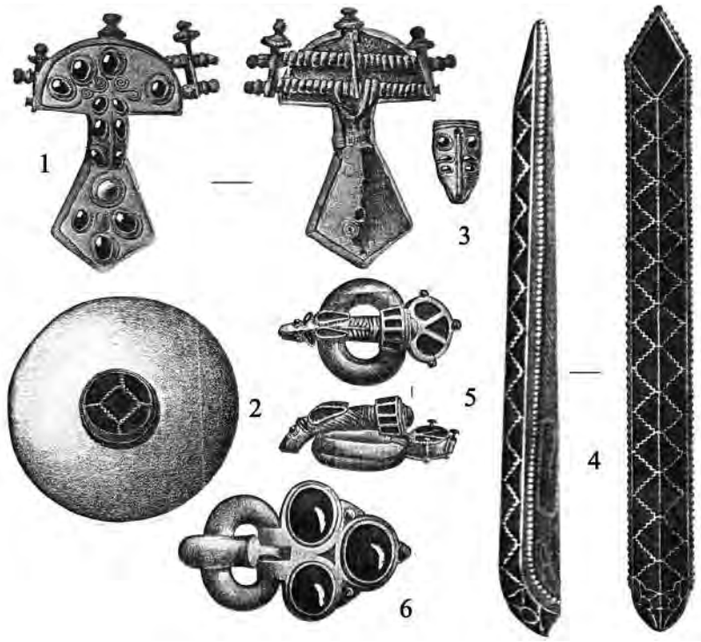


Рис. 217. Вещи из Новиковского склепа [по: De Baye, 1892]

в позднеримское и гуннское время. Особенно важным представляется наличие женских украшений и деталей костюма. Общеизвестно, что женский костюм в архаических обществах является этнографической особенностью конкретного «этноса» (насколько вообще это понятие применимо к древним социумам, где ориентация на престижного вождя или сакрализованную династию часто заменяла этническое самосознание), он крайне редко копируется и распространяется за пределами данного коллектива, лишь с его носительницами. Исключение может составлять престижный аристократический костюм, несущий знаковые социальные функции [подробнее: Мастыкова, 2009. С. 7, 8, там же библиография].

Надо особо отметить, что в периоды C3 и D1 германские вещи начинают попадать в погребения высшей боспорской знати, например, Новиковский склеп (рис. 217), склеп 145.1904 или две гробницы, ограбленные 24.6.1904 г. Это явление не случайно – двупластинчатые фибулы из Новиковского склепа, из могил 24.6.1904, из коллекции Эрмитажа и, наконец, упомянутая большая фибула типа Амброз I обтянуты золотой фольгой и украшены гранатами, их явно изготовили для представителей (точнее, представительниц) германской или германизированной аристократии (рис. 214, *1;* 216*, 5, 9;* 217, *1*). При этом, германские престижные вещи происходят из склепов, вне всякого сомнения, принадлежащих местной, «греко-сарматской» погребальной традиции. Поэтому можно утверждать, что, с одной стороны, германцы были интегрированы в местную аристократическую среду, а с другой – что эта местная аристократия в эпоху переселения народов сохранила свои социальные позиции.

Когда же готы смогли занять столь высокое положение в Боспорском царстве? Рассмотрим вкратце ситуацию на Боспоре в IV в.

В 320-е годы царство входит в полосу кризиса. В 322 г. прекращается, по нумизматическим данным, совместное правление Рескупорида VI и Радамсада [Фролова, 1997. С. 123]. А в 323 г. на дунайскую границу Империи вдруг нападает некий Равсимонд, царь меотийских сармат (именно давно исчезнувших там сармат, а не господствующих в это время в понтийских степях алан) [Zosime, Historia nova, II.XXI.1]. Известно, что боспорские цари претендовали на некую связь с сарматами, об этом явно свидетельствует их родовое имя «Савромат». Напомним также, что в известном легендарном рассказе Константина Багрянородного о боспоро-херсонесских войнах в эпоху Диоклетиана, царь боспорян выступает, как предводитель «понтийских сармат» [Константин Багрянородный, Об управлении империей, 53]. Не кажется таким уж фантастичным предположение, что неизвестно куда пропавший в 322 г. боспорский царь Радамсад и внезапно появившийся в 323 г. Равсимонд, царь «меотийских сармат», убитый римлянами на Дунае, это одно и то же лицо. Если это так, то можно предполагать, что в 322–323 гг. произошёл конфликт между проримски настроенным Рескупоридом VI и противником римской ориентации Радамсадом [Болгов, 1996. С. 404].

В 320–330 гг. военная ситуация на границах царства осложняется. В 326–328 гг., если судить по последней монете, зарывается несколько кладов в Восточном Крыму (рис. 213-1, *1, 3, 4*) [Фролова, 1989. С. 198, 199; Исанчурин, Исанчурин, 1989. С. 92; Казанский, 1999. С. 283; Абрамзон, Молев, 2016. Табл. 3. Рис. 2; Абрамзон, Сударев, 2018; сводка боспорских кладов: Абрамзон, Фролова, 2007–2008]. Видимо, какие-то потрясения произошли на азиатской стороне Боспора, о чем свидетельствуют два клада (рис. 213-1, *2, 6*). Возможно, в это время на «азиатском» Боспоре разрушена крепость Батарейка 1 (Темрюкский район, Краснодарский край), по крайней мере, слой пожара и разрушений, если судить по краткой публикации, содержит типичный материал IV в., например, т.н. амфоры инкерманского типа [Сокольский, 1963. Рис. 6,6]. В одном из помещений, погибших в пожаре, найдены боспорские монеты 327/328 гг. [Абрамзон, Сударев, 2018. С. 157].

К 335 г. относится известная надпись с Тамани (Темрюкский район, Краснодарский край) об укреплении стен, с пожеланием победы городу [Гайдукевич, 1949. С. 464], а в 335–336 гг. на Тамани и в Восточном Крыму зарывается несколько кладов (рис. 213-2) [Фролова, 1989. С. 198, 199; Исанчурин, Исанчурин, 1989. С. 92; Казанский, 1999. С. 283; Абрамзон, Молев, 2016. Табл. 3. Рис. 2). Их география показывает, что опасности теперь подверглась вся территория царства.

Наконец, серия кладов на обоих берегах Боспора, с последней монетой 341–342 гг. (рис. 213-3) [Фролова, 1989. С. 198, 199; Исанчурин, Исанчурин, 1989. С. 92; Казанский, 1999. С. 283; Абрамзон, Молев, 2016. Табл. 3. Рис. 2; Абрамзон, Новичихин, 2019. С. 33, 34], совпадает по времени с прекращением чеканки монеты на Боспоре. Важно, что Боспор сохраняет династию Тибериев-Юлиев как минимум до 341–342 гг., когда известны последние монеты Рескупорида VI [Фролова, 1997. С. 134, 135]. Сохраняется и проримская ориентация Боспора [Болгов, 1996. С. 40, 41], включённого в IV в. в систему обороны Империи [Kazanski, 1991. P. 508–512]. В 343 г. представители боспорской знати, впоследствии захороненные в склепах 145.1904 г. и 24.06.1904 г., получают от Констанция II дарственные блюда (рис. 218), что явно свидетельствует о римских симпатиях правящей элиты Боспора [подробнее: Казанский, 1999. С. 28, 283, там же библиография]. Однако с 342–343 гг. надолго обрываются сведения о боспорской династии и вообще о существовании Боспорского царства как государственной системы. Похоже, что получение даров от Констанция было последним археологически документированным актом боспорской державы.

Рис. 218. Дарственные блюда Констанция II из керченских склепов [по: Засецкая, 1993]
1 – склепы 24.06.1904 г.; 2 – склеп 145.1904 г.

Разумеется, позднеантичный Боспор с грекоязычным населением, античной цивилизацией и сложившейся социальной структурой продолжал существовать, по крайней мере, до конца VI в., об этом свидетельствует изучение как городских слоев, так и некрополей. Речь может идти лишь об исчезновении царской власти, да и то, видимо, не навсегда (вспомним царя Диптуна, правившего в V в.). Никуда не делась и местная боспорская аристократия – как мы убедились, богатые погребения в родовых гробницах знати продолжают совершаться. Для периода D1 это, например, уже упоминавшиеся Новиковский склеп, склепы 24.06.1904 г., склеп 145.1904 г., склеп 154.1904 г., гробница 1918 г. («гробница Мессаксуди»). Только вот ведет себя эта боспорская аристократия странным образом.

Действительно, в 362 г. *«ab aquilone et regionibus solis, per quas in mare Fasis accupitor, Bosporanis aliisque antehac ignotis, legationes vehentibus supplices, ut annua conplentes sollemnia, intra terrarum gentilalium terminos otiose vivere senerentur»* («с севера из пустынных областей, по которым в море впадает Фасис, ехали посольства Боспорян и других неведомых раньше народов с мольбою, чтобы, за внесение ежегодной дани, им было дозволено мирно жить в пределах родной земли») [Ammien Marcellin, XXII.7]. Почему вдруг дети и внуки боспорских аристократов, делавших карьеру при императорском дворе и даже

лично знакомых с цезарями, как известный Валерий Сог, стали «неведомым» народом? И почему старые союзники Рима, которые, если бы им угрожала какая-то внешняя опасность, вправе бы требовать от империи военной и финансовой поддержки, просят лишь «мирно жить в пределах родной земли», то есть, если понимать текст буквально, уговаривают римлян не предпринимать против Боспора Киммерийского военных действий и даже готовы за это заплатить?

Представляется, что наиболее логичным ответом на эти вопросы является гипотеза А.А. Васильева, согласно которой около 362 г. (а может быть и раньше, около 343 г.?) Боспорское царство перешло под власть готов [Васильев, 1921. С. 312, 313; см. также: Вольфрам, 2003. С. 119]. Это предположение вызывало и вызывает неприятие у многих исследователей, но логичной контргипотезы они предложить не смогли. Поэтому вслед за А.А. Васильевым можно предположить, что готы и есть «неведомый» народ[4], который хотел легитимизировать свою власть на Боспоре Киммерийском, обратившись за признанием к Империи. Видимо, с той же целью боспорские готы обращаются в христианство. В 404 г. король готов, к которому, по свидетельству Иоанна Златоуста, надо плыть на Боспор, печётся о назначении своим подданным нового епископа [Васильев, 1921. С. 325, 326]. Вряд ли это готы страны Дори, то есть юго-западного Крыма, известные по более поздним источникам [о них см.: Айбабин, Хайрединова, 2017], с теми проще было бы связываться через Херсонес, а не через Боспор. Тем более, это не может быть какая-нибудь дунайская группировка готов, как это иногда предполагается, поскольку последние были арианами, да и добраться к ним можно посуху, не прибегая к плаванию на корабле.

Какие конкретные формы приняла готская власть на Боспоре, можно лишь догадываться. Мы не знаем, сохранялась ли при готах, хотя бы номинально, династия Тибериев Юлиев (а такая ситуация вполне возможна, вспомним отношения германских и аланских военачальников с некоторыми равеннскими и константинопольскими императорами в V в.) и каким был аппарат управления страной. Ясно лишь, что готская верхушка быстро находит общий язык с боспорской аристократией и входит в её состав, о чем свидетельствует, как уже говорилось, материал из боспорских склепов. Добавим, что в этом готы не оригинальны, именно так формировался на Западе правящий класс Бургундского или, скажем, Франкского королевств, где аристократы галло-римского происхождения выполняли руководящие религиозные, административные и военные функции.

Готы в Восточном Крыму удержались и в эпоху Великого переселения народов и их военно-политическая роль была велика. Действительно, в 430–450-е гг. готы-тетракситы представляют здесь единственную реальную силу, способную остановить гуннов на керченских переправах, при переселении последних из Северного Причерноморья на Северный Кавказ. Как известно, противостояние закончилось заключением союза, и готы уходят вместе с гуннами на азиатскую сторону Боспора [Прокопий Кесарийский, Война с готами, IV.18]. На этом кончается история боспорских готов.

Как показало исследование Ю.Г. Виноградова, в 483 г., уже после ухода готов-тетракситов, на Боспоре правит царь Дуптун, причисляющий себя к старой династии Тибериев Юлиев, а местная боспорская аристократия, в лице таких её представителей как Саваг, сохраняет свои позиции [Виноградов, 1998. С. 238][5]. Отмечается сильное византийское политическое влияние, проявившееся, в частности, в новой титулатуре придворных [Виноградов, 1998. С. 244]. Принимая точку зрения Ю.Г. Виноградова о ситуации на Боспоре во второй половине V в. после ухода готов, я хочу все же отметить, что нет никаких доказательств реальной преемственности между старой боспорской династией, известной до 341–342 гг., и царем Дуптуном. Разумеется, сам-то он на такую преемственность в своей надписи претендует и явно старается подражать старым царям, но временной разрыв между Дуптуном и последним Рескупоридом составляет около 140 лет, а заполнен он лишь анонимным готским королем 404 г., никакого отношения к Тибериям Юлиям не имеющим.

В конце концов, кто угодно мог взять себе престижное на Боспоре имя Тибериев Юлиев, и преемственность между Рескупоридом VI и Дуптуном, возможно, мнимая. Поэтому, если можно согласиться с мнением Ю.Г. Виноградова о континуитете боспорской государственности как системы (местная аристократия, судя по могильникам, удержалась и обеспечила преемственность своей власти), то лидеры могли меняться, и какое-то время ими были готские короли. А после Дуптуна, в начале VI в., таким лидером оказался гуннский царь Грод, убитый своими варварскими подданными за провизантийскую религиозную политику [см.: Артамонов, 1962. С. 88–91; Айбабин, 1990. С. 9, 95].

[4] Иногда утверждается, что готы были хорошо известны в Империи и даже состояли с Римом в союзнических отношениях, поэтому нельзя считать их «неведомым народом». Однако, римскими союзниками были нижнедунайские готы, вряд ли в это время имевшие отношение к готам, действовавшим в Северном Причерноморье.

[5] Впрочем, есть и другие датировки, так В.П. Яйленко относит её к 402 г. [Яйленко, 2010. С. 438].

Библиография

Абрамзон М.Г., Молев Е.А. Клад позднебоспорских статеров из Китея // Вестник древней истории. 2016. № 2. С. 387–409.

Абрамзон М.Г., Новичихин А.М. «Забытые» монетные клады из Анапского Археологического музея (поступления 1980-х гг.) // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь, 2019. С. 31–34.

Абрамзон М.Г., Сударев Н.И. Клад позднебоспорских статеров из окрестностей Гермонассы // Российская археология. 2018. № 1. С. 150–163.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет Т. I (1834–2005 гг.). Симферополь, Керчь, 2007–2008.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1990.

Айбабин А.И. Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 9–145.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. (Свод археологических источников, Вып. Д1-30).

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

Болгов Н.Н. Закат позднеантичного Боспора. Белгород: Изд-во БелГУ, 1996.

Васильев А.А. Готы в Крыму. Часть 1 // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1921. Т. 1. С. 247–326.

Васильев А.А. О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен / Отв. ред. И.Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 343–349.

Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 233–262.

Вольфрам Х. Готы. СПб.: Ювента, 2003.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 23–105.

Засецкая И.П. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 31–40.

Исанчурин Р.А.. Исанчурин Е.Р. Монетное дело царя Радамсата // Нумизматика и эпиграфика. 1989. Вып. 15. С. 53–96.

Казанский М.М. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. Вып. IV. С. 238–256.

Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // 100 лет черняховской культуре / Ред. М.Е. Левада. Киев: Товариство археології та антропології, 1999. С. 277–297.

Казанский М.М. Находка 1918 г. в Керчи (коллекция Месаксуди) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016. С. 206–215.

Казанский М.М. Начало эпохи великого переселения народов на Боспоре Киммерийском: итоги и перспективы // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь, 2019. С. 256–265.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Золотая гривна из Фанагории: о германцах на Боспоре Киммерийском в позднеримское время // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2007. С. 169–177.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / Отв. ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Изд. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М.: Наука, 1989.

Кропоткин В.В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии / Отв. ред. В.В. Кропоткин, Г.Н. Матюшин, В.Г. Петерс. М.: Наука, 1978. С. 147–163.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI вв. М.: ИА РАН, 2009.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка 1 // Советская археология. 1963. № 1. С. 179–191.

Фролова Н.А. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // Советская археология. 1989. № 4. С. 196–206.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Том 2. М.: Эдиториал УРСС, 1997.

Шаров О.В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // Stratum plus. 2010. № 4. С. 251–285.

Шаров О.В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. 2013. Вып. 1. С. 118–155.

Шаров О.В., Чореф М.М. К вопросу о датировке *tabula ansata* с именем Юлия Каллисфена // Stratum plus. 2015. № 4. С. 357–378.

Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М.: Гриф и К, 2010.

Ammien Marcellin. Histoire. Livres XIV–XXVIII / éd. J. Fontaine et al. Paris, 1968-1996.

Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe–Ve siècles). Paris: Errance, 2002.

De Baye J. La bijouterie des Goths en Russie // Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France. 1892. Vol. 51. P. 359-372.

Damm I.G. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus demNördlischen Schmarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65–210.

Eger C. Die Hunnen kommen: die «Krone» aus Kerč // Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit / Hrsg. F. Naumann-Steckner, M. Trier. Köln, München: Römisch-Germanisches Museum der Stadt Köln, Harmer Verlag GmbH, 2017. S. 98–99.

I Goti. Milano: Electa, 1994.

Kazanski M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire // Travaux et Mémoires. 1991. Vol. 11. P. 487–526.
Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lubin, Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg, 1994. P. 429–485.
Kazanski M. Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la région de la mer d'Azov // Ancient West & Est. 2002. I/2. P. 393–441.
Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucureşti, Brăila: Editura Academiei române, 2009.
Schukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: Archaeopress, 2006. (BAR International Series, 1535).
Zosimus. Historia Nova / Ed. F. Paschoud. Paris: Les Belles Lettres, 1971.

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ БОСПОРСКОЙ ЗНАТИ ПОСТГУННСКОГО ПЕРИОДА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА V – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА VI В.)[1]

Здесь будут рассмотрены немногочисленные погребения Боспора Киммерийского постгуннского времени (т.н. горизонт Шипово – вторая треть/середина V – вторая треть/середина VI в.), содержавшие парадное оружие или элементы убора, ассоциируемые с престижным мужским «воинским» костюмом, а также отдельные редкие находки таких предметов вне погребального контекста. Погребения знати, сопровождавшиеся оружием и престижным убором, хорошо известны в Восточном Крыму и на Тамани для позднеримского и гуннского периодов, однако для последующего времени подобные захоронения специально не выделялись и не изучались, что и послужило причиной появления данной работы.

Считается, что Боспор Киммерийский во второй половине V – начале VI в., до включения его в состав Империи при Юстине, представляет собой отдельное царство, управляемое местной династией Тибериев Юлиев. Основным доказательством этого утверждения является известная надпись (КБН. № 67), где упоминается друг кесаря и друг римлян царь Диптун/Дуптун, а также его высшие чиновники, эпарх Иегудий и комит Опадин, а также некий вельможа, сын Савага (о нём мы еще вспомним), имя его не сохранилось [Кулаковский, 1901. С. 24-27; Артамонов, 1962. С. 88, 89; Виноградов, 1998; Айбабин, 1999. С. 78, 79]. По мнению Ю. Г. Виноградова, надпись датирована 483 г. [Виноградов, 1998. С. 242]. Впрочем, есть и другие датировки, так В. П. Яйленко относит её к 402 г. [Яйленко, 2010. С. 438].

Археологические материалы постгуннского времени достаточно хорошо выявлены на Боспоре Киммерийском, в частности, в некрополе столицы государства – Пантикапея/Боспороса (сейчас г. Керчь). Здесь они составляют вторую хронологическую группу погребений, по периодизации И. П. Засецкой, соответствующей второй половине V – первой половине VI в. Это, прежде всего, одиночные захоронения в подбойных земляных гробницах (напр., рис. 221) и простых грунтовых ямах, однако продолжают использоваться и склепы с коллективными захоронениями (напр., рис. 219), обычно интерпретируемые как семейные усыпальницы. В целом материал Керченского некрополя этого периода беднее и однообразнее, чем в гуннское время. В частности, оружие и полихромные изделия представлены единичными находками [Засецкая, 2003. С. 37, 38].

Погребения знати в боспорском контексте постгуннского времени пока единичны. В первую очередь, это известная гробница, найденная в 1890 г. на ул. Госпитальная, на склоне горы Митридат, датированная надписью 491 г. Она представляет собой склеп с нишами, где явно совершались неоднократные захоронения, но их следов не сохранилось, так как склеп был ограблен (рис. 219). В одной из надписей упоминается захороненные в данной гробнице Саваг и его супруга Фаиспарта [Кулаковский, 1891]. Вполне возможно, как полагали исследователи, в частности Ю.Г. Виноградов, это тот самый Саваг, который присутствует и в надписи Диптуна. Весьма вероятно, что упоминаемый в одной из надписей с Тамани (КБН. № 1099) комит Саваг, равно как и фигурирующий в еще одной таманской надписи 478–470 гг. комит Саваг, сын Аристона, это одно и то же лицо [Виноградов, 1998. С. 239–241]. Иное решение предлагает В.П. Яйленко, по его мнению речь идет не об одном, а о нескольких персонажах, принадлежавших единому знатному боспорскому роду [Яйленко, 2010. С. 438, 439]. Но как бы там ни было, для нас важно, что могила 491 г. Савага и Фаиспарты явно аристократическая и является одним из немногих примеров элитных боспорских погребений постгуннского времени. Её, как правило, и приводят, как показательное погребение боспорской аристократии постгуннского времени.

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Воинские погребения боспорской знати постгуннского периода (вторая половина V – первая половина VI в.) // Stratum plus. 2018. № 5. С. 75–86.

Однако на Боспоре Киммерийском имеются и могилы второй половины V – первой половины VI в. с сохранившимся заупокойным инвентарем, говорящим о явно неординарном социальном статусе его владельцев. Это, например, набор женских украшений из погребения 40 на могильнике Джурга-Оба, о нём речь еще пойдет ниже[2]. Некоторые погребения, очевидно мужские, содержали престижное оружие, конский убор и поясную гарнитуру. Их немного, но они имеются как в столичном некрополе Керчи/Боспороса, так и в периферийных городах, в Тамани/Гермонассе и Китее, в некрополе Джурга-Оба. Начнем со столичных погребений.

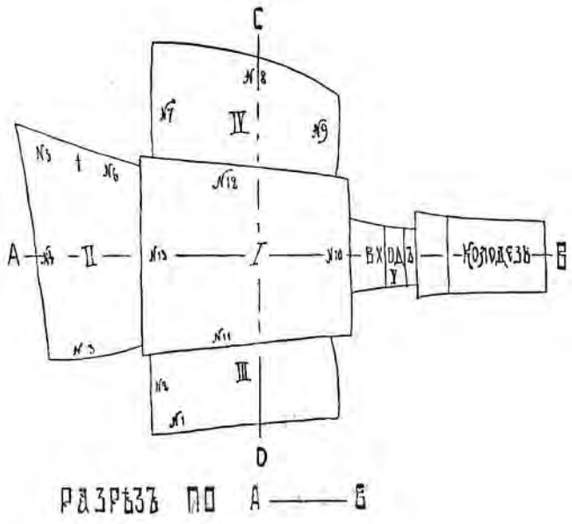


Рис. 219. Гробница 491 г. [по: Кулаковский, 1891. Табл. 1]

Керчь, погр. 163, 1904 г. Коллективный склеп, обнаруженный на ул. Госпитальная. В гробнице выявлено два горизонта захоронений. Склеп был наполовину заполнен землей, это заполнение соответствует нижнему горизонту погребений, которые оказались полностью разрушенными. Сверху, на земляном заполнении располагались две более поздних ингумации второго горизонта. В земляном заполнении был найден предмет, покрытый ржавчиной, что навело на мысль о его принадлежности декору ножен клинкового оружия [Шкорпил, 1907. С. 46]. В верхнем слое находилось погребение с итало-остроготской пряжкой типа Крайнбург, первой половины VI в. [о них см.: Bierbrauer, 1976. S. 143–145] и с местной боспорской орлиноголовой пряжкой, также времени не ранее VI в. [о них см.: Засецкая, 2005].

Предмет, обнаруженный в нижнем слое (золото, гранат, стекло, железо) (табл. 35, *2*), определен как декор ножен меча, что вполне возможно [Засецкая, 1993. С. 80. № 269. Табл. 52,269; Menghin, 2007. P. 299, I.9.7.1]. Однако по своей морфологии он очень напоминает малые пряжки с двумя орлиными головами, известные на Северном Кавказе [Иессен, 1941. Табл. VII,11; Казанский, Мастыкова, 2001. Рис. 4,1; 10,4]. По аналогии с пряжкой в «вождеском» погребении 10 на могильнике Лермонтовская скала-2 в Пятигорье [см. о дате: Казанский, 2007. С. 124, 136], предмет из погр. 163.1904 г. может быть датирован постгуннским временем.

Элементы мужской поясной гарнитуры – контрпластины, пряжки, подвески – с парными зооморфными изображениями, головками птиц и зверей, расположенными одна напротив другой, *face à face,* также довольно широко распространяются в постгуннское время у волжских финнов, в Верхнем Поднепровье и на Днепровском Левобережье [Ахмедов, 2014. С. 143–151. Рис. 7,2,3,6]. Видимо, к мужскому костюму относится и сравнительно небольшая пряжка из Ландриано (Landirano) в Италии [Bierbrauer, 1975. Taf. XXV,1][3]. Также парными птичьими головками украшена поясная гарнитура из Глобазица (Globasitz) в австрийских Альпах [Gläser, 2008. Abb. 4, 5].

Парные птичьи головки, развернутые одна против другой, имеются на бутеролях ножен клинкового оружия из знаменитой могилы франкского короля Хильдерика в Турнэ (скончался в 482 г.), а также из могилы 118 кабардино-балкарского некрополя Зарагиж [Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. Fig. 6,1,2] и на обкладках ножен престижных мечей с территории Западной и Центральной Европы, Северного Причерноморья и Кавказа [Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. Fig. 7; Засецкая, 1993. Табл. 52,269,271].

Вспомним также лунницы-подвески конской сбруи постгуннского времени с парными птичьими головками из «вождеской» могилы эстиев в Шоссейном, в Восточной Пруссии [Скворцов, Хохлов, 2014. Рис. XVIII,3,4] или из лангобардской находки в Хаускирхене (Hauskichen), в австрийском Подунавье (Tejral, 2011b. Abb. 28,15). Изображения птичьих голов на оружии, конском уборе и в мужском костюме, вероятно, восходят к римской военной символике, как, например, это видно по рукоятям мечей на изображениях тетрархов и римских императоров поздней Империи [Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 167].

[2] Кроме того, на Боспоре Киммерийском имеются находки двупластинчатых и больших пальчатых фибул второй половины V – первой половины VI в., которые несомненно происходят из погребений верхнего слоя «среднего класса» боспорского населения [см., напр.: Kühn, 1974. Taf. 220:51.30,35, 221:51.39,40, 224:51.93,100,102; Засецкая, 1998. Табл. VIII]. О социальной интерпретации погребений с подобными двупластинчатыми фибулами у готов-тетракситов см. [Мастыкова, 2001].

[3] Пряжка вряд ли может относиться к женскому костюму, поскольку у остроготов Италии, да и вообще у восточных германцев того времени, женские пряжки гораздо крупнее.

Рис. 220. Вещи из погр. 6.1905 г. в Керчи и некоторые параллели
1, 2 – Керчь, погр. 6.1905 г.; 3 – Былым-Кудинетово, курган 14; 4 – Шарлевиль-Мезьер (Charleville-Mézières), погр. 68; 5 – Хегом (Högom), курган 2
1, 2 – [по: Шкорпил, 1907. Рис. 1,2], 3–5 – [по: Kazanski, 2016. Fig. 1,1,2,17]

Керчь, вне контекста. Пряжка (табл. 35, 1), аналогичная вышеупомянутым северокавказским (железо, золото, гранаты, перламутр, серебро), происходящая из Керчи, находится в собрании Государственного Эрмитажа [Засецкая, 1993. С. 81. № 271; Menghin, 2007. P. 304, I.15,1].

Керчь, погр. 6.1905 г. Склеп с коллективными захоронениями, обнаружен в 1-ом Кладбищенском переулке, на склоне горы Митридат [Шкорпил, 1909. С. 3, 4]. Гробница была ограблена, на полу склепа обнаружен ряд вещей V–VI вв., в том числе ранневизантийская пряжка второй половины V – первой половины VI в. (рис. 220, *2*) [о них см.: Kazanski, 1994. P. 159–161], а также две серебряные головки грифонов, являющиеся фрагментами удил из «парадного» конского убора (рис. 220, *1*). Подобные удила специально изучались И. Р. Ахмедовым, который показал их позднеримские истоки (см. выше о римской символике) и датировку постгуннским временем [Akhmedov, 2002; Ахмедов, 2009]. Действительно, такие удила со второй половины V в. распространяются в составе престижного конского убора не только на Боспоре, но и на Северном Кавказе, например, в составе известной княжеской находки в Былым-Кудинетово (Кабардино-Балкария) (рис. 220, *3*), в Скандинавии, в частности в «княжеском» кургане № 2 в Хегом (Högom) (Швеция, Норрланд) (рис. 220, *4*) и на меровингском Западе, в погребении «вождя» № 68 в Шарлевиль-Мезьер (Charleville-Mézières) (Франция, Арденны) (рис. 220, *5*), где также, среди прочего, найдена монета византийского императора Зенона (474–491 гг.) [Ахмедов, 2009; Kazanski, 2016].

Керчь, вне контекста. Из частного собрания в Эрмитаж в 1920 г. поступило перекрестье меча с инкрустацией (железо, золото, гранаты), предположительно происходящее из Керчи (табл. 35, *3*) [Засецкая, 1993. С. 64. № 384; Menghin, 2007. P. 303, I.13.1]. Перекрестье принадлежит мечу ранневизантийского типа 1, характерного для постгуннского времени, о чем свидетельствуют находки в уже упоминавшемся захоронении в Лермонтовской скале, а также в погребении воинского предводителя в Гагре, в Абхазии, с типичной ранневизантийской пряжкой [подробнее см.: Казанский, 2007. С. 124, 136]. Сложнее датировать второй фрагмент гарды малого клинкового оружия из собрания Эрмитажа (табл. 35, *4*), также происходящий предположительно из Керчи [Засецкая, 1993. С. 94. № 383; Menghin, 2007. P. 303, I.15.4]. Здесь на гарде (железо, золото, серебро, гранаты) имеется характерный «ступенчатый» декор, который известен как в гуннское, так и в постгуннское время [Казанский, 2007. С. 137].

Керчь, вне контекста. В коллекции Диергардта, в Римско-Германском музее в Кёльне, находится золотая портупейная скоба меча, украшенная декором в стиле перегородчатой инкрустации (табл. 35, *5*) [Damm, 1988. S. 182–184. № 105]. Декор относится к стилистической группе 5 по классификации И. П. Засецкой. Данная группа, представленная находками, прежде всего, в Центральной и Западной Европе, надежно датируется второй половиной / концом V – первыми десятилетиями VI в. [Засецкая, 1982. С. 22, 25].

Джурга-Оба, погр. 40. Вне столицы царства погребения с престижным оружием были найдены в «европейской» части Боспора Киммерийского, в частности, на могильнике Джурга-Оба. Могильник представляет собой часть некрополя города Китея. Здесь было найдено катакомбное погребение (рис. 221), к сожалению разграбленное, поэтому количество погребенных не может быть установлено. Из погребения происходит престижный женский убор (табл. 37), хорошо датируемый по западным параллелям, особенно для серёжек и перстня (табл. 37, *1–3*), второй половиной V в. [Ермолин, 2009. С. 71–77. Рис. 4–5; Ermolin, 2012. P. 346. Fig. 4–5]. Здесь же найдены фрагменты клинкового оружия – обломок железного перекрестья большого меча, фрагмент гарды или ножен с золотой обкладкой и перегородчатой инкрустацией (табл. 37, *10*) ранневизантийского типа 3, датируемого по аналогам в степи и на Севером Кавказе (Дмитриевка-Вольная Вода, Дюрсо) постгуннским временем, а также халцедоновая гарда (табл. 37, *11*) [Ермолин, 2009. Рис. 5,8,9; Ermolin, 2012. Fig. 5,10, 11]. Что касается каменных деталей ножен, то они поступают в Европу с Востока, может быть из Китая [см.: Ли Джи Ин, 2010] и изредка встречаются в воинских комплексах римского времени и переселения народов, например, в Альтлюссхейм (Altlussheim) на Рейне [Werner, 1994. Abb. 5,2; Quast, 1999. P. 716. Abb. 7]. Попадают они и в Крым, одна такая гарда происходит из Херсонеса, из погребения римского времени 1013 [Белов, 1927. Рис. 21,7; Quast, 1999. Abb. 7,2].

Тамань, погр. 1912 г. В «азиатской» части Боспора в 1912 г. в станице Тамань (античная Гермонасса, существовавшая и в постгуннское время) был вскрыт курган, содержавший ингумацию, сопровождавшуюся конем и парадным мечом [Засецкая и др., 2007. С. 110; Menghin, 2007. P. 327, I.34,5]. Меч (табл. 36), ныне находящийся в Берлине, имеет богатый декор в стиле *cloisonné* на бронзовых гарде и устье ножен. Сохранилась также халцедоновая подвеска от меча. Меч явно ранневизантийского происхождения, относится к типу 2, представленному также находкой в «вождеском» погребении гуннского времени в Альтлюссхайм (Altlussheim), на Рейне. По некоторым стилистическим особенностям декора гарды, а именно по наличию «четырехлепесткового» мотива, таманский меч может быть датирован второй половиной V – первой половиной VI в. [Kazanski, 2001. P. 403; Казанский, 2007. С. 136]. Если высокий социальный ранг погребенного вне всякого сомнения, то его этнокультурная атрибуция является гипотетической. В самом деле, Гермонасса в V – первой трети VI в. входит в состав Боспора Киммерийского, за который боролись Византия и гунны, и власть здесь, а стало быть и состав правящей верхушки менялись [см. подробнее: Артамонов, 1962. С. 88–91; Айбабин, 1999. С. 94–96].

Поскольку упомянутый «четырехлепестковый» декор на гарде имеет больше всего параллелей на западных, меровингских и визиготских украшениях, мною в свое время было высказано предположение, что этот меч мог попасть на Тамань с отрядом ромейских, точнее италийских, войск под руководством Далматия, квалифицируемых в источниках как «испанцы», отправленных Юстинианом на Боспор в 528 г. по сообщению Иоанна Малалы или в 533–534 гг. по Псевдо-Дионисию [Kazanski, 1996. P. 329]. По мнению А. И. Айбабина, речь идет о войсках, квартировавших в Южной Италии [Айбабин, 1999. С. 94, 95]. Однако, как подчеркнул А. Фурасьев, такие италийские «испанцы» могли появиться в византийской армии значительно позднее, так как Южная Италия была завоевана византийцами только в 535 г., а Восточная Испания – в 552 г. Скорее всего, такие «итало-испанские» отряды появились после 552 г., когда Юстиниан отправляет в Испанию отряды сицилийцев. Видимо, в отношении Боспора Киммерийского речь идет о каких-то событиях 560–570-х гг. [Furasiev, 2009. P. 376]. Но в это время мечи с инкрустированной гардой уже вышли из употребления, и, таким образом, таманская находка вряд ли может быть связана с «испанцами» Далматия.

* * *

Итак, на Боспоре Киммерийском выявляется некоторое количество погребений с престижными элементами вооружения, конского снаряжения и костюма постгуннского времени. Высокий социальный статус этих погребений очевиден, если принять во внимание богатство вышеуказанных вещей.

Подобные захоронения с престижным клинковым оружием и гарнитурой, сопровождавшиеся иногда скрамасаксом, реже луком, для второй половины V в. хорошо известны в Центральной и Западной Европе. Назовем такие находки как Пуан (Pouan) в Шампани [L'Or des princes barbares, 2000. № 27], Роммерсхейм (Rommersheim) [Menghin, 1983. P. 190, 191. № 11] и Крефельд-Геллеп (Krefeld-Gellep), погр. 43 [Menghin, 1983. P. 191, 192. № 12] на Рейне, Тетеров (Teterow) в Средней Германии [Menghin, 1983. P. 206. № 30], Арзиньяно (Arzignano) [Possenti, 2011] и Капрайя (Capraia) [Ducci, Ciampolini, 1991; Eger, 2015. P. 239, 240. Abb. 7–8] в Северной Италии, Блучина (Blučina) [L'Or des princes barbares, 2000. № 33; из последних работ: Tejral, 2015. P. 179–181. Abb. 41–42; 2017. P. 103–119], Бешенов (Bešeňov) и Комарно

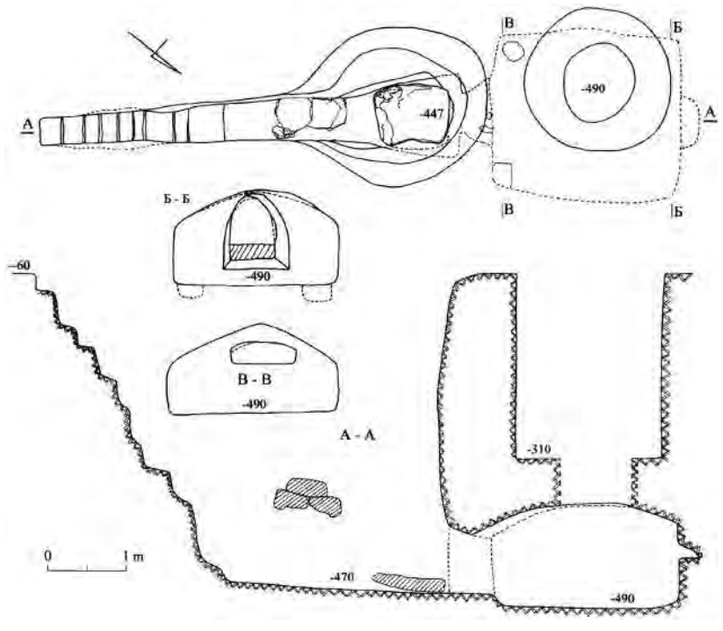


Рис. 221. Джурга-Оба, погр. 40 [по: Ermolin, 2012. Fig. 4]

(Komárno/Komárom) [Tejral, 2015. P. 179–181; 2017. P. 103–119] в Моравии и Словакии, Валей луи Михай (Valei lui Mihai/Ermihalyfalva) в Трансильвании [Menghin, 1983. P. 186, № 6; Harhoiu, 1998. P. 193, № 93; Tejral, 2015. P. 181] и некоторые другие[4]. Их отличает от «вождеских» погребений западноевропейской германской традиции отсутствие паноплии, хорошо представленной в погребении Хильдерика и некоторых других франкских и аламаннских вождей и включающей щиты, копья, ангоны, топоры, изредка шлемы и пр. [многочисленные примеры: Menghin, 1983]. Возможно, традиция погребения с мечом без паноплии восходит к «степным» алано-сарматским воинским обрядам гуннского времени. Она представлена в конце IV – середине V в. и на Боспоре Киммерийском [Kazanski, 1999; Казанский, 2010]. Впрочем, вполне возможно, что этот тип погребения восходит к традициям воинской знати римского пограничья Поздней Империи, где представлены как погребения с мечом без паноплии, так и захоронения с набором вооружения, включающим щит, копье, стрелы, топор и т.д. [подробнее, с конкретными примерами: Tejral, 2016]. К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении боспорский материал второй половины V – первой половины VI в. слишком фрагментарен, чтобы безоговорочно относить описанные здесь находки к этой традиции степного происхождения. Отметим лишь, что в постгуннское время традиция погребения с мечом отмечена и на соседних территориях, в частности, в некрополе готов-тетракситов в Дюрсо, под Новороссийском [Дмитриев, 1979], а также в могилах степных (гунно-болгарских) воинских предводителей [Kazanski, 2017]. Но как бы то ни было, получается, что, с одной стороны, можно констатировать преемственность погребальных традиций боспорской знати, а с другой – их параллели в общеевропейско-средиземноморском контексте «княжеской» культуры.

[4] К сожалению, значительная часть перечисленных находок является случайными или разрушенными, поэтому полный состав их инвентаря остается неизвестным. Из наиболее надежных можно назвать погребения в Крефельд-Геллепе, Блучине, Арзиньяно, Капрайе, Тетерове, Роммерсхейме.

Библиография

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999.

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

Ахмедов И. Новые материалы к истории престижной узды Восточной Европы гуннского и постгуннского времени // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / отв. ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 152–166.

Ахмедов И.Р. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – начала VI в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 138–177. (Раннеславянский мир, Вып. 15).

Белов Г.Д. Римские приставные склеры № 1013 и 1914 // Херсонесский сборник. 1927. Вып. 2. С. 107–146.

Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 233–262.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. № 4. С. 212–229.

Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков: Советско-Венгерский сборник / отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 13–30.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 23–105.

Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1998. Вып. VI. С. 394–478.

Засецкая И.П. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 31–40.

Засецкая И.П. О хронологии и взаимосвязи орлиноголовых пряжек из Боспорского некрополя и южнокрымских могильников раннесредневекового периода // Нижневолжский археологический вестник. 2005. 7. С. 57–102.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2007.

Ермолин А.Л. Кроваво-золотой стиль «клуазонне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джурга-Оба) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира / отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 70–77.

Иессен А.А. Археологические памятники Кабардиио-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / отв. ред. М.И. Артамонов. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 7–51. (МИА, № 3).

Казанский М.М. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С., Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 122–141.

Казанский М.М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I / отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 307-320.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М.: ИА РАН, 2001. С. 138–161.

Корпус боспорских надписей / отв. ред. В.В. Струве. М., Л.: Наука, 1965.

Кулаковский Ю. Древности Южной России. Керченская христианская катакомба 491 года. СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1891. (Материалы по археологии России, № 6).

Ли Джи Ын. Нефритовые детали мечей в Восточной Европе в сарматское время // Археология, древний мир и средние века. 2010. Вып. IV. С. 41–55.

Мастыкова А.В. Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо V–VI вв. (по материалам костюма) // Историко-археологический альманах. 2001. Вып. 7. С. 59–69.

Скворцов К.Н., Хохлов А.Н. Погребение всадника конца V – первой половины VI в. из могильника Шоссейное Калининградской области // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 232. С. 151–159.

Шкорпил В.В. Отчет о работе в Керчи в 1904 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1907. Вып. 25. С. 1–66.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1907. Вып. 30. С. 1–50.

Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М.: Гриф и К, 2010.

Akhmedov I. Cheek-pieces and elements of harness witch zoomorphic decoration in the Great Migrations period // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno Archeologický ústav ČR Brno, 2002. P. 11–30.

Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto medoevo, 1975.

Damm I. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor-und Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65–210.

Ducci S., Ciampolini G. Caprala (Livorno) // Bolletino di Archeologia. 1991. Vol. 7. P. 53–59.

Eger C. Zur Deutung reich ausgestatteter Männergräber des mittleren 6. Jhs. im Mittelmmerraum // Romania Gothica II. The Frontier World. Romans, Barbarians and Military Culture / Ed. T. Vida. Bedapest: Martin Opitz Kiadó, 2015. P. 237–283.

Ermolin A. Džurga-Oba – a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosporus // The Pontic-Danubian Realm in the Periode of the Great Migration / eds. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris: ACHByz, 2012. P. 340–348.

Furasiev A. Byzance et la Crimée du Sud-ouest au VIe siècle. Relations culturelles et particularités du coastume féminin // The Pontic-Danubian Realm in the Periode of the Great Migration / eds. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris: ACHByz, 2012. P. 363-380.

Gläser F. Die Goten und der Arianismus im Alpen-Adria-Raum // Rom und die Barbaren. Roma: Palazzo Grassi – Skira, 2008. S. 238–241.

Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică, 1998.

Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // Archéologie Médiévale. 1994. Vol. XXIV. P. 137–198.

Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 324–337, 567–581.

Kazanski M. Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique // Germanen beiderseits des spätantiken Limes / Hrsg. T. Fischer, G. Precht, J. Tejral. Köln, Brno: Archäologisches Institut der Universität zu Köln; Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tcherchischen Republik Brno, 1999. S. 293–316.

Kazanski M. Les épées «orientales» à garde cloisonnée du Ve–VIe siècle // International Connections of the Barbarians in the 1st–5st centuries A.D. / eds. E. Istvánovits, V. Kulcsár. Aszod, Nyiregyhaza: Jósa Anrás Museum – Osváth Gedeon Museum Foundation, 2001. P. 389–418.

Kazanski M. Les mors de cheval à décor zoomorphe de l'époque des Grandes Migrations // Bulletin de liaison de l'Association française d'archéologie mérovingienne. 2016. Vol. 40. P. 26–32.

Kazanski M. Tombes des élites steppiques de l'époque post-hunnique dans la région pontique // Přehled výzkumů. 2017. Vol. 58-1. P. 65–84.

Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický ústav ČR Brno, 2002. S. 159–194.

Kühn H. Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderngszeit in Süddeutschland. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1974.

Menghin W. Des Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1983.

Menghin W. (Hrsg.). Merowingerzeit. Europe ohne Grenzen. Berlin: Minerva, 2007.

L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule. Ve siècle après J.-C. Paris: Réunion des Musées nationaux, 2000.

Possenti E. Una tomba di cavaliere della metà del V secolo da Arzignano // Archeologia Medievale. 2011. Vol. 38. P. 431–457.

Quast D. Das „Pektorale" von Wolfsheim, Kr. Mainz-Bingen // Germania. 1999. Vol. 77-2. P. 705–718.

Tejral J. Zum Stand der Langobardenforschung im Norddanubisches Raum // Langobardische Gräberfelder in Mähren I / Hrsg. J. Tejral et al. Brno: Archäologisches Institut Akademie des Wissenschaften der Tschechische Republik Brno, 2011. S. 11–73.

Tejral J. Spätantike Körperbestattungen mit Schwertbeig abe in römisch-barbarischen Grenzzonen Mitteleuropas und ihre Deutung // Romania Gothica II. The Frontier World. Romans, Barbarians and Military Culture / Ed. T. Vida. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 2016. P. 129–236.

Tejral J. Les élites princières du pays nord-danubien au début de l'époque mérovinigenne // Přehled výzkumů. 2017. Vol. 58-1. P. 103–137.

Werner J. Chinesischer Schwerttragbügel der Han-Zeit aus einem thrakischen Häuptlingsgrab von Čatalka (Bulgarien) // Germania. 1994. Vol. 72-1. P. 269–282.

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ВАРВАРЫ НА ЗАПАДЕ

РАДАГАЙС И КОНЕЦ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Черняховская культура, представляющая собой археологическое выражение готской федерации различных варварских народов, исчезает в начальной фазе Великого переселения народов. Однако некоторое количество черняховских памятников гуннского времени (рис. 222) известно на территории от Дуная до Левобережья Днепра [об их дате см.: Щукин, 1979; 1980; Ščukin, Šarov, 1999; Магомедов, 1987. С. 88, 89; 1999; 2001, С. 146, 147; Kazanski, Legoux, 1988; Kazanski, 1992; 1997; 2009[2], С. 116–118; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, P. 132, 133; Гороховский, 1988; Ioniţă, 1992. S. 82; Harhoiu, 1999; Levinschi, 1999. P. 29; Liviu-Şovan, 1999. P. 22; Гавритухин, 1999; 2000; 2007; и др.). Археологи школы И. Вернера, более скептичные в отношении существования черняховской культуры в эпоху переселения народов, признают, тем не менее, что некоторые черняховские памятники всё же могут принадлежать гуннскому времени [Bierbrauer, 1994. S. 117–121]. Как показал Я. Тейрал, самые поздние черняховские памятники содержат те же хронологически значимые вещи, что и среднедунайские памятники фазы (периода) D1 (360/370–400/410 гг.) хронологии европейского Барбарикума [Tejral, 1997]. Итак, практически все специалисты согласны с тем, что черняховская культура датируется временем, по крайней мере, по 400 г. включительно, хотя, как мы увидим далее, число находок ее заключительной фазы относительно невелико. Попытаемся разобраться, что же могло случиться около 400 г.

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Радагайс и конец черняховской культуры // Черняхівська культура: матеріали досліджень. Київ, 2012. С. 22–32. (OIUM. № 1).

[2] В моей книге 2009 г., вышедшей в Румынии, переиздана, с некоторыми коррекциями, глава о гуннской эпохе на юге Восточной Европы из совместной монографии с М.Б. Щукиным и О.В. Шаровым [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006]. Считаю необходимым цитировать обе публикации, поскольку публикация 2009 г. оказалась более доступной для восточноевропейских коллег.

Свидетельства письменных источников об оседлом населении к северу от Нижнего Дуная в гуннское время

По Иордану, пересказавшему готские легенды (историографической традиции у готов в гуннское время просто не было), остроготы оставались до битвы при Недао в 454–455 гг. «на их родине», то есть где-то на территории к востоку от Днестра[3], под властью династии Амалов, хотя и под контролем гуннов (Иордан, *Getica*, 245). Одна группа остроготов управлялась Винитарием, внуком Вилтульфа, племянника Германариха, другая – Гезимундом, сыном Гунимунда Старшего, возможно, из боковой ветви династии Амалов [см. генеалогическую таблицу: Вольфрам, 2003. С. 526, 527]. Разумеется, Иордан в его «саге об Амалах» вряд ли точно передал историю готов того времени, даже существование названных им персонажей и реальность описанных событий могут быть поставлены под сомнение. Однако, вне всякого сомнения, рассказ Иордана удачно показал атмосферу и политическую ситуацию эпохи, когда отдельные группы германцев были включены в гуннское объединение, сохраняя при этом некоторую автономию [подробнее: Казанский, Мастыкова, 2009. С. 245–247]. Две группы позднечерняховских памятников, одна – в лесостепной зоне бассейнов Днепра и Южного Буга, другая – на черноморском побережье между Днепром и Днестром, вполне могут соответствовать двум группам остроготов, упомянутых Иорданом [Kazanski, 1992; Казанский, 1997]. Известно, что грейтунги пытались в 384 и 386 гг. переправиться через Нижний Дунай и уйти на территории Империи, но были отброшены римлянами (Зосим, IV.38).

Известны и другие группы германских и негерманских варваров, некогда входившие в готское объединение и оставшиеся где-то к северу от Дуная под властью гуннов. Зосим упоминает гуннских союзников скиров[4], карпо-даков (Зосим, IV.34.6), а также бастарнов – все они в это время проживали где-то к северу от Нижнего Дуная (Зосим, IV.51,52). Далее, есть указания, что какая то часть визиготов после смерти Атанариха в 381 г. вернулась на свои земли к северу от Дуная (Зосим, IV.5,6). Итак, по сведениям Иордана и Зосима, некоторые группы оседлых германских и не германских варваров оставались в гуннское время на территории, некогда занятой готской федерацией.

[3] О Днестре, как границе между остроготами-грейтунгами и визиготами-тервингами см.: Аммиан Марцеллин, XXXI.3.3-5.

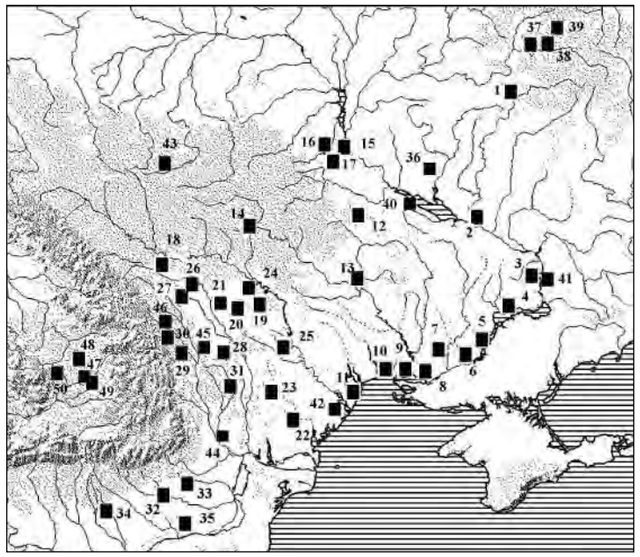


Рис. 222. Карта памятников черняховской культуры гуннского времени
1 – Сумы-Сад, 2 – Яременки, 3 – Башмачка, 4 – Капуловка, 5 – Гавриловка, 6 – Бизюков Монастырь, 7 – Александровка, 8 – Каменка-Анчекрак, 9 – Луговое, 10 – Ранжевое, 11 – Киселово, 12 – Журовка, 13 – Данилова Балка, 14 – Курники; 15 – Киев, 16 – Борохтянска Вильшанка, 17 – Деревянное, 18 – Горошевцы, 19 – Николаевка, 20 – Лазо, 21 – Малаешты, 22 – Холмское, 23 – Кокоара II, 24 – Собарь, 25 – Кобуска-Веке, 26 – Миоркани, 27 – Михэлэшени, 28 – Яссы-Николина, 29 – Извоаре, 30 – Точилени, 31 – Бырлад-Валя-Сеака, 32 – Тыргшор, 33 – Петроаселе, 34 – Могошани, 35 – Инднпенденца, 36 – Воронинцы, 37 – Николаевка-А, 38 – Николаевка-Б, 39 – Филлиповка, 40 – Черкассы-Центр, 41 – Хортица, 42 – Беленькое, 43 – Раковец, 44 – Барча, 45 – Лецкани, 46 – Сабаэни, 47 – Синтана-де-Муреш, 48 – Валя-Стримбэ, 49 – Тыргу-Муреш, 50 – Аршиуд-Хэнсури

Хронологические индикаторы финала черняховской культуры

Археологический материал подтверждает существование оседлого населения в зоне черняховской культуры во времена, описанные Иорданом и Зосимом. Хронологии позднечерняховских памятников посвящено немало публикаций (см. выше), поэтому я лишь перечислю те вещи, датировка которых гуннским временем мне представляется хорошо обоснованной.

Это, в первую очередь, импортные стеклянные кубки, хронология которых может быть проверена внешними параллелями. К ним относятся конические фасетированные кубки типа Högom/Straume VIIA (рис. 223, *13*; 225, *7*; 226, *4*), известные в Скандинавии, Крыму и Центральной Европе, а также в черняховской зоне: Гавриловка, погр. 5, Ранжевое, погр. 12, Киселово, Деревянное, погр. 3, Горошевцы, погр. 4, Михэлэшени, погр. 117, 296, 369, 450, Яссы-Николина, Лазо, погр. 28, Бырлад-Валя-Сеака, погр. 84, Аршиуд-Хансури, погр. 3 и т.д. [Straume, 1987. S. 36–38; Kazanski, 1992. P. 197; последние списки находок: Gomolka-Fuchs, 1999; Гавритухин, 1999; Гавритухин, 2007. С. 11–18][5]. По скандинавской хронологии такие кубки происходят из закрытых комплексов, имеющих либо широкую дату (фазы C3–D1, напр. Havor), либо относящихся к фазам D1 (Amunde) и D2 (Högom)[6] [Kazanski, 1992. P. 197].

Конические кубки с каплями синего стекла (рис. 223, *12*), происходящие из погр. 17.1978 Даниловой Балки и погр. 507 могильника Бырлад-Валя-Сеака [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 121,5,20; Kazanski, 2009. Fig. 29,5,20], по параллелям в Абхазии, на Северном Кавказе, в Египте и на Среднем Дунае принадлежат к 370–450 гг. [Kazanski, Legoux, 1988. P. 32, 33]. Близкие им конические кубки с синими нитями (рис. 223, *14*), встреченные на некоторых памятниках черняховской культуры [см., напр.: Gomolka-Fuchs, 1999. Abb. 1–3; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 124,1,12; Kazanski, 2009. Fig. 32,1,12], также могут принад-

[4] Скиры названы среди народов Нижнего Дуная в т.н. Веронском списке (Laterculus Veronensis), предположительно датированном 303–314 гг. [Demougeot, 1979. P. 229–232, 395, 396]. По этому поводу стоит вспомнить некоторые явно пшеворские черты нижнедунайских памятников черняховской культуры. Они свидетельствуют о присутствии среди визиготов-тервингов каких-то других германских групп [Diaconu, 1965. P. 299–306; Ioniţa, 1972. S. 99; Магомедов, 2001. С. 118, 119; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, P. 54].

[5] Мне представляется неосторожным относить к этому типу фрагменты стенок и краев фасетированных кубков, открытые в черняховском контексте, поскольку очень похожие кубки, но несколько других форм существуют в черняховской культуре и в догуннское время, например, погр. 179 могильника Тыргшор [Diaconu, 1965. Pl. 109], с вещами фаз C2 и C3 (т.е. 250/260–350/370 гг.), такими как гребень Томас I или пряжки с относительно коротким язычком [см.: Kazanski, Legoux, 1988. P. 17, 18]. Напомним и присутствие кубка с похожим декором в княжеской могиле Закшув/Закрау [Rau, 1972. Abb. 15].

[6] Кубок имеет следы починки, видимо, его использовали достаточно долго.

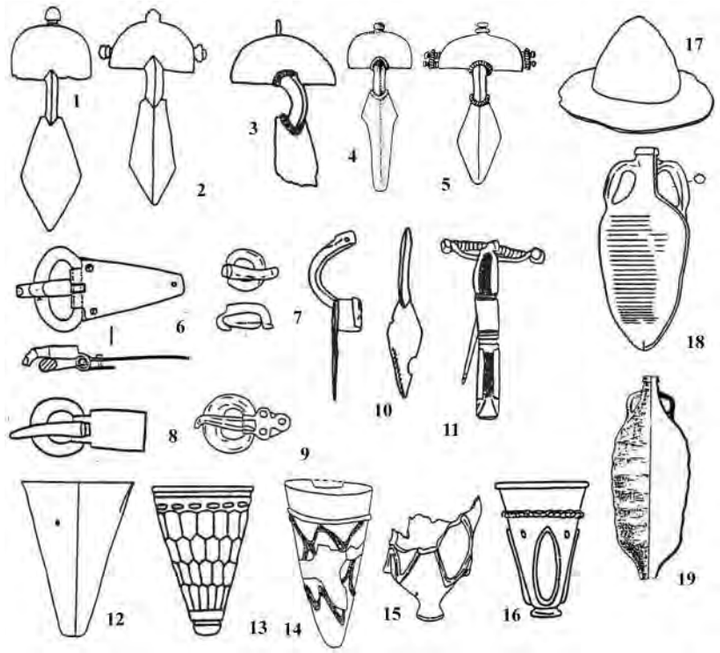


Рис. 223. Хронологические индикаторы финальной фазы черняховской культуры
1 – Николаевка; 2 – Тыргшор, погр. 107; 3, 15 – Бизюков монастырь;
4 – Петроаселе, погр. 1; 5 – Журовка, погр. 2; 6 – Миоркани, погр. 46;
7 – Тыргу-Муреш, погр. 7; 8 – Синтана-де-Муреш, вне контекста; 9 – Косаново,
погр. 97; 10 – Киев; 11, 13 – Гавриловка, погр. 5; 12 – Данилова Балка,
погр. 17.1978; 14 – Журовка, погр. 5; 16 – Индепенденца, погр. 20;
17 – Малаешты, погр. 3; 18 – Каменка-Анчекрак; 19 – Кокоара II
1–18 – [по: Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006], 19 – [по: Магомедов, 2001]

лежать гуннскому времени, но нет полной уверенности, что они не существовали и ранее[7]. Кубки на ножке, украшенные овалами, фасетками или стеклянными нитями, типа Kosino/Straume VIII–IX (рис. 223, *15, 16*; 225, *9*) происходят из погр. 8 Извоаре, погр. 20 Индепенденцы, погр. 51 Холмское и из одного из захоронений могильника Бизюков Монастырь. Вне черняховской зоны, в Центральной Европе или Скандинавии [Werner, 1959. S. 422. Taf. 1; Straume, 1987. S. 38–40, 45; Kazanski, 1992. P. 196; Гавритухин, 1999] эти кубки представлены исключительно в погребениях V в. (напр., Kosino, Lunde, Hamre, Hogstad, Snartemo) [Kazanski, 1992. P. 196][8]. Очень похожие кубки на кольцевом поддоне (рис. 225, *5*), найденные в Ранжевом, Бырлад-Валя-Сеака, погр. 47, Малаештах, Новых Стынкауцах, Хуче и Барче, погр. 123 [Gomolka-Fuchs, 1999. S. 140], могут принадлежать тому же времени, как показывает находка в Ранжевом [Kazanski, 1992. P. 196]. Однако их дата должна быть подтверждена находками вне черняховского ареала[9].

Среди двупластинчатых фибул черняховской культуры [последняя сводка: Gauss, 2009] к гуннскому времени очевидно принадлежат наиболее крупные экземпляры группы Амброз I [Амброз, 1966. С. 76–91], длиной более 8 см (не считая кнопки) (рис. 223, *1, 2*; 225, *2*). Это фибулы из Николаевки (9,3 см), Ранжевого, погр. 14 (9,5 см), Тыргшора (8,6 см), Извоаре (8,4 см). В целом, в гуннское время повсюду в Европе наблюдается увеличение размера фибул [Kazanski, 1992. P. 196], достаточно вспомнить общеизвестные застежки горизонта Унтерзибенбрунн, и в Крыму, особенно на Боспоре Киммерийском, а также на Северном Кавказе [о северокавказских фибулах см.: Мастыкова, 2009. С. 48]. Двупластинчатые фибулы типа Виллафонтана/Амброз II (рис. 223, *4*; 224, *2*), найденные в Петроаселе и Бизюковом Монастыре, также типичны для фазы D1, они широко распространяются на огромной территории от Черноморья до Италии [Bierbrauer, 1968; Kazanski, 1992. P. 197]. Некоторые, как находка из Петроаселе [Harhou, 1998. Taf. 77A,11], могут быть миниатюрными копиями больших фибул горизонта Унтерзибенбрунн [Kazanski, 1992. P. 197, 198].

Отдельные фибулы типов Амброз I АА и АБ имеют черты, типичные для застежек гуннского времени. Так, пара фибул из могильника Сумы-Сад (рис. 227, *10, 11*) [см.: Kazanski, 1998. Fig. 5,10,11; Kazanski, 2009. Fig. 34,10,11] имеет пять кнопок на головке, что впервые зафиксировано для изделий периода D2 (напр., Замостье [Tejral, 1988. S. 238]). Две фибулы из могильника Лазо (рис. 226, *2, 3*) [см.: Левинский, 1999. Рис. 38,12,13] имеют характерные выступы на ножках, как на фибулах из находки в Унтерзибенбрунн [ср.: Tejral, 1997. Abb. 15,1]. Наконец, малые фибулы типа Амброз I БА (рис. 223, *5*) – Журовка, погр. 2, Курники, погр. 4, Могошани, погр. 8 [см.: Барцева, Вознесенская, Черных, 1972. Рис. 13,3,4; Магомедов, 2001. Рис. 69,5; Diaconu, 1970. Fig. 12,15] – также принадлежат началу гуннского времени, поскольку за пределами черняховского ареала они известны только в закрытых комплексах периода D1 (Заморское, погр. 22, Инкерман, погр. 29 [см.: Tejral, 1987. Abb. 14,11,12,17]).

К этому списку надо добавить арбалетные фибулы с ромбической ножкой, расширенной ближе к дужке (рис. 223, *10*), типа Амброз 17/3-в (или типа «Киев» по [Schulze-Dörrlamm, 1986. S. 655–657]). Такая форма ножки арбалетных фибул не зафиксирована ранее 400 г. [Kazanski, 1992. P. 198; Гавритухин, 2007. С. 21]. Такие фибулы в черняховском контексте известны в одном из погребений в Киеве, а также на поселениях Николаевка Б и Филиппова, на Днепровском Левобережье [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 124,21; Kazanski, 2009. Fig. 32,21; Радюш, 2008. Рис. 4,13; 6,10]. Похожая фибула происходит из Танаиса гуннского времени [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2002. Табл. 26,355], другие были найдены в Херсонесе, также в позднем контексте, V в. [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 179,8,9; Kazanski, 2009. Fig. 102,8,9]. Наконец, большие подвязные фибулы, происходящие с черняховских памятников (напр., рис. 223, *11*) также, скорее всего, относятся к гуннскому времени.

Пряжки с длинным «хоботковым» язычком, выходящим за рамку и полностью перекрывающим её (рис. 223, *7*), и даже отступающим от рамки (рис. 223, *6, 8*), считаются надежным хроноиндикатором гуннского времени [многочисленные примеры: Засецкая, 1993; 1994; Tejral, 1988; 1997]. В черняховской зоне эти пряжки были найдены, в частности, на таких памятниках как Воронинцы [Мокляк, 1998. Рис. 2,9], Яременки [Левченко, Супруненко, 1994. Рис. 29,7], Могошани, погр. 39 [Diaconu, 1970. Fig. 13,6], Тыргу-Муреш, погр. 7 и 8 [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 121,31,32; Kazanski, 2009. Fig. 29,31,32], Николаевка-Б [Радюш, 2008. Рис. 4,15], Черкассы-Центр [Куштан, 2002. Рис. 2,6], Хортица [Остапенко, 1998. Рис. 1], Горошевцы, погр. 4 [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 127,5; Kazanski, 2009. Fig. 35,5], Раковец, погр. 1.1989 [Ivanovskij, Kokowski, 1995. Fig. 4,c], Лазо, погр. 20 [Левинский, 1999. Рис. 15,2], Лецкани, погр. 26 [Bloşiu, 1975. Fig. 23,2], Миоркани, погр. 1 и 46 [Ioniţă, 1974. Fig. 2,3,6], Индепенденца, погр. 33 [Mitrea, Preda, 1966. Fig. 150,1], Сабаэни, погр. 7 [Ursachi, 1994. Fig. 8,1], Аршиуд Хансури, погр. 2 [Opreanu, 2003. Fig. 15,4], Сынтана-де-Муреш, вне контекста [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006.

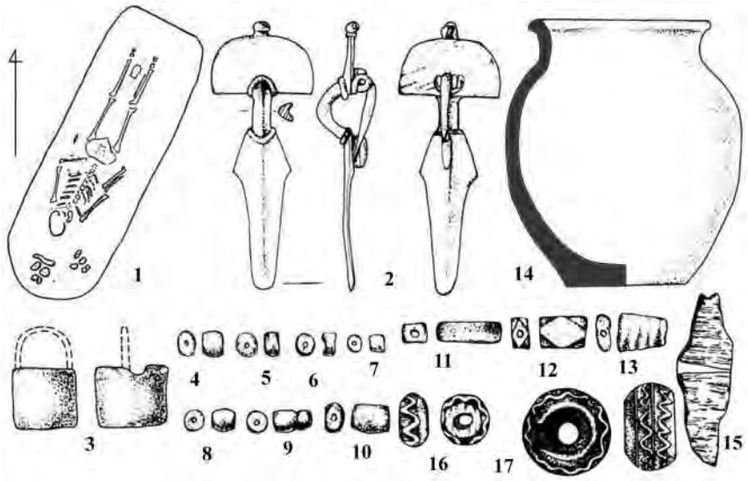


Рис. 224. Петроаселе, погр. 1 [по: Harhoiu, 1998]

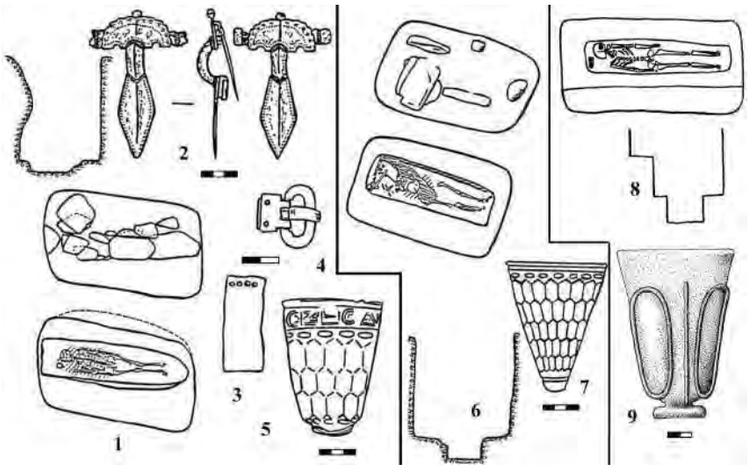


Рис. 225. Погребения степной группы[по: Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006]
1–5 – Ранжевое, погр. 14; 6, 7 – Ранжевое, погр. 12; 8, 9 – Холмское, погр. 51

[7] Конические кубки с горизонтальными каннелюрами [напр.: Гавритухин, 2000. Рис. 2,9,15; 17,1; 9,23] или без декора [напр.: Гороховский, 1988. Рис. 76], иногда относимые к гуннскому времени, существуют в римской Паннонии уже в 350–360 гг., как об этом свидетельствуют монетные находки [см.: Kazanski, Legoux, 1988. P. 24, 28; Tejral, 1997. S. 331. Abb. 1,18,19; 2,19,21; Гавритухин, 2000. С. 265, 266]. Неясна и начальная дата полусферических кубков с каплями синего стекла.

[8] Также к V в. был отнесен и кубок из Пивонице, на территории Польши [Mączyńska, 1999. Fig. 10,9].

[9] Фрагменты похожих кубков, происходящие с памятников Днепровского Левобережья – Малая Рогань, Западня – были отнесены И.О. Гавритухиным к гуннскому времени. Однако он указывает, что параллели этим находкам за пределами черняховской территории имеют более широкую дату [Гавритухин, 2007. С. 14]. Поэтому датировка этих находок гуннским временем мне представляется преждевременной.

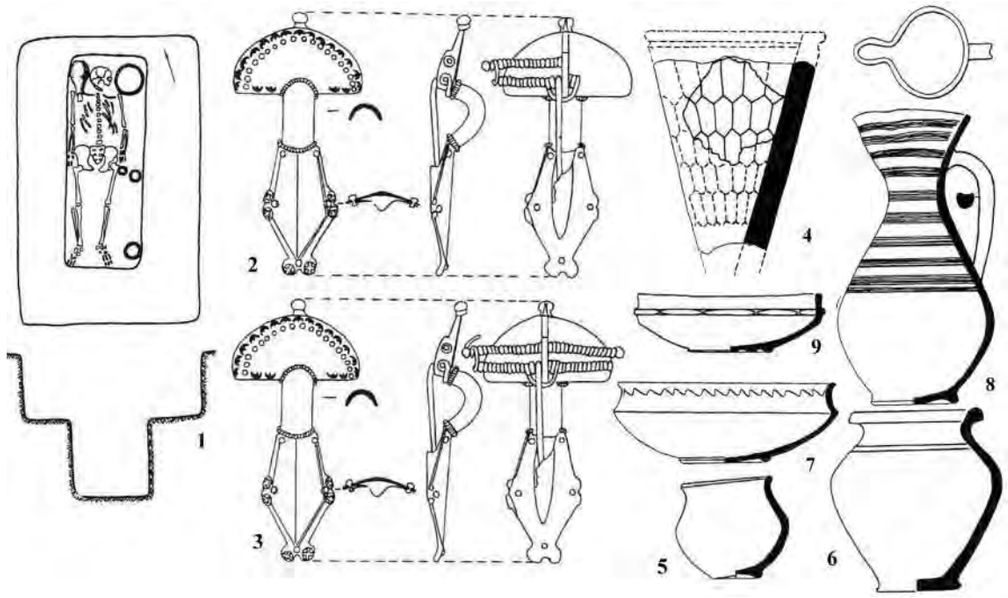


Рис. 226. Лазо, погр. 28 [по: Левинский, 1999]

Fig. 121,30; Kazanski, 2009. Fig. 29,30]. Такие пряжки появляются в последней трети IV и существуют весь V в. [Kazanski, 1992. P. 196][10]. Сложнее установить дату пряжек с округлой рамкой и трехлепестковым щитком (рис. 223, *9*). Тип представлен в гуннское время, но мог появиться и ранее, тем более что у большинства черняховских экземпляров этого типа язычок доходит лишь до середины толщины рамки, а это типично для периода C3 [многочисленные примеры: Tejral, 1987; 1992][11].

На уже упоминавшемся поселении Филиппова найдена подвеска [Радюш, 2008. С. 195. Рис. 6,11] идентичная найденным на цепи в трансильванском кладе Шимлеу Силванией I [Радюш, 2008. С. 195; Harhoiu, 1998. Pl. 98] или в датском кладе Брангструп [Werner, 1988. Abb. 18,19,20]. К надежным индикаторам гуннского времени относятся и серьги с полиэдрической подвеской (рис. 227, *2*). Одна из них происходит с поселения Капуловка, с черняховским материалом, вторая найдена в одном из погребений могильника Сумы-Сад[12] [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 149; Kazanski, 2009. P. 147].

Среди других предметов, характерных для гуннского времени, можно привести металлическую накладку на седло [о них см.: Засецкая, 2007], происходящую с поселения Собарь (рис. 167, *2, 5*), и умбоны щитов типа Малаешты/Цилинг I3, известные в Малаешты, погр. 3 и Беленькое, погр. 6, датированные гуннским временем по находкам в Керчи, погребения 24.06.1904 г. и на могильнике Шапка-Абгыдзраху, погр. 60 [Kazanski, 1994. P. 443]. На памятниках черняховской культуры найдены также трехлопастные «гуннские» стрелы [о них см.: Засецкая, 1994. С. 36, 37]: Кобуска-Веке [Kazanski, 1992. Fig. 8,3], Николаевка-А [Веретошкин, Обломский, Радюш, 2005. Рис. 4,1] и Николаевка-Б [Радюш, 2008. Рис. 5,12–15]. Конечно, часть из них могла попасть в черняховский контекст в результате разгрома поселений гуннами, другие могли входить в комплекс вооружения черняховских воинов. Как бы то ни было, их связь с гуннским временем представляется несомненной.

Наконец, гуннскому времени принадлежат светлоглиняные амфоры (рис. 223, *18*) типа Шелов-E [Шелов, 1978. С. 19] и Зеест-95/Bengazi LR 10/Riley LRA 3/Peacock-Williams 45 (рис. 223, *19*), происходящие из Малой Азии [Зеест, 1960. Табл. 38,95; Сазанов, 1992]. Они в значительном количестве найдены на черняховских памятниках Причерноморья, известны такие амфоры и к западу от Днестра (напр., Луговое, Каменка-Анчекрак, Александровка, Ранжевое, Кокоара II, Барча [Магомедов, 2001. С. 62, 63]). Эти два типа амфор датированы последней третью IV – первой половиной V в. Дата амфор типа Шелов-E установлена по находкам в Северном и Восточном Причерноморье [Магомедов, 2001. С. 62][13], а амфоры типа Зеест-95 хорошо известны в разных регионах Средиземноморья, начиная с последней трети IV в.[14]

Памятники финальной фазы черняховской культуры

Всего к периоду D1 (или к началу периода D2?) можно отнести около полусотни памятников. При этом, примерно половина размещается в зоне грейтунгов-остроготов, к востоку от Днестра, примерно столько же известно в ареале тервингов-визиготов и их союзников – тайфалов, скиров, карпо-даков. Это число очень невелико, по сравнению с количеством черняховских памятников догуннского времени[15], видимо, гуннский удар 375 г. действительно был страшным, а миграция готов на территорию Империи к югу от Дуная – очень значительной. Памятники концентрируются в нескольких регионах, что, возможно, отражает реальную карту расселения готов и их союзников в это время (рис. 222):

1) Верхнее течение Псла и Сейма, на Днепровском Левобережье;

2) Район южнее Киева, на Днепровском Правобережье;

3) Правобережье Нижнего Днепра и черноморское побережье между Днепром и Днестром;

4) Северная и центральная часть Молдавии и примыкающие территории румынской Молдовы;

5) Мунтения, особенно бассейн р. Буззэ;

6) Трансильвания, бассейн р. Муреш.

Изучение черняховских памятников гуннского времени показывает, что они сохраняют основные черты, которые характеризуют эту культуру в догуннское время [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 128–145; Kazanski, 2009. P. 110–140]. Сохраняется гомогенный характер культуры, некоторые некрополи и поселения периода D1 возникают в предшествующее время и продолжают функционировать. Судя по материалам могильников, сохраняются прежние погребальные обряды, не претерпевает кардинальных изменений и костюм. Ведущие типы керамики, изделий из металла и кости (серогончарная посуда, подвязные фибулы, гребни типа Томас III и пр.) остаются прежними, что свидетельствует о сохранении развитого ремесленного производства. Многочисленные импорты, особенно краснолаковая керамика и амфоры, на поселениях степной группы свидетельствуют о сохранении экономических связей с Империей. Римское влияние по-прежнему ощутимо, в частности, в традициях каменной архитектуры [Popa, 1999; 2001. P. 139–141], например, на поселении Собарь (рис. 167, *1*) или в фортификации, как показывает материал поселения Александровка [подробнее: Магомедов, 1987а].

Однако можно заметить и некоторую эволюцию культуры. Уже говорилось о распространении новых элементов костюма (крупные двупластинчатые фибулы, «хоботковые» пряжки) и типов воинского и всаднического снаряжения (умбоны типа Малаешты, «гуннские» седла и трехлопастные стрелы, часть последних может принадлежать и внешнему агрессору). Отмечается и усиление некоторых инокультурных элементов, в частности, пшеворских. К их числу относится трупосожжение в урне, накрытое умбоном, с могильника Малаешты, а также характерная керамика из верхнего слоя городища Башмачка (слой, правда, не имеет абсолютной даты) (рис. 228, *4, 5, 7*) [о памятнике см.: Смиленко, 1992]. Интересно отметить, что в начале эпохи переселения народов происходит обезлюденье Центральной и Северной Польши, т.е. зоны пшеворской культуры [Godlowski, 1985. S. 155, 156], хотя какое-то население там остается [Mączyńska, 1999]. К. Годловский полагал, что демографический спад к северу от Карпат связан с уходом большой массы населения на юг, под «протекцию» гуннов [Godlowski, 1985. S. 155, 156]. Можно предположить, что какая-то часть носителей пшеворской культуры мигрировала в черняховскую зону [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 145; Kazanski, 2009. P. 138, 139].

В то же время в Поднепровье и в Поднестровье появляется серия балтских вещей [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 145; Kazanski, 2009. P. 139, 140]. Это, в первую очередь, фибулы с лопатковидной ножкой, типа Битнер-Врублевська I, датированные временем D1–D2 и более всего распространенные в Пруссии [Bitner-Wroblewska, 2002. P. 59–65]. В Поднепровье они были найде-

---

[10] В погребении 3 на могильнике Дружное, в Юго-Западном Крыму одна «хоботковая» пряжка была найдена вместе с кубком типа Ковалк, периода C3 (300/320–350/370 гг.) [Храпунов, 2002. С. 15, 16. Рис. 71,14; 73,11]. Погребение, однако, содержит шесть ингумаций, фрагменты кубка были рассеяны в заполнении гробницы. Пряжка также происходит из заполнения, поэтому данную находку сложно считать закрытым комплексом.

[11] Стоит отметить, что и овальные пряжки с выступающим за рамку язычком с загнутым концом, доходящим до середины толщины рамки [см.: Гороховский, 1988. Рис. 82, 85, 87, 91, 92; 2000, Рис. 2,3,20) несомненно существуют в гуннское время, но известны и в предшествующую эпоху [напр.: Гороховский, 1988. Рис. 72, 73, 75; Tejral, 1992. Abb. 4,1; 5,1–3].

[12] Высказывались сомнения в принадлежности данного погребения черняховскому могильнику, однако ни одного серьезного признака, отличающего это захоронение от черняховских, названо не было. Скорее всего, исследователей смущает само наличие полиэдрической серьги. Но такие серьги неоднократно фиксировались на Дунае и в Крыму в надежном контексте фазы D1, для которой существование черняховской культуры уже никем не ставится под сомнение. Поэтому полиэдрические серьги легко могли попасть к черняховцам, например, со Среднего Дуная.

[13] В частности, эти амфоры хорошо известны в гуннских слоях Танаиса и в Херсонесе V в. [Шелов, 1978. С. 19]. Согласно А. Сазанову [1989. С. 43, 44], они существуют до второй трети VI в., но он не аргументирует свою датировку. Тот факт, что подобные амфоры известны среди неопубликованных материалов Фанагории [Сазанов, 1989. Табл. 3], возможно, свидетельствует, что часть этих материалов принадлежит гуннскому времени.

[14] Эти амфоры появляются в 360–408 гг. в слое «В» Ятруса, а также в гуннских слоях Танаиса [Сазанов, 1989. С. 44; Арсеньева, Науменко, 1995. С. 49].

[15] Для черняховской культуры можно выделить несколько территориально-культурных групп – основную, которая занимает лесостепь от Донца до Дуная, степную, от устья Днепра до устья Дуная, волынскую и верхнеднестровскую, причем две последних имеют свою специфику, которая не позволяет их отнести к собственно готам [подробнее: Kazanski, 1991. P. 45-47; Shchukin, Sharov, Kazanski, 2006. P. 38, 39].

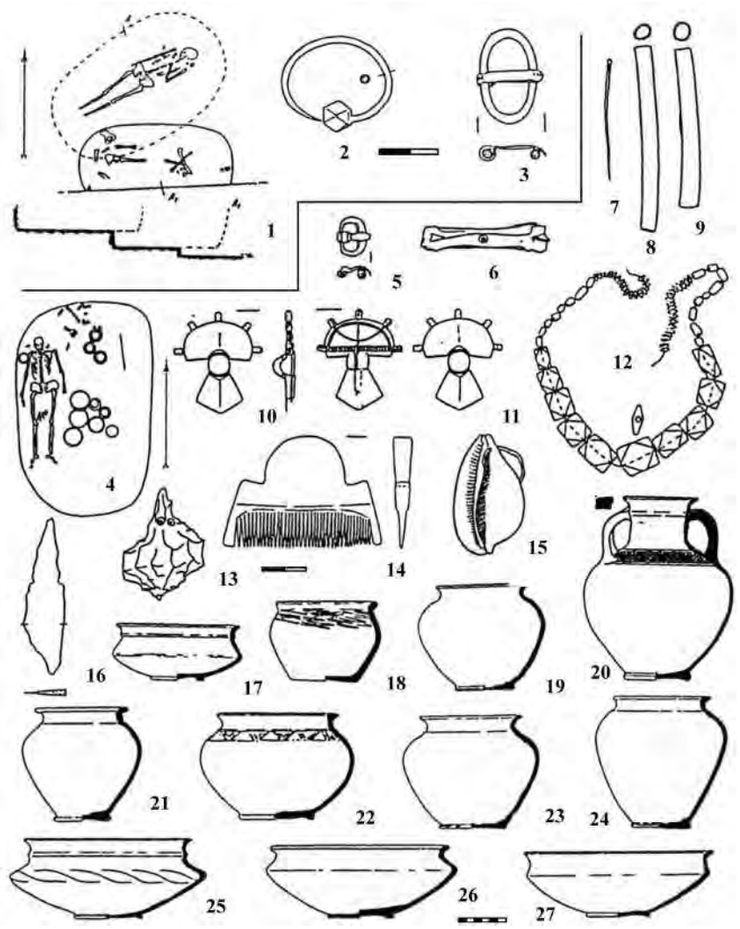


Рис. 227. Сумы-Сад, погр. 4 (1–3) и 5 (4–27) [по: Некрасова, 1985]

ны на славянских поселениях Каменево-2 и Григоровка-Чернечий Лис, а также в районе Канева-Переяслава [Kazanski, 2000. P. 427. Fig. 6,2–4] и на черняховском поселении Ласкова, в районе Черкасс[16]. Эти фибулы, как свидетельствует находка в Гурах, в Белоруссии, распространялись по водной трассе Неман–Березина–Днепр [Казанский, 2010. С. 106, 107]. Еще одна северная фибула, типа Шонварлинг, найдена в Бабиной горе, на Днепровском Правобережье [Kazanski, 2000. P. 428. Fig. 6,5]. Эти фибулы распространяются в период D1, а более всего в период D2 в Пруссии и Мазовии, в первую очередь, у западных балтов [Bitner-Wroblewska, 2002. S. 34–40]. Наконечник ремня изогнутой формы (рис. 228, *3*), типичный для балтских культур Пруссии и германцев вельбаркской культуры периода D1 [см.: Bitner-Wroblewska, 1989. S. 173. Fig. 6, Carte 3; Nowakowski, 1996. Taf. 54,13; Prochowicz, 2004–2005. Ryc. 2], найден на поселении Рипнев, принадлежащем днестровской группе черняховской культуры [Kazanski, 2000. P. 428. Fig. 6,8; там же библиография находки].

Другие вещи, найденные на позднечерняховских памятниках, характерны для понто-кавказской зоны. Это керамика северокавказского облика из Купуловки (рис. 228, *1*), металлические зеркала (рис. 228, *2*) из Борохтянской Вильшанки, Бизюкова Монастыря [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. Fig. 120,27,31; Kazanski, 2009. Fig. 28,27,31] и Николаевки-А [Веретошкин, Обломский, Радюш, 2005. Рис. 4,5]. Не исключено, что эти находки маркируют появление какого-то «южного» населения в зоне черняховской культуры [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 145; Kazanski, 2009. P. 140]. Наконец, некоторые находки свидетельствуют о влиянии «княжеской» культуры горизонта Унтерзибенбрунн. Это полиэдрическая золотая серьга из Капуловка, фибулы из Лазо и Сумы-Сад, а также подвеска из поселения Филиппова (см. выше).

Для следующего периода D2 (380/400–440/450 гг.) археологическая ситуация в черняховской зоне не столь ясная. Черняховские памятники этого времени можно буквально пересчитать по пальцам – это уже названные Капуловка, Лазо, Сумы-Сад, Собарь, Филиппова. На северной и западной периферия черняховской зоны хорошо известны «княжеские» погребения и клады горизонта Унтерзибенбрунн (380/400–440/450 гг.) [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 123, 145, 146; Kazanski, 2009. P. 100, 140, 141], их связь с остаточными группами черняховского населения мне представляется весьма вероятной, но нуждается в подтверждении.

Радагайс и готы

Итак, мы видим, что черняховская культура в своем «классическом» виде внезапно исчезает около 400 г., на рубеже периодов D1 и D2. Что же произошло? Одно важное событие связано с историей остроготов этого времени – нашествие Радагайса на Италию. Огромная масса варваров,

[16] Благодарю за информацию М.Е. Леваду.

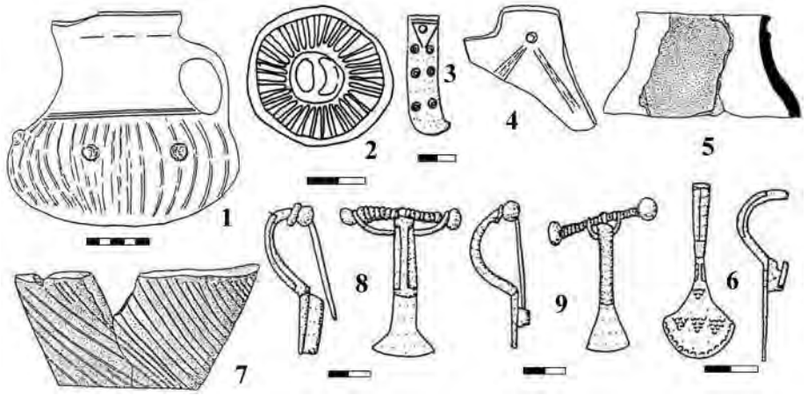


Рис. 228. « Инородные» элементы в южной части Восточной Европы в гуннское время
1 – Капуловка; 2 – Бизюков Монастырь; 3 – Рипнев; 4, 5, 7 – Башмачка;
6 – Среднее Поднепровье; 8, 9 – Каменево по: Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006)

от 100 000 до 400 000 бойцов (цифра варьирует у разных античных авторов, но ясно, что речь идет об очень многочисленной армии [Demougeot, 1979. P. 421, 422; Вольфрам, 2003. С. 242, 243]) ворвалась в 406 г. в провинции Валерия и Вторая Паннония и направилась в Италию. Ею командует предводитель, по имени Радагайс, которого источники называют «скифом» или «готом». Судя по тем же источникам, готы составляли основную или, по крайней мере, значительную часть его армии. Это не визиготы Алариха, уже появлявшиеся в Италии и находившиеся в тот момент в Иллирикуме, возможно, где-то на р. Сава [Корсунский, Гюнтер, 1984. С. 41] и никоим образом себя не проявившие в момент нашествия Радагайса. Поэтому исследователи пришли к правомерному заключению, что речь идет об остроготах, хотя прямого указания в текстах на это нет. К тому же, античные авторы подчеркивают воинствующее язычество Радагайса и его армии, а визиготы, как известно, в это время были уже арианами [Demougeot, 1979. P. 422, 423; Вольфрам, 2003. С. 240–243; Щукин, 2005. С. 272, 273]. Армия Радагайса движется вдоль Верхней Дравы, через Норик и в конечном итоге появляется в Северной Италии. Но 23 августа 406 г. в битве у Фезулы, недалеко от Флоренции, войско Радагайса разбито армией *praesentalis,* из 30 полков, руководимой Стилихоном. Значительная часть варваров, по Х. Вольфраму не менее трети [Вольфрам, 2003. С. 242], погибла на поле боя, а 12 000 пленных «оптиматов»[17] были инкорпорированы, вместе с их вспомогательными воинами, в римскую армию. Сам Радагайс был пленен и обезглавлен [подробнее об этом событии: Demougeot, 1979. P. 423–427].

Нашествие Радагайса, как мне представляется, связано с исчезновением готского населения на территории черняховской культуры. Общепризнанно, что даже если дунайские варвары были многочисленны в армии Радагайса, то все равно готы, пришедшие откуда-то с востока, составляли ее костяк. Можно присоединиться ко мнению Х. Вольфрама, который полагает, что готы Радагайса пытались уйти из-под контроля гуннов [Вольфрам, 2003. С. 241], иными словами, с черняховской территории [Щукин, 2005. С. 272]. Напомним, что в том же 406 г. армия вандалов, свевов и алан обрушивается на рейнскую границу Империи. Видимо, какие-то события, скорее всего, военного характера, привели в движение эти огромные массы

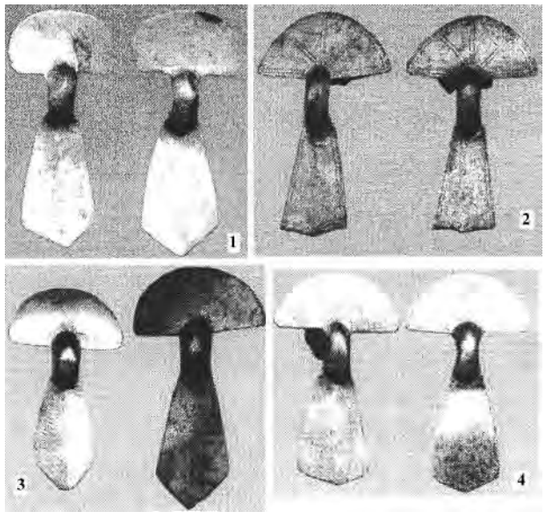


Рис. 229. Фибулы черняховской традиции из некрополя г. Анжер [по: Brodeur, Morteau, Yvinec, 2001]
1 – погр. 134; 2 – погр. 155; 3 – погр. 156; 4 – погр. 159

[17] Содержание термина для начала V в. не совсем ясно. Судя по более поздним источникам, речь идет о «лучших» воинах, стоявших во главе тактических групп из 4–5 бойцов, нечто вроде командиров отделений в современной армии. Благодарю П.В. Шувалова за любезную консультацию.

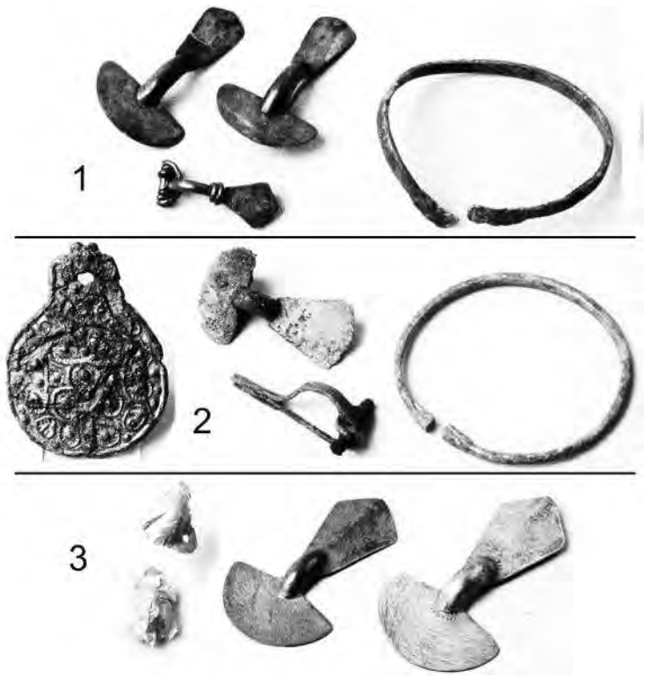


Рис. 230. Находки в некрополе Сакка ди Гойто (Sacca di Goito) в Северной Италии [по: Sannazaro, 2006]
1 – погр. 210; 2 – погр. 214; 3 – погр. 206

варварского населения Центральной и Восточной Европы. Не связано ли это с новым всплеском военной активности гуннов?

Разумеется, сообщения древних авторов о количестве армии Радагайса требуют критического восприятия. Большего доверия заслуживает цифра инкорпорированных в римскую армию оптиматов, а также сведения о значительных римских силах, до 30 000 бойцов [Вольфрам, 2003. С. 242], задействованных в Италии против Радагайса. Как бы там ни было, ясно, что речь идет об очень большой армии варваров, вторгшейся в Италию. Несомненно, эти воины сопровождались семьями и значительным количеством всякого иного нестроевого люда. Уход такой массы народа на запад означал демографическую катастрофу для Восточной Европы.

Разумеется, все демографические расчеты на сегодняшний день для черняховской культуры очень приблизительны. Можно, однако, предположить, что в восточной, «остроготской», части черняховской зоны к западу от Днестра, в период расцвета культуры, проживало не менее 250 000–300 000 человек[18]. Ясно, что даже если данные по армии Радагайса сильно завышены, её исход означал необратимый демографический спад в черняховской зоне[19]. Остаточные группы готов после 406 г. могли сформировать под эгидой гуннов несколько небольших «королевств», с которыми и связаны находки горизонта Унтерзибенбрунн на периферии черняховской зоны [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 145–152; Kazanski, 2009. P. 140–152].

Остался ли какой-нибудь археологический след оптиматов Радагайса на территории Римской империи? Особое внимание стоит обратить на сравнительно недавние находки в Западной Галлии (Angers [Brodeur, Morteau, Yvinec, 2001]) и Северной Италии (Sacca di Goito [Sannazaro, 2006]). Здесь в римских некрополях представлены группы погребений-ингумаций, иногда с необычной для римлян северной ориентировкой, содержащие элементы черняховского женского костюма с двупластинчатыми фибулами, дериватами черняховских, реже алано-сарматские зеркала с боковым ушком (рис. 229–230). Мужские погребения с северной ориентировкой на могильнике в Анжере сопровождались овальными пряжками, дата которых и культурная принадлежность не устанавливаются. Может быть, они принадлежат семьям оптиматов, которых Стилихон посчитал возможным оставить в живых.

[18] Подсчет сделан на основе данных по Днепровскому Правобережью, где, для района совр. Умани, предложено считать плотность населения 1–1,2 чел. на 1 кв. км [Гудим-Левкович, 2003. С. 27].

[19] По мнению Б.В. Магомедова, последние группы готов ушли с Украины в 432–433 гг., вслед за гуннами [Магомедов, 2000. С. 329]. К сожалению, на сегодняшний день проверить это предположение не представляется возможным – какие-либо данные археологических или письменных источников отсутствуют.

Библиография

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М., 1966.
Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.
Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Танаис IV–V вв. (по материалам раскопок 1989–1992 г.) // Боспорский сборник. 1995. Вып. 6.
Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры. М., 1972.
Веретошкин Р.С., Обломский А.М., Радюш О.А. Новые сведения о памятниках гуннского времени Верхнего Посеймья // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск, 2005.
Вольфрам Х. Готы. СПб.,2003.
Гавритухин И.О. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die Spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lódz, 2000.
Гавритухин И.О. Финал черняховской культуры // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007.
Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного Конгресса археологов славистов. Т. 4. Киев, 1988.
Гудим-Левкович О.М. Етапи історико-демографічного розвитку населення черняхівської культури // Дослідження з археології, історії, етнографії: пам'яті Надії Михайлівни Кравченко. Киев, 2003.
Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III.
Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994.
Засецкая И.П. Классификация обкладок ленчиков седла V – первой половины VI в. // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р. Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.
Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960.
Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский археологический вестник. Кишенев, СПб., 1997.
Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum Plus. 2010. № 4.
Казанский М.М., Мастыкова А.В. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. № 1. Археология. Воронеж, 2009.
Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.
Куштан Д.П. Розкопки могильника черняхівської культури Черкаси-Центр у 2000 р. // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. Киев, 2002.
Левинский А.Н. Лазо-могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдавии // Stratum Plus. 1999. № 4.
Левченко Д.И., Супруненко А.Б. Находки гуннского времени в низовьях Ворсклы // Супруненко А.Б. Курганы Нижнего Поворсклья. Полтава, 1994.
Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.
Магомедов Б.В. Черняховское городище у с. Александровка // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тысячелетия. Киев,1987а.
Магомедов Б.В. К истории финального этапа черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
Магомедов Б.В. Этнические компоненты черняховской культуры // Stratum Plus. 2000. № 4.
Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.
Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009.
Мокляк В.О. Поховання черняхівської культури в с. Воронинці Оржицького району // Археологічний літопис Лівобережної України. 1998. № 1–2.
Некрасова Г.М. Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м. Суми // Археологія. 1985. Вип. 50.
Остапенко М.А. Дослідження експедиції «Хортиця» в 1998 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. Киев, 1998.
Радюш О.А. Новые памятники III–V вв. в Курском Посеймье // Лесная и лесостепная зоны восточной Европы в эпохи римского влияния и Великого переселения народов. Тула, 2008.
Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // Советская археология. 1989. № 4.
Сазанов А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // Петербургский археологический вестник. 1992. Вып. 2.
Смиленко А.Т. Городище Башмачка III–IV вв. н.э. Киев, 1992.
Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 2002.
Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 156.
Щукин М.Б. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // Краткие сообщения Института археологии. 1979. Вып. 158.
Щукин М.Б. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян // Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave. T. 2. Bratislava, 1980.
Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005.
Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri XXXI / éd. W. Seyfarth. Leipzig, 1978.
Ammien Marcellin. Histoire, livres XIV–XXVIII / éd. J. Fontaine et alii. Paris, 1968–1996.
Bierbrauer V. Das westgotische Fibelpaar von Villafontana // von Hessen J. I retrovamenti barbarci nelle collezioni civiche veronesi del Museo di Castelvecchio. Verona, 1968.
Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.-7. Jahrhundert // Frühmittelalterliche Studien. 1994. Bd. 28.
Bitner-Wroblewska A. Elementy bałtyjskie w kulturze wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskiem. T. 2. Lublin, 1989.
Bitner-Wroblewska A. From Samland to Rogaland. East-west connections in the Baltic basin during the Early Migraiton Period. Warszawa, 2002.
Bloşiu C. Necropola din secolul al IV-lea e.n. de la Leţcani, (jud. Iaşi) // Arheologia Moldovei. 1975. Vol. 8.
Brodeur J., Morteau M., Yvinec J.H. Présence d'auxiliaires sur le site d'Angers. Mise en perspectives au travers des fouilles d'Angers // Militaires barbares dans l'armée romaine en Occident. Pré-Actes. Angers, 2001.
Demougeot E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. 2. De l'avenement de Dioclétien au dabut du VIe siècle. Paris, 1979.
Diaconu Gh. Tîrgşor necropola din secolele III–IV e.n. Bucureşti, 1965.
Diaconu Gh. Mogoşani. Necropola din secolul IV e.n. Tîrgovişte, 1970.
Gauss F. Völkerwanderungszeitliche «Blechfibeln». Typologie, Chronologie, Interprétation. Berlin, New-York, 2009.

Godlowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdansk, Lódz, 1985.
Gomolka-Fuchs G. Gläser der Sîntana de Mureş –Černjachov-Kultur aus Rumänien und der Republik Moldavien // Die Sîntana de Mureş – Černjachov-Kultur. Bonn, 1999.
Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bucarest, 1998.
Harhoiu R. Das Ende der Sîntana de Mureş – Černjachov-Kultur // Die Sîntana de Mureş –Černjachov-Kultur. Bonn, 1999.
Ioniţă I. Probleme der Sîntana de Mureş – Cernjachov-Kultur auf dem Gebiet Rumäniens // Studia Gotica. Stockholm, 1972.
Ioniţă I. Necropola din secolul IV e.n; de la Miorcani, (jud. Botoşani) // Cercetăi istorice. 1974. Vol. 5.
Ioniţă I. Die Fibeln mit umgeschlagenem Fuss in der Sîntana-de-Mures – Černjahov-Kultur // Peregrinatio Gothica III. Oslo, 1992.
Ivanovskij V.I., Kokowski A. Nowe badania na cmentarzysku z młodszego okresu rzymskiego w Rakowcu na Podolu // Sprawozdania Archeologiczne. 1995. Vol. 5.
Iordaniis de origine actibusque Getarum / eds. Fr. Giunta, A. Grillone. Roma, 1991.
Kazanski M. Les Goths (Ier–VIIe siècle). Paris, 1991.
Kazanski M. Les Goths et les Huns. À propos des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades // Archéologie Médiévale. 1992. Vol. 22.
Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vien nachchristlichen Jahrhundeten. Lublin, Marbourg, 1994.
Kazanski M. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lódz, 2000.
Kazanski M. L'époque hunnique au Nord de la mer Noire // Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest, Brăila, 2009.
Kazanski M., Legoux R. Contribution à l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations: la chronologie de la culture de Černjahov récente // Archéologie Médiévale. 1988. Vol. 18.
Levinschi A. Gräberfelder der späten Černjachov-Kultur // Die Sîntana de Mureş –Černjachov-Kultur. Bonn, 1999.
Liviu-Şovan O. La chronologie de la nécropole de Mihălăşeni, Roumanie // Die Sîntana de Mureş – Černjachov-Kultur. Bonn, 1999.
Mączyńska M. La fin de la culture de Przeworsk // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations. Brno, 1999.
Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IV lea e.n. în Muntenia. Bucureşti, 1966.
Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kiaserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marbourg, Warszawa, 1996.
Opreanu C.H. Transilvania la sfârşitul antichităţii şi în perioada migraţiilor. Cluj-Napoca, 2003.
Popa A. Die Siedlung Sobari, Kr. Soroca (Republik Moldau) // Germania. 1997. Bd. 75/1.
Popa A. Steinbauten der Sîntana-de Mureş – Černjachov Kultur // Die Sîntana-de Mureş – Černjachov Kultur. Bonn, 1999.
Popa A. Romains ou Barbares? Architecture en pierre dans le Barbaricum à l'époque romaine tardive. Chişinău, 2001.
Prochowicz R. Znalezisko dzibowatego okucia końca pasa z Przeradowa, pow. Makowski // Wiadomości Archeologiczne. 2004–2005. Vol. 57.
Rau G. Körpergräber mit Glassbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1972. No. 3.
Sannazaro M. Elementi di abbigliamento e ornamenti «barbarici» da alcune sepolture della necropoli tardoantica di Sacca di Goiti (MN) // Goti nell'arcoalpino orientale. Trieste, 2006. (Archeologia di frontiera, 5).
Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. Und 6. Jahrhunderts n. Chr. Aus dem Gebieten westlich der Rheins und südlisch der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zeintralmuseums Mainz. 1986. Bd. 33.
Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford, 2006.
Ščukin M., Šarov O. A propos de la date finale de la civilisation de Tchernoakhov // L'Occident romain et l'Europe centrale à l'époque des Grandes Migrations. Brno, 1999.
Straume E. Gläser mit Fecettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo, 1987.
Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. 1987.
Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austraica. 1988. Bd. 72.
Tejral J. Einige Bemerkungen zur chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latèneziet bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992.
Tejral J. Neue Aspecte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997.
Ursachi V. Necropola din secolul IV D.H. descoperit ă la Săbăoani judeţul Neamţ // Memoria Antiquitatis. 1994. Vol. 19.
Werner J. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunders aus der Slowakei und der Karpatenukraine // Slovenska Arheologia. 1959. Vol. 7/2.
Werner J. Dančeny und Brangstrup // Bonner Jahrbücher. 1988. Bd. 188.
Zosimus. Historia Nova / éd. Paschoud. Paris, 1971.

АЛАНЫ НА ЗАПАДЕ В ЭПОХУ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ[1]

Ко второй половине IV в. в степях от Дона и Азовского моря до Северного Кавказа возникает мощное объединение кочевых народов под эгидой алан. Их имя переходит на остальные племена [Ammianus Marcellinus, 1978. XXX.16,17]. Последние представляют собой самые разнородные в этническом, культурном и языковом отношении группы, обычно относимые исследователями к сарматам. Около 370 г., под ударами пришедших с востока гуннов, часть алан, заселявшая северокавказские степи, вытеснена в горы и предгорья, где на ее базе позднее формируется осетинский народ [Кузнецов, 1992b. С. 63, 64]. Другая часть алан выброшена гуннским нашествием на Запад и достигает Галлии, Испании, Северной Африки. Здесь представляется уместным показать круг археологических данных, прямо или косвенно свидетельствующих о присутствии алан на территории Западной Римской империи, в первую очередь, Галлии, Испании, Италии.

Корпус письменных свидетельств об аланах хорошо известен и служит базой для восстановления в общих чертах их истории [Аламань, 2003]. Вкратце напомним хронологию событий. 31 декабря 406 г. вандалы, свевы и аланы переходят Рейн и подвергают Галлию страшному разгрому [Кузнецов, 1992b. С. 67, 68; Kouznetsov, Lebedynsky, 2005. P. 98–100; Lebedynsky, 2012. P. 41–73]. К этому времени на территории Галлии, если верить *Notitia Dignitatum*, уже имеются военные поселенцы сарматы, *gentiles*, осуществляющие полицейские функции и объединенные в 6 командований. Кроме того, со времени императора Грациана в составе мобильных сил Западной империи имеется аланский полк [Kazanski, 1989. P. 63]. Следует напомнить, что аланы составляли прекрасную кавалерию, высоко ценимую римлянами.

В 409 г. вместе с вандалами и свевами часть алан под руководством Респендиала уходит в Испанию. Здесь они закрепляются в Лузитании и Картахене, т.е. в юго-западной части Пиренейского полуострова. Однако вскоре аланы были разбиты визиготами, также претендующими на Испанию, аланские вожди Фредбал и Аддак погибают в ходе военных действий. В довершение бед на алан обрушивается эпидемия. В конце концов остатки алан присоединяются к вандалам и в 429 г. вместе с ними уходят в Северную Африку, где король вандалов еще долго сохраняет титул *rex Alanorum*, хотя как отдельная группа аланы вряд ли уже существовали [Карсанов, 1992. С. 109–119; Кузнецов, 1992b. С. 73; Bachrach, 1973. P. 51–59; Kazanski, 2009b. P. 427–454; Kouznetsov, Lebedynsky, 2005. P. 98–100].

Значительная часть алан остается в Галлии под руководством Гоара, где они действуют как наемники. В ситуации военно-политической дестабилизации, которую Галлия переживала в 400–420-е гг., аланы действуют в южных и восточных провинциях, как в составе римских войск, так и против Рима. В 430-е гг. власть в Галлии получает Аэций, постепенно ему удается стабилизировать ситуацию. Аланы включены в систему обороны Галлии. В 439 г. под началом вождя Самбиды они расселяются в южных провинциях, на Роне (совр. регион Valence), затем часть их, под руководством Гоара, переходит на Луару. Аланы, в частности, используются как полицейская сила для подавления внутренних волнений, например в Арморике. С

Рис. 231. Стилихон [по: Lebedynsky, 2012]

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Аланы на Западе в эпоху переселения народов: археологические данные // Этногенез и этническая история осетин. Материалы Международного научного конгресса (Владикавказ, 21–22 мая 2013 г.) / сост. Б.Б. Басаев. Владикавказ: Ир, 2013. С. 147–165.

другой стороны, их привлекают и для внешней обороны Галлии, например, в момент вторжения Аттилы в 451 г., когда на Каталаунских полях аланы, с вождем Сангибаном во главе, сражаются в составе римской армии. В 463 г., когда в Западной Римской империи снова царит анархия, галльские аланы пытались уйти в Италию, но были разбиты [Кузнецов, 1992b. С. 68–71; Bachrach, 1973. P. 28–33, 59–71; Kouznetsov, Lebedynsky, 2005. P. 101–110].

В Италии уже к 400 г. известны как сарматские военные поселенцы *gentiles*, составляющие 15 групп, так и ударные аланские части мобильного корпуса. Последние присутствуют в армии Стилихона, разбившей готов Редегайса у Фезулы [Кузнецов, 1992b. С. 68]. Аланское присутствие в Италии фиксируется письменными источниками до 487 г. [Bachrach, 1973. P. 33–41; Kouznetsov, Lebedynsky, 2005. P. 117–118].

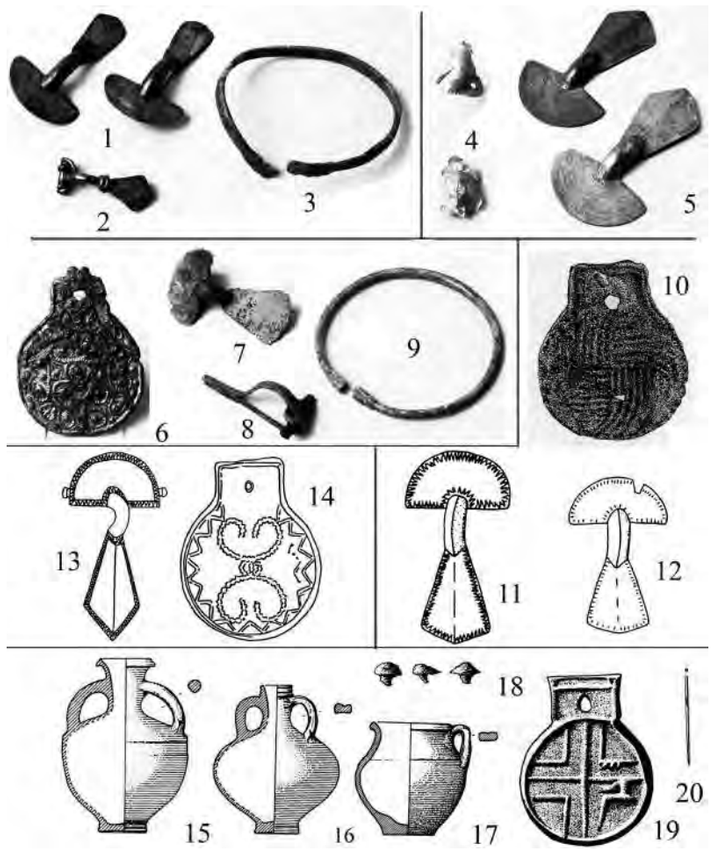


Рис. 232. Погребения с сарматскими зеркалами и германскими фибулами
1–3 – Сакка ди Гойто (Sacca di Gojto), погр. 210; 4, 5 – Сакка ди Гойто, погр. 206; 6–9 – Сакка ди Гойто, погр. 214; 10 – Труа (Troyes), погр. 4; 11, 12 – Труа, погр. 2; 13, 14 – Реймс (Reims); 15–20 – Крефельд-Геллеп (Krefeld-Gellep), погр. 4607.
1–9 – [по: Sannazaro, 2006]; 10 – [по: Riffaud-Longuespé, 2003]; 11–12 – [по: Kazanski 1993]

Археологические следы варваров на территории Империи: проблема выявления

Археологии алан в Западной Европе посвящен ряд сводных работ, хорошо отражающих состояние исследований на момент их публикации [Кишш, 1995. С. 79–101; Ковалевская, 1992. С. 34–85; Кузнецов, 1992a. С. 10–33; 1996. С. 71–79; Кузнецов, Пудовин, 1961. С. 79–95; Kiss, 1994. P. 167–204; Kouznetsov, Lebedynsky, 2005; Kuznecov, 2000. P. 3–14.]. Здесь я постараюсь резюмировать наши знания об аланских и сарматских древностях эпохи переселения народов на Западе на сегодняшний день.

Но сначала несколько необходимых предварительных замечаний, касающихся в целом проблемы выявления древностей варварских народов на территории Римской империи. Прежде всего, надо помнить, что аланы и сарматы, как и другие варвары, были в Галлии очень малочисленны, по сравнению с миллионным местным населением, они часто рассеяны и не всегда образуют компактные анклавы населения. Поэтому так или иначе связанные с ними археологические находки буквально тонут в массе галло-римских древностей. Далее, аланы, как часто и представители других варварских народов, в социальной структуре Империи занимают определенную социальную нишу – это обычно воины-наемники и их семьи, соответственно в археологии их следы крайне ограничены, поскольку непосредственно в процессе производства материальных ценностей они не участвуют. У этих варваров нет и не может быть своей архитектуры, своего массового археологического материала, такого как керамика или металлические изделия. Специфика культуры этих варваров может быть выражена только в вещах, производившихся на заказ – вооружении, личном уборе, а также отдельных чертах погребального и иных обрядов, с материальной культурой не связанных [см. подробнее: Kazanski, Périn, 2008. P. 181–216].

При этом надо помнить, что в своей массе варвары, попавшие в римскую среду, ни в коей мере не пытались ее разрушить, а наоборот стремились в нее интегрироваться, желательно на наиболее высоком социальном уровне. Поэтому варвары охотно служат в римской армии, практически никогда не переходят на сторону врага, даже когда речь идет о их соплеменниках, стараются достигнуть высоких военных чинов, что им зачастую удается. Вспомним хотя бы сармата Виктора, дослужившегося при Констанции II до генеральских чинов и ставшего в 369 г. консулом [Kazanski, 1989. P. 66] или знаменитого аланского военачальника Аспара и его отца Ардабура, подвизавшихся в Константинополе [Санкоев, 1992. С. 59].

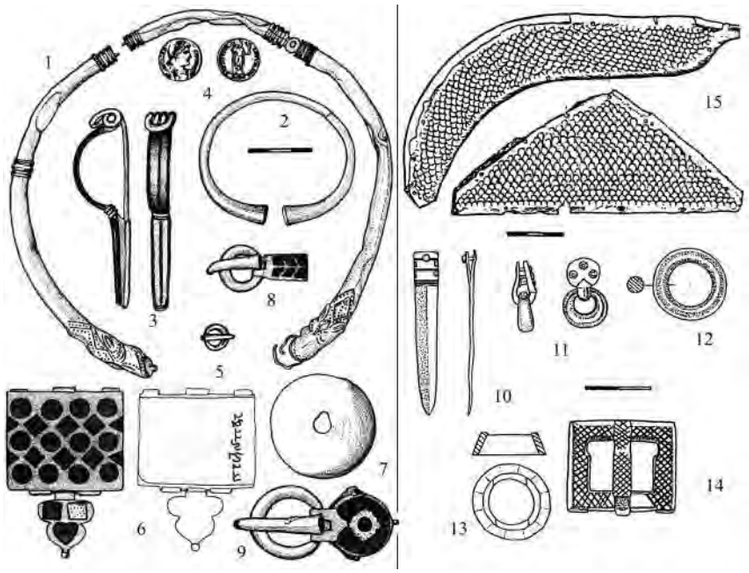


Рис. 233. Вождеские погребения с мечами [по: Казанский, 2010]
1–9 – Вольфсхейм (Wolfsheim); 10–15 – Мундольсхейм (Mundoslheim)

Особо следует учитывать нивелирующую роль римской воинской культуры, имеющей огромный престиж среди варваров, что не могло не отразиться на воинском костюме и парадном вооружении. Достаточно взглянуть на диптих Стилихона (рис. 231) – полувандала, полусвева, чтобы понять глубину романизации материальной культуры варваров на римской службе. Женский костюм более традиционен и дольше сохраняет специфические черты [Kazanski, Périn, 2008. P. 196–198]. Но при этом надо иметь в виду наличие вероятно многочисленных смешанных браков между разноплеменными варварами – браки варваров с римскими гражданами были в Империи запрещены (для представителей знати иногда делались исключения). К сожалению, мы можем судить о распространенности таких браков только по отрывочным сведениям, касающимся, в первую очередь, социальной верхушки.

Наконец, последнее обстоятельство – культура вождеских варварских элит эпохи переселения народов, известная нам по археологическим данным [Kazanski, 1996. P. 109–126; Tejral, 1973], носит выраженный интернациональный характер, главную роль в ней играют престижные элементы, призванные подчеркнуть высокий социальный статус владельца, а не его этническое происхождение [Kazanski, 1993a. P. 231, 232].

Неудивительно поэтому, что реальные археологические следы алан на территории римского Запада крайне малочисленны – на сегодняшний день в Галлии, Италии, Испании или Северной Африке нет ни одного погребения, ни одного клада или иного археологического памятника, который можно было бы признать аланским. Зато культурные черты, связанные по происхождению с Причерноморьем и, скорее всего, распространявшиеся при прямом участии алан, достаточно хорошо представлены для эпохи переселения народов в древностях римского Запада, в первую очередь, на престижном «княжеском уровне».

Ранние погребения с сармато-аланскими вещами на территории Западной Римской империи

Речь идет собственно об одной категории находок, встреченной в некрополях римского населе-

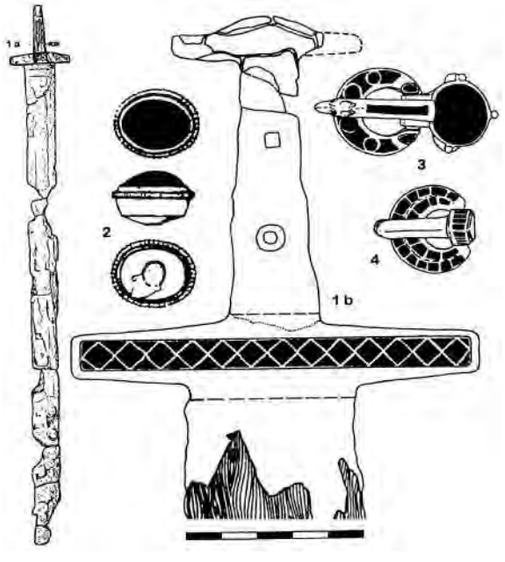


Рис. 234. Вождеское погребение Бежа (Beja) [Португалия) [по: Kazanski, 2009b]

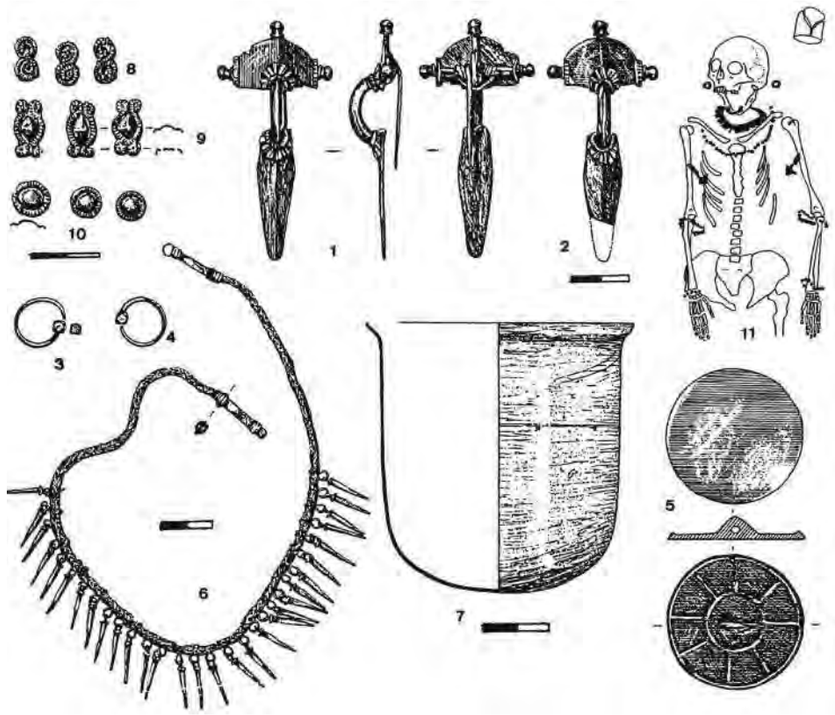


Рис. 235. Женское погребение Хохфельден (Hochjfelden) [по: Kazanski, 1997]

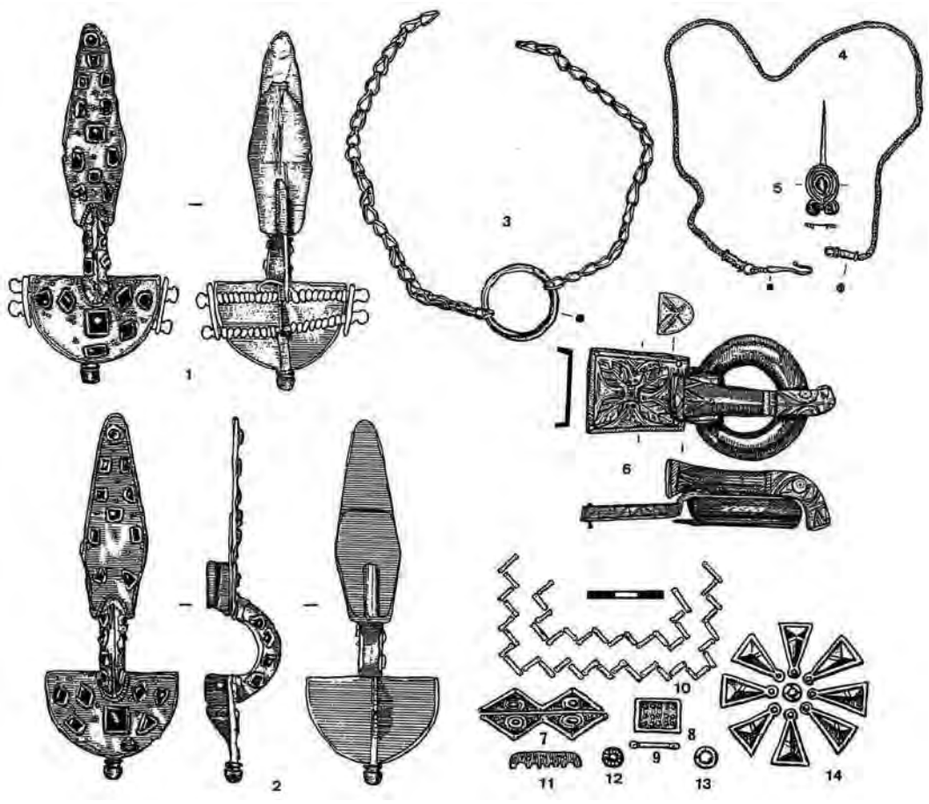


Рис. 236. Женское погребение Эран (Airan) [по: Kazanski, 1997]

ния и по времени предшествующей вторжению алан 406 г. Это металлические зеркала с боковой петлей или их имитации (рис. 232, *6, 10, 14, 19*), найденные в погребениях-ингумациях конца IV – может быть самого начала V в. в Галлии (Труа, Реймс), римской Германии (Крефельд-Геллеп) и Италии (Сакка ди Гойто) [Kazanski, 1993b. P. 176; Riffaud-Longuespé, 2003. P. 33–36; Sannazaro, 2006. P. 59–72]. Восточноевропейское, и конкретно алано-сарматское, происхождение этих предметов сомнений не вызывает, равно и их датировка в закрытых комплексах на территории Империи. В могильнике Крефельд-Геллеп зеркало сопровождалось типичной римской посудой второй половины IV в. (рис. 232, *15–17*), а в Италии и Галлии вместе с зеркалами найдены двупластинчатые фибулы восточногерманской, точнее черняховской традиции (рис. 232, *7, 13*), датированные периодами C3 и D1 по хронологии европейского Барбарикума, т.е. середины IV – начала V в. [Kazanski, 1993b. P. 176].

Показательно, что в остальном данные могилы содержат разнородный по происхождению материал, как римского (керамика, браслеты, бусы), так и восточногерманского происхождения (двупластинатые фибулы), что, видимо, отражает гетерогенную культуру оставившего их населения. Эти погребения, помимо отдельных варварских вещей, ничем не отличаются от могил рядового римского населения и находятся в некрополях, принадлежавших римскому населению. Видимо, интеграция носителей варварских вещей в местную среду была довольно глубокой.

По времени названные погребения в целом предшествуют прорыву алан на Запад в 406 г. и, судя по зеркалам, отражают присутствие каких-то других групп выходцев из самато-аланского мира. В Реймсе, кажется, удается идентифицировать этих людей. Согласно *Noticia Dignitatum,* стратегическую дорогу между Реймсом и Амьеном на рубеже IV и V веков охраняли сарматы *gentiles*, представлявшие собой нечто вроде полевой жандармерии [Noticia Dignitatum, 1962. Oc. XLII, 67].

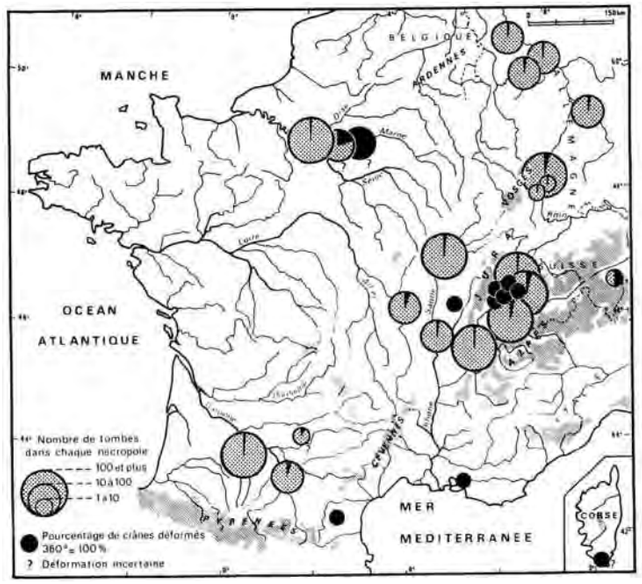


Рис. 237. Карта распространения черепов со следами искусственной деформации [по: Buchet, 1988]

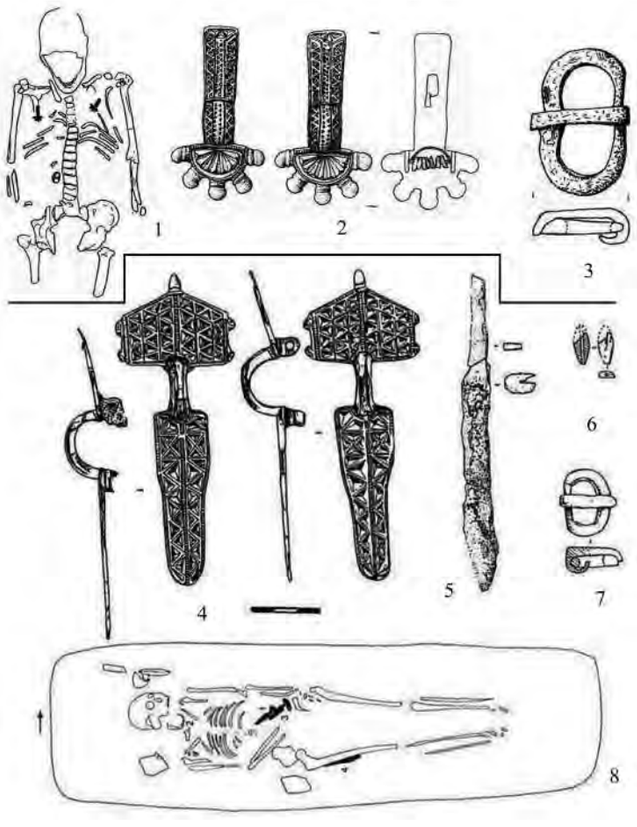


Рис. 238. Погребения с искусственно деформированными черепами
1–3 – Бон (Beaune), погр. 312; 4–8 – Сен-Мартен-де-Фонтенэ (Saint-Martin-de Fontenay), погр. 300
1–3 – [по: Gaillard de Semainville, Sapin, Maranski, 1995];
4–8 – [по: Pilet, 1994]

Видимо, с ними и связана данная могила [Kazanski, 1986. P. 26–32]. Разумеется, мы не в состоянии сказать, где рекрутировались эти сарматы – в Причерноморье или на Среднем Дунае. Напомним, что в римское время степи восточной половины Карпатской котловины были заняты сарматами-языгами. С одной стороны, частые войны с языгами были источником массового поступления сарматских военнопленных в Империю, их часто использовали в качестве военных поселенцев. С другой стороны, могила в Реймсе содержит фибулу черняховской традиции, не характерную для паннонских сармат, но вполне уместную у сармат понтийских. Действительно, для южной периферии черняховской культуры исследователи отмечают смешение восточногерманских и скифо-сарматских черт [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 39]. Кстати, совсем не исключено, что под «сарматами» наш источник понимает не только ираноязычных кочевников дунайских или понто-каспийских степей, но и вообще разнородных выходцев из Восточной Европы, носившей в это время в римском мире название *Sarmatia*.

Наконец, последнее замечание – присутствие разнородных, германских и алано-сарматских вещей в едином комплексе, возможно, отражает смешанный состав этих «сарматских» отрядов. Не случайно в *Notitia Dignitatum* для региона совр. г. Пуатье упоминается *Praefectus Sarmatorum et Taifalorum gentilium* [Notitia Dignitatum, 1962. Oc. XLII, 65]. Видимо, под началом этого офицера проходили службу в одном отряде как сарматы, так и нижнедунайские германцы – тайфалы.

«Княжеская» варварская культура

Для эпохи переселения народов известен ряд мужских и женских погребений, а также кладов 380–450-х гг., отражающих культуру варварской аристократии и характеризующихся похожим набором предметов (т.н. горизонты Унтерзибенбрунн и Смолин) [Kazanski, 1996. P. 109–126; Tejral, 1973]. Эти памятники распространены на широкой территории – от Северного Кавказа до Северной Африки и выглядят очень гомогенно по составу находившихся в них вещей. Такой широкий географический разброс уже сам по себе снимает вопрос о культурно-этнической принадлежности. Также несомненны разнородные истоки формирования этой культуры – римские, германские, гуннские и понтийские [Мастыкова, Казанский, 2005. С. 253–267; Kazanski, Mastykova, 2003. P. 107–120]. Понтийские элементы и привлекают особое внимание, поскольку они связаны по происхождению с культурой Северо-Восточного Причерноморья, т.е. с Боспором, Танаисом и окружавшей их аланской степью.

Мужские «вождеские» погребения горизонтов Унтерзибенбрунн и Смолин (рис. 233–234), при некотором различии погребальных сооружений (грунтовые ямы, курганы, катакомбы, черепичные могилы), содержат в общем одинаковый погребальный инвентарь, куда входят парадный меч с портупейной гарнитурой (рис. 234, *1*), ременная гарнитура пояса и обуви, часто с полихромным декором (рис. 233, *8, 9*; 4, *3, 4)*, иногда скрамасакс или кинжал, конское снаряжение, элементы пиршественного набора, такие как кубок и кувшин, в некоторых случаях золотая гривна (рис. 3, *1*) или золотой браслет (рис. 233, *2*), указывающие на высокий социальный статус. Как уже говорилось, такие погребения известны на широкой территории, от Северного Кавказа (напр. Лермонтовская Скала, Брут) до Пиренейского полуострова (Бежа: рис. 4) [подробнее: Казанский, 2010. С. 307–320; Kazanski, 1999. S. 293–316]. От вождеских могил германской традиции погребения с парадными мечами отличаются, в первую очередь, набором оружия. У германцев в V в. было принято помещать в могилы предводителей более представительную панаплию, куда

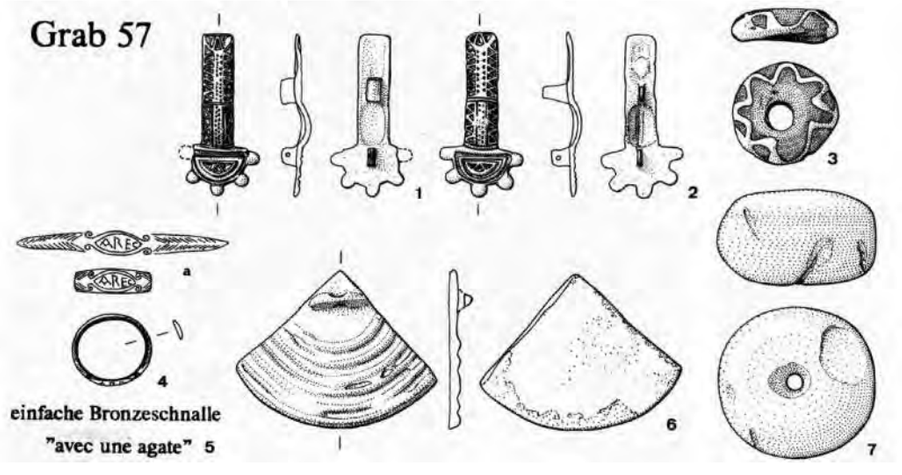


Рис. 239. Погребение 57 на могильнике Сен-Сюльпис [Saint-Sulpice). По Marti 1990

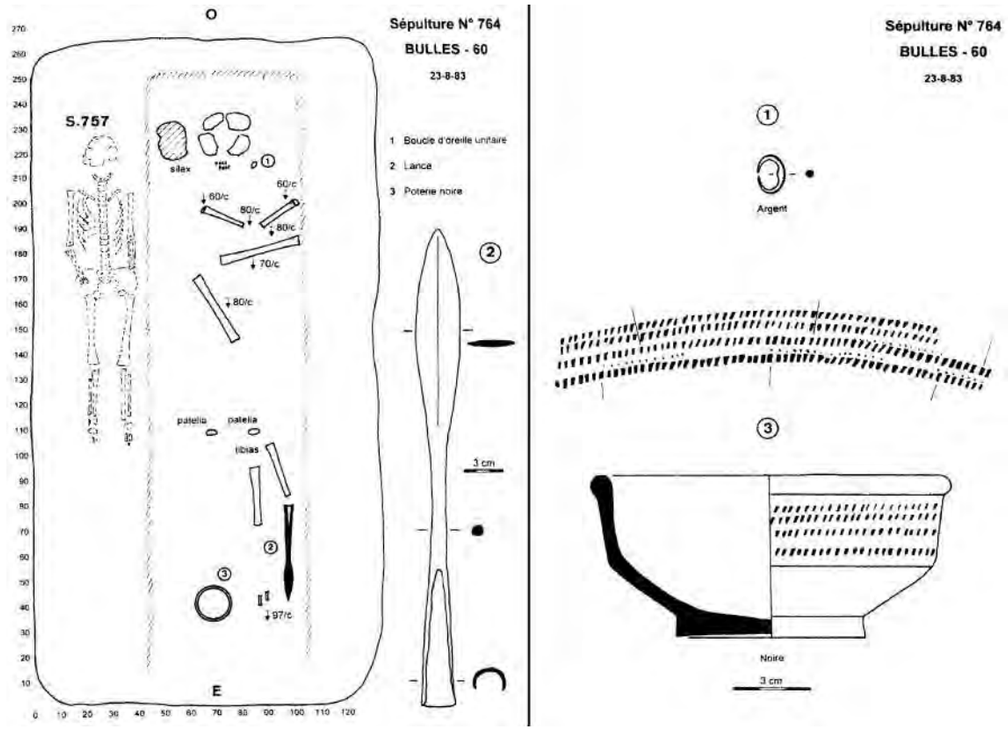


Рис. 240. Погребение 764 на могильнике Бюль (Bulles) с калачевидной серьгой [по: Legoux, 2011]

входили также щит, копье, топор[2], иногда шлем и т.д.[3] У гуннов же в вождеские погребения часто помещался лук и стрелы. Присутствие меча как единственного предмета вооружения довольно обычно в степных сармато-аланских погребениях, известна и особая магическая роль меча у ираноязычных степных народов, поэтому я предложил отнести эти вождеские погребения к сармато-аланской погребальной традиции [Казанский, 2010. С. 307–320; Kazanski, 1999. S. 293–316]. Разумеется, ни одна из этих могил на Западе не может быть идентифицирована как аланская – речь идет лишь о престижной «вождеской» моде. Лишь в одном случае, по поводу могилы в Мундолсхейм в Эльзасе (рис. 233, *10–15*) всё же можно сказать, что здесь похоронен, скорее всего, выходец из понтийской зоны, поскольку ременная гарнитура, представленная в данном погребении (рис. 233, *10, 11*), имеет наиболее близкие параллели на юге восточной Европы [Kazanski, Akhmedov, 2007. S. 173–197].

Женские погребения вождеской аристократии (рис. 235–236) также имеют элементы понтийского происхождения. Это, во-первых, костюм с нашивными золотыми бляшками (рис. 235, *18–10*; 236, *10–14*), украшавшими пекторальную часть костюма и, возможно, края одежды [Кишш, 1995. С. 83; Мастыкова, Казанский, 2005. С. 259; Kazanski, Mastykova, 2006. P. 291–305; Mączyńska, 2005. P. 247–255]. Такой костюм хорошо известен в сармато-аланских степных древностях римского времени. В III в. он, кажется, исчезает в степи, но, возможно, сохраняется на Боспоре Киммерийском. Затем, в эпоху переселения народов он неожиданно получает широкое распространение у знатных варваров и известен от Кавказа до Северной Африки [Мастыкова, Казанский, 2005. С. 259; Kazanski, Mastykova, 2006. P. 291–305]. Еще один элемент понтийской культуры – металлические зеркальца с центральной петлей (рис. 235, *5*), находимые в женских погребениях [Мастыкова, Казанский, 2005. С. 259–261; Kazanski, Mastykova, 2003. P. 111, 112]. Они характерны как для степного понтийского населения, так и для позднеантичных центров Северо-Восточного Причерноморья и являются характерным элементом местной материальной культуры [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 163, 164, 182, 183]. К числу понтийских относятся волютообразные серьги с инкрустацией (рис. 236, *5*), также идущие с Боспора и изредка попадающие на Средний Дунай и на римский Запад [Мастыкова, Казанский, 2005. С. 262; Kazanski, Mastykova, 2003. P. 111]. Наконец, стоит упомянуть браслеты с зооморфными окончаниями [Кишш, 1995. С. 84; Kazanski, 1989. P. 60], а также колье из золотых плетеных цепей

[2] В вождеских погребениях горизонта Унтерзибенбрунн топор встречен лишь в эльзасском погребении Мундольсхейм [Kazanski, Akhmedov, 2007. S. 258].

[3] Напомним, что у некотрых восточногерманских народов, в частности готов, оружие вообще из погребального инвентаря исключалось.

с коническими подвесками (рис. 235, *6*), известные в женских погребениях типа Унтерзибенбрунн [Кишш, 1995. С. 84; Мастыкова, Казанский, 2005. С. 261, 262; Kazanski, Mastykova, 2003. P. 112; Lopez Quiroga, 2005. P. 318]. Впрочем, эти браслеты и колье имеют средиземноморские корни и могут отражать не понтийское, а скорее римское влияние. В целом же, налицо какой-то понтийский (боспорский?) импульс, охвативший материальную культуру варварских элит и разносимый выходцами из Северного Причерноморья, среди которых аланы, наверняка, играли не последнюю роль. При этом женские погребения на Западе, как и мужские, не могут напрямую быть интерпретированы как алан-

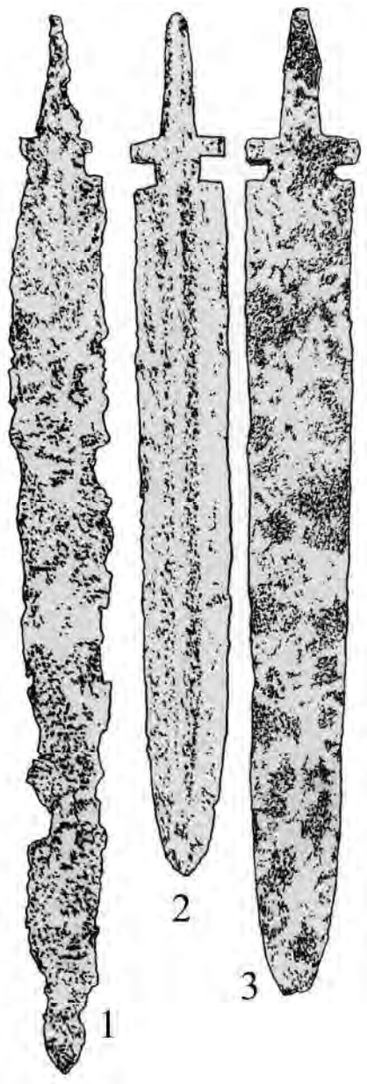


Рис. 241. Кинжалы с вырезами у рукояти, найденные в Галлии [по: Lebedynsky, 2012]
1, 2 – Вильнеф сюр Ло (Villeneuve-sur-Lot); 3 – Флан (Flins)

ские, хотя бы уже потому, что в них в равной мере присутствуют и германские элементы, такие как пара двупластинчатых фибул, или же римские – перстни, ожерелья, булавки, что снова возвращает нас к интернациональному характеру княжеской моды, отразившейся в составе предметов из погребений и кладов.

Интересна география этих «княжеских» погребений в Галлии. Основная часть из них находится либо в районе рейнской границы (Мундольсхейм, Альтлюссхейм, Хохфельден), либо на морской границе, так называемом саксонском лимесе, организованном против саксонских пиратов (Эран) [Kazanski, 1989. P. 63]. Вряд ли это случайность – можно предположить, что эти могилы принадлежат варварским офицерам и членам их семей, расселенным на этих рубежах для обеспечения обороны Империи.

«Восточные» элементы в культуре рядового населения римско-германского Запада в эпоху великого переселения народов

Такие элементы немногочисленны, но они отчетливо выделяются и могут быть так или иначе сопоставлены с присутствием или влиянием алан. Это, во-первых, обычай искусственной деформации черепа, сармато-аланское происхождение которого несомненно. В римское время этот обычай зафиксирован антропологами, в первую очередь, для населения сармато-аланских степей, а также в позднеантичных центрах Северного Причерноморья. Вместе с экспансией гуннов и уходом алан и других понтийских варваров на запад в конце IV в. обычай искусственной деформации головы распространяется на Запад, вплоть до Галлии (рис. 237) и исчезает в первой трети VI в. На территории Западной римской империи этот обычай чаще всего зафиксирован на территории Бургундского королевства, но также в Северной Галлии и в Аквитании, где бургундов не было [Буше, 2006. С. 140–151; Казанский, 2006. С. 127–139; Alt, 2006. P. 115–126; Buchet, 1988. P. 55–71; Kazanski, 2009a. P. 455–491].

Антропологически этот обычай на Западе отмечен только у женщин. Смело можно говорить, что практически во всех случаях, засвидетельствованных антропологами, мы имеем дело либо с выходцами из Восточной или Центральной Европы, либо с индивидуумами, раннее детство которых прошло в восточноевропейской культурной среде. В ряде случаев в погребениях с деформированными черепами присутствует восточногерманский костюм, с парой фибул на плечах. Такой случай отмечен, например, в некрополе Бон, в Бургундии, погр. 312 [Gaillard de Semainville, Sapin, Maranski, 1995. Fig. 7] (рис. 238, *1–3*). В некрополе Сен-Мартен-де-Фонтенэ в Нормандии, в погр. 300 (рис. 238, *4–8*), где выявлен деформированный череп, фибулы находились в районе таза, но типологически они также принадлежат восточногерманской традиции [Pilet, Buchet, Kazanski, 1994. P. 100, 101]. Поэтому можно утверждать, что когда обычай искусственной деформации черепа докатывается до Запада, он уже не специфически аланский, а в целом восточноевропейский, поскольку связан, в первую очередь, с восточногерманским культурным элементом.

То же самое можно сказать и о присутствии в отдельных погребениях металлических зеркал с центральной петлей, происходящих изначально с Понта и даже из сармато-аланской среды (см. выше). Фактически для территории Западной Римской империи и романо-германских королевств, возникших на ее руинах, вне «княжеского» контекста (см. выше) известна лишь одна находка такого зеркала в погребении – это женская могила 57 второй половины V в. на бургундском некрополе Сен-Сюльпис (рис. 239) [Marti, 1990. Taf. 5.1–7]. Столь же редкими в погребениях являются и несомненно восточные, скорее всего, понтийские по происхождению калачевидные серьги (рис. 240). Они на Западе представлены исключительно в мужских могилах [напр.: Legoux, 2011. Pl. 288] и, возможно, отражают, некую воинскую моду, пришедшую из понто--дунайского региона [Pilet, Buchet, Kazanski, 1994. P. 195–110].

Наконец, упомянем клинки кинжалов с вырезами у рукояти (рис. 241)[4], восточное происхождение которых не вызывает особых сомнений [Soupault, 1996. P. 60–76]. Их стали находить в последнее время в Галлии, но их культурный контекст не всегда ясен [Lebedynsky, 2012. Fig. 19]. Скорее всего это понто-кавказское оружие попадает в Галлию через Средний Дунай, где оно известно с гуннского времени, или с визиготами, у которых эти клинки бытовали уже в IV в. [Магомедов, Левада, 1996. Рис. 3].

* * *

Подведем итог. Понтийские элементы на Западе, часто сармато-аланского происхождения, отражают скорее общее восточное влияние, в рамках «гуннской» или «понто-дунайской» моды, когда, благодаря престижу гуннов, различные элементы материальной и духовной культуры восточно- и центральноевропейских варваров получают широкое распространение [Anke, 1998; Буше, 2006. С. 140–151; Kazanski, 1997. S. 285–319; Werner, 1956]. Престижная мода касается вооружения, конского снаряжения, убора, обрядов. Вне всякого сомнения, аланы были ее восприемниками и распространителями. Однако сами они, будучи, видимо, сильно ассимилированными, археологически пока не выделяются.

[4] Не исключено, что одновременно такие клинки могли служить и наконечниками древкового оружия типа алебарды или боевой косы. Наверное, стоит вспомнить известный текст Сидония Апполинария, где «гелон, [побеждаемый] косой» (... *falce Gelonus...*) [Латышев, 1906. Панегирик сказанный Авиту Августу, Vv. 230–237]. Гелоны, некогда обитавшие в Скифии, к этому времени давно исчезли, скорее всего, Сидоний Апполинарий по законам римского литературного стиля употребляет этот этноним в качестве синонима диких выходцев из Восточной Европы.

Библиография

Аламань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Буше Л. Деформация черепа в Галии и в пограничных районах в раннем средневековье: ее происхождение и историческое значение // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. 2006. № 5. С. 140–151.

Казанский М.М. Об искусственной деформации черепа у бургундов в эпоху Великого переселения народов // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. 2006. № 5. С. 127–139.

Казанский М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / отв. ред. Е.Н. Носов, М.В. Белецкий. СПб., 2010. Т. I. С. 307–320.

Карсанов А.Н. Аланы на Пиренейском полуострове и в Западной Европе // Аланы, Западная Европа и Византия / отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, 1992. С. 109–119.

Кишш А. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история м культура / отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, 1995. С. 79–101.

Ковалевская В.Б. Аланы в Западной Европе (сопоставление данных истории, археологии, лингвистики м антропологии) // Аланы, Западная Европа и Византия / отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, 1992. С. 34–85.

Кузнецов В.А. Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» // Аланы, Западная Европа и Византия / отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, 1992a. С. 10–33.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992b.

Кузнецов В.А. Аланы на Западе: археологическая реальность или миф? // Российская археология. 1996. № 4. С. 71–79.

Кузнецов В.А., Пудовин В.К. Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» // Советская археология. 1961. № 2. С. 79–95.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том II. Латинские писатели. Вып. 2. СПб., 1906. С. 418–426.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 304–323.

Мастыкова А.В., Казанский М.М. О происхождении «княжеского» костюма варваров гуннского времени (Горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения / отв. ред. И.В. Белоцерковская. М., 2005. С. 253–267.

Санкоев М.П. Аспар // Аланы и Кавказ / ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, Цхинвал, 1992. С. 56–62.

Alt K.W. Die artifizielle Schädeldeformation bei den Westgermanen // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. 2006. № 5. P. 115–126.

Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri XXXI / Hrsg. W. Seyfarth. Leipzig, 1978.
Anke B. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach, 1998.
Bachrach B.S. A History of the Alans in the West. Minneapolis, 1973.
Buchet L. La déformation crânienne en Gaule et dans les régions limitrophes pendant le haut Moyen Age // Archéologie Médiévale. 1988. Vol. 18. P. 55–71.
Gaillard de Semainville H., Sapin C., Maranski D. Les découvertes de Beaune (Côte-d'Or): des Burgondes en Burgondie? // Les Burgondes, apports de l'archéologie. Dijon, 1995. P. 143–165.
Kazanski M. Un témoignage de la présence des Alano-Sarmates en Gaule: la sépulture de la Fosse Jean-Fat à Reims // Archéologie Médiévale. 1986. Vol. 16. P. 26–32.
Kazanski M. La diffusion de la mode danubienne en Gaule (fin du IVe siècle – début du VIe siècle): essai d'interprétation historique // Antiquités Nationales. 1989. Vol. 21. P. 59–73.
Kazanski M. The Sedentary Elite in the "Empire" of the Huns and its Impact on Material Civilisation in Southern Russia during the Early Middle Ages (5th–7th Centuries AD) // Cultural Transformations in Eastern Europe / eds. J. Chapman, P. Dolukhanov. Aldershot, 1993a. P. 211–235.
Kazanski M. Les Barbares orientaux et la défense de la Gaule aux IVe–Ve siècles // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye, 1993b. P. 175–186.
Kazanski M. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // L'idéntité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Sophia Antipolis, 1996. P. 109–126.
Kazanski M. La Gaule et le Danube à l'époque des Grandes Migrations // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum / Hrsg. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski. Brno, 1997. S. 285–319.
Kazanski M. Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique // Germanen beiderseits des spätantiken Limes / Hrsg. T. Fischer, G. Precht, J. Tejral. Köln, Brno, 1999. S. 293–316.
Kazanski M. Les Burgondes et l'apport ponto-danubien de l'époque hunnique // Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest, Brăila, 2009a. P. 455–491. (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi, V).
Kazanski M. Les traces archéologiques de la migration des Vandales et de leurs alliés suèves: état des recherches // Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest, Brăila, 2009b. P. 427–454. (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi, V).
Kazanski M., Akhmedov I. La tombe de Mundoslheim (Bas-Rhin): un chef militaire nomade au service de Rome // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Brno, 2007. S. 173–197.
Kazanski M., Mastykova A. Les origines du costume «princier» féminine des Barbares à l'époque des Grandes Migrations // Costume et société dans l'Antiquité et le haut Moyen Age. Paris, 2003. P. 107–120.
Kazanski M., Mastykova A. A propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations: le costume à appliques en or // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss. V–VII). Balance y Perspectivas. Actas de la Mesa Redonda hispano-francesca celebrada en la Universidad Autónoma de Madrid (UAM) y Museo Arqueológico Regional de la Comunidad de Madrid (MAR). Oxford, 2006. P. 291–305.
Kazanski M., Périn P. Identité ethnique en Gaule à l'époque des Grandes Migrations et Royaumes Barbares: étude de cas archéologiques // Antiquités Nationales. 2008. Vol. 39. P. 181–216.
Kiss A. Stand und Bestimmung archäologischer Denkmäler der «gens Alanorum» in Pannonien, Gallien, Hispanien und Afrika // Acta Antiqua Hungarica. 1994. Vol. 35. P. 167–204.
Kovalevskaja V. La présence alano-sarmate en Gaule: l'apport des données archéologiques, paléoanthropologiques, historiques et toponymiques // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 209–222.
Kuznecov V. A propos des Alains et des Sarmates en Europe occidentale à l'époque des Grandes Migrations; In: Kazanski M., Soupault V. [dir.), Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité et le Haut Moyen Age. Leiden, Boston, London, 2000. P. 3–14.
Kouznetsov V., Lebedynsky I. Les Alains. Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase Ier–XVe siècles apr. J.-C. Paris, 2005.
Lebedynsky I. La grande invasions des Gaules 407–409. Clermont, Ferransd, 2012.
Legoux R. La nécropole mérovingienne de Bulles (Oise). Saint-Germain-en-Laye, 2011.
Lopez Quiroga J. La question du Ve s. au nord-ouest de la péninsule Ibérique à partir de quelques témoignages archéologiques: ma nécropole de Beiral (Ponte de Lima, Portugal) et la nécropole de Vigo (Pontevedra, Espagne) // La Méditerranée et la monde mérovingien. Aix-en-Provence, 2005. P. 317–322.
Mączyńska M. La question de l'origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations // La Méditerranée et le monde mérovingien: témoignes archéologiques. Aix-en-Proivence, 2005. P. 247–255.
Marti R. Das frühmittelalteliche Gräberfeld von Saint-Sulpice VD. Lausanne, 1990.
Notitia Dignitatum / Hrsg. O. Seeck. Frankfurt am Main, 1962.
Pilet C., Buchet L., Kazanski M. Derniers vestiges culturels des «peuples barbares». La mode «danubienne» // Pilet C. et al. La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay (Calvados). Paris, 1994. P. 96–111.
Riffaud-Longuespé P. La nécropole Saint-Jacques à Troyes: précisions contextuelles et chronologiques // La vie en Champagne. 2003. Vol. 35. P. 33–36.
Sannazaro M. Elementi di abbigliamento e ornamenti «barbarici» da alcune sepolture della necropoli tardoantica di Sacca di Goiti (MN) // Goti nell'arcoalpino orientale Trieste, 2006. P. 59–72. (Archeologia di frontiera, 5).
Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et a l'époque des Grandes Migrations. Oxford, 2006.
Soupault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoches (IVe–VIIe s.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. P. 60–76.
Tejral J. Mähren im 5. Jahrhundert. Prague, 1973.
Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München, 1956.

ВАНДАЛЫ, СВЕВЫ И АЛАНЫ НА РИМСКОМ ЗАПАДЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ[1]

Здесь будет представлен краткий обзор археологических находок начальной фазы эпохи переселения народов (конец IV – первая половина V в.) на территории Западной Римской империи (*Gallia, Hispania, Africa*), связанных по происхождению с Центральной и Восточной Европой. Очень часто эти находки интерпретируются как свидетельство миграции вандалов, свевов и алан в 406 г. Однако, как мы увидим далее, возможны и иные решения.

В Барбарикуме поднеримского времени и эпохи Великого переселения народов выявлены группы древностей, территориально соответствующие *gentes*, известным нам по письменным источникам, таким как вандалы, свевы или аланы. Эти археологические группы, несмотря на возможную гетерогенность варварских «народов», являются довольно монолитными в культурном плане, что объясняется совместным проживанием оставивших их популяций в рамках единых политических, экономических культурных и религиозных систем, что и проявляется в однообразии археологического материала той или иной группы. Это единство впоследствии закрепляется созданием этногенетических легенд о некогда общем происхождении того или иного «народа», оно позволяет выявить культурные признаки конкретных варварских групп. К числу показательных черт относятся погребальный обряд, некоторые археологически фиксируемые обычаи и элементы традиционного женского костюма – факт, хорошо известный этнографам. Культурные особенности, характеризующие население Барбарикума, частично сохраняются и у отдельных групп мигрантов, продвинувшихся на территорию Западной Римской империи в эпоху переселения народов [Kazanski, Périn, 2008; 2017; Périn, Kazanski, 2009; 2011]. Однако при этом культура мигрантов подвергается глубокой трансформации и в конечном итоге приводит к аккультурации и ассимиляции варваров. Это объясняется, во-первых, инкорпорацией в эти группы самых разнородных элементов, и, во-вторых, потерей многих культурных черт, несовместимых с новым образом жизни и новым окружением мигрантов. Когда же речь идет о вандалах и свевах, надо помнить, что на территории Империи они превращаются устойчивой цивилизацией из «народа» в «бродячую армию» [ср. готы: Rouche, 1986; Kazanski, 1991. P. 64–66]. При этом следует принимать во внимание нивелирующую роль римской воинской культуры, имеющей огромный престиж среди варваров, что не могло не отразиться на их материальной культуре.

Считается, что вандалы около 400 г. занимали земли к востоку от Среднего Дуная, на территории современных Восточной Венгрии и Словакии [Tejral, 2000. P. 11, 24; Kulcsár, Istvánovits, 2017. P. 380–397, там же библиография]. Присутствие вандалов здесь проявляется со II в. в распространении элементов культуры Przeworsk, скорее всего, под натиском готской экспансии, разворачивающейся в это время к северу и востоку от Карпат [Godlowski, 1984; Kulcsár, Istvánovits, 2017. P. 255, 256]. Свевы в это время находились на территории современных Моравии, Северо-Восточной Австрии и Западной Словакии [Tejral, 2000. P. 12, 13; 2011. P. 91–125]. Логично предположить, что археологические артефакты начала эпохи Великого переселения народов, происходящие с этих территорий и найденные на римском Западе, равно как и особенности местного погребального обряда, отмеченные на могильниках на территории Римской империи, могут быть связаны с переселением вандалов и свевов. Что касается алан, то под их эгидой ко второй половине IV в. в степях понто-кавказского региона возникает крупное объединение кочевых народов. Около 370 г., под ударами пришедших с востока гуннов, часть алан, заселявшая северокавказские степи, была выброшена гуннским нашествием на Запад. В конце 406 г. объединенные силы вандалов, свевов и алан переходят Рейн и вторгаются на территорию Галлии и Испании [Кузнецов, 1994. С. 62–84].

Находок, связанных с миграцией вандалов, свевов и алан, на Западе очень немного [аланы см.: Кузнецов, 1996; Казанский, 2013; вандалы и свевы см.: Kazanski, 2000; 2009b, там же библиография], еще меньше их на территории Барбарикума, вдоль гипотетической трассы миграции этих народов. К числу таких находок принадлежит погребение, открытое в 1937 г. в Требур (Trebur) в Гессене, содержавшее пару фибул, ожерелье из бус, костяной гребень, наконечник ремня, пряжки, керамический сосуд (рис. 242) [Möller, 1987. Taf. 104; Tejral, 2000. P. 24–26. Fig. 11,2–15]. Одна из фибул, соотносимая с типами Almgren 158 и 173 (рис. 242, *2*), про-

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Вандалы, свевы и аланы на римском Западе в эпоху Великого переселения народов по археологическим данным // Stratum plus. 2020. № 4. С. 95–114.

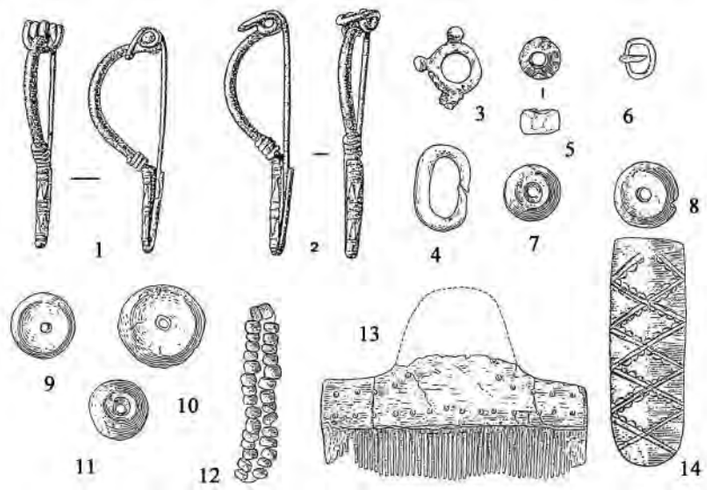


Рис. 242. Находки в захоронении Требур на Рейне [по: Tejral, 2000. Fig. 11,2–15]

исходит, скорее всего, из Моравии или Словакии, где ее параллели хорошо известны в контексте около 400 г. [Tejral, 2000. P. 26]. Янтарные бусы (рис. 242, *7–11*), некоторые из них с гравированным линейным декором, также имеют центральноевропейское происхождение и в эпоху переселения народов распространяются, в первую очередь, в бассейне Среднего Дуная, а также на территории между Карпатами и Балтикой [Mastykova, 2001]. Наконечник пояса (рис. 242, *14*) имеет параллели, датированные периодами C3–D1 хронологии европейского Барбарикума (300/330–360/370 и 360/370–400/410 гг.) на территории пшеворской и вельбаркской культур в бассейне Вислы, а также в древностях западных балтов [Madyda-Legutko, 2011. P. 91. Mapa 23]. Наконец, костяной гребень типа Томас III и фибулы типа Альмгрен 162 / Амброз 16/2-1-2 (рис. 242, *1, 13*), связанные по происхождению с восточногерманской культурной традицией, широко распространяются на Запад, вплоть до Атлантики [Kazanski, 1999; 2000; Казанский, 2016, там же библиография].

Другое рейнское погребение того же времени, Альтлюссхейм (Atlussheim), где в парном погребении обнаружен престижный меч и скрамасакс [Garscha, 1936; 1960]. У германцев этого времени обычно могилы военачальников сопровождаются паноплией, включающей, помимо меча, копье, щит, топор и пр. Но зато присутствие меча, как единственного предмета вооружения, довольно обычно в степных сармато-аланских погребениях. Известна и особая магическая роль меча у ираноязычных степных народов, поэтому я предложил отнести эти вождеские погребения к сармато-аланской погребальной традиции [Казанский, 2010]. Разумеется, ни одна из этих могил на Западе может быть идентифицирована как аланская – речь идет лишь о престижной «вождеской» моде. Впрочем, Я. Тейрал привел примеры воинских погребений германского круга, относящихся к позднеримскому времени, где меч является единственным оружием [Tejral, 2014. P. 41–43. Abb. 1]. Поэтому вопрос атрибуции могил военачальников с мечами в Барабарикуме остается пока открытым.

Интересно, что погребение в Вольфсхейме (Wolfsheim), на другом берегу Рейна, с монетой 378 г. (рис. 233, *4*) [Behrens, 1924. P. 73, 74; Bernard. 1982; L'Or des princes barbares, 2000. № 15] (см. ниже), скорее всего, также сопровождалось «парадным» мечом, от которого сохранилась подвеска (рис. 233, *7*) – единственным предметом вооружения, известным в данной могиле.

Северная и Восточная Галлия и римская Германия

Вещи центральноеропейского происхождения, датированные концом IV – началом V в., хорошо известны на территории Северной и Восточной Галлии, а также в римской Германии, вдоль левого берега Рейна [Kazanski, 1997. P. 285–292; 2000; Kleemann, 2008. P. 91–93] (рис. 244). Присутствие выходцев из Центральной Европы, вандалов и свевов, на Рейне и в Галлии в 406–409 гг. хорошо известно по письменным источникам. Однако было бы неосторожно связывать все эти находки с нашествием 406 г., поскольку не надо забывать и возможность инфильтрации отдельных групп или даже отдельных людей из числа центральноевропейских варваров на римскую территорию, например, в результате найма на римскую службу – вспомним биографию знаменитого римского военачальника Стилихона.

К числу находок вещей центральноевропейского происхождения следует отнести большую фибулу типа Альмгрен 158 из уже упоминавшейся «княжеской» могилы Вольфсхейм (рис. 233, *3*). Вещи, обнаруженные в Вольфсхейме, в целом принадлежат интернациональной «княжеской» моде, распространившейся у варваров в гуннское время [Kazanski, 1996; Tejral, 2011. P. 126–329], некоторые из них имеют сасанидское происхождение (рис. 233, *6*) [подробнее: Quast, 1999]. Что же касается фибул типа Альмгрен 158, то они типичны для германцев Среднего Дуная, в первую очередь, для территории Моравии, Словакии и Восточной Венгрии, то есть для зоны расселения вандалов и свевов [Kazanski, 1990; 1997. P. 285; Vallet, 1993; Istvánovits, Kulcsár, 1999. Fig. 11,4]. Стоит подчеркнуть, что данная могила находится в непосредственной близости от римской границы. Это позволяет предположить, что военачальник, погребенный в Вольфхейме был инкорпорирован в римскую систему обороны рейнской границы.

Видимо, и некоторые находки из Восточной Галлии свидетельствуют о присутствии центральноевропейских германцев на римской службе [Vallet, 1993; Kazanski, 1997; 2009a]. Это погребения по обряду ингумации, открытые в Нейи (Neuilly), Кримолуа (Crimolois) и Бретиньер (Bretenière), в Бургони. В этих погребениях было представлено оружие и предметы конского снаряжения, в частности мечи, копья, умбоны щитов, удила (рис. 243). Погребения в Бретиньер содержали также монету Иовина (*terminus post quem* 411 г.). Две центральноевропейские большие фибулы типа Альмгрен 158, похожие на найденную в Вольфсхейме (см. выше), входили в состав инвентаря погребений в Кримолуа (рис. 243, *15, 16*). В Восточной Галлии такая фибула была найдена в Алезии (Alesia), также в Бургони (рис. 243, *25*). Могилы в Восточной Галлии содержали пряжки периодов D1–D2 (360/370–400/410 и 380/400–440/450 гг.), с круглой рамкой и длинным загнутым вниз язычком (рис. 243, *20–24*). Такие пряжки встречаются в Галлии редко, зато они хорошо известны в Восточной и Центральной Европе. Наконец, найденные в этих погребениях умбоны были нарочито повреждены (рис. 243, *4, 12, 13*). Обычай преднамеренной порчи оружия перед помещением в могилу хорошо известен у германцев Центральной Европы и в частности в некрополях пшеворской культуры, связанной, по крайней мере частично, с вандалами.

Сходство погребений Нейи, Кримолуа и Бреттиньер с могилами варваров Центральной Европы очевидно. Среди германских памятников эпохи переселения народов, в частности, могильники Верхней Тиссы и Трансильвании очень напоминают галльские находки, как по обряду погребения – ингумация, так и по составу погребального инвентаря [Kazanski, 1997. P. 285, 286]. Эти среднедунайские памятники отчасти принадлежат и вандалам. Скорее всего, вандалы, в числе прочих варваров, попадали на римскую службу, и им поручался контроль внутренних территорий Галлии [Vallet, 1993. P. 252].

Среди находок в Восточной Галлии, указывающих на влияние алан, надо вспомнить женский костюм с нашивными золотыми бляшками (см. выше рис. 235, *8-10*). Такой костюм хорошо известен в сармато-аланских степных древностях римского времени, в Галлии он встречен в привилегированных женских могилах варваров в Хохфельдене (Hohfelden), в Эльзасе [L'Or des princes barbares, 2000. № 13; Kazanski, Mastykova, 2018] и Эране (Airan), в Нормандии [L'Or des princes barbares, 2000. № 1é]. Впрочем, в гуннское время женский «княжеский» костюм варваров, включающий золотые бляшки-аппликации, имеет гетерогенный по происхождению характер, помимо сармато-аланских, или точнее понтийских черт, он включает элементы римского и германского происхождения (например, парные двупластинчатые фибулы) и не может быть этническим или культурным индикатором [Kazanski, 1996]. В самом деле, правящие элиты, от Кавказа до Северной Африки [Кишш, 1995. С. 83; Мастыкова, Казанский, 2005; Mączyńska, 2005; Kazanski, Mastykova, 2006. P. 259], оказываются под сильнейшим воздействием этой престижной интернациональной моды, предназначенной, прежде всего, показать высокий ранг варварских вождей [Kazanski, 1993]. В Хохфельдене найден еще один предмет, связанный по происхождению с сармато-аланским миром – металлическое зеркало типа Чми-Бригецио (см. выше рис. 235, *5*) [о них см.: Мастыкова, Казанский, 2005. С. 259–261]. Как и золотые аппликации, зеркала были прочно интегрированы в интернациональный элитный костюм гуннского времени и потеряли в нем всякую этнокультурную окраску.

Пожалуй, самым ярким проявлением сармато-аланского влияния на Римском Западе является обычай искусственной деформации черепа. В римское время этот обычай зафиксирован, в первую очередь, для населения сармато-аланских степей и также в позднеантичных центрах Северного Причерноморья. Вместе с экспансией гуннов и уходом алан и других понтийских варваров на запад в конце IV в. обычай искусственной деформации головы распространяется на Запад вплоть до Галлии, где он отмечен исключительно на женских черепах (см. выше рис. 237) [Буше, 2006; Казанский, 2006; Alt, 2006; Kazanski, 2009a]. Характерно, что в Галлии в погребениях времени ранее середины V в. надежные случаи искусственной деформации черепов не зафиксированы, этот обычай характерен для погребений второй половины V – первой трети VI в., когда уходит из жизни поколение, родившееся в первой половине V в. и получившее эту искусственную деформацию в раннем детстве. При этом в некоторых погребениях с деформированными черепами присутствует восточногерманский костюм, с парой фибул на плечах [Казанский, 2013. Рис. 8]. Поэтому можно утверждать, что когда обычай искусственной деформации черепа укореняется на Западе, он уже не специфически аланский, а в целом восточноевропейский, поскольку связан, в первую очередь, с восточногерманским культурным элементом.

Наконец надо упомянуть находки клинков с вырезами у рукояти (см. выше рис. 241), понто-кавказское происхождение которых не вызывает особых сомнений. Их стали находить в последнее время

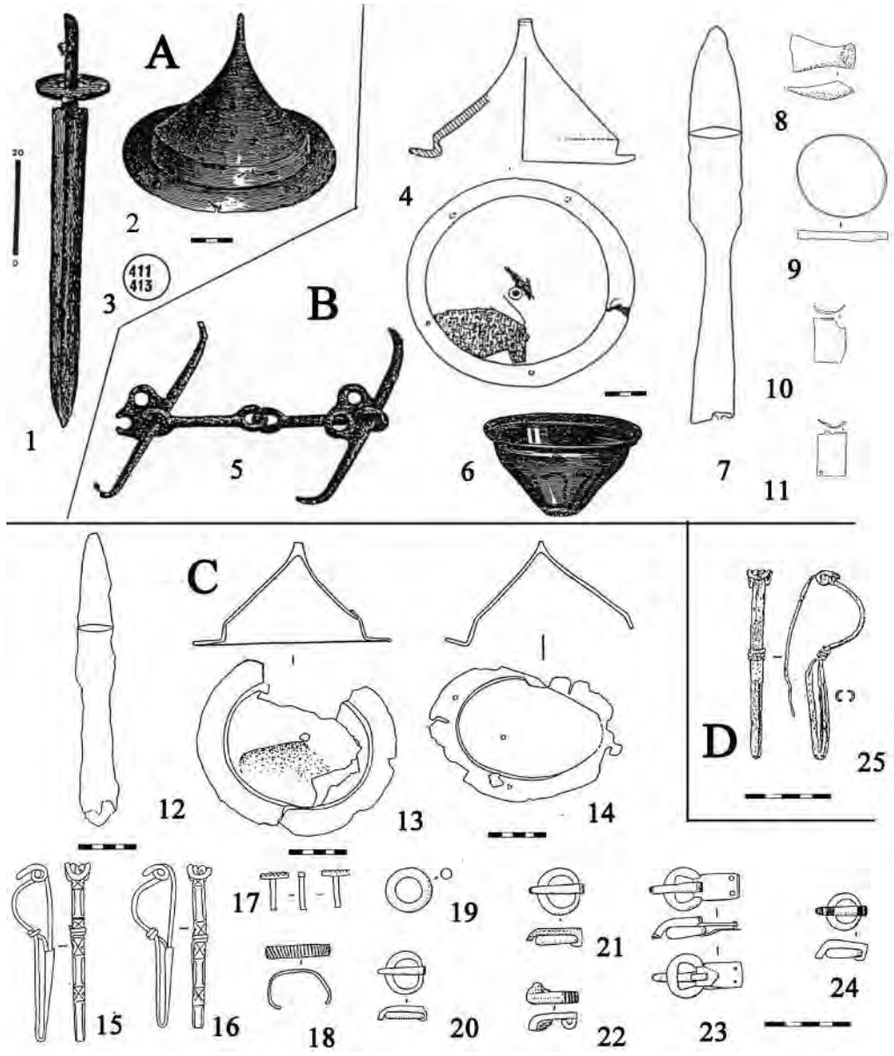


Рис. 243. Находки в Восточной Галлии [по: Kazanski, 1997. Fig. 1–3]
А – Бретеньер; Б – Нейи; С – Кримолуа; D – Алезия

как в Северной, так и в Южной Галлии [Lebedynsky, 2012. Fig. 19].

Южная Галлия

Еще одна концентрация вещей, происходящих из Барбарикума к северу от Дуная, отмечена в Юго-Западной Галлии (рис. 244). Арбалетные фибулы (рис. 245, *1–3*) происходят из виллы Монморен (Montmaurin) и из виллы Валентин (Valentin), в бассейне Гаронны, а также из Сент-Этьен де Гурга (Saint-Etienne de Gourgas), в Лангедоке. Эти застежки были идентифицированы как происходящие с территории Моравии или Словакии и датированы началом V в. [Schulze-Dörrlamm, 1986. P. 693, 694; Kazanski, 1995. P. 168–171; 1999. P. 17; Pinar Gil, 2917. P. 538–544]. Действительно, они имеют аналоги на германских памятниках Среднего Дуная, атрибутируемых свевам и вандалам. Однако, насколько можно судить по известиям древних авторов, пребывание свевов и вандалов в Южной Галлии было очень недолгим и вряд ли могло оставить заметные археологические следы. Поэтому можно предположить, что здесь речь может идти о какой-то группе вандалов или свевов, примкнувшей к визиготам, надолго закрепившимся в Аквитании в 419 г.

Испания[2]

Археологические следы присутствия вандалов и свевов здесь, как и в Галлии, представлены немногочисленными отдельными находками (рис. 244). Аланы же фиксируются лишь отдельными элементами варварской «княжеской» цивилизации. Серия

[2] Здесь и далее имеется в виду римский диоцез, включавший и территорию современной Португалии.

центральноевропейских арбалетных фибул была найдена на Пиренейском полуострове, где, как известно, вандалы и свевы расселились в 409 г. [Pérez Rodríguez Aragón, 1998. P. 633, 634; 2008, P. 256; Kazanski, 2000; Pinar, Ripoll, 2008. P. 109; In tempore Sueborum, 2017. Kat. 70–72] (рис. 246). Выделяются четыре варианта этих застежек.

Две фибулы первого варианта имеют приемник иглы, равный по длине ножке. Одна из них происходит из Санта-Витория до Амеиксиал (St.-Vitoria do Ameixial) в Южной Португалии (рис. 245, *4*). Другая найдена в античной Конимбриге (*Conimbriga*) в Центральной Португалии, в верхнем слое улицы, ведущей на форум, датированном V в. (рис. 245, *6*). Эти фибулы имеют многочисленные параллели в древностях позднеримского времени и эпохи переселения народов на территории современных Моравии, Словакии и Нижней Австрии [Kazanski, 2000. P. 189, там же библиография по португальским находкам].

Второй вариант представлен фибулой, происходящей из Конимбриги (рис. 245, *5*). У нее ножка имеет большую ширину, чем дужка. Подобные фибулы также характерны для территории Моравии, Нижней Австрии, Словакии и Восточной Венгрии для периодов C3, D1 и D2 (соответственно 300/330–360/370, 360/370–400/410 и 380/400–440/450 гг.) [Istvánovits, Kulcsár, 1999. Fig. 11,1; Pollak, 1999. Taf. 3,5; Kazanski, 2000. P. 189, 190, там же библиография по португальским находкам].

Еще одна фибула из Конимбриги принадлежит третьему варианту. У нее ножка расширена в верхней части и приемник иглы короче ножки (рис. 245, *7*). Она близка уже упоминавшейся фибуле из Южной Галлии, из виллы Монморен (рис. 245, *1*). Дунайское происхождение этих фибул не вызывает сомнений, наиболее близкие параллели происходят с территории Восточной Венгрии и Словакии [Kazanski, 1999. P. 17; 2000. P. 190, там же библиография].

Итак, можно отметить, что параллели арбалетным фибулам, приведенным выше, сосредоточены, в первую очередь, на территории, занятой в начале эпохи переселения народов свевами (совр. Моравия, Верхняя Австрия, Словакия) и вандалами (Восточная Венгрия и Словакия). Таким образом, можно объяснить их появление на Пиренейском полуострове миграцией свевов и вандалов на Запад в 406–409 гг. [Kazanski, 2000. P. 190].

Сложнее дело обстоит с «вождеским» погребением в Бежа (Beja) в Южной Португалии (см. выше рис. 234). Эта ингумация совершена в некрополе римского города *Pax Iulia*, в могиле из черепицы. В погребении найдены меч и две золотые пряжки с декором в стиле перегородчатой инкрустации [Raddatz, 1959; Dannheimer, 1961; Koenig, 1981. P. 346–350; Palma Santos, 2008]. Это захоронение было отнесено к числу вандальских [Koenig,

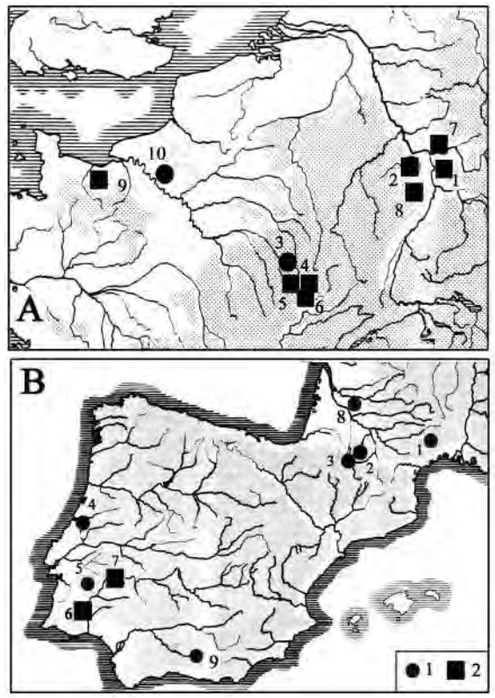


Рис. 244. Находки среднеевропейского происхождения в Галлии и Испании
А – Рейнская область и Восточная Галлия:
1 – Требур; 2 – Вольфсхайм; 3 – Алезия;
4 – Кримолуа; 5 – Нейи; 6 – Бреттеньер;
7 – Альтлюссхейм; 8 – Хохфельден; 9 – Эран; 10 – Флан
В – Южная Галлия и Испания: 1– Сент-Этьен де Гурга;
2 – Монморин; 3 – Валентин; 4 – Конимбрига;
5 – Санта-Витория до Амеиксиал; 6 – Бежа; 7 – Мерида;
8 – Вильнев-сюр-Ло; 9 – Гренада-Албаицин
Условные обозначения: 1 – находки; 2 – погребения
Из-за масштаба карт географическое положение находок является ориентировочным

1981. P. 346–350]. По наличию меча «азиатского типа» с железным перекрестьем [Menghin, 1995] погребение может быть датировано периодом D2/D3 (430/440–460/470 гг.), поскольку именно в это время мечи с железным перекрестьем распространяются в Центральной и Западной Европе [Tejral, 1997. P. 147]. Но в этом случае данное погребение оказывается по времени более поздним, чем уход вандалов из Испании в Африку в 429 г. [Kazanski, 2009b. P. 432]. В целом, «вождеские» погребения-ингумации с парадными мечами в V в. широко распространяются от Кавказа до Атлантики, они имеют сопоставимый погребальный инвентарь, типичный для интернациональной «княжеской» моды гуннского и постгуннского времени, что не позволяет определить этническую принадлежность погребенных [Kazanski, 1996; Казанский 2010].

Что касается женских «княжеских» погребений на Пиренейском полуострове, то следует вспомнить сравнительно недавно обнаруженное

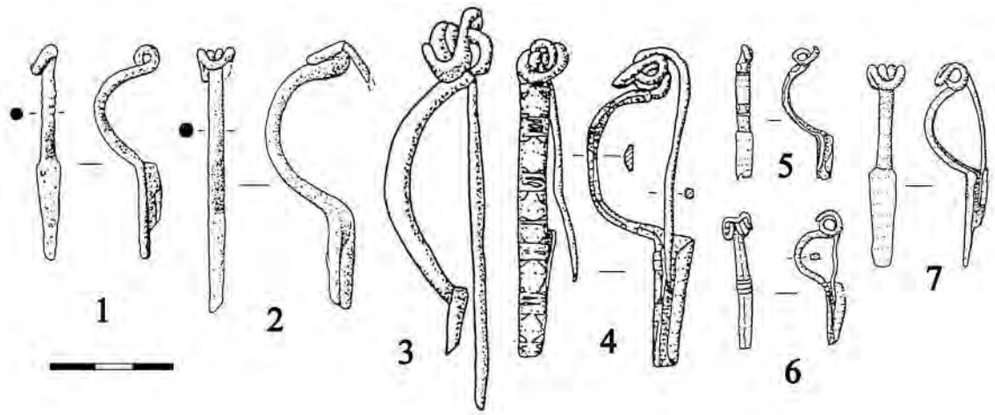


Рис. 245. Находки среднеевропейского происхождения в Южной Галлии и Испании
А – Броши центральноевропейского происхождения в Южной Галлии и Испании:
1 – Монморин; 2 – Валентин; 3 – Сент-Этьен де Гурга; 4 – Санта-Витория до Амеиксиал; 5–7 – Конимбрига
В – Артефакты из захоронения в Бежа
А – [по: Kazanski, 2000. Fig 4,8–12,14]; В – [по: Perez Rodriguez-Aragon, 1997. Fig. 5]

«княжеское» захоронение в некрополе Мериды (Mérida, античн. *Augusta Emerita*), в Эстремадуре (рис. 246, *1–3*), где, как и в вышеупомянутых галльских могилах в Хохфельдене и Эране, помимо «германских» двупластинчатых фибул встречены и нашивные золотые аппликации, восходящие к сармато-аланским традициям [Heras Mora, Belén Olmedo Gracera, 2015; 2018; In tempore Sueborum, 2017. Kat. 56–60; Kazanski, López Quiroga, Périn, 2018. P. 63]. Здесь они принадлежали головному убору. Луновидные золотые бляшки известны и в Гранада-Альбайсин (Granada-Albaicín), в Южной Испании (рис. 246, *4*). Убедительно показано их понтийское происхождение [Mączyńska, 2005; Kazanski, López Quiroga, Périn, 2018. P. 63].

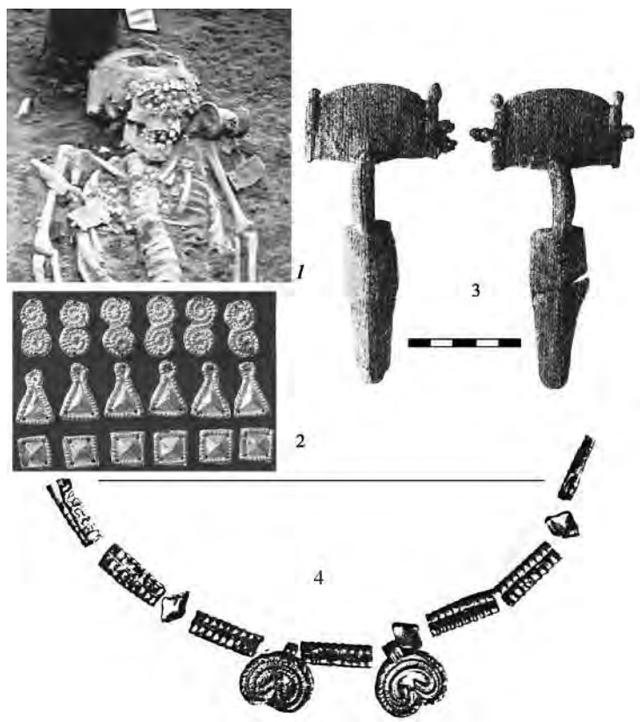


Рис. 246. Находки из погребения 1 в Мериде (1–3)
и ожерелье из Гранада-Альбайсин / Granada-Albaicín (4)
1–3 – [по: Kazanski, López Quiroga, Périn, 2018. Fig. 12,1-3];
4 – [по: Tempelmann-Maczynska, 1986. Taf. 73]

Северная Африка

Как известно, в Северную Африку вандалы и сопровождавшие их остатки алан перебираются в 429 г. Здесь известен ряд находок (рис. 247А), в первую очередь, погребения V в. с престижным инвентарем, которые обычно атрибутируют как вандальские или, по крайней мере, относящиеся к эпохе вандальского королевства в Африке [Koenig, 1981; von Rummel, 2000; 2008. P. 158–164; Eger, 2001; 2008; Quast, 2005; Ben Abed, 2008; Ghalia, 2008]. В нашу задачу не входит их рассмотрение, остановимся лишь на вещах центральноевропейского и северопричерноморского происхождения, входивших в состав этих находок. Это, как и на Пиренейском полуострове, арбалетные фибулы и золотые аппликации обнаруженные на территории совр. Северного Туниса в женских могилах Тубюрбо-Маюс (Thuburbo-Majus / Henchir-Kasbat), Кудиат-Затер (Koudiat-Zateur) и Дуар-еш-Шот (Douar-ech-Chott) (рис. 247В; 248А,В). Богатый инвентарь этих погребений является характерным для интернациональной «княжеской»

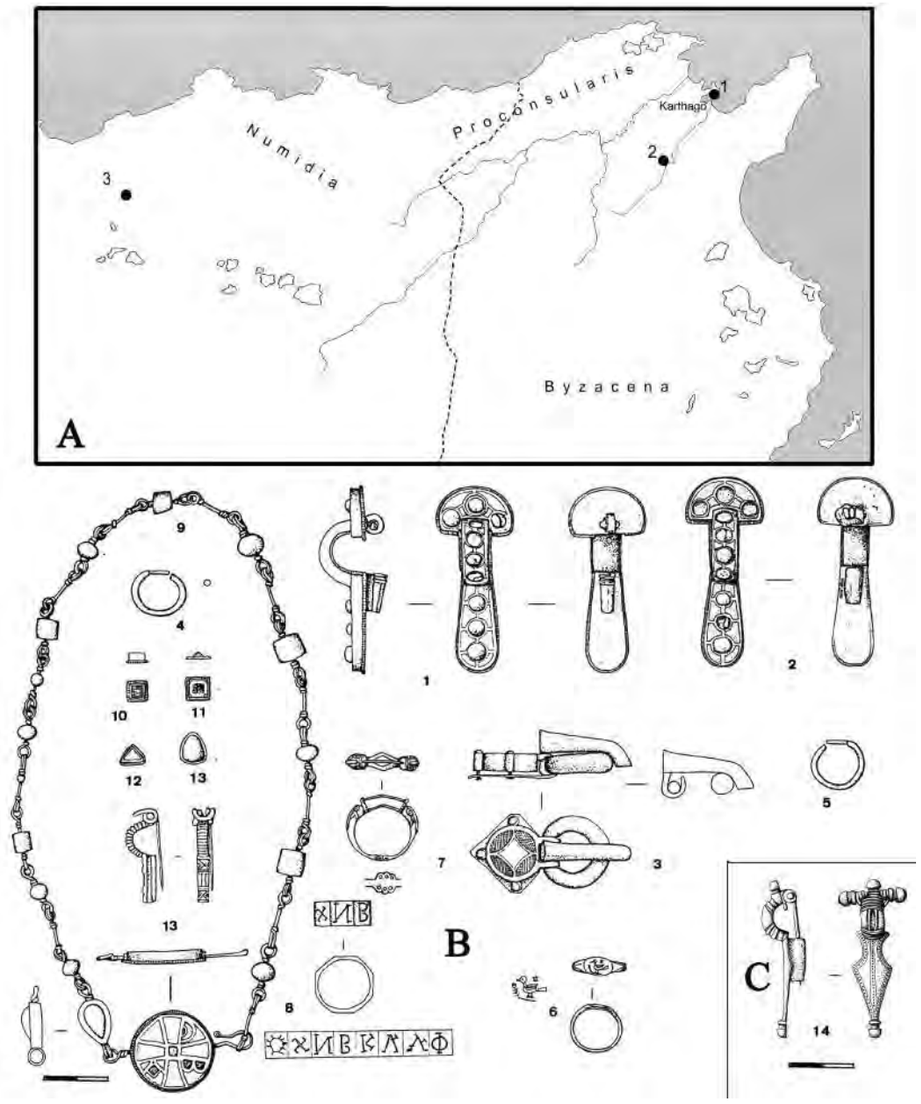


Рис. 247. Находки центральноевропейского и понтийского происхождения в Северной Африке
А: 1 – Кудтат-Затер и Дуар-эш-Шот (Карфаген); 2 – Тубурбо-Маюус; 3 – Джамиля;
Б – Кудиат-Затер; С – Джамиля
А – [по: Eger, 2008. Abb. 5]; В – [по: Eger, 2001. Abb. 4, 5]; С – [по: Eger, 2008. Abb. 3]

культуры первой половины V в., о которой уже шла речь, и не может быть привязан к какому-то конкретному народу. Однако наличие большого количества предметов убора не позволяет отнести эти могилы к захоронениям римской знати, для которой характерно практически полное отсутствие украшений и элементов одежды, а наличие пары фибул указывает на принадлежность этих захоронений восточным германцам [см.: Tempelmann-Maczynska, 1989], вероятно, вандалам. В погребениях Тубюрбо-Маюс и Кудиат-Затер встречены и золотые геометрические бляшки понтийского / сармато-аланского происхождения, о которых уже говорилось выше (рис. 247В, *10, 11*; 248В, *6*).

Две из этих могил, в Тубюрбо-Маюс [Merlin, 1912. P. 360; Merlin, Lantier, 1922. P. 115; Koenig, 1981. P. 310–312; Ghalia, 2008] и в Дуар-еш-Шот [Eger, 2001. P. 371–376; 2009] содержали литые арбалетные фибулы с длинным держателем иглы. У одной пары фибул окончание дужки завернуто в петлю, для удержания пружины иглы (рис. 248В, *8, 9*), у другой пары пружина является продолжением корпуса фибулы (рис. 248В, *4, 6)*. Кроме того, из Алжира происходит еще одна арбалетная фибула [Eger, 2008. Abb. 2,3] (рис. 248С, *12*). Арбалетные фибулы этих типов известны для позднеримского времени и эпохи переселения народов в Центральной Европе, в частности в Моравии [Kazanski, 2000.

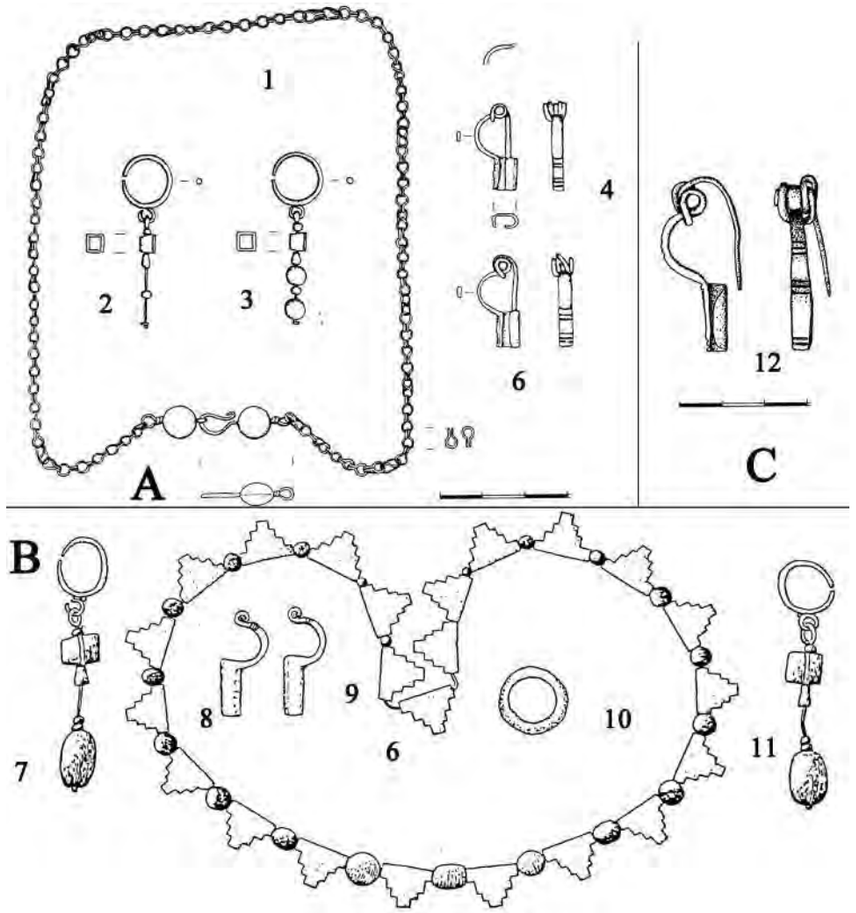


Рис. 10. Артефакты из захоронений в Дуар-Эш-Шотт (A), Тубурбо-Мажюс (B) и брошь из Алжира (C)
1–6 – [по: Eger, 2001. Abb. 9]; 6–11 – [по: Koenig, 1981. Abb. 6]; 12 – [по: Eger, 2008. Abb. 2,3]

P. 190, 191; Eger, 2008. P. 187–189], что позволяет связать африканские находки с варварами – выходцами со Среднего Дуная.

Еще одна арбалетная фибула была найдена в Кудиат-Затер [Merlin, Lantier, 1922. P. 114–116; Koenig, 1981. P. 308, 309; Ben Abed, 2008]. Она из золота и её дужка украшена рифленым декором (рис. 247B, *13*). Ее параллели известны на территории Словакии [Kazanski, 2000. P. 190].

Наконец, надо упомянуть крестообразную фибулу, происходящую из Джемила (Djemila) в Северо-Восточном Алжире (рис. 247C, *14*). Ее можно отнести к дериватам германского типа Висбаден, первой половины V в. Среди возможных параллелей можно назвать фибулу из Майнца (Mainz-Kastel), найденную в кладе с монетами 408–411 гг. [R.-Alföldi, Quast, 2018. P. 155. Taf. 1,4a], а также фибулы, найденные в Ксинна (Ksinna) и Сельце (Selce), в Словакии. Система пружины фибулы из Джемилы напоминает застежки из Швилчи (Swilcza), в Польше, и Вульфена (Wulfen), в Германии. Дужка африканской фибулы близка дужкам фибул типа Ульс, из Юго-Западной Германии, датированных первой половиной V в. [Kazanski, 2000. P. 192; Eger, 2008. P. 189, 190; R.-Alföldi, Quast, 2018. P. 88–92]. В целом, этот подбор параллелей позволяет связать фибулу из Джемилы с вандалами.

* * *

Итак, вещи центральноевропейского и понтийского / аланского происхождения на римском Западе концентрируются, в первую очередь, в Галлии, Испании и Северной Африке. Предметы женского убора и некоторые обычаи, вроде ритуально испорченного оружия или искусственной деформации черепа, идентифицируются легче, поскольку, как уже говорилось, речь идет об «этнографических» признаках традиционных обществ. Находки этих вещей рассеяны в большой зоне. Можно предполагать, что их появление связано с конкретными историческими событиями и процессами, такими как миграция вандалов, свевов и алан на Запад, а также их участие в обороне Западной Римской империи.

Библиография

Буше Л. Деформация черепа в Галии и в пограничных районах в раннем средневековье: ее происхождение и историческое значение // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. 140–151.

Казанский М.М. Об искусственной деформации черепа у бургундов в эпоху Великого переселения народов // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. С. 127–139.

Казанский М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I / отв. ред. Е.Н. Носов, М.В. Белецкий. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 307–320.

Казанский М.М. Аланы на Западе в эпоху переселения народов: археологические данные // Этногенез и этническая история осетин / сост. Б.Б. Басаев. Владикавказ: Ир, 2013. С. 147–165.

Казанский М.М. Археологические следы миграции готов в эпоху переселения народов: черняховские находки на Римском Западе // Scripta Antiqua. 2016. Вып. V. С. 50–75.

Киши А. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура / отв. ред. В.Х. Теменов. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, 1995. С. 79–101.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992.

Кузнецов В.А. Аланы на Западе: археологическая реальность или миф? // Российская археология. 1996. № 4. С. 71–79.

Мастыкова А.В., Казанский М.М. О происхождении «княжеского» костюма варваров гуннского времени (Горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения / отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 253–267.

Alt K.W. Die artifizielle Schädeldeformation bei den Westgermanen // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. С. 115–126.

Behrens G. Aus der frühen Völkerwandeurngszeit des Mittelrheingebietes // Mainzer Zeitschrift. 1924. Bd. 17–19. S. 63–81.

Ben Abed A. Présence vandale dans le pays de Carthage // Les Barbares. La naissance d'un nouveau monde / dir. E. Berard et al. Venice: Palazzo Grassi, Skira, 2008. P. 321–323.

Bernhard H. Germanische Funde der Spätantike zwischen Strassburg und Mainz // Saalburg-Jahrbuch. 1982. Bd. 38. S. 72–109.

Buchet L. La déformation crânienne en Gaule et dans les régions limitrophes pendant le haut Moyen Age // Archéologie Médiévale. 1988. Vol. 18. P. 55–71.

Dannheimer H. Zum Germanengrab von Beja-Pax Julia // Germania. 1961. Bd. 39. S. 466–467.

Eger C. Vandalische Grabfunde aus Karthago // Germania. 2001. Bd. 79/1. S. 347–390.

Eger C. Vandalisches Trachtzubehör? Zu Herkunft, Verbreitung und Kontexte ausgewälther Fibeltypen in Nordafrika // Das Reich der Vandalen und seine (Vor-) Geschichten / Hrsg. G.M. Berndt, R. Steinacher. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2008. S. 183–195.

Eger C. Grab einer vornehmen Dame // Das Königreich der Vandalen / Hrsg. C. Hattler. Karlsruhe: Badisches Landesmuseum Karlsruhe, 2009. S. 364.

Garscha F. Das völkerwanderngszeitlische Fürstengrab von Altlussheim // Germania. 1936. Bd. 20. S. 191–198.

Garscha F. Zum Grabfund von Altlussheim // Jahrburch des Römisch-Germanischen Zentralmuzeums. 1960. Bd. 33. S. 315–318.

Ghalia T. Le trésor de Thuburbo Majus (Tunisie) // Les Barbares. La naissance d'un nouveau monde / dir. E. Berard et al. Venice: Palazzo Grassi, Skira, 2008. P. 334–336

Godlowski K. "Superiores Barbari" und die Markomannenkriege im Lichte archäologischer Quellen // Slovenska Archeologia. 1984. 32/2. P. 327–350.

Heras Mora F.J., Belén Olmedo Gracera A. Identidad y contexto en la necrópolis tardorromana de Mérida // Identidad y etnicidad en Hispania. Propuestas teóricas y cultura material en los siglos V–VIII / eds. J.A. Quirós Castillo, S. Castellanos García. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2015. P. 275–290.

Heras Mora F.J., Belén Olmedo Gracera A. Rechila, rex suevorum, emeritam ingreditur. La sedes regia de Mérida a través de sus princesas // In Tempore Sueborum. El tiempo de los Suevos en la Gallaecia (411–585). Volumen de Estudios / ed. J. López Quiroga. Ourense: Deputación Provincial de Ourense, 2018. P. 457–460.

In tempore Sueborum. El tempo de los suevos en la Gallaecia (411–585). El primer reino medievla de Occidente / Coord. J. López Quiroga, A.M. Martinez Tejera. Ourense: Armonia Universal, 2017. 546 p.

Istvánovits E., Kulcsar V. Sarmatian and Germanic People at the Upper Tisza Region and south Alföld at the Beginning of the Migration Period // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations / dir. J. Tejral, C. Pilet, M. Kazanski. Brno: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky Brno, 1999. P. 67–94.

Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten Peuple. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2017.

Kazanski M. La diffusion de la mode danubienne en Gaule (fin du IVe siècle – début du VIe siècle): essai d'interprétation historique // Antiquités Nationales. 1990. Vol. 21. P. 59–73.

Kazanski M. Les Goths (Ier–VIIe siècle). Paris: Errance, 1991.

Kazanski M. The Sedentary Elite in the "Empire" of the Huns and its Impact on Material Civilisation in Southern Russia during the Early Middle Ages (5th–7th Centuries AD) // Cultural Transformations and Interactions in Eastern Europe / eds. J. Chapman, P. Dolukhanov. Aldershot, Brookfeild USA, Hong Kong, Singapore, Sidney: Avebury, 1993. P. 211–235.

Kazanski M. A propos de quelques types de fibules germaniques de l'époque des Grandes Migrations trouvées en Gaule au sud de la Loire // Antiquités Nationales. 1995. Vol. 26. P. 161–175.

Kazanski M. Les tombes "princières" de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // L'identité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Sophia Antipolis: Editions APDCA, 1996. P. 109–126.

Kazanski M. La Gaule et le Danube à l'époque des Grandes Migrations // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im Mittleren Donauraums / Hrsg. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski. Brno: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky Brno, 1997. P. 285–319.

Kazanski M. Les Barbares en Gaule du Sud-Ouest durant la première moitié du Ve siècle // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations / dir. J. Tejral, C. Piliet, M. Kazanski. Brno: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky Brno, 1999. P. 15–23.

Kazanski M. Les fibules originaires de l'Europe centrale et orientale trouvées dans les Pyrénées et en Afrique du Nord. A propos des traces archéologiques des Suèves, des Vandales et des Goths dans la Méditerranée occidentale à l'époque des Grandes Migrations // Superiores Barbari. Księgaku czsi Profesora Kazimierza Godłowskiego / red. R. Madyda-Legutko, T. Bochnak. Kraków: Uniwersytet Jagerlloński, 2000. P. 189–202.
Kazanski M. Les Burgondes et l'apport ponto-danubien de l'époque hunnique // Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest,Brăila: Editura Academiei Române, Editura Istros, 2009a. P. 455–491.
Kazanski M. Les traces archéologiques de la migration des Vandales et de leurs alliés suèves: état des recherches // Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest, Brăila: Editura Academiei Române, Editura Istros, 2009b. P. 427–454.
Kazanski M., López Quiroga J., Périn P. Le costume féminin « princier » de tradition germanique orientale À l'Époque des Grandes Migrations en Espagne et en Gaule du Sud et ses réiniscences dans le royaume hispano-wisigothique // In Tempore Sueborum. El tiempo de los Suevos en la Gallaecia (411–585). Volumen de Estudios / ed. J. López Quiroga. Ourense: Deputación Provincial de Ourense, 2018. P. 61–84.
Kazanski M., Mastykova A. A propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations : le costume à appliques en or // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' [ss. V–VII). Balance y Perspectivas. Actas de la Mesa Redonda hispano-francesca celebrada en la Universidad Autónoma de Madrid (UAM) y Museo Arqueológico Regional de la Comunidad de Madrid (MAR) / eds. J. López Quiroga, A.M. Martínez Tejera, J. Morín de Pablos. Oxford, 2006. P. 291–305. (BAR International Series, 1534).
Kazanski M., Mastykova A. La tombe de Hochfelden // In Tempore Sueborum. El tiempo de los Suevos en la Gallaecia (411–585). Volumen de Estudios / ed. J. López Quiroga. Ourense: Deputación Provincial de Ourense, 2018. P. 109–114.
Kazanski M., Périn P. Identité ethnique en Gaule à l'époque des Grandes Migrations et Royaumes Barbares : étude de cas archéologiques // Antiquités Nationales. 2008. Vol. 39. P. 181–216.
Kazanski M., Périn P. Archéologie funéraire et ethnicité en Gaule à l'époque mérovingienne (réponse à Guy Halsall) // Entangled Identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe. Historical, Archaeological and Bioarchaeological Approaches / eds. J. López Quiroga, M. Kazanski, V. Ivanišević. Oxford, 2017. P. 199–212. (BAR International Series, 2852).
Kleemann J. Vandals went west – was archäologischen Quellen £über die Westmigration der „Wandales" aussagen können // Das Reich der Vandalen und seine (Vor-) Geschichten / Hrsg. G.M. Berndt, R. Steinacher. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2008. S. 87–96.
Koenig G.G. Wandalische Grabfunde des 5. und 6. Jhs. // Madrider Mitteilungen. 1981. Bd. 22. S. 299–360.
Lebedynsky I. La grande invasions des Gaules 407–409. Clermont, Ferrand: Lemme, 2012.
Mączyńska M. La question de l'origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations // La Méditerranée et le monde mérovingien: témoignes archéologiques / dir. X. Delestre, P. Périn, M. Kazanski. Aix-en-Proivence: Association Provence Archéologie, 2005. P. 247–255.
Madyda-Legutko R. Studia nad zfożnicowaniem metalowych części pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końca pasa. Kraków, 2011.
Mastykova A. Amber beads witch incised linear decoration in the Great Migration Period // International Connections of the Bararians ofthe Carpathian Basin in the 1st–5th Centuries A.D. / eds. E. Istvánovits, V. Kulcsár. Aszód-Nyíregyháza: Jósa András Museuym, Ostváth Gedeon Museum Fondation, 2001. P. 341–361.
Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1995. 26/27. P. 140–191.
Merlin A. Découvertes à Thuburbo-Majus // Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et de Belles Lettres. 1912. P. 347–360.
Merlin A., Lantier R. Catalogue du Musée Alaoui (2e suppl.). Paris: E. Leroux, 1922.
Möller J. Katalog der Grabfunde aus Völkerwanderungszeit und Merowingerzeit in Südmainische Hessen (Starkenburg). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987.
L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. après J.-C. Paris: Réunion des Musées nationaux, 2000.
Palma Santos A.I. La tombe wisigothique de Santa Clara à Beja (Portugal) // Les Barbares. La naissance d'un nouveau monde / dir. E. Berard et al. Venice: Palazzo Grassi, Skira, 2008. P. 364–365.
Périn P., Kazanski M. "Foreign" objects in the Merovingian cemeteries of Northern Gaul // Foreigns in Early Medieval Europe: Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility / ed. D. Quast. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2009. P. 149–167.
Périn P., Kazanski M. Identity and Ethnicity during the Era of Migrations and Barbarian Kingdoms in the Light of Archaeology in Gaul // Romans, Barbarians and the Transformation of the Roman World / eds. R.W. Mathisen, D. Shanzer. Fanrham-Burlington: Ashgate, 2011. P. 299–330.
Pérez Rodríguez Aragón F. Elementos de tipo barbaro oriental y danubiano de época bajo-imperial en Hispania // Congreso International "La Hispania de Teodoso" 2 / coord. R. Teja, C. Pérez González. Segovia: Universidad SEK, 1998. P. 629–647.
Pérez Rodríguez Aragón F. Testimonios materiales de la presencia de tropas "bárbaras" en la Hispania romana del siglo V // Sautuola. 2008. XIV. P. 241–266.
Pinar Gil J. A Note of Female Clothing in 5th-Century Southern Gaul // Romania Gothica II. The Frontier World Romans, Barbarians and Military Culture / ed. T. Vida. Budapest: Institute of Archaeological Science at the Eőtvős Loránd University, Martin Opitz Kiadó, 2017. P. 517–555.
Pinar J., Ripol G. The so-called Vandal Objets of Hispania // Das Reich der Vandalen und seine (Vor-) Geschichten / Hrsg. G.M. Berndt, R. Steinacher. Wien: Verlag der Östereichischen Akademie der Wissenschafte, 2008. S. 105–130.
Pollak M. Die germanischen Funde vom Oberleisberg (Niederösterreich) // Germanen beiderseits des Spätantiken Limes / Hrsg. T. Fischer, G. Precht, J. Tejral. Köln, Brno: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky Brno, 1999. P. 207–214.
Quast D. Das „Pektorale" von Wolfsheim, Kr. Mainz-Bingen // Germania. 1999. Bd. 77-2. S. 705–718.
Quast D. Völkerwanderungszeitliche Frauengräber aus Hippo Regius (Annaba/Bône) in Algerien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 2005. Bd. 52. S. 237–315.
R.-Alföldi M., Quast D. Der spätantike Schatzfund von Mainz-Kastel. Fremde Krieger am Rhein. Bonn: Verlag Dr. Ruolf Habelt GmbH, 2018.
Raddatz K. Das völkerwznderungzeitliche Kriegergrab von Beja, Portugal // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1959. Bd. 6. S. 142–150.
Rouche M. Les Wisigoths en Aquitaine. Peuple ou armée? // Archaeologia Baltica VII. "Peregrinatio Gothica" / red. J. Kmieciński. Lódź: Katerdra Archeoloçgii Uniwersytetu Łódzkiego, 1986. P. 283–294.

Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch ? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. Und 6. Jahrhunderts N. Chr. Aus den Gebieten westlische des Rheins und südlisch der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1986. Bd. 33. S. 593–720.
Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austiraca. 1988. Bd. 72. S. 223–304.
Tejral J. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen à la lumière des données archéologiques // Antiquités Nationales. 1997. Vol. 29. P. 137–166.
Tejral J. The Problem of the primary Acculturation at the Beginning of the Migration Period // Die spätrömische Kaiserziet und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa / Hrsg. M. Mączyąska, T. Grabarczyk. Lódź: Wydawnictywo Uniwersytetu Łódzkiego, 2000. S. 5–31.
Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky Brno, 2011.
Tejral J. Die frühvölkerwanderungszeitlichen Elitengräber und das Problem der Stilgruppe Untersiebenbrunn // Wandel duirch Migration? / Hrsg. H. Geisler. Büchenbach: Verlag Dr. Fausuts, 2014. S. 39–84.
Tempelmann-Maczynska M. Der goldfund aus em 5. Jahrhundert n. Chr. aus Granada-Albaicín und Seine Beziehungen zu Mittel- und Osteuropa // Madrider Mitteilungen. 1986. Vol. 27. P. 375–388.
Tempelmann-Maczynska M. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römschen Kiserzeit. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1989.
Vallet F. Une implantation militaire aux ports de Dijon au Ve siècle // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association frnaçaise d'archéolgie mérovingienne, 1993. P. 249–258
Von Rummel P.F. Die beigabenführenden Gräber im vandalenzeitlichen Nordafrika. Masterarbeit, Albert-Ludwig Universität, Freiburg, 2000.
Von Rummel P.F. Where have all Vandals gone? Migration, Ansiedlung und Identität der Vandalen im Spiegel archäologischer Quellen Nordafrika // Das Reich der Vandalen und seine (Vor-) Geschichten / Hrsg. G.M. Berndt, R. Steinacher. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2008. S. 151–182.

ОБ ИСКУССТВЕННОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЧЕРЕПА У БУРГУНДОВ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ[1]

Известный немецкий археолог И. Вернер первым поставил вопрос о следах «восточного» влияния в культуре бургундов эпохи переселения народов и меровингского времени [Werner, 1956]. По его мнению, культурные черты восточного происхождения, такие как обычай искусственной деформации головы, появились у бургундов, как и у других варварских народов европейского Запада, под влиянием гуннов, часто в результате прямого контакта с последними. Напомним, что бургунды расселились в Галлии, в местности называемой *Sapaudia*, в 443 г. (на территории современных Бургони, Франш-Конте и западной Швейцарии). Они сюда пришли после разгрома гуннами на Рейне в 436 г. первого бургундского королевства, руководимого Гундихарием. Здесь, в восточной Галлии, возникает так называемое второе бургундское королевство, просуществовавшее до 534 г. При этом, часть бургундов осталась на восточном берегу Рейна. Они оказались в армии Аттилы на Каталаунских полях (Sidoine Apollinaire, carm. VII, 324–325), позднее в 455 г. вместе с гепидами эти бургунды напали на Галлию, но были отражены (*«At Gippidos Burgundiones intra Galliam diffusi repelluntur»* – Consul. Ital. a. 455,5/Chr. Min. I,304 [цит. по: Demougeot, 1979. P. 650, note 126]. Предполагается, что позднее зарейнские бургунды переселились к своим западным родственникам в *Sapaudia* [Demougeot, 1979. P. 649–650; Gaillard de Sémainville et al., 1995. P. 160, 161; Gaillard de Sémainville, 2003. P. 19; Escher, 2003. P. 47].

Археология бургундов в последнее время все больше привлекает внимание исследователей. Сравнительно недавно опубликованы такие важные «бургундские» памятники как некрополи Сен-Сюльпис (Saint-Sulpice) [Marti, 1990] и Сезенан (Sézegnin) [Privati, 1983], Ивердон-ле-Байн (Yverdon-les-Bains) [Steiner, Menna, 2000; Steiner, 2003] в Швейцарии, частично некрополь Бон в Бургони (Beaune) [Gaillard de Semainville et al., 1995], а также два тома актов коллоквиумов, специально посвященных бургундам (Les Burgondes…, 1995; Burgondes…, 2003]. Одновременно введен в научный оборот интересный материал первой половины V в. с территории первого бургундского королевства на территории к востоку от Рейна. Это, прежде всего, некрополь Каль (Kahl) из бассейна Неккара [Teichner 1995; 1999]. Исследователи констатируют, что археологические находки, связанные с бургундами, немногочисленны (рис. 249). К бургундам относят погребения с элементами женского германского костюма (в первую очередь, с пальчатыми фибулами), отдельные вещи германской традиции или «восточного» (центрально- и восточноевропейского) происхождения, а также черепа со следами искусственной деформации [Martin, 1990; 1995; Gaillard de Semainville, 2003]. Отмечается присутствие значительного количества предметов варварского женского костюма, принадлежавших другим традициям: восточногерманской,

[1] Статья опубликована: Казанский М.М. Об искусственной деформации черепа у бургундов в эпоху Великого переселения народов // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. С. 127–139.

аламаннской, даже тюрингской [Vallet, Kazanski, de Pirey, 1995]. Автохтонное романское население, по мнению М. Мартина, выделяется на материале погребальных памятников. Романские могилы либо безинвентарны, либо содержат только единичные предметы, такие как гребни, пряжки, пряслица, перстни. Из предметов вооружения в них представлены исключительно скрамасаксы [Martin, 1990. P. 192]. Разумеется, в реальной жизни романцы, если судить по письменным источникам, занимали в бургундском королевстве сходные с варварами социальные позиции и использовали одинаковый с бургундами набор предметов материальной культуры, но в могилы попадали лишь вещи, значимые для погребального римского обряда.

На территории второго бургундского королевства найдено довольно значительное количество искусственно деформированных черепов. Их около 30 и происходят они из 17 могильников и мест случайных находок [Steiner, Menna, 2000. P. 289] (рис. 249). Как уже говорилось, по мнению И. Вернера этот обычай распространяется в Центральной и Западной Европе в результате экспансии гуннов. Он полагал, что бургунды усвоили этот обычай еще на Рейне и принесли его в Галлию в 443 г. [Werner, 1956. P. 17, 18]. В свое время И. Вернер специально не аргументировал свою точку зрения, которая основывается лишь на двух фактах: хронологическое совпадение между распространением обычая искусственной деформации в Европе и гуннской экспансией, а также довольно значительное число находок таких черепов именно на территории второго бургундского королевства. Концепция И. Вернера остается на сегодняшний день господствующей в европейской археологии, особенно в германоязычных странах. Однако очевидные противоречия между известными фактами истории бургундов и интерпретациями И. Вернера заставляют нас снова обратиться к этой теме.

Действительно, если обычай искусственной деформации головы представлен, как мы увидим, в кочевнических погребениях гуннского времени, он не является специфически гуннским, а связан скорее с иранской степной средой [см., напр.: Фирштейн, 1970. С. 146; Kazanski, 1980; Балабанова, 2004]. Как известно, деформированные черепа в историческую эпоху представлены в IV–III вв. до н.э. у ираноязычных кочевников Центральной Азии, таких как саки [Buchet, 1988. P. 58; Пежемский, 2000. С. 69]. Зато этот обычай, вроде бы, не отмечен у монгольских и сибирских сюнну, считающихся предками гуннов [Дремов, 1977. С. 107–109; Пежемский, 2000. С. 69; там же подробная библиография], хотя вообще в Южной Сибири черепа со следами искусственной деформации известны с эпохи бронзы [напр.: Громов, 2004]. В течении III–I вв. до н.э. искусственно деформированные черепа известны у ираноязычных кочевников степей Южного Урала и, в меньшей степени, Казахстана [Дремов, 1977. С. 107, 108]. Отдельные редкие находки таких

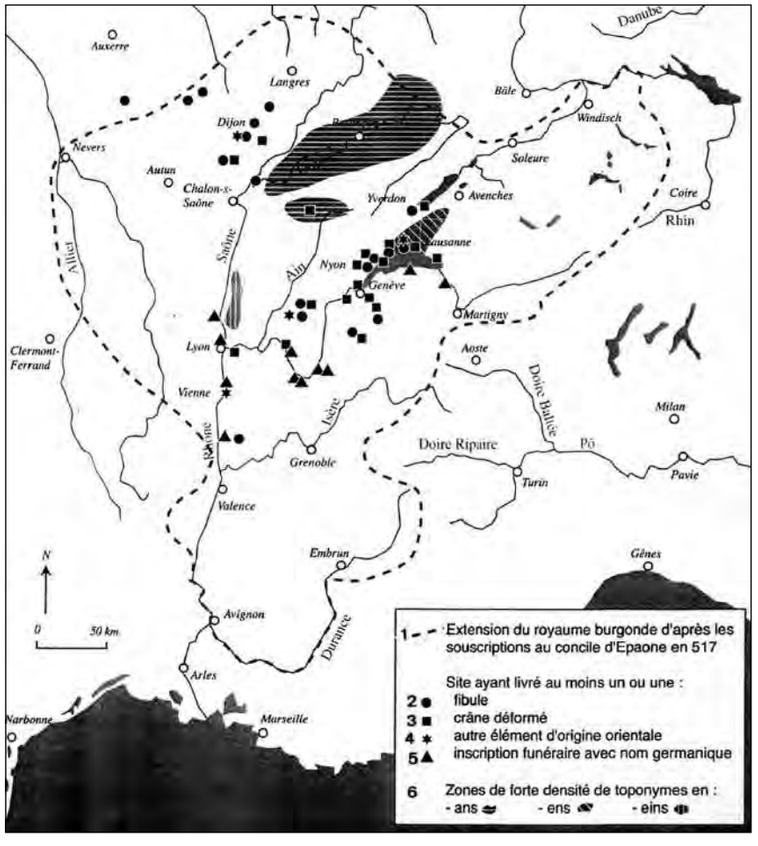


Рис. 249. Следы присутствия бургундов в восточной Галлии [по: Gaillard de Sémainville, 2003]
1 – граница Бургундского королевства к 517 г. (по письменным источникам); 2 – фибулы германской традиции; 3 – деформированные черепа; 4 – другие культурные элементы восточного происхождения; 5 – погребальные надписи с германскими именами; 6 – зоны насыщенности топонимами с окончаниями на -ans, -ens, -eins

черепов есть и в контексте кочевнических древностей того же времени в регионе между Доном и Каспийским морем [Heinrich, 1990. P. 91; Балабанова, 2004. С. 172]. В Средней Азии, в восточном Приаралье и в низовьях Сыр-Дарьи обычай искусственной деформации черепа появляется, скорее всего, под влиянием ираноязычных степняков, например, у оседлого населения джеты-асарской культуры в первых веках до н.э – начале н.э. [Левина, 1992. С. 66]. Еще далее к югу, в Средней Азии, этот обычай известен с V–IV вв. до н.э. (Язтепе) [Балабанова, 2004. С. 176]. Деформированные черепа встречены у кочевников кенкольской цивилизации I–II вв. н.э., на территории современной Киргизии, а также у населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса [Anke, 1998. Bd. 1. S. 125]. Одновременно обычай искусственной деформации черепа появляется в Закавказье, на территории современного Азербайджана. Он попадает сюда с волнами ираноязычных мигрантов, которые движутся на запад в обход Каспийского моря [Anke, 1998. Bd. 1. S. 125]. В Западной Сибири и на Среднем Урале искусственно деформированные черепа известны со II в. н.э. как у сармат, так и у финно-угорского оседлого населения, несомненно, в результате контактов с кочевниками, продвинувшимися сюда из более южных районов [Дремов, 1977. С. 106].

В Европе обычай искусственной деформации головы распространяется по общему мнению, воспринятому и в западноевропейских исследованиях [см., напр.: Kazanski, 1980; Buchet, 1988; Anke, 1998. Bd. 1. S. 125, 126], в первую очередь, у сарматских и аланских племен, по крайней мере, частично продвинувшихся сюда из Азии. Так 80% сармато-аланских погребений II–IV вв., изученных в свое время антропологами, содержали деформированные черепа [Фирштейн, 1970. С. 71]. По последним данным, для нижневолжских погребений позднесарматского времени частота встречаемости деформации достигает 70%, а для нижнедонских – 60% [Балабанова, 2004. С. 172]. Очень скоро этот азиатский обычай распространяется до самых западных окраин сарматского мира. Так, в сармато-аланском некрополе Бокены, в Молдавии, датированном II – первой половиной III в., 40% черепов имели следы искусственной деформации [Heinrich, 1990. P. 91].

В то же время, деформированные черепа зафиксированы и среди костных остатков из греческих некрополей Северного Причерноморья. Для римского времени они отмечены на могильниках Танаиса и других поселений Нижнего Дона, таких как Кобяково, Нижнегниловское, Рогожкино XIII [Батиева, 2001. Табл. 1; Балабанова, 2004. С. 172], а также Ольвии [Жиров, 1940. С. 85]. После середины II в. деформированные черепа появляются в Херсонесе [Зубарь, 1982. С. 45] и, видимо, в некрополях европейского и азиатского Боспора [Масленников, 1990. С. 39, 40, 53, 54][2]. В III–IV вв. отдельные погребения с искусственно деформированными черепами отмечены на могильниках черняховской культуры [Anke, 1998. Bd. 1. S. 126], принадлежавшей населению готской федерации, где был хорошо представлен иранский (скифо-сарматский) компонент. Несколько случаев известны и в позднеримских некрополях на понто-дунайской границе (Tomis, Beroe, Vetus Salina, Arrabona, Brigetio, Augusta Traiana и т.д.), где подобные находки, скорее всего, отражают проникновение восточноевропейских варваров [Werner, 1956. S. 92. Abb. 1; Anke, 1998. Bd. 1. S. 134–136].

Итак, обычай искусственной деформации головы был хорошо известен в Европе, в первую очередь, у сармато-аланских ираноязычных кочевников и их соседей, задолго до появления здесь гуннов. Эти последние, появившись в восточноевропейских степях около 370 г., приносят сюда обычай кремации покойников [Засецкая, 1994. С. 13–16], что значительно затрудняет антропологическое исследование гуннской популяции. Впрочем, немалая часть населения гуннских степей практикует обычай ингумации, что позволяет проследить сохранение в это время практику искусственной деформации головы [Засецкая, 1994. С. 16, 17]. В частности, деформированные черепа происходят из погребений Мелитополь-Кизиярская Балка, Беляус, Керчь (могила 1909 г.)[3], может быть, Покровск-«Восход», Дульчанка (Dulceanca), Геразени (Gheraseni), Дьендьсапать (Gyöngysápáti), Шекшард (Szekszard), Дрславице (Drslavice) [Anke, 1998. Bd. 1. S. 127 и каталог памятников в Bd. 2]. Показательно, что некоторые черепа гуннского времени, происходящие из Среднего Подунавья (Дульчанка, Геразени, Дьендьсапать, Сексард, Дрславице), то есть из зоны расселения «царских» гуннов орды Руа-Бледы-Аттилы в 430–450 гг., имеют выраженные монголоидные черты[4].

Однако в гуннское время искусственная деформация черепа засвидетельствована не только у гуннов, что заставляет нас с крайней осторожностью относиться к попыткам связать данную практику именно и исключительно с гуннами. Так, деформированные черепа в гуннское время известны

[2] Среди могил, процитированных А.А. Масленниковым, фанагорийское погребение 18б (220).1950 датируется III–IV вв. В остальных случаях, которые мне удалось проверить, погребения либо не имеют точной даты, либо относятся к V в.

[3] Погребение 1909 г. происходит из городского греческого некрополя Боспора, однако оно содержало диадему гуннского типа, типичную для степного костюма и совершенно чуждую убору оседлого понтийского населения [Damm, 1988. S. 103–107].

[4] Разумеется, «une déformation fronto-occipitale contribue à donner à une face de type européen un aspect plus large donc plus proche de la morphologie asiatique» [Buchet, 1988. P. 61]. Однако монголоидные черты, в самом деле, хорошо известны у степных популяций гуннского времени в целом и, с другой стороны, надежно засвидетельствованы у гуннов античными авторами.

у оседлых финно-угров Прикамья [Дремов, 1977. С. 108, 109], у аланского и неаланского населения Центрального Предкавказья (Байтал-Чапкан, погр. 17, 24, 29, Гиляч, погр. 4.1965, Чми, погр. 1, Хазнидон и др.) [Минаева, 1953. С. 5, 10, 13; 1982. С. 230; Абрамова, 1986. С. 50; Кузнецов, 1992. Рис. 19,1], у жителей Танаиса (погр. 39, 253, 15.1984, 18.1985, 4.1989, 6.1990, 25.XVIII.1992, 44.XVIII.1992) [Батиева, 2001. Табл. 1], на Боспоре Киммерийском (Сиреневая Бухта, погр. 15/3, 19/7, 21/9) [Пежемский, 2000. С. 68, 69] и, возможно, в Херсонесе (погр. 427.1893 г.) [Werner, 1956. S. 103].

В гуннскую эпоху, в первой половине V в. обычай искусственной деформации черепа впервые появляется у оседлого населения Центральной Европы, на Среднем Дунае [Schrötter, 1988. S. 261]. Для периода D2 (380/400–440/450 гг.), согласно «варварской хронологии» [см.: Tejral, 1988; 1997], деформированные черепа представлены в погребениях Графтенворт (Graftenwörth) 3 и Леобендорф (Leobendorf) [Anke, 1998. Bd. 1. S. 128], содержавших серогончарные сосуды с лощеным декором, принадлежащие к так называемой «керамике федератов», важные для датировки этих комплексов. Серия находок принадлежит периоду D2/D3 (430/440–470/480 гг.), то есть времени Аттилы и эпохе падения гуннской «империи». Назовем такие могилы как Лаа (Laa), погр. 1, Регёй (Regöly), Хоберсдорф (Hobersdorf), Миттерхоф (Mitterhof), Мощ (Mősz), Сирмабешенье (Szyrmabesenyő) [Anke, 1998. Bd. 1. S. 126–128]. К тому же времени относятся и деформированные черепа из готского некрополя Ботошани (Botoşani), в румынской Молдове [Anke, 1998. Bd 1. S. 18, 19]. На первый взгляд, хронологическое совпадение между появлением гуннской державы на Среднем Дунае и распространением здесь обычая искусственной деформации черепа очевидно, тем более, что могилы кочевнического облика также хорошо представлены в Карпатском бассейне [Tejral, 1988. S. 260–267].

Не стоит однако забывать, что гунны двигались на Запад не одни. Их сопровождали (или от них бежали) и другие группы населения понто-кавказского региона – готы, аланы, герулы, скиры, возможно, сарматизированные греки. Скорее всего, с их продвижением следует связывать распространение в Центральной и Западной Европе «восточных» культурных элементов, не характерных для собственно гуннов[5]. К их числу относятся малые двупластинчатые фибулы, в частности, типа Карнунтум-Ослип, восточногерманской культурной традиции [Tejral, 1988. Abb. 12,8,9], металлические зеркала с центральной петлей типа Чми-Бригецио/Анке-1 [Anke, 1998. Bd. 1. S. 203], «кавказские» кинжалы с вырезами у рукояти [Tejral, 1997a. Fig. 12,3,5], понто-кавказские фибулы с подвязной ножкой типа Амброз 16/3-I [Tejral, 1988. Abb. 29,5], серогончарная лощеная «керамика федератов», а также керамика черняховского облика [Tejral, 1988. Abb. 13–15; 1997a. Fig. 4,10], ременные наконечники в виде язычка с двумя продольными фасетками [Tejral, 1988. Abb. 22,7,8], наконечники с загнутым концом [Tejral, 1988. Abb. 24,13], ожерелья из металлических пронизок [Tejral, 1988. Abb. 10,15], гребни типа Томас III [Tejral, 1988. Abb. 4,11,12; 7,21,31 и т.д.], женский костюм «смешанного» понто-германского типа, послуживший основой для формирования княжеского дунайского убора типов Унтерзибенбрунн и Смолин [Мастыкова, Казанский, 2003]. Все эти вещи не типичны для степных кочевников, зато хорошо представлены в древностях оседлого понтийского населения (германцы, сарматизированные греки, эллинизированные сарматы и аланы).

Некоторые другие вещи, такие как мечи с железным массивным перекрестьем (азиатского типа по В. Менгину [Menghin, 1994–1995. P. 165–175]), калачевидные серьги [Pilet, Buchet, Kazanski, 1994. P. 105–110], золотые бляшки-аппликации [Кишш, 1995. Табл. 2], пряжки с «хоботковым» язычком [напр.: Kazanski, 1996. Fig. 9], металлические зеркала типа Березовка/Анке 2 [Anke, 1998. Bd. 1. S. 203], появившиеся на Среднем Дунае в первой половине V в., известны как у степных кочевников, так и у оседлого понтийского населения. Вне всякого сомнения, сармато-аланский обычай искусственной деформации черепа так же относится к числу таких общих надкультурных элементов и мог быть занесен в Центральную Европу как непосредственно гуннами, так и другими группами восточноевропейского населения, продвинувшимися на Запад после 375 г.

Появление восточноевропейских мигрантов различного происхождения, руководимых гуннами, привело к политической, этнической и культурной реструктуризации среднедунайского региона. Следы этой перестройки хорошо видны в археологическом материале. В первой трети V в. здесь появляются укрепленные поселения, а также «княжеские» могилы горизонта Унтерзибенбрунн. Памятники местного населения дали немало находок вещей восточного происхождения [Tejral 1988; 1997], но, похоже, внутренняя структура среднедунайских варварских обществ на этом этапе коренных изменений не претерпела, поскольку археологический материал в целом свидетельствует о культурном, экономическом и демографическом континуитете по отношению к предшествующему периоду. Зато для второй четверти V в., то есть для эпохи Аттилы,

[5] К числу показательных для гуннов культурных черт специалисты относят обряд кремации, при отсутствии конской шкуры в погребениях, распространение специфических металлических котлов, некоторых типов воинской экипировки, таких как трехлопастные «ярусные» наконечники стрел, седла с металлической обкладкой и отдельных видов женских украшений (напр., звездчатые колты, диадемы, декор с драконами) [см.: Засецкая, 1994].

Я. Тейрал отметил радикальные изменения в жизни дунайских варваров [Tejral, 1997; 1997a; 1999; 2003]. Население становится очень смешанным в культурном плане, оно теперь объединяет в рамках одного социума как пришлые, так и автохтонные группы. Перестраивается территориально-политическая структура, появляются новые компактные группы памятников, принадлежавшие сравнительно небольшим милитаризованным коллективам, формирующимся вокруг новых элит. Археологическим отражением этих новых правящих элит являются небольшие могильники с высоким процентом погребений с оружием (мечи, скрамасаксы, луки, стрелы) и с престижным женским убором типа Смолин, восточногерманским по происхождению. Речь идет, в сущности, о формировании малых варварских королевств, прямых предшественников раннесредневековых государств (о феномене малого варварского королевства см., в частности [Казанский, Мастыкова, 2001. С. 146–148; Ахмедов, Казанский, 2004. С. 170]). Смешанное население дунайских королевств, вне всякого сомнения, подчиненных Аттиле, и составляло большую часть гуннов, тех, что описаны у Приска Панийского или Сидония Аполлинария. Культура этих королевств имеет гетерогенный характер, восточноевропейские элементы, причем не только типично гуннские, играют в ее формировании важную роль. Именно в этом контексте и следует рассматривать распространение у европейских варваров «восточного» обычая искусственной деформации черепа.

После падения «империи» Аттилы, в течении второй половины V – начала VI в., искусственная деформация черепов отмечена у многих народов Европы, в первую очередь, среди тех, кто входил в состав гуннского объединения – остроготов, гепидов, свевов, ругов. Впрочем, распространяется обычай и у варваров, менее связанных с гуннами, таких как лангобарды, аламанны, баювары [Schrötter, 1988; Heinrich, 1990. S. 92; Anke, 1998. Bd. 1. S. 129–134; Glaser, 2001. P. 292]. В Восточной Европе в постгуннское время деформированные черепа хорошо известны на Северном Кавказе и в Крыму, в частности, у понтийского греко-варварского населения (напр. Керчь, Фанагория, Зюк [Шкорпил, 1909. С. 6; Блаватский, 1951. С. 200; Масленников, 1992. Рис. 21]).

Все вышеперечисленные народы и регионы так или иначе входили в зону гуннской активности и, стало быть, подпадали под прямое или опосредованное влияние культуры гуннской «империи». Однако обычай искусственной деформации головы попадает и на римский Запад, где гуннское влияние было, в лучшем случае, эпизодическим и второстепенным. Так, деформированные черепа найдены в Италии, например, в Казалеччио (Casalecchio), в плитовом погребении, а также в Падуе, в могиле из черепицы [Werner, 1956. S. 114]. Погребения не содержали инвентаря, поэтому их трудно датировать, однако устройство могил и погребальный обряд (ингумация без инвентаря в плитовых или черепичных могилах) свидетельствуют об их принадлежности позднеримскому населению.

Подчеркнем, что индивидуумы с деформированными черепами, погребенные в постгуннское время (примерно 450–510/530 гг.), подверглись этой трансформации в раннем детстве, то есть в эпоху Аттилы. Несомненно, речь идет о престижной восточной моде гуннского времени [Kazanski, 1980; Buchet, 1988. P. 61; Heinrich, 1990. P. 92], скорее всего, распространявшейся выходцами с европейского востока [Buchet, 1988. P. 65]. Однако эта мода, как мы смогли убедиться, широко перекрывала политические, этнические и культурные границы того времени, и поэтому не может служить ни этническим признаком, ни даже свидетельством прямого контакта с гуннами.

Все вышесказанное в полной мере относится и к находкам деформированных черепов на территории второго бургундского королевства. Речь здесь может идти не о прямом контакте с гуннами, а лишь о проявлении престижной понто-дунайской моды (о феномене этой моды см., напр. [Kazanski, 1989; 1996; 1997]). Кстати, деформированные черепа в Галлии (рис. 237) во второй половине V в. распространяются не только у бургундов [Buchet, 1988]. Они, в частности, были найдены и на раннемеровингском могильнике Дахштейн (Dachstein) в Эльзасе [Heintz, 1974]. Такой череп происходит из погребения Рутье (Routier) в Юго-Западной Галлии (совр. департамент Aude). Здесь саркофаг с ингумацией содержал элементы, типичные для женского визиготского костюма позднего V или раннего VI в. [Toulze, 1983][6]. На меровингском некрополе Сен-Мартен-де-Форнтене (Saint-Martin-de-Fontenay) в Нижней Нормандии [Pilet, 1994] было найдено 7 деформированных черепов, на сегодняшний день это самая большая концентрация таких находок во Франции[7]. Никому в голову, естественно, не придет связывать этот северофранцузский памятник с бургундами. Зато в данном некрополе четко фиксируется присутствие вещей дунайской восточногерманской традиции, встречаются они и в могилах с деформированными черепами (в частности, погр. 359 и 719)[8]. Скорее

[6] В юго-западной Галлии деформированные черепа встречаются и позднее, например, в меровингском некрополе Венерк (Venerque) [Vidal, 1991].

[7] Эти находки не отмечены на рис. 2, поскольку к моменту опубликования статьи Л. Бюше материал некрополя еще не был введен в научный оборот.

[8] В женской могиле 359 погребенная сопровождалась фибулами восточногерманской традиции, которые однако находились не на плечах покойной, как это типично для восточных германцев, а в районе таза, согласно западногерманской меровингской моде. Скорее всего, погребенная принадлежит уже второму поколению поселившихся здесь дунайских варваров,

всего, древняя популяция Сен-Мартен-де-Форнтене во второй половине V в. включала группу восточногерманских выходцев из среднедунайского региона, видимо, привлеченных на римскую воинскую службу для защиты атлантической границы империи от саксонских пиратов.

Что касается деформированных черепов с территории второго бургундского королевства, то с их исключительно бургундской атрибуцией тоже не все ясно. Прежде всего, почему такие черепа встречаются исключительно в западной половине гипотетической *Sapaudia* [Steiner, Menna, 2000. Fig. 244] и полностью отсутствуют в ее восточной части, к востоку от швейцарских озер, где, кстати, пока вообще нет никаких археологических следов присутствия варваров [Gaillard de Sémainville, 2003. P. 23]? Почему их нет и в регионе г. Лион, важного центра расселения бургундов [Gaillard de Sémainville, 2003. P. 19]?

С точки зрения физической антропологии, популяции, которые включают индивидуумов с деформированными черепами, не отличаются от остального населения региона, как показали исследования на могильнике Бон (Beaune) [Castex et al., 1995. P. 182]. Долгое время считалось, что характер зубов бургундов имеет параллели в антропологическом материале монголоидных популяций, в этом видели доказательство контактов между бургундами и гуннами[9] [см., напр.: Baud, 1995]. Выясняется однако, что эти же характеристики присущи и зубам местного населения региона уже в преисторическую и протоисторическую эпохи [Buchet, 1988. P. 62; Castex et al., 1995. P. 182]. По этому поводу можно лишь присоединиться к осторожному мнению А. Гайард де Семанвиля [Gaillard de Sémainville, 2003. P. 22], что для более определенных выводов необходимо изучение больших серий костного материала из Бургундии и Швейцарии, чего пока не было сделано.

Сама по себе идея заимствования бургундами этого восточноевропейского обычая непосредственно от гуннов является спорной. В самом деле, контакт между бургундами, расселившимися в восточной Галлии в 443 г., и гуннами был коротким эпизодом [Simon, 1995. P. 207; Anke, 1998. Bd. 1. S. 133] и его обстоятельства – страшный разгром рейнских бургундов гуннами в 436 г. – мало способствовали усвоению каких бы то ни было культурных влияний [Buchet, 1988. P. 62, 63]. Действительно, как уже говорилось, обычай искусственной деформации в самом деле распространялся в Европе, в первую очередь, в зоне активности Аттилы [Simon, 1994. P. 33], тем не менее столь же очевидно, что бургунды, ушедшие с Рейна и закрепившиеся в 443 г. в *Sapaudia*, никогда не были в подчинении у гуннов[10]. Можно, конечно, предположить, что обычай искусственной деформации головы был все-таки заимствован от гуннов оставшимися за Рейном бургундами, позднее присоединившимися к своим галльским собратьям [Gaillard de Sémainville, 1995. P. 160, 161]. Ниже мы рассмотрим такую возможность.

Археологический контекст находок деформированных черепов выглядит странно. Действительно, легко заметить, что большая часть их происходит не из варварских могил с германским инвентарем, а из безинвентарных погребений, скорее романского облика [Steiner, 2003. P. 184]. К сожалению, лишь часть погребальных памятников опубликована, это уже упоминавшиеся Сен-Сюльпис, Сезенан, Ивердон-ле-Байн, Бон, а также некоторые отдельные погребения. Другие памятники эпохи второго бургундского королевства, откуда происходят деформированные черепа, остаются недоступными для исследователей, или же их раскопки плохо документированы. Это могильники Аннези (Annecy), Бель-Эр (Bel-Air), Дюлли (Dully), Клеменси-Нион (Clemency-Nyon), Кре (Creux), Ле Комб (Les Combes), Месокко-Бенаббиа (Mesocco-Benabbia, в данном случае находка деформированного черепа сомнительна [Simon, 1995. P. 208]), Меизье-ля-Дан (Meyzieu-La Dent), Нуарон-су-Жеврей (Noiron-sous-Gevrey), Сен-Мартен-де-Френ (Saint-Martin-du-Fresne), Сен-Пре (Saint- Preux), Вуатер (Voiteur).

Судя по хорошо раскопанным и опубликованным памятникам, количество индивидуумов с деформированными черепами в «бургундских» коллективах, оставивших могильники, было крайне незначительным [Buchet, 1988. P. 60, 61], никогда не более 4 из общего количества погребенных. Таким образом, речь идет о маргинальном, хотя и бросающемся в глаза феномене. Далее, лишь немногие из индивидуумов с деформированными черепами сопровождались погребальным инвентарем, типичным для германцев. В реальности в бургундском ареале лишь два таких погребения могут быть по инвентарю отнесены к числу германских. Это погребение 17 некрополя Дюлли, где была обнаружена арбалетная фибула [Marti, 1994. P. 32], и особенно могила 312 некрополя Бон (рис. 250, *A*), откуда происходит пара пальчатых фибул, находившихся согласно восточногерманской моде на плечах, и поясная пряжка [Gaillard de Sémainville et al., 1995. Fig. 10,312]. Более того, фибулы из могилы 312 (рис. 250, *A.2*), так же как и близкая им пара из погребения 57 могильника Сен-Сюльпис, происходят с Рейна [Marti, 1995. P. 133, 134]. Они вполне могли быть принесены первой (в 443 г.) или второй (сразу после 455 г.) волной переселенцев с территории первого бургундского королевства [Gaillard de Sémainville et al., 1995. P. 154]. Стоит также привести погребение из Вьен-Сен-Пьер (Vienne-Saint-Pierre), на Роне, где погребенный с золотой калачевидной восточноевропейской серьгой [Jannet, 1986] вроде бы имел, по непроверенной информации, деформированный череп. Этим исчерпываются все известные мне в бургундской зоне случаи, где погребенные с деформированным черепом сопровождались «варварским» погребальным инвентарем.

Зато серия погребений романской традиции, давших деформированные черепа, значительно больше. Это, во-первых, могилы, содержавшие, по романской традиции, один символический предмет (см. выше). Так, погребения Бон 298 [Gaillard de Sémainville et al., 1995. Fig. 9,298] (рис. 250, *B.b*), Тур-де-Пелц (Tour-de-Peilz) 455 [Simon, 1995. P. 213], Сезенан[11] 139, 263, 276 [Privati, 1983. Pl. 3,139; 6,263; 8,276] содержали поясную пряжку. Погребения IB и 17D2 некрополя Женолье (Genolier) содержали по костяному гребню [Simon, 1995. P. 211][12]. Сюда же следует добавить безинвентарные погребения, содержавшие костяки с деформированными черепами, поскольку отсутствие инвентаря характеризует именно романские погребения Западного Средиземноморья этого времени. Это погребения Бель-Эр 68 и 664 [Anke, 1998. Bd. 2. S. 13], Бон 314 и 346 [Castex et al., 1995. P. 176] (рис. 250, *B.c,d*), Клементи-Нион 9 [Simon, 1995. P. 211], Бриор (Briord) 299 [Gaillard de Sémainville et al., 1978], Ивердон-ле-Байн 129 [Steiner, Menna, 2000. P. 285][13].

Мы не располагаем информацией об условиях находок других деформированных черепов с территории второго бургундского королевства, но и из приведенных данных ясно, что складывается парадоксальная ситуация: варварский обычай искусственной деформации головы лучше представлен в погребениях романской традиции (14 случаев, то есть практически половина бургундских находок), чем в захоронениях германской и негерманской варварской традиции (3 случая, из них 2 достоверных). Даже если предположить, что часть безинвентарных ингумаций на некрополях Бель-Эр, Бон, Бриор и Клементи-Нион могла принадлежать варварам из «низших» социальных групп (этим часто объясняют отсутствие инвентаря в некоторых погребениях на аламаннских и франкских могильниках), то и в этом случае сохраняется та же тенденция: по настоящему «варварские» могилы (не более 3) уступают в числе погребениям романской традиции с одним символическим предметом (7 могил).

Итак, представляется неосторожным прямо связывать распространение деформированных черепов в зоне второго бургундского королевства с собственно бургундами. Несомненным однако остается тот факт, что в Галлии большая часть памятников с такими черепами находится все-таки на территории бургундского королевства, а это вряд ли случайно [см. карты и списки находок: Simon, 1995; Gaillard de Sémainville, 1995; 2003; Anke, 1998; Steiner, Menna, 2000; Steiner, 2003][14]. Несомненно, какая-то связь между населением, практиковавшим этот обычай, и бургундами существует [Simon, 1995; Gaillard de Sémainville, 1995. P. 160].

В общем, все исследователи согласны с тем, что данный обычай был принесен в Бургундию какими-то выходцами из Центральной или Восточной Европы, расселившимися в восточной Галлии в V в. в процессе создания здесь второго бургундского королевства [Gaillard de Sémainville, 1995. P. 154; Simon, 1995. P. 207, 208]. Отметим, кстати, что и другие культурные элементы понто-дунайской традиции распространяются в середине и второй половине V в. на территории второго бургундского королевства. Это металлические зеркала типа Карповка, скрамасаксы, калачевидные серьги, двупластинчатые фибулы и различные пальчатые фибулы, крупные халцедоновые бусы, серьги с многогранником [см., напр.: Kazanski, 1989. Fig. 5,25; 6,6; 1997. Fig. 1,5,6; 10,1,2,10,11; 14,6,7,9,10; Vallet, Kazanski, De Pirey, 1995. Fig. 1,10; 2,2,4–6,14–16; 3.B; 4,5; 5,5–7; 6,3; 7; Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. Fig. 172–176; Мастыкова, 2001; Gaillard de Sémainville, 2003. Fig. 7,1; 12,1; Escher, 2003. Fig. 13–14]. Их распространение объясняется, с одной стороны, феноменом престижной понто-дунайской моды, распространяемой бургундскими элитами [Kazanski, 1989. P. 67], с другой – прямым переселением отдельных групп выходцев из Центральной Европы [Martin, 2002]. В западноевропей-

подвергшихся аккультурации. К сожалению, сложно интерпретировать другие находки деформированных черепов в Северной Галлии. Так, ингумации в погребении 65 в Страсбурге и в погребении 12 в Понтуаз (Pontoise) не содержали погребального инвентаря, а погребения с деформированными черепами из Моль (Maule) и Вик (Vicq) не опубликованы.

[9] Монголоидные черты действительно присутствуют у ряда скелетов из кочевнических могил гуннской эпохи: Геразени (Gheraseni), Будапешт-Цугло (Budapest-Zugló), Дьендьсапать (Gyöngösapáti), Сексард (Szekszárd), Вена-Зиммеринг (Vienne-Simmering), Беляус (2 костяка), Верхне-Погромное, Дрславице (Drslavice). Однако основная масса антропологических находок из степных погребений этого времени таких черт, кажется, не имеет. По предварительным подсчетам И. Боны [Bona, 2002. P. 25, 26], монголоиды составляли от 20 до 25% гуннского населения. Автор, правда, не объясняет, как он получил эту цифру, и какие материалы он привлекал для подсчетов.

[10] Кстати неизвестно, принадлежали ли гунны, разгромившие бургундское королевство Гундихария на Рейне, к клану «царских» гуннов Руа-Бледы-Аттилы, или же это была какая-то другая орда, нанятая военным губернатором Галлии Аэцием [Perrin, 1968. P. 264–267].

[11] Некрополь в целом принадлежит романскому населению. Три погребения с деформированными черепами находились по соседству на одном участке и, возможно, принадлежат одной семейной группе.

[12] Сложно отнести к какой-то культурной традиции мужское погребение 236 некрополя Сен-Пре, содержавшее поясную пряжку и кошелек – набор, одинаково характерный как для романцев, так и для германцев.

[13] Этот некрополь также принадлежит романскому населению.

[14] Даже если принять во внимание тот факт, что антропологически этот регион изучен тщательнее, чем другие [Buchet, 1988. P. 63].

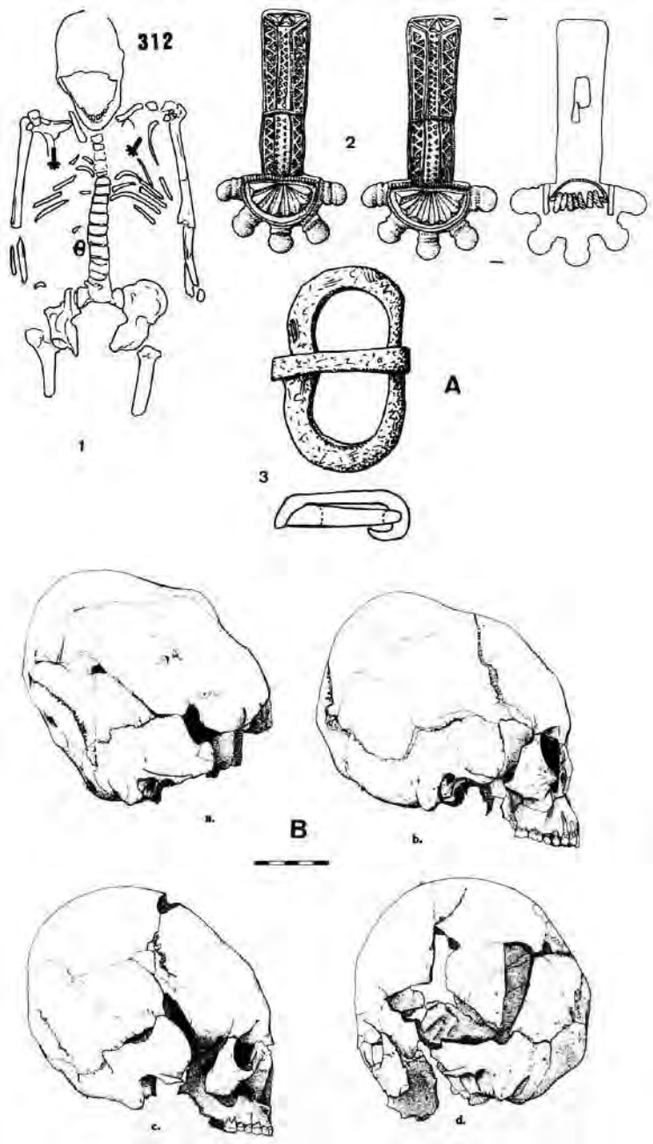


Рис. 250. Деформированные черепа из могильника Beaune в Бургундии
А – погр. 312 [по: Gaillard de Sémainville et al., 1995]
В – черепа из погр. 312 (a), 298 (b), 346 (c), 314 (d) [по: Castex et al., 1995]

ской археологии считается общепризнанным, что женский «этнографический» убор в архаических обществах является предметом коммерции лишь в исключительных случаях и обычно перемещается в пространстве вместе с их носительницами [Werner, 1970]. Поэтому есть основания считать, что вышепоименованные предметы женского убора попали в Бургундию с реальными выходцами из понто-дунайского региона.

Следует однако подчеркнуть, что речь идет, как мы видели, о людях, достаточно интегрированных в римское общество, хоронивших своих покойных часто по римским обычаям и на могильниках романского населения, таких как Сезенан или Ивердон-ле-Байн. На мой взгляд, это исключает возможность атрибуции погребений с деформированными черепами зарейнским бургундам, подселившимся к своим галльским родственникам после падения державы Аттилы (см. выше). Действительно, трудно поверить, что восточные бургунды второй волны, пришедшие в Галлию прямо из Барбарикума, могли немедленно интегрироваться в романскую среду. Вспомним хотя бы красноречивые описания бургундских дикарей, вышедшие из-под пера Сидония Аполлинария, который наблюдал их лично.

С другой стороны, серия вещей, происходящих с территории к востоку от Рейна, известна в Бургундии [см. подробно: Marti, 1990; 1995; Teichner, 1995; Vallet, Kazanski, De Pirey, 1995; Steiner, Menna, 2000. P. 154–156][15]. В то же время, если судить по археологическим находкам в бассейне Неккара[16], некое восточное культурное влияние, в контексте которого и распространялся обычай искусственной деформации головы, у зарейнских бургундов ощущается. Здесь, в частности, известны восточноевропейские по происхождению «хоботковые» пряжки [см., напр.: Teichner, 1995. Fig. 2,14,19,20]. Однако деформированные черепа в гуннское время здесь не известны, да и вообще понто-дунайское воздействие чувствуется слабо.

Рассмотрим другие возможности. В конечном итоге, нельзя исключить, что восточные культурные элементы, включая обычай деформации головы, могли распространяться с аланами, попавшими в Галлию в волне нашествия 406 г. [Buchet, 1988. P. 64]. К середине – второй половине V в. их потомки вполне могли интегрироваться в романскую среду. Непонятно, правда, почему они археологически фиксируются преимущественно в бургундской зоне, тогда как зоной их значительного расселения были также регионы Луары и Роны.

Наконец, нельзя исключать прямого присутствия дунайских варваров, переселившихся в Бургундию. Мы уже упоминали гепидов, напавших на Галлию в союзе с восточными бургундами в 455 г. М. Мартин, изучив материалы могильника Базель-Кляйнхюнинген (Basel-Kleinhüningen) в современной западной Швейцарии, пришел к выводу о присутствии здесь группы дунайских свевов [Martin, 2002]. Скорее всего, гепидами и свевами список не исчерпывается.

Здесь уместно напомнить о той важной роли, которую играли бургунды и их предводители в армии Западной римской империи. Известно, что эта армия в значительной степени формировалась за счет выходцев из понто-дунайского региона. Это остроготы короля Ведимера в 471–474 гг., аланы короля Беоргора, скиры, герулы, «скифы»[17], ругии, набранные императором Антемием и руководимые одно время Одоакром [Demougeot, 1979. P. 583, 598, 603, 608; Kazanski, 1989. P. 66]. В контексте римской армии бургунды и смогли, прежде всего, познакомиться с понто-дунайской модой.

В 471–472 гг. бургундский король Гондебавд, в союзе с западноримским главнокомандующим Рикимером (кстати его отец был свев, то есть выходец со Среднего Дуная) сражается против войск Одоакра и Ведимера, поддерживающих императора Антемия. Остроготы Ведимера переходят на сторону Гондебавда и Рекимера и 11 июля 472 г. войска Антемия капитулируют в Риме [Demougeot, 1979. P. 598–600]. После смерти Рекимера Гондобавд становится главнокомандующим западноримской армии и в этом статусе, вне всякого сомнения, получает под свое командование остатки отрядов дунайских варваров, набранных Антемием [Demougeot, 1979. P. 600]. Гондебавд выдворяет из Италии остроготов Ведимера, но сам, в свою очередь, в 474 г. изгоняется со службы новым римским императором Юлием Непотом и возвращается в Бургундию. Поскольку в это время в позднеримской армии варварские наемники обязаны были своему предводителю личной верностью, то совсем не исключено, что «дунайские» (или «понто-дунайские»?) отряды уходят с ним в Бургундию. Эта группа солдат, сопровождавшаяся семьями, была сравнительно романизована, так как скиры, герулы и ругии уже давно жили на дунайской границе империи и частично даже в ее административных пределах. Она то и могла быть в Бургундском королевстве носителем восточных культурных элементов, включая обычай искусственной деформации черепа.

[15] Эти вещи, впрочем, по датировке могут принадлежать как бургундам первой волны, пришедшим в Галлию в 443 г., так и второй волне переселенцев, пришедшей после 455 г. [Gaillard de Sémainville, 2003. P. 29]. Зато центральноевропейская фибула типа Висбаден, найденная в некрополе Ивердон-ле-Байн [Steiner, Menna, 2000. P. 155–160], принадлежит, исходя из ее хронологии, первой волне бургундов.

[16] Бургундская, по крайней мере, атрибуция этих памятников, в частности некрополя Каль, представляется весьма вероятной, поскольку в погребальном обряде (трупосожжения) эти памятники близки силезским некрополям типа Добродзень [Teichner, 1995. P. 76–79]. Как известно, бургунды пришли на Запад с территории современной Польши.

[17] У авторов V–VI вв. (в частности, у Приска, Прокопия, Менандра) этот этноним подразумевал степных кочевников, в первую очередь гуннов, или, в более общем смысле, всех восточноевропейских варваров.

Библиография

Абрамова М.П. Раннесредневековый могильник у с. Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986. С. 49–71.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимодействия в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004. С. 168–202.

Балабанова М.А. О древних макрокефалах Восточной Европы // Opus: Междисциплинарные исследования в археологии. 2004. Вып. 3. С. 171–187.

Батиева Е.Ф. Новые данные по антропологии некрополя Танаиса // Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001. С. 223–260.

Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1949 и 1940 гг. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Вып. I. М., 1951. С. 189–249. (МИА. № 19).

Громов А.В. Теменная и затылочно-теменная деформация у древнего населения среднеенисейских степей: морфология и обряд // Opus: Междисциплинарные исследования в археологии. 2004. Вып. 3. С. 162–170.

Дремов В.А. Обычай искусственной деформации головы у древних племен Западной Сибири и его происхождение // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977. С. 99–110.

Жиров Е.В. Об искусственной деформации головы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1940. Вып. 8. С. 81–88.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.

Зубарь В.Н. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические заметки. М., 2001. С. 138–161.

Киши А. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С. 79–101.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Левина Л.М. Памятники джеты-асарской культуры середины первого тысячелетия до н.э. – середины первого тысячелетия н.э. // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 61–73.

Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990.
Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 120–173.
Мастыкова А.В. Халцедоновые бусы эллипсоидной формы эпохи раннего средневековья: распространение, датировка, социальная атрибуция // Российская археология. 2001. № 2. С. 23–37.
Мастыкова А.В., Казанский М.М. О происхождении «княжеского» костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом Музее. М., 2003. Ч. II. С. 75–79.
Минаева Т.М. Отчет о раскопках в Черкесской Автономной области в 1953 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 794.
Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 222–234.
Пежемский Д.В. Информативность скелетных остатков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая Бухта) // Российская археология. 2000. № 4. С. 64–76.
Фирштейн Д.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн Д.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970. С. 69–201.
Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1909. Вып. 30. С. 1–50.
Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach, 1998.
*Baud Ch.-A. L*es caractères dentaires mongoloïdes chez lez Burgondes // Les Burgondes, apports de l'archéologie. Dijon, 1995. P. 217–219.
Bona I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles. Paris, 2002.
Buchet L. La déformation crânienne en Gaule et dans les régions limitrophes pendant le haut Moyen Age // Archéologie Médiévale. 1988. Vol. 18. P. 55–71.
Burgondes, Alamans, Francs et Romains. Besançon, 2003.
Castex D., Depierre G., Maurelle B. Population indigène, population allogène à Beaune (Côte-d'Or) aux Ve–VIe siècles // Les Burgondes, apports de l'archéologie. Dijon, 1995. P. 167–184.
Damm I. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzenmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vo- und Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65–210.
Demougeot E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. 2.2. Paris, 1979.
Escher K. Objets mobiliers du Ve siècle découverts sur le territoire du deuxième royaume burgonde // Burgondes, Alamans, Francs et Romains. Besançon, 2003. P. 41–49.
Gaillard de Semainville H. et al. Un cas de déformation crânienne artificielle à Briord (Ain). L'implantation burgonde au Ve s. // La Physiophile. 1978. No. 54/88. P. 43–50.
Gaillard de Sémainville H., Sapin C., Maranski D. Les découvertes de Beaune (Côte-d'Or): des Burgondes en Burgondie? // Les Burgondes, apports de l'archéologie. Dijon, 1995. P. 143–165.
Gaillard de Semainville H. A propos de l'implantation des Burgondes. Réflexions, hypothèses et perspectives // Burgondes, Alamans, Francs et Romains. Besançon, 2003. P. 17–39.
Glaser F. Künstliche Schädeldeformation in Kärnten // Archaeologia Austiraca. 2000–2001. No. 84–85. P. 291–294.
Heinrich A. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Mitterhof, GB Laa an der Thaya, Niederösterreich // Archaeologia Austiraca. 1990. No. 74. P. 85–104.
Heintz G.F. Observations archéologiques à Dachstein de 1957 à 1972 // Cahiers Alsaciens d'Archéologie, d'Art et d'Histoire. 1974. Vol. 18. P. 51–62.
Jannet M. Boucle d'oreille // Premiers temps chrétiens en Gaule méridionale. Antiquité tardvie et Haut Moyen Age, IIIe–VIIIème siècles. Lyon, 1986. P. 92.
Kazanski M. A propos de l'apparition de la coutume de la déformation crânienne artificielle chez les tribus germaniques de la Gaule // Bulletin de liaison de l'Association française d'Archéologie mérovingienne. Paris, 1980. P. 85–88.
Kazanski M. La diffusion de la mode danubienne en Gaule (fin du IVe siècle – début du VIe siècle): essai d'interprétation historique // Antiquités Nationales. 1989. Vol. 21. P. 59–73.
Kazanski M. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, lec problème dec l'indentification ethnique // L'identité des populations archéologiques. Sophia Anitpolis, 1996. P. 109–126.
Kazanski M. La Gaule et le Danube à l'époque des Grandes Migrations // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997. S. 285–319.
Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno, 2002. S. 159–194.
Les Burgondes, apports de l'archéologie. Dijon, 1995.
Marti R. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Saint-Sulpice VD. Lausanne, 1990.
Marti R. Minderheit mit Machtfunktion // Archäologie in Deutschland. 1994. Bd. 4. S. 28–33.
Marti R. L'installation des Burgondes en Sapaudia. L'exemple du cimetière de Saint-Sulpice, canton de Vaud, Suisse // Les Burgondes, apports de l'archéologie. Dijon, 1995. P. 129–142.
Martin M. Le Haut Moyen Age // Peuples et archéologie. Bâle, 1990. P. 188–213.
Martin M. Les Burgondes et l'archéologie hier et aujourd'hui // Les Burgondes, apports de l'archéologie. Dijon, 1995. P. 31–44.
Martin M. «Mixti Amamannus Suevi»? Der Betrag der alamannischen Gräberfelder am Basler Rheinknie // Probleme der Frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno, 2002. P. 195–223.
Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1994–1995. Vol. 26/27. P. 140–191.
Perrin O. Les Burgondes. Neuchâtel, 1968.
Pilet C. La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay, Calvados. Paris, 1994.
Pilet C., Buchet L., Kazanski M. Dernières vestiges culturels des «peuples barbares». La mode danubienne // Pilet C. La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay, Calvados. Paris, 1994. P. 96–111.
Privati B. La nécropole de Sézegnin (IVe–VIIIe siècle). Genève-Paris, 1983.
Schröter P. Zur beabsichtigen künstlischen Kopfumforung im völkerwanderungszeitlichen Mitteleuropa // Die Bajuwaren. Von Severin bis Tassilo 488–788. Munich, 1988. S. 258–265.
Simon C. La déformation crânienne artificielle // Archéologie du Moyen Age. Le canton de Vaud du Ve au XVe siècle. Lausanne, 1994. P. 33.
Simon C. La déformation crânienne artificielle dans le bassin du Léman : état de la question // Les Burgondes, apports de l'archéologie. Dijon, 1995. P. 205–215.
Steiner L. Les nécropoles d'Yverdon et de La Tour-de-Peilz (canton de Vaud, Suisse). Gallo-Romains, Burgondes et Francs en Suisse occidentale // Burgondes, Alamans, Francs et Romains. Besançon, 2003. P. 181–189.
Steiner L., Menna F. La nécropole du Pré de la Cure à Yverdon-les-Bains (IVe–VIIe s. ap. J.-C.). Lausanne, 2000.
Teichner F. Nouveaux indices sur la présence de peuples germaniques orientaux en «Mainfranken» // Les Burgondes, apports de l'archéologie. Dijon, 1995. P. 73–82.
Teichner F. Kahl a. Main. Siedlung und Gräberfeld der Völkerwanderngszeit. Kallmünz, 1999.
Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austraica. 1988. No. 72. P. 223–304.
Tejral J. Neue Aspecte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Sspätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997. S. 321–392.
Tejral J. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen à la lumière des données archéologiques // Antiquités Nationales. 1997a. Vol. 29. P. 137–166.
Tejral J. Die spätantiken militärischen Eliten biederseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde // Germanen beiderseits des Spätantiken Limes. Cologne, Brno, 1999. P. 217–292.
Tejral J. Neue Erkenntnisse zur Frage der donauländisch-ostgermanischen Krieger-beziehungsweise Männergräber des 5. Jahrhunderts // Fundberichte aus Österreich. 2002. Bd. 41. S. 496–524.
Toulze P., Toulze R. Recherches archéologiques à Routier (Aude) // Bulletin de la société d'études scientifiques de l'Aude. 1983. Vol. 36. P. 51–64.
Vallet F., Kazanski M., de Pirey D. Eléments étrangers en Burgondie dans la deuxième moitié du Ve siècle // Les Burgondes, apports de l'archéologie. Dijon, 1995. P. 111–127.
Vidal M. La nécropole mérovingienne de Rivel à Venerque (Haute-Garonne). Synthèse des résultats // Gallo-Romains, Wisigoths et Francs en Aquitaine, Septimanie et Espagne. Rouen, 1991. P. 189–203.
Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. Munich, 1956.
Werner J. Zur Verbreitung frühmittelaltelicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wanderhandwerk-Handel-Familienverbindung) // Early Medieval Studies. Vol. 1. Stockholm, 1970. P. 65–81. (Antikvarskt Arkiv. 38).

СОДЕРЖАНИЕ

ОРУЖИЕ, КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ, ВОИНСКАЯ ЭКИПИРОВКА

К истории парадного клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на Северном Кавказе: кинжал и скрамасакс — 3
О происхождении скрамасакса — 6
Боевой нож с орлиноголовой рукоятью с Боспора Киммерийского — 16
О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы — 18
«Парадные» мечи эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском — 25
Ранневизантийский палаш с кольцевым навершием из Царичен-Града (*Ivstiniana Prima*) в Южной Сербии и его степные параллели — 36
Два вида портупей в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов — 42
Гелон с косой: о древковом оружии эпохи переселения народов —
Погребения со щитом в Северном и Восточном Причерноморье в позднеантичное время: истоки обряда — 46
О шлемах Боспора Киммерийского ранневизантийского времени: традиция или инновация — 52
Ранневизантийские шлемы типа Балденхейм в Поднепровье — 59
Элементы конского снаряжения постгуннского времени на Северном Кавказе и их параллели на окраинах степи — 63
Элементы декора конской сбруи из Алтынказгана на Мангышлаке и их ранневизантийские параллели — 73
Степные традиции в славянском вооружении и конском снаряжении — 76
Византийские «воинские» пояса в Среднем Поднепровье (VI–VII вв.) — 83

СТЕПЬ

Кишпек, Экажево и Варпелев: к вопросу о понто-скандинавских связях в позднеримское время — 93
Ранние погребения гуннов в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае — 100
Гуннские погребения в античных склепах и свидетельство Аммиана Марцелина — 106
Два погребения Аттилы: археологические реалии — 109
Погребения и «поминальники» воинских предводителей постгуннского времени в понтийских степях — 117
Оногуры в постгуннское время на Дону — 125
Приазовские хунугуры, меховая торговля и водные пути — 131
Хронологические индикаторы степных древностей постгуннского времени в Восточной Европе — 135
Морской Чулек – Шамси – Аржан Бугузун: миграции степных кочевников в постгуннское время и «княжеская» культура — 144
О «кочевнических юртах» на памятниках оседлого населения лесостепи (V–VIII вв.) — 152

ОСЕДЛЫЕ ВАРВАРЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры — 161
Апокрифические ранневизантийские украшения в стиле перегородчатой инкрустации из Ольвии — 172
Пальчатые фибулы типа Арчар-Истрия на Дунае и в Крыму — 176

ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов — 182
Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II–VII вв.) и возможности социальной реконструкции — 195

ДУНАЙ

Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст — 205
Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция — 216
Погребения лучников гуннского времени в Северном Иллирикуме — 242
Ранневизантийский орел из Концешт: о возможной идентификации — 428
Эстии и Аттила: о контактах населения самбийско-натангийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время — 251

КРЫМ

Пути проникновения готов на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. — 264
Готы, Боспор Киммерийский и Империя в IV веке — 274
Готы на Боспоре — 279
Воинские погребения боспорской знати постгуннского периода (вторая половина V – первая половина VI в.) — 286

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ВАРВАРЫ НА ЗАПАДЕ

Радагайс и конец черняховской культуры — 292
Аланы на Западе в эпоху переселения народов: археологические данные — 303
Вандалы, свевы и аланы на римском Западе в эпоху Великого переселения народов по археологическим данным — 313
Об искусственной деформации черепа у бургундов в эпоху Великого переселения народов — 323

Научное издание

ВАРВАРЫ НА ГРАНИЦАХ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Сборник статей **М. М. Казанского**

Техн., художественный редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *Е. С. Смоленцева*

Подписано в печать 07.11.2023
Выход в свет: 30.11.2023
Формат 60x84 $^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 35.34
Тираж 200 экз.

ISBN 978-5-6050389-4-8

Типография ООО «Типография Мандарин»
295001, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Коммунальная, д. 33, помещ. 1
Тел.: +7 978 758-28-31, e-mail: mandarin.print@mail.ru

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

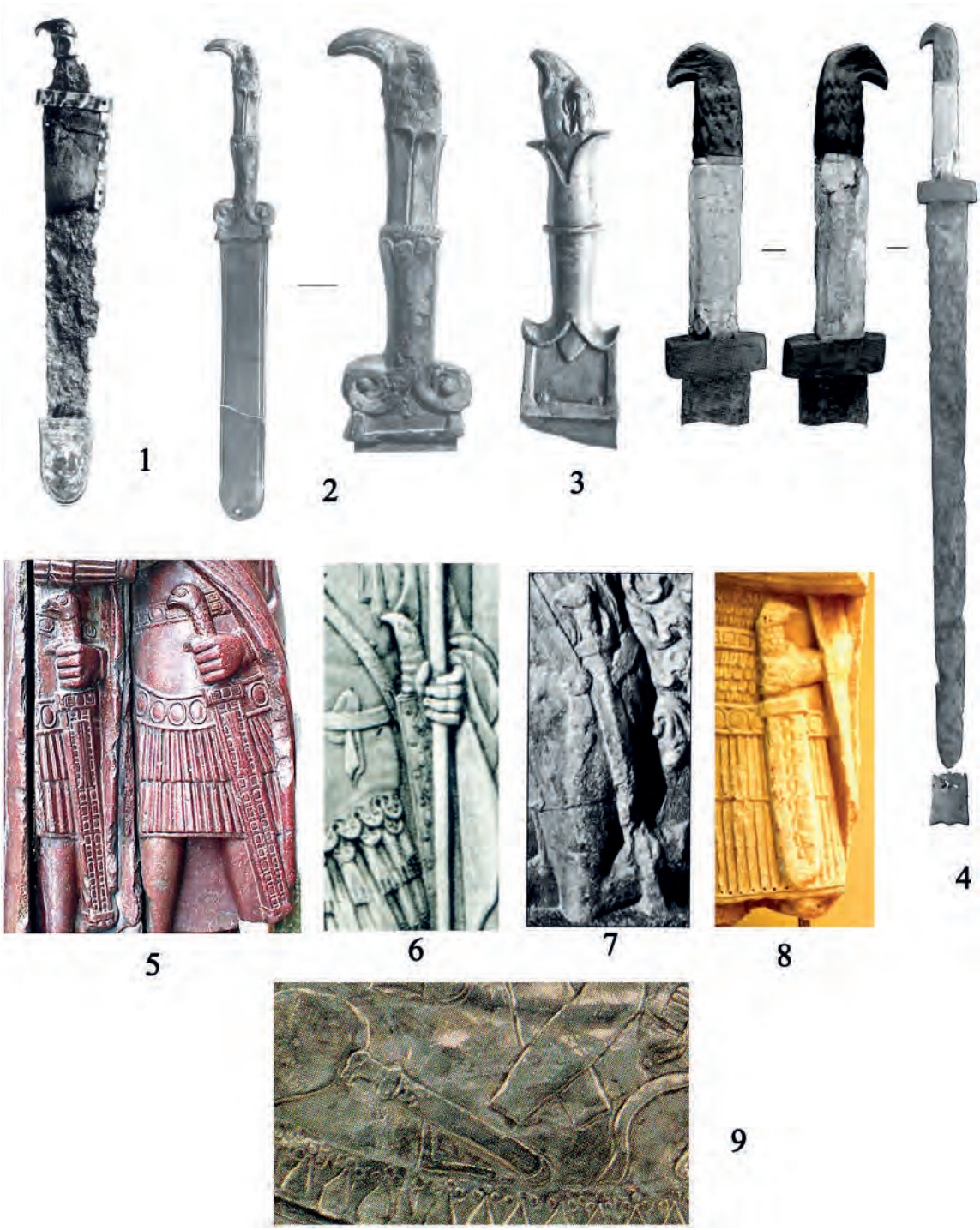


Табл. 1. Мечи с рукоятью, украшенной головой орла
1 – Боспор Киммерийский; 2 – Мюрхардт; 3 – Райнау-Далкинген; 4 – происхождение неизвестно, частная коллекция; 5 – статуя тетрархов, Венеция; 6 – консульский диптих Проба Аниция; 7 – Бишапур, изображение императора Валериана; 8 – Константинополь / Стамбул-Едикуле (Стамбул, Археологический музей, № 1094E); 9 – Авиньон, «чаша Брисеиды»
1 – [по: Fremersdorf, 1953. Taf. 17,D687]; 2, 3 – [по: Filtzinger et al., 2007. Abb. 305. Taf. 15,c]; 4, 7 – [по: Miks, 2007. Abb. 33,A. Taf. 67,A203; 336,D]; 5 – фото А.В. Мастыковой; 6 – [по: Grabar, 1966. Fig. 329]; 8 – фото М.М. Казанского; 9 – [по: A l'aube de France, 1981. N° 51. Fig. 28]

Табл. 2. Волниковка.
[по: Радюш 2014, с. 223-233, илл. XXIII]

О ДВУХ ТРАДИЦИЯХ ДЕКОРА КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Табл. 3. Волниковка.
[по: Радюш 2014, с. 223-233, илл. XXII]

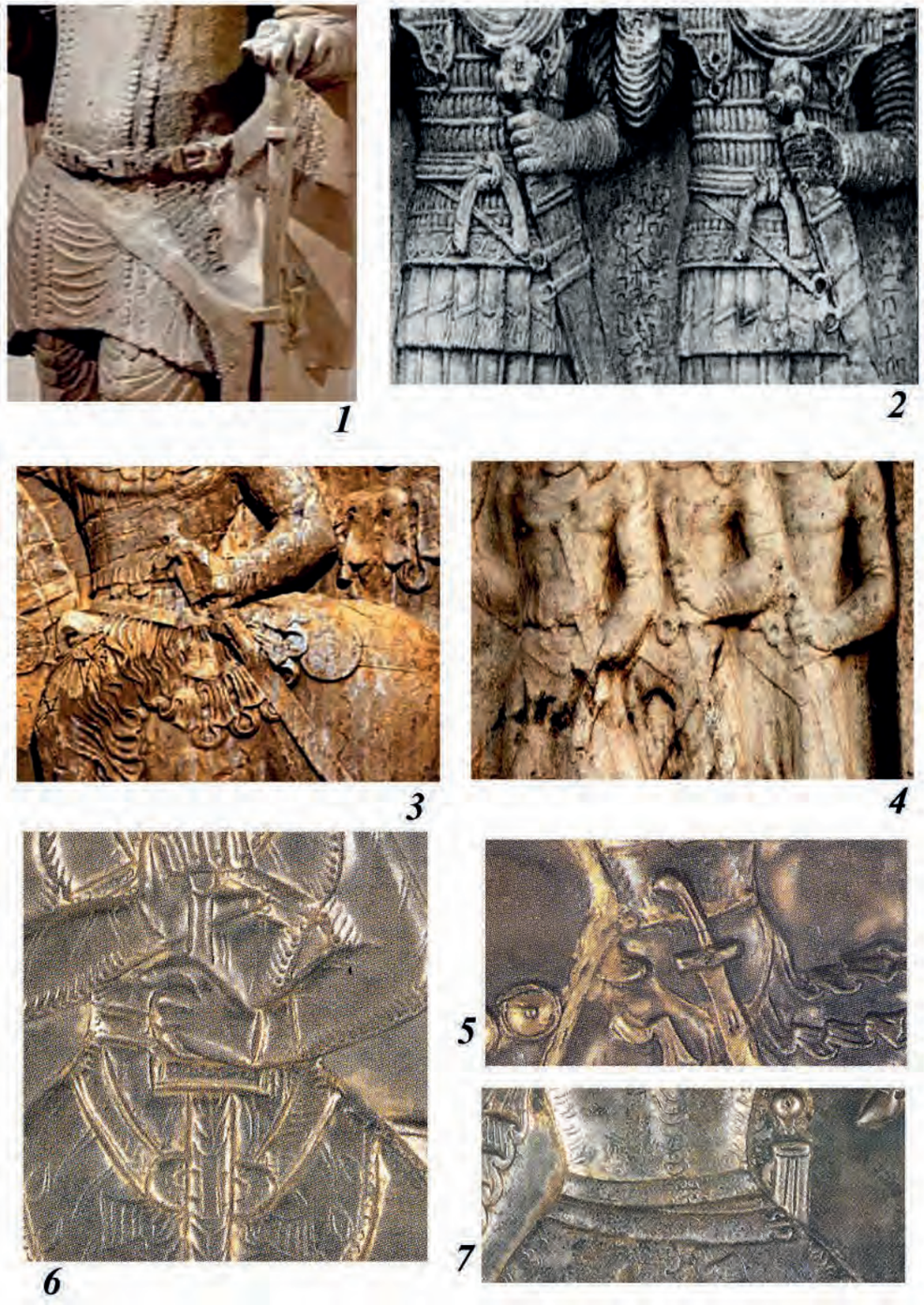


Табл. 4. «Иранские» портупеи
1 – Хатра; 2 – Пальмира; 3 – Накш-и-Рустам; 4 – Бишапур; 5 – Турушева; 6 – Стрелка; 7 – Большая Аниковская
1 – по: https:// brewminate.com/ancient-partian-warfare; 2 – [по: Miks, 2007. Taf. 304,A];
3 – по: https://www.livius.org/pictures/iran/naqs-e-rustam/naqs-e-rustam-relief-of-shapur-i/naqs-e-rustam-relief-of-shapur-i/; 4 – по: https://www.livius.org/pictures/iran/bishapur/bishapur-relief-2/bishapur-relief-2-infantry-2/;
5–7 – [по: Splendeur des Sassanides, 1993. N° 52; 61; 60]

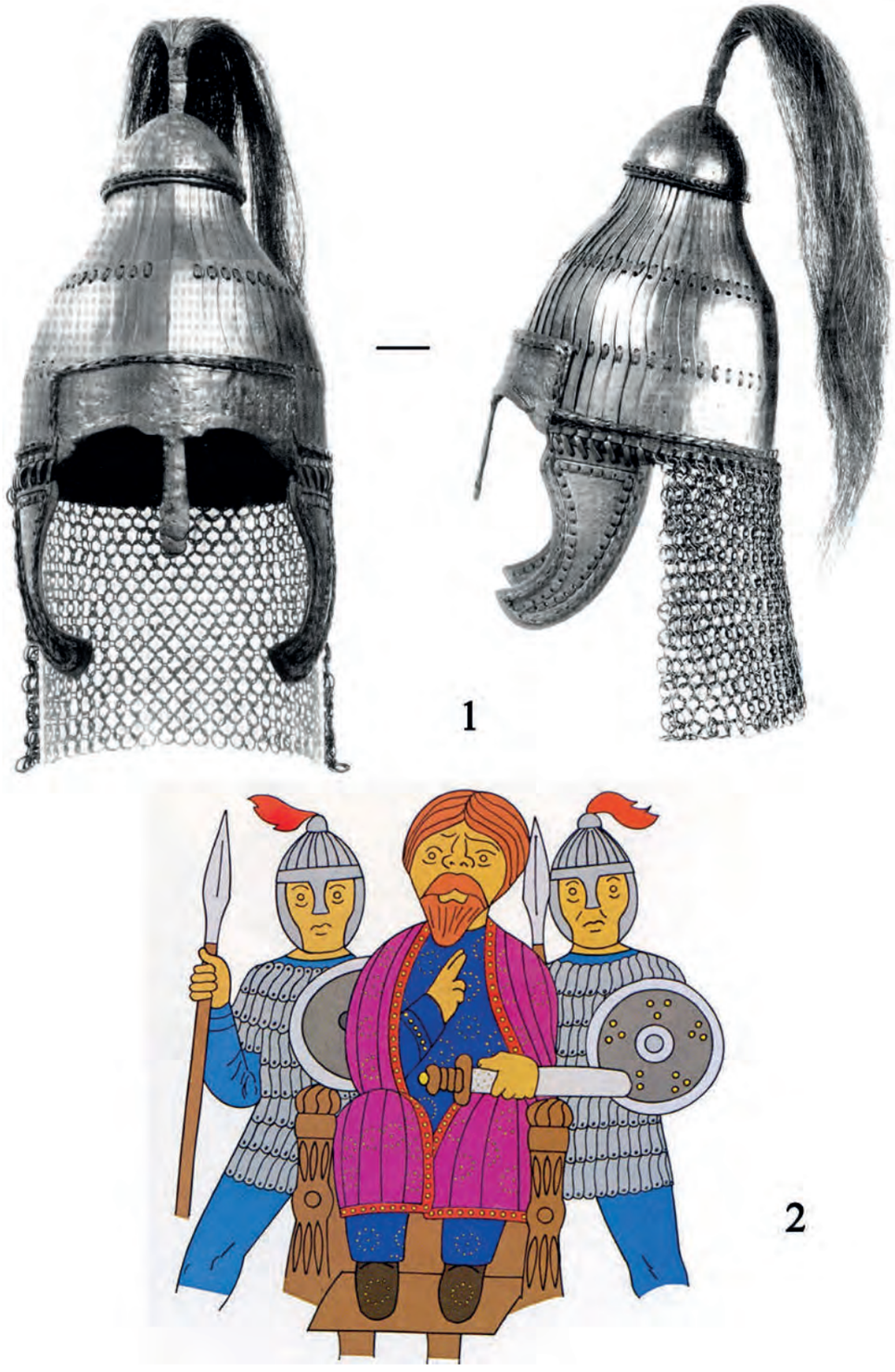


Табл. 5. Ламеллярные шлемы и их изображения в Западной Европе
1 – Нидерштотцинген; 2 – изображение лангобардского короля Агилльфа из Валб ди Ниеволе (Val di Nievole);
1 – [по: Paulsen, 1967. S. 133–139, Taf. 64, 65]; 2 – [по: Menghin, 1985. Taf. 26]

Табл. 6. Ламеллярные шлемы римского времени из Волго-Уральского региона
1 – Андреевский курган, погр. 50; 2 – Кипчаковский могильник I, раскоп I, погр. 56; 3 – Пильнинкий могильник I
[по: Зубов, Радюш, 2014. Рис. 1]

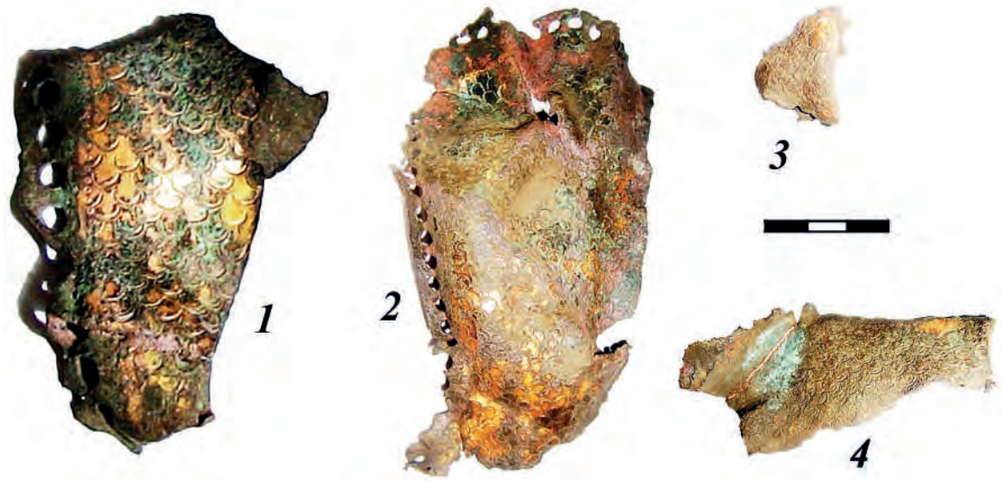


Табл. 7. Болдыжский Лес/Навля
Фото О.А. Радюша

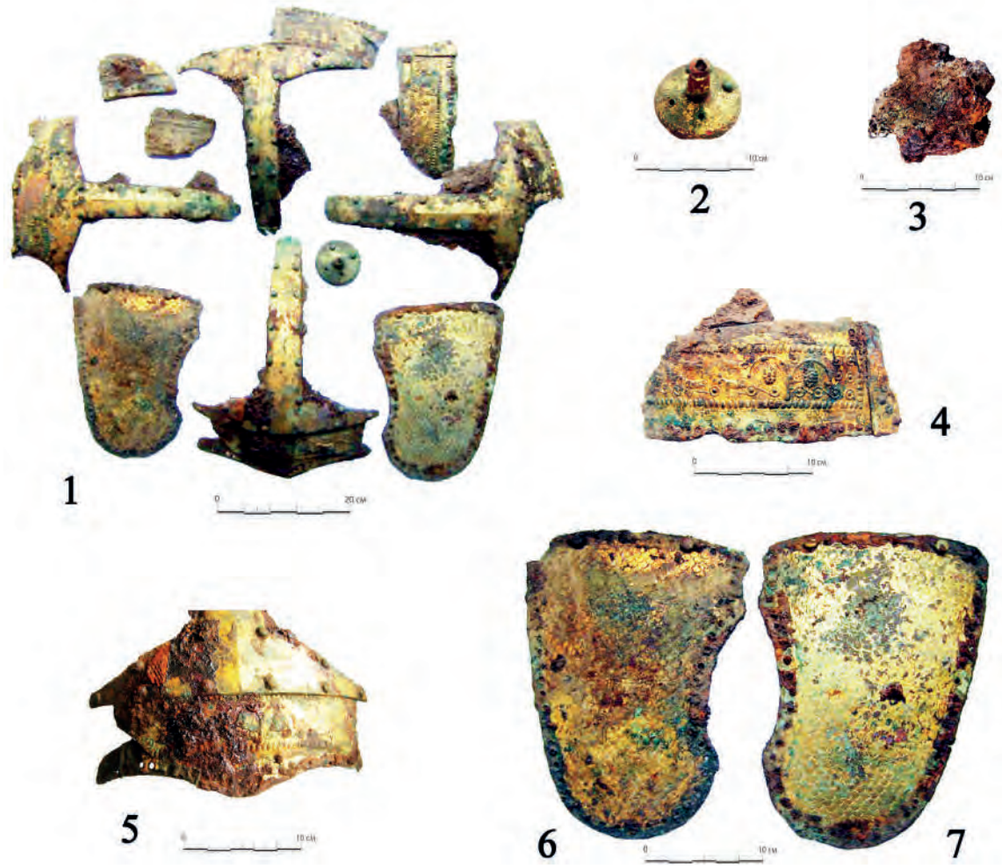


Табл. 8. Черкасская область
Фото О.А. Радюша

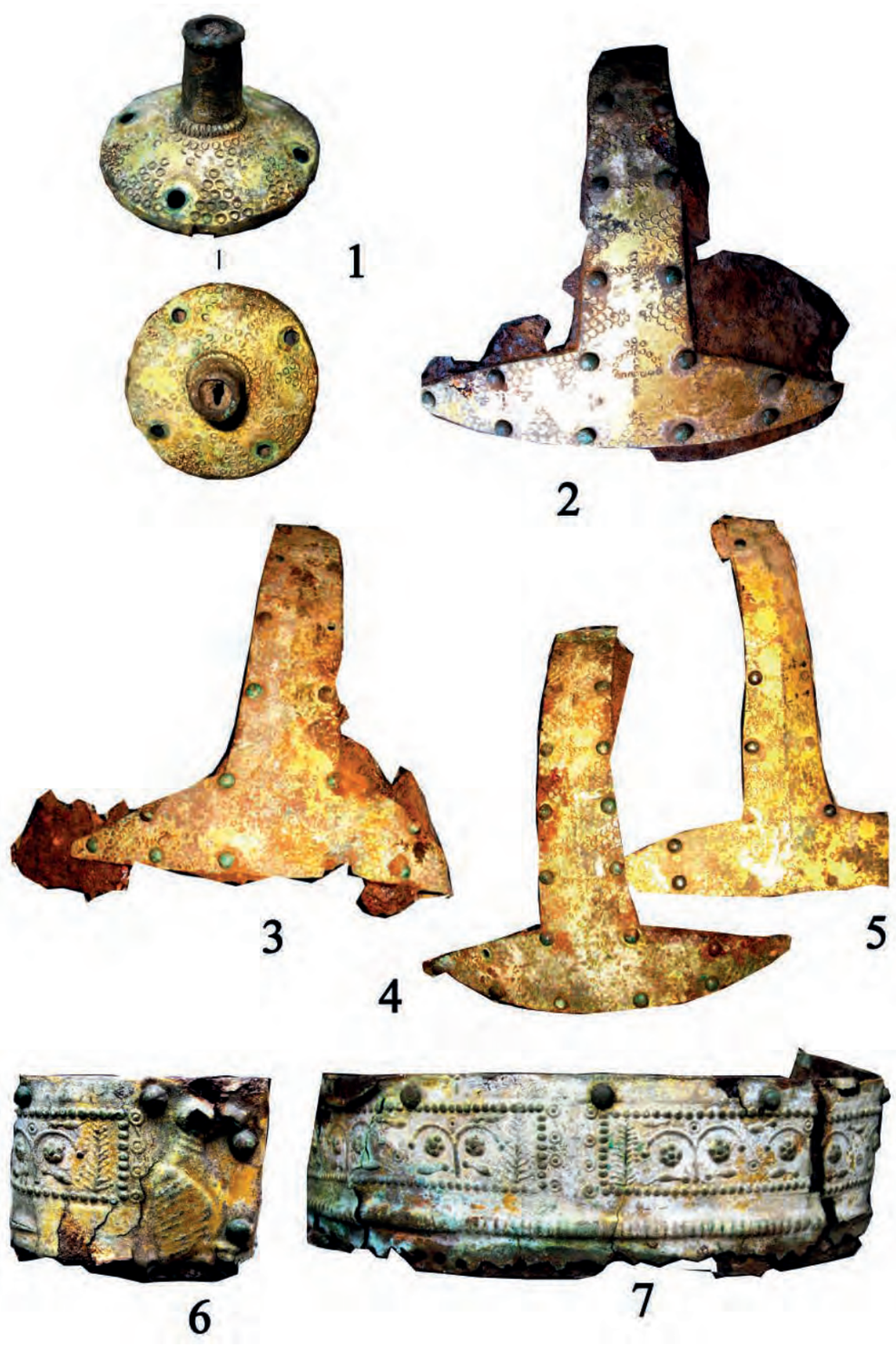


Табл. 9. Климовский район
Фото О.А. Радюша

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ШЛЕМЫ ТИПА БАЛДЕНХЕЙМ В ПОДНЕПРОВЬЕ

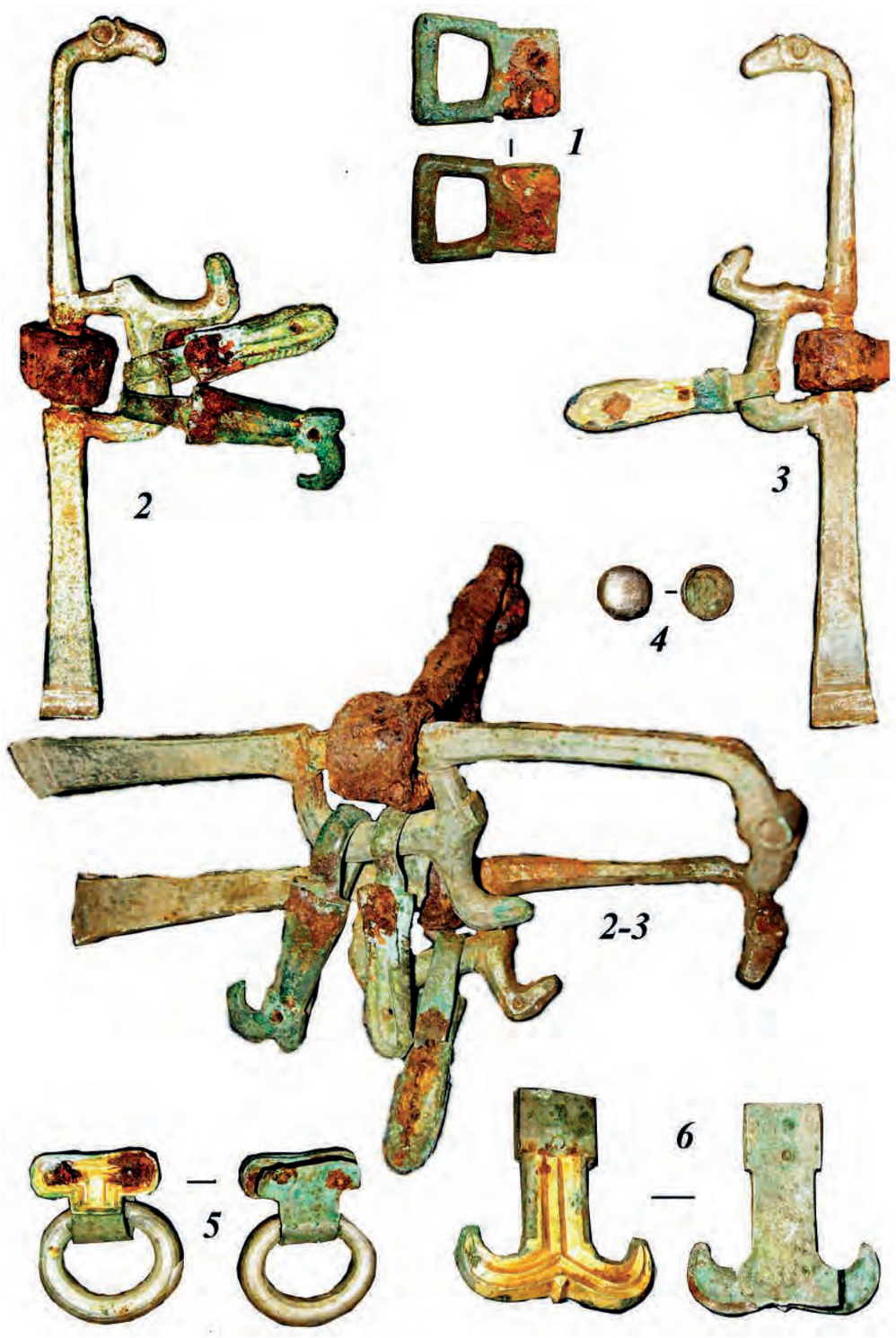


Табл. 10. Климовский район
Фото О.А. Радюша

**Табл. 11. Ялпуг. Сохранившаяся часть предметов из находки.
Фото О. К. Савельева**

ЭЛЕМЕНТЫ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ НА ОКРАИНАХ СТЕПИ

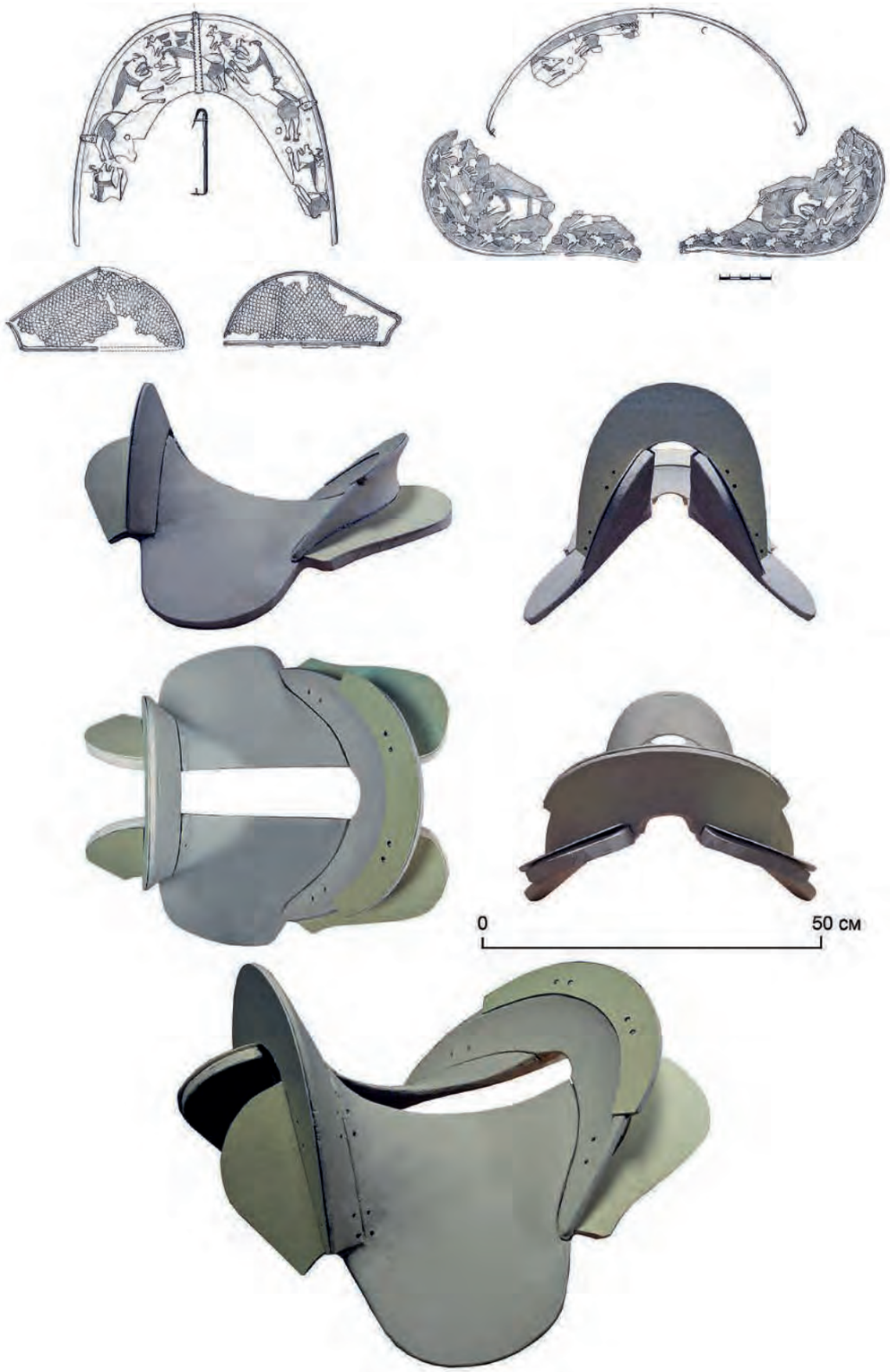


**Табл. 12. Алтынказган. Реконструкция седла.
[по: Астафьев 2023, с. 22-25, рис. 1-3]**

Табл. 13. Варпелев.
[по: Grane, 2010, Fig. 10].

Табл. 14. Седла с деревянной основой
1 – Мундольсхейм (реконструкция); 2 – Галиат
1 – [по: Kazanski, 1990. Рис. на с. 53]; 2 – [по: Габуев, 2005. № 114]

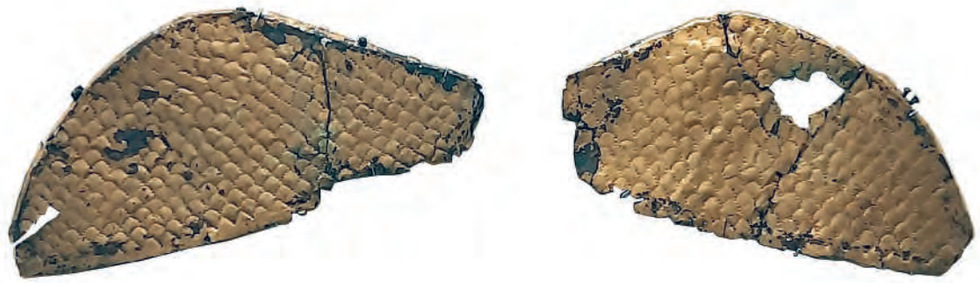


**Табл. 15. Ольвия. Накладки на седло.
Фото А.В. Мастыковой**

ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ГОТОВ НА БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ

**Табл. 16. Нюдам. Корабль.
Museum für Archäologie, Schloss Gottorf. Фото А.В. Мастыковой**

**Табл. 17. Шамси. Элементы конского убора.
[по: Памятники культуры и искусства Киргизии, 1983. Кат. № 190, 193, 162, 195, 163, 172-178]**

Табл. 18. Синявка. Мужское погребение.
[по: Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. Табл. 95]

Табл. 19. Ольвия. Пряжка.
[по: Kazanski, 2023. P. 102-108. Fig. 5]

Табл. 20. Вещи постгуннского времени с декором малыми гранатами по бордюру
1 – Крань, погр. 12/2009; 2 – Рюдерн; 3–6, 11, 13 – Арахида, погр. II; 7 – Десана; 8, 9, 12–18 – Турнэ, погр. Хильдерика; 10 – Арахида, погр. I; 19 – Гурдон
1 – [по: Tica, 2021. Fig. 7]; 2 – [по: Steuer, 1997. Abb. 148]; 3–6, 10, 11, 13 – [по: L'Or des princes barbares, 2000. N° 29,3,5,6,9,7,10,14; 30,7]; 7 – [по: Aimone, 2008. Cat. IV.35b]; 8, 9, 12–18 – [по: Quast, 2015. Taf. 9,10,17,18]; 19 – [по: Wood, 2008. Cat. IV.15]

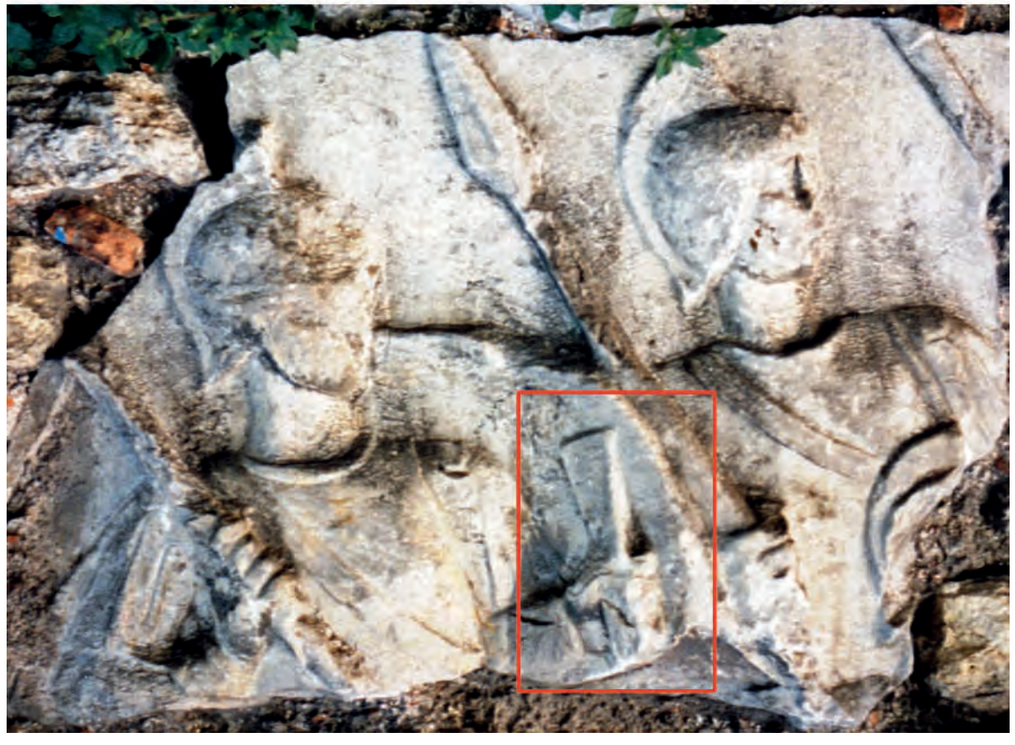


Табл. 21. Форум Феодосия. Изображения римских воинов с элементами вооружения
Фото М. Казанского

Табл. 22. «Княжеские» находки гуннского времени из бассейна р. Суджи
[по: Kazanski, 2006, S. 101- 103. Taf. 2:b]

Табл. 23. Нежин. Фибула
[по: Kazanski, 1989. P. 414- 419. Pl. I]

Табл. 24. Петросса. Блюдо и кувшин
[по: Harhoiu, 2000. Fig. 4, 5]

Табл. 25. Петросса. Блюдо и кувшин [по: Harhoiu, Gora, 2000. Fig. 4, 5].
Подпись разместить вертикально, под таблицей

Табл. 26. Вещи из погребения Концешты [по: Harhoiu, 1998; Залесская 2006]

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В КОНЦЕШТАХ...

Табл. 27. Шлем из погребения Концешты [по: Harhoiu, 1998; Залесская 2006]

Табл. 28. Складной стул из погребения Концешты [по: Harhoiu, 1998; Залесская 2006]

Табл. 29. Амфора из погребения Концешты [по: Harhoiu, 1998; Залесская 2006]

Табл. 30. Ситула из погребения Концешты [по: Harhoiu, 1998]

Тал. 31. Блюдо из погребения Концешты [по: Harhoiu, 1998]

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ОРЕЛ ИЗ КОНЦЕШТ: О ВОЗМОЖНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Табл. 32. Некоторые птицевидные украшения с декором в виде перегородчатой инкрустации
1–3 – Концешти (2 – публиковалось как Керчь; 3 – публиковалось как «Южная Россия»);
4 – Лавиньи; 5 – Мартере; 6 – Чивидале; 7 – Роммерсхейм
1 – [по: Фурасьев, Шаблавина, 2019. Илл. 100]; 2–7 – [по: Казанский, 2014. Рис. 12]

Табл. 33. Изображения птиц в инкрустационном декоре эпохи Великого переселения народов
1 – Концешти; 2 – Сегед-Надьсекшош; 3, 7, 9 – Апахида, погр. 2; 4 – Керчь, склеп 163.1904 г.; 5 – Тамань, курганное погр. 1912 г.; 6 – Керчь, контекст находки неизвестен; 8 – Петросса; 10 – Былым-Кудинетово
1, 4–6 – [по: Эпоха меровингов, 2007. Кат. I.5.1, I.9.7.1, I.15, I.34.5]; 2 – [по: Kürti, 1897. Taf. 5,III,3–47];
3, 7, 9 – [по: L'Or des princes barbares, 2000. Cat. N° 29,3,26,29]; 8 – фото Р. Хархою; 10 – фото А.В. Мастыковой

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ОРЕЛ ИЗ КОНЦЕШТ:
О ВОЗМОЖНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Табл. 34. Орел в позднеримской военной и властной символике
1 – статуя тетрархов, Венеция; 2 – изображения декора щитов в Notitia Dignitatum;
3 – консульский диптих Магнуса; 4 – консульский диптих Ареобинда;
5 – консульский диптих Проба Аниция
1 – фото А.В. Мастыковой; 2 – [по: L'Or des princes barbares, 2000. P. 22, 25.
Fol. 110, verso, 74 verso]; 3–5 – [по: Grabar, 1966. Fig. 326; 320; 329]

Табл. 35. Находки из Керчи.
1, 2, 4, 5 – вне контекста; 3 – погр. 163.1904 г.
1–4 – [по: Menghin, 2007. I.15; I.9.7.1; I.13; I.15.4], 5 – [по: Damm, 1988. Abb. 194, 195]

Табл. 36. Тамань, погр. 1912 г. [по: Menghin, 2007. I.34.5]

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ БОСПОРСКОЙ ЗНАТИ ПОСТГУННСКОГО ПЕРИОДА

Табл. 37. Джурга-Оба, погр 40. Находки [по: Ermolin, 2012. Fig. 5]

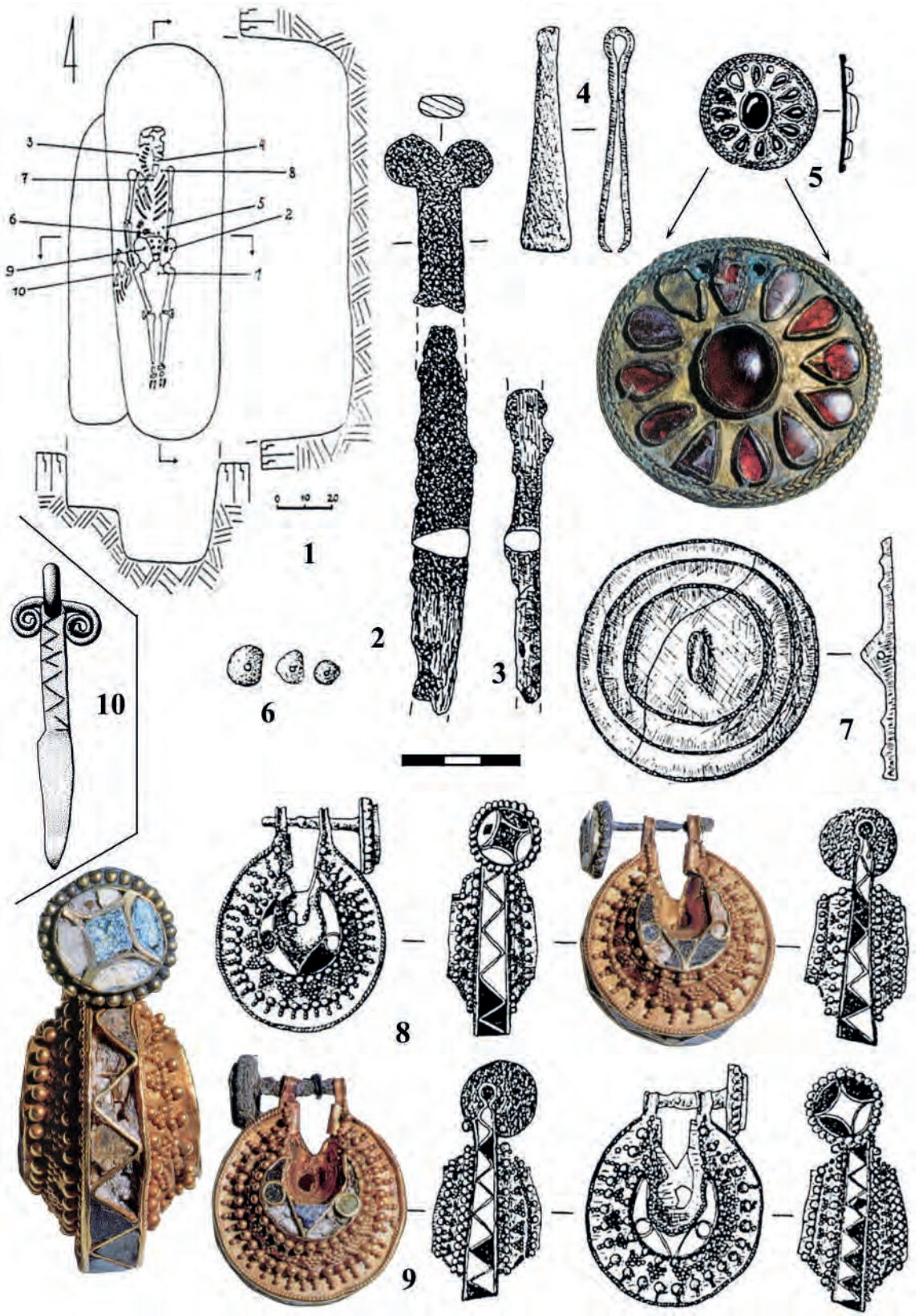


Табл. 38. Погребение в Новопокровке (1–9) и миниатюрная подвеска-нож из Шимлеу Силванией (10)
1–9 – [по: Гаврилов, 1996. Рис. 2]; 10 – [по: Capelle, 1994. Fig. 22]